РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Сравнительно-историческая ГРАММАТИКА ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

ПРАТЮРКСКИЙ ЯЗЫК-ОСНОВА

*

КАРТИНА МИРА ПРАТЮРКСКОГО ЭТНОСА ПО ДАННЫМ ЯЗЫКА

НАУКА

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Сравнительно-историческая ГРАММАТИКА ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

ПРАТЮРКСКИЙ ЯЗЫК-ОСНОВА

*

КАРТИНА МИРА ПРАТЮРКСКОГО ЭТНОСА ПО ДАННЫМ ЯЗЫКА

Ответственные редакторы
член-корреспондент РАН
Э. Р. ТЕНИШЕВ
доктор филологических наук
А. В. ДЫБО

МОСКВА НАУКА 2006

УДК 811.512
ББК 81.2
С 75

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) проект 04-04-16116д

Авторы:

Э.Р.Тенишев, Г.Ф.Благова, И.Г.Добродомов, А.В.Дыбо, И.В.Кормушин, О.А.Мудрак, К.М.Мусаев, Д.М.Насилов, Ю.В.Норманская, Р.А.Тадинова, З.Н.Экба

Редактор тома *Е.А.Поцелуевский*

Редакционная коллегия:

А.В.Дыбо (отв. редактор), *И.В.Кормушин, К.М.Мусаев, Е.А.Поцелуевский, Э.Р.Тенишев* (отв. редактор)

Рецензенты:

доктор филологических наук *В.М.Алпатов*,
доктор филологических наук *Ю.В.Щека*

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / [отв. ред. Э.Р.Тенишев, А.В.Дыбо]. – М.: Наука, 2006. – 908 с. – ISBN 5-02-032710-7 (в пер.).

Монография представляет собой шестую, заключительную, книгу коллективного труда «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков». В ней дан очерк реконструированной фонетики и морфологии пратюркского языкового состояния, а также рассмотрен ряд лексических областей, важных в этнокультурном отношении, и сделана попытка свести между собой датировки распада тюркской семьи языков на отдельные языковые подгруппы, полученные различными методами, в частности с помощью анализа контактных явлений.

Для тюркологов и алтаистов-компаративистов, этнолингвистов, историков, археологов.

ТП-2004-I-№247

Comparative Grammar of Turkic Languages. The Proto-Turkic basic language. The World Picture of the Proto-Turkic ethnos (by language data).

The book is the sixth volume of collective work «Comparative Grammar of Turkic Languages». It contains an outlook of the reconstructed phonetics and morphology in the Proto-Turkic language and an investigation of a number of lexical fields that are ethnoculturally important. There also an attempt exists to accord the dating of the Turkic language divergence made by different methods, particularly by the help of early loans.

For specialists in Turcology, Altaic studies, comparative and general linguistics.

ISBN 5-02-032710-7

© Институт языкознания РАН, 2006
© Редакционно-издательское оформление. Издательство «Наука», 2006

ПРЕДИСЛОВИЕ

Перед вами завершающий том коллективного труда «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков». Предыдущие пять томов – «Фонетика» (М., 1984), «Морфология» (М., 1988), «Синтаксис» (М.,1986); «Лексика» (М., 1997 и М., 2001) и «Региональные реконструкции» (М., 2002). Издание было задумано Эдхямом Рахимовичем Тенишевым, руководителем Отдела урало-алтайских языков Института языкознания РАН, и осуществлялось под его руководством сотрудниками Отдела и другими отечественными учеными. К сожалению, безвременная кончина не позволила Э.Р.Тенишеву увидеть последний том издания вышедшим в свет.

В первых четырех томах, посвященных реконструкции отдельных уровней тюркского праязыка, в основном были восстановлены фрагменты языковой системы пратюркского языка периода его распада и с помощью методов внутренней реконструкции построен ряд гипотез о предыдущем состоянии. Пятый том работы (Региональные реконструкции) представляет уточненные разработки по реконструкции прасостояний отдельных тюркских групп, учитывающие, в частности, диалектные материалы и опирающиеся на общее представление о пратюркском состоянии, полученное в результате предшествующей работы. В настоящем томе мы возвращаемся к уточнению реконструкции пратюркского состояния на основе более подробных ступенчатых реконструкций и углублению реконструкции на состояние, предшествующее распаду, с помощью внутренней реконструкции и представления об общеалтайском языковом состоянии. Кроме того, на основании грамматических и лексических данных реконструирована в общих чертах языковая картина мира пратюрка – опыт совершенно новый в сравнительно-историческом языкознании, представляющий значительный методологический интерес.

Работа по разделам велась следующими сотрудниками:

1. Предисловие – А.В.Дыбо.

2. Введение – Э.Р.Тенишев.

3. Пратюркский язык-основа. Фонетика – А.В.Дыбо, О.А.Мудрак; Имя – А.В.Дыбо; Глагол – И.В.Кормушин (К реконструкции грамматических категорий глагола), Д.М.Насилов (К реконструкции деривационных категорий глагола); общая редакция реконструкций – Э.Р.Тенишев.

4. Картина мира пратюркского этноса по данным языка. Представления о небе и небесных явлениях. Климат – К.М.Мусаев; Окружающая географическая среда – И.Г.Добродомов; Растительный мир. Деревья и кустарники – Ю.В.Норманская; Хозяйственная деятельность. Земледелие – И.В.Кормушин; Типы поселений. Историческая эволюция – И.Г.Добродомов; Материальный быт. Жилище – А.В.Дыбо; Материальный быт. Одежда; Война. Оружие; Социальная организация; Родство и свойство – К.М.Мусаев; Тюркские общие духовные понятия и ритуалы – Р.А.Тадинова, З.Н.Экба;

Символика чисел; Реконструкция фрагментов текста; Свидетельства о поэтической речи. Метрические схемы – Э.Р.Тенишев; Антропоморфная и зооморфная метафора в тюркских языках – А.В.Дыбо; Антропонимическая система как проекция космологических и социальных представлений пратюрков – Г.Ф.Благова.

5. Хронология тюркских языков и лингвистические контакты ранних тюрков – А.В.Дыбо.

6. Заключение – А.В.Дыбо.

7. Приложение. Стословные списки тюркских языков с этимологическим комментарием – А.В.Дыбо.

Текст подготовлен к печати Е.А.Поцелуевским.

Изготовление оригинал-макета осуществлено А.В.Шеймович.

Посвящаем светлой памяти
дорогого учителя Н.К.Дмитриева

ВВЕДЕНИЕ

Впервые задача создания сравнительно-исторической грамматики тюркских языков была поставлена как «одна из основных задач туркологии» (т.е. тюркологии. – *Э.Т.*) профессором восточного факультета Санкт-Петербургского университета П.М.Мелиоранским во Введении к докторской диссертации «Араб филолог о турецком языке» (СПб., 1900. С. 1). По мнению П.М.Мелиоранского, высказанному в рецензии на книгу: *Grønbech V.* Forstudier til tyrkisk Lydhistorie // Gottinger Gelehrte Anzeigen. København, 1904. № 6. S. 491–499, тюркологи, монголисты, финноугроведы и другие ученые, без совместного труда которых невозможно решить задачу составления тюркской сравнительно-исторической грамматики, должны пока обрабатывать каждый свое поле: сначала надо установить пратюркские, прамонгольские и другие корни и форманты, а затем путем научного сравнения определить их отношение друг к другу.

Семена тюркской компаративистики были посеяны. Но до всходов было еще далеко. Для составления сравнительно-исторической грамматики тюркских языков требовался в достаточной мере полный исходный материал: тексты и исследования по фонетике и грамматике современных тюркских литературных языков и диалектов, материал письменных памятников, а также кадры, подготовленные к профессиональным компаративистским исследованиям.

Всего этого пока не было. Но были идея и заданный импульс развития. Однако время не благоприятствовало прогрессу: мировые войны и общественные потрясения первой половины века задерживали ход развития наук.

Тем не менее, пусть не интенсивно, но велась исследовательская работа по тюркским языкам в учебных заведениях, появлялись публикации, готовились специалисты в различных областях тюркологии.

Из российских тюркологов к идее сравнительно-исторической грамматики ближе всего был Н.К.Дмитриев (1898–1954). В Московском университете он получил блестящее лингвистическое образование: классик, славист и индоевропеист-компаративист школы Ф.Ф.Фортунатова (1848–1914) и его ученика В.К.Поржезинского (1870–1929). Не ограничиваясь этим весомым научным багажом, Н.К.Дмитриев решил изучать восточные языки. Успешно окончив Московский институт востоковедения, он получил квалификацию сразу по трем разрядам: турецкому, арабскому и персидскому. Возобладало тюркское направление, и Н.К.Дмитриев твердо выбирает тюркологию, которой впоследствии отдает весь свой талант, силы и энергию.

Прекрасно понимая первоочередность аналитической работы над огромным массивом тюркских языков, он ясно представляет себе острую не-

обходимость синтезирующего труда по истории тюркских языков. Оба направления, помогающие друг другу, тесно увязаны между собой.

В 1950 г. в Секторе тюркских языков Института языкознания АН СССР, работой которого руководил Н.К.Дмитриев, был составлен план подготовки сравнительной грамматики тюркских языков и началось его осуществление. В течение семи лет сотрудниками Сектора были написаны и затем вышли в свет четыре тома коллективного труда «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков»: «Фонетика» (1955), «Морфология» (1956), «Синтаксис» (1961) и «Лексика» (1962).

Во Введении к первому тому Н.К.Дмитриев изложил credo всего труда: «...создание сравнительно-исторической грамматики тюркских языков... вот что является теперь кардинальной задачей советской тюркологии. Подготовительным этапом к созданию сравнительно-исторической грамматики тюркских языков должна послужить сравнительно-описательная грамматика современных тюркских языков, ориентированная на то, чтобы исследовать внутренние законы развития языков этой группы, проявляющиеся в их фонетике, грамматическом строе и словарном составе» (с. 7). И далее: «При этом основная ориентация была взята на национальные литературные языки, а факты из местных диалектов привлекались в случае прямой к тому необходимости как вспомогательный материал» (с. 8).

«Исследования...» нашли живейший отклик в среде тюркологов страны и, несомненно, инициировали деятельность широкого круга российских тюркологов в области истории тюркских языков.

В соответствии с планом Н.К.Дмитриева после «Исследований...» следовало создание этимологического словаря тюркских языков, а затем сравнительно-исторической грамматики тюркских языков. Но автору плана Н.К.Дмитриеву не было суждено выполнить задуманное до конца. Он скончался в 1954 г.

Наступили 70-е годы XX в. – период деятельности Комитета тюркологов во главе с А.Н.Кононовым и выпуска журнала «Советская тюркология» (ответственный редактор М.Ширалиев), которые консолидировали и координировали усилия тюркологов страны.

В унисон с работой Комитета и журнала шла деятельность тюркологических подразделений национальных Академий наук и высших учебных заведений, продолжалось накопление тюркологических материалов для будущей сравнительно-исторической грамматики тюркских языков.

Начиная с 80-х годов, исполняя завет Н.К.Дмитриева, Сектор тюркских языков (теперь Отдел урало-алтайских языков) Института языкознания РАН приступил к подготовке «Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков». К настоящему времени вышли из печати пять томов: том 1-й «Фонетика» (1984), том 2-й «Морфология» (1988), том 3-й «Синтаксис» (1986), том 4-й «Лексика» (вышел дважды: в 1997 и 2001 гг.), том 5-й «Региональные реконструкции» (2002) и закончен 6-й том «Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка».

Первоначально предполагалось ограничиться рамками четырех томов и дать в четвертом томе сводку «реконструкций на всех уровнях, т.е. суммарные данные о тюркском праязыке, его периодизации, диалектном членении и хронологии» (СИГТЯ 1984, 13).

В конце 80-х годов план был пересмотрен, и было решено четвертый том посвятить лексике, а в пятом томе из праязыка дать только поздний период, т.е. материал распада праязыка на отдельные группы, и сделать реконструкции поздних праязыков, назвав их региональными, ускорив тем самым процесс использования полученных реконструкций при создании исторических грамматик современных тюркских языков. В шестом же томе было решено дать сводку всего праязыка, начиная с исходной точки до периода распада, а во второй его части – картину мира древнего тюрка.

Первая часть шестого тома (праязык) – чисто лингвистическая: ранний период (фонетический и морфологический строй) и поздний период (переход к праязыкам отдельных групп). Вторая часть тома – картина мира пратюрков по данным языка. Отдельные главы посвящены природе, «системе человека» и его окружению. Третья часть посвящена прародине, миграции и контактам пратюрков. Эта часть привлечет внимание не только лингвистов, но и этнографов, археологов, искусствоведов.

Актуальность данной проблематики для современного сравнительно-исторического языкознания очевидна. В настоящее время фактически лишь для индоевропейской семьи и языковых групп в ее составе сравнительно-историческая реконструкция проведена последовательно на всех языковых уровнях. Между тем сравнительная грамматика в ряде других языковых семей уже достигла того уровня, при котором возможно и необходимо для создания базы для дальнейших исследований такое методологически отработанное (в смысле компаративистской процедуры и системного подхода) обобщение.

Именно такова ситуация для тюркской языковой семьи. В связи с развитием исследований в области алтайского родства необходима уточненная реконструкция пратюркского языка-основы на различных языковых уровнях, с введением по возможности четких хронологических отношений. Итак, нашей задачей было построение реконструкции пратюркского языка-основы периода его распада, а также исследование возможности выявления предшествующих языковых состояний в связи с положением пратюркского языка среди алтайских.

Вторая часть работы основана в наибольшей степени на материалах, обработанных в четвертом томе нашего издания («Лексика»). Это опыт реконструкции целостного видения мира, как он представал перед носителем реконструируемого для пратюркского состояния языка. Нашей целью было обобщить те черты, которые выявляют своеобразие тюркской этнокультурной картины, позволяя в дальнейшем взаимодействие с историко-этнографической и археологической информацией.

После выхода в свет всего корпуса «Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков» начнется новый этап детального исследования истории пратюркского языка и связанных с ним проблем.

Выше было отмечено, что в связи с развитием исследований в области родства алтайской общности языков необходима уточненная реконструкция пратюркского языка-основы на различных языковых уровнях.

В связи с этим прежде всего привлекает внимание период, предшествующий тюркскому праязыку, еще окончательно не выделившемуся из алтайской общности. Этот период можно было бы назвать прототюркским (дотюркским). [Сошлемся на Л.Блумфилда, который термин «протогерманский период» использует для объяснения тех различий, которые существуют между индоевропейским и германским праязыками, т.е. намечается градация: индоевропейский праязык – протогерманский период – германский праязык (*Блумфилд Л.* Язык. М., 1968. С. 340–342)].

Далее – периодизация пратюркского языка в целом. Ее можно представить таким образом (или как-то иначе): прототюркский период – пратюркский язык (ранняя пора – до распада и поздняя пора – период распада на отдельные зоны).

И, наконец, разработка исторических грамматик современных тюркских языков. Ее начало – региональные реконструкции (их всего семь). Например, пракыпчакский; от пракыпчакского языка – протобашкирский язык (получаемый путем внутренней реконструкции диалектных материалов и использования грамматических данных современного башкирского языка). И так в каждом подобном случае.

Одновременно необходимо продолжать реконструкцию общетюркской праязыковой лексики категориального и историко-культурного характера. Это – отдельный труд, он должен содержать не менее десяти тысяч реконструированных лексем. Такое количество лексики способно обеспечить потребности исторических грамматик и лексикологий, а также детально прояснить картину мира пратюрка.

Невозможно перечислить все задачи и цели, которые возникают при компаративистском подходе к языку. Главная цель труда в целом – способствовать развитию историзма и в мышлении, и в исследовательской деятельности тюркологов-лингвистов.

Мы считаем своей приятной обязанностью специально отметить, что настоящее издание не могло бы быть осуществлено без финансовой поддержки Президентского фонда во главе с президентом РАН академиком Ю.С.Осиповым и Российского гуманитарного научного фонда во главе с членом-корреспондентом РАН Ю.Л.Воротниковым (РГНФ; исследовательский проект 01-04-00214а; издательский проект 04-04-16116д).

Мы благодарны вице-президенту РАН академику Н.П.Лаверову за неоценимую помощь при подготовке всех томов нашего труда.

I

ОЧЕРК ПРАТЮРКСКОГО ЯЗЫКА-ОСНОВЫ

ФОНЕТИКА

Проведенная Отделом урало-алтайских языков Института языкознания в Москве работа по установлению реконструкций отдельных подгрупп тюркских языков и ведущаяся сейчас работа по реконструкции пратюркского состояния ставит ряд проблем фонетической и фонологической истории тюркских подгрупп в процессе перехода от пратюркского к современному состоянию. Выяснилось, в частности, что, несмотря на безусловно «агглютинативную» типологию тюркских языков[1], в их истории, синхронной грамматике и словообразовании значительную роль играет морфонологический уровень языка, причем функции этого уровня не сводятся к явлениям сингармонизма; во многих случаях определенным весом обладает также морфонологическая граница морфемы, которая зачастую не совпадает с морфологической границей и/или с фонологической диэремой, что может свидетельствовать в пользу существования субморфных структур в тюркских языках[2]. Подробное исследование таких явлений и их истории относится к компетенции конкретных синхронных и исторических описаний отдельных тюркских языков; ниже читатель встретится с рядом случаев «работы» морфонологического уровня, которые приходится учитывать при реконструкции пратюркских состояний.

КОНСОНАНТИЗМ

Общеалтайская консонантная система к настоящему времени реконструируется следующим образом[3]:

p‘-	p	b	m				
t‘	t	d	n	s	z	r	l
č‘	č	ǯ	ń	š	j	ŕ	ĺ
k‘	k	g	ŋ				

[1] Основные общетипологические характеристики, присущие агглютинативным языкам, были выявлены Б.А.Серебренниковым – см., например, Серебренников 1963, 46–56.

[2] О понятии субморфа и его значении для морфонологического уровня языка как опосредованного отражения фонологической истории языка см. Чурганова 1972, 10–18.

[3] Здесь и далее информация по реконструкции праалтайского состояния приводится по EDAL, 22–135.

Следует отметить, что **z* и **j* находятся в дополнительном распределении: **z* только в анлауте, **j* только в середине слова.

Эта система – результат абстракции над следующей системой соответствий:

Таблица 1

ПАлт.	ТМ	Монг.	Тюрк.	ПЯп.	ПКор.
*p'-	*p-	*h-, *j-	*0-, *j-	*p-	*p-
*p'	*p	*h, b / -b	*p	*p	*p
*p-	*p-	*b-, h-	*b-	*p-	*p-
*p	*b	*b	*b	*p	*p
*b-	*b-	*b-	*b-	*p- / b[a,ə,Vj]	*p-
*b	*b	*h/[*R]b, *b[Vg] /-b	*b	*p [*iV,*j]w	*b / -p
*m-	*m-	*m-	*b-	*m-	*m-
*m	*m	*m	*m	*m	*m
*t'-	*t-	*t- /č[i]	t- [dV+ĺ,ŕ,r]	*t-	*t-
*t'	*t	*t / č[i] / -d	*t	*t	*t
*t-	*d-/ǯ(i)	*d- / č[i]	*d-	*t- / d[i,ə]	*t-
*t	*t	*d / č[i]	*t	*t	*r / -t
*d-	*d-	*d- / ǯ[i]	*j-	*d- / t [V + *p',*t',*k',*č']	*t-
*d	*d	*d / ǯ[i]	*d	*t / [*iV,*j] j	*r / -t
*n-	*n-	*n-	*j-	*n-	*n-
*n	*n	*n	*n	*n	*n
*r	*r	*r	*r	*r, *t	*r
*l-	*l-	*l-, n-	*j-	*n-	*n-
*l	*l	*l	*l	*r	*r
*s-	*s-	*s-	*s-	*s-	*s-, h-
*s	*s	*s	*s	*s	*s
*z-	*s-	*s-	*j-	*s-	*s-
*č'-	*č-	*č-	*č-	*t-	*č-
*č'	*č	*č	*č	*t	*č
*č-	*ǯ-	*d- / *č[i]	*d-	*t-	*č-
*č	*s	*č	*č	*s	*č
*ǯ-	*ǯ-	*ǯ-	*j-	*d-	*č-
*ǯ	*ǯ	*ǯ	*j	*j	*č
*ń-	*ń-	*ǯ-	*j-	*m-	*n-
*ń	*ń	*j, n	*ń	*n, *m	*ń

ПАлт.	ТМ	Монг.	Тюрк.	ПЯп.	ПКор.
*ŕ	*r	*r	*ŕ	*r / t[i,u]	*r
*ĺ-	*l-	*d- /ǯ[i]	*j-	*n-	*n-
*ĺ	*l	*l	*ĺ	*s	*r
*š-	*š-	*s- / *č[*A]	*s- / *č[*A]	*s-	*s-
*š	*š	*s	*s	*s	*s
*j	*j	*j, h	*j	*j, *0	*j, *0
*k'-	*x-	*k-	*k-	*k-	*k-
*k'	*k/x	*k, g[Vh] / -g	*k	*k	*k, h
*k-	*k-	*k-	*g-	*k-	*k-
*k	*k	*g / -g	*k, g[(V)r]	*k	*0, h /-k
*g-	*g-	*g-	*g-	*k-	*k-
*g	*g	*h, g[Vh] / -g	*g	*k/[*iV] 0	*0, h / -k
*ŋ-	*ŋ-	*0-, *j-/ g[u] / n[a,o,e]	*0-, *j-	*0-/*n-(/*m[i]-)	*n-
*ŋ	*ŋ	*ŋ, n, m,h	*ŋ	*n, *m	*ŋ, 0

К возникновению **пратюркской консонантной системы**, как она восстанавливается на основании общетюркско-булгарского сравнения, должны были привести следующие фонетические процессы:

Утрата **š*:

1. **š- > *č'-* перед заднерядными гласными;
2. **š > *s* в прочих позициях.

Утрата **p'*:

3. **p'- > *h-* (в пратюркском еще существовало, судя по халаджским данным).

Деаффрикатизация **č*:

4. **č- > *t.*

Утрата начальных сонантов:

5а. **ń- > *ǯ-, *l- > *d;*

5б. **n-, *l- > *d-, *m- > *b-, *ŋ- >* 0.

Палатализация **d-, *z-* и **ǯ*:

6. **d-, *z- > *ǯ- > *j.*

Потеря оппозиции по придыхательности:

7. **p- > *b-, *t- > *d-, *k- > *g;*
8. **-p- > -b-, *-k- > -g-* (последний переход только перед *-r-*);
9. **p' > p, *k' > *k, *č' > *č, *t' > *t* (но **t'- > *d-* перед **r, *ŕ, *ĺ*).

Правила 1–5а являются общими для пратюркского и прамонгольского, так что оказывается возможным восстановить пратюрко-монгольскую консонантную систему (что свидетельствует, по крайней мере, о длительном совместном обитании соответствующих протоэтносов уже после распада праалтайской семьи):

-p'-	*p*	*b*	*m*				
t'	*t*	*d*	*n*	*s*	*z-*	*-r-*	*l*
č'	*č*	*ǯ*	*-ń-*		*j*	*-ŕ-*	*-ĺ-*
k'	*k*	*g*	*ŋ*	*h-*			

Прочие правила должны были действовать уже отдельно на «тюркскую» систему. Действие всех этих процессов и дало в результате пратюркский консонантизм[4]:

p=p'	*b=p*	*(-v-)*		*-m-*	
t=t'	*d=t*	*(-δ-)*	*s=θ*	*-n-*	*-r-,-l-*
č=č'	*ǯ=č*	*(-ź-)*	*-ĺ-=-š-*	*-ń-*	*-j-, -ř-*
k=k'	*g=k*	*(-γ-)*		*-ŋ-*	
(q')(q)	*h-*				

Реконструкция, как мы видим, имеет почти традиционный алтаистический вид; необходимо отметить следующие модификации[5]:

1) начальная звонкость/глухость (в фонетической реальности скорее слабость/сила) взрывных восстанавливается, как было предварительно показано уже в Илл.-Св. 1963, 1965, на огузском материале; вновь выявленные подробности соответствий см. в Дыбо 1991, СИГТЯ 2002, 70–85. Срединная звонкость/глухость: относительно рефлексов серединного **d (δ)* реконструкция традиционная. Старые звонкие губной и гуттуральный в большинстве вокально-консонантных комплексов в большинстве языков фрикативизуются и выпадают. Старые глухие регулярно озвончаются в интервокале в сибирских языках (и в чувашском – до полузвонкости). В огузских языках старые глухие озвончаются после первично долгих гласных; причем новый звонкий губной фрикативизуется в интервокальной позиции в части туркменских диалектов, в хорезмских (огузских) диалектах узбекского и в саларском (в ряде позиций до выпадения). Подробности см. в СИГТЯ 2002, 36, 61. В карлукских языках старые глухие губной и гуттуральный регулярно озвончаются после старых долгих, нерегулярно – после старых кратких. По-видимому, так же можно описать ситуацию в кыпчакских языках, причем здесь довольно очевидно сбивающее фонетические правила влияние морфологических аналогий (поскольку во всех кыпчакских языках действует синхронное озвончение губных и гуттуральных, попадающих в интервокал на границе морфемы). Можно усматривать следы озвончений после старых долгих для *t* в сочетании сонант + *t* в кыпчакских языках, но материала пока недостаточно, чтобы твердо сказать, что это не аналогические развития, при которых *t* озвончается в качестве начала служебной морфемы;

2) *j-*: из системных соображений помещается в это место таблицы; аффрикатный характер проявляется в рефлексации. *-ź-* – это необщепринятая

[4] Здесь и далее дефисами справа и слева отмечены фонемы, не встречающиеся в начале слова, в скобках даны аллофонические варианты, развивающиеся впоследствии в отдельные фонемы.

[5] Традиционные системы соответствий между тюркскими языками см., например, в Räs.Mater., Щербак 1970 и СИГТЯ 1984.

Таблица 2

Базовые соответствия тюркских согласных

ПТ	ДУ	Крх.	Як.	Тув.	Тоф.	Хак.	Шор.	Ойр.	Кирг.	Уйг.	Узб.	Каз., Ккалп.	Ног.	Башк.	Тат.	Кум.	КБ	Кар.	Турк.	Аз.	Гаг.	Тур.	Хал.	Чув.
b-[1]	b-	b-	b-	b-/p-	b-/p-	p-	p-	b-	b-	b-/p-	b-	b-	b-	b-	b-(Сиб. p-)	b-, p-	b-	b-	b-/p-	b-/p-	b-/p-	b-/p-	b-	p-
p/V̆_	p	-p-, -b-, -p	-b-, -p	V″vV, *h*V-, -″p	V″pV, -″p	-b-, -p	-b-, -p	-b-, -p	-p-, -b-[2], -p	p	p	p, -b-	p, -b-[2]	p, -b-	p, -b-	p, -b-	p, -b-	p, -b-	p, -b-	p	p	p	p	-b-, -p	-b-, -p
p/V̄_	-p-	-p-,b -p	-b-,-p	VvV, -p	VbV, -p	-b-, -p	-b-, -p	-b-, -p	-b-, -p	p	-v-, p/b[3]	-b-, -p	-b-, -p	-b-, -p	-b-, -p	-b-, -p	-b-, -p	-b-, -p	-b-, -p	-b-, -p	-b-, -p	-b-, -p	-b-, -p	-b-, -p
-b-	b	v	b/0[4]	-v-/ -0-[4], -g	-b-/ -0-[4], -g	-b-/-0-[4], -g/-b	-b-/-0-4, -g[5]/-p	b/ 0[6]	-b-/-j-/ -0-[14]	b/v/ g/j/0[5]	v/g/j/ 0[5]	b/w/j/ 0[4]	b/w/j/ 0[4]	w/j/0[4]	w/j/0[4]	w/j/0[4]	w/j/0[4]	w/j/0[4]	w/j/0[5]	v/j/0[5]	v/0[4]	v/j/ 0[5]	v/ 0[4]	v/0[4]
-m (-)	m, -n	m, -n	m, -n	m, -n	m, -n	m, -n	m, -n	m, -n	m, -n	m, -n	m, -n	m, -n	m, -n	m, -n	m, -n	m, -n	m, -n	m, -n	m, -n	m, -n	m, -n	m, -n	m, -n	m, -n
t-	t	t	t	t, d[7]	t, d[7]	t	t	t	t	t	t	t	t	t	t	t, d	t	t	t, d[7]	t, d[7]	t, d[7]	t, d[7]	t	t[8]
t/V̆_	t	t	t[9]	V″dV -″t	V″tV, -″t	-d-, -t	-d-[10], -t	-d-, -t	t	t	t	t[11]	t[11]	t	t	t	t	t	t	t	t	t	t	-d-[12] -t
t/V̄_	t	t	t[9]	VdV -t	VdV, -t	-d-, -t	-d-[10], -t	-d-, -t	t	t	t	t[11]	t[11]	t	t	t	t	t	d, -t	d	d, -t	d, -t	t	-d-[12] -t
d-	t	t	t	t, d[7]	t, d[7]	t	t	t	t	t	t	t, (d-)	t, (d-)	t	t	t, d	t	t	d	d, t[13]	d, t[7]	d, t[7]	t	t[8]
d	d	δ	t	VdV -t	VdV, -t	z, -s	z, -s	d́, j[14]	j	j	j	j	j	j	j	j	j	j	j	j	j	j	d	-r-
s-	s	s	0	s	s	s	s	s	s	s	s	s	s	h	s	s	s	s	ϑ,s[15]	s	s	s	s	s[16]
s/V̆_	s	s	-h-,-s, -t[17]	-″z-, -″s	″s	z	z	z	s	s	s	s	s	ϑ	s	s	s	s	ϑ, s[15]	s	s	s	s	-s-(= -z-)[18]

ПТ	ДУ	Крх.	Як.	Тув.	Тоф.	Хак.	Шор.	Ойр.	Кирг.	Уйг.	Узб.	Каз., Ккалп.	Ног.	Башк.	Тат.	Кум.	КБ	Кар.	Турк.	Аз.	Гаг.	Тур.	Хал.	Чув.
s/V̄	s	s	-h-,-s, -t[17]	-z-, -s	-z-, -s	z	z	z	s	s	s	s	s	ϑ	s	s	s	s	ϑ, s[15]	s	s	s	s	-s-(≈ -z-)[18]
n	n	n	n	n[19]	n	n	n	n	n	n	n	n	n	n	n	n	n	n	n	n[21]	n	n	n	n, -m
r	r	r	r	r	r	r	r	r	r	r, -j/ -0-	r	r	r	r	r	r	r	r	r	r	r	r	r	r
l	l	l	l	l	l	l	l	l	l	l	l	l	l	l	l	l	l	l	l	l	l	l	l	l
č-	č	č	s	š	š	s	š	č	č	č	č	š	š	s	č	č	č	č	č	č	č	č	č	ś[8]
č/V̄	č	č	-h-, -s	-"ž-, -"š	-"ǯ-, -"š	-ǯ-, -s	-ǯ-, -š	č	č	č	č	š	š	s	č	č	č	č	č	č	č	č	č	ź[12]
č/V̄	č	č	-h-, -s	-ž-, -š	-ǯ-, -š	-ǯ-, -s	-ǯ-, -š	č	č	č	č	š	š	s	č	č	č	č	-ǯ-, -č	ǯ	-ǯ-, -č	-ǯ-, -č	č	ź[12]
j-	j	j	s	č	č	č	č	d′, j[14]	ǯ	j[20]	j[21]	ž	j	j	j, ǯ[22]	j, ǯ	ǯ	j	j	j	j	j	j	ś
j	j	j	j	j	j	j	j	d′, j[14]	j	j	j	j	j	j	j	j	j	j	j	j	j	j	j	j
ź	d	ð	t	VdV	VdV	z	z	-j-	j	j	j	j	j	j	j	j	j	j	j	j	j	j	d	j/v/0[4]
ń[23]	j/ñ	j	j/j̃	j/j̃	j̃	j̃	j̃ > j[24]	j̃ > j[24]	j	j	j	j	j	j	j	j	j	j	j	j	j	j	j	j/v/0[4]
ř	z	z	-h-,-s, -t[17]	-z-, -s	-z-, -s	-z-, -s	-z-, -s	-z-, -s	z	z	z	z	z	z	z	z	z	z	z	z	z	z	z	r, s
λ/V̄	š	š	-h-,-s, -t[17]	-"ž-, -"š	-"ǯ-, -"š	-z-, -s	-ž-, -š	-ž-, -š	š	š	š	s	s	š	š	š	š	š	š	š	š	š	š	l, š
λ/V̄	š	š	-h-, -s,-t[17]	-ž-, -š	-ǯ-, -š	-z-, -s	-ž-, -š	-ž-, -š	š	š	š	s	s	š	š	š	š	š	š	š	š	š	š	l, š

ПТ	ДУ	Крх.	Як.	Тув.	Тоф.	Хак.	Шор.	Ойр.	Кирг.	Уйг.	Узб.	Каз., Ккалп.	Ног.	Башк.	Тат.	Кум.	КБ	Кар.	Турк.	Аз.	Гаг.	Тур.	Хал.	Чув.
k-[25]	k, q[26]	k, q[26]	k, x[27]	k, x[17]	k, x[17]	k, x[26]	k, q[26]	k	k	k, q[28]	k, q[28]	k, q[26]	k	k, q[26]	k	k, g, q[26]	k, g, q[26]	k	k, G[26]	k, G[26]	k	k	k, q[26]	k, x[29]
k/Ṽ_	k, q[26]	k, q[26]	g, ɣ[26]	-"g-, -"k	-"h-, -"k/"q[26]	g, ɣ[26]	g, ɣ[26]	g	-g-, -k-[2],-k	k, q[28]	k,q[28]	-g-/-ɣ-/-k-/-q-[2]/-k/-q[26]	-g-,-k-[2] -k	-g-/-ɣ-/-k-/-q-[2] -k/-q[26]	-g-,-k-[2] -k	-g-/-ɣ-/-k-/-q-[2]/-k/-q[26]	-g-/-ɣ-/-k-/-q-[2]/-k/-q[26]	g-,-k-/-k	k, q[26]	k, x[26]	k	k	k, q[26]	-g-,-k/-x[29]
k/Ṽ_	k, q[26]	k, q[26]	g, ɣ[26]	-g-, -k	-g-, -k/q[26]	g, ɣ[26]	g, ɣ[26]	g	-g-, -k-[2],-k	k, q[28]	k,q[28]	-g-/-ɣ-/-k-/-q-[2]/-k/-q[26]	-g-,-k-[2] -k	-g-/-ɣ-/-k-/-q-/-k/-q[26]	-g-, -k-[2], -k	-g-/-ɣ-/-k-/-q-/-k/-q[26]	-g-/-ɣ-/-k-/-q-/-k/-q[26]	g-,-k-/-k	-g-/-ɣ-/-k/q[26]	-g-/-ɣ-/-k/-x/-G[7]	-g-/-0-[7]/-k	-ɣ-, -k	k, q[26]	-g-/-k/-x[29]
g-[30]	k	k	k	k, x[17]	k	k	k	k	k	k	k	k	k	k	k	k, g	k, g	k	g	g	g-	g-	k	k
g	g, ɣ[26]	g, ɣ[26]	0	-0-, -g/-ɣ[26]	-0-, -g/-ɣ[26]	-0-, -g/-ɣ[26]	-0-, -g/-ɣ[26]	0/j/g[6]	0/j/g[4]	g,ɣ, -k/-q[31]	g,ɣ, -k/-q[31]	-w-/-j-, -0/-w/-j[4]	-w-/-j-, -0/-w/-j[4]	-w-/-j-, -0/-w/-j[4]	-w-/-j-, -0/-w/-j[4]	-w-/-j-, -0/-w/-j[4]	-w-/-j-, -0/-w/-j[4]	g/w/j/0[4]	ɣ/w/j[6]	ɣ/w/j[6] -0[32]	ɣ/w /j[6], -0[32]	ɣ/w /j[6], -0[32]	ɣ/w /j[8], -0[32]	v/0[4]
ŋ	ŋ	ŋ	ŋ	ŋ, 0[33]	ŋ, 0[33]	-g-/-0-, -ŋ	-g-/-0-, -ŋ	ŋ[34]	ŋ	ŋ, n[35]	ŋ,-j-, n[35]	ŋ, -j-, n[35]	ŋ, -j-, n[35]	ŋ, -j-, -g-, n[35]	ŋ, -j- , -g-, n[35]	ŋ, -j-, n[35]	ŋ, -j-, -g-, n[35]	ŋ, -j-, -g-,n[15]	ŋ[36]	n, j	n, m, j[6]	n, m, j[6]	ŋ, j, g, n[37]	n, m[4]

Примечания к таблице 2:

[1] *b-* > *m/_N* по слегка различающимся правилам в разных языках, кроме тур. и гаг. То же верно для озвончающегося **-p-* при носовом во втором слоге.

[2] Озвончается граница морфемы и аналогически приравненные к этому случаи.

[3] Проблема орфографии, есть дублеты. Пишут о неотражаемом в графике озвончении границы морфемы, по-видимому, независимо от долготы и только в кыпчакизированных диалектах. Озвончение после первично долгого с фрикативизацией часто в нормативном словаре, но, поскольку по внешнему виду это совершенно то же самое, что наблюдается в хорезмских огузских диалектах узбекского, видимо, это – влияние огузских диалектов на норму.

[4] В зависимости от вокалического окружения.

[5] После огубленных гласных.

[6] В зависимости от вокалического окружения и с варьированием по диалектам.

[7] См. подробнее СИГТЯ 2002.

[8] **t-*, **d-*, **č-* > *č-* перед **i*, **y*.

[9] *-d-* в интервокальном сочетании **-rt-* и в начале служебной морфемы.

[10] Озвончение в шорском и хакасском в интервокале, видимо, нерегулярно отмечено в материалах Вербицкого.
[11] > *d* в начале служебной морфемы.
[12] **-t-, -č-* > *ǰ* перед **i, *y*.
[13] Перед *-x*, см. подробнее СИГТЯ 2002.
[14] Варьирование по диалектам и записям.
[15] С различиями по диалектам.
[16] > *š* перед **i, *y*.
[17] Позиции неясны.
[18] > *ž* перед **i, *y*.
[19] В диалектах возможны выпадения в интервокальной позиции, с назализацией гласного.
[20] Возможны диалектные варианты с *ǰ-*.
[21] Возможны диалектные варианты с *ǰ-, ž-* перед узкими гласными.
[22] *j* перед *a, o, ö, u, ü, ε; ǰ* перед *e, i, y*; + диалектное варьирование.
[23] *В большинстве языков не отличается по рефлексам от -j-, но везде, где возможно, вызывает переход *b- > m-*.
[24] Часто дает назализацию начального *j* > *n*.
[25] Перед задними гласными в пратюркском нельзя различить глухое **k-* и звонкое **g-*, см. подробнее СИГТЯ 2002. В этом случае мы пишем обычно **K-*.
[26] В зависимости от рядности гласных.
[27] С распределением по широким и узким гласным.
[28] В зависимости от исконной рядности гласных.
[29] В зависимости от исконной рядности гласных. **K- > j-* перед исконным дифтонгом.
[30] Различие гуттуральных по глухости-звонкости восстанавливается только в переднерядных основах, см. подробнее СИГТЯ 2002.
[31] Оглушение конечного *-g* – неоднократно отмечавшаяся характерная черта карлукских языков; и в уйг., и в узб. оно, однако, происходит нерегулярно, по-видимому, в связи со словообразовательными аналогиями.
[32] На конце неодносложного слова. См. подробнее СИГТЯ 2002.
[33] По диалектам, с назализацией гласного.
[34] *-g-/-0-* в диалектах.
[35] В некоторых сочетаниях, на конце неодносложного слова.
[36] В сочетании с палатальными согласными *n*, в некоторых вокалических окружениях *j*.
[37] Распределение неясно.

фонема, показывающая рефлекс *j* в чув. и совпадающая с **-d-* в остальных языках. См. подробно Мудрак 1989; 1994.

3) *-j̃-*: реконструкцию этой фонемы (или в более традиционной нотации, принятой ниже, *ń*) и различение ее с сочетаниями *-jn-, -jŋ-* см. в СИГТЯ 2002, 85–87. Сочетания отражаются в огузских языках как сочетания *jn*, на конце слова разрешенные вставной гласной (*j* в сочетании часто теряется при палатальном вокализме); в кыпчакских языках различается рефлексация сочетаний *-jŋ-, -jn-* в зависимости от пратюркской долготы-краткости предшествующего гласного, ср. **dujŋak – tujak* 'копыто', **kojn* 'овца' – *koj*, **bäjŋ-* 'мозг' – *myj* при **kājnat* 'крыло' – *kanat*, **kyjn* 'штраф' – *kyjyn*, **kōjn* 'пазуха' – *kojun*, **bōjn* 'шея' – *bojun*;

4) проблема *ř* и *λ* решается с зетацистско-сигматистских позиций, с небольшой модификацией: учитываются классический переход ПТ - *λč* > чув. *ś* и поправка О.А.Мудрака, показавшего (Мудрак 1989; 1994), что в чувашском *λ* > *l* на конце слога и > *š* в интервокальной позиции, *ř* > *r* , но ** řs* > чув. *s*, общетюрк. *z*;

5) в чувашском кроме традиционно отмечаемой палатализации зубных (*čol* < **tiāλ* 'камень') и гуттуральных (*jur* < **kiār* 'снег') (Вл.–Поп. 1924, см. ниже) перед старыми дифтонгами обнаружена палатализация *t* > *č, s, ś* > *š* в соседстве с **i*, **y* (раньше отмечалась только для морфологических границ, см. подробно Мудрак 1989; 1994).

См. выше таблицу 2 (с. 13–16).

РЕКОНСТРУКЦИЯ ПРАТЮРКСКОЙ СИСТЕМЫ СОГЛАСНЫХ ФОНЕМ

На основании соответствий между тюркскими языками различных подгрупп, включая данные современного чувашского, значительно уточняющего эти соответствия, становится возможным реконструировать **пратюркскую фонетическую консонантную систему**. На этапе непосредственно перед распадом пратюркской общности ее можно представить в виде таблицы:

Таблица 3

	Лабиальн.	Дентальн.	Апикальн.	Палатальн.	Латеральн.	Велярн.	Увулярн.
Сильные смычные	p'	t'		ć'		k'	q'
Слабые смычные	b-, p	t		ǯ-, ć		k	q
Звонкие спиранты	v	δ				ɣ	
Глухие спиранты			s		ɬ		
Носовые сонанты	m	n		ń		ŋ	
Плавные сонанты			r̃	j	l		
Дрожащие сонанты			r				

Противопоставление по ларингальным признакам

Характерной особенностью произношения сильных (глухих) смычных было наличие заметного придыхания после отступа (постаспирация) в анлаутной позиции, а также заметное придыхание (преаспирация) в позиции после гласных и сонантов перед локальной смычкой. Т.е. существовали два аллофона: *T'-* и *-'T(-)*. Вполне возможно, что также и в позиции после гласных и сонантов у сильных согласных наличествовал некоторый элемент придыхания после отступа (вторичная постаспирация), но, по-видимому, он был нефонематичным и впоследствии исчез во многих языках-потомках, кроме огузских и сарыг-югурского. В сарыг-югурском он фиксируется до сих пор, а в огузских языках только наличие придыхания после отступа объясняет переход сильного (глухого) увулярного **-'q(-)* в середине слова в спирант через ступени **-'q'(-)> *-'qχ(-)> *-χ(-)* и развития типа **sy'p-ɣar-> syfɣar-* 'жадно глотать' для губных в азербайджанском. Аналогичное противопоставление сильных и слабых смычных с таким же распределением придыхательности характерно для монгольских языков.

Таким образом, в языках, отражающих различение пратюркских сильных и слабых смычных, в середине основы, как правило, представлены рефлексы придыхания перед согласным в данной позиции:

– в сибирской хакасской подгруппе, в частности в сарыг-югурском, – это придыхание перед согласным;

– в тофаларском и тоджинском диалекте тувинского языка – придыхание перед смычным глухим согласным, сопряженное с фарингализацией предыдущего гласного, в тувинском литературном языке – фарингализация предыдущего гласного;

– в уйгурском (ново-уйгурском) – *-š-* после **i, *y* и *-f-* после **ü, *u* перед смычным (это результат ассимиляции придыхательного элемента по месту образования предшествующим гласным **-i'T-> +-ih́T-> +-iś́T-> -išT, *-U'T-> +-Uh^{w}T-> -Uft-*) и т.д.;

– в кыпчакских (ног., каз., ккалп. и др.) – следы в виде *-j-* в словах **y'tə* 'собака', **by'tə* 'вошь': *ijt, bijt*. В тат. и башк. пратюрк. **-'p-* в именных неразложимых основах переходит в *-f-*: тат. *tofraq < *t'o'praq* 'земля, почва', *kerfek < *k'ir'pik* 'ресница', *ǯufar ~ jyfar < *ʒ́y'par* 'мускус', *jarfaq < *ʒ́a'praq* 'лист' и др.;

– в чувашском придыхание отражается как исторические *+-h-/+-j-* (второй вариант после **(-)y-*, и частично **(-)i-* с распределением по локальному ряду согласного) перед сильным согласным обычно в односложных основах. Исторический *+-h-* ведет себя как *+-y- ~ +-v-*, закрывающий слог, и дает *-v-/~ -0-* с распределением по гласным и структуре слога.

Существовала корреляция между краткостью предшествующего гласного и придыхательностью следующего согласного. Этот факт можно интерпретировать двояко – как автоматическое появление придыхательности после краткого гласного или как сокращение гласного перед придыхательным

противопоставления сильных (придыхательных) и слабых (непридыхательных) в анлауте говорит скорее в пользу второй интерпретации для позднепратюркского, имевшего в середине основы такое же противопоставление смычных, как и в начале слова. Это ни в коей мере не противоречит алтайской реконструкции, и соответствие пратюрк. **V̄T* ~ праяп. **V́T* интерпретируется как праалт. **V́T,* а пратюрк. **VT* ~ праяп. **V́T* – как праалт. **V́T'* с перенесением противопоставления трех рядов шумных согласных в серединную позицию наряду с уже существующим противопоставлением трех рядов **T'-, *T-, *D-* в анлауте.

Различение начальных сильных и слабых смычных дается на основе работ В.М.Иллича-Свитыча (1963, 1965) и уточнений С.А.Старостина (АПиПЯЯ, 6–10) и А.В. Дыбо (Дыбо, **t-, *d-*; EDAL 2003), оно в целом основывается на огузских данных с частичным привлечением материала тувинского, тофаларского, сарыг-югурского языков. В части позиций колебания в наличии или отсутствии начального придыхания связаны со спирантным характером следующего согласного, с силой и слабостью второго шумного смычного основы, причем различение серединных сильных и слабых смычных довольно устойчиво, придыхательность анлаутного согласного зависит от ассимиляционно-диссимиляционных процессов, связанных с переносом придыхания через гласный, что типологически обычно для данного языкового ареала и наблюдается в развитии монгольских языков.

Реализация слабых непридыхательных согласных в анлауте была различной. По крайней мере губной смычный и палатальная непридыхательная аффриката предпочтительно реализовались в качестве звонких **b-* и **ǯ́-*. На это указывает переход **b- > m-* перед носовым конца слога или начала следующего слога во всех подгруппах, кроме огузской (при предположительной глухости исконного согласного все равно ожидался бы промежуточный этап со звонким для перехода в носовой сонант **p- > *b- > m*). Произношение единственного начального шумного губного смычного как звонкого предпочтительно для языков практически всех подгрупп [исключение составляют языки сибирского ареала в районе Минусинской котловины, ограниченные с юга алтайским (ойротским) и тувинским, с востока якутским, с запада в районе Барабинской степи частью сибирско-татарских диалектов]. Аналогичная ситуация в чувашском в Поволжье, но все это следует трактовать как вторичный фонетический процесс в районе уральско-тюркских контактов, индуцированный финно-угорскими и самодийскими языками. Граница глухого произношения палатальной аффрикаты немного шире и наряду с упоминавшимся регионом включает в себя тувинский, тофаларский и (исторически) якутский языки. Однако развитие аффрикаты в носовые *ń, n-* в хакасском и тофаларском языках по ассимиляции перед носовыми, закрывавшими слог или начинавшими следующий слог, как и в случае **b*, предполагает в любом случае вариант **ǯ́-* для этих языков в начальный период их отдельного развития. (См. об аффрикате ниже, с. 25.)

Можно в этом видеть и след развития праалтайской фонетики, ведь в пратюрк. **b-* начальном совпали праалт. **b-*, (частично **p*), **m-*, т.е. сонант, а в пратюрк. **ǰ-* – праалт. **d-*, **ǰ-* и сонанты **l-*, **ĺ-* (~**ɬ-*), **n-*, **ń-* и частично **ŋ-*.

Реализация звонких шумных. Ряд звонких шумных в пратюркском языке был представлен только спирантами в сильной интервокальной и конечно-слоговой позиции, не подверженной ассимилятивным процессам со стороны соседних согласных. Такого типа системы характерны для сибирского ареала: например, в эскимосских языках глухие бывают только смычными, а спиранты только звонкими, причем в анлауте запрещены звонкие спиранты. В чукотско-корякских языках, хотя и разрешено звонкое начало для шумных, звонкий шумный ряд представлен только спирантами, а глухих спирантов не существует; в юкагирском тундренном языке в начальной позиции разрешены только глухие шумные и сонанты, а звонкие шумные представлены только в середине слова, причем смычные звонкие берутся из исторических и морфонологических сочетаний, в частности с предыдущими носовыми сонантами и *-l-*, и имеют ограниченную встречаемость, а в целом звонкий шумный ряд имеет спирантную характеристику. В тюркских языках, судя по рефлексации в части современных языков, после носовых сонантов и *-l-* допускался смычный аллофон звонкого согласного. О спирантном характере звонких в нейтральных и сильных позициях свидетельствуют их рефлексы во всех современных языках.

Гуттуральный звонкий. Развитие вне сочетаний пратюркского **-γ(-)* в основных чертах можно представить следующим образом:

– в огузских дает *⁺-γ/g-*, в ауслауте односложных основ – *⁺TVγ/g#*, а в непервых слогах – **-V#*, внутри неразложимой основы после **ö* и **o* перед узким гласным неразличим с *⁺-v(-)* из пратюрк. **v*, развитие в *⁺-v-* также отмечается в контекстах **-ayu-* непервого слога;

– в карлукских дает *⁺-γ/g-*, в ауслауте односложных основ – *⁺TVγ/g#*, а в непервых слогах – *⁺-Vq/k#*, при словоизменении чередующиеся с *⁺-γ/g-*; в пратюркских контекстах **ayu*, **oyu* также наблюдается рефлекс *⁺-v-* наряду с *⁺-γ-*;

– в кыпчакских дает *⁺-Aw(-)*, *⁺-Ej(-)*, *⁺-Ij(-)*, в непервых слогах развитие аналогично, лишь после узких гласных наблюдается **-I#* с утерей конечного *⁺-j#*;

– в сибирских языках в интервокале согласный выпадает с последующим вторичным стяжением гласных в долгие, в ауслауте в хакасской подгруппе дает *⁺-Vγ/g#*, в алтайской подгруппе – *⁺-Vw#* с последующим стяжением с гласным и изменением его качества, в тувинско-тофаларской подгруппе развитие аналогично хакасскому, с одним конечнослоговым рефлексом *⁺-γ#* без различения ряда;

– в якутском выпадает во всех свободных позициях и в ауслауте дает удлинение узкого или дифтонгизацию широкого предшествующего гласного;

– в чувашском дает *⁺-h-*, который переходит в *-v-*, *-j-*, *-0-* в зависимости от качества исторических гласных, в конце непервых слогов дает только *-0#*.

Анализируя развития по подгруппам, можно было бы предположить, что карлукские языки представляют наиболее архаичный облик интервокального гуттурального, а именно в ауслауте после непервых гласных здесь отмечается смычный, а в середине слова заднеязычные, как правило, сохраняются. Однако на вторичность карлукского развития указывают некоторые соображения. Во-первых, в карлукских языках после гласных второго и следующих слогов происходит нейтрализация и смычных глухих, и звонких в одном из вариантов (глухом) для ауслаута, и другом (звонком) для интервокала, выбор конкретной фонетической реализации единой фонемы здесь несущественен. В чувашском языке в аналогичной позиции для ауслаута происходила нейтрализация тех же шумных звонких и глухих велярных согласных в $^{+}$*-h#* (следы которого видны в венгерских заимствованиях и в геминации предшествующих согласных при последующем аффиксе с начальным гласным). Однако такое развитие в чувашском не предполагает исторического отражения всех заднеязычных, включая **-k* как спиранта в других позициях, а ауслаутный конечнослоговой смычный в непервых слогах не предполагает смычности исторических звонких заднеязычных и увулярных в карлукском. В позиции различения исторических звонких и глухих (в карлукских это типично для однослогов) противопоставлены звонкий вариант, отражающийся как спирант в заднем ряду и в ауслауте, и при словоизменении в интервокале, и отдельно глухие смычные варианты для ауслаута, сохраняющиеся при словоизменении в виде глухих смычных в интервокале.

Во-вторых, произношение смычного звонкого в переднем ряду является инновативным процессом в позднейшем развитии карлукских языков. Реально пракарлукский переднерядный $^{+}$*-γ́-*, позднее перешедший в *-g-*, отражает не только пратюркский **-γ-*, но и пратюрк. **-δ-*, **-ń-* в контекстах $^{+}$*-iCi-*, $^{+}$*-ẹCi-*, в других случаях эти согласные дают *-j-*. Т.е. налицо процесс перехода сонанта $^{+}$*-j-* в звонкий спирант $^{+}$*-γ́-*, близкий по локальному ряду, с дальнейшим его развитием, иначе переход этих согласных в велярный смычный *-g-* без предполагающихся промежуточных этапов необъясним. Предположение же о наличии в определенный момент противопоставления *-g-* и *-γ́-* в карлукском, позднее совпавших, явно избыточно. Ср.:

уйг. *igɛ* (~ *igi-*), *egɛ* (~ *egi-*) 'хозяин' < пратюрк. **iδ-i* id. со сросшимся личным показателем 3 лица (чув. *ije*, *ɘje* 'злой дух, "хозяин"');

уйг. *egiz* 'высокий' < пратюрк. **ẹδiz̃* id. (др.-уйг. *eδiz*, алт. *ēs* и т.д.);

уйг. *begiz* 'шило', *bigiz qol* 'указательный палец' < пратюрк. **biñz̃* 'шило' (алт., кирг., балк. *miz* и др.);

уйг. *kigiz* 'войлок' < пратюрк. **k'iδiz̃* id.

По-видимому, сюда же:

уйг. *egɛr* 'седло' (с развитием первого гласного как перед следующим **-i-*) < пратюрк. **ẹźŋer* id. (чув. *jənər*), хотя в этом случае *-g-* мог быть и следом велярного **-ŋ-*;

уйг. *degɛn* маркер прямой речи ~ орхон. др.-тюрк., др.-уйг. *tijən* id. Здесь на этимологический карлукский $^{+}$*-j-* указывают памятники, но возможна и

контаминация с глагольным аффиксом причастия на **-γan.* (Этими примерами исчерпывается весь уйгурский материал, а исключений из приведенного выше правила не отмечается.)

Надо отметить, что кроме того в данных контекстах в уйгурском первый гласный также переходит в *-e-*, совпадая с рефлексом **-e-*, **-ẹ-* перед **-i-*, что взаимосвязано с развитием этого карлукского **-j-*. В заднем ряду данные согласные в контекстах $^{+}$*-yCy-* дают *-j-* без всяких следов перехода: например, *mijiq* 'усы' < пратюрк. **byδnyq* и др.

Губной звонкий. Ниже рассмотрены отражения пратюркского **-v(-)* вне сочетаний.

В огузском **-v(-)* дает $^{+}$*-v-*, причем **a* и **e* перед конечнослоговым *-v(-)* получают огубленность, которая может отражаться на письме (например, в турк. и аз.).

В карлукском **-v(-)* дает $^{+}$*-v-*, в переднем ряду закрывающий слог **-v(-)* приводит к лабиализации и переходу $^{+}$*av*, $^{+}$*ev* > $^{+}$*ov*, $^{+}$*öv*, с дальнейшим развитием $^{+}$*-v* > *-j* в переднем ряду.

В кыпчакских представлены отражения $^{+}$*-w-*, $^{+}$*-j-* с распределением по окружающим гласным; отчасти отражение такого типа наблюдается в киргизском и алтайском, с последующим стяжением $^{+}$*w* с соседним гласным и его модификацией.

В северных сибирских языках z-подгруппы отмечены рефлексы *-0-* (рядом с узким гласным) и *-b(#)*, *-γ#* с распределением по качеству соседнего гласного. Однако использование знака *-b-* в хакасском и шорском не должно вводить в заблуждение, потому что, по свидетельствам фонетических описаний, согласный *-b-* в неразложимых основах, т.е. по крайней мере тот, который не происходит из *-p-*, озвончившегося в результате чередования, оказавшись между гласными, т.е. в большей части случаев именно «этимологический» *b* «имеет оттенок щелинности» (ГХЯ, 30). Реально это следует интерпретировать как губно-губной спирант *[в]* в поствокальной позиции, а в хакасском происходит синхронный процесс нейтрализации *-b-* < $^{+}$*-p-* с *-в-* из $^{+}$*-v-* . Интересно, что этот согласный не вызывает при словообразовании и словоизменении перехода $^{+}$*-l-* начала аффикса > *-t-*, как требует нормальный шумный смычный согласный конца основы, и сохраняет звонкость даже в ауслауте (*ів* 'дом').

В тувинско-тофаларском **v* дает *-0-*, а в конце слога *-γ#*, т.е. совпадает с рефлексом **-γ#*.

В якутском в свободных позициях **v* или выпадает, или сохраняется в зависимости от исторического окружения гласных, отражаясь на письме как *-b-*, а в ауслауте дает удлинение узкого или дифтонгизацию широкого предшествующего гласного. Опять же в интервокальном положении (т.е. на месте старого **-v-*) он произносится как «звук, который может быть охарактеризован как двугубный плоско-щелевой звонкий согласный. Эта особенность артикуляции *б* была подмечена на основании записей А.Ф. Миддендорфа еще О.Н.Бётлингком» (Дьячковский II, 9–10, далее в той же работе отмечается аналогичное произношение в хакасском).

В чувашском рефлексом был $^{+}$*-w-*, который переходил в *-v-* или стягивался в конечно-слоговой позиции с предыдущим гласным в зависимости от исторического качества последнего и слоговой границы.

Как можно заметить, во всех современных языках рефлексы отражают исторический звонкий спирант, а не смычный. Следует рассмотреть исторические свидетельства. В памятниках арабской графики он однозначно отражается как *w* (*вав*), *v* (*фа* или *вав* с тремя точками), но ни в коем случае как *b* (*ба*), этим знаком внутри слова, как правило, обозначается *-p-* . В уйгурском письме используется та же буква, что и для передачи согдийского губно-губного спиранта *[-в-]*. Казалось бы, в орхонском руническом представлен смычный рефлекс, так как теми же знаками отмечается действительно смычный *b-* в анлауте. Однако в данном случае, как и в случае с серединным *-j-* и начальным *ǰ-*, используется среднеиранский принцип обозначения звонких спирантов в интервокале и коррелирующих с ними звонких смычных в начале слова (ср. использование графического *j-* при заимствовании согдийско-уйгурской письменности монголами для обозначения *ǰ-* с вынужденным конструированием новой графической модификации этого знака для передачи действительного монгольского начального *j-*). В руническом явно в серединной позиции этот согласный произносился как спирант, на что указывает передача иноязычных заимствований, таких как *čив* 'округ' < кит. *čəw* и *yśbara* 'титул благородного всадника (рыцаря)' < ср.-иран. *əśwārə*, в этих словах явно не было никаких смычных губных в тот период.

Дентальный звонкий. Сюда же примыкают и отражения **-δ-*:

– во всех «йотовых» языках отмечается *-j-*, с последующим его развитием в *-0-* в части позиций по языкам, в карлукских добавляется и вторичный переход в $^{+}$*-γ-* > *-g-* между двумя **-i-* в переднем ряду (см. выше);

– в хакасском, шорском, чулымском, сарыг-югурском переход в свистящий спирант *-z-*;

– в чувашском переход в *-j-* и *-r-*.

В якутском отмечается переход в *-t-*, кроме этого наблюдается полная ассимиляция после дентальных носовых и плавных сонантов, откуда получается *sulus* 'звезда' и типичное развитие в показателе прошедшего времени на **-δy* . В якутском собственный $^{+}$*-ϑ-* (например, в личном показателе 3 лица, из **-ss-*, из **-s* в части конечнослоговых позиций) также перешел в *-t-* одновременно с развитием пратюркского **-δ-*. Ассимиляцию сочетаний *Lδ, Nδ* > *LL, NN* представить проще, чем прогрессивную ассимиляцию второго смычного в гипотетическом *Ld, Nd*, ведь в таких случаях скорее бывает утеря сонантности первого элемента и, наоборот, регрессивная ассимиляция, как показывает диахроническая типология фонетических развитий сочетаний. Кстати, сочетание *Nl* развивается > *NN*, т.е. ведет себя аналогично. Характерен пример негидальского языка тунгусо-маньчжурской языковой семьи, в нем пратунгусские сочетания **T-r* на морфологическиских швах развивались в *TT*, т.е. **-r-* полностью ассимилировался, ср. 3 лицо мн. ч. настоящего

времени изъявительного наклонения *el-la* 'встают', *moŋ-ŋa* 'мнут', *tet-te* 'надевают', *gūn-e* 'говорят', *om-ma* 'пьют', *av-va* 'моют', *kek-ka* 'кусают' и т.д. «Эвенкийским сочетаниям (внутри основы) *ll* ~ *ld* ~ *lr* (<**lr*), *nn* ~ *nd* ~ *nr* (< **nr*) соответствуют нег. *l, n:* эвенк. *ollo, oldo, olro* // нег. *olo* 'рыба', эвенк. *nanna, nanda, nanra*// нег. *nana* 'шкура'» (Цинциус Нег., 18). Причем сочетания *-ld-* и *-lt-* присутствуют без изменений: *aldu* 'новость, слух', *alta* 'мездра', *bẻlte* 'белок глаза' и др. Как видно, прогрессивная полная ассимиляция в данном ареале характерна не для смычного дентального, а для сонанта или спиранта того же локального ряда. Но, что наиболее показательно, в аффиксах начальный **-s-* (например, в показателе условного наклонения **-sar*) полностью совпадает по рефлексам и морфонологическим чередованиям с рефлексами **-δ-* и отличается по поведению от **t-* (например, в **-tan* аффикса аблатива), это указывает на спирантный характер **-δ-* в раннем якутском, и отсюда совпадения **-δ-* и *+-ϑ-* в дальнейшей рефлексации, а не переход **-s-* > *+-ϑ-* > *-t-/-n-/-l-/ -d-* через ступень развития ***-d-* с таким же развитием (что предполагает озвончение и переход в смычный старого **-s-* в части позиций и в интервокале на стыке аффиксов). Развитие аффиксов с **-s-* начальным в башкирском во многом аналогично якутскому и отражает развитие **V-ssV* и **T-sV* (см. ниже, с. 32).

В тувинско-тофаларской подгруппе действительно следует предполагать общий смычный вариант для подгруппы, но это может быть вторичным развитием в зоне контактов с монголами. Однако ср. развитие **ẹδγü* > *ikki* 'хороший' при **bo'tya* > *botka* 'каша' – в первом случае происходит ассимиляция.

В памятниках арабской графики данный согласный в свободных позициях передается с помощью знака *дал* и никогда с помощью *даля* или *та*, редко встречающиеся случаи с *далем*, несомненно, являются описками переписчиков в непонятных для них словах или просто утерей неаккуратно поставленной точки, которая различает эти две буквы. В согдийско-уйгурской графике используется буква, которая в других изводах этого письма обозначала *-l-*, а в согдийском передавала звонкий спирант *-δ-*. В рунической графике знак для традиционно записываемого *-d- [-δ-]* никогда не используется в анлауте, то же самое правило запрещает использование знаков для увулярного *-γ- [-ʁ-]* и велярного *-g- [-γ-]* в этой позиции. Никогда не происходит ошибочной записи смычного согласного как звонкого в устойчивых оборотах после основы, кончающейся на гласный или сонант. Никогда также не происходит путаницы знаков для звонких (спирантов) и глухих (смычных) при словоизменении в непервых слогах для позиции между гласными. Такая вещь омечается для *-q-* в арабографичных памятниках, но там скорее таким образом передается смычный звонкий увулярный *-G-*, не имеющий особого обозначения, и морфонологически являющийся вариантом *-q-*. Кроме того, заимствования из иранского источника показывают на спирантное произношение орхонского *"-d-"*, т.е. *-δ-*: *šaδ* 'командующий войсками (обычно наследник кагана)' < иран. *xšāϑrə* 'воин благородного рода', *šaδaryt* 'начальник гарнизона' < иран. *xšāϑrapāti* 'сатрап, начальник про-

винции', здесь через *-δ-* передано иран. сочетание *-ϑr-*, которое ни в каких языках-потомках не дает смычных рефлексов, и еще на праиранском уровне содержало глухой дентальный спирант. Можно с большой степенью уверенности реконструировать для всех звонких шумных их спирантность, что подтверждают как данные современных языков, так и данные памятников.

Реконструкция аффрикатного ряда

В палатальном локальном ряду были представлены или аффрицированные смычные типа современных русских *"ть"[t'^{s}], "дь"[d'^{z}]*, или аффрикаты, однако принципиального противопоставления между аффрикатами (~ аффрицированными) палатального ряда и чистыми смычными (**p, *p', *t, *t', *k, *k'* и т.д.) не существовало. В серединной позиции **-ć'-* и **-ć-* различаются в огузских, сарыг-югурском, тувинском и тофаларском.

В анлаутной позиции традиционно реконструируемый тюркский **j-* (но у А.М.Щербака **ϑ-*) соответствует пратюркскому **ʒ́-*, фонологическому варианту **ć* для анлаута.

На то, что это первоначально все же был именно шумный согласный, указывают, во-первых, «запрещение» сонантного начала в абсолютном большинстве тюркских основ, во-вторых, рефлексы старой аффрикаты или шумного в большинстве тюркских подгрупп. Ср.:

в чувашском – *ś-* (< общий рефлекс для пратюрк. **ʒ́-* и для **ć'-* в немаркированной позиции), в середине слова *-ź-/-ś* (< общий рефлекс для пратюрк. **-ć(-), *-'ć(-)*, о чув. рефлексе *č* см. ниже);

в тувинско-тофаларском – *č-* (< пратюрк. **ʒ́-*, но пратюрк. **ć'-* > *š-*), тув. *-ž-/-š*, тоф. *-ǯ-/-š* (< пратюрк. **-ć(-)*, но пратюрк. **-'ć(-)* > тоф. *-h-/-'š*, тув. *-'ž-/-'š*);

в хакасском – *č-* (< пратюрк. **ʒ́-*, но пратюрк. **ć'-* > *s-*), в середине слова – *-ǯ-* (качинский) ~ *-z-* (сагайский) (< общий рефлекс для пратюрк. **-ć-, *-'ć-*), в конце слова – *-s*;

в якутском – *s-* (< общий рефлекс для пратюрк. **ʒ́-, *ć'-*), в середине слова – *-s(-)* (< общий рефлекс для пратюрк. **-'ć(-), *-ć(-)*);

в сибирских: алт. – *ʒ́-*, кирг. – **ǯ-* (< пратюрк. **ʒ́-*, но пратюрк. **ć'-* > *č-*), в середине слова – *-č(-)* (< общий рефлекс для пратюрк. **-ć(-), *-'ć(-)*);

в кыпчакских – *+ǯ-* (< пратюрк. **ʒ́-*, но пратюрк. **ć'-* > *+č-*), в середине слова – *-č(-)* (< общий рефлекс для пратюрк. **-ć(-), *-'ć(-)*);

в карлукских: уйг. *ž-* перед *-i-, -u-, -ü-*, в других случаях – *j-* (< пратюрк. **ʒ́-*, но пратюрк. **ć'-* > *č-*), в середине слова – *-č(-)* (< общий рефлекс для пратюрк. **-ć(-), *-'ć(-)*).

Только в некоторых кыпчакских языках, в узбекском, карлукском, в огузских языках и в языках центрально-азиатских памятников произошел переход пратюрк. **ʒ́-* в *j-*, что типологически целесообразней интерпретировать как ареальную инновацию, тем более, что в наиболее удаленных ветвях – в чувашской, якутской, тувинской, хакасской – представлен аффрикатный рефлекс.

Реконструкция постпалатальных рядов

Несомненно, на пратюркском уровне существовали велярный и увулярный локальные ряды. Возможно, их противопоставление было нефонематичным, хотя историческое распределение сохраняется даже при перемене сингармонистического ряда в чувашском. Как правило, увулярные шумные согласные присутствовали в заднем сингармонистическом ряду, а велярные – в переднем. Однако в якутском языке на это распределение накладывается новое ограничение, в результате которого перед гласными с началом верхнего подъема (т.е. перед *-i-, -y-, *-u-, *-ü-* и дифтонгами *-ie-, -ya-, -uo-, -üö-*) и после гласных верхнего подъема представлены велярные согласные даже в заднем ряду, а после гласных среднего и нижнего подъема – увулярный *χ [qχ]*, даже если это гласные переднего сингармонистического ряда (ср. *küöχ* 'синий').

Реконструкция латерального ряда

Чувашско-тюркские соответствия указывают на существование особого латерального локального ряда в пратюркском. В нем присутствует глухой спирант **-ɬ-* и плавный сонант **-l-*. Регулярными чувашскими рефлексами пратюрк. **-ɬ-* являются *-l-* и *-š-*, распределенные по позиции: перед этимологическим гласным – *-š-*, а не перед гласным (в конце слога) – *-l-*. В многосложных основах после собственно чувашского исчезновения конечного редуцированного гласного в абсолютном конце старое отличие основ с конечным гласным и без него отразилось лишь на рефлексации согласных с распределением, полностью аналогичным *-0~ -v < *-ɣ(ə)*; *-0~ -x, -k< *-q(ə), *-k(ə)* (см. ниже, с. 48).

Основы с чувашским конечнослоговым **-l*:

чув. *kazal* 'закат' ~ станд.-тюрк. **gečiš* 'уход' < пратюрк. **ke'cił*;

чув. *kavle-* 'жевать жвачку' ~ станд.-тюрк. **gevše-* id. Это вторичный отыменной глагол от слова **geviš* 'жвачка' (пратюрк. **kevił*), чему соответствовало бы чув. **kavъl* с регулярным развитием в *-l*. Имя в настоящее время в чув. утрачено.

чув. *kəməl* 'серебро' ~ станд.-тюрк. **kümüš* (< пратюрк. **k'ümüł*) id.;

чув. *xъvъl* 'дупло' ~ станд.-тюрк. **qoɣuš* (~ **G-*) (< пратюрк. **q(')oɣul*) id.;

чув. *xъmъl* 'камыш, ость', а также *xъmъš/ xomъš* (из праформы с конечным гласным) ~ станд.-тюрк. **qamyš* (< пратюрк. **q'amył(ə)*) id.;

чув. *xəl* 'зима' ~ станд.-тюрк. **Gyš* (< пратюрк. **qył*) id.;

чув. *xəvel* 'солнце' ~ станд.-тюрк. **qunaš* (~ **G-*) (< пратюрк. **q(')unał*) id.;

чув. *-mъl* – аффикс числительных 'шестьдесят', 'семьдесят' ~ станд.-тюрк. **-myš* (< пратюрк. **-mył*) id.;

чув. *pil(l)ək* 'пять' ~ станд.-тюрк. **bēš* (< пратюрк. **pē^{w}łk*) id.;

чув. *savъl* 'клин' ~ станд.-тюрк. **s[y]ɣyš* (< пратюрк. **sy/eɣił*) id.;

чув. *šъl* 'зуб' ~ станд.-тюрк. **sīš* (< пратюрк. **sīł*) 'вертел, колышек';

чув. *-śol* 'слеза' ~ станд.-тюрк. **jāš* (< пратюрк. **ǰāł*) id.;

чув. *śol* 'год, возраст' ~ станд.-тюрк. **jāš* (< пратюрк. **ǰāł*) id.;

чув. *sə̊mtə̊l* 'дела' ~ станд.-тюрк. **jumyš* (< пратюрк. **ǯumyt*) id.;

чув. *tol* 'наружу' ~ станд.-тюрк. **daš/ *dyš* (< пратюрк. **taɬ/*tyɬ*) id.;

чув. *tə̊lə̊* 'путы' со вторичным конечным гласным ~ станд.-тюрк. **duš* 'подвязка' (< пратюрк. **tuɬ*) > хак. диал. *tus*, шор. *tus-paq*, куу-кижи *tuš*, **duš-a-* 'путать ноги лошади';

чув. *tə̊l* 'место, цель' ~ станд.-тюрк. **dūš/ *dūš* (< пратюрк. **tūɬ/ *tūɬ*) 'случай';

чув. *tə̊lə̊k* 'сон' ~ станд.-тюрк. **dūš* (< пратюрк. **tūɬk*) id.;

чув. *čol* 'камень' ~ станд.-тюрк. **dāš* (< пратюрк. **ṭi̯āɬ*) id.;

чув. *čülək* < **čül-lək* 'супонь' букв. 'нагрудник' ~ станд.-тюрк. **dōš* (< пратюрк. **tōɬ*) 'грудь' (ср. хак. *tüs-tək* 'нагрудник у лошади');

чув. *vyškal* 'подобный' ~ станд.-тюрк. **oqšaš* (< пратюрк. **oqɬaɬ*) id. В чув. метатеза *-š-* и *-k-* уже после перехода **-ɬ-* > *-š-*.

Особые случаи: чув. *alək* 'дверь', но в верховом диалекте закономерно *algъ* при станд.-тюрк. **ēšik* < пратюрк. **ētkə*; чув. *xirl-ü* 'шерстобитный лук' ~ станд.-тюрк. **kiriš/*kyryš* (< пратюрк. **k'irɨɬ* (~ *-y-*)) 'тетива' в сложении с **jāj* (пратюрк. **ǯā(j)*) 'лук'. По всей видимости, старый тюркский этноним *bulγar*, распространенный в Европе на Волге, Кубани и Дунае, восходит к пратюркскому уровню и родственен современному *bašqurt* > *bašqort* (самоназвание башкир). Здесь станд.-тюрк. **-š-* соответствует *-l-* перед согласным. Показатель *-t* – архаичный тюркский суффикс множественного числа одушевленных лиц. Пратюркская реконструкция должна выглядеть как **baɬqor.*

Глагольные основы:

чув. *alt-* 'копать' ~ станд.-тюрк. **ēš-* 'грести, копать' (< пратюрк. **ēɬ-t-*);

чув. *ilt-* 'слышать' ~ станд.-тюрк. **eš-*, **ešit-* id. (< пратюрк. **ẹɬ-t-*);

чув. *salt-* 'развязывать' ~ станд.-тюрк. **seš-* id. (< пратюрк. **seɬ-t-*).

Обращает на себя внимание тот факт, что в тюркских языках везде представлены переходные глаголы. Сравнение чув. *tol-* 'наполняться' ~ тюрк. **dōš-* 'наполнять' некорректно, так как есть станд.-тюрк. **dōl-* 'наполняться' со значением как в чувашском (переходный глагол предполагает пратюрк. **tōɬ-t-*). Наличие данной пары в станд.-тюркском и соответствие чув. *-lt-* ~ станд.-тюрк. **-š-* в переходных глаголах может указывать на особое пратюркское морфонологическое чередование при образовании переходных глаголов от непереходных.

В следующих словах пратюркский **-ɬ-* находился перед гласным:

чув. *kanaš* (< *+kanašъ*) 'сговор, совет' ~ станд.-тюрк. **geŋeš* id. (< пратюрк. **keŋeɬə*);

чув. *küržə* 'сосед' ~ станд.-тюрк. **görši* 'человек, с которым часто видятся, знакомый' (< пратюрк. **körɬi*);

чув. *kə̊bə̊š* 'мягкий, эластичный' ~ станд.-тюрк. **köpšük* (~ **g-*) id. (< пратюрк. **k(')ö'pɬük*);

чув. *kəžəl* 'ворох' ~ станд.-тюрк. **köšül* (~ **-ü-*, **g-*) id. (< пратюрк. **k(')üɬül*);

чув. *-xažə, -xaržə* (с вторичным *-r-*) 'бровь' ~ станд.-тюрк. **qāš* id. (< пратюрк. **q'āɬə*);

чув. *хужъ, хожъ* ‘промежуток’ ~ станд.-тюрк. **qoɣuš* ‘желоб’ (< пратюрк. **q'oɣ(u)łə*);

чув. *лаža* ‘конь’ ~ станд.-тюрк. **ulaša* id. (< пратюрк. **ülałа*);

чув. *пожа* ‘кнут, плеть’ ~ станд.-тюрк. **boša* > хак. *poza* id. (< пратюрк. **boła*);

чув. *пожъ* ‘пустой, свободный’ ~ станд.-тюрк. **bōš* id. (< пратюрк. **bōłə*);

чув. *ръжъгуап-* ‘огорчаться’ ~ станд.-тюрк. **bušuryan-* id. (< пратюрк. **bułur-ɣan-*);

чув. *šan-*, сев.-зап. *žan-* ‘верить’ ~ станд.-тюрк. **yšan-* id. (< пратюрк. **yłan-*);

чув. *тъдъш* (< *+тътъшъ*) ‘частый, непрерывный’ ~ станд.-тюрк. **tutaš(y)*, а др.-уйг. *tutašy, tutčy* id. (о чередовании *-š-* ~ *-č-* см. ниже, в следующем подразделе) (< пратюрк. **t'u't(a)ły*);

чув. *тəжə тəржə* (с вторичным *-r-*) ‘зерно, ядро’ ~ станд.-тюрк. **tüš* (~ **d-*) ‘плод’ (< пратюрк. **t(')üłə*);

чув. *тəшmərt-* (< *+тəшəmərt-*) ‘разглядеть, понять’ ~ станд.-тюрк. **tüšin-* (~ **d-*) id. (< пратюрк. **t(')üłi-n-*);

чув. *vaš-* ‘дуть (о ветре)’ ~ станд.-тюрк. **üši-* ‘быть очень холодным’ (< пратюрк. **ü(ł)łi-/ *ōłi-*);

чув. *obъš-ka* ‘муж’ ~ станд.-тюрк. **apyš* ‘старик, муж’, тув. *apšyjak* (< пратюрк. **ap(y)ły-*); в чувашском и тувинском новая аффиксация;

чув. *ordъš* (< *+ord(ъ)šъ*), диал. *ortъš* (Ашм., вып. 3, 209) ‘можжевельник’ ~ станд.-тюрк. **artyš* id. В чувашском говоре сохранилась глухость *-t-*, что свидетельствует о недавнем разбиении сочетания *+-tš-*. В тюркских языках присутствует инновационная форма **artyč*, возникшая, по всей видимости, из *+artčy*, в которой *-tč-* < **-tš-* (об этом чередовании см. ниже, в следующем разделе). Дублетный пратюркский вариант, похоже, представлен в части языков, где это слово имеет вид *arča* (< пратюрк. **ar'tyłə*);

чув. *ънжърт* ‘гнев, ярость’ ~ станд.-тюрк. **yŋšyt-* ‘оскорбить’ (< пратюрк. **yŋły-r/t- tr*);

чув. *ъжъх* ‘мелкий, неглубокий’ ~ станд.-тюрк. **uvšaq* ‘мелкий’ (< пратюрк. **uvłaqə*);

чув. *əžen-* ‘уставать’~ станд.-тюрк. **üšen-* > тат. *öšɛn-* id. (< пратюрк. **üłen-*).

На отражение начального ареального пратюркского **ł-* претендуют два примера – это слова чув. *съмърт* ‘черемуха’ ~ станд.-тюрк. **jymyrt*, кыпч. **šymyrt* id. и указательная частица чув. *савъ* ‘этот; тот, чуть подальше’ ~ тюрк. кыпч. **šo-*. Однако здесь не обязательно постулировать особое отражение пратюрк. **ł-* в чувашском, так как чув. *с-* соответствует станд.-тюрк. **j-* и **č-*. В пратюркском, как показывают внешние сравнения, алтайские **d-*, **ǯ-*, **n-*, **ń-*, **l-*, **Ĺ-*, **j-* давали **ʒ́-* (станд.-тюрк. **j-*). Так что чув. *с-* здесь может происходить из пратюрк. **ʒ́-* и являться его нормальным рефлексом, а кыпч. **š-* представлять собой или ареальный архаизм, или инновацию.

Алтайские соответствия пратюркскому **-ł-* (типа прамонг. **-l-*, пратунг.-маньч. **-l-*) подтверждают латеральный характер пратюркского со-

гласного. Кроме того, развитие некоторых кыпчакских языков указывает на то, что даже на кыпчакском уровне **-š-* (< пратюрк. **-ŧ-*) и **-č-* (< пратюрк. **-ć-*) были в разных локальных рядах. Ниже представлены случаи развития по языкам, где рефлексы имеют различные отражения в локальных рядах:

в сибирско-татарском кыпч. аффриката **(-)č-* > *(-)c-*, т.е. свистящий рефлекс, а кыпч. спирант **-š-* > *-š-*, т.е. шипящий рефлекс;

в башкирском кыпч. аффриката **(-)č-* > **(-)c-* > *-s-*, т.е. свистящий рефлекс, а кыпч. спирант **-š-* > *-š-*, т.е. шипящий рефлекс;

в казахском, каракалпакском и ногайском, наоборот, – кыпч. спирант **-š-* > *-s-*, т.е. свистящий рефлекс, а кыпч. аффриката **(-)č-* > *(-)š-*, т.е. шипящий рефлекс.

Такое развитие не может быть объяснено при предположении о едином локальном ряде их артикуляции. Противное предположение о совпадении двух исторически различных, близких по месту артикуляции локальных рядов в одном ряду в остальных языках объяснимо как системная нейтрализация противопоставления.

В северных алтайских «диалектах» (куу-кижи, чалкан-кижи) станд.-тюрк. **(-)č-* > *(-)ś-* (палатальный шипящий), а станд.-тюрк. **-š-* > *-š-* (непалатальный шипящий).

В хакасской подгруппе в сарыг-югурском станд.-тюрк. **(-)č-* > *ḉ*, *-š(#)* (ретрофлексные), а станд.-тюрк. **-š-* > *-s-*, т.е. противопоставление палатальных согласных и станд.-тюрк. **-š-* так же выражено, как и в кыпчакских, хотя сарыг-югурский язык принадлежит к другой ветви, куда также входят хакасский (качинский, койбальский, кызыльский, среднечулымский, сагайский).

Следовательно, данные кыпчакской и хакасской подгрупп указывают на соотнесение с различающимися локальными рядами станд.-тюрк. **(-)č-* и **-š-*, а чувашский материал подтверждает это разделение и уточняет локальный ряд спиранта. Для пратюркского уровня это латеральный ряд. Глухой латеральный спирант был, наверное, палатализованным, но это не было фонологичным. Как показывают внешние алтайские соответствия для реконструируемой праалтайской фонемы **ĺ-* (тюрк. **-ŧ-*, яп. *-s-*, монг. **d-*, *-l-*, в остальных языках совпадающей с **l*), более правдоподобной является ее интерпретация не как особого палатального сонанта (противопоставление по палатальности для праалтайского несущественно), а как шумного латерального спиранта, развитие которого в монг. **d*, яп. **s* и рефлексация внутри тюркских языков становятся объяснимыми, а для тунгусо-маньчжурских и корейского стоит предполагать вторичное совпадение с сонантом **l* с тем же самым локальным рядом артикуляции.

Сочетания с латеральными. Для пратюркского уровня следует постулировать также особые сочетания **-łc(́)-*, восстанавливаемые по соответствиям станд.-тюрк. **-š-* ~ чув. **-ś-*. На это указывают и старые булгарские заимствования в венгерском языке, развитие сочетаний **-l-ć-*, возникавших на морфологических швах в чувашском, а также внешние алтайские соответствия.

Слова с соответствием *-ś-* делятся в чувашском языке на две группы: в первой – рефлекс *-ś-* в основе (иногда с архаичным, т.е. синхронно непродуктивным аффиксом), во второй – ряд глаголов, где *-ś-* соответствует стандартно-тюркскому глагольному суффиксу взаимного залога **-š-* (обычным рефлексом этого суффикса является закономерный чув. *-š-*). Для первой группы слов в тюркских параллелях иногда встречается сочетание *-lč-*, что является или архаизмом (реально это вторичное разбиение исконного сочетания узким гласным, в результате чего не прошла ассимиляция согласных, и последующая закономерная элизия этого гласного), или результатом морфологического выравнивания. Отметим, что при продуктивной аффиксации сочетания **-lč-*, **-lǯ-* в большинстве тюркских языков сохраняются, а в чувашском языке сочетания такого типа встречаются перед продуктивным уменьшительным аффиксом *-čăk/ -čək*. Случаи, где чув. *č* происходит из пратюрк. < **t(')*, разумеется, не учитываются. В следующих основах чувашский *-ś-* указывает на пратюркские сочетания **-ɬć-*:

чув. *kivźen* 'долг' > венг. *kölcsön* id. ~ МК *kevšeŋ* 'подарок едой во время праздника урожая', башк. *kefeŋ* 'долг' со специфическим развитием *-vš-* > *-f-* (< пратюрк. **k(')evüɬćeŋ*); монг. *küwle-* 'давать в долг под проценты';

чув. *kəźən-* 'ржать' ~ станд.-тюрк. **kišne-* id. (< пратюрк. **k'iɬćine-*);

чув. *xirəś* 'противоположный' ~ станд.-тюрк. **qaršy* (~ **-u*) 'противоположный; пересекающийся' (< пратюрк. **q'aryɬću/y*); монг. **karilčan* 'взаимно, соотносительно с чем-либо';

чув. *xyś-* 'чесать' ~ станд.-тюрк. **qašy-* id. (< пратюрк. **q'aɬćy-*); монг. **kalčala-* 'сдирать верхний слой';

чув. *xəś* 'меч' ~ станд.-тюрк. **qylyč* (~ **-ǯ*) id. (< пратюрк. **q'ylyć*). [В чув. в пратюркских словах с выпадающим при словоизменении вторым узким гласным регулярно представлена односложная структура: станд.-тюрк. **qul(u)n* 'жеребенок' ~ чув. *хӳм*, станд.-тюрк. **gel(i)n* 'сноха, невестка' ~ чув. *кин*, станд.-тюрк. *boj(u)n* 'шея' ~ чув. *мӳj* etc.] В тюркских языках сохраняется *-lyč* из-за выравнивания по формам перед суффиксом на согласный и безаффиксальному номинативу;

чув. *piś-* 'изготовиться, свариться; созреть, поспеть' ~ станд.-тюрк. **byš-* id. (< пратюрк. **byɬć-*), ср. коми-зыр. *piš-* < **pinʦš-* id. (VEWT 76);

чув. *pizźen* 'осот, бодяк' ~ тат. *bilčɛn* id. (< пратюрк. **belćen*);

чув. *pizźixxi* < **pil+śyγъ+ə* (3sg.) с выравниванием вокального ряда 'пояс, кушак', при *śyγъ* 'завязка' ~ калька в кыпч., тат. *bilbaw* id., буквально 'поясная завязка';

чув. *pizźək* (с новым продуктивным аффиксом *-ək*) 'воспаленный' ~ МК *bušγaq* 'измученный, расстроенный' (< пратюрк. **bi̯uɬćʌ-*); монг. **bülčüj-*, **bölčüj-* 'иметь отек, иметь опухшие глаза';

чув. *pośś* 'голова' ~ станд.-тюрк. **baš* id. (< пратюрк. **bałć*); монг. *malǯan*, **melǯen* 'лысина, лысый';

чув. *pośś-ne* (dat. при показателе 3sg.) 'кроме' ~ станд.-тюрк. **baš-γa* (dat.) 'по-иному, другой' (< пратюрк. **bałć-*);

чув. *püźek* (с новым уменьшительным аффиксом *-ak/ -ek*) 'рубец, шрам'~ станд.-тюрк. **bāš* 'рана, рубец' (< пратюрк. **bi̯āt̑ć*); монг. **bilčahu* 'волдырь, шрам, нарост';

чув. *šyś-* 'пухнуть, опухать' ~ станд.-тюрк. **sīš-/*čīš-* id. (< пратюрк. **sit̑ć-*); монг. **čulčaj-* 'быть пухлым (о ребенке)', **čelčej-* 'быть мягким, сочным и жирным';

чув. *šoś-* 'скользить' > тат. *šylyaq* 'скользкий' (< пратюрк. **si̯alt̑ć-*);

чув. *śemźe*, *śamźa* 'мягкий, рыхлый, нежный' ~ станд.-тюрк. **jumšaq* (~ **-y-*) id. (< пратюрк. **ǯ́ymylt̑ćaq*);

чув. *śenźe* 'хвощ, мышиный горошек' ~ МК *čeništürük* 'лишайник' и *čeŋlik* 'повилика' (< пратюрк. **č'enilt̑ć-*);

чув. *śimeś* 'плод' > венг. *gyümölcs* ~ станд.-тюрк. **jemiš* id. (< пратюрк. **ǯ́ęmilt̑ć*);

чув. *śiś-* 'блестеть', *śizem* 'молния' ~ станд.-тюрк. **jašu-* 'сиять, блестеть', **jašyn* 'молния' (< пратюрк. **ǯ́ąlt̑ću-*, **ǯ́ąlt̑ćyn*). Любопытно слово «Луна» в КБ *jalčyq* (QBN 22, 10). Оно явно образовано от этого глагола (букв. значение 'светило'), но отглагольных имен на *-čyq/-čik* в тюркских языках нет, есть только отыменной омонимичный суффикс с уменьшительным значением. По всей видимости, в этом слове отглагольным аффиксом является **-(y)q/*-(i)k*, а *-č-* относится к корню. Это архаичная, возможно диалектная форма с сохранением пратюркского сочетания **-łć'-*, которая осталась в значении 'Луна' наряду с регулярной формой *jašyq* 'Солнце' в том же памятнике (QBN 361, 13; 385, 1; 445, 5);

чув. *śybъś-* 'приклеиться, липнуть' ~ станд.-тюрк. **japyš-/*japčy-* id. (< пратюрк. **ǯ́ą'pylt̑ć-*); монг. **nihaldu-* id.;

чув. *səźə* 'нож' ~ станд.-тюрк. **jüli-* 'брить, резать', **jülgüč* 'бритва'. Чувашская форма может происходить или из метатезированной праформы типа станд.-тюрк. *+jülčüg,* или быть результатом развития булгарского *+śələś* с последующим выпадением *-l-*, как в слове «меч» чув. *xəś* ~ станд.-тюрк. **qyl(y)č;*

чув. *tavźъr-* 'понимать, соображать' ~ станд.-тюрк. **devšir-* (~ **t-*) > тат. *töšer-* id. (< пратюрк. **t(')evült̑ć-*);

чув. *tivəś* 'долг' ~ башк. *teješ* id. (< пратюрк. **t(')evült̑ć*), по-видимому, старый альтернат к *kivźen.* Башкирско-чувашская изоглосса аналогична развитию слова «еж»: станд.-тюрк. **kirpi* ~ чув. *čərəp* < **tirpi*, башк. *terep* (< пратюрк. **k'ir'pi* (~ **t(')ir'pi*);

чув. *viś-* 'мерить, взвешивать' ~ станд.-тюрк. **ölč(e)-* id. с сохранением сочетания в остальных тюркских (< пратюрк. **ölt̑ć(e)-*);

чув. *əś* 'работа, дело' ~ станд.-тюрк. **iš* id. (< пратюрк. **ilt̑ć*); ср. монг. **üjle-* 'работа, дело';

чув. *anaś* 'закат, запад' ~ станд.-тюрк. **eniš* 'спуск' (< пратюрк. **en[i]łt̑ć*), отглагольное имя от **enil-* 'спускаться' etc.

Перед тем как рассмотреть слова, где *-ś-* в чувашском соответствует аффиксу взаимного залога (при наиболее частотном закономерном *-š-*), необходимо отметить, что, во-первых, в современном тувинском и тофаларском,

а также в древнеуйгурском языках есть морфонологическое чередование, когда аффикс *-šˊ-* при выпадении предшествующего гласного переходит в *-čˊ-* после *t, d, n, l*; во-вторых, в современных тюркских языках при образовании двойных залоговых форм аффикс *-šˊ-* (взаимного залога) встречается только после *-n-* (аффикса возвратного ~ страдательного залога) и *-tur-*, *-ur-* etc. (аффиксов понудительного залога), но не встречается после *-l-* (афф. страдательного залога). Для тех немногочисленных случаев, когда в чувашском языке отмечен *-sˊ-*, почти всегда находится глагольная основа в страдательном залоге на *-l-*, которая к тому же ближе по значению, чем чистая глагольная основа, и, может рассматриваться как производящая. Логично считать, что в этих случаях в пратюркском была композиция двух залоговых аффиксов – сначала страдательного, а потом взаимного залога. Сочетание *-l-* (< **-l-*) и *-šˊ-* (< пратюрк. **-ɬ-*) по стандартно-тюркскому морфонологическому правилу, отраженному в тувинском, тофаларском и древнеуйгурском, должно было перейти в нечто типа **-ɬčˊ-*, и данное сочетание везде, кроме чувашского, давало *-šˊ-*, т.е. фактически совпадало с аффиксом взаимного залога. Таким образом получает объяснение двоичность соответствий в чувашском при отражении взаимного залога, а кроме того, имеет свою фонетическую интерпретацию запрещение аффикса *-šˊ-* после *-l-* (страдательного залога) в большинстве тюркских языков. Семантическая интерпретация этого правила в таком случае становится излишней.

В следующих основах предполагается сочетание аффиксов страдательного и взаимного залогов:

чув. *апъсˊ-* < *+ъпъсˊ-* ‘удаваться, спориться’ ~ станд.-тюрк. **ōŋal-/*ōŋul-* ‘стать лучше, выздороветь’ (< пратюрк. **ōŋuɬčˊ-* < *+ōŋul-ɬ-*);

чув. *авръсˊ-* ‘коробиться, свернуться’ ~ станд.-тюрк. **eγril-* ‘ссучи́ться’ (< пратюрк. **eγriɬčˊ-* < *+eγr-il-ɬ-*), при **eγir-* ‘гнуть’;

чув. *пəдəсˊ-* ‘соединяться’ ~ станд.-тюрк. **bütüš-* id. (< пратюрк. **bü'tüɬčˊ-* < *+bü't-ül-ɬ-*);

чув. *сабъсˊ-* ‘биться’ ~ станд.-тюрк. **čapyš-* id. (< пратюрк. **čˊa'pyɬčˊ-* < *+čˊa'p-il-ɬ-* (~ *-e-*)), при **čap-* ‘хлестать’;

чув. *валесˊ-* ‘раздавать’ ~ станд.-тюрк. **üleš-* (~ **ö-*) id. (< пратюрк. **öleɬčˊ-* < **öle-l-ɬ-* (~ **ü-*));

чув. *върсˊ-* ‘драться, биться’ ~ станд.-тюрк. **urul-* ‘быть битым’ (< пратюрк. **ur-ul-ɬ-*), при **ur-* ‘разбивать, рушить, ставить’.

Реконструкция дентальных сибилянтов

Рассматривая сибилянт **s*, следует отметить, что на пратюркском уровне в части диалектов этот согласный произносился как межзубный спирант *[ϑ]*. По крайней мере следы такой артикуляции наблюдаются в туркменском, башкирском и якутском языках, принадлежащих к разным подгруппам.

В литературном туркменском и в основных диалектах **s* произносится как *[ϑ]*.

В западном башкирском, легшем в основу литературного языка, поствокальный **-s-* > *-ϑ-*, а в анлауте и в начале слога после согласного **s-* > *+ϑ-* >

h-. Ср. *hyw* 'вода', *hary* 'желтый', *bawyrhaq* 'пончики', *burhyw* 'преть', *burhyq* 'барсук', *aqhaq* 'хромой', *bükhɛ* ~ *büϑkɛ* 'неполный' и т.д. В восточных диалектах **s* во всех позициях произносится как *[ϑ]*.

В якутском (до середины прошлого века) серединный **-s-* произносился как спирант типа *-s-*, а в анлауте **s-* > *+ϑ-* > *+h-* > *0-* в раннеякутский период. В некоторых сочетаниях и грамматических формантах **-s-* > *+-ϑϑ-* > *-t-* в якутском, т.е. здесь рефлексы геминированного согласного дентального (не свистящего !) ряда. Ср. *itī* (< пратюрк. **issiγ*) 'горячий', *uturuk* (< пратюрк. **osruq*) 'ветер из желудка; топот', *utaχ* (< пратюрк. **suvsaq*) 'жажда' etc. Замечательно, что на стыке морфем при словоизменении в якутском представлен рефлекс «усиленного» **-ss-* в аффиксе 3 лица *-ta* ~ станд.-тюрк. **-sy*, в аффиксе условного наклонения *-tar* ~ станд.-тюрк. **-sa(r)*, именно в этих аффиксах в западном башкирском отмечается *-hy* и *-ha* с развитием согласного как в анлауте или в сочетании после другого согласного. По всей видимости, башкирский также отражает геминированный **-ss-* в интервокале с развитием ожидаемого *+-ϑh-* > в *-h-*.

Следы межзубного произношения станд.-тюркских **s, *z* (< пратюрк. **s, *r̃*) отмечены в казахском, каракалпакском, где кыпч. **ǯ-* переходит в *d-* перед **z, *s* вследствие ассимиляции по локальному ряду: каз. *düz* 'сто', *düz* 'лицо', *düz-* 'плавать', *duzaq* 'петля', *tysaq* 'двухлетний ягненок', ккалп. *dastyq* 'подушка' и т.д.

История перехода **s* в межзубный спирант в диалектах, легших в основу данных языков, нуждается в дальнейших исследованиях с привлечением материалов по исторической тюркской диалектологии.

Стандартно-тюркскому **-δ-* в чувашском языке соответствует два типа рефлексов: *-r-* или «древнечувашский» (~«булгарский») *+-j-*, давший в современном языке в зависимости от окружения гласных или *-j-*, или *-v-*, или *-0-* с мягкостью на соседнем согласном. При чувашском *-r-* в других алтайских языках представлено соответствие *-d-*, и не вызывает сомнения устоявшаяся интерпретация этого ряда тюркско-чувашских соответствий как пратюркского **-δ-*. Это следующие основы:

чув. *ara* 'очень' ~ станд.-тюрк. **eδe, *iδe* id. (< пратюрк. **eδe*);

чув. *ir-zə* 'кожевник' ~ станд.-тюрк. **eδ-* 'дубить кожу' (< пратюрк. **ẹδə-*);

чув. *jar-* 'посылать' ~ станд.-тюрк. **ȳδ-* id. (< пратюрк. **ȳδə-*);

чув. *jərəx* 'святой' ~ станд.-тюрк. **yδuq* 'священный' (< пратюрк. **i̯yδuqə*);

чув. *kərü* 'зять' ~ станд.-тюрк. **güδeγü* id. (< пратюрк. **küδeγü*);

чув. *kərə-š-* (~ *-ə̌*) 'нанимать, сдавать в наем' ~ станд.-тюрк. **iš küδük* 'дело' (< пратюрк. **k(ʻ)üδü-*);

чув. *хуръ* 'сосна' ~ станд.-тюрк. *qaδy* id. (< пратюрк. **qʻạδy*);

чув. *хор-* 'класть' ~ станд.-тюрк. **Goδ-* 'класть, ставить' (< пратюрк. **qoδə-*);

чув. *хоŕen, хоŕan* (диал.) 'заяц' ~ станд.-тюрк. **Goδan* id. (< пратюрк. **qoδan*);

чув. *хогъп* 'береза' ~ станд.-тюрк. **qāδuŋ* id. (< пратюрк. **qʻāδuŋ*);

чув. *хогъл* ‘родня’ (песен., архаичн.) ~ станд.-тюрк. **qaδ(y)n* ‘тесть, родня по свойству’ (< пратюрк. **q'aδyn*), чув. совр. *хоп* ‘родственник, тесть’ соответствует станд.-тюрк. основе с аффиксом 3 лица **q'aδn-y* ;

чув. *хәрә* ‘край’ ~ станд.-тюрк. **Gyδyγ* id. (< пратюрк. **qyδyγ*);

чув. *or-* ‘беситься, приходить в неистовство’ ~ станд.-тюрк. **aδa-* ‘подвергать опасности’ (< пратюрк. **aδa-*);

чув. *ога* ‘нога’ ~ станд.-тюрк. **aδaq* id. (< пратюрк. **aδaq*);

чув. *огъ* ‘трезвый’ ~ станд.-тюрк. **aδyq/ *aδyγ* id. (< пратюрк. **aδy-q/γ*);

чув. *sor-* ‘плевать’ ~ станд.-тюрк. **suδ-* id. (< пратюрк. **suδə-*);

чув. *šъr-* ‘мочиться’ ~ станд.-тюрк. **siδ-* id. (< пратюрк. **syδə-*);

чув. *šъraś* ‘кисточка на конце пояса; кайма, обшивка’ ~ станд.-тюрк. **syδ-* ‘подворачивать’, **syδyγ* ‘пола, подол’ (< пратюрк. **syδə-*);

чув. *śyrla* ‘ягода’ ~ станд.-тюрк. **jeδ(γ)elek* ‘земляника’ (< пратюрк. **ʒ́eδ(γ)elek*);

чув. *śoran* ‘пеший’~ станд.-тюрк. **jaδaγ* id. (< пратюрк. **ʒ́aδaγ*), в чув. *-n* – наречный аффикс, происходящий из старого инструменталиса, букв. ‘пешком’;

чув. *tъ̊ran-* ‘насытиться’ ~ станд.-тюрк. **toδun-* id. (< пратюрк. **t'oδə-*);

чув. *čar-* ‘останавливать’ ~ станд.-тюрк. **dȳ δ-* id. (< пратюрк. **tȳδə-*);

чув. *vara* ‘позже’ ~ станд.-тюрк. **ōδ* ‘время; сутки’ (< пратюрк. **ōδ(e)*);

чув. *vъ̊ran-* ‘просыпаться’ ~ станд.-тюрк. **oδun-* id. (< пратюрк. **oδə-*);

чув. *və̊rge* ‘страсть, тоска’ ~ станд.-тюрк. **öδüγ, *öδge* ‘половое влечение’ (< пратюрк. **öδüke*) и некоторые другие.

Также морфонологическое чувашское чередование *-d-* ~ *-r-* в показателях локатива, аблатива, конкретного прошедшего времени указывает на происхождение *-r-* в таких аффиксах из пратюркского **-δ-*. Точно такое же чередование отмечается в древнетюркских рунических памятниках в тех же самых показателях, где варианты, записанные с «глухим» *-t-*, возможны только после сонантов, а после основ на гласные и шумные согласные представлено *-δ-*.

Группа слов, где стандартно-тюркскому **-δ-* в чувашском соответствует *+-j-*, довольно многочисленна, и присутствующие в ней слова имеют фонетическое развитие, присущее исконным словам. Это отвергает гипотезу, что все такие случаи являются заимствованиями. Слова с чувашским *+-j-* четко делятся на две группы: а) слова с последующим *-r-* основы и б) менее десятка слов без последующего *-r-*.

Группа а

чув. *jer-* (< *+əjer-*) ‘приставать к кому-либо, следовать за’ ~ станд.-тюрк. **eδer-* id. (< пратюрк. **ęδer-*);

чув. *хojъr* ‘кора’ ~ станд.-тюрк. **qaδ(y)ryq* (~ **G-*) ‘кора, короста, чешуя’ (< пратюрк. **q(')aδryq*);

чув. *хüre* ‘хвост’ ~ станд.-тюрк. **quδruq* id. (< пратюрк. **q'uδruq*);

чув. *хъjъr-* ‘скрипеть зубами; саднить (о ране)’ ~ станд.-тюрк. **qaδyr* ‘сильный, жестокий’ (< пратюрк. **q'aδyr-*);

чув. *рът̊ʒъ̊gan* ‘трясогузка’ ~ станд.-тюрк. **buδurčyn* ‘перепелка’ (< пратюрк. **buδurcy*);

чув. *sajra* 'редкий, разряженный' ~ станд.-тюрк. *seδrek* id. (< пратюрк. **seδrek*);

чув. *šъjъr-* 'тереть, чесать, счищать' ~ станд.-тюрк. **syδyr-* id. (< пратюрк. **syδyr-*);

чув. сев.-зап. *śъmъr* (в других диалектах вторично *čъ̊mъ̊r*) 'кулак' ~ станд.-тюрк. **juδruq/ *jumruq* < *jŭδruq* id. (< пратюрк. **ʒuδruq/*ʒum(δ)ruq*);

чув. *ojъr-* 'разделять, отделять' ~ станд.-тюрк. **aδyr-* id. (< пратюрк. **aδyr-*);

чув. *ъjъr,* верхов. *yŕъ* 'жеребец' ~ станд.-тюрк. **aδɣyr* id. (< пратюрк. **aδɣyrə*).

Группа б

чув. *yjyъ* 'сон' ~ станд.-тюрк. **uδqu* ~ **uδuq* id. (< пратюрк. **uδqu*), образование от глагола **uδ-* 'спать';

чув. *jəner* 'седло' ~ станд.-тюрк. **eδŋer* id. (< пратюрк. **ẹδŋer*);

чув. *kaj* 'сзади, назад' ~ станд.-тюрк. **keδ-in* instr. id. (< пратюрк. **k'eδ*);

чув. *xyv-* 'лить, выливать' ~ станд.-тюрк. **Guδ-* id. (< пратюрк. **quδ-*);

чув. *xojyъ, xojъx* 'горе, беда' ~ станд.-тюрк. **GaδGu* id. (< пратюрк. **qaδqu*);

чув. *tъjъx* 'усы' ~ станд.-тюрк. **byδnyq* 'борода, усы' (< пратюрк. **byδnyqə*);

чув. *pü, pə̊v-* 'тело' ~ станд.-тюрк. **boδ* 'тело, сам' (< пратюрк. **boδ*);

чув. *pə̊ve-* 'красить' ~ станд.-тюрк. **boδa-* id. (< пратюрк. **boδ-a-*);

чув. *vyĺъx* 'скот' (< *+vъj-lъx*, где *-lъx* суффикс собирательности) ~ станд.-тюрк. **oδ* 'бык' (< пратюрк. **oδ*).

Как можно заметить, основы, приведенные на с. 32, или имеют последующий после **-δ-* гласный, или являются глагольными основами в остальных тюркских с конечным **-δ-*. В группе б, наоборот, **-δ-* представлен в сочетаниях и в конце односложных основ. Сюда же входит и слово *xoń* 'тесть' < пратюрк. **q'aδn-y* . Глагол **boδa-* 'красить' подобен отыменному образованию *kavĺe-* 'жевать' (станд.-тюрк. **gövüš* 'жвачка' и **gövš-e-* 'жевать') и ячвляется производным от имени **boδ* 'краска'. Исключение представляет глагол *xyv-* 'выливать, высыпать', но вполне возможно, что в данном случае чувашский продолжает четкое различение основ на согласный и редуцированный гласный, унифицированное в остальных тюркских языках.

Реконструкция дрожащих

Пратюркский плавный сонант **r̃* по своему качеству подобен современному чешскому *ř* или английскому *r,* т.е. артикулировался с помощью кончика языка без дрожания. Находиться он мог как в апикальном ряду (благодаря чему в большинстве тюркских языков занял нишу в ряду звонких спирантов, т.е. *-z-*), так и в палатальном ряду, на что может указывать морфонологическое чередование в форманте оптатива 3-го лица в руническом древнетюркском, где после основ на сонант представлен вариант *-čun* (*bol-čun*), а после основ другого типа *-zun* (*bol-ma-zun*) аналогично чередованиям *-ta ~-da [-δa]* в локативе, *-ty ~-dy [-δy-]* в перфекте и др. И в том, и в другом случае звонкий шумный заменяется аналогом из смычного ряда, со-

ответственно в орхонском руническом данный согласный имел палатальный характер (любопытно, что знак для *-z-* является зеркальным вариантом знака для *-ń-* в рунической письменности). В среднечулымском, кызыльском языках хакасской подгруппы и в саларском языке огузской подгруппы отмечаются палатальные записи станд.-тюрк. **z*, как правило, в ауслауте (сал. *duź*, чул. *tüś* 'соль', кызыл. *köś* 'глаз' и др.). Обычная рефлексация данного согласного в чувашском как *-r-*, архаичные морфонологические чередования *-r- ~ -z-* во многих тюркских языках при словообразовании (Хелимский 2002, 256–266) указывают на исторически сонантный характер данного согласного в пратюркском, что хорошо подтверждается внешними алтайскими данными (монг. **-r-*, тунг.-маньч. **-r-*, кор. **-r-*, яп. **-r-/*-t-*).

Традиционно считалось, что станд.-тюрк. **-z-* в чувашском соответствует только *-r-*. Слова, где в чувашском представлено *s*, считались кыпчакскими заимствованиями. Однако некоторые факты заставляют сомневаться во всеобъемлющем характере данного утверждения. Во-первых, в части слов в чувашском языке развитие гласных и согласных такое же, как и в «исконных» словах, и трудно предполагать заимствование из другого тюркского языка. Во-вторых, в некоторых тюркских основах встречаются дублеты с чередованием станд.-тюрк. **-rs-* ~ **-z-*, и именно в этих словах в чувашском представлено соответствие *s* . Например:

чув. *jos* 'горностай' ~ станд.-тюрк. **āz* 'горностай, ласка', МК *az* и кирг. *arys* (< пратюрк. **jār̃s*);

чув. *koś* (*kośs-i*) 'глаз' (*-ś* вторично из *-s* под влиянием старого переднего ряда основы) ~ станд.-тюрк. **göz* id. при **gör-* 'видеть' и **görse-t-* 'показывать', где *-t-* – каузативный суффикс (< пратюрк. **körsə*);

чув. *tirəs, tisləк* 'навоз'~ станд.-тюрк. **ders* и **tezek* id. (< пратюрк. **ter̨s, *t'er̨̃s-ek*);

чув. *čavza* 'локоть' ~ станд.-тюрк. **tirsyek* id., МК *tirsgek*, турк. *tirsek*, каз. *tirsek* 'берцовая кость' и уйг. *tizzɛ* 'сустав', тув. *diskek* 'колено' (< пратюрк. **t'ir̃syek*);

чув. *vazan* 'долина, ложбина' ~ станд.-тюрк. **özen* 'река, русло реки', **öz-* 'течь' (> аз. *öz-*) и як. *örüs* (< пратюрк. **ör̃s*, **ör̃s-en*, ср. монг. **urus-* 'течь', **usu-n* < **ursu-n* 'вода' с регулярным развитием сочетания).

В таких случаях представлено варьирование пратюркских вариантов **-rs-* ~**-r̃s-* (илц диалектальное, или морфонологически обусловленное), второй вариант довольно рано совпал со станд.-тюрк. **-z-* < пратюрк. **-r̃* через ступень **-zs-*, а в чувашском какое-то время сохранялся, но впоследствии дал *s* [сюда, возможно, относится еще станд.-тюрк. **tōz* 'посуда из бересты' и кыпч. **torsyq* 'бурдюк из козлиной шкуры' < пратюрк. **t(')ōr̃s*, ? станд.-тюрк. **düz* 'правильный, верный' ~ **dürs* 'порядок' (огуз.) < пратюрк. **tür̃s*]. В чувашском языке и обычные сочетания **-rs-*, сохраняющиеся в других тюркских языках, также отражаются как *s*:

чув. *kəsmen* 'весло' ~ станд.-тюрк. **kürüsmen* (< **k(')ürsümen*) id.;

чув. *pozъx-* 'стать затхлым, вонючим' ~ станд.-тюрк. **borsu-* 'вянуть, стать затхлым' (< пратюрк. **borsu-*);

чув. *oslan* 'лев' ~ станд.-тюрк. **arslan* (*-ŋ*) id.

Такого развития не происходило при раннечувашской палатализации и переходе **s* > *š*:

чув. *pyržъ* 'кишка' ~ станд.-тюрк. **bāγyrsa/uq* id. (< пратюрк. **bāγyrsiq*);

чув. *porъšˇ* 'барсук' ~ станд.-тюрк. **bors(m)uq* id. (< пратюрк. **bors(m)yq*).

Чувашские формы отражают гласный **-y-* второго слога, а сохранение *-r-* в *-rš-* указывает на упрощение сочетаний в достаточно поздний период, уже после процесса палатализации, и только перед *-s-*.

При рассмотрении морфологических чередований в тюркских языках, показанных Е.А.Хелимским (Хелимский 2002) на материалах Т.Текина и Р.Г.Ахметьянова, следует уточнить, что, во-первых, такого типа чередования наблюдаются только для станд.-тюрк. **-z*, находящегося в ауслаутной позиции производящей, аффиксально неоформленной основы. Единственный пример серединного чередования хак. *ize*, саг., шор. *eze* 'прежде, раньше' следует отделять от представленного в тув. *e'rgi*, хак. *irgə*, сюг. *e'rkə* 'старый', который соотносится с пратюрк. **ēr (-te)* 'рано, раньше, прежде' и является прилагательным, образованным от локативных (~ временны́х) основ или падежей с помощью суффикса **-'ki*. Наоборот, пратюрк. **es-ki* 'старый' является коррелятом для этих сибирских основ (монг. **(h)esi* 'происхождение, начало', кор. **ps-kyí, *ps-tái* 'время', яп. **pìsà-si* 'старый, древний'), и образовано оно также в большинстве языков с помощью того же аффикса. От части прилагательных и некоторых существительных с конечным **-r̃* образуются глаголы со значением становления качества путем добавления гласного. При этом происходит синкопа предыдущего узкого гласного основы, в результате которой **-r̃* оказывается вторым компонентом сочетания согласных. В таких архаичных образованиях практически регулярно **-r̃* переходит в **-r* , тем более, что сочетания **-Tr̃-* внутри неразложимых основ фактически запрещены (ср. **amur̃* 'тихий, спокойный' ~ **amr-a-* 'стать спокойным, успокоиться', **semr̃* 'толстый' ~ **semr-e/ü-* 'толстеть', **ʒ́avur̃* 'плохой, слабый' ~ **ʒ́avr-u-* 'ослабеть', **t(ʻ)uvur̃* 'крупный' ~ **t(ʻ)uvr-a-* 'увеличиваться в размерах', **kēpi-r̃* 'с большим животом' (огуз.) ~ **kēpr-e-* 'чваниться, важничать' (кыпч.), **ʒ́uldur̃* 'звезда' ~ **ʒ́uld(u)r-a-* 'блестеть (о звездах)' (огуз.), **qūtur̃* 'сумасшедший' ~ **qūt(u)r-a-* 'сходить с ума', **baŋyr̃* 'смысл, размышления' (кыпч.) ~ **baŋ(y)r-a-* 'созерцать, погружаться в размышления', **-sur̃* аффикс аттрибутивов отсутствия признака ~ **-s(u)r-a-* 'остаться без чего-либо', неполнота качества, **ty'qyr̃,* (~ **-γ-* чув.) 'крепкий, плотный' ~ **tyγr-a-* 'стать сильным' (МК), сюда примыкают именные образования, например для последней основы **tyq(y)r-yq* 'теснина' (кыпч., тут возможны контаминации с **t'y'q(y)-* 'втыкать, пихать'), **q(ʻ)aδyr̃* 'кора' ~ **q(ʻ)aδ(y)ryq* (як.), **kö'k(ü)r̃* 'грудь' ~ **kö'kr-ek* id. (кыпч., як., тув.), **i̯e̯'kir̃* 'двойня, пара' ~ **ʒ́e̯yrümi* 'двадцать' и некоторые другие. В другой группе основ: опять же конечный **-r̃* , попав в серединное положение, отражается в языках как сочетания *-rq-/ -rk-, -rt-*. Вторая часть этих сочетаний не соотносится ни с какими аффиксами, поэтому вполне естественно для

них предполагать пратюркские сочетания с первым *-r̃-, второй элемент которых отпадает в ауслауте, а в середине слова первый *-r̃- нейтрализуется с *-r-. Например, *avur̃(ə)* 'ротовая полость' (як. *uos* 'губы', чув. *urъ*) ~ **avurt* 'внутренняя сторона рта' (як. *oburt*) < ***avur̃t* (**avurt* с восстановлением сочетания в ауслауте), **aŋyr̃* (булг. > рус. *огарь*) 'вид утки' ~ карлуқ. **aŋ(y)yrt*, в остальных **aŋyt* < ***aŋyr̃t* (монг. *angir*, тунг.-маньч. **andi*), **bēr̃* 'ткань' ~ **bert-ü* 'куртка' < ***bēr̃t-ü*, **boyur̃#* ~ **boyurt-aq* < ***boyur̃t(-aq)* 'горло' (форма МК *bo/uɣrul qoj* 'овца с беловатым горлом' к этому, скорее всего, не имеет отношения, вполне вероятно, что она связана с **buɣrulə* 'седой, чалый', тем более, что показатель *-u/ylə* встречается только в названиях цветов: **qyr̃-ylə* 'красный', **ǯāl̃-ylə* 'зеленый', а в арабском переводе в слове *xalqun* 'порода' утеряна точка и получается *ḫalqun* 'горло', а далее благодаря контаминации с кыпчакским вариантом названия горла или же монг. **bakalawur* id. этот перевод закреплен у переписчика), **eδir̃* 'огромный' ~ карлук. **egirt* (< **ēδirt*) < ***ēδir̃t* (**ēδirt* с восстановлением сочетания в ауслауте), **ijr̃(ə)* 'след' ~ **irt-e-* 'следить, искать' (форма у Ахмеда Югнекского *izde-* уникальна и является результатом вторичной контаминации с другим корнем **iste-* одновременно с *iz* 'след', или кыпчакским вариантом вторичного глагола *iz-de-* < кыпч. **iz-le-*, или просто опиской с постановкой лишней точки над буквой), **ümer̃* (огуз.), **ymyr̃* (> тат. *ymz-y* с показателем 3 л.) 'туман, дымка', **imir̃* (> тув. *imis-te-l* 'затуманиться') ~ **ymyrt* (кыпч.), **imir* (МК, огуз.), **imirt-iŋ* (тув.) < ***ymyr̃t*, **ke'kir̃* (чув. *kagъl*) 'глотка' ~ **ke'kirt-ek* id. < ***ke'kir̃t*, **q(')yr̃* (МК) ~ **q(')yrt* (МК) 'скупой' (хак. *xyrt* 'ненависть') < ***q(')yr̃t* (**q(')yrt* с восстановлением сочетания в ауслауте), **q(')oŋur̃* (~ **-m-*) ~ **q(')oŋ/murt-ɣać* (як.) < ***q(')oŋur̃t* 'жук', **omur̃* 'плечо, грудина' ~ **oŋ/murt-ɣa* 'спина, позвоночник' < ***oŋur̃t*, **ör̃-ɣe* 'другой, чужой' ~ **örtt-e-ɬ-* 'враждовать' < ***ör̃t*, **t(')or̃* 'пена на теле лошади' (кыпч.) ~ **t(')ort-a* 'вытопки, остатки масла' < ***t(')or̃t* и др. Случаи с **r̃K*: **qyr̃* 'девочка, девушка' ~ **q(')yrqyn* 'наложница, рабыня' < **qyr̃q*, **syr̃* 'боль' (> алт. *sys*, турк. *syz-syz* ономат. 'тупая боль') ~ **syr'q-a-* 'хворать' < ***syr̃'q*, **t'ēr̃* 'быстрый; убегать' ~ **t(')erk* 'скоро' (кыпч.) < ***t'ēr̃k* и др. Случаи вариантов с *-r-* и *-z-* в стандартных тюркских перед носовыми сонантами довольно сомнительны и могут быть объяснены другими способами.

Реконструкция палатального носового

Развитие пратюркского **ń* довольно хорошо показано у М.Рясянена (Ряс.Мат., 177–181). Многочисленный языковой материал убедительно доказывает наличие фонемы **ń* (а не аллофона **j*, как в Щербак 1970, 83) в любых позициях, типичных для сонанта в тюркских. Необходимо сделать небольшие уточнения рефлексации **ń* по языкам.

Пратюркский **ń* отражается как:

j̃/ń – в якутском;

j̃/j – в тувинско-тофаларском;

ń – в древнетюркских рунических памятниках;

n – в *n*-диалекте древнеуйгурского (Gab.AG 2–5, 53);

j – в *j*-диалекте древнеуйгурского (поздняя манихеика, брахми, буддистские памятники);

n – в «языках аргу и булгарском» (по Махмуду Кашгарскому);

j – в караханидском (хакани, Махмуд Кашгарский, Кутадгу Билиг) и поздних памятниках.

В других современных языках основными рефлексами **ń* являются:

jn/j – в огузских;

j, позднее ассимилировавшийся определенными соседними гласными, – в кыпчакских, карлукских, сибирских (хакасском, шорском, сарыг-югурском, диалектах Северного Алтая и т.д.);

j, позднее ассимилировавшийся определенными соседними гласными, – в чувашском.

Во всех языках, где синхронно присутствует анлаутный *m-*, происходящий из пратюрк. **b-* перед носовым конца слога или носовым начала следующего слога, происходит аналогичное развитие перед *-j(-)*, рефлексом старого **-ń(-)*. В огузских языках, а также в древнетюркском руническом и аргу носовые рефлексы отмечаются после огубленных гласных. После **a* и **y* за редким исключением (в памятниках) фиксируется только *-j-*, хотя развитие начального губного и внешние данные поддерживают якутские указания на палатальный **ń*.

Такого типа соответствия характерны для старых заднерядных основ, которых довольно много (см. список примеров, приведенных М. Рясяненом в Ряс.Мат., 177–181, и в EDAL): **āń* 'луна', **ańaq* 'чаша', **ańar̃* 'ясное небо, мираж', **ańɣ* 'зло', **c̀ańqa-* 'качать(ся)', **bań-* 'гнуть, косолапый', **bań* 'жир', **bań-* 'святой', **bāń-* 'подошва', **bańyl-* 'исчезать', **byδńyq* 'усы', **byńan* 'лебеда, солодка', **byńtyq* 'кошка', **bońyl/r* 'орешник', **syń* 'подарок', **s̯iāń-* 'бедный, несчастный', **tuń-* 'закупоривать', **t'uńɣaq* 'копыто' и др.

Следующее слово также является заднерядным:

ПТ **quńat* 'солнце' – огуз. тур., турк. *güneš* (с переходом в передний ряд из-за *-jn-* < **-ń-*), тат. *kojaš*, шор. *kujaš*, алт. куу-кижи *köjöš* (с вторичным развитием, аналогичным огузскому) id. и др., як. *kuj̃ās* 'жара, жаркий день', чув. *xə̀vel* 'солнце'. Заимствовано в венг. *hajnal* 'утренняя заря', хант. *quńъ̀l* (FUF Bd 22, 162).

Напротив, в словах «крыло», «масло, сметана» и «журавль», в которых носовой сохранятся во всех тюркских языках-потомках, а в якутском и памятниках присутствует *j̃/ń*, правильнее реконструировать не **ń*, а сочетания **-jn-*, **-ŋj-*:

ПТ **qajnatə* 'крыло' – як. *kyj̃yat*, турк. *qanāt* (долгота второго гласного в результате упрощения консонантной группы), аз. диал. *gɛnɛt*, тоф. *hanat* (< *+ka'nat*), сюг. *qenat* (< *+qajnat*), в остальных языках *qanat*, чув. *śonat* (*śonatt-i*) (< *+xjonatъ*);

ПТ **q(')ajnaq* ~ **q(')ajmaq* 'масло, сметана' – МК *qajaq* 'масло', *qyjaq* 'жир, сметана, масло', аргу, булгар (МК) *qanaq*, як. *xojnor-* (< *+xajnur-*)

'заквашивать молоко'; вариант с сочетанием **-jm-* представлен в большинстве языков – як. *xojmox* (< *+xajmux*) 'сыворотка', тур. *kajmak*, тат. *qajmaq* etc., чув. *хъjma;*

ПТ **turunja* 'журавль' – др.-тюрк. рун. *turuj̃ja* (а не *turuj̃aja* вопреки ДТС; Gab.AG, 344), як. *turuja*, тув. *durj̃ā*, тоф. *dur(u)ńa*, каз. *tyrna*, турк. *durna*, тур. *turna* etc. Дж. Клосон считает знак *-j-* в слове *turuj̃ja* (YB, 94) излишним. В целом его точка зрения ближе к истине, чем у М.Рясянена и А. Габэн, постулирующих четырехсложность данного слова. Но все же знак *-j-* здесь не лишний – с его помощью записано сочетание *-ńj-*, чтобы отличить его от простого *-ń-* . В чувашском этому слову соответствует низов. *tъrna*, верхов. *tə̑rne* (в верховой форме отражена палатализация *-ń-* из сочетания **-nj-*, вызвавшая переход слова в передний ряд *+tъ̑rńa*).

В переднем сингармонистическом ряду **ń* надежно реконструируется в слове **k'öń-* 'гореть'; в нем такие же соответствия, как и в словах заднего ряда:

ПТ **k'öń-* 'гореть', **k'öńi* 'сажа, уголь' – МК *köj-*, аргу (МК) *kön-*, тур. *köj-*, турк. *köj-*, кирг. *küj-* и др. 'гореть', як. *kȭjnor-*, *kȭj̃ör-* 'заквасить, сварить' (каузатив от «гореть»), тув. *xȭ* 'сажа', тоф. *hȭ* 'древесный уголь', хак. *köje* 'сажа', алт., кирг. *kȭ* 'сажа' и т.д., чув. *kü*, *kə̑v* 'сильный запах горелого' < **k'öńi*, *kъ̑vajt* 'сажа' < **k'õńi-t.*

В слове же «ведро, кожаный мешок», судя по сохранению *-n-* во всех языках-потомках, – сочетание **-jn-*:

ПТ **k'öjnek* 'ведро, кожаный мешок' – др.-тюрк. рун. *köńek* (Ырк Битиг, 88), МК *könek*, тур. *köjnük*, башк. *künjɛk*, шор. *könek*, каз., кирг. *könök* etc.

В ауслауте **-ń* надежно реконструируется в односложном слове «овца»:

ПТ *q'oń* – др.-тюрк. рун. *qoj̃* (Ырк Битиг, 40), МК *qoj*, аргу (МК) *qon*, тур. *koj(u)n*, турк. *qoj(u)n*, тув. *xoj*, тоф. *hoj̃*, кирг., алт. *koj*, каз. *qoj*, тат., башк. *quj*, хак. *xoj* etc.

По-видимому, палатальный **-ń* присутствовал и в ауслауте пратюркских именных основ вида *TVTVń#*, имевших алломорф *TVTń-* перед суффиксом, начинающимся на гласный. Это слова **boj(u)ń* 'шея', **ʒ́ɐl(i)ń* 'вымя', **ʒ́ül(ü)ń* 'спинной мозг', **q'oj(u)ń* 'подмышка', **oj(u)ń* 'игра':

ПТ **boj(u)ń* 'шея' – як. *mōj*, *monń-*, тув. *moj(u)n*, тоф. *mȭẽn*, *mojn-*, хак. *moj(y)n*, кирг. *moj(u)n*, турк. *boj(u)n* etc., чув. *mъ̑j*, *mъ̑jj-*;

ПТ **ʒ́ɐl(i)ń* 'вымя' – як. *silin*, *sirin*, *sinń-*, хак. *čiln-e-* 'набухать (о вымени)', алт. *ʒ́eli(n)*, каз. *želin*, тат. *ʒ́ilen*, турк. *jelin* etc., чув. *ś́ilə*, *śill-*;

ПТ **ʒ́ül(ü)ń* 'спинной мозг' – як. *sülün*, *sürün*, *sünń-*, тув. *čün* (с генерализацией косвенной основы), хак. *čələŋ*, алт. *ʒ́ülün*, *ʒ́ülüŋ*, кирг. *ʒ́ülün* 'костный мозг';

ПТ **q'oj(u)ń* 'подмышка, пазуха' – як. *xōj*, *xonń-*, тув. *xoj*, *xojun*, *xojn-*, тоф. *hoj̃*, хак. *xoj(y)n*, кирг. *koj(u)n*, турк. *qoj(u)n* etc., чув. *хü*, *хə̑v-*;

ПТ **oj(u)ń-* 'игра' – як. *onńō-* 'играть' (< **ojń-ā-*), тув. *oj(u)n*, тоф. *öen*, *ojn-*, хак. *oj(y)n*, кирг. *oj(u)n*, турк. *oj(u)n* etc., чув. *vъ̑jъ̑* *vъ̑jj-*.

Реконструировать палатальный **-ń* в этих словах позволяют специфические якутско-чувашские рефлексы. Как уже отмечалось выше, якутский, тувинский и тофаларский – единственные современные языки, где **ń* отра-

зился в особом согласном *-j̃-*. В основной массе тюркских языков, исключая чувашский и якутский, пратюрк. **-jń-* совпало с **-jn-*, а форма неоформленного именительного падежа в них возникла по аналогии при вторичном вычленении из косвенной основы, хотя в тувинском и тофаларском существует архаизм *xoj, ho͡j* 'пазуха' с ожидаемым номинативом. В якутском рефлексом является отражение через *-j̃-, -ń(ń)-* как старых сочетаний **-jń-*, так и **-jn-*. Кроме того, колебание *l* ~ *r* внутри якутских диалектов встречается только в данных именах перед морфонологическим *+-ń-*. Аналогичное колебание *r* ~ *l*, на этот раз из **r*, наблюдается в глаголах *yaryj-/ yalǯ-* 'заболеть' (морфонологически *+yar(y)j-* с конечным неавтоматическим *-j* !), *syryt-/ sylǯ-* 'навешивать' (морфонологически *+syr(y)č-*), т.е. перед согласными палатального ряда. Так что нейтрализация **r, *l* перед палатальным в сочетании – это регулярный якутский процесс. В чувашском же в этих случаях рефлекс *+-j*, который соответствует пратюркскому **-ń*, а в случае после **-l-* закономерное раннечув. *+ǯélij* переходит в *śilə*.

С другой стороны, с пратюркским непалатальным **-n* необходимо реконструировать основу со вторым «выпадающим» гласным *gel(i)n* «невестка», в которой в чув. представлено *kin*, а в як. *kinn̄* ~ *kiǰ̃n̄* (с гоноративным аффиксом старого десемантизированного показателя личного множественного числа, как и в слове *xulut* 'раб, слуга' < **qul*, с компенсаторным удлинением гласного на стыке морфем из-за упрощения предыдущего сочетания). В чувашском закономерно выпал предшествующий сонант при сохранении конечного носового *-n-*, *-m-*, что регулярно для основ с «выпадающим» редуцированным: **eɣ(i)n* 'плечо' ~ чув. *an*, **al(y)n*, **al(y)m* 'перед' ~ чув. *om*, **qul(u)n*, **qul(u)m* 'жеребенок' ~ чув. *хъm* и др. Однако чувашский в слове «невестка» отражает **-n-*, а не **-ń-*, как в приведенных выше словах. Кроме того, в основе **qyj(y)n* 'мучение' необходимо реконструировать простой **-n-*, ~ в чув. рефлекс *xən*, т.е. существует противопоставление рефлексов для пратюркских последовательностей **-j(l)n* и **-j(l)ń*, **-l(l)n* и **-l(l)ń*.

В якутском также стоит отметить вторичную компенсаторную долготу в номинативе основ *mōj* и *xōj*. Здесь это рефлекс выпадения интервокального *-j-* или старого упрощения ауслаутного сочетания, а не исконной долготы, – туркменский показывает однозначную краткость. В самом якутском эта долгота при восстановлении сочетаний в интервокале исчезает. С другой стороны, в первом слоге для долгих гласных среднего подъема единственными рефлексами являются дифтонги *ie, uo, üö*, а долгие гласные *ē, ō, ǒ* в такой позиции появляются из стяжений при выпадении интервокальных *-j-*, *-ɣ-*, *-ŋ-*, *-v-*.

Данные сочетания следует отделять от особых случаев интервокала. Это две основы – «рог» и «мозг». В первой основе, восходящей к **buńŋoj̃*, представлены следующие ряды форм.

Формы, отражающие заднерядную основу с палатальным согласным **buńōj̃* (~ **boń̊ōj̃*):

чув. *mъ̊jr-aga*, др.-уйг. (манихеика) *müjüz*, тур. *bojnuz*, азер., турк. *bujnuz*, тув. *myj̃ys* (< *+muj̃uz*), тоф. *mĩ͡s*, як. *mojuos* (< *+moj̃ōz*), *moǯuos* (< *+mojjōz*) и

вторичное *muos*. Т.е. булгарская, огузская, тувинско-тофаларская и якутская подгруппы.

Формы, восходящие к переднерядной основе **büŋür̃* с велярным согласным и неразличением по подъему непервого **-o-/-u-*:

МК *müŋüz*, хак. *mũs*, сюг. *moŋəs*, башк. *mögöð* (< *+möŋöð*), тат. *mögez* (< *+möŋez*), узб. *muguz* (< **muŋuz*), уйг. *müŋüz*. Т.е. хакасская, кыпчакская и карлукская подгруппы.

Формы, которые могут восходить как к **büńür̃*, так и к **büŋür̃*, т.е. с палатальным или велярным согласным, но отражающие вторичный передний ряд, возникший под влиянием *+-j-* < **-ń-*:

каз. *müjəz*, ног. *müjiz*, кирг. *müjüz*, алт. *mũs* и др. Здесь надо реконструировать нетривиальное сочетание внутри **buń́oŋor̃*, так как формы со следами **-ŋ-* не могут быть отражением пратюркского интервокального **-ń-*, а упереднение вокализма может быть вызвано только наличием *+-j-* (< **-ń-*). Т.е. кыпчакские, карлукские и хакасские рефлексы указывают на промежуточный вариант *+muj̃guz* в этих языках. Геминация в одном из якутских рефлексов *+-jj-* > *-ǯ-* может происходить только после упрощения сочетания, что также указывает на данную реконструкцию.

Развитие похожего типа наблюдается и в переднерядной основе **beńŋi*, что вообще нетипично, судя по фонотактике **-ń-* (см. выше).

Формы, отражающие основу с палатальным **beńi*:

тур. *bejin*, аз. *bejin*, турк. *bejni*, *mejni* и узб. (!) *mijɛ*.

Формы, отражающие основу с велярным **beŋi*:

МК *meŋi*, уйг. *miŋɛ*, чув. низов. *mimə*, верхов. *mime*, верхов. курмыш. *nime* (< *+mine* с дистантной ассимиляцией согласных в первых случаях и метатезой в последнем).

Формы, которые могут восходить как к **beńi*, так и к **beŋi*:

тат. *mij*, башк. *meje*, кирг., алт. *mẽ*, тув. *mẽ*, тоф. *mẽ*, якут. *mejĩ*. В тувинском, тофаларском и якутском рефлексы фактически те же самые, но в предыдущем примере по заднерядности основы можно было понять, к какому типу относится развитие. Чувашский ни в коем случае не отражает палатальный **-ń-*, но может восходить к основе или с велярным **-ŋ-*, или с дентальным **-n-*. Развитие гласного (точнее его реализация в виде полного гласного перед носовым) может указывать на промежуточный этап *+-ej-*, что закономерно отражает переход палатального **-ń-* в *-j-*.

Реконструкция постпалатального носового

Необходимо сделать несколько замечаний о соответствиях пратюркскому **ŋ* в чувашском языке. Вслед за Г.И.Рамстедтом (Ram.Tsch., 21–22), М.Рясянен и А.М.Щербак писали, что тюркский **ŋ* отражался как *m* в чувашском после лабиализованных гласных, а в остальных случаях – как *n* (Ряс.Мат., 169, Щербак 1970, 170). Данное положение нуждается в уточнении. Во-первых, следов такого перехода нет в глагольных основах:

чув. *tə̑n-* ‘зябнуть, мерзнуть’ ~ станд.-тюрк. **doŋ-* id., турк. *doŋ-*, аз. *don-*, тур. *don-*, тат. *tuŋ-*, башк. *tuŋ-*, кирг. *toŋ-*, тув., тоф. *doŋ-*, як. *toŋ-* etc. (< пратюрк. **toŋ-* (~ **-ö-*));

чув. *ъ̑n-* ‘удаваться, получаться; хорошо уродиться (о хлебах)’, диал. *ə̑n-* (Ашм. IV, 177) id. ~ контаминация двух тюркских корней: **oŋ-* ‘удаваться, спориться’ и **ön-* ‘прорастать’ (такая же контаминация произошла и в части кыпчакских – каз. *ön-* ‘спориться, удаваться, иметь успех’, тат. *uŋ-* ‘хорошо уродиться (о хлебах); иметь успех, удаваться’, а также ср. кирг. *ön-* ‘расти, произрастать; удаваться’ наряду с *oŋ-* ‘быть удачливым, спориться’), турк. *oŋ-* ‘удаваться’, др.-уйг. VIII в. *oŋ-* ‘улучшаться’, хак. *oŋ* ‘удача’, як. *uŋuo-* ‘совершаться, спориться’ и др. К данной группе, похоже, относится и уже осложненное аффиксом чув. *tünder-* ‘опрокинуть’ ~ станд.-тюрк. **dõŋ-* ‘опрокинуться’, **dõŋ-der-* ‘опрокинуть’ (пратюрк. **tõŋ-*). В глаголах довольно рано прошла унификация основы по суффигированным формам, где конечный **-ŋ-* основы оказывался перед дентальным согласным, в частности это показатели прошедшего конкретного времени и условного наклонения (пратюрк. **-tu-/*-ty* после сонантов, **-sa(r)*) и др.

Во-вторых, пратюркский **ŋ* не переходил в чувашский *m* после старых узких огубленных гласных (**u, *ü*), в результате чего существуют такие формы, как чув. *tə̑nə* ‘дымоход’ ~ станд.-тюрк. **düŋ-lük* ‘дымоход, верхнее отверстие в юрте’, МК *tüŋlük*, тат. *töŋlek*, башк. *tönlök, töŋnɛk*, тоф. *düŋnük*, як. *tünnük* ‘окно’ (< пратюрк. **tüŋə*) и др. Пратюркский **ŋ* дает в чувашском *m* только в именных основах и рядом со старыми пратюркскими **o, *ö*, т.е. огубленными гласными среднего подъема:

чув. *хъ̑мъ̑р* ‘бурый’ ~ пратюрк. **q'oŋur* id., МК *qoŋur*, турк. *qoŋur*, алт. *koŋyr*, башк. *quŋyr*, тув. *xõr*, тоф. *hõr*, як. *xoŋgor* etc.;

чув. *хъ̑мъ̑р* ‘трутень’ ~ пратюрк. **q(')oŋurt(-ya-)* ‘жук’, МК *qoŋuz*, турк. *qoŋuz*, чагат. *qoŋuzyan*, як. *xoŋurduos, xomurduos (< *qoŋurt-yač);*

чув. *maj* ‘способ, сноровка’ ~ пратюрк. **oŋaj* (архаичное производное от **oŋ-* ‘удаваться’, см. выше), КБ *oŋaj* ‘ловкий’, турк. *oŋaj-ly*, уйг. *oŋaj*, алт. *oŋoj*, хак. *oŋdaj (<+oŋ-laj);*

чув. *šъ̑mъ̑* верхов. (курмыш.) *šъnъ* ‘кость’ ~ пратюрк. **siŋök/*syŋoq* id.; в диалекте, легшем в основу курмышского говора, **ŋ* переходил в *m* не рядом с **o, *ö*, а только после этих гласных;

чув. *śom*, верхов. (красноальчик.) *śъ̑m* ‘сорняк’ ~ пратюрк. **ʒóŋ* ‘дерн, трава’, алт. (туба, телеут.) *ʒóŋ*, алт. (туба по Радлову) *nóŋ*. Из булгарского заимствовано в венгерский *gyom* ‘сорняк’, что указывает на относительную древность данного развития (см. не так в Ряс.Мат., 163).

В словах чув. *ə̑m-biĉĉe* ‘старший брат отца’ и *ə̑m-bü* ‘великий князь, царь’ при пратюрк. **ēŋ* ‘самый’, турк. *ēŋ*, кирг., каз. *eŋ*, хак. *iŋ*, тув. *eŋ* etc. представлена довольно поздняя ассимиляция *n* > *m* перед губным смычным. Слово *ə̑m-* отдельно не употребляется (см. Егор., 63). (о слове *mine* ‘мозг’ см. выше).

Реконструкция носовых в позиции конца слова

Наличие двух типов соответствий стандартно-тюркскому **n* в чувашском – *n, m* – исследователи интерпретировали по-разному. М. Рясянен (Ряс.Мат., 177), а вслед за ним А.М. Щербак (Щербак 1970, 170) считали рефлекс *m* собственно чувашским развитием, хотя и очень древним. Действительно, венгерские заимствования из языка, близкородственного чувашскому, отражают *m* (например, венг. *szám* 'число' при чув. *som* ~ станд.-тюрк. **sān*). А.М.Щербак, как и Й.Бенцинг (Benzing 1959, 713), предполагал, что *m* появлялся после огубленных гласных. Не отрицая, что существует некоторое количество исключений, А.М.Щербак, например, пытается объяснить их тем, что «необходим учет качественных особенностей вокализма не столько в пратюркских праформах, сколько в тех промежуточных образованиях, из которых непосредственно развились чувашские формы», и добавляет, что «следует отметить наличие в чувашском междиалектального соответствия *m* ~ *n*» (Щербак 1970, 170).

Во-первых, второй аргумент довольно сомнителен, так как, судя по материалу, в случаях колебания *m* ~ *n* (а они встречаются только в ауслауте) формы с *m* имеет, как правило, верховой диалект (особенно курмышский говор), а формы с *n* – низовой диалект, что обусловлено не столько историческим развитием, сколько последующими контактами этого диалекта с кыпчакскими языками, в частности с татарским языком, тем более, что этот диалект находится в зоне татарско-чувашского пограничья. Соответственно, архаичные нетривиальные варианты в первую очередь видны в верховом диалекте, а низовой может их или подтверждать, или избавляться от них, заменяя на более продуктивный *-n*.

Во-вторых, первый аргумент о промежуточных образованиях не подкрепляется никаким материалом, т.е. придумывается отдельный процесс, продействовавший в непонятных условиях и не давший никаких результатов, кроме перехода *n* > *m*, а потом бесследно закончивший свое действие.

Н.Н.Поппе, а потом и Г.Дёрфер, наоборот, считают чувашское состояние первичным (ИРАН 1925. Т. 19. №1–5, с. 37; UAJb, Bd 39, Hft 1–2, S. 61). Этот тезис подкрепляется монгольскими соответствиями, где с монгольским *-m* корреспондирует тюркский *-n*. Кроме того, по материалам современных монгольских языков прослеживается такая же тенденция избавления от конечного *-m* в многосложных словах, которая постулируется ими и для тюркских.

Эта точка зрения более правдоподобна, хотя следует отметить, что чувашский сохраняет не праалтайское противопоставление **-n, *-m*, а пратюркское, т.е. противопоставление того периода, когда конечные **-m* и **-n* перераспределились по новым правилам, в результате чего пратюркский **-m* соответствует монгольским и тунгусо-маньчжурским **-n, *-m* и пратюркский **-n* имеет те же соответствия.

В чувашском языке *m* соответствует стандартно-тюркскому **n* только в ауслауте именных основ, а в глагольных основах без исключений чув. *n* ~

станд.-тюрк. *n*. После широких пратюркских гласных первого и второго слога в чувашском регулярно наблюдается рефлекс *-n* :

arlan 'хомяк', *arman* 'мельница', *avdan* 'петух', *yran* 'завтра', *yrγan* 'худой', *joman* 'дуб', *jon* 'кровь', *jъran* 'межа', *kaban* 'стог', *kadan* 'лен', *kigen* 'терновник', *kivźen* 'долг', *kə̑gan* 'ушки ведра', *kə̑ren* 'розовый', *kəsmen* 'весло', *xon* 'хан', *xoran* 'котел', *ojran* 'пахтанье', *oslan* 'лев', *pyran* 'обжора', *pojan* 'богач', *poldъran* 'борщевник', *pъ̑lan* 'олень', *pъ̑van* 'слепень', *sajran* 'каждый', *soran* 'рана', *sъkman* 'кафтан', *sъran* 'кожа на ремень', *śadan* 'плетень', *śoran* 'пеший', *śüren* 'рыжий', *śъ̑ban* 'чирей', *śъrdan* 'щука', *śə̑len* 'змея', *toban* 'ступня', *tъ̑xlan* 'олово', *tъ̑xran* 'дятел', *tə̑ren* 'лемех', *čagan* 'рогоз', *čarlan* 'цапля', *čigen* 'колики', *von* 'десять', *vъrman* 'лес', *və̑ltren* 'крапива', *və̑ren* 'привязь, веревка', *ъzan* 'тетерев' и др.

В двусложных основах, где в тюркских языках второй узкий гласный не выпадает при словоизменении, в чувашском регулярным рефлексом является *-m* (хотя в низовом диалекте иногда наблюдается *-n*):

верхов. (курмыш.) *yldъm*, низов. *yltъn* 'золото', *ydam* 'щепотка' (< **ạ'tqyn*), *xyгъm* 'живот', *xъгуъm* 'рабыня', *pə̑də̑m* 'целый', *-sem* показатель множественного числа (пратюрк. **sajyn* 'каждый'), *syvlъm* 'роса', *solъm* 'тяжесть', верхов. *sụγъm*, низов. *sulγъn* 'прохлада' (< **sal'qyn* 'ветер, прохлада'), *śiźəm* 'молния', *śolъm* 'пламя', *śụгъm* 'спина' (< **ʒ́aγrun* 'лопатка, верхняя часть спины'), верхов. *tъгъm*, низов. *tъгъn* 'князь (в топонимах)' (< **t(')иδип*), верхов. *tə̑tə̑m*, низов. *tədəm* 'дым, мгла', *vъ̑гъ̑m* 'длинный'.

Из именных основ со вторым узким гласным данному распределению не подчиняются а) кыпчакизмы *porźъn* 'шелк', *šəbən* 'бородавка', *čoγъn* 'бедняк' (через тат., свое ожидалось бы *+čəγi*), *ъstъn* 'разум', б) случаи, которые могут трактоваться как случаи после *+-j-* или кыпчакизмы *tajъn* 'призвание, склонность', *tojъn* 'тина', *śojъn* 'сом', верхов. *śvin* (*Ашмарин Н.И.* Заметки по чувашской диалектологии // Материалы по чувашской диалектологии. I. Чебоксары, 1960) со вторичным переразложением из *+śvъjъn ~ +śvъjnъ* и в) слова с неясной этимологией: *jədən* 'лен', *śərźən* 'шелк', *və̑rźə̑n* 'стриж'. В чувашском произошло вторичное развитие *-m* > *-n* в слове *avъn* с первоначальным значением 'зерно'; оно отмечается в оборотах *avъn śap-* 'молотить' = 'выбивать зерно', *avъn kardi* 'гумно, ток' = 'загородка для зерна' и т.д. Это слово восходит к **evin* 'зерно, злак' и из чувашского заимствовано в марийский луговой *avъn*, марийский горный *єn*. Данное слово активно контаминирует с русским *овин*, однако исторический передний ряд его, отражаемый в марийских заимствованиях, исключает возможность русизма. Возможно, *-n* в данном случае отражает лишь низовую норму, поддержанную русским влиянием, однако не исключена возможность диссимилятивного сохранения *-n* по контрасту с предыдущим **-v-*.

То, что чувашский рефлекс *m* в описанной выше позиции является архаизмом, а не инновацией, показывают следующие соображения.

Во-первых, если предположить, что это чисто чувашский фонетический процесс, то нужно постулировать такое развитие: **-n* > *+-ŋ* > *-m*. Типологи-

чески вероятнее, что **-ŋ*, а не **-n* перешел в *-m* (аналогично развитию **-y-* > *+-w-* > *-v-*). В этом случае получается, что сначала был раннечувашский (или булгарский) переход **-n* после узких гласных в *+-ŋ*, вызванный, например, ослаблением артикуляции носового согласного в связи с безударной позицией последнего узкого гласного (синхронно такая система ударения представлена в верховом диалекте чувашского языка). Но тогда этот согласный должен был совпасть со старым **-ŋ* из пратюркского **ŋ* и далее развиваться как последний. Однако перехода в губной *-m* в словах с пратюркским **-ŋ* после узкого гласного не наблюдается, ср. *xolъn* 'толстый', *xorъn* 'береза', *tarъn* 'глубокий' и некоторые другие. В чувашском языке *-ŋ-* как отдельная велярная фонема сохранялся еще во времена контактов с предками марийцев, ср. мар. лугов. *aŋъšъr* 'узкий' < чув. *an-zъr* (< пратюрк. **eŋ-suɾ̃* 'неширокий'), мар. лугов. *aŋa*, мар. горн. *ɛngɛ* 'полоска земли' < чув. *ana* id. (образование от того же корня), мар. лугов. *šъŋalъk*, мар. горн. *šəngɛlək* 'полог от мух' < чув. *šъnalъk* id. (< пратюрк. **siŋek-likə*). Но в слове «пламя» мар. горн. *salъm* < чув. *ś́olъm* id. при станд.-тюрк. **jalqun, *jalun* (вторая форма представлена в чагат., ккалп., тур., хак.), где не «сохраняется» никакого *+-ŋ*, т.е. в чувашском еще была отдельная фонема *ŋ*, а в конечной позиции уже был *-m*, что противоречит признанию *+-ŋ* как переходной стадии развития из тюрк. **-n* > *-m*. Приходится предполагать наличие *-m* в основах вида *(T)VT(T)ъm* еще на этапе, когда сохранялся *+-ŋ-*, *+-ŋ* в языке-предке чувашского.

Во-вторых, судя по внешним параллелям, алтайский **-m* отражается точно так же, как и **n*, оказавшись в конечной позиции в тюркских языках, т.е. в большинстве тюркских языков совпадает в *-n*, а в чувашском в основах с последним широким гласным имеет рефлекс *-n*, в основах с последним узким – *-m*. Такое «несоответствие» праалтайским **m, *n* наблюдается только в ауслауте именных основ и совсем не затрагивает глагол и активные словоизменительные аффиксы типа пратюрк. **-ın* – показатель инструменталиса ~ монг. **-hun* – наречный аффикс (Котв.Иссл., 327–328). Какова же сфера встречаемости *-m* в большинстве тюркских языков? В конечной позиции *-m* бывает, как правило, в личном аффиксе 1 sg. при притяжательном склонении имен, в аффиксе 1 sg. при спряжении глагола в индикативе (отчетливо видна связь с пратюркским местоимением 1 sg.), а в других случаях практически только в качестве отглагольного суффикса, образующего имена действия, процесса, результата. Довольно редко *-m* встречается в односложных словах. Существуют лишь единичные непроизводные многосложные основы с конечным *-m* в современных кыпчакских, карлукских и огузских языках. Такая ситуация очень похожа на результат инновативного процесса «избавления от конечного *-m*», захватившего ареал распространения тюркских языков. В случае принятия гипотезы, что в чувашском отражается пратюркское распределение конечных **-m* и **-n* в многосложных основах (уже вторичное по отношению к праалтайскому), связанное с качеством последнего гласного, ожидались бы следы его сохранения на окраинах тюркского ареала. Действительно, в материалах восточных тюркских языков (диалекты алтайского, тувинский, тофаларский, хакасский, сарыг-югур-

ский) именно в словах, где должен быть *-m* по правилу распределения, фиксируется «нерегулярный» конечный *-m*. Сарыг-югурский язык был давно отделен от основного ареала тюркских языков языками других групп, он не подвергся некоторым общим инновациям, и в нем обнаруживается много интересных пратюркских архаизмов, утерянных в инновативных зонах. То, что параллелизм с чувашским не случаен, показывает и такая изоглосса – сохранение в качестве указательного местоимения пратюрк. **kö-* (соответствующего яп. **kə*, кор. *kə*) 'этот, который ближе': чув. *ku, kъ̊* сюг. *ku, ko*. Ниже приведены случаи сохранения **-m* в чувашском и восточных тюркских языках, при отражении *-n* в основной массе тюркских языков. [Сарыг-югурский материал дается по книге Э.Р. Тенишева «Строй сарыг-югурского языка» (М., 1976) в фонологической транскрипции с указаниями «Сл.» – словарь, «Ш» – с. Шихейза, «М» – с. Минхэ и номером текста, а также по грамматике Чэнь Цзунженя и Лэй Сюаньчуня «Сыбо Юйгуй цзяньчжи» с пометой «СЮ» и указанием страницы.]

чув. *ydam* 'щепотка' ~ сюг. *a'qəm* (СЮ, 174) id., станд.-тюрк. **atqyn* ;

чув. верхов. *xolъm* 'калым, выкуп за невесту' ~ сюг. *q'aləm* (СЮ, 166) id., хак. *xalym*, тув. *kalym*. В татарском *qalym* имеет конечный *-m* в отличие от других кыпчакских языков, что является следом булгарского субстрата;

чув. *solъm* 'тяжесть' ~ хак. *salym*, но сюг. *salyɣ* (Сл.);

чув. *syvlъm* 'роса' ~ сюг. *ǯalym* (Сл.), *ǯaləm* (СЮ, 157), хак. *salym* 'роса' и *salbyx* 'лужа' (< **salm-yx*), шор. *šalym*, турк. *salɣym*, но тув., тоф. *šalyn*, алт. *čalyn*. В этом слове пратюркское колебание начальной аффрикаты и спиранта;

чув. верхов. *tə̊tə̊m*, низов. *tədəm* 'дым' ~ сюг. *t'udum* (М 7).

Двусложные слова со вторым выпадающим узким гласным в ряде форм при склонении ведут себя как односложные, и здесь скорее следует говорить не о предсказуемом распределении, а о закрепленности *-m* или *-n* за определенными лексемами. Как было показано выше, часть слов с выпадающим гласным может иметь пратюрк. **-ń*, часть, безусловно, имела **-n*, а часть **-m*. Возможно, это зависело от того, какой из алломорфов брался за основной – *TVTəm* или *TVTn-* – с последующим выравниванием по всей парадигме. Для пратюркского варианты с **-n* следует предполагать в следующих основах: **eɣ(i)n* 'плечо' (> чув. *an*), **qaδ(y)n* 'тесть' (> чув. арх. *xogъl* 'родня'), **qyj(y)n* 'мучение' (> чув. *xən*), **kẹl(i)n* 'невестка' (> чув. *kin*), **or(u)n* 'место' (> чув. *vugъl*) и некоторые другие. На варианты с **-m* претендуют следующие слова:

ПТ **al(y)m* 'перёд, передняя часть' ~ чув. *om* 'перед', сюг. *alym* (Ш 5, М 13) 'лоб', в остальных тюркских языках **al(y)n* id. Из булгарского заимствовано в древнерусский *аламъ* 'нагрудник, пектораль' (Срезневский, т. I, 14–15);

ПТ **q'oj(u)m* 'подмышка' ~ чув. верхов. (курмыш.) *xüm* id., тоф. *hojum* (*Дыренкова Н.П.* Тофаларский язык // Тюркологические исследования. М.;Л., 1963. С. 9). В собственно верховом и низовом диалектах чувашского языка представлено *xü*, что является закономерным отражением пратюркского **q'oj(u)ń* id. (см. выше с. 38);

ПТ **q'ul(u)m* 'жеребенок' ~ чув. *хъ̊м* id., сюг. *q'ulum* (М 26, Сл., СЮ 159).

Особые случаи представляют чувашские односложные слова с *-m* на месте стандартно-тюркского **-n*. Часть из них также имеет конечный *-m* в восточных тюркских языках:

чув. *som* 'число, счет; почет' традиционно связывается со станд.-тюрк. **sān* id., что косвенно может поддерживать и венг. *szám* 'число'. В тюркских языках это слово является отглагольным именем от **sā-* 'считать'. В чувашском языке такие имена регулярно образуются при помощи суффикса *-m*. Но в других тюркских языках *-m* в такого типа аффиксе возможен только после основ вида *(T)VT-* и многосложных основ, причем в огузских языках наблюдается вторичный переход в *-n* (ср. турк. *aqyn*, аз. *axyn* 'течение', в остальных языках с *-m*, отглагольное имя от **a'q-* 'течь'). С другой стороны, чувашская основа может быть параллелью или, по крайней мере, активно контаминироваться с пратюрк. **som(a)* 'форма, вид': хак. *som*, алт. *som*, тув. *soma*, як. *omōn*, халадж. *soma;*

чув. *сы̊м* 'шерсть' ~ алт. (телеут.) *ӡ́um*, шор. *čum* 'шерсть, пух', в других рефлексы колебания праформ **ӡ́un* ~ **ӡ́uŋ*.

чув. *tom* 'одежда' ~ сюг. *doŋ* (М 6), *t'oŋ* (М 20) id., в других языках *-n*. Чувашский *-m* в данном случае закономерно отражает **ŋ* после **o*. В данном случае возможно пратюркское колебание **-n* ~ **-ŋ*. Ср. монг. **tonug* 'попона, конская сбруя' (Рам. 187). Такое колебание могло быть результатом развития раннего пратюркского **tonyə* (< праалт. **ton(u)gV*) в **tōn* ~ **tōŋ;*

чув. *čə̊m* 'звук, шум' ~ тув. *diŋmi*, хак. *təmel-* 'ворчать', в остальных языках следы **tin*, но монг. **čimehe-n* 'звук, шум', тунг.-маньч. *tīnme-* 'петь, говорить'.

Для слов чув. *čə̊m* 'дыхание' < пратюрк. **tyn* id. и чув. *со́m* 'бок, сторона' < пратюрк. **ӡ́ān* id. причины появления огубленного неясны, а поддерживающих архаизмов в других языках не отмечено.

Реконструкция конечных сочетаний с велярным

Одной из важных тюркских проблем считалось развитие конечных велярных и увулярных шумных в чувашском языке (и, шире, в булгарской подгруппе, судя по архаичным венгерским заимствованиям). В ауслауте пратюркского односложного слова реконструируются как сильные, так и слабые глухие смычные **-'q* (например, **bo'q* 'кал'), **-q* (**āq* 'белый, серый'), **-'k* (**k'ö'k* 'корень'), **-k* (**kōk* 'синий, голубой, зеленый') и звонкий спирант **-γ* (**tāγ* 'гора', **bęγ* 'господин, бей'). В чувашском языке в данных позициях **-(')q* > *-x*, **-(')k* > *-k*, **-γ* > *-v* (который сохраняется в интервокале, а в конце слога стягивается с частью гласных в зависимости от их исторического качества). [Ср. Щербак 1970, 169, Ряс.Мат. 137. Рясянен, хотя и категорично утверждает, что «*-q, -k* в древнейшем слое чувашских слов утрачивается», в случаях односложных основ приводит чувашские параллели с неотпавшим согласным, не ставя под сомнение их исконность или регулярность соответствий.]

В многосложных словах во всех тюркских языках различие между сильными и слабыми глухими смычными после непервых гласных утрачивается, и в данной позиции допустимы только слабые *-q#, *-k# и спирант *-γ#. В огузских языках смычные остаются полузвонкими в конце слова, как в азербайджанском, или оглушаются, как в туркменском, южном ктат., саларском и турецком, но при аффиксе, начинающемся на гласный, они регулярно озвончаются. Пратюркский звонкий спирант *-γ# в конце многосложных слов исчезает (ср. турк. *sārγ*, азер., тур. *sarγ* < пратюрк. **sịārγγ* 'желтый, белый', аффикс *-lγ*, образующий прилагательные со значением обладания, < пратюрк. **-luγ* etc.). Похожая картина в кыпчакских языках, но там в абсолютном конце бывает только глухой согласный на месте смычных, а конечный *-γ# переходит в $^{+}$-w# только после широких гласных заднего ряда, а после широкого гласного переднего ряда дает $^{+}$-j#. Судя по интервокалу между первым и вторым слогами, в ауслаутной позиции после узких гласных, в пракыпчакском перешедших в $^{+}$*y* или $^{+}$*i* в зависимости от сингармонистического ряда слова, на раннем этапе должен был быть $^{+}$-j#, довольно скоро ассимилированный предыдущим гласным. Оказавшись в интервокальном положении, заднеязычные смычные после непервых гласных всегда озвончаются и в современных языках переходят в гоморганный звонкий спирант. В карлукских языках уже в исторический период глухие заднеязычные смычные после непервых гласных совпали со звонкими спирантами того же локального ряда и, никак от них не отличаясь, участвуют в чередованиях *-k#~ -g- [-γ-]* и *-q#~ -γ- [-ʔ-]*. В южносибирских языках – киргизском, алтайском (ойротском) – и части алтайских диалектов развитие в чем-то аналогично кыпчакскому, однако пратюркский *-γ# давал $^{+}$-w во всех случаях и позже слился с предыдущим гласным, передав огубленность. В языках хакасской подгруппы, включающей часть северно-алтайских диалектов, в тувинско-тофаларской группе конечные смычные сохраняют глухость, а в интервокале дают рефлекс, аналогичный *-γ-, т.е. выпадают, конечный *-γ# в них сохраняется, лишь в части диалектов хакасской подгруппы может быть выражено фонетическое различие велярного и увулярного в зависимости от сингармонистического ряда слова. В якутской группе смычные уже со своим распределением по ряду (см. выше, с. 25) в ауслауте реализуются как глухие, озвончаясь и переходя в спиранты в интервокале, пратюркский *γ исчезает во всех позициях, отражаясь в долготе или дифтонгизации соседнего гласного.

Традиционно считалось, что в многосложных основах конечные пратюркские заднеязычные в чувашском отпадали. Действительно, подавляющее большинство примеров подтверждает данное правило. Однако в чувашском языке есть значительное количество слов, оканчивающихся на *-k#, -x#*, которые объясняются или собственно чувашской аффиксацией, или «сохранением» в чувашском конечных заднеязычных в омертвелых и продуктивных (!) аффиксах. Но откуда же могли появиться *-k#, -x#* в данных случаях, ведь конечные заднеязычные должны были бы отпасть? Наиболее категоричен М. Рясянен; он заявляет, что «слова на *-x* < *-q* должны быть древними

заимствованиями, хотя они и встречаются в таких продуктивных суффиксах, как суффиксы имен существительных *-l̂ə̂χ, -l̂ə̂k* [*-lъ̂x, -lъ̂k*] и суффиксы сравнительной степени *-raχ, -rɛk* [*-rax, -rex*], а также в таких словах, которые на первый взгляд кажутся чисто чувашскими: *oj̑ə̂χ* [*oj̑ъx*] 'месяц', ... , *śə̂nə̂χ* [*śъnъx*] 'мука', *pilləkˇ* [*pilləkˇ*] 'пять' (**-lik* – заимствование), *t̑šarak* [*čarak*] 'опора'» (Ряс.Мат., 137). Но это довольно сомнительно, потому что в остальном слова с конечными *-k#, -x#* соответствуют тюркским по регулярным фонетическим законам, присущим только чувашскому языку, да и слова с такой семантикой заимствуются с трудом. Особая точка зрения у Г.И.Рамстедта; он считает, что согласные отпадали после долгого гласного, а после краткого гласного сохранялись. Слова типа *xələx* 'волос', *oj̑ъx* 'луна', *tə̊l̑ə̊x* 'вдова' он считает суффиксальными образованиями, в которых присутствует уменьшительный аффикс, потерявший в чувашском значение уменьшительности. Однако проблематично считать, что, с одной стороны, долгий гласный сохранялся только в чувашском и не дал никаких особых рефлексов ни в якутском, ни в туркменском, где долгие и краткие последовательно различаются, а с другой стороны, в чувашском языке не найдено ни одного примера, где бы старая долгота влияла на развитие последующего согласного (см. Рам., 188). В свою очередь, А.М.Щербак предположил, что в тюркских языках после узких гласных был возможен только звонкий заднеязычный, а после широких гласных – и звонкий, и глухой. Впоследствии звонкий отпал в чувашском, а глухой сохранился (Щербак 1970, 175). Слова типа *xələx, oj̑ъx* etc. он тоже считает суффигированными с помощью аффикса **-aq*. В реконструкции А.М.Щербака звонкий заднеязычный – это звонкий спирант **-ɣ*, а глухой заднеязычный – это смычные **-(')k, *-(')q*. Однако данное предположение не подтверждается материалом тюркских языков. Неразличение или свободное варьирование знаков для *-q#, -ɣ#* наблюдается только в чагатайских, позднеуйгурских и хорезмсо-тюркских памятниках, т.е. на тех же территориях, где ныне распространены узбекский и уйгурский языки, тоже утратившие это различение.

В чувашских словах с конечными *-k, -x* во многих случаях довольно легко выделить фонетически продуктивные аффиксы синхронного словообразования с достаточно ярко выраженной семантикой. Дело в том, что после перестройки старой системы сингармонизма и возникновения нового чувашского разбиения слов по ряду в языке исчезла корреляция фонемы *x* (< **q(')*) с задним рядом, а *k* (< **k(')*) с передним рядом. Соответственно новые продуктивные аффиксы «не выдерживают» старый сингармонистический ряд и имеют только один сингармонистический вариант с точки зрения праязыка. Например, *-ak/-ek* – аффикс отыменных прилагательных с уподобительным значением – не имеет вариантов *-ax/-ex* после основ старого заднего ряда: *sə̊d-ek* 'имеющий молочный привкус' от **sūt* 'молоко' и *jüźek* 'кисловатый' от **j̑ā̂cɣ* 'горький, кислый' (ожидалось бы *+jüźex*) (см. Левитская 1976, 141, 145, 154). Кроме того, для слов с продуктивными аффиксами довольно легко можно найти производящую основу. Из продуктивных аффиксов остатки архаичного распределения сохраняет суффикс, соответ-

ствующий стандартно-тюркскому **-luq/*-lük*. Унифицированными вариантами в чувашском языке являются исторически заднерядные алломорфы *-lъx/-ləx*, однако редкие варианты *-lъk/-lək* появляются только после основ со старым передним рядом:

чув. *jənerlək* от *jənər* 'седло' < пратюрк. **ẹδŋer* id.;

чув. *karlъk* 'перила' при *karъ* 'занавесь' и *kar-* 'загораживать, распяливать' < пратюрк. **keriγ, *ker-*;

чув. *kaźalъk* 'полоса для нивы' ~ тат. *kišɛrlek* id. < пратюрк. **k(')eɬćer*;

чув. *šъnalъk* 'полог от мух' от *šъna* 'муха' < пратюрк. **siŋek* 'комар, муха';

чув. *čülək* 'супонь' ~ хак. *tüstək* 'нагрудник' < пратюрк. **ṭi̯ōɬ* 'грудь';

чув. *videlək* 'кровля' при *vide* 'загородка, конюшня, хлев' ~ тув. *ö'dek* 'окрестности жилья; место, где находятся животные' < пратюрк. **ötek*.

Данные архаизмы в словообразовании указывают, что до развития нового чувашского сингармонизма этот суффикс был так же продуктивен, как и сейчас. После «перелома» гласных где-то на рубеже XIII–XIV вв., когда нарушилась связь между *k, x* и соответственно передним и задним рядом слова, началась унификация в пользу заднерядного варианта, хотя при некоторых основах сохранился ставший омертвелым *-lъk, -lək*.

Этимологический анализ чувашских слов с заднеязычными в ауслауте позволяет разбить весь корпус примеров на две группы: слова, где в других тюркских языках присутствует **-k#, *-q#* (сюда же относится и суффикс *-lъx/-ləx/-lъk/-lək*), и слова без конечных заднеязычных в других тюркских языках.

Первая группа многочисленнее. В этой группе слов тюркские параллели имеют, как правило, или непроизводные основы с архаичным и уже непродуктивным ни в одном из современных языков аффиксом, или такие образования с продуктивным аффиксом, которые наличествуют во всех языках-потомках, что позволяет постулировать существование данного образования в пратюркскую эпоху, т.е. до отделения булгарской ветви от предка остальных тюркских языков. Слова данной группы не объединяются по каким-либо семантическим или морфологическим признакам, и, значит, особая рефлексация в чувашском должна указывать на фонетическое отличие данных слов от основной массы тюркских слов с конечными **-k#, *-q#*. Наиболее оправданно реконструировать в данной группе конечный редуцированный (возможно, узкий) гласный, отпавший практически без следа в стандартных тюркских языках. На это указывают следующие соображения:

1) в интервокальной позиции **-(')k-, *-(')q-* в чувашском никогда не выпадают, а стабильно дают рефлексы *-k-[-g-] и -x-[-γ-]*. Соответственно в этой группе «конечные» ведут себя как интервокальные, а в основной массе соответствий **-k#, *-q#* действительно отпадают, по-видимому, через ступень *-ʔ* (слабой гортанной смычки). Аналогичный процесс прошел и в заказанском, чистопольском, подберезском говорах татар-кряшен, которые, судя по специфическому развитию гласных и отчасти согласных, находились на субстрате булгарского типа, в них генерализованно любые стандартно-тюркские **-k#, *-q#* переходят в *-ʔ#* (см. Баязитова 1984, 19, 20, 27, 46, 58);

2) для некоторых слов, которые в стандартно-тюркском языке традиционно реконструируются как односложные, чувашские параллели имеют редуцированный гласный в ауслауте, например: чув. *jydъ* 'собака' ~ станд.-тюрк. **yt* id., чув. *külə* 'озеро' ~ станд.-тюрк. **kōl* id., чув. *sazъ* 'звук, голос' ~ станд.-тюрк. **ses* id., etc. (пратюркский список основ с конечным редуцированным см. ниже). Наличие или отсутствие этого гласного не мотивировано никаким из новых распределений в чувашском, но существенно влияет на фонетический облик основы при словоизменении: в случаях с конечным редуцированным происходит геминация конечного согласного перед следующим гласным;

3) в современном чувашском языке для имен существительных и прилагательных запрещены многосложные структуры типа **(T)VT(T)VTə*, исключение составляют лишь слова со словообразующим суффиксом деятеля *-ź́ъ/-ź́ə* (станд.-тюрк. **-čy/*-či*), что может быть обусловлено вторичным морфологическим выравниванием. Однако это состояние не первично, что доказывает морфонологическое поведение части чувашских многосложных основ. Основы *T1VT2ə* при присоединении словоизменительного аффикса на гласный получают вид *T1VT2T2-* со стяжением гласного аффикса и основы, например: *jydъ* 'собака' ~ *jytti* 'его собака', но *xut* 'бумага' ~ *xuҫə* 'его бумага' (с палатализацией *-t-* перед *-ə* < **-i*). Многосложные основы на конечный согласный чаще ведут себя как *TVT*-основы (*pə̊lə̊t* 'облако' ~ *pə̊lə̊ҫə̊* 'его облако'), хотя в верховом диалекте существует и другой тип, соответствующий *TVTə*-основам: *śonat* 'крыло' ~ *śonatti* 'его крыло', *tymar* 'жила' ~ *tymarri* 'его жила'. Т.е. фактически у части многосложных основ на согласный сохраняется морфонологический конечный редуцированный, отпадающий в многосложной основе в ауслауте, но проявляющий себя при словоизменении. Судя по замечаниям Н.И.Ашмарина (Ашмарин Мат., 42) многосложные имена на *-ak/-ek, -ъk, -ax/-ex* в говорах верхового диалекта удваивают согласный при притяжательном суффиксе 3-го лица, что опять же указывает на отражение конечного редуцированного. В низовом и северо-западном (малокарачинском) диалектах различение многосложных основ с конечным редуцированным утрачено. Соответственно в таких основах, сохраняющих конечный велярный, следует реконструировать конечный редуцированный гласный, не позволивший ему отпасть. Случаи с историческим задним рядом достаточно легко отождествимы даже при смене ряда основы, для исторического переднего ряда возникают некоторые трудности. В чувашском языке современные продуктивные суффиксы именного словообразования обычно кончаются на *-k*, и рефлексы пратюркских суффиксальных образований и новообразований с помощью продуктивных суффиксов частично совпадают. В группу переднерядных основ включены лишь такие, от которых затруднительно найти производящую основу. Редуцированный конечный гласный отчасти сохранялся и во времена рунических памятников. На это указывает использование знака q^w в орхонских надписях. Тем немногочисленным случаям, когда этот знак стоит в конце слова, соответ-

ствуют чувашские параллели с сохраненным конечным согласным: *artuq*^{w} (КТ, Е 33) ‘сверх, свыше’ ~ чув. *ydax, jaɣuq*^{w} (БК, N 5; КТ, Е 3) ‘близко, рядом’ ~ чув. *śyvъx*, а в случае *oq*^{w} (КТ, Е 33, Е 36) ‘стрела’ в чувашском сохраняется конечный гласный – *оуъ*, как он обычно сохраняется в некоторых других словах, имеющих односложную структуру в других тюркских языках. Вполне вероятно, что рунический знак скорее обозначал не огубленный согласный, а слог *qu*.

Разбиение, однотипное с двояким соответствием стандартно-тюркским **-q* и **-k* в многосложных словах, существует и в параллелях для основ со стандартно-тюркским **-ɣ*, и при ожидаемом частотном нулевом отражении в части случаев отражается чувашский *-v-*, т.е. интервокальный рефлекс перед гласным аффикса и *-av/-ev/-ü* в ауслауте в зависимости от предыдущего гласного. Показательно, что при чувашском *-v* в памятниках часто представлены ауслаутные **-ɣu/*-gü*, хотя современные подгруппы могут отражать простой конечный согласный.

Основы на конечный узкий гласный:

āćə* ‘голодный’ (чув. *vyźъ*), **aδɣyrə* ‘жеребец’ (чув. *ъjъr, yŕъ*), **aδruqə* ‘другой’ (чув. верхов. *oŕъx*, низов. *urъx*), **aɣyr̃ə* ‘рот, устье’ (чув. *vъ̊ъ̊, vъ̊rr-i*), **ajaɣə* (~-ń-*) ‘почести, праздник’ (чув. *ojav*), **alt'y* (~**-ə*) ‘шесть’ (чув. *oldъ*), **a'p(y)łə* ‘муж, дед’ (чув. *obъš-ka*), **a'qsaqə* ‘хромой’ (чув. *oksax*), **ar'tyłə* ‘можжевельник’ (чув. *ordъš*), **år'toqə* ‘слишком’ (чув. *ydax*), **åv(u)ćə* ‘горсть’ (чув. *yvъś*, сев.-зап. *u̯zъ*), **av(u)r̃ə* (~ *-rt*) ‘ротовая полость’ (чув. *vъ̊rъ̊-lъ, u̯rъ-lъ*), *åv(u)r̃ə* ‘молозиво’ (чув. *yrъ, yrr-i*);

bạlć'yqə* ‘грязь’ (чув. *pylžъk*, верхов. *pu̯lžъk*), **bałćaqə* ‘колос’ (чув. *poźax, poǯax*), **bẹńŋi* ‘мозг’ (чув. низов. *mimə*, верхов. *mime*, верхов. курмыш. *nime*), **bileɣü* ‘брусок’ (чув. *pə̊lev*), **by'tə* ‘вошь’ (чув. *pyjdъ*), **bo'qaɣu* (~boɣaɣu*) ‘веревка, оковы’ (чув. *pъjav*), **bołə* ‘пустой, свободный’ (чув. *pożъ*), **bońyrə* ‘орешник’ (чув. *mъjъr, myŕъ*), **bōrə* ‘мел, глина’ (чув. *poŕъ*), **būćmaqə* ‘угол’ (чув. *pə̊śmex*), **bur̃aɣu* ‘теленок’ (чув. *pъ̊ru, pъ̊rъ̊v-*), **buvrulə* (~ *-ɣr-*) ‘чалый’ (чув. *pъ̊vъ̊rl̥ъ*, сев.-зап. *pu̯rl̥ъ*);

**ć'alyɣ* ‘плетка’ (чув. *śolu, śol̥ъ̊v-* , сюг. *č'alyɣ*), **ć'a'paqə* ‘лещ, плотва’ (чув. *śobax*), **ć̣ə̄kə* ‘граница, межа’ (чув. *čigə*), **-ćikə* диминутив (чув. *-čək*), **ć'i(')pi* ‘птенец’ (чув. *čə̊bə̊*), **ć'ö'pə* ‘сор, мусор’ (чув. *śübə*), **-ću* суффикс деятеля (чув. *-zъ*);

ejekü* (~ *-ə*) ‘ребро, бок’ (чув. низов. *ajak*, верхов. *ajъk, ajъkk-*, сев.-зап. *ajɣъ*), **ẹ'k(k)i* ‘два’ (чув. *ikkə, igə*), **ēt(i)kə* ‘дверь’ (чув. *alъk, alъkk-*), **etükə* ‘рогожа’ (чув. *ažъk*), **emɣekə* ‘болезнь’ (чув. *amak*), **ə̊m-ti* (~-ə*) ‘теперь’ (чув. *əndə*), **en-ćikə* ~ **enük(ə)* ‘щенок’ (чув. *anǯъk*), **etekə* ~ **eδükə* ‘подол’ (чув. верхов. *arъk*, низов. *argъ*), **ēvʌkə* ‘скорый, порывистый’ (чув. *avъk*);

**ijr̃ə* ‘след’ (чув. *jər, jərr-i*), **yδuqə* ‘священный’ (чув. *jərəx*), **ȳqъ* ~ **īkə* ‘болезнь’ (чув. *jъ̊yъ*), **y'tə* ‘собака’ (чув. *jydъ*), **jaɣyrə* ‘тяжелый’ (чув. *jyvъr*, сев.-зап. *ju̯rъ*), **jaɣacə* (~ **yɣacə* ~ **ʒaɣacə*) ‘дерево’ (чув. *jyvъś*, сев.-зап. *ju̯zъ*), **jaŋaqə* (~ **jeŋekə* ~ **ʒaŋaqə*) ‘подбородок, челюсть’ (чув. *janax*), **jēkeɣə* (~ *-ü*) ‘оселок’ (чув. *jəgev*);

k'e'ć'i 'коза' (чув. *kaža-ga*), *kejikə* 'дикий зверь, птица' (чув. *kajък* > коми *kajko*), *k(')ẹli* 'ступка' (чув. *kilə*), *keŋełə* 'совет' (чув. *kanaš*), *k'ēklik(ə)* 'куропатка' (чув. *kakla-*), *kẽmi* 'судно, корабль' (чув. *kimə*), *k'ə̊mürćikə* 'хрящ' (чув. *kъ̊mъ̊rž̆ъ̊k*), *k'irp'i* ~ *t'irp'i* 'еж' (чув. *čərəp*), *k'irp'ikə* (~ *-y-) 'ресница' (чув. *хърbък*), *k'ə̃lə* 'озеро' (чув. *külə*), *k'ö̊letki* 'тень' (чув. *kə̊letke*), *k'ö̊nü* 'прямой, правильный' (чув. *künə, konə*), *k'ö̊'pükə* 'пена' (чув. *kъ̊bъ̊k*), *kə̃rti* 'сосед' (чув. *хüržə*), *körsə* 'глаз' (чув. *kos, koss-*), *küδeγü* 'зять' (чув. *kərü, kərə̊v-*), *külk'ü* 'смех' (чув. *kolъ*), *k'üńi* 'зависть', *kũtüγə* 'стадо' (чув. *kə̊dü, kə̊də̊v-*);

q'ąδy 'сосна' (чув. *хуть*), *qaδγu* 'горе, беда' (чув. *хojуъ*), *q(')ajnatə* 'крыло' (чув. *sonat, sonatt-ı*), *q'ā̊łə* 'бровь' (чув. *-xa(r)ž-ı*), *qə̊mć'y* 'кнут' (чув. *xə̊mzə̊*), *q'ə̊muł(ə)* ~ *q'ə̊mył(ə)* 'камыш, тростник' (чув. *хъ̊mъ̊l, хъ̊mъ̊š*), *q'ə̊arʌγu* 'ответ' (чув. *xoraν*), *q'ə̊ryłć'u* 'противоположный' (чув. *xirəs*), *q'ə̊vuqə* 'шелуха, отруби' (чув. *хуvъх*), *q(')ə̊ãγy* 'брюшной жир' (чув. *jor-var*), *q'ə̊jўnə* 'ножны' (чув. *jənə*), *q'yj(γ)aqə* 'осока' (чув. *хъjах*), *qyj-luqə* 'ость, ошметки' (чув. *хуĺъх*), *q(')yruqə* 'ущербный' (чув. *хъrах*), *q'yr̃ylə* 'красный' (чув. *xərlə*), *q(')oγułə* 'промежуток' (чув. *хužъ*), *q(')ojłə* ~ *q(')ovłə* 'шалаш' (чув. *хüžə, xə̊və̊š*), *q'olə* 'рука' (чув. *xolъ*), *q(')ujtu* 'укрепленное место' (чув. *хüdə*), *q(')urć(')ə* 'сталь' (чув. *xorzъ*);

-luqə/ -lükə соотносительный именной суффикс (чув. *-lъх, -lъk*);

oγry 'вор' (чув. *vъ̊rъ̊*, верхов. *vуrъ, vurъ*), *ōjə* 'долото' (чув. низов. *ъjъ*), *o'qə* 'стрела' (чув. *oуъ*), *ōlaqə* (~ *ov-, *oγ-) 'желоб' (чув. верхов. *vъ̊lak, volak*), *ort'aqə* 'товарищ' (чув. *vъ̊rdax*), *o't'ə* 'трава, сено' (чув. верхов. *vydъ, vụdъ*), *ōtć'aqə* 'очаг' (чув. низов. *vuž̆ax*, сев.-зап. *vož̆ak*, верхов. *vуž̆ax, vụž̆ax*), *ökü* 'прорубь' (чув. *vagъ*), *örlekü* 'жердь' (чув. *vərlə̊k*), *ə̃rə* 'сам, середина' (чув. *var, varr-ı*), *ə̃tə* 'старый' (чув. *vadъ*), *övcə* ~ *ə̃cə* 'гнев, злоба' (чув. *və̊ž̆ə̊*);

sąγə 'здоровый' (чув. *syvъ*), *sə̊'pə* 'рукоять, сустав' (чув. *sybъ*), *se'ki* (~ *-ü) 'возвышение' (чув. *sagъ*), *seŕy[e]kə* 'прохладный' (чув. *sürək*), *sesə* 'звук, голос' (чув. *sazъ*), *sivri* 'острый' (чув. *šə̊vər, šə̊vrə̊*), *siγölə* 'бородавка' (чув. *šъklъ, šəgəl, šəklə*), *sūry* 'серый' (чув. *sъ̊rъ̊*), *süli* ~ *suly* 'овес' (чув. *sülə*), *süŋγü* (~ *-u-) 'копье' (чув. *sъ̊nъ̊*);

t'ąlq'y 'мялка' (чув. *tylъ*), *t'alq'y* 'пшеница' (чув. *tolъ*), *t'ąmurə* 'жила' (чув. *tymar*), *t(')ansuqə* 'скука' (чув. *tonzъх*), *t'aŋry* (~ *t'eŋri) 'бог, небо' (чув. *turъ, torъ*), *t(')ev-lükə* 'сутки' (чув. *tavlъk*), *tẹrekə* 'тополь' (чув. *tirek*), *t'erk'i* (~ *-ü) 'торока' (чув. *targъ*), *t'ẹrsü* ~ *t'ẹsrü* 'наоборот' (чув. *tirəs*), *tīrekə* 'подпорка' (чув. *čarak*), *toγru* 'прямо' (чув. *tura*), *t'ə̃nə* ~ *t'ə̃ŋə* 'одежда' (чув. *tom, tomm-ı*), *t'o'pə* 'мяч' (чув. *tobъ*), *tə̃rtə* 'четыре' (чув. *tъ̊vattъ*), *tülki* 'лиса' (чув. *tilə*), *t(')ütłə* 'зерно' (чув. *tə̊(r)žə̊*), *tũr̃ə* 'ровный, прямой' (чув. *türə*);

uvłaqə 'мелкий' (чув. *ъ̊žъ̊х*), *uγu* ~ *uvu* 'трут', *uδqu* 'сон' (чув. низов. *yjуъ*, верхов. *ъjъх*), *ulaγə* 'вьючное животное' (чув. *lav*), *ur̃aqə* 'долгий' (чув. *vъrax*), *üjr̃eŋγü* ~ *jür̃eŋγü* 'стремя' (чув. *jъ̊rana*);

ʒ́ąɣyӳə 'каштановый' (чув. *ś́yrъ*), **ʒ́ąɣluqə* 'платок' (чув. *ś́ulъx*), **ʒ́a'q-tu* 'свет' (чув. *ś́udъ*), **ʒ́arɣaqə* 'пленка, оболочка' (чув. *ś́oryax*), **ʒ́ąrluqə* 'повеление' (чув. *ś́yrlax*), **ʒ́ąvluqə* 'грех' (чув. *ś́ylъx*), **ʒ́avru* 'детеныш' (чув. *ś́ə̊və̊r, ś́urъ*), **ʒ́ə̊vuqə* 'близкий' (чув. *ś́yvъx*), **ʒ́ęɣirmi* ~ **ʒ́ęɣürümi* 'двадцать' (чув. *ś́irəm*), **ʒ́ermekə* (~ **ć'-*) 'мальчик, молодой' (чув. *ś́armak*), **ʒ́e't(t)i* 'семь' (чув. *ś́iǯə, ś́iĉĉə*), **ʒ́ülə* 'гнев' (чув. *ś́ilə*).

Особый интерес представляет группа основ, где чувашским заднеязычным не соответствует велярный или увулярный в других тюркских языках. Важно отметить, что, во-первых, в данной группе чувашский конечный соответствует пратюркскому сингармонистическому ряду (что доказывает архаичность этих согласных), а во-вторых, в односложных словах заднеязычный никогда не исчезает в чувашском, даже находясь в абсолютном конце, например: *kə̊k* 'корень'< пратюрк. **k'ö'k*, чув. *kə̊vak* 'синий, голубой' < пратюрк. **kök*, чув. *pə̊x* 'кал' < пратюрк. **boq* и т.д. То же самое можно сказать и про случаи, когда единственный слог закрывается сочетанием сонанта с велярным или увулярным глухим смычным. В этих словах по чувашскому фонотактическому правилу, запрещающему конечные сочетания такого типа, происходит вставка редуцированного гласного внутри, однако конечный заднеязычный сохраняется:

чув. *irək* 'воля' < пратюрк. **ęr'k* 'сила, воля' ~ монг. **erke* 'право';

чув. *kə̊rə̊k* 'шуба' < пратюрк. **k'ür'k* id.;

чув. *xərəx* 'сорок' < пратюрк. **qyr'q* id.;

чув. *sorъx* 'овца' < пратюрк. **sar'q* id. (кыпч. **saryq*, тоф. *sarhādak* 'двухгодовалая телка марала') ~ монг. **serke* 'кастрированный козел';

чув. *tə̊rə̊x* 'окрестности; вдоль' < пратюрк. **tur'q* 'длина, размер, форма';

чув. *tərək, tə̊rə̊k* 'тюрк' < пратюрк. **t'ür'k* этноним (в основном карлукский), 'простак' (огузское);

чув. *ələk* 'раньше, прежде' < пратюрк. **il'k* id. (МК *ilk*, тур., аз. *ilk*, тат., башк. *elek*, вторичная контаминация с суффиксом *-ki* для прилагательного в турк. *ilki*, каз. *ælkə*).

По материалу видно, что в стандартных тюркских языках допустимо лишь сочетание **-rK#*. Существующий единственный пример сочетания **-lK* лишь в наречии/прилагательном **il'k*. Данное сочетание в языках-потомках частью разбивается, а если и сохраняется, то в некоторых языках присутствует узкий конечный гласный. Таким образом, редкое конечное сочетание переводится в интервокал, где сочетания **-lK-* довольно часты. Устранение этого сочетания не случайно.

В чувашском в группу слов с «добавочным» заднеязычным входят слова вида *(T)VLK#* и *(T)VNK#* (где *L* соответствует пратюркским **l, *ĺ*, а N – **n, *ń* и **j*), т.е. с сонантами перед заднеязычными. Эти слова не были суффигированными в собственно чувашском развитии, вопреки мнению Г.И.Рамстедта и А.М. Щербака, а были просто односложными словами с сочетанием согласных в абсолютном конце. После отпадения булгарской ветви в стан-

дартно-тюркских произошло упрощение конечных сочетаний с сонантами в односложных словах, и только сочетание **-rK#* не попало под действие этого закона. Надо отметить, что в тувинско-тофаларской и якутской подгруппах закон избавления от сочетаний сонантов с заднеязычными в ауслауте продействовал еще шире, и там **-rK# > +-rt#*, чередуясь с *+-rK-* в интервокале. В кыпчакских языках также избавлялись от единственного сочетания с заднеязычным в ауслауте **-rK#* путем вставки узкого гласного между согласными. Однако сочетания вида **-rT#, *-lT#, *-NT#* нигде не разбивались и не упрощались. Внешний алтайский материал хорошо соответствует чувашским данным, и в параллелях с «добавочным» заднеязычным в чувашском там представлены сочетания согласных:

чув. *хələх* 'конский волос' ~ пратюрк. **q'yl'q* id., станд.-тюрк. **qyl* ~ монг. **kilga-su* id., тунг.-маньч. **xiŋ́gakta* (~ **-lŋ-*), кор. **kār(h)-*, яп. **kaí*;

чув. *ойъх* 'луна, месяц' ~ пратюрк. **āńq* id., станд.-тюрк. **āń* ~ монг. **oj* 'годовщина, год', тунг.-маньч. **aŋ́ga* 'возраст, год';

чув. *piləк* 'поясница' ~ пратюрк. **bēlk* id., станд.-тюрк. **bēl* ~ монг. **belkehü-sü, *belkemǯi* id., тунг.-маньч. **belge-* 'передняя часть бедер в сидячем положении';

чув. *sə̊nъ̊х* 'мука' ~ пратюрк. **ǯūnq* ~ **ǰūnq* id., станд.-тюрк. **ūn* (турк. *uvyn*) ~ монг. **öŋ* 'обильный, богатый (сезон, место)', тунг.-маньч. **oŋka* 'корм (чаще подножный)', яп. **ə́nkə́-r-* 'жить в роскоши, изобилии';

чув. *ту́уа* 'жеребенок' ~ пратюрк. **t'aj'q(-aq)* id., станд.-тюрк. **taj* ~ монг. **tajiga-n* 'скопец, кастрат', **tajiga* 'быстрый в беге';

чув. *тъ̊лъ̊х* 'сирота' ~ **tul'q* 'одинокий, вдовец', станд.-тюрк. **dul* 'вдова, вдовец', но с сохранением сочетания при словообразовании тув. *dulgu-jak* (с аффиксом «родственников», как тоф. *ašy-ǰak* 'муж', тув. *ku'ru-jak*, тоф. *korhy-ǰak* 'женщина, старуха') ~ монг. письм. *tulgui* 'одинокая женщина';

чув. *тə̊лə̊к* 'сон' ~ пратюрк. **tūłk, *tūlk* id., станд.-тюрк. **dūš, *dūl* (як. *tūl*) ~ монг. **tölge* 'предсказание, гадание', тунг.-маньч. **tolki-n* 'сон';

чув. *čələх* 'язычок, голосовые связки, пищик', *čəlγe* 'язык' ~ пратюрк. **tylq(-aq)* 'язык', станд.-тюрк. **dyl* id., МК *tylγaq* 'clitoris' ~ тунг.-маньч. **dilga-n* 'голос, звук'.

Для слова чув. *piləк* 'пять' ~ станд.-тюрк. **bēš* нет алтайской этимологии, но по соответствиям здесь должно быть пратюрк. **bē̊łk*, связь этой основы с пратюрк. **bilek* 'запястье' невозможна по фонетическим причинам, отношения с индо-евр. **penkʷ-* 'пять' или прачук. **mъllъŋъ-n* id. неясны (хотя в последнем случае это может быть отражением того же сочетания, что и в слове «волос»).

Чувашская палатализация и пратюркская реконструкция

Для реконструкции пратюркского вокализма в большой части случаев неоценимые данные дает консонантное развитие в чувашском языке, и поэтому необходимо рассмотреть так называемые случаи исторической пала-

тализации в чувашском языке. Следы ее до сих пор наблюдаются в морфонологическом чередовании *t* ~ *č* перед притяжательным аффиксом 3-го лица *-ə* <**-i* (например, *pə̊lə̊t* 'облако' ~ *pə̊lə̊ž-ə*). Соответствия чув. *š* ~ станд.-тюрк. *s*, чув. *č* ~ станд.-тюрк. *t* лежат на поверхности и были подмечены еще с XIX в., т.е. с тех пор как началось систематическое изучение тюркских, и в частности чувашского, языков (см. Ашмарин Мат., 99–100). Палатализация дентальных смычных и апикального спиранта **s* регулярно происходила перед пратюркскими **i* и **y*, а также перед начальным элементом **j*- дифтонгов первого слога. Процесс этот произошел довольно рано, на что указывают венгерские заимствования времен контактов венгров с тюрками на пути в Европу в VIII–IX вв. нашей эры типа венг. *sár* 'грязь' (в венгерской орфографии *s* передает *[š]*, а *sz* – *[s]*) ~ чув. *šor* ~ станд.-тюрк. **sāz* 'грязь, болото', венг. *sár* 'желтый' ~ чув. *šorъ* 'белый' ~ станд.-тюрк. **sāryγ* 'желтый', венг. *seper*- 'подметать' ~ чув. *šъbъr*- ~ станд.-тюрк. **sipür*-, венг. *sörke* 'гнида' ~ чув. *šъrga* 'плесень' ~ станд.-тюрк. **sirke* 'гнида, плесень', венг. *sőreg* 'острый' ~ чув. *šə̊və̊r* ~ станд.-тюрк. **sivriγ* (~ *-k*) и др.

Тюркские рунические памятники появляются примерно в то же время, и в них также отражены случаи палатализации спиранта **s*. В памятнике Кюль-Тегину регулярно через знак для переднерядного мягкого *ś* записывается *s* перед *y* в заднерядных словах: *ačś[y]q* (S 8), *b[a]ś[y]qdy* (N 8), *b[a]tś[y]qyŋa* (S 2), *jilś[y]γ* (E 26), *buś[y]ta* (NE). В этом памятнике только в заднерядных словах *š* записывается через специфический знак для *š*: *š[a]d* (E 17, 27), *š[a]ntuŋ* (E 17, S 13), *[a]ša* (E 21, 13), *yšb[a]ra* (E 33), *t[a]š[y]q*- (N 8, E 11), *j[a]š[a]*- (N 2, 2), *b[a]šl[y]γ* (E 2, 15, 18), *qyš*- (E 32, 34), *t[a]rduš* (E 17), *t[a]š* (S 12), *t[a]šra* (E 11, 26), *jiš* (S 6). В переднем ряду *š* обычно записывается через *ś*, т.е. через тот же самый знак, что и *s-i*-, *s-y*- (!): *biśük* (S 6), *biś[i]nč* (N 7), *iśgiti* (S 5), *[e]ś[i]l[i]k* (E 7), *biś* (E 31) [но в этом же слове через *š* перед следующим заднерядным словом: *biš-ot[u]z* (E 18), *biš-joly* (N 4)], *küm[ü]ś* (SW) наряду с *kümüš* (S 5, N 12), *süŋ[ü]ś* (E 15) наряду с *süŋ[ü]š* (E 40, N 2), *t[e]giś*- (N 15), *tüś*- (N 4), *üküś* (S 6), *j[e]tm[i]ś* (E 12), *[e]śid* (S 2, 1, 10); исключения: *kiŋš[ü]r*- (E 6), *kiši* (S 7), хотя отмечено и *kiśig* (S 6). В памятнике Бильге-Кагану в целом та же самая картина распределения знаков, только в переднерядных словах *š* немного чаще записывается через *ś*, чем через *ś*.

В памятнике Тоньюкуку другая орфография, в нем знак *ś* также используется для **s* перед *y*, как, например, *č[a]b[a]śy* (I W 7), *q[a]b[a]ś[y]l[y]m* (I E 3), *ol[u]rś[y]q[y]m* (I E 5), *udś[y]q[y]m* (I E 5), *bolś[y]r* (I S 6), *jor[u]m[a]ś[y]r* (I N 5). Но, кроме того, данный знак используется для обозначения **s* перед историческим пратюркским дифтонгом (!), т.е. в тех словах, где в чувашском отмечается палатализация, а в стандартно-тюркских языках задний гласный: *ś[a]q[y]nt[y]m* (I W 6) ~ чув. *šoγъš* 'дума, мысль', *śub* ~ чув. *šyv* 'вода' и *ś[a]b[y]n* (I N 5), *ś[a]l[y]γ* (I S 5). Случаев передачи основ с чувашским *š* < **s* через знак для обычного *s* не отмечается. Для обозначения *š* в заднерядных словах, наоборот, используется только *s* (!), хотя в титуле *šad* как вариант есть *š*: *s[a]d* (I N 7, II W 6) и *š[a]d* (I W 5), *s[a]ntuŋ* (I E 1, 2), *[a]sa* (II W 2),

t[a]b[y]sy[a]n (I S 1), *t[a]s[y]q-* (I N 6, 6, 9, 9), *[a]s-* (I N 2, 11), *b[a]s* (I N 7), *b[a]sl[y]y* (II S 2), *č[a]b[y]s* (I W 7), *q[a]b[y]s-* (I E 3, 4, S 5), *qys-* (I E 4, S 4, W 4, 5, 6), *t[a]rdus* (I N 7, II W 6), *t[a]s* 'наружу' (I S 6), *j[a]r[y]s* (I N 9, II W 1), *jys* (I E 3, N 4, 7, 8, 8, 9, 11, II W 2). В переднерядных словах для *š* используется знак *ś*: *[e]ś[i]m* (I S 2), *tüś[ü]r-* (I N 3), *küm[ü]ś* (II S 4), *ögl[e]ś-* (I E 3, 3), *tüś-* (I N 6, S 9), *ük[ü]ś* (I W 7, II W 4, 5). Судя по орфографии рунических памятников, *s* произносился перед *y* почти так же, как *š* в переднерядных словах. Графические системы памятников Кюль-Тегину и Тоньюкуку можно представить следующим образом (для станд.-тюрк. **š* < пратюрк. **ŧ* в чувашском берутся только превокальные позиции, см. с. 26):

Таблица 4

Развитие глухих спирантов в языках рунических памятников и чувашском

Станд.-тюркский	*sA	*sjA	*sE	*sy	*šA	*šE
Кюль-Тегин	sA	sA	śE	śy	šA	śE
Тоньюкук	sA	śA	śE	śy	sA	śE
Чувашский	sA	šA	sE, ši	šy	šA	šE

Ниже приводятся случаи чувашской палатализации дентальных и **s-* перед **i*, **y* в анлауте.

чув. *čar-* 'останавливать, перекрывать движение, мешать' < пратюрк. **tyδ-* 'удерживать, унимать';

чув. *čarak* 'подпорка' < пратюрк. **tīre-kə* id., **tīre-* 'подпирать';

чув. *čavza* 'локоть' < пратюрк. **tirsyek* 'локтевой сустав';

чув. *čik-* 'колоть, вонзать' < пратюрк. **t'i'k-* 'колоть, шить';

чув. *čigen* 'колики в боку' < пратюрк. **t'i'ken* 'колючка, шип', дериват от предыдущего корня;

чув. *čige* 'крутой, отвесный' < пратюрк. **ti'k* 'крутой, вертикальный';

чув. *čyx-* 'набивать, наполнять' < пратюрк. **t'y'q(y)-* id.;

чув. *čъnla-* 'слушать' < пратюрк. **tiŋla-* id.;

чув. *čəl-* 'щепать, лучить' < пратюрк. **til-* 'резать дольками, лущить';

чув. *čələx* 'пищик, увула', *čəlye* 'язык, речь' < пратюрк. **tȳlq* (+**-aq*) 'язык';

чув. *čə̑m* 'дыхание, жизнь' < пратюрк. **tȳn* id.;

чув. *čə̑m* 'шум, звук' < пратюрк. **tiŋmi* id.;

чув. *čən-* 'заговорить, промолвить, звать, приглашать' < пратюрк. **tin-* ~ **tyn-* 'заговорить, отвечать';

чув. *čən* 'привязь, ремень' < пратюрк. **tīn* ~ **tȳn* 'веревка, нить для привязи, поводья и т.д.';

чув. *čər-(guśś-i)* 'колено (глаз колена)' < пратюрк. **tīr̄ə* id.;

чув. *čərə* 'живой' < пратюрк. **tīriγ* id.;

чув. *čərmele-, čъrmala-* 'скрести, царапать' < пратюрк. **tyrma-* 'царапать, грабли, борона' (турк. *dyrmak-*, тур. *tyrmyk* 'грабли', каз. *tyrma* 'борона', *tyrna-* 'царапать, боронить', *-n-* в результате контаминации с *tyrnaq* 'ноготь', МК *tyrmal-* 'царапать' (дважды), *tarmal-* id. по контаминации с *tara-*

'расчесывать волосы', тув. *dyrba-* 'чесать, царапать, скоблить, скрести', як. *tarā-, tarbā-* 'царапать' с контаминацией с *tarāx* 'гребень');

чув. *čərne* 'ноготь' < пратюрк. **tyrŋaq* id. (турк. *dyrnaq*, аз. *dyrnaG* 'ноготь, копыто', тур. *tyrnak*, хорезм. *dьnnaq*, уйг. *tirnaq, tirnaq*, др.-уйг. (будд.) *tyrŋaq*, (админ.) *tyŋraq*, МК *tyrŋaq*, тув. *dyrgak*, тоф. *dyrɣak*, як. *tyŋyrax, tyɣyrax*);

чув. *čədəre-, čətre-* 'дрожать' < пратюрк. **t'i'tire-* id.;

чув. *šarak* (с метатезой) 'острый на вкус, горький, чрезмерно соленый; вкус содовой воды с опущенным в нее хреном и солью' < пратюрк. **sirke* 'уксус';

чув. *šъjьr-* 'царапать, сдирать' < пратюрк. **syδyr-* id.;

чув. *šък* 'моча' < пратюрк. **sīk* id. (як. *īk*) ~ монг. **sihe-sü* id., тунг.-маньч. **šikē-n* id.;

чув. *šъklъ, šəgəl, šəklə* 'бородавка' < пратюрк. *siɣölə* id. (в чув. экспрессивный переход второго согласного в смычный, ср. также экспрессивные нерегулярности в турк. *siŋgil*, аз. *zijil*, чагат. Pav. C. *sükül*);

чув. *šъl* 'зуб' < пратюрк. **sił* 'ве́ртел, зуб';

чув. *šъl-* 'вытирать, мазать' < пратюрк. **sȳl(a)-* 'тереть, массировать, мазать';

чув. *šъ̊mъ̊*, верхов. курмыш. *šъnъ* 'кость' < пратюрк. **siŋök* ~ **syŋoq* id. (як. *uŋuox*);

чув. *šъpa* 'муха' < пратюрк. **siŋek* 'комар, муха';

чув. *šъpъr* 'сухожилие, жила' < пратюрк. **siŋir* id.;

чув. *šъp-ъ́s-* 'впитываться' < пратюрк. **siŋ-* 'погружаться, впитываться' (чув. из **siŋ-il-ł-* с показателями пассивного залога и взаимного);

чув. *šъ̊bъ̊r* 'веник, метелка' < пратюрк. **si'pürγi* id., **si'pür-* 'мести';

чув. *šъr-* 'мочиться (to urinate)' < пратюрк. **siδ-* id.;

чув. *šъr-an-* 'топиться (о масле, жире)' < пратюрк. **syr̃-* 'таять';

чув. *šъr-an-* 'плавиться (о металле), пылать, тлеть', *šъr-at-* 'плавить металл' < пратюрк. **sir̃-* (~ **-y-, *-r-*) ~ монг. **sire-* 'накаляться (о металле)', **sirem* 'чугун', в остальных тюркских языках, по-видимому, рано слился с глаголом 'таять' и **syr̃-* 'сочиться, просачиваться';

чув. *šъrga* 'гнида, плесень на пиве' (> венг. *sörke*) < пратюрк. **sir'ke* 'гнида';

чув. *šъrt* 'щетина, грива' (> венг. *sörte*) < пратюрк. **syr't* (алт. (ойрот.) *syrt* 'кожа на хребте', МК *syrt* 'толстый грубый волос, щетина', др.-уйг. VIII в. *syrtyɣ* '(гребень), волос') ~ монг. **sirkeg* 'щетина', **sirkej-* 'щетиниться', тунг.-маньч. **sirpʌkta* 'конский волос, щетина';

чув. *šъrt* 'гребень' < пратюрк. **syr't* 'хребет, спина' [уйг. *sirt* 'позвоночник', алт. *syrt* 'хребет' (из-за этого и контаминированное значение 'кожа на хребте'), тур. *syrt* 'спина', чагат. XV в. *syrt* 'плечо, лопатка', тув. *si'rt* 'хребет, спина'] ~ монг. **serteŋ* 'позвоночный отросток'.

Употребление в чувашском *šъrt* в значении 'гребень горы', по-видимому, связано с поздним кыпчакским воздействием, поскольку для кыпчакских языков у слова *syrt* значение 'спина, хребет' не типично. В языках кыпчакского ареала – каз. *syrt геогр.* 'возвышенность' (анатомического значения нет), тат. *syrt* 'горный хребет, кряж' (значение 'хребет, спина' дается в словосочетаниях, ТатРС, 497) и даже кирг. *syrt* 'высокогорное плато, высоко-

горная долина' (анатомического значения нет). В древних собственно кыпчакских (по терминологии Дж.Клосона) памятниках *syrt* с XV в. (команский, кыпчакский) значит только 'холм'. Это последнее слово восходит к другому праалтайскому корню и имеет параллели: монг. **siroj* 'одиноко стоящая гора', **sirug* 'скала, мыс', тунг.-маньч. **sirkʌ-* 'холмик, кучка, мыс'.

чув. *šə̊və̊r, šə̊vrə̊* 'острый, остроконечный' < пратюрк. **sivri* id.

К представленным примерам примыкает чув. *čərəp* 'еж' < пратюрк. **t'ir'pi* id. > башк. *terpe* архаичный альтернат **k'ir'pi*. Внутри чувашского слова также прошло аналогичное развитие дентальных и спиранта **s*, что подтверждается морфонологическим чередованием *t* ~ *č*, упоминавшимся выше. Вот показательные примеры:

чув. *pə̊rʒə̊* 'зернышко' < пратюрк. **bürtik* id.;

чув. *śĭžə, śĭččə* 'семь' < пратюрк. **ʒe't(t)i* id.;

чув. *śĭvžə* 'острый' < пратюрк. **ʒi'tiɣ/ *ʒy'tyɣ* id.;

чув. *vičkən, vižəgən* 'острый' < пратюрк. **ö'tikün* id. (турк. *ötgün*, тат. *ütken*) старое производное от **ö't-* 'проникать' > чув. *vit-*;

чув. *və̆lʒa* 'икра' < пратюрк. **uv(u)ldy-q* id. (ног., тат. *uwyldyq*, башк. *ywyldyryq*, каз. *uwyldyryq*, турк. *oyyldyryq*);

чув. *pyržə̆* 'кишки' < пратюрк. **bāɣyrsyq* id. (тув. *bārzyk*, тоф. *bārsyk*, но в огузских с расширением гласного турк. *bāɣyrsaq*, аз. *baɣyrsaG*, тур. *baɣyrsak*);

чув. *porə̆š* 'барсук' < пратюрк. **borsyq* (~**-sŋ-*) id. (кызыл. *morš́yx* (!) с шипящим спирантом);

чув. *ə̆žə̊* 'теплый' < пратюрк. **issiɣ/ *yssyɣ* id.;

чув. *-žə* показатель 3 лица в терминах родства и слове «теленок» < пратюрк. **-sy/*-si* показатель 3 лица после основ на гласный.

В случаях, когда в современных языках в непервых слогах после **t(')*, **s* следует *y/i*, а в чувашском отсутствует историческая палатализация, следует реконструировать **u/*ü*, так как ни один из современных языков не различает **u/*ü* и **y/*i* в непервых слогах, исключая разве что уйгурский при позиции закрытого слога после сочетаний согласных и некоторые огузские диалекты.

Процесс палатализации затронул не только спирант **s* и дентальные смычные **t, *t'*, но также и палатальные шумные в чувашском языке. И при нейтральном отражении аффрикат как *ś* в основной массе случаев, в позиции перед пратюркскими гласными **i, *y,* перед начальным **j-* дифтонгов и перед **ę* нормальным отражением является аффриката *č* (кроме этих случаев *č* в чувашском возникает при упрощении сочетаний с аффрикатой):

чув. *čige* 'локоть (мера длины)' < пратюрк. **ć'y'qa-naq/*ć'i'ke-nek* 'локоть (анатомический)', передний вариант также в тув. *šhenek*, тоф. *šehenek*;

чув. *čigə* 'граница, рубеж' < пратюрк. **ć'ę̄kə* id.;

чув. *čir*, сев.-зап. *čęr* 'болезнь' < пратюрк. **ć'ęr* 'болезнь, печаль';

чув. *čəgeś* 'ласточка' < пратюрк. **ć'i(')kecʌ* ~ монг. **-čiga(j)*, монгор. *xaran-čigē*, дунсян. *qaran-ča*;

чув. *čəlbər* 'поводок' < пратюрк. **ć'ylvur* id.;

чув. *čənder* 'кружева' < пратюрк. **ć'ilter* id. (кыпч.);

чув. *čə̊bə̊* 'птенец' < пратюрк. **ć'ipi-ć, *ć'ipe-* 'птенец' (тат. *čebi, čebeč*, башк. *sebeš*, ног. *sipej*, МК *čibek qyrγuj* 'ястреб-перепелятник', где *qyrγuj* 'ястреб');

чув. *čə̊bə̊t-* 'щипать', *čə̊ptə̊m* 'щепоть' < пратюрк. **ć'imić-/*ć'ymć'i-* id. (в части языков из-за выравнивания по виду типичных глагольных основ **ć'imić-* > **ć'imit-*, тур., аз. *čemdik* 'щепоть', уйг. *čimdi-* 'щипать', тат. *čemet-*, башк. *semet-*, ног. *šymyt-*, каз. *šymšy-*, алт. *čymčy-*, тув. *šymčy-*). Деназализация **-m-* в чувашском из-за форм с выпадающим вторым узким гласным.

чув. *čər-* 'чертить' < пратюрк. **ć'yr̃-* ~ **syr̃-* id. (турк. *čyz-*, тур., аз. *čiz-*, тат. *syz-*, башк. *hyδ-*, тув. *čiz-*);

чув. *čər-* 'рвать что-либо' < пратюрк. **ć'yr(p)-* id. (турк. *čirt-* с перестройкой под каузативный глагол, тур. *čyrp-*, аз. *čyr-*);

чув. *čə̊v-en* instr. 'на дыбы' < пратюрк. **ć'iv* ~ **ć'iγ* id. (башк. *ürεp sew*).

В середине основы:

чув. *kaža* 'мизинец' < пратюрк. **k(')ečiγ* id. (др.-уйг. *kečig*) ~ монг. **kuči* id.;

чув. *kaž-aga* 'коза' < пратюрк. **k'e'ć'i* id.;

чув. *kъ̊žъ̊rmak* 'хрящ' < пратюрк. **k(')ə̊ć'ir-* 'хрящ' (МК *kečir* 'хрящ', хак. *kĭžər*, шор. *kečirtke*, алт. *keʒ́ir*, кир. *kečir*, тоф. *kežir*);

чув. *ə̊rže-* 'плодиться' < пратюрк. **ürć'i-* ~ **örć'i-* id. (тат. *ürč-*, башк. *ürse-*, кирг. *örč-*), чувашский отражает первый вариант, ~ монг. **üreži-* id.;

Историческая палатализация аффрикаты в чувашском также отмечена для диминутивного суффикса *-čъk/-čək* < пратюрк. **-ć'ikə* id. (например, чув. *anžъk* 'щенок' < пратюрк. **en-ć'ik* id., *kiməržək* 'хрящ' < пратюрк. **k'emür-ć'ikə* etc.) и в суффиксе *-čan/-čen* в некоторых названиях животных (чув. *kъ̊vagaržъn* 'голубь' < пратюрк. **kə̄kürć'in*, чув. *šъ̊vъrъ̊lžen* 'глист' < пратюрк. **syv[u]lć'yn* 'червь, глист').

Следует отметить случаи с чувашским *č*, возникшим из упрощения сочетаний с аффрикатой:

чув. *važa* 'мерлушка' < пратюрк. **ə̄j-ć'ek* id. (башк. (диал.) *öjsök*, алт. *öʒ́ök*), аффиксальное образование от того же корня, что и **ə̄j-ek* id. > тат. *üjεk* 'кусок шкурки с живота', тур. (диал.), турк. (диал.) *öjek*, кирг. *ə̄k*, хак. *ə̄k*, тув. *öjek* при башк. *öjöm*. Второй вариант также был в чувашском, из него заимствование в мар. луг. *vaja*, горн. *vεjε* с тем же значением;

чув. *və̊žə̊* 'подвздошная область' (чув. имеет рефлекс гласного закрытого слога в сочетании с **-v, *-γ*, иначе ожидалось бы *+ъ̊zъ ~ +ə̊zə̊*) < пратюрк. **uvća* 'крестец, бедро': турк. *ūža* < *+uvža*, алт. *uča*, саг. *uča* (!) 'спина, пояс-

ница' (в сагайском диалекте хакасского, так называемом сэкающем, интервокальная аффриката должна давать только *-z-*, в качинском может быть рефлекс аффрикаты, но все равно он должен быть звонким, т.е. *-ǯ-*, а здесь следы геминированной аффрикаты из упрощенного сочетания), тув. *uža* 'курдюк, задняя часть туши', тоф. *uša* (!) 'крестец' (нормальным рефлексом пратюрк. **-'c-* является *-h-*, а пратюрк. **-c-* > *-ǯ-*, см. с. 25, тоф. *-š-* может браться только из сочетаний, отражая геминированную аффрикату), як. *uǯuŋax* (!) 'крестец' (нормальным рефлексом интервокальной аффрикаты является *-s-*, позднее перешедший в *-h-*, а *-ǯ-* может браться только из сочетаний) ~ монг. **uhuča/*uwča* 'крестец', тунг.-маньч. **oči-ka* 'пах, подбрюшный плавник';

чув. *vəǯə* 'злоба' (чув. имеет рефлекс краткого гласного закрытого слога в сочетании с **-v, *-γ*, при долгом гласном без сочетания ожидалось бы *+vazъ*, а при кратком – *+vizə*) < пратюрк. **övcə/ *ōcə* 'месть, злоба': на краткостный вариант указывает як. *ös*, долготный вариант как и в случае для слова 'крестец' в турк. *ōč*, тоф. отражает также долгий гласный *öš/öǯ-*. Двойственную интерпретацию имеет др.-уйг. *ööč* согдийским письмом, с одной стороны, это можно трактовать как отражение долготы, хотя для др.-уйг. языка отражение долгот вообще не типично, с другой стороны, это может быть записью *+öwč*, кстати, такой принцип записи губного был потом и перенят монгольской орфографией на той же основе;

чув. низов. *vuǯax*, сев.-зап. *vočak* (!) (с глухим согласным, что может быть только из геминаты), верхов. **vyǯax, vuǯax* 'очаг' < пратюрк. **ōt-cаqə* ~ **ot-cаqə* id., традиционно считается дериватом от **ōt* 'огонь', долготный вариант отмечен в турк. *ōǯaq*, тув. *ožuk*, тоф. *oǯuk*, низовом и северо-западном диалектах чувашского языка, а краткостный – в як. *osox* и верховом диалекте чувашского языка, варианты с сочетанием согласных отмечаются в памятниках др.-уйг. Suv. *oṭčuq* и некоторых современных языках – хак. *očyx* (!) 'треножник' с глухим интервокальным *-č-* во всех диалектах, включая сагайский, и тоф. *otču-* 'разгораться (об огне)' с дублетом для слова 'треножник' *očču̇k*;

чув. *pəǯək* 'маленький' < пратюрк. **bicci-* id., тув. *biče* (с глухой интервокальной аффрикатой из-за геминации), тоф. *bičče*, як. *byčyk* (с аффрикатой из-за геминации).

Ограничения на встречаемость консонантных фонем и фонетические импликации

Пратюркские согласные имеют сильные ограничения на встречаемость:

1) в анлауте возможны только глухие смычные (как сильные, так и слабые) и спирант **s;*

2) в ауслауте многосложных основ возможны сонанты (наверное, за исключением **-ń*, встречающегося лишь в редких случаях основ с выпадающим гласным; такие основы, общие для тюркских языков различных подгрупп, скорее следует реконструировать в виде **TVTTə*, см. с. 38), глухие спиранты, только слабые смычные и **-γ* (в памятниках отмечен еще отглагольный именной аффикс с размытым значением **-δ*, невычленяемый по материалам современных языков);

3) после непервых гласных даже в интервокальной позиции не встречаются сильные смычные – возможны только слабые, а из звонких спирантов фактически представлен только **-γ-*, а в словоизменительных аффиксах – **-δ-*. Нет ни одного аффикса, начинающегося на **-v-*; по-видимому, этот согласный довольно рано совпал с **γ* в этих позициях. (В таком случае показатель пратюркского винительного падежа **-əγ* вполне допустимо сравнить с яп. **-bə*, монг. **-(h)i*, тунг.-маньч. **-ba*: гласный тюркского аффикса узкий, непалатализирующий.)

Допустимые сочетания согласных внутри корневой основы (или деэтимологизированной основы с архаичным непродуктивным аффиксом) представлены в таблице 5 (с. 64).

В данной таблице с помощью знака «+» между согласными обозначены сочетания на стыках словообразовательных морфем, а знаком «ə» – сочетания с узким гласным, который выпадает при словоизменении, но восстанавливается при конечнослоговой позиции второго согласного. Слитно написаны сочетания, допустимые без вставочного узкого гласного верхнего подъема или встречающиеся только в интервокале неразложимых основ.

Геминированными могут быть многие согласные. Отчасти это след развития других сочетаний, отчасти – экспрессивная или лексически связанная геминация, как в терминах родства и в счетных числительных. При атрибутивной (адъективной) позиции числительного геминация может исчезать, как показывает чувашская норма для числительных. Из всех современных тюркских языков только чувашский имеет синхронное морфологическое чередование негеминированных и геминированных согласных. Проявляется оно при словоизменении имен, конечный согласный которых удваивается (а шумный и оглушается) перед аффиксом, начинающимся на гласный. Это происходит не во всех случаях, и по синхронному облику основы в номинативе бывает часто непредсказуемо появление или отсутствие удвоения при словоизменении. Традиционно это списывалось на финно-угорский субстрат без объяснения позиций возникновения данного феномена в чувашском. Однако чередования в прибалтийско-финских и саамском происходят совсем в других фонетических позициях и кроме наличия собственно чередования между этими процессами нет ничего общего. В чувашском в настоящий период основы, имеющие морфонологический

Таблица 5

Сочетаемость пратюркских согласных

	-p	-t	-ć	-k	-v	-δ	-γ	-m	-n	-ń	-ŋ	-s	-ť	-l	-r	-r̃
p-	[pp]	(p+t) ?	(p+ć)	pk ~ kp	–	–	pγ	(p+m)	(p+n)	–	–	(p+s)	pə̆ť	pl	pr	(pə̆r̃)
t-	–	[tt]	–	–	–	–	tγ	(t+m)	(t+n)	–	–	(t+s) ?	tə̆ť ~ tć	tl	tr	(t+r̃)
ć-	–	–	[ćć]	–	–	–	ćγ	(ć+m)	(ć+n)	–	–	(ć+s)	–	(ć+l)	(ćə̆r)	–
k-	kp ~ pk	(k+t) ?	–	[kk]	(kv)	(kd)	–	km	kn	–	–	(ks)	kə̆ť	kl	(kə̆r)	(kə̆r̃)
v-	–	vt	vć	vk ~ jk	–	(vd)	vγ	–	(və̆n)	–	–	(v+s)	(və̆ť)	(və̆l)	(və̆r)	–
δ-	–	–	–	–	–	–	(δγ)	(δ+m)	(δə̆n)	(δə̆ń)	–	–	–	(δə̆l)	δr	(δə̆r̃)
j-	jp	(jə̆t)	(jə̆ć)	jk	–	–	(jγ)	jm	jn	(jə̆ń)	jŋ ~ ńŋ	js	(jť)	(jl)	(jə̆r)	–
γ-	–	(γə̆t)	γć	–	–	(γd)	–	γm	γn	–	(γŋ)	γs	(γť)	γl	γr	(γə̆r̃)
m-	mp	mt	mć	mə̆k	(mv) ?	(m+d)	mγ	[mm]	mə̆n	–	–	(m+s)	mť	(m+l)	mr	–
n-	–	nt	–	(nk)	–	nd	nγ	(n+m)	[nn]	–	–	–	nə̆ť ~ nć	(n+l)	–	–
ń-	(ńp)	–	ńć	ńk	–	–	(ńγ)	–	–	–	ńŋ ~ jŋ	–	(ńť)	–	–	ńr̃
ŋ-	–	(ŋ+t)	(ŋ+ć)	ŋk	–	(ŋd)	ŋγ	–	–	–	[ŋŋ]	(ŋs)	ŋť	ŋl	ŋr	(ŋə̆r̃)
s-	–	(st)	–	(s+k)	–	–	(sγ)	sm	sn	–	(sŋ)	[ss]	–	(s+l)	sə̆r	–
ť-	–	(ťə̆t)	ťć	ťk	–	–	ťγ	ťm	(ťə̆n)	–	(ťə̆ŋ)	–	[ťť]	–	(ťə̆r)	–
l-	lp	lt	lć	lk	lv	ld	lγ	lm	(lə̆n)	(lə̆ń)	lŋ	(l+s)	–	[ll]	–	–
r-	rp	rt	rć	rk	(rv)	(rd)	rγ	rm	rn	–	rŋ	rs	rə̆ť	rə̆l	[rr]	–
r̃-	–	(r̃t)	–	(r̃k)	–	–	r̃γ	(r̃+m)	(r̃ən)	–	(r̃ŋ)	r̃s	–	(r̃ə̆l)	–	–

редуцированный в ауслауте типа *+(T)VTə*, требуют удвоения последнего согласного перед суффиксом, начинающимся на гласный, т.е. *(T)VTT-*. Нужно учитывать, что ауслаутный редуцированный исчезает перед аффиксом с согласным началом, нередко по диалектам он не фиксируется и в номинативе. Данное развитие объясняется исчезновением на определенном этапе конечного *+-h*, промежуточной стадии развития конечных пратюркских **-q, *-k, *-ɣ*. Следы существования гортанной смычки, или ларингала, прослеживаются по данным венгерских заимствований и по субстратному влиянию на некоторые прикамские диалекты татарского языка, где конечный кыпчакский заднеязычный переходит в гортанную смычку *-ʔ* (см. выше с. 48). В чувашском, как и в остальных тюркских языках, непервые гласные верхнего подъема **-i-, *-y-, *-u-, *-ü-* выполняли функцию морфонологического *-ə-* (автоматического гласного при разбивании сочетаний в определенных позициях), а также выпадали между согласными при образовании допустимых сочетаний в позиции перед гласным следующего слога. Т.е. основы вида *TVTəT* при присоединении суффикса на гласный получали вид *TVTT-V*. Однотипное чередование происходило и происходит в чувашском, и раннечувашские основы вида *+TVTəh* имели морфонологический вариант *+TVTh-V*, например: ран.чув. *+ʒ́ürüh/+ʒ́ürh-* 'кольцо', *+ɛlüh/+ɛlh-* 'кисть руки', *+ɛtüh/+ɛth-* 'сапог', *+xŷsuh/+xŷsh-* 'пах', *+tŷruh/+tŷrh-* 'зерно' и мн. др. На определенном этапе конечный *+-h* исчез бесследно, но после согласных **-h-*, исчезая, давал удвоение предшествующего согласного (соответственно, шумные, произносящиеся в полузвонком варианте в интервокале, на месте такого сочетания становятся геминированными глухими). Таким образом из ран.чув. чередования возникало новое *TVTə/TVTT-V*, в которое по аналогии также включились этимологические ран.чув. основы *+TVTə* без конечного *+-h* (которых было гораздо меньше). Показательны случаи перед аффиксом принадлежности 3 лица **-y/*-i*. В случаях основ с конечным дентальным *-t* происходит регулярная палатализация с переходом *-t > -ǯ-*. Однако *-tə* переходит в *-tt-* без палатализации (!), которой препятствовал исторический раннечувашский *+-h-*, т.е. *adъ/ att-i* 'сапог' < *+ɛtüh/+ɛth-i* при *xut/ xuǯ-ə* 'слой, пласт' < *+xɔht/+xɔhti*.

Показательны следующие запрещения сочетаемостей:

– запрещены сочетания двух шумных смычных внутри основы (нетривиальное сочетание **pk ~ *kp* в слове **öpke* 'легкое', по всей видимости, результат выпадения серединного слога, что и показывает внешний материал (монг. **awuski*, тунг.-маньч. **urʌkte* id.);

– не бывает геминированных звонких спирантов;

– из сочетаний со вторым звонким согласным наибольшая вариативность

для *-γ-, случаи с *-v- единичны и упрощаются с утерей второго согласного или замещаются аналогичным сочетанием с *-γ- ;

– ограничена встречаемость *-ń- и *-ŋ- в качестве второго компонента сочетаний;

– существенно ограничено участие *-r̃- в сочетаниях с согласными (см. с. 35), и также запрещена его геминация;

– запрещены сочетания *-l-, *-n- с последующими *-r- и *-r̃-, чередования типа *ʒ́uldur̃ 'звезда' ~ *ʒ́uldur-a- 'блестеть (о звездах)' аналогичны чередованиям перед другими одиночными согласными и предусматривают отсутствие второго гласного перед -r- в случае глагола. На раннем пратюркском уровне поздние пратюркские *-ldər и *-ldər̃ представляли из себя сочетания *-lr-, *-lr̃-, где потом вторично, из-за диссимиляции, появился звонкий дентальный. В тюркских каузативных основах есть различие двух типов аффиксов – *-tur и *-ur – после большинства согласных, а после сонантов *-l-, *-n- в МК они последовательно различаются как -tur и -dur, а в чув. и як. как $^{+}$-tar и $^{+}$-ar соответственно (кроме того, аффикс *-ər̃ после этих сонантов также регулярно в МК дает -duz). Рефлексы второго аффикса без дентального начала в языках однотипны развитию комплексов *ldər/r̃ в именных основах и доказывают трактовку этих комплексов как исторических сочетаний двух плавных с позднейшим появлением эпентезы.

По данным ограничениям видно, что сильной позицией для согласных является позиция после первого гласного, где могут встречаться все смычные. Возможно, такая комбинаторика связана со старым силовым ударением на первом слоге, вызвавшим редукцию смыслоразличительных признаков смычных согласных в позиции после безударного гласного. Результатом редукции стало исчезновение противопоставления сильных, слабых и отчасти звонких смычных после непервых гласных. Также ясно, что ударение на первом слоге напрямую связано с сингармонизмом гласных.

Фонетическая характеристика раннепратюркской консонантной системы

Внешние алтайские соответствия и анализ системы согласных пратюркского языка накануне распада пратюркской общности позволяют для раннепратюркского уровня реинтерпретировать ряд звонких спирантов как ряд звонких смычных. Распределенные ряды увулярных и велярных смычных сводятся в один, что подтверждается отсутствием звонкого спиранта и носового сонанта в увулярном ряду. Если исключить противопоставление для серединных согласных по силе ~ слабости и считать это вторичным развитием, связанным с долготой предшествующего гласного, а начальное противопоставление считать противопоставлением по звонкости, то в результате система смычных для раннепратюркского предстает в следующем виде:

Таблица 6

	Лабиальные	Дентальные	Апикальные	Палатальные	Латеральные	Заднеязычные
Глухие смычные	-p-	t		ć		k
Звонкие смычные	b	d		ʒ́-		g
Глухие спиранты			s		ɬ	
Носовые сонанты	m	n		ń		ŋ
Плавные сонанты			r̃	j	l	
Дрожащие сонанты			r			

РАЗВИТИЕ ПРАТЮРКСКОЙ СИСТЕМЫ СОГЛАСНЫХ ФОНЕМ

Ниже следует обсуждение фонологических процессов, происходивших при развитии от общетюркского состояния к прасостояниям дочерних подгрупп. Основные фонетические развития уже показаны в соответствующих разделах «Региональных реконструкций» (СИГТЯ 2002), так что здесь речь идет в первую очередь о распространении тех процессов, которые привели к формированию дочерних фонологических систем.

Процессы, выделившие булгарскую группу

По совокупности лингвистических данных, самой первой от пратюркской общности отделилась булгарская группа (по другой терминологии – R-языки). Единственный живой представитель этой семьи – чувашский язык.

Чувашская система

p /B	*v*	*-m-*	
t /D	*s/Z*	*-n-*	*-r-,-l-*
č/Ǯ	*š/Ž*		*j*
	ś/Ź		
k/G	*x/γ*	*- ŋ-*	

При переходе к чувашскому состоянию консонантизм подвергся, в частности, процессам а) ротацизма и ламбдаизма, б) перехода *-δ- > j* в соседстве с *r* и > *-r-* в прочих позициях, в) фрикативизации увулярных, г) спонтанного оглушения (усиления) начальных взрывных и спонтанного озвончения (ослабления) интервокальных взрывных[6]. На оставшейся ветви тюркских языков, напротив, продействовало правило зетацизма и сигматизма, в результате чего сформировалась следующая (общетюркская, в терминологии А. Рона-Таша) система:

p=p'	*b=p*	*(-v-)*		*-m-*	
t=t'	*d=t*	*(-δ-)*	*s=θ*	*-n-*	*-r-,-l-*
č=č'	*ǯ=č*	*-z-*	*-š-*	*-ń-*	*-j-*
k=k'	*g=k*	*(-γ-)*		*-ŋ-*	
(q')	*(q)*	*h-*			

Вторичное озвончение начального дентального

Одна из проблем, возникающих при установлении хронологии процессов, прошедших на «общетюркских» языках, – это озвончение *t > d-* перед серединным звонким взрывным, **r* и **ř* [7] – см. правило, сформулированное выше, в списке фонетических переходов от праалтайского к пратюркскому, под номером 9. Процесс захватывает огузские языки вместе с саянскими, и должен был пройти до перехода *d* срединного в *j* или фрикативный. С другой стороны, поскольку ни в каких языках, кроме огузских и саянских, соответствующее фонологическое противопоставление не сохранилось, не ясна верхняя временна́я граница процесса. По-видимому, в ее определении может помочь рассмотрение булгарских заимствований в венгерском. Еще В.М.Иллич-Свитыч заметил, что они отражают противопоставление, близкое к пратюркскому.

Оказывается, что описанное огузо-саянское озвончение в венгерских булгаризмах не отражено, ср.:
ПАлт. **t'-* > ПТ **t-*, огузо-саян. **t-*, булг. **t-*: 1. Круглый, зеркало: тур. *teker-lek*, гаг. *teker-lek*, аз. *täkär-*, турк. *teker-*, тув. *teger-* (орфогр.) 'кружиться'. ПТ **teker-*, монг. *tög/küre-g* 'колесо, круг'. Венг. *tükör* 'зеркало', MNyTESz III, 1010. 2. Корыто, лоханъ: тур. *tekne*, гаг. *teknä*, аз. *täknä*. ПТ **tekne*, ТМ **taku-* 'воронка' (?). Венг. *teknő* 'корыто' Gomb.BTLU 18, 227. 3. Ягненок: тур. *toklu*, гаг. *toklu*, аз. *toGlu*, турк. *tokly*, тув. *togdu* (развитие старого сочетания). ПТ **toklu*, ТМ **tuku-čan* 'олененок', монг. *tugul* 'теленок' (> тоф. *tuhul*). Венг.

[6] Подробное рассмотрение процессов, приведших к возникновению раннепрачувашской и чувашской систем см. в СИГТЯ 2002, 693–706.

[7] О реконструкции различения начальных дентальных по звонкости/глухости (или силе/слабости) и перераспределений, подействовавших на пратюркскую систему при переходе к праогузскому и прасаянскому, см. СИГТЯ 2002, 68–80.

toklyó 'ягненок' Gomb.BTLU. 4. Курица: тур. *tavuk*, гаг. *tauk*, аз. *tojuG*, турк. *tovuk*, хор. *touq*, тув. *da'gā*, тоф. *taqqyńaq*. ПТ **taky-ńak*, **taky-gu* (> огуз. **tagyku*, NB: отсутствие озвончения), монг. *takija* то же. Венг. *tyúk* Gom.BTLU;

ПАлт.**t-* > ПТ **d-*, огузо-саян. **d-*, булг. **d-*: 1. Падать: тур. *düš-*, гаг. *düš-*, аз. *düš-*, турк. *düš-*, хор. *čüš-*, тув. *dü'š-*, тоф. *düš-*. ПТ **düš-*, монг. *döli-* 'наклоняться', ТМ **dōl-* 'выгибать'. Венг. *dől* (MNyTESz 1, 668–669). 2. Полдень: тур.диал. *düš*, турк. *düš-le-* 'делать перерыв', диал. *düš*, тув. *dü'š*, тоф. *düš*. ПТ **düš*, ТМ **dōlā* 'ясное небо', монг. *düli* 'середина (дня, ночи)'. Венг. *dél* 'юг, полдень' MNyTESz 1, 606–607. 3. Просо: тур. *dary*, гаг. *dary*, аз. *dary*, турк. *dary*, хор. *dary*, тоф. *daryg*. ПТ **daryg*, ТМ **dargan* 'пырей', (?) монг. *darki* 'заросли'. Венг. *dara* Gomb.BTLU;

ПАлт.**t* '-> ПТ **t-*, огузо-саян. **d-*, булг. **t-*: 1. Лысый, лысина: тур. *daz*, аз. *daz*, турк. *daz*, тув. *tas/da'zyr*, тоф. *das*. ПТ **daz*, монг. *tara-kai* то же. Венг. *tar* MNyTESz III, 847. 2. Терпеть: аз. *döz-*, турк. *döz-*, тув. *döz-*. ПТ **döz-*, монг. *türe-γe-* 'страдать, нуждаться'. Венг. *tür-*, Gomb.BTLU, MNyTESz III, 1014. 3. Верблюд: тур. *deve*, гаг. *devä*, аз. *devä*, турк. *düje*, тув. *teve*, тоф. *tebe*. ПТ **debe*, монг. *temeγen*, ТМ **tibŋa* 'олень'. Венг. *teve* Gomb.BTLU[8].

Таким образом, по-видимому, это озвончение имело место уже после отпадения булгарской ветви, являясь притом «общетюркским» процессом.

Процессы развития вокально-консонантных комплексов со звонкими согласными

Одной из характерных черт фонологического развития тюркских систем является наличие комплексных развитий со сложными условиями, определяющимися как консонантным, так и вокалическим составом комплексов. Не случайно такие развития рассматриваются в традиционной сравнительно-исторической тюркологии как классификационно существенные (ср. классификационный признак, основанный на рефлексации *taγ* 'гора' в классификации Самойловича). Материал по развитию вокально-консонантных комплексов в тюркских языках приводится, в частности, в соответствующем разделе Ряс.Мат. Теперь мы можем значительно расширить его и уточнить.

[8] Случаи, когда венгерские заимствования показывают глухой в соответствии с пратюркским звонким, праалтайским непридыхательным, следующие: 1. Свертывать трубочкой: тур., гаг. *dür-*, аз. *dürmäg* 'бутерброд', турк. *dürjül-*, тув. *dür-*, тоф. *dür-*. ПТ **dŭr-*, монг. *dörse-* то же. Венг. *tűr-* 'складывать' Gomb.BTLU – возможно, из кыпч., ср. тат. *tör-*, кирг. *tür-*, каз. *tür-* и др. (VEWT 506; EDT 530–531; ЭСТЯ 1980, 319–320). 2. Ось: тур. *dingil*, гаг. *dingil*, тат. *teŋel*, чаг. *tiŋgil* (MA), чув. *tə^{w}nə^{w}l*, кар. *teŋgil*. ПТ **deŋgil* (VEWT 474; ЭСТЯ 1980, 235–236; Федотов II, 216–217), ПАлт. **téŋgu* 'ось, веретено' > ПКор. **thòŋ*. Венг. *tengely* 'ось' (Gomb. BTLU) – возможно, кыпчакизм.

Таблица 7а

Соответствия «вокально-консонантных» комплексов со звонкими в древнетюркском, сибирско-тюркских и огузских языках и их реконструкция в пратюркском

ПТ *	Чув.	Як.	Тув.	Тоф.	Хак.	Шор.	Сюг.	Др.-уйг.	Крх.	Тур.	Гаг.	Аз.	Турк.
ab	*ъʷvъʷ/u*	*ya*	*aɣ*				*av*	*av*	*av*	*av*	*aw*	*ow*	*ow*
ăb	*ъʷvъʷ/u*	*ya*	*aɣ*	*aɣ*	*ab*	*ap*		*av*	*av*	*av*	*aw*	*ow*	*ăw*
ag	*ъʷv/u*	*ya*	*aɣ*	*aɣ*	*aɣ*	*aɣ*	*aɣ*	*aɣ*	*aɣ*	*aɣ*	*ă*	*aɣ*	*aɣ*
ăg	*ъʷv/u*	*ya*	*aɣ*	*aɣ*	*aɣ*	*aɣ*	*aɣ*	*aɣ*	*aɣ*	*aɣ*	*ă*	*aɣ*	*ăɣ*
aba	*ъva*	*aba*	*ā*	*ā*	*aba*	*aba*		*aba*	*ava*	*ava*	*awa*	*awa*	*uwa owa*
aga		*ā*	*ā*					*aɣa*		*aɣa*		*aɣa*	*aɣa*
[abo]		*aba*			*abo*								
aby	*ъva*	*aby*	*ā*	*ā*	*aby*	*aby*	*ō, awy*	*aby*	*avy*	*avu*	*awu*	*owu*	*owu*
agy	*əve?, u, ъv*	*ya*	*ā*	*ā*	*ā*	*ā*	*aɣy*	*aɣy*	*aɣy*	*aɣy*	*ă*	*ayy*	*ayy*
ągy		*ya*						*aɣy*	*aɣy*	*aɣy*	*ă*		*aɣy*
abu	*ъvъ, vъ/u*	*aby, obu*	*ā*	*ā*	*ō*	*ō*		*avu*	*avu*	*avu*	*awu*	*owu*	*owu*
agu	*#vъ, u, u#, av#*	*ō*	*ō, ā#*	*ā, ā#*	*ō, o#*	*ō, a#*			*aɣu, oɣu, ovu*	*avu*	*awu*	*owu*	*owu*
ąbu	*yvъ*				*ō*	*ō*							
ągu	*y, yvъ*	*uo*	*ō*	*ōC, ā*	*ō*	*ō*	*o*	*aɣu*	*aɣu, oɣu*	*avu*		*owu*	*owu*
ą̄.gu		*ȳ*	*ō*	*ā*	*ō*	*ō*	*o*	*aɣu*	*aɣu*	*aɣu*	-	*ayy*	*āwy*
ob	*u, ъv*	*uo*	*uɣ*	*uɣ*	*uɣ*		*uɣ*	*ov*	*ov*	*ov*	*ū*	*ow*	*ow*
og	*u, ъv, #vъ, y?yv?*	*uo, ō*	*oɣ*		*oɣ*	*oɣ*	*oɣ*	*oɣ*	*oɣ*	*oɣ*	*ō, ū*	*oɣ*	*oɣ*
ōg					*oɣ*	*oɣ*	*oɣ*	*oɣ*	*oɣ*				*ō ɣ*
oba		*obo*			*ā*					*ova*	*uwa*	*owa*	
oga		*uo*	*ō*	*ō*	*ō, ā*	*ō*	*oɣy, oɣu*	*oɣu*	*oɣu, oɣo*	*oɣa*	*uwa*	*oɣa*	*oɣa*
[ōgə]													
ogy	*ivə*		*ō*	*ō*	*ō*	*ō*	*o*	*oɣy*	*oɣy*	*oɣu*	*ū*	*oju*	*owu*
obu	*və, yvъ*	*obu*	*ō*	*ō*	*ū*								
ogu	*ъvъ, yva*	*uo, ō*	*ō*	*ō*	*ō*	*ō*	*oɣu, uɣu*	*oɣu*	*oɣu*	*oɣu*	*ō, ū*	*oɣu*	*oɣu*
eb	*av, və?ev?*	*ic*	*ög*	*ög*	*ip#, ib*	*ep#, eb*	*(j)ü, üj*	*ev*	*ev, öv*	*ev*	*ew*	*ew*	*öj*
eg	*av-, aj-*	*ie*	*eɣ*	*eɣ*	*ig*	*eg*	*ig*	*eg*	*eg*	*eɣ*	*i*	*äj*	*eɣ*

ПТ *	Чув.	Як.	Тув.	Тоф.	Хак.	Шор.	Сюг.	Др.-уйг.	Крх.	Тур.	Гаг.	Аз.	Турк.
ēb	*av*	*ie*	*eɣ*	*eɣ*				*ev*	*ev*	*ev*	*ew*		*ǟw*
ęg	*iv-*	*ī*	*eɣ*	*eɣ*	*ig*	*eg*		*eg*	*eg*	*eɣ*	*i*	*äj*	*eɣ*
ebe	*əve*	*ebe*	*eve*	*ebe*	*ibe*		*e, i*	*ebe*	*eve*	*eve*	*ewe*	*ewä*	*öje*
ege		*ē, ie*	*ē*		*ē*	*ē*	*ege*	*ege*	*ege*	*eɣe, eje*			*eɣe*
ēbe					*ibe*	*ibe*							
ębe	*ъva*	*ibe*	*eve*		*ibə, ebe*		*eve?*						
egö		*üö*	*ȫ*	*ȫ*	*ȫ*			*ögö*	*igi*	*iyi*		*iji*	*iyi*
ebi	*avą/avъ, iv?*	*ebi*	*evi*	*ebi*	*ibə*	*ebi*	*yɣy*	*evi*	*evü*	*evi*	*ewi*	*ewi*	*öwü*
egi	*avə*	*ie*	*ē*		*ī*	*ī*	*ege*	*egi*	*egi*	*eyi, eji*		*äji*	*eyi*
ębi	*əve*	*ibi*				*ibi*							
ęgi	*ivə*	*ī*	*ī*	*ī*	*ī*	*ī, egi*	*igi*	*igi*	*igi*	*iji*	*ī*	*iji*	*iyi*
ebü	*ъva*	*öbü*	*ö*	*ö*	*ö*	*ö*	*jü*	*ö*	*ö*	*ö*	*ö*	*ö*	*ȫ*
egü		*üö*	*ȫ*	*ē*	*ȫ*		*ögü*	*ögü*		*öjü*	*ǖ*	*öjü*	*öwü*
öb								*öv*		*öv*	*[üw]*	*öj*	*öw, öj*
ög	*ə^{w}*	*üö*	*öj*		*üg*	*ög*	*üg*	*ög*	*ög*	*öy, öv, öj*	*ǖ*	*öj*	*öw*
öge	*ъva*	*üö*	*ȫ*	*ȫ*	*ȫ*	*ȫ*		*öge*	*öge*	*üve*	*üwe*	*öyä*	*öwe*
ögü		*üö*	*ȫ*	*ȫ*	*ȫ*	*ȫ, ǖ*		*ögü*	*ögü*	*öyü*	*ǖ*	*öjü*	*öwü*
yb	*yv*	*ū*	*uɣ*	*uɣ*	*uɣ*	*uɣ*	*o(w)*	*uv*	*uv*	*u*	*u*	*u*	*uw*
yg		*ȳ*	*yɣ*		*yɣ*	*yɣ*	*yɣ*	*yɣ*	*yɣ*	*yɣ*	*ȳ*	*yɣ*	*yɣ*
yba	*ъva*		*ā*	*ā*				*uva*	*uva*	*yva*	*uwa*	*uwa*	*uwa*
yga			*ā*	*ā*	*ā*	*ā*		*yɣa*	*yɣa*	*yɣa*			
ygy		*yjy*	*yy*	*yy*	*yy*			*yɣy*	*yɣy*	*yɣy*	*ȳ*	*yɣy*	*yɣy*
ybu	*ъvъ, əvə/ö*		*yj*		*ō*				*ovu*	*o*	*o*	*o*	*oɣu*
ygu			*ā#*										
ȳgu			*yy*	*yy*	*yy*	*yy*	*uɣu, oɣu*	*yɣu*	*yɣu*	*yɣy*		*yɣy*	*ūɣu*
ub	*əv*	*ū*	*uɣ*	*uɣ*	*uɣ*	*uɣ*	*u(w)*	*u*	*u*	*u*	*u*	*u(w)*	*uw*
ug	*ъ^{w}v*	*ū*	*uɣ*	*uɣ*	*uɣ*	*uɣ*	*u*		*uɣ*	*uɣ*		*uɣ*	*uɣ*
ūg	*ъ^{w}v*								*u*	*u*	*ū*	*uɣ*	*ūɣ*
uba		*uba*	*ū*	*ū*	*ū*		*o*			*uva*		*u*	*uw*
[uga]						*ō*							
uby								*u*	*u*	*u*	*u*	*u*	*ū*
ubu		*ubu*						*u*	*u, uvu*	*u*	*u*	*u*	*uwu*
ugu	*ъ, ъ^{w}vъ ə^{w}*	*ū*	*ū*	*ū*	*ū*	*ū*	*uɣu*	*uɣu*	*uɣu*	*oɣu*	*ū*	*oɣu*	*uɣu*

ПТ *	Чув.	Як.	Тув.	Тоф.	Хак.	Шор.	Сюг.	Др.-уйг.	Крх.	Тур.	Гаг.	Аз.	Турк.
ib	*əv*	*üö*						*iv*	*i, üv*	*iv*		*iw*	*üj*
ig		*ī*						*ig*	*ig*	*iγ, ij*	*ī*	*ij*	*iγ*
ĭg								*ig*	*ig*	*iγ*			*īγ*
ibe	*əve*												
ige													
ibi		*ibi*											
igi	*i*	*[ǖ]*	*ē?*					*igi*	*igi*	*i*	*i*	*i*	*ī*
igü		*ǖ*	*ǖ*						*igü*	*ü#*		*ü#*	*i*
üb		*ǖ*						*üb, ü#*	*üv, ü#*	*ü*	*ü*	*ü, üj#*	*üj*
üg	*ü, ivə, $ə^{w}v$*	*ǖ, ī*	*üγ*	*üγ*	*üg*	*üg*		*üg*	*üg*	*üj, üγ*	*ǖ*	*üj*	*üw*
übe								*üve*	*üve*	*üve*	*üwe*	*üwä*	*öwe*
üge	*$ə^{w}$ve*	*ǖ*	*(j)üγe*		*(j)üge*	*üü*	*(j)üge*		*ügö*	*oja*		*üje*	*üwe, uja*
ügü	*#vi*	*ǖ*	*ǖ, (j)üγü*		*ǖ, (j)ügü*	*ǖ, (j)ügü*	*ügü*	*ügü*	*ügü*	*üγü*	-	*üjü*	*üwü*

Таблица 7б

Соответствия «вокально-консонантных» комплексов со звонкими в кыпчакско-карлукских языках и их реконструкция в пратюркском

ПТ *	Сал.	Узб.	Уйг.	Кар.	Кум.	Балк.	Тат.	Башк.	Ног.	Каз.	Ккал.	Кирг.	Галт.
ab		*ɔw*	*o*	*aw*	*uw*	*uw*	*aw,uw#*	*aw, yw#*	*aw, uw#*	*aw uw#*	*aw*	*ō, ū, ū#*	*ū, ū#*
ăb	*ŏ*	*ɔw*	*ow*	*aw*	*aw#*	*aw,uw #*	*aw#*	*aw#*	*aw#*	*aw#*		*ū#*	*ap#*
ag	*ax*	*ɔγ*	*aγ*	*aw*	*aw*	*aw*	*aw*	*aw*	*aw*	*aw*	*aw*	*ō, ā*	*ū, ā*
ăg	*aγ/x*	*ɔγ*	*aγ*	*aγ, aw*	*aw*	*aw*	*aw*	*aw*	*aw*	*aw*	*aw*	*ō*	*ū*
aba		*ɔwɔ*	*uwa*	*awa, uwa*	*uwa*	*uwa*	*uwa*	*ywa*	*uwa*	*uwa*	*uwa*	*aba*	*aba*
aga		*ɔγɔ*	*aγa*				*aγa,ā*	*aγa,ā*	*aγa*	*aγa*	*aγa,ā*	*ā*	*ā*
[abo]												*ō*	*obo*
aby	*ŏ*	*ɔwu*	*awu*	*awu, uwu*	*awu*	*awu*	*awy*	*awy*	*awy*	*awy*	*awy*	*ō*	*aby*
agy	*aγy*	*ɔγi*	*eγi*	*aγy, awu*	*awu*	*awu*	*awy*	*awy*	*awy*	*awy*	*awy*	*ō*	*ō, ū*
ągy					*awu*							*ū*	*ū*
abu	*u*	*ɔwu*	*owu*	*awu, uwu*	*uwu*	*uwu*	*uwy*	*uwy*	*uwy*	*uwy*	*uwy*	*ū*	*ū*

ПТ *	Сал.	Узб.	Уйг.	Кар.	Кум.	Балк.	Тат.	Башк.	Ног.	Каз.	Ккал.	Кирг.	Галт.
agu	*o*	*эуі, эwu эq#/эw #*	*oγu*	*uwu, awu ow#, uw#*	*uwu aw#*	*uwu ow#*	*u, uwy aw#*	*u, uwy, ywy aw#*	*uwy aw#*	*uwy aw#*	*uwy aw#*	*ū, ō#*	*ü, u#*
ąbu		*эwu*	*owu*	*awu, uwu*	*uwu*	*uwu*	*uwy*	*uwy*	*uwy*	*uwy*	*uwy*		
ągu		*эwu*	*oγu*	*uwu*	*uwu*	*uwu*	*u, uwy*	*u, uwy, ywy*	*uwy*	*uwy*	*uwy*	*ū*	*ū*
ą̄gu	-	*эγu*	*oγa*	*aγu, uwu*	*aγu*	*aγu*	*aγu*	*aγy*	*aγu*	*aγu*	*aγu*	*aγū*	
ob		*uw*		*uw*	*uw*	*uw*	*uw*	*yw*	*uw*	*uw*	*uw*	*ū*	*ū*
og	*oγ*	*ọγ (uγ)*	*oγ (uγ)*	*oγ, uw*	*uw*	*uw*	*uw*	*yw*	*uw*	*uw*	*uw*	*ū*	*ū*
ōg		*ọγ*	*oγ*							*oq#*			
oba		*uwa*	*uwa, uga*	*uwa*	*uwa*		*(u)wa*	*(y)wa*	*uwa*	*uwa*	*uwa*	*uba*	*ō*
oga		*ọγɔ*	*oγa, oγu*	*uγa*	*uwa*	*uwa*	*uwa*	*ywa*	*uwa*	*uwa*	*uwa*	*ō*	*ō*
[ōga]													
ogy	*ō*	*эwu*	*oγa*	*uwu*	*owu*	*uwu*	*uwy*	*ywy*	*uwy*	*uwy*	*uwy*	*ū*	*ō*
obu							*uwy*	*ywy*				*ū*	*ū*
ogu	*oxu*	*ọγi*	*oγu*	*oγu, uwu*	*uwu*	*uwu*	*uwy*	*ywy*	*uwy*	*uwy*	*uwy*	*ō*	*ō*
eb		*ọj*	*öj*	*ev, iw, üj*	*üj*	*üj*	*öj*	*öj*	*üj*	*üj*	*üj*	*üj*	*üj, ü*
eg		*ij*	*i*				*i*	*e*	*ij*	*ij*	*ij*	*ē, ij-*	*ē, ij-*
ēb	*ü*	*aw*	*ö*	*öw*	*üj*		*üj*	*öj*	*üj*	*üj*	*üj*		
ęg		*eg*	*eg*	*eg, ij*	*ij*	*ij*	*ij*	*ij*	*ij*	*ij*	*ij*	*ij*	*ij*
ebe	*öjc*	*uja*	*ögä*	*üjc*	*üjc*	*üjc*	*öjä*	*öjä*	*üjc*	*üjc*	*üjc*	*ō̃*	*ō̃*
ege		*ija*	*ijä*				*ijä*	*ejä*	*ije*	*ije*	*ije*	*ē*	*ē*
ēbe													
ębe													
egö		*ọga*	*ögä*	*üwe*	*üjc*		*öjä*	*öjä*	*üjc*	*üjc*	*üjc*	*ō̃*	*ō̃*
ebi		*iwi*	*ögü*	*ewi, iwi, üwü*	*üjü*	*üjü*	*öjc*	*öjö*	*üji*	*üji*	*üji*	*ebi*	*ebi*
egi	*iγe*	*egi*	*egä*	*ī*			*i*	*i*	*iji*	*iji*	*iji*	*iji*	*iji*
ębi		*iwi*		*iwi, üwü*			*üjc*	*ewe*				*ibi*	*ibi*
ęgi	*ixi*	*iji*	*iji*				*ije*	*eje*		*iji*		*igi*	*ī*
ebü		*ọ*	*ö*	*ö, e*	*ö*		*ü*	*ü, ö*		*ü*	*ü*	*ō̃*	*ō̃*
egü		*ọga*	*ögä*										

ПТ *	Сал.	Узб.	Уйг.	Кар.	Кум.	Балк.	Тат.	Башк.	Ног.	Каз.	Ккал.	Кирг.	Галт.
ŏb												*ő*	
ög		*uj, ug, uw*	*ü(g) ö(g)*	*ög, üw, iw*	*üj*	*üj*	*öj*	*öj*	*üj*	*üj*	*üj*	*öj*	*ö*
öge		*ọgə*	*ögä*	*ögc*	*ögc*	*ögc*	*üge*	*üge*	*ögc*	*ögc*	*ögc*	*ő*	*ő*
ögü		*uja*			*üjü*	*üjü*	*öjc*	*öje*	*üji*	*üji*	*üji*	*üjü*	*üü*
yb	*u*	*uw*	*u*	*uj, uw*	*uw*	*uw*	*u*	*yw*	*uw*	*uw*	*uw*	*ū*	*ū*
yg	*yx*	*iɣ*	*iɣ*	*yɣ, yj*	*y(j)*	*y(j)*	*y(j)*	*y(j)*	*y(j)*	*y(j)*	*y(j)*	*yj*	*yj, ū*
yba	*uwa*	*uwa*	*uwa, uga*	*uwa*	*uwa*	*uwa*	*uwa*	*ywa*	*uwa*	*uwa*	*uwa*		
yga						*yɣa*							
ygy	*yxy*	*iɣi, iji*	*iɣi, iji*	*yɣy, yjy*	*yɣy, yjy*	*yjy*	*yjy*	*yjy*	*yjy*	*yjy*	*yjy*	*yjy*	*ygy*
ybu	*uɣu*	*uwa*	*uwa*	*uwa*	*uwa*	*uwa*	*uwa*						
ygu													
ȳgu				*yɣy, uvu*							*uwy*		*ygy*
ub	*u*	*uw*	*u(j)*	*uw*	*uw*	*uw*	*uw*	*yw*	*uw*	*uw*	*uw*	*ū*	*ū*
ug		*uɣ*	*uɣ*	*uw*	*uw*	*uw*	*uw*	*yw*	*uw*	*uw*	*uw*	*ū*	*ū*
ūg		*uɣ*	*uɣ*	*uw*	*uw*	*uw*	*uw*	*yw*	*uw*	*uw*	*uw*	*ū*	*ū*
uba		*uw(a)*		*uba, uwa*	*uw*		*uwa*	*ywa*	*uw#*	*uw#*	*uw#*	*ū*	*ū*
[uga]													
uby										*uwy*	*uwy*		
ubu		*u*	*uwa*	*u*	*u*	*u*	*o*	*o*	*u*	*u*	*u*	*ū*	*ū*
ugu	*uɣu*	*uɣu*		*uɣu, uwu*	*uwu, u*	*uwu,u*	*uwy*		*uwy*	*uwy*	*uwy*	*ū*	*ū*
ib		*uw*		*üj, üw*	*üj*	*üj*	*öj*	*öj*	*üj*	*üj*	*üj*	*üj*	*ǖ*
ig		*ig*	*i(j)*	*i(j)*	*i(j)*	*i(j)*	*i, e*	*e*	*ij*	*ij*	*ij*	*ij, i*	*ij*
īg													
ibe							*öje*	*öje*	*üje*	*üje*			
ige													
ibi													
igi	*ī*	*igi*	*igi*	*igi*	*igi*	*iji*	*ege*	*ege*	*iji*	*iji*	*igi*		
igü								*ö#*	*i#*	*i#*	*i#*		
üb												*ǖ*	*ǖ*
üg		*ug*	*üg*	*üj, iw*	*üj*	*üj*	*öj*	*öj*	*üj*	*üj*	*üj*	*üj*	*üj*
übe							*öjc*	*üje*					*ő*
üge		*uga*	*ügä*	*üge*	*üge*	*üge*	*öge*	*üge*	*üwe*	*üge*	*üwe*	*ügö*	*üjge*
ügü	*üxü*	*ugu*	*ügä*	*uwu*	*uwu*		*öge*	*úge*	*uwy*	*ügi*	*ügi, uwy*	*úgü*	*ügü*

На этом многообразии рефлексов, тем не менее, достаточно четко выделяются совершенно определенные направления развития, проявляющиеся в разных языковых подгруппах и территориальных зонах.

Дефрикативизация[9] интервокальных звонких наблюдается в первую очередь в сибирском ареале тюркского мира, распространяясь по-разному в различных генетических ветвях.

Якутско-долганская группа

Эта группа в определенной степени охвачена дефрикативизацией[10]: что касается зубного – независимо от окружающих гласных (*-*δ*- > *t*) – и губного – в не-конечнослоговой позиции (причем в том числе во вторично возникающей вследствие морфонологических вставок узкого гласного)[11]:

ПТ **gēb-* 'жевать': як. *kebī-*.
ПТ **kob-* 'клеветать': як. *xobulā-*.
ПТ **tabyʃgan* 'заяц': як. *tabysxan*.
ПТ **ob-* 'давить, молоть': як. *ubax* 'массаж'.
ПТ **job-* 'оказать материальную помощь': як. *sobolo̧* 'жалованье'.
ПТ **kob-* 'клеветать; заклинание': як. *xobulā-*.
ПТ **ję̇bi-* 'мокнуть': як. *sibīn-*.
ПТ **čebir-* 'крутить, поворачивать; круглый': як. *sebirij-* 'распутывать (веревку)'.
ПТ **geb-re-* 'слабеть, становиться хрупким': як. *kebirē-*.
ПТ **seb-* 'веснушки': як. *ebir* (в большинстве языков – оглушение губного внутри сочетания согласных, возникшего на границе с суффиксом).
ПТ **debe* 'верблюд': як. *taba* 'олень', долг. *taba* 'олень'.
ПТ **ję̇be-(gen)* 'кладбище, могила; душа умершего; дух, привидение': як. *sibien*.
ПТ **kuba* 'лебедь': як. *kuba*, долг. *kuba*.
ПТ **kabok* 'мочевой пузырь': як. *xabax*.
ПТ **aburt* 'внутренняя полость рта; десна': як. *omurt*.
ПТ **(i)aba* 'яд; досада, гнев': як. *aba*; *aba-r-*, долг. *abalā-* 'злиться'.

В конечнослоговой позиции (причем в том числе во вторично возникающей вследствие морфонологических выпадений узкого гласного) **-b* > **-v-* дает в якутском рефлексы фрикативного, т.е. 0 с заместительным удлинением и последующей дифтонгизацией[12]:

ПТ **syb* 'вода': як. *ū*; *utax* 'жаждущий' < **sub-sak*, долг. *ū*.
ПТ **ju(b)-* 'мыть; купаться, плавать': як. *sū-j-*, долг. *hū-j-*.
ПТ **küb* 'слава': як. *kū-gün* 'гомон, гам'.

---

[9] Имеет смысл рассматривать сохранение фрикативности интервокальных аллофонов взрывных звонких именно как архаизм, а дефрикативизацию их как инновацию, исходя из несвязности изоглосс фрикативности и, напротив, четкой локализации изоглосс дефрикативизации, ср. ниже.

[10] Ср. сходную, хотя и построенную на других основаниях, трактовку данных особенностей якутского консонантизма как инновационных в: Широбокова 2001.

[11] См. Дьячковский II 9–10, где согласный *б* описывается как смычный; указывается также на возможность неполносмычного губно-губного плоскощелевого произношения *б* в небрежной речи.

[12] Один пример с оглушением конечного *-b*: ПТ **gcb-* 'мягкий, нежный': як. *kör* 'рыхлый, пушистый' – по-видимому, следствие контаминации с **kör-* 'пениться'.

ПТ **kiab* 'древесный гриб; сухая трава': як. *kya*.
ПТ **seb-* 'любить': як. *iä-j-*.
ПТ **jēbke* 'росомаха': як. *siegen*, долг. *hiegen*.
ПТ **tobur-* 'шишка; бутон': як. *tuorax* < **tobrak*.

Кроме того, имеется несколько случаев, когда выпадение **-b-* происходит как будто в старом интервокале:
ПТ **obu-ra-/*obu-n-* 'прекращаться': як. *ūra-j-*.
ПТ **dabul* 'буря, сильный ветер': як. *tyal*, долг. *tyal*.
ПТ **(i)aby-* 'радоваться, быть счастливым; утешать, успокаивать': як. *ya-hax* 'развлечение', долг. *ya-hak* 'игра'.
ПТ **ja/ạb-yz* 'тяжелый, трудный, суровый': як. *suos*.

Возможное объяснение этих примеров – морфонологическое переразложение соответствующих основ в протоякутском с реинтерпретацией **-b* как конца морфемы; действительно, позиция **-b-* в этих примерах больше всего похожа на морфонологическую границу морфемы, которая, по-видимому, внутри морфонологической системы ведет себя так же, как позиция перед диэремой (ср. отсутствие чередования *0/b* в основах *ū* 'вода', *kya* 'трут' и под.).

Исключение (дефрикативизация **v > b* вследствие метатезы в кластере с плавным, по-видимому, обусловленной перестройкой основы под образование с суф. **-ma*): ПТ **sīb-ri* 'острый, конический': як. *üörbe*.

Заднеязычный звонкий в якутском регулярно развивается как фрикативный, т.е. дает 0 с заместительным удлинением и последующей дифтонгизацией по правилам (см. многочисленные примеры ниже). NB: в нескольких примерах (но не на конце неодносложного слова[13]) он, по-видимому, сначала переходил в **v*, откуда губная окраска гласного, примеры: ПТ **jigirme* 'двадцать': як. *sүürbe*, ПТ **agyr̆* 'рот, губа, губы': як. *uos*, долг. *uos;* но **dygyr̆* 'тесный, плотный' > як. *tyjys*; ср. ПТ **syb* 'вода': як. *ū*, долг. *ū*, ПТ **sīb-ri* 'острый, конический': як. *üörbe*.

а) Конечнослоговая позиция (**-g#*):
ПТ **jāg* 'жир, масло; сало': як. *sya*, долг. *hya*.
ПТ **dāg* 'гора': як. *tya* 'тайга, лес', долг. *tya* 'земля, тундра'.
ПТ **iāg-*, **iāg-na-* 'падать, опрокидываться; валяться, перекатываться': як. *āŋ-na-*.
ПТ **jag-* 'идти (о дожде); дождь': як. *samүr̄*, долг. *hamүr̄* (сокращение[14]).
ПТ **sag-* 'доить': як. *ya-*.
ПТ **ajg-* 'плакать, рыдать; плач': як. *ytā-*, долг. *ytā-*.
ПТ **dẹg-* 'дотрагиваться, достигать': як. *tī-j-*, долг. *tīj-*.
ПТ **eg-* 'гнуть': як. *iex-*, долг. *iek-* (< **eg-ik-*).
ПТ **tegre* 'окружение, округа': як. *dieri* 'к, по направлению к', долг. *dieri* 'к, по направлению к'.
ПТ **jegn* 'рукав': як. *siex*, долг. *hiek*, *hien*.

---

[13] Ср. **clig* 'рука': як. *ilī*, долг. *ilī*, **ysyg / *isig* 'горячий, теплый': як. *itī*, *ičiges (< *isi-geč)*, долг. *itī*, *ičiges*, **aryg* 'чистый': як. *arүy* и под.

[14] Сокращение первичных и вторичных долгот в якутском – явление, позиции которого пока неясны, но которое довольно часто наблюдается в неодносложных основах.

ПТ **jegre-n* ‘рыжий (о масти лошади)’: як. *sier.*
ПТ **eg-dü* ‘кривой нож’: як. *iet.*
ПТ **(j)igne* ‘игла’: як. *inne, iné*, долг. *iŋne, iné, inne.*
ПТ **jigren-* (~ *-e-*) ‘испытывать отвращение’: як. *sirgen-.*
ПТ **elig* ‘рука’: як. *elī, ilī.*
ПТ **siaryg* ‘желтый’: як. *arȳ* ‘масло’.
ПТ **bog-* ‘препятствовать’: як. *buo-j-*, долг. *buo-j-.*
ПТ **kog-* ‘гнать, преследовать’: як. *kuo-lā-.*
ПТ* *ogry* ‘вор’: як. *uor-* ‘украсть’, долг. *uor-* ‘украсть’.
ПТ **sogly-* ‘тяжело дышать, задыхаться’: як. *uolu-j-* ‘быть очень испуганным’.
Но: **dogra-* ‘резать ломтиками, кусочками’: як. *tōro-t-.*
ПТ **ög-* ‘хвалить; радоваться’: як. *üö-r-*, долг. *üö-r-.*
ПТ **ögren-* ‘учиться’: як. *üören-.*
ПТ **ög-* ‘месить, мять; кашица, похлебка (*‘давленая’)’: як. *üöre.*
ПТ **tug* ‘запруда, верша’: як. *tū.*
ПТ **čug* ‘связка; связывать, упаковывать, обматывать’: як. *sū* ‘обертка’, *sū-lā-*, долг. *hū-lā-.*
ПТ **düg-* ‘завязывать узлом, делать петлю; пуговица’: як. *tü-m-, timex*, долг. *tümük* ‘узел’, *timēk, timek* (стяжение).

б) Интервокальная позиция:

ПТ **bagatur* ‘герой’: як. *bātyr.*
ПТ **a/ągyr̆* ‘рот; губа, губы’: як. *uos*, долг. *uos.*
ПТ **iagyr* ‘тяжелый’: як. *yar*, долг. *yara-kan.*
ПТ **biagyr* ‘печень’: як. *byar*, долг. *byar* ‘живот; печень’.
ПТ **jagy* ‘враг, война’: як. *sya-kār* ‘злодей’.
ПТ **sakyr̆/*sagyr̆* ‘смола, мастика’: як. *yas*, долг. *yas.*
ПТ **kagur-* ‘жарить’: як. *xōr-uj-.*
ПТ **ągu* ‘яд; мускус, кабарговая струя’: як. *ȳ.*
ПТ **ągur̆* ‘молозиво’: як. *uosax.*
ПТ **jągu-k-gač* ‘близкий’: як. *čugas*, долг. *hugas, čugas, hugahā-.*
ПТ **jogan* ‘толстый’: як. *suon.*
ПТ **čōg-ač* ‘жар, тлеющие уголья’: як. *suos*, долг. *huos.*
ПТ **bogar̆* ‘беременная (о животных)’: як. *buos*, долг. *buos.*
ПТ **kogulʌ* ‘желоб, впадина, полость’: як. *kuohāx.*
ПТ **jog-urt* ‘кислое, свернувшееся молоко’: як. *suorat.*
ПТ **bogur̆, *bokur-dak* ‘горло; кадык’: як. *buosax.*
ПТ **sogu/ol-* ‘высыхать, испаряться, убывать (о жидкостях)’: як. *uol-*, долг. *uol-.*
ПТ **ogul* ‘сын’: як. *uol*, долг. *uol*, но як. *ōkko* ‘деточка’.
ПТ **jogurgan* ‘одеяло’: як. *suorɣan*, долг. *huorgan, suorgan.*
ПТ **dygyr̆* ‘тесный, плотный’: як. *tyjys.*
ПТ **bugu, -ra* ‘олень; самец верблюда’: як. *būr* ‘самец северного оленя, самец’, долг. *būr* ‘самец северного оленя’.
ПТ **ēg-id-* ‘растить, воспитывать’: як. *īt-*, долг. *īt-.*
ПТ **dęgiŋ* ‘белка’: як. *tīŋ*, долг. *tīŋ.*
ПТ **jegin* ‘племянник’: як. *sien.*

ПТ **egin* 'плечо': як. *ien.*
ПТ **egir-* 'крутить, прясть': як. *īr-is-* 'спутаться (о лесках)' (вторичное сужение под влиянием следующего *i*?); *ieregej* 'волчок, веретено', долг. *ieregej* 'сверло'.
ПТ **segöl* 'бородавка': як. *üön.*
ПТ **següt* 'ива': як. *üöt*, долг. *üöt.*
ПТ **jigirme* 'двадцать': як. *süürbe.*
ПТ **tögen* 'головня; трут': як. *tüön.*
ПТ **bögür*, **bögrek* 'почки': як. *büör.*
ПТ **ögür* 'стадо, стая; домашний': як. *üör*, долг. *üör.*
ПТ **sögül-* 'жарить (мясо)': як. *üöl-*, долг. *üöl-.*
ПТ **üjgen* 'уздечка': як. *ün.*
ПТ **jügür-* 'спешить, бежать': як. *sür-*, долг. *hür-.*
ПТ **üjgür-* 'просо': як. *üöre.*

Тобаская (саянская) группа

В саянской группе, по-видимому, также можно говорить (для прасаянского состояния) о полной дефрикативизации зубного, частичной дефрикативизации губного (только в позиции ПТ **-eve-*, **-evi-* > саян. **-ebe-*, **-ebi-*). В дальнейшем в тувинском после спонтанного озвончения интервокальных глухих происходит фрикативизация и старого, и нового **-b-* в интервокальной позиции; в тофаларском, где спонтанного озвончения не происходило, в интервокале совпадают полузвонкие из старых глухих после долгих и дефрикативизованное *b* из интервокального звонкого, ср.: а) ПТ **debe* 'верблюд' – тув. *teve*, тоф. *tebe;* ПТ **jębe-g* 'кладбище, могила' – тув. *čeveg;* ПТ **kebiŕ* 'ковер': тув. *xevis;* б) ПТ **kep(i)-* 'высыхать' – тув. *kep-*, *kevig* 'сухой', тоф. *ke"pig*, при **kāpak* 'веко/лоб': тув. *xavak* 'лоб', тоф. *xabaq* 'бровь, косогор'. В прочих случаях в саянской группе интервокальное **b* > **v* регулярно выпадает, ср.:
ПТ **jabaλ* 'мягкий, нежный; тихий, медленный': тув. *čāš*, тоф. *čāš.*
ПТ **sabar* 'бок': тув. *sār.*
ПТ **jaba* 'вид лука': тув. *čāt* 'ягель, лишайник', тоф. *čāt* 'хвощ'.
ПТ **jaba* 'очень': тув. *čā.*
ПТ **sabak* 'тиски': тув. *sāk.*
ПТ **(i)aby-* 'утешать, успокаивать': тув. *āt-* 'баюкать', тоф. *āt-* 'баюкать'[15].
ПТ **sabur-* 'веять, рассеивать, разбрасывать': тув. *sār-.*
ПТ **aburt* 'полость рта; глотать': тув. *ārt-a-.*
ПТ **ebür(d)ek* 'утка': тув. *ödürek.*
ПТ **kybak/*kabak* 'белый тополь, ива': тув. *xāk*, тоф. *xāk.*
ПТ **tobur-* 'шишка; бутон': тув. *tōruk*, тоф. *tōruk.*
? ПТ **kuba* 'лебедь': тув. *qū* (или из **kugu*).

Поскольку при этом не происходит лабиального окрашивания контактного гласного, можно предположить, что выпадению предшествовал переход **v* > **γ*, как и в конечнослоговой позиции; соответственно, выпадение происходило одновременно с выпадением интервокального **γ* (о котором см. ниже).

[15] Возможно, случай **tabyrga* 'кабарга': тув. *tōrgu*, тоф. *tōrgu* следует трактовать как заимствование из горноалтайского.

Конечнослоговая позиция губного в саянской группе сохраняла, несомненно, фрикативность, откуда переход в *-γ*[16].

ПТ **kiab* 'древесный гриб; сухая трава': тув. *хаγ.*

ПТ **č(i)āb* 'слава, хорошая репутация, новости': тоф. *šaγ.*

ПТ **eb* 'дом': тув. *öγ*, тоф. *öγ.*

ПТ **ge/öb-* 'мягкий, нежный; слабеть': тув. *kögžür-gej* 'рыхлый, хрупкий (снег, лед)'.

ПТ **gēb-* 'жевать': тув. *kegže-n-*, тоф. *kegže-.*

ПТ **syb* 'вода': тув. *suγ*, тоф. *suγ.*

ПТ **sub-luk (*syb-luk)* 'удила': тув. *suγluq.*

ПТ **ju(b)-* 'мыть; купаться, плавать': тув. *čū-*, Caus. *čuγdur-*, тоф. *ču-.*

ПТ **ob-* 'давить, крошить, молоть, измельчать': тув. *ū-*, Pass. *uγlur-.*

ПТ **jubka* 'тонкий': тув. *čuγa*, тоф. *čuγa.*

Вторичные развития:

ПТ **sīb-ri* 'острый, конический': тув. *sūr* (в новой интервокальной позиции, обеспеченной вставным гласным).

ПТ **dabra-* 'спешить': тоф. *dγra-q* 'быстрый' (в новой интервокальной позиции).

ПТ **teb* 'время; сутки': тув. *teppiže* 'раньше' (ассимиляция).

ПТ **jabλan* 'полынь': тув. *čašpan* (ассимиляция и метатеза).

ПТ **seb-* 'веснушки, сыпь': як. *ebir*, тув. *sekpil* (ассимиляция и метатеза < *sep-kil*).

ПТ **tübkür-* 'плевать': тув. *dükpür-*, тоф. *tükkür-* (ассимиляция и метатеза).

ПТ **jēbke* 'росомаха': тув. *čekpe* (ассимиляция и метатеза).

Заднеязычный звонкий в саянской группе регулярно развивается как фрикативный, т.е. дает 0 с заместительным удлинением в интервокальной позиции:

ПТ **bagatur* 'герой': тув. *mādyr.*

ПТ ** a/ągyr̆* 'рот': тув. *ās, aqsy* (3 л.), тоф. *ās, aqsy.*

ПТ **ągur̆* 'молозиво': тув. *āzy* (перестроенная форма принадлежности: **ąguz-y > *ągzy > *ągyzy*).

ПТ **iagyr* 'тяжелый': тув. *ār*, тоф. *ār.*

ПТ **biagyr* 'печень': тув. *bār*, тоф. *bār.*

ПТ **sagysgan* 'сорока': тув. *sāsqan.*

ПТ **jagy* 'враг, война': тув. *čā.*

ПТ **sakyr̆/*sagyr̆* 'смола, мастика': тув. *sāt.*

ПТ **agy* 'сокровище; парча': тув. *ādaŋ* 'кусок выделанной кожи или материи для завертывания мелких вещей'.

ПТ **ą̄gu* 'яд; мускус, кабарговая струя': тув. *ō*, тоф. *ā.*

ПТ **kagur-* 'жарить': тув. *xōr-*, тоф. *hāry-.*

ПТ **jągu-* 'приближаться; близкий': тув. *čōq*, тоф. *čōq.*

ПТ **buŕa-gu* 'теленок': тув. *byzā.*

---

[16] Синхронно звонкие заднеязычные представляют собой в современном тувинском фрикативные – см. Сат 622–623, в тофаларском – так же, см. Рас. 50.

ПТ **sojagu* 'зубочистка, острый предмет': тоф. *sojā* 'проволока для прочистки трубки'.
ПТ **čyganak* 'можжевельник': тув. *šānak*, тоф. *ašānaq* (Рас.ФиЛ, 89).
ПТ **syg* 'мелкий': тув. *sȳk* (< **syg-yk*).
ПТ **čygyr* 'утоптанный снег; узкая тропа': тув. *šȳr*, тоф. *šȳr* 'место на снегу или земле со множеством следов'.
ПТ **jigi / *jygy* 'густой, плотный': тув. *čȳr-* 'уплотнять'.
ПТ **sygun* 'олень, марал': тув. *sȳn*.
ПТ **tiakygu (/-ŋu)* 'курица': тув. *daŋā*.
ПТ **jogan* 'толстый': тув. *čōn*, тоф. *ńōn*.
ПТ **bogaŕ* 'беременная (о животных)': тув. *bōs*.
ПТ **sogy-k* 'холодный': тув. *sōk*, тоф. *sōq*.
ПТ **sogu/ol-* 'высыхать, испаряться, убывать (о жидкостях)': тув. *sōl-*.
ПТ **ogul* 'сын': тув., тоф. *ōl*.
ПТ **jogurgan* 'одеяло': тув. *čōrŋan*.
ПТ **so/ugu* 'ведро для воды': тув. *sō*, тоф. *sō*.
ПТ **boguŕ* 'горло': тув. *bōs (bosku)*, тоф. *bōs (boksu)*.
ПТ **kugu* 'лебедь': тув. *qū* (или из **kuba*).
ПТ **bugu, -ra* 'олень; самец верблюда': тув. *būra, būr* 'самец лося'.
ПТ **deg- / *dög-* 'круглый': тув. *tȭrek* 'шаманская колотушка', тоф. *tȭrej*.
ПТ **s[e]göl (/*sögil)* 'бородавка': тув. *sȭl*, тоф. *sȭl*.
ПТ **te-gü* 'тот': тув. *dȭ*, тоф. *tē*.
ПТ **jegin* 'племянник': тув. *čēn*.
ПТ **egir-* 'крутить, прясть': тув. *ēr-*.
ПТ **jegit / *jigit* 'юноша, храбрец': тоф. *ńīt*.
ПТ **degiŋ* 'белка': тув. *dīŋ*.
ПТ **jigirme* 'двадцать': тув. *čērvi*.
ПТ **törpi-gü* 'напильник': тув. *dürbū*.
ПТ **tögen* 'головня; трут': тув. *dȭn* 'фитиль'.
ПТ **bögen* 'толстая кишка': тув. *mȭn*.
ПТ **ögür* 'стадо, стая; домашний; сотоварищ': тув. *ȭr*, тоф. *ȭr*.
ПТ **bögür, *bögrek* 'почки': тув. *būrek*, тоф. *bȭrek* (со вставным гласным).
ПТ **üjgür-* 'просо': тув. *ūrgene* 'вид гречихи'.

Вторичный интервокал:

ПТ **tagra-* 'чинить, латать, штопать': тув. *tāra-*, тоф. *dāra-* 'шить, сшивать' (ср. хак. *taɣyra-*).
ПТ **ogry* 'вор': тув. *ōr* (< **ogur*).
ПТ **dogra-* 'резать ломтиками, кусочками': тув. *dōra-*, тоф. *dōra-* (ср. хак. *toɣyra-*).
ПТ **jegre-n* 'олень, джейран, антилопа': тув. *čēren* (ср. хак. *čigren*, диал. *čigər*).
ПТ **ög-* 'хвалить; радоваться': *ögir-* (др.-уйг.), тув. *ȭrü-*.
ПТ **ögren-* 'учиться: тув. *ȭren-*.
ПТ **bögür, *bögrek* 'почки': тув. *būrek*, тоф. *bȭrek*.

Не вполне ясно сохранение интервокального **-g-* в следующих трех случаях:

ПТ **jügür-* 'спешить, бежать': тув. *čüɣür-*.

ПТ **jügen* 'уздечка': тув. *čüγen.*
ПТ **egin* 'плечо': тув. *eγin.*

Во всяком случае, для последнего слова можно предполагать раннее выравнивание вида основы по случаям конечнослоговой позиции *g* (чередование **egin/*egni* > тув. *eγin/ekti*), второе слово должно скорее реконструироваться как **jüjgen* (ср. выше). В глагольной основе **jügür-* 'спешить, бежать' мы, по-видимому, имеем дело с двумя сильно контаминированными корнями, один из которых содержит старый звонкий, другой – старый глухой после долгого гласного, см. ЭСТЯ 1989, 258, ср. также варьирование основы по ряду.

В конечнослоговой позиции гуттуральный фрикативный сохраняется (NB: речь идет именно о фонологической позиции, с регулярным чередованием на границе морфем в словоизменении и словообразовании, см. СИГТЯ 2002, 632):
ПТ **jāg* 'жир, масло; сало': тув. *čag*, тоф. *čaγ.*
ПТ **dāg* 'гора': тув. *dag*, тоф. *daγ*, *taγ.*
ПТ **jag-* 'идти (о дожде)': тув. *čaγ-*, *ča's*, тоф. *čaγ-.*
ПТ **sag-* 'доить': тув. *saγ-.*
ПТ **dęg-* 'дотрагиваться, достигать': тув. *deγ-*, тоф. *deγ-.*
ПТ **jyg-* 'собирать': тув. *čγγ-.*
ПТ **bog-* 'завязывать; душить; препятствовать': тув. *boγ-.*
ПТ **tog* 'пыль': тув. *toγ-la-* 'крошиться'.
ПТ **jogdu* 'волосы под подбородком у верблюда, льва и т.д.': тув. *čoγdur.*
ПТ **ög-* 'месить, мять': тув. *öj-.*
ПТ **čug-la-* 'связывать, упаковывать, обматывать': тув. *šuγla-* 'накрывать (одеялом)'.
ПТ **tug* 'запруда, верша': тув. *duγ-da* 'перегораживать', тоф. *duγ.*
ПТ **düg-* 'завязывать узлом, делать петлю': тув. *düγ-*, тоф. *düγ-.*
ПТ **jüg* 'перо': тув. *čüγ.*

Кыргызская группа

Кыргызская группа (язык фуюйских кыргызов, язык желтых уйгуров, чулымский, шорский, хакасский) значительно меньше захвачена дефрикативизацией. Зубной звонкий дает регулярно фрикативные рефлексы (**-d-* > *z*, на конце слова *-s* [17]). Развитие гуттурального и губного представляет собой куда более разнообразную картину.

Рефлексы звонкого гуттурального

В хакасском дефрикативизуется конечнослоговой *γ* в переднерядных словах, в диалектах – спорадически – и в заднерядных (см. СИГТЯ 2002, 492, 498);

[17] В СИГТЯ 2002, 490 высказано предположение, что еще в XVIII в. в качинском и койбальском диалектах хакасского языка существовал интервокальный глухой *-s-*, поскольку имеются записи Г.Миллера типа *asak* 'нога', *hasyng* 'береза'. Кажется, здесь возможна и иная трактовка: в лексиконе Миллера в интервокальной позиции *-s-* могло употребляться для обозначения звука [z] в соответствии с правилами чтения немецкого языка. В ф.-кырг. оглушения *-z* на конце слова не происходит, в сюг. происходит спорадически, см. СИГТЯ 2002, 495–496.

В шорском, чулымском и сарыг-югурском фрикативность конечного гуттурального сохраняется и в переднем, и в заднем ряду (см. Дыр.Шор. 16, СИГТЯ 2002, 494, 495).

В фуюйско-кыргызском фрикативность конечного гуттурального сохраняется и в переднем, и в заднем ряду, при этом он оглушается (см. СИГТЯ 2002, 496).

Примеры из этимологической базы данных тюркских языков:

ПТ **jāg* 'жир, масло; сало': хак. *čaɣ*, шор. *čaɣ*, сюг. *jaɣ*.

ПТ **dāg* 'гора': хак. *taɣ*, шор. *taɣ* (Верб.), сюг. *taɣ*.

ПТ **āg* 'сеть': хак. *aɣ* (саг.), шор. *aɣ*.

ПТ **iāg-*, **iāg-na-* 'валяться; опрокидывать': хак. *aŋ-dar-*, шор. *aŋ-dar-*, сюг. *aɣyna-* (со вставным гласным).

ПТ **jag-* 'идти (о дожде); дождь': хак. *čaɣ-*, *naŋmyr*, шор. *čaɣ-*, *čā-*, *naɣbyr*, *namyr*, сюг. *jaɣ-*, *jaɣmir*.

ПТ **sag* 'здоровый': шор. *saɣ*, сюг. *saɣ*.

ПТ **aglak* 'незаселенное место': хак. *aɣlax*.

ПТ **tagra-* 'чинить, латать, штопать': хак. *taɣyra-* (со вставным гласным), шор. *taɣra-*.

ПТ **sag-* 'доить': хак. *saɣ-*, сюг. *saɣ-*.

ПТ **dęg-* 'дотрагиваться, достигать': хак. *tig-*, шор. *teg-*.

ПТ **jegre-n* 'рыжий (о масти лошади); олень, джейран, антилопа': хак. *čigren*, диал. *čigər*, шор. *čeren*, *čegren*, *čergen* (Р), сюг. *ǯiger*, *jiger*, *ǯiɣyr*, *jiɣyr*.

ПТ **bog-* 'завязывать; душить; препятствовать': хак. *poɣ-*, сюг. *poɣ-*.

ПТ **kog-* 'гнать, преследовать': хак. *xoɣ-*.

ПТ **jogdu* 'волосы под подбородком у верблюда, льва и т.д.': хак. *čoɣdyr*, шор. *joɣdra* 'кисточка' (Верб.).

ПТ **ogry* 'вор': хак. *oɣyr*, шор. *oɣry*, сюг. *oɣur*.

ПТ **dogra-* 'резать ломтиками, кусочками': хак. *toɣyra-*, шор. *toɣra-*, сюг. *toɣa-*.

ПТ **čōg* 'жар, тлеющие угольня': хак. *soɣ*, шор. *šoɣ*, сюг. *čoɣ*.

ПТ **tog* 'вид рыбы': шор. *toɣ* 'окунь'.

ПТ **ög-* 'месить, мять; кашица, похлебка (*давленая)': хак. *ügre*.

ПТ **ögren-* 'учиться': хак. *ügren-*, сюг. *ürgen-*.

ПТ **čyg-* 'увязывать (тюк, сверток); шить (мелкими стежками), подшивать; завязать узлом': хак. *syɣ-la-*, сюг. *čig-*, *čik-*.

ПТ **jyg-* 'собирать': хак. *čyɣ-*, шор. *čyɣ-*, сюг. *jyɣ-*, *jiɣ-*, *jiq-*.

ПТ **syg-* 'вмещаться': сюг. *syɣ-*.

ПТ **čyg* 'тростник, чий': сюг. **ǯiɣ*.

ПТ **tug* 'запруда, верша': хак. *tuɣ*, шор. *tuɣ*.

ПТ **dug-* 'рожать': саг., кыз. *tuɣ-*, сюг. *tuɣ-*.

ПТ **jüg* 'перо': хак. *čüg*.

С консонантной ассимиляцией:

ПТ **kögme* 'десна': хак. *köŋme*, шор. *köɣbe* (матор.), *köɣe* (конд.).

ПТ **(j)igne* 'игла': хак. *iŋe*, шор. *ingä*, сюг. *jiŋne*.

ПТ **düg-* 'завязывать узлом, делать петлю; пуговица; узел': хак. *tüŋme*, шор. *tūn*.

Интервокал во всех этих языках практически не демонстрирует случаев дефрикативизации гуттурального. Фрикативный звонкий гуттураль-

ный регулярно сохраняется в сюг. и практически регулярно (за исключением случаев консонантной ассимиляции) выпадает в хак. и шор.[18]:
ПТ **agyr̆* 'рот': хак. *ās*, *axsy*, шор. *aqsy*, сюг. *aɣys*.
ПТ **iagyr* 'тяжелый': хак. *ār*.
ПТ **biagyr* 'печень': хак. *pār*, сюг. *baɣyr*.
ПТ **sag/kysgan* 'сорока': хак. *sāsxan*, шор. *saɣisqan*, сюг. *saqysqan*.
ПТ **jagy* 'враг, война': хак. *čā*, шор. *čā*, сюг. *jaɣy*.
ПТ **k(i)agy-* 'прут': хак. *xāl* 'прут, прутик'.
ПТ **sagyr̆* 'смола, мастика': хак. *sās*.
ПТ **sagry* 'кожа с крупа': сюг. *saɣyr* (со вставным гласным).
ПТ **ą̄gu* 'яд; мускус, кабарговая струя': хак. *ō*, сюг. *aɣa*.
ПТ **kagur-* 'жарить': хак. *xōr-*, шор. *qōr-*.
ПТ **ą̄gur̆* 'молозиво': хак. *ōs*.
ПТ **sągu-k* 'холодный': хак. *sōx*, шор. *sōq*, сюг. *soq*.
ПТ **buŕa-gu* 'теленок': хак. *pyzo*, шор. *puza* (Р).
ПТ **čÿgaṅ* 'бедный; беда, несчастье': хак. *sāj*, шор. *šāj*.
ПТ **sygyt-* 'плакать, рыдать; плач': хак. *sÿt*.
ПТ **sygun* 'олень, марал': сюг. *suɣun*, *soɣun*, хак. *sÿn*, шор. *sÿn*.
ПТ **jogan* 'толстый': сюг. *joɣyn*, *joɣun*, хак. *čōn*, шор. *čōn*.
ПТ **bogar̆* 'беременная (о животных)': хак. *pōs*.
ПТ **dogan* 'сокол': (?) хак. *tān* 'галка'.
ПТ **sogy-k* 'холодный': хак. *sōx*, шор. *sōq*, сюг. *soq*.
ПТ **kogul* 'желоб, впадина, полость': хак. *xōs*.
ПТ **jog-urt* 'кислое, свернувшееся молоко': сюг. *joɣurt*, *juɣurt*.
ПТ **sogu/ol-* 'высыхать, испаряться, убывать (о жидкостях)': хак. *sōl-*, шор. *sōl-*, сюг. *soɣul-*.
ПТ **ogul* 'сын': хак. *oɣyl*, *ōl*, сюг. *oɣul*.
ПТ **jogurgan* 'одеяло': хак. *čoryan*.
ПТ **so/ugu* 'ведро для воды': шор. *sō* (Верб.).
ПТ **sogur-* 'вытаскивать, выдергивать': хак. *sūr-*, шор. *sūr-*.
ПТ **bogum* 'сустав': хак. *pun*.
ПТ **kugu* 'лебедь': хак. *xū*, шор. *qū* (или из **kuba*).
ПТ **jugur-* 'месить': хак. *čura-*, шор. *čūr-*, сюг. *juɣur-*, *joɣur-*.
ПТ **jegen* 'племянник': сюг. *jeɣen*, хак. *čēn*, шор. *čēn*.
ПТ **egir-* 'крутить, прясть': хак. *īr-*, шор. *īr-*, *egir-*.
ПТ **jegit/*jigit* 'юноша, храбрец': сюг. *jiɣit*, *jiɣyt*, *jɣyt*, хак. *čīt*, шор. *čiŋet*.
ПТ **egin* 'плечо': сюг. *iɣen*, хак. *iŋnī*, шор. *äŋin*, *egini*.
ПТ **següt* 'ива': сюг. *söɣüt*, *seɣyt*, хак. *sōt*.
ПТ **s[e]göl (/*sögil)* 'бородавка': хак. *sōl*.
ПТ **ög-ej* 'неродной; приемный родственник (пасынок, мачеха)': хак. *ōj*, шор. *ōj*.
ПТ **bögen* 'толстая кишка': хак. *pōn*.
ПТ **bögür*, **bögrek* 'почки': хак. *pügürek*, *pürek*, шор. *pūrek*.
ПТ **ögür* 'стадо, стая; домашний': хак. *ōr*, шор. *ōr*.

[18] В шорском кондомском, по-видимому, в основном сохраняется – см. Дыр.Шор. 11.

ПТ **tüge-le-* 'вихрь, (снежная) буря': шор. *tülek* (Верб.).
ПТ **ügür (~ ö-)* 'речка': сюг. *üγüz*, хак. *üs.*

Случаи, когда в хак. и шор. интервокальный гуттуральный не выпадает:
ПТ **ogul* 'сын': сюг. *oγul*, хак. *oγγl*, *ōl.*
ПТ **bögür*, **bögrek* 'почки': хак. *pügürek*, *pürek*, шор. *pürek.*
ПТ **ogry* 'вор': сюг. *oγur*, хак. *oγγr*, шор. *oγry.*
ПТ **dogra-* 'резать ломтиками, кусочками': сюг. *toryа-*, хак. *toγγra-*, шор. *toγra-*.

По-видимому, вследствие первоначального развития *oγul* > *oγlu* (в конечнослоговой позиции *γ* закономерно сохраняется[19]) и вторичной вставки гласного.

Неясно сохранение *-γ-* (с последующей дефрикативизацией) в следующих двух случаях:
ПТ **jü(j)gen* 'уздечка': сюг. *juγyn*, хак. *čügen*, шор. *čüγen.*
ПТ **jügür-* 'спешить, бежать': хак. *čügür-*, шор. *čüγür-*.

Во всяком случае, для первой основы можно предполагать развитие *-jg-*, ср. также ПТ **yjgač* 'дерево': сюг. *jiγaš*, хак. *aγas*, шор. *aγaš*. О втором случае см. выше.

Неясные случаи выпадения конечнослогового *-γ:*
ПТ **ajg- > *jȳg-(la-)* 'плакать': сюг. *jiγla-*, хак. *ȳ*, шор. *γlγa-*.
ПТ **tog* 'пыль': хак. *tōla-* 'дробить'.
ПТ **süglin* 'фазан': хак. *sülen* 'цапля', шор. *šülen* 'цапля, аист' (?).

Рефлексы звонкого губного

**-b-* в конечнослоговой позиции в сарыг-югурском остается фрикативным и падает, окрашивая предшествующий гласный, в фуюйскокыргызском дефрикативизуется, остается звонким, в чулымском, хакасском, шорском дефрикативизуется и оглушается в конечной позиции и перед глухим, см. СИГТЯ 2002, 492–498. Примеры из этимологической базы данных:

---

[19] По-видимому, «конечнослоговая» позиция в шорском и хакасском уже частично морфонологизована. При попадании **-g* конца морфемы в интервокальную позицию в парадигме именного словоизменения он в хакасском (по фонетическому правилу) регулярно выпадает (хак. *suγ* 'вода' – *su-u*, *kög* 'всссльс' – *kö-ö*, *paγ* 'всрсвка' – *pa-a*), в шорском сохраняется или факультативно (см. Дыр.Шор. 17) переходит в *-j-*, но не выпадает (вопреки фонетическому правилу): шор. *ачыг* 'скорбь' – *ачыйы*, *ачыгы*). В глагольном словоизменении и словообразовании выпадение/невыпадение явно нефонетически варьируется в хак. (может быть, в результате смешения диалектных основ литературного языка): *puγ-* 'закрывать глаза' – *puγ-arγa/ pūrγa*, *poγ-* 'вязать, душить' – только *poγ-arγa*, *saγ-* 'доить' – только *sārγa*, *sās-* (Rccipr.), *sig-* 'чертить; впитываться' – *sīrgc*, *sīs-* (Rccipr.), *süg-* 'цедить' – *sūrgc*, *sūl-* (Pass.), *tuγ-* 'тслиться' – *tūrγa*, *uγ-* 'мяться' – *ūrγa*, *ūl-* (Pass.), *üg-* 'сгрсбать' – *ürgc*, *ūl-* (Pass.), *čaγ-* 'идти о дожде' – *čaγ-yrγa*, *čuγ-* 'мыть' – *čūrγa*, *čūl-* (Pass.), *čγγ-* 'собирать' – *čȳrγa*, *čȳl-* (Pass.), *cg-* 'гнуть' – *cgirgc*, *cgil-/ēl-* (Pass.); *suγ* 'вода' – *suγ-ar-* 'поить'. То же в шорском: *qoγ-* 'преследовать' – *qoγ-yš* 'преследование', *pōš* 'повязка' (глагол *poγ-* 'вязать, душить' не зафиксирован), *saγ-* 'доить' – *saγ-an-γ* 'дойка', *suγ* 'вода' – *suγ-ar-* 'поить', *tuγ-* 'рожать' – *tuγ-an-* 'рождаться', *čuγ-* 'заражать' – *čuγu-* 'заражаться', но *čun-* 'мыться', *čγγ-* 'собирать' – *čȳn-* 'собираться'. *cg-* 'гнуть' – *cgil-* 'гнуться', *ēl-* 'кланяться'; ср. особенно случаи десэтимологизации.

ПТ **č(i)āb* ‘слава, хорошая репутация, новости’: хак. *sab-laɣ* ‘прославленный’, шор. *šap-tyɣ* ‘прославленный’.
ПТ **sab-* ‘подарок, угощение’: сюг. *savra* ‘пирожок, который едят при богослужении’.
ПТ **eb* ‘дом’: сюг. *jü, jüj, jüö*, ф.-кырг. *ib*, хак. *ip*, чул. *äp*.
ПТ **teb* ‘время; сутки’: шор. *tep*.
ПТ **geb-re-* ‘слабеть, становиться хрупким; хрупкий’: хак. *kibrek*.
ПТ **gēb-* ‘жевать’: хак. *kipse-n-*, шор. *kepže-n-*.
ПТ **ge/öb-* ‘мягкий, нежный; слабеть; пустой’: хак. *köpsek*.
ПТ **seb-* ‘веснушки, сыпь’: хак. *sikpe*.
ПТ **öbke/*öpke* ‘легкое; гнев’: сюг. *ökpe*, хак. *ökpe*, шор. *ökpe*.

После узкой гласной он, по-видимому, сохраняет фрикативность, окрашивает эту гласную и далее в сарыг-югурском выпадает, в хакасском и шорском переходит в *ɣ* с последующими ассимиляциями:
ПТ **kyb* ‘счастье’: сюг. *qo, qovu*.
ПТ **syb* ‘вода’: хак. *suɣ*, шор. *suɣ*, сюг. *su*.
ПТ **sub-luk (*syb-luk)* ‘удила’: сюг. *suluq*, хак. *suɣlux*, шор. *suɣuluq*.
ПТ **ju(b)-* ‘мыть; купаться, плавать’: сюг. *juw-, ju-*, хак. *čuɣ-*.
ПТ **jubka* ‘тонкий’: сюг. *juqa*, хак. *čuɣa*, шор. *čoɣa*.
ПТ **tübkür-* ‘плевать’: хак. *tükür-*, шор. *tükkür-*.
ПТ **kü(b)* ‘слава; мудрость’: хак. *kü-lük*, шор. *küg* (Р).
ПТ **ob-* ‘давить, крошить, молоть, измельчать’: сюг. *uɣ-*, хак. *uɣ-*.

В интервокале **-b-* в сарыг-югурском остается фрикативным и выпадает, окрашивая гласную в заднерядных словах; в хакасском и шорском дефрикативизуется между негубными гласными, ср.:
ПТ **jabál* ‘мягкий, нежный; тихий, медленный’: хак. *čabas*, шор. *čabaš, čobaš*.
ПТ **tabylγan* ‘заяц’: сюг. *tōsqan*.
ПТ **jaba* ‘вид лука’: хак. *čama*.
ПТ **jaba* ‘очень’: хак. *jaba*.
ПТ **kiab-agu* ‘древесный гриб; сухая трава’: хак. *xabo*, шор. *qabā*.
ПТ **apyl* ‘мотыга’: шор. *abyl*.
ПТ **jab-yz* ‘плохой, грубый’: сюг. *jus*, хак. *čabal* ‘плохой’, *čabys* ‘низкий’, шор. *čabys* ‘низкий’.
ПТ **(i)aby-* ‘утешать, успокаивать’: хак. *abyt* ‘успокаивать’, шор. *abyt-* ‘успокаивать’.
ПТ **dabyra-* ‘спешить’: хак. *tabyra-*, шор. *tabyraq* ‘быстро’.
ПТ **tabyrga* ‘кабарга’: хак. *tabyrɣa* ‘тарбаган’, *tabyrɣan* ‘белка-летяга’, шор. *tabyrɣy*.
ПТ **d(i)abylku* ‘таволга’: хак. *tabylɣy*.
ПТ **kab-* ‘объединять, собирать; собираться’: сюг. *qawys-*, хак. *xabys-*, шор. *qabys-*.
ПТ **debe* ‘верблюд’: сюг. *te, ti*, хак. *tibe*.
ПТ **jębe-* ‘кладбище, могила; душа умершего; дух, привидение; похороны’: сюг. *ever*, хак. *nebeg, ibərəg*.
ПТ **ēb-* ‘спешить; быстрый’: хак. *ibek*, шор. *ibek*.

ПТ *ǰębi-* 'мокнуть': шор. *čibi-*.
ПТ **ebir-* 'поворачивать': хак. *ibĭr-*, шор. *ebir-*.
ПТ **kebiŕ* 'ковер': *сюг. уууys*, хак. *kibəs*, шор. *kemis*.

При наличии огубленных гласных дефрикативизации, видимо, не происходит, звонкий губной выпадает:
ПТ **kąb-uk* 'кора; скорлупа; шелуха; отруби, мякина': хак. *xāx* 'скорлупа' (диал.), *xōx*, шор. *qōq*.
ПТ **kabuk* 'мочевой пузырь': хак. *xōx*, шор. *qōq*.
ПТ **aburt* 'внутренняя полость рта; десна; щека': хак. *ōrt-a-*, шор. *ōrt-a-*.
ПТ **ąbuč* 'пригоршня': сюг. *oš*, хак. *ōs*, шор. *oš*.
ПТ **ebür(d)ek* 'утка': сюг. *jürdek*, хак. *örtek*, шор. *örtek*.
ПТ **sybuλgan* 'червь, дождевой червь': хак. *sōsxan* (диал.), *somysxan*.
ПТ **koba-k* 'пустой, полый': хак. *xax*.
ПТ **obu-ra-/*obu-n-* 'изнашиваться, стареть; прекращаться; развалиться, разрушиться': хак. *ūra-*.
ПТ **kuba/*koba* 'желтоватый, сероватый': хак. *xū*, сюг. *ko*.
ПТ **kuba* 'лебедь': хак. *xū*, шор. *qū* (или из **kugu*).

Исключение:
**sabur-* 'веять, рассеивать, разбрасывать': хак. *sobyr-*, шор. *sabyr-*.

Центрально-восточная группа

Центрально-восточная группа – горноалтайский и, по крайней мере, северный диалект киргизского: зубной звонкий дает явно фрикативный рефлекс (йотацизм), губной и гуттуральный также в целом не показывают дефрикативизации (кроме диссимилятивных развитий в переднерядном окружении в соседстве с *j* для **g* и позиций **ebi* > галт., кирг. *ebi*, **oba* > галт. *ō*, кирг. *uba* для **b*), т.е. демонстрируют вполне «общекыпчакские» рефлексы.

Рефлексы звонкого гуттурального

Особенность центрально-восточных рефлексов гуттурального звонкого на общекыпчакском фоне – его полное выпадение в заднерядных словах[20] (кроме позиции после **y*, где **yγ > yj*, **yγy > yγ/jy*); в случаях позиции конца глагольной основы с широким гласным *a* и интервокальной позиции между двумя *a* – выпадение и удлинение гласного, в прочих случаях – развитие *γ > w*, а затем выпадение с лабиализацией гласного[21]. Решение вопроса о принадлежности к центрально-восточной группе северных диалектов горноалтайского языка затруднено тем, что материал по ним дает колебания, возможно, связанные с обширным заимствованием из литературного языка. Все же можно отметить сохранение фрикативного гуттурального в конечнослоговой позиции в переднерядных и заднерядных словах (т.е. как в шор-

[20] См. Баскаков. Алт. яз. 44, СИГТЯ 2002, 279.
[21] Спорадические примеры из южнокиргизского диалекта – в словаре Юдахина – показывают еще более «общекыпчакские» по виду рефлексы – с сохранением *w < *y*.

ском) в кумандинском и куу и падение его (как в ойротском) в туба. В интервокальной позиции гуттуральный выпадает, причем результирующие стяжения для туба чаще совпадают с ойротскими[22], а для кумандинского и куу – с шорскими.

а) Конечнослоговая позиция:

-āg

ПТ **jāg* 'жир, масло; сало': галт. *ǵū*, куу *jyy*, кмд. *čay*, туба *d'ū*, кирг. *ǰō-*.

ПТ **dāg* 'гора': галт. *tū*, куу *tay*, кмд. *tay*, туба *taw*, *tū*, кирг. *tō*.

ПТ **āg* 'сеть': галт. *ū*, куу *ay*, кмд. *ay*, кирг. *ū*.

ПТ **iāg-*, **iāg-na-* 'падать, опрокидываться, свешиваться; перелезать; валяться, перекатываться; ронять, опрокидывать': галт. *aŋ-tar-*, *aŋ-da-* (<**aŋ-na-*), куу *aŋ-dar-*, туба *aŋ-nan-*, кирг. *ō-*, *ōna-*.

-ag-

ПТ **sag* 'здоровый': галт. *sū*, *su*, куу *say*, кмд. *say*, туба *sō-du* 'отдых', кирг. *sō*.

ПТ **aglak* 'незаселенное место': кирг. *ōlaq*.

ПТ **sagry* 'кожа с крупа, шагрень; круп лошади': галт. *sūru*, *sūry*, кирг. *sōru*.

ПТ **jaglyk* 'платок': кирг. *ǰōluk*.

Но:

ПТ **jag-* 'идти (о дожде); дождь': галт. *jā-*, *ǵa-*, *ǵaŋmyr*, *ǵāš*, куу *jā-*, *ńaŋmur*, кмд. *čay-*, *ńaŋmyr*, туба *ǵay-*, *ńaŋmyr*, кирг. *ǰā-*, *ǰamyyr*, *ǰān*.

ПТ **sag-* 'доить': галт. *sā-*, куу *say-*, *sā-*, туба *sā-*, кирг. *sā-*.

-eg-

ПТ **deg-* 'дотрагиваться, достигать': галт. *tij-*, куу *teg-*, туба *tij-*, кирг. *tij-*.

ПТ **eg-* 'гнуть': куу *eg-*, *ēl-*, туба *ēl-*, кирг. *ij-*, *ijil-*.

ПТ **jegre-n* 'рыжий (о масти лошади); олень, джейран, антилопа': галт. *jeren*, *jēren*, *ǵēren*, кирг. *ǰejren*, *ǰērde*.

ПТ **eg-dü* 'кривой нож': кирг. *ijdi*.

-yg-

ПТ **ajg- > *jȳg-(la-)* 'плакать': галт. *yjla-*, куу *ygla-*, туба *ūla-*, кирг. *yjla-*

ПТ **čyg (~-ȳ-)* 'тростник, чий': галт. *čij*, кирг. *čij*.

ПТ **čyg-* 'увязывать (тюк, сверток); шить (мелкими стежками), подшивать; узел (упаковка); узел; завязать узлом': галт. *čide-*, кирг. *čije*.

ПТ **jyg-* 'собирать': галт. *ǵū-*, *ǵu-*, куу *jyg-*, туба *ǵū-*, кирг. *ǰyj-*.

ПТ **syg-* 'вмещаться': (галт. *syjyn-*), кирг. *syj-*.

-ig-

ПТ **(j)igne* 'игла': галт. *ijne*, кирг. *ijne*.

ПТ **jigren- (~-e-)* 'испытывать отвращение': кирг. *ǰerin-*, *ǰiren-*, *ǰijirken-*.

-og-

ПТ **ogry* 'вор': галт. *ūr*, туба *ūr-da-* 'воровать', кирг. *ūru*.

---

[22] По материалам, приводимым со ссылкой на словарь Вербицкого, рефлексы туба более похожи на северно-алтайские; однако с уверенностью утверждать, что формы из Вербицкого относятся именно к диалекту черневых татар, нельзя, поскольку особая помета для этого диалекта у Вербицкого отсутствует.

ПТ **dogra-* ‘резать ломтиками, кусочками’: галт. *tōr-*, куу *tōr-*, туба *tōr-*, кирг. *tūra-*.
ПТ **sogly-* ‘тяжело дышать, задыхаться’: куу *sōly-*.
ПТ **togly* ‘вид рыбы’: галт. *tūly* ‘кускуч’, куу *туглы*, кмд. *тугла*, туба *тууллы*.
ПТ **dog-* ‘рожать’: галт. *tū-*, куу *tuɣ-*, кирг. *tū-*, *tub-ar-*[23].
ПТ **bog-* ‘завязывать; душить; препятствовать’: галт. *bū-*, куу *пог-ло-*, туба *поог-/пог-*, *бов-*, кирг. *bū-*, *bub-ar-*.
ПТ **kog-* ‘гнать, преследовать’: галт. *kū-*, куу *koɣ-*, туба *kō-*, *kog-*, кирг. *qū-*, *qub-ar-*.

****-ög-***

ПТ **ög-* ‘месить, мять; кашица, похлебка (*давленая)’: галт. *üre*, куу *ürge*, кмд. *ürge*, туба *üre*.
ПТ **ögren-* ‘учиться’: галт. *üren-*, кмд. *ürgen-*, кирг. *üjren-*.
ПТ **bögrek* ‘почки’: галт. *börök*, кмд. *pügrenek*, кирг. *böjrök*.

****-ug-***

ПТ **būg* ‘пар’: галт. *bū*, куу *pū*, кирг. *bū*.
ПТ **čug* ‘связка; связывать, упаковывать, обматывать’: галт. (диал.) *čū*, *čū-la* (Р), куу *чуг*, *чугла-*, кирг. *čū*, (южн.) *čuk* ‘пеленка’ *(*čuguk)*, *čulga-*.
ПТ **bugra* ‘самец верблюда’: галт. *bura*, кирг. *būra*.

****-üg-***

ПТ **düg-* ‘завязывать узлом, делать петлю; пуговица; узел’: галт. *tüj-*, куу *tüj-ün*, кирг. *tüj-*.

б) Интервокальная позиция:

****-aga-***

ПТ **bagatur* ‘герой’: галт. *bātyr*, кирг. *bātyr*.

****-agy-*** > галт., туба *ō* или *ū*, кирг. *ō* (возможно, **(j)agy* > галт., туба *ū*)
ПТ **a/ągyr̆* ‘рот; губа, губы; устье реки, ущелья’: галт. *ōs*, куу *aɣys*, кмд. *ās*, туба *ōs*, кирг. *ōz*.
ПТ **k(i)agy-* ‘прут’: кирг. *kōla-* ‘буйно расти (о раст.) в ущерб плоду, семени’.
ПТ **iagyr* ‘тяжелый’: галт. *ūr*, кмд. *ār*, куу *ār*, туба *ūr*, кирг. *ōr*.
ПТ **biagyr* ‘печень’: галт. *būr*, куу *pār*, кмд. *pār*, туба *bawry*, *bayry*, кирг. *bōr*.
ПТ **jagy* ‘враг, война’: галт. *jū*, *ǵu*, куу *jyɣ*, кмд. *čaɣ*, туба *d’ū*, *ja*, кирг. *ǰō*, *ǰō-luk*, юкирг. *ǰawlyk*.
ПТ **jagyr* ‘ссадина на спине животного; рана, ссадина на человеческом теле’: галт. *ǵūr*, туба *jawur*, кирг. *ǰōr*, юкирг. *ǰawur*.
Иначе ПТ **sagysgan* ‘сорока’: галт. *saŋysqan*, куу *sāsqan*, *sagysqan*, кирг. *saɣyzɣan*, юкирг. *sawyzɣan*[24].

****-agu-*** > галт., туба, кирг. *ō*, *ū*

ПТ **ągu* ‘яд; мускус, кабарговая струя’: куу *оо* (Р), туба *о* (Буд.), кирг. *aɣū*.

---

[23] Морфонологическое обобщение старого чередования конечнослоговой и интервокальной позиций – ср. ниже **kob-* ‘преследовать’: кирг. *ǰū-/ǰubar-* и под.

[24] В этом слове вообще наблюдается много нерегулярных развитий, возможно, в связи с характером семантики.

ПТ **kagur* 'кукла': кирг. *kūrčak*.
ПТ **kagur-* 'жарить': галт. *kār-*, *kūr-*, куу *kār-*, кмд. *kawur-*, кирг. *kūr(u)-*.
ПТ **ąguď* 'молозиво': кирг. *ūz*.
ПТ **jągu-* 'приближаться; близкий': галт. *jū-*, *ǵu-*, *jūq*, *ǵūq*, кмд. *čūk*, туба *d'ūk*, кирг. *ǰū-*, *ǰūq*.
ПТ **sągu-k* 'холодный': галт., куу, кмд., туба *sōq*, кирг. *sūk*.

-agu#

ПТ **buŕa-gu* 'теленок': галт. *bozu*, (жен.) *byza*, кирг. *muzō*.
ПТ **sojagu* 'петушиная шпора; сосновая иголка, зубочистка; острый предмет': кирг. *sojō*.
ПТ **bukagu* 'путы, цепь, веревка': кирг. *bogō*.
ПТ **talagu* 'смертельный яд; дизентерия; болезнь, связанная с язвами': кирг. *talō-lo-n-* 'покрываться красными пятнами'.

-ygy-

ПТ **sygyr* 'корова, крупный рогатый скот': галт. *syjyr* (жен.), юкирг. *syjyr* (диал.).
ПТ **čygyr* 'топтать, утаптывать (землю); утоптанный снег; граница; узкая тропа': кирг. *čyjyr*, *čijir*.
ПТ **sygyt-* 'плакать, рыдать; плач': галт. *syɣyt*, туба *syɣyt*.
ПТ **sygyrčyk* 'куропатка, рябчик; скворец': кирг. *čyjyrčyq*.

-ygu-

ПТ **sy(j)g-* 'олень, марал': галт. *syɣyn*, куу, кмд., туба *syɣyn*.
ПТ **tiakygu(/-ŋu)* 'курица': галт. *takā*, кирг. *tōk*, NB: в кирг. специфически кыпчакское развитие с метатезой.
ПТ **törpi-gü* 'напильник': кирг. *türpü*.

-oga-

ПТ **jogan* 'толстый': галт. *ǵōn*, *d'ān*, куу, кмд. *ńān*, туба *ńān*, *ǵān*, кирг. *ǰōn*.
ПТ **bogaď* 'беременная (о животных)': галт. *bōs*, куу *pōs*, туба *bōs*, кирг. *bōz*, юкирг. *buwaz*.
Но: ПТ **sogan* 'лук': галт. *sogono*, куу, туба *sogon*, кирг. *soɣon* (монголизм?).

-ogy-

ПТ **sogy-k* 'холодный': галт., куу, кмд., туба *sōq*, кирг. *sūk*.

-ogu-: колебания между рефлексами *ō* и *ū* в данном случае, по-видимому связаны с парадигматическими выравниваниями внутри основ, чередующих интервокальную и пресонантную позиции (**-oguR- > -ōR-*, **-ogR- > -ūR-*).
ПТ **jog-urt* 'кислое, свернувшееся молоко': кирг. *ǰūrat*.
ПТ **ogul* 'сын': галт. *ūl*, куу *ōl*, кмд. *ugly*, туба *ūl*, кирг. *ūl*.
ПТ **sogur-* 'вытаскивать, выдергивать': галт., куу, кмд., туба *sūr-*, кирг. *sūr-*.
ПТ **boguď* 'горло': юкирг. *boɣos* 'место слияния рек'.
ПТ **sogu/ol-* 'высыхать, испаряться, убывать (о жидкостях)': галт., куу, туба *sōl-*, кирг. *sōl-*.
ПТ **bogum* 'сустав': галт. *bōm* 'скалистый выступ', куу *pugun*, кирг. *mūn*, юкирг. *būn*.
ПТ **jogurgan* 'одеяло': галт. *ǵūrqan*, кирг. *ǰūrqan*.

Но ПТ **sogur (~-a-)* 'мелкое пушное животное (сурок)': галт. *syγyrγan* 'мелкий грызун'.

-ugu-

ПТ **kugu* 'лебедь': галт., куу, кмд. *kū*, кирг. *qū*.
ПТ **jugur- (~ -y-)* 'месить': галт. *ǰura-*, кирг. *ǰūr-*.
ПТ **tugur* 'вид шатра; покрышка шатра': кирг. *tūrduq*.
ПТ **ugut* 'закваска': галт. *ubut, ūt*, туба *ūt*, кирг. *uγut*.

-egV-

ПТ **kegej* 'спица колеса': кирг. *kegej* (диал.).
ПТ **s[e]göl(/*sögil)* 'бородавка': галт. *sȫl*, кирг. *sȫl*.
ПТ **jegen* 'племянник': галт. *ǰēn*, кмд. *čēn*, туба *ǰēn*, кирг. *ǰēn*.
ПТ **jegit/*jigit* 'юноша, храбрец': галт. *ǰīt*, куу *jēt*, кирг. *ǰigit*.
ПТ **degiŋ* 'белка': галт., куу, кмд. *tijiŋ*, туба *tijin*, кирг. *tyjyn*.
ПТ **egin* 'плечо': галт. *ijin*, кирг. *ijin*.
ПТ **egir-* 'крутить, прясть': галт., куу *ijir-*, кирг. *ijir-*.

-oge-

ПТ **tögen* 'головня; трут': галт., куу *tȫn*.
ПТ **ög-ej* 'неродной; приемный родственник': галт. *öj, ȫj*, кирг. *ögöj*[25].
ПТ **bögen* 'толстая кишка': галт. *mȫn*, кирг. *mȫn*.

-ögü-

ПТ **ögür* 'стадо, стая; домашний; сотоварищ': галт. *ǖr*, кирг. *üjür*.

-üjge-

ПТ **jü(j)gen* 'уздечка': галт. *üjgen*, кирг. *ǰügön*.

-ügü-

ПТ **jügür-* 'спешить, бежать': галт., туба *ǰügür-*, кирг. *ǰügür-* (см. выше примечание об этой основе).

Рефлексы звонкого губного

Что касается развития губного звонкого, он практически не дает дефрикативизованных рефлексов.

а) Конечнослоговая позиция (**-b#*):

ПТ **sab-ga* 'подарок, доля от добычи': кирг. *sōγa, sōrun*.
ПТ **jab-čy* 'сват': галт. *ǰūčy*, кирг. *ǰūču*.
ПТ **kıab* 'древесный гриб; сухая трава': галт. *qū*, кирг. *qū*.
ПТ **jab-γan* 'плохой, пресный, безвкусный': кирг. *ǰūγan*.
ПТ **āb* 'охота': кирг. *ū*.
Но: ПТ **č(i)āb* 'слава, хорошая репутация, новости': галт. *čaby* (3 л.; хакасское заимствование?), кирг. *čū* 'дурная слава'.
ПТ **eb* 'дом': галт. *üj*, куу *uy, ū*, куманд. *uy*, туба *uw*, кирг. *üj*.
ПТ **seb-* 'любить': галт. *sǖ-*, кирг. *süj-*.
ПТ **geb-re-* 'слабеть, становиться хрупким': юкирг. *küjrö-*.
ПТ **gēb-* 'жевать': галт. *kepše-* (с ассимиляцией), кирг. *küj-š-ö-*.
ПТ **syb* 'вода': галт. *sū*, куу *su, suy*, кмд. *suy*, туба *sū*, кирг. *sū*.

---

[25] Здесь, по-видимому, как и в *kegej* 'спица', в кирг. диссимилятивное развитие (запрет на переход *-g-> -j-* >0 при наличии другого *j* в слове).

ПТ **sīb-ri* 'острый, конический': галт. *sūrü*; туба *sūrü* 'зубцы скал', кирг. *süjrü*.
ПТ **sub-luk (*syb-luk)* 'удила': галт. *sūluq*, куу *sujlyk*, туба *sūluq*, кирг. *sūluq, sūlduruq*.
ПТ **jubka* 'тонкий': галт. *ǰuqa*, кмд. *čoga-čač*, кирг. *ǰuqa*; *ǰūqa* 'теснина'.
ПТ **ju(b)-* 'мыть; купаться, плавать': галт. *ǰu-n-*, туба *čū-* 'ловить рыбу неводом', кирг. *ǰū-*, *ǰubar-*[26], юкирг. *ǰuw-*.
ПТ **tübkür-* 'плевать': галт. *tükür-*, куу *tükür-*, туба *tükür-*, кирг. *tükür-*.
ПТ **kü(b)* 'слава; мудрость': галт. *kū* 'рев', *kü-lük* 'силач, удалец', куу *külük* 'силач, удалец', туба *kü-lük* 'богатырь, герой', кирг. *kū* 'звук, рев', *kū-lū* 'исправный, в хорошем состоянии'.
ПТ **kob-* 'преследовать, гнаться': галт. *qū-*, кирг. *qū-/qubar*[26], *qubala-*.
ПТ **göbde* 'верхняя часть тела': кирг. *kōdö, kōdön*.

б) Интервокальная позиция дает довольно беспорядочные рефлексы, по-видимому, из-за междиалектных заимствований; основная тенденция – в сев.-алт. частичная дефрикативизация (без выпадения) и выпадение распределяются в основном как в шорском, т.е. выпадение в соседстве с огубленными гласными, сохранение и дефрикативизация в прочих позициях. В ц.-вост., видимо, можно говорить о том, что *-b-* падает в соседстве с **u*, для заключения о других позициях не хватает материала.

-aba-

ПТ **jabo/aλ* 'мягкий, нежный; тихий, медленный': галт. *ǰoboš*, куу *jobo-*, туба *ǰobōš*, кирг. *ǰōš*.
ПТ **sabar* 'грудинка с ребрами': тел. *sabar*.
ПТ **dab-ar* 'товар, имущество, скот': кирг. *tabar*, (?) галт. *tabar*, леб. *tabar*.
ПТ **k(i)ab-ak* 'содранная кожа; сдирать (кожу); перхоть': галт. (*kok* 'перхоть' скорее к **koŋak*), туба *kāk* 'перхоть', кирг. *kōk* 'шапка из сырой кожи' (орудие пыток).
ПТ **kab-ak* 'кора, шелуха': галт. *kāk* 'лист', куу *kavak* 'листва', кмд. *kabak* 'лист'; (кирг. *qabyq* 'кора, шелуха').

-ebe-

ПТ **debe* 'верблюд': галт. *tō*, куу *tō*, туба *tō*, кирг. *tō*.

-aby-

ПТ **tabyrga* 'кабарга': галт., куу *tōrgy*, кмд. *tabyrgy*.
ПТ **dabyšgan* 'заяц': юкирг. *tavyskan* (форма явно «ногайская» по происхождению, ср. *-s-*).
ПТ **sabyt* 'посуда, орудие, инструмент': туба *sabyt*, кирг. *sōt*.
ПТ **kab-yr-, -yš-* 'объединять, собирать; собираться': галт. *qabyr-* 'пасти', куу *kavyr-* 'подхватить, собирать', туба *qab/vyr-* 'пасти' (возможно, к **kap-* 'хватать'), кирг. *qōš-*.
ПТ **d(i)abylku* 'таволга': галт. *tabylγy*, кирг. *tabylγy*.
ПТ **(i)aby-* 'опрокидываться, валяться, переворачиваться с боку на бок': галт. *aby-dyn* 'качание, колебание', туба *aby* 'кривой', кирг. *ō-, ō-n-*.

-ebi-

ПТ **ebin* 'зерно, семя': галт. *ebin*, куу *ibin, evin*, туба *evin* 'ядро кедрового орешка'.

[26] След старого чередования конечнослоговой и интервокальной позиций.

ПТ *ję̇bi-* ‘мокнуть’: галт. *d́ibi-*, куу *jibi-*, кирг. *ǯibi-*.
ПТ **ebir-* ‘поворачивать’: галт. *ebir-*, куу *ebir-*, *evir-*, туба *ebir-*.
ПТ **kebiŕ* ‘ковер’: галт. *kebis*, куу *kevis*, туба *kebis*, кирг. *kebez*.

-abu-

ПТ **sabur-* ‘веять, рассеивать, разбрасывать’: галт. *sobyr-* (?).
ПТ **kabuk* ‘мочевой пузырь’: галт. *kūk*, кмд. *kōk*.
ПТ **aburt* ‘внутренняя полость рта’: галт. *ūrt*, *ūrt-a-*, куу *ōrtom*, кирг. *ūrt*.
ПТ **dabul* ‘буря, сильный ветер’: тел. *tūl*, кмд. *tōl*, кирг. *dobul*, *dōl*.
ПТ **ą̇buč* ‘пригоршня’: галт. *ūš*, кирг. *ūč*.

-ebü-

ПТ **ebür(d)ek* ‘утка’: кирг. *ördök*, галт., куу *örtök*.

-ybu-

ПТ **kyb-u-* ‘радоваться, предаваться удовольствиям’: галт. *kubuj-*, куу *kubuk*, кирг. *quban-*, *qūna-*.
ПТ **sybuʌgan* ‘червь, дождевой червь’: кирг. *sōlǯan*, *söjülǯan*, галт. *čojlošqon*.

-oba-

ПТ **ob-ak* ‘измельченный > мелкий’: галт. *ōk*, кирг. *ubaq*.
ПТ **kob-* ‘преследовать, гнаться’: галт. *qū-*, кирг. *qū-/qubar*[27], *qubala-*.

-obu-

ПТ **obu-ra-/*obu-n-* ‘прекращаться; развалиться, разрушиться’: кирг. *ura-*, галт. *ura-* (Р), тел. *ūra-*.
ПТ **tobur-* ‘шишка; бутон’: кирг. *toburčuk*, галт. *tōrčyq*, куу *tōrǯyq*.

-uba-

ПТ **kuba/*koba* ‘желтоватый, сероватый’: кирг. *qū*, галт. *qō*, *qū*, куу *kuba*, *kuwa*, туба *kuva*, *kū*.
ПТ **čubar* ‘пестрый’: кирг. *čār*.

-übe-

ПТ **gübeč* ‘сковородка; глиняный горшок’: галт. *kōš* ‘чугунок’, куу *kōč*, туба *kōš*.

-ubu-

ПТ **jubut-* ‘глотать’: галт., туба *d́ut-*, кирг. *ǯut-*.

Кыпчакские и карлукские языки

Рефлексы звонкого гуттурального

Следует заметить, что по отношению к рефлексации вокально-консонантных комплексов карлукские и кыпчакские языки как будто не демонстрируют специфически различающего их развития. Напротив, создается впечатление, что все эти идиомы вместе составляют единую лингвистическую зону, крайние части которой – восточная и юго-западная – заняты периферийными ареалами, сохраняющими архаическое положение вещей, а лежащий между ними центральный ареал охвачен некоторыми общими инновациями. Периферийные ареалы представлены, с одной стороны, узбекским и, в еще большей степени, новоуйгурским языками, с другой – крымско-ка-

[27] След старого чередования конечнослоговой и интервокальной позиций.

раимским языком. Что касается дефрикативизации, она присутствует лишь постольку, поскольку в этих языках имеется манера произношения заднеязычного звонкого, независимо от его происхождения, в переднерядном окружении как взрывного, т.е. если **g* в переднерядной основе отражается как гуттуральный, он будет взрывным, а не фрикативным. Соответственно, по отношению к тем развитиям, которые мы наблюдали на северо-востоке, это совершенно инородное явление.

а) Конечнослоговая позиция (**-g#*):

Узбекский и новоуйгурский сохраняют *ɣ* в заднерядных словах. Крымско-караимский сохраняет *ɣ* в заднерядных словах спорадически. В остальных кыпчакских языках ПТ **-g# > *-v#* в заднерядных основах, > **-j#* в переднерядных и комплексе **yg#*[28].

****-āg***

ПТ **jāg* 'жир': узб. *joɣ*, нуйг. *jaɣ*, кар. К. *jaɣ*, *jaw*, (кар. Т., Г.) *jaw*, балк. *žau*, кум. *jaw*.

ПТ **dāg* 'гора': чаг. *taɣ* (MA), *taɣ*, *ṭaɣ* (Pav.C.), узб. *toɣ*, нуйг. *taɣ*, кар. К. *daɣ*, *taɣ*, *taw*, (кар. Т., Г.) *taw*, кум. *taw*, балк. *tau*, тат. *taw*, башк. *taw*, ног. *taw*, каз. *taw*, ккалп. *taw*.

ПТ **āg* 'сеть': чаг. *aɣ* (Sangl.), узб. *āɣ* (диал.), кар.К. *aɣ*, (кар. Т., Г.) *aɣ*, *uɣ*, кум. *aw*, балк. *aw*, тат. *aw*, башк. *aw*, ног. *aw*, каз. *aw*, ккалп. *aw*.

ПТ **iāg-*, **iāg-na-* 'падать, опрокидываться, свешиваться; перелезать; валяться, перекатываться; ронять, опрокидывать': чаг. *aɣna-*, уз. *oɣ-*, *oɣna-*, нуйг. *aɣ-*, кар. К. *avdar-*, *av-ɣa-la-n-*, кар.Т. *oval'an'-*, кум. *av-*, *avdar-*, *av-la-n-* 'поворачиваться, наклоняться', *avna-*, балк. *aw-*, *aw-la-* 'снимать', *awdar-*, *awna-*, тат. *aw-*, *awdar-*, *awna-*, башк. *aw-*, *awdar-*, *awna-*, ног. *av-*, *av-dar-*, *avna-*, каз. *aw-dar-*, *awna-*, ккалп. *aw-*, *awdar-*, *awna-*.

ПТ **(i)āg-* 'подниматься': чаг. *aɣ-*, башк. *awa-la-* (о солнце).

****-ag***

ПТ **(i)ag* 'промежуток между ногами; клин между штанинами': узб. *oɣ*, нуйг. *aɣ*, кар. К. *aw*, ног. *aw*, каз. *aw*.

ПТ **jag-* 'идти (о дожде); дождь': чаг. и ст.-кыпч. *jaɣ-* (Pav.C., AH, Ettuh., MA), *jaɣyn* (Pav.C.), узб. *joɣ-*, *joɣin*, нуйг. *jaɣ-*, *jeɣin*, кар. К.,Т.,Г. *jaw-*, кум. *jaw-*, *jawyn/jawun*, балк. *žawun*, тат. *jaw-*, *jawym*, башк. *jaw-*, *jawun*, ног. *jaw-*, каз. *žaw-*, *žawyn*, ккалп. *žaw-*, *žawyn*.

ПТ **sag* 'здоровый': чаг. и ст.-кыпч. *saɣ* (Pav.C., AH), узб. *soɣ*, нуйг. *saɣ*, кар. К.,Т., Г. *saw*, кар. К. *saɣlyq*, *saɣyl-*, кум. *saw*, балк. *sav*, *sau*, тат. *saw*, башк. *haw*, ног. *saw*, *sawlaj* 'целый, весь', каз. *saw*, ккалп. *saw*.

ПТ **aglak* 'незаселенное место; поле, степь': кар. К.,Т., Г. *awlaq*, кум. *awlaq*, балк. *awlaq*, тат. *awlak*, башк. *awlaq*, ног. *awlaq*, каз. *awlaq*, ккалп. *awlaq*.

ПТ **sag-* 'доить': чаг. *saɣ-* (Pav.C.), узб. *soɣ-*, нуйг. *saɣ-*, кар. К.,Т., Г. *saw-*, кум. *saw-*, тат. *saw-*, башк. *haw-*, ног. *saw-*, каз. *saw-*, ккалп. *saw-*.

---

[28] В последнем случае переход, похоже, блокируется при наличии в основе слова другого *j*.

ПТ **sagry* 'кожа с крупа, шагрень; круп лошади': ст.-кыпч. *sayry* (АН), чаг. *sayri* (Pav.C.), узб. *sayri.* (развитие перед *i* следующего слога, ср. след. слово), нуйг. *sayir*, кум. *savru*, *sawury*, тат. *sawyr*, башк. *hawyr*, ног. *sawyr*, каз. *sawyr*, ккалп. *sawry*, *sawyr.*

ПТ **jagryn* 'спина, лопатка': чаг. и ст.-кыпч. *jaγryn* (Pav.C., АН, Ettuh.), узб. *jaγrin*, кар. Г., Т. *jawryn*, кар. Т. *juwrun*, кум. *jawrun*, башк. *jawryn.*

ПТ **jaglyk* 'платок': нуйг. *jayliq*, кар. К., Т., Г. *jawlyq*, кум. *jawluq*, тат. *jawlyq*, башк. *jawlyq*, ног. *jawlyq*, каз. *žawlyq*, ккалп. *žawlyq.*

-eg-

ПТ **deg-* 'стоить, изменять(ся), обмениваться': чаг. и ст.-кыпч. *deg-*, *deg-ir*, *teg-iš* (Sangl.), *teg-iš-* (Sangl.), нуйг. *tegiš-*, кар. К., Т., Г. *tij-*, кар. К. *deg-*, *degiš-*, кум. *tij-*, тат. *tij-*.

ПТ **deg-* 'дотрагиваться, достигать': чаг. *teg-* (Sangl., Абуш.), узб. *teg-*, нуйг. *teg-*, кар. К., Т., Г. *tij-*, кум. *tij-*, балк. *tij-*, тат. *tij-*, башк. *tej-*, ног. *tij-*, каз. *tij-*, ккалп. *tij-*.

ПТ **jegre-n* 'рыжий (о масти лошади)': чаг. *ǯejren* (Буд.), узб. *ǯijrɔn*, нуйг. *ǯirän*, тат. *ǯirän*, башк. *jerän*, ног. *jijren*, каз. *žijren*, ккалп. *žijren.*

-yg-

ПТ **ajg- > *jȳg-(la-)* 'плакать': чаг. *jyγla-* (Sangl.), узб. *jiγla-*, нуйг. *žiγli-*, *žiγa*, кар. К. *ayla-*, кар. К., Т., Г. *jyla-*, кар. Т. *ila-*, кум. *jila-*, балк. *zyla-*, тат. *jyla-*, каз. *žyla-*, ккалп. *žyla-*.

ПТ **čyg (~-ȳ-)* 'тростник, чий; изделия, плетенные из чия': чаг. *čyγ* (Sangl.), узб. *čij*, нуйг. *čiγ*, балк. *čij*, ног. *šijboj* 'любисток' (?), каз. *šij*, ккалп. *šij.*

ПТ **čyg-* 'увязывать (тюк, сверток); шить (мелкими стежками), подшивать; узел (упаковка); узел; завязать узлом': чаг. *čik* (Pav.C.), ст.-кыпч. *čyq-* (АН), нуйг. *čig*, *čigik*, ккалп. *šije.*

ПТ **jyg-* 'собирать': чаг. и ст.-кыпч. *jyγ-* (Pav.C., МА, АН), узб. *jiγ-*, нуйг. *žiγ-*, кар. К. *jyγyš-*, *ǯyj-*, кум. *ǯyj-*, балк. *žyj-*, тат. *ǯyj-*, башк. *jyj-*, ног. *jyj-*, каз. *žyj-*, ккалп. *žyj-*.

ПТ **syg-* 'вмещаться': чаг. *syγ-* (Pav.C.), узб. *siγ-*, нуйг. *siγ-*, кар. К. *syγ-*, кар. Т. *syj-*, кум. *syj-*, тат. *syj-*, башк. *hyj-*, каз. *syj-*, ккалп. *syj-*.

ПТ **jyg-* 'препятствовать, сдерживать': чаг. *jyγ-* (Абуш.), узб. *jiγ-*, нуйг. *žig-*.

-ig-

ПТ **(j)igne* 'игла': чаг. *igne* (Бор.Бад., Pav.C.), узб. *igna*, нуйг. *žiŋnä*, кар. К., Т., Г. *jine*, кум. *ine*, балк. *ijne*, тат. *inä*, *enä*, башк. *enä*, ног. *ijne*, каз. *ǐjna*, ккалп. *ijne.*

ПТ **jigren- (~-e-)* 'испытывать отвращение': ст.-кыпч. *jigren* (Ettuh., АН), узб. *jirgan-*, *ǯirkan-*, нуйг. *žirkän-*, кар. (крым., гал.) *iren-*, кум. *ǯirgen-*, тат. *ǯirän-*, башк. *jerän-*, ног. *jijren-*, каз. *žijren-*, ккалп. *žijren-*, *žijirken-*.

-og-

ПТ **bog-* 'завязывать; душить; препятствовать': чаг. *boγ-*, *boy* (Pav.C.), узб. *boγ-*, нуйг. *boγ-*, кар. К. *boγ-*, кар. Т., Г. *buw-*, кум. *buw-*, балк. *buw-*, тат. *buw-*, башк. *byw-*, ног. *buw-*, каз. *buw-*, ккалп. *buw-*.

ПТ **kog-*[29] 'гнать, преследовать': нуйг. *qoylu-*, кар. К., Т., Г. *kuw-*, кум. *quw-*, балк. *quw-*, тат. *kuw-*, башк. *qyw-*, ног. *kuw-*, каз. *quw-*, ккалп. *quw-*.
ПТ **tog* 'пыль': чаг. *toɣ* (Pav.C., Абуш.), нуйг. *toɣ* (диал., Мал.УЯ).
ПТ **do/ug-* 'рождаться': чаг. *toɣ-*; узб. *tuɣ-*, нуйг. *tuɣ-*; кар. (крым.) *toɣ-*, К., Т., Г. *tuw-*, кум. *tuw-*, балк. *tuw-*, тат. *tuw-*, башк. *tyw-*, ног. *tuw-*, каз. *tuw-*, ккалп. *tuw-*.
ПТ **ogry* 'вор': чаг. *oɣry* (Pav.C.), узб. *o̧ɣri*, нуйг. *oɣri*, *oɣur*, кар. К., Г. *oɣry*, кар. Т., Г. *uru*, кум. *oru*, *uru*, тат. *ur-la-* 'воровать', башк. *ur-la-* (< **uwur-la*), каз. *ŭry*, ккалп. *ury*.
ПТ **dogra-* 'резать ломтиками, кусочками': чаг. *toɣra-* (Sangl.), узб. *to̧ɣra-*, нуйг. *toɣru-*, кар. К. *doɣra-*, кар. Т., Г. *tuvra-*, кум. *tuwra-*, балк. *tuwra-*, тат. *tura-*, башк. *tura-* (< **tuwura*), ног. *tuwra-*, каз. *tura-*, ккалп. *tuwra-*.
ПТ **čōg* 'жар, тлеющие уголья': чаг. *čoɣ* (Vám.), узб. *čo̧ɣ*, нуйг. *čoɣ*, каз. *šoq*.
ПТ **jo(g)ta* 'голень; туловище, стан': узб. *žota* (диал.), нуйг. *jota*, каз. *žota*, ккалп. *žota*.
ПТ **sogly-* 'тяжело дышать, задыхаться': чаг. *solu-* (Pav.C.), кар. Г. *sulu-*, кум. *solu-*, балк. *solu-* 'отдыхать', тат. *sula-*, башк. *hul-yš* (< **suwul-*), ног. *solyq-*.
ПТ **tog* 'вид рыбы': тат. (сиб.) *toɣy* 'стерлядь'.

****-ög-***

ПТ **ög-* 'месить, мять; кашица, похлебка (*давленая)': чаг. *ügre* (Pav.C.), узб. *uwra*, *ugra*, нуйг. *ügrä*, *ögrä*, кар. (гал.) *iwre*, тат. *öjrä*, башк. *öjrä*, ног. *üjre*.
ПТ **dög-* 'бить, долбить': ст.-кыпч. *tüw-* (АН), *tüj-* (Ettuh.), кар. К. *tüj-*, кум. *tüj-*, балк. *tüj-*, тат. *töj-*, башк. *töj-*, ног. *tüj-*, каз. *tüj-*, ккалп. *tüj-*.
ПТ **ögren-* 'учиться': чаг. *ögren-*, *örgen-* (Pav.C.), узб. *organ-*, нуйг. *ö(r)gen-*, диал. *öjgen-*, кар. К. *ören-*, *ügren-*, кар. Т. *üwren-*, кар. Г. *iwren-*, кум. *üjren-*, балк. *üjren-*, *üren-*, тат. *öjren-*, башк. *öjren-*, ног. *üjren-*, каз. *üjren-*, ккалп. *üjren-*.
ПТ **bögrek* 'почки' (ср. **bögür*): чаг. *bögrek* (Pav.C.), узб. *bujrak*, нуйг. *böräk*, кар. К. *bögrek*, кар. Г. *bivrek*, кар.Т. *büwrek*, кум. *büjrek*, балк. *börek*, ног. *büjrek*, каз. *büjrek*, ккалп. *büjrek*.

Развитие ПТ **bŏg-ček* 'насекомое': тат. *böžäk*, башк. *böžäk*, ног. *böžek*, по-видимому, следствие заимствования из тюрки.

****-ug-***

ПТ **tug* 'запруда, верша': нуйг. диал. *tuɣ*, башк. диал. *tyw*.
ПТ **būg* 'пар': чаг. *buɣ* (Sangl., Pav.C.), *muɣ* (Pav.C.), узб. *buɣ*, *buɣ-la-* 'выпускать пар', нуйг. *buɣ*, кар. К., Г. *buw*, кум. *buɣaq* 'иней', балк. *buwaq* 'иней', тат. *buw*, *bu-la-n-* 'испаряться', башк. *byw*, ног. *buw; buwaldyr* 'иней', каз. *buw*, *buw-la-* 'выпускать пар', *bu-la-* 'лечить паром (медицинское)', ккалп. *puw*.
ПТ **čug* 'связка; связывать, упаковывать, обматывать': чаг. *čuɣ* 'ярмо' (Pav.C.), [тат. *čuw-al-*] башк. *syw* 'плацента', ног. *šuw-mak*, каз. *šuw-maq*, ккалп. *šuw-maq-la-*.
ПТ **bugra* 'самец верблюда': чаг. *buɣra*, *buɣur* (Pav.C.), узб. *bo̧ɣra*, нуйг.

[29] Все кыпчакские формы могут также относиться к основе **kub-*, см. ниже.

(диал.) *buɣra*, *boɣra*, ног. *bora*, каз. *bura*, ккалп. *buwra*. Не ясно расширение гласного в узб., нуйг. и ног.

-üg-

ПТ **čügde* 'выступающая кость за ухом; затылок; обух топора': узб. (диал.) *čüjdä*, башк. *söjδä*, ног. *šüjde*, каз. *šüjde*, ккалп. *šüjde*.

ПТ **düg-* 'завязывать узлом, делать петлю; пуговица; узел': чаг. *tüg-* (Sangl.), узб. *tug-*, нуйг. *tüg-*, кар. К. *tüjüm*, кар. Г. *tiwin*, кум. *tüj-*, балк. *tüj-*, тат. *töj-mä*, башк. *töj-mä*, ног. *tüj-*, каз. *tüj-*, ккалп. *tüj-*.

б) Интервокальная позиция:

Узбекский и новоуйгурский сохраняют *ɣ* в заднерядных словах (но для позиции **agu* основной рефлекс в узб. все же *-ɔwu-*). Крымско-караимский сохраняет *ɣ* в заднерядных словах спорадически, в нелабиализующем и непалатализующем контексте. В остальных кыпчакских языках ПТ **-aɣa-* > **-ā-*; в прочих случаях **-ɣ-* > *-*v-* в заднерядных основах, > **-j-* в переднерядных основах и внутри комплекса **ygy*. NB: запрет на переход в *j* (и, следовательно, сохранение и последующая дефрикативизация гуттурального) действует при наличии в слове еще одного **j*.

-aga-

ПТ **dagar* 'кормушка, мешок, корыто': узб. *toɣora*, нуйг. *taɣa(r)*, тат. *taɣarak*, башк. *taɣaraq*, каз., ккалп. *daɣara*.

ПТ **bagatur* 'герой': чаг. (хрзм.-т.) *bahatur*, ст.-кыпч. (CCum.) *baɣatur*, тат., башк. *batyr*.

****-agy-*** (в узб. в абсолютом начале > *ɔyi*, после согласной > *ayi;* исключение *jɔɣin* 'дождь' под влиянием *jɔɣ-* 'идти (о дожде)')

ПТ **agyŏ* 'рот; губа, губы; устье реки, ущелья': чаг. *aɣyz*, узб. *ɔɣiz*, нуйг. *eɣiz*, кар. К. *aɣyz*, кар. К., Т., Г. *awuz*, кум. *awuz*, балк. *awuδ*, тат. *awyz*, башк. *awyδ*, ног. *awyz*, каз. *awyz*, ккалп. *awyz*.

ПТ **iagyr* 'тяжелый': чаг. *aɣyr* (Pav.C.), узб. *ɔɣir*, нуйг. *eɣir*, кар.К. *aɣyr*, кар. К., Т., Г. *awur*, балк. *awur*, тат. *awyr*, башк. *awyr*, каз. *awyr*, ккалп. *awyr*.

ПТ **biagyr* 'печень': чаг. *baɣyr* (Бор.Бад., МА), узб. *baɣir*, нуйг. *beɣir*, кар. К. *baɣyr*, кар. К., Т., Г. *bawur*, балк. *bawur*, тат. *bawyr*, башк. *bawyr*, ног. *bawyr*, каз. *bawyr*, ккалп. *bawyr*.

ПТ **jagyr*, **jagryn* 'спина, лопатка': чаг. и ст.-кыпч. *jaɣryn* (Pav.C., АН, Ettuh.), узб. *jaɣrin*, кар. К. *jaɣyryn*, кар. Т.,Г. *jawryn*, кар.Т. *juwrun*, кум. *jawrun*, тат.диал. *jawyryn*, *jawyrny*, *žawyr*, башк. *jawryn*, диал. *jawyryn*, ног. *jawyryn*.

ПТ **jagyr* 'ссадина на спине животного; рана, ссадина на человеческом теле': чаг. *jaɣyr* (Pav.C.), узб. *jaɣir*, нуйг. *jeɣi(r)*, ног. *jawyr*, кар. К. *jaɣyr*, каз. *žawyr*, ккалп. *žawyr*.

ПТ **sagyr*, **sagry* 'туя': узб. *sawir* (кыпчакское заимствование?), тат. *sawyr*, башк. *sawyr*.

ПТ **jągyŏ* 'бурый': ст.-кыпч. *jaɣyz* (АН), *jowuz* (Ettuh.), кум. *jawuz*.

ПТ **jag-yn* 'дождь': чаг. *jaɣyn* (Pav.C.), узб. *jɔɣin*, нуйг. *jeɣin*, кум. *jawyn/ jawun*, балк. *žawun*, тат. *jawym*, башк. *jawun*, каз. *žawyn*, ккалп. *žawyn*.

ПТ **sakyr̆/*sagyr̆* 'смола, мастика': чаг. *saqyz* (Pav.C.), узб. *sayiz*, нуйг. *seyiz*, кар. *saqyz*, кум. *sayyz*, тат. *sayyz (*k)*, башк. *hayyz*, ног. *sayyz*, каз. *sayyz*, ккалп. *sayyz*.

ПТ **jagy* 'враг, война': ст.-кыпч. *jayy* (Houts.), узб. *jɔw* (кыпчакское?), диал. *jaw*, *jāyy*, нуйг. *jeyi*, кум. *jaw*, балк. *ǰaw*, *žaw*, *zaw*, тат. *jaw*, башк. *jaw*, ног. *jaw*, каз. *žaw*, ккалп. *žaw*.

ПТ **sagysgan* 'сорока': чаг. *saqyzyan* (Абуш., Pav.C.), *saqsayan* (Pav.C.), узб. *zayizyɔn*, нуйг. *seyizyan*, кар. К. *sawusqan*, кум. *sawusyan*, тат. *sajyskan*, диал. *sawysqan*, башк. *hajyʒqan*, ног. *sawysqan*, каз. *sawysqan*, ккалп. *sawysqan*.

ПТ **tiakygu(/-ŋu)* > ПКыпч. **tagyk* 'курица': чаг. *tayuq*, *tawuq* (Sangl.), узб. *tɔwuq*, нуйг. *toxu*[30], кар. К., Т., Г. *tawuq*, кум. *tawuq*, тат. *tawyk*, башк. *tawyq*, каз. *tawyq*, ккалп. *tawyq*.

****-agu-***

ПТ **kagur-* 'жарить': чаг. и ст.-кыпч. *qavur-* (Houts., Pav.C., MA), узб. *qɔwur-*, диал. *qɔyur-*, нуйг. *qoru-*, кар. К. *qavur-*, кар. Т., Г. *kuwur-*, тат. *kuwyr-*, башк. *qur-*, *quwyr-*, диал. *qywyr-*, ног. *quwyr-*, каз. *quwyr-*, ккалп. *quwyr-*.

ПТ **ągur̆* 'молозиво': чаг. *ayuz* (Sangl., Pav.C., IM), узб. *ɔyiz* (под влиянием *ɔyiz* 'рот'?), нуйг. *oyuz*, кум. *uwuz*, балк. *uwuz*, тат. *uyyz*, башк. *ywyδ*, ног. *uwyz*, каз. *uwyz*, ккалп. *uwyz*.

ПТ **jągu-* 'приближаться; близкий': чаг. *javu-* (Pav.C.), *javuq* (Абуш.), узб. *jɔvuq*, кар. К., Т., Г. *juwuq*, кум. *juwuq*, балк. *žuwuq*, *zuwuq*, тат. диал. *jawuq*, *juwyq*, ног. *juwy-*, каз. *žuw-*, *žuwyk*, ккалп. *žuw-*, *žuwyk*.

ПТ **sągu-k* 'холодный': чаг. *sawuq/sawuy* (Sangl.), узб. *sɔvuq*, нуйг. *soyaq*, кар. К., Т., Г. *suwuq*, кум. *sowuq*, балк. *sūq*, тат. *suwyq*, башк. *hywyk*, ног. *suwyk*, каз. *suwyq*, ккалп. *suwyq*.

ПТ **ą̄gu-g* 'яд; мускус, кабарговая струя': чаг. *ayu*, узб. *ɔyu*, нуйг. *oya*, кар. К. *ayu*, *awyu*, кар. Т., Г. *uw*, кум. *ayuw*, *ayu*, балк. *ayu*, тат. *ayu*, башк. *ayyw*, ног. *ayuw*, каз. *ayu*. Возможно, часть кыпчакских форм с *-y-* (не *-w-*) заимствована из литературного тюрки.

****-agu#***

ПТ **bur̆a-gu* 'теленок': чаг. *buzayu*, *buzay*, *buzaw* (Sangl., MA, Pav.C.), узб. *buzɔq*, нуйг. *mozaj*, кар. К. *byzuw*, *buzuw*, кар. Т., Г. *buzow*, кум. *buzaw*, балк. *buzow*, тат. *bozaw*, башк. *byδaw*, ног. *buzaw*, каз. *buzau*, ккалп. *buzaw*.

ПТ **sojagu* 'острый предмет': кум. *sojaw* 'металлическая подвеска на кавказском поясе', каз. *sojaw*.

ПТ **bukagu* 'путы, цепь, веревка': чаг. *buqayu*, *buqaw* (Sng., MA), узб. *boyɔw*, кар. К. *buqow*, *buyow*, кар. Т., Г. *buyow*, *buyuw*, кум. *buyaw*, балк. *buyow*, тат. *boyaw*, башк. *byyaw*, ног. *buyaw*, каз. *buyaw*, ккалп. *buyaw*.

ПТ **talagu* 'смертельный яд; дизентерия; болезнь, связанная с язвами': чаг. *dalau* (Pav.C.), кум. *talaw* 'злокачественная опухоль', балк. *talaw* 'бубон, язва', тат. *talaw* 'лошадиная болезнь', башк. *talaw* (диал.) 'сибирская язва', ног. *talav* 'чума, мор', каз. *talau* 'сибирская язва'.

---

[30] Нуйг. форма – без общей для огузских и кыпчакско-карлукских языков метатезы.

ПТ *kyŭagu* 'сани': чаг. и ст.-кыпч. *qyzaq* (АН), нуйг. *quzuq* 'кровать', тат. *kozaw* 'лукошко', (?) башк. *quδy* 'лукошко'.
ПТ *kyla-gu* 'снежинки, падающие при тихой погоде; иней, изморозь': кум. *qylaw*, башк. *qylaw*, каз. *qylaw*.
ПТ *kača-gu* 'долото, зубило, работать зубилом': тат. Сиб. *kaʒau*, башк. *qasau*, каз. *kaša-*, *kašau*.
ПТ *kar(a)gu* 'тростник': чаг. *qarγu* (АН), *γarqu* (Бор.Бад.), *γaraw* (Pav.C., Абуш.), узб. *γarɔw*.

-yga-

ПТ *čŭgaŭ* 'бедный': чаг. *čγγaj* (Р), *čγγan* (Р, Pav.C.), кум. *čγγγn* 'грубый'.
ПТ *čyganak* 'можжевельник': балк. *čγγana(q)* 'шип'.

-ygy-

ПТ *čŭgyr* 'беда, несчастье': кар. Г. *cyjyr*, кар. Т. *čyjyr*.
ПТ *sygyr* 'корова, крупный рогатый скот': ст.-кыпч. *syγγr* (АН), узб. *sigir*, нуйг. *sijir*, кар. К., Т., Г. *syγγr*, кар. Т., Г. *syjyr*, кум. *syγγr*, *syjyr*, тат. *syjyr*, башк. *hyjyr*, ног. *syjyr*, каз. *syjyr*, ккалп. *syjyr*.
ПТ *čygyr* 'топтать, утаптывать (землю); узкая тропа': чаг. *čγγγr* (Sangl., Pav.C.), узб. *čijir*, нуйг. диал. *čiγir jol*, балк. *čyjyr-t-*, каз. *šyjyr*.
ПТ *jigi/*jygy* 'густой, плотный': ног. *jyjy*, каз. *žiji*, ккалп. *žiji*.
ПТ *sygyt* 'плач': ср.-уйг. *syγγt* (IM), кар. К. *syγγt*, кар. К., Т., Г. *syjyt*, ног. *syjt*.
ПТ *sygyrčyk* 'куропатка, рябчик; скворец': чаг. *siγirčiq*, *siγirčuq*, *siγirčin* (Р), кум. *syjyrtγγč*, тат. *syjyrčyk*, башк. *syjyrsyq*.

-ygu-

ПТ *sy(j)gun* 'олень, марал': чаг. и ст.-кыпч. *suγun*, *sojγun* (Pav.C.), *syγγn* (АН), *syjyn* (Ettuh.), узб.диал. *sujγun*, кар. К., Т., Г. *syγγn*, кар. К. *suvun*, ккалп. *suwyn*.
ПТ *törpi-gü* 'напильник': *törpigü* (МК), чаг. *dörbi* (Pav.C.), башк. *törpö* (диал.), ног. *türpi*, каз. *türpi*, ккалп. *türpi*.

-oga-

ПТ *jogan* 'толстый': чаг. *joγan* (МА), узб. *joγɔn*, нуйг. *joγan*, тат. *juwan*, башк. *jywan*, ног. *juwan*, ккалп. *žuwan*.
ПТ *dogan* 'сокол': чаг. *toγan* (Абуш., Sangl.), кар. Г. *tuγan*.
ПТ *bogaŭ* 'беременная (о животных)': чаг. *(töl) boγaz* (Oghuz-nama); *boγaz*, *boγuz* (МА), узб. *bọγɔz*, нуйг. *boγaz*, кум. *buwaz*, балк. *buwaz*, тат. *buwaz*, башк. *bywaδ*, ног. *buwaz*, каз. *buwaz*, ккалп. *buwaz*.
ПТ *sogol-* 'высыхать, испаряться, убывать (о жидкостях)': чаг. и ст.-кыпч. *sovul-* (Ettuh.), *soγal-*, *suγal-* (Р, Буд.), нуйг. *soγul-*, тат. *suwal-* (диал.), башк. *hywal-*, ног. *suwal-*, каз. *suwal-*.

-ogu-

ПТ *kogur* 'кукла': чаг. *qawurčaq* (Бор.Бад., Pav.C.), *qavur* (Р), узб. *qoγirčɔq*, нуйг. *qo(r)čaq*, кум. *qurčaq*, тат. *kurčaq*, башк. *qursaq*, ног. *quwyršaq*, каз. *quwyršaq*, ккалп. *quwyršaq*.
ПТ *boguŭ*, *bokur-dak* 'горло, кадык': чаг. *boγuz* (Абуш., Бор.Бад.),

boqurdaq, *boɣardaq* (Sangl.), узб. *bọɣiz*, нуйг. *boɣuz*, кар. Т., Г. *boɣoz*, кар. К. *boɣaz*, кум. *boɣaz*, балк. *boqqur*, *boɣurdaq*, тат. *buɣaz*, *puɣyrtaq* (диал.), *pūrtaq* (диал.), башк. *boɣaδ*, *boɣarδaq*, ног. *boɣaz*, *boɣyrdaq*, каз. *buɣaz*, *buɣyz* (диал.), ккалп. *buwaz-aq* 'стекло для керосиновой лампы'. По-видимому, колебания *k/g*, связанные с взаимовлиянием двух корней? Явный рефлекс **-g-* показывает только ккалп.

ПТ **ogul* 'сын': чаг. *oɣul* (Pav.C.), узб. *ọɣil*, нуйг. *oɣul*, кар. К. *oɣul*, *oɣyl*, кар. Т., Г. *owul*, *uwul*, тат. *ul*, башк. *ul*, ног. *uwyl*, каз. *ul*, ккалп. *ul*. В большинстве кыпч. языков – выравнивание вида основы по рефлексу конечнослоговой позиции в притяжательных формах (**ogly*).

ПТ **sogur (~-a-)* 'сурок': *soɣur* (МК), узб. *sọɣir*, нуйг. *suɣur*, тат. *suwyr*, башк. *hywyr*.

ПТ **bogum* 'сустав': *boɣym*, *boɣun* (МК), чаг. *boɣun* (Sangl., Бор.Бад., Pav.C.), узб. *bọɣin*, нуйг. *boɣum*, кар. К. *buɣum*, *buwum*, кар. Т., Г. *buwun*, кум. *buwun*, тат. *buwyn*, башк. *bywyn*, ног. *buwyn*, каз. *buwyn*, ккалп. *buwyn*.

ПТ **kogulʌ* 'желоб, впадина, полость': чаг. *qoɣuš* (Pav.C.), узб. диал. *qavuš*, *qɔvaš*, *quwuš*, кар. К., Т. *qowuš*, *quwuš*, (гал.) *qowus*, *quwus*, кум. *quwuš*, тат. *kuwyš*, башк. *qywyš*, ног. *quwys*, каз. *quwys*, ккалп. *quwys*.

ПТ **jog-urt* 'кислое, свернувшееся молоко': ст.-кыпч. *jaɣurt* (Houts., АН), узб. *ǰuryɔt* (диал.), кум. *juwurt*, балк. *ǰuwurt*, *žuwurt*, *zuwurt*, ног. *juwyrt*.

ПТ **so/ugur-* 'вытаскивать, выдергивать': чаг. *soɣur-*, *suwur-* (Pav.C.), узб. *suɣur-*, нуйг. *suɣa(r)-*, кар. К., Т., Г. *suwur-*, кум. *suwur-*, тат. *suwyr-*, башк. *huwyr-*, *hur-*, ног. *suwyr-*, каз. *suwyr-*, ккалп. *suwyr-*.

ПТ **jogurgan* 'одеяло': чаг. и ст.-кыпч. *joryan* (Ettuh.), *juryan* (Houts.), *jawurqan* (МА), нуйг. *jo(r)tqan*, кар. К. *joryan*, кар. Т., Г. *juwuryan*, кум. *jowuryan*, балк. *ǰuwuryan*, *ǰūryan*, *žuwuryan*, *zuwuryan*, тат. *juryan*, башк. *juryan*, ног. *jurqan*, *juwyrqan*.

ПТ **jo/ugur- (~-y-)* 'месить': чаг. и ст.-кыпч. *juɣur-* (МА, Houts.), *joɣur-* (АН), узб. *jọɣir-*, нуйг. *žuɣa(r)-*.

****-ugu-***

ПТ **kugu* 'лебедь': чаг. и ст.-кыпч. *quɣu* (Ettuh.), *qu* (Pav.C., АН), узб. *quw*, кар. К. *quɣu*, *qoɣu*, *quw*, кум. *quw*, *qū*, балк. *quw*, тат. *qū*, *qu* (Буд.), Сиб. *quɣyj*, ног. *quw*, каз. *quw*, ккалп. *quw* (или из **kuba*).

ПТ **bugu* 'олень': чаг. *buɣu* (Pav.C.), узб. *buɣu*, нуйг. *buɣa*, балк. *bū*.

ПТ **tugur* 'вид шатра; покрышка шатра': чаг. *tuɣur*, *tuɣurluq;* (Pav.C.), каз. *tuwyrluq*, ккалп. *tuwyrluq*.

ПТ **ugut* 'закваска': *uɣut* (МК), каз. *uwyt*.

ПТ **ug-ur-*, **ug-ra-* 'встречать, направляться к; намереваться; случай, причина, раз': чаг. *oɣur* (Р), *uɣra-* (Бор.Бад.), узб. *ūr* (диал.), кар. К. *oɣur*, *oɣyr*, *oɣra-*, кум. *oɣur*, балк. *oɣur*, ног. *oɣyr*. Сохранение *-ɣ-* в кыпч., видимо, следствие культурного (заимствованного) характера слова.

-egV-

ПТ **kegej* 'спица колеса': чаг. *kegäj* (Vám.), узб. *kegaj*, нуйг. *gügä*, кум.

gegej, балк. *kegej*, тат. *kigi*, *kigäj*, ног. *kegej*, каз. *kegej*, ккалп. *kegej*. Диссимилятивное развитие?

ПТ **jegen* 'племянник': чаг. *jeken*, *jegen* (Р), узб. *ǰijan*, нуйг. *ǰijän*, тат. (Буд.) *ǰijän*, башк. *jejän*, ног. *jijen*, каз. *žijen*, ккалп. *žijen*.

ПТ **jegit/*jigit* 'юноша, храбрец': ст.-кыпч. *jigit* (АН, Ettuh.), узб. *jigit*, нуйг. *žigit*, кар. К., Т., Г. *jigit*, кар. Т. *īgit*, кар. Т., Г. *igit*, кум. *jigit*, *igit*, балк. *ǰigit*, *zigit*, тат. *jeget*, башк. *jeget*, ног. *jigit*, каз. *žigit*, ккалп. *žigit*. Диссимилятивное развитие?

ПТ **degiŋ* 'белка': чаг. *tejin* (Sangl.), узб. *tijin* 'мышь-соня', нуйг. *tijin*, тат. *tijen*, башк. *tejen*, каз. *tijin*, *tyjyn*.

ПТ **egin* 'плечо': чаг. *egin* (Абуш., Pav.C.), *in* (Pav.C.) 'спина', узб. *egin*, кар. Т. *īn*, кар. Т., Г. *in*, тат. *iŋ-baš*, башк. *iŋ-baš*, ног. *ijin*, каз. *ǐǰǐn*, ккалп. *ijin*.

ПТ **egir-* 'крутить, прясть': чаг. *egir-* (Pav.C.), узб. *jigir-*, нуйг. *egär-*, кар. (Т., Г.) *ijir-*, кум. *ijir-*, балк. *ijir-*, тат. *ir-* (диал.), ног. *ijir-*, каз. *ijir-*, ккалп. *ijir-*.

ПТ **s[e]göl (/*sögil)* 'бородавка': чаг. *sigil*, *sükül*, *süjäl* (Pav.C.), узб. *soǧal*, нуйг. *sögäl*, кар. К. *süwel*, кум. *süjel*, тат. *söjäl*, башк. *höjäl*, ног. *šüjel*, каз. *süjel*, ккалп. *šüjel*.

ПТ **següt* 'ива': чаг. *sügüd* (Pav.C.), узб. *soǧat*, нуйг. *sögät*.

-igi-

ПТ **čigit/*čygyt (~-k-)* 'хлопковое семя, семена': чаг. *čigit* (Sangl., Pav.C); *čyɣyt* 'прыщики на лице беременной женщины' (Pav.C.), узб. *čigit*, каз. *šijit*, ккалп. *šigit*.

ПТ **jigirme* 'двадцать': узб. *jigirma*, уйг. *žigi(r)mä*, кар. К. *jigirmi*, кар. Т. *igirme*, кар. Т., Г. *egirmi*, кум. *jigirma*, балк. *zyjyrma*, тат. *jegerme*, башк. *jegerme*, ног. *jyrma*, каз., ккалп. *žyjyrma*,кирг. *ǯyjyrma*. Нерегулярности в развитии гласных и согласных связаны с контаминациями с **ekki* 'два'. Возможно также диссимилятивное развитие.

-öge-

ПТ **bög-en* 'фаланга, тарантул': чаг. *bew* (Sangl.), узб. *bij*, кар. К. *bij*, кум. *mija*, тат. *böje*, башк. *böjö*, ног. *bij*, каз. *büji*, ккалп. *mij*.

ПТ **bögen* 'толстая кишка': башк. *böjän*, ккалп. *büjen*.

ПТ **ög-ej* 'неродной; приемный родственник (пасынок, мачеха)': чаг. *ögej* (Pav.C.), узб. *ogaj*, нуйг. *ögäj*, кар. К. *ögej*, (Г.) *egej*, кум. *ögej*, балк. *ögej*, тат. *ügi*, башк. *ügäj*, ног. *ögej*, каз. *ögej*, ккалп. *ögej*. Диссимилятивное развитие?

-ögü-

ПТ **bögür*, **bögrek* 'почки': чаг. *bögrek* (Pav.C.), узб. *bujrak*, нуйг. *böräk*, кар. К. *bögrek*, кар. Г. *bivrek*, кар. Т. *büwrek*, кум. *büjrek*, балк. *börek*, тат. *böjer*, *böjeräk*, башк. *böjör*, ног. *büjrek*, каз. *büjir*, *büjrek*, ккалп. *büjir*, *büjrek*.

ПТ **ögür* 'стадо, стая; домашний; сотоварищ': чаг. *ögür* (Sangl.), узб. *ujur*, кум. *üjür* 'присоединенный', балк. *üjür* 'семья', тат. *öjer*, башк. *öjör*, ног. *üjir*, каз. *üjir*, ккалп. *üjir*.

-üge-

ПТ **jü(j)gen* 'уздечка': чаг. *ujan* (Pav.C.), узб. *jugan*, нуйг. *žügän*, кар. К.

jügen, кум. *jügen*, балк. *ǯügen*, тат. *jögän*, башк. *jügän*, ног. *jüwen*, каз. *žügen*, ккалп. *ǯüwen*.

-ügü-

ПТ **jügür-* ‘спешить, бежать’: чаг. *jügür-* (Houts., MA, AH), *jüwür-* (Ettuh.), узб. *jugur-*, нуйг. *žügä(r)-*, кар. К., Т., Г. *juwur-*, кар. К. *ǯuwur-*, тат. *jöger-*, башк. *jüger-*, ног. *juwyr-*, каз. *žügir-*, ккалп. *žügir-*, *žuwyr-*. Колебания вследствие контаминации двух корней. Диссимилятивное развитие?

Рефлексы звонкого губного

В целом во всех позициях фрикативное *v* переходит в губно-губное *w* (что не затрагивает фонологического статуса этого сегмента, поскольку фрикативная пара к нему в системах отсутствует), которое в центральных кыпчакских и в новоуйгурском языках вызывает огубление соседних гласных, как широких, так и узких; в узбекском и частично караимском лабиализуются только узкие гласные. После этого в окружении гласных переднего ряда *w* переходил в *j*.

а) Конечнослоговая позиция (**-b#*):

ПТ **āb* ‘охота’: ср.-тюрк. *aw* (Pav.C.), узб. *ɔw*, нуйг. *o*, кар. К., Т., Г. *aw*, кум. *(h)aw*, балк. *uw*, тат. *aw*, башк. *aw*, ног. *aw*, каз. *aw*.

ПТ **sāb* ‘слово, речь’: ср.-тюрк. *sav* (AH, Pav.C.), узб. *sɔw-čy*, кар. К. *suwču*, *sučy*, *sujčy*, *sučy*, тат.диал. *sāwcy* Тум.ЗС, 189.

ПТ **jāb-čy* ‘сват’: ср.-тюрк. *javčy* (Pav.C.), узб. *ǯɔwči*, диал. *ǯawčy*, кар. Г. *jawcy* ‘солдат’, тат. *jawčy*, башк. *jawsy*, ног. *jawšy*, каз. *ǯawšy*, ккалп. *ǯawšy*.

ПТ **kiab* ‘древесный гриб; сухая трава’: ср.-тюрк. *qov* (Ettuh.), *qav* (AH, Houts.), узб. *qɔw*, кум. *quw*, тат. *kuw*, (диал.) *kaw*, башк. *qyw*, *ног. quw*, каз. *quw*.

ПТ **sab-* ‘кончаться, останавливаться; избавляться’: ср.-тюрк. *sav-* (AH, Pav.C.), узб. диал. *sɔw-*, *sū-*, *sɔwul-*, *suwul-*, кар. К. *sawuš-*, *sawyš-*, тат. *saw-dyr-*.

ПТ **jabλan* ‘полынь’: ср.-тюрк. *jawšan*, узб. *jɔwšan*, *jušan*, кум. *juwšan*, тат. *jawšan*, башк. *jušan*, ног. *juwsan*, каз. *žuwsan*, ккалп. *žuwsan*.

ПТ **sab-* ‘подарок, угощение’: ср.-тюрк. *sauγat* (P), *sajγat* (CCum.), узб. *sɔwγa*, нуйг. *soγa*, кар. (крым.) *sawγa*, кум. *sawγat*, балк. *sawγa*, тат. *sawym*, *sawyn* (диал.), ног. *sawγa*, каз. *sawγa*.

ПТ **kabga* ‘ведро’: ср.-тюрк. *qova* (AH), *qopqa* (Pav.C., Бор.Бад., Абуш.), узб. *qɔwγa*, кар. К. *qowa*, *qopqa*, ног. *qawγa*, каз. *qawγa*, ккалп. *qawγa*, *γawγa*[31].

ПТ **gēb-* ‘жевать’: ср.-тюрк. *keviš* ‘жвачка’ (MA, Pav.C.), узб. *kawša-*, нуйг. *köšü-*, кар. К. *kövše-n-*, кум. *güjše-*, тат. *küšä-*, башк. *köjšä-*, ног. *küjze-*, каз. *küjjis* ‘жвачка’, ккалп. *güjse-*.

ПТ **seb-* ‘любить’: ср.-тюрк. *sev-* (IM, Pav.C.), узб. *sev-*, *sev-in-*, *soj-in-*, нуйг. *söj-*, кар. К. *sew-*, *süw-*, *süj-*, кар. Г. *siw-*, кар. Т. *süw-*, кум. *süj-*, ног. *süj-*, ккалп. *süj-*, тат. *söj-*, башк. *höj-*, балк. *süj-*.

ПТ **sebrük* ‘севрюга’: кум. *süjrük*, тат.диал. *söjrök*, ног. *süjrik*.

---

[31] Колебания между кыпчако-карлукской и огузской (см. ниже) праформами могут объясняться контаминацией двух корней, см. ЭСТЯ 2000, 13.

ПТ *ge/öb-re- 'слабеть, становиться хрупким; хрупкий': узб. *kuwrak* (контаминация корней, ср. ниже), тат.диал. *köjrök* (КСТТ), башк. *käwert* 'дерево, сгнившее изнутри', каз. *küjrek*, кирг. *küjrö-*.
ПТ **kebrič* 'ясень': кум. *güjrüč*, балк. *küjrüč*, тат. *qoryč-ayač*, башк. *qorosayas*, ног. *küjriš*. Тат., башк., возможно, булгаризмы.
ПТ **eb* 'дом': ср.-тюрк. *öj* (Pav.C., Бор.Бад.), узб. *uj*, нуйг. *öj*, кар. К. *üj*, *ew*, кар. Т. *üw*, *üj*, *jüw*, кар. Г. *iw*, *jiw*, кум. *üj*, балк. *üj*, тат. *öj*, башк. *öj*, ног. *üj*, каз. *üj*, ккалп. *üj*. В узб. кыпчакизм?
ПТ **teb* 'время; сутки': ср.-тюрк. *tewlük*, узб. *tevlik*, тат. *täwläk*, *täwge* 'первый' (книжн.), башк. *täw* 'сначала', *täwlək*, каз. *tevlük*, ккалп. *tevlik*. (В кыпч. языках возможно литературное заимствование.)

Перед шумным звонким:
ПТ **kebře* 'лопатка': ср.-тюрк. *kebze* 'плечо' (Sangl.), тат. *käwsä* 'ствол дерева', башк. *käwδä* 'тело', каз. *kebze*, *köwzö* (P), ккалп. *kebze* 'грудь'.
ПТ **göbde* > **gebde* 'верхняя часть тела': узб. *gawda*, кар. К. *göwde*, *göde*, кар. Т., Г. *gewde*, тат. *gäwdä*, ног. *kewde*, каз. *kewde*, ккалп. *gewde*, *kewde*.
ПТ **syb* 'вода': ср.-тюрк. *su* (AH, Pav.C.), узб. *suw*, нуйг. *su*, кар. К. *suj*, кар. К., Т., Г. *suw*, кум. *suw*, балк. *sū*, тат. *su*, башк. *hyw*, ног. *suw*, каз. *suw*, ккалп. *suw*.
ПТ **jib* 'шов; шить': тат. *ǰöj*, *ǰöj-*, башк. *jöj*, *jöj-*, ккалп. *jüj*.
ПТ **čib* 'гвоздь, колышек, чека': узб. *čuw*, нуйг. *čivilän* 'задняя подпруга', кар. К. *čüj*, *čivij*, кар. Т. *čüw*, кум. *čüj*, балк. *čüj*, тат. *čöj*, башк. *söj*, ног. *šüj*, ккалп. *šüj*.
ПТ **sīb-ri* 'острый, конический': кар. К. *sivri*, *süvrü*, каз. *süjir*, ккалп. *süjri*, *süjir*.
ПТ **sub-luk (*syb-luk)* 'удила': ср.-тюрк. *suluq* (Pav.C.), узб. *suluq*, *suwliq*, тат. *sywlyq* (диал.), ног. *suwlyq*, каз. *suwlyq*, ккалп. *suwlyq*.
ПТ **ju(b)-* 'мыть; купаться, плавать': ср.-тюрк. *ju-* (Pav.C., AH, Ettuh.), узб. *juw-*, нуйг. *žuj-*, кар. К., Т., Г. *juw-*, кум. *ǰuw-*, балк. *ǰuw-*, *žuw-*, *zuw-*; *žūn-*, тат. *juw-čy*, башк. *jyw-*, ног. *juw-*, каз. *žuw-*, ккалп. *žuw-*.
ПТ **jubka* 'тонкий': ср.-тюрк. *jufqa* (AH), *juqa* (Ettuh.), узб. *jupqa*, нуйг. *župqa*, кар. Г. *juwya*, кар. К. *jufqa*, кум. *juqqa*, балк. *žuqa*, тат. *juqa*, башк. *joqa*, ног. *juqa*, каз. *žuqa*, ккалп. *žǔqa*.
ПТ **kob-* 'преследовать, гнаться': ср.-тюрк. *qov-* (AH), *qaw-* (Бор.Бад.), узб. *quw-*, кар. К., Т., Г. *quw-*, кум. *quw-*, балк. *quw-*, тат. *quw-*, башк. *qyw-*, ног. *quw-*, каз. *quw-*, ккалп. *quw-*.
ПТ **ob-* 'давить, крошить, молоть, измельчать': [узб. *uwaq*, нуйг. *uga-*, *uva-*], кар. Т. *uw-*, кум. *uw-*, балк. *uw-*, тат. *u-dyr-*, башк. *yw-*.

б) Интервокальная позиция:
-aba-
ПТ **saba-* 'бить, драться': ср.-тюрк. *savaš-* (Houts., Ettuh.), узб. *sawa-la-š-*, кар. *savaš-*.
ПТ **jabaλ* 'мягкий, нежный; тихий, медленный': ср.-тюрк. *javaš* (AH, Ettuh.),

узб. *jɔwwɔš, juwɔš*, нуйг. *juvaš, jugač*[32], кар. К. *javaš*, кар. Г. *juvas*, кум. *javaš, juvaš*, балк. *žuwaš*, тат. *juwaš*, башк. *jywaš*, ног. *juwas*, каз. *žuwas*.

ПТ **dabar* 'товар, имущество, скот': ср.-тюрк. *tavar* (Pav.C.), узб. *tɔwar*, нуйг. *tovar*, кар. К., Т., Г. *tuwar*, кум. *tuwar*, балк. *tuwar*, тат. *tuwar*, башк. *tawar*, ккалп. *tawar*. Башк. и ккалп., возможно, литературные или русские заимствования.

ПТ **jaba* 'вид лука': ср.-тюрк. *jawa* (Houts.), тат. *juwa*, башк. *jywa*, ног. *juwa*, каз. *žuwa*, ккалп. *žuwa*.

ПТ **k(i)abak* 'перхоть': ср.-тюрк. *qavaq* (CCum.), нуйг. *qavaq* 'шелуха' (диал.), [тат. *kawyk*], башк. *qawaq*. Нерегулярность рефлексов обусловлена контаминацией нескольких корней (ср. ЭСТЯ 1997, 160, 178; ЭСТЯ 2000, 7–8).

ПТ **kybak/*kabak* 'белый тополь, ива': ср.-тюрк. *qawaq* (Houts.), [уйг. *qapaq*] тат. *quwaq*, башк. *qywaq*.

-ebe-

ПТ **debe* 'верблюд': ср.-тюрк. *deve* (Pav.C.), *teve* (Абуш., Pav.C.), узб. *tuja*, нуйг. *tögä*, кар. К. *tüje, deve*, кар. Т., Г. *tewe*, кум. *tüje*, балк. *tüje*, тат. *döjä*, башк. *döjä*, ног. *tüje*, каз. *tüje*, ккалп. *tüje*.

ПТ **gebre-* 'дохнуть (о животных)': кар. К. *geber-*, кар. К., Г. *jeber-*. Скорее, вторичная вставка гласного.

-aby-

ПТ **(i)aby-* 'радоваться, быть счастливым; утешать, успокаивать': ср.-тюрк. *awut-, awun-* 'успокаиваться' (Sangl.), узб. *ɔvun-, ɔvut-*, кар. К. *avun-*, кар. К., Т., Г. *uvun-* 'утешаться'.

ПТ **jab-yz* 'плохой, грубый': ср.-тюрк. *javuz* (Ettuh., АН), узб. *jɔwuz*, нуйг. *javuz*, кар. Г. *jowuz*, кар. Т., Г. *juwuz*, тат. *jawyz*, башк. *jawyδ*, каз. *žawyz*, ккалп. *žawyz*.

ПТ **kab-yz* 'кора; скорлупа; шелуха; отруби, мякина': узб. *qɔvuz*, нуйг. *qovzaq*, кар. К. *qawuz* 'перхоть', ног. *qavyz*, каз. *qavyz*, ккалп. *qavyz*.

ПТ **kab-yš-* 'собираться': ср.-тюрк. *qavuš-* (Qutb, Бор.Бад.), узб. *qɔwuš-*, нуйг. (диал.) *qavuš-*, кар. К. *qawuš-*, тат. *qawyš-*, башк. *qawyš-*, ног. *qawyš-*, каз. *qawys-*, ккалп. *qawys-*.

ПТ **sabyt* 'посуда, сосуд; орудие, инструмент': чаг. *sawut, saut* (Р), *saqyt* (МА), узб. *sɔwut*, нуйг. *sawut*, кар. К., Т., Г. *sawut*, (К.) *sayyt*, кум. *sawut*, балк. *sawut*, тат. *sawyt*, башк. *hawyt*, ног. *sawyt*, каз. *sawyt*, ккалп. *sawyt*.

С дополнительным стяжением в трехсложном слове: ПТ **tabylγan* 'заяц': ср.-тюрк. *tawušqan* (Sangl., Абуш.), узб. *tɔšqan*, нуйг. *tošqan*, кар. К. *tawšan*, кар. Г. *dawsan*, кум. *tawšan*, ног. *tawšan*, ккалп. *tawšan*.

Рефлексы ПТ **d(i)abylku* 'таволга': ср.-тюрк. *tabulγu, tubulγu* (Pav.C.)

---

[32] *-g-* велярное (не меняющее велярность на увулярность в заднерядном слове) в новоуйгурском литературном выступает, по-видимому, как возможная фонетическая реализация интервокального *-j-*, ср. *uga* 'гнездо' < **uja*, *kigiz* 'войлок' < **kijiz* < **kediz* и мн. др. Ср. также *ugak* 'мелкий', *jugač* 'мягкий', *tögä* 'верблюд', *čögül-* 'крутиться', *suga-* 'мазать'.

'дерево с красной корой и гибкими ветками', кум. *toburγu*, тат. *tubylγy*, башк. *tubylγy*, каз. *tobylγy* – возможно, отражают влияние монголизма.

***-ebi-**

ПТ **čebir-* 'крутить, поворачивать': ср.-тюрк. *čewür-* (Sangl.), нуйг. *čögül-*, кар. Г. *civir-*, кар. К. *čevir-*, кум. *čüjür-* 'заворачивать', балк. *čüjür-* 'делать складки', ног. *šüjir-* 'запускать юлу'.

ПТ **jębi-š* 'мокрый': узб. *ivi-*, нуйг. *ivi-*, *iviš*, кар. Т. *jüwüš*, кар. Г. *jüwüs*, *jiwis*, кум. *jibi-*, тат. *jüješ*, *ǯebe-*, башк. *jeveš*, *jebe-*, каз. *žibi-*, ккалп. *žibi-*. NB: глагол отражает, по-видимому, другой корень, **jęp-*, частично контаминированный с данным.

ПТ **ebir-* 'поворачивать': ср.-тюрк. *evir-*, *iber-* (Абуш., Pav.C.), узб. *iwir-si-*, *öwür-* (диал.), тат. *öjer-*, башк. *äwer-*, *öjör-*, каз. *üǰr-*.

ПТ **kebiǐ* 'ковер': ср.-тюрк. *kebiz* (MA), *köwüz* (хрзм.-т.), *köwüz* (CCum.), *kevüz* (АН), кум. *gujuz* (диал.), балк. *küjüz*, башк. диал. *köjöδ*, ног. *küjiz*.

***-abu-**

ПТ **čabuλ(č)* 'военный командир': ср.-тюрк. *čawuš* (Sangl.), кар. К. *čawuš* 'старший рабочий', кум. *čawuš* 'вестник'.

ПТ **sabur-* 'веять, рассеивать, разбрасывать': ср.-тюрк. *savur-* (Pav.C.), узб. *sɔwur-*, нуйг. *sori-*, кар. К., Т. *sawur-*, кум. *suwur-*, балк. *suwur-*, тат.диал. *suwyr-*, *sywyr-*, ног. *suwyr-*, каз. *suwyr-*, ккалп. *suwyr-*.

ПТ **kabuk* 'мочевой пузырь': ср.-тюрк. *qavuq* (АН, MA), узб. *qɔwuq*, нуйг. *qowuq*, балк. *quwuq*, тат. *quwyq*, башк. *qywyq*, ног. *quwyq*, каз. *quwyq*.

ПТ **ăburt* 'полость рта': ср.-тюрк. *awurt* (Sangl.), *oγurt*, *owurt* (Houts., Ettuh.), узб. *urt* (диал.), кум. *uvurt*, балк. *uwurt*, тат. *urt*, башк. *urt*, ног. *uwyrt*, каз. *urt*, ккалп. *urt*.

ПТ **ąbuč* 'пригоршня': ср.-тюрк. *avuč* (MA, Sangl., Бор.Бад.), узб. *xɔwuč*, нуйг. *oč*, кар. К. *avuč*, кар. Т., Г. *uvuč*, кар. Г. *uvuc*, кум. *uvuč*, балк. *uwuč*, тат. *uč*, башк. *us*, ног. *uvys*, каз. *uwys*, ккалп. *uwys*.

ПТ **dabul* 'буря, сильный ветер': ср.-тюрк. *dawul* (Pav.C.), кар. К. *dawul*, кар. К., Т., Г. *tawul*, тат. *dawyl*, башк. *dawyl*, ног. *dawyl*, каз. *dawyl*, ккалп. *dawyl*. Отклонение рефлексов связано с заимствованным характером слова (ср. также начальный звонкий).

***-ebü-**

ПТ **ebür(d)ek* 'утка': ср.-тюрк. *evrek*, *evek* (Qutb), узб. *ǫrdak*, нуйг. *ö(r)däk*, кар. Т. *ördek*, кар. Г. *erdek*, кум. *ördek* (диал.), тат. *ürdäk*, башк. *öjräk*, каз. *üjrek*, ккалп. *üjrek*, *ördek* (< турк.).

ПТ **kebü-z-* 'шелушить': ср.-тюрк. *kevük* (АН), узб. *kõzɛ-* (диал.), тат. *küzä-*, башк. *kewek*, *küδä-*. Оба случая демонстрируют вторичные стяжения в трехсложных основах.

***-yba-**

ПТ **syba-* 'мазать': ср.-тюрк. *suwa-* (Ettuh.), узб. *suwa-*, нуйг. *suwa-*, *suga-*.

ПТ **kyb-a-n-* 'быть счастливым, радоваться, предаваться удовольствиям': ср.-тюрк. *quvan-* (Бор.Бад.), узб. *quwɔn-*, кар. К., Т., Г. *quwan-*, кум. *quwan-*,

балк. *quwan-*, тат. *kuwan-*, башк. *qywan-*, ног. *quwan-*, каз. *quwan-*, ккалп. *quwan-*.

-ibe-

ПТ **kiben-te* 'коромысло': тат. *köjäntä*, башк. *köjäntä*, ног. *küjen*, каз. *küjeŋte*.

-ybu-

ПТ **sybuλgan* 'червь, дождевой червь': ср.-тюрк. *soγulǯan* (AH, Pav.C.), *solunǯan* (AH), узб. *čuvalčaŋ*, [нуйг. *čuvalčaŋ*], кар. К. *suvalčan*, кар. Г. *swalcan*, кум. *suvalčan*, балк. *suvalčan*, тат. *suvalčan*, башк. *seläwsen*, ног. *šylawšan*. Основа явно подвергалась многочисленным перестройкам контаминационного характера.

-oba-

ПТ **koba-k* 'пустой, полый': ср.-тюрк. *qovuq* (AH), нуйг. *quwaq* (диал.).

ПТ **oba* 'впадина, долина': узб. *uwa*.

ПТ **ob-ak* 'мелкий': узб. *uwaq*, нуйг. *ugaq*, *uwaq*, кар. Т. *uwax*, кум. *uwaq*, тат. *waq*, башк. *waq*.

-obu-

ПТ **obu-ra-/*obu-n-* 'изнашиваться, уставать, разрушиться': тат. *uwa-l-*.

ПТ **o(by)l-duruk* 'молоки, икра': чаг. *oγulduruk* (P), узб. *ɔvuldyryq* (диал.), тат. *uwyldyk*, башк. *ywyldyryq* (диал.), каз. *ulduruk*, *üldürük*.

-uba-

ПТ **kuba/*koba* 'желтоватый, сероватый': узб. *quw*, кум. *quw*, тат. *quwa*, *qyw* (диал.), ног. *quw*, каз. *quw*, ккалп. *quw*.

ПТ **čubar* 'пестрый': тат. *čuwar*.

ПТ **juba-* 'утешаться, забавляться; утешать, развлекать': ср.-тюрк. *ǰuwat-* (P), узб. *juwan-* (диал.), кар. Г. *jubat-*, *juban-*, кар. Т. *juwat-*, *juwut-*, тат. *juwan-*, башк. *jywan-*.

-ube-

ПТ **gübeč* 'сковородка; глиняный горшок': узб. *kövăš* (диал.).

ПТ **gübe-* 'быть гордым, надменным; надеяться; гордый': ср.-тюрк. *küven-* (Sangl.), ног. *küjez*, башк. *köjäδ*.

-uby-

ПТ **ubyg* 'жерди, поддерживающие верхний край юрты': ср.-тюрк. *uγ* (Pav.C.), узб. *ūγ* (диал.), нуйг. *oq* (диал.), каз. *ŭwyq*, ккалп. *uwyq* (в каз. и ккалп., по-видимому, диссимилятивное развитие вместо **uwyw*).

-ubu-

ПТ **ubut* 'стыд': нуйг. диал. *uvat*, *ubat*.

ПТ **jubut-* 'глотать': ср.-тюрк. *jout* (CCum.), узб. *jut-*, нуйг. *žut-*, кар. К., Т., Г. *jut-*, кум. *jut-*, балк. *ǰut-*, тат. *jot-*, башк. *jot-*, ног. *jut-*, каз. *žut-*, ккалп. *žut-*.

Огузские языки

Сведения по фонемному и аллофоническому составу консонантных фонологических систем огузских языков см. в СИГТЯ 2002, 44–84.

Рефлексы звонкого гуттурального

Характерной особенностью его развития в огузских языках является переход в *w* или *v* исключительно в лабиализующих контекстах, т.е. при наличии в окрестности огубленных гласных. В большинстве позиций он сохраняется как фрикативный гуттуральный (полностью отсутствует дефрикативизация в переднерядном вокалическом окружении!) либо переходит в гортанную смычку (в западной турецкой норме) и выпадает. В палатализующих контекстах может переходить в *j*.

а) Конечнослоговая позиция (**-g#*):

-āg

ПТ **jāg* 'жир, масло; сало': др.-тюрк. *jaγ* (др.-уйг.), *jaγ* (МК), тур. *jaγ*, гаг. *jā*, аз. *jaγ*, турк. *jāγ*, сал. *jaγ*, хал. *jāγ*.

ПТ **dāg* 'гора': др.-тюрк. *taγ* (рунич., др.-уйг.), *taγ* (МК, QB), тур. *daγ*, гаг. *dā*, аз. *daγ*, турк. *dāG*, сал. *dāγ*, хал. *tāγ*.

ПТ **āg* 'сеть': др.-тюрк. *aγ* (QB, IM), тур. *aγ*, *av*, аз. *aγ*, турк. *āq* (диал.).

ПТ **iāg-*, **iāg-na-* 'падать, опрокидываться, свешиваться; перелезать; валяться, перекатываться; ронять, опрокидывать': др.-тюрк. *aγna-* (др.-уйг.), *aγna-* (МК, QB), тур. *aγ-*, *aγdyr-*, *aγyn-*, аз. *aγna-*, турк. *āγ-*, *āγ-dar-*, *āγyna-*, хал. *hāγa*, *hɔ̄γa* 'зад; сзади'.

ПТ **(i)āg-* 'подниматься': др.-тюрк. *aγ-* (Ен., др.-уйг.), *aγ-tur-* caus. (рунич.), *aγ-* (МК, QB), гаг. *ā-* 'испаряться', турк. *āγ-* 'разливаться'.

-ag

ПТ **(i)ag* 'промежуток между ногами; клин между штанинами': др.-тюрк. *aγ* (др.-уйг.), *aγ* (МК), гаг. *ā*, аз. *aγ* (диал.).

ПТ **jag-* 'идти (о дожде); дождь': др.-тюрк. *jaγ-* (рунич.), *jaγmur* (др.-уйг.), *jaγ-* (МК, QB), тур. *jā-*, *jāmur*, гаг. *jā-*, *jāmur*, аз. *jaγ-*, *jaγmur*, *jaγyš*, *jaγyn*, турк. *jaγ-*, *jaγmyr*, *jaγyš*, *jaγyn*, сал. *jaγ-*, *jaγmur*, хал. *jaγ-*.

ПТ **sag* 'здоровый': др.-тюрк. *saγ* (др.-уйг.), *saγ* (МК), тур. *saγ*, *sā*, гаг. *sā*, аз. *saγ*, турк. *saγ*, сал. *sax* 'правильный', хал. *sāγ*.

ПТ **aglak* 'незаселенное место; безработный, лишенный службы; поле, степь': др.-тюрк. *aγlaq* (др.-уйг. будд.), *aγlaq* (МК), *aγla-ju* (МК; от глаг. **aγla-* 'быть пустынным'), *aγla-t-* (МК) 'отсылать, прогонять (людей)', тур. *aylak; aγlak* (диал.), гаг. *ajlak*, *hajlak* (контаминация с **ajla-* 'крутиться'?).

ПТ **sagry* 'кожа с крупа, шагрень; круп лошади': др.-тюрк. *saγry* (МК), тур. *sāry*, *saγry*.

ПТ **jaglyk* 'платок': тур. *jaγlyk*, аз. *jajlyG*, турк. *jaγlyq*, диал. *jālyq*, гаг. *jālyq*.

ПТ **sag-* 'доить': др.-тюрк. *saγ-* (др.-уйг.), *saγ-* (МК), тур. *sā-*, диал. *saγ-*, гаг. *sā-*, аз. *saγ-*, турк. *saγ-*, сал. *sax-*, хал. *sa:γ-*.

-eg-

ПТ **jeg* 'лучше, лучший; верх, вершина': др.-тюрк. *jeg* (рунич., др.-уйг.), *jeg* (МК), тур. *jeγ*, *jej*, аз. *jeγ* (диал.), турк. *jeγ*.

ПТ **deg-* 'стоить, быть достойным; цена; изменять(ся), обмениваться': др.-тюрк. *teg-im*, *teg-im-lig*, *teg-ir* (др.-уйг.), *teg-š-il-*, *teg-š-ür-* (др.-уйг.), *teg-*

(МК – ДТС), *teg-ir* (МК), *teg-iš* (QB), ‘данный взамен’ (МК), *teg-š-üt* ‘разменная цена’ (МК), *teg-š-ür-ül-* (QB), тур. *deɣ-*, *dejer*, *deɣ-im* (диал.), *dejiš*, *dejiš-*, гаг. *dīš-*, *dīš-*, аз. *däjär*, *däjiš-*, турк. *deɣ-*, *deɣiš-*.

ПТ **dęg-* ‘дотрагиваться, достигать’: др.-тюрк. *teg-* (рунич., др.-уйг.), *teg-* (МК, QB), тур. *dej-*, гаг. *di-*, аз. *däj-*, турк. *deɣ-*, хал. *täj-*.

ПТ **eg-* ‘гнуть’: др.-тюрк. *eg-* (др.-уйг.), *eg-* (МК), турк. *eɣ-*, хал. *äy-*, *äyri*.

ПТ **jegre-n* ‘рыжий (о масти лошади); олень, джейран, антилопа’: др.-тюрк. *jegren* (рунич.), тур. *ǰeran*, *ǰeren* (DS), турк. *jeɣren*, *jerɣen*, диал. *ǰeren*.

ПТ **eg-dü* ‘кривой нож’: др.-тюрк. *egdü* (др.-уйг.), *egdü* (МК), тур. *eɣdi* (диал.), турк. *eɣdi*.

ПТ **[j]egleg* ‘аист’: тур. *leglek*, аз. *läjläk*.

****-yg-***

ПТ **ajg- > *jȳg-(la-)* ‘плакать’: *yɣ-la-* (др.-уйг.), *yɣla-*, *jyɣla-* (МК), *jyɣla-* (QB), турк. *āɣ-la-*

ПТ **čyg (~-ȳ-)* ‘тростник, чий; изделия, плетенные из чия (тростника)’: *čyɣ* (др.-уйг.), *čyɣ* (МК) ‘тростниковый экран’, тур. *čyɣ*, *čiɣ* ‘тростниковая ширма’.

ПТ **čyg-* ‘увязывать (тюк, сверток); шить (мелкими стежками), подшивать; узел’: *čyɣ-*, тур. *čyky*, *čykyn*, гаг. *čyky*, турк. *čiɣ-*, *čiɣin*, хал. *(tīnu) čyqyn* ‘барахло’. Формы типа *čyk-*, скорее всего, представляют собой стяжение суффиксальной формы **čygy-k-*.

ПТ **jyg-* ‘собирать’: др.-тюрк. *jyg-* (рунич., др.-уйг.), *jyɣ-* (МК), тур. *jyɣ-*, гаг. *jyv-*, аз. *jyɣ-*, турк. *jyɣ-*,сал. *jiɣ-*.

ПТ **syg* ‘мелкий’: др.-тюрк. *syq (syɣ)* (др.-уйг.), *sȳ*, *syq* (МК), тур. *syɣ*.

ПТ **syg-* ‘вмещаться’: др.-тюрк. *syɣ-* (др.-уйг.), *syɣ-* (МК), тур. *syɣ-*, *sȳ-*, гаг. *sȳ-*, аз. *syɣ-*, турк. *syɣ-*, сал. *syx-*.

****-ig-***

ПТ **(j)igne* ‘игла’: др.-тюрк. *jiŋne* (др.-уйг.), *jigne* (МК), тур. *ijne*, гаг. *īnä*, аз. *ijnä*, турк. *iɣne*, *iŋne*, хал. *īnä* (< аз.).

ПТ **īg* ‘болезнь’: др.-тюрк. *ig* (др.-уйг.), *ig* (МК, QB, Tfs), тур. *iɣžil*, турк. *īɣli* ‘рахитик’.

ПТ **jigren- (~-e-)* ‘испытывать отвращение’: др.-тюрк. *jigren-* (МК), тур. *ijren-*, гаг. *īren-*, аз. *ijrän-*, турк. *jiɣren-*.

****-og-***

ПТ **bog-* ‘завязывать; душить; препятствовать’: др.-тюрк. *boɣ-*, *boɣ* (МК), тур. *bō-*, диал. *boɣ*, *boɣa-*, гаг. *bū-*, аз. *boɣ-*, турк. *boɣ-*.

ПТ **kog-* ‘гнать, преследовать’: тур. *koɣ-* (с XVII в.).

ПТ **ogry* ‘вор’: др.-тюрк. *oɣry* (др.-уйг.), *oɣry* (МК), тур. *uɣru*, аз. *oɣru*, турк. *oɣry*, сал. *oɣry*.

ПТ **dogra-* ‘резать ломтиками, кусочками’: др.-тюрк. *toɣra-* (МК), тур. *dōra-*, гаг. *dora-*, аз. *doGra-*, турк. *doɣra-*, хал. *torɣa-*.

ПТ **čōg* ‘жар, тлеющие уголья’: др.-тюрк. *čoɣ* (др.-уйг.), *čoɣ* (МК), турк. *čōɣ*.

ПТ **sogly-* ‘тяжело дышать, задыхаться’: тур. *solu-*, гаг. *solu-*.

****-ög-***

ПТ **ög-* ‘хвалить; радоваться’: др.-тюрк. *ög-* (рунич., др.-уйг.), *ögir* (др.-уйг.), *ög-* (МК), тур. *öy-*, *öv-*, турк. *öw-*.

ПТ **dög-* ‘бить, молотить, долбить’: др.-тюрк. *tög-* (МК), тур. *döv-*, гаг. *dū-*, аз. *döj-*, турк. *döw-*.

ПТ **ög-* ‘месить, мять; кашица, похлебка (*давленая)’: др.-тюрк. *ögre (~ü-)* (МК), тур. *öj-*, *öv-* (диал.), турк. *öj-*.

ПТ **ögren-* ‘учиться’: др.-тюрк. *ögren-* (рунич., др.-уйг., МК), тур. *öjren-*, гаг. *jüren-*, аз. *öjren-*, турк. *öwren-*.

ПТ **bögrek* ‘почки’: тур. *böjrek*, *böbrek*, гаг. *bȫrek*, *būrek*, аз. *böjrək*, турк. *bewrek*, *böwrek*.

ПТ **bȫg-ček* ‘насекомое; волк’: др.-тюрк. *bög*, *böj* (МК), *bij* (МК – огуз.), тур. *böy*, *böžek*, гаг. *böžek*, аз. *böv*, турк. *bij*, *mȫžek*.

****-ug-***

ПТ **būg* ‘пар’: др.-тюрк. *bu* (МК, ІМ), тур. *bu* ‘аромат’, *buyu* ‘пар’, гаг. *bū*, аз. *buy*, турк. *būy*.

ПТ **čug* ‘связка; связывать, упаковывать, обматывать’: др.-тюрк. *čuy* (др.-уйг.), *čuy*, *čuy-la-* (МК), тур. (диал.) *čuy*, аз. *čulya-*.

ПТ **bugra* ‘самец верблюда’: др.-тюрк. *buyura* (рунич.), *buyra* (МК), тур. *buyur*, аз. *buyur*, турк. *buyra*.

****-üg-***

ПТ **jüg-* ‘вверх, наверх; подниматься; холм; высокий’: др.-тюрк. *jügerü* (рунич., др.-уйг.), *jükse-* (МК), тур. *jüksel-*, *jüže*, (диал.) *jüy*, *jüžek*, *jüyžek*, *jüvžek*, гаг. *üsel-*, аз. *jüksäl-*, *uža*.

ПТ **düg-* ‘завязывать узлом, делать петлю; пуговица; узел’: др.-тюрк. *tüg-* (др.-уйг.), *tüg-* (МК), тур. *düj-*, гаг. *dü-m-ük*, аз. *düj-*, турк. *düv-*, хал. *tïin*.

ПТ **sügsün* ‘затылок’: др.-тюрк. *süsgün* (др.-уйг.) ‘зад’, тур. *süysün*, *süjsün* (диал.), аз. *süjsün*.

ПТ **süglin* ‘фазан’: др.-тюрк. *süglin*, *süvlin* (МК), тур. *sülün*, турк. *sülyün*.

ПТ **jüg* ‘перо’: др.-тюрк. *jüg* (МК, QB), тур. *jüy*, *jüv* (диал.), ст.-осм. *jüg*.

б) Интервокальная позиция:

****-aga-***

ПТ **dagar(a)* ‘кормушка, мешок’: др.-тюрк. *tayara* (Tfs), тур. *tayar* ‘миска’ (ст.-осм.), *da'ar*, аз. *dayar*, турк. *tayara*, *tayar-čyk*.

ПТ **bagatur* ‘герой’: др.-тюрк. *bayatur* (рунич., имя собств.), турк. *bātyr*.

****-agy-***

ПТ **agyŕ* ‘рот; губа, губы; устье реки, ущелья’: др.-тюрк. *ayyz* (рунич.), *ayyz*, *ayaz* (др.-уйг.), *ayyz* (МК), тур. *ayyz*, гаг. *ās*, аз. *ayyz*, турк. *ayyz*, сал. *ayyz*, хал. *ayyz*.

ПТ **iagyr* ‘тяжелый’: др.-тюрк. *ayyr* (рунич., др.-уйг.), *ayyr* (МК, QB), тур. *ayyr*, гаг. *ār*, аз. *ayyr*, турк. *ayyr*, сал. *ayyr*, хал. *ayïr*.

ПТ **biagyr* 'печень': др.-тюрк. *baγyr* (др.-уйг.), *baγyr* (МК), тур. *baγyr* 'грудь, пазуха', гаг. *bār*, аз. *baγyr*, турк. *baγyr*, сал. *baγyr*.
ПТ **jagy* 'враг, война': др.-тюрк. *jaγy* (рунич., др.-уйг.), *jaγy* (МК), тур. *jaγy*, аз. *jaγy*, турк. *jaγy*, хал. *jaγy*.
ПТ **sakyr̆/*sagyr̆* 'смола, мастика': др.-тюрк. *saγyz*, *saqyz* (МК), тур. *sakyz*, гаг. *sekiz*, аз. *saγyyz*, турк. *saqyz*.
ПТ **jagyr* 'ссадина на спине животного; рана, ссадина на человеческом теле': др.-тюрк. *jaγyr* (МК), тур. *jaγyr*, аз. *jaγyr*, турк. *jaγyr*.
ПТ **jagyr̆* 'бурый': др.-тюрк. *jaγyz* (др.-уйг.), *jaγyz* (МК), тур. *jaγyz*, *ja'yz*, гаг. *jāz*, турк. *jaγyz*.
ПТ **agy* 'сокровище; парча': др.-тюрк. *aγy* (рунич., др.-уйг.), *aγy* (МК, QB), тур. ст.-осм. *aγy*, диал. *aγy*.

Со вторичными стяжениями: ПТ **jagyr*, **jagryn* 'спина, лопатка': тур. *jaγry*, диал. *jaγyr*, *jaγry*, турк. *jaγyrny*, *jaγyryn*, *jaγryn* (диал.).
ПТ **sagysgan* 'сорока': др.-тюрк. *saγyzγan* (МК), тур. *saksaγan*, гаг. *saqsan*, *saqsān*, аз. *saγsaγan*, турк. *saqasγan*, сал. *syxsyγan*.

****-ą̄gu-***

ПТ **ą̄gu* 'яд; мускус, кабарговая струя': др.-тюрк. *aγu* (др.-уйг.), *aγu* (МК), тур. *a'u*, аз. *aγy*, турк. *āwy*.

****-agu-*** > общеогуз. **-avu-*

ПТ **kagur* 'кукла': [др.-тюрк. *qoδurčuq* (МК)], тур.диал. *kurčak*, турк. *Gurǰaq*.
ПТ **kagur-* 'жарить': др.-тюрк. *qaγur-*, *qoγur-*, *qovur-* (МК), тур. *kavur-*, гаг. *kaur-*, аз. *Gowur-*, турк. *Gowur-*.
ПТ **ą̄gur̆* 'молозиво': др.-тюрк. *aγuz* (МК), *oγuz* (Tfs), тур. *aγyz sütü*, *диал. āz*, *aγuz* (формы контаминированы с *aγyz* 'рот'), турк. *owuz*.
ПТ **ją̄gu-* 'приближаться; близкий': др.-тюрк. *jaγu-* (др.-уйг.), *jaγuq* (рунич.), *jaγu-* (МК, QB), *jaγuq* (МК), тур. *javuk*, аз. *jawy-* (диал.), *jovuG*, турк. *jowu-* (диал.), *jowuq*.
ПТ **sagut* 'посуда, сосуд; орудие, инструмент': тур. *savut* 'оружие', турк. *sowut*.
ПТ **tiakygu (/-gu)* 'курица' > огуз. **taguk*: др.-тюрк. *taqyγu* (др.-уйг.), *taqaγu* (МК), тур. *tavuk*, гаг. *tauk*, аз. *tojuG*, турк. *towuk*, сал. *tox*. Аз. рефлекс – к варианту **togyk*? Ср. **sogyk* 'холодный'.

****-agu#***

ПТ **buŕa-gu* 'теленок': др.-тюрк. *buzaγu* (др.-уйг.), *buzaγu* (МК, IM), тур. *buzaγu;* диал. *buza-* 'отелиться', ст.-осм. *buza-la-* 'id.', гаг. *buzā*, аз. *byzow*, турк. *buzaw*, сал. *puzo*, *pūzy*.
ПТ **bukagu* 'путы, цепь, веревка': др.-тюрк. *buqaγu* (др.-уйг.), *buqaγu* (МК), тур. *bukaγy*, гаг. *bukā*, *bykā*, аз. *buxow*, турк. *buqaw*.
ПТ **daja-gu* 'юный, элегантный, утонченный (человек); хороший, приятный; крепкий, здоровый, сильный (о человеке)': др.-тюрк. *tajuq er* (МК), тур. *dajy* (диал.), турк. *dajaw*.
ПТ **kar(a)gu* 'тростник': др.-тюрк. *qarγu* (АН), тур. *karyy*, аз. *Garγy*, турк. *Garγy*, хал. *Garγo*.

-yga-

ПТ **čÿgaŋ* 'бедный; беда, несчастье; грубый, неучтивый': др.-тюрк. *čyγaŋ* (рунич.), *čyγaj* (др.-уйг.), *čyγaj* (МК), *čyγan* (МК – аргу), тур. *čyγaj, čyγan* (диал.).

-ygy-

ПТ **sygyr* 'корова, крупный рогатый скот': др.-тюрк. *syγyr* (МК), тур. *syγyr*, гаг. *sÿr*, аз. *syγyr*, турк. *syγyr*, сал. *syxyr*, хал. *syγyr*.

ПТ **čygyr* 'топтать, утаптывать (землю); утоптанный снег; граница; узкая тропа': др.-тюрк. *čyγru-, čyγyr* (МК), тур. *čyγyr*, турк. *čyγyr*, хал. *čyγyr*.

ПТ **jigi/*jygy* 'густой, плотный': др.-тюрк. *jigi* (др.-уйг.), *jigi* (МК), тур. *jyγy*, турк. *jyγy*.

ПТ **sygyt-* 'плакать, рыдать; плач': др.-тюрк. *syγyt* (рунич.), *syγyt* (МК).

ПТ **sygyrčyk* 'куропатка, рябчик; скворец': др.-тюрк. *syγyrčuq* (МК), тур. *syγyrčyk*, гаг. *sÿržyq*, аз. *syγyrčyn*.

-ygu-

ПТ **sygun* 'олень, марал': др.-тюрк. *syγun* (др.-уйг.), *syγun* (МК), тур. *sy'yn*, аз. *syγyn*, турк. *sūγun*.

-igü#

ПТ **törpi-gü* 'напильник': др.-тюрк. *törpigü* (МК), тур. *törpü*, гаг. *törpü*, аз. *törpü*, турк. *törpi*.

-oga-

ПТ **jogan* 'толстый': др.-тюрк. *joγan* (рунич.), *joγun* (др.-уйг.), *joγun* (МК), тур. *joγun*, аз. *joγun*, турк. *joγȳn*, хал. *joγun*.

ПТ **dogan* 'сокол': др.-тюрк. *toγan* (др.-уйг.), *toγan* (МК), тур. *doγan*, гаг. *duan*.

ПТ **sogan* 'лук': др.-тюрк. *soγun* (др.-уйг.), *soγun* (МК), тур. *soγan*, гаг. *suvan, suan*, аз. *soγan*, турк. *soγan*, сал. *soγan, soγän*, хал. *soγan*.

ПТ **bogaŕ* 'беременная (о животных)': аз. *boγaz* (диал.), турк. *boγaz*, хал. *pɔ̄ºs*.

-ogo-

ПТ **bogoŕ* 'горло': др.-тюрк. *boγuz* (др.-уйг.), *boγzy* (рунич., др.-уйг.), *boγoz* (МК, QB), тур. *boγaz*, гаг. *buaz*, аз. *boγaz*, турк. *boγaz*, хал. *boγaz, boγuz, boγyz*.

-ogy-

ПТ **sogy-k* 'холодный': др.-тюрк. *soγγq* (др.-уйг.), *soγγq* (QB), тур. *soγuk*, гаг. *sūq*, аз. *sojuG*, турк. *sowuq*, сал. *soχ*, хал. *sovuq*[33].

-ogu-

ПТ **kogu-λ, -ŕ* 'полость; пустой, свободный; комната': др.-тюрк. *qoγuš* (МК), тур. *koγuš, kovuš*, аз. *Goγuš*.

ПТ **jog-urt* 'кислое, свернувшееся молоко': др.-тюрк. *joγrot, jurγut, juγrut*

---

[33] Общетюркская праформа должна быть **sogy-k*, см. *СИГТЯ* 1997, *ЭСТЯ* 2003, 272. Рефлексы в других тюркских группах могут восходить и к этой праформе, кроме карлукско-кыпчакских, однозначно указывающих на **sagu-k*, как и чув. *sivə*. Возможно, рефлексы разных алтайских корней? Ср. ПАлт. **s̨iogo* 'холодный' и ПАлт. **sigi* (~ *z-, -c, -o*) 'ливень, метель' EDAL №2173 и №1994.

(др.-уйг.), *juγrut, joγurt* (МК), тур. *joγurt*, гаг. *jūrt*, аз. *joγurD*, турк. *joγurt* (диал.).

ПТ **sogu/ol-* 'высыхать, испаряться, убывать (о жидкостях)': др.-тюрк. *soγul- (suγul-)* (др.-уйг.), *soγul- (suγul-)* (МК), тур. *soγul-*.

ПТ **ogul* 'сын': др.-тюрк. *oγul* (рунич., др.-уйг.), *oγul* (МК), тур. *oγul*, гаг. *ōl*, аз. *oγul*, турк. *oγul*.

ПТ **sogur-* 'вытаскивать, выдергивать': др.-тюрк. *soγur- (suγur-)* (МК) 'жадно глотать', турк. *soγur-*, сал. *soxur-*.

ПТ **bogum* 'сустав': др.-тюрк. *boγγm, boγun* (МК), тур. *boγun, boγum*, турк. *boγun*, сал. *puγum*.

Стяжение в трехсложной основе: ПТ **jogurgan* 'одеяло': др.-тюрк. *joγurqan* (др.-уйг.), *joγurqan* (МК), тур. *joryan*, гаг. *joryan*, аз. *joryan*, турк. *joryan*, сал. *joryan*, хал. *joryān*.

****-ugu-***

ПТ **kugu* 'лебедь': др.-тюрк. *quγu* (Ен., др.-уйг.), *quγu* (МК), тур. *koγu, kuγu*, (?) аз. *Guγu* ('кукушка').

ПТ **jugur-* 'месить': др.-тюрк. *joγur- (juγur-)* (др.-уйг.), *juγur-* (МК), тур. *jo'ur-*, гаг. *jur-*, аз. *joγur-*, турк. *juγȳr-, juγur-*, сал. *juγur-*, хал. *joγūr-*.

ПТ **bugu* 'олень': др.-тюрк. *buγu* (с XIII в.), тур.диал. *buγu*.

ПТ **tugur* 'вид шатра; покрышка шатра': тур. *turluk* (диал.), турк. *durluk*.

ПТ **ug-ur-, *ug-ra-* 'встречать, направляться к; намереваться; случай, причина, раз': др.-тюрк. *uγra-, uγur* (рунич., др.-уйг.), *uγra-, uγur* (МК), тур. *uγra-, uγur*, гаг. *ūr, ūra-*, аз. *uγur*, турк. *uγra-, uγur*.

****-egV-***

ПТ **kegej* 'спица колеса': турк. *kegej, keje, kije* (диал.).

ПТ **jegen* 'племянник': др.-тюрк. *jegen, jegin* (др.-уйг.), тур. *je'en, jeγen, jejen*, турк. *jeγen*.

ПТ **ēg-id-* 'растить, воспитывать; высокий, поднятый; огромный': др.-тюрк. *igid-, egid-, ediz (< *ēdgĭ)* (рунич., др.-уйг.), *igiδ-, eδiz* (МК), турк. *āγirt*.

ПТ **jegit/*jigit* 'юноша, храбрец': др.-тюрк. *jigit* (др.-уйг.), *jigit* (МК), тур. *jijit*, гаг. *īt*, аз. *iγit*, турк. *jiγit*, сал. *jihit, iχit*.

ПТ **degiŋ* 'белка': др.-тюрк. *tejiŋ* (рунич.), *tegiŋ* (МК – ошибочно истолковано как 'соболь', см. EDT), *tejiŋ* (QB), тур. *dejin, deγin* (диал.).

ПТ **egin* 'плечо': др.-тюрк. *egin* (др.-уйг.), *egin* (МК), тур. *eγin, ejin* 'спина', аз. *äjin* 'тело', турк. *eγin* (диал.).

ПТ **egir-* 'крутить, прясть': др.-тюрк. *egir-* (МК), тур. *ejir-*, аз. *äjir-*, турк. *eγir-*, сал. *iγer-*, хал. *häγir-*.

ПТ **s[e]göl (/*sögil)* 'бородавка': др.-тюрк. *sögöl* (др.-уйг.), *sigil* (МК), тур. *sigil*, аз. *zijil*, турк. *siŋŋil*.

ПТ **següt* 'ива': др.-тюрк. *sögüt* 'дерево' (др.-уйг.), тур. *söjüt, sōüt*, гаг. *sūt*, аз. *söjüd*, турк. *söwüt*, хал. *säjät*.

****-igi-***

ПТ **čigit/*čygyt (~ -k-)* 'хлопковое семя, семена': др.-тюрк. *čigit* (МК –

аргу), тур. *čyγyt*, *čiγit* 'семя; веснушка', аз. *čijid*, турк. *čiγit* 'семя'.
ПТ **jigirme* 'двадцать': др.-тюрк. *jigirmi*, тур., гаг., аз. *jirmi*, турк. *jiγrimi*, сал. *jiγirme*, хал. *jirmi*.

****-oge-***

ПТ **bōg-en* 'насекомое': тур. *büγe*, *büγe-lek*, турк. *mōj*.
ПТ **ög-ej* 'неродной; приемный родственник (пасынок, мачеха)': др.-тюрк. *ögej* (др.-уйг.), *ögej* (МК), тур. *üvej*, гаг. *jüvä*, аз. *öγäj*, турк. *öwej*.
ПТ **bögen* 'толстая кишка': др.-тюрк. *bögen* (МК), турк. *böwen*.

****-ögü-***

ПТ **bögür* 'почки': др.-тюрк. *bögür* (др.-уйг.), *bögür* (МК), гаг. *bür*, аз. *böjür*.
ПТ **bögü* 'мудрец, колдун': др.-тюрк. *bögü* (рунич., др.-уйг.), *bögü* (МК), тур. *böγü*, гаг. *bü*.
ПТ **bögür* 'склон горы': тур. *böγür*, турк. *böwür* 'сторона'.
ПТ **ögür* 'стадо, стая; домашний; сотоварищ': др.-тюрк. *ögür* (др.-уйг.), *ögür* (МК, QB), тур. *öγür*, турк. *ōri* 'пастбище'.
ПТ **sögül-* 'жарить (мясо); жареное мясо, мясо для жарения': др.-тюрк. *sögül-* (др.-уйг.), *sögül-* (МК), *sögüš;* (МК – огуз.), тур. (диал.) *söγür-*, *sövür-*, *söviš*, *söγüš*, турк. *söwüš*.

****-üge-***

ПТ **jüjgen* 'уздечка': др.-тюрк. *jügön* (МК, IM), тур. *ojan*, диал. *ügen*, аз. *jüjän*, турк. *ujan*, диал. *üjen*.
ПТ **tüge-le-* 'вихрь, (снежная) буря': аз. *tülex* (диал.), турк. *tüwelej*.

****-ügü-***

ПТ **jügür-* 'спешить, бежать': др.-тюрк. *jügür-* (рунич., др.-уйг.), *jügür-* (МК), тур. *jüγür-*, *jüjir-* (диал.), аз. *jüjür-*, турк. *jüwür-* (диал.), *jüγür-*, сал. *juγur-*, *jü'kür-* (Тен.ССЯ).

Рефлексы звонкого губного

Вокально-консонантные комплексы со звонким губным в общеогузском в основном сохраняются, за исключением лабиализующего воздействия согласного на следующий узкий гласный.

а) Конечнослоговая позиция *(*-b#)*:

**sab-* 'кончаться, останавливаться; переставать, прекращаться; сворачивать (с пути)': др.-тюрк. *savra-*, *savyl-* (МК), тур. *sav-*, *savuš-*, гаг. *sauš-*, аз. *sowul-*, *sowuš-*, турк. *sow-*, *sowul-*.

**jabλan* 'полынь': др.-тюрк. *japčan*, *javčan* (МК), тур. диал. *jawšan*, аз. *jowšan*, турк. *jowšan*.

**sab-* 'подарок, угощение': хал. *sav-* 'угощать', тур. *savγa* (диал.), (ст.-осм.) *savγat*, аз. *savγat*, турк. *sovγat*.

**jabry* 'детеныш птиц и животных': тур. *javru*, *javry*, гаг. *javru*.

**kiab* 'древесный гриб; сухая трава': др.-тюрк. *qavaγu* (др.-уйг.), *qav* (МК), тур. *kav*, аз. *Gow*, турк. *Gow*.

**k(i)ab* 'змеиная чешуя; выползок': тур. *kav*, *kavla-*, турк. *Gow*.

**āb* 'охота': др.-тюрк. *ab* (рунич.), *av* (др.-уйг.), *av* (МК), тур. *av*, гаг. *av*, аз. *ow*, турк. *āw*.

**č(i)āb* 'слава, хорошая репутация, новости': др.-тюрк. *čav* (МК, QB), хал. *čov* (возможно < аз.), тур. *čav*, аз. *čow*, турк. *čāw* (устар.).

**sāb* 'слово, речь': др.-тюрк. *sab* (рунич.), *sav* (др.-уйг.), *sav* (МК), тур. *sav*, турк. *sāw-čy* '*сват*', *диал. sāw*, сал. *sōžī* 'сват' (ССЯ).

**eb* 'дом': др.-тюрк. *eb* (рунич.), *ev* (др.-уйг.), *ev* (МК), *öv* (QB), хал. *häv*, тур. *ev*, аз. *ew*, турк. *öj*.

**ebren* 'змея': тур. (ст.-осм.) *evren* 'дракон', гаг. *'evrem* 'огненный змей'.

**seb-* 'любить': др.-тюрк. *sev-* (др.-уйг.), *sev-* (МК), хал. *säv-*, тур. *sev-*, гаг. *sev-*, аз. *sew-*, турк. *söj-*.

Отклонения:

**geb-re-* 'слабеть, становиться хрупким; хрупкий': др.-тюрк. *kevre-*, *kevrek* (МК), тур. *gevre-*, *gevrek*, гаг. *gevrek*, аз. *köwräk*, турк. *göj-dük* 'хилый'. (В аз. контаминация со следующей основой? Ср. глухость начального согласного, см. СИГТЯ 2002, 83.)

**ge/öb-* 'мягкий, нежный; слабеть; пустой': др.-тюрк. *kevšek* (др.-уйг.), *kevil-* (др.-уйг.), *kevšek* (МК), *kevil-* (МК), тур. *gevšek*, гаг. *kevše-* аз. *köwšek*, турк. *göwšül* 'ветхий'. (Контаминация основ.)

**kebri-č* 'ясень': др.-тюрк. *kevrik* 'граб' (МК), тур. *kürüč*, *küvrüč* (диал.), аз. *göjrüš*. По-видимому, кыпчакизм (кавказский?) в огузских языках.

**gebre* 'труп; дохнуть (о животных)': др.-тюрк. *kövre* 'падаль' (МК), тур. *geber-*, (диал.) *gevre-*, гаг. *geber-*, аз. *gäbär-*, турк. *göwre*. Поздняя эпентеза?

**seb-* 'веснушки, сыпь': тур. *sivil*, аз. *säpgi*, турк. *sepgil* (диал.). (Консонантная ассимиляция.)

Перед шумным звонким: **[k]ebře* 'лопатка': тур. *kebze*, гаг. *kebze*, аз. *gɛbzɛ* 'рукоятка', турк. *kebze*.

**ēb-* 'спешить; быстрый': др.-тюрк. *evük* (др.-уйг.), *ev-* (QB), *evek* (МК, QB), тур. *ev-*, турк. *ăw-*.

**gēb-* 'жевать': др.-тюрк. *kev-* (МК), хал. *keviš* 'жвачка', тур. *gev-*, гаг. *gevše-*, [аз. *gäwälä-*, *göjüš* 'жвачка', турк. *gāwü-š* 'жвачка'], сал. *küšä-*.

**syb* 'вода': др.-тюрк. *śub* (рунич.), *sub*, *suv* (др.-уйг.), *suv* (МК), хал. *suw*, тур. *su*, гаг. *su*, аз. *su*, турк. *suw*, сал. *su*.

**jib* 'шов; шить': др.-тюрк. *ji* (МК), тур. *jiv*, аз. *jiw*.

**čib* 'гвоздь, колышек, чека': др.-тюрк. *čy/iv* (др.-уйг.), (*čiž* МК – вместо **čiv*?), [тур. *čivi*, гаг. *čivi*], аз. *čiw*, турк. *čüj*.

**sīb-ri* 'острый, конический': др.-тюрк. *süvri* (др.-уйг.), *süvri* (МК), тур. *sivri*, гаг. *sivri*, аз. *siwri*, турк. *süjri*.

**sub-luk (*syb-luk)* 'удила': тур. *suluk* (диал.), турк. *suwluq* (диал.).

**ju(b)-* 'мыть; купаться, плавать': др.-тюрк. *ju-* (МК), хал. *jū-*, тур. *ju-*, аз. *ju(w)-*, турк. *juw-*, сал. *ju-*.

**jubka* 'тонкий': др.-тюрк. *juqa* (др.-уйг.), *jujqa* (рунич.), *jupqa*, *juvqa* (МК), *juvγa* (МК, QB), тур. *jufka*, гаг. *jufqa*, *jyfka*, аз. *juxa*, турк. *jūqa*, сал. *joχba*.

**kübrüg* 'барабан': др.-тюрк. *kübrüg* (др.-уйг.), *küvrüg* (МК), тур. *kewrüg* (ст.-осм.).

**süb-* 'прясть (нитку); вытягивать волокно; нить, волокно': тур. *süj-*, *süv-* (диал.), *sümek*, *süjüm*, гаг. *sümek*, аз. *sümäx* (диал.), турк. *süj-*, *sümek*, *süjüm*.

**tübkür-* 'плевать': др.-тюрк. *tüfkür-* (Tfs), тур. *tükür-*, аз. *tüpür-*, турк. *tüjkür-*.

**kü(b)* 'слава; мудрость': др.-тюрк. *kü* (рунич., др.-уйг.), *kü* (МК, QB), аз. *küj* 'шум', турк. *küj*.

**kob-* 'преследовать, гнаться': др.-тюрк. *qov-* (МК), тур. *kov-*, гаг. *qū-*, аз. *Gow-*, турк. *qow-*.

**ob-* 'давить, крошить, молоть, измельчать': крх. *uv- (ov-)* (МК, QB), тур. *ov-*, *oγ-*, аз. *ow-*, турк. *ow-*, хал. *huv-*, гаг. *ū-*.

**kobga* 'ведро': др.-тюрк. *qovγa* (др.-уйг.), *qova* (МК – огуз.), тур. *kova*, *koγa*, аз. *Gowa*, турк. *Gowa*.

**göbde* 'верхняя часть тела': др.-тюрк. *kövdöŋ* (др.-уйг.), тур. *gövde*, аз. *göwdä*, турк. *göwde*, *göwre*.

**söb* 'молочай': турк. *söw-dek*.

**öbke/*öpke* 'легкое; гнев': др.-тюрк. *öpke* (др.-уйг.), *öpke* (МК, IM), *öfke* (QB), тур. *öfke* 'гнев', *öjken* 'легкое' (междиал.? Тюркӣ?), гаг. *üfke*, аз. *öxbä* (диал. Нуха), турк. *öjken*, сал. *öhhen* (ССЯ), хал. *hikkä*.

б) Интервокальная позиция:

****-aba-***

**saba-* 'бить, драться': др.-тюрк. *savaš-* '*to fight*' (МК), тур. *savaš-*, гаг. *savaš-*.

**jabaλ* 'мягкий, нежный; тихий, медленный': др.-тюрк. *jabaš* (др.-уйг.), *javaš* (МК), тур. *javaš*, гаг. *javaš*, аз. *jawaš*, турк. *juwaš*.

**jaba* 'вид лука': др.-тюрк. *java* (др.-уйг.), *java* (МК), турк. *juwa*.

**jab-an* 'плохой; пресный, безвкусный': др.-тюрк. *javγan* (др.-уйг.), *javγan* (МК), тур. *javan*, гаг. *javan*, аз. *jawan*, турк. *juwan*.

**dabar* 'имущество, скот': др.-тюрк. *tabar* (др.-уйг.), *tavar* (МК, QB), тур. *davar*, аз. *dawar*, турк. *dowar*.

**k(i)ab-ak* 'перхоть': тур. *kovak*, аз. *GowaG*. Нерегулярность рефлексов обусловлена контаминацией нескольких корней (ср. ЭСТЯ 1997, 160, 178; ЭСТЯ 2000, 7–8).

****-ebe-***

**debe* 'верблюд': др.-тюрк. *tebe* (рунич.), *teve* (др.-уйг.), *teve* (*tevej*) (МК), тур. *deve*, гаг. *devä*, аз. *dewä*, турк. *düje*, сал. *töje*, *töüvä*, *tüvi*.

****-aby-*** > общеогуз. ****-avu-***

**(i)aby-* 'радоваться, быть счастливым; утешать, успокаивать': др.-тюрк. *abynyq* 'утешение' (USp., 43), *avyn-ču* 'наложница' (YB, 1), *avyn-* (МК), *avyt-* (QB), тур. *avun-*, *avut-* 'обманывать', гаг. *aut-* 'обманывать', аз. *owun-*, *owut-*, хал. *avun-*, *avut-*.

**jab-yř* 'плохой, грубый': др.-тюрк. *jabyz* (рунич.), *javyz* (др.-уйг.), *javyz* (МК), тур. *javuz*, турк. *jowuz*.

**kąb-yř* 'шелуха': тур. *kavuz*, аз. *Gawyz* (диал.).

**kab-* 'объединять, собирать; собираться': др.-тюрк. *qavyr-* (др.-уйг.), *qavyš-* (Ен., др.-уйг.), *qavur-* (МК, QB), *qavyš-* (МК), тур. *kavuš-*, гаг. *kauš-*, аз. *Gowuš-*, турк. *Gowur-*, *Gowuš-*.

Стяжение в трехсложной основе: **tabylγan* 'заяц': др.-тюрк. *tabyšyan* (рунич., др.-уйг.), *tavyšyan* (МК, IM), *tavšan* (IM), тур. *tavšan*, гаг. *tawšan*, аз. *dowšan*, турк. *towšan*, хал. *dovušyan*, сал. *tōšen* (ССЯ).

**dabyra-* 'спешить': др.-тюрк. *tavra-* (др.-уйг.), *tavra-* (МК), тур. *davran-*.

**d(i)abylku* 'таволга; ююба': др.-тюрк. *tavylqu* (др.-уйг. – YB), *tavylqu*, *tavylyuč* (МК), тур. *davylga*, *davulgu* (диал.), аз. *tuwulyu* (диал.).

****-ebi-***

**čebir-* 'крутить, поворачивать; круглый': др.-тюрк. *čevür-* (МК), тур. *čevir-*, гаг. *čevir-*, *čevrä*, аз. *čewir-*, турк. *čöwür-*.

**ebin* 'зерно, семя': др.-тюрк. *evin* (др.-уйг.), *evin* (МК, QB), ст.-осм. *evin*, анат. *efin*.

**ebi-s-* 'веять': др.-тюрк. *evüs-* (МК), тур. *evis-*, турк. *öwüs-*, хал. *häp(i)s-*.

**ebir-* 'поворачивать': др.-тюрк. *ebir-* (рунич.), *evir-* (др.-уйг.), *evür-* (МК), тур. *evir-*, турк. *öwür-*.

**kebiř* 'ковер': др.-тюрк. *keviz* (МК), тур. *köjüz* (диал.).

**debir-* 'опрокидывать, ниспровергать': др.-тюрк. *tevir-* (др.-уйг.), тур. *devir-*, гаг. *devir-*, аз. *dewir-*.

****-abu-***

**čabuλ(č)* 'командир': др.-тюрк. *čabuš* (рунич., Ен.), *čavuš* (др.-уйг.), *čavuš* (МК), тур. *čavuš*, аз. *čowuš* 'предводитель паломников'.

**sabur-* 'веять, рассеивать, разбрасывать': др.-тюрк. *savur-* (МК), тур. *savur-*, аз. *sowur-*, турк. *sowur-*, хал. *savur-*.

**kabuk* 'мочевой пузырь': др.-тюрк. *qavuq* (др.-уйг.), *qavuq* (МК), тур. *kavuk*, гаг. *kawuk*, аз. *GowuG*, турк. *Gowuq*.

**aburt* 'полость рта; десна': др.-тюрк. *a[vurt] (?adurt)* (др.-уйг., позднесредневековые тексты ТТ II), тур. *avurt*, гаг. *aurt*, турк. *howurt* (диал.).

**dabul* 'буря, сильный ветер': тур. (диал.) *dayyl*, турк. *dowul*.

**ąbuč* 'пригоршня': др.-тюрк. *avut* (МК), *avut-ča*, *avuč-ča* (QB), *avuč* (Tfs), тур. *avuč*, гаг. *auč*, аз. *owuč*, турк. *owuč*, *jan-awuč*, сал. *uǰ*.

****-ebü-***

**ebür(d)ek* 'утка': др.-тюрк. *ödirek* (др.-уйг.), (МК) *ördek*, хал. *irdäk*, тур. *ördek*, гаг. *jördek*, аз. *ördäk*, турк. *ȫrdek*.

****-yba-***

**syba-* 'мазать': др.-тюрк. *suva-* (др.-уйг.), *suva-*, *suval-*, *suvaš-* (МК), хал. *syva-*, тур. *syva-*, гаг. *suwa-*, аз. *sua-* (диал.), турк. *suwa-*, сал. *suva-*, *sova-*.

**kybak/*kabak* 'белый тополь, ива': тур. *kavak*, гаг. *kavak*, аз. *GowaG*.

**kyb-an-* ‘быть счастливым, радоваться, предаваться удовольствиям’: тур. *kyvan-*, турк. *Guwan-*.

****-ybu-***

**sybuʌgan* ‘червь, дождевой червь’: др.-тюрк. *sovušγan* (МК), тур. *soluǯan*, гаг. *soluǯan*, аз. *soxulǯan*, турк. *soγulǯan*, сал. *suγulǯun*. Основа явно контаминирована с **sogul-* ‘испаряться, убывать (о жидкостях)’.

****-oba-***

**oba* ‘впадина, долина’: тур. *ova*, гаг. *uva*, аз. *owa*.

****-uba-***

**juba-* ‘утешать, развлекать’: тур. *juwat-* (диал.).
**kuba* ‘лебедь’: аз. *Gu*, турк. *Guw*.

****-übe-***

**gübeč* ‘сковородка; глиняный горшок’: др.-тюрк. *küveč* (МК), тур. *güveč*, гаг. *güveč*, аз. *güwâǯ*, турк. *göweč*.

**gübe-* ‘быть гордым, надменным’: др.-тюрк. *küvez*, *küven-* (др.-уйг.), *küvez*, *küven-* (МК), тур. *güven-*, аз. *güwän-*, турк. *göwne-*.

****-uby-*** > общеогуз. **-uvu-* > **-ū-* со свойствами первичной долготы (см. СИГТЯ 2002, 43).

**ubyg* ‘жерди, поддерживающие верхний край юрты’: др.-тюрк. *uγ* (МК); *ujuγluγ (= uvuγluγ)* (МК), тур. *huγ* ‘хижина’, турк. *ūq*.

****ubu***

**ubut* ‘стыд’: др.-тюрк. *ubut*, *uvut* (МК), тур. *ut*, *-du*.

**jubut-* ‘глотать’: др.-тюрк. *jut-* (МК), тур. *jut-*, *judum* ‘глоток’, гаг. *jut-*, *judum*, аз. *ud-*, турк. *juwut-*.

Распространение процессов внутри комплексов

Сняв позднейшие по времени процессы падения фрикативных и глайдов, мы получаем следующую таблицу, отражающую основные тенденции развития вокально-консонантных комплексов (см. табл. 8, с. 117).

Хорошо видно, что процессы дефрикативизации губного связаны с северо-востоком тюркской территории и затухают по мере распространения на юго-запад. Дефрикативизация заднеязычного – явление, ограниченное карлукскими и кыпчакскими языками, причем в довольно узком классе позиций – только в переднерядном вокалическом окружении, в кыпчакских еще и только при сохранении заднеязычного вследствие диссимилятивного развития.

Существенная довольно новая изоглосса, захватывающая почти всю карлуко-кыпчакскую территорию до северных диалектов алтайского языка исключительно – развитие *g* > *v* вне зависимости от лабиализующего воздействия окружающих гласных.

Таблица 8

Тенденции развития вокально-консонантных комплексов

	Чув.	Як.	Саян.	Кырг.	Сев.-алт.	Ц.-вост.	Кыпч.	Кардук.	Огуз.
*δ	r/j (диссимилятивно)	T	d	z	j	j	j	j	j
*v	*v	-b-, *-v# (после узких гласных), *-γ# (в прочих случаях)	*-b-(e-i), *-γ- (в прочих случаях), *-γ#	*-v- (> *-v- в соседстве с огубленными гласными в хак., шор.; > -b- в прочих случаях в хак., шор.), *-v# (>*-γ# после узких гласных в хак., шор; > *-b# в прочих случаях в ф.-кырг., хак., шор.)	*-v- (> *-v- в соседстве с огубленными гласными, > -b- в прочих случаях), *-γ#	*-v- (> b, > 0 в соседстве с *u) ПТ *-v# > 0 (>*-j# в переднерядных словах)	*v	*v	*v
*γ	*v	*-v- (после узких гласных), *-γ- (в прочих случаях), *-γ#	*-γ-, *-γ#	*-γ-, *-γ#	*-γ- (> *-j- в соседстве с i), *-γ# (> *-j# в соседстве с i)	*-γ- (>*-γ- между широкими гласными, иначе >*-v- в заднерядных, >-j- в переднерядных и в сочет. *-ygy-) *-v#; *-j# в переднерядн. и *yg#		*-γ- (> v/_V лаб.), *-γ#	*-γ- (*-aγu->*-avu-)

Такого развития нет в крымско-караимском, огузских и в новоуйгурском языке. Та же произносительная манера захватила, причем, по-видимому, довольно поздно, чувашский (ср. венгерские заимствования из булг., в основном сохраняющие *g:* венг. *sár*, *sárga*, диал. *sárog* 'желтый' MNyTESz III, 227, венг. *öreg* < тюрк. **ērig* 'большой', но венг. *dara* 'зерно', они могут свидетельствовать в пользу огубленных рефлексов в таких сочетаниях только в окружении губных гласных: булг. **burə^{w}u* > венг. *borjú* MNyTESz I, 345–346, тюрк. **bukagu* > венг. *békó* Gomb.BTLU, тюрк. **jugur-* > венг. *gyúr-* MNyTeSz I, 1138, тюрк. **büyü* > венг. *bű* 'колдовство' Gomb.BTLU, тюрк. **taguk* 'курица' > венг. *tyúk* Gomb.BTLU, тюрк. **ogry* 'вор' > венг. *or*, *orv* Gomb.BTLU). В якутском развитие похожее, но иначе устроенное позиционно (причем сама позиция похожа на позиционные условия, определяющие рефлексацию заднеязычного глухого). С северо-востока с этой изоглоссой граничит произносительная манера, которая в части позиций превращает **b* > **v* в *g* (саянские, кыргызские, северно-алтайские и отчасти якутский).

Озвончение интервокальных и конечнослоговых глухих

Существенным для облика фонологических систем разделившихся тюркских групп является появление новых звонких согласных в результате внутрисловного озвончения глухих. Это озвончение требует разных условий в различных тюркских группах. На северо-востоке озвончение одиночных шумных глухих в интервокальной позиции происходит спонтанно а) в якутском – для губных и гуттуральных (в том числе на морфемной границе, см. Дьячковский II, 161–162); б) в хакасском (с варьированием по диалектам), шорском и чулымско-тюркском языках (см. СИГТЯ 2002, 490–501), а также в горноалтайском[34] (и в северных диалектах) – для всех шумных. Спонтанное же озвончение интервокала имеется в тувинском (кроме восточных диалектов), но не в тофаларском и сарыг-югурском, где интервокальные шумные сохраняют оппозицию по ларингальным признакам (в виде сильный–слабый), восходящую к озвончению глухих после первично долгих, процессу, имевшему место также в огузских языках[35].

Рассмотрим процессы внутрисловного озвончения более подробно в трех оставшихся языковых группах. Хорошо известны процессы морфоно-

---

[34] Приведенный в грамматике Дыренковой список неразложимых двусложных основ с неозвонченными *t* и *k* в интервокале (Дыр.ГОЯ, 37–38) содержит, во-первых, слова со старыми геминированными (*ikki* > *iki* 'два'), во-вторых, с упрощенными сочетаниями (*tupkur-* > *tukur-* 'плевать'), в-третьих, явные или потенциальные монголизмы (*maka* 'хвала', *teke* 'козел'). Такое же происхождение имеют, по-видимому, интервокальные глухие в хакасском и шорском (см. СИГТЯ 2002). NB: сохранение глухих геминат в интервокале в якутском: *äkkiiää-* 'прыгать', *харрах* 'крышка' < **kap-kak*.

[35] По-видимому, аналогично выглядит озвончение срединного **č*, ср. **iāčy-g* 'горький, кислый': чув. *jüźə*, як. *ahȳ*, долг. *ahȳ*, тув. *ažγγ*, тоф. *ažγγ*, др.-тюрк. *ačγγ* (др.-уйг.), крх.-уйг. *ačγγ* (МК), хал. *hāčuγ*, *hāčuq*, тур. *ažγ*, гаг. *aži*, аз. *ažγ*, турк. *āžγ*, *āžγγ*, сал. *āžγ*, чаг. *ačγ*, (Абуш.), узб. *aççi*, *эççi* (диал.), кар. *ažγ*, *ačγ*, кум. *ačçγ*, кбалк. *ačγ*, тат. *ačγ*, башк. *asγ*, ног. *ašγ*, каз. *aššγ*, ккалп. *aššγ*, галт. *aču*. Но более подробно рассмотреть этот процесс сложно из-за малого количества примеров с **-č-*, не стоящим при этом на морфемной границе.

логического характера, а именно чередования глухого и звонкого аллофонов, стоящих на границе морфемы, в зависимости от интервокальной/неинтервокальной позиции. В огузских языках такое чередование довольно строго ограничено рамками положения после первично долгого гласного (строго фонетическое распределение слегка разрушено процессами парадигматической унификации – см. СИГТЯ 2002, 96–104) или на конце неодносложной основы. С точки зрения исторической фонетики эти позиции интерпретируются как позиция ослабления согласного в более чем одноморовом положении от начала слова. В кыпчакских языках чередование по звонкости-глухости на морфемной границе синхронно обязательно для губных и гуттуральных согласных, не действует на дентальных согласных. Как *будто никакой связи со старой долготой* синхронное чередование не обнаруживает. Поскольку морфонологическое правило должно было перекрыть старое распределение, то, чтобы не сталкиваться с позднейшими эффектами, следует рассмотреть материал синхронно неразложимых двусложных основ, в которых интересующие нас глухие согласные не попадают на морфемную границу.

Этот материал с достаточной регулярностью демонстрирует в карлукских и кыпчакских языках озвончение гуттуральных и губных после первично долгих гласных; после первично кратких озвончение губных и гуттуральных происходит спорадически. Зубной обычно не озвончается после кратких, изредка озвончается после долгих.

Озвончение *-t-

С первично долгим гласным:

Озвончается в огузских, карлукских и кыпчакских языках.

1. **āt-ym* ‘шаг’: чув. *odъm*, як. *atyllā-*, долган. *atyllā-*, хак. *atyx-* (< **at-tyk-*) ‘прыгать’, тур. *adym*, аз. *addym*, турк. *ādim*, диал. *ādym*, чаг. *adym*, (Pav.C.) узб. *ɔdim*, диал. *adym*, кар. *adym*, тат. *ad̆ym*, башк. *aδym*, ног. *adym*, каз. *adym*, ккалп. *adym*, кирг. *adym*. ПАлт **p'ēta* ‘шагать, ходить’: ПТюрк. **āt*, ПМонг. **(h)ada-*, ПТМ **pete-*.

2. **kāta-* ‘вонзать(ся)’, **kāta-g* ‘гвоздь’: чув. *xudav*, як. *xatā-*, долган. *katā-*, тув. *qada-*, *qadaɣ*, сюг. *qataɣ*, тур. *kada-*, *kadak* (диал.), аз. *GadaG*, турк. *Gadaq*, чаг. *qada-* (Абуш., Pav.C., MA), узб. *qada-*, *qadɔq*, нуйг. *qada-*, *qadaq*, кум. *qada-*, тат. *qada-*, *qadaq*, ног. *qada-*, *qadaq*, каз. *qada-*, *qadaq*, ккалп. *qada-*, *qadaq*, кирг. *qada-*, *qadō*, галт. *qada-*. Не исключено заимствование из монг. ПАлт. **kā̆jta* ‘гвоздь, брусок; вонзать(ся)’: ПТюрк. **kāta-*, ПМонг. **kada-*, ПТМ **kiata-kun*, ПКор. **kit*, ПЯп. **kiátá* (~ **kā́itá*).

3. **dōtak* ‘губа’: чув. *toda*, *tuda*, тур. *Dudak*, гаг. *Dudaq*, аз. *dodaG*, турк. *dōdaq*, сал. *totax*, *totyx*, ср.-тюрк. *totaq*, *tōdaq* (CCum). ПАлт. **čōtakV* (~ *-ukV*) ‘мякоть, гриб; губа’: ПТюрк. **dōtak*, ПТМ **ǰudakta /*ǰedukte*.

4. **āt-alč-* ‘ошибаться, заблуждаться’: турк. *ādaš-*, чаг. *adaš-*, нуйг. *adaš-*, кар. *adaš-*, кум. *adaš-*, тат. *ad̆aš-*, башк. *aδaš-*, ног. *adas-*, каз. *adas-*, ккалп. *adas-*, кирг. *adaš-*. ПАлт. **ā̆nda* ‘ошибаться, делать неправильно; обвинять’: ПТюрк. **āt-alč-*, ПМонг. **anda-*, ПТМ **(x)an(d)u-*, ПЯп. **ā́ná-*.

5. **(i)ātag* 'жертвоприношение, обет, подарок': як. *atȳ,* шор. *ada,* тур. *aday,* аз. *adax,* турк. *ādaG,* тат. *ada-r-yn-* 'давать обет'. ПАлт. **játá (~ -t'-)* 'давать, дар': ПТюрк. **(i)ātag,* ПКор. **tā-,* ПЯп. **á́tápá-.*

6. (?) **kȳtyr-* 'ходить, обходить вокруг': як. *kytygyrai-* 'семенить', *kytygyras* 'проворный, быстрый, резвый (о звере), скороход', тур. *kydyr-* (диал.), турк. *Gydyr-* 'идти потихоньку, мелкими шагами', узб. *qidir-,* кар. *qydyr-* 'искать, рыскать', кум. *qydyr-,* кбалк. *qydyr-,* тат. *qydyr-* (диал.), башк. *qyδyr-,* ног. *qydyr-,* каз. *qydyr-,* ккалп. *qydyr-* 'гулять, разыскивать', кирг. *qydyr-* 'шататься, бродить в поисках'; *qydyŋ* 'семенящий при беге (о животных)'. ПАлт. **kát'e* 'цокать (о копытах), скакать': ПТюрк. **kȳtyr-,* ПМонг. **katari-,* ПТМ **kata-/*kete-,* ПКор. **kə̀thí-.*

Озвончается в огузских, не озвончается в карлукских и кыпчакских языках:

1. **kūtuŕ* 'сумасшедший, сходить с ума, подстрекать': чув. *хъʷдьʷр* 'хвастун', *хъʷдьʷр-* 'проклинать'; *къдьр-* (< тат.), як. *qutur-,* др.-тюрк. *qutur-,* (др.-уйг.) крх. *qutuz, qutur-* (МК), тур. *kuduz, kudur-,* гаг. *quduz,* аз. *Guduz, Gudur-,* турк. *Guduz, Gūdura-,* чаг. и ст.-кыпч. *qutuz* (Ettuh., Бор.Бад.), *qutur-* (Ettuh.), узб. *qutur-,* нуйг. *qutu(r)-,* кар. *qutur-,* кум. *qutur-,* тат. *qotoroq, qotyr-,* башк. *qotort-,* ног. *qutyr-,* каз. *qutyr-,* ккалп. *qutyr-,* кирг. *qutur-,* ПАлт. **gú́t'u-* 'ухудшаться': ПТюрк. **kūtuŕ:* ПМонг. **gutu-,* ПТМ **gutu-,* ПЯп. **kutu-.*

2. **būta-* 'срезать ветви; ветвь, гвоздь': чув. *ръʷda,* як. *bytā-, butuk,* (Пек.); *mutā-, mutuk,* долган. *mutuk,* тув. *bu'duq,* хак. *pydyra-,* галт. *buda-, budaq,* др.-тюрк. *butyq* (др.-уйг.), крх. *butyq, butaq* (МК), хал. *buta* 'куст' (обратное заимствование из перс.?), тур. *buda-, budak,* гаг. *buda-, budaq,* аз. *buda-, budaG,* турк. *pūda-, pūdaq,* сал. *pu/ūtax* (ССЯ), чаг. *buda-* (Pav.C.), ст.-кыпч. *buda-* (АН), узб. *buta-, butɔq,* нуйг. *puta-, putaq,* кар. *buta-, butaq,* кум. *buta-, butaq,* кбалк. *buta-, butaq,* тат. *bota-, botaq,* башк. *bota-, botaq,* ног. *byta-, butaq,* каз. *buta-, butanaq* (*buta* 'куст' < перс.), ккалп. *puta-, putaq,* кирг. *buta-, butaq.* ПАлт. **pū́t'o* 'тополь; ветка, палка': ПТюрк. **būta-,* ПМонг. **buta,* ПТМ **pota,* ПКор. **pə̀tý́r,* ПЯп. **pəta.*

3. **ētük* 'ботинок, сапог': чув. *адъ,* як. *eterbes,* долган. *eterbes* , тув. *idik,* хак. *ödək,* др.-тюрк. *etük* (др.-уйг.), крх. *etük* (МК), тур. *edik,* турк. *ādik,* сал. *ītix, itix,* чаг. *etük* (Pav.C.), *ötük* (Бор. Бад., Pav.C.), узб.(диал.) *ädik, ötik, ötük,* нуйг. *ötük,* кум. *etik,* тат. *itik,* ног. *etik,* каз. *etik,* ккалп. *etik,* кирг. *ötük,* галт. *ödük.* ПАлт. **p'ä́t'i* 'штаны, сапоги': ПТюрк. **ētük,* ПТМ **pati,* ПКор. **pa̋ti.*

4. **gē(j)t-* 'уходить', **gē(j)t-er-* 'прогонять, отбирать': чув. *kajt-;* Caus. *katert-,* др.-тюрк. *ket-, keter-* (др.-уйг.), крх. *ket/δ-, keter-* (МК, QB), тур. *git-, gider-,* аз. *get-, gediš,* турк. *git-, gider-,* чаг. *ket-, keter-* (Абуш., Sangl., MA), узб. *ket-,* нуйг. *kät-, ketiš,* кар. *ket-, keter-,* кум. *get-, geter-,* тат. *kit-, kitär-,* ног. *ket-, ketir-,* каз. *ket-, ketir-,* ккалп. *ket-, ketir-,* кирг. *ket-, ketir-.* ПАлт. **gä́jt'i* 'идти, приходить': ПТюрк. **gē(j)t-,* ПМонг. **getül-/*gatul-,* ПЯп. **kítá-r-.*

5. **ōtü-* 'старый; старое, заброшенное жилище': чув. *vadъ,* як. *ötöx,* долган. *ötök,* тув. *ötükän* 'название горного хребта в Туве' (Рас. 215): тоф. *ötükän* 'ровное широкое место на белках, удобное для пастьбы оленей' (Рас.

215): др.-тюрк. *ötüken*, (орхон.), крх. *ötüken* (МК), кирг. *ötök* 'место бывшей стоянки аула; удобная для зимовки впадина'. Долгота восстановлена по чув. Палт. **ōt'ə̀* 'старый': ПТюрк. **ōtü*, – ПМонг. **öte-*, ПТМ **(x)ut-*, ПЯп. **ə́tə́-nə̀*. (Возможно также, что в пратюркском первичная краткость; производное по глаголу **öt-* 'проходить', ср. тат. *ütkel* 'перевал' и под.)

6. **ātag* 'остров': тур. *ada*, гаг. *ada*, аз. *ada*, турк. *āda*, чаг. (CCum.) *atov*, узб. *ɔta*, нуйг. *ata*, кар. К. *ada*, кум. *ada* (огуз. заимствования), тат. *ataw*, башк. *ataw*, ккалп. *ataw*. Внешняя этимология неясна.

7. **dūtük* 'трубка, флейта': крх. *tütek* 'носик кувшина' (МК), *düdük* (IM), тур. *düdük*, гаг. *düdük*, аз. *düdük*, турк. *tüjdük*, сал. *tütülüx* (ССЯ), ст.-кыпч. *düdük* (АН), узб. *tutak*, кум. *düdük*, ног. *düdik*, каз. *tütik*, ккалп. *tüte*, кирг. *tütük*. ПАлт. **tū́ti* 'трубка, круглый сосуд': ПТюрк. **dūtük*, ПТМ **dodaka(n)*, ПЯп. **tútú*.

8. **dāt-* 'вкус, сладкий, привыкать': чув. *tuda-l-*, *tuda-n-*, *todъ*, *tut-lъ*, хак. *tady-*, *tadyy*, *tadylyy*, сюг. *taty-*, *tatyy*, др.-тюрк. *tatyy* (др.-уйг.), *tatyy-lyy* (орхон., др.-уйг.), крх. *tat-lyy* (МК), *taty-* (МК, QB), *tatyy* (МК, QB), *tatyy-lyy* (МК), тур. *tat- (tatar)*, *tat (-d-)*, *tadym*, *tatyk*, *tatly*, *dad-a-* 'дразнить, приманивать', *dad-a-n-*, гаг. *dat-*, *dat*, *datly*, *dad-a-n-*, аз. *dad-*, *dad*, *dadly*, *dadan-*, турк. *dāt/d-*, *dāt*, *dāt-ly*, узб. *tati-*, нуйг. *teti-*, кар. *tat-*, *taty-*, *tat*, *tatuv*, *tatly*, *tatan-*, кум. *taty-*, *tatyw*, *tatli*, кбалк. *tat-*, *tatyw*, *tatly*, башк. *taty-*, *tat*, *tatly*, ног. *tat-*, *tatyq*, ккалп. *tat-*, *taty-*, *tatly*, кирг. *tat-*, *taty-*, *tatyq*, *tattuw*, *tatq-a-n-*, галт. *tatu*. Возможно, контаминация двух корней, **dāt-* 'вкус' (ПАлт. **čjátu* (~**t-*) 'сладкий, вкус': ПТюрк. **dāt*, ПМонг. **dadu-*, ПТМ **ǯutī*) и **taty-* 'пробовать на вкус, привыкать' (ПМонг. **tati-* > *tači(ja)-* 'привыкнуть', ТМ *tati-* id.)

9. **gēt-* 'делать зарубку, надрез': чув. *kat-*, хал. *kātük* 'зазубрина, выемка', тур. *get-*, *gedik*, турк. *gāt-*, *gādik*; чаг. *ket-* (МА), ст.-кыпч., *ked-*, *kedük* (АН), узб. *ketük*, тат. *kit-*, *kitek*, башк. *kit-*, *kitek*, ног. *ketik*, каз. *ketik*, ккалп. *ketik*, кирг. *ket-*, *ketik*. ПАлт. **kjátu* 'острый инструмент; зарубка': ПТюрк. **gēt-*, ПМонг. **godoli*, ПТМ **kota*.

С первично кратким гласным:

Никогда не озвончается в огузских, карлукских и кыпчакских языках.

1. **otar* 'пастбище, отара': як. *otor*, тув. *odar*, турк. *otar*, узб. *ọtɔr*, кар. *otar*, кум. *otar*, тат. *utar*, башк. *utar*, ног. *otar*, каз. *otar*, ккалп. *otar*, кирг. *otor*, галт. *odor*. ПАлт. **p'okt'o(-rV)*.

2. **kotuř* 'як': крх. *qotuz* (МК), тур. *xotoz*, аз. *Gotaz*, турк. *Gotaz*, чаг. и ст.-кыпч. *qotas* (Pav.C.), *qutuz* (АН), узб. *qọtas*, нуйг. *qotaz*, кар. *qutas*, тат. *qutaz* (диал.), кирг. *qotos*. ПАлт. **k'akt'o*.

3. **atan* 'кастрированный верблюд': тув. *adan*, крх. *atan* (МК), турк. *atan* (диал.), чаг. *atan* (IM), ног. *atan*, каз. *atan*, ккалп. *atan*, кирг. *atan*. ПАлт. **akt'V*.

4. **göt-ir-* 'поднимать(ся)': як. *kötör* 'птица', тув. *ködür-*, тоф. *kö'tür-*, хак. *ködər-*, шор. *ködür-*, сюг. *küter-*, др.-тюрк. *kötür-* (орхон., др.-уйг.), крх. *kötür-* (МК, QB), хал. *ketür-*, *ketir-*, тур. *götür-*, гаг. *götür-*, турк. *göter-*, чаг.

köter- (Абуш., МА), узб. *kọtar-*, нуйг. *kötär-*, кар. *köter-*, кум. *göter*, кбалк. *kötür-*, тат. *kütɛr-*, башк. *kütär-*, ног. *köter-*, каз. *köter-*, кирг. *kötör-*, галт. *ködür-*. ПАлт. **kot'i.*

5. **jiti* 'острый': чув. *śivžə* (?), як. *sytȳ*, долган. *hytȳ*, тув. *čidig*, *čidi-*, хак. *čətəg*, шор. *čidig*, др.-тюрк. *jiti* (др.-уйг.), крх. *jitig* (МК, QB), хал. *jitti*, тур. *iti-*, аз. *iti*, турк. *jiti*, чаг. и ст.-кыпч. *iti* (AH, Ettuh.), *itik* (Pav.C.), *iti-* (Pav.C.), нуйг. *ištik*, кар. *jiti*, *iti*, кум. *itti*, кбалк. *žütü*, тат. *žete*, каз. *žiti*. ПАлт. **nìt'a̋.*

6. **böteke* 'зоб': чув. *pudege*, як. *bötögö*, аз. *pätänäk*, турк. *peteke*, ср.-тюрк. *bütege*, (ст.-кыпч., Ettuh.), кум. *böteke*, тат. *bütäkä*, *böteg*, башк. *bütägä*, ног. *böteke*, *bötege*, каз. *bötäkä*, ккалп. *böteke*, кирг. *bötög/kö*. ПАлт. **mét'i (-rkV).*

7. **kạt-yg* 'твердый': чув. *xydъ*, як. *kytānax*, долган. *kytānak*, тув. *qa'dyy*, хак. *xatyy*, шор. *qadyy*, др.-тюрк. *qatyγ* (орхон., др.-уйг.), крх. *qatyγ* (МК, QB, IM), тур. *kat* (диал.), аз. *Gaty*, турк. *Gat*, *Gaty*, чаг. *qatyγ* (МА), узб. *qɔtiq*, нуйг. *qetiq*, кум. *qaty*, тат. *qaty*, башк. *qaty*, ног. *qat*, каз. *qatty*, ккалп. *qatty*, кирг. *qatū*, галт. *qatū*. ПАлт. **k'ét'ő.*

8. **satan* 'бедро': чув. *sodanъ* 'ягодицы, зад', тур. *satan*, турк. *satan*, чаг. *satan* (Pav.C.), ккалп. *satan*. ПАлт. **sịót'e.*

9. **atyr̆* 'орошаемое поле, межа': шор. *adys* 'загон 1/18 десятины', крх. *atyz* 'любая полоса земли между двумя канавами/стенами' (МК), турк. *atyz*, нуйг. *etiz*, каз. *atyz*. ПАлт. **p'át'a̋.*

10. **ata/*ete* 'отец, предок': тув. *a'da*, хак. *ada*, сюг. *ata*, др.-тюрк. *ata* (др.-уйг.), крх. *ata*, *ataqy* (МК), тур. *ata*, диал. *ede*, аз. *ata*, турк. *ata*, чаг. *ata* (Pav.C.), узб. *ɔta*, нуйг. *ata*, кар. *ata*, кум. *ata*, кбалк. *ata*, тат. *ata*, *eti*, *etkej*, башк. *ata*, ног. *ata*, каз. *ata*, ккалп. *ata*, кирг. *ata*, галт. *ada*. ПАлт. **ét'e̋.*

11. **tata-* 'остервенеть; вспыльчивый, раздражительный': як. *tatyas*, тув. *tady-la-* 'хохотать', кирг. *tatar-*. ПАлт. **t'ákta.*

12. **botu* 'верблюжонок': крх. *botu* (МК), тур. *potak*, аз. (диал.) *pota* 'детеныш буйвола, медведя', чаг. *bota* 'ребенок, молодое животное' (Абуш., Sangl.), узб. *bọta*, нуйг. *bota*, кар. *bota*, тат. *buta*, башк. *buta*, ног. *bota*, каз. *bota*, ккалп. *bota*, кирг. *boto*. ПАлт. **mando.*

13. **det-* 'стараться, напрягать силы, сопротивляться', 'смелый, герой': як. *tetiänex*, тув. *didin-*, *didim*, тоф. *titim*, хак. *tətən-*, др.-тюрк. *tetik* (др.-уйг.), крх. *tet-*, *tetin-* (МК), *tetik*, *teti-l-* 'поумнеть' (МК), тур. *didin-*, *tetik*, гаг. *didin-*, турк. *tetārik* 'поддержка, помощь' (?), чаг. *tetik* (Абуш., Sangl.), узб. *tetik*, нуйг. *tetik*, кум. *tetek* 'удовольствие', тат. *täti* 'хороший', башк. *tätäj* 'хорошая вещь' (детские слова), кирг. *tetik*, галт. *tidim*, *tedü* 'довольный'. По-видимому, озвончение в тур., гаг. – результат вторичного влияния звонкого начала. ПАлт. **tẽ̀tu* 'уважение, забота': ПТюрк. **det-*, ПМонг. **čida-*, ПТМ **dēdu-*, ПЯп. **tùtù-*.

14. **kotar-* 'выдирать, ломать, сдвигать': хак. *xodyr-*, тат. *qutar-* (диал.), башк. *qutar-*, кирг. *qotor-*, галт. *qodor-*. ПАлт. **k'et[o].*

15. **katar-* 1 ‘гнать, преследовать, пасти, наблюдать’: тув. *qadar-*, хак. *xadar-*, шор. *qadar-*, крх. *qatar-* (МК), тур. *katarla-*, *katala-* (диал.), ног. *katar*, галт. *qadar-*. ПАлт. **k'ẻta.*

16. **otuŭ* ‘тридцать’: як. *otut*, долган. *otut*, хак. *otys*, сюг. *otus*, др.-тюрк. *otuz* (орхон., др.-уйг.), крх. *ottuz* (МК), хал. *hottuz*, тур. *otuz*, гаг. *otuz*, аз. *otuz*, турк. *otuz*, чаг. *otuz* (Pav.C.), узб. *o̤ttiz*, нуйг. *ottuz*, кар. *otuz*, кбалк. *otuz*, тат. *utyz*, башк. *utyδ*, ног. *otyz*, каз. *otyz*, ккалп. *otyz*, кирг. *otuz*, галт. *oduz*, *odus.*

17. **otag* ‘шалаш, комната’: як. *otū*, тув. *oday*, хак. *otax*, шор. *oday*, сюг. *otay*, *otax*, крх. *otay* (МК), тур. *otak*, *oda*, гаг. *oda*, аз. *otaG*, турк. *otaG*, чаг. *oda* (Pav.C.), узб. *o̤tɔw*, нуйг. *otaq*, кар. *oda*, кум. *otaw*, кбалк. *otow*, ног. *otaw*, каз. *otaw*, ккалп. *otaw*, кирг. *otō*, галт. *odū*. Озвончение в тур. и гаг. (и, видимо, в заимствованных из огуз. караимской и чагатайской формах), скорее всего, следствие контаминации с производным **ōtag* от **ōt* ‘огонь’. ПАлт. **ẻot'/tŭ.*

18. **katyr* ‘мул’: крх. *qatyr* (МК, QB), тур. *katyr*, аз. *Gatyr*, турк. *Gatyr*, чаг. *qatyr* (AH, Houts., IM), ног. *qatyr*. ПАлт. **ket/t'a.*

19. **kotur* ‘парша’: тув. *qodur*, хак. *xodyr*, сюг. *qodur*, др.-тюрк. *qotur* (др.-уйг.), тур. *kotur* (диал.), аз. *Gotur*, турк. *Gotur*, чаг. *qotur* (Pav.C.), узб. *qo̤tir*, нуйг. *qotu(r)*, кар. *qotur*, *qotyr*, кум. *qotur*, тат. *qutyr*, башк. *qutyr*, ног. *qotyr*, каз. *qotyr*, ккалп. *qotyr*, кирг. *qotur*, галт. *qodur*. ПАлт. **k'ut'/tV.*

20. **etek* ‘подол, край одежды’: тув. *e'dek*, хак. *idek*, шор. *edek*, крх. *etek* (МК), хал. *hätäk*, тур. *etek*, гаг. *ietek*, аз. *ätäk*, турк. *etek*, чаг. *etek* (Бор. Бад., Абуш., Pav.C.), узб. *etäk*, нуйг. *etäk*, кар. *etek*, кум. *etek*, кбалк. *etek*, тат. *itäk*, башк. *itäk*, ног. *etek*, каз. *etek*, ккалп. *etek*, кирг. *etek*, галт. *edek*. ПАлт. **ẻt'/ti.*

21. **küte(re)* ‘болото’: хак. *ködre*, тат. *küter*, *kötɛ* (диал.), башк. *küter* (диал.), галт. *küdre*. ПАлт. **kut'/ti.*

Особым образом ведет себя **ẹdti* ‘семь’: чув. *śĭĵə*, як. *sette*, долган. *hette*, тув. *čedi*, сюг. *jeti*, *jiti*, *ǯetä*, др.-тюрк. *jeti* (Ен., др.-уйг.), крх. *jeti* (МК), хал. *jieti*, *jätti* (< аз.), тур. *jedi*, гаг. *jedi*, аз. *jeddi*, турк. *jedi*, сал. *jitti*, чаг. *jeddī* (Ettuh.), узб. *jetti*, нуйг. *jätti*, кар. *jedi*, кум. *jetti*, кбалк. *jeti*, *ǯeti*, *žeti*, тат. *ǯide*, башк. *jete*, ног. *jeti*, каз. *žeti*, ккалп. *žeti*, кирг. *ǯeti*, галт. *jeti*. Звонкость может объясняться рефлексами редкого кластера. ПАлт. **nad[i].*

На этом подборе примеров огузские языки демонстрируют распределение звонкости/глухости серединного согласного по исторической долготе/краткости предшествующего гласного. Карлукские и кыпчакские языки также озвончают исключительно после исторического долгого, но не всегда – наблюдается явная корреляция с алтайским источником тюркского серединного **t*, а именно: ПТюрк. **t*, происходящее из ПАлт. **t* непридыхательного (или звонкого в сочетаниях), в позиции после пратюркской долготы озвончается между гласными; ПТюрк. **t*, происходящее из ПАлт. **t'* придыхательного, в позиции после пратюркской долготы не озвончается между гласными.

Нарушение распределения в основах **dūtük* и **dāt-* может объясняться в первом случае редупликационным развитием, во втором – контаминацией двух исторически разных корней. В кыпчакских и карлукских рефлексах **gēt-ük* озвончение, возможно, устранено в связи с синхронно производным обликом лексемы и унификацией формы корня. Поскольку лишь очень небольшой класс случаев, таким образом, сохраняет оппозицию придыхательного и непридыхательного глухого в середине слова, возможно, не стоит восстанавливать такую оппозицию для пратюркской фонологической системы и следует предполагать в качестве носителя данного различия какой-то просодический признак (ср. развитие тобаской фарингализации – СИГТЯ 2002, 615–621), длительное время сохранявшийся у карлуков и кыпчаков.

Озвончение **-k-*

Что касается односложных слов, оканчивающихся на гуттуральный, то, как мы уже писали в СИГТЯ 2002, 96–104, «огузское озвончение» в них проявляется не вполне регулярно. Нормально, т.е. как это наблюдается в односложных основах на глухой дентальный или губной, большинство огузских языков должно было бы демонстрировать после первично долгих, как и в многосложных основах, чередование: «глухой на конце слова – звонкий в интервокальной позиции». В реальности во всех огузских языках эта картина в разной степени разрушена процессами парадигматической унификации. В турецком рефлексы **tūk* и **čiāk* унифицировали звонкий конец, рефлексы **āk* и **tēk* 'нечетный' – глухой, рефлексы **gōk* и **jōk* пока сохраняют чередование, но получили и новые, унифицированные варианты с глухим в интервокале. В гагаузском в однослогах унифицирован глухой, кроме рефлекса **tūk*, где унифицирован звонкий. В азербайджанском звонкий унифицировали **čiāk*, **āk*, **gōk*, глухой – **tūk*, **tēk* 'нечетный', **jōk*. В туркменском звонкий унифицировали **čiāk*, **tūk* и **tēk* 'дно, нижняя часть', сохраняют чередование **gōk*, **āk*, *tēk* 'нечетный', **jōk*. Парадигматические унификации, по-видимому, полностью устранили чередование глухого и звонкого гуттурального на границе односложного глагольного корня. Что же касается синхронно неразложимых двусложных основ, «огузское озвончение» проходит в них достаточно регулярно, т.е. после первично долгих гласных.

В карлукских языках, вообще говоря, чередования в интересующих нас позициях устроены с синхронно-морфонологической точки зрения чрезвычайно странно, что заставляет предполагать за ними довольно запутанную фонологическую историю. В новоуйгурском чередование в однослогах, похоже, отсутствует, происходит только в именах-многосложниках (*kitap – kitivi, ajaq – ajiγi*), причем в многосложных и некоторых однослогах-заимствованиях чередуются и *t/d: mäxsät* 'цель' – *mäxsädimiz, dat* 'вопль' – *dadi* (но *at* 'имя' – *eti*), см. Надж. Совр. уйг. яз., 41–42, Кайдаров 293. При этом можно заметить, что рефлексы пратюркских односложных существительных с конечным глухим гуттуральным единообразно имеют глухой конеч-

ный согласный при исторически кратком гласном (*oq – oqi* 'стрела', *saq* 'осторожный', *saq-li-* 'хранить', **dik-* 'вертикальный' > *tik – tiki*, **juk* 'остатки пищи на посуде' > *žuq – žuqi*, **bük* 'лес' > *bük* 'густой (лес, сад)', **kiak* 'сухой' > *qaq, qeqi),* но при исторически долгом гласном дают и глухие, и звонкие рефлексы, унифицированные внутри словоизменительной парадигмы и в стандартном словообразовании, но могущие различаться при расхождении основ одного происхождения: **gök* 'синий' > *kök – köküč* 'синеватый', **āk* > *aq – eqi* 'белый – бельмо', **jōk* 'нет, не имеется' > *joq* 'нет' – *joqalmaq* 'исчезать', **tūk* > *tük – tüki* 'во́лос', но **čiāk* 'время, пора' > *čaγ – čeγi* 'время', *čaq* 'как раз', **tēk* 'дно, нижняя часть' > *täg – tegi*, **jīk* 'шов' > *žiγi* 'место соединения позвонков' (только с аф. принадлежности), **ük-* 'молоть, крошить, растирать' > *ük-*, *ügüt* 'зерно для помола'. Такая ситуация заставляет предполагать предшествующее состояние, близкое к огузскому, т.е. с чередованием глухости/звонкости внутри парадигм у многослогов и у однослогов после исторически долгих гласных, и прошедшее впоследствии парадигматическое выравнивание.

Точно таким же образом в узбекском языке в словоизменении и отчасти в словообразовании для гуттуральных действует морфонологическое правило озвончения «глухой на конце слова и перед глухим / звонкий в интервокале и перед звонким», абсолютно регулярное для неодносложных основ (узб. *ešik – ešigi, baliq – baliγi*, Кон.Узб., 20; ср. также *ujalibroq* 'слегка стыдясь' Щербак 1981, 128). У односложных основ глухость и звонкость унифицирована внутри парадигмы, причем основы с первично кратким гласным всегда имеют глухое завершение (*ụq* 'стрела' – *ụqi*, **kek* 'гнев, злоба' > *kek – keki*, **dik-* 'вертикальный' > *tik – tiki*, **juk* 'остатки пищи на посуде' > *juq – juqi*, **kiak* 'сухой' > *qɔq – qɔqi*), а основы с первично долгим – и глухое, и звонкое (**gōk* 'синий' > *kụk – kụki* 'небо', **āk* > *ɔq – ɔqi* 'белый', **tūk* 'волос' > *tuk – tuki*, vs. *čɔγ, -γi* 'время' = *čɔq, -qi*, *čɔqum* 'точно', **tēk* 'дно, нижняя часть' > *tag, -i*, **jōk* 'нет, не имеется' > *jọq, jọq-ol-* 'исчезать', но субстантивированное, с афф. принадлежности, *jọγi*). Соответственно, ситуация требует такой же исторической интерпретации, как в новоуйгурском.

В кыпчакских языках в словоизменении именных и глагольных основ генерализовано чередование конца основы по глухости-звонкости независимо от первичной долготы-краткости, по позициям конец слога – интервокал. Но в синхронно неразложимых (хотя, возможно, исторически производных) неодносложных основах довольно часто имеется глухой рефлекс, причем после исторических долгих он появляется сравнительно более редко. Ту же картину в неразложимых основах можно видеть и в карлукских языках. Вот иллюстрирующий эти явления материал.

С первично долгим гласным:

Озвончение в огузском, карлукском и кыпчакском:

1. **ēke-* 'быть дерзким, ссориться': як. *eγe* 'придирка', *eγelē-* 'придираться', тув. *egen-* 'стесняться', крх. *ike-*, *ikeš-* (МК), тур. *igeš-*, турк. *īgen-*

'ворчать', тат. *egeš-*, ног. *eges-*, каз. *eges-*, кирг. *egeš-*. ПАлт. **íkè-* 'быть дерзким, раздраженным, сердиться': ПТ **ēke-*, ПМонг. **egde-*, ТМ **ikē-*, ПКор. **ikí-*, ПЯп. **íká-r-*[36].

2. **sūkak* 'антилопа, олень': др.-тюрк. *suqaq* (др.-уйг.), крх. *suqaq* (MK, QB), турк. *sōγaq* (диал.), чаг. и ст.-кыпч. *soqaq* (AH), *syqaq* (Pav.C.), кар. *soγaq*, *soγax*. ПАлт. **sūku* 'олень, лань': ПТюрк. **sūkak*, ПМонг. **sogu(γa)*, ПТМ **sog-že-*, ПЯп. **su(n)karu*.

3. **tōkün* 'ложь, лукавство': чув. *tuga tu-* 'колдовать', *togatmъš* 'колдун', як. *tüökün*, *tüökej*, долган. *tüökün*, хак. *tügen* 'шаманское лечение', шор. *tögün*, крх. *tögün*, тат. (КСТТ) *tügün*, *tügen*, кирг. *tögün*, галт. *tögün*. ПАлт. **t'ōki* 'лгать, обманывать': ПТюрк. **tōkün*, ПМонг. **togla-* 'играть, развлекаться'.

4. **tākan* 'подвеска, тренога': хак. *taxxan* (кызыл. – Joki W), крх. *taqan* (IM), тур. *daγan* (диал.), турк. *tāγan*, тат. *tagan*, башк. *tagan*, каз. *taγan*, галт. *taγan*, (диал. – Баск. Кум.), ПАлт. **t'já̀kù* 'полка', ПТюрк. **tākan*, ПМонг. *tag* 'полка', ПТМ **tuk-*, ПЯп. **túkú-wái*.

5. **(i)āka* 'старший брат, старший дядя, отец, дедушка, почтительное обращение, старший': як. *aγa* 'отец', долг. *aga* 'отец'; тув. *aky*, хак. *aγa*, шор. *aqqa*, сюг. *aqa*, *qyz aγa* 'тесть', др.-тюрк. *aqa* (др.-уйг., с первой половины XIII в., см. ДТС), тур. *aγa*, гаг. *aga*, аз. *aγa*, турк. *āγa*, *aqGa*, хал. *aγa*, ср.-тюрк. *aqa* (Огуз-намэ), *aγa* (Абуш.), *aqa* (Pav.C.), узб. *эγa*, *эqa*, нуйг. *aγa*, *aqa*, кар. *aqa* кар.К., *aγa* кар.К., Т., кум. *aγa*, балк. *aqqa*, тат. *aγa*, башк. *aγaj*, ног. *aga*, каз. *aγa*, ккалп. *aγa*, кирг. *aγa*, галт. *aka*. Варьирование рефлекса связано с экспрессивной геминацией. ПАлт. **á̀ka* 'старший брат': ПТюрк. **(i)āka*, (ПМонг. **aka* – тюркизм? Следствие экспрессивной геминации?),

---

[36] Здесь принимается реконструкция праалтайских интервокальных придыхательного и непридыхательного *k*, слегка отличающаяся от предложенной в EDAL (см. с. 67–70; см. также таблицу алтайских соответствий на с. 10–11 настоящей книги), а именно мы опираемся прежде всего на данные монг. и ТМ языков. Данные корейского языка, историческая фонетика и историческая морфонология которого (по предварительным наблюдениям, достаточно сложная) к настоящему времени практически не изучены, кажутся в своем нынешнем виде не слишком надежными и используются только вспомогательно. В монгольском при наличии варьирования *k/g* в трех северных языках (в халха, калмыцком и бурятском, в которых не наблюдается интервокальных озвончений) основным считается звонкий рефлекс; кроме того, поскольку из 15 случаев в EDAL, когда монг. рефлекс алт. слова демонстрирует *-g* конечнослоговое (автоматическое по синхронным правилам), в 14 случаях имеется ТМ соответствие, надежно демонстрирующее **k*, а не **x*, мы считаем такой монг. рефлекс релевантным для определения непридыхательного прототипа в праалтайском (соответственно, считаем, что праалтайская непридыхательность в сочетании с еще каким-то фонетическим условием обусловила падение второго гласного основы в монг.). Что касается ТМ рефлексов, то, во-первых, не считаются релевантными конечные **k* односложных неизменяемых слов (поскольку конечное **x* в такой позиции не встречается), во-вторых, мы принимаем предложенное в EDAL распределение, по которому ПАлт. придыхательный дает в ТМ рефлекс **k* перед праалт. гласными второго слога **a*, **e* (10 надежных монгольско-тунгусо-маньчжурских соответствий), **x* перед праалт. гласными второго слога **i*, **u*, **o* (11 надежных монгольско-тунгусо-маньчжурских соответствий; один противоречащий пример ТМ **k* перед ПАлт. **u*). Итак, далее ПАлт. **-k-* > ПМонг. **-k-*, ТМ **-x-/*-k-*, ПКор. **-k-*, **(C)h-*; ПАлт. **k'* > ПМонг. **-g-*, ТМ **-k-*, ПКор. **-0-*, **-k-*, **-h-*.

ТМ **akā/*kakā* (скорее на первичный непридыхательный указывает **k* в редупликации, ср. ТМ **xuken* 'грудь' < ПАлт. **koke* с вторичным **k* из **x* в ТМ).

6. **bākana* 'овечья шкура, ягненок, ребенок': тур. *bayan*, (диал.) *bayalak*, *baynak*, *bayana*, аз. *bayana*, турк. *bayana*, чаг. *bayana* (P), узб. *bayana*, каз. *bayana*, ккалп. *baylan* 'хорошо питающийся ранний ягненок', кирг. *baylan*, *bayylan* 'ягненок, который перестал сосать', *bayyldyr* 'дикий ягненок, годовалый горный козел'. ПАлт. **bāku* 'мелкий скот': ПТюрк. **bākana*, ПМонг. **bog*.

7. **ūk-* 'молоть, крошить, растирать', **ūk-üt* 'зерно для помола' и другие оторвавшиеся производные: др.-тюрк. *ögi-* (др.-уйг.), *ögi-*, *üg-üt* (МК), тур. *öjüt-*, *övüt-*, гаг. *üt-*, аз. *üjüt-*, турк. *üvi-*, *üvüt-*, ст.-кыпч. *ügüt-* (АН), нуйг. *ük-*, *ügüt* (диал.), тат. *ük-*, *ügel-* (диал.), каз. *ük-*, *ügindi* 'опилки', ккалп. *ük-*, *ügi-*, *ügindi*, кирг. *ük-*, *ügündü*. ПАлт. **p'ūkŋi* 'тереть, стирать': ПТюрк. **ūk-*, ПМонг. **hüŋgü-*, ПТМ **puŋku*, ПЯп. **púk-*.

8. **siāk-*, *siāk-yn-* 'думать', **siāk-yš* 'мысль' : чув. *šoγъš*, як. *āx-*, *aγyn-*, долг. *āk-*, *agyn-*, тув. *sayyn-*, *sayyš*, хак. *sayys*, *saγyn-*, др.-уйг. *saq-*, *saqyš*, *saq-*, *saγyn-*, *saqyš* (МК), тур. *saγy* 'плач', аз. *sagyn-* (по значению – 'беречься' – контамин. с *sak-*), турк. *sāγyn-*, чаг. *saγyn-* (Буд.), *saγy* (Pav.C.), узб. *sɔγin-*, нуйг. *seγin-*, кар. *sagyš*, *saγyn-*, кум. *saγyn-*, тат. *saγy*, *sagyn-*, баш. *haγyn-*, *sagyš-*, кум. *sagyn-*, ног. *saγyn-*, каз. *saγyn-*, ккал. *saγyn-*, кир. *saγyn-*, ойр. *sagyš*. ПАлт. **sịāk'a* 'думать, волноваться': ПТюрк. **siāk-*, ПМонг. **seg/ke-*, ПТМ **siak-*, ПКор. **skái-*, ПЯп. **sáka-*. Не исключено, что здесь регулярное озвончение связано с явной формальной выделимостью границы корня и суффиксов, т.е. с распространением морфонологического правила. Ср. ног. *sakaman* 'рассудительный человек' (без озвончения).

Озвончение в огузских, нет озвончения или озвончение нерегулярно в карлукских и кыпчакских языках:

1. **gēkir-* 'рыгать': чув. *kagъr-*, як. *kegert-*, тув. *keγir-*, тоф. *keγir-*, хак. *kigər-*, сюг. *kekirt-*, др.-тюрк. *kekir-* (МК), тур. *gejir-*, гаг. *gīr-*, аз. *gäjir-*, турк. *gägir-*, чаг. *gegir-* (Pav.C.), *kekir-* (МА), узб. *kekir-*, нуйг. *keki(r)-*, кар. *kekir-*, кум. *kekir-*, балк. *kekir-*, тат. *kiker-*, башк. *kiker-*, ног. *kekir-*, каз. *kekir-*, ккалп. *kekir-*, кирг. *kekir-*, галт. *kegir-*. ПАлт. **kāk'i* 'рыгать, давиться': ПТюрк. **gēkir-*, ПМонг. **kekere-/*kakira-/*kaka-*, ПТМ **kaxa-*, ПКор. **kai'o-*.

2. **b(i)āka* 'лягушка': як. *baγa*, тув. *paga*, тоф. *baγa*, хак. *paγa*, шор. *paγa*, др.-тюрк. *baqa* (др.-уйг.), *baqa* (МК), тур. *bā*, гаг. *qurbā*, аз. *baγa*, турк. *Gurbāγa*, сал. *paγa*, хал. *bāqa* '*черепаха*', чаг. и ст.-кыпч. *baqa* (АН, Ettuh.), *baqqa* (МА), узб. *baqa*, нуйг. *baqa*, *paqa*, кар. *baqa*, кум. *baqa*, балк. *maqa*, тат. *baka*, ног. *baqa*, каз. *baqa*, ккалп. *baqa*, кирг. *baka*, галт. *baka*. ПАлт. **mịāk'o* 'лягушка': ПТюрк. **b(i)āka*, ПМонг. **mekelej*, **melekej*, ПТМ **moko-*, ПКор. **mə̀kùrí* (СИГТЯ 1997, 180).

3. **būka* 'бык': як. *buga*, тув. *buγa*, тоф. *buxa*, хак. *puγa*, шор. *puγa*, сюг. *puqa*, др.-тюрк. *buqa* (орхон., др.-уйг.), *buqa* (МК, QB), тур. *boa*, гаг. *buga*, *bua*, аз. *buγa*, турк. *buγa*, чаг. *buγa* (Sangl.), узб. *buqa*, нуйг. *buγa*, *buqa*, кар.

buγa, кум. *buγa*, балк. *buγa*, тат. *buga* (диал.), башк. *buγa*, ног. *buγa*, каз. *buqa*, ккалп. *buγa*, кирг. *buka*, галт. *buka* (СИГТЯ 1997, 437). ПАлт. **mük'o* 'самец': ПТюрк. **būka*, ПМонг. **mok-*, ПТМ **muxa-/*muxe-*.

4. **bẹ̄ken-* 'радоваться, стремиться': чув. *pigen-*, крх. *biken-*, тур. *beγen-*, аз. *bäjän-*, турк. *beγen-*, кар. *bijan-č*, кум. *begen-*, кирг. *bekü* 'праздник' (ЭСТЯ 1978, 101). ПАлт. **pẹ́k'o-* 'желать, намереваться': ПТюрк. **bẹ̄ken-*, ПМонг. **baka-*, ПЯп. **pakar-*.

5. **čāka* 'новорожденный ребенок, детеныш': тур. *čaγa* (диал.); аз. *čaγa*, турк. *čāγa*, чаг. *čaqa* (Pav.C.), (хрзм.-т.) *čaqa* (Фазылов II, 511), узб. *čaqalɔq*, *čaqa*, нуйг. *bala-čaqa* (диал.), тат. *čaγa*, ног. *bala-šaγa*, каз. *šaγa*, ккалп. *šaγa*, кирг. *bala-čaqa*. ПАлт. **č'jāk'e* 'маленький': ПТюрк. **čāka*: ПМонг. **čaka*, ПКор. **čjāk-*, **čjək-*.

6. **čkü* 'полынья': чув. *vagъ*, тур. *öγü*, турк. *öjü*, чаг. *ökü*, каз. *üki*, ккалп. *üki*. ПАлт. **ök'ke* 'глубокое место, место, далекое от берега': ПТюрк. **čkü*, ПТМ **uk-*.

7. **ẹ̄jke-* 'пилить; напильник': чув. *jəgev*, як. *igī*, долг. *igī*, тув. *eγe-*, *öγe-*, *eγē*, хак. *ige-*, др.-тюрк. *ike-* (~ *ege-*) (МК), тур. *eje*, гаг. *ija*, аз. *äjä*, турк. *īγe*, чаг. *ekäk* (Pav.C.), узб. *egɔw*, нуйг. *ekäk*, *igäk*, балк. *egew*, тат. *igä-*, *igäw*, башк. *igä-*, *igäw*, ног. *ege-*, *egew*, каз. *ege-*, *egew*, кар. *ege*, *egew*, ккалп. *ege-*, *egew*, кум. *egew*, кирг. *ege-*, *ögö-*, *egō*, *ögō*, галт. *ege-*, *egü*. ПАлт. **p'ík/k'e-* 'пилить, полировать, тереть': ПТюрк. **ẹ̄ke-*, ПТМ **piki-* (тюрк. > монг. **egeγü* 'напильник').

8. **sēk-* 'прыгать': чув. *sik-*, як. *äk-kirā-*, долган. *ek-kirē-*, хак. *segiŕ-*, шор. *segri-*, др.-уйг. *sekri-*, ср-уйг. крх. *sekri-* (МК), *sek-* КБ, турк. *sek-*, *segre-*, аз *sək-*, *səjri-*, тур. *sek-*, *sejir-*, турк. *segre-*, *sākdir-*, чаг. *sek-*, *segri-* (Pav.C.) уйг. *səkrə-*, узб. *səkrə-*, кар. *säkir-*, кбалк. *sekir-*, тат. *sikiŕ-*, баш. *hikiŕ-*, балк. *sekir-*, каз. *sekir-*, ккал. *sekir-*, кир. *sekir-*, галт. *sekir-*, *segir-*. ПАлт. **sāki* 'прыгать, трястись': ПТюрк. **sēk-*: ПМонг. **sege-*, ПТМ **saka-*. Возможно, неозвонченные формы здесь следует рассматривать как рефлексы геминированного *-kk-* на стыке корня и суффикса «дескриптивного» глаголообразования *-kir-* (см., например, ЭСТЯ 2003, 223).

С первично краткими гласными:

Нет озвончения в огузских, озвончение во всех кыпчакских и карлукских языках.

ПАлт. **-**k'**-*.

1. **böke-l*, *böke-lek* 'овод, оса': як. *bügülex*, *bügüje*, турк. *bökelek*, аз. *böjäläk*, тат. *bögäčän*, баш. *bögelek*, ног. *büklesin*, каз. *bügelek*, *bögelik*, кир. *bögönök*, галт. *bökönök* (ЭСТЯ 1978, 212–213). ПАлт. **pjúk'i* 'вид насекомого': ПТюрк. **bökelek*, ПМонг. **böküne*, ПТМ **peke*, ПЯп. **pínkúrási* (СИГТЯ 1997, 185).

2. **buka* 'окунь': хак. *ala-buγa*, тат. *ala-boγa*, каз. *ala-buγa* (VEWT 15; СИГТЯ 1997, 178; обычно считается композитом **āla* 'пестрый' + **buka* 'бык', но ср. в тат.: *ala-balyq* 'карась': *ala-boγa* 'окунь' – возможно, специфическое название рыбы). ПАлт. **pák'[o]* 'вид рыбы': ПТюрк. **buka*, ПТМ **paxan*, ПКор. **pok*, ПЯп. **púká* (СИГТЯ 1997, 178).

3. **eker* 'охотничья собака': чув. *agar jytti*, шор. *eger*, чаг. *iger* (Буд.), кум. *eger*, тат. *igɛr* (Сиб.), башк. *igɛr*, галт. *eger*. ПАлт. **ŋi̯ə̀k'u* 'песец, собака': ПТюрк. **eker*, ПМонг. **nokaj*, ПТМ **ŋōke*, ПКор. **nəkori* (АПиПЯЯ, 18).

ПАлт. **-k-*

4. **bukagu* 'путы, цепь, веревка': чув. *pъʷxav*, др.-тюрк. *buqaɣu* (др.-уйг.), *buqaɣu* (МК), тур. *bukaɣy*, гаг. *bukā*, *bykā*, аз. *buxov*, турк. *buqaw*, чаг. *buqaɣu*, *buqaw* (Sangl., MA), узб. *buɣɔw*, кар. *buqow*, *buɣuw*, кум. *buɣaw*, балк. *buɣow*, тат. *boɣaw*, башк. *byɣaw*, ног. *buɣaw*, каз. *buɣaw*, ккалп. *buɣaw*, кирг. *bogō* (ЭСТЯ 1978, 248–250). ПАлт. **bùkə̀a* 'цепь, обод': ПТюрк. **bukagu*, ПМонг. **bugu-*, ПТМ **boki-*, ПЯп. **bə̀kù*.

5. **tüke-* 'кончаться, истощаться': як. *tüksü*, *tügüsü*, хак. *tügel-*, шор. *tügen-*, сюг. *tüke-*, др.-тюрк. *tüke-* (орхон., др.-уйг.), *tüke-* (МК, QB, IM), хал. *tiken-*, тур. *tüken-*, гаг. *tüken-*, аз. *tükən-*, турк. *tüken-*, чаг. *tüken-* (Sangl.), узб. *tuga-*, *tugan-*, нуйг. *tügü-*, кар. *tügen-*, кум. *tügen-*, *tigen-*, балк. *tügen-*, тат. *tögen-*, каз. *tüges-*, кирг. *tügön-*, галт. *tügen-*. ПАлт. **t'ukì* 'заканчиваться, истощаться': ПТюрк. **tüke-*, ПМонг. **tögüs-*, ПЯп. **tuku-*.

6. **jakyl-* 'вид небольшого ястреба': хак. *čaɣylbaj*, чаг. *jaɣlabaj* (Ettuh.), тат. *jaɣylbaj*, башк. *jaɣylbaj*, каз. *žaɣaltaj*, кирг. *ǯaɣalmaj*, галт. *jaŋalbaj*. ПАлт. **lak[a]* 'вид птицы': ПТюрк. **jakyl-*, ПМонг. **lag*, ПТМ **lakun*.

7. **koka* 'вид тростника': тур. *kova*, *koɣa* (диал.), узб. *qoɣa*, кар. *qoɣa*, кум. *qoɣa*, тат. *quɣa*, башк. *quɣa* (диал.), ног. *qoɣa*, каз. *qoɣa*, ккалп. *qoɣa*, галт. *qoɣo*. ПАлт. **gokV* 'вид тростника или дикого лука': ПТюрк. **koka*, ПМонг. **gogu-*.

Нет озвончения в огузских, нет озвончения или озвончение нерегулярно в карлукских и кыпчакских языках:

ПАлт. **-k'-*

1. **doku-* 'ткать': сюг. *toqy-*, др.-тюрк. *toqu-* (др.-уйг.), *toqu-* (МК), хал. *toqu-*, тур. *doku-*, гаг. *doku-*, аз. *toxu-*, турк. *doka-*, чаг. *toqu-* (Sangl.), узб. *toqi-*, нуйг. *toqu-*, кар. *toxy-*, балк. *? toɣustun* название дерева, из которого делают челноки, тат. *tuqy-*, башк. *tuqy-*, ног. *toqy-*, каз. *toqy-*, ккалп. *toqy-*, кирг. *toku-* (СИГТЯ 1997, 395). ПАлт. **tok'V* 'плести, ткать': ПТюрк. **doku-*, ПТМ **duku-*, ПКор. **tàh-*, **th-ỳr-*.

2. **ẹk(k)i* 'два': чув. *ikkə*, як. *ikki*, долг. *ikki*, тув. *ījí*, тоф. *i'xi*, хак. *eke*, шор. *igi*, сюг. *šigy*, др.-тюрк. *eki* (орхон., др.-уйг.), *ẹki* (МК), хал. *äkki*, *äkkị*, тур. *iki*, гаг. *iki*, аз. *iki*, турк. *iki*, сал. *išky*, чаг. *iki* (AH, IM), узб. *ikki*, нуйг. *ikki*, кар. Г. *iki*, кар. К. *eki*, кум. *eki*, балк. *eki*, тат. *ike*, башк. *ike*, ног. *eki*, каз. *eki*, ккалп. *eki*, кирг. *eki*, галт. *eki*. ПАлт. **p'i̯ò̀k'e* 'пара': ПТюрк. **ẹk(k)i*, ПМонг. **(h)ekire*, ПКор. **pə̀kỳ-*, ПЯп. **pə̀kə́*.

3. **gökür*, **kökrek* 'грудь': чув. *kъʷgъʷr*, як. *köyüs*, долг. *köksü*, хак. *kögis*, шор. *kögüs*, сюг. *köküs*, *gös* (ССЮЯ), др.-тюрк. *kögüz* (др.-уйг.), *kögüz* (МК), тур. *göyüs*, *kökrek* (диал.), гаг. *güs*, аз. *köks*, *köküs*, турк. *gövüs*, *kükrek*[37], сал. *göfrix*, чаг. *kögs*, *kögüs* (Sangl.), *köküs* (MA), *kökrek* (Абуш.,

[37] Спорадическое озвончение в огуз. вызвано, по-видимому, вторичной разбивкой кластера – ср. оглушение конечного *z*, которое могло произойти только в контакте со срединным глухим, см. СИГТЯ 2002, 106–107.

Бор.Бад.), узб. *kuks*, *kɔkrăk*, нуйг. *köküs*, *kökrăk*, кар. *kökis*, *kökrăk*, кум. *kökürek*, балк. *kökürek*, тат. *kögüs* (диал., КСТТ), *kükrɛk*, башк. *kükrăk*, ног. *kökirek*, каз. *kökirek*, ккалп. *kökirek*, кирг. *kökürök*, галт. *kögüs* (СИГТЯ 1997, 272–274). ПАлт. **koḵ'e* 'грудь (ж.), сосать; сердце': ПТюрк. **gökür*, ПМонг. **kökön*, ПТМ **xuku-n/*kuku-n*, ПКор. **kokai-*, ПЯп. **kə̀kə̀rə*.

4. **jek* 'злой дух; плохой; ненавидеть': шор. *ček*, др.-тюрк. *jek* (др.-уйг.), *jek* (МК), турк. *jekir-*, *jek* (диал.), чаг. и ст.-кыпч. *jek* (АН, Pav.C.), *jigir-* (Р), узб. *ǯekir-*, нуйг. *jăklă-*, *ǯekir-*, кар. *jek*, кум. *jekir-*, тат. *ǯik*, *ǯiker-*, башк. *jek*, *jeker-*, ног. *jekir-*, каз. *žek*, *žekir-*, ккалп. *žek*, *žekir-*, кирг. *ǯek*, *ǯekte-*, *ǯekir-*, галт. *jek*, *d'ek*, *jikir-* (ЭСТЯ 1989, 170–171, 173–174). ПАлт. **λăḵ'e* 'дурной, злой': ПТюрк. **jek*, ПМонг. **ǯeke-j*, ПТМ **lāk-*, ПКор. **nək-*, ПЯп. **nəkə*.

5. **tiken* 'игла, колючка, шип': тув. *ten*, тоф. *ḍeh'en;* хак., шор. *tigen*, др.-уйг. *tiken*, крх.-уйг. *tikän* (МК, QB), *tikkän* (МК); тур. *diken*, гаг., турк. *tiken*, аз. *tikän*; ст.-кыпч. *tik'ăn* (Tr. I, 759) чаг. *tiken* (Sangl.); узб. *tikan*, уйг. *tikän*; кар.К. *diken*, ктат., ккалп., каз. *tiken*. ПАлт. **tīḵ'i* 'втыкать, сажать, ставить вертикально': ПТюрк. **dik-*, ПМонг. **čike*, ПТМ **dīkē-*. Ср. несколько другое распределение звонкостей и глухостей по языкам в производном: **tikenek*, хак. *tigenek*, турк. *tikenek*, ср.-кыпч. *tikenek* (Ettuh., Qaw); узб. *tikanak*; кар. *t'eg'an'ak ~ tägenäk ~ tägänäk;* кбалк., кум., ног. *tegenek*, ккалп., каз. *tikenek*.

6. **čoky-* 'клевать, долбить, копать': хак. *sox-la-*, др.-тюрк. *čoq-* (др.-уйг.), *čoq-* (МК), тур. *čoku-*, *čukur*, гаг. *čukur*, аз. *čuxur*, турк. *čok-*, *čukanak*, *čuxur*, чаг. *čo/uqu-* (Sangl., Pav.C.); *čuqur; čux-la-* (МА), узб. *čuqi-*, *čuqu-la-*, *čuqur*, нуйг. *čoqu-*, кар. *čoq-*, *čoyy-*, *č/cuku/yr*, кум. *čoqu-*, тат. *čuky-*, *čoky-*, башк. *suqy-*, *soqo-*, ног. *šoky-*, *šuky-*, каз. *šoqy-*, *šuqy-*, ккалп. *šoqy-*, *šuqy-*, кирг. *čoku-*, *čuku-*, галт. *čoku-*. ПАлт. **č'o̱k'a* 'клевать, долбить': ПТюрк. **čok-*, ПМонг. **čoki-*, ПТМ **čōk(i)-*, ПКор. **čha-*.

7. **kek-/*kak-* 'кривой; палка с крюком': чув. *kagъr*, *kagъr-t-*, як. *keγij-*, *kekej-*, тур. *keke*, (диал.) *gege*, узб. *kekkaj-*, *qaqqaj-*, тат. *kɛkre*, *kɛjre*, *kɛkrɛj-*, (сиб.) *kɛgɛ*, башк. *käkere*, *käkeräj-*, *käkä-ŋ-lä-* 'извиваться (о змее)', *qaqaj-*, каз. *qaqaj-*, *kekirej-*, ккалп. *qaqaj-*, *kejkej-*, кирг. *qaqaj-*, *kekej-*, галт. *kekej-*. ПАлт. **gé̱k'a* 'крюк, гнуть': ПТюрк. **kek-/*kak-*, ПМонг. **gek-*, ПТМ **gek(u)-*, ПЯп. **ká̱nká̱m-*.

8. **toku* 'обряд (погребальный, свадебный)': чув. *tъxlačъ* 'сваха', др.-тюрк. *toqu* (др.-уйг.), *toqu* (QB), тур. *toka* 'свадебный подарок' (диал.), 'рукобитье', чаг. *toqa* (Sangl.), *toqal* 'младшая жена' (Pav.C), узб. *toqɔl* 'вторая жена', нуйг. *toqal* 'младшая жена', балк. *toqal* 'первая жена по отношению к остальным', ккалп. *toqal* 'младшая жена', кирг. *tokol* 'младшая жена'. ПАлт. **t'á̱k'i* 'церемония, жертвоприношение': ПТюрк. **toku*, ПМонг. **taki-*, ПТМ **taku-*, ПЯп. **tiká̱-p-*.

9. **tok* 'комолый; основание рога': тув. *tokpak* 'куцый (о хвосте)', *dokpak* 'корноухий', др.-тюрк. *toq* 'бритоголовый' (МК), хал. *toq* 'вершина', чаг. *toqal* (Р), узб. *toqɔl*, нуйг. *toqal*, кар. *toqal* 'с тупым концом', балк. *toqal*, башк. *tuqal*, ног. *tokal*, *tokalak*, каз. *tokal*, ккалп. *toqal*, кирг. *tokol*. ПАлт.

tok'à 'основание рога, мозоль': ПТюрк. **tok*, ПМонг. **duku*, ПТМ **dokta-*, ПЯп. **takua*.

10. **ükek* 'ящик, сундук': як. *ügex*, тув. *ügek*, др.-тюрк. *ükek* (МК), башк. *ökälɛk*, кирг. *ükök*. СИГТЯ 1997, 521. ПАлт. **ibk'V* 'вид сосуда': ПТюрк. **ükek*, ПМонг. **(h)ükeg*, ПТМ **ibkē-n*, ПЯп. **ukupa*.

11. **ög* (**öke*) 'мать, сестра': др.-тюрк. *ög* (орхон., др.-уйг.), тур. *öke*, *öge* (диал.), чаг. *öke* (P), нуйг. *uka*, *hükä*. СИГТЯ 1997, 300. ПАлт. **o[k'ɟè* 'женщина, самка': ПТюрк. **ög* (**öke*), ПМонг. **oki-n* / **öki-n*, ПТМ **uku-*, ПЯп. **ə̀ku*.

12. **ökün-* 'раскаиваться, сожалеть': др.-тюрк. *ökün-* (др.-уйг.), крх. *ökün-* (МК), тур. *ökün-*, турк. *ökün-*, чаг. *ökün-* (Pav.C.), узб. *o̡kin-*, тат. *ükin-*, кар. *ökün-*, башк. *ükin-*, ног. *ökin-*, каз. *ökin-*, ккалп. *ökin-*, кирг. *ökün-*. ПАлт. **o̡k'è* 'горевать, сердиться': ПТюрк. **ökün-*, ПМонг. **ukí-la-*, ПТМ **(x)ukt-*, ПЯп. **ə̀kə̀-r-*.

13. **kok-* 'плохо пахнуть, пахнуть горелым': крх. *qoq-* (МК), тур. *kok-*, гаг. *qoq-*, аз. *Goxu*, *Goxu-*, турк. *qoq*, *qoqa-*, кар. *qoqu*, *qoqy*, ног. *qoqy-*. ПАлт. **kak'o-* 'пахнуть горелым': ПТюрк. **kok-*, ПМонг. **kaku-*, ПТМ **kakti-*.

14. **jaku* 'плащ, шуба': як. *saɣynnáx*, тув. *čaɣy*, крх. *jaqu* (МК), башк. *jaqy*, каз. *žaqy* (диал.), кирг. *ǯaqy* (диал.), галт. *jaqqy*, *d̂aqqy*, *jaqa*, *d̂aqa*. ПАлт. **λak'V* 'меховая одежда': ПТюрк. **jaku*, ПМонг. **daku*, ПТМ **leku(/*laku)*.

15. **čok-* 'молиться, приносить жертву, креститься': чув. *śъk*, хак. *čoɣyn-*, шор. *šoq-ta-*, сюг. *čoq et-*, турк. *čoqun-*, узб. *čo̡qin-*, нуйг. *čoqun-*, кум. *čoqun-*, тат. *čuqyn-*, башк. *suqyn-*, ног. *šoqyn-* , ккалп. *šoqyn-*, кирг. *čoqun-*, галт. *čoɣyr-*, *čoqto-*. ПАлт. **č'i̡o̡k'ó* 'соглашаться, подтверждать': ПТюрк. **čok-*, ПМонг. **čoku-*, ПТМ **čixa*, ПЯп. **tə̀nkə́-*.

16. **bykyn* 'бедро': тув. *byɣyn*, хак. *pyxty* (перестроенная форма принадлежности), др.-уйг. *byqyn* (TT VII), крх.-уйг. *byqyn* (МК), турк. *byqyn*; кбалк. *byɣyn*, чаг. *byqyn* (Sangl.); тур. *bykyn* (диал.), ср.-кыпч. *byqyn*, хрзм.-т. *byqyn* (ХШ), узб. *biqin*, уйг. *biqin*, *beqin*, тат. (Сиб.) *byɣyn*, башк. *byɣyn*, каз. *myqyn*, кирг. *myqyn*, галт. *byqyn*, *myqyn*, *beken* (СИГТЯ 1997, 280). ПАлт. **bi̡ūk'a* 'бок, бедро': ПТюрк. **bykyn*, ПМонг. **bokaɣur*, ПТМ **bōkan*.

17. **čęke* 'висок, скула': чув. *čigə*, турк. *čekge*, чаг. *čeke* (Vamb.), чаг. ст.-кыпч. *čeke* (Ettuh.), узб. *čakka*, нуйг. *čekä*, кар. *čege*, кум. *čeke*, тат. *čigɛ*, башк. *sikä*, ног. *šeke*, каз. *šeke*, ккалп. *šeke*, кирг. *čeke* (СИГТЯ 1997, 203). ПАлт. **č'[ja]k'i* 'висок; ухо': ПТюрк. **čęke*, ПМонг. **čiki;* ПТМ **čakar*, ПКор. **čakami*.

18. **bakyr* 'медь; налет, патина': чув. *pъʷgъʷr*, як. *baɣaraχ*, хак. *pāɣər* (кызыл. – Joki W.), сюг. *paqyr*, др.-тюрк. *baqyr* (Ен., др.-уйг.), *baqyr* (МК, QB), тур. *bakyr*, гаг. *bakyr*, аз. *paxyr*, турк. *baqyr*, чаг. *baqyr* (MA, Pav.C.), узб. *baqir*, *paqir*, нуйг. *paqir*, кар. *baɣyr*, кум. *baɣyr*, балк. *baɣyr*, тат. *baqyr*, башк. *baqyr*, ног. *baqyr*, каз. *baqyr*, ккалп. *baqyr*, кирг. *bakyr*, галт. *bakras* (СИГТЯ 1997, 405–406). ПАлт. **bi̡ó̡k'ə̀(rV)* 'грязь, налет': ПТюрк. **bakyr*, ПМонг. **boki(r)*, ПЯп. **pə́kə́ri*.

19. **toku* 'пуговица, пряжка': чув. *тъ^{w}ɣа*, др.-тюрк. *toqu* (МК), тур. *toka*, гаг. *toka*, аз. *toGGa*, турк. *toka*, чаг. *toqqa* (Sangl.), узб. *тоqа*, кум. *toγa*, каз. *toγa*, ккалп. *doγa*, *toγa*, галт. *toγo* (диал. леб.). ПАлт. **t'ok'ü̆* 'пряжка, пуговица': ПТюрк. **toku*, ПТМ **toxan*, ПЯп. **tuku*.

20. **sakak* 'место между шеей и подбородком, жабры, бородка (топора)': чув. *soγa*, др.-тюрк. *saqaq* (МК), тур. *saqaq*, турк. *saqaq*, чаг. *saqaq* (Абуш., Бор.Бад., Pav.C.), узб. *saqaq* (диал.), балк. *sayaq*, тат. *sayaq*, башк. *hayaq*, каз. *sayaq*, ккалп. *sayaq*, кирг. *sayaq*, галт. *sayanaq* (СИГТЯ 1997, 220–222). ПАлт. **šek'a* 'верхняя часть горла': ПТюрк. **sakak*, ПМонг. **sakayu*, ПТМ **čeke-*.

21. **saky-* 'мираж': др.-тюрк. *saqyγ*, *saqy-* (МК), кум. *sayyn*, башк. *hayyn*, ног. *sayyn*, каз. *sayym*, ккалп. *sayym*, кирг. *saqym* (СИГТЯ 1997, 22). ПАлт. **šǰák'ü̆* 'плохо видеть': ПТюрк. **saky-*, ПМонг. **sokar*, ПТМ **šoka-*, ПКор. **sjŏkjə́ŋ*, ПЯп. **sú̆k-*.

22. **ökü̆r* 'бык, вол': чув. *vъ^{w}gъ^{w}r*, як. *oγus*, долган. *ogus*, сюг. *kus*, др.-тюрк. *öküz* (др.-уйг.), крх. *öküz* (МК), тур. *öküz*, гаг. *jöküz*, аз. *öküz*, турк. *ökiz*, *öküz*, чаг. *öküz* (Pav.C.), узб. *họkiz*, нуйг. *öküz*, *höküz*, кар. *oküz*, *ögüz*, кум. *ögüz*, кбалк. *ögüz*, тат. *ugiz*, башк. *ugiδ*, ног. *ögiz*, каз. *ögiz*, ккалп. *ögiz*, кирг. *ögüz*. ПАлт. **p'ok'i(-ŕV)* 'бык, корова': ПТюрк. **ökü̆r*, ПМонг. **hüker*, ПТМ **pukur/*pukun* (ОСНЯ III, 126–128).

23. **tokum* 'обод колеса': чув. *togъn*, узб. *тоγin*, кбалк. *тоχun*, тат. *tuγym*, башк. *tuγyn*, диал. *duγyn*, ног. *toγyn*, каз. *toγyn*, ккалп. *toγyn*. ПАлт. **t'ok'V* 'кривой': ПТюрк. **tok-*, ПМонг. **tokir*, ПТМ **tox-*.

24. **gekir-dek* 'глотка, трахея, хрящ': чув. *kagъr*, тур. *gegirtlek* (диал.), чаг. *kekirtek* (МА), турк. *kekirdek*, узб. *kekirdak*, нуйг. *keki(r)däk*, тат. *kikertäk* (диал.), башк. *kigerläk* (диал.), ног. *kekirdevik*, ккалп. *kegirdek*, кирг. *kekirtek*. ПАлт. **kek'V* 'нёбо, горло': ПТюрк. **gekir-dek*, ПМонг. **kekü-*, ПТМ **kexere*.

25. **čykan(ak)* 'локоть, предплечье': чув. *čike* 'локоть (мера)', тув. *šenek*, тоф. *če'henɛk*, хак. *čyγanax*, шор. *šyγanaq*, сюг. *čikenek*, чаг. и ст.-кыпч. *čayanaq* (Sangl., CCum., AH), узб. *čekánäk* (диал.), нуйг. *ǰäjnäk*, кар. *cyγanaq*, кбалк. *čyna*, тат. *cyγanaq* (диал.), каз. *šyγanaq*, ног. *šyγanaq*, башк. *syγanaq* (диал.), ккалп. *šyγanaq*, галт. *čayanaq*, кирг. *čyqanaq* (СИГТЯ 1997, 250). ПАлт. **č'ak'e* 'предплечье': ПТюрк. **čykan(ak)*, ПТМ **čaxan*, ПКор. **čjə̀kə́i-*.

ПАлт. **-k-*

1. **oky-* 'звать, читать, декламировать': як. *oguj-*, *uguj-*, др.-тюрк. *oqy-* (др.-уйг.), *oqy-* (МК), хал. *hoqu-*, тур. *oku-*, гаг. *oku-*, аз. *oxu-*, турк. *oqa-*, чаг. и ст.-кыпч. *oqy-* (AH), *oqu-* (Абуш., Pav.C.), узб. *ọqi-*, нуйг. *oqu-*, кар. *oxy-*, *oqu-*, *oxu-*, кум. *oxu-*, балк. *oqu-*, тат. *uqy-*, башк. *uqy-*, ног. *oqy-*, каз. *oqy-*, ккалп. *oqy-*, кирг. *oqu-*, ПАлт. **oki* 'петь, декламировать': ПТюрк. **oky-*, ПМонг. **üge*, ПТМ **(x)og- ~ *(x)ok-*, ПКор. **o'ai-*, ПЯп. **uka-ip-*.

2. **säkü* 'возвышение для сидения': чув. *sagъ*, як. *eγe*, др.-тюрк. *sekü* (МК), тур. *seki*, аз. *säki*, турк. *seki*, тат. *säki*, башк. *hikĭ*, кирг. *seki* (СИГТЯ

1997, 519). ПАлт. **sík'e* 'деталь порога, входа в дом': ПТюрк. **sekü*, ПМонг. **seg*, ПТМ **sik-*, ПЯп. **sikími*.

3. **tikö* 'часть, кусок': крх. *tikü* (МК), хал. *tike*, тур. *tike*, аз. *tikä*, турк. *tike*, чаг. *tike* (Pav.C.), кирг. *tike*. ПАлт. **t'ẹ̀ki* 'кусок, разрывать на куски': ПТюрк. **tikö*, ПТМ **teke-*, ПКор. **tàhí-*, ПЯп. **tinkir-*.

4. **oka* 'позумент': кбалк. *oqa*, тат. *uqa*, башк. *uqa*, ног. *oqa*, каз. *oqa*, ккалп. *oqa*, кирг. *oqo*. ПАлт. **p'jukò*, 'вид веревки, вышивка': ПТюрк. **oka*, ПМонг. **(h)ugulǯa*, ПТМ **pükV-*, ПЯп. **puki*.

5. **bakań* 'копыто, бабка, суставы ног животных': тоф. *mahnyq*, хак. *payajax*, *maxajax*, др.-тюрк. *baqanaq* (др.-уйг.), крх. *baqanaq*, *baqajaq* (МК), тур. *bakanak*, *bakynak* (диал.), аз. *bayanay*, *bayančay* (диал.), нуйг. *baqalčäq* 'кость голени', тат. *bɛkɛl*, башк. *bäqäl*, ног. *baqaj*, каз. *baqaj*, кирг. *baqaj*. ПАлт. **bakV* 'суставная кость, бабка, щиколотка', ПТюрк. **bakań*, ПМонг. **bagul-/*bugul-*, ПТМ **bak-*.

6. **teke* 'козел': чув. *taGa* 'козел, баран', тув. *d'ege*, *te* ([*dhe*]), тоф. *dehe*, сюг. *teke*, др.-тюрк. *teke* (др.-уйг.), *teke* (МК, ІМ), хал. *täkä*, тур. *teke*, гаг. *teke*, аз. *täkä*, турк. *teke*, чаг. *teke* (Sangl.), узб. *taka*, нуйг. *tekä*, кар. *teke*, *tege*, кум. *teke*, балк. *teke*, тат. *täkä* 'козел, баран', башк. *täkä* 'козел, баран', ног. *teke*, каз. *tekä*, ккалп. *teke*, кирг. *teke*, галт. *teke* (СИГТЯ 1997, 154, 428). ПАлт. **t'jàku* 'рогатое животное'. ПТюрк. **teke*, ПМонг. **togij*, ПТМ **tōkī*.

7. **jeken* 'вид травы, тростника': др.-тюрк. *jigen* (др.-уйг.), *jigen* (МК), турк. *jeken*, чаг. и ст.-кыпч. *jekän* (Р), *jigän* (АН), узб. *jäkän*, нуйг. *jekän*, балк. *zegen*, тат. *jegɛn* (диал.), *ǯikɛn*, башк. *jekän*, ног. *jeken*, каз. *žeken*, ккалп. *žiken*, кирг. *ǯeken*, галт. *jeken*, *jekken*, *dēken*. ПАлт. **dék'a* 'вид тростника или бамбука': ПТюрк. **jeken*, ПМонг. **dek-*, ПТМ **deke-*, ПКор. **tàI*, ПЯп. **takái*.

8. **jöke* 'липа': чув. *sə̑ʷga*, тур. *ǯöge* (DS), аз. *ǯökä*, узб. *žọkə*, кум. *jöge*, тат. *jükɛ*, диал. *ǯükɛ*, башк. *jüke*, ног. *jöke*, каз. *žöke*, ккалп. *žöke* (СИГТЯ 1997, 128–129). ПАлт. **lako* 'вид лиственного дерева': ПТюрк. **jöke*, ПМонг. **nüger-* (~ *nigür-*), ПТМ **laka-*.

9. **sakanak* 'концы палочек, составляющих решетку юрты': каз. *sayanaq*, ккалп. *sayanaq*, кирг. *saqanaq* (СИГТЯ 1997, 505). ПАлт. **sáka* 'конец (шеста)': ПТюрк. **sakanak*, ПТМ **saku-*, ПЯп. **sákí*.

10. **bokana* 'ложные ребра': хак. *poyana*, башк. *boyana* (диал.), аз. *buyana* (*süjek*), кирг. *bokono*, галт. *bogono söök* (СИГТЯ 1997, 275). ПАлт. **bòkà* 'ребро, грудная кость': ПТюрк. **bokana*, ПМонг. **bogoni*, ПТМ **boka-*, ПЯп. **bàkí*.

11. **bokak* 'зоб': як. *moyox*, хак. *poyo*, др.-тюрк. *boqaq* (МК), тур. *boyak*, аз. *buxaG*, турк. *buqaw*, ст.-кыпч. *boqayu* (АН), узб. *buqɔq*, нуйг. *poqaq*, кум. *buyaq*, балк. *boyaq*, башк. *boyaq*, каз. *buyaq*, ккалп. *buyaq*, кирг. *boyok*, галт. *bogok* (СИГТЯ 1997, 150). ПАлт. **púka* 'зоб': ПТюрк. **bokak*, ПМонг. **bakayu*, **bak/galayur*, ПТМ **pukēn*.

12. **tekir'* 'ровный': чув. *tagər*, турк. *tekīz*, чаг. *tekiz* (Pav.C.), нуйг. *tekiz*, кар. *tegiz*, тат. *tigez*, башк. *tigeδ*, ног. *tegis*, каз. *tegis*, ккалп. *tegis*, кирг. *tegiz*.

ПАлт. *t'ə̀ká́* 'род, вид; равный, ровный' ПТюрк. *tekiĭ*, ПМонг. *teg-si*, ПЯп. *ta̋nk-*.

13. *jükün-* 'кланяться, склоняться': як. *sügün-* 'пойти в дом жениха', др.-тюрк. *jükün-* (орхон., др.-уйг.), крх. *jükün-* (МК), тур. *jüken-*, *jügün-* (диал.), ст.-кыпч. *jükün-* (АН, Ettuh.), узб. *jukun-*, нуйг. *jükün-*, кар. *jügün-*, *jugun-*, кум. *jügün-*, тат. *jögen-*, *jegen-* (диал.), башк. *jögön-*, каз. *žügin-*, ккалп. *žügin-*, кирг. *žügün-*. ПАлт. **lúke* 'наклоняться, гнуть': ПТюрк. **jükün-*, ПМонг. **nugu-*, ПТМ **loka-*, ПЯп. **nə́ki*.

14. **siaka* 'бабка, бита': чув. *šok 'жох'*, тув. *saGa*, хак. *soγa* (диал.), тур. *saka* (диал.), турк. *saqa* (диал.), узб. *sɔqqa*, нуйг. *saqa*, кум. *saqa*, тат. *saγa*, башк. *haqa*, *haγa*, ног. *saqa*, каз. *saqa*, ккалп. *saqa*, кирг. *saqa*. ПАлт. **sajkV* 'бабка, щиколотка': ПТюрк. **siaka*, ПМонг. **sigai*, ПТМ **sajka*.

15. **čakyr* 'светло-серый, серовато-голубой': др.-тюрк. *čaqyr* (МК, Tfs), хал. *čaqyr* 'желтый', тур. *čakyr*, гаг. *čakyr*, турк. *čaqyr*, чаг. *čaqyr* (Sangl.), узб. *čaγir-qanɔt* 'нырок белоглазый', нуйг. *čeqir*, балк. *čaγyr* 'пестрый', тат. *čagyr*, башк. *šagyr* 'белесый', ног. *šagyr* 'бесцветные (глаза)', каз. *šaγyr* 'серые (о цвете глаз, масти лошадей)', *šegir* 'серые (глаза)', ккалп. *šegir*, кирг. *čekir* 'серые (глаза)'. ПАлт. **šə̀ka* 'белый': ПТюрк. **čakyr*, ПМонг. **čagaγan*, ПТМ **šāk-*.

16. **jaka* 'воротник; край': чув. *śoγa*, як. *saγa*, тоф. *čaγa*, хак. *čaγa*, шор. *čaγa*, др.-тюрк. *jaqa* (др.-уйг.), *jaqa* (МК), хал. *jaqa*, тур. *jaka*, аз. *jaxa*, турк. *jaqa*, сал. *jaxa*, чаг. и ст.-кыпч. *jaqa* (Pav.C., Ettuh.), узб. *jɔqa*, нуйг. *jaqa*, кум. *jaγa*, балк. *ǯaγa*, *žaγa*, тат. *jaqa*, башк. *jaγa*, ног. *jaγa*, кирг. *ǯaqa*, галт. *ďaqa*. ПАлт. **ŋ̇iake* 'шея, шейный позвонок': ПТюрк. **jaka*, ПМонг. **nigur-su*, ПТМ **nikimna* (ОСНЯ II, 92).

17. **čyka-ń* 'мизинец': чув. *čaGan* 'шпоры петуха, палец копыта', як. *čykyja*, кбалк. *čyqanaj*, тат. *cyγanaq parmaq* (сиб.), башк. *syγanaq*, *syγansaq* (диал.) (СИГТЯ 1997, 257). ПАлт. **šə̀ke* 'мизинец, указательный палец': ПТюрк. **čyka-ń*, ПМонг. **sige-/*čige-*, ПТМ **čāgdi*.

18. **bök-* 'ставить плотину, затычку': чув. *pъʷgъʷ* 'пробка', др.-тюрк. *bök-* 'запрудить' (МК), *böken-* 'быть загороженным (дорога)' (At.), тур. *böke-* (диал.), чаг. *böken* 'плотина' (P, Pav.C.), узб. *puk̇ak* 'пробка', нуйг. *pok* 'пробка', кар. *bök-lä-* (Т) 'запирать, закрывать', тат. *büki* 'пробка', башк. *büki* 'пробка', каз. *bö̇ge-*, ккалп. *bö̇ge-*, кирг. *bögö-*, галт. *bök* 'затвор, пробка'. ПАлт. **bō̇ki* 'затыкать, задерживать': ПТюрк. **bök-*, ПМонг. **bögle-*, ПТМ **bōk-*.

19. **čeke-t* 'орех, хвойные поросли': тув. *šet*, шор. *šet* (Р), крх. *šeki-r-tük* (МК), тур. *čeki-r-dek*, гаг. *čekerdek*, аз. *čäkil*, чаг. *čeke-r-dek*, *čekidɛ* (Pav.C. – Babur), *čekɛ*, узб. *čakanda* 'облепиха крушиновидная', нуйг. *čäkändä*, *čakanda*, кар. *čegirdek*, *čekirdek*, *čeger*, кбалк. *čeget* 'лес', тат. *čiki* (диал.), ног. *šege-r*, кирг. *čege-dek*, *čege-l-dek*, ю.-кирг. *čekende* 'хвойник', галт. *čet aγaš*. ПАлт. **č'ə̀ki* 'вид хвойного дерева': ПТюрк. **čeket*, ПМонг. **čigör-*, ПТМ **čāk-*.

20. **toky-* 'бить, ударять, молот, трогать, касаться': тув. *tonur-* (< *dhonur-*), *dokpak*, хак. *toɣas-*, *toxpax*, шор. *toɣaš*, др.-тюрк. *toqy-* (орхон., др.-уйг.), *toqymaq* (др.-уйг.), *toqy-* (МК, QB), *toqymaq* (МК, IM), хал. *toqu-*, *toqun-*, *toqmaq*, тур. *doku-* (диал.), *dokun-*, *tokmak*, гаг. *dokun-*, *tokmak*, аз. *toxun-*, *toχmaG*, турк. *tokmak*, сал. *toxmax*, чаг. *toqun-* (Pav.C.), *toqmaq* (Sangl.), узб. *toqin-*, *toqmɔq*, нуйг. *toqun*, кар. *toqyš-*, *toqyn-*, *toqmaq*, кум. *toqala-*, *toqmaq*, балк. *toqmaq*, тат. *tuky-*, *tukyn-*, *tuqmaq*, башк. *tuqylda-*, *tuqmaq*, ног. *tokpak*, каз. *toqyl-da-*, *toqpaq*, ккалп. *toqylda-*, *toqpaq*, кирг. *tokmok*, галт. *tokul-da-*, *toqpoq*. ПАлт. **t'óku* 'бить, стучать, ударять': ПТюрк. **toky-*, ПМонг. **togsi-*, ПТМ **tokta-*, ПКор. **thí-*, ПЯп. **túk-* (KW).

21. **čykanak* 'засов, стержень': тат. *cyganak* (сиб.), башк. *syɣanaq*, диал. *syɣansaq*, галт. *čyganak*, *диал. čānaq*. ПАлт. **č'iko* 'шарнир, стержень': ПТюрк. **čykanak*, ПМонг. **čigta*, ПТМ **čiki*, ПКор. **čítóri*, ПЯп. **tikiri*.

ПАлт. придыхательность неясна:

1. **kaky-* 'сердиться': др.-тюрк. *qaqy-* (др.-уйг.), *qaqy-y*, *qaqy-*, *qaqu-* (МК), тур. *kaky-*, турк. *kaky-*, чаг. и ст.-кыпч. *qaqy-* (AH, Qutb, Pav.C.), кар. *kaky-*, кирг. *qaq-*. ПАлт. **gég/ka* 'сердиться': ПТюрк. **kaky-*, ПМонг. **gaɣa-*, ПТМ **geg-*, ПЯп. **kákúat-*.

2. **saka* 'подножие горы': крх. *saqa* (МК), узб. *sɔqa*, каз. *saɣa*, ккалп. *saɣa*. ПАлт. **sa̍k/k'a̍* 'куча, груда, холм': ПТюрк. **saka*, ПТМ **sak-*, ПКор. **sah-*, ПЯп. **sa̍ka*.

3. **čekük/*čeküč* 'молот': др.-тюрк. *čekük* (МК – огуз.), *čeküč* (IM), тур. *čekič*, гаг. *čekič*, аз. *čäküč*, турк. *čekič*, чаг. *čeküč*, *čöküč* (Абуш., Sangl.), узб. *čɔkič*, кар. *cokuc*, *cekic*, *čöküč*, кум. *čöküč*, балк. *čögüč*, тат. *čükeč*, башк. *sükeš*, ног. *šökiš*. ПАлт. **č'e̍k'/ku̍* 'ручка, рукоять': ПТюрк. **čekük/*čeküč*, ПКор. **čhai*, ПЯп. **tu̍ka̍*.

4. **čekin* 'различные виды сорных трав': чув. *čaGan*, хак. *səgen*, др.-тюрк. *čikin/čekin* (МК), чаг. *čekin* (Pav.C., Sangl.), *čekil-dam* (Pav.C.), узб. *čakalak*, тат. *čɛkɛn*, башк. *sɛkɛn*, ккалп. *šigin* 'куриное просо', *šigildik*, кирг. *čeken* 'рогоз широколистый'. ПАлт. **č'i̍ɔ̍k'/ke* 'трава, сорняк': ПТюрк. **čekin*, ПТМ **čūka*, ПКор. **soksai*, ПЯп. **tu̍kúsi*.

5. **jak-* 'приближаться, близкий, подходить, хороший': тув. *čygȳ* 'близко к', тоф. *čy'xa-* 'прижимать', хак. *čaɣyn*, *čaxsy*, сюг. *jahGyn*, *jaxš(i)*, др.-тюрк. *jaqyn*, *jaqyš-* (др.-уйг.), *jaqyn*, *jaqyš-*, *jaχšy* (МК), тур. *jakyn*, *jakyš-*, *jakšy*, гаг. *jaqyn*, *jaqyš-*, аз. *jaxyn*, *jaxšy*, турк. *jaqȳn*, *jaGšy*, сал. *jaχyn*, *jaχšy*, чаг. *jaqyn*, *jaχšy* (MA), узб. *jaqin*, *jaxši*, нуйг. *jeqin*, *jaqši*, кар. *jaqyn*, *jaqšy*, тат. *jaqyn*, *jaxšy*, башк. *jaqyn*, *jaqšy*, ног. *jaqyn*, *jaxšy*, каз. *žaqyn*, *žaqsy*, ккалп. *žaqyn*, *žaqsy*, кирг. *žakyn*, *žakšy*. ПАлт. **da̍k'/ki* 'следовать, близкий': ПТюрк. **jak-yn*, ПМонг. **daka-*, **daga-*, ПТМ **daxa-*, ПЯп. **tika̍-*.

6. **sekkiz* 'восемь': чув. *sakьr*, *sakkьr*, як. *ayyz*, тув. *ses*, тоф. *seɦes*, хак. *sigĭs*, др.-тюрк. *sekiz*, др.-уйг. *sekiz*, крх.-уйг. *sekkiz* (МК), хал. *sekkiz*, тур. *sekiz*, гаг. *sekiz*, аз. *səkkiz*, турк. *sekiz*, *sekgiz* (диал.), узб. *səkkiz*, нуйг. *sɔkkiz*, кар. *sekiz*, *segiz*, кум. *segiz*, балк. *segiz*, тат. *sigĭz*, баш. *higĭz*, ног. *segiz*, каз. *segiz*, ккал. *segiz*, кир. *segiz*, галт. *segis*.

7. **sog/kan* 'лук': чув. *soγan*, сюг. *soxan*, др.-тюрк. *soγun* (др.-уйг.), крх. *soγun* (МК), хал. *soγan*, тур. *soγan*, гаг. *suvan*, *suan*, аз. *soγan*, турк. *soγan*, сал. *soγan*, *soγän*, чаг. и ст.-кыпч. *soγan* (АН, ІМ, Pav.C.), нуйг. *soγan*, кум. *soγan*, кбалк. *soxan*, тат. *suγan*, башк. *huγan*, ног. *soγan*, кирг. *soγan*, *soγon* (СИГТЯ 1997, 141, 465). Часть форм – заимствования из монг.? ПАлт. **sokŋV* 'вид лука': ПТюрк. **sokan*, ПМонг. **soŋgina*, ПТМ **seŋkule*, ПКор. **soŋ'i*.

8. **jok-* 'верх, наверх': як. *soγoru*, *soγurū*, долган. *sogurū*, хак. *čoγar*, др.-тюрк. *joqaru* (орхон., др.-уйг.), крх. *joqaru* (МК), тур. *jukarγ*, *jokuš*, гаг. *juqar(γ)*, аз. *juxarγ*, диал. *uxarγ*, *joxuš*, турк. *joqarγ*, чаг. и ст.-кыпч. *joqaru* (АН), *juqar* (Pav.C.), *joquš* (АН, Ettuh.), узб. *juqɔri*, нуйг. *juqari*, кар. *joγarγ*, *joquš*, *joqyš*, кбалк. *oγarγ*, тат. *juγarγ*, башк. *juγarγ*, каз. *žoγarγ*, ккалп. *žoqarγ*, кирг. *žoγor(u)*. ПАлт. **ŋi̇ōk'/kė* 'подниматься, возвышение': ПТюрк. **jok-*, ПТМ **ŋōke* ~ **ŋēku*, ПЯп. **ə̀kə̀-*.

* * *

Картина, выступающая на этом материале, довольно хорошо поддается интерпретации при помощи следующей конструкции. Огузские языки демонстрируют четкое распределение звонкости/глухости срединного согласного по исторической долготе/краткости предшествующего гласного. В карлукских и кыпчакских языках фонетическое правило требовало озвончения также после исторического долгого, причем наблюдается явная корреляция с алтайским источником тюркского срединного **k*, а именно ПТюрк. **k*, происходящее из ПАлт. **k* непридыхательного, в позиции после пратюркской долготы обязательно озвончается между гласными; ПТюрк. **k*, происходящее из ПАлт. **k'* придыхательного, в позиции после пратюркской долготы не озвончается между гласными. Случаи нарушения этого распределения в образованиях от корня **siāk-*, с одной стороны, и (по отдельным языкам) в основах **būka*, **bēken-*, **čāka*, с другой стороны, могут объясняться более поздним действием морфонологического правила (во втором случае – обобщением позиций морфонологического правила на фонетическую позицию интервокала).

Что касается позиции после краткого гласного, то и карлукские, и кыпчакские языки демонстрируют вполне беспорядочную рефлексацию по отношению к праалтайской придыхательности/непридыхательности срединного согласного, что позволяет предполагать первоначальное отсутствие в этой позиции озвончения по фонетическому правилу и позднейшее его развитие в результате того же обобщения морфонологического правила на фонетическую позицию интервокала – там, где, после возникновения чередования «глухой на конце – звонкий в интервокале» соответствующая позиция была переинтерпретирована как морфемная граница, она подвергалась озвончению, а поскольку для неразложимых основ альтернант с глухим отсутствовал, унификационные процессы не устраняли звонкости.

Как и в случае с рефлексацией дентальных, поскольку лишь очень небольшой класс случаев, таким образом, сохраняет оппозицию придыхательного и непридыхательного глухого в середине слова, по-видимому, не стоит

восстанавливать такую оппозицию для пратюркской фонологической системы и следует предполагать в качестве носителя данного различия какой-то просодический признак, длительное время сохранявшийся у карлуков и кыпчаков.

Озвончение губного **-p-*

Карлукские языки

Что касается синхронного морфонологического чередования на морфемной границе, см. выше о гуттуральных. Рефлексы односложных основ в узбекском языке демонстрируют следы того же распределения, что мы наблюдали выше у односложных основ на гуттуральные, а именно при исторически кратких гласных рефлекс единообразно глухой: **čŏp* > узб. *čụp – čụpi* 'мусор, веточка, соломинка', **kŏp* 'много': узб. *kụp – kụpi*, **saṗ* 'рукоятка': узб. *sɔp – sɔpi*, **jyp/*jip* 'нитка': узб. *ip – ipi*, **jip-ek* > *ipäk*, а также *kŏp-* 'набухать; пена': узб.диал. *kụp-*, *kụp-aj-*, *kụpik;* при исторически долгих гласных: **qāp* 'мешок' > узб. *qɔp – qopi*, **jāp* 'канал' > узб. *jɔp – jɔpi*, но **dūp* 'корень, дно': узб. *tup – tubi*, *tuban* 'низ', *tuwak* 'горшок'[38], **gēp-i* 'как, подобно' (форма принадлежности от **gēp* 'образ'): узб. *kabi*.

Рефлексы односложных основ в новоуйгурском демонстрируют несколько иное распределение: и при исторически кратких гласных, и при исторически долгих в случае отрыва производного может возникать звонкий (практически обязательно при этом спирантизованный[39]) рефлекс: **čŏp* > нуйг. *čŏp – čŏpi* 'трава', **kŏp* 'много': нуйг. *kŏp*, *-pinče*, **saṗ* 'рукоятка': нуйг. *saṗ – sepi*, **jyp/*jip* 'нитка': нуйг. *žip – žipi*, **čap-* 'мазать': нуйг. *čap-li-*, *čapaq* 'глазной гной', но также *kŏp-* '1. набухать; 2. пена': нуйг. *kŏp-*, *kŏp-ɛj-* 'набухать, увеличиваться' при историческом производном от того же корня *kövük* 'пена'; при исторически долгих гласных: **qāp* 'мешок' > нуйг. *qap – qepi*, но **dūp* 'корень, дно' > нуйг. *tüp* 'корень, пень' – *tüvi* 'дно' (употр. только с аф. принадлежности).

В основах, в которых с синхронной точки зрения интересующие нас рефлексы не находятся на границе морфемы (т.е. синхронно нечленимых двусложных) узбекская и новоуйгурская ситуации выглядят еще более различными.

После исторически долгих гласных озвончение в узбекском (с диалектным варьированием *w/b*) прослеживается хорошо; в новоуйгурском литера-

---

[38] По материалу литературного узбекского не удается найти морфонологически независимого распределения фрикативизованного и нефрикативизованного представителей озвонченного *p* (*w* и *b* соответственно). Весьма вероятно (ср. СИГТЯ 2002, 373: для карлукского наречия характерна спирантизация *b* в интервокале), что здесь мы отчасти имеем дело с продуктом нормализации литературного языка, при которой были выбраны разные диалектные варианты в разных словарных случаях; ср. бóльшую характерность производного *töb-en* 'низ' для кыпчакских языков и *keb-i* 'как, подобно' для огузских – см. ЭСТЯ 1980, 319; ЭСТЯ 1997, 15–16.

[39] См. СИГТЯ 2002, 369 – об общеуйгурской спирантизации инлаутного *b* и диалектном варьировании.

турном озвончение появляется при узких гласных и отсутствует между историческими широкими[40]:
kāpak 'веко/лоб': узб. *qowoq*, уйг. *qapaq* 'веко';
kāpak 'тыква': узб. *qowoq* 'тыква', уйг. *qapaq* 'тыква-горлянка';
ōba 'племя; кочевье': узб.диал. *oba*, *uvva*, *ava*; уйг.диал. *opa;*
dāpan 'нога, подошва': узб. *tɔwɔn*, нуйг. *tapan;*
jāpa(k) '1. деревянные вилы; 2. лопата': узб.диал. *jāwa* (диал.), нуйг. (вост.-тюрк., Zenker) *japa;*
kāpar(-) 'мозоль, разбухать': узб. *qawar-*, нуйг. *qapa(r)-;*
čȳp-yk 'ветка': узб. *čiwiq*, нуйг. *čiviq;*
dūp-ek 'ступка': узб. *tuwak* 'горшок', нуйг *tüvek;*
čȳpyn 'муха, комар': узб. *čiwin*, диал. *čibin*, нуйг. *čivin;*
kāpuk 'кора': узб. *qɔbiq*, нуйг.диал. *qobuq;*
(j)ēp-er- 'посылать': узб. *jubɔr-*, нуйг. *ivät-*, *evät-;*
sīpek 'початок кукурузы': узб.диал. *sübä.*

Ср., однако, озвончение в новоуйгурском между широкими:
kāpan 'кабан': узб. *qɔbɔn*, нуйг. *qavan;*
jāpan 'пустыня, дикое место': узб. *jɔvɔn*, нуйг. *javaji;*
āp-aj- 'прятать, быть осторожным': узб. *avaj-la-*, нуйг. *avaj-la-.*

После исторических кратких в интервокальной позиции озвончение в узбекском практически отсутствует. В новоуйгурском озвончение имеет место только между двумя историческими широкими и при историческом перепаде огубленности[41].
japa-lak 'плоский': нуйг. *japilaq;*
čapan 'род плаща': узб. *čɔpɔn*, нуйг. *čapan;*
opa 'белый порошок, свинцовые белила': узб. *upa*, нуйг. *upa;*
japalak 'сова': нуйг. *japilaq*, узб. *japalɔq;*
apa 'мать, старшая сестра, тетя': узб. *ɔpa*, нуйг. *apa;*
topon 'мякина': узб. *tọpɔn*, нуйг. *topan;*
depö 'холм': уйг. *töpä*, узб. *tepa;*
čap- 'мазать, залеплять; глазной гной': узб. *čapi-*, нуйг. *čap-li-*, *čapaq;*
kepelek 'бабочка': узб. *kapalak*, нуйг. *kepiläk;*
sąp 'рукоятка, стебель': уйг. *sap*, *sapaq*, узб. *sɔp;*
topra-k 'земля, почва': узб. *tuprɔq*, нуйг. *tofraq*, *topraq*, *topa(r);*
kep-ek 'отруби, шелуха': нуйг. *käpäk*, узб. *kepäk;*
sipür- 'мести, подметать': узб. *supur-*, нуйг. *süpä/ür-*;
čupar 'пестрый, рябой': узб. *čipɔr*, нуйг. *čipa(r);*
jąp-y/u[č- 'приклеиваться, прилипать': узб. *jɔpiš-*, нуйг. *jepiš-*, *jopuš-*;
jąp-uy 'чепрак': узб. *jɔpiq*, уйг. *jopuq;*

---

[40] Отметим, что по уйгурским диалектам ситуация может выглядеть иначе; так, по материалам С.Е.Малова, в диалекте Хами практически для любой морфемы интервокальный *р*, независимо от вокалического окружения, имеет озвонченный и спирантизованный вариант *-v-*.

[41] О реконструкции необусловленной огубленности гласного непервого слога см. ниже раздел «Вокализм».

**jup-at-* 'утешать': уйг. *jupat-*, узб. *jupat-;*
**japur-gak* 'лист': узб. *japrɔq*, нуйг. *jopurmaq.*
**köpür-ig* 'мост': узб. *kụprik*, нуйг. *kö(v)rük;*
**topyk* 'лодыжка': узб. *tọpiq*, нуйг. *tovuq;*
**tap-yn-* 'поклоняться': узб. *tɔpin-*, нуйг. *tevin-*;
**köpük* 'пена': узб. *kụpik*, нуйг. *köviik;*
**čepil* 'годовалый козленок': нуйг. *čivič;*
**kapug* 'дверь, ворота': узб. *qopi*, нуйг.диал. *qobuy.*

Нет уйгурской формы:
**köpek* 'собака': узб. *kọppäk; köpäk;*
**sup-ak* 'овальный, продолговатый': узб. *supɔq;*
**kạp-* 'загораться': узб. *qɔpin-.*

Но с озвончением в узбекском:
**čapak* 'мелкая речная рыба': узб. *čɔwɔq*, (?) нуйг. *čapaqa* 'жаба';
**sapan* 'плуг': узб. *sabɔn*, нуйг. *sapan;*
**köpenek* 'войлочный кафтан': узб. *kebanak*, нуйг. *kepinäk;*
**kop-iz* 'старинный щипковый инструмент': узб. *qụbiz*, нуйг. *qovuz.*

Ср. еще производные от **čap-* 'бить, ударять': узб. *čɔp-*, *čapaq* 'аплодисменты', *čawɔq-la-* 'изрезать ножом', нуйг. *čap-*, *čavaq* 'аплодисменты'.

По-видимому, единственная возможная интерпретация этого распределения требует введения двух разных первичных правил озвончения интервокального и конечнослогового *p* для узбекского и новоуйгурского языков. Новоуйгурское первичное правило не связано с исторической долготой, оно ориентируется на качественные характеристики окружающих гласных (при этом оно должно было действовать до правила «уйгурского умлаута», в частности до превращения срединных широких гласных в узкие); узбекское первичное правило очевидным образом связано с количественной характеристикой предшествующего гласного. Отступления от этих первичных правил связаны в случае односложной основы с парадигматическим выравниванием по оглушенному концу слова (оглушение происходило позже озвончений конечнослоговых согласных), в случае многосложной основы – с междиалектными заимствованиями (в частности, из диалектов огузского и кыпчакского происхождения).

Кыпчакские языки

Развитие **-p-* в интервокальной позиции в синхронно неодносложных основах кыпчакских (и для сравнения – огузских) языков демонстрируется следующим материалом.

После первичных долгих гласных (озвончение в огузских; озвончение в кыпчакских):

1. **k(i)āpak* 'веко/лоб': др.-тюрк. *qapaq* (МК), хал. *gāpaq*, турк. *gābak* 'веко', чаг. *qabaq* (Sangl., Бор.Бад.), кум. *göz qabayy*, тат. *küz qabayy*, баш. *kabak* 'веко, перед', ног. *kabak* 'веко', *кабак туьюв* 'хмуриться, сердиться', каз. *qabaq*, ккал. *qabaq*, кирг. *qabaq*, галт. *kamak*, *kabak.*

2. **ōpu* 'вихрь (водоворот), пучина': др.-тюрк. *opu ~ obu*, аз. *ov-d-an* 'подземный водоем', [тат. *up-qyn* 'пропасть, бездна; водоворот, пучина, омут (в реке, озере)', каз. *oppa* (< **op-ma*) 'топкий, вязкий (о болоте); сугроб'], кирг. *obut* 'пруд'.

3. **kāpak* 'тыква': крх.-уйг. *qabaq* (МК); хал. *kāpak*, турк. *(aš)qa:baq*; диал. *kâvak*, ср.-кыпч. *qabaq* (Kav.), арм.-кыпч. *xabax tėrak'i ~ xabax tėrak'y*; кар. *кабах*, *къабакъ* 'тыква', кум. *kabak* 'тыква', кбалк. *qab*; тат. *kabak*, баш. *kabak*, ног. *kabak*, каз. *kabak*, ккал. *kabak* 'тыква', кирг. *kabak*.

4. **kāpan* 'кабан': ср.-кыпч. *qaban* (CCum, ad-Durra), чаг. *qaban* (Vám., Pav.C, Abšk), *qapan* (P II 408 – Ш.С., Буд. II 2 – Кальк.сл.); турк. *Gaban*; кар., кбалк., кум., тат., башк., ног., каз., ккалп. *qaban*; кирг., алт. *qaman*.

5. **kāpuk* 'кора': ср.-уйг. *qabyq*, турк. *gābyk*, ктат. *qabuq*, кар.Т. *kabuh*, кар.Л. *kabuk*, кар.К. *qabuq*, кум. *qabuq*, кбалк. *qabuq*, тат. *qabyq*, башк. *qabyq*, ног. *qabyq*, каз. *qabyq*, ккалп. *qabyq*, кирг. *qabyq*, галт. *kabyk*.

6. **ōba* 'племя; кочевье': др.-уйг., др.-кыпч. (МК I 86 'род, племя'), ср.-кыпч. *oba*, чаг. *oba* (Pav.C. 40; P I 1157 – ShS); турк. *o:ba*; ктат., каз. *oba*, *owa*.

7. **čȳp* 'ветка': др.-тюрк. *čyp*, *čybyk* (МК), турк. *čȳbyk*, чаг. *čubuq* (Sangl.), узб. *čiviq*, нуйг. *čiviq*, кар. *cybuk*, *cubuk*, *čubuq*, кум. *čubuq*, балк. *čybyq*, тат. *čybyk*, башк. *sybyq*, ног. *šybyk*, каз. *šybyq*, ккалп. *šybyq*, кирг. *čybyk*, галт. *čybyk*.

8. **dāpan* 'ступня': крх.-уйг. *taban* (МК); ср.-уйг. *taban* (Tefs); ср.-кыпч. *taban* (CCum, Houts., AbûH, At-tuhfa); чаг. *taban* (Sangl.); турк. *dāban*, хор. *ta:wan*; кар. *taban*, кум. *taban*, балк. *taban*, тат. *taban*, башк. *taban*, ног. *taban*, каз. *taban*, ккалп. *taban*, кирг. *taman*, галт. *taman*.

9. **jāpa(k)* 'деревянные вилы': турк. *jābaq*, *jāba*, сал. *jōwa*, *jowa*, чаг. *japa* (Pav.C.), кар. *ǰaba*, тат. *jaba*, каз. *žaba* (диал.), ккалп. *žaba*.

10. **kāp-ar(-)* 'мозоль, разбухать': др.-тюрк. *qapar-*, *qapa* (МК), хал. *qāpar*, тур. *kabar-*, *kaba*, турк. *Gābar-*, *Gāba*, чаг. (ст.-кыпч.) *qabar-* (АН), *qaba* (Houts., АН), кар. *qabar-*, кум. *qabar-*, *qaba*, тат. *qabar-*, *qaba*, башк. *qabar-*, *qabaq*, ног. *qabar-*, каз. *qabar-*, *qaba*, ккалп. *qabar-*, *qapa*, кирг. *kabar-*, *kabak*.

11. **gōpek* 'пупок': Ср-уйг. *köbek* (IbnM); турк. *gȫbek*, ст.-кыпч. *köbek* (AbûH); чаг. *göbek* (Sangl.); кар. *köbek*, тат.диал. *kübäk*.

12. **dūp-ek* 'горшок, ступка, колотушка': тур. *dibek*, аз. *dibäg*, кум. *tübek* 'ружье' (< 'колотушка'), тат. *töbäk* 'район', башк. *töbäk* 'излучина реки', ног. *tübek* 'ружье', ккалп. *tübek* 'горшочек', каз. *tübek*.

13. **siāpan* 'солома': *saman* (МК – *чигиль*), чаг. *saman* (Pav.C., Ettuh., Houts.), хал. *sabana*, турк. *sāman*, кар. *saman*, кум. *saman*, ног. *saman*, каз. *saban*, ккалп. *saban*, *sabat*, кирг. *saman*.

14. **(j)ēp-er-* 'посылать': турк. *īber-*, кар. *jeber-*, тат. *žibɛr-*, башк. *jebɛr-*, ног. *jiber-*, каз. *ǰiber-*, ккалп. *žiber-*, кирг. *žiber-*.

15. **čȳpun* 'муха, комар': др.-тюрк. *čybyn* (МК), аз. *čibin*, турк. *čȳbyn*, кум. *ǰibin*, балк. *čibin*, тат. *čeben*, башк. *seben-le-*, каз. *šybyn*, кирг. *čymyn*, галт. *čymyn*.

16. **sīpek* 'мочеотводная трубочка, стержень, початок': др.-тюрк. *sibek* (МК), каз., ккалп. *sobyq*.

После исторических кратких нет озвончения в огузских, нет озвончения или озвончение нерегулярно в кыпчакских языках:

1. **köpür, -üg* 'мост': др.-тюрк. *köprüg, köprüg* (МК), тур. *körpü, köprü*, гаг. *köprü*, аз. *körpü*, турк. *köpri*, чаг. *köpri* (IM, AH), *köprük* (Абуш., МА), кар. *köpür, köpir*, кбалк. *köpür, köfür*, кум. *köpür*, тат. *küper, küpre*, баш. *küper*, ног. *köpir*, каз. *köpir*, ккалп. *köpir*, кирг. *köpürö* (ЭСТЯ 1997, 112–114).

2. **jypar* 'запах, аромат, мускус': др.-тюрк. *jypar* (орхон., др.-уйг.), *jypar* (МК), тур. *jypar*, чаг. *jypar* (Houts.), *ipar* (AH), *jybar* (Bulġat.), *jybar* (Pav.C.), тат. *jifar, žufar*, башк. *jofar*, каз. *župar*, ккалп. *župar*, кирг. *žypar*.

3. **syp-* 'жадно глотать, пить залпом': тур. *syp-*, тат. *sypyr-*, башк. *hypyr-*.

4. **japa-* 'выравнивать, сглаживать; плоский': др.-тюрк. *japur-* (МК), аз. *japyG*, чаг. *japalaq*, кар. *japalaq*, кум. *japalaq*, кирг. *žapalaq* (ЭСТЯ 1989, 16–17, 130).

5. **kapyg* 'дверь, ворота': др.-тюрк. *qapaγ, qapuγ* (орхон., др.-уйг.), *qapuγ* (МК), ср.-уйг. *qapuγ* (Бор. ЛТ 199), тур. *kapy*, аз. *Gapy*, турк. *gapy*; сал. *qāvu* (ССЯ), ср.-кыпч. *qapu* (Houts., Из. дар, Bulġat.), чаг. *qapuq* (Vám.ĆSpr. 308) *qapu* (Pav.C.), *qabuγ* (Qutb); кар. *kapu*, кум. *qapu*, тат. *qapu*, ног. *qapy*, каз. *qapy*, ккалп. *qapy*.

6. **čapan* 'род плаща': турк. *čapan*, чаг. *čapan* (Pav.C.), тат. *čapan*, башк. *sapan*, каз. *šapan*, ккалп. *šapan*, кирг. *čapan*. Ср. тот же корень ниже под **čap-ug*.

7. **top-* 'проходить сквозь': др.-тюрк. *topul-* (др.-уйг.), *topul-* (МК, QB), ккалп. *topyl-* 'нападать, набрасываться, вторгаться'.

8. **opa* 'белый порошок, свинцовые белила': др.-тюрк. *opo* (др.-уйг.), *opo* (МК), чаг. *opa* (Ettuh.), каз. *opa*, ккалп. *opa*, кирг. *upa*, галт. *obo*.

9. **supy, -ak* 'овальный, продолговатый': др.-тюрк. *suby* (МК), чаг. *subu, suby* (AH), ккалп. *sopaq*, кирг. *sopaj* 'длинный (о человеке)', *sopaq*.

10. **epej* 'печеный хлеб': тат. *ipi*, башк. *äpäj*.

11. **sapy-* 'махать, развеивать, взбалтывать': *saby-* (МК), ног. *sapyr-*, каз. *sapyr-*, ккалп. *sapyr-*, ккалп. *sapyr-*, кирг. *sapyr-*.

12. **dapa-* 'топтать': др.-тюрк. *tabry-* (МК), тат. *tapa-*, башк. *tapa-*, каз. *tapa-*, ккалп. *tapylda-*, галт. *tabar-* (ЭСТЯ 1980, 111–112).

13. **japalak* 'сова': крх.-уйг. *japaqulaq*; тур. *japalak*, аз. *japalag*, ср.-кыпч., чаг. *jabalaq*; кум. *jabalak*, тат. *jabalak*, баш. *jabalak*, ног. *japalak*, каз. *žapalak*, ккалп. *žapalak*, кирг. *žapalak* (**japagu-kulgak?*).

14. **köpek* 'собака, охотничий пес': др.-тюрк. *köpek* (QB), тур. *köpek*, гаг. *köpek*, турк. *köpek*, чаг. *köpek* (Pav.C.), ст.-кыпч. *köbelek*, кар. К. *köpe*, кум. *köbelek, göben it*, каз. *köpek*, ккалп. *köpek*, галт. *köbök* (этноним).

15. **sipür-* 'мести, подметать': *sipir-* (др.-уйг.), *süpür-* (МК), хал. *sipir-*, чаг. *süpür-* (IM, Pav.C.), кар. *sibir-*, кум. *sibir-*, балк. *sibir-*, тат. *sypyr-, sïbïr-*, башк. *hepere-*, ног. *sypyr-*, ккалп. *sypyr-*, кирг. *sypyr-*, галт. *sibir-, sybyr-*.

16. **jip-ek* 'нитка, шелк' (граница морфемы!): чаг. *jipek*, турк. *jüpek*, кар. *jip/bek*, кум. *jibek*, кбалк. *žibek* тат. *jifäk*, башк. *jïbäk*, каз. *žibek*, ккалп. *žipek*, кирг. *žibek*, алт. *d'ibek*.

17. **čepürek* 'тряпка, лохмотья': др.-тюрк. *čöpre* (др.-уйг.), *čöpür-čepür;*

čopra (~ *čübrä*) (МК), чаг. (ст.-кыпч.) *čüprek* (Houts.), кар. *čiprek, ciprek, čüpräk*, кум. *čüpürek*, тат. *čüprák*, башк. *sepräk*, ног. *šiberek, šüberek*, ккалп. *šüberek*, кирг. *čüpürek*, галт. *čeberek, čibirek.*

18. **apa* 'мать, старшая сестра, тетя': др.-тюрк. *apa* (Ен.), *epe* ~ *apa* (МК), тур. *aba*, диал. *apa*, турк. *apa, afa* (диал.), чаг. *apa* (Sangl.), кар. *apaj*, кум. *abaj, apaj*, балк. *aba*, тат. *apa*, башк. *apa*, ног. *aba*, каз. *apa*, ккалп. *apa*, кирг. *apa*, галт. *abune* (< *aba-ene*).

19. **topon* 'солома': крх. *topun* 'пшеничная мякина' (МК), турк. (диал.) *tovān, tofān* 'солома', *topon* 'мелкий (о чае)'; кар. *toban* 'солома'; тат. *tuban* 'мякина' (сиб., Тум.Себер 216); каз. *topan* 'мякина, полова'; ккалп. *topan* 'мякина, полова, отруби', кирг. *typyn.*

20. **čopur* 'пестрый, рябой; непородистый': турк. *čopur*, кум. *čopur*, кирг. *čobur.*

21. **čap-* 'высыпать (о сыпи, чирьях)': кум. *čapyr-*, балк. *čapyr-*, башк. *säbärt-*.

22. **topu-k* 'лодыжка, щиколотка; коленная чашечка': др.-тюрк. *topyq* (др.-уйг.), *topyq* (МК, QB, IM); хал. *topuq*, турк. *topuq*; ср.-кыпч. *topuq* (Houts., AbūH, At-tuhfa); кар. *tobuq*, кум., кбалк. *tobuq*, тат., башк. *tubyq*, ног., ккалп., каз. *tobyq*; кирг., алт. *topuq, tomuq.*

23. **depö* 'холм': ср.-уйг. *tepe, töpe* (Tefs), *töpü* (QB), хал. *täpä*; турк. *depe*, Хорезм. *depe*, ср.-кыпч. *tebe* (CCum), *tepe, depe* (AbūH, Houts.), *töpe* (Bulġat., At-tuhfa), хрзм.-т. *töpe* (НФ, ХШ), чаг. *töpe* (Sangl.); кар. Т. *t'ob'a*, Г. *tebe*, К. *töbe*, кум. *töbe*, кбалк. *töbe*, тат. *tübä*, башк. *tübä*, ног. *töbe*, каз. *töbe*, ккалп. *töbe*, кирг. *töbö;* галт. *töbö.*

24. **tüp-ek* 'знамя, флаг': чаг. *tübäk*; каз. *tübök*; кирг. *tüpök.*

25. **čap-ak* 'гной': каз. *šabaq-ta-*, ккалп. *šabaq-ša-la-*, кирг. *čabak-ta-.*

26. **kap-in-* 'загораться': кум. *qabun-*, тат. *qap-*, *qabyn-*, башк. *qabyn-*, ног. *qabyn-*, каз. *qabyn-* (ЭСТЯ 1997, 262).

27. **čapak* 'мелкая речная рыба': крх.-уйг. *čabaq* (МК); чаг. *čabaq* (Sangl.); турк. *čapaq*; ктат. *čapaq*, кар. *čabak*, тат. *čabaq*, башк. *sabaq*, каз. *šabaq*; кирг. *čabaq*, алт. *čabaq.*

28. **sap-ak* 'стебель': чаг. *sapaq*; турк. *sapak*, тур. *sapaq*; кар. *sabax*, кар.К. *sapaq*, ктат., кбалк. *sabaq*, тат. *sabak*, башк. *habak*, ног. *sabak*, каз. *sabak*, ккалп. *sabak*, кирг. *sabak*, галт. *sabaq.*

29. **tap-yn-* 'поклоняться': тур. *tap-yn-*, аз. *tapyn-*, кар. *tabyn-*, балк. *tabyn-*, тат. *tabyn-*, башк. *tabyn-*, ног. *tabyn-*, каз. *tabyn-*, ккалп. *tabyn-*, кирг. *tabyn-*.

30. **jap-yl̀č-* 'приклеиваться, прилипать': др.-тюрк. *japyš-* (др.-уйг.), *japuš-*, *japyš-* (МК), хал. *japuš-*, турк. *japyš-*, чаг. *japyš-* (AH, Ettuh.), кар. *japyš-*, *japuš-*, *jabuš-*, кум. *jabuš-*, *jabyš-*, балк. *žabyš-*, тат. *jabyš-*, башк. *jäbeš-*, ног. *jabys-*, каз. *žabys-*, ккалп. *žabys-*, кирг. *žabyš-.*

31. **jap-yg* 'чепрак': Крх.-уйг. *jaby* (ДТС 222 – МК); ср.-кыпч. *jabov* (KW 109); тур. *japyk*; тат. *jabu*, башк. *jabə̂w*, ккалп., каз. *žabyw*; кирг. *žabū.*

32. **kopuŕ* 'вид музыкального (струнного) инструмента': др.-тюрк. *qopuz* (др.-уйг.), *qopuz* (МК), турк. *Gopuz*, чаг. *qopuz* (Бор.Бад.), *qobuz*

(АН), кар. *qobuz*, балк. *qobuz*, тат. *qubyz*, башк. *qubyδ*, ног. *qobyz*, каз. *qobyz*, ккалп. *qobyz*, кирг. *qobuz*.

33. **köp-en-ek* 'войлочный плащ/кафтан, попона верблюда': ср.-огуз. *köpen* (Diz. 78: *küben*); ст.-осм. *köpen* (TS IV 2693); тур.диал. *köpen* (DD II 975); кбалк. *gebenek*, кирг.сев. *kebenek*; кирг. *kemenek*.

34. **köpi-* 'подшивать, сшивать через край, стегать'[42]: др.-тюрк. *kübi-* (МК), тур.диал. *göbü-*, *körü-*, тур.диал. *göbü* '*толстый* шов; шитье одеяла', турк. *köpe-*, диал. *кипуг//кипуйуп* 'нитки для стегания верблюжьего седла', чаг. (Qyp.) *kübV-* (АН), тат. *kübe-* (сиб.), башк. *kübe-*, диал. *kübü-*, галт. *kübür-* (Tel.).

35. **jup-at-* 'утешать': кар. *jubat-*, тат.диал. *jüb/vat-*, кум. *jybat-*, кбалк. *ǯubat-*, каз. *žubat-*, ккалп. *žubat-* , кирг. *ǯubat-*.

36. **kępek* 'отруби': др.-тюрк. *kepek* (МК), турк. *kepek*, чаг. *kebek* (IM), тат. *kibɛk*, башк. *kɛbɛk*, ног. *kebek*, каз. *kebek*, ккалп. *kepek*, *kebek*, кирг. *kebek* (ЭСТЯ 1997, 47).

37. **top-al* 'кузовок, лукошко (корзинка, плетенная из коры)': тат. *tubal*, башк. *tubal* (VEWT 489).

38. **küpi* 'большой цилиндрический деревянный или кожаный сосуд для сбивания масла или хранения кумыса, маслобойка': турк.диал. *küpi*, *güpi*, чаг. *küpi* Pav.C.; тат. *göbe*, диал. *köbe*, башк. *köbö*, ног. *kübi*, каз. *kübi*, ккалп. *gübi*. (Формы узб. *küw*, кирг., галт. *küp* – скорее, заимствования из новомонг. – ср. калм. *кув* 'жбан, кадка, бак'.) Из тюрк. языков было заимствовано венг. *köpü* 'маслобойка' (MNyTESz II 617).

39. **japyĺgak* 'вошь, гнида': турк. *japyšaq*, тат. *jabyšqaq*, башк. *jäbeškɛk*, галт. *ďapšyq*.

40. *köpük* 'пена': турк. *köpik*, тур. *köpük*, башк., тат. *kübek*, каз. *köbək*.

41. **apačy*, **apaky* 'бука; фигурка для отвода сглаза': др.-тюрк. *abačy*, *abaqy* (МК), ср.-кыпч. *abaq* (Houts., Ettuh.), балк. *abačy*, кар. *abaq*, *abax*.

42. **jap-ayy* 'масса, клубок волос или шерсти': др.-тюрк. *jap*, *japyut*, *japaqu* (МК), турк. *japaGy*, чаг. *japaq* (Ettuh.), кар. *japaya*, кум. *jabayy*, балк. *ǯabayy*, *zabayy*, тат. *jabaya*, башк. *jabayy*, ног. *jabayy*, каз. *žabayy*, ккалп. *žabayy*, кирг. *ǯabaya*.

43. **čupar* 'пестрый, рябой': чаг. *čubar* '*cheval gris de fer*' (Pav.C.), кар. *čybar*, *cybar*, кум. *čubar*, балк. *čubar*, башк. *sybar*, ног. *šubar*, каз. *šubar*, ккалп. *šubar*.

44. **čepiĺ* '(полу)годовалый козленок': др.-тюрк. *čepiš* (МК), хал. *čapiš*, тур. *čepiš*, *čepič*, аз. *čäpiš*, турк. *čebiš*, кум. *čebič*, балк. *čemič*, кирг. *čebič*.

45. **čap-ug* 'род плаща; чепрак': хал. *čabuy*, турк. *čapy*, чаг. *čabuq* (Pav.C.), кум. *čabyw*, тат. *čabu*, башк. *sabyw*, ног. *šabuw*, каз. *šabu*, ккалп. *šabuw*, кирг. *čabū*; галт. *čabu*.

Итак, для позиции после исторически долгих гласных кыпчакские языки демонстрируют регулярное озвончение, т.е. рефлексацию, аналогичную

[42] Не смешивать с формами типа *köbe:* со значением 'край, кромка' – из монг. *köbege*.

огузской. Спорадичность озвончения после исторически кратких гласных в кыпчакских языках заставляет предполагать для этого процесса нефонетическую природу. Действительно, как уже упоминалось, в кыпчакских языках для основ на гуттуральные и губные в словоизменении и отчасти в словообразовании действует морфонологическое правило озвончения «глухой на конце слова и перед глухим / звонкий в интервокале и перед звонким», абсолютно регулярное и для односложных, и для неодносложных основ. Поскольку озвончение в неодносложных нечленимых основах спорадично (причем по приведенному материалу заметно, что чем больше положение нашего рефлекса в нечленимой основе внешне похоже на границу морфемы, тем больше вероятность его озвончения), мы не можем предположить для этого морфонологического правила простого фонетического происхождения, например: а) тотальное озвончение губного в интервокале, б) оглушение на конце слога. Итак, необходимо предполагать тот же набор процессов, что в узбекском и в огузских языках: а) озвончается (ослабляется) губной после долгого гласного и в непервом слоге (т.е. на более чем одноморовом расстоянии от начала слова), б) оглушается конец слова, вследствие чего в словоизменении и регулярном словообразовании неодносложных основ и основ с исторически долгим гласным возникает чередование по звонкости/глухости, в) уже на морфонологическом уровне такое чередование генерализуется на конец любой основы. Последний процесс отличается от узбекского и огузских, где, напротив того, проходили парадигматические унификации, устранявшие чередование.

Сняв позднейшие морфонологические процессы, мы получаем следующую картину возникновения новых звонких по группам языков:

ПТ	Огуз.	Кыпч.	Узб.	Нуйг.
**-p-*	*V̄p*	*V̄p*	*V̄p-*	*Ap-*
	V̄b	*V̄b*	*V̄b- (>V̄v-)*	*Ib-*
**-t-*	*V̄t*	*V̄t, V̄t < *t'*	*V̄t-, V̄t < *t'*	*V̄t-, V̄t < *t'*
	V̄d	*V̄d < *t*	*V̄d < *t*	*V̄d < *t*
**-k-*	*V̄k*	*V̄k, V̄k < *k'*	*V̄k, V̄k < *k'*	*V̄k, V̄k < *k'*
	V̄g	*V̄g (> -γ-)<*k*	*V̄g (> -γ-)<*k*	*V̄g (> -γ-)<*k*

Из этого можно, во-первых, сделать вывод о существовании, по крайней мере в отношении этих процессов, явной карлукско-кыпчакской общности, во-вторых, о релевантности исторической долготы гласного не только для праогузского, но и для пракарлуко-кыпчакского состояния, в-третьих, о специфическом положении предка новоуйгурского языка в этой общности (возможно, вторичным образом втянутого в круг карлуко-кыпчакских языков, а первоначально более близкого языкам Сибири? Кыргызской группе? Ср. независимое от исторической долготы развитие звонкости губного).

Оглушение конечного звонкого

Проблему представляет то, как с этими процессами связана известная карлукская особенность – оглушение старого звонкого (видимо, фрикатив-

ного) на конце неодносложной основы. Просмотр материала демонстрирует, что те слова, которые подверглись этому оглушению, подчиняются совершенно тому же чередованию, что и неодносложные со старым глухим концом (узб. *oziq – oziγi*, нуйг. *uruq – uruγi*), но есть и такие слова (причем достаточно употребительные), которые сохранили конечную звонкость и не имеют никакого чередования (узб. *uruγ – uruγi, uluγ – uluγi* и даже, при переходе суффикса **-luγ* в *-liq, qutluγ – qutluγi*). Ср. также чрезвычайно неединообразное отражение старого звонкого на конце неодносложной основы в уйгурских диалектах: хотан. *atluγ* 'всадник', *aǰγ* 'кислый', *kičig* 'маленький', *ašlyγ* 'седой', *alty ajlyq* 'шестимесячный', но *altun bašlyγ* 'золотоголовый', *ulaq* 'скотина', *uruγ* 'семечки', *uluγ* 'большой', *očaq* 'печь'; Аксу *očaγ* 'печь', Кашгар *tariγ* 'просо'. Такое количество «исключений» предполагает действие морфонологических процессов.

Карлуки: а) *k* > *G*, б) *γ* > *γ*, в узб. > *w* в части позиций, в) оглушение на конце, в том числе сохранившихся старых звонких, и возникновение чередования, г) унификация вида основы в однослогах и иногда в неоднослогах[43].

Кыпчаки: а) *k* > *G*, б) *γ* > *w/j*, в) оглушение на конце и возникновение чередования, г) генерализация чередования на морфологической границе.

Огузы: а) *k* > *G*, б) *γ* > *γ*, в) оглушение на конце, в том числе старых звонких, и возникновение чередования, г) унификация вида основы в однослогах и иногда в неоднослогах, д) падение фрикативных на более чем одноморовом расстоянии от начала слова.

Рассмотрим лексический материал неодносложных основ, не являющихся с синхронной точки зрения продуктивными суффиксальными образованиями.

Конец неодносложного слова

Карлукские и кыпчакские языки

Развитие в целом соответствует ожиданию, а именно в карлукских: сначала в узбекском языке в определенных фонетических позициях конечный *γ* исчезает или переходит в *w* (о позициях см. выше таблицы развития вокально-консонантных комплексов, с. 70–74), в новоуйгурском сохраняется практически всегда, также в соответствии с фонетическим правилом, затем сохранившиеся в карлукских языках *γ* подвергаются оглушению. В кыпчакских языках конечный *γ* по фонетическим позициям дает *w* или *j*, сохраняясь в специфическом диссимилятивном случае (**ubyg*), затем этот единственный сохранившийся случай подвергается конечному оглушению (по-видимому, одновременно с новыми озвонченными), конечный *j* в большинстве случаев, будучи в непервом слоге, отпадает.

****ag#***

ПТ **tūkrag* 'знак царской власти': *tuγraγ* (МК – огуз.), *tuγra* (ІМ), узб. *tuγrɔ*.

ПТ **ātag* 'остров': чаг. (CCum.) *atow*, узб. устар. *ota*, тат., башк. *ataw*.

ПТ **otag* 'шалаш, комната': чаг. *oda* (Pav.C.), узб. *ọtɔw* 'юрта', нуйг.

[43] Пример «втягивания» в морфонологическое развитие односложной основы со старым звонким на конце: **saγ* 'здоровый' – нуйг. *saq, saq-aj-, saγ-la-*, при узб. *sɔγ*.

otaq, кар. К., Г. *oda* (заимствование из огуз.!), кум. *otaw*, балк. *otow*, ног. *otaw*, каз. *otaw*, ккалп. *otaw*.

ПТ **ulag* 'тягловая лошадь': узб. *ulow*, нуйг. *ulaq*.

ПТ **erneg* 'край, кромка (посуды)': чаг. *ernek* (Pav.C.), тат.диал. *ïmäw*, каз. *ernew*, ккалп. *ernek* (заимствование из карлукского – узбекского – диалекта).

**ig#*

ПТ **el-ig* 'рука': чаг. *el*, *elig* (Абуш., МА, Бор.Бад., Sangl.), узб. *ilik* (arch.), нуйг. *ilik* (диал.).

ПТ **kičüg* 'маленький': чаг. *kičik* (IM, AH, Абуш., Pav.C.), узб. *kičik*, нуйг. *kičik*, балк. *giĉĉe*, тат. *keče*, башк. *kese*, каз. *kəši*, ккалп. *kəši*.

ПТ **jyly-g* 'теплый': чаг. *ylyq*, *jylyq* (Абуш., Бор.Бад.), узб. *iliq*, нуйг. *illiq*, кар. К. *jylly*, кар. Г., Т. *jyly*, *ily*, кум. *jyly*, балк. *žyly*, тат. *ǯyly*, башк. *jyly*, ног. *jyly*, каз. *žyly*, ккалп. *žylly*.

ПТ **siaryg* 'желтый': чаг. *saryγ* (Абуш., Pav.C.), узб. *sari*, *sariq*, нуйг. *seriq*, кар. К., Т., Г. *sary*, кум. *sary*, балк. *sary*, тат. *sary*, башк. *hary*, ног. *sary*, каз. *sary*, ккалп. *sary*.

ПТ **ysyg/*isig* 'горячий, теплый': чаг. *isti* (Pav.C.), *ysyγ* (Бор.Бад., Абуш.), узб. *issiq*[44], нуйг. *issiq*, кар. К., Г. *issi*, тат. *esse*, ног. *issi*, каз. *yssy*, *ysy-t-*, ккалп. *yssy*.

ПТ **iāčy-g* 'горький, кислый': чаг. *ačy* (Абуш.), узб. *aĉĉiq*, диал. *aĉĉi*, *ɔĉĉi*, нуйг. *aĉĉiq*, кар. К. *aĉĉy*, *aǯy*, кар. К., Т. *ačy*, кар. Г. *acy*, кум. *aĉĉy*, балк. *ačy*, тат. *ačy*, башк. *asy*, *äse*, ног. *ašy*, каз. *aššy*, ккалп. *aššy*.

ПТ **aŕyg* 'клык': чаг. *azu* (Sangl.), узб. *ɔziq*[45], кар. К., Т., Г. *azaw*, кум. *azuw*, балк. *azaw*, тат. *azaw*, башк. *aδaw*, каз. *azuw*, ккалп. *azuw*. (кыпч. формы < **azagu*).

ПТ **ubyg* 'жерди, поддерживающие верхний край юрты': чаг. *uγ* (Pav.C.), узб. *ūγ* (диал.), нуйг. *oq* (диал.), каз. *uwyq*, ккалп. *uwyq* (в каз. и ккалп., по-видимому, диссимилятивное развитие вместо **uwyw*).

ПТ **dary-g* 'просо': чаг. (МКурсh.) *tary* (CCum, AH), узб. *tariq*, нуйг. *teriq*, кар. К. *tary*, *dary*, кум. *tari*, балк. *tary*, тат., башк. *tary*, ккалп. *tary*.

ПТ **tĕtig* 'умный, бодрый': чаг. *tetik* (Абуш., Sangl.), узб. *tetik*, нуйг. *tetik*, кум. *tetek*, тат. *täti*, башк. *tätäj*.

ПТ **irig* 'грубый, крупный': чаг. *iri* (Бор.Бад.), *irik* (Бор.Бад., Pav.C.), *erig* (Qutb), узб. *jirik*, нуйг. *irik*, кар. К. *iri*, тат. *ere*, башк. *ere*, ног. *iri*, ккалп. *iri*.

Ср. также узб. *osiγ-liq* = *osiq* 'висячий'.

***-ug**

ПТ **urug* (~ **or-*) 'семя, род': чаг. *uruγ* (Sangl.), узб. *uruγ*, нуйг. *uruq*, каз. *uryq*, ккалп. *uryq* (карлукское/литературное заимствование?).

ПТ **ulug* 'большой': чаг. *uluγ*, *uluq* (Pav.C.), узб. *ulуγ*, диал. *ulli*, нуйг. *uluq*, балк. *ullu*.

ПТ **koju-g* 'толстый, густой': узб. *qujuq*, нуйг. *qojuq*, кар. К. *qoju*, *qojy*, кар. Т., Г. *koju*, *kuju*, тат. *kujy*, башк. *qujy*, ног. *qojy*, каз. *qoju*.

---

[44] При *isi-* 'разогреваться'.

[45] Контаминация с *ɔziq* 'пища, запас'.

ПТ **asug* 'прибыль, выгода': чаг. *asy* (IM), *assyγ* (Houts.), нуйг.диал. *assy*.

ПТ **otrug* 'остров': тат. *utraw*, башк. *utraw*.

ПТ **köpür-üg* 'мост': чаг. *köpri* (IM, AH), *köprük* (Абуш., MA), узб. *koprik*, нуйг. *körük*, тат. *küpre*, каз. *köpre* (диал.).

ПТ **tujug* 'полностью': тат.диал. *tojoq*.

ПТ **kübrüg* 'барабан': чаг. (хор.) *küwrü* (Qutb), *küvrüg* (IM).

Конец неодносложного слова

Огузские языки

В ряде случаев мы имеем закономерное, согласно традиционным представлениям, развитие *-g* конца неодносложного слова в *0* во всех огузских языках.

1. **siaryg* 'желтый': др.-тюрк. *sarγγ* (рунич.), *saryγ* (др.-уйг.), *saryγ* (МК), тур. *sarı*, гаг. *sary*, аз. *sarı*, турк. *sarı*, сал. *sary*, хал. *sāruγ* 'оранжевый'.

2. **ysyg/*isig* 'горячий; теплый': др.-тюрк. *isig* (др.-уйг.), *isig* (МК, QB), тур. *sıy-ǰak*, аз. *isti*, турк. *yssy*, сал. *hyssy*, хал. *hissī*.

3. **aŕyg* 'клык': др.-тюрк. *azγγ* (др.-уйг.), *azγγ* (МК), тур. *azı*, аз. *azı*, турк. *azy*.

4. **dary-g* 'просо': др.-тюрк. *taryγ* (др.-уйг.), *taryγ* (МК), тур. *darı*, гаг. *dary*, аз. *darı*, турк. *dary*, сал. *dary*.

5. **ērig* 'грубый, крупный': др.-тюрк. *erig* (др.-уйг.), *erig* (МК), тур. *iri*, аз. *iri*, турк. *īri*.

6. **ulug* 'большой': др.-тюрк. *uluγ* (рунич., др.-уйг.), *uluγ* (МК, QB), тур. *ulu*, аз. *ulu*, турк. *uly*.

7. **koju-g* 'толстый, густой': др.-тюрк. *qojuγ* (др.-уйг.), *qojuγ* (МК), тур. *koju*, турк. *Gojy*, гаг. *qoju*.

8. **kamug* 'все, вместе': др.-тюрк. *qamuγ* (др.-уйг.), *qamaγ* (рунич., др.-уйг.), *qamγγ* (др.-уйг.), *qamuγ* (МК, QB), тур. *kamu*.

9. **asug* 'прибыль, выгода': др.-тюрк. *asγγ* (др.-уйг.), *asγγ* (МК, QB), тур. *asy*.

10. **köpür-üg* 'мост': др.-тюрк. *köprüg*, *köprüg* (МК), тур. *körpü*, *köprü*, гаг. *köprü*, аз. *körpü*, турк. *köpri*.

11. **tūkrag* 'знак царской власти': др.-тюрк. *tuγraγ* (МК – огуз.), *tuγra* (IM), тур. *tuγra*.

12. **ātag* 'остров': тур. *ada*, турк. *āda*.

Однако имеется значимое число примеров, когда в различных огузских языках конечное *-g* отражается по-разному, а именно а) как глухой (так сказать, карлукский рефлекс), б) как *0* (огузский рефлекс), в) как *-g* (т.е. так же, как глухой на конце неодносложной основы).

****ag#***

1. *otag* 'шалаш, комната': др.-тюрк. *otaγ* (МК), тур. *otak*, *-γy*, *oda*, гаг. *oda*, аз. *otaG*, турк. *otaG*.

2. **(i)ātag* 'жертвоприношение, цена, помолвка, подарок': тур. *adak*, *-γy*, турк. *ādaG*.

3. **erneg* 'край, кромка (посуды)': тур. *ernek* (диал.), турк. *erŋek*, *-gi*.

****ig#***

4. **kičüg(/-k)* 'маленький': др.-тюрк. *kičig* (рунич., др.-уйг.), *kičüg* (МК), тур. *küčük*, *-γü*, *kiçi* (диал.), гаг. *küčük*, *küǰük*, аз. *kičik*, *-gi*, турк. *kiçi*, сал. *kiǰi*.

5. **jyly-g* 'теплый': др.-тюрк. *jylyγ* (др.-уйг.), *jylyγ*, *ylyγ* (МК), тур. *ylyk*, диал. *yly*, гаг. *yly*, аз. *ilyG* '*warmish*', турк. *jyly*, сал. *jili*.

6. **iāčy-g* 'горький, кислый': др.-тюрк. *ačyγ* (др.-уйг.), *ačyγ* (МК), тур. *ažy*, гаг. *aži*, аз. *ažy*, турк. *āžy*, диал. *āžyγ*, сал. *āžy*, хал. *hāčuγ*, *hāčuq*.

7. **ubyg* 'жерди, поддерживающие верхний край юрты': др.-тюрк. *uγ* (МК); *ujuγluγ* (= *uvuγluγ*) '*tent pole*' (МК), тур. *huγ* 'хижина', турк. *ūq*.

8. **tētig* 'умный, бодрый': др.-тюрк. *tetik* (др.-уйг.), *tetik*, *teti-l-* 'to become clever' (МК), тур. *tetik*, *-gi*, турк. *tetārik*.

-ug

9. **urug* 'семя, род': др.-тюрк. *uruγ* (др.-уйг.), *uruγ* (МК, QB), турк. *uruG*.

Часть этих примеров (**jyly-g*, **iāčy-g*, **tētig*), где варьируют глухой и ноль, конечно, можно пытаться интерпретировать как отглагольные прилагательные с исконно разными суффиксами, но остальной материал такой интерпретации не допускает. Приходится предположить и здесь нефонетическое развитие, а именно морфонологические процессы парадигматического выравнивания, проходившие после возникновения чередования по глухости-звонкости. Эта ситуация требует предположения о чрезвычайно позднем отпадении сохранившегося *-γ#* неодносложного слова.

Признание такого развития, соответственно, влечет за собой отрицание того, что огузские и кыпчакские языки генетически противопоставлены карлукским по процессу падения старого звонкого на конце неодносложной основы: это падение в огузской и кыпчакской группах явно проходило раздельно, падали совершенно разные звуки, и, кроме того, в обеих группах соответствующий процесс явился наиболее поздним в циклах связанных переходов, различных для этих групп. Специфической близости огузской и карлукской групп также не наблюдается: сходство соответствующих циклов обеспечено исключительно периферийным положением этих групп по отношению к центральным изоглоссам «общетюркской» территории, а именно утере фрикативного *γ*, замещавшегося *w* и *j*.

Итак, процессы развития взрывного консонантизма объединяют карлукские и кыпчакские языки, отличая их от огузских. Отметим еще раз, что в йотацированном сибирском языке – горноалтайском – озвончение интервокального глухого, скорее всего, носит чисто фонетический характер, захватывая в одинаковой степени позиции после первично долгих и первично кратких и распространяясь на зубной глухой, таким образом, по этому процессу он хорошо отделяется от выше рассмотренных подгрупп.

Некоторые развития носовых согласных

Другое явление, возможно существенное для классификации рассматриваемых языковых подгрупп, – процессы позиционной назализации начального **b-*. Известно, что ни в каких позициях не назализуется **b-* в западноогузских языках; наличие назализации в азербайджанском и туркменском часто связывают с кыпчакским влиянием. Можно ли отождествлять азербайджанский, туркменский и кыпчакские процессы? Ответ явно отрицательный. В самом деле, азербайджанское правило (см. СИГТЯ 2002, 55):

b- > *m-* при наличии носовых в исконной основе: переход происходит, если в основе носовой реально представлен на синхронном уровне и при этом находится внутри того же слога, что *b-* (т.е. в закрытом слоге): *män* 'я', *min-* 'сидеть верхом', *min* 'тысяча', *munǯuG* 'бусы'; в противном случае перехода не происходит: *bäniz* 'лицо', *bujnuz* 'рог', *bojun* 'шея', *bänäk* 'родинка', *bejin* 'мозг', *bajyl-* 'слабеть', *bijan* 'солодка', *buna* 'этому'. Если в морфологически производных формах положение носового относительно слогораздела меняется, то начальный согласный при этом не меняется (выравнивается по производящей форме): *mänä* 'мне', *bänzä-* 'быть похожим', *bojnuäjri* 'кривошеий'.

В туркменском:

**b-* > *m-* при наличии старых носовых в основе, рефлекс которых непосредственно следует за гласным: *men*, *muna*, *maj* 'жир', *mōj* < **mögen* 'фаланга', *meŋiz* 'лицо' (но *bujnuz* 'рог' < **bujŋuz*, *bejni* 'мозг' < **bejŋi*). Так же устроено правило в восточноанатолийском турецком и, например, в турецком диалекте Эдирне (СИГТЯ 2002, 47).

Туркменское и азербайджанское правила явно не похожи друг на друга, причем туркменское правило формально идентично правилу, действующему в западнокыпчакских языках (не ногайских), но результаты действия туркменского и кыпчакского правил разные, поскольку они проходят над уже разошедшимися под действием других правил формами (ср. тат. *mi* 'мозг' < **miǰ* < **bejŋi*, **mögez* < **möŋez* < **bujŋyz*). Таким образом, это разновременные процессы, не объединяющиеся генетически.

С другой стороны, классификационно значимым оказывается, по-видимому, развитие пратюркского кластера *-jn-*. В огузских языках этот кластер (с которым еще в праогузском совпадает *jŋ*) на конце слова сохраняется (сочетание разрешается вставным гласным: *kojun* 'овца' (< **kojn*), 'пазуха' (< *kōjn*)), в середине слова > *n* (*kanat* 'крыло'). Карлукские и кыпчакские языки отличаются тем, что в них рефлексы кластера различаются в зависимости от того, стои́т ли он после первично долгого или первично краткого гласного. Ср.:

а) **bōjn* 'шея': тув. *mojun*, сюг. *mojin*, хак. *mojyn*, шор. *mojun*, чаг. *bojn*, *bojun* (Sangl., MA), узб. *bujin*, нуйг. *bojun*, кум. *bojun*, балк. *bojun*, тат. *mujyn*, башк. *mujyn*, ног. *mojyn*, каз. *mojyn*, ккалп. *mojyn*, кирг. *mojun*, галт. *mojun* (ЭСТЯ 1978, 180–182).

**ījn* 'берлога, яма': узб. *in*, каз. *in*, ккалп. *in*, кирг. *ijin* (VEWT 172).

kȳjn* 'наказание, штраф, вина': тув. *xyjna-*, сюг. *qyn*, хак. *xyjyx*, *xyjal*, шор. *qyjal*, *qyjyq-ta-*, *qyjnaɣ* (qyń-laɣ*), чаг. *qyjyn* (Абуш., Бор.Бад., MA), *qyn* (Pav.C.), *qyna-* (Sangl.), узб. *qijin*, *qijna-*, нуйг. *qijin*, *qijna-*, кар. *qyjyn*, *qejin*, *kyjna-*, кум. *qyjyn*, *qyjna-*, балк. *qyjyn*, *qyjna-*, тат. *kyjyn*, башк. *qyjyn*, *qyjna-*, ног. *kyjyn*, *kyjna-*, каз. *qyjyn*, *qyjna-*, *qynj-yl-*, ккалп. *qyjyn*, *qyjna-*, кирг. *kyjyn*, *kyjyt-*, *kyjna-*, галт. *kyjyn*, *kyjna-*, *kyjal*, диал. (туба) *kyj-* (ЭСТЯ 2000, 218–219).

**kōjn* 'подмышка, пазуха': тув. *xoj*, *-jun*, сюг. *qoin*, хак. *xojyn*, шор. *qojyn*, чаг. *qojyn* (Abû H), узб. *qǫjyn*, нуйг. *qojyn*, кум. *qojyn*, кар. *qojun*,

qojyn, балк. *qojyn*, тат. *qujyn*, башк. *qujyn*, ног. *qojyn*, каз. *qojyn*, ккалп. *qojyn*, кирг. *qojyn*, галт. *qojyn* (СИГТЯ 1997, 243–244; ЭСТЯ 2000, 26–27).

**kājnat* 'крыло': сюг. *qejnat*, хак. *xanat*, шор. *kanat*, чаг. *qanat* (Абуш., МА), узб. *qanɔt*, нуйг. *qanat*, кум. *qanat*, балк. *qanat*, тат. *qanat*, башк. *qanat*, ног. *qanat*, каз. *qanat*, ккалп. *qanat*, кирг. *kanat*, галт. *kanat*, *kanar* (ЭСТЯ 1997, 252–253; СИГТЯ 1997, 149–150).

**kõjnek* 'ведро, сосуд': тув. *xönek*, хак. *könek*, шор. *könek*, *könek* (МК, QB), тур. *könek*, ст.-осм. *köjnük*, турк. *kõnek*, узб. *kụnak*, нуйг. *kụnɛk*, тат. *künɛk* (диал.), башк. *künɛk*, ног. *könek*, каз. *könek*, кирг. *könök*, галт. *könök* (ЭСТЯ 1997, 104–105).

б) **kojn* 'овца': тув. *xoj*, сюг. *qoi*, хак. *xoj*, шор. *qoj*, чаг. *qoj* (Vámb.), узб. *qọj*, нуйг. *qoj*, кар. *qoj*, кум. *qoj*, балк. *qoj*, тат. *quj*, башк. *quj*, ног. *qoj*, каз. *qoj*, ккалп. *qoj*, кирг. *qoj*, галт. *qoj* (СИГТЯ 1997, 243–244; ЭСТЯ 2000, 26–27).

**syjn* 'тело, стан; внешность; идол': тув. *syn*, хак. *syn*, шор. *syn*, чаг. *sin* (P), узб. *sin*, кум. *syn*, балк. *syn*, тат. *syn*, башк. *hyn*, ног. *syn*, каз., ккалп *syn*, *syjaq*, ккалп. *syn*, кирг. *syn*, *syjak*, галт. *syn* (ЭСТЯ 2003; СИГТЯ 1997, 266).

**bajnak* 'навоз': тув. *myjak*, тоф. *myj̃aq*, нуйг. *majaq*, узб. *mɔjaq* (VEWT 322, 336).

Таким образом, рефлексация кластера *-jn-* также объединяет карлукские и кыпчакские языки, отличая их от огузских.

В результате действия описанных процессов возникают следующие консонантные системы.

Региональные развития общетюркской фонологической системы

Довольно очевидно, каким образом в результате фонетических развитий, включающих сохранение фрикативности звонких в поствокальной позиции и переход *ǰ- > j-*, появляется система, позволяющая двоякую интерпретацию – раннеогузская:

p	*b*		*(v)*	*m*		(или)	*p*	*b/v*		*m*		
t	*(d)*	*s*	*z*	*n*			*t*	*d/z*	*s*	*n*		
č		*š*	*j*	*j̃?*	*r l*		*č*	*j*	*š*	*j̃?*	*r l*	
k	*g*		*(γ)*	*ŋ*			*k*	*g/γ*		*ŋ*		

В этой системе *b* и *v* дополнительно распределены: начало vs. интервокал и конец; так же *d* и *z*, так же *g* и *γ*; *j* бывает и в той, и в другой позиции.

Впоследствии новое озвончение внутрисловных глухих, происходящее в огузской группе после первичных долгих гласных, дает звонкие нефрикативные во второй позиции, создавая новое фонологическое противопоставление:

p	*b*		*v*	*m*		
t	*d*	*s*	*z*	*n*		
č	*ǰ*	*š*	*j*	*j̃?*	*r*	*l*
k	*g*		*γ*	*ŋ*		

Это – общеогузская система, в последующем начинается распад огузской общности на отдельные языки. Отметим, что полезно проинтерпретировать эту систему не в терминах глухости–звонкости, а в терминах силы–слабости, так как это позволяет, например, объяснить сходное поведение взрывных конца неодносложного слова и конца односложного слова после долгого (ослабление на более чем одноморовом расстоянии от начала слова - см. Иллич-Свитыч, Дент.). В таком случае эта система равносильна предполагаемой для саянской подгруппы и может быть переписана следующим образом:

p	*B*		*v*	*m*		
t	*D*	*s*	*z*	*n*		
č	*Č*	*š*	*j*	*j̃?*	*r*	*l*
k	*G*		*γ*	*ŋ*		

Общекарлукско-кыпчакская система практически идентична праогузской, но, вследствие изменения характера начала слова, варианты превращаются в отдельные фонемы. При этом позиционное развитие раздваивает *ǯ*, что приводит к симметричной системе, послужившей источником современных карлукских и большинства кыпчакских систем:

p	*b*		*v*	*m*		
t	*d*	*s*	*z*	*n*		
č	*ǯ*	*š*	*j*	*j̃?*	*r*	*l*
k	*g*		*γ*	*ŋ*		

Отдельное развитие приводит к праногайской системе:

p	*b*		*w*	*m*		
t	*d*	*s*	*z*	*n*		
	ǯ	*š*	*j*		*r*	*l*
k	*g*			*ŋ*		

В карлукских системах из-за изменений в системе вокализма перестают быть вариантами фоны увулярного ряда:

p	*b*		*v*	*m*		
t	*d*	*s*	*z*	*n*		
č	*ǯ*	*š*	*j*		*r*	*l*
k	*g*			*ŋ*		
q		*χ*	*γ*			

Кыргызская подгруппа напоминает по внешнему виду кыпчакскую, но является результатом совершенно другого развития и, в частности, отражает прошедшие процессы дефрикативизации звонких:

p	*b*		*m*		
t	*d*	*s/z*	*n*		
č	*ǯ*	*š/ž*	*j̃*	*r*	*l*
k	*g*	*x/γ*	*ŋ*		

Саянская система практически идентична праогузской, но также является результатом действия совершенно других процессов (в частности, частичной дефрикативизации звонких)[46]:

p	*B*		*v*	*m*		
t	*D*	*s*	*z*	*n*		
č	*Č*	*š*	*j*	*ǰ*	*r*	*l*
k	*G*	*x*	*γ*	*ŋ*		

Наконец, якутско-долганская подгруппа развивает свою консонантную систему в соответствии с процессами, свойственными языкам циркумбайкальского региона:

p	*b*		*m*		
t	*d*	*s*	*n*		
		j	*ǰ*	*r*	*l*
k	*g*		*ŋ*		
x	*γ*	*h*			

ВОКАЛИЗМ

Развитие вокалических систем менее показательно для классификации тюркских диалектов раннего периода.

Для праалтайского сейчас восстанавливается десингармонистическая система **i, *e, *u, *o, *a* с тремя дифтонгами, встречающимися только в первом слоге (**iu, *io, *ia*). В результате воздействия вокализма непервого слога на вокализм первого слога возникают куда более богатые системы в праязыках отдельных алтайских групп.

Соответствия праалтайских гласных см. в таблице 9 (EDAL 103).

---

[46] В СИГТЯ 2002, 630 для пратобаского предложено следующее развитие: «Вероятно, пратобаский вместе с праякутским сначала получил *s-* (< **j-*), а затем это вторичное анлаутное *s* дало *š* и далее *č*, поскольку есть случаи, когда переходом *s- > š-* затронуто и первичное *s-*: общетюрк. *sary-* – тув., тоф. *šary-* 'обматывать, бинтовать'; общетюрк. *sanč-* – тув. *šaš-/šanč-*, тоф. *ščš-* 'ткнуть, пронзить'». Сейчас такой порядок перехода кажется нам маловероятным. Оба «подозрительных» случая легко объяснимы, второй – как дистантная ассимиляция первого спиранта вторым, первый – как относящийся к другой этимологии: общетюрк. *čar-* 'обматывать', см. VEWT 100. Так что, по-видимому, целесообразно вернуться к более традиционному порядку процессов: **j- > ǰ- > č*, предполагая затем в якутском характерный для всего циркумбайкальского ареала переход *č > s*.

Там же читаем: «Исключения типа **j- > s-* (примеры: общетюрк. *jyldys* – тув., тоф. *syldys* 'звезда' – теоретически ожидаемая якутская форма, хотя в якутском *sulus* (< **suldus*, ср. узб. *julduz*, уйг. *jultuz* < **jyldus*); общетюрк. *jyldys* – тоф. *syldys* 'корни растений'; общетюрк. *jüksük* – тув. *čüksük*, тоф. *süksük* 'наперсток' – як. *süütük*), скорее всего, необходимо истолковывать как формы, оставшиеся по каким-то причинам на первой ступени многоступенчатого перехода **j- > *s- > *š → č*». Причины появления в этих основах *s* достаточно ясны: это ассимилятивное развитие при наличии внутри основы еще одного *s*.

Таблица 9

ПАлт.	ТМ	Монг.	Тюрк.	Яп.	СрКор.
*a-a	a	a	a (Pa-/Pạ-)	a	A
*a-e	a	a [i]	a-, y	ə	A
*a-i	a	a [e]	e [a]	i	A [i]
*a-o	a	a [i, e]	o (ja, aj)	a	ă [o]
*a-u	a	a [U]	a	u	A [U]
*e-a	e	a [e]	a (ạ) [e]	a	A
*e-e	e	e (ja-)	e (ęR; ja-)	ə	A [i, y]
*e-i	e	e [i]	e (ęR; ja-)	i	i [y, A]
*e-o	e	a [e, Pü/Pö, üP/öP]	ạ [ę]	ə [a]	ă [U]
*e-u	e	e [a, Po, oP]	e [a, ạ]	u	U [a]
*i-a	i	i	y [i]	a	A
*i-e	i	e [i]	e (ęR)	i	i [y]
*i-i	i	i (Pe)	i	i	I
*i-o	i	i	y	i [ə]	U [y]
*i-u	i	i	y [i]	u	i [y]
*o-a	U	U	o	a	Ă
*o-e	U	ö [ü, o]	ö [o]	ə	y [U]
*o-i	U	ö	ö [o]	u	U
*o-o	U	u	o	ə	Ă
*o-u	U	U	o	u	ă [U]
*u-a	U	a [U]	u [o]	a	A
*u-e	u	U [ü, ö]	ü	ua (Pa-)	y [A]
*u-i	u	ü [ö]	ü [u]	u	U [y]
*u-o	U	U	u	ə	U [y]
*u-u	U	U	u	u	U
*i̯a-a	ia (Si)	a	ia, ja [e]	a	ă (Pa, aP)
*i̯a-e	i	i [a,e]	ia, ja	ə	i [(j)ə]
*i̯a-i	ia (Si)	i [e]	ia, ja [e]	i	ă [(j)ə]
*i̯a-o	U	e	ia, ja, pa	a	ă [U]
*i̯a-u	U	a, U	ę, a, Pạ	u	U [(j)ə]
*i̯o-a	U	a, U	ia, ja, pa	a	U [ă]
*i̯o-e	U	e, ö	ę, a, Pạ	ə [u]	U [jə]
*i̯o-i	U	i [e, ö]	ia, ja, pa	i	U [ă]
*i̯o-o	i	ö [ü, U]	o [u]	ə [a]	i, (j)ə
*i̯o-u	ia (Si)	e [i, u]	u [o]	u	ă [u, jə]
*i̯u-a	U	U [i]	y	a	A
*i̯u-e	ü, Pu	ö [ü, U]	ü, iR [ö]	u [ə]	(j)A [U]
*i̯u-i	i (Pu-)	ö [ü, U]	ü [ö]	i	y (i, U)
*i̯u-o	ü	U	u [o]	u [ə]	(j)A [U]
*i̯u-u	U	i [U,ü,ö]	y	u	U (i, y)

Система **пратюркского вокализма** реконструируется в следующем виде:

Вокализм первого слога

i	*ü*	*y*	*u*
e̯	*ö*	*a̯*	*o*
e		*a*	

\+ долгие в первом слоге – удвоение системы.

Вокализм непервого слога

I			*U*
	A	O	

(фонетически, т.е. включая сингармонические варианты по ряду, распределенные в зависимости от первого слога):

i	*ü*	*y*	*u*
e	*ö*	*a*	(*o*)

Заднерядное *o* второго слога в корневых морфемах надежным образом реально не встретилось (?), но он, видимо, может быть реконструирован в некоторых служебных морфемах (см. ниже).

Нисходящий дифтонг *ia* (долгий и краткий) вводится в пратюркскую реконструкцию вслед за работой Вл.–Поп. 1924 для соответствий общетюрк. *a* (соответственно *ā*) – чув. *ju-* в неприкрытом начале слова, *u* с палатализацией предшествующего гуттурального или дентального согласного после согласного. В отличие от классиков, монгольское соответствие ему устанавливается не так прямолинейно, см. выше в таблице соответствий алтайских гласных.

Проблему представляет **реконструкция гласных непервого слога**. По-видимому, для общетюркского состояния следует признать отсутствие губного сингармонизма и наличие различения в непервых слогах неогубленных и огубленных гласных независимо от характеристики первого слога. Это подтверждается данными словаря Махмуда Кашгарского и – в несколько сбитом виде в силу особенностей орфографической системы – руническим тюркским (см. хотя бы Meyer 1965, 183–202). Кроме того, различение немотивированной корнем огубленности/неогубленности непервого гласного отражается в различной рефлексации вокально-консонантных комплексов в огузских и кыпчакских языках (например, тур. *-aby-*, *-agu-*, *-abu-* > *-abu-*, *-agy-* > *-agy-*), см. подробно СИГТЯ 2002, 44. Наконец, в основном соответствуют древнетюркскому состоянию данные по общетюркским двусложным основам в новоуйгурском языке и в окающем диалекте якутского языка, где старый немотивированный огубленный вызывает огубление гласного первого слога (в отличие от старого немотивированного неогубленного, вызывающего новоуйгурский умлаут), ср. несколько примеров: нуйг. *хотун*, як. *хотун* ‘женщина’, орх., др.-уйг. *qatun* (**katun*), при як. *балык*, нуйг. *белик*, МК *balyq*, **balyk* ‘рыба’; осм. *jarum*, як. *ярым*, нуйг. *ерим*,

МК *jarym*, **jarym* 'половина'; нуйг. *qelin*, рун. *qalyn*, МК *qalyn*, **kalyn* 'толстый'. На основании таких данных восстанавливается различение немотивированных *I* и *U* непервого слога.

Что касается реконструкции огубленного широкого, то мы склонны согласиться с гипотезой Дж.Клосона (EDT), который восстанавливает **o/ö* непервого слога в случае колебаний в рефлексах огубленности/неогубленности первого слога и широты/узости непервого, независимо от способа фиксации непервого слога в памятниках (ср. реконструкции **sigöl* 'бородавка' *süŋök* 'кость' в EDT при староосм. *sigil*, *süŋük*). По-видимому, по крайней мере в общеогузском его рефлексы распределились: узкий в закрытом слоге, широкий в открытом, ср.: **s[e]göl* 'бородавка': *sögöl* (др.-уйг.), *sigil* (МК), тур. *sigil*, аз. *zijil*, турк. *siŋŋil*; **siŋök* 'кость': *süŋök* (орх.), *süŋük* (др.-уйг.), *süŋük* (МК, QB), тур. *süŋük*, аз. *sümük*, турк. *süŋk*, *süjek*; **sinčök* 'лодыжка, голень': тур. *sinǰik* (диал.); но **tepö* 'холм, вершина': *töpü* (др.-уйг.), *tepe* (Tfs), *töpü* (QB), тур. *tepe*, диал. *depe*, аз. *täpä*, турк. *depe*; **tikö* 'часть, кусок': *tikü* (МК), тур. *tike*, аз. *tikä*, турк. *tike* (см. СИГТЯ 2002, 45).

Примечание. Исследователи, следующие за реконструкцией Г.Дёрфера (как в упомянутой работе Мейера), полагают, что «устойчивый», т.е. не объясняемый наведением губной гармонии с предыдущего слога, узкий губной гласный непервого слога может восходить к пратюрк. **o/ö* непервого слога и соответствует широкому гласному в якутском (рун. *U* = як. *A*, ср. афф. *-duq* – як. *-tax*; однако, наоборот, 3 л. *-y* = як. *-a*); дополнительным аргументом служит то, что графическому вав'у в непервых слогах в староосманских текстах, часто при отсутствии губной гармонии, соответствует *o* в староосманских транскрипционных текстах. Что касается староосманского написания неразложимых двусложных основ, видимо, можно согласиться с Э.А.Груниной, что запись «вава» носит орфографический характер (Грунина 1991, 37), отражая «морфонологически нормативный» вид морфемы. Во всяком случае, было бы неосторожно связывать его напрямую с губным узким или широким непервым гласным, получаемым из общетюркской реконструкции, об отсутствии такой связи свидетельствует материал синхронно неразложимых основ, ср. осм. *qadun*, нуйг. *хотун*, но осм. *baluq*, транскр. *balok*, нуйг. *белик*; осм. *jarum*, нуйг. *ерим*; осм. *qalun*, транскр. *kalon*, нуйг. *qelin*. Т.е. следует отметить для ст.-осм. тенденцию произношения непервого узкого гласного заднего ряда с новой огубленностью. Позиции такого перехода неясны, но сам он вполне реален – ср. *baluq* в современных турецких северовосточных анатолийских диалектах [про староосм. это все подробно написано в СИГТЯ 2002, 10–14]. Поэтому мы не используем при реконструкции второго огубленного староосманские данные; кроме того, очевидно, что во втором слоге приходится восстанавливать минимум 2 огубленных гласных, один не дает варьирования по широте/узости, другой дает. В перфектном аффиксе, таким образом, мы, так же как и школа Дёрфера, будем восстанавливать *O*.

Таблица 10

Базовые соответствия тюркских гласных

*ТП	Др.-уйг.	Крх.	Як.	Тув.	Тоф.	Хак.	Шор.	Ойр.	Кирг.	Уйг.	Узб.	Каз., Ккалп.	Ног.	Башк.	Тат.	Кум.	КБ	Кар.	Турк.	Аз.	Гаг.	Тур.	Хал.	Чув.
i	i	i	i	i	i	ə	i	i	i	i	i	i	i	e	e	i	i	i	i	i	i	i	i	ə, ъ[1]
ī	i	i	ī	i	į	ə	i	i	i	i	i	i	i	e	e	i	i	i	ī	i	i	i	ī[i]	ə, ъ[1]
ę	(i)	(i)	i	e	e	i	e	e	e	e, ä[2]	e	e	e	i	i	e	e	e	e	ä, e[3]	e	e	ä	i
ę̄	(i)	(i)	ī	e	e	i	e	e	e	e, ä[2]	e	e	e	i	i	e	e	e	ī	e	e	e	ī[e]	i
e	(e)	(e)	e	e	e	i	e	e	e	e, ä[2]	e, a[4]	e	e	i	i	e	e	e	e	ä, e[4]	e	e	ä	a[5]
ē	(e)	(e)	ie	e	e	i	e	e	e	e, ä[2]	e	e	e	i	i	e	e	e	ā̃	ä, e[4]	e	e	ā̃	a[5]
a	a	a	a	a	a	a	a	a	a	a, e[6]	a, ɔ[7]	a	a	a	a	a	a	a	a	a	a	a	a	o[8]
ā	a	a	ā	a	a	a	a	a	a	a, e[6]	a, ɔ[7]	a	a	a	a	a	a	a	ā	a	a	a	ā[a]	o[8]
ą	a	a	y	a	a	a	a	a	a	a, e[6]	a, ɔ[7]	a	a	a	a	a	a	a	a	a	a	a	a	y
ą̄	a	a	ȳ	a	a	a	a	a	a	a, e[6]	a, ɔ[7]	a	a	a	a	a	a	a	ā	a	a	a	ā[a]	y
y	y	y	y	y	y	y	y	y	y	i	i	y	y	y	y	y	y	y	y	y	y	y	I	ə, ъ[9]
ȳ	y	y	ȳ	y	y	y	y	y	y	i	i	y	y	y	y	y	y	y	ȳ	y	y	y	ī[i]	ə, ъ[9]
u	u	u	u	u	u	u	u	u	u	u	u	u	u	o	o	u	u	u	u	u	u	u	u	ъ[w10]
ū	u	u	ū	u	u	u	u	u	u	u	u	u	u	o	o	u	u	u	ū	u	u	u	ū[u]	ъ[w10]
o	o	o	o	o	o	o	o	o	o	ŏ	ŭ	o	o	u	u	o	o	o	o	o	O	o	o	vy-, -u-[11]
õ	o	o	uo	o	o	o	o	o	o	o	ŭ	o	o	u	u	o	o	o	õ	o	O	o	ū[o]	vu-, -u-[11]
ü	ü	ü	ü	ü	ü	ü	ü	ü	ü	ü	u	ü	ü	ö	ö	ü	ü	ü	ü	ü	ü	ü	ü/i[12]	ə[w13]
ű	ü	ü	ű	ü	ú	ú	ü	ü	ü	ü	u	ü	ü	ö	ö	ú	ü	ü	ű, üj	ü	ü	ü	ű[ü], ī[12]	ə[w13]
ö	ö	ö	ö	ö	ö	ö	ö	ö	ö	ö	ŭ	ö	ö	ü	ü	ö	ö	ö	ö	ö	Ö	ö	ö, e[12]	vi-, -u-/-ü-[14]
ő	ö	ö	üö	ö	ö	ö	ö	ö	ö	ö	ŭ	ö	ö	ü	ü	ö	ö	ö	ö	ö	Ö	ö	ī[e]	va, -ъ[w]va

Примечания к табл. 10:

[1] ъ – После и перед *š*.

[2] Закрытый вариант – в позициях т.наз. уйгурского умлаута (при *ä, i* второго слога).

[3] Закрытый вариант – после *j*-, перед шипящими (*š, č*) и общеогузскими *j* (но не перед собственно азербайджанским, из огуз. **g*), *v*, в прочих случаях открытый.

[4] *-a-* – относительно редкий, по-видимому, диалектный вариант.

[5] > *e* в соседстве с палатальными.

[6] Вариант *e* – в позициях т.наз. уйгурского умлаута (при *ä, i* второго слога).

[7] Подробности см.: Мудрак 2004.

[8] = верховое *o*, низовое и литературное *u*. *O* > *u* в соседстве с *g* и *v*.

[9] ъ – после и перед *š*. В неприкрытом слоге > *jъ*. Подробно см. Мудрак 1994.

[10] **uvC* > *uC*. Лабиализация ъ отмечается в верховом диалекте (но следует помнить, что в окружении губных согласных в этом диалекте лабиализация автоматическая).

[11] В малокарачинском говоре *vu*.

[12] По диалектам.

[13] Лабиализация *ə* отмечается в верховом диалекте (но следует помнить, что в окружении губных согласных в этом диалекте лабиализация автоматическая).

[14] Рядом с гуттуральными согласными **ö* совпадает с *u*.

РЕКОНСТРУКЦИЯ ПРАТЮРКСКОЙ СИСТЕМЫ ГЛАСНЫХ ФОНЕМ

На основании разбора систем вокализма в современных языках-потомках и установления регулярных соответствий между гласными реконструируется пратюркская система гласных фонем. В большинстве тюркских языков система не подвергалась кардинальной перестройке в целом, и там сохранились основные элементы, присущие пратюркскому языку, – это, например, сингармонистические ряды гласных и закон уподобления гласных служебных постпозитивных морфем сингармонистическому ряду основы. В случае разнорядных основ, т.е. основ с нарушением правила сингармонизма, как показывают современные языки, уподобление происходило по последнему гласному основы, тому, который находился непосредственно перед аффиксом. В некоторых современных языках произошло или происходит разрушение системы сингармонистических рядов для гласных (например, в узбекском уже говорят об утере сингармонизма, что немного неточно, на уровне многосложной основы, не членимой синхронно, часть правил продолжает действовать: после *-e-* первого слога недопустим следующий *-ɔ-*, а допустим только *-ɛ-*). Реально же следы различавшихся сингармонистических рядов продолжают оставаться на согласных (различение велярных и увулярных рядов), и выбор варианта аффикса с велярным и увулярным зависит от наличия велярного или увулярного в основе, или закреплен словарно, т.е. узусом без конкретных синхронных фонетических мотивировок. В уйгурском языке таким образом различаются односложные основы с корневым гласным *-i-*, который то требует, а то и не требует переднего ряда аффикса. Синхронное морфонологическое различение в уйгурском *-i-* и *-y-* совпадает с пратюркским за редкими исключениями. Сложнее случай с чувашским языком, где система сингармонизма существует и поныне,

однако со времени распада пратюркской языковой общности произошла его системная перестройка и основа, имеющая передний сингармонистический ряд в современном языке, с равным успехом может происходить как из переднерядной, так и из заднерядной пратюркской основы. То же самое верно и для современных чувашских заднерядных основ. Связано это было с конкретной исторической судьбой данного языка, в частности с ограничением в ранний период контактов с остальными тюркскими языками, и, соответственно, с неучастием в общих для остальных тюркских языков инновативных процессах, но с активными собственными инновациями, которые могли возникать под воздействием соседних языков других языковых семей. Многие архаичные пратюркские различия, утерянные при общих инновациях в большинстве языков, продолжают в переосмысленном виде сохраняться в чувашском.

Фонетическая система первого слога

Наибольшее количество гласных было представлено в первом корневом слоге слова, это – сильная позиция. Для нее характерны следующие гласные:

Таблица 11

Палатальный (передний) и непалатальный (задний) сингармонистические ряды гласных

Ряд / Подъем	Передний	Передне-средний	Средне-задний	Задний
верхний	i	ü	y	u
вредний	ẹ	ö	ạ	o
нижний	e	ẻ	a	å

Таблица 12

Палатальный (передний) и непалатальный (задний) сингармонистические ряды дифтонгов

Ряд / Подъем	Передний	Передне-средний	Средне-задний	Задний
верхний	–	(i̯ü)	i̯y	i̯u
вредний	–	i̯ö	–	i̯o
нижний	i̯e	–	i̯a	–

Традиционно в тюркской реконструкции присутствуют только гласные **a, *y, *o, *u, *e, *i, *ö, *ü*, они распределены по двум сингармонистическим рядам (о проблеме **ẹ*, других закрытых и огубленных гласных и дифтонгах см. выше). Немаркированным является задний сингармонистический ряд; основ с первым гласным этого ряда значительно больше, чем переднего. Кроме того, при присоединении некоторых маркированных переднерядных аффиксов (таким, например, был в древних письменных тюркских и продолжает быть в современном чувашском аффикс 3-го лица **-i*) в памятниках – иногда, а в чувашском регулярно последующий наращиваемый аффикс по-

лучает маркированный сингармонизм, т.е. переднерядный. Существующие пратюркские маркированные по рядности аффиксы имеют только передний ряд (ср. **-δeŕ* 'одинаковый по какому-либо признаку' > тур. *-deş*), но ни одного неизменяемого заднерядного пратюркского аффикса не существовало.

Особенностью пратюркской системы гласных является наличие противопоставления по долготе/краткости, присущее всем гласным и реконструируемое по данным огузских языков (долгота в туркменском *ā, ē, ē̈, ō, ȫ, ȳ, ī, ū, ǖ (= ǖ)* и отчасти гагаузском, озвончение смычных шумных после исконно долгих гласных во всех языках), якутского (долгота гласного для гласных верхнего и нижнего подъемов в якутском языке *ȳ, ī, ū, ǖ, ā*, для гласных среднего подъема в первом слоге дифтонгизация в *ie, uo, üö*, в непервых слогах – дифтонгизация в неразложимых основах и чистая долгота в служебных аффиксах, например отыменной глагольный аффикс *-lā-, -lē-, -lō-, -lȫ-* и др., в первом слоге якутские *уа, ē, ō, ȫ* берутся только при стяжении после выпадения исторических звонких спирантов и части сонантов), тувинского и тофаларского (отражение кратких гласных как фарингализованных в первом слоге перед шумными). Подробно разбор системы межтюркских соответствий для традиционно реконструируемых гласных см. в работах: Ряс.Мат. 47–95; Щербак 1970, 26–76, 143–158; СИГТЯ 1984, СИГТЯ 2002. Следует остановиться на регулярных соответствиях «обычным» (традиционно реконструируемым) пратюркским гласным в чувашском языке.

Пратюркский **a* развивается практически одинаково во всех подгруппах, только в карлукских уйгурском и узбекском языках существуют специфические переходы гласного первого слога. В уйгурском в открытом слоге **a* > *e* перед **y* следующего слога и **a* > *o* перед **u* следующего слога; в непервых слогах **a* > *a* в закрытом и *i* в открытом неконечном слоге, а при первом огубленном гласном корня в закрытом слоге – *-a-*, в открытом – *-u-*, причем такой «новый» *-i-* не вызывает перегласовки предыдущего согласного. В узбекском в открытом слоге **a* > *ɛ* перед **y* следующего слога; в односложных основах, кончающихся на согласный и синхронные сочетания *-rt, -lt*, в открытом слоге многосложных основ перед следующими **a, *u* рефлексом пратюркского **a* является *ɔ;* в закрытом первом слоге многосложных основ (за исключением случаев перед *-rt-, -lt-, -ld-*, где представлен *ɔ*) пратюркский **a* > *ɛ;* в непервых слогах рефлексы *ɛ* в открытом и *ɔ* в закрытом слогах. Основным и наиболее частотным соответствием пратюркскому **a* в первом слоге вне зависимости от исконной долготы является чувашский *о* [**a* > *o*]. Примеров на это соответствие настолько много, что нет нужды приводить их в данной работе (см. Ряс.Мат. 60, 72–74). Особые рефлексы наблюдаются в основах, где в чувашском присутствуют *j, ś, č*. В этих основах вместо *о* появляется *ӳ* (сев.-зап. *ӧ*) с последующим переходом основы в передний ряд сингармонизма, что является вторичным процессом, вызванным палатальным характером данных согласных. Процесс упереднения *а* прошел и в татарском языке рядом с *j, š, č, ǰ* и башкирском рядом с *j, š, s (< *ć)*, это –

поздний региональный поволжский переход, ср. чув. *śüś*, тат. *čεč*, башк. *sεs* 'волосы', тат., башк. *jεš* 'слеза', омоним 'год', тат., башк. *jεšel* 'зеленый', чув. *jüźə*, тат. *εče*, башк. *εse* 'кислый, горький' и т.д. [**(T)a > > (T)ɔ > (T)o/ Tü (~ ö)* рядом с палатальными].

По-особому пратюркский **a* вел себя в сочетаниях с раннечувашским $^{+}w<$ пратюрк. **v, *γ*. В закрытом слоге сочетания стягивались и давали *-u-* в чувашском (не *-o-* !), на историческом морфологическом шве **ǯa'q-tu* 'свет, светло' > чув. *śudъ* с развитием конечнослогового **-'q* перед смычным глухим как **γ* > ^{+}w и т.д. Если же после ^{+}w следовал гласный, то сочетания давали **ĕv-* (в анлауте трехсложных основ $^{+}$*#ĕvĕTĕ* > *#vĕTĕ* и по диалектам $^{+}$*#ĕvĕTĕ* > $^{+}$*#ĕvTĕ* > *#uTĕ*) [**av-, *aγ-* > $^{+}$*ɔw-* > *u-T/ ĕv-V*]:

чув. *śu* 'масло, жир' < пратюрк. **ǯāγ*, як. *sya*, тув. *čaγ*, огуз. **jāγ* etc.;

чув. *śu-* (*śĕv-*) 'дождить' < пратюрк. **ǯaγ-*, тув. *čaγ-*, кирг. *ǯā-*, кыпч. **ǯaw-*, огуз. **jag-* etc.;

чув. *śulьx, śulьk* 'платок' < пратюрк. **ǯaluqə*, огуз. **jaγlyq*, кыпч. **ǯawlyq* и т.д. (из чув. > рус. вологод. *сулóк* 'платок (этнограф.)');

чув. *śomъr*, верхов. (курмыш., красноарм.) *śumъr* 'дождь' < пратюрк. **ǯaγmur*, огуз. **jaγmyr*, хак. *naŋmyr*, МК *jaγmur, jamγur* etc.;

чув. *śurъm, śorъm* 'спина' < пратюрк. **ǯaγrun* 'лопатка (анатом.)' > огуз. **jaγryn* > турк. *jaγγrny*, кирг. *ǯōrш*, кыпч. **ǯawryn* 'заплечье', пратюрк. вариант **ǯarun* > як. *saryn* 'плечо', алт. *ǯaryn*, тув. *čaryn;*

чув. *tu* 'гора' < пратюрк. **tāγ*, як. *tya* 'тайга, лес', тув. *daγ*, огуз. **dāγ* etc.;

чув. низов. *turъ* 'Бог' < пратюрк. **taŋry*, як. *taŋara*, огуз. **taŋry*.

В кыпчакских и карлукских языках данное слово имеет передний ряд. В чувашском произошла нерегулярная деназализация **-ŋ-* перед *согласным и* позже сочетание развивалось как **-γr-*.

Два односложных слова с конечным **-j* развиваются так, будто они имели **-γ*:

чув. *śu* 'лето' < пратюрк. **ǯāj*, як. *saj*, тув. *čaj*, хак. *čaj*, алт. *ǯaj*, огуз. **jāj-la* 'летнее пастбище' и т.д.;

чув. *śu* в *ok-śu* 'лук' (букв. 'стрела-лук') < пратюрк. **ǯā(j)* 'лук', як. *sā*, тув. *ča*, алт. *ǯā*, кирг. *ǯā*, огуз. **jāj* etc.

Случаи открытых слогов:

чув. *xĕva* 'ива' < пратюрк. **q'avaq*, тув. *xāk*, огуз. **qavaq* 'ива, тополь', кыпч. **quwaq* > тат. *quwaq*, башк. **qywaq* etc.;

чув. *sĕvĕr-* 'веять', булг. > венг. *szór-* < пратюрк. **savur-*, тув. *sār-*, огуз. **savur-*, кыпч. **suwyr-*, шор. *sabyr-*, хак. *sobyr-* (sic!), etc.;

чув. *śĕvĕr, śurъ* 'детеныш' < пратюрк. **ǯavru*, огуз. **javru*, чаг. *javri*. В чувашском форма *śurъ* < $^{+}$*śĕvrĕ*, на что указывает морфонология, – при прибавлении суффикса 3-го л. в чув. *śur-i*. Если бы здесь не было сочетания согласных, то *-r-* удвоилось бы в *данной позиции* перед аффиксом > $^{+}$*śurr-i*, однако удвоения не бывает при сочетании согласных перед конечным редуцированным;

чув. *tĕvĕl* (у Золотницкого *tul*) 'буря' < пратюрк. **tavul* id., як. *tāl*, огуз. **davul*, турк. *dovul* 'паника', кыпч. **dawyl;*

чув. *ӑ̊vӑ̊s* 'воск' < пратюрк. **avurs* id., МК *avus* (с пометой «булгарское»), тат. *awyz*, балк. *bal-auz* (где *bal* 'мед'), башк. *bal-awyδ* etc. В данном слове пратюркское сочетание **r̃s* (см. выше);

чув. *ӑ̊vӑ̊s* 'осина' < пратюрк. **av(u)s (-aq)* > сев.-алт. (шор.) (Ивановский ГАЯ, Вербицкий) *apsak*, второй общетюркский вариант: чув. верхов. (вурнар.) *vyza, vụza*, сев.-зап. малокарач. *vụs* 'осина' < пратюрк. **os (-aq)* > хак. *os*, кыпч. **osaq* > тат. *usaq*, башк. *uϑaq;*

чув. *vӑ̊гӑ̊* (чаще с суффиксом 3 л. *vӑ̊гт-ӳ*) 'устье' < пратюрк. **aɣyr̃ə* 'рот', тув. *ās*, хак. *ās (axs-)*, алт. *ōs*, кирг. *ōz*, огуз. **aɣyz*, уйг. *eɣiz*, кыпч. **awyz* . Традиционное сравнение тюркского слова с чув. *śӑ̊var* не проходит по фонетическим причинам, чувашское слово происходит из пратюрк. **ǯūr̃* ~ **ǯōr̃* 'лицо, морда, нос';

чув. *vӑ̊гӑ̊-lӑ̊ šӑl, uгӑ-lӑ šӑl* 'коренной зуб' (*šӑl* 'зуб') < пратюрк. **avur̃*, **avurt̃* 'ротовая полость', як. *uos* 'губы', алт. *ūrt*, кирг. *ūrt*, огуз. **avurt*, кыпч. **uwyrt* . В чувашском буквальное значение 'зуб внутри рта', чув. слово не соответствует пратюрк. **ar̃yɣ* 'коренной зуб' (як. *asӯ*, тув., тоф. *azyɣ*, кирг. *azū*, огуз. **azy*) по фонетическим причинам; с другой стороны, если бы первоначальным значением *vӑ̊гӑ̊* было 'коренной зуб', то довольно трудно объяснить, зачем основа осложнена суффиксом *-lъ* (< **-luɣ*) со значением обладания чем-либо. В последних двух словах в чувашском уже упоминавшееся вторичное упрощение трехсложной структуры.

Пратюркские сочетания с **-'q-t-* на морфологическом шве есть в слове чув. *śuдъ* 'свет'< **ǯa'q-tu* от глагола **ǯa'q-* 'гореть, светить', огуз. **jaqty*, кыпч. **ǯaqty*.

Необходимо также отметить особый чувашский рефлекс на месте пратюркского краткого **a* перед глухими смычными в односложных словах. В верховом диалекте, различающем *-o-* и *-u-*, наблюдается рефлекс с *u* перед *t*, аналогичный развитию сочетаний **aɣ*, **av* в закрытом слоге, а в курмышском и моргашском говорах этого же диалекта отмечается и перед *ś* (< **ć*, **ťć*). Эти случаи полностью анологичны появлению тувинско-тофаларской фарингализации (см. выше) и отражают развитие преаспирированного смычного, начальное придыхание которого начинает трактоваться как исторический **-ɣ-* [**a't*, **a'ć* > **aht*, **ahć* > **ɔwt*, **ɔwć* > *ut, uś*]:

чув. *ut* 'конь' < пратюрк. **a't* 'конь', як. *at*, огуз. **at*, тув., тоф. *a't*, сюг. *a't, hat;*

чув. *xut* 'слой, ряд, бумага' < пратюрк. **qa't* , як. *xat*, огуз. **qat*, тув., тоф. *ka't*, сюг. *qa't;*

чув. *uś-* 'открывать' < пратюрк. **a'ć-*, як. *as-*, огуз. **ač-*, тув. *a'š-*, тоф. *a'š-/ aḥ-V*, сюг. *haš-/ hač-V;*

чув. *puś* (моргауш.) 'голова' < пратюрк. **baťć*, як. *bas*, огуз. **baš*, тув. *ba'š*, тоф. *ba'š/ baḥ-V*, сюг. *pa'š/ pa'č-V.*

Пратюркский **a* в сочетании с последующим раннечувашским **j* (< **j*, **δ*, **ń*) развивается в *ъj* в закрытом слоге (через ступень совпадения с рефлексом **a*, см. ниже), т.е. в неразложимой, неизменяемой основе; этот же контекст перед следующим гласным, в том числе и чередующимся с нулем, дает *oj.*

[**aJ* > **ạj-T/*ɔj-V* > *ъj-T/ oj-V*]:

чув. *хъjma* 'сливки, сметана' < пратюрк. **q(')ajmaq (~ -ńm-)*, огуз. **qajmaq*, кыпч. **qajmaq;*

чув. *хъjra*, верхов. (курмыш.) *хуŕа* 'оселок' < пратюрк. **q'ajraq* id., *q'ajra-* 'точить', огуз. **qajraq, qajra-* кыпч. **qajraq, qajra-*, узб. *qɛjrɛ-*, пратюрк. вариант **qajyr-* 'точить' > хак. *хajyr-*, тув. *хajyrga* 'оселок';

чув. *ъjъr*, верхов. (вурнар.) *yjъr, ъjъr* (<*+*ъjjъr* фонотактически), верхов. (курмыш.) *yŕъ* 'жеребец' < пратюрк. **aδyyr* id., як. *atȳr*, хак. *asxyr*, сюг. *azyyr*, огуз. **ajyyr* etc.;

чув. *хъ-* основа вопросительного слова, *хъ-žъ* (<*+*хъj-šъ*) 'какой', *хъ-ź́an* (<*+*хъj-śan*) 'когда', *(х)ъś-ta* 'где' (с вторичным вычленением основы *+*хъś-* как производящей вместо *+*хъj-da*) < пратюрк. **q'ań-y, -sy* (с другим показателем 3-го лица) 'какой', **q'ań-ća* equ. 'когда', **q'ań-da* 'где', огуз. **q'a(n)-*, тоф. *kaj-sy*, тув. *kaj-y-zy* (двойной показатель), хак. *xaj-zy*, алт. *ka-zy*, кирг. *kaj-sy* 'какой, который', тоф. *ka-'ĺiń*, тув. *ka-žan*, як. *xa-sān*, хак. *xažan* (<*+*xaj-čan* с сохранением аффрикаты, а не переходом в *-z-*), алт., кирг. *ka-čan* 'когда', тоф., тув. *kaj-da*, як. *xan-na*, хак. *xaj-da*, алт., кирг. *kaj-da* 'где' etc.

Примеров без сокращения гласного в чувашском больше, это чув. верхов. *хojъх*, низов. *хujуъ* 'горе, беда' < пратюрк. **qaδqu*, чув. *хojъr* 'кора' < пратюрк. **qaδyr̄*, **qaδryq*, чув. *ojar* 'вёдро, хорошая погода' < пратюрк. **ańar̄* id., *ojъr-* 'разделять' < пратюрк. **aδyr-* и др.

Пратюркский **e* отражался в якутском как *e/ie*, в огузских как **e/*ē/ *ę̄* (с распределением по следующему огузскому согласному, требующему закрытый долгий **ę̄ перед шипящими*, **-n*, **-l* и огуз. **-z* (!), см. ниже)[47]. В уйгурском присутствуют рефлексы *ɛ/e/i/ö/ü* с распределением, полностью аналогичным **a*, зависящим от второго гласного основы и от слоговой структуры; в узбекском в первом слоге *e*, в непервых слогах *ɛ*. Передвижение в верхний подъем *-i-* в первом слоге отмечается в кыпчакских татарском и башкирском и в хакасском (качинском, сагайском). В непервых слогах в тат., башк. *–ɛ*, а в хак. *–e*. В чувашском языке для пратюркского **e* основным рефлексом является *a* (не очень давние марийские заимствования из чувашского имеют *ɛ*). Как и в случаях с развитием пратюркского **a*, в основах рядом с палатальными согласными *ś, j*, реже *ń* происходило вторичное упереднение гласного и чув. *а* переходил в *е* . Например, чув. *śerźi* 'воробей' < пратюрк. **serće-*, *śeś* (в сложении *śeś-pəl*) 'цветок' < пратюрк. **ć'e'ć-ek* и др. В чувашском наблюдается особое развитие после пратюрк. **ǯ-* > *ś-*, здесь пратюркский **-e-* в предке чувашского произносился довольно узко и дал *+*-ẹ-*, закономерно перешедший в *-i-* в современном языке. Старого сужения гласного не происходило, если после него следовали звонкие губные *-m-* или *-v-* (< *+*-w-* < **-v-*, **-y-*). [**e* >*+*ɛ* > *a*, **ǯe(T)-* >*+*ǯẹ(T)-* > *śi-(T)*, *T* – любой согласный, кроме огубленных *w, m* в раннем чувашском]. Ср. случаи на собственно чувашское сужение гласного: чув. *śi-* 'есть, кушать' < пратюрк. **ǯē-*, як. *sie-*, огуз. **ję̄-*, аз. *je-*, турк. *ij-* (<*+*jī-*) etc.;

---

[47] Несколько другую интерпретацию с признанием праязыкового характера противопоставления огузских долгих *ę* и *ǟ* см. в СИГТЯ 2002. С. 37–42.

чув. *śij-el* 'вверху' < пратюрк. **jeɣ-*, чув. отражает форму типа **jej-*;

чув. *śičə* 'семь' < пратюрк. **ʒet(t)i*, як. *sette*, огуз. **jeddi*, аз. *jeddi*, турк. *jedi* etc.

Но рядом с губными звонкими:

чув. *śamga* 'лоб' < пратюрк. **ʒemɣek* 'темя', огуз. **(j)emgek*, аз. *emgek*, алт. *ʒömök*, туба *nöme* и т.д.;

чув. *śa(v)nъ* 'рукав' < пратюрк. **ʒeɣ(i)ŋ* id., як. *siex* (с долготой из-за упрощенного сочетания), огуз. **jeŋ*, турк. *jeŋ*, аз. *jen*. В этом слове в огузских произошло развитие сочетания **ɣŋ > -ŋ* аналогично развитию в слове **ʒeɣin-* 'победить' (досл. 'быть выше');

чув. *śavъt-* 'вести' < пратюрк. **ʒeɣ(i)t-*, як. *siet-*, турк. *it-* (< огуз. **jęt-*, что нерегулярно для отражения открытого гласного, или **jeɣ(i)t-*). В якутском и огузском компенсаторная долгота, возникшая после упрощения пратюркского сочетания с **-ɣ-*, закономерно давшего в чувашском *-v-*.

Пратюркский **e* восстанавливается в следующих словах, имеющих чувашские параллели (сюда же включены и контексты с **j* < **j, *ń, *δ*, так как они не влияли на развитие гласного):

чув. *aj* 'низ, под' < пратюрк. **ej* (~ тунг.-маньч. *eje* 'низовье реки');

чув. *ak-* 'сеять' < пратюрк. **e'k-* id.;

чув. *agar* 'борзая' < пратюрк. **e(')ker* id.;

чув. *alla-* 'просеять' < пратюрк. **elye-* id.;

чув. *alt-* 'грести' < пратюрк. **ēł-t-*, огуз. **ēš-* id.;

чув. *alъ* 'кисть руки' < пратюрк. **el(iɣ)* id., як. *elī* и вторичное *ilī* под влиянием следующего долгого *ī;*

чув. *alъk, algъ* 'дверь' < пратюрк. **ēł(i)kə*, огуз. **ęšik* id.;

чув. *amak* 'болезнь' < пратюрк. **emyekə* 'тягота';

чув. *an* 'ширина' < пратюрк. **ēn* id., як. *ien*, огуз. **ęn;*

чув. *an-* 'спускаться' < пратюрк. **eŋ-* id., як. *eŋi-*, огуз. **eŋ-* > турк. *eŋ-*, но турк. *īn-* с похожим значением сюда не относится;

чув. *ana* 'челюсть' < пратюрк. **ēŋ-ek* id., огуз. **ēŋ(-ek)*, тур. *enek*, турк. *ēŋ*, аз. *ɛng*, вторично в як. *iŋ*, это может быть сагайским заимствованием;

чув. *anas* 'зевота' < пратюрк. **esne-* 'зевать';

чув. *an-ǯъk* 'щенок' < пратюрк. **enük, *en-ćik* id., як. *önüges (<*enük-eč)*, огуз. **enik, *en-ǯik;*

чув. *anъt* 'спуск, склон' < пратюрк. **ēn-* 'спускаться', як. *enie* 'спуск, склон' (с утерей долготы после аффиксации или ее переносом на второй слог, огуз. **ęn-*, турк. *īn-*);

чув. *ar* 'мужчина' < пратюрк. **ēr* id., як. *er* (без долготы?), огуз. **ēr;*

чув. *arlan* 'хомяк' < пратюрк. **erlen* id., кыпч. **erlen;*

чув. *arъm* (вторично *erəm*) 'полынь' < пратюрк. **erm-en* id., кыпч., карлук. **ermen*, хак. *irben* 'богородская трава';

чув. *as* 'память' < пратюрк. **es* id., **es-* 'помнить';

чув. *ažъk* 'рогожа' < пратюрк. **eɬükə* id., МК *ešük;*

чув. *adъ* 'сапог' < пратюрк. **ētük* id., огуз. **ēdik;*

чув. *adъl* 'большая река, Волга' < пратюрк. < **ētül*, кыпч. **edil;*

чув. *kaj* 'задний' < пратюрк. **keδ* 'зад', в современных языках обычно с *-in* instr.;

чув. *kajt-* 'уходить' < пратюрк. **kējt-* id., огуз. **gēd-*, турк. *gid-*, аз. *ged-*, тур. *ged-*, огузский хотя и имеет краткость, но по соответствиям согласных (озвончение при аффиксации) и гласных (аз. *-e-*, турк. *-i-*) отражает долгий закрытый гласный, который стал вторично закрытым из-за поглощения гласным серединного **-j-*;

чув. *kajъk* 'птица' < пратюрк. **k(')ejikə* 'дичь, зверь', огуз. **k/gejik*, тур. *gejik*, турк. *kejik*;

чув. *kaklat-* 'гоготать' < пратюрк. **k'ēklik* 'куропатка', огуз. **kēglik*, турк. *kēklik;*

чув. *kagъr-* 'рыгать' < пратюрк. **k'ēgir-* id., як. *kegirt-* с сокращением гласного в многосложном слове, огуз. **kēgir-*, турк. *kēgir-*;

чув. *kala-* 'говорить' < пратюрк. **k'ele-*, тур. диал. *keleǰi*, др.-уйг. *kelečü* 'разговор';

чув. *kanaš* 'совет' < пратюрк. **keŋełə* id.;

чув. *kandъr* 'конопля' < пратюрк. **k'endür* id.;

чув. *kanъś* 'отдых, покой' < пратюрк. **k(')eŋ-*, КБ *keŋrü* 'спокойный, вольный';

чув. сев.-зап. малокарач. *kap* 'вид, форма' < пратюрк. **kēp* id., як. *kiep*, огуз. *gēp*, турк. *gɛ̄p;*

чув. *kaban* 'стог' < пратюрк. **kēpen* id., тур. *geben*, кыпч. **keben;*

чув. *kaplaj* 'щеголь', *kabar* 'ненасытный' < пратюрк. **kēp- (-ür)* 'с большим животом', як. *kiebir-* 'важничать', огуз. **gēbe* 'надутый', аз. *gɛbiz* 'запор';

чув. *kar-* 'пялить' < пратюрк. **ker-* 'растягивать', огуз. **ger-*;

чув. *kart-* 'рубить' < пратюрк. **k'er't-* id.;

чув. *kar-ǰъk* 'старуха' < пратюрк. **kerü* 'назад, сзади; старый', огуз. **geri* 'назад', МК *kerü*, хак. *kirə-* 'стареть';

чув. *kas-* 'резать' < пратюрк. **k'es-* id., як. *kesē-*, огуз. **kes-*;

чув. *kaś* 'поздно, вечер' < пратюрк. **kēč* id., як. *kiese*, огуз. **gēǰ*, аз. *geǰɛ*, турк. *gīč;*

чув. *kaś-* 'миновать, перейти вброд' < пратюрк. **ke'č-* id., як. *kes-*, огуз. **geč-*;

чув. *katma-k* 'мотыга' < пратюрк. **k'ētmen* id., огуз. **kētmen;*

чув. *kaǰ-aga* 'коза' < пратюрк. **k(')eči* id., огуз. **kečči*, но хор. *geccí*;

чув. *palgъ* 'знак' < пратюрк. **belγü, *bel'kü* id., як. *belie*, огуз. **belgi*;

чув. *par* 'железа' < пратюрк. **ber'č*, як. *bert/ berg-*, турк. *berč*, хак. *mirt*, сал. *mirsə (<+mɐrč(i));*

чув. *par-* 'дать' < пратюрк. **bēr-* id., як. *bier-*, огуз. **ber-* с сокращением долготы в служебном глаголе;

чув. *parga* 'прочный' < пратюрк. **ber'k* id., як. **bert;*

чув. *pas* 'иней' < пратюрк. **be's-* 'иней, изморозь', тур. диал. *besim, peseγü, pesen*, из чув. > тат. *bɛs*, башк. *bɛ9*, свои основы должны выглядеть: *+bis, +bi9;*

чув. *pat* 'сторона (послелог)' < пратюрк. **be't* 'лицо';

чув. *sajra* 'редкий' < пратюрк. *seδrek* id.;

чув. *sagъ* 'возвышение' < пратюрк. **se'kü* 'помост, лежанка', МК *sekü*, я *eye* 'бугры на дне', турк. *seki* 'глинобитное возвышение';

чув. *sakъr* 'восемь' < пратюрк. **sek(k)iĩ* id.

чув. *sal-t-* 'развязать' < пратюрк. **seł-t-* id., як. *es-*;

чув. *samъr* 'жирный' < пратюрк. **semiĩ* id.;

чув. *sap-* 'сыпать' < пратюрк. **se'p-* id.;

чув. *sapla* 'прибавка, заплата' < пратюрк. **se'p-* 'прибавлять', як. *ep-*, огуз **sepli* 'прибавка';

чув. *sar-* 'натянуть, стелить' < пратюрк. **ser-* id.;

чув. *sazъ* 'голос' < пратюрк. **sesə* id.;

чув. *śerem* (< **sajrъm* с переходом в палатальный ряд из-за соседства *ś-* и *-j-*) 'трава-мурава' < пратюрк. **ć'ejrem* id., огуз. **čeren*, як. *siriem* со вторичным *-i-* и долготой второго гласного после упрощения сочетания с *-j-*);

чув. *śak-* 'взвесить' < пратюрк. **ć'e'k-* id.;

чув. *śarmak* 'молодой', булг. > венг. *gyermek* 'дитя, ребенок' < пратюрк. **ć'ermekə* (~ *-a-*), МК *čarmaq* 'мальчик', чувашский ясно указывает на глухой анлаут, как и МК, но ср. также монг. **ǰermegej* 'молодой';

чув. *śerźi* (с упереднением из-за соседства двух *ś*) 'воробей' < пратюрк. **ć'er'će-* id.;

чув. *śart* 'нарезка' < пратюрк. **ć'er't-* 'нарезать';

чув. *śarъ* 'воин' < пратюрк. **ć'eriγ* id., як. *seri;*

чув. *śeś-ke* 'цветок', *śeś-pəl* 'медуница' (с упереднением гласного из-за соседства двух *ś*) < пратюрк. **ć'e'ć-ek* 'цветок';

чув. *taga* 'козел' < пратюрк. **t'e'ke* id.;

чув. *tagana* 'корыто' < пратюрк. **t'e'k(e)ne* id.;

чув. *tagъr* 'ровный' < пратюрк. **t'e'kiĩ* id.;

чув. *tan* 'равный' < пратюрк. **teŋ* id., як. *teŋ;*

чув. *tap-* 'пинать' < пратюрк. **t'e'p-* id., як. *tep-*;

чув. *tapran-* 'шевелиться' < пратюрк. **t'e'pri-* id.;

чув. *tar-* 'убегать' < пратюрк. **t'ēr̃-* id., огуз. **tez-* 'убегать', **tēz* 'резвый', аз. *tɛz-*, турк. *tɛz-*, *tīz*, як. *tesī* 'резвый';

чув. *tarъn* 'глубокий' < пратюрк. **deriŋ* id., огуз. **deriŋ*, як. *diriŋ* (заимствование, судя по начальному *d-*), etc.

Материал наглядно доказывает, что пратюркские **e* и **ē* давали одинаковые рефлексы перед любыми согласными. Такой полный список дается для сравнения с рефлексами пратюркских **ę* и **ę̊*.

Пратюркские **-v, *-γ*, следующие после гласного **e*, давали *-v-*, но на гласном этот переход не отражался (за исключением упоминавшихся случаев после пратюркского **ǰ-*). В сев.-зап. малокарачинском диалекте *-v-* впоследствии регулярно исчезал, что иногда встречается и в верховом диалекте перед сонантами. [**eγ, *ev* > *+ɛw* > *av*].

чув. *av-* 'гнуть' < пратюрк. **ēγ-* id., як. *iex-*, огуз. **eγ-*;

чув. *av-lan-* 'жениться' < пратюрк. **ev* 'дом';

чув. *an* (< *+avn*) 'плечо' < пратюрк. **eγ(i)n* id., тув. *egin/ekt-*, хак. *iŋn-ə* (3-е л.), огуз. **eγ(i)n*, аз. *ɛjin* 'тело', турк. *in* (< *+eγn-* с таким же развитием, как в слове *вести*, см. *śavъt-*), як. *ien;*

чув. *avъk* 'порывистый' < пратюрк. **evʌkə*, МК *evek* 'скорый';

чув. *avъn* 'зерно' (в устойчивых выражениях) < пратюрк. **evin* 'зерно';

чув. *avъr* 'водоворот' < пратюрк. **eγ(i)r-im* id.;

чув. *avъr-* 'крутить' < пратюрк. **evür-* id.;

чув. *avъr-la-* 'прясть' < пратюрк. **eγir-* id, огуз. **eγir-*, як. *īr-*, тув. *ēr-*, кирг. *ijir-*;

чув. *avъs-* 'дуть' < пратюрк. **ev(ü)s-* id., турк. *övüs-*;

чув. *avъt-* 'петь (о птицах)' < пратюрк. **ĕvt-* id., як. *et-* 'сказать', тув. *e't-* 'петь (о птицах)', МК *öt-*, чаг. (Pav. C.) *öt-*, тур. *öt-*; из чув. > тат. *ɛtɛč*, башк. *ɛtɛs* 'петух';

чув. *kavĺ-e-* 'жевать' < пратюрк. **kēvi-ł* 'жвачка', як. *kebī-* 'жевать', турк. *gēvüš;*

чув. *kavraj-* 'тлеть, гнить' > мар. луг. *kavra* 'хрупкий' < пратюрк. **k(')evre-k* id., як. *kebirē-*, огуз. **k/gevrek*, тур. *gevrek*, аз. *kövrɛk;*

чув. *kavrъś, kavъrъś* 'ясень', булг. > венг. *kőris [kőriš]* < пратюрк. **k'evrüć* id., тур. *küvrüč*, (аз. *göjrüš* < кумык.), кыпч. **küjrüč*, МК *kevrek;*

чув. *xavža-* (с вторичным *x-* вместо *k-*) 'рассыхаться' < пратюрк. **kevle-* 'слабеть';

чув. > мар. луг. *kavъr* 'гордый' < пратюрк. **kever̃* id.;

чув. > др.-рус. *ковьръ* 'ковер' < пратюрк. **k(')evĩr* 'войлок, ковер';

чув. *savъn-* 'радоваться' < пратюрк. **sev-* 'любить', як. *iej-* (с долготой из-за стяжения), огуз. **sev-*;

чув. *śavъr-* 'крутить' < пратюрк. **ć'evür-* id.;

чув. *talъk, tav-lъk* 'сутки' < пратюрк. **t(')ev* 'время', шор. *tep*, кыпч. **tew-lik*, чув. > тат., башк. *tɛw-lek;*

чув. *tavъr-* 'крутить, опрокинуть, вернуть' < пратюрк. **devür-* id.

Пратюркский ****o***. Соответствия для пратюркских гласных **o* и **ö* установлены уже давно и хорошо поданы еще М. Рясяненом (Ряс.Мат. 76–77, 82–83) и А.М. Щербаком (Щербак 1970, 148–151, 154–155). В них устанавливается различие по долготе-краткости по якутскому, огузскому и тувинско-тофаларскому материалу. Кроме того, отмечаются и различные рефлексации кратких и долгих гласных (!) в чувашском. К сожалению, в предложенных реконструкциях нет четкого распределения чувашских соответствий, авторы ограничиваются лишь их перечислением.

Регулярным соответствием для пратюркского долгого **ō* в чувашском языке является *-o-* после согласного и *vo-* в анлауте [**Tō- > +T(u̯)ō- (~+Tu̯a-) > +Tɔ- > To-, *#ō- > +u̯ō- (~+u̯a-) > +wɔ- > vo-*]. Ниже показаны такие случаи, из подгрупп приведены данные, отражающие долготы или специфическую фонетику:

чув. *pol-* 'стать' < пратюрк. **bŏl-* id., як. *buol-*, однако огуз. **bol-*, турк. *bol-* (сокращение в служебном глаголе ?);

чув. *porъ* 'мел' < пратюрк. **bōrə* 'мел, глина', як. *buor* 'глина', огуз. **bōr*, турк. диал. *bōr* 'мел';

чув. *pozъx-* 'портиться, гнить' < пратюрк. **bōr̃su-* id., уйг. *porsu-*, як. *buoraj-*, кыпч. **boz-*, огуз. **boz-*, турк. *boz-*;

чув. *soγan* 'лук (растение)' < пратюрк. **sōqan* id., кыпч. **soγan*, кирг. *soγon*, с.-уйг. *soχan*, огуз. **soγan*, турк. *soγan* в туркменском краткостный рефлекс, однако он может быть вызван аффиксом, как в *tōz ~ tozan* 'пыль' и турк. *tojun* 'глина' при як. *tuoj*. Кроме того, чувашское, кыпчакское и сарыг-югурское развитие указывают на серединный **-q-*, а не **-γ-*, так как в данном случае в чувашском ожидался бы *-v-*, в кыпчакских – *-w-*;

чув. *solaγaj* 'левый' < пратюрк. **sōl-* id., огуз. **sōl*, турк. *sōl;*

чув. *śok* (вторичный *-k* из *+-x*) 'нету', *śoγal-* 'пропадать, исчезать' < пратюрк. **ǰōq* id., як. *suox*, тув. *čok*, огуз. **jōq*, аз. *jox*, турк. *jōq;*

чув. *śol* 'путь, дорога' < пратюрк. **ǰōl* id., як. *suol*, огуз. **jōl*, турк. *jōl;*

чув. *śon-* 'тесать', < пратюрк. **ǰōn-* id., як. *suor-* (с вторичным переосмыслением конечного *-n-* основы как показателя возвратности и замены его на каузативный *-r-*), огуз. **jōn-*, турк. *jōn-*;

чув. *tom* (*tomm-i* < *+tomъ*) 'одежда' < пратюрк. **t(ʿ)ōŋъ/*t(ʿ)ōnъ*, сюг. *tʿoŋ*, второй вариант огуз. **dōn*, турк. *dōn*, др.-уйг. *toon* и др.;

чув. *torъ* 'гнедой' < пратюрк. **tōruγ* id., огуз. **dōr* id., МК *toruγ*, огуз. **dōr*, турк. *dōr*, як. *turaγas* (с сокращением в многосложном слове);

чув. сев.-зап. малокарач. *vulak* (< *+volax*, в этом диалекте регулярно *+-x* > *-k*) 'желоб' < пратюрк. **ōlaqə* id., як. *uoluk* 'водопойная колода, желоб', в части диалектов чувашского языка отмечается форма *valak*, которая восходит к пратюрк. варианту **ōlekə;*

чув. *von(n)ъ* 'десять' < пратюрк. **ōnъ* id., як. *uon*, огуз. **ōn*, турк. *ōn;*

чув. *vobъr* 'злой дух, оборотень' < пратюрк. **ōpur* 'злой дух, ведьма', огуз. **ōbur*, тур. *obur*, кыпч. **obur*, уйг. *obur;*

чув. *vop-kъn* (с новой аффиксацией) 'прожорливый' < пратюрк. **ōp-* 'сосать', як. *uop-*;

чув. *vot* 'огонь' < пратюрк. **ōt* id., як. *uot*, огуз. **ōd*, турк. *ōt*, др.-уйг. *oot;*

чув. *vodъn* 'дрова' < пратюрк. **ōt(u)n* id., огуз. **ōdun*, турк. *ōdun*, як. вторично *otun/ott-V*;

чув. низов. *voǯax* 'очаг', сев.-зап. *vočak* < пратюрк. **ōt-ćaqə* id. (о согласных см. выше), огуз. **ōǰaq*, турк. *ōǰaq*, тоф. *otčuk, oččuk* с сочетанием согласных, но без фарингализации. Краткостный пратюркский вариант представлен в як. *osox* и чув. верхов. *vuǯax, vu̯ǯax* (ср. ниже).

На пратюркском уровне не обнаруживается последовательностей **-ōv-*, **-ō̃v-* (!), по-видимому, они были запрещены по фонотактике. Перед следующим **j* пратюркский **-ō-* в закрытом слоге давал *-ü-* , который в некоторых контекстах достаточно поздно преходил в *-u-*, это касается контекста *+püt-*, где *+-ü-* любого происхождения сдвинулся назад по ряду [**Tōj-T* > *+Tu̯ōj-T* > *Tü-T*, *+püt-E* > *puť-E*], и получились слова с внутриосновной разнорядностью, такого типа, как чув. *puďe-k* 'козленок, ягненок' < пратюрк. **bōjtaq* id., турк. *bōjdaq*, кыпч. **bojdaq* etc.

На сочетание с серединным контекстом **-ōj-* претендует также:

чув. сев.-зап. *süle-*, верхов. *sulа-* 'дышать' < пратюрк. **sōjlu-* id., як. *uoluj-*, огуз. **solu-*, тур. *solu-*, кыпч. **soly-*, Pav.C. *solu-*, но алт. (ойр.) *sōlu-* с долготой и чув. низов. *syvla-* указывают на пратюркский вариант **sōylu-*. Внешние соответствия монг. **süji(le)-* id., тунг.-маньч. **sug-du-*, **sugi-* 'дыхание; дышать', кор. **sūi-* 'дышать' позволяют считать оба вариант допустимыми. В абсолютном начале отмечены контексты **#ōj-* не перед следующим согласным, и в них отмечается чув. *#oj-* без начального *v-*, последовательностей *+voj-* не существует ни в каких словах в чувашском языке. [**#ōj-V* > *+(u̯)ōj-* > *oj-V*];

чув. *oj* 'поле' < пратюрк. **ōj* 'поле, ложбина', огуз. **ōj*, турк. *ōj;*

чув. *ojъ* (вторично *ъ̊jъ̊, ijə)* 'долото' < пратюрк. **ōjə* id., турк. *ōj.*

Развитие краткого пратюркского **o* проще рассматривать по позициям, выделяя такие позиции: а) нейтральная, б) перед следующим сильным **-'q* и носовыми, в) перед сочетанием согласных, г) перед **v*, **γ*, д) перед раннечувашским *+-j* < **j*, **δ*, **ń*.

а) **o* в нейтральной позиции переходил в *-o-* после согласного, а в анлауте давал *vy-* (в сев.-зап. малокарачинском диалекте и говорах верхового диалекта – *vu̯-*) [*To-* > *To-*, **#o* > *+u̯å-* > *+wẙ-* > *vy-* (~ *vu̯-*)];

чув. *xolъ*, 'рука', сев.-зап. малокарач. *xolъ* 'ветвь, рука' < пратюрк. **q'olə* 'рука', як. *xol*, огуз. **qol*, турк. *qol*, тув. *xol* etc.;

чув. *xor-* 'ставить, класть' < пратюрк. **q(')oδ(ə)-* id., МК *qoδ-*, огуз. **qoj-*, турк. *qoj-* etc.;

чув. *xoš-* 'добавить' < пратюрк. **qoɬu-* id., як. *xosuj-*, тув. *ko'š-*, огуз. **qoš-*, турк. **qoš-* etc.;

чув. *xoš-* 'велеть' < пратюрк. **q(')oɬ(ə)-* id., кыпч. *qoš-* id.;

чув. *porъš* 'барсук' < пратюрк. **borsyq (-rsm-)* id., огуз. **porsuq*, тоф. *borsuq* etc.;

чув. *požъ* 'свободный' < пратюрк. **boɬə* 'пустой, свободный', як. *bosxo*, огуз. *boš*, турк. *boš* etc.;

чув. *tobъ* 'мяч' < пратюрк. **t'o'pə* id., огуз. **top*, турк. *top* etc.;

чув. *vyr-*, верхов., сев.-зап. малокарач. *vu̯r-* 'жать злаки' < пратюрк. **or-* id., як. *or-*, огуз. **or-*, турк. *or-* etc.;

чув. *vyrъn*, верхов., сев.-зап. малокарач. *vu̯rъn* 'место' < пратюрк. **or(u)n* id., огуз. **or(u)n*, турк. *or(u)n* etc.;

чув. *vyrъs*, верхов. *vu̯rъs* 'русский' – развитие как будто из **orus* с кратким гласным, в других тюркских языках такая же рефлексация: тув. *orus*, турк. *orus*, тат. *urys* etc.;

чув. верхов. *vydъ*, *vu̯dъ* (в низов. вторично *udъ*) 'сено' < пратюрк. **o'tə* 'трава, сено', як. *ot*, огуз. **ot*, турк. *ot* etc.;

чув. верхов. *vyǯax*, *vu̯ǯax* 'очаг' < пратюрк. вариант **ot-ćaqə* id. > як. *osox* (см. выше). По всей видимости, с пратюркского уровня существовали дублетные варианты с **ō-* и **o-* перед сочетанием шумных согласных. Долготный рефлекс отражается в чувашском низовом и малокарачинском диалектах и в огузских языках, а краткостный – в верховом диалекте чувашского и якутском языке.

б) В прикрытом слоге перед носовыми и **'q* происходило сокращение гласного в предке чувашского и пратюркский **-o-* > **-ă-*, а в начальной позиции рефлексы в чувашском не имеют *v*-протезы и перед носовыми дают огубленный редуцированный заднего ряда, а перед увулярным *'q – o-* [**ToN* > *TăN; *To'q* > *Tăx; *#oN* > **(u)oN-* > *ăN-; *#o'q* > **uox* > *ox*]:

чув. *xămăr* 'бурый' < пратюрк. **q(')oŋur* id., як. *xoŋur, xoŋor*, огуз. **qoŋur*, турк. *qoŋur* etc.;

чув. *xămăr-duri* 'шмель' < пратюрк. **q(')oŋuř, *q(')oŋuřt-ya-ć* 'жук', огуз. **qoŋuz*, турк. *qoŋuz*, кыпч. **qoŋuz*, як. *xoŋurduos, xomurduos* etc.;

чув. *xăna* 'гость' < пратюрк. **q'on-aq* id., як. *хоп-* 'ночевать', огуз. **qonaq* 'гость', турк. *qonaq* etc.;

чув. *păx* 'кал' < пратюрк. **bo'q* id., як. *box*, огуз. **boq*, турк. *boq*, аз. *pox* etc.;

чув. *săx-* 'колоть' < пратюрк. **soq-* id., як. *uk-, oyus-/oxs-*, огуз. *soq-*, турк. *soq-* etc.;

чув. верхов. (красноарм.) *śăm*, литературн. *śom* 'сорняк' < пратюрк. **ǯom* ~ **ǯōm* 'дерн', алт. (ойр.) *ǯom* наряду с вариантом **ǯoŋ* > туба., телеут. *ǯoŋ*, туба (по Радлову) *ńoŋ*. Первая чувашская форма отражает краткостную праформу, а низовая и литературная – долготную;

чув. *tăm* 'иней' < пратюрк. **t(')om* 'мороз', МК *tom*, др.-уйг. *tom;*

чув. *oyъ* 'стрела, лук (сев.-зап.)', *ok-śu* 'лук' < пратюрк. **o'qə* 'стрела', як. *ox, ox-sā*, тоф. *o'k*, огуз. **oq* etc.;

чув. низов. *ъп-* 'удаваться, спориться' < пратюрк. **oŋ(u)-* id., огуз. **oŋ-*, турк. *oŋ-*, як. *oŋuj-* 'совершать' etc.;

чув. *ămăr* 'грудь' < **omuř* 'плечо, ключица, грудина', **oŋuřtya* 'позвоночник, плечо', др.-уйг. *oŋuyy*, турк. *omuz* 'плечо', *oŋurya* 'позвоночник', як. *uorya* 'хребет' со стяжением комплекса **-oŋu-*.

в) Перед пратюркским сочетанием согласных **-o-* также сокращается и переходит в редуцированный *-ă-*, в абсолютном начале, в отличие от позиций перед носовыми, рефлекс *vă-* с ожидаемой *v*-протезой и сокращением [**ToTT-* > *TăTT-; *#oTT-* > **uoTT* > *văTT-*]:

чув. *xăr-* 'оторваться' < пратюрк. **q(')orpa-* id., як. *xoppoj-*, огуз. **qop-*, турк. *qop-*;

чув. *xăra-* 'бояться' < пратюрк. **qor'q(ə)-* id., як. *xort-/xory-*, огуз. **qorq-*, турк. *qorq-* etc.;

чув. *păda* 'каша' < пратюрк. < **botya* id., ст.-кыпч. (At-tuhfa) *botya*, кыпч. **botqa*, уйг. *botqa* etc.;

чув. *păljav* 'уговор' < ранний монголизм, предполагающий **bol'ćaγə* < монг. **bolǯaha-* id. > як. *bolǯox*, тув. *bolǯay;*

чув. *śărya* 'иноходец' < пратюрк. **ǯorya* id., огуз. **jorya*, турк. *jorya* etc.;

чув. *śărtan* 'щука' < пратюрк. **ć'or'tan* id., огуз. **čortan*, турк. *čortan*, кыпч. **čortan* etc.;

чув. *tăya* 'пряжка, застежка' < пратюрк. **t'oqqa* id., огуз. **toGGa*, турк. *toka*, аз. *toGGa* etc.;

чув. *tăxta-* 'остановиться' < пратюрк. **t'o'q-tā-* id., як. *toxtā-*, огуз. **toqta-*, турк. *toqta-* etc.;

чув. *tĕ̆xă̆r* 'девять' < пратюрк. **toqqur̃* id., огуз. **doGGuz*, турк. *dokuz, аз. doGGuz*, як. *toγus* etc.;

чув. *tă̆la, tăla* 'обмотки' < пратюрк. **tolγa-* 'обматывать', МК *tolγa-*, огуз. **dola-*, турк. *dola-*, як. *tul-*;

чув. *tă̆pra* 'земля, почва' < пратюрк. < **t'opraq* id., як. *toburax*, огуз. **topraq*, турк. *topraq*, кыпч. **topraq* etc.;

чув. *tă̆r-at/n-* 'накормить, наесться' < пратюрк. **toδ-γot/r-*, **toδ-γon-* 'накормить, наесться' id., МК *toδγor-*, *oδγon-* 'наесться', огуз. **dojan-* 'наесться', турк. *dojan-*, як. *totor-* 'накормить';

чув. *tă̆ri, tări* 'жаворонок' < пратюрк. **t'oryaj* id., огуз. **toryaj*, турк. *toryaj* etc.;

чув. *vă̆lda* 'удочка' < пратюрк. **ol'ta* id., огуз. **olta*, турк. *olta* etc.;

чув. *vă̆r-an-* 'пробуждаться' < пратюрк. **oδ-γot/r-*, **oδ-γon-* 'будить, просыпаться', МК *oδγor-*, *oδγon-*, огуз. **ojan-*, турк. *ojan-* etc.;

чув. *vă̆rman* 'лес' < пратюрк. **orman* id., кыпч. **orman* и т.д.;

чув. *vă̆rdax* 'близкий, старший родственник' < пратюрк. **or'taq* 'товарищ, друг, соучастник', як. *orduk*, огуз. **ortaq*, турк. *ortaq* 'общий';

чув. *vă̆da* 'середина' < пратюрк. **or'ta* id., як. *orto*, огуз. **orta*, турк. *orta* и т.д. (в чувашском языке произошло выпадение *r* в сочетании уже после (!) сокращения гласного).

чув. *vă̆dă̆r* 'тридцать' < пратюрк. **ottur̃* (*-lt-*?) id., МК *ottuz*, як. *otut*, огуз. **otuz (-dd-?)*, турк. *otuz*, уйг. *ottuz*, кирг. *oltuz* (!) etc.

Особый рефлекс в глаголе, часто выполняющем вспомогательные функции, чув. *lar–* (< *+v(ă̆)lar-*) 'сесть' < пратюрк. **ol(t)ur-* id., МК *oltur-*, орхон. рун. *olur-*, як. *olor-*, огуз. **otur-* < **o(l)tur-*, турк. *otur-* и т.д. Здесь закономерная форма типа *+vă̆lar-* подверглась вторичной редукции в связи с активным использованием этого глагола во вспомогательных функциях.

В местоимении 3-го лица, также часто употребительном, пратюркский **o* развился, как перед сочетанием согласных с сокращением гласного, чув. *vă̆l* 'он' < пратюрк. **ŏ̄l* id., огуз. **ol*, турк. *ol*, но як. *uol* с вторичным удлинением(?). Редкая чувашская форма *vă̆bă̆r* 'оборотень, упырь', наряду с вариантом *vobăr*, соответствующим пратюрк. **ō̆pur*, может также отражать старую экспрессивную или табуированную форму, восходящую к пратюрк. **oppur* или **ovpur*.

г) После согласных пратюркские сочетания **ov*, **oγ* в закрытом слоге давали в чувашском **-u-* (но *-y-* после губных), а перед гласным *-ă̆v-* (но *-ăj-* после губных, в вурнарском говоре верхового диалекта удлиненный вариант *-yj-*) [**Tov-T*, **Toγ-T* > *+Tow-T* > *Tu-T*; **Tov-V*, **Toγ-V* > *+Tow-V* > *Tă̆v-V*; **Poγ-T* > *+Påw-T* > *+Pẙw-T* > *Py(w)-T* > *Py-T*; **Poγ-V* > *+Påw-V* > *+Pẙw-V* > *+Py(w)-V* > *Păj-V* (~ *Pyj-V*)]. Начальные **#ov-*, **#oγ-* переходили в *vă̆-* в закрытом слоге и в *yv-* (< *+vyv-*, запрещенной последовательности в современном чувашском) перед узким гласным. В сев.-зап. малокарачинском диалекте общечувашские *(-)ă̆v-*, *yvă-* вторично развиваются в *(-)u̯-*, а *vă̆-* (<**#ŏv-*, **#oγ-*) дает *vu̯-*, но *vă̆-* < **oTT-* всегда сохраняется как *vă-* в этом

диалекте. [*#ov-T, *#oγ-T > *(u̯)ow-T > *ĕv-T- > vĕ-T (~ vu̯-T), *#oγ-U > *(u̯)ăwъ- > ўwъ > yvъ- (~ u̯-)]:

чув. *xĕv-/xu-* 'гнать' < пратюрк. **q'ov-* id., МК *qov-*, огуз. **q'ov-*, турк. *kov-*;

чув. верхов. *xĕvĕx*, сев.-зап. малокарач. *xu̯k*, низов. *xyvъx* (со вторичным удлинением первого гласного или рефлексом пратюрк. **-ă-*, см. ниже) 'высевки, шелуха' < пратюрк. **q'ov-aq, *q'ovuq̃ (~ *-ă-)*, огуз. **qavaq, *qavuz* (= **qov-*), аз. *qov* 'трут', *qovaG* 'перхоть', диал. *qavyz* 'шелуха', турк. *qov, qovaq* 'чешуя змеи', тур. *kavuz* 'шелуха', *kavza* 'твердая скорлупа', хак. *xōx* (< **-ov-*) 'шелуха', МК *qavuq* 'отруби', *qovuz* 'соринки в вине', тув. *xō-tarā* (< **-ov-*) 'просо с густой метелкой';

чув. *xĕvĕl* 'дупло' < пратюрк. **q(')ovuł* 'пустой, полый', кыпч. **qowuš*, хак. *xōs, xōl*, турк. *qovalč* 'пустой';

чув. *pymak* (со вторичным *-k* из *-x*) 'перехват, сужение', образование от глагола *pĕv-* 'сдавить, душить' < пратюрк. **boγ-* id., огуз. **boγ-*, турк. *boγ-*, як. *boγus-/boks-*, хак. *poγyr-* (caus.), уйг. *boγ-*. В чувашском старая фонетика сохранилась в омертвелом образовании, а в глаголе произошло выравнивание по морфонологическому чередованию *-u-/-ĕv-*, типичному для глаголов, произошедших от основ вида **Tav/γ-, *Tov/γ-*. В результате той же морфонологической унификации появилась такая форма – чув. *ĕv-* 'толочь, тереть' < пратюрк. **ov-* 'крошить, толочь', турк. *ov-*. Эта форма распространилась на всю парадигму. При отсутствии данного морфонологического выравнивания ожидалось бы чередование *vĕ-* (перед согласным)*/yv,* *ĕv-* (перед гласным). Чувашское *ĕv-* < *vĕv-*, аналогично *yv-* < *vyv-*;

чув. *pyr* (< *pyrъ ~ *pъjъr*), в говорах верхового диалекта есть вторичная форма *pu̯r* 'горло' < пратюрк. **boγ(u)r̃* id., огуз. **boγaz*, турк. *boγaz*, тоф. *bōs/boks-*, як. *buosax* (< *boγs-ax*);

чув. *pъjav*, верхов. (вурнар.) *pyjav*, сев.-зап. малокарач. *pъju* 'короткая толстая веревка' < пратюрк. **bo'qaγu* 'оковы', МК *boqaγu*, кирг. *bogō*. Чувашская форма выводится из пратюрк. **boγaγu*. В этом слове присутствовали ассимилятивно-диссимилятивные процессы и контаминация с глаголом **boγ-* 'сдавить, душить';

чув. *tura* 'прямо' < пратюрк. **toγru* 'по направлению к; правильно', огуз. **doγry*, турк. *doγry;*

чув. *tĕv-/tu-* 'нести яйца; созидать' < пратюрк. **toγ-* 'рождать', огуз. **doγ-*, турк. *doγ-*, уйг. *tuγ-*, хак. *tuγ-*. В этом слове хакасский и уйгурский имеют отличные рефлексы от **boγ-* (см. выше, в предыдущем разделе, *pymak*), отражая праформу **tuγ-*;

чув. *tĕvan*, сев.-зап. малокарач. *tu̯an* 'родня' < пратюрк. **tuγ-γan* id., исторически причастие на **-γan* от предыдущего глагольного корня;

чув. *tĕγar-* 'распрягать' < пратюрк. **t(')oγar-* id., кыпч. **toγar-* id., тат. *tuwar-*, башк. *tuγar-*, каз. *toγar-*;

чув. *yvĕl*, сев.-зап. малокарач. *u̯l* 'сын' < пратюрк. **oγ(u)l* id., огуз. **oγ(u)l*, турк. *oγ(u)l*, як. *uol*, тув. *ōl/oγl-*. Чувашское слово *vĕlžĕ* 'рыбья икра', хотя и связывается В.Г.Егоровым со словом 'сын', к нему не относится, а является особой основой с начальным **ıv-* и только контаминируется со словом 'сын'. Подробнее см. ниже, в следующем разделе;

чув. верхов. *vĕlak* наряду с *volak* 'желоб' может отражать праформу **oylaq (~ *ov-)*, ср. чаг. *oyluq* id. Более вероятным кажется наличие альтернации типа **ōl- ~ *ovl-** в пратюркском в данном случае;

чув. *vĕrtĕ*, верхов. (вурнар.) *vўrtъ, vuртъ*, сев.-зап. малокарач. *vuртъ* 'вор' < пратюрк. **oyry (~ *-u)* id., МК *oyry*, огуз. **oyry*, турк. *oyry*, як. *uor-* (из стяжения) 'воровать', кирг. *ūru*, тув. *ōr.*

д) Для пратюркского сочетания **-oJ- (J* соответствует пратюркским **j, *δ, *ń)* в закрытом слоге нормальным рефлексом в чувашском является *-ü-*, в открытом слоге перед узким гласным – *-iv-* (синхронно это автоматическая ударная позиция), а перед широким гласным – *-ə̆v-* (в сев.-зап. малокарач. стяжение в *-ü-*, синхронно это безударная позиция, так как ударение падает на последний широкий гласный). После губного *m-* (< пратюрк. **b-* перед носовым конца слога или начала следующего слога) и в анлауте сочетание дает *mĕj-, vĕj-* (в вурнарском говоре верхового диалекта удлиненный рефлекс *-yj-*), которые стягивались в *my-, vy-* перед согласным. Стяжение происходило в том случае, если дальше следовал дентальный согласный, способный смягчаться. Для низового диалекта и литературного языка это *t, n, l,* а для верхового и северо-западного малокарачинского диалектов еще и *r.* [**ToJ-T > Tü-T; *ToJ-U > +Tü(w)ə > Tívə, *ToJ-A > +Tü(w)é > Tə̆vé; *boń- > +moj- > mĕj- (~myj-)/ my-T; *#oJ > +ɥoj- > vĕj- (~ vyj-)/vy-T*]:

чув. *хӳ* 'пазуха' < пратюрк. **q'oj(u)ń* id., огуз. **qoj(u)n*, турк. *qoj(u)n*, як. *хōj̃-/хоńń-* со вторичным удлинением в номинативе из-за старого упрощенного сочетания, этимологический **ō* должен давать *uo* (о такого типа сочетаниях см. выше);

чув. *рӳ (pə̆v-)* 'тело' < пратюрк. **boδ* id., огуз. **boj*, турк. *boj* 'стать, рост';

чув. *pə̆ve-*, сев.-зап. малокарач. *рüе-*, 'красить' < пратюрк. *boδ-a-* id., огуз. **boja-*, турк. *boja-*;

чув. *sivə*, сев.-зап. малокарач. *si* 'холодный' < пратюрк. **sojuq, *soyuq* id., на первую форму указывает также аз. *sojuq;*

чув. *sӳ- (sə̆v-)* 'сдирать' < пратюрк. **soj-* id., огуз. **soj-*, турк. *soj-*;

чув. *mĕj*, верхов. вурнар. *myj, mцj*, сев.-зап. малокарач. *mъj* 'шея' < пратюрк. **boj(u)ń* id., огуз. **boj(u)n*, турк. *boj(u)n*, як. *mōj/ mońń-* со вторичным удлинением перед конечным сочетанием, **uo* должно давать *o;*

чув. низов. *mъjr-aga*, верхов. вурнар. *myŕ-aga, mцŕ-aga*, сев.-зап. малокарач. *myŕ-aya* 'рог' < пратюрк. ареальн. **bońor̃* < **buńŋor̃* id., огуз. **bojnuz*, турк. *bojnuz*, як. *moj̃uos;*

чув. низов. *mъjъr*, верхов. вурнар. *myŕъ, mцŕъ*, сев.-зап. малокарач. *myŕъ* 'орех', булг. > венг. *mogyoró, monyoró* < пратюрк. **boń(u)r/l* 'орешник', як. *mōjńoyon* (< *+mońlayan*) 'вид кустарника' со вторичным удлинением, а не дифтонгом перед сочетанием, кирг. *mojyl*, каз. *mojyl* 'орешник';

чув. *vyĺa-, vĕjъ*, верхов. также *vцĺa-* 'играть', вурнар. *vyjъ, vцjъ* 'игра' < пратюрк. **ojń-a-*, вторично по популярной модели **oj(u)ń+la-* 'играть', **oj(u)ń* 'игра', огуз. **ojna-*, **oj(u)n*, турк. *ojna-*, *oj(u)n*, як. *ojnū-*, *ōjnū-* с появлением вторичного удлинения перед сочетанием;

чув. *vyĺъx*, верхов. вурнар. *vụĺъx* ‘скот’ < пратюрк. **oδ-luqə/ *uδ-luqə* собирательная форма от основы ‘бык’, начальный *o-* оговаривается в чаг. XV в. *oj* (Abš̈k 122), осм. *od* (Red. 242), *oz* (Red. 249).

Пратюркский *ö. В развитии пратюркских **ö* и **ō* одной из наиболее характерных черт является большое количество основ, перешедших в чувашском в задний сингармонистический ряд. Слова с пратюркским **ō* почти все перешли сначала в дифтонг, давший сочетания *va-/-ăva-* заднего сингармонистического ряда, лишь в случаях, если после гласного следовали **l, *n*, такого перехода не происходило (в случаях после начального *k-* возможны колебания с задним рядом). Произношение *l, n* как палатальных в переднем сингармонистическом ряду в современном чувашском и огузских не является поздней чертой, – такая ситуация была характерна и для пратюркского, по крайней мере в части диалектов, где фактически не встречается палатального **-ń-* в переднерядных основах. Такая же ситуация была в раннем чувашском, что и воспрепятствовало вторичному переходу в дифтонг перед этими смягченными согласными. О кратком **ö* еще М. Рясянен писал, что переход в задний сингармонистический ряд был «в соседстве с **k, *ŋ*» (Ряс.Мат. 83). Однако материал показывает, что **ŋ* сам по себе не вызывал такого перехода. Кроме того, если после гласного были **l, *n*, то и пратюркские **k'ö-, *kö-* не давали заднерядного рефлекса.

Сначала следует разобрать соответствия пратюркского долгого **ō*. После согласного **ō* развивался в **-ăva-*, сев.-зап. малокарач. *-ụa-* (как показывают марийские заимствования через ступень **wɛ*), но перед **l, *n* пратюркский **ō* давал *-ü- (~ ko-)*, сев.-зап. малокарач. *-ö-*. В начальной позиции **ō-* переходил в *va-*. [**TōT- > *TụɛT- > TăvaT- (~ TụaT-); *Tōl/n- > *T(ụ)öjl/n- > Tül/n- (~ Töl/n-); *#ōT > *ụɛT- > vaT-*].

чув. *külə*, сев.-зап. малокарач. *köl* ‘озеро’ < пратюрк. **k'ōlə* id., як. *küöl*, огуз. **kōl*, турк. *kōl;*

чув. *kül-* ‘запрягать’ < пратюрк. **k(')ōl-* id., огуз. **gōl-*, турк. диал. *gölek* ‘повозка’, *göle* ‘упряжное животное’, тур. *gölük*, як. *kölüj-* ‘запрягать’, др.-уйг. рун. *köl-*, тув. *xöl* ‘упряжное животное’;

чув. *künə, konə́* ‘тихий, спокойный’ < пратюрк. **könü* ‘прямой, правильный, оступчивый’, як. *könö*, турк. *göni*, чувашский указывает на долгий гласный, при кратком было бы **kănă*;

чув. *kăvajt(ă)* ‘топливо, костер’ < пратюрк. **kōjtü* ‘очаг’ > сюг. *kotə;*

чув. *kăvak*, сев.-зап. малокарач. *kụak* ‘синий, зеленый’ < пратюрк. **k'ōk* id., як. *küöx*, огуз. **kōg*, турк. *kōk;*

чув. *kăvaba* ‘пуп’ < пратюрк. **kōpek* id., огуз. **gōbek*, турк. *göbek;*

чув. *kăvar* ‘горящие угли’ < пратюрк. **k'ōr* ‘угли’, огуз. **kōz*, турк. *kōz;*

чув. *pül-*, сев.-зап. малокарач. *pöl-* ‘загораживать, перегораживать’ < пратюрк. **bōl-* ‘делить; перегораживать’, огуз. **bōl-*, турк. *böl-*;

чув. *sün-*, сев.-зап. малокарач. *sün-* (вторично из **sön-*) ‘гаснуть, тухнуть’ < пратюрк. **sōn-* id., огуз. **sōn-*, турк. *sön-, sōn-* (Алиев–Бориев);

чув. *tün-der-* caus. 'опрокинуть' < пратюрк. **tõn-* 'опрокинуться', огуз. **dõn-*, турк. *dõn-*;

чув. *tъ̊vatъ*, сев.-зап. малокарач. *tụat(ъ)* 'четыре' < пратюрк. **tõrtə* id., як. *tüört*, огуз. **dõrd*, турк. *dõrt;*

чув. > мар. *vaja* 'мерлушка', чув. *važa* 'мерлушка' < пратюрк. **õj-ek*, **õj-ćek* id., кыпч. **öj-ek*, тат. *üjєk* 'кусок шкурки с живота', башк. *öjöm*, etc., (кыпч. > тур. диал., турк. диал. *öjek*), кирг. *õk*, хак. *õk*, тув. *öjek*, аффиксальное образование от того же корня, башк. (диал.) *öjsök*, алт. *öǰök* (см. выше);

чув. *vagъ* 'прорубь' > мар. луг. *vakъ*, мар. горн. *vєk*, тат. *bєke*, башк. *mєke* < пратюрк. **õkü* 'прорубь', огуз. **õgü*, тур. *ögü;*

чув. > мар. луг. *vaŋ-*, мар. горн. *vєng-* 'подкараулить, стеречь' < пратюрк. **õŋ-* id., як. *üöŋ-*;

чув. *vara* 'после' < пратюрк. **õr̃ye* 'другой, иной', огуз. **özge*, турк. *özge*. Данное слово не может быть формой датива, судя по огузским данным (в этом случае ожидалось бы **özẽ* в турк.); сокращение гласного в огузском обусловлено невозможностью долготы перед сочетанием двух шумных;

чув. > мар. *vara* 'палка, кол' < пратюрк. **õr̃ek*, кыпч. **özek* 'кол, свая';

чув. *varъ* 'середина, сердцевина' < пратюрк. **õr̃ə* 'сам', огуз. **õz*, турк. *õz*, як. *üös* 'сердцевина';

чув. *vazan* 'ложбина, долина' < пратюрк. **õr̃sen* 'река, русло реки', **õr̃s-* 'течь', огуз. **özen*, **õz-*, турк. *özen* с вторичным сокращением перед аффиксом, как в словах *soγan* 'лук', *tõz ~ tozan* 'пыль', *tojun* 'глина', аз. *öz-*;

чув. *vat* 'желчь' < пратюрк. **õt* id., огуз. **õd*, турк. *õt*, як. *üöt*, др.-уйг. *ööt*, etc.;

чув. *vadъ* 'старый' < пратюрк. **õtə*, орхон. рун. *ötüken* 'прародина' (~ монг. **ötegü* 'старик').

Рефлекс пратюркского долгого гласного наблюдается в чув. *künə*, диал. *konə́* 'тихий, спокойный' < пратюрк. **kõnü ~ *könü* 'прямой, правильный, уступчивый', як. *könö*, огуз. **göni*, турк. *göni*, при исконном кратком ожидалась бы чувашская форма **kъ̊nъ̊*.

При развитии пратюркского краткого **ö* в чувашском следует учитывать такие же позиции как и для случаев с **o* : а) нейтральную позицию, б) позицию перед следующим сильным смычным **'k* и носовыми, в) перед сочетанием согласных, г) перед пратюркскими **v*, **γ* и **j*.

а) После согласных обычным рефлексом пратюркского **ö* является **-o-/-ü-*. На месте *-ü-* в сев.-зап. малокарачинском диалекте встречается *-ö-*. Рефлекс *-o-* после смычного велярного. При анализе чувашского развития не следует говорить о чувашском историческом повышении подъема пратюркского гласного. И заднерядный рефлекс *-o-*, и переднерядный рефлекс, как показывает малокарачинский диалект, *-ü-* < *-ö-* являются гласными среднего (верхнесреднего) подъемов. Это свидетельствует даже о довольно позднем переходе гласного в задний ряд в слове *poδene* 'перепелка', а не **puδene*, что ожидалось бы, если бы первоначально в чувашском произошел сдвиг гласного в верхний подъем. В анлауте нормальным соответствием является *vi-*.

Любопытно отметить, что как в нейтральной позиции развиваются односложные основы вида **ör't*, в то время как перед сочетанием в неодносложных основах – особое развитие. [**TöT- > TüT- (~ TöT), *KöT > KoT, *#öT > ⁺ụẹT- > viT-*].

чув. *kor-* 'смотреть' < пратюрк. **kör-* id., огуз. **gör-*, турк. *gör-*, тув. *kör-*, кыпч. **kör-*, тат. *kür-* etc.;

чув. *koś* (в сложениях *kośś-i*, < ⁺*kosъ* с вторичным переходом ⁺*s > ś*) 'глаз' < пратюрк. **kõrsə* id., огуз. **göz*, турк. *göz*, тур. *göz*, кыпч. **köz* 'глаз', **körse-t-* 'показывать', чув. *koś-* 'переселяться' < пратюрк. **kö'c-* 'перекочевывать, переселяться', як. *kös-*, огуз. **göč-*, турк. *göč-*, аз. *köč-*, кыпч. **köč-* etc.;

чув. *kot* 'задница' < пратюрк. **köt* id., огуз. **göt*, тур. *göt* (*göt-ü* ~ 3 л.);

чув. *kodana* 'прямая кишка' < пратюрк. **kötene* id., кыпч. **kötene*, образование от предыдущего корня;

чув. *śübə* 'сор' < пратюрк. **c'ö'pə* 'сор, очески';

чув. *śüre-*, сев.-зап. малокарач. *śöre-* 'ходить, ездить' < пратюрк. **ǯörü-* id.; огуз. **jörü-*, турк. *jöre-*, тур. *jürü-*, кыпч. **ǯürü-*, уйг. *jörü-*, узб. *juŗ-* etc.;

чув. *tül-e-* 'умножиться' < пратюрк. **töl* 'приплод', огуз. **döl*, турк. *döl* etc.;

чув. *türe* 'судья' < пратюрк. **t'öre* 'закон, строй', огуз. **töre*, турк. *töre* и т.д.;

чув. *vil-* 'умирать' < пратюрк. **öl-* id., огуз. **öl-*, турк. *öl-*, як. *öl-* etc.;

чув. *vil* 'влага, сырость' < пратюрк. **öl* ~ **õl* id., як. *üöl*, огуз. **õl*, турк. *õl*. В этом слове чувашский отражает краткий **ö-*, что может указывать на пратюркские варианты **ö-* ~ **õ-* в данной основе;

чув. *vir* 'верх' < пратюрк. < **ör(ü)* id., кирг. *ör*, тув. *örü*, як. *örü-t, ürü-t*, огуз. **õr(ü)*, тур. *örü*, турк. *õr* со вторичной (?) долготой судя по якутскому соответствию;

чув. *virt* 'пал, лесной пожар' < пратюрк. **ör't* id., тув. *ö'rt*, як. *ört/ örd-*, огуз. **ört*, турк. *ört;*

чув. *viś-* 'мерить' < пратюрк. **öl'c(i)-*, огуз. **ölčʌ-*, аз. *ölč-*, тур. *ölč-*, турк. *ölče-*, уйг. *ölči-* etc.;

чув. *vit-* 'проникать' < пратюрк. **ö't-* id., як. *öt-*, огуз. **öt-*, *öt-*;

чув. *vit-* (<⁺*virt-*) 'покрывать' < пратюрк. **ör't-* id., огуз. **ört-*, аз. *ört-*, турк. *ört-* etc.;

чув. *vide* 'хлев' < пратюрк. **ö'tek*, тув. *ö'dek* 'окрестности жилья, хлев', турк.;

чув. *vidən-* 'просить' < пратюрк. **ö'tün-* id., огуз. **ötün-*, турк. *ötün-*;

чув. *viǯə-gen, vič-ken* (part.) 'острый' < пратюрк. **ö'ti-ken* аналог **ö't-kür* id. образовано от глагола 'проникать'.

б) В позиции перед носовыми и **-'k* происходит сокращение гласного (ср. развитие **o* в аналогичной позиции). Рефлексами **-ö-* после согласного являются *-ъ̊-/-ə̊-* с заднерядным отражением рядом с велярными смычными. Начальный пратюркский **ö-* дает *vъ̊-* перед **'k* и *ə̊-* перед носовыми. [**TöN- > TəN-*; **KöN- > ⁺KoN- > Kъ̊N-*; **TöK- > ⁺ToK- > Tъ̊K-*; **#öN- > ⁺(ụ)öN- > ə̊N-*; **öK- > ⁺ụöK- > ⁺woK- > vъ̊K-*].

чув. *kъ̊k* 'корень' < пратюрк. *k'ö'k* id., огуз. **kök*, турк. *kök;*

чув. *kъ̊gar-* 'привязать' < пратюрк. **k'ö'ker-* id., огуз. **köker-*, турк. *köker-*;

чув. *kъ̊gъ̊r* 'грудь' < пратюрк. **kö'k(ü)r̃* id., тув. *kö'ks-ü, kö'sk-ü* (3 л.), хак.

kögəs (köks-ə), як. *köγüs* ‘поясница, середина спины’, огуз. **göγüs* вторичное восстановление из аффиксальной формы *+gögs- ~ +göks- < *gökz-*, тур. *göγüs*, турк. *gövüs*, аз. *köks;*

чув. *кӑmr-ӑk* ‘уголь’ < пратюрк. **k'ömür* id., як. *kömör*, огуз. **kömür*, турк. *kömür;*

чув. *кӑmӑl* ‘настроение, желание’ < пратюрк. **k'öŋül* ‘душа’, як. *köŋül*, тоф. *xõl*, огуз. **köŋül (~ *g- ?)*, аз. *könül*, турк. *köŋül*, тур. *gönül;*

чув. низов. *кăn-dar-* ‘вытягивать’ < пратюрк. **k(')ön-tür-* id., кыпч. **kön-dür-*;

чув. *тӑgӑl* ‘шишка, желвак, опухоль’ < **bönγül*, як. *mögöl-čök* ‘шар’;

чув. *пӑgӑ* ‘пробка’ < пратюрк. **bö'ke* id., кыпч. **böke;*

чув. *сӑga* ‘липа’ < пратюрк. **č'öke ~ *ǯöke* id., огуз. **čöke*, аз. *čökɛ*, кыпч. **ǯöke*, каз. *žöke*, тат. *jükɛ;*

чув. *сӑgăn-* ‘преклонить колени’ < пратюрк. **č'ö'k-* id., огуз. **čök-*, турк. *čök-* etc.;

чув. *сӑgӑr* ‘хлеб’ < пратюрк. **č'ö'kür*, **č'ö'kr-ek*, огуз. **čöγrek* ‘лепешка’ с вторичным развитием сочетания согласных;

чув. *сӑmӑl* ‘небольшая копна’ < пратюрк. **č'öm-*, кыпч., карлук. **čömele* ‘копна’, огуз. турк. *čommek* ‘верхушка’;

чув. *тӑk-* ‘лить’ < пратюрк. **tö'k-* ‘лить, сыпать’, як. *tox-*, тув. *tö'k-*, огуз. **dök-*, турк. *dök-*;

чув. *тӑm, тӑme* ‘кочка’< пратюрк. **töŋ, *töŋ-mek* ‘холм, возвышенность’, турк. *dömmek;*

чув. *вӑgӑr*, (сев.-зап. малокарач. вторично *тъγъr*) ‘бык’< пратюрк. **ö'kür* id., як. *oγus*, огуз. **öküz*, турк. *öküz;*

чув. *ӑn-* ‘хорошо уродиться (о хлебах), размножаться’ < пратюрк. **ön-* ‘прорастать’, МК *ön-*, огуз. **ön-*, турк. *ön-*, кирг. *ön-* etc.;

чув.низов. *ӑner-* ‘настроить инструмент, наладить’ < пратюрк. **öŋeδ-* ‘поправиться, выздороветь’, др.-уйг. *öŋed-* (TT I 77, TT VII 28/48).

Также в заимствованиях чув. *ӑmӑr* ‘век, жизнь’ ~ тюрк. *+ömür* < араб. *'umur* id., турк. *ömür*, кирг. *ömür;* чув. *ӑner* ‘ремесло’ ~ тюрк. *+(h)öner* < перс. *honɛr* id., башк. *ünɛr*, кирг. *önör*, каз. *öner*. В случае чув. *сӑgӑ* ‘стерлядь’ чувашский отражает вариант с пратюрк. **-ü-*, при обычной праформе для других языков пратюрк. **č'öke* ‘вид рыбы’, огуз. **čöke*, турк. *čöke*, поэтому в чувашском и сохраняется переднерядный вокализм.

в) В прикрытом слоге перед пратюркским сочетанием согласных пратюркский **-ö-* > *-ӑ-/-ă-*, т.е. имеет такой же сокращенный рефлекс, распределение заднерядного и переднерядного зависит от наличия/отсутствия **k(')* рядом с гласным. Начальный **ö-* имеет сокращенный вариант *vӑ-* (также ожидается и *vă-* с задним рядом – перед сочетанием с первым велярным смычным, однако таких примеров не засвидетельствовано по причине ограниченности таких сочетаний). [**TöTT- > TӑTT-*; **KöTT- > +KoTT- > KăTT-*; **#öTT- > ӳöTT- > vӑTT-*; ? **öKT- > +ӳöKT- > +woKT- > văKT-*].

чув. *кӑbӑk* (< *+кӑppӑkъ*) ‘пена’ < пратюрк. **k'ö'p(p)ükə* id., огуз. **köpük*, турк. *köpük* etc. Чувашский в данном случае по соответствию гласных отра-

жает геминированный согласный, в этом его поддерживает тофаларское соответствие *kö'pük* со смычным интервокальным вариантом согласного, при негеминированном сильном согласном ожидалась бы форма со спирантизацией *⁺köfük;*

чув. *kъ̊dart-* (< *⁺kъ̊(r)tart-*) 'показывать' < пратюрк. **kör+tür̃-*, др.-уйг. *körtgür-*, хорезм. *körgür/z-*, узб. *kụrkɛz-* (< *⁺kụrt-gɛz-*, не из *⁺kụr-gɛz-*) каузативная основа от глагола 'видеть' *kor-* < пратюрк. **gör-*;

чув. *tə̊nə̊l* 'ось' < пратюрк. **töŋ(ɣ)ʌl* 'колесо', кыпч. **döŋgelek;*

чув. *və̊ler-* (< *⁺və̊ller-*) 'убить' < пратюрк. **öl+(t)ür-*, огуз. **öl-tür-*, турк. *öl-tür-*, МК *öl-dür-* (< *⁺öl+ür-*, не из *⁺öl-tür-*, при котором сохраняется глухой согласный), як. *öl-ör-* etc., каузативная основа от глагола *vil-* 'умереть' < пратюрк. **öl-*;

чув. *və̊ltren*, сев.-зап. малокарач. *vətren* (< *⁺və̊rtə̊l-en*) 'крапива' < пратюрк. **ör'te-l-* 'жечься', уйг. *örtɛlgɛn* 'жженый'. В чувашском метатеза *-r-* и *-l-*;

чув. *və̊ren* (< *⁺və̊rren*) 'веревка' < пратюрк. **ör'k(en)* 'веревка, привязь', огуз. **örk(en)*, аз. *örken* 'шерстяная веревка', турк. *örk* 'привязь';

чув. *və̊rlə̊k* 'шест' < пратюрк. **örlʌkə* id., кыпч. **örlek*, конец основы контаминируется с продуктивными аффиксами, но, по-видимому, это вторично, так как нет производящей основы.

Возможно, регулярное соответствие гласного представлено в слове 'легкие': чув. *üpke*, сев.-зап. малокарач. *öpken* < пратюрк. **ö'pke* (> **övke*) ~ **ö'kpe* id. В этом слове нетривиальное развитие уникального серединного сочетания согласных **-pk-*. В виде *öpke* форма фиксируется в др.-уйг., МК и сохраняется в большинстве кыпчакских языков – тат., башк. *üpkɛ*, ног., кум., кбалк. *öpke* и карлукских – узб. *ụpkɛ*, уйг. *öpkɛ*, а также в чувашском, с метатезой согласных эта основа отмечена в восточном ареале – тув., тоф. *ö'kpe*, хак., шор., сюг. *ökpe*, чул. *ökvъ* (с вторичным регулярным развитием как *aq-vos* 'белый' < *⁺aq-boz* 'белый-серый', *qaqvaq* 'крышка' < *⁺qaqpaq* < **qapɣaq*), алт. (ойр.) *ökpö* и в граничащем каз. *ökpe*, ккалп. *ökpe*. С диссимилятивной спирантизацией первого согласного в сочетании эта основа представлена в огузских **övke(n)* > тур. *öjken* 'легкое', (*övke* 'гнев'), гаг. *üfke*, аз. *öfgɛ*, турк. *öjken* (< *⁺övken* с развитием *-v-* > *-j-*, как в слове *öj* 'дом' < *⁺ev*), салар. *öxxen* (< *⁺öfxen*), впервые она отмечена в КБ *övke* и Sangl. *öpke, övke*. При развитии гласного в чувашском ожидалось бы *⁺və̊pke(n)*, однако такая начальная последовательность недопустима, аналогично ожидаемые последовательности *⁺vyv-* развиваются в *yv-* (*yvъl* 'сын') с утерей шумной лабиальной «протезы».

г) После согласных пратюркский **-ö-* перед следующими **v, *ɣ, *j* дает *-ü-, -ə̊v-* в закрытом слоге и *-ə̊v-* (сев.-зап. малокарач. *-ü-*) перед гласным. Начальные **öv-, *öɣ-* переходят в *və̊-* в закрытом слоге. [**TövT-, *TöɣT-* > *⁺TöwT-* > *Tü/ə̊vT-*; **TövE-, *TöɣE-, TöjE-* > *⁺Töwe-* > *Tə̊vé-* (~ *Tüé-*); **#övT-, *#öɣT-* > *⁺(ụ)öwT-* > *⁺ə̊wT-* > *və̊T-*].

чув. *kə̊və̊* 'мелодия, напев' < пратюрк. **k'öɣə* 'мелодия, веселье', алт. *kӱ* 'звук, голос', кирг. *kӱ* 'мотив, мелодия', кыпч. **küj*, хак. *kög*, тув. *xöɣ* (в чу-

вашском не произошло перехода краткого гласного в задний сингармонистический ряд после согласного *k-* из-за сочетания с *⁺-w-*);

чув. *pŭre* 'почка (анатомич.)' < пратюрк. **böγrek, *böγür* id., др.-уйг., МК *böγür*, як. *büör*, огуз. **böγür, *böγrek* ~ **bövrek*, аз. *böjür, böjrək* (аз. *-j-* <огуз. **-γ-, *-g-*), турк. *bövrek*, тур. *böjrek, böbrek*, кыпч. **büjrek*, хак. *pürek*, саг. *pügürek*, шор. *pügrek* , алт. (ойр.) *pörök*, кирг. *böjrök;*

чув. *pə̆ve*, сев.-зап. малокарач. *püe* 'пруд, запруда' < пратюрк. **böγe* id., Pav.C. *bögen*, кирг. *bögö*, каз. *böge*, турк. *bövet;*

чув. *süre-, sə̆vre-*, сев.-зап. малокарач. *söre-* 'боронить' < пратюрк. **söδre-* 'тащить, волочить, боронить', огуз. **süjrü-* (с вторичным переходом в верхний подъем из-за *-j-*), турк. *süjre-*, тур. *sürü-*, кыпч. **süjre-*, уйг. *sörɛ-*, алт. (ойр.) *sŭre-*, хак. *sözər-*, тув. *södürt-*;

чув. *süt-, sə̆və̆t-* 'распускать, разматывать' < пратюрк. **sövt-* ~ **söγt-* id., кыпч. **söt-*, тат. *süt-*, башк. *hüt-*, каз. *söt-* etc. В этом слове в пратюркском было сочетание, как показывает чувашский материал (*sə̆və̆t-*), судя по ассимиляции соседним огубленным гласным в кыпчакских, скорее всего это был губной спирант;

чув. *sə̆vem* 'нитка длиной около 1 м' < пратюрк. **söγem (~ *-v-)* 'мера длины, пядь', тув., тоф. *sŏm*, (як. *süöm* < монг.), саг. *sŭm*, алт., кирг. *sŏm;*

чув. *tü-/tə̆v-* 'толочь' < пратюрк. **töγ-* id., уйг. *tög-, tüg-*, кыпч. **tüj-*, огуз. **döγ-*, аз. *döj-*, турк. *döv-*;

чув. *tüle-, tə̆vle-*, сев.-зап. малокарач. *tüle-* 'платить' < пратюрк. **t'ö(v)le-* id., огуз. **töle-*, турк. *töle-*. Чувашское соответствие указывает на возможный звонкий спирант перед **-l-* при огузском кратком гласном;

чув. *və̆ren-* 'учиться' < пратюрк. **öγren-* id., як. *üörön-*, огуз. **öγren-*, аз. *öjrɛn-*, турк. *övren-*, хак. *ügren-* etc.;

чув. *və̆ҫə̆* 'злоба, месть' < пратюрк. **övćə* ~ **ŏćə* id., огуз. **ŏǯ*, турк. *ŏč*, як. *ös*, др.-уйг. *ööč*, хак. *üs*. В чувашском представлен рефлекс краткого гласного (при долгом ожидалось бы *⁺vaźъ*); кроме того, чув. *č* берется из аффрикат только при их палатализации перед **-i, *-y* и из упрощенных сочетаний (см. выше). В якутском также краткий гласный, а в хакасском гласный более высокого подъема. В пратюркском, по всей видимости, было сочетание **-vć-*, определившее чувашское, якутское и хакасское развитие. Данное сочетание упростилось в якутском и хакасском, причем в последнем вызвало переход гласного в верхний подъем. В древнеуйгурском и туркменском произошла ассимиляция **-v-* предыдущим огубленным гласным, что и вызвало компенсаторную долготу: **övćə > *öüćə > *ŏćə*.

В целом распределение чувашских соответствий пратюркским **o, *ö* образует сложную, но довольно стройную систему. Главными ее характеристиками является различение долготных и краткостных рефлексов пратюркских гласных. Долгие гласные в большинстве позиций дифтонгизировались (после согласного раннечувашский рефлекс пратюркского долгого **Tō > ⁺Tuo-* довольно скоро совпал с *⁺To-* < **To-* из краткого гласного в нейтральных позициях). Краткие гласные давали рефлекс в виде редуциро-

ванного перед носовыми согласными, а также историческими велярными, увулярными смычными и сочетаниями согласных. Довольно поздно дифтонгоидный рефлекс **ō̃* перешел в задний ряд **ų̊ɛ > (ъ̊)va-* одновременно с переходом рефлекса пратюрк. **e > ɛ > a* уже после начала марийско-чувашских контактов. Переход рефлексов **ö* в задний сингармонистический ряд рядом с велярным смычным, наоборот, предшествовал сокращению гласных перед носовыми и сочетаниями согласных.

Пратюркский **u*. Соответствия пратюркским **u, *ü* не имеют столь широкого разброса рефлексов в чувашском, как для пратюркских **o, *ö.* Обычно и долгие, и краткие гласные дают однотипные рефлексы (как все пратюркские гласные, кроме **o, *ö*).

После согласного пратюркский **u* переходит в *-ъ̊-* (здесь не учитываются позиции перед **v, *γ* и раннечувашским **j* < **j, *δ, *ń*). Анлаутный **u-* развивается в *ъ̊-* с возможной последующей редукцией до нуля, но перед *-r-* < пратюрк. **-r-, *-r̃-* дает *vъ̊-*, а перед исторической аффрикатой *-ś-* – *və̊-* (эти случаи соответствуют развитию комплексов **#uv-* и **#uj-* перед согласным, и поэтому примеры будут также даны в соответствующей группе). [**TuT- > TъT̊-*; **#uT- > ъ̊T-, *#uR- > *uwr- > vъ̊r-, *#u(')ć- > *ų̊ć- > və̊ś-*]. В говорах верхового диалекта (наиболее последовательно в говорах Красноармейского района) прошло вторичное удлинение гласного перед пратюркскими сочетаниями с заднеязычным согласным **-l'q-, *-lγ-*. Это собственно внутричувашское развитие в четко определенной позиции, приведшее к совпадению по результату с рефлексами долгого пратюркского **ō* перед сочетаниями, хотя долгота **u* ни в одном из случаев не отмечена. Начальный редуцированный *ъ̊-* исчезал, если за ним следовали контексты *-va-, -la-*, т.е. с исконным широким гласным. Судя по современным описаниям чувашской фонетики и по развитию (например, в *-v-* в некоторых сочетаниях), чув. **l* в заднем ряду имел два фокуса образования (типа современного русского твердого *[л]*) и действовал на гласные аналогично **w*.

чув. *хъ̊la* 'саврасый' < пратюрк. **qula* id., тув. *kula*, кыпч. **qula* etc.;

чув. *хъ̊laś* 'сажень' < пратюрк. **qulać* id.;

чув. *хъ̊lγa*, верхов. красноарм. *xolγa* 'ухо' < пратюрк. **qul(q)aq* id., як. *kulgax*, огуз. **qulaq*, турк. *qulaq* etc.;

чув. *хъ̊m* 'жеребенок' < пратюрк. **q'ul(u)m, *q'ul(u)n* id., як. *kulun*, кыпч. **qul(u)n*, сюг. *q'ulum* etc. (в чувашском регулярное развитие в однослог основы на конечный сонант с выпадающим гласным);

чув. *хъ̊mla* 'хмель' < пратюрк. **q(')umlaq* id., кыпч. **qumlaq;*

чув. *хъ̊ndъ̊r* 'бобер' < пратюрк. **q'undur̃ (~ *-md-);*

чув. *хъ̊r-* 'сохнуть' < пратюрк. **qūry-* id., як. *kūr-*, огуз. **qūru-*, турк. *qūra-*;

чув. *хъ̊гъ̊m* 'сажа' < пратюрк. **q(')urum* id., огуз. **qurum*, турк. *qurum;*

чув. *хъ̊t* 'удобство' < пратюрк. **qu't* 'счастье', тув. *ku't;*

чув. *хъda* 'сват' < пратюрк. **qūta* id., огуз. **qūda*, турк. *quda* (с сокращением гласного, но с отражением звонкости смычного);

чув. *pӑlan* ‘олень’ < пратюрк. **bulan* ‘лось’;

чув. *pӑlγan-*, верхов. красноарм. *polγan-* ‘стать мутным, волноваться’ < пратюрк. **bulγa-* ‘смешивать’;

чув. *pӑr* ‘лед’ < пратюрк. **būñ̃* id., як. *mūs*, огуз. **būz*, турк. *būz*, уйг. *muz*, кыпч. **buz, *muz* (с распределением по языкам);

чув. *pӑr-* ‘повернуть’ < пратюрк. **bur-* ‘вертеть, поворачивать’, отглагольное образование турк. *burav* ‘сверло’;

чув. *pӑrźa* ‘горох’ < пратюрк. **bur’ćaq* id., уйг. *purčaq*, огуз. **burčaq*, турк. *burčaq;*

чув. *pӑrźa* ‘блоха’ < пратюрк. **bur-ća* ~ **bür-će* id., кыпч. **burča, *bürče*, заднерядный вариант представлен в тат. *borča* и каз. (диал.) *borša*, от переднерядного варианта с другим аффиксом есть образование **bür-γe*, МК *bürge*, огуз. *büre (p-)*, турк. *büre*, уйг. *bürge;*

чув. *pӑru* ‘теленок’ < пратюрк. **buñ̃aγu* id., огуз. **buza(v)*, турк. *buzav;*

чув. *pӑs* ‘пар, испарения’ < пратюрк. **būs* id., кыпч. **bus*, тур. *pus*, тув., тоф. *bus* (без фарингализации);

чув. *pӑda*, сев.-зап. малокарач. *pӑdu* ‘гвоздь’ < пратюрк. **bu’t-uq, -aq* ‘ветка, сук’, тув. *bu’duk*, як. *butuk*, турк. *būdaq* (в туркменском вторичная долгота, на что может указывать начальное оглушение согласного перед старым этимологическим сильным);

чув. *sӑmza* ‘нос, клюв’ < пратюрк. **dumłuq* id., тув. *dumčuk*, хак. *tumzux*, алт. *tumčuk*, кирг. *tumšuk*, як. *tumus*. В чувашском прошел нерегулярный диссимилятивно-ассимилятивный процесс **tӑmša > sӑmza;*

чув. *sӑran* ‘кожа крупного рогатого скота’ < пратюрк. **suran* (~ монг. **suru* ‘ремень’);

чув. *sӑrӑ* ‘серый’ < пратюрк. **sūrə* id., тат. *sory*, огуз. **sūr*, турк. *sūr*, як. *sur;*

чув. *sӑzar* ‘куница’ < пратюрк. **susar/ *suvsar* id.;

чув. *śӑl* ‘ключ, родник’ < пратюрк. **ǯ́ul* id., МК *jul*, хак. *čul*, чул. *čul* ‘река’, алт. (ойр.) *ǯ́ul;*

чув. *śӑl-* ‘спасать’ < пратюрк. **ǯ́ul-* id., кыпч. **ǯul-*;

чув. *śӑl-*, верхов. красноарм. *śol-* (< **śolx-*) ‘дергать’ < пратюрк. **ǯ́ulq-* id., кыпч. **ǯolq-*;

чув. *śӑldӑr* ‘звезда’ < пратюрк. **ǯ́uldur̃* id., як. *sulus*, огуз. **jyldyz*, **julduz*, турк. *jyldyz*, кыпч. **ǯuldyz;*

чув. *śӑlӑx-* ‘спутываться’ < пратюрк. **ć‘ulγa-* ‘обертывать’;

чув. *śӑm* ‘шерсть’ < пратюрк. **ǯ́um/*ǯ́uŋ* ‘шерсть, пух’, алт. *ǯ́um*, шор. *čum*, як. *suŋ*. В части языков отражен преднерядный вокализм **ǯ́ün*, огуз. **jüŋ*, турк. *jüŋ*, кыпч. **ǯün* etc.;

чув. *śӑmarda* ‘яйцо’ < пратюрк. **ǯ́umurtγa* id., огуз. **jumurt(γ)a*, аз., тур. *jumurta*, турк. *jumurtGa*, кыпч. **ǯumurtqa*, як. *symӯt* (с утерей огубленности рядом с *-m-*) etc.;

чув. *śӑmγa* ‘клубок’ < пратюрк. **ǯ́umγaq* ‘клубок, шар’;

чув. *śӑmӑl* ‘повод, предлог’ < пратюрк. **ǯ́umuł* ‘поручение, задание’, огуз. **jumuš*, турк. *jumuš;*

чув. *тӑлӑ* 'путы' < пратюрк. **tuł-aq* id., хак. *tus*, огуз. **dušaq*, турк. *dušaq;*

чув. *тӑлӑх* 'сирота' < пратюрк. **tul'q* id., огуз. **dul*, турк. *dul*, тув. *dulgujak*;

чув. *тӑлӑп* 'тулуп' < пратюрк. **t'ulum/p* 'шкура, бурдюк, тулуп';

чув. *тӑр-* 'стоять' < пратюрк. **tur-* id., огуз. **dur-*, турк. *dur-*;

чув. *тӑрна*, верхов. *тӑрне*, верхов. курмыш. *тӑрна* 'журавль' < пратюрк. **durunja* id. (о развитии согласных этой основы см. выше), як. *turuja*, огуз. **durna*, турк. *durna*. В чувашском вторичный переход в передний ряд в верховом диалекте из-за развития сочетания **-nj-*;

чув. *тӑгӑ* 'отстоявшийся, чистый' < пратюрк. **turuγ* id., огуз. **dury*, турк. *dury;*

чув. *тӑрӑх* 'пролет забора; вдоль' < пратюрк. **tur'q* 'длина', огуз. **durq*, турк. *durq* 'форма';

чув. *тӑгӑш-* 'стараться' < пратюрк. **t(')uruš-* 'бороться за, стараться';

чув. *тӑдаш* 'непрерывный, постоянно' < пратюрк. **t'u't(a)łə* id. (см. выше).

Развитие **u-* в анлауте:

чув. *лаҫа* 'лошадь' < пратюрк. **ulała* id. Судя по соответствиям, немногочисленные слова с начальным **l-* получали протезу *а-* или *у-* в части тюркских языков, а в чувашском в качестве протезы был **u-* (**y-* дал бы *+jъ-*). То, что протеза действительно была, показывает развитие непервых гласных, ведь **-a-* непервых слогов переходит в чувашский *-а-*, а пратюркский гласный **a* первого слога дает *о;*

чув. низов. *лаҫӑ* 'лачуга' < пратюрк. **ulaćuq* id.;

чув. *лав* 'подвода', булг. > венг. *ló* 'лошадь' < пратюрк. **ulayə* 'подвода; вьючное животное', МК *ulaγ*, турк. *ulaγ;*

чув. *вӑрах* 'долго' < пратюрк. **uq̃aqə* 'далеко, дальше', огуз. **uzaq*, турк. *uzaq;*

чув. *вӑрӑ* 'семя' < пратюрк. **uruγ* 'семя, потомство', як. *urū;*

чув. *вӑрӑм* 'длинный' < пратюрк. **uq̃un* id., огуз. **uzyn*, турк. *uzγn;*

чув. *вӑҫ* 'конец' < пратюрк. **ūć* id., огуз. **ūǯ*, турк. *ūč;*

чув. *вӑҫ-* 'летать, порхать' < пратюрк. **u'ć-* id., огуз. **uč-*, турк. *uč-*, тув. *u'š-*;

чув. *ӑс-* 'черпать' < пратюрк. **(s)us-* id., тув., тоф. *u's-*, но хак. *sus-*, алт. *sus-*; турк. *sus-*; в данной основе диссимилятивное выпадение начального **s-* перед следующим **-s-* не только в чувашском, но и в других диалектах пратюркского. Якутский *usājax* 'ковш' может соответствовать как **us-*, так и **sus-*.

чув. *ӗsta* 'мастер', общетюрк. *+usta* id., аз. *usta*, турк. *ussa*, каз. *usta*, кирг. *usta* и т.д., слово проникло из перс. *ustaδ* с тем же самым значением;

чув. *ӗt-* 'выиграть; перенять' < пратюрк. **ūt-* 'выиграть', тув. *ut-* (без фарингализации), огуз. **ūd-*, аз. *ud-*, турк. вторично *ut-*;

чув. *ӗdӗr* 'выдра', интересно отметить як. *ytȳ* с тем же самым значением. Если сопоставление верно, то пратюркская форма может быть типа **u'ty(r̃)*. Возможно, этот корень представлен в сложении **qum-duq̃* 'бобер'. Косвенно на старую членимость может указывать хакасская форма *xam-nos* 'бобер', в хакасском – нетипичная фонетическая структура с *-о-*, который обычно не встречается в непервом слоге. Первая часть этого сложения **q(')åm(a)* 'бобер, куница', чув. *хӗma.*

По-особому отражается пратюркский **u* перед звонкими спирантами **v, *γ*. После согласного в односложных чередующихся основах **-uv-, *-uγ-* дают *-u-*, а в открытом слоге – *-ŭ̊v-*. Перед согласным внутри основы отмечен вариант *-ŭ̊-*, т.е. как обычный **-u-* без последующих **v, *γ*. В анлауте сочетания **u* с пратюркскими **v, *γ* переходят в *vŭ̊-* в закрытом слоге (а перед старой аффрикатой в **və̊-*, ср. выше аналогичное развитие начального **u-* вне сочетаний), а в открытом слоге дают *ŭ̊v-* перед узким гласным и *v-* перед *-a-* (ср. выше развитие **u-* перед **-ı-*). В огузских языках комплексы **uγ* в глагольных односложных основах совпадают с рефлексами **oγ* и различение поддерживают только восточные сибирские языки и карлукские. [**Tuv-, *Tuγ- > Tu/Tŭ̊v-V; *TuvT-, *TuγT > Tŭ̊T-; *#uvT- > +ŭ̊wT- > vŭ̊T-/və̊č-; *#uv-V, *#uγ-V > +(ŭ̊)v-V > ŭ̊v-ŭ̊/v-A*].

чув. *pu* (*pŭ̊v-*) 'пар, испарения' < пратюрк. **buγ* id., огуз. **buγ*, турк. *buγ*, кыпч. **buw*, шор. *puγ;*

чув. *pŭ̊ri* 'полба' < пратюрк. **buγδaj* 'пшеница' (в большинстве тюркских языков-потомков рефлексы *buγdaj* с развитием в сочетании **-δ-* как в показателе прошедшего времени на **-δy* и локатива на **-δa*);

чув. *pŭ̊vŭ̊rlŭ̊*, сев.-зап. малокарач. *pŭrlъ* 'чалый' < пратюрк. **buv(u)rulə* id., тув. *būrul,* алт. *būrul*, кирг. *būrul;*

чув. *sъzar* 'куница' < пратюрк. **susar/*suvsar* id.;

чув. *sŭ̊vŭ̊r* 'сурок' < пратюрк. **suγur* id., уйг. *suγur*, кыпч. **suwγr*, кирг. *sūr;*

чув. *sŭ̊v-(ŭ̊rt-)* 'тратить(ся), вытягивать(ся)' < пратюрк. **suγ-ur-* id., хак. *sūr-*, узб. *suγur-*, огуз. **soγur-, *sovur-*, аз. *sov-* 'выскальзывать', турк. *soγur-, sovur-* caus.;

чув. *śu-/śŭ̊v-* 'мыть, стирать' < пратюрк. **ǯ́u(v)-* id., узб. *juv-*, огуз. **ju(v)-*, турк. *juv-*, аз. *ju(v)-*, як. *sūj-*, тув. *čuγ-*, хак. *čuγ-*. Первоначально эта основа имела вид *TV-*, но уже с ранних времен тюркские языки избавляются от такого типа глагольных основ. В кыпчакских языках рефлексы восходят к **ǯuw-*. Кроме ранних памятников не имеют «расширения» якутский – *sūj-* (*-j-* в якутском является оформителем всех основ на узкий гласный), тофаларский – *ču-* (хотя тув. *čuγ-* < **ǯ́uv/γ-*), а в форме возвратного залога – тув. *ču-n-*, алт. *ǯ́u-n-*, хак. *ču-n-*;

чув. *śŭ̊r-* 'месить' < пратюрк. **ǯ́uγr(u)-* id., огуз. **ju/oγur-*, турк. *juγur-*, аз. *joγur-*, кирг. *ǯ́ūr-*, хак. *čura-*, шор. *čūr-*;

чув. *śŭ̊t-* 'глотать' < пратюрк. **ǯ́uvt-* id., огуз. **juv(u)t-*, турк. *juvut-*, СС *jout-*, кыпч. **ǯut-*;

чув. *tu-/tŭ̊v-* 'нести яйца, созидать' < пратюрк. **tuγ-* 'рождать', кыпч. **tuw-*, хак. *tuγ-*, кирг. *tū-*, уйг. *tuγ-*, огуз. **doγ-*, турк. *doγ-*;

чув. *va-n-* 'разрушаться' < пратюрк. **uva-l/n-* id., як. *ubax* 'мелкий';

чув. *vŭ̊lǯa* 'рыбья икра' < пратюрк. **uvuldy(ry)q*. Параллель чувашскому есть в части кыпчакских языков – тат. *uwyldyryq*, башк. *ywyldyryq*, каз. *uwyldyryq*. Вопреки В.Г.Егорову (Егор. 48), семантически довольно странно считать это образованием от слова **oγul* 'сын (человеческий!)', тем более,

что ‘сын’ в тат., башк. – *ul.* Интерес представляет турк. *oyuldyryq* ‘икра’, но похоже, что это – позднейшая контаминация кыпчакского заимствования с основой **oyul.* У Радлова отмечены формы тобол. (сиб.тат.) *ultyq, ultyr* (1700), кир. (казахский) *ulduruq* (1701), явно указывающие на начальный **u-*. В якутском также есть слово *ulluruk* ‘мужское и женское семя’. Все эти формы указывают на пратюрк. **u(vu)ldy-*, значащее ‘семя, икра’, ср. монг. **ühülder* ‘порода (скота)’. Якутский и чувашский могут указывать на начало типа **uvl-*, не давшее в якутском долготы;

чув. *vӑdan-* ‘стыдиться’ < пратюрк. **uvtan-* id., **uvut* ‘стыд’, орхон. рун. *ubut* (Тон. 37), МК *uwut*, Ибн-Муханна *uvut* ‘стыд’, огуз. **utan-* ‘стыдиться’, турк. *utan-*, аз. *utan-*, тур. *utan-*. Морфологически структура данного глагола ясна – это отыменной глагол от **uvut* ‘стыд’. В кыпчакских, карлукских языках и в языках Сибири данная основа вытеснена похожей – **ujat-* ‘стыд; стыдиться’. Иногда в результате контаминации двух основ появляются формы типа уйг. *ubat* ‘стыд’ (Jarr. 321), где *-b-* вместо *-j-* под влиянием первой основы;

чув. *vӑrś-* ‘ругаться, драться’ < пратюрк. **uv(u)rułć-* ‘биться, воевать’, огуз. **vuruš-*, тур., аз. *vuruš-*;

чув. *vӑrax* ‘долго’ < пратюрк. **uɾ̃aqə* ‘далеко, дальше’, огуз. **uzaq*, турк. *uzaq;*

чув. *vӑrӷ* ‘семя’ < пратюрк. **uruɣ* ‘семя, потомство’, як. *urū;*

чув. *vӑrӷm* ‘длинный’ < пратюрк. **uɾ̃un* id., огуз. **uzyn*, турк. *uzȳn;*

чув. *vӑś* ‘конец’ < пратюрк. **ūć* id., огуз. **ūǯ*, турк. *ūč;*

чув. *vӑś-* ‘летать, порхать’ < пратюрк. **u'ć-* id., огуз. **uč-*, турк. *uč-*, тув. *u'š-*;

чув. *vӑǯӑ* ‘подвздошная область’ < пратюрк. **uvća* ~ **ūća* ‘крестец’, огуз. **ūǯa*, турк. *ūǯa*, як. *usa* и *uǯuŋax*, саг. *učа*, тоф. *uša*. В пратюркском было сочетание с **-v-*, повлиявшее на переход аффрикаты в чув. *-č-*, а не *-ś-*, а также давшее саг. *-č-* вместо *-z-*, тоф. *-š-* вместо *-ǯ-* и як. вариант *uǯuŋax* с аффрикатой из сочетания (см. выше). В туркменском в результате ассимиляции появилась долгота на **u-* (~ монг. **uwča* ‘крестец’);

чув. *ĕvĕ* ‘трут’ < пратюрк. **uvu(K)* (~ монг. **uhula* id.).

Пратюркский **-u-* после согласных в закрытом слоге стягивался со следующим *+j* из пратюрк. **j, *δ, *ń* и переходил в *-ü-*, а в открытом слоге давал *-yv-* перед узким или, скорее в ударной позиции, и *-ӑv-* (сев.-зап. малокарач. *-ü-*) перед широким гласным, *или в безударной позиции* (ср. *аналогичное развитие для* **-oj-).* В начальной позиции в закрытом слоге происходило развитие в *yj-* (< *+vyj-*, запрещенного сочетания, ср. чув. *yv-* < *+vyv-* < **oɣ-*), а в открытом слоге происходила метатеза *+-j-* и комплекс *+uj-* переходил в *jĕv-*. [**TuJT-* > *TüT-*; **TuJ-V* > *+Tĕjw-* > *Týv-/ Tăvé (~ Tüe-)*; **#uJT-* > *+ĕjT-* > *ýjT-*, **#uJ-V* > *+ĕjw-V* > *jĕv-V*].

чув. *xyv-* ‘лить, выливать’ < пратюрк. **quδ-* id., огуз. **quj-*, турк. *quj-*, тув. *kud-*;

чув. *xüme*, сев.-зап. малокарач. *xüme* ‘забор, изгородь’ < пратюрк. **q(')ujma (-δ-, -ń-)* id., кыпч. **qujma;*

чув. *xüre* 'хвост' < пратюрк. **quδruq* id., огуз. **qujruq*, як. *kuturuk;*

чув. *xüdə* 'укрепленное место' < пратюрк. **q(')ujtu (-ń-)* id. > тур. *kujtu;*

чув. *xə̊vel*, сев.-зап. малокарач. *xüel* 'солнце' < пратюрк. **quńał* id., як. *kujās* 'жаркий день', огуз. **güneš* 'солнце', турк. *güneš* с переходом в передний ряд из **qujnaš;*

чув. *pür-*, сев.-зап. малокарач. *pür-* 'приказать' < пратюрк. **buj(u)r-* id., **bujruq* 'приказ', огуз. **bujur-*, **bujruq*, турк. *bujur-*, *bujruq;*

чув. *śüγe*, сев.-зап. малокарач. *śüγe* 'тонкий' < пратюрк. **ʒ́uvqa* ~ **ʒ́ujqa* id., тоф. *čuγa*, огуз. **juvqa*, турк. *jūqa (< *juvqa)*, аз. *juxa*, тур. *jufka*, кыпч. **ǯuqa*, уйг. *župqa*, хак. *čuγa*, но орхон. рун. *jujqa* (Тон. 13) с отражением варианта праформы, общей с чувашским.

Начальная позиция:

чув. *yĭγъ*, сев.-зап. малокарач. *iγə* 'сон' < пратюрк. традиционно **uδ-qu* id. отглагольное имя от **uδ(u)-* 'спать', уйг. *ujqu*, алт., кирг. *ujku*, кыпч. **ujqy, *juqy*, огуз. **(j)uqu*, турк. *ūqy* (из стяжения), при хак. *uzy-*, тув. *udu-*, як. *utuj-* 'спать' трудно считать заимствованиями тув. *u'jgu* и хак. *ujγy* 'сон', в памятниках и нигде в современных рефлексов *-δ-* в слове 'сон' не отмечается. Вполне возможно, что это другой корень вида пратюрк. **uj'qu;*

чув. *jə̊va* 'гнездо' < пратюрк. **ūja* id., як. *ūja*, кирг. *uja*, тув. *uja;* в огузских, как в чувашском, метатеза **juva*, тур. *juva*, турк. *juva;*

чув. *jə̊vaš* 'тихий, кроткий, спокойный' ~ хотя в пратюркском представлено **ʒ́uvał(ə)* с тем же значением, в чувашском рефлекс *j-*, а не *ś-*, указывает на метатезированный пратюркский **-j-*. Действительно, в тюркских языках можно найти основы с подобным значением и с интервокальным **-j-*: кирг. *ujaŋ*, хак. *ujaŋ*, як. *ūjan* 'слабый, немощный, застенчивый' и также башк. *ojy-*, ног. *ujy-*, тур. *ujuš-*, аз. *ujuš-*, гаг. *ujvaš-* (sic!) 'онеметь, ослабеть, стать вялым, слабым'. Вполне вероятно, что все эти примеры восходят к одной и той же пратюркской основе с метатезированным вариантом в первом образовании;

чув. *jə̊vĭ* 'густой, частый' < пратюрк. **uju-* 'густеть, твердеть, заквашиваться', огуз. **uju-*, турк. *uja-*, тур. *uju-*, кирг. *uju-*, кыпч. **ujy-*. Сравнение чувашского слова с тюркским **qojuγ* 'густой' сомнительно по фонетическим причинам: ожидался бы чувашский рефлекс **xivə* или **xyvъ*.

Особым архаичным отражением пратюркского **-u-* в чувашском является *-y-* в односложной основе *tyt-* 'держать' < пратюрк. **t'u't-* id, тув. *tu't-*, сюг. *t'u't-*. «Удлиненный» рефлекс перед сильным дентальным полностью аналогичен развитию **-a-* > *-u-* (вместо *-o-*) в такой же позиции.

Пратюркский **ü* развивается подобным образом и дает *-ə̊-* после согласного и *ə̊-* в абсолютном начале слова, но в отличие от **ö* не происходит перехода в заднерядный гласный рядом со смычными шумными велярными (случаи без огубленного гласного, как правило, отражают норму низового диалекта, где противопоставление редуцированных по огубленности утеряно) [**TüT- > TəT-*; **#üT > ə̊T-*].

чув. *kə̊l* 'зола' < пратюрк. **k'ül* id.;

чув. *kə̊mə̊l* 'серебро' < пратюрк. **k'ümuł* id.;

чув. *kər* 'осень' < пратюрк. **kūr̃* id., огуз. **gūz*, турк. *güjz;*

чув. *kəren* 'розовый' < пратюрк. **k'üreŋ* 'коричневый', як. *küreŋ;*

чув. *kəreš-* 'бороться' < пратюрк. **küreš-* id., огуз. **güreš*, турк., тур. *güreš*, як. *küres* 'борьба';

чув. *kəreźe* 'лопата' < пратюрк. **kür(i)-* 'сгребать (лопатой)', огуз. **küre-*, турк. *kürek* 'лопата', як. *kürt-/ kürǯ-V, kürček* 'лопата';

чув. *kərü* 'зять' < пратюрк. **küðeγü* id., як. *kütüö*, огуз. **gü/ijev*, турк. *gijev;*

чув. *kərə* 'нитченка' < пратюрк. **k(')ürük* id., кыпч. **küzük*, алт. *küzüg*, кирг. *küzük;*

чув. *kərək* 'шуба' < пратюрк. **k'ürk* id., огуз. **kürk*, аз. *kürk;*

чув. *kət-* 'пасти' < пратюрк. **kūt-* 'ждать, пасти', огуз. **gūd-*, турк. *güjt-*;

чув. *pəŕ-* 'свернуть' < пратюрк. **bür-* ~ **bür̃-* id., кыпч. **bür-*, кирг. *bür-*, огуз. **büz-* id., аз. *büz-*, тур. *büz-*;

чув. *pərǯə* 'косточка, зернышко; частичка чего-либо' < пратюрк. **bür-tik* 'зернышко, крупинка', кыпч. **bürtik*, тат. *börtek*, ног. *bürtik* etc., як. *burduk* 'мука́';

чув. *pərəx-* (< **pərək-* с переосмыслением конечного согласного основы как аффикса медиального действия, унифицированного в исторически заднерядном варианте *-x-*) 'брызгать' < пратюрк. **bür'k-* id.;

чув. *pət-* 'кончиться' < пратюрк. **bü't-* id., як. *but-*, кыпч. **büt-*, уйг. *püt-*, огуз. **bit-*, турк. *bit-*. В огузском вторичный *-i-* рядом с губным согласным, ср. следующее слово;

чув. *pədəm* 'целый, весь' < пратюрк. **bü'tün* id., турк. *bütīn, bitīn*, уйг. *pütün* etc.;

чув. *sələ* 'овес' < пратюрк. **süli* id., турк. *süli*, башк. *hölö*, в остальных языках с заднерядным вокализмом **suly;*

чув. *sələk* 'пиявка' < пратюрк. **sülükə* id.;

чув. *sər-* 'тереть, мазать' < пратюрк. **sür-t-* id., огуз. **sür-t-*, турк. *sür-t-*, як. *ür-*;

чув. *sər-* 'цедить' < пратюрк. **sür̃-* id., огуз. **süz-*, турк. *süz-*;

чув. *sət* 'молоко' < пратюрк. **sūt* id., огуз. **sūd*, турк. *süjt;*

чув. *śək-le-* 'нести груз' (но вторично *śək* 'груз')< пратюрк. **ǯü'k-le-* 'вьючить';

чув. *śər* 'сто' < пратюрк. **ǯūr̃* id., як. *sūs*, огуз. **jūz*, турк. *jūz;*

чув. *śər-* 'гнить' < пратюрк. **c'ūri-* id., огуз. **čūri-*, турк. *čüjri-*;

чув. *śərə* 'кольцо' < пратюрк. **ǯürük* id., огуз. **jüzük*, турк. *jüzük;*

чув. *śəźə* 'нож' < пратюрк. **ǯül-γüć, -ćüγ* 'бритва';

чув. *tək* 'перья, пух' < пратюрк. **tūk* ~ *tūγ* id., як. *tū*, огуз. **tük, *tū(γ)*, аз. *tük*, тур., турк. *tüj*, кыпч. **tük* и в остальных языках со смычным *-k;*

чув. *təl* 'место, цель, время, случай' < пратюрк. **tūł, *tūɬ* id., переднерядный вокализм в языках тур. *düš*, тат. *töš*, в остальных языках заднерядный гласный турк. *dūš* etc.;

чув. *tələk* 'сон' < пратюрк. **tūłk* id., огуз. **dūš*, турк. *düjš*, як. *tūl* (< **tūlk*) 'сон', *tüsē-* 'видеть сон';

чув. *tənə* 'дымоход' < пратюрк. **t'üŋ-lük* 'дымоход, окно, отверстие юрты', як. *tünnük;*

чув. *tåp* 'дно' < пратюрк. **tūp* id., огуз. **dūb*, турк. *düjp;*

чув. *tår-* 'завернуть' < пратюрк. **tūr-* id., як. *tūr-*;

чув. *tårlå* 'разный' < пратюрк. **tür-liγ* id., огуз., турк. *dür-li;*

чув. *tårt-* 'толкнуть, ткнуть' < пратюрк. **türt-* id.;

чув. *tårå* 'вышивка' < пратюрк. **tür-* 'вышивать', огуз. **dür-*, турк. *dür-*;

чув. *tås* 'цвет' < пратюрк. **t(')üs* 'цвет, вид', кыпч. **tüs;*

чув. *tådåm* 'дым' < пратюрк. **t'ü'tün* id., огуз. **tütün*, турк. *tütīn;*

чув. *ålger* 'Плеяды' < пратюрк. **ül'ker* id., огуз. **ülker*, аз. *ülkɛr*, як. *ürgel;*

чув. *ålger-* 'успевать' < пратюрк. **ülγer-* id., кыпч. **ülger-*;

чув. *årʒå-* 'размножаться' < пратюрк. **ürći-* id., кыпч. **ürči/e-*;

чув. *åråx-* (с вторичным переосмыслением конечного согласного как медиального показателя) 'бояться' < пратюрк. **ür'k-* id.

После согласного пратюркский гласный **ü* перед историческими **v, *γ* в закрытом слоге дает *-ü-*, а в открытом слоге *-åv-* (*-iv-* в односложной глагольной основе (?)), в абсолютном начале перед согласным этот комплекс развивается в *vå-* с метатезой.[**TüvT-, *TüγT- > +TüwT- > TüT-; *Tüv-V, *Tüγ-V > +Tüw-V > Tåv-V (Tív-); *#üvT- > +åwT- > våT-*].

чув. *kiv-* 'толочь, катать белье', *kåvende* 'коромысло' < пратюрк. **k(')üv(e)-*, тат. *köjɛ-, köjɛntɛ;*

чув. *kåve* 'моль' < пратюрк. **küve* id., огуз. **güve*, турк. *güje*, аз. *güvɛ*, кирг. *kübö;*

чув. *tüme* 'пуговица' < пратюрк. **tüγ-me* 'завязка';

чув. *tåvå* 'узел' < пратюрк. **tüγ-* 'завязывать', **tüγün/k* 'узел', турк. *düvün*, уйг. *tügün;*

чув. *vår-* 'дуть, веять' < пратюрк. **üv(ü)r-* id., хак., шор. *übür-*, турк. *üjr-*.

Сочетаний пратюркского **ü* со следующим **j* не отмечено. Есть особый ряд соответствий, который можно так интерпретировать, о нем см. ниже, в разделе о дифтонгах. Как и в случаях для **a* и **u*, в некоторых односложных основах с кратким **ü* появляется «удлиненный» рефлекс перед смычным сильным согласным, в прикрытом слоге это **-ü-*, а в абсолютном начале – *vå-*, т.е. рефлексы, аналогичные развитию комплексов с последующими **v, *γ* перед согласными. Это след придыхания сильного согласного, отражаемого как фарингализация в тувинском и тофаларском, как придыхание в сарыг-югурском и как глайдовый призвук в некоторых кыпчакских. [**Tü'T > +TåwT > TüT, *#ü'T > +åwT > våT*].

чув. *på̈k-* и *pük-* 'подгибать' < пратюрк. **bü'k-* id., турк. *bük-*, уйг. *pük-*;

чув. *på̈rge-* и *pürge-* 'укутывать' < пратюрк. **bür'kü-* id., уйг. *pürkü-* (в этом случае на гласный влияет глухой согласный, даже находясь после *-r-*);

чув. *våt-* 'опалить' < пратюрк. **ü't-* id., огуз. **üt-*, турк. *üt-*, як. *üt-*, каз. *üjt-*, ног. *üjt-*, в других кыпчакских **üt-*. В ногайской подгруппе кыпчакских языков *-j-* появляется после узкого гласного из призвука типа тувинской фарингализации, как и в словах *ijt* 'собака', *bijt* 'вошь' (см. ниже в соответствиях **y*).

Особые отражения пратюркских **u* и **ü* в чувашском наблюдаются в словах:

чув. *pə̑lə̑t* 'облако, туча' (чувашский отражает пратюрк. **y, *i* или **ü*) при пратюрк. **bulut*, отразившемся в большинстве тюркских языков огуз. **bulut*, кыпч. **bulyt* etc., но в як. *bylyt* и сюг. *pylyt*, что соответствует чувашскому и позволяет предполагать на пратюркском уровне альтернат **bylyt* или **bylut*.

Перед собственно чувашским $^{+}r < *r, *r̃, *\delta$ произошел в части основ переход гласных верхнего подъема **u, *ü* в средний, и дальше они развивались как **o, *ö* (аналогичный процесс отмечается для **y, *i*):

чув. *xorźə* 'сталь' предполагает **q(')ōrćə* при пратюрк. **q(')ūrćə* id., кыпч. **qurč* (~ **kurča* 'острый');

чув. *xort* 'червь' предполагает **qōrt* при пратюрк. **qūrt* id., огуз. **qūrt*, турк. *qūrt*, etc.;

чув. *śort* 'дом' предполагает **ʒ́ōrt* при пратюрк. **ʒ́ūrt* 'дом, становище', огуз. **jūrt*, турк. *jūrt* etc.;

чув. *tə̑var* 'соль' предполагает **tōr̃* при пратюрк. **tūr̃* 'соль' в большинстве языков, як. *tūs*, огуз. **dūz*, турк. *dūz* и т.д. и переднерядный (!) вариант **tūr̃* в сал. *düź*, чул. *tüs*, кызыл. *tuś*, т.е. здесь переход в средний подъем перед *-r* переднерядного гласного пратюркского варианта;

чув. *śə̑var* 'рот' предполагает **ʒ́ōr̃* при пратюрк. **ʒ́ūr̃* 'лицо, морда', як. *sūs* 'лоб', огуз. **jüz* 'лицо'. Колебание семантики 'лицо, морда' ~ 'рот' типологически вероятно, ср. слав. **pysъkъ* 'лицо, морда (животного)' ~ 'клюв' ~ 'рот'. По двум причинам чувашское слово *śə̑var* не может соответствовать станд. тюрк. **aɣyz* 'рот': во-первых, в таком случае не ясен начальный чувашский *ś-*, во-вторых, по развитию гласных ожидалось бы *-yvъ-* или *-ə̑və̑-*, но не *-ə̑va-*;

чув. *var* (в сложении *jor-var*) 'жир' предполагает **ōr̃* при пратюрк. **ūr̃* 'жир', МК *üz*, тув., тоф. *üs* 'жидкий жир', хак. *üs*, алт. *üs;*

чув. *türə*, сев.-зап. малокарач. *tör* 'прямой, ровный' предполагает **tōr̃* при пратюрк. **tūr̃* id., огуз. **düz*, турк. *düz*.

Случаи перед другими согласными:

чув. *vaĺ-ə* (с показателем 3 л.) 'доля' предполагает **ōl* при пратюрк. **ülüɣ* отглагольного имени от **ül-* 'делить', турк. *ülü-š* и як. *ülū* указывают на краткий гласный, причем в якутском отмечается дублетная форма *ölū* (!) с гласным среднего подъема. Причины колебания долгот не ясны;

чув. *vaš-* 'дуть о ветре' предполагает **ōɬ̈ü-* при пратюрк. **ü(ɬ)ɬ̈-* 'быть холодным; зябнуть', тув. *ü'žü-*, тоф. *üši-* (*$^{+}$-'š-* должен давать в тофаларском *-ɬ́-*, а глухой вариант *-š-* берется только из сочетаний), хак. *üzü-* (с регулярным развитием станд. тюрк. **-š- > -z-*), однако существует диалектный вариант *učy-*, где интервокальный рефлекс с глухим *-č-* берется только из сочетаний, алт. *üžü-*, турк. диал. *üšï-*, МК *üši-* etc. Тувинский с помощью фарингализации отражает лишь глухость серединного согласного, а тофаларский по-

казывает, что глухость здесь является следом упрощения сочетания, качество первого согласного этого сочетания неясно;

чув. *kon* 'день' (в булгарских эпитафиях *kuwan* (Юсупов БТЭ, табл.14, 16, 48) при пратюрк. **kün* id. Чувашский отражает вариант, восходящий к **kōn* с долгим гласным. Ср. в этимологически связанной основе:

чув. *kъ̆ndъ̆r* 'полдень' при пратюрк. **kün-dür̃* id., где чувашский отражает также гласный среднего подъема **kön-dür̃;*

чув. *kol-* 'смеяться' при пратюрк. **kül-* 'улыбаться', где чувашский отражает **kōl-*.

В чувашском числительном *viśśə* 'три' при пратюрк. **ü'ć́ə* id. представлен рефлекс краткого пратюркского **ö-*. Объяснений этому может быть несколько: во-первых, перед аффрикатой следовало бы ожидать для пратюркского **#ü-* отражение в виде *+və̆śśə* (ср. развитие **#uć́ > və̆ś-*), во-вторых, еще до развития гласных **#ö, *#ō̃* в раннечувашские дифтонги *+u̯e-, +u̯ɛ-* продействовала контаминация по гласному с последующим числительным **tȫrtə* 'четыре', т.е. появилась форма **ö'ć́ə*. Уподобление следующих друг за другом числительных типологически довольно частый случай (ср. слав. **devętь* при и.-е. **neu̯n-* ~ **desętь*, рус. *семь (*sedmь) ~ восемь (*osmь)* и др.).

Пратюркский *y. Основные чувашские соответствия пратюркским **y, *i* перечислены у М. Рясянена (Ряс.Мат. 75–76, 81–82). Однако он не указывает распределения чувашских рефлексов, хотя в соответствиях все же вырисовывается довольно стройная картина. При их разборе необходимо обратить внимание на то, что в односложных словах вида *(T)yT* и иногда в двусложных вида *(T)yTy(T)* в большинстве тюркских языков, особенно в огузской, кыпчакской и карлукской подгруппах, происходила нейтрализация **y* и **i* с последующим переходом **y > i* переднего ряда. В туркменском на это наложился еще один процесс: огузские односложные переднерядные основы **(T)īz, *(T)īs* перешли в задний сингармонистический ряд *(T)ȳz, (T)ȳs* : турк. *ȳs* 'запах' ~ тур. *is;* турк. *ȳz* 'след' ~ тур. *iz*, тув. *is*, хак. *əs;* турк. *ʤȳz* 'колено' ~ тур. *diz*, хак. *təs*, тат. *tez* и др. Переходам гласных в другой ряд мешало наличие велярных и увулярных в основе. Таким образом архаичными языками в вопросе различения пратюркских **y* и **i* в односложных словах являются языки Сибири, а особенно якутский и тувинский с тофаларским.

Основными рефлексами пратюркского **y* после согласных является чувашский *-ə-*, а после ретрофлексного шипящего *š-* (< **s-*) – заднерядный *-ъ-*. В начальной позиции **#y-* дает *jъ-*, перед *-š-* в чувашском – гласный *(ъ)-* (с редукцией перед следующим широким гласным), перед носовыми *(-n-)* – переднерядный гласный *ə-*. [**TyT- > TəT-*; **syT- > šъT-*; **#yT- > +u̯iT- > jъT-/ ъš-/əN-*].

чув. *xəl* 'зима' < пратюрк. **qyl* id., огуз. **qyš*, турк. *qyš*, тув. *ky'š;*

чув. *xələx* 'толстый, конский волос' < пратюрк. **q'yl'q* id., огуз. **qyl*, турк. *qyl*, як. *kyl*, тув. *xyl;*

чув. *xən* 'мучение' < пратюрк. **q'yj(y)n* id., огуз. **qyjyn*, тур. *kyjyn*, турк. *qȳn*, як. *kyńńā-* 'мучить', тув. *xyjna-*;

чув. *хәr* 'девочка, девушка' < пратюрк. **qȳr̃* id., огуз. **qȳz*, турк. *qȳz*, як. *kȳs*, тув. *kyr;*

чув. *хәр-* 'греться' < пратюрк. **qȳr̃-* 'раскаляться', огуз. **qyz-*, турк. *qyz-*, як. *kȳs-*, *kys-*;

чув. *хәrуеп-* 'жалеть' < пратюрк. **q(')yr̃ɣan-* id., кыпч., карлук. **qyzɣan-*;

чув. *хәrуі* 'ястреб' < пратюрк. **q(')yrɣ-aj* id., огуз. **qyrɣy*, турк. *qyrgy* 'кобчик', як. *kȳrt* 'ястреб';

чув. *хәrlә* 'красный' < пратюрк. **qyr̃ylə* id., огуз. **qyzyl*, турк. *qyzyl*, як. *kysyl*, тув. *kyzyl;*

чув. *хәrә* 'край, грань' < пратюрк. **qyry* id., огуз. **qyry*, турк. *qyra*, кирг. *kyr*, тув. *kyry;*

чув. *хәrәх* 'сорок' < пратюрк. **q(')yr'q* id., огуз. **qyrq*, турк. *qyrq;*

чув. *хәs-* 'давить, сжимать' < пратюрк. **qy'sə-* id., огуз. **qys-*, турк. *qys-*, як. *kysaj-*, тув. *ky's-*;

чув. *хәzәr* 'яловая' < пратюрк. **qys(y)r* id., огуз. **qysyr*, турк. *qysyr*, як. *kytarax*, тув. *ky'zyr;*

чув. *хәś* 'меч' < пратюрк. **q'yl(y)ć* id., огуз. **qylyǯ*, турк. *qylȳč*, як. *kylys*, тув. *xylyš;*

чув. *pə̑ldə̑r* 'прошлый год' < пратюрк. **byldyr* id., огуз. **byldyr, *bildir*, тур. *byldyr*, аз., турк. *bildir*, як. *bylyr*, кыпч. **byltyr*, хак. *pyltyr;*

чув. *šъɣъr-* 'свистеть' < пратюрк. **sȳkyr-* id.;

чув. *šъl* 'зуб' < пратюрк. **syt* 'вертел, колышек';

чув. *šъl-* 'вытирать' < пратюрк. **sȳla-* id.;

чув. *šə̑bə̑r-* (автоматическая огубленность рядом с губным согласным) 'свисток' < пратюрк. **sy'pyr̃* id.;

чув. *šъran-* 'топиться, таять' < пратюрк. **syr̃-* 'таять';

чув. *šъ(r)ž-i* 'мышь' < пратюрк. **sy'ć-qan* id.;

чув. *šъrźa* 'бусы' < пратюрк. **syrć-ɣa* 'стекло';

чув. *šъrt* 'шкура на хребте, щетина' < пратюрк. **syrt* id.;

чув. *śə̑len* 'змея' < пратюрк. **ǯyl(ɣ)an* id., огуз. **jylān*, турк. *jylān*, огубленность гласного в чувашском может быть архаизмом, ср. тоф. *čul(ɦ)an* 'змея', что объяснимо из варианта **ǯylvan;*

чув. *śə̑mə̑rt* (с автоматической огубленностью рядом с губным согласным) 'черемуха' < пратюрк. **ǯymyrt*, кыпч. **ǯymyrt, šymirt* (sic!), хак. *nymyrt*, тув. *čumurt;*

чув. низов. *čəlbər* 'поводок' – старый монголизм, кыпч. **čylbur;*

чув. *čələх* 'язычок, пищик', *čəlуе* 'язык' < пратюрк. **tȳlq* 'язык';

чув. *čəm, čə̑m* 'дыхание' < пратюрк. **t'ȳn* id.;

чув. *čən-* 'промолвить' < пратюрк. **tyn-/*tin-* id.;

чув. *čъnla-* 'слушать' (вторичный переход в задний ряд под влиянием татаризма *tъnla-*) < пратюрк. **tiŋla-* id.;

чув. *čər-* 'чертить' < пратюрк. **ć'ȳr̃- (~ *s-)* id.;

чув. *čər-* 'рвать' < пратюрк. **čyr(p)-* id.;

чув. *čərme-le-, čъrma-la-* 'царапать' < пратюрк. **t'yrma-* id.;

чув. *čərne* 'ноготь' < пратюрк. **tyrŋaq* id.

Слова с чувашскими начальными *š-, č-* подробно рассмотрены в первой части.

чув. *jъɣъ, jъх* 'проказа, золотуха' < пратюрк. **ȳqə ~ *īkə* 'болезнь', QB *ig (= ik)* (QBN 24/2), огуз. **īg*, турк. *īg-li* 'рахитичный', тур. *iɣ-ǰil* 'болезненный'. Хотя данные памятника и огузских языков указывают на передний ряд, чувашские рефлексы гласного и согласного подтверждают наличие старого альтерната с заднерядным гласным **ȳ-;*

чув. *jъlъ, jъl-mak* 'петля' < пратюрк. **ȳl- ~ *īl-* 'цеплять', уйг. *ilmaq* 'петля'.

Практически во всех языках глагол переднего сингармонистического ряда, однако чувашские и уйгурские производные указывают на задний ряд, ср. также МК *ylyn-* 'цепляться' тоже с задним рядом, хотя там же *il-* с передним. Это – одна из старых изоглосс между чувашским языком и языками района Восточного Туркестана.

чув. *jъran* 'межа' < пратюрк. **yr̃an* id., кыпч. **yzan;*

чув. *jъs* 'дым, чад, угар' < пратюрк. **ȳs* 'копоть, чад', огуз. **īs*, тур. *is*, турк. *ȳs* (с переходом в задний ряд по собственному правилу), як. *ȳs*, кыпч. **ys* etc.;

чув. *šan-*, сев.-зап. малокарач. *žan-* (< *+ъžan-*) 'верить' < пратюрк. **yłan-* id., огуз. **yšan-*, турк. *yšan-*, кыпч. **yšan-* etc.;

чув. *ъžъ, ĕžĕ* 'теплый' < пратюрк. **yssyɣ ~ *issiɣ* id., первый вариант представлен в огуз. **yssy*, турк. *yssy*, тур. *ysy*, а в языках Сибири переднерядный вариант – як. *itī*, хак. *əzəg*, тув. *i'siɣ;*

чув. *ənen-* 'верить' < пратюрк. **yna-n-* id., огуз. **ynan-*, турк. *ynan-*, хак. *yna-* 'желать, хотеть', *ynan-* 'делать с желанием, рвением';

чув. *ənər-* 'стонать' < пратюрк. **yŋ(ɣ)yra-* id., як. *yŋyran-*, кыпч. **yŋɣyran-*.

На сочетание пратюркского **y* с последующим звонким спирантом претендует только одно слово:

чув. *šə̆və̆* 'жидкий' < пратюрк. **syvuq* id., огуз. **syvu(q), *syju(q)*, осм. XIV в. *sywyq*, тур. *syvy*, турк. *suvuq, sujuq*, аз. *syjyq*, хор. *sujū*, уйг. *sujuq*, каз. *sujyq*, башк. (!) *šyjyq*, тат. *syjyq*, тув. *sūk*. Развитие комплекса в чувашском и по языкам аналогично развитию комплекса **iv* (см. ниже); кроме того, данная основа, несомненно, этимологически связана с пратюрк. **ṣiūv* 'вода' (см. ниже).

Отмечены случаи развития сочетаний пратюркского **y* с последующим раннечувашским *+-j- (<j, *δ, *ń)*. После согласных данная последовательность дает *-ъj-* перед гласным и *-y-* перед согласным. [**TyJ- > Tъj-*; **TъJT- > TyT-*].

чув. *xъj-* 'сметь' < пратюрк. **q(ʿ)yń-* id., кыпч. **qyj-*, др.-уйг. (Suv., Uig II 46, строка 58) *qynmaq* 'стремление', *qynyɣ* 'ревностный';

чув. *xъjax* 'осока' < пратюрк. **qyj(ɣ)aqə* id.;

чув. *xъjъ* 'лучина; клин' < пратюрк. **qyj-* 'резать на узкие полоски', **qyjyq* 'клин';

чув. *xylъx, xylъx* 'ость, ошметки' < пратюрк. **q(ʿ)yj-luqə (~ *-ń)*, кыпч. **qyj* 'сор, мусор', **qyj-ly* 'сорняк, сорный';

чув. *mъjan* 'лебеда' < пратюрк. **byńa(n)* id., огуз. **byjan, *bujan*, турк. *bujan*, тур. *bojan*, аз. *bijan*, кыпч. **myja* 'солодка';

чув. *šъjъr-* 'царапать' < пратюрк. **syδyr-* id.

Пратюркский **y,* как уже упоминавшиеся **a, *u, *ü,* имеет «удлиненный» рефлекс перед следующими сильными смычными (наиболее выражено перед **'t*), он дает после согласного *-yj-* перед **-'t,* в остальных случаях (фактически перед чувашскими современными спирантами) – *-y-*, а в начале слова – *jy-* перед **-'t* . Вполне возможно, что для случаев перед **-'t-* можно просто реконструировать сочетание с пратюркским **-j-* (по внешним алтайским соответствиям, в них сочетания с носовым, так что это может быть и **-ń-*). [**Ty'T- > *TyjT- > TyS/ Tyjt-*; **#y't- > jyt-*].

чув. *jydъ* 'собака' < пратюрк. **y'tə (~ *yj'tə)* id., як. *yt*, тув., тоф. *y't*, огуз. **it*, кыпч. **i(j)t*, ног., каз., ккалп. *ijt*, уйг. *išt*, алт. *ijt*, с.-уйг. *yšt;*

чув. *pyjdъ* 'вошь' < пратюрк. **by'tə (~ *byj'tə)* id., як. *byt*, тув., тоф. *by't*, огуз. *bit*, кыпч. **bi(j)t*, ног., каз., ккалп. *bijt*, уйг. *pi(š)t*, алт. *pijt*, с.-уйг. *pyšt;*

чув. *xyś* 'зад, задняя часть' < пратюрк. **qy'č* id., огуз. **qyč*, тур. *kyč;*

чув. *piś-* 'зреть, вариться' < пратюрк. **byt'č-* id., як. *bus-* (со вторичной огубленностью, но задним рядом), тув., тоф. *by'š-*, огуз. **biš-*, турк. *biš-*, кыпч. **biš-*, уйг. *piš-* etc. В чувашском вторичный переход *+-y-* в *-i-* под влиянием соседнего *-ś-*;

чув. *šyś-* 'опухать' < пратюрк. **syt'č-* id., др.-уйг., МК *syš-*, в огузских языках долгий в турк. *čīš-*, при тур., аз. *šiš-*, кыпч. **šiš-*, шор. *šiš-*, уйг. *išši-*, тув. *y'š-*, но тоф. *yš-* с постоянным *-š-* без фарингализации, берущееся только из сочетаний, як. *is-*. В языках восточного ареала диссимилятивное отпадение начального **s-*, в турк. регулярная диссимиляция первого согласного в *č-* в такого типа основах (*čīš* 'вертел' < огуз. **sīš-*, *čāš-* 'ошарашенный' < огуз. **sāš-*), и под их влиянием вторичная долгота. В якутском передний ряд при краткости гласного. Уйгурский, тувинско-тофаларский указывают на сочетание с последующим согласным, при краткости в якутском. В чувашском перехода в передний ряд несмотря на соседство с *-ś-* не происходит из-за влияния предшествующего *š-* (обычными рефлексами **y* является *-ə-* и заднерядный *-ъ-* рядом с *š-*, см. выше).

чув. *čyx-* 'набивать, наполнять' < пратюрк. **t'y'q(y)-* id., огуз. **tyq(a)-*, тур. *tyka-*, аз. *tyx-*, турк. *dyq-*, тув. *ty'gy-*.

Пратюркский **i* после согласных дает в чувашском такие же рефлексы, как и **y*, т.е. *-ə-*, но после ретрофлексного *š-* (*< *s-*) – *-ъ-*. Но в начальной позиции **i-* переходит в *ə-*, который отпадает при следующем широком гласном (т.е. в синхронной безударной позиции), и в заднерядный *ъ-* перед чувашским *š* . [**TiT- > T́əT-*; **siT- > šъT-*; **#iT- > (ə)T-/ ъš-*].

чув. *kəle-* 'просить' < пратюрк. **k(')ile-* id., хак. *kəle-*;

чув. *kər-* 'входить' < пратюрк. **kīr-* id., огуз. **gīr-*, турк. *gīr-*, як. *kīr-*;

чув. *kəźən-* 'ржать' < пратюрк. **k'it'ćiŋe-* id., огуз. **kišŋe-*, турк. *kišŋe-*;

чув. *kəźə* 'чесотка' < пратюрк. **kīčü-* 'чесаться', огуз. **gīǰi-*, турк. *gīǰe-*, аз. *giǰi-*, тоф. *kiǰi-*, однако в кыпчакских и хакасском представлен заднерядный вариант кыпч. **qyčy-*, хак. *xyčy-*;

чув. *kəźə-n* (с аффиксом instr.) 'младший, моложе' < пратюрк. **k'i'ćü-k, -γ* 'маленький, мало', МК *kičüg*, огуз. **kičü-*, тур. *küčük*, турк. *kiči*, як.

kučču̯gu̯j с экспрессивной геминатой, кыпч. **kiči* etc.;

чув. *pə̊l-* (с огублением из-за соседства с губным согласным) 'знать' < пратюрк. **bil-* id., огуз. **bil-*, турк. *bil-*, як. *bil-* etc.;

чув. *pə̊r* (с огублением из-за соседства с губным согласным) 'один' < пратюрк. **bir* ~ **bīr* id., огуз. **bir*, турк. *bir*, як. *bīr* etc.;

чув. *śə̊t-* 'пропадать, исчезать' < пратюрк. **ʒ́i't-* (~ **ʒ́ü't-*) id., огуз. **jit-*, турк. *jit-*, но в як. *süt-*, для второго случая в верховом чувашском ожидалась бы форма **śə̊t-*, а в низовом такая же *śə̊t-*, в остальных тюркских языках рефлексы первого варианта, но в уйгурском в качестве дублетного вариантаа к *žit-* отмечено *žüt-*;

чув. *čəl-* 'щепать, лучить' < пратюрк. **til-* 'резать вдоль, полосками';

чув. *čən* 'привязь, ремень' < пратюрк. **tīn* id.;

чув. *čəndər* 'кружева' < пратюрк. **č'ilter* id.;

чув. *čə̊bə̊* (с огублением из-за соседства с губным согласным) 'птенец' < пратюрк. **č'i'pi-* id.;

чув. *čə̊bə̊t-* (с огублением из-за соседства с губным согласным) 'щипать' < пратюрк. **č'im(i)t-* id.;

чув. *čər- (-guśś-i)* 'колено' < пратюрк. **tīr* id.;

чув. *čərə* 'живой' < пратюрк. **tīriɣ* id.;

чув. *čərəp* 'еж' < пратюрк. вариант **t'ir'pi* наряду с **k'ir'pi* id.;

чув. *čədəre-* 'дрожать' < пратюрк. **t'i'tre-* id.;

чув. *šьk* 'моча' < пратюрк. **sīk* id., як. *īk;*

чув. *šъklъ* 'бородавка' < пратюрк. **siɣölə* ~ **si'kölə* id.;

чув. *šъ̊mъ̊* (с вторичной огубленностью рядом с *-m-*) 'кость' < пратюрк. **siŋök* id., **syŋoq* > як. *uŋuox*, чувашский может также отражать и второй вариант;

чув. *šъna* 'муха' < пратюрк. **siŋek* 'комар, мошка';

чув. *šъnъr* 'жила, сухожилие' < пратюрк. **siŋir* id.;

чув. *šъn-ъś-* 'впитываться' < пратюрк. **siŋ-* 'погружаться, впитываться';

чув. *šъ̊bъ̊r* (с вторичной огубленностью рядом с губным согласным) 'веник' < пратюрк. **si'pür-* 'мести';

чув. *šъr-* 'мочиться (анат.)' < пратюрк. **siδ-* id.;

чув. *šъrga* 'гнида' < пратюрк. **sir'ke* id.

Случаи с начальными *š-* и *č-* подробнее рассмотрены в первой части.

чув. *ələk* 'раньше' < пратюрк. **il'k(i)* 'раньше, впереди';

чув. *əne* 'корова' < пратюрк. **in(ɣ)ek* id., др.-уйг., МК *inyek*, огуз. **inek*, турк. *inek*, алт. (ойр.) *ijnek*, заднерядный вариант **yn(ɣ)aq* отражает якутский *ynax*, чувашский тоже может восходить к этому варианту;

чув. *əner* 'вчера', *ənərək* 'сумерки' < пратюрк. **iŋir* 'вечер, сумерки', огуз. **iŋir*, турк. *iŋrik*, аз. *ingir-az*, кирг. *iŋir*, алт. *iŋir*, хак. *ijir;*

чув. *əś* 'работа' < пратюрк. **īč́* id., огуз. **iš*, турк. *iš;*

чув. *əś-* 'пить' < пратюрк. **i'č́-* id., огуз. **ič-*, турк. *ič-*, як. *is-*;

чув. *ъš* 'внутри', *š-al* 'внутренняя сторона' < пратюрк. **i'č́* id., огуз. **ič-*, турк. *ič-*, як. *is-*.

Пратюркский **i* встретился в сочетании с **-v-* и после согласного перед гласным с отражением в чувашском как *-ə̊v-*. [**Tiv-V* > **Təv-* > *Tə̊v-V*].

чув. *šə̊vər* 'острый, остроконечный' < пратюрк. **sivri* id., огуз. **sivri*, тур., аз. *sivri*, турк. *süjri*, кыпч. **süjir*, алт. *sürü*, кирг. *sürü*, тув. *sür*, як. *üörbe* (< **sivir-mek* ?) 'острый, конусообразный'.

Примечательно, что оба случая с **-iv-*, **-yv-* представлены после **s-* (> чув. *š-*), и хотя простые **-i-*, **-y-* переходят в *-ъ-* в позиции рядом с *š*, именно в случаях с сочетаниями со звонким спирантом сохраняется передний сингармонистический ряд слова.

чув. *čə̊ven* 'на дыбы' с архаичным суффиксом творительного падежа < пратюрк. **č'iv (~ *-y)*, кыпч. **čiw*, башк. *sew* id., кыпчакский **-w* может происходить как из пратюркского **-v*, так из **-y*.

Засвидетельствованы начальные сочетания пратюркского **i* с **j*. Они в чувашском дают регулярный метатезированный вариант *jə-* перед согласным, а перед гласным второго слога *j-*, простой **i-* в анлауте не дает никакой протезы. [**#ijT-* > **əjT-* > *jəT-*].

чув. *jəge* 'веретено' < пратюрк. **ijik, *ijk-ek* id., огуз. **īk* из стяжения, турк. *īk*, но с сохранением **j*: МК *ijik*, узб. *jik*, кирг. *ijik*, ккалп. *ijik*, алт. *ijik*, шор. *īk;*

чув. *jənə* 'берлога' < пратюрк. **ijnə* 'нора, берлога, пещера', МК *jin*, огуз. **h/jīn*, турк. *hīn*, гаг. *jin*, узб. *hin*, кирг. *ijin*, як. *īn*, в других языках рано совпадает с **in*.

чув. *jər (jerr-i* < **jərə)* 'след' < пратюрк. **ijr̃ə* id., огуз. **(j)ɨz*, турк. *yz* с вторичным *y* вместо *y* перед *-z* (см. выше), гаг. *jiz*, караим. *jiz*, кумык. *hiz, hyz* в других языках отражение обычного гласного **i-*: тув. *is*, кирг. *iz* etc. Как можно заметить из примеров, **ij-* часто отражается как придыхание или *j-* перед гласным в огузских языках и соседнего ареала – кумыкском, узбекском, караимском.

Как и в случаях с **a, *u, *ü, *y*, пратюркский **i* дает «удлиненный» рефлекс (рефлекс гласного полного образования или сочетания типа **-ij-*) перед сильными смычными и так же, как для **a, *u, *y*, перед дентальным особый, еще более выраженный рефлекс *-iv-*, как сочетание **iy*. [**Ti'T* > **TijT* > *TiT*, **Ti't* > *Tiyt* > *TivT*].

чув. *śip* 'нить' < пратюрк. **ʒ́i'p* id., огуз. **jip*, турк. *jüp* с вторичной огубленностью гласного, аз., тур. *ip*, кыпч. **žip*, хак. *čəp*, кирг. *žip*, як. *sippe;*

чув. *śivžə* 'острый' < пратюрк. **ʒ́i'tiy* id., МК *jitig*, огуз. **jiti*, турк. *jiti*, уйг. *ištik* (sic!), тув. *či'diy*, як. *sytȳ;*

чув. *čik-* 'втыкать' < пратюрк. **t'i'k-* id., огуз. **tik-*, турк. *tik-*, аз. *tik-* 'строить', тув. *di'k-*, як. *tik-* 'втыкать, шить';

чув. *čige* 'крутой, отвесный' < **ti'k* id., огуз. **dik*, турк., аз. *dik;*

чув. *čige* 'мера длины – локоть' < пратюрк. **č́'i'ke-nek/*č́'yqa-naq* 'локоть (анат.)', тоф. *če'henek*, тув. *šehenek*, сюг. *či'kenek* из первого варианта, кыпч. **čyqanaq* etc. И, наверное:

чув. *śinźe* 'тонкий' < пратюрк. **ʒ́in'č́ye* id., др.-уйг., МК *jinčge*, огуз. **jinče*,

турк. *īnče* (долгота из-за ассимиляции *j-*, на что указывает глухость согласного), як. *siṅṅiges*, кыпч. **(ǯi)ničke*, хак. *nəske*, чул. *ćićke*, кирг. *ičke*, тув. *čiŋge*.

Аналогично вторичному внутричувашскому развитию **u, *ü* в **o, *ö* на определенном этапе перед следующим чув. $^{+}$*-r-* (< **r, *r̃, *δ*) в некоторых основах произошел исторический сдвиг пратюрк. **y, *i* к среднему подъему, *и гласные дали рефлексы -i- и -a-, соответствующие пратюрк. *ę и *e.* Причем из-за того, что в интервокале рефлексы исторически разнорядных **i* и **y* в чувашском не различались, рефлексы как бы гласных исторического переднего сингармонистического ряда появились в исторически заднерядных сингармонистических словах, с новым распределением *-i-* (рефлекс **ę*) – после велярных и увулярных, *-a-* (рефлекс **e*) в остальных случаях и даже после вторичного чувашского $^{+}$*j-*.

чув. *kir-ək* 'перхоть' < пратюрк. **k'ir* 'грязь на теле', огуз. **kir*, турк. *kir*, як. *kir*, тув. *xir;*

чув. *xir-* 'истреблять' < пратюрк. **qyr-* id., огуз. **qyr-*, турк. *qyr-*;

чув. *xir* 'поле, степь' < пратюрк. **q'yr* 'поверхность, степь', огуз. **qyr*, тур. *kyr*, тув. *xyr;*

чув. *xirl-ü* 'тетива' < пратюрк. **q'yryl/*k'irił* id., огуз. **kiriš*, турк. *kiriš*, як. *kyrys, kiris*, в чув. *-ü* вторая часть сложения < пратюрк. **ǯāj* 'лук';

чув. *jar-* (вместо $^{+}$*jъr-*) 'посылать' < пратюрк. **ȳδ-* id., як. *ȳt-*;

чув. *šarak* 'горький' < пратюрк. **sir'ke* 'уксус';

чув. *čar-* 'остановить' < пратюрк. **tȳδ-* id., огуз. **dyj-*, турк. *dyj-*;

чув. *čarak* 'подпорка' < пратюрк. **tīrekə* id., огуз. **dīrek;*

чув. *čavza* (< $^{+}$*čъrsy*) 'локоть' < пратюрк. **t'irs(y)ek* id.

Сюда примыкают пара случаев перед *-m-*:

чув. *śamga* 'пригорок' < **ć'imken* 'луг, лужайка', др.-уйг., МК *čimgen* (= *čimken*);

чув. *śemźe* (с переходом *-a- > -e-* между двух *ś*) 'мягкий' < пратюрк. **ǯymyłćaq* id., орх. рун. *jymšaq*, як. *symna-yas*, огуз. **jumšaq* etc.

Пратюркский *ę закрытый. Уже В.Томсен в древнетюркском языке подметил разницу между *e* и *ę*, из которых закрытый *ę* имел в енисейских памятниках специальное обозначение и встречался в словах *ęki* 'два', *ęl* 'племенной союз', *ęš* 'товарищ', *ęt-* 'делать', *bęl* 'пояс, талия', *bęš* 'пять', *jęti* 'семь', *jętmiš* 'семьдесят' (*Tomsen V.* Une lettre ménconnue // JSFOu, 30, 9). После этого Н.Н.Поппе (Поп.ЧЯ) предположил, что чувашский и азербайджанский языки во многих гомогенных словах демонстрируют первоначальный закрытый *ę*. Эту идею принял Д.Немет (К вопросу о закрытом тюркском *e* // Исследования венгерских ученых по чувашскому языку. Чебоксары, 1986), но считал, что восстанавливать *ę* надо в основном на материале огузских языков и данных средневековых памятников, хотя, по возможности следует привлекать чувашский и якутский языки. Примерно такой же точки зрения придерживались М. Рясянен (Ряс.Мат. 79) и К.Томсен (*Thomsen K.* The closed *"ę"* in Turkish // AOH XXII, 150–153). Полностью отверг

закрытый *ẹ* А.М.Щербак (Щербак 1970, 30–33), заявив, что он нашел распределение азербайджанского закрытого и открытого *e* (*e* ~ *ɛ*), по которому *e* восходит к долгому, а *ɛ* к краткому гласному. А.М. Щербак полностью игнорировал данные чувашского и якутского языков, находя причину возникновения долгого **ē* «в своеобразии его фонетической репрезентации». Распределение, выдвинутое А.М.Щербаком, не подтверждается материалом языков, различающих долготы.

Прежде чем рассматривать развитие закрытых гласных, необходимо отметить, что между огузскими языками, особенно азербайджанским, хорезмско-тюркским и туркменским, устанавливаются хорошие соответствия, из которых явствует, что противопоставление открытых и закрытых гласных в основной массе случаев релевантно только для долгих **ē* и **ẹ̄*. Закрытый *e [ẹ]*, отмечаемый в азербайджанском и хорезмско-тюркском, в большинстве случаев явно вторичен. Соответствия огузских **ẹ̄*, **ē*, **e* таковы[48]:

огуз. **ẹ̄* – аз. *e;* хор. *e*, *ē;* турк. *ī;*

огуз. **ē* – аз. основной рефлекс *ɛ*/перед *-j* (< огуз. **-j* < пратюрк. **j*, **δ*, но перехода перед *-j* < огуз. **-g* не происходит), шипящими *-ǯ*, *-š*, а также после *j*– *e;* хор. основной рефлекс *ɛ*/перед *-j* (< огуз. **-j* < пратюрк. **j*, **δ*, огуз. **-g)*, шипящими *-č*, *-ǯ*, *-š* и после *j*- – *e;* турк. *ɛ̄;*

огуз. **e* – аз. основной рефлекс *ɛ*/перед *-j* (< огуз. **-j* < пратюрк. **j*, **δ*, но перехода перед *-j* < огуз. **-g* не происходит), шипящими *-ǯ*, *-š* и *-v* (sic!, указание на палатальное произношение этого согласного в переднем ряду), а также после *j-*, *v*– *e;* хор. основной рефлекс *ɛ*/перед *-j* (< огуз. **-j* < пратюрк. **j*, **δ*, огуз. **-g)*, шипящими *-č*, *-ǯ*, *-š* и после *j*- – *e;* турк. *e* . Нетрудно заметить, что для последних двух случаев в азербайджанском и хорезмско-тюркском одинаковые рефлексы вне зависимости от долготы. Ниже даны примеры с закрытыми и открытыми гласными в огузских языках. Единичные туркменские примеры без азербайджанских или хорезмско-тюркских соответствий не приведены.

Огузский **ẹ̄*:

аз. *bel*, хор. *bel*, турк. *bīl* 'пояс';

аз. *bez*, хор. *bēz*, турк. *bīz* 'бязь';

аз. *de-*, хор. *dɛ-*/*dej-*, турк. *dī-* 'говорить';

аз. *el*, хор. *el*, турк. *īl* 'народ, племя';

аз. *en*, турк. *īn* 'ширина';

аз. *en-*, хор. *in-*, турк. *īn-* 'спуститься' (в этом корне можно реконструировать **ī-*, корень контаминируется с **eŋ-* с похожим значением);

аз. *er*, хор. *ēr*, турк. *īr* 'рано';

аз. *eš*, хор. *ēš* 'пара' (в хорезмско-тюркском на месте огуз. открытого **ē* не бывает долготы);

аз. *eš-*, хор. *eš-*, турк. *īš-* 'закрутить';

аз. *je-*, хор. *je-*, турк. *ij-* (<*+jī-*) 'есть, кушать';

[48] См. также СИГТЯ 2002, 37–42.

аз. *jedɛk* 'буксир', турк. *īt-* 'тянуть' (< огуз. **jēd-*);

аз. *jemiš*, турк. *ijmiš (<* $^{+}$*jīmiš)* 'фрукт';

аз. *geǯ*, хор. *geč, gēč*, турк. *gīč* 'поздно';

аз. *gen*, турк. *gīŋ* 'широкий';

аз. *sez-* 'почувствовать' (несмотря на отсутствие туркменского соответствия, азербайджанский однозначно указывает на огуз. **sēz-*);

аз. *tel* 'волосок, струна, проволока', турк. *til* (с вторичным сокращением гласного, но с сохранением качества);

хор. *ter-*, турк. *tīr-* 'собирать';

аз. *tez*, хор. *tez, tēz*, турк. *tīz* 'быстро'; возможно, в эту группу входят аз. *ešik*, хор. *ešik*, турк. *išik* (сокращение из $^{+}$*īšik* ?) 'дверь'.

Огузский **ē*:

аз. *beš*, хор. *beš(š)*, турк. *bēš* 'пять';

аз. *bɛz, vɛz*, турк. *mēz* 'железá, рана';

аз. *dɛli*, турк. *dēli* 'сумасшедший';

хор. *ɛdik*, турк. *ēdik* 'сапог';

аз. *ɛr*, хор. *ɛr*, турк. *ēr* 'муж';

аз. *gɛjir-*, турк. *gēgir-* 'рыгать';

аз. *gɛmi*, хор. *gɛmɛ*, турк. *gēmi* 'корабль';

аз. *kɛkil*, турк. *kēkil* 'хохол';

аз. *kɛtmɛn*, хор. *gɛtmɛn*, турк. *kētmen* 'кетмень';

аз. *tɛk*, турк. *tēk* 'одинокий';

аз. *tɛmiz*, турк. *tēmiz* 'чистый'.

Огузский **e:*

а) перед *-j* и *-v*:

аз. *bɛj*, хор. *bej* 'бей, бег' (< огуз. **beg*);

аз. *bejin*, хор. *mejin*, турк. *bejni* 'мозг';

аз. *čevir-*, (турк. *čövür-*) 'повернуть';

аз. *dɛj-*, хор. *dej-*, турк. *deg-* 'трогать';

аз. *dɛjirman*, хор. *dejirmɛn*, турк. *degirmen* 'мельница';

аз. *devir-* 'опрокинуть';

аз. *ɛj-*, турк. *eg-* 'гнуть';

аз. *ɛjil-*, хор. *ɛŋil-*, турк. *egil-* 'нагнуться' (< огуз. **egil-/*eŋil-*);

аз. *ejin*, хор. *ejin, ejin*, турк. *īn* 'плечо', в турк. вторичное стяжение огуз. **eg(i)n;*

аз. *ɛjir-*, хор. *ɛgir-, ɛjir-* 'прясть';

аз. *ɛjlɛ-*, хор. *ejlɛ-, ɛjlɛ-* 'остановить' (< огуз. **egle-*);

аз. *ɛjri*, хор. *ɛjri*, турк. *egri* 'кривой';

аз. *jijɛ* (< $^{+}$*ɛjɛ*), хор. *ejɛ* 'хозяин';

аз. *jɛhɛr* (< $^{+}$*ejhɛr*), хор. *ejɛr*, турк. *ejer* 'седло' (< огуз. **ejher* < пратюрк. **eðŋer*), в аз. перед $^{+}$*-jh-* развитие гласного было как перед огуз. **-g-*;

аз. *ev*, (хор. *öj*, турк. *öj*) 'дом';

аз. *gej-*, хор. *gij-* (< $^{+}$*gej-*), турк. *gej-* 'надеть';

аз. *get-*, хор. *get-*, *git-*, турк. *git-* 'уходить' (< огуз. **gejt-*, ср. чув. *kajt-*);

хор. *kejik*, турк. *kejik* ‘олень’;
аз. *sejrɛk*, турк. *sejrek* ‘редкий’;
аз. *sev-*, (хор. *söw-*, турк. *söv-*) ‘любить’;

б) перед шипящими:

хор. *češ-* ‘раздеться’;
аз. *dešik*, (хор. *döšik*), турк. *dešik* ‘дыра’;
аз. *eš-* ‘рыть’, хор. *eškɛk* ‘лопата’;
аз. *ešɛk*, хор. *ešɛk*, турк. *ešek* ‘осел’;
аз. *ešit-*, турк. *ešit-* ‘слушать’;
аз. *keč-*, хор. *geč-*, турк. *geč-* ‘перейти’;
аз. *kečɛ*, турк. *keče* ‘войлок’;
аз. *kečі*, хор. *gečči*, турк. *geči* ‘козел’;
аз. *seč-* ‘выбирать зерна’, турк. *seč-* ‘разбрасывать’;

в) после *j-* и азербайджанского *v-* :

аз. *jeddi*, хор. *jeddi*, турк. *jedi* ‘семь’;
аз. *jel*, турк. *jel* ‘ветер’;
аз. *jelin*, турк. *jelin* ‘вымя’;
аз. *jelkɛ* ‘челка’;
аз. *jenɛ*, хор. *jenɛ, henɛ*, турк. *jene* ‘опять’;
аз. *jeni*, (хор. *jaŋa*) ‘новый’;
аз. *jengɛ*, хор. *jeŋŋɛ*, турк. *jeŋŋe* ‘жена брата’;
аз. *jer*, турк. *jer* ‘земля’;
аз. *jeri-*, ? хор. *jɛr-* ‘ходить’;
аз. *jet-*, хор. *jet-*, турк. *jet-* ‘достичь’;
хор. *ješ-* ‘снимать’;
аз. *jeznɛ* ‘зять’;
аз. *ver-*, хор. *bɛr-*, турк. *ber-* ‘дать’;

г) в остальных случаях:

аз. *bɛlɛk* ‘пленка’;
аз. *bɛlkɛ*, хор. *bɛlki*, турк. *belki* ‘авось’;
аз. *bɛniz*, турк. *meŋiz* ‘лицо’;
аз. *bɛrk*, турк. *berk* ‘твердый’;
аз. *čɛk-*, турк. *ček-* ‘тянуть’;
аз. *čɛmɛn*, турк. *čemen* ‘луг’;
аз. *čɛnɛ* ‘скула’;
аз. *čɛtɛn*, турк. *četen* ‘плетень’;
аз. *dɛlik* ‘дыра’;
аз. *dɛmir*, хор. *dɛmir*, турк. *demir* ‘железо’;
аз. *dɛniz*, турк. *deŋiz* ‘море’;
хор. *dɛrɛk*, турк. *derek* ‘тополь’;
аз. *dɛri*, турк. *deri* ‘кожа’;
аз. *dɛrin*, турк. *derīŋ* ‘глубокий’;
хор. *dɛp-*, турк. *dep-* ‘лягать’;
аз. *ɛk-*, хор. *ɛk-*, турк. *ek-* ‘сеять’;

аз. *ɛkiz*, хор. *ɛkīz*, турк. *ekiz* ‘двойня’;
аз. *ɛl*, хор. *ɛl*, турк. *el* ‘кисть руки’;
аз. *ɛlɛk*, хор. *ɛlɛk*, турк. *elek* ‘сито’;
аз. *ɛlli*, хор. *ɛlli*, турк. *elli* ‘пятьдесят’;
аз. *ɛm-*, хор. *ɛm-*, турк. *em-* ‘сосать’;
аз. *ɛmɛk*, хор. *ɛmgɛk*, турк. *emgek* ‘труд’;
аз. *ɛng*, хор. *ɛŋɛk, ɛŋɛk*, турк. *eŋek* ‘челюсть’;
аз. *ɛri-*, турк. *ere-* ‘таять’;
аз. *ɛrik*, хор. *ɛrik*, турк. *erik* ‘абрикос’;
аз. *ɛrin-*, хор. *ɛrin-*, (турк. *irin-* < кыпч.) ‘лениться’;
аз. *ɛskik* ‘неполный’, турк. *eksil-* ‘не хватать’;
аз. *ɛt*, хор. *ɛt*, турк. *et* ‘мясо’;
аз. *ɛtɛk*, турк. *etek* ‘пола, подол’;
аз. *ɛz-*, турк. *ez-* ‘мять’;
аз. *gɛl-*, хор. *gɛl-/gɛj-*, турк. *gel-* ‘прийти’;
аз. *gɛlin*, хор. *gɛlīn*, турк. *gelīn* ‘невеста’;
аз. *gɛmir-*, турк. *gemir-* ‘грызть’;
аз. *genǯ*, хор. *gɛnǯɛ* ‘молодой’;
аз. *gɛr-*, хор. *gɛr-*, турк. *ger-* ‘пялить’;
аз. *gɛrɛk*, турк. *gerek* ‘надо’;
аз. *gɛtir-*, турк. *getir-* ‘принести’;
аз. *gɛz-*, хор. *gɛz-*, турк. *gez-* ‘гулять’;
аз. *kɛkɛ*, турк. *kekeč* ‘заика’;
аз. *kɛnzik* ‘носоглотка’, хор. *kɛŋširik* ‘переносица’, турк. *kentlevük* ‘нёбо’;
хор. *kɛp-*, *kep-*, турк. *kep-* ‘сушиться’;
аз. *kɛpɛk*, хор. *kɛpɛk, kepɛk*, турк. *kepek* ‘отруби’;
аз. *kɛpɛnɛk*, хор. *gɛwɛlɛk* ‘бабочка’;
аз. *kɛrpiǯ*, хор. *kɛrbič*, турк. *kɛrpič* ‘кирпич’;
аз. *kɛs-*, хор. *kɛs-, kes-* турк. *kes-* ‘резать’;
аз. *sɛk-*, турк. *sek-* ‘семенить’;
аз. *sɛkkiz*, хор. *sɛkkiz*, турк. *sekiz* ‘восемь’;
аз. *sɛn*, хор. *sɛn*, турк. *sen* ‘ты’;
аз. *sɛp-*, хор. *sɛp-*, турк. *sep-* ‘брызгать’;
аз. *sɛr-*, турк. *ser-* ‘стелить’;
аз. *sɛrčɛ*, турк. *serče* ‘воробей’;
аз. *sɛrin*, турк. *serin* ‘прохлада’;
аз. *sɛs*, турк. *ses* ‘голос’;
аз. *tɛkɛ*, хор. *tɛkɛ*, турк. *teke* ‘козел’;
аз. *tɛmɛnɛ, tɛbɛnɛ*, хор. *tɛmɛn*, турк. *temen* ‘большая игла’;
аз. *tɛn*, (хор. *deŋ* < турк.), турк. *deŋ* ‘равный’;
хор. *tɛŋŋɛ*, турк. *teŋŋe* ‘деньги’;
аз. *tɛp-*, хор. *dɛp-*, турк. *dep-* ‘пинать’;
аз. *tɛpɛ*, хор. *dɛpɛ*, турк. *depe* ‘темя’;
аз. *tɛr*, хор. *tɛr*, турк. *ter* ‘молодой’;

аз. *tɛr*, турк. *der* 'пот';

аз. *tɛrs*, турк. *ters* 'наоборот';

аз. *tɛs*, турк. *ders* 'помёт'.

В четырех словах, приведенных ниже, произошло сокращение долгого закрытого огуз. **ę̄* в туркменском:

аз. *bez-* 'надоесть', хор. *bez* 'бесстыдный' (< **bę̄z-*), турк. *bez-* (< **bez-*) 'надоесть';

хор. *erik* (< **ę̄rik*), турк. *erk* (< **er(i)k*) 'воля';

аз. *erkɛk* (< **ę̄rkek*), турк. *erkek* (< **erkek*) 'самец';

аз. *ed-*, хор. *et* (< **ę̄d-*), турк. *et-* 'делать' (как бы < **et-*), но турк. *edil-* (!) 'быть сделанным' с озвончением после исконного долгого (ср. также тув. *et-* без фарингализации). Колебание долгих огуз. **ē* ~ **ę̄* представлено в слове аз. *ɛjɛ*, хор. *ejɛw*, турк. *īge* 'напильник' (огуз. **ēge-* ~ **ę̄ge-*). Итак, практически без исключений, регулярные соответствия между азербайджанским, хорезмско-тюркским и туркменским позволяют реконструировать для огузской ветви троичное противопоставление **ę̄* ~ **ē* ~ **e*.

Фактически кроме огузских, противопоставление на большом языковом материале для пратюркских нейтрального (открытого) **e* и закрытого **ę* обнаруживается только в якутском и чувашском, в них пратюркский **ę* представлен *i*-образными рефлексами. Данные памятников, написанных арабицей, отражают различные диалекты и довольно фрагментарны, а кроме того, из-за несовершенства арабской графики позволяют двусмысленно трактовать написание через «йод» – то как простой *e* (отсутствующий в арабском), то как закрытый *ę*. Несомненно, материал арабографических памятников нуждается в дополнительном орфографическом и филологическом изучении. Современный уйгурский язык имеет вторичное противопоставление в открытом слоге *e* и *ɛ*, связанное с наличием или отсутствием во втором слоге этимологического **-i-*, в непервых слогах *e* не встречается и зависит от структуры слога – в закрытом *-i-*, в открытом *-ɛ-* (см. Щербак 1970, 30).

Анализ материала, в первую очередь чувашского, якутского и огузских языков, показывает, что огузское противопоставление **ę̄* и **ē* во многих случаях не отражает исходной пратюркской ситуации, противореча чувашским и якутским данным. При пратюркском открытом **ē*, т.е. в тех случаях, когда в чувашском рефлекс – *a*, а в якутском – *ie* (иногда с сокращением в *-e-* в многосложных основах), в огузских языках представлены **ē* и **ę̄*. Закрытый гласный в огузском появляется перед огузскими мягкими шипящими, **n, *l* (которые произносились палатально в переднем ряду, фактически такая норма и теперь отмечена для туркменского) и **z* (!). Перед губными, дентальными, велярными шумными смычными, перед **v, *ŋ, *r* и др. нормальным соответствием является **ē*:

огуз. **ēdik* 'сапог' ~ чув. *adъ* < пратюрк. **ēdük* id.;

огуз. **ēŋ* 'челюсть' ~ чув. *ana*, (як. *iŋ* вторично ?) < пратюрк. **ēŋ(-ek)* id.;

огуз. **ēpet* усилительная частица ~ як. *ebit-* < **ēpʌt-*;

огуз. **ēr* 'муж' ~ чув. *ar*, як. *er* < пратюрк. **ēr* id.;

огуз. **ēv-* 'быть расторопным' ~ чув. *avъk* 'порывистый' < пратюрк. **ēv-(ükə);*

огуз. *gēb* 'вид, форма' ~ чув. *kap*, як. *kiep* < пратюрк. **kēp* id.;

огуз. *gēbe* 'надутый' ~ чув. *kaplaj* 'щеголь', як. *kiebir-* 'важничать' < пратюрк. **kēp-*;

огуз. *gēd-* 'отломить, отколоть' ~ чув. *kat-* 'колоть, рубить' < пратюрк. **kēt-*;

огуз. *gēviš* 'жвачка' ~ чув. *kavĺ-e-* 'жевать', як. *kebī-* 'жевать' < пратюрк. **kēvür*;

огуз. **kēgir-* 'блевать' ~ чув. *kagъr-*, як. *kegirt-* < пратюрк. **k'ēkir-*;

огуз. **kēklik* 'куропатка' ~ чув. *kaklat-* 'гоготать' < пратюрк. **k'ē'klʌ-*;

огуз. *kētmen* 'мотыга' ~ чув. *katmak* < пратюрк. **k'etmen.*

Варианты с закрытым огузским гласным:

огуз. **ēn* 'ширина' ~ чув. *an*, як. *ien* < пратюрк **ēn;*

огуз. **ēnǰi* 'подарок' ~ як. *eńńe* < пратюрк. **ēnć'i;*

огуз. **ēn-* ~ **eŋ-* 'спускаться' ~ чув. *an-*, як. *eŋi-* < пратюрк. **ēn-, *ēŋi-*;

огуз. **ēš-* 'копать' ~ чув. *alt-* 'копать, грести' < пратюрк. **ēł-t-*;

огуз. **ēšik* 'дверь' ~ чув. *alъk, algъ* < пратюрк. **ēł(i)kə;*

огуз. **gēǰ* 'поздно' ~ чув. *kaś*, як. *kiese* < пратюрк. **kēć;*

огуз. **tēl* 'волосок, струна' ~ чув. *tal* 'пучок нитей' < пратюрк. **t'ēl;*

огуз. **tēz* 'быстро' ~ чув. *tar-* 'убегать', як. *tesī* 'быстрый' < пратюрк. **t'ēr-*.

В огузских произошло сужение пратюркского **ē-* и в глагольных односложных основах вида **TV-*:

огуз. **jē-* 'есть' ~ чув. *śi-* (в чув. закономерный переход открытого **-ē-* в *-i-* после пратюрк. **ǯ- > ś-*), як. *sie-* < пратюрк. **ǯē-* id.;

огуз. **dē-* 'говорить, сказать' ~ чув. *te-*, як. *die-* < пратюрк. **tē-*.

В нескольких словах наблюдается внутриогузское колебание **ē* ~ **ę* при упрощении пратюркских сочетаний **ej, *eɣ*:

огуз. **egin* ~ **ēn* (турк.) 'плечо' ~ чув. *a(v)n* < пратюрк. **eɣ(i)n;*

огуз. **get-* ~ **git-* 'уходить' ~ чув. *kajt-* < пратюрк. **kejt-*;

огуз. **jēd-* 'вести' ~ чув. *śavъt-* < пратюрк. **ǯeɣt-*;

огуз. **jēŋ* 'рукав' ~ чув. *śa(v)nъ*, як. *siex* < пратюрк. **ǯēɣŋə.*

Различение пратюркских **ę* и **e* из современных языков фактически сохраняют только чувашский и якутский, т.е. языки, раньше всех отделившиеся от остальных и не подвергшиеся общетюркской (кыпчако-карлукско-сибирской и отчасти огузской) инновации, приведшей к совпадению **ę* и **e* в одном гласном. На месте пратюркского **ę*, как долгого, так и краткого, чувашский имеет *i* (в сев.-зап. малокарач. в таких случаях встречается *ę*, который не бывает в случаях общечувашского *i* из других гласных), а якутский – *i/ī*, но рядом с велярным *k* (из **k, *k'*) в прикрытой позиции – *-e-*, что является единственной инновацией в якутском. Расширение **ę* в таких позициях произошло явно под воздействием *k*, имеющего заднеязычный ряд образования. Огузский материал, как и при пратюркском **ē*, имеет дробление рефлексов. На этот раз кроме случаев перед следующими огузскими мягкими шипящими, **n, *l*, **z* огузский имеет закрытый **ē* также перед дентальными **d, *r* и **ŋ* (который, возможно, трактовался как бифонемное сочетание

-ng-). Данное распределение подтверждается следующими огузскими примерами в **bę̄ɬćük* 'колыбель', **bę̄ɬk* 'поясница', **bę̃r̃-* 'испытывать отвращение', **ę̄ńćik* 'голень'[49], **ę̄r* 'рано', **ę̃rk* 'мощь', **ę̃rkek* 'самец', **ę̄t-* 'делать', **gę̄ŋ* 'широкий' (при як. *kieŋ* с регулярным расширением **ę̄* > **ē* после *k-*), **ǵę̃r-* 'испытывать отвращение', **sę̃r̃-* 'чувствовать'. Открытый гласный отмечен только перед велярными шумными смычными и губным **m* (случаи перед **p* и **v* не обнаружены для пратюркского), см. в словах **ćę̄kə* 'граница', **gę̄mi* 'корабль', **sę̄k-* 'прыгать (на)'. Таким образом, получается, что пратюркский закрытый **ę̄* открывался в огузских только перед губными и велярными шумными (ср. в як. **ę* > *e* рядом с *k*) и пратюркское противопоставление **e* ~ **ę* в чистом виде сохранялось только перед несмягченными огузскими **d, *r* и **ŋ* [**ę* > *i*].

чув. *ikkə, igə* 'два', як. *ikki*, огуз. **eki, *iki* < пратюрк. **ę'k(k)i;*

чув. *ilt-*, сев.-зап. (малокарач.) *ęlt-* 'слышать', як. *isit-*, огуз. **ešit-*, но тур. *išit-* < пратюрк. **ęɬ-it-*;

як. *ińńiex* 'голень', огуз. **ę̄nǰik* < пратюрк. **ę̄ńćik*;

чув. *ir* 'рано', (як. *erde* < монг.), огуз. **ę̄r* < пратюрк. **ę̄r;*

чув. *ir-* 'мять', огуз. **ez-* < пратюрк. **ęr̃-*;

як. *irgex* 'самец', огуз. **ę̃rkek* ~ **erkek* < пратюрк. **ę̄rkek*;

чув. *ir-ź́ə* 'скорняк', як. *īt-* 'заквасить', огуз. **ej-* (турк. *ej* 'кислое молоко для дубления', аз. *ɛjmɛ* 'бурдюк с простоквашей' < пратюрк. **ēδ-* 'квасить, дубить шкуру';

чув. *irt-*, сев.-зап. (малокарач.) *ęrt-* 'проходить, миновать' < пратюрк. **ęrt-*;

чув. *irək* 'мощь', огуз. *ę̃rk* ~ **erk* < пратюрк. **ę̃rk;*

чув. *irə-* 'таять', як. *ir-*, огуз. **eri-* < пратюрк. **erü-*;

чув. сев.-зап. (малокарач.) *ęt-* 'делать', огуз. **ę̄d-* ~ **ed-* < пратюрк. **ę̄t-*;

чув. *kil-* 'прийти', як. *kel-*, огуз. *gel-* < пратюрк. **kęl-*;

чув. *kilə* 'ступка', як. *kelī*, ср. сиб.-тат. (тюмен.) *kejli* (!) < пратюрк. **k(')ęli(ɣ)* ~ **k(')ęjli(ɣ);*

чув. *kimə* 'судно, лодка', огуз. **gēmi* < пратюрк. **kę̄mi;*

чув. *kiməl-* 'убывать', як. *kemńi* 'скудный' < пратюрк. **kęm* 'недостаток' (МК *kem* 'болезнь');

чув. *kin* 'невестка', як. *kyǰȳt, kińńīt*, огуз. **gelin* < пратюрк. **kęl(i)n;*

чув. *kirlə*, сев.-зап. (малокарач.) *kęrlə* 'нужно, надо', як. *kerex*, огуз. **gerek* < пратюрк. **kęrɣek, *kęrilə;*

чув. *kivźen* 'долг', булг. > венг. *kölcsön*, як. *kesī* 'гостинец, маленький подарок' (МК *kevšeŋ* 'подарок на празднике урожая') < пратюрк. **k(')ęvütć-en;*

чув. *mine, mimə* 'мозг', як. *mejī*, огуз. **bejni* < пратюрк. **bęńŋi.* В чувашском, возможно, вторичный рефлекс **ę* из-за пратюркского сочетания **-ńŋ-*, однако в любом случае здесь рефлекс закрытого гласного, а не обычного *-aj-*, как в *kajt-* 'уходить' < **kejt-*;

---

[49] Но чув. *at-* 'делать'. – *Прим. ред.*

чув. *pilək* 'поясница', як. *bīl*, огуз. **bę̄l* < пратюрк. **bę̄lk;*

чув. *pir* 'ткань', огуз. *bęz* 'бязь', МК *bertü* 'жакет', *bertü-len-* 'носить жакет' < пратюрк. **bę̄r̃* ~ **bę̄rtü;*

як. *biskī-* 'испытывать отвращение', огуз. **bęz-* ~ **bez-* < пратюрк. **bę̄r̃-;*

булг. > венг. *bölcső* 'колыбель' (< *+bülčǖ* со вторичной огубленностью первого гласного высокого подъема), як. *bisik*, огуз. **bę̄šik* < пратюрк. **bę̄ťčük;*

чув. *sik-*, сев.-зап. (малокарач.) *sęk-* 'прыгать, скакать', як. *ek-kirē-* (с учащательным суффиксом), огуз. **sēk-* < пратюрк. **sę̄k-;*

чув. *sirbət-* 'орошать', огуз. **serp-* 'брызгать(ся)' < пратюрк. **sęrp-;*

чув. *śilə* 'вымя', як. *silin, sirin, siṅńˊ-*, огуз. **jelin* < пратюрк. **ǯ̨el(i)nˊ;*

чув. *śiləm* 'клей', як. *silim*, огуз. **jelim* < пратюрк. **ǯ̨elim;*

чув. *śiməśˊ* 'фрукт', булг. > венг. *gyümölcs*, огуз. **jēmiš* < пратюрк. **ǯ̨ēmiťčˊ* (контаминируется с **ǯ̨ē-* 'есть' по языкам);

чув. *śər* 'земля' (со вторичным сокращением *-i-* в *-ə-* вместо ожидаемого *+śir*), як. *sir*, огуз. **jer* < пратюрк. **ǯ̨er;*

як. *sir-* 'гнушаться', огуз. **jēr-* 'испытывать отвращение' < пратюрк. **ǯ̨ēr-;*

чув. *śirəm*, сев.-зап. (малокарач.) *śęrəm* 'двадцать' (< *+śęvrəm*), як. *sürbe* (<*+sīrüme*), огуз. **jiγrimi* (тув. *čērbe*) < пратюрк. **ǯ̨eγrimi* ~ **ǯ̨eγrümi;*

чув. *śit-* 'достичь', як. *sit-*, огуз. **jet-* < пратюрк. **ǯ̨e't-;*

чув. *timər*, сев.-зап. (малокарач.) *tęmər* 'железо', як. *timir*, огуз. **demir* < пратюрк. **tęmür* (> уйг. *tömür*);

чув. (*tar*), верхов., сев.-зап. *tęr* 'пот', як. *tirit-* 'потеть', огуз. **der* < пратюрк. **tęr;*

чув. *tirek* 'тополь', як. *tirex*, огуз. **derek* < пратюрк. **terekə;*

чув. *tirə*, сев.-зап. (малокарач.) *tęrə* 'шкура', як. *tirī*, огуз. **deri* < пратюрк. **tęri;*

чув. *tirəs* 'наоборот', (як. *töttörü* < **tesrü*), огуз. **ters* < пратюрк. **t'ęrs;*

чув. *tires, tisləkˊ* 'кизяк, помет', огуз. **te(r)s* < пратюрк. **t'ęr̃s-ek;*

чув. *tiv-* 'трогать, касаться', як. *tīj-*, огуз. **deγ-* < пратюрк. **tęγ-;*

чув. *čigə* 'межа', огуз. **čēg* 'межа, граница' < пратюрк. **cˊ'ę̄kə;*

чув. *čigə* 'висок', огуз. **čegge* < пратюрк. **cˊ'ękke;*

чув. *čir*, сев.-зап. (малокарач.) *čęr* 'болезнь, недуг', огуз. **čer* < пратюрк. **cˊ'ęr* и др. (см. EDAL).

Анлаутный **ę* перед ранним чувашским *+-j* закономерно дает *+#ij-* и дальше соответственно развивается в *jəT-* в закрытом слоге и *+əjV- > jV* в открытом слоге [**#ęJT- > +ijT ~ +əjT > jəT-*; **ęJ-V- > +ij-V > +əj-V- > j-V*]:

чув. *jer-* 'следовать, приставать', огуз. **ejer-* < пратюрк. **ęδer-;*

чув. *jəner* 'седло', огуз. **ejher* < пратюрк. **ęδŋer.*

Пратюркский гласный **ę* был верхне-среднего подъема, что, во-первых, привело к переходу **ę > i* в якутском и чувашском, а во-вторых, пратюркский **ę* повлиял на предыдущий пратюркский **cˊ'-* точно таким же образом, что и пратюркский **i*, т.е. в этих случаях представлены «палатализованные» рефлексы аффрикаты, а именно *č-* (**cˊ'i- > čə-*, **cˊ'ę- > či-*, при другом гласном **cˊ'V- > śˊV-*). Возможно, после аффрикаты, которая сама по себе имела палатальную артикуляцию, произношение **ę* на раннем этапе развития чу-

вашского приближалось к дифтонгу [*je*], и первый нефонематичный элемент дифтонга [*j*-] вызывал развитие аффрикаты, аналогичное развитию аффрикат в позиции перед **i*. Этот гласный имеет хорошие праалтайские параллели и не сводим с нейтральным **e* (см. EDAL, Introduction, v. I).

Пратюркский **ẹ̊ огубленный*. Кроме закрытого **ẹ* в пратюркском, вероятно, существовал и огубленный **ẹ̊*, дававший в чувашском и отчасти в огузском особые рефлексы. Этот гласный довольно часто встречается перед **-ü-* следующего слога и губными согласными, что может указывать на вторичность его появления в некоторых позициях. Однако в части основ наличие **ẹ̊* невозможно объяснить из пратюркской фонотактики, а кроме того, существуют случаи, когда перед **-ü-* второго слога и перед губными согласными представлены **e* или **ẹ*, а не огубленный **ẹ̊*, что позволяет трактовать **ẹ̊* как особую фонему в пратюркском, имевшую ограниченную дистрибуцию[50].

В чувашском после согласных **Tẹ̊-* дал *-ü-* (сев.-зап. малокарач. также *-ö-*), перед носовым согласным происходило сокращение, затронувшее и часть других гласных и **TẹN- > TəN-*, а в случаях после велярных **KẹN- > KъN-*, такое развитие полностью аналогично пратюркскому **ö*. Контекст **Tẹ̊l- > Til-*, т. е. аналогично **Tẹl-*, а не в **Tül-*. В начальной позиции также представлены огубленные рефлексы *#ü-* (сев.-зап. малокарач. также *-ö-*), перед носовым – *#əN-*, в данном контексте отличие от развития пратюркского **#ö-* заключается в отсутствии «протезы» *v-* в чувашском. В якутском **e* и **ẹ̊* совпали довольно рано и никак не различаются. В огузских же языках огубленный **ẹ̊* давал открытый огузский **ē* даже в тех случаях, где пратюркский **ē* переходил в огузский закрытый **ẹ̄*, т.е. перед огузскими шипящими и **n, *l*, и, таким образом, огузское развитие поддерживает реконструкцию пратюркского **ẹ̊* [**TẹT- > *TöT- > TüT- (~ TöT-); *TẹN- > *TöN- > TəN-; *KẹN- > *KöN- > *KoN- > KъN-; *Tẹ̊l- > *Töjl- > Til-; *#ẹ̊T- > *öT > üT (~ öT); *#ẹ̊N- > *öN- > əN-*]:

чув. *kъmъrga* 'печка', алт. *kemege* 'яма для раскладывания огня' < пратюрк. **k('ẹ̊me(r)ke;*

чув. *kъmъržъk* 'хрящ', огуз. **kemirǰek* < пратюрк. **k'ẹ̊mür-čekə;*

чув. *pilək* 'пять', як. **bies*, огуз. *bēš* < пратюрк. **bẹ̊ẽ̄k;*

чув. *pür* 'гной', огуз. **mēz* 'железá, язва' < пратюрк. **bẹ̊ẽ̄r̃;*

чув. *sürə-l-* 'остывать', огуз. **serin* 'прохладный', уйг. *sörün* < пратюрк. **sẹ̊rü-n;*

---

[50] Мы не вводим эту фонему в результирующую фонологическую систему в силу ее крайней сомнительности. В сущности, она постулируется ради а) нескольких случаев огубленности узкого рефлекса *ẹ* в чув., вероятно, позиционных; б) объяснения огуз. **bāš* 'пять', **māz* 'железа', **dāli* 'безумный', не согласующихся с постулированным ранее и также чрезвычайно сомнительным распределением долгих узких и широких в огузском. Заметим, что даже такой ход оставляет необъясненными огуз. **ẹ̄t-* 'делать' (при чув. *at-* 'делать') и огуз. **tẹ̄r-* 'собирать' (при як. *tär-ij-* 'собирать'). См. иное объяснение противопоставления огуз. **ẹ̄* и **ā* в СИГТЯ 2002, 37–42. – *Прим. ред.*

чув. *śə̊mə̊l* 'легкий', огуз. **jeŋgül*, уйг. *jɛŋgül* < пратюрк. **ʒ́ə̊ŋ-* 'легчать', **ʒ́ə̊ŋγül* 'легкий'. В данном случае в чувашском на рядность слова, по-видимому, повлиял исчезнувший позднее **-γ-*;

чув. *śə̊mər-* 'разрушить', кыпч. **jemir-* id. < пратюрк. **ʒ́ə̊mür-*;

чув. низов. *śən-* 'победить', огуз. **jeŋ-* < пратюрк. **ʒ́ə̊ŋ-*;

чув. *tilbege* 'вожжи', кыпч. **telbegi* < пратюрк. **t(')ə̊lpekʌ;*

чув. *tilə-r-* 'беситься' (отыменной глагол от прилагательного *+tilə*), огуз. **dəli* 'бешеный, дурной', МК *telü*, QB *telve* < пратюрк. **tə̊lve* ~ **tə̊lü;* турк. *tēn-* 'повернуться (об альчике)', як. *ten-* 'отказываться' (< 'отвернуться') < пратюрк. **t'ə̊̄n-* , в других тюркских языках данная основа путается с **t(')ön-* 'опрокидываться' > чув. *tün-*;

чув. *tüpe* 'холм, верхушка', огуз. **tepe*, кыпч. **töbe* (!) 'верхушка, макушка, холм' < пратюрк. **t'ə̊'pö;*

чув. *tübele-* 'бить, колотить', огуз. **tepele-*, кыпч. **töbele-* (!) < пратюрк. **t'ə̊'pe-lə-*;

чув. *türt-ləx* 'чересседельник', сев.-зап. малокарач. *tört* 'спина', як. *törgü* 'торока, багажные ремни у седла', огуз. **terki* > тур. *terki* 'торока', аз. *tɛrk* 'круп лошади' < пратюрк. **t'ə̊r'kü;*

чув. *ürgən-*, сев.-зап. малокарач. *örgən-* 'лениться', огуз. **erin-* 'лениться', тув. *erik-* 'надоесть' (турк. *īrik-* id. по контаминации с огуз. **jə̄r-* 'брезговать') < **ə̊rük-*;

чув. низов. *üzər*, верхов. *üsər, ə̊sə̊r*, сев.-зап. малокарач. *ösər* 'пьяный', як. *itir-* 'пьянеть' (< **ẹsrI-*), огуз. **esrik* 'пьяный', МК *esür-, esrük* < пратюрк. **ə̊sür-, *ə̊srük;*

чув. *ə̊m-* 'сосать', як. *em-*, огуз. **em-* < пратюрк. **ə̊m-* (ср. монг. **emkü-* ~ **ümkü-*, тунг.-маньч. **um-* 'пить');

чув. *əndə* 'теперь', кыпч. **emdi*, кирг. *emi*, (~ огуз. **imdi*) < пратюрк. **ə̊mtü.*

В чувашском при следующих **-v* или **-γ* в конце слога происходило стяжение и **ə̊v(#), *ə̊γ(#)* развивались в **-ü-* (малокарач. *-ö-* ~ *-ü-*), в открытом же слоге эти последовательности закономерно давали *-ə̊v-* перед гласным (аналоги с пратюркскими **e* и **ẹ* дают *av* для первого гласного и *iv* для второго гласного без распределения по позициям) [**Tə̊v-, *Tə̊γ-* > *+Töw-* > *Tü-T-/Tə̊v-V*]:

чув. *(ə̊m-)-bü (-bə̊v-)* 'царь', огуз. **beγ* 'бег, князь' < пратюрк. **bə̊γ*, в якутском отмечено *bīj*, что может быть следом отражения пратюркского варианта **bẹγ;*

чув. *püzər* 'грыжа' < перс. *bɛwasir* 'геморрой';

чув. *śüren*, сев.-зап. малокарач. *śören* 'рыжий (о масти)', кыпч. **ʒejren*, хак. *čigren* < пратюрк. **ʒ́ə̊γren;*

чув. *tə̊ve* 'верблюд', огуз. **dəve*, на это указывает аз. *dɛvɛ*, при неинформативности турк. *düje* из-за перестройки всего комплекса, при огуз. закрытом **ẹ̄* и кратком **e* в аз. ожидалось бы *+devɛ*, як. *tebien*, МК *tevej* < пратюрк. **də̊ven.*

Чув. *üt*, сев.-зап. малокарач. *üt* 'мясо' (сев.-зап. материал отражает раннее чув. *+öhť*), як. *et*, огуз. **et* < пратюрк. **e̊'t*. Следует отметить, что малокарачинское *ü* берется как правило из стяженных сочетаний с *-v-*, в данном случае это след развития придыхания перед *-'t* (ср. тув.-тоф. *e't)*, а это придыхание при развитии в чувашском ведет себя как пратюркские **-v-*, **-γ-* в сочетаниях. [**e̊'t* > *+öwt* > *üt*]. Такого же типа развитие придыхания, особенно перед **-'t*, отмечается при пратюркских **a, *u, *y, *ü, *i* в чувашском.

Пратюркский *ą* закрытый. Реконструкция пратюрких **ę* и **e̊* была бы довольно сомнительной, если бы не подтверждалась аналогичными соответствиями в заднем ряду. Впервые В.Грёнбек (Grönbech Forst 29) предположил, что чувашский переход **a* > *u* вызван в большинстве случаев следующим **u*. Его идею разделял М.Рясянен (Ряс.Мат. 72), хотя оговаривал, что все случаи такими позициями бъяснить нельзя. По Г. Рамстедту переход **a* > *y* был вызван последующими *y, l (ĺ), r (ŕ)* и *j* (Ram.Tsch. 7, 11). Однако наблюдаются случаи, не удовлетворяющие этим условиям. Б.Я.Владимирцов и Н.Н.Поппе считали, что в праязыке была фонема **á*, которая в чувашском и якутском языках дала *y*, а в остальных тюркских языках – *a* (Вл.–Поп. 1924, 34–35). А.М. Щербак пишет, что «вряд ли может прояснить что-либо выделение особой фонемы **á*, так как многие чувашские и якутские слова, в которых выступает неэтимологический *y*, не совпадают» (Щербак 1970, 147). Из современных языков «неэтимологический» *y* имеют только чувашский, якутский и тувинский с тофаларским. Бросается в глаза то, что эти языки архаичны в развитии согласных, и раньше всех отделившись от общего праязыка, не подверглись общим инновациям, типичным для огузских, кыпчакских и карлукских языков. Ситуацию затемняют некоторые явно вторичные процессы, прошедшие в этих языках. В якутском **a* переходит в *y* перед *j̃, ŋj, ŋ* даже в тех случаях, когда в чувашском представлено *o* < **a* : як. *yj* 'луна, месяц', чув. *ojъx*, тув. *aj̃* (< пратюрк. **āńq*), як. *kynyat, kyj̃yat* 'крыло', чув. *śonat*, тов. *kanat* (< пратюрк. **q'ąjnatə*), як. *tyŋ* 'утренняя заря', тув. *daŋ* (< пратюрк. **taŋ*) и др. Переход указывает, что в предке якутского в этих словах произносился особый звук типа *ą*, средний между *a* и *y* по подъему.

На основании чувашско-якутских соответствий реконструируется пратюркский закрытый **ą*, который связан с особыми праалтайскими рядами соответствий гласных, довольно часто в монгольском отмечается **-i-* второго слога или *-j-* (подробнее см. EDAL, v. 1, 90–93, 136–140). Пратюркский закрытый **ą* дает в якутском и чувашском *y*, а в остальных языках совпадает с нейтральным **a*. (Ср. аналогичную ситуацию при отражении закрытого пратюрк. **ę* > чув. *i*, як. *i*; ниже дается материал с данными тувинской и огузских подгрупп, в части случаев тувинские данные позволяют уточнить реконструкцию гласного и отличить **ą* от **å*.) [**ą* > *y*]:

чув. *xyr* 'сосна', як. *kytyan* 'можжевельник', тув. *xady* < пратюрк. **q'ąδy* 'сосна, хвойное дерево';

чув. *xirəś* 'напротив; встречаться', тув. *xaryš-*, огуз. **qāryš*, уйг. *qeriš-* < пратюрк. **q'ąryłć-* (~ монг. **karilčan* 'взаимно');

чув. *xyza* ‘лобок’, огуз. **qāsyq* ‘пах’ < **q(ʻ)āsuq;*

чув. *xyś-* ‘чесать, царапать’, як. *kysyj-*, огуз. **qaša-*, пратюрк. **q'ạťćy-* (~ монг. **kalči-* ‘сдирать’, тунг.-маньч. **kiali-* ’тереть, точить’) (СССТМЯ I 388));

чув. *xydъ* ‘твердый’, як. *kytānax*, тув. *ka'dyy*, огуз. **qaty* < пратюрк. **qạ'tuy* (~ монг. **katahu*, южн.-монг. **qətahu* id., тунг.-маньч. **(x)etu-*, кор. **kut*, яп. **kaťá-* id.);

чув. *ръх-* (со вторичным сокращением из **ʰрух-*) ‘взглянуть’, як. **bykkyla-* (intens.) ‘выглядывать’, тув. *bakkyla-* (intens.), огуз. **baq-* ‘смотреть’ < пратюрк. **bạ'q- ~ bạqqy-* (~ тунг.-маньч. **baka-* ‘находить’);

чув. *pyl*, верхов. *pul* ‘мед’, огуз. **bal* < пратюрк. **bạl* (~ монг. **milaha-* ‘смазывать маслом’, тунг.-маньч. **mala-* ‘масло’; урал. **majδʌ* ‘мед’);

чув. *pyl-ӳ̆k*, верхов. *pul-ӳ̆k* ‘грязь’, як. *bylÿj* ‘грязь на дороге’, тув. *malgaš* < пратюрк. **bạl-* (~ монг. **bulaŋgir* ‘мутный, грязный’, тунг.-маньч. **bula-*);

чув. *syӳ̆ъ* ‘охрана’, тув. *sa'gy-* ‘охранять’, огуз. **sa'q-* ‘осторожный, бдительный’ < пратюрк. **sạ'q(y)-* (~ монг. **saki-* ‘охранять’, тунг.-маньч. *sexu-* ‘чуткий’);

чув. *sys-* ‘испражняться’, тув. *sasyy* ‘вонючий’, огуз. **sassy* < пратюрк. **sas-(syy).* Рефлексом в чувашском пратюркского корня **sy'ć-* ‘испражняться’ должна быть форма типа *ʰśiś-*;

чув. *śyn* (*śynn-*, морфонологически *ʰśynъ*) ‘человек’ > мар. горн. *jɛŋə* id., МК *jalŋuq* id., QB *jalŋuq*, Suv. *jalaŋuq* < пратюрк. **ʒ́alŋuq*, от этого же корня образовано слово **ʒ́alŋuɾ̃* ‘одинокий’ (Suv., QBN) при помощи того же суффикса, что и в **je'kiɾ̃* ‘двойня’ от **e'k(k)i* ‘два’. Слово «человек», по всей видимости, однокоренное с пратюрк. **ʒ́ạlyŋ*, **ʒ́ạlŋʌ-* ‘голый’, огуз. **jalyŋ*, тув. *čana-gaš* (< **ʒ́alŋa-yać*), як. *syŋy-ńax, sygy-ńax*. Семантический переход ‘голый (без шерсти)’ > ‘человек’ встречается в языках индейцев Северной Америки;

чув. *śybъś-/śyps-* ‘липнуть’, як. *sysyn-*, тув. *čy'pšyn-* (с вторичным переходом **-ạ-, *-a-* > *-y-* перед **-'p*, см. ниже), огуз. **japyš-* < **ʒ́ạ'pyłć-* (~ монг. **nihaldu-* ‘липнуть’, тунг.-маньч. **lipa-*);

чув. *śyr-* ‘писать’, огуз. **jaz-* < пратюрк. **ʒ́ạr-* (~ монг. **ǯiru-*, тунг.-маньч. **ńiru-* ‘писать, рисовать’, кор. *nìrk-* ‘читать’);

чув. *śyr, śyran* ‘обрыв, яр’, як. *sȳr*, тув. *čaryk*, огуз. **jār* < пратюрк. **ʒ́ạ̄r-* (~ монг. **ǯerge* ‘ряд’, тунг.-маньч. **ǯerin* ‘край’);

чув. *śyrlax* ‘помилование’, тув. *čarlyk*, огуз. **jarlyq* ‘приказ, повеление’ < пратюрк. **ʒ́ạr-luqə* (~ монг. **nere* ‘имя’, кор. *(n)ìr(h)-* ‘имя, сказать’, яп. **nə́r-* ‘возвещать’);

як. *sȳs-* ‘сорваться, промахнуться’, тув. *čas-*, огуз. **jāz-* ‘промахнуться, грешить’ < пратюрк. **ʒ́ạ̄ɾ̃-* (~ монг. **nargi-* ‘бездельничать, кутить’, тунг.-маньч. **largī* ‘беспорядок, суматоха’, кор. **nòrás* ‘забава, работа’, яп. **núkár-* ‘допускать оплошность, промах’);

чув. *śiś-* (< *ʰśyś-*) ‘веять’, як. *ys-*, тув. *ča'š-*, огуз. **sač-* < пратюрк. **sạ'ć-* (~ монг. **saču-*, тунг.-маньч. **šiše-* id., яп. **səsə́-k-* ‘лить’);

чув. *śydъr* 'подушка', як, *syttyk*, огуз. **jastyq* < пратюрк. **ǯạr̃tuq* 'подушка';

чув. *ĺyγa* 'жеребенок', як. *tyj*, тув. *daj*, огуз. **taj* 'жеребенок' < пратюрк. **t'ạj'q (-aq)* (монг. **tajiga-n* 'евнух, кастрат', **tajiga* 'быстрый, бодрый (о ездовых животных)');

чув. *tylъ* 'мялка', тув. *dalgy* < пратюрк. **t(')ālqy* (~ монг. **talki-n* id. > як. *talky*, на что указывает сохранение глухого *-k-*);

чув. *tymar* 'корень', як. *tymyr*, тув. **damyr*, огуз. **damyr*, уйг. **tomur* < пратюрк. **tạmur* 'жила, корень' (~ монг. **tamir* 'жила, вена, сила', яп. **tàmà* 'душа', алт. соответствия указывают на вторичное ослабление начального согласного в пратюркском);

чув. *tyna* 'телка', булг. > венг. *tína*, огуз. **t'āna* < пратюрк. **tạ̄na* < иран. *dhaenū* id.;

чув. *tyrъ* 'хлеб', огуз. **dary* 'просо', уйг. *teriq* < пратюрк. **tạryγ* 'просо' (~ монг. **darki* 'заросли, валежник', тунг.-маньч. **daragan* 'камыш', кор. **tār* 'тростник');

чув. *yjt-* 'спросить', як. *yjyt-*, тув. *aj(y)t-* 'указывать', огуз. **ajt-* 'говорить' < пратюрк. **ạj-t-* (~ монг. **aji-da-*, **aji-la-* 'кричать, болтать', тунг.-маньч. **eje-t-* 'просить', кор. **òi'ó-* 'декламировать');

чув. *il-* (с вторичным переходом в передний ряд из *+yl-*) 'брать', як. **yl-*, тув. *al-*, огуз. **al-* < пратюрк. **ạl-* (~ монг. > дагур. *ali-* id., тунг.-маньч. **ali-*, яп. *á-* id.);

чув. *ylγan* 'проклятье', (як. *algȳ* 'благословение' < хак.), тув. *a'lgyš* 'благословение', кыпч. **alqa-* 'благословлять' < пратюрк. **ạl'q-* (~ монг. **(h)ergül* < **(h)elgür* 'жертвоприношение', тунг.-маньч. **pulga-* id., яп. **pə(n)k-* 'молиться');

чув. *yldъn*, верхов. *yldъm* 'золото', як. *yltanaska* 'жестянка', (*altan* 'золото' < монг.), тув. *a'ldyn*, огуз. **altyn*, уйг. *altun* < пратюрк. **ạl'tun* > монг. **altan* id. (~ монг. **ildü-n* 'меч, сабля', тунг.-маньч. > эвенк. **elden* 'железо, металл, жесть'[51]);

чув. *yr-* 'устать', як. *yr-*, *ȳr-*, тув. *ar-*, огуз. **ār-* < пратюрк. **ạ̄r-* (~ монг. **hari-* 'обессилеть', тунг.-маньч. **paru-* 'терять сознание', кор. *parh-* 'истощаться', яп. *pata-* 'истощаться');

чув. *yrγan* 'тощий', як. *yrygan*, тув. *argan*, огуз. **arryq* < пратюрк. **ạryq (-an)*, похоже на дериват от предыдущего корня с варьированием долготы;

чув. *irt-* (< *+yrt-*) 'перебирать ягоды, очищать дерево от сучьев', як. *yryt-* 'перебирать ягоды', тув. *ar(y)t-* 'чистить', огуз. **art-* (~ монг. **arči-* 'очищать');

чув. *yrъ* 'добрый, хороший', як. *yrās* 'чистый', тув. *aryy* , уйг. *eriq* < пратюрк. **ạryγ* (~ монг. **harihun* 'чистый').

В чувашском при следующих **-v* или **-γ* в конце слога происходило стяжение и **ạv(#)*, **ạγ(#)* развивались в **-y-*, а при открытом слоге перед гласным эти последовательности закономерно давали *-yv-* (аналоги с пратюркскими **a* дают *u(#)* и *ъ̊v-* соответственно). [**ạv-*, **ạγ-* > *y-T-/yv-V*]:

---

[51] Если тюрк. не из **ā̃l* 'красный' + ср.-кит. *duŋ* 'бронза', см. с. 773. – *Прим. ред.*

чув. *syvъ* 'здоровый', турк. *saγ, saj* < пратюрк. **sạγъ* (~ монг. **sajin* id., тунг.-маньч. **sēk-se* 'кровь');

чув. *śylъx* 'грех' < пратюрк. **ʒ́ạv-luqə, *ʒ́ạv-laqə* (~ монг. **ǯibehü* 'отвращение, негодование');

чув. *śyrъ* 'каштановый', огуз. **jaγyz* 'коричневый' < пратюрк. **ʒ́ạγ(y)r̃ə* (~монг. **nogohan* 'зеленый', тунг.-маньч. **log-* 'зеленый, темный').

Пратюркский **ạ* перед сильным **'t* дает особое соответствие, как и **a, *u, *y, *ü, *i, *ẻ*, отражая раннечувашскую форму *+ạht-*, позже развивавшуюся как сочетания с **γ, *v*, дававших *+-w-*, что полностью аналогично тувинско-тофаларской фарингализации или сильному придыханию в сарыг-югурском [**ạ't > +ạw(ъ)t > yvъt- (~ ụt-)*]:

чув. *yvъt-*, сев.-зап. малокарач. *ụt-* 'кидать' (в чувашском разбивка сочетания по морфонологическим причинам), як. *yt-*, тув. *a't-*, огуз. **at-* < пратюрк. **ạ't-*.

Аналогично пратюркскому **ạ*, в чувашском отражается иноязычный *ȧ*, дававший *ɛ* в других тюркских языках, а также *e* в некоторых ранних заимствованиях из других тюркских языков:

чув. *jysna* 'зять' < станд.-тюрк. **jezne* id. (т.е. из кыпчакских, огузских или карлукских языков);

чув. *xybar* 'весть' < араб. *ḫabar* > тат. *hɛbɛr;*

чув. *xyrъś* 'подать' < араб. *ḫaraǯ* > аз. *hɛraǯ;*

чув. *xysna* 'казна' < араб. *ḫazīna;*

чув. *myskara* 'шутка' < араб. *masḫara* 'шутить' > тат. *mɛshɛrɛ*.

Наряду с заимствованиями в мар. горн., таких как *jɛŋə* 'человек' < чув. *+śynъ*, данные факты служат указанием на то, что в современном чувашском *y* (в определенных случаях) отражается некий гласный типа *[ȧ]*, сдвинутый вверх по подъему или в передне-средний ряд.

Пратюркский **å* огубленный. Как упоминалось выше, «неэтимологический» *y* на месте станд.-тюрк. **a* кроме чувашского и якутского также появляется в тувинском и тофаларском. В этих языках он явно вторичного происхождения в случаях, когда бывает представлен при регулярных рефлексах пратюркского **a* в якутском и чувашском. Как правило, эти случаи исчерпываются кратким **a* перед следующими **-'p-* и **-lm-*:

тув. *čy'p-/šyp-* 'закрыть', чув. *śop-*, як. *sap-* < пратюрк. **ʒ́a'p-*;

тув. *čy'pyt* 'низкий', як. *namysax*, уйг. *nepiz*, алт. *ǯabys*, хак. *čabys*, МК *japry jer* 'долина, равнина' < пратюрк. **ʒ́an'pyr̃ (~ *-r̃t), *ʒ́a(ń)'pry-*;

тув. *ty'p-* 'найти', чув. *top-*, як. *tap-*, огуз. **tap-* < пратюрк. **t'a'p-*;

тув. *xylba* 'черемша', кыпч. **qalma*, алт. *kalma*, хак. *xalba* < пратюрк. **q'alma;*

тув. *šylba* 'лыко', кыпч. **čalma* 'лыко, петля, аркан' < пратюрк. **č'alma*. Тувинский переход был явно вызван огубленностью следующих согласных и, в частности, лабиальной преаспирацией сильного, и в предке тувинского эти контексты произносилось как *[-f̃ip-]* и *[-°lm-]* соответственно.

Однако в части основ тувинско-тофаларское развитие является архаизмом. При соответствии чув. *y* ~ тув., тоф. *y*, судя по вторичному тувин-

ско-тофаларскому переходу, следует восстанавливать пратюркский огубленный **å*. Необходимо отметить, что в анлаутной позиции в тувинском и тофаларском не встречается переходов в *y-*, т.е. в начале слова в этой подгруппе пратюркские **a-* и **å-* совпали в **a-*. В якутском в случаях пратюркского **å* обычно *a*, но также встречается *o* (!). Во внешних алтайских соответствиях при пратюркском **å* часто представлены огубленные гласные (в EDAL они, как правило, записываются через закрытый **ạ*). В чувашском рефлекс пратюркского **å* не совпадает полностью с отражением пратюркского **ạ*: в инлауте обычным соответствием является *-y-*, но перед носовым происходит сокращение гласного (как в случаях для пратюркских **o, *ö, *ê*) и контексты **(T)åN- > (T)ъ̊N-*, а перед **-l, *-rt(')* наблюдается переход **Tål- > Tol-* (ср. особое развитие **Têl- > Til-* перед тем же согласным, см. выше), **Tårt- > Tort* (аналогичное развитие **Turt- > Tort-*, совпадая с **ört-*, при нормальной рефлексации **-u-* в виде *-ъ̊-*). В анлауте пратюркский **#å- > #y-*, но в позиции перед аффрикатой (или просто шумным?) – рефлекс *vy-*, формально совпадающий с развитием краткого пратюркского **o- > vy-*. Рефлексы в виде редуцированных гласных в середине слова и в анлауте перед носовыми типичны лишь для развития **o, *ö* и **ê*, что подтверждает интерпретацию. [**TåT- > *TŷT- > TyT-*; **TåN- > *ToN- > TъN-*; **Tål/rt- > *Tŷl/rt- > *Tōl/rt- > Tol/rt-*; **#å- > *å/ u̯å- > *ŷ/ wŷ- > y-/vy-*; **#åN- > *oN- > ъN-*]:

чув. *xolъm* 'выкуп за невесту', тоф. *xylym*, як. *xalym*, огуз. **qalyŋ*, узб. *qɛlin* < пратюрк. **q'ålym/-ŋ* (~ монг. **kala-* 'обменивать', тунг.-маньч. **kalma-* 'богатая невеста', кор. *kár-* 'менять', яп. **kár-* 'брать в долг' **k'alo*);

чув. *xolъn* 'толстый', тоф. *xylyŋ*, як. *xalyn*, огуз. **qalyŋ*, уйг. *qeliŋ* < пратюрк. **q'ålyŋ* (~ монг. **golij-* 'толстый', тунг.-маньч. **gulu-* 'целый (кусок)');

чув. верхов. *xъmъ̊š* (низов. *xomъš*) 'камыш', тув. *xymyš*, як. *xomus* (!), огуз. **qamyš*, уйг. *qomuš*, но узб. *qɛmiš* < пратюрк. **q'åmułə ~ *q'åmyłə* (~ монг. **kamgar* 'лук-порей', тунг.-маньч. **xeŋgukte* id., яп. **kámá* 'тростник');

чув. *xə̊mźə̊* (с упереднением из-за соседства с *ś*) 'кнут', тоф. *kymšy*, як. *kymńȳ* (в як. **a > y* перед *mń*, см. выше, вторичность якутского, а не тофаларского доказывает сокращенный рефлекс гласного в чувашском), огуз. **qamčy* < пратюрк. **qåm'ću;*

дун.-булг. *kumčy* 'ковш', тув. *xymyš* 'черпак, поварешка', як. *xamyas, xomuos* (!), уйг. *qemič* < пратюрк. **q'åmyč* (~ монг. **kumǰija* 'мерка для пороха', тунг.-маньч. **kamiču* 'берестяной короб', яп. **kámású* 'соломенный мешок');

чув. *xyp-* 'разгораться', тув. *ky'p/xyp-*, кыпч. **qabyn-* < пратюрк. **q'å'p-* (тунг.-маньч. **xupuŋsa* 'сажа', яп. **kú(m)pá-* 'жечь, поджигать');

чув. *xyr-* 'скоблить', тув. *xyr-* id. < пратюрк. **q'år-* (при пратюрк. **-y-* в чувашском было бы **xər-*) , отношение с пратюрк. **qar̃-* 'копать', тув. *kas-* проблематичны) (~ монг. **karu-*);

тув. *kyry* 'предплечье', чув. *xorъ* 'локоть (мера длины)' (с вторичным гласным под влиянием *xor* 'рука') < пратюрк. **qåry;*

тув. *kyry-* 'стариться', як. *kyryj-* при вариантах *qary-* в остальных тюркских < пратюрк. **qạry-* (як.) или **qåry-* (~ монг. **kary-* 'обессилеть, стареть', яп. **kuta* 'изнашиваться');

чув. *хуґъм* 'живот', тув. *xyryn* id., як. *харуŋ* 'брюшной жир', уйг. *qerin* < пратюрк. **'qåryn* 'живот' (~ монг. **karbin* id., тунг.-маньч. **korimuk* 'внутренности желудка', кор. *kari* 'ребра', яп. **kárá(n)tá* 'тело');

чув. *хуsma* 'пленка на молоке', кыпч. **qasmaq* < пратюрк. **q(')åsmaq* (~ монг. **kusum* id.);

чув. *рӑr-* (< **pyr-*) 'идти', як. *bar-*, тув. *bar-*, огуз. **bar-* < пратюрк. **bạr-* или **bår-*, в этой основе может быть скорее **å*, ср. др.-тюрк. причастие *bar-ur* со вторым огубленным гласным, хотя ожидался бы более типичный неогубленный вариант, как *al-yr* (~ монг. *mör* 'дорога', кор. *mōr-* 'преследовать, гнать', яп. *mítí* 'дорога');

чув. *сыбъ* 'рукоять', тув. *sy'p*, огуз. **sap* 'черенок, сустав' (~ тунг.-маньч. **sapkun* 'корень', яп. **supa-dai* 'ветка, прут');

чув. *śorda* 'свеча', булг. **ʒyrta* > венг. *gyërtya*, тув. *čyryt-* 'зажечь', *čyrytky* 'свеча' > як. *syrdyk* 'свеча' < пратюрк. **ʒåryt-*, этот корень следует отделять от **ʒaru-* 'светить (о светилах), рассветать' > тув. *čaryq* 'свет', уйг. *joru-*, *joruq* 'свет', як. *sarā-* 'рассветать', первое слово значит скорее 'зажигать рукотворный огонь', а второе – 'светить', первый корень соответствует монг. **düre-* 'загореться', тунг.-маньч. **dure-* id., а второй – монг. **saraha-n* 'луна, месяц', тунг.-маньч. **sē* 'год', кор. **sər* 'год', яп. **sátúkúi* 'пятый месяц лунного календаря';

чув. *śiźəm* (с упереднением из-за соседства с *ś*) 'молния', *śiś-* 'сверкать', хак. *čazyn*, узб. *jɛšin* < пратюрк. **ʒåłćyn* (~ монг. **sologga* 'радуга', тунг.-маньч. **sulūn* 'пламя', кор. *sar-* 'зажигать', яп. **sas-* 'светить');

чув. *tort-* 'тянуть', дун.-булг. *turt-*, тув. *ty'rt-*, як. *tart-*, огуз. **dart-* < пратюрк. **tår't-* (~ монг. *tata-* id., тунг.-маньч. **derde-xun* 'уключина'; ср. финск. *tarttua-* 'тянуть' с огубленным элементом в начале второго слога);

чув. *vyźъ* 'голодный', тув. *aš*, як. *ās*, огуз. **āʒ* < пратюрк. **åć́* (тунг.-маньч. **eče-* 'чувствовать стеснение', кор. *əć* 'быть слабым, истощенным', яп. **ətər-* 'уступать, слабеть', **ēč'o*);

чув. *yra* 'паз', тув. *ary* 'тиснение', як. *or-* (!) 'делать пазы', хак. *ar* 'паз', ср. огуз. **āryq* 'арык' < пратюрк. **år-*;

чув. *ydax* (< **yrdax*) 'лишний, сверх', тув. *a'rt-* 'превышать', як. *orduk* (!) 'сверх', огуз. **artyq* < пратюрк. **år't- (-oqə)* (~ монг. **urid(a)* 'раньше, прежде', **urǰi-dur* 'позавчера', вторая часть из **edür* 'день', данная основа не связана с монг. **urtu* 'длинный', нет аффикса прилагательного типа *-tu*, нет аффиксов наречий типа *-d(a)*, монгольская основа **urid/*urǰi* нечленима);

чув. *ъmzan-* 'пробовать', тув. *amza-*, як. *amsaj-* < пратюрк. **åmsa-*;

чув. низов. *ъnla-* 'понять' < пратюрк. **åŋ* 'разум, понятие', **åŋ-la-* 'понимать' (~ монг. **ahuda-la-* 'искать, рыться', тунг.-маньч. **eŋēt-* 'исследовать, разведывать', яп. **əmə-p-* 'думать').

Пратюркский **å* в сочетаниях со следующими **-v-*, **-ɣ-* в чувашском дает *-у-* в закрытом слоге и *-yv-* перед гласным, но после губного согласного комплекс *+pyw-* переходит в *-ру-*, по типу развития **o* в таком же контексте [**åv-*, **åɣ- > -y-T-/-yv-V; *Påɣ- > +Pẏw- > -Py-*]:

чув. *pyržъ* 'кишки', тув. *bārzyk* < пратюрк. **båɣrysyq* (~ тунг.-маньч. **pukin* 'внутренности');

чув. *śyvъx* 'близкий', тув. *čōk* > як. *čugas*, огуз. **javuq* ~ **jaɣuq*, узб. *joʻvuq*, др.-тюрк. рун. *jaɣuq*^{w} < пратюрк. **ʒåɣuqə;*

чув. *yrat-* 'болеть', тув. *ārɣ-*, як. *yaryj-*, огуз. **āɣyr-* < пратюрк. **å̄ɣry-*;

чув. *yrъ* 'молозиво', тув. *ā-zy* 3 sg. (с переосмыслением из *+āz-y*), як. *uosās* (!), турк. *ovuz*, МК *aɣuz* < пратюрк. **åɣ(u)r̃ə* (~ монг. **uhurag* id.);

чув. *yvъś*, сев.-зап. малокарач. *u̯zъ* 'горсть, пригоршня', огуз. **avuč*, МК *avuč* < пратюрк. **åvucə* (~ монг. **ab-* 'брать', тунг.-маньч. **abgu-* 'вытаскивать').

По-видимому, ранняя метатеза представлена в чув. низов. *śula-*, верхов. *śə̑vla-* 'лизать', тув. *čylga-*, як. *salā-*, огуз. **jāla-*, МК *jalva-* < пратюрк. **ʒå̄lva-* ~ **ǯālɣa-* (в МК представлено архаичное уникальное сочетание *-lv-*, которое не встречается в остальных тюркских и замещается *-lɣ-*) (~ монг. **doluha-* ~ **dolija-* id., тунг.-маньч. **dala-* 'лакать'; в EDAL с этим словом сравнивается монг. **ǯalkag* 'мокрóта', **ǯalgi-* 'глотать', тунг.-маньч. **ǯaliksa* 'слюна', **ǯalma-* 'смачивать слюной, брать в рот', но этому корню лучше соответствует по семантике пратюрк. **ǯāł* 'слеза', которое сравнивается со словом «глаз» монг. **nidü-n* и т.д., в примечании там дается общеалтайское сложение монг. **nil-mu(r)-su-n*, тунг.-маньч. **(i)ńa-mū-*, кор. *nún-mýr*, яп. **na-mi(n)tV* < праалт. **n̓i̯ā(ʃ)-mi̯ūri* 'вода глаза', но даже фонетически привлечение тюркской «слезы» вызывает вопросы, в частности с нерегулярной долготой, вместо этого правильнее сравнивать кыпч. **ǯyla-muq* > кбалк. *ǯilamuq* 'слеза', старое сложение с теми же двумя элементами).

Из-за ограниченности материала не ясно, что нужно реконструировать в следующих словах – **ạ* или **å*:

чув. *syr-* 'обуться', кыпч. **sar-*, огуз. **sary-*, МК *saru-* 'обмотать' < пратюрк. **sạru-* или **sårս-*;

чув. *syr-*, *sъr-* 'роиться', кыпч. **sar-* < пратюрк. **sạr-* или **sår-*;

чув. *tynas* 'подвязка', турк. *tanap* 'обмотка';

чув. *ydam* 'объятие, охапка', сюг. *a'qym, atqym* 'щепотка, горсть', огуз. **atym*, узб. *ɔtim* < пратюрк. **ạ'tyum* или **å'tyum*.

В слове «лежать» як. указывает на закрытый гласный – *syt-*, тувинский на огубленный – *čy't-*, огуз. **jat-*, чувашской параллели для пратюрк. **ǯạ't-* или **ǯå't-* не отмечено (~ тунг.-маньч. **dedu-* 'лежать, спать', яп. *ja(n)tər-* 'ночевать').

Пратюркские восходящие дифтонги. В чувашских параллелях для части тюркских основ наблюдается или протетический *j-* в анлауте, или историческая палатализация начального согласного: пратюрк. **t(')-* > *č-*, **s-* > *š-*, **c'-* > *č-*, т.е. переходы, аналогичные развитию тех же согласных в

контекстах перед пратюркскими **-y-*, **-i-* (см. выше о развитии согласных). Кроме того, отмечается специфический переход пратюркских **q(')- > j-*, хотя в чувашском языке старые увулярные перед пратюркским **-y-* не дают особых рефлексов. Ясно, что в этих случаях пратюркские **q(')-* сначала давали *+x-* (регулярное соответствие), а сочетание этого согласного со следующим йотом *+xj-* развивалось в *j-*, вероятно, через ступень *[ʰj-]* или глухого йота. (При вторичной метатезе серединного *+-j-* в чувашском новое сочетание *+xj-* давало *+x́- > ś*, например *śonat* 'крыло' < **q'ajnatə*.)

Г.И.Рамстедт и М.Рясянен признавали существование «вставочного» йота, дававшего палатализацию дентальных, *j*-протезу и специфическое развитие увулярных. Это явление они считали древним, так как следы его видны еще в заимствованиях в венгерском языке: венг. *sár [š-]* 'болото' ~ чув. *šor* ~ станд.-тюрк. **sāz* 'грязь' (Ram.Tsch. 20, 22–24). Нет необходимости рассматривать точки зрения тюркологов, считавших *j*-протезу и историческую палатализацию не перед **y, *i* вторичным собственно чувашским явлением. То, что это – архаизм, подтверждают данные памятника Тоньюкуку, где написание через мягкий *ś-* для начального стандартно-тюркского *s-* в заднерядных словах наблюдается именно в тех же случаях, где в чувашском отмечена палатализация в *š-*.

Первыми исследователями, попытавшимися привлечь внешний алтайский материал для объяснения чувашских специфических соответствий, были Б.Я. Владимирцов и Н.Н. Поппе. Они предложили ввести дифтонг **ja*, который давал в чувашском *jo-/ -o-* (с палатализацией), в монгольском ему соответствует *(-)i-*, в якутском *(-)ā-*, в остальных тюркских языках – *a* (Вл.–Поп. 1924, 34–35). Это был революционный шаг в интерпретации пратюркской системы вокализма.

В целом, введение дифтонгов не нарушает типологических закономерностей, присущих сингармонистическим языкам. Дифтонги существуют в тунгусо-маньчжурских языках, а в негидальском языке слова с дифтонгоидным *je [ʲe]* из тунгусо-маньчжурского дифтонга **ja* относятся к заднему сингармонистическому ряду, хотя *e* переднего сингармонистического ряда артикулируется в передне-среднем ряду, а ядерный элемент дифтонга *je* морфонологически заднего сингармонистического ряда имеет артикуляцию переднего фонетического ряда, т.е. того же ряда, что и *i*. Сингармонизм – это не фонетическое, а морфонологическое явление, проявляющееся в выборе по-разному огласованных вариантов присоединяемых аффиксов. Если взять коряцкий сингармонизм, то гласные в нем делятся на три сингармонистических ряда: 1) $e \sim i \sim u \sim ə$, 2) $a \sim e \sim o \sim ə$, 3) $a \sim i \sim u \sim ə$. Фонетически большинство гласных разных серий произносятся одинаково, однако выбор чередующегося варианта морфемы связан не с фонетической сущностью гласного доминантной морфемы, а с морфонологической соотнесенностью этого гласного с одним из сингармонистических рядов. В результате в мор-

фемах возможны чередования *e* ~ *a* , *i* ~ *e* , *u* ~ *o* (см. *Жукова А.Н.* Язык паланских коряков. Л., 1980. С. 20–22).

Если остановиться на сингармонизме алтайских языков, то наиболее частый вид сингармонизма, встречающегося в современных языках, – это «нёбный» сингармонизм, где противопоставление сингармонистических рядов гласных частично связано с их артикуляцией. Гласные переднего (палатального) сингармонистического ряда артикулируются в переднем (vs. передне-среднем) фонетическом ряду, а гласные заднего (непалатального) – в среднем (vs. средне-заднем) и заднем рядах. Эта ситуация типична для тюркских и калмыцкого языков. В остальных монгольских, тунгусо-маньчжурских, а из тюркских – в тувинском и тофаларском языках противопоставление сингармонистических рядов связано не с рядом, а с подъемом гласных. Гласные «женского» ряда (соответствующего тюркскому переднему) имеют более высокий подъем, чем гласные «мужского» ряда (соответствующего тюркскому заднему). Губной сингармонизм, или губная аттракция, – явление достаточно редкое для нетюркских алтайских языков и обоснованно считается инновацией в северно-монгольских и части тунгусо-маньчжурских языков. Замечательно то, что именно в северомонгольских языках, контактировавших с тюркскими, происходила качественная редукция непервых гласных основы, вследствие чего отмечена перегласовка первого гласного корня по следующему этимологическому гласному. В результате этого процесса в калмыцком языке возникло фонологическое противопоставление *x* и *k*, *γ* и *g*, а в бурятском и халхасском языках в первом слоге появились новые дифтонги *ja* и *ju*. Интересно, что начиная с В.В.Радлова в тюркском праязыке постулируется предпочтительная односложность корней и наличие древней губной гармонии, что делает его удивительно похожим на современные северомонгольские языки.

То, что многим тюркским односложным основам соответствуют неодносложные тунгусо-маньчжурские и монгольские параллели, позволяет скорее сделать вывод о «пратюркской редукции» непервых гласных, нежели об их наращении в других алтайских языках, так как качественная характеристика «наращения» непредсказуема ни из тюркских, ни из собственно монгольских и тунгусо-маньчжурских данных. В.Котвич, доказывая диаметрально противоположную точку зрения, принял за аксиому, что в древнейших тюркских языках ударение падало на последний гласный фонетического слова (Котв.Иссл. 37–46). Однако скорее правы Х.Педерсен, Ф.Е.Корш, Г.Ракет, Б.Я.Владимирцов, считавшие, что первоначальное музыкальное ударение было на первом слоге [см. обзоры у А.М. Щербака (Щербак 1970, 110–120) и у М. Рясянена (Ряс.Мат. 33–43)]. Эту точку зрения подтверждает наличие второстепенного ударения на первом слоге в части современных тюркских языков, особый статус первого слога, где возможен любой гласный, а также отсутствие противопоставления пратюркских сильных и слабых смычных **q* ~ **q'*, **k* ~ **k'*, **t* ~ **t'*, **ć* ~ **ć'*, **p* ~ **p'* после

гласных непервых слогов (см. выше). Ударенность первого слога в пратюркском вызвала развитие, подобное развитию северомонгольских языков, в том числе способствовала сохранению или возникновению дифтонгов в первом слоге. Внешний алтайский материал также подтверждает существование дифтонгов в пратюркском, они входят в регулярные ряды соответствий наряду с гласными недифтонгоидного образования (см. EDAL, Introduction, v.1). Как правило, это бывают гласные **i*, дифтонги с *j*-образным элементом, иногда переднерядный гласный на месте тюркского заднерядного по сингармонизму или сочетание с **j* второго согласного в монгольском и тунгусо-маньчжурском языках.

Реконструируются пратюркские дифтонги разных видов: **ja, *je, *jo, *jö, *ju, *jy*. Не засвидетельствованы палатализующие дифтонги с узкими гласными переднего ряда верхнего подъема **jü* и **ji*, их раннее исчезновение или запрещение оправдано фонетически. Хотя, возможно, особый ряд соответствий для **ü*, дающего в чувашском *-i-* без палатализации, следует интерпретировать как **jü*. Нет особых дифтонгов для так называемых закрытых и огубленных гласных, что может указывать на общие причины, порождавшие и дифтонги, и эти особые гласные, – соответственно попавший под действие правила гласный переходил или в дифтонг, или в закрытый гласный и больше уже не подвергался изменениям. В чувашском ядерный элемент дифтонга дает рефлексы, соответствующие обычным гласным, а в основной массе тюркских языков дифтонги полностью совпадают с соответствующим обычным гласным, составляющим их ядерный элемент.

Пратюркский дифтонг **ja* дает в чувашском после согласного *-o-* с исторической палатализацией дентальных [**Tja- > Tó-*] и переходом увулярных в *j-* [**q(')ja- > jo-*], после губных дифтонг дает *-ü-* (в сев.-зап. *-ö-*), т.е. переднерядный вариант [**Pja- > *P^{jo}- > Pü- (Pö-)*]. В начале слова появляется йотовая протеза при развитии в *-o-* [**#ja- > #jo-*].

чув. *jol-* 'оставаться, сохраняться, отставать', турк. *qāl-*, як. *xāl-*, тув. *kal-* < пратюрк. **qjāl-* 'оставаться, сохраняться', во вспомогательном значении значит законченность действия (~ монг. **galgi-* 'идти медленно', **galira-* 'быть ленивым, уходить', тунг.-маньч. **giala-* 'быть отделенным, отделять', яп. **kára-* 'отделяться, удаляться, умирать');

чув. *jom* 'ворожба, гадание, колдовство', *jomzь* 'знахарь, гадалка', *jomla-* 'ворожить, гадать', алт. (ойр.) *kam* 'шаман', *kamda-* 'гадать', хак. *xam* 'шаман', тув. *xam*, др.-уйг. *qam* 'колдун', МК *qam* 'предсказатель', чаг. XV в. *qam* 'врач, исцелитель', кыпч. XIV в. *qam* 'кормилица' по Дж.Клосону – 'ведьма' < пратюрк. **q'jām* 'шаман' (~ монг. **kemehe-* 'гадать, предсказывать, объяснять', калм. *kemē-* 'говорить, провозглашать', *jas kemē-* 'предсказывать по костям', *jasnē kemēlγən* 'предсказывание по костям – каждая кость имеет свое название и эпитет, с помощью которых после длительного истолкования провозглашается прорицание на праздничном пиру', халх. *xemē-* 'говорить, сказать, объяснять'. Стоит обратить внимание и на монгольский глагол

**ke(m)-* 'говорить', который в отличие от своего синонима **kele-* 'говорить, владеть речью, сказать' имеет значение в памятниках 'говорить, приказывать, торжественно возвещать, оглашать' и в этом значении зафиксирован в письменно-монгольском в виде *geme-*, а в китайско-монгольских памятниках в виде *kə'ə-*. В современных языках используется обычно как служебный глагол в аналитических формах для обозначения ирреальных предположительных событий (в сочетании с причастиями прош. и буд. вр.; тунг.-маньч. **kum-(tu)* 'злой дух; дух-помощник шамана, оберег', яп. **kamui* 'бог');

чув. *jon* 'кровь', турк. *qān*, як. *xān*, тув., тоф. *xan*, уйг. *qan*, МК *qan* < пратюрк. **q'jān*. В древнетюркских памятниках *qana-* с VIII в. 'течь (о крови), покрыться кровью', но у МК *qana-* в переходном значении, а *qanu-* в непереходном. Из тюркских языков отыменной глагол заимствован в сев.-монг. **kana-* 'пускать кровь', а из сибирских тюркских в тунгусские – эвк. *hana-, kana-* 'пускать кровь', эвен. *(h)aŋ-* 'кровоточить', *anana* 'багровое пятно от прилива крови', нег. *xana-* 'щипать кожу для прилива крови' (~ тунг.-маньч. **xuŋīkta* 'кровеносный сосуд').

чув. *jor* 'снег', турк. *qār*, як. *xār*, тув. *xar*, уйг. *qar* < пратюрк. **q'jār* (~ монг. **kirahu* 'иней', халх. *xárū*, бур. *xúrū*, Кит. Монг. Сл. *kira'u*, etc., тунг.-маньч. **xirpi* > эвен. *irpi* 'снег (фольклорн.)'). Тюрк. **qirayu* 'иней' фиксируется в XI в. в Восточном Туркестане у МК, а в других памятниках появляется в XIV–XV вв. и, по всей видимости, является монголизмом. Древнее праалтайское образование от того же корня представляет собой тюрк. **q('ˇ)yrym* (кыпч., сибирск.) 'иней, пороша' ~ монг. **kirmag* 'пороша', тунг.-маньч. **ximaŋ-sa* 'снег', эвенк. *imanra*, эвен. *jmъnrъ*, нег. *jmana*, ороч. *jmasa*, нан., орок. *simata*, ма. *nimangi*, чжурчж. *hima-ŋi/jima-ŋi*. В тунг.-маньч. упрощение сочетания плавного с носовым **-rm-* > *-m-*;

чув. *jor-* 'смешивать', огуз. **qār-* id., турк. *qār-*, узб. *qɔr-* < пратюрк. **q('ˇ)jār-* 'смешивать' (~ тунг.-маньч. **korolda-* 'мутовка', ? **kor(g)i-* 'крутить', монг. **korbu-*, **körbü-* 'крутить, вращать', яп. **kurum-* 'заворачивать');

чув. *jor-var* 'все продукты, кроме хлеба; скоромная пища', диал. 'еда, мясо' (второй компонент пратюрк. **ōr* 'жир, сало'), первый компонент сложения 'брюшной жир, колбаса из потрохов', тув. *kazy*, як. *xasa*, каз. *qazy*, уйг. *qezi*, МК *qazy* < пратюрк. **qiar-y* с показателем 3-го лица (~ монг. **kirmačag* 'колбаса из потрохов, внутренности, завернутые в рубец', тунг.-маньч. **ximuŋ-se* 'жир, сало', эвенк. *imŋē, imukse*, эвен. *imənrə*, нег. *imuxse* 'подкожный жир', ульч. *simse* 'жир, сало, масло', нан. *simukse*, ма. *nimengi* 'сало, жир (животный)', *imengi* 'масло (растит.)', чжурчж. *ji-miuŋ-gu* 'масло'. В тунг.-маньч. развитие сочетания дрожащего с носовым как в предыдущем случае (ср. развитие **-l-* с носовым: пратюрк. **q'yl'q* 'толстый волос', монг. **kilga-su* 'волос' ~ тунг.-маньч. **xiŋgak-ta* 'волос, шерсть', тюрк. **k'ele-* 'говорить', монг. **kele-n* 'язык' ~ тунг.-маньч. **xiŋgu* ~ **xileŋu*). В тюркских возможно регулярное упрощение сочетания дрожащего с губным, ср. выше 'снег' и **q'åryn* 'живот' при монг. **karbin;*

чув. *jos-* 'разоряться, терять', *jos-tar-* 'досаждать', др.-уйг. Suv. *qasynčyy* 'страшный, ужасный', кыпч. **qas* 'враждебный', як. *xasymar* 'мстительный', шор. *qasta-* 'досаждать' (~ монг. **ges-* 'страдать', **ges-gehe-* 'наказывать', тунг.-маньч. **gos(g)o-la-* 'ругать', яп. **kasi-r-* 'проклинать');

чув. *pürne*, сев.-зап. *pörne* 'палец', данная основа на пратюркском уровне имела два диалектальных варианта: один – **bi̯arŋaq (~ -rm-)*, другой – **erŋek (~-rm-),* они четко рапределены по языковым подгруппам. В рефлексации первого варианта встречается даже уникальное отражение в части языков начального согласного по соответствиям, как бы восходящим к *ʰp'a-*, т.е. с глухим анлаутом, это – развитие вторичного придыхания у губного, возникшее из преинтерпретации первого элемента дифтонга **bi̯a-* > *ʰbʲa-* > *ʰp'a-*, но не исключено, что это, наоборот, редчайшие случаи анлаута с глухим сильным **p'-*. Исторические праалтайские **p'-* дают в пратюрк. > **h-* > *0-*, при раннепратюркской альтернации дифтонга **i̯a* и переднерядного гласного **e*, исторический контекст ***p'e-* закономерно дал > **he-* > **e-*, и его продолжение – развитие варианта **erŋek (~ -rm-)*, который отмечается в орхон. рун. *erŋek*, МК *erŋek*, диал. *ernek*, в сибирских языках, хак. *irgek*, шор., чул. *ergek*, алт. *ergek*, в тув. *ergek*, як. *erbex*. Первый вариант, кроме чувашского, фиксируется в огузских тур. *parmak* (!), диал. *barnak*, гаг. *parmak* (!), аз., хор., турк. *barmaq*, салар. *p'armaχ* (!), в карлукских среднеазиат. с XIII в. (Tefs., IM) *barmaq*, чаг. (Sangl., MA) *barmaq*, узб. *bɛrmɔq*, уйг. *parmaq* (!), в кыпчакских тат. *barmaq*, диал. *barnaq*, башк. *barmaq* (Паллас) *parnaq* (!), каз., ккалп. *barmaq*, ног. *parmaq* (!), кбалк., кум., ктат. *barmaq*, из кыпчакских, точнее из казахского заимствован в кирг. *barmak* (~ монг. **herekej* 'большой палец', тунг.-маньч. **pureŋēn/*poraŋān* 'большой палец' – (подробнее ОСНЯ III 73–75), ср. диалектные пратюркские варианты колебания первого гласного ниже в *joman, jyvъś, jabal-*;

чув. *püz-ek* 'рубец, шрам' (с новой аффиксацией *-ek*, на что указывает исторически переднерядный вариант аффикса), як. *bās* 'рана, язва, болячка', тув. *paš* (!) (здесь представлен вариант с отражением *ʰp'a-* < **bi̯a-*, ср. выше) 'сифилис', тоф. *baš, baǯ-* 'рана, рубец', турк. *bāš* < пратюрк. **bi̯āłć* [~ монг. **bilčahu* 'волдырь, шрам, нарост' (ср. **kirahu* 'иней', **čilahu* 'камень' с аналогичным развитием), тунг.-маньч. **bial-* ~ **bajl-* 'вредить, ранить', яп. **bánsá-pápí* 'вред, несчастье'];

чув. *püler* 'мифический былинный город', исторически, по-видимому, одна из столиц Волжской Булгарии > тат. *bilɛr*. Название представляет собой старое сложение, соответствующее пратюрк. **bi̯alyq* 'город' (> чув. *ʰpülə*, в остальных языках формы типа *balyq*) и **or* 'ров, укрепление' (> чув. *-ar* в непервом слоге) (~ монг. **balaga-su* 'город, крепость', тунг.-маньч. **palʌga-* 'селение, квартал' (рефлексы по языкам подробно разобраны в ОСНЯ III 391–392), яп. *pái* 'очаг, домашнее хозяйство');

чув. *šojɣan-* ‘расстроенный, несчастный’, огуз. > турк. *sājɣl* ‘бедный, несчастный’, МК *sajpa-* (= *sajba-*) ‘растрачивать имущество’, уйг. *saj-* ‘ныть’, сев.-алт. *saj-lɣɣ* ‘бедный, несчастный’, тув. *sajmāra-* ‘расстроенный, испуганный’ < пратюрк. **si̯ā́n-(ba-)* (~ монг. **sinu-* ‘жадничать’, яп. **sínuá-p-* ‘вспоминать с тоской’);

чув. *šok* ‘жох (положение альчика)’, булг. > рус. *жох*, огуз. **saqa* ‘бабка, косточка’, турк. *saqa*, тур. *saka*, кыпч. **saqa*, узб. *sɔqɛ*, уйг. *saqa* < пратюрк. **si̯a'qa* (~ монг. **sigaj* ‘бабка’, тунг.-маньч. **sajKa* ‘берцовая кость’);

чув. *šoɣъš* ‘мысль, дума, забота’, як. *āx-* ‘читать’, тув. *sagyš*, огуз. **sāGyn-* ‘скучать, мешкать, медлить’, уйг. *seqin-* ‘скучать, медлить’, каз. *saɣyn-* ‘скучать’, *saqyja* ‘мигрень’, в памятниках Моюн-чуру (11/46) *šaqy-*, Тонюкуку *śaqy-* ‘думать, обдумывать, тосковать’ < пратюрк. **si̯āqy-* ‘думать, скучать’ (~ монг. **sege-/*seke-* ‘приходить в сознание’, **sekehe-n* ‘ум, разум’, халх. *sexe-, sexē, segē*, бур. *hegēr-* ‘приходить в сознание’, калм. *segēn* ‘сознание, рассудок, понимание’, тунг.-маньч. **süjKe-*: эвенк. диал. *sikine-* ‘говорить про себя’, ороч. *sijau-* ’отзываться’, удег. *sieu-*, ма. *sujxen* ‘мысль, забота’, кор. **skái-* ‘просыпаться’, яп. **sáka-* ‘умный, мудрый’);

чув. **šolɣan* > мар. *šulxan*, тат. *šolɣɣan* ‘вид белки, бурундук’, алт. леб. *salyq*, шор. *saɣɣl* ‘белка’ < пратюрк. **si̯alyq-an* (~ монг. **silehü-sü* ‘рысь’, тунг.-маньч. **solüki* ‘колонок, хорек’, кор. *syra-* ’рысь’);

чув. *šolʹʁa* ‘дерзкий, нахальный’ (> рус. *шантрапа*), МК *saš* ‘дикий’, огуз. **sāš* ‘ошарашенный, изумленный’, турк. *čāš-*, тур. *šaš-* < пратюрк. **si̯āt-* (~ монг. **sila-* ‘расточительствовать’, тунг.-маньч. **sulu-* ‘шалун; дразнить, обижать’, кор. **hār-* ‘клеветать, порочить’, яп. **sə́sír- (~*suásír-)* ‘клеветать’);

чув. *šor* ‘болото, грязь’, булг. > венг. *sár [šār]*, уйг. *saz* ‘грязь’, каз. *saz*, тат. *saz*, алт. *sas* < пратюрк. **si̯ar̃ (*-i̯ā- ?)* (~ монг. **siroj, *siruha* ‘земля, пыль, прах’, тунг.-маньч. **siru(-ɣi)* ‘песок’, кор. **hàrk* ‘земля’, яп. **situ* ‘влага, влажное место’);

чув. *šorʺ* ‘белый’, *šorʺx-* ‘бледнеть’, булг. > венг. *sárga [šārgą]* ‘желтый’, як. *arayas* ‘светло-желтый’, тув. *saryɣ* ‘желтый’, огуз. **sāry*, кыпч. **sary*, уйг. *seriq* < пратюрк. **si̯āryɣ* ‘белый, желтый’ (~ монг. **sira* ‘желтый, рыжий’, тунг.-маньч. **sir(a)* : эвен. *hi̯rʉŋʉn* ‘желтоватый (о масти)’, удэг. *sī* ‘желтая краска’, ма. *šari* ‘свет, светлый’, **si̯arū-* ‘молния, радуга’: эвенк. *sēr̃ū-n*, орок. *sēr̃ro, si̯ro*, кор. **hái-* ‘белый’, яп. **sìrua-* ‘белый’);

дун.-булг. > серб. *шáран*, болг. *шарáн* ‘карп, лещ’, булг. > венг. *sárkány [šārkāń]* ‘дракон’, др.-рус. *шароукань* личное имя, рус. *жерех* ‘вид рыбы’, огуз. **sāzan* ‘сазан’ и тур. *sazɣan* ‘дракон’ < чаг., уйг. *sazaŋ* ‘сазан, червь’, кыпч. **sazan* ‘сазан’ < пратюрк. **si̯ār̃yan* ‘сазан, рыба-змей, червь’ (~ монг. **sirüge* > калм. *šörgə* ‘ёрш’, **siruga* > халх. **šar(a)ga* > шор. *šaraɣan* ‘сазан’, тунг.-маньч. **sarga-, *saruk-ki* ‘окунь, хариус, сиг’);

чув. *šusʹ, šʺvʺsʹ* ‘жесть’, МК *sač*, ИМ *saǯ* ‘сковорода’, ср.-кыпч. *sač* ‘поднос для жарки’, огуз. **sāǯ* ‘железная доска для жарки’, тур. *sač* (*saǯ-y)*, аз. *saǯ* <

пратюрк. *s̯iāć (~ монг. *čas 'жесть, сплав', тунг.-маньч. *šušu 'медь', яп. *sunsu 'олово');

чув. šot 'беспокойство, тревога', др.-уйг., МК, QB satγa- 'беспокоить, мешать', огуз. *sata-š- 'подвергаться (чему-либо), быть озабоченным', CCum satγa- 'беспокоить', тат. sataš- < пратюрк. *s̯ia'tγa-;

чув. čox-ńe (3 л., дат.) 'во время, когда', МК čaq 'время', як. sax 'время, во время', sāγ-a 'около (о времени)', огуз. *čāG, турк. čāq, аз. čaG, кыпч. čaq etc. < пратюрк. *ć'i̯āq (~ монг. *čag 'время', *čegehen 'напролет (о времени)', тунг.-маньч. *čiqsi- 'возмужалый', кор. čək 'время, период', яп. *tə̀kì 'время');

чув. čol 'камень', як. tās, тув. daš, огуз. *dāš < пратюрк. *d̯iāł (~ монг. *čilaγu-n id., тунг.-маньч. *ǯola id., кор. *tōrh, яп. *(d)ísì id.).

Начальная позиция:

чув. jox- 'течь', тув. a'k-, огуз. *aq-, кыпч. *aq- < пратюрк. *i̯a'q- (тунг.-маньч. *iaku- 'болото, лужа, заливаться водой', яп. ìkaì 'пруд');

чув. joman, сев.-зап. ömen (с вторичным упереднением и утерей j-) 'дуб', турк. imen < огуз. *ēmen, тат. imεn, каз., кирг. emen, узб. emεn, уйг. emεn < пратюрк. *i̯āman ~ *ēmen с альтернацией гласных, как в слове «палец» (см. выше) (~ монг. *düm 'дуб остролистный, вечнозелный (?)');

чув. jos 'горноста́й', турк. ās 'ящерица', тув. as 'горностай', кыпч. *as, кирг. arys, МК az, arγun < пратюрк. *i̯ārs̃;

чув. jüźə (вторичное упереднение между j- и ś, в сев.-зап. ожидалось бы +jözə) 'кислый', турк. āžγq, як. asȳ, тув. ažγy, тоф. ažγy < пратюрк. *i̯āćγy 'кислый, горький' (~ тунг.-маньч. *pučі- 'испортиться (о пище)', кор. *pčá- 'соленый').

Перед следующими пратюркскими *-γ- (и *-v-) пратюркский дифтонг *i̯a после губных дает -ə̊v- (сев.-зап. малокарач. -ü-) [*Pi̯aγ- > +Pi̯ow- > +Pöw- > Pə̊v-], а в абсолютном начале – jyv- (сев.-зап. малокарач. ju-) перед узким гласным, jə̆v- – перед широким (т.е. в безударной позиции) [*#i̯aγ > +i̯ąw- > jý̆v-ъ/jə̆v-á]. Рефлексы после других согласных пока не известны, а в анлауте развитие гласного ядерного элемента соответствует развитию пратюркского *ą в чувашском, что явно является внутренней инновацией.

чув. pə̊ver (сев.-зап. малокарач. püer) 'печень', як. byar, тув. bār, хак. pār, сюг. p'eγər (!) (с развитием начального согласного как в словах *bi̯armaq, *bi̯āłć, *bi̯er-, см. выше), огуз. *baγyr, кыпч. *bawyr, уйг. beγir, кир. bōr < пратюрк. *bi̯aγyr (~ тунг.-маньч. *pāki-n id.);

чув. jə̆van- 'падать, опрокидываться', огуз. *āγ-, *āγ(y)na-, турк. āγ-, āγyna-, аз. aγna-, тур. aγyn-, кыпч. *aw-, *awna-, др.-уйг., МК aγna- < пратюрк. *i̯āγ-(yna-) (~ тунг.-маньч. *iaγa- 'обваливаться');

чув. jyvъr (сев.-зап. малокарач. ju̇rъ) 'тяжелый', як. yaraγan, тув. ār, огуз. *aγyr, кыпч. *awyr и т.д. < пратюрк. *i̯aγyrə, интересен архаизм в сибирско-татарском курдакском äür (!) (~ тунг.-маньч. *piaKa- 'ловкий, старательный', яп. *pàŋkía- 'мощный, страстный, суровый');

чув. jyvъś (сев.-зап. малокарач. ju̇źъ) 'дерево, дрова', современные

тюркские отражают несколько станд.-тюркских вариантов развития пратюркского **ja-ɣacə́*, – станд.-тюрк. **yɣač* > др.-тюрк. рун. VIII в. *yɣač*, тув. *yjaš*, тоф. *ńāš* (в данном случае в тувинском вторичная назализация, берущаяся из интервокальных фарингализованных велярных как в словах *ijí* 'два' < **i'hi* < **ę'ki* , *ijé* 'мать' < **i'he* < **ę'ke*), эта форма поддерживается взаимовлиянием с **y* 'лес', этимологически однокоренным на праалтайском уровне, **jyɣač* > МК *jyɣač*, кирг. *ǰyɣač*, сюг. *jiɣaš*, **jaɣač* > карлук. уйг. *jaɣač*, узб. *jɔɣɔč*, **aɣač* > огуз. **aɣaǰ*, кыпч. **aɣač*, хак. *aɣas*, шор., алт. *aɣaš*. Причем в сибирских (включая киргизский), кыпчакских языках интервокальный спирант не выпадает и не изменяется в *-w-*, в тувинском же вообще ведет себя как исторический сильный. Это все указывает на морфологическую границу, проходившую по этому согласному, и несомненную связь с засвидетельствованным только в ранних памятниках **y* 'лес', данное архаичное образование имеет как параллели тунг.-маньч. **piakča (~ -ks-)* 'древесина', эвенк. *hākte, hākre*, эвен. *hāqъr*, нег. *xāksa*, ороч. *xakị*, ма. *faksa* и яп. *pa'asi* 'лес', а пратюркский односложный корень – монг. **hoi* 'лес', тунг.-маньч. **pōj-/*piā-ki* 'береза, лиственница', кор. **pə-* 'береза', яп. **pí* 'японский кипарис').

Особый случай:

чув. *čъɣъ, čə̑ɣə̑* 'курица', дун.-болг. *текоу [teku]*, булг. > венг. *tyúk*, что является отражением раннечувашского варианта типа **t'ja'quh* (сокращение огубленного гласного перед *-q-* аналогично развитию **-o-* в такой же позиции), в остальных тюркских языках эта основа имеет несколько видов: огуз. **tavuG* > турк. *tovuq*, хор. *touq*, аз. *tojuG* (!) (< **tiavuG*), тур. *tavuk*, гаг. *tauk*, кыпч. **tawuq* > тат., каз., башк. *tawyq* и т.д., сюда же примыкают и узб. *tɔwuq*, кирг. *tōk*, чул. *tōq*, восточный вариант **taqaɣu* > др.-уйг. VIII в. *taqyɣu* (с выписанным отдельным знаком вторым *-y-*), МК *taqaɣu* (с выписанным алифом на месте второго *-a-*), сюг. *ta'qaɣə*, уйг. *toxu*, тув. *da'gā*, и архаичное уменьшительное образование **taq-ńaq* dim. > хак. *taŋax*, диал. *taɣax*, тоф. *taqqyjaq*. Возможно, пратюркская форма этого слова была **t'ja'qʌvu* в огузских и кыпчакских – метатезированный вариант **t'javuqʌ*, а в восточнотюркском ареале **-v-* начала третьего слога закономерно заменяется на **-ɣ-*, так как по фонотактике в такой позиции от начала слова допустим только **-ɣ-* (~ монг. **takiha* id., тунг.-маньч. **tiaku* 'курица, цыпленок', яп. **taka(m)pái* 'чирок, утенок').

Пратюркский дифтонг **je* для большинства слов можно реконструировать только в анлауте. В чувашском он дает рефлекс *ja-*, а перед шумными велярными особый «сокращенный» рефлекс *jə-*, фонотактически соответствующий *#jï-* и как бы отражающий развитие пратюрк. **ę* после йота [**#je-* > **jɛ-* > *ja-*, **#jeK-* > **jęK-* > **jiK-* > *jəK-*]. Это внутренняя чувашская инновация (ср. развитие **jaɣ-*), и постулировать распределенные дифтонги с закрытым

гласным на пратюркский уровень не имеет смысла[52]. Единственным надежным случаем с инлаутным дифтонгом в середине слова можно считать случай после, где [*Pi̯e- > *P^{i}ɛ- > Pe-], вместо обычного развития в ожидаемый *-a-*: пратюрк. **bi̯er-* > чув. *per-* 'бросать, кидать, раскидывать' при станд.-тюрк. **ber-* 'стучать, бить, швырять', кирг. *ber-en* 'брошенный', кыпч. **ber-*, но тат. и башк. *bɛr-* с открытым гласным (!), а не закономерным рефлексом с *-i-*; кроме того, сюг. *p'er-* имеет начальный придыхательный губной аналогично другим случаям с дифтонгами (см. выше 'печень'). После других согласных **-i̯e-* довольно рано совпал с пратюрк. **-e̯-* или при собственно чувашском развитии, или уже на пратюркском уровне. Огузский на месте дифтонга с долгим гласным имеет **ē-* в таких же позициях, что и при рефлексах пратюрк. **ē̯* (см. выше), якутский также представляет *i-*.

чув. *jal* 'деревня', як. *ilgē* 'родня, родственники', огуз. **ēl* 'страна, народ', турк. *īl*, аз. *el*, тур. *il* (!) < пратюрк. **i̯ēl* (ср. монг. **ajil* 'семья, группа юрт', **ajimag* 'племя', произведение монгольского первого слова из **aɣyl* 'загон для скота' крайне сомнительно, обычно в тюркизмах *-g-* передается, и довольно трудно представить себе такое развитие семантики в монгольском для заимствованного технического термина);

чув. *jabal-* 'отправиться' (с показателем страдательного залога), як. *īp-* 'отправляться' < пратюрк. **i̯ēp-*, в других языках только каузатив 'посылать' – огуз. **ēber-*, турк. *īber-*, уйг. *ebɛr-*, узб. *ibɛr-* и *jubɔr-* (!) (< **jɔbɔr-* < пратюрк. **i̯ap-ar-*, ср. случаи колебания ряда выше в *pürne*), кыпч. **ǯeber-* > тат. *žibɛr-*, кар. *jeber-*, **žiber-* > башк. *jeber-* (может быть, и в предыдущий вариант), каз. *žiber-*, ног. *jiber-*, ккалп. *žiber-* (~ монг. **jab(u)-* 'идти, ходить', тунг.-маньч. **pupē-n-* 'отлучаться', яп. *pápúr-* 'бродить, оставлять (кого-л.)');

чув. *jeś-*, *ǰeś-* (с упереднением гласного между *j-* и *ś*, второй вариант по ранней ассимиляции **jelć-* > *ǰelć-* внутри чувашского до упрощения консонантной группы) 'вести', як. *ilt-/ilč-V*, *elt-/ elč-V*, огуз. турк. *ilt-*, тур. *ilet-* (сохранение рефлекса **e̯-*, но морфонологическое переразложение основы), кыпч. **elt-* и т.д. < пратюрк. **i̯elć-*. Чувашский и якутский отражают старый вид основы на **-č*, в других тюркских языках это редкое для глагольной основы сочетание устранено и в качестве основного варианта выбран морфонологический вариант перед согласным на *-t;*

чув. *jat* 'имя', як. *āt*, тув. *at*, огуз. **ād*, кыпч. *at* и т.д., но в наманганском диалекте узбекского языка – *ɛt* (!). В этом слове представлена пратюркская альтернация дифтонгов в основе **i̯āt* и **i̯ēt* (в чув. и узб. наманг.)

---

[52] Скорее, разные рефлексы в чув. дают долгие и краткие дифтонги, ср., с одной стороны, чув. *jat* 'имя', *jabal-* 'отправиться', *jal* 'деревня' и *jaGa* 'гладкий' (при *jəgev* 'оселок', как рефлексе сокращения в трехсложном слове) – с огузско-якутской *долготой*; с другой стороны, *jəgər* 'пара, двойной', *jəksək* 'дрянь, негодный', *jəksü* 'горечь', *jənse* 'затылок' (кыпч. **eŋse*, туркм. *jeŋse*), *jərken* 'проныра' (**er-* 'забава, шутка, баловство', аз. *ärkä*, туркм. *ermek*, як. *erke*) с огузо-якутской *краткостью*; распределение по следующему велярному, как следует из приведенных примеров, на полном материале не работает. См. подробней трактовку в СИГТЯ 2002, 40–42. – *Прим. ред.*

(~ тунг.-маньч. **pete-n* 'судьба', кор. **pyə̀tyə́-* 'звать, называть', яп. *pəta-* 'надменная речь');

чув. *jəgev* 'оселок', як. *igī*, огуз. **ēge* > турк. *īge*, **ēge* > *аз. єjє*, тув. *egē*, кыпч. **egew* < пратюрк. **jēkeyə* (~ монг. **(h)ekehün* 'острый', тунг.-маньч. **piki-* 'тереть', яп. **pík-* 'пилить');

чув. *jəgər* 'пара, двойной', огуз. **ekiz* > турк. *ekiz*, аз. *єkiz*, тур. *ikiz* (!), тат. *igez* и т.д. < пратюрк. **je'kiz̃* [~ монг. **jikire* 'близнецы' (неавтоматический *j*- отмечается именно в этом слове в восточных диалектах Внутренней Монголии), кор. **pə̀kyə́-* 'следующий', яп. **pə̀ká* 'другой']. Давно сравниваемые между собой пратюркские основы от корня «два» имели уже на пратюркском уровне разный, но похожий анлаут – **e'k(k)i* 'два', **je'kiz̃* 'близнецы' и **ǰeyrimi* 'двадцать'. В последнем случае – озвончение срединного согласного в сочетании и «усиление» начального элемента вплоть до перехода его в аффрикату;

чув. *jəksək* 'дрянь, негодный', МК *eksük* 'недостаток, неполный', огуз. **eksik* > аз. *єskik*, турк. *egsik*, лобн. *öksük* < пратюрк. **jeksükə;*

чув. *jəksü* (*jeksəv-*) (вторичное *-s-* в сочетании вместо *ś* в переднерядной основе) 'горечь, тошнота', МК *ekšig* 'кислый, едкий', огуз. **ekši-* > тур. *ekši*, аз. *єkši*, турк. *egši-t-* 'горчить', гаг. *išі* (!) (с компенсаторной долготой после упрощения сочетания, но с начальным *i-*) < пратюрк. **je'kiłćiyə* (~ монг. **(h)ekehün* 'кислый, горький', тунг.-маньч. **pekču-* 'терпкий, вяжущий').

В случаях со старыми пратюркскими дифтонгами **jo* и **jö* в чувашском языке происходит палатализация предыдущего согласного, в случаях анлаута появляется *j-*, а ядерный элемент развивается аналогично **o*, **ō* и **ö*, **ȫ* соответственно (об их развитии см. выше).

Пратюркский **jo*:

чув. *joba* 'намогильный столб' < пратюрк. **jōp-a(q)*, МК *opuz* 'возвышение, неровность почвы', тур. *obuz*, (?) турк. *ōbur* 'обрыв, пропасть' < пратюрк. **jōpuz̃* (если принимать туркменскую параллель, то скорее первоначальное значение 'могила') (~ монг. **oboho* 'намогильный холм');

чув. *šyra-* (< **šyvra-*) 'искать', МК *soyrat-* 'обыскивать', чаг. *sor(a)yaq* (Pav.C.) 'обыск', узб. *sůrya-* 'спрашивать, исследовать' < пратюрк. **soyra-* ~ **sovra-* (~ монг. **sohoŋgu-* 'выбирать', тунг.-маньч. **seblu-*: 'искать, искать, обыскивать' ульч. *sewlu-*, нан. *seole-*, ма. *seole-*, *suvele-*, яп. *sunku-r-* 'выбирать, отбирать');

чув. *čə̆m-* (с регулярным переходом **-o-* > *-ə̆-* перед носовым) 'нырять', в остальных тюркских переднерядные и заднерядные варианты: уйг. *čöm-*, МК *čöm-*, *čom-*, тат. *čum-*, тоф. *šom-*, хак. *som-* etc. < пратюрк. **č'om-*, от этого корня есть производное **č'omu-č(u)* 'черпак' (~ монг. **čomu* 'черпак', тунг.-маньч. **šom-* 'глубокий, провалиться под лед, черпак', кор. **sə̀m-* 'заглатывать', яп. *səmá-* 'макать, погружать в краску').

Пратюркский **jö*:

чув. *jə̆m* 'штаны' (с регулярным переходом **ö-* > *ə̆-* перед носовым), МК *öm* 'одежда', сюг. *jüm*, *üm* 'халат' < пратюрк. **jöm* (~ монг. **emüdü-n* 'штаны', **emüs-* 'одеваться', тунг.-маньч. **im-* 'халат, ритуальная шапка');

чув. *шыл* (в катехизисе XIX в.) 'чечевичная похлебка', мар. *šyl* 'суп' (Веске 1, 9), сюг. *söl* 'мясной бульон, кровяная похлебка', тур. *söl* 'сукровица', тат. *sül* 'мясной сок' як. *öl* в словосочетаниях *öl xap-* 'заморить червячка', *ölö bystybyt* 'он обессилел от длительного голода', ср. МК *süllüg et* 'недоваренное (с остатками крови) мясо' < пратюрк. **s̨iöl* (~ монг. **silö* 'суп, бульон', тунг.-маньч. **šōla* 'суп, готовый суп, пища', яп. **sirú* 'суп, сок, гной');

чув. *čülək* 'супонь' (< *+čül-ləк* 'нагрудник'), хак. *tös* 'грудь', *tös-tik* 'нагрудник', як. *tüös*, тув. *töš*, огуз. **dõš*, кыпч. **töš*, кирг. *töš* и т.д. < пратюрк. **t̨iöł* 'грудь' (тунг.-маньч. **dilba-* 'диафрагма, брюшина, грудь').

Из дифтонгов со вторым гласным верхнего подъема надежно реконструируются только **i̯y* и **i̯u* с ядерным элементом, соответствующим гласным заднего сингармонистического ряда. Эти дифтонги отмечены лишь в трех словах, следы их видны благодаря палатализации на согласных. Ядерные элементы дифтонгов развиваются в чувашском аналогично обычным **-y-* и **-u-*.

чув. *jyуъr-* 'звать, кричать', МК *qyqyr-*, тоф. *qyhyr-*, як. *kygȳr-*, хак. *xyуyr-*, сюг. *q'yχyr-*, алт. *kyjgyr-*, кыпч. **qyjуyr-* < пратюрк. **qi̯y'qyr-*. В чувашском *-y-* – «удлиненный рефлекс перед старым сильным преаспирированным смычным. Точно такого же происхождения и *-j-* в алтайском и кыпчакских, ср. аналогичное развитие в словах **by'tə* 'вошь' и **y'tə* 'собака' > *bijt, ijt*.

чув. *jənə* 'ножны', як. *kȳn*, тув. *xyn*, огуз. **qȳn* > турк. *qȳn*, кыпч. **qyn* < пратюрк. **q'i̯ȳnə* (~ монг. **kuji* 'ножны', тунг.-маньч. **xunǯi-* 'берестяной короб, колчан');

чув. *jərəx* 'святой, священный', як. *ytyk*, тув. *ydyk*, хак. *yzyx*, алт. *yjyk*, кирг. *yjyk*, балк. *yjyq*, МК *yδuq*, орхон. рун. *yduq*^{w} < пратюрк. **i̯yδuqə*. Эту основу скорее нужно интерпретировать как старый дифтонг **i̯y-*, так как здесь в чувашском происходит переход заднерядного гласного в передний ряд, как при развитии в середине слова. При простом начальном **y-* ожидалось бы *+jъгъх*; исконным для чувашского был задний ряд, на что указывает *-x*, а не *-k* (~ монг. **jidugan/*hudugan* 'шаман', Кит.Монг.Сл. *jituxan*, ср.-монг. IM *jətxan* 'волхв', LH *hotkun*, даг. *jadagan*, халх. *udag(an)*, тунг.-маньч. **püdē-* 'прогонять злого духа', эвенк. (барг., нерч.) *idāken* 'шаманка' (с утерей *h-*), ульч. *pudeči-* 'прогонять злых духов', нан. *pude-* id., ма. *fudeše-* 'шаманить, кудесничать');

чув. *šyv* (сев.-зап. малокарач. *šu̯*) 'вода', *šə̆var-* (сев.-зап. малокарач. *šu̯ar-*) 'поить' (развитие гласных в чувашском аналогично развитию комплекса *+-uj-*), в руническ их памятниках Тоньюкуку и Моюн-чуру *śub* 'вода' (!) с выписанным мягким *ś*, отражающим палатализацию, як. *ū* 'вода', *ubaγas* 'влажный' (< *+ϑub-γa-γač*), тув. *suγ*, хак. *suγ*, огуз. **suv*, **suvar-*, кыпч. **suw*, **suγar-*, МК *suv, suvγar-* < пратюрк. **s̨iuv*, **s̨iuv-γar-* (каузатив, входит в парадигму с возвратным показателем на *-γan-*) (~ монг. **sihü-sü* 'сок, влага, жидкость', **sib-ka-* 'черпать до дна, выжимать до капли, осушать, выпивать до дна', тунг.-маньч. **šubu-kse* 'сок (мясной, древесный, ягодный)', **šup-ke-*, эвенк. *čū-kse* 'сок', *čū-kin* 'недоваренный (о мясе)', *čup-ke-* 'всасывать, впитывать (о земле)', эвен. *čūs* 'сок', *čup-ka-* 'впитывать', ма. *šugi(n), šuki* 'сок, лак', *še-ke-* 'быть промоченным насквозь водой', нег. *čū-xse* 'сок', *čujerčā*

‘испачканный соком ягод’, ороч. *čū-kse*, уд. *čüö-ŋki* ‘сок’, орок. *tū-kse*, сол. *sū-rče* ‘сок’, *sū-tče* ‘смола’, долгота во всех языках в слове ‘сок’ возникает из-за ассимиляции интервокального *-b-*, связь кор. *pskúr* ‘мед’ неясна).

Очевидно, что уже на пратюркском уровне произошло частичное совпадение **i̯ü* и **i̯i* с обычными гласными **ü* и **i* в большинстве позиций в результате ассимиляции обоих элементов верхнего подъема. Такого типа палатализующих дифтонгов не наблюдается, однако вполне возможно, что на роль **i̯ü* попадает ряд соответствий, где в анлауте в чувашском представлен *#jъ-*, а в начальном сочетании с **-y-* – *#jə̑v-*, формально это рефлекс пратюркского заднерядного **#y-*, в других тюркских языках представлены колебания отражений **#i-* и **#ü-*, т.е. в чувашском [**#i̯ü* > *+ju-* ~ *+jy-* > *jъ-*, **#i̯üy-* > *+jyv-* > *jə̑v-*], в прикрытом слоге после согласного в чувашском *-i-* (непалатализирующий (!), чув. *-i-*, как правило, не является рефлексом гласных верхнего подъема, а берется из сочетаний и при развитии части гласных среднего ряда), а в других тюркских языках отмечается развитие **-ü-* опять же с колебаниями **-i-* [**Ti̯üT-* ~ **Tü̯üT-* > *+TüjT-* > *TiT-*]. Не исключено, что этот ряд можно трактовать как пратюркское сочетание **-üj-*, иначе не засвидетельствованное (кыпчакские и отчасти карлукские языки имеют такого типа сочетания при развитии комплексов с **-δ-*, **-y-*, **-ń-*, **-v-*, а туркменский *üj* происходит из огузского и пратюркского **ü*). Это следующие основы, они однозначно не могут быть с **-i-*:

чув. *kil, kül* ‘дом, домашний очаг’ (здесь *-ü-* не может быть отражением пратюркского **-ü-*, который вне зависимости от долготы дает *-ə̑-*), огуз. **gil* > аз., тур. *-gil* в сложениях ‘семья’, но як. *küle, kū̃le* ‘сени, прихожая’ < пратюрк. **ki̯ūl* или **küjlə* (~ тунг.-маньч. **gūle* ‘жилище’, яп. **kuŕa* ‘сарай’);

чув. *sir-* ‘гнать, прогонять’, огуз. *sür-* > турк. *sür-*, як. *ū̃r-*, в других языках, начиная с орхон. памятников и МК – *sür-* < пратюрк. **si̯ür-* или **süjr-* (~ тунг. **suru-* ‘уходить’, кор. *sýr-* ‘пропадать, исчезать’);

чув. *tilə* ‘лиса’, огуз. **tilki* > турк. *tilki*, тув. *dilgi*, др.-уйг., МК *tilkü*, КБ *tilki*, но в других языках с огубленным хак. *tülgü*, кирг., алт. *tülkü* и т.д. < пратюрк. **ti̯ül'kü* (~ тунг.-маньч. **tūlge* ‘волк’, сол. *tūlge*, яп. **tuárá* ‘тигр’);

чув. *tir-* ‘вдеть нитку, нанизывать’, як. *tis-*, тув. *dis-*, хак. *təs-*, тур. *diz-*, кыпч. **tiz-* >тат. *tez-* и т.д., но турк. *düz-*, аз. *düz-* < пратюрк. **ti̯ür-* или **tüjr-* (~ монг. **dürü-* ‘втыкать’, кор. **čur-* ‘нанизывать’, яп. **túrá* ‘ряд, линия’);

чув. *jъrana* ‘стремя’, огуз. **üzeŋgi* > турк. *üzeŋŋi*, тур. *üzengi*, КБ *üzeŋü*, кирг. *üzöŋgü* и *izeŋgi*, як. *iseŋe* < пратюрк. **i̯ürẽŋü* (~ монг. **dörühe* ‘стремя’, тунг.-маньч. **durẽki* ‘стремя, детское седло’);

чув. *jъt-* ‘поднять’, турк. *it-* ‘толкать, подталкивать’, кирг. *it-*, но якут. *üt-* < пратюрк. **i̯ü't-* (~ монг. **uda-* ‘затеять ссору’, яп. **út-* ‘ударять, бить’);

чув. *jə̑ven* ‘уздечка’, большинство языков отражает промежуточную форму *+jüyen* > МК *jügön*, тув. *čügen*, хак. *čügen*, кыпч. **ǯüyen*, алт. *üjgen*, кар. *ijgen* (<*+üjgen*), як. *ūn*, чаг. (Pav. C.) *ujan*, огуз. **ujan* > турк. *ujan*, тур. *ujan* (при аз. *jüjɛn*) < пратюрк. **i̯üyen* (~ тунг. **luksi* ‘постромки, потяг’).

РАЗВИТИЕ ПРАТЮРКСКОЙ СИСТЕМЫ ГЛАСНЫХ ФОНЕМ

Поскольку в соответствующих разделах СИГТЯ 2002 достаточно подробно освещено развитие вокалических систем дочерних праязыков, мы здесь только подчеркнем основные проблемные моменты, возникающие при интерпретации вышеприведенной реконструкции.

Историческое развитие чувашской системы гласных удобно делить на три этапа: древнечувашский (булгарский), среднечувашский (волжско-булгарский) и собственно чувашский (новочувашский). Судя по внешним данным, первый этап включал в себя время с отделения предка чувашского от остальных тюркских языков до прихода предков чувашей на Волгу, т.е. с рубежа нашей эры до IX в. н.э. Второй этап кончается к XIV–XV вв., а третий этап продолжается до наших дней. По-видимому, уже в течение первого этапа булгарской системой было утрачено противопоставление по долготе-краткости и получены специфические рефлексы верхнего или среднего подъема для закрытых гласных (ср. венгерские заимствования: ПТюрк. **jaŕ-* 'писать' чув. *śyr-* > венг. *ír-* (MNyTESz II 227–228), ПТюрк. **jęr* 'земля' чув. *śər,* як. *sir* > венг. *szer* 'место' (в топонимах), см.: Sinor 1990). Для второго этапа, по-видимому, был характерен процесс редукции узких гласных, изоглосса, захватывающая также уральскую и канглыйскую подгруппы кыпчакских языков. Судя по предположительной хронологии процесса, трудно решить, явился ли индуктором этой редукции именно среднечувашский язык, или, наоборот, такое развитие было принесено с Востока очередной волной кыпчаков. Древнебулгарский, отраженный в венгерских заимствованиях, оснований для предположения о редукции в тот период не дает[53]. Зато, по-видимому, среднечувашский действительно был индуктором лабиализации *а* в уральской подгруппе (см. СИГТЯ 2002, 255): огубленность *а* следует восстанавливать уже для древнебулгарского состояния (см. СИГТЯ 2002, 681); не дунайско-булгарский ли индуцировал соответствующее явление в венгерском?

Еще одно важное свойство булгарской системы – сохранение пратюркских нисходящих дифтонгов: в абсолютном начале они дают *j-*, после согласных вызывают их палатализацию (рефлексы которой сохранили зубные и гуттуральные). Во всех остальных группах нисходящие дифтонги утрачивали *i*-образный элемент.

Для прабулгарского релевантно немотивированное противопоставление гласного непервого слога по огубленности/неогубленности.

Якутско-долганская система гласных сохранила древнее различение долготы и краткости гласных; правда, в какой-то момент ее развития долгие гласные среднего подъема перешли в дифтонги в первом слоге (**ē* > *ie, *ō* >

---

[53] Примеры возникновения редукции уже в древнебулгарском, приведенные в СИГТЯ 2002, 255, – общетюрк. *tana* 'телка' > др.-булг. *tynaw* → венг. *tinó* (чув. *tyna*); общетюрк. *talgy* 'мялка' > др.-булг. *tylŭw* → венг. *tiló* (чув. *tylă*); общетюрк. *jaz-* 'писать' > др.-булг. *jyr* → венг. *ír*), конечно, в действительности относятся лишь к специфической рефлексации пратюркских закрытых гласных, ср. выше.

*uo, *õ* > *üö*). Впоследствии из стяжения вокально-консонантных комплексов возникли новые долгие среднего подъема, а также достигла полной симметрии система дифтонгов (возник дифтонг *ya*). Другое важное свойство этой системы – отражение особых рефлексов **ạ* и **ẹ*, эти гласные становились гласными верхнего подъема *(y, i)*. Еще один характерный момент – переход сочетания *aj* > *yj* в первом слоге в соседстве с признаком назализации.

Для праякутской системы релевантно немотивированное противопоставление гласного непервого слога по огубленности/неогубленности, ср. «окающие» и «акающие» развития в якутских диалектах, по-видимому связанные именно со старым огубленным непервого слога.

Пратобаская система гласных, по-видимому, некоторое время сохранял различение исторической долготы и краткости, которое преобразовалось в признак ослабления/озвончения/лишения придыхательности следующего согласного после первично долгого (видимо, вследствие ослабления на более чем одноморовом расстоянии от интенсивного начала слова) и затем в признак фарингализации гласного. Такое же развитие (не включая следующий этап перехода консонантного признака в вокалический) проходит и в огузской группе. Отметим, что подобное же развитие обнаруживается и в кыпчакских и карлукских языках, но полностью оно здесь проходит только на губном согласном **p*, для **t* и **k* в процесс вмешивается еще один признак, восходящий к праалтайской придыхательности/непридыхательности, которая по всем остальным параметрам должна была быть утеряна уже на этапе перехода от пратюрко-монгольского состояния к пратюркскому – см. выше. Похоже, что здесь следует говорить об общей фонетической инновации, изоглоссе, накрывшей одновременно тобаскую и огузскую группы, что может свидетельствовать о контактном расположении соответствующих прадиалектов в какой-то исторический момент. Между тем начало процесса перехода консонантного признака придыхательности в вокалический (или просодический), по-видимому общего для восточной части центральноазиатского ареала вообще (ср. сходные явления в ордосском и в особенности в монгорском языке), что касается тюркских языков, хорошо фиксируется в сарыг-югурском (возникновение препозитивного придыхания на согласном, по китайским описаниям) и в новоуйгурских диалектах (где в препозиции к бывшему придыхательному согласному возникает спирантный признак: *pišt* 'вошь', *išk*i 'два'). Недостаточность материала по сарыг-югурскому и новоуйгурскому препозитивному придыханию не позволяет выяснить, возникает оно в соответствии с тобаско-огузским или с карлукско-кыпчакским фонетическим правилом.

Впоследствии вторичные долготы возникают из стяжений во всех тобаских языках; за счет стяжений комплексов с **ŋ* и **ń* возникают также фонологические долгие назализованные гласные. Создается, таким образом, исключительное богатство системы вокализма.

Непервый гласный уже в пратобаском, по-видимому, подвергся воздействию губного сингармонизма (как в «плюс», так и в «минус»), и немотивированная огубленность/неогубленность была полностью выровнена.

Пракыргызская система гласных. Пракыргызский постольку, поскольку существует вышеописанное явление в сарыг-югурском, и, возможно, при сохранении первичных долгот в некоторых позициях в чулымском, в раннем периоде также имел систему с различением первично кратких и первично долгих (см. СИГТЯ 2002, 483). Вторичные долготы возникают в нем не только из стяжений, но и (по крайней мере, в чулымском, хакасском и шорском языках) позиционно за счет перепада широкого/узкого вокализма между двумя соседними слогами. Современное состояние сарыг-югурского языка, судя по рефлексации стяжений, говорит скорее о сократившихся вторичных долготах и позднейшем устранении вторичной оппозиции по долготе/краткости.

И пратобаская, и пракыргызская системы, по-видимому, рано утратили оппозицию широких неогубленных гласных по открытости/закрытости.

Немотивированная огубленность/неогубленность непервого гласного, по-видимому, в пракыргызском была полностью выровнена.

Праогузская система гласных. Праогузский, как было показано в СИГТЯ 2002, 42–43, демонстрирует систему вокализма, полученную из общетюркской в результате совпадения закрытого и открытого *а* и закрытого и открытого кратких *е*):

Краткие гласные

i	*ü*	*y*	*u*
e	*ö*		*o*
		a	

Долгие гласные

i	*ü*	*y*	*u*
e	*ö*		*o*
	ä	*a*	

По-видимому, на общеогузском уровне или во всяком случае близко к моменту распада образовалось несколько случаев вторичной долготы: **-iji-, *-yjy- > ī, *-uvu- > ū.*

Во втором слоге различались широкий и узкий, огубленный и неогубленный гласные (как следует из турецких, азербайджанских и туркменских рефлексов вокально-консонантных комплексов); что касается случаев, для которых можно реконструировать пратюркское *ö* второго слога, то, по-видимому, в общеогузском его рефлексы уже распределились, см. СИГТЯ 2002, 43: узкий в закрытом слоге, широкий в открытом.

Пракарлукско-кыпчакская система гласных должна была еще содержать противопоставление гласных по долготе-краткости, как следует из существования описанных в разделе о консонантизме правил озвончения губных, зубных и заднеязычных и особого развития *-jn-* в позиции после долгих.

Пока неясно, сохранялось ли в этой системе противопоставление широких и узких *e* – это зависит от того, имеет ли исторические истоки двойная рефлексация – *a* и *e* – в узбекском (см. СИГТЯ 2002, 340; но не в уйгурском, где соответствующее противопоставление возникает вторично, вследствие уйгурского умлаута).

Часто говорят о том, что карлукскую группу языков объединяет инновационный процесс потери различения *y* и *i* и, соответственно, начало разрушения системы рядного сингармонизма. Вообще говоря, судя по результатам, представленным в современных системах, потеря различения *i* и *y* в узбекском и новоуйгурском может объясняться совершенно разными системными развитиями, из которых оба, скорее всего, обусловлены внешними контактами. Узбекская система полностью утеряла сингармонизм и выстроила вокализм очень явно по таджикскому образцу: с различением *ɔ* и *ä*, *o* и *u*. Новоуйгурская система, за исключением инновационного развития «уйгурского умлаута», имеет типично монгольский облик – с полным набором гласных, но с нейтральным по ряду *i*. Вторичное развитие уйгурского умлаута отчасти восстанавливает гармоническую систему, но оно же может быть сопоставлено и с рядом подобных развитий в новых монгольских языках: калмыцком, аларском, бурятском и пр.

Для обоих карлукских языков наблюдается общий архаизм: сохранение релевантности противопоставления немотивированных огубленного и неогубленного гласного непервого слога (ср. Мудрак 2004).

По-видимому, невозможно выделить специфические особенности пракыпчакской вокалической системы. Рефлексы старого противопоставления по долготе имеют абсолютно тот же облик, что в узбекском. Скорее всего, еще в пракарлукско-кыпчакском было утеряно различение открытых и закрытых. О последующих развитиях, приведших к возникновению специфических особеностей канглыйской и уральской подгрупп, см. СИГТЯ 2002, 254–256, ср. также выше. Отметим только, что фонема *ä*, появление которой в этих системах часто приписывают иноязычному (иранскому) влиянию, активно работает в уральской подгруппе в качестве рефлекса исконного гласного *ä (e)* непервого слога, ср. *igä-* 'точить' < **eke-*, *kiräk* 'нужный' < **gerek*, *irän* 'парень' < **eren*, *tötä-* 'курить' < **tüte-*, представляя, таким образом, скорее некий архаизм. Другая вполне объяснимая фонетически сфера его проявления – опереднение **a* в позиции между двумя палатальными: **sač-* > *čäč-* 'рассыпать'. Такое развитие – общее для уральской подгруппы и чувашского языка.

Противопоставление немотивированного огубленного/неогубленного в непервом слоге должно было некоторое время сохраняться – ср. разные рефлексы комплексов **aby* и **abu*. Впоследствии оно было стерто, по-видимому, процессами губного сингармонизма, который еще позже в ряде языков был устранен (но старое различие, естественно, при этом не восстановилось).

МОРФОЛОГИЯ

ИМЯ

Детальное описание структурных характеристик и типологии морфологии имени в тюркских языках см. в СИГТЯ 1988. Ниже предлагается краткий очерк основных черт исторического развития от раннепратюркской системы (определяющейся, с одной стороны, внутренней реконструкцией, проводимой на результатах сравнения тюркских языков, с другой – контролем возможности внешнего, алтайского, сравнения) к позднепратюркской системе периода распада и далее к результатам реконструкции внутри отдельных тюркских групп. Праалтайские источники тюркского именного словоизменения приводятся по последней по времени алтайской реконструкции, изложенной во Введении к Этимологическому словарю алтайских языков (см. EDAL 221–229).

ЧИСЛО

Для праалтайского состояния можно восстанавливать следующие потенциальные показатели множественного числа:

а) ПАлт. **-t'-*: ПТМ **-ta(n)/*-te(n)* (в основном в маньчжурском), ПМонг. *-d*, ПТюрк. **-t*, ПЯп. **ta-ti*, ПКор. **-ty-r*.

б) ПАлт. **-l-*: ПТМ **-l*, ПТюрк. **-lar*, ПМонг. **-nar*, ПЯп. **-ra*.

В японском этот аффикс обозначает прежде всего ассоциативную множественность, в монг. и ТМ – множественное число обозначений живых существ. Во всяком случае, можно предполагать первоначальное семантическое распределение показателей.

Афф. **-ŕV* мог первоначально обозначать парную множественность, ср. наличие у многих тюркских лексем на **-ŕV* алтайских параллелей на **-n* (ПТюрк. **kökü-ŕ* 'грудь', ПЯп. **kəkə-rə* 'сердце' vs. ПМонг. **kökö-n*, ПТМ **kuku-n* 'грудь' и под.). Отсюда можно предположить первоначальную оппозицию «сингулярного» **-nV* vs. «дуальный» **-ŕV*, «плюральный» **-t'V* и «ассоциативный» **larV*. По всей видимости, эти аффиксы в праалтайском, как и в большинстве современных языков алтайской семьи, носили необязательный характер, употребляясь только в случаях, когда требовалось подчеркнуть числовое значение, что сближает выражение множественного числа со сферой действия «категории определенности» (отметим, что рефлексом сингулярного *-*n* в корейском может быть показатель темы *-n-*, см. Холодович, 11):

kȍk'ȅ* 'грудь, -и' (неопр.): **kȍk'ȅ-nV* 'одна грудь': **kȍk'ȅ-ŕV* 'две груди': (kȍk'ȅ-t'V* 'много грудей') (опр.);

**ȉna* 'брат, братья' (неопр.): **ȉna-nV* 'один брат': **ȉna-ŕV* 'два брата': **ȉna-t'V* 'много братьев' : **ȉna-larV* 'братья и их семьи/друзья' (неопр.).

Такая ситуация хорошо согласуется с обилием типов образования множ. числа в современных алтайских языках.

В пратюркском состоянии, по-видимому, форма парной множественности уже не функционировала, сохраняясь как реликт в застывшем виде. Множественное число для этого хронологического уровня следует считать скорее словообразовательной категорией (собирательность?), необязательной для выражения и имеющей несколько нежестко распределенных показателей (*-t* преимущественно для наименований лиц, *-lar* в прочих случаях; еще о нескольких возможных для пратюркского аффиксов собирательности см. СИГТЯ 1988,10–22). После выделения булгарской группы в ней произошла, по-видимому, грамматикализация выражения множественного числа с опорой на аналитическое сочетание, ср. гипотезу Г.И.Рамстедта (Ram.Tsch. 22), где чувашский показатель множественного числа *-sem/-sen-* возводится к тюрк. **sajin* 'каждый, весь'. В этом слове чувашское развитие довольно регулярно: **a* переходит не в *-u-*, а в **-a-*, т.е. как непервый гласный из-за энклитического характера данной основы, вторично в новочувашском **-a-* > *-e-* из-за последующего **-j-*. Первоначальная независимость слова подтверждается отсутствием ассимиляции по ряду гласных основы для показателя *-sem/-sen*. Конечное *-m* соответствует тюрк. **-n* и восходит к пратюрк. **-m*. В локативе и аблативе показатель требует исторически палатализованных вариантов аффиксов *-če* и *-čen*, что однозначно позволяет трактовать показатель множественного числа как осложненный аффиксом 3 л. Косвенная основа *-sen-* является стяженной формой имени и *-əo-* (3 л.) с ассимиляцией последнего согласного основы последующим *-n-*, а современный суффикс множественного числа исторически представляет собой синтаксическую конструкцию вида «дом + каждый (весь) – его», т.е. «каждый дом, все дома́» > «дома́»:

совр.чув. *-sem*	ср.-чув. **-saj(y)m-y*
совр.чув. *-sen-*	ср.-чув. **-sajmyn-*

При этом старые показатели собирательности вышли из употребления.

В «общетюркской» группе, напротив, грамматикализуются старые показатели собирательности, хотя остается в силе свойство категории числа выражаться лишь в маркированном случае. Сложности распределения морфонологических вариантов показателя *-lar* и *-tar/dar* в кыпчакских, кыргызских и тобаских языках позволяют предположить, что вначале «общетюркская» ситуация с показателями множ. числа была похожа на нынешнюю якутскую, т.е. наряду с показателем *-lar* функционировали и показатель *-t* от названий лиц, и образуемый по аналогии двойной показатель множественности *-t-lar* > *-t-tar* >*-tar*; впоследствии в части ареала этот двойной показатель множественности становится алломорфическим вариантом показателя *-lar* (ср. СИГТЯ 2002, 301–303, 481).

СКЛОНЕНИЕ

Падежные аффиксы, выводящиеся для праалтайского состояния (значения восстанавливаются приблизительно):

Номинатив 0: ТМ *0 (Benzing 1956, 79); ПЯп. 0; ПКор. 0; ПМонг.; ПТюрк. 0.

Аккузатив **be:* ТМ **-ba/-*be* (Benzing 1956, 80–82); ПЯп. **wo*.

*Партитив *ga*: ТМ партитив/определенный аккузатив **ga* (Benzing 1956, 82); др.-яп. посессив ga; ?ср.-кор. аккузатив *-y-r (*-g-* выпадает регулярно, но источник *-r* неясен); ?ПМонг. определенный аккузатив **-γ*; ПТюрк. определенный аккузатив субстантивной парадигмы склонения *-(I)g*.

Генитив **-ńV*: ПТМ **ŋi;* др.-яп. no; ср.-кор. *-ń;* ПМонг. **-n*; ПТюрк. **-ŋ*.

Датив/локатив **du/*da*: ТМ датив **du* (Benzing 1956, 83), локатив *-dā* (Benzing 1956, 61); др.-яп. атрибутив/локатив *-tu;* ПМонг. датив/локатив *-da/-du-r*, атрибутив *-du*; др.-тюрк. локатив/аблатив *-tA/-dA*.

Датив/инструменталь **-nV*: др.-яп. датив/локатив *ni*; ПТюрк. инструменталь *-(I)n*.

Датив/директив **-k'V*: ТМ директив **kī* (Benzing 1956, 84); ПТюрк. датив *-kA*.

Комитатив/локатив **lV*: ТМ локатив **lā* (Benzing 1956, 84), пролатив **lī* (Benzing 1956, 84); ПМонг. комитатив **-luya*; ПТюрк. *-lI, -lIg* (Рам. 1957, 46–47); ПКор. инструменталь/латив *-ro*.

Комитатив/экватив **-č'a*: др.-яп. комитатив *-to*; ПМонг. аблатив *ča;* терминатив *ča(ya)*; ПТюрк. экватив/пролатив *-čA*.

Аллатив **-gV:* ТМ аллатив **gī* (Benzing 1956, 60–61); ПМонг. **-(γ)a* (Рам. 1957, 39–40); др.-тюрк. директив *-gA-rU*; ср.-кор. *-'əi*.

Директив **-rV:* монг. директив *-ru*; др.-тюрк. директив *-gA-rU;* кор. латив *-ro*.

Инструменталь/аблатив **žV*: ТМ инструменталь **ži* (Benzing 1956, 87), элатив **gī-ži*; др.-яп. аблатив *ju /jüo*; (?) ПТюрк. терминальный датив **(j)A*.

Пратюркская падежная система включает: а) именительный (или основной) падеж с нулевым показателем; форма с нулевым падежным показателем используется не только как подлежащее и именное сказуемое, но также как неопределенное прямое дополнение, прииименное определение и при многих послелогах[54]; б) *винительный падеж* (афф. **-(I)g* – падеж определенного (или, скорее, конкретно-референтного) прямого дополнения; в) родительный падеж (афф. **-(U)ŋ* – падеж конкретно-референтного прииименного определения; г) группа падежей *дательно-направительного характера* (датив: афф. **-kA,* терминальный датив: **-jA*, возможно, также директив *-rA*, см. СИГТЯ 1988, 100); д) инструментальный падеж (афф. *-(I)n*), е) местный (афф. **-tA*); ж) аблатив (афф. **-tIn*). По-видимому, *еще в позднем пратюркском состоянии* развивается в результате действия морфологической аналогии новый аффикс аблатива *-tan*, который можно интерпретировать как афф. местного падежа + афф. инструменталя *-n*. Большая часть тюркских языков унаследовала именно этот аффикс, старый аблатив на *-*dIn* сохраняется в этих языках только в окаменевших наречных формах. В качестве грамматического показателя он функционирует в древнеуйгурском языке, караханидско-уйгурском, чагатайском и современном новоуйгурском языках, но, по-видимому, не в руническом тюркском (см. СИГТЯ 2002, 653–659) и не в современном узбекском. Менее стандартно выделяемые в пратюркском па-

[54] В общем случае тюркские послелоги требуют падежа управляемого слова в зависимости от своего происхождения: послелоги деепричастного происхождения (см. СИГТЯ 1978, 492) сохраняют управление исходного глагола; послелоги, восходящие к существительным с пространственным значением, требуют падежа прииименного определения, т.е. родительного или основного.

дежи – комитатив **-llg*, экватив/пролатив **-čA*, директив **-gArU* – к настоящему времени функционируют в основном как словообразовательные типы, но разная степень деграмматикализации их в разных языках указывает скорее на их падежный характер в праязыке.

Для пратюркского состояния следует восстанавливать послеложное сочетание с **bile(n)*, рефлексы которого встречаем во всех языках, в том числе в чувашском и якутском, причем во многих языках они включаются в падежную систему, функционально замещая старый инструменталь, а также (в силу частичного совпадения функций и формального сходства в результате сандховых развитий) влияя на изменение морфонологического облика окончания аблатива.

Что касается семантики падежей, восстанавливаемых для пратюркского состояния, то, по-видимому, для ее описания не применима концепция общего значения падежа, разрабатывавшаяся в индоевропеистике, в первую очередь Б.Дельбрюком, Р.О.Якобсоном и И.М.Тронским (см. подробно Тронский 2001, 463–473), и более продуктивна опора на филлморианские «глубинные падежи» и введенное в общий синтаксис А.Е.Кибриком понятие «гиперроли». В рамках таких теоретических представлений глагол (главный предикат фразы) рассматривается как означающее некоторой ситуации, и набор зависимых от него актантов определяется мыслимыми как типичные термами-участниками этой ситуации; таким образом, глубинное управление глагола определено его семантикой. При таком подходе, например, можно предложить приемлемое решение известной проблемы противопоставления локатива-аблатива и чистого аблатива в древнетюркском языке. В самом деле, для определенного исторического среза древнетюркского языка можно предположить следующую ситуацию с, так сказать, падежной семантикой: падеж на *-dA/-tA* имеет значение места (является локативом) при непредельных глаголах (примеры из языка тюркских рунических памятников, Кон.ГЯТРП 157–159: *qara költä sügüšdimiz* 'мы сразились у Кара-кёля', *altun jyšda olurtymyz* 'мы жили тогда в Алтунской черни'); при предельных же глаголах он выражает гиперроль выделенной точки протекания действия: при предельных глаголах с выделенной конечной точкой он имеет значение цели, лативное (*jaryqynta jalmasynta jüz artuq oqun urty* 'в его плащ попало более ста стрел'), а при глаголах с выделенной начальной точкой – аблативное (*tabγačda adyrylty* 'он отложился от табгачей', *ujγur jirintä jaγlaqar qan ata keltim* 'я изгнал Яглакар-хана из уйгурской земли'). Падеж же на *-dIn/tIn* на этом срезе служит для выражения начальной точки протекания действия (т.е. как собственно аблатив), если действие выражается иначе, чем предельным глаголом с выделенной начальной точкой, например, глаголом с выделенной конечной точкой (*jaraqlyq qantyn kelip jaŋa eltdi, sügüglig qantyn kelipän sürä eltdi* 'Откуда пришли вооруженные и рассеяли [твой народ]? Откуда пришли копьеносцы и увлекли [твой народ]?').

Такое распределение выражаемых падежной формой семантических ролей с большой вероятностью может «сбиваться» при несовпадении выде-

ленной точки, «зашитой» в лексической семантике глагола, и коммуникативно обусловленной актуализации одного из актантов в предложении, содержащем этот глагол[55]. По-видимому, ко времени зафиксированного древнетюркского языка сбои в употреблении падежей (ср.: *türgäš qayanta körüg kelti* 'от тюркского кагана пришел лазутчик', *men...tabγač qaγanta bedizči kelürtim* 'от табгачского кагана я привез резчиков') оказываются настолько частотными, что для разрешения ситуации язык вынужден ввести новый аблативный падеж на *-dAn/tAn*; признаки «биения» падежных употреблений можно видеть в появлении сложных форм на *-dyntan* (в соответствии с их трактовкой в СИГТЯ 2002, 657). Впоследствии язык справляется с задачей разрешения неоднозначности, унифицируя употребление падежей в зависимости от выражаемой глубинной роли, как более независимое от собственно лексической семантики глагола.

Возможность такого развития связана со спецификой распределения глагольного значения в индоевропейских и тюркских глагольных лексемах: носителем значения характера протекания действия в индоевропейском глаголе часто является не корень глагола, а префикс; соответственно, связывание падежной формы актанта с выраженным в предикате характером протекания действия осуществляется за счет дублирования глагольного префикса наречием-предлогом при существительном, выражающем актант. В тюркских же языках в общем случае все акциональные характеристики включены в собственную семантику глагола; даже ситуативная модификация акциональности производится за счет «парных» аналитических глагольных сочетаний, в которых акциональная характеристика действия, выраженного основным глаголом в деепричастной форме, модифицируется акциональной характеристикой действия, выраженного вспомогательным глаголом в финитной форме. Способ выражения и модификации акциональных характеристик в связи с предикатно-актантной структурой, вообще говоря, является важным параметром межъязыкового варьирования и как таковой представляет значительный интерес для генетических и ареальных исследований языка (ср. большую роль падежного способа в аваро-андо-цезской группе дагестанских языков, большую роль превербного способа в лезгинской группе дагестанских языков, а также исключительную роль глагольно-лексического способа в ведущем языке восточной зоны Центральноазиатского языкового союза – китайском). Таким образом, падежные значения в их связи с лексической семантикой управляющего глагола, т.е. общее устройство модели управления глаголов в тюркских языках – еще одна существенная типологическая черта тюркских языков, к сожалению не попавшая в пилотный список Б.Комри (см. *Comrie B.* Turkic languages and linguistic typology // Turkic languages. 1. Wiesbaden, 1997. P. 14–24) и до сих пор мало

[55] Тот же эффект может давать историческое изменение акциональной характеристики в лексическом значении глагола. Относительно неуниверсальности акциональных классов и их значения как параметра межъязыкового варьирования см. любопытное исследование С.Г.Татевосова по мишарско-татарскому глаголу (*Татевосов С.Г.* Вид и акциональность // Мишарский диалект татарского языка. М., 2004. С. 180–235).

исследованная, но, несомненно, имеющая первостепенное значение для реконструкции грамматической семантики.

Имеются основания для восстановления в пратюркском, так же как в праалтайском, двух типов склонения – именного и местоименного. Местоименный тип характеризуется прежде всего наращением в косвенной основе элемента *-n* (тюркские, монгольские, тунгусо-маньчжурские языки). Кроме того, тюркский и монгольский материал позволяет восстановить по крайней мере два местоименных падежных аффикса, отличных от именных: *-I* аккузатива (определенного) и *-(j)A* датива. В тюркских языках благодаря хорошо развившейся категории посессивности также развивается смешанный посессивно-именной тип склонения – под сильным влиянием местоименного типа, что приводит к перестройкам системы аффиксов во всех группах языков.

Рассмотрим внимательнее пратюркские парадигмы склонения в зоне различения типов склонения.

В руническом тюркском мы имеем (Кононов 1980, 149; Gab. AG 87-89):

Таблица 13

Парадигма	Именная		Посессивно-именная		Местоименная
Падеж	вокал.	консон.	1-2 л. ед. и мн.ч.	3 л. ед. и мн.ч.	
Род.	*-nIŋ*	*-Iŋ*	*-Iŋ*	*-nIŋ*	*bäniŋ, buŋuŋ*
Вин.	*-G*	*-IG*	*-In*	*-n, -nI* (редко)	*bäni, buny*
Дат.	*-KA*	*-KA*	*-A, -KA* (енис.)	*(-I)-ŋA*	*baŋa (< bän-Ga), *buŋa (< buŋ-Ga)*

Кроме того, имеется «дательный-предельный» *-jA* в наречных образованиях: *berije* 'на юг/на юге/с южной стороны', *quryja* 'сзади'. А. Габэн считает его поствокалическим вариантом *-A*. Но *-A* употребляется, строго говоря, только после посесс. аффикса 1 л. и, скорее всего, является аналогически вычлененным из форм типа *baŋa* 'ко мне', *iliŋä* 'в его эль', *ebiŋä* 'в твое жилище' (где произошла ассимиляция начального гуттурального аффикса с конечным *-n* и *-ŋ* основы). В древнеуйгурском *-A* выступает еще при конечном гуттуральном основы: *adaqa, ögä, byŋa* (Gab. AG). В новых языках, кроме огузской группы, о которой речь ниже, *-A* встречается в карлукской группе – с тем же распределением, что в древнетюркском, в кыпчакских – в посессивно-именной парадигме и в Сибири – ср. в шорском – как вариант наряду с *-gA* в посессивно-именной парадигме и иногда как вариант наряду с *-gA* у существительных с основой на *-m*: *qorumya, qoruma* (Дыр. 43, 50), что явно происходит под влиянием посессивно-именной парадигмы. Кроме того, в чувашском вообще отсутствует вариант на *-*KA*, представлены варианты *-A, -jA, -nA*, распределенные по фонетическому облику конца основы. Вариант *-nA*, употребительный после *a, e*, явно недавно выделился из склонения личных местоимений (*mana, sana*). В диалектах на его месте употребляется вариант *-jA*. Вариант *-A* – постконсонантный, а также употребляется после основ на *-u, -ü, -ъ, -ə*, т.е. как раз с ним употребляются все формы с посес-

сивными аффиксами (*-т, -и, -ӥ, -ъ, -ə*) (Левитская 1976, 14, 18-20). Похоже, что в чувашском мы видим такой же, как в древнетюркском, результат переразложения, первоначально закрепившийся в посессивно-именной парадигме, а афф. *-jA* следует возводить к пратюркскому состоянию (ср. выше о возможных алтайских параллелях).

Показатель винительного *-nI* явно появляется из местоименного склонения (переразложение: местоименная косвенная основа + афф. *I*, характерный для местоименной парадигмы) довольно поздно, в руническом тюркском он редок в посессивно-именной парадигме, в древнеуйгурском начинает проникать в именную (Gab. AG 88). В чувашском его нет (поскольку падеж совпал с дательным), в якутском *-ni* – поствокальный вариант в именной парадигме и в 3 л. местоименной парадигмы. В посессивно-именной и в 1-2 л. местоименной используется афф. *-In*. Во всех остальных современных языках *-nI* – основной вариант аффикса винительного падежа (в огузских – поствокальный), кроме него (в не-огузских) имеется (часто как вариант) афф. *-(I)n* для посессивно-именной парадигмы 3 л. Только в огузской группе имеется еще именной афф. *-I*. NB: именно здесь он может быть фонетическим рефлексом *-Ig*. К позднепратюркскому (периода распада) состоянию приходится возводить три аффикса, распределенных по типам парадигм – местоименный *-I*, именной *-Ig* и *-In* посессивно-именной (ср. СИГТЯ 1988, 94-95[56]). Здесь мы не будем искать исчерпывающих объяснений этой ситуации, отметим только, что для двух из этих аффиксов имеются возможные алтайские сопоставления [-**Ig*: ТМ партитив *-*ga* (Benzing 1956, 82), который в СТМ языках имеет функцию выражения определенного объекта, японский посессив *ga* и, возможно, один из вариантов аффикса аккузатива в монгольском, выступающий в именной парадигме *-*iγi*; *-*I*: монг. показатель аккузатива, выступающий в чистом виде при основах на *-n* и в местоименной парадигме и, по-видимому, давший показатель Gen.-Acc. *-ni* в южномонгольских языках]. Для *-In* можно с некоторой натяжкой предположить первоначальное возникновение (в период, предшествовавший распаду общетюркского языка, возможно, в раннеобщетюркском; по чувашскому данных нет) в форме 3 л. из местоименного аффикса с усечением (*at-yn-y* > *atyn*) и последующее распространение на формы 1 и 2 л. в руническом и протоякутском.

Аффикс родительного падежа *-nIŋ*, очевидно, возник в результате переразложения местоименных форм уже в раннеобщетюркский период; исходный поствокальный вариант *-ŋ* обнаруживается только в чувашском (Левитская 1976, 17).

Итак, изменение пратюркской системы от раннепратюркского состояния к состояниям, восстанавливающимся для отдельных генетических групп тюркских языков, можно представить следующим образом:

[56] Мы не можем согласиться с СИГТЯ 1988 в восстановлении афф. *-I* как постконсонантного варианта в именной парадигме – для этого нет достаточных оснований.

I этап *Таблица 14*

Раннепратюркское состояние

Парадигма	Именная		Посессивно-именная		Местоименная
Падеж	вокал.	консон.	1-2 л. ед. и мн.ч.	3 л. ед. и мн.ч.	
Род.	*-ŋ*	*-Uŋ*	*-Uŋ*	*(-I)-n-Uŋ*	*bä-n-iŋ, bu-n-uŋ*
Вин.	*-G*	*-IG*	*-I*	*(-I -n-I*	*bä-n-i, bu-n-y*
Дат.	*-KA*	*-KA*	*-KA*	*(-I)-n-KA*	*bä-n-Ka, bu-n-Ka*
Дат.-пр.	*-jA*	*(-A?)*	*?*	*?*	*?*

После действия собственно булгарских процессов – фонетического процесса падения конечного *y* в неодносложных словоформах (см. СИГТЯ 2002, 701) и морфологического устранения одного из двух близких по значению падежей – образуется следующая прабулгарская система:

Таблица 15

«Прачувашская» система

Парадигма	Именная		Посессивно-именная		Местоименная
Падеж	вокал.	консон.	1-2л. ед. и мн.ч.	3л. ед. и мн.ч.	
Род.	*-ŋ*	*-Uŋ*	*-Uŋ*	*-n-Uŋ*	*manun*
Вин.	*0*	*-I*	*-I*	*-n, -nI*	*many*
Дат.	*-jA*	*(-A?)*	*-A*	*(-I)-n-A*	*mana*

Далее в результате простых фонетических развитий и устранения системно дефектной (в которой один из алломорфов совпадает по выражению с основным падежом) строки парадигмы, в силу чего возникает синкретизм винительно-дательного падежа, а также аналогического перераспределения морфологически обусловленных алломорфов окончаний по фонетическим позициям мы получаем современную чувашскую систему (см. СИГТЯ 2002, 740).

Остальные тюркские языки пошли по несколько иному пути.

II этап *Таблица 16*

«Общетюркская»[57] система

Парадигма	Именная		Посессивно-именная		Местоименная
Падеж	вокал.	консон.	1-2 л. ед. и мн.ч.	3 л. ед. и мн.ч.	
Род.	*-nUŋ*	*-Uŋ*	*-Uŋ*	*-n-Uŋ*	*bäniŋ, bunuŋ*
Вин.	*-G*	*-IG*	*-I*	*-In, -n-I*	*bäni, buny*
Дат.	*-KA*	*-KA*	*-A*	*-I-ŋ-A*	*baŋa, buŋa*
Дат.-пр.	*-jA*	*(-A?)*	*?*	*?*	*?*

[57] В смысле А.Рона-Таша, т.е. оставшаяся после отделения булгарской группы.

При переходе к праякутской системе наиболее очевидное изменение – расширение синтаксических функций неоформленного именного приименного определения, благодаря чему полностью устранился родительный падеж (приименное определение выражается в якутском номинативом). Кроме того, значительные изменения претерпело местоименное склонение. Сначала, по-видимому, как и во всех прочих z-языках, именное склонение окончательно выровнялось по посессивно-именному, потеряв старое окончание вин.пад. и заменив его на *-*nI* (предпочтительно думать, что это происходило после фонетического процесса падения конечного -**g* с удлинением предыдущего гласного, что привело к тому, что старые формы вин.пад. стали выглядеть при основе на гласную как номинатив с удлинением конечной гласной, а при основе на согласную – как посессивная форма с удлиненной конечной гласной):

Вин.	*-V:*	*-I:*	*-I*	*-In, -n-I*	*bäni, buny*

Соответственно, возникает раннепраякутская система:

Таблица 17

Парадигма	Именная		Посессивно-именная		Местоименная
Падеж	вокал.	кон-сон.	1–2 л. ед. и мн.ч.	3 л. ед. и мн.ч.	
Род.	*-nUŋ*	*-Uŋ*	*-Uŋ*	*-n-Uŋ*	*bäniŋ, bunuŋ*
Вин.	*-nI*	*-I*	*-In*	*-In, -n-I*	*bäni, buny*
Дат.	*-KA*	*-KA*	*-A*	*-I-ŋ-A*	*baŋa, buŋa*

После замены окончания аккузатива местоименное *-n* распространяется в качестве вставного по всем формам притяжательной парадигмы, возможно, и парадигмы личных местоимений[58]. Такое развитие должно было, в частности, повлечь почти полное совпадение винительного и родительного, которое в якутском было устранено вышеупомянутым образом. Затем на склонение притяжательных форм распространяется в качестве показателя дательного падежа аффикс направительного падежа *-*gArU*, по-видимому первоначально выступавший в этой функции в основном с указательными и вопросительными местоимениями (образуя формы со значением «туда», «сюда», «куда») – ср. ситуацию в древнетюркском (см. Gab. AG 97–99, ср. як. *muŋar*) – и, возможно, сначала распространившийся в местоименном склонении вообще. Впоследствии личные местоимения заменяют все формы склонения, кроме номинатива единственного числа, на образования от предикативной формы местоимения (на **kü*) частично по притяжательному, частично по именному склонению.

[58] Поскольку местоименная вставка *-(I)n* формально совпадает с афф. винительного падежа, интересно попытаться хронологически связать это явление якутского языка с распространением двойного винительного и подобных явлений в склонении личных местоимений тунгусо-маньчжурских языков – см. Benzing 1956, 108.

Таблица 18

Позднепраякутская система

Парадигма	Именная		Посессивно-именная		Местоименная (личное)
Падеж	вокал.	консон.	1-2 л. ед. и мн.ч.	3 л. ед. и мн.ч.	
Вин.	*-nI*	*-I*	*-In*	*-In*	*mini-k-in*
Дат.	*-KA*	*-KA*	*-(I)-ŋAr*	*-I-ŋAr*	*minik-ke*

Другое важное изменение якутской системы – в результате «подгонки» системы падежных граммем под северно-тунгусо-маньчжурский образец (эффект калькирования, обычно возникающий в ситуации двуязычия, требует взаимно-однозначного соответствия наборов падежных значений контактирующих языков) развивается ряд новых падежных форм, окончания которых формально представляют собой двойные падежи (способ образования, возможно, также поддержанный тунгусо-маньчжурскими контактами) – см. СИГТЯ 2002, 665–666.

Системы пратобаскского, пракыргызского, пракыпчакского и пракарлукского вида однозначно выводимы из пратюркской путем а) все той же замены не-местоименных окончаний винительного падежа местоименными алломорфами, б) устранения дательно-предельного, в) морфонологического устранения постконсонантной серии окончаний (*-Uŋ, -I*) и тотального распространения поствокальной серии (в результате чего можно говорить об устранении противопоставления парадигм):

Таблица 19

Парадигма	Именная		Посессивно-именная		Местоименная
Падеж	вокал.	консон.	1-2 л. ед. и мн.ч.	3 л. ед. и мн.ч.	
Род.	*-nUŋ*	*-Uŋ*	*-Uŋ*	*-n-Uŋ*	*bäniŋ, buniŋ*
Вин.	*-nI*	*-I*	*-I*	*-In, -n-I*	*bäni, buny*
Дат.	*-KA*	*-KA*	*-A*	*-I-ŋ-A*	*baŋa, buŋa*

Что касается праогузского, то после действия фонетических переходов, приведших к праогузскому состоянию, и проникновения в посессивно-именную парадигму «местоименного» аффикса (что произошло, напомним, во всех потомках общетюркского) получаем:

Таблица 20

Праогузская система

Парадигма	Именная		Посессивно-именная		Местоименная
Падеж	вокал.	консон.	1-2л. ед. и мн.ч.	3л. ед. и мн.ч.	
Род.	*-nIŋ*	*-Iŋ*	*-Iŋ*	*-n-Iŋ*	*bäniŋ, buniŋ*
Вин.	–	*-I*	*-I*	*-n, -nI*	*bäni, buny*
Дат.	*-KA*	*-KA*	*-A*	*(-I)-ŋ-A*	*baŋa, buŋa*
Дат.-пред.	*-jA*	*(-A?)*	*?*	*?*	*?*

Дальнейшие развития прагрупповых систем см. в соответствующих разделах СИГТЯ 2002.

ПОСЕССИВНОСТЬ

Аффиксы принадлежности в пратюркском:

Ед.ч. обладателя	Мн.ч. обладателя
1 л. *-(I)m*	*-(I)mIř*
2 л. *-(I)-ŋ*	*-(I)ŋIř*
3 л. *-I/-sI*	*-I/-sI*

В других алтайских языках (монгольских, тунгусо-маньчжурских) категория посессивности развита слабее, и в имеющихся показателях посессивности без труда узнаются постпозитивные посессивные местоимения – т.е. формы родительного падежа от личных местоимений. Хотя тюркские показатели явно имеют местоименное происхождение, однако это не формы личных местоимений, реконструируемые для пратюркского состояния. Для показателей 2 л. имеется возможная алт. параллель в виде личного местоимения 2 л., сохранившегося в японском **nа́* и корейском **nə̀* (см. EDAL 225). Показатель 3 л. может в принципе быть связан с тунгусо-монгольским местоимением 3 л. *-*i* (Рам. 1957, 69–70), впрочем, неясным остается вариант после вокалического конца основы *-sI*.

Система аффиксов принадлежности, сложившаяся, таким образом, где-то на пути от праалтайского состояния к пратюркскому, не подвергалась существенным изменениям на протяжении собственно тюркской истории (ср. СИГТЯ 1978, 28). Развитие системы посессивных аффиксов в группах-потомках см. в соответствующих разделах СИГТЯ 2002.

АФФИКСЫ ЛИЧНОГО СПРЯЖЕНИЯ[59]

Личное спряжение – явление, не слишком характерное для алтайских языков. Оно полностью отсутствует (и не наблюдается в древних памятниках) в японском и корейском (как функциональную замену ему часто рассматривают категорию вежливости), довольно очевидно является новообразованием в монгольских языках (см. Poppe 1955, 251). В тунгусо-маньчжурских языках в маньчжурском личное спряжение отсутствует, в прочих языках аффиксы личного спряжения те же самые, что и посессивные, т.е. энклитические формы личных местоимений (Benzing 1956, 129).

Для пратюркского языка периода распада явно восстанавливаются две серии личных показателей, распределенных морфологически. Одна серия – это попросту постпозитивно расположенные личные местоимения в номи-

[59] См. также пункт «К сложению системы личного спряжения» раздела «Глагол», с. 253 настоящей монографии.

нативе (по-видимому, еще клитики, а не аффиксы в руническом тюркском, ср. также современный тувинский), другая совпадала бы с посессивными аффиксами, если бы не окончание 1 л. мн. ч. *-k*, не слишком хорошо объяснимое внутритюркскими развитиями (см. Щербак, Глагол 34) и засвидетельствованное с древнеуйгурского. Общая картина развития этой серии окончаний по тюркским языкам заставляет предполагать системное вытеснение окончания *-k* посессивным окончанием *-mIz* в различных группах языков (противоположным образом ведет себя азербайджанский язык); окончание не находит себе алтайских параллелей, но находит ностратические (ср. одно из окончаний 1 л. в уральских языках и **g* в составе прямой формы местоимения 1 л. в ПИЕ).

В развитии системы тюркских личных окончаний наиболее заметное явление – это смешение («гибридизация») аффиксов 1-й и 2-й серий, возникновение, соответственно, в первой серии аффиксов 2-го лица *-sUŋ, -sUŋUz*. Таких аффиксов нет в карлукских языках, они имеются в огузских, кыпчакских и сибирских – горноалтайском, хакасском, шорском (не в тувинском и якутском). Анализ, проведенный в СИГТЯ 2002, 113–126, показывает, что для порождения таких аффиксов в огузских языках следует предполагать следующую последовательность процессов: вначале возникает новация 2 Pl. *-sI/ UŋI/Uz*, как склейка *-sIz* + *-I/UŋI/Uz*, затем в части диалектов по аналогии со 2 Pl. вычленяется аффикс 2 Sg. *–sI/Uŋ*, после чего широкий гласный может заменяться на узкий в афф. 1 Sg. (естественно, поскольку во всех остальных афф. гласные узкие), а далее в некоторых диалектах афф. 1 Sg. заменяется на афф. из 2-й серии.

Такое порождение аффиксов лучше всего соответствует огузскому материалу, но не подходит для кыпчакского, где также имеются аффиксы 2 лица *-sIŋ* и *-sIŋIz*. В кыпчакских языках мы видим аффикс 2 Pl. *-sIŋIz* только в тех языках и диалектах, где представлен афф. 2 Sg. *-sIŋ*, но не наоборот, ср., например, литературный татарский, крымскотатарский, караимский, ногайский, кумыкский (см. Щербак, Глагол 23–40): *-sIŋ – -sIz*, казахский *-sIŋ – -sIz, -sIŋdar* (при 2-й серии *-Iŋ – -IgIz*). Здесь перерасчленение аффиксов явно начиналось с ед. ч. (этому должно было предшествовать аналогическое распространение узкого гласного в формах 1 и 2 л. ед. числа 1-й серии). Так же устроены системы и в сибирских языках (кирг., галт., шор. Sg. *-Iŋ, -zIŋ* – Pl. *-Iyar, -zIyar*; хак. Sg. *-zIŋ* – Pl. *-zar*). Таким образом, этот процесс явно проходил раздельно в разных языковых подгруппах и не образует генетического единства.

Остальные развития системы личных окончаний легко объясняются вытеснениями аффиксов одной серии аффиксами другой серии, которые также можно считать довольно поздними и не образующими специфических изоглосс генетического происхождения.

ГЛАГОЛ

К РЕКОНСТРУКЦИИ ГРАММАТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ ГЛАГОЛА

Структура морфологических категорий тюркского глагола

В современных тюркских языках глагол представляет собой разветвленную и сложно структурированную систему морфологических и морфолого-синтаксических образований, манифестирующих во многом одинаковый для них набор семантико-грамматических категорий. Эти категории эшелонированы, поскольку образуют относительно автономные сферы: словоизменения, формообразования и словообразования. Сферу глагольного словоизменения составляют категории наклонения, времени, лица–числа. Инкорпорированность друг в друга средств выражения наклонения–времени–лица–числа создает наиболее важные в коммуникативном плане ряды парадигм. К сфере формообразования относят категории переходности/непереходности, залога, отрицания, возможности/невозможности совершения действия, способа действия. Глагольное словообразование в чистом виде ограничивается процессами межчастеречной деривации, однако во многом в русле словообразования лежат такие формообразовательные категории, как переходность и залог. Напротив, формообразующая категория способа действия смыкается со словоизменением, о чем свидетельствуют многочисленные случаи перехода аналитических конструкций акционсарта в состав временны́х форм.

Особое место в системе морфологических глагольных категорий занимают функциональные формы глагола, или вербоиды, – имя действия (масдар), причастие, деепричастие, – сочетающие в себе общекатегориальное значение действия (т.е. глагола) с общекатегориальными значениями соответственно: предметности (т.е. существительного), признаковости (т.е. прилагательного) и обстоятельственности (т.е. наречия). Комбинирование свойств частей речи в пределах слова в лексико-семантическом отношении представляет собой процесс деривационного плана. В семантико-грамматическом отношении вербоидные формы примыкают к сфере словоизменения, поскольку образуют оппозицию собственно вербальным лично-спрягаемым формам времен и наклонений по линии финитности/инфинитности: в отличие от спрягаемых форм, играющих в предложении роль конечного, т.е. главного, сказуемого, функциональные формы могут выступать только в качестве сказуемых зависимых частей осложненного или сложного предложения (за исключением случаев ревербализации, или финитизации, функциональных форм, т.е. втягивания их в функционирование финитного характера).

Сравнительный анализ современных языков и диалектов самой различной функциональной активности с наиболее древними тюркскими памятниками VIII–X вв., а затем последовательно и с данными более поздних языковых фиксаций показал устойчивость основного каркаса глагольных категорий (за исключением определенных потерь в маргинальных диалектах) на

фоне формальных и семантических изменений, иногда – значительных, в морфологическом устройстве каждой отдельной категории. Поскольку указанная устойчивость сохраняется тюркскими языками на протяжении достаточно длительного периода их самостоятельного существования, это дает основание компаративистам относить то общее в структуре категорий и конкретных средствах их выражения, что присуще всем или большинству засвидетельствованных языков, живых или мертвых, к достоянию общетюркского праязыка, сохраненному его далекими потомками. Вместе с тем, как показывает сравнение разновременных синхронных состояний глагольной морфологии (а сравнение реальных исторических результатов – это наш единственный способ уловить тенденцию и постичь процесс развития в его доисторической ретроспективе), категории словоизменения – наиболее динамично развивавшаяся в послепратюркское время часть морфологического глагольного аппарата. Одной из ключевых проблем здесь является соотношение финитных и инфинитных форм глагола.

Полифункциональность и специализация семантико-синтаксических функций глагольных форм

Разграниченность форм глагола на функциональные разряды лучше всего выявляется в их семантико-синтаксической роли в предложении: так, финитная форма функционирует в качестве ядра пропозиции, являясь естественным предикатом предложения; имя действия занимает место при предикате в качестве его актанта или обстоятельственного распространителя; причастие служит процессуальным непредикативным определением имени; деепричастие выражает дополнительный предикат, который может быть содержательно (не грамматически) самостоятельным или несамостоятельным по отношению к главному предикату предложения.

Функциональная специализация глагольного словоизменения в некоторой части форм находит поддержку в их полном морфемном размежевании. Уже в древних языках, а затем и в новых были и имеются специализированные по функциям глагольные формы-монофункционалы – только временны́е (общетюрк. прош. на *-dy*), только причастные (др.-тюрк. на *-gma*, совр. тур. на *-an*), только субстантивные (др.-тюрк. на *-gu*, *-guluk*, *-galy*, совр. тур. на *-ma*). Особенно заметен слой монофункциональных древних деепричастий – на *-a/-e*, *-y/-i*, *-u/-ü*, *-yp* и производная от этой последней форма на *-ypan*. Однако многие, можно даже сказать – *большинство*, словоизменительных форм самых разных современных и древних тюркских языков допустимо определить как полифункциональные, поскольку их морфемы в идентичном или близком фономорфологическом виде представлены не в одном, а в двух, трех и даже максимально – в четырех функциональных разрядах глагола.

Например, общетюркская форма на *-r*: а) известна практически всем языкам в качестве основы лично-спрягаемой формы времени с семантикой настоящего общего (неотносительного) либо будущего – в зависимости от

языка, при этом в соединении с показателями прошедших времен она участвует в большом числе сложно-составных аналитических или синтетических форм типа имперфектов и конъюнктивов; б) во многих языках выступает в функции причастия настоящего и/или будущего времени; в) отмечается в роли склоняемого имени действия, хотя это имеет место еще в меньшем числе языков в сравнении с причастным функционированием. Аналогичным образом широко известные, в том числе в древнейших языках, но, видимо, все же ареально ограниченные, перфектные формы на *-myš* и *-gan* достаточно активно продуцируют в качестве форм времени, причастия и имени действия.

Наряду с отмеченными выше функциями, формы на *-r, -myš* и *-gan* способны, занимая полупредикативную позицию, окказионально выполнять роль деепричастия. Это связано с тем, что, согласно тюркскому синтаксису, глагольная форма в позиции неглавного сказуемого не требует обязательного личного оформления и чаще всего остается потенциально-личной, как при односубъектности сказуемых (тур. *Ben gelir alırım // Ben gelip alırım*), так и в абсолютивных построениях с разными субъектами [*Anne gelir ben alırım // Anne gelip ben alırım*; правда, первое из этих построений (*Anne gelir*) уже не принимается стандартным языком и носит оттенок просторечия].

Древние глагольные формы в еще большей степени, чем современные, отличались полифункциональностью выражающих их морфем. Например, в языке орхоно-енисейских памятников упоминавшиеся в этой связи выше формы на *-r* и *-myš* отмечаются в тех же функциях, что и в современных языках – собственно глагольной финитно-временно́й, инфинитно-причастной и инфинитно-субстантивной. Форма на *-duk*, которая в современных языках огузской группы продуцирует главным образом как имя действия, в орхоно-енисейском выступает тоже преимущественно как имя действия, но наряду с этим, хотя и достаточно редко, как истинное причастие (об этом несколько ниже), а также как финитная форма времени в гетерогенной парадигме прошедшего заглазного на *-myš//-maduk*, -в качестве ассоциированного отрицательного члена этой парадигмы. Интересно отметить, что сопряженность форм на *-myš//-maduq* в качестве положительного // отрицательного противочленов единой парадигмы сохранилась в якутском глаголе, где эта оппозитивная связка представлена в двух вариациях, получивших статус самостоятельных временных форм: 1) прежде прошедшее на *-byt* (<**-myš*)*//-batax* (<**-ma+dyq*) + показатели лица посессивного характера (за исключением 1-го и 2-го лиц множ.числа); 2) прошедшее результативное на *-byt* (<**-myš*)*//-batax* + показатели лица местоименного характера (противопоставление прежде прошедшего и прошедшего результативного нерелевантно для 1-го и 2-го лиц мн.ч., поскольку в этих формах в якутском глагольном словоизменении представлены только местоименные показатели).

Полифункциональность характерна и для других древних форм глагола. Такова форма будущего временного плана на *-tačy*, в орхонских текстах VIII в. применявшаяся как финитная форма с личными окончаниями, а так-

же как причастие. В качестве показателя времени в отрицательных формах будущего на *-tačy* употреблялся аффикс *-čy* (очевидно, краткий, неосложненный вариант показателя *-tačy*). В древнеуйгурских памятниках IX–X вв. форма на *-tačy* функционировала как причастие; часто субстантивируясь, она выступала в именных позициях, в том числе в присвязочной части, все-таки не достигая при этом подлинной финитности. Финитной же в древнеуйгурских текстах была форма на *-ga* ~ *-gaj*. В противостоянии форм на *-tačy* и на *-gaj* состоит одно из немногих, но заметных морфологических различий орхонского и древнеуйгурского литературных тюркских диалектов.

Свойственная обоим древнейшим литературным языкам глагольная форма с показателем *-sar*, известная по своей более частотной функции инфинитной полупредикативной формы с условным значением (условное деепричастие), редко, в отдельных текстах выполняет также функции имени действия, а кроме того – причастия настоящего времени с модальными оттенками возможности и долженствования, причем такое причастие может субстантивироваться, например: *erdemlig bolsar bodun isrik jörümedi* (E 29_4) 'народ, являющийся (букв. долженствующий быть) доблестным, пьяным не слонялся'; *yraqda bölser* (Тон$_5$) 'тот, кто (умеет) различать (букв. умеющий, способный различать) издалека'; *ilk qyrqyzqa süläsär jäg ärmiš tedim* (Тон$_{23}$) 'лучше было бы сначала повести войска на кыркызов, сказал я'.

Таким образом, можно говорить о полифункциональности морфем *-r*, *-myš*, *-gan*, *-duk*, *-tačy*, *-sar* и им подобных, и – с оговорками – о полифункциональности выражаемых этими морфемами форм, памятуя, что форма – это не только образующая ее морфема с определенной семантикой, но и присущая ей грамматическая функция с устоявшейся для выражения этой функции синтаксической позицией или конструкцией. В этом плане оправдан тезис о существенной роли синтаксического критерия в размежевании глагольных форм на функциональные разряды.

Диахронное сопоставление форм, о которых идет речь, показывает, что в современных языках во многих случаях полифункциональность морфологических показателей старого состава заметно убывает, происходит разделение совмещаемых функций на продуктивные, ведущие, и непродуктивные, пережиточные. В некоторых формах отдельные функции вообще угасли, тогда как в древних языках представленность разных функций в одной форме в целом имела место чаще и носила более равномерный характер.

Развиваясь в общем русле закрепления в особых формах разных семантико-синтаксических сущностей, полифункционализм глагольных форм преодолевался и внутренне, и внешне. Внутренне – через отмирание, как сказано, у ряда форм некоторых функций; внешне – двумя разными, но по сути однонаправленными путями: во-первых, при помощи сочетания с другими категориальными маркерами: лица – в собственно финитных формах (формы на *-a* и *-ур* и мн. др.), падежа и принадлежности – в субстантивно-инфинитных формах, аморфным примыканием в приименной синтаксической позиции – у причастия; во-вторых, через морфологическое усложне-

ние первичных форм дополнительными показателями, позволившими уже к эпохе древнейших памятников обладать целой серией более специализированных форм следующего состава: *-tačy* < **-ta* + *-čy* (*-čy*, как уже сказано, еще сохранялось пережиточно в отрицательных формах: *-ma-čy*); серия производных от *-ga – -gaj* (будущее причастие; < **-ga+ -il/j*), *-gan* (вневременное причастие; < **-ga* + *-n*), *-galy* (имя действия – супин; < **-ga* + *ly*); *-myš* (прошедшее субъективное; < * *-m* + *-yš*); *-sar* (условная; < **-sa* + *-r*).

Если мы правильно определяем тенденцию, если действительно система стремилась различными путями преодолеть полифункционализм определенного круга словоизменительных глагольных форм, то, транспонировав эту тенденцию в прошлое, мы вправе предположить, что в ретроспективе все или большинство глагольных форм данного круга были полифункциональными. Чтобы понять механизм полифункциональности, необходимо обратиться к семантико-грамматическим различиям функциональных форм глагола, поскольку функция производна от семантики.

Семантико-грамматические различия функциональных форм глагола

Суть семантического содержания функциональной категории «глагольное имя действия» в тюркских языках (как и аналогичных категорий – инфинитивов, масдаров, супинов и т.п. – в других языках) в том, что оно только называет обозначаемое действие (отсюда термин: имя, т.е. название, действия), ср. «человек придет, пришел» → «человека приход/прихождение». Благодаря отказу от процессуальности во всем богатстве ее временны́х, фазовых, модальных и др. нюансов, обозначаемое действие приобретает субстантивный характер, а это позволяет таким словам включиться в смысловую сферу другого глагола в его процессуальной форме, выступая теперь уже в роли именных членов подчиняющего глагола (актантов и сирконстантов глагольной пропозиции) – подлежащего, дополнения, обстоятельств, и принимать при этом именные грамматические категории падежа, принадлежности, числа: «мы узнали о приходе человека», «во (время) прихода/прихождения человека произошло что-то другое», «ради прихода/прихождения человека сделали то-то» и т.п.

Семантическая сущность причастия как функциональной категории глагола состоит в том, что оно называет производителя действия («приходящий», «пришедший»; равно перифразе «тот, кто приходит/пришел»). В отличие от «глагольного имени действия» причастие можно было бы назвать «глагольным именем действователя», или «названием производителя действия». Как и имя действия, причастие может быть субъектом или объектом другого глагола. Однако разница, например, между подлежащим – именем действия («прихождение») и подлежащим – именем действователя («приходящий») очевидна: первое есть событие (производство действия), второе – участник события (производитель действия). Поэтому как тенденция, в современной норме, функции имени действия и причастия разведены по раз-

ным формальным категориям, в том числе и благодаря развитию в формах имен действия дополнительных квазисубъектных маркеров в виде личнопритяжательных аффиксов. Иное дело исторически исходные полифункциональные формы. В самой такой форме (например, на *-r: kelir* 'приход'/ 'приходящий') нет предпосылок к тому, в каком из этих значений она должна или может реализоваться: переход от одной функции к другой осуществляется конверсионно-семантически, без каких-либо внешних показателей, на основе «внутренней деривации», выражающейся в переосмыслении говорящим своей собственной коммуникативной интенции. Происходит своеобразное переключение семантического регистра: «имя действия»/ «имя деятеля». Выявлению или уточнению замысла способствует синтаксическое построение и контекст.

В отличие от называния действия в масдаре и причастии в субстантивном ключе, собственно глагольные формы представляют действие в его конкретности как процесс, протекающий в определенном времени по отношению к факту сообщения (моменту речи), под определенным углом отношения к действительности и осуществляемый определенным производителем действия. Эти семантические характеристики глагольной процессуальности оформляются, или реализуются, в грамматических категориях времени, наклонения, лица-числа. Удается восстановить приблизительную схему сложения этих категорий, очерчивая тем самым становление и развитие глагола на этапе раннепратюркского.

Несмотря на возможность отсутствия показателей лица собственно глагольные формы следует охарактеризовать как сущности преимущественно субъектно-сопряженные, в семантическом содержании которых присутствует производитель действия, эксплицируемый формально-грамматически и/или лексически. В этом плане собственно глагол несомненно близок к причастию. Однако семантическая разница между ними в том, что причастие характеризует субъект, тогда как собственно глагольная форма вместе с субъектом характеризует ситуацию. С другой стороны, не во всех случаях собственно глагол аналогичен причастию. В 3-м лице при неконкретных – неопределенно-личных, безличных – субъектах собственно глагольная форма оказывается близкой к обобщенному названию действия, т.е. к глагольному имени, в котором указание на производителя действия в норме снято. Вероятно, не в последнюю очередь в связи с этим обстоятельством в тюркских языках формы 3-го лица (исторически – без разграничения по числу) установились как нулевые, что, по-видимому, соответствует их семантической неотмеченности: такая форма может выражать как определенно подразумеваемое лицо – стороннего участника коммуникации, так и неучастника – предмет, явление и т.п. И здесь, в формах 3-го лица собственно глагола, переход от семантики субъектно окрашенного действия (близкой к причастию) к семантике обобщенно названного действия (близкой к имени действия), как и в случае перехода в одной и той же форме от причастного типа значения к семантике имени действия, происходит конверсионно. Контекст лишь помогает проявить этот внутренний переход.

Деепричастие – третья инфинитная (наряду с именем действия и причастием) функциональная форма глагола. Синтаксически она тоже предназначена для передачи второстепенного действия. Семантически же деепричастие в основном аналогично собственно глаголу, в ряде моментов отличаясь от него грамматически. Представляя действие, хотя бы и второстепенное, как процесс, протекающий во времени, деепричастие по-особому реализует категориальные значения времени, наклонения, лица-числа. Во-первых, деепричастие не обладает независимой от главного действия временно́й отнесенностью, но выражает фазовую сопряженность с ним: оно обозначает либо предшествие, либо одновременность главному действию, некоторые деепричастные формы способны совмещать оба эти значения, различая их в контексте. Во-вторых, деепричастия могут выражать модальные значения условности, уступительности, долженствования и нек. др., которые, будучи ограничены рамками неглавной части предложения, не распространяются на все высказывание и не принимают тем самым характера наклонения как одной из прагматических целей высказывания. В-третьих, субъектность второстепенного глагола, как и его временна́я характеристика, получает выражение на фоне соотнесенности субъекта деепричастия с субъектом главного действия, причем более обычны сопряженно-односубъектные конструкции, но возможны и разносубъектные построения, когда у деепричастия свой субъект, отличный от субъекта главного сказуемого.

Сопоставляя семантико-грамматический облик деепричастий и собственно глагольных форм, можно сказать, что вторые завершили развитие тех категорий, что были намечены в составе первых. Относительная хронологизация действия в деепричастии была развита в собственно глаголе в систему абсолютных и относительных времен. Модальные значения в большей своей части получили более высокий коммуникативный статус наклонений, в меньшем числе оставшись на положении полупредикативных форм. Имплицитно представленный в инфинитных формах и конкретизируемый в контексте производитель действия, в собственно глаголе эксплицировался в систему лично-субъектных окончаний. Поскольку собственно глагол семантически реализуется как субъектно оформленный процесс близкий либо к причастию, либо к имени действия, то и деепричастие, за минусом субъектной оформленности финитных форм, обладает аналогичной семантикой. Однако реализуется каждый тип семантемы в разном синтаксическом контексте.

При общем соотношении: деепричастие – неглавное действие, спрягаемая глагольная форма – главное действие, – взаимодействие между ними в контексте конкретных предложений носит неодинаковый характер: от во многом независимого, самостоятельного действия, выражаемого деепричастной формой, до различной степени лексико-семантической сопряженности обоих действий. Наличие собственных второстепенных членов предложения, способствующих созданию вокруг деепричастия совершенно самостоятельной ситуации, обычно предваряющей по времени ситуацию вокруг главного сказуемого, делает деепричастие максимально глагольным, выра-

жающим процессуальность. Разница в этом случае между деепричастием и спрягаемой финитной формой не столько семантическая, сколько формально-грамматическая: у деепричастия чаще всего нет самостоятельного модально-временного плана и субъектного отношения, так что оно выполняет роль своеобразного «грамматического местоимения», или формально грамматической анафоры, указывающей: «о моих коммуникативных характеристиках – наклонении/времени/лице – следует судить далее, по главному сказуемому».

Если же речь идет о взаимодействии второстепенного и главного действия, то таковое может носить двоякий характер. В одних случаях, второстепенное действие оказывается включенным в главное действие, служит его качественной характеристикой, сближаясь в этом отношении с наречием. Контекстными условиями при этом являются невыраженность или же только формальная выраженность в предложении собственных для деепричастия объектных и обстоятельственных распространителей. В семантическом плане такое деепричастие близко к обозначению обобщенного названия действия.

В других случаях взаимодействие второстепенного и главного действий принимает, можно сказать, крайне тесный характер, так что это уже не два самостоятельных, а фактически одно действие. Контекстными условиями является элиминирование каких-либо собственных – уже для главного глагола – объектных и обстоятельственных распространителей. Именно при таком, синтаксическом, «обнулении» главного предложения лексическое значение его глагола, примыкающего постпозиционно к второстепенному глаголу, опустошается, обобщается до указания на характер и какие-либо особенности протекания действия, выражаемого второстепенным глаголом. Препозитивный второстепенный глагол остается лексически полноценным благодаря сохранению своего лексического окружения, в глагольном же сочетании он принимает роль основного смыслового глагола. Напротив, постпозитивный главный глагол становится служебным элементом – семантическим модификатором глагольного сочетания. Так образуются сложносоставные аналитические формы различного категориального статуса – конструкции способа глагольного действия, а также возможности/невозможности. В семантическом плане такое деепричастие, как и в предыдущем случае, близко к обозначению обобщенного названия действия, т.е. к имени действия.

К сложению временно́й системы глагола

Очевидно, что полисемантизм древних глагольных форм порождает такое фундаментальное свойство глагольной системы, как существование глагола в его основных функциональных разновидностях с исконно общими формальными показателями. Подобное качество системы представляет собой естественное начало процессов возникновения морфологических категорий разного уровня и характера, осуществлявшихся путем филиации и

самой различной комбинаторики формантов. В плане относительной хронологии этап «изначального полисемантизма форм» следует обозначить как «раннепраязыковое состояние», т.е. самый ранний этап сложения языка определенного материально-генетического типа, в данном случае – раннепратюркского. К этому этапу относится формирование первичного слоя глагольных форм, послуживших базовыми показателями при сложении категорий времени и древнейших показателей причастий, глагольных имен и деепричастий.

Поскольку нельзя определить состав каких-либо категорий раннепратюркского без предварительного восхождения от засвидетельствованных – современных и древних – тюркских языков к их общему состоянию накануне распада праязыка, т.е. к позднепратюркскому, обратимся к сопоставлению имеющихся в литературе опытов реконструкции прежде всего позднепратюркского состояния.

Одна из первых попыток обрисовать «первичное ядро тюркской глагольной системы» принадлежит Б.А.Серебренникову, включившему в него такие формы: 1) настоящее без показателя; 2) настоящее-будущее с показателем *-ar*, *-yr*; 3) прошедшее с показателем *-dy*, *-ty*; 4) прошедшее на *-dyq* (Серебренников 1959, 214). В более поздней, совместной с Н.З.Гаджиевой, работе этот перечень выглядел наполовину по-иному: 1) настояще-будущее с показателем *-a*, *-y*; 2) настояще-будущее с показателем *-ar*, *-yr*; 3) прошедшее с показателем *-dy*, *-ty*; 4) неопределенный имперфект типа *alyrdym* ‘я брал постоянно’ (Серебренников–Гаджиева 1979, 204–205).

А.М.Щербак считает, что «праязыковая схема временны́х форм изъявительного наклонения» должна была выглядеть следующим образом: собственно временные формы: 1) форма прошедшего времени (претерит) – **-mī(γ) ~ *-δī(γ)*, 2) форма настоящего времени – **-a*, 3) форма будущего времени **-ka(j) ~ *-ɣa(j)*; «вневременные» формы: 4) форма неограниченного во времени действия (аорист) – **-(a)p*, 5) форма неограниченного во времени состояния (перфект) – **-kan ~ *-ɣan* и 6) **-pīš ~ *-bīš ~ *-mīš* (Щербак 1981, 94, 95).

В третьем томе настоящего сводного труда «СИГТЯ 1988. Морфология» в разделе «Категория времени», а также в предварявшем эту публикацию более широком историко-генетическом исследовании «Системы времен глагола в алтайских языках» (Кормушин 1984) и обобщающем цикл исследовании по тюркской темпоральности «Проблемы реконструкции пратюркского глагола: темпоральная система, ее истоки и преобразования» (Кормушин 1991) автором данных строк предложен свой вариант общетюркской реконструкции, в основу которого были положены оценки путей развития как содержательной структуры – граммемного состава временных форм, так и их формального состава. Например, в сфере настоящего форма настоящего данного момента, или настоящего актуального, одна из наиболее значимых граммем в современной структуре времен во всех языках совершенно явно демонстрирует свое позднее происхождение из перфектно-

дуративных конструкций. Посленастоящее как особая форма встречается в немногих языках, и обычно в этой роли выступают формы настоящего общего, отодвигаемые с позиции абсолютного времени новыми показателями. В отличие от этих двух граммем – настоящего актуального и посленастоящего, другие две граммемы микрополя настоящего – преднастоящее (перфект) и настоящее общее как наличные в подавляющем большинстве современных и древних тюркских языков и выражаемые краткими, не составными формами древнейшего по ряду признаков состава должны быть, с этих позиций, постулированы в базовую систему позднепратюркского.

В сфере будущего показатели как абсолютного будущего, так и относительных времен разнятся по языкам, обнаруживают следы происхождения из эмфатических или модальных форм, разных в различных ареалах, почему можно думать, что граммемы будущих времен вообще еще не были представлены в позднепратюркском; к тому же постулированная А.М.Щербаком в качестве общетюркского футурума форма на **-ka(j) ~ *-ɣa(j)* ареально ограничена, будучи определенно связанной с восточнотюркским языковым материалом.

В сфере прошедшего все относительные времена – будущее в прошедшем (развивающееся в формы конъюнктива), настоящее в прошедшем (имперфект), предпрошедшее (плюсквампрефект) – имеют составной характер, соединяя либо перфект, либо настоящее общее с прошедшим общим. Формальная составность имперфекта типа *alyrdym* свидетельствует о его относительно позднем сложении и препятствует, вопреки мнению Б.А.Серебренникова и Н.З.Гаджиевой, принятию этой формы в состав первичных показателей системы времен. Только прошедшее общее оказывается исконным в подсистеме прошедшего, а все прошедшие относительные времена предстают вторичными образованиями.

Таким образом, на основе семантико-грамматических и формальных признаков удалось несколько по-иному представить минимизированную структурно-семантическую модель категории времени позднепратюркского языка, состоящего из следующих форм: 1) претерит на **-dy* (или *-δy*), 2) презенсы на **-r* и 3)**-a*, 4) перфекты на **-yb* и 5) **-an* (Кормушин 1988, 368–423).

Сложение временной системы глагола не является просто процессом сплочения, синонимизации той или иной группы форм с однотипной семантикой, в данном случае с семантикой, передающей последовательность событий. В действительности это принципиальный акт, отражающий качественное преобразование всей грамматической системы – появление в ней приемов актуализации высказывания, реализуемых в глаголе и через глагол в виде следующих категориальных значений: 1) отнесенности высказывания к моменту речи, 2) отнесенности события к реальной действительности, 3) субъектной определенности действия. По сути дела, в высказывание вводятся прагматические параметры речи, организующие более развитый тип многослойно-функциональных синтаксических построений. При этом пере-

численные категориальные значения не грамматикализуются, т.е. не принимают характера грамматических морфологических категорий, а остаются в виде сопутствующих значений, дополнительных семантических множителей, наслоений, свободно накладывающихся на событийную структуру высказывания. Поэтому высказывание приобретает два смыкающихся, но не перекрещивающихся содержательных плана: событийный, или семантико-синтаксический, и изобразительный, или прагматический. Причем временные значения обоих планов могут совпадать, а могут и не совпадать.

Остановимся на структуре и особенностях временны́х характеристик, сложившихся в каждом из указанных содержательных планов. При единственности событийного плана, т.е. до появления сопутствующих актуализационных значений, сообщаемые события с помощью древнейших глагольных маркеров получали временны́е характеристики либо друг по отношению к другу, либо по отношению к каким-то моментам прошлого или настоящего, одинаково подразумеваемым говорящими. Подобная характеризация событий напоминает принцип отражения их в деепричастии (относительное предшествование, следование или одновременность действия без прикрепленности к какому-то абсолютному периоду – прошлому, настоящему или будущему) и соответствует понятию категории таксиса.

В таксисе, при отсутствии соотнесенности события с моментом сообщения оценка «степени давности», сама возможность приурочения события «еще к настоящему» или «уже к прошлому» оставалась фактом частного взаимопонимания и взаимодоговоренности коммуникантов. Но с того момента, как любое событие, ставшее предметом высказывания, в общеконвенциональном плане, т.е. в представлении всех говорящих, начинает соотноситься с моментом речи, событийная канва получает ординату времени, связанную с реальной хронологией опосредованно, через восприятие говорящего: все, что происходит синхронно моменту речи или представляется таким образом говорящим, независимо от длительности начальной и конечной фазы действия, получает статус настоящего времени, а все, что говорящим относится к периоду до момента речи, независимо от срока давности, получает статус события прошлого. Высказывание же делается только в момент речи, оно имеет только один временной план – «сиюминутного» настоящего, хотя описываемое в высказывании событие может относиться к любому временному плану – прошлого, настоящего, будущего.

Почему событийная хронология дробна, состоит из нескольких семем, а изобразительно-прагматическая безвариантна, однополюсна? Потому что первая морфологически выражена, каждую семему представляет свой, особый морф или несколько морфов, тогда как вторая не связана с формой, остается скрытой, каждый раз подразумеваемой, домысливаемой, но тем не менее обязательной семантемой; изменения ее параметров без опоры на формальные показатели невозможны или, по меньшей мере, затруднительны для восприятия. С другой стороны, единственность временного плана высказывания помогает говорящему обеспечить актуализацию всего выска-

зывания в целом относительно окружающей действительности: «мое сообщение "происходит / происходило / будет происходить то-то и то-то"» достоверно и реально, потому что делается сейчас, здесь и лично мною».

С общетеоретической точки зрения в сфере настоящего времени (событийного плана) различается несколько семантико-грамматических функций или значений, часть из которых представляет типы настоящего общего (настоящее потенциальное, обозначающее умение действователя производить тот или иной вид действий; настоящее постоянное, обозначающее трудовую деятельность, пребывание, чувства; настоящее характеристичное; настоящее обычной периодичности); другие значения связаны с выражением настоящего данного момента (настоящего актуального) широкого и узкого охвата (Кормушин 1984, 69–70).

Основная ось временной системы организуется с вычленения настоящего данного момента в противопоставлении настоящему общему (Кормушин 1984, 70). Причем происходило это первоначально, как представляется, в «недрах» единой формы настоящего общего (единой, но не единственной, поскольку настоящее время в позднепратюркском выражалось, как указано выше, показателями **-r* и **-a*), путем мыслительной операции – семантизации действия как совпадающего с моментом речи. Внешне форма, отнесенная к моменту речи, не отличалась от общепрезентной, связанность действия с моментом речи являлась поначалу всегда скрытой грамматической категорией. (Как является скрытым, сопутствующим значением постоянная прагматическая отнесенность высказывания к моменту речи.) Лишь много, много позже периода своего возникновения в качестве скрытой граммемы настоящее актуальное получает особые формы выражения, причем истинной причиной возникновения этих особых форм было стремление отразить всевозможные нюансы аспектуального плана, но отнюдь не актуализованность временного плана события.

Вторая ось временной системы заложена в противопоставлении событий прошлого и настоящего. Причем, как одинаково оценивается пратюркское состояние в различных реконструкциях, уже в раннепратюркском, вероятно, существовали две разные семантико-грамматические формации, или граммемы, для характеристики плана прошлого: претерит и перфект. Разность их семантического потенциала проистекает из-за вхождения этих форм в не вполне одинаковые привативно-оппозитивные отношения: претерит в качестве общепрошедшего противостоит общенастоящему (собственно вторая ось временных противопоставлений), а перфект как преднастоящее противопоставлен настоящему данного момента (благодаря чему образуется третья ось временной системы). Из подобной теоретико-грамматической оценки проистекает достаточно нетривиальная импликативная посылка для реконструкции: поскольку настоящее данного момента и настоящее общее «расходятся» путем семантизации из единой формы презенса, то и соотносимые с этими обеими формы перфекта и претерита аналогичным образом должны были произойти внутренне-семантическим деле-

нием единой формы прошедшего. В частности, это помогает прояснить некоторые вопросы соотношения форм перфекта и общетюркского претерита.

Общетюркский претерит на *-dy* может считаться наиболее старой формой в системе времен, почему он и присутствует в самых разных реконструктивных построениях. Кроме самого этого факта – единодушного признания показателя *-dy* непременным звеном пратюркской временной системы, все остальные вопросы аналитической интерпретации данной формы – формального состава, типа используемых личных окончаний, соотношение модального и временного компонентов, первичного характера значения и т.д. и т.п. – многократно и всесторонне дискутировались в литературе, что было достаточно полно отреферировано и в указанных публикациях (Кормушин 1984, 8–17; 1988, 373–388; 1991, 10–23). Не повторяя многого из сказанного, отметим главное: имеет место парадоксальный факт, состоящий в том, что форма на *-dy*, представленная во всех без исключения древних, средневековых и современных тюркских языках, одна из немногих в масштабе всей тюркской языковой семьи обладает монофункциональным статусом собственно глагольной формы, тогда как посессивный характер ее личных окончаний определенно указывает на происхождение всей серии интегрированных лично-временных показателей (кроме неясного *-dyk*) – *-dym*, *-dyŋ*, *-dymyz*/*-dyk* (?), *-dyŋyz* – из глагольных имен, – положение, впервые выдвинутое в тюркологии еще П.М.Мелиоранским и поддержанное затем многими учеными. Возникающие при таком допущении синтаксические трудности объяснения имени действия в функции финитного сказуемого пытался преодолеть Н.К.Дмитриев, который полагал, что исходной структурой при глаголизации масдара послужила именная конструкция с участием предикативов *bar* 'имеется'/*joq* 'нет, не имеется' (Дмитриев 1940, 108). Однако убедительных следов подобного словоупотребления в истории тюркских языков обнаружить не удается. Стремясь подкрепить именную версию, А.П.Поцелуевский привел в одной из своих работ из туркменской классической поэзии и живой разговорной туркменской речи образцы посессивных предложений и без предикативов *bar* и *joq*, однако они базировались на формах более позднего слоя – *-dyq* и *(y)an-* (Поцелуевский 1975, 269–275).

В тюркологической литературе существует теория первоначальной перфектности формы на *-dy*, высказанная Б.А.Серебренниковым в ряде работ (Serebrennikov 1961, 164, и др.) и поддержанная другими учеными. При этом перфектность формы на *-dy* связывалась автором с ее именным характером, – против подобной увязки нам уже приходилось приводить некоторые соображения; основной же посыл состоял в том, что для перфектной версии формы на *-dy* гораздо ближе признание ее исходного статуса в качестве собственно вербального образования (Кормушин 1988, 385–386). Теперь же, после того как выше нами сформулирована импликация, предполагающая на определенной (максимальной) глубине позднепраязыкового состояния существование единой формы прошедшего времени (и это, ко-

нечно, форма на *-dy*), которая в противопоставлении двум семантическим разновидностям настоящего (общего и данного момента) сама приобретала семантическую разноплановость, завершившуюся впоследствии формированием граммем претерита и перфекта.

Немногочисленность свидетельств полифункциональности формы на *-dy*, возможно, подчеркивает ее особо древний характер. Только в самых старых текстах мы встречаем буквально несколько, до десятка, примеров применения отрицательного деепричастия на *-ma-ty* (*udymaty* 'не спя', *olurmaty* 'не сидя', *saqynmaty* 'не думая') и, вероятно, производного от него деепричастия на *-ma-tyn* (*almatyn* 'не принимая', *qajmatyn* 'не обращая внимания'). Здесь форма на *-maty/-matyn* функционирует как отрицательный противочлен сразу нескольких других деепричастий – на *-u/-ju*, на *-p/-yp*, на *-pan/-ypan*, что также подчеркивает ее «старшинство» по отношению к этим формам. С формой на *-matyn*, вероятно, генетически связано огузское (тур., гаг.) деепричастие предварительного действия на *-madan* (*bakmadan* 'не глядя, прежде чем посмотреть', *gelmeden* 'не приходя, прежде чем прийти'). Значительный историко-этимологический интерес представляет вопрос о том, является ли второе *a* в *-madan* аналогическим изменением из **-madyn*, восходящего к **-matyn* (Korkmaz 2003, 1011), либо *-matyn* и *-madan* – результат «параллельного использования ... разных имен действия» (Щербак 1981, 126), либо же это осколочное свидетельство древнейшего типа грамматического чередования, о чем см. далее.

Функциональные разряды – причастие и имя действия – рассматриваемой первичной формы на **-dy*, вероятно, не сохранились, поскольку, как представляется, достаточно рано были замещены вторичным образованием с показателем *-dyk* (см. ниже).

Аналогичным образом перфектная филиация формы на **-dy* тоже, по всей видимости, стала довольно скоро обрастать синонимичными формами, не только первичного характера, как постулированные нами **-yb* и **-an*, но и вторичного характера.

К сложению системы личного спряжения

Семантическая категория субъектности составляет неотъемлемую сторону глагольности. Вербализуется, эксплицируется языковыми средствами субъектность в тюркских языках, как и во многих других языках мира, двояко: на синтаксическом уровне – лексическими средствами личных местоимений и существительных, и на морфологическом уровне – аффиксальными средствами. Ввиду такого дублирования представленность субъектности на грамматическом уровне через морфологическую категорию лица-числа в принципе для глагола некоторых языков оказывается не обязательной. Об этом у нас есть свидетельства двоякого рода.

С одной стороны, например, очень близкие по структуре и отдаленно родственные монгольские языки исторически не обладали личным спряжением (отнесенность ряда форм императива в целом к тому или иному грам-

матическому лицу в условиях отсутствия единообразного показателя лица – не в счет): таково положение в древнемонгольском и современном халхамонгольском; в бурятском, калмыцком и дагурском языках возникло личноместоименное спряжение (применяемое, впрочем, к любой части речи в позиции сказуемого); в монгорском и баоаньском в некоторых временных формах личными показателями различаются первые/непервые лица (вторые–третьи) без разграничения по числу (Яхонтова 1997, 15).

С другой стороны, в периферийных тюркских языках – сарыг-югурском и саларском – в условиях влияния иноязычной (китайской) среды, морфологические показатели лица вышли из состава временных форм (Тенишев 1997, 341, 351). Аналогичную потерю практически в одинаковых условиях пережил маньчжурский язык (Кормушин 1984, 58; 1991, 284); впрочем, состояние маньчжурского оценивается и как архаичное – наподобие монгольского, уходящее в эпоху до сформирования личных окончаний (Суник 1962, 182–184, 352–353).

И все же, несмотря на приведенные примеры, тюркские языки развили и сохраняют в массе (за упомянутыми исключениями) дублированную систему отражения субъектности – лексически и грамматически. При этом грамматические средства не являются однородными, в них различают два типа, или две серии, показателей лица–числа.

Первую серию составляют личные окончания, интегрированные с показателями претерита на *-dy*, а также условной формы на *-sa*, и в большинстве случаев совпадающие с именными показателями посессивности (почему часто именуются «посессивными»):

Ед.ч. 1 л. *-m*	Мн.ч. 1 л. *-myz // -k*
2 л. *-ŋ*	2 л. *-ŋyz*
3 л. *-∅*	

Формы множественного числа *-myz* и *- ŋyz* содержат в своем составе форматив *-yz* (представленный в чувашском ротацирующей ступенью *-ər*), который в тюркологии иногда рассматривают как архаичный показатель собирательности-коллективности или даже двойственности (подробнее см.: Кононов 1969, 5–6).

В 1-м л. мн.ч. посессивный показатель *-myz*//чув.*-mər* сохранился в чувашском и северо-восточной группе, а также был представлен в древних языках. Формант *-k*, очень по-разному интерпретируемый исследователями (подробнее см.: Кормушин 1988, 375), по всей видимости, является инновацией непосессивного характера, вытеснившей исконный посессивный показатель в большинстве современных языков – огузских, кыпчакских, карлукских.

В 3-м лице множественное число стало отмечаться показателем числа общетюрк. *-lar* // чув. *-s* достаточно поздно, еще в древних текстах нулевой показатель употреблялся для обеих форм – ед. и мн. чисел.

Вторая серия – местоименно-личные показатели тюркского глагола. Еще их называют показателями сказуемости, или предикативности, потому

что помимо глагольно-временных форм они оформляют имена в функции предиката. Данная серия сформировалась в составе парадигмы настоящего-будущего времени на *-r*, наиболее древнего наряду с претеритом на *-dy* глагольно-временного образования, и представляет собой личные местоимения, включившиеся в словоформу в виде энклитик. Свой первоначальный, энклитический, характер эти показатели еще сохраняли в орхоно-енисейском, как можно судить по особенностям рунического правописания: даже при велярных основах показатели лица выписывались знаками палатального ряда mn^2, s^2n^2, b^2Iz, s^2Iz, и не было начертаний $*mn^1$, $*sn^1$, $*b^1Iz$, $*s^1Iz$, свидетельствующих о сингармонических вариациях срединного гласного типа **-man ~ -män ~ *-myn ~ -min, *-byz ~ -biz, *-syz ~ -siz*. Из современных языков только в тувинском и тофаларском поддерживается фонетическая самостоятельность местоимений в предикативной функции. В остальных, т.е. в подавляющем большинстве современных идиом, местоименные личные показатели, распространившиеся и на другие глагольно-временные формы, перешли на положение аффиксов, поскольку в них в полной мере осуществляется сингармоническое варьирование не только по качеству гласного, но и всевозможные изменения согласных при вхождении в состав слова в соответствии с морфонологическими закономерностями каждого отдельного тюркского языка. Однако такую особенность аффиксов лица второй серии в качестве бывших энклитик, как их безударность, тюркские языки сохраняют и поныне.

По поводу исторического соотношения личных показателей обеих серий в тюркологии преобладает мнение, идущее еще от О.Бётлингка, о происхождении посессивных показателей в результате усечения, редукции личных местоимений (Дмитриев 1940, 45; Räs. 1957, 197; Кононов 1980, 170; Щербак 1981, 33–34), однако высказывались и противоположные мнения – о несводимости личных притяжательных окончаний к личным местоимениям (Серебренников–Гаджиева 1979, 99; Кормушин 1984, 16).

Превратное представление о единстве посессивных и предикативных формантов создается, вероятно, во многом из-за того, что обе серии личных окончаний в истории тюркских языков подверглись смешению. Однако, как оказалось при более внимательном рассмотрении, речь идет о проникновении показателей посессивной серии в систему окончаний местоименного типа, но не наоборот. При этом посессивные окончания занимали отдельные, в разных языках – разные, позиции в парадигме (разных форм лица-числа), чаще всего оставаясь дублетами окончаний лично-предикативных (подробнее см.: Кормушин 1988, 393–485). По гипотезе, высказанной там же, возможность смешения личных окончаний проистекала из того, что, как указывают некоторые факты функционирования полифункциональной формы на *-r*, у нее, возможно, существовали две личные парадигмы: одна, с показателями предикативного характера, – при финитном функционировании формы на *-r*; другая парадигма, с посессивно-личным оформлением, – при полупредикативном употреблении формы на *-r*. На этом фоне при окказиональных замещениях масдаром предикативной позиции создавались ус-

ловия для синонимизации отдельных полупредикативных и предикативных форм (там же, 396–487).

Наличие двух серий личных окончаний в тюркских языках возможно объяснить семантико-синтаксически: в препозиции к существительному-местоимению «я», «ты» и т.д. может находиться причастие («дрова собирающий-я» > «я собираю дрова»), а посессивный характер личного маркера указывает на имя действия («дров собирание-мое»). Если становление и личных местоимений, и посессивных показателей имени происходило, несомненно, на одной из самых ранних стадий пратюркского, то вовлечение их в процесс окончательной глаголизации временны́х форм первичного слоя, прежде всего форм на *-dy* и на *-r*, – даже не в самом начале позднепратюркского времени.

Глагольные формы вторичного слоя: производные образования, дополнительные функции. Адъективация. Финитизация

Первичная полифункциональная форма на **-dy*, в отличие от других полифункциональных глагольно-временных форм первичного состава, таких как восстанавливаемые нами в составе ядра глагольно-временных показателей **-r*, **-a*, **-b*, **-n*, сохраняет, по счастью, свидетельства своего дальнейшего морфологического и семантического развития, что дает важный типологический материал в отношении всего круга форм вторичного образования, прежде всего форм на **-dyk*, **-myš* и **-γan*, сыгравших столь значительную роль в истории тюркских языков.

Как уже сказано выше, от формы на **-dy* еще на стадии «позднепраязыкового состояния» была образована производная форма на **-dyk*. Формант *-k* здесь (как и *-n* в *-tyn* и *-γan*) имел, по нашему предположению, «синтаксическое» значение, будучи генетически связанным с древними классно-дейктическими показателями, которые впоследствии были переосмыслены и опрощены в составе двухкомпонентных сращений (Кормушин 1984, 48). Возможно, именно неглагольность второго элемента являлась причиной своеобразного «закрытия» лично-предикативной семы в этих образованиях, так что они по сравнению с показателями первичного слоя оказывались функционально ограничены применением в качестве форм неполной вербальности – имен действия, причастий, деепричастий.

Связь и фактическая производность глагольных форм вторичного слоя от форм первичного слоя приводила к сохранению во вторичных формах исконно свойственного глагольным формам полисемантизма, т.е. способности не меняя ничего в форме, переключаться с выражения одной семы на другую (и, тем самым, с одной функции на другую). Наряду с унаследованной полифункциональностью (правда, ограниченно, в пределах инфинитных разрядов глагола) у форм вторичного слоя возникает способность выполнять дополнительные функции. Это значительно расширило возможности их синтаксического применения, позволив формам, грамматизующим именные филиации, выступать в адъективных употреблениях, т.е. адъекти-

вироваться, а формам полупредикативного амплуа применяться предикативно, благодаря чему мы наблюдаем в целом ряде случаев процесс вторичной глаголизации (ревербализации), или финитизации.

Например, именные разновидности глагола, как всякое имя в тюркских языках, может выступать в качестве определения при другом имени. Именно поэтому со временем устанавливаются адъективные конструкции двух типов: а) «причастие» + «определяемое имя существительное», б) «глагольное имя» + «определяемое имя существительное». Конструкции первого типа «причастие» + «имя» являются вторичными (!) по отношению к исторически исходным для них, не включающим в свой состав определяемого имени, семантически и структурно соответствующим тем, что мы сейчас считаем усеченными конструкциями «субстантивированное причастие с опущенным определяемым». В структурно полных (вторичных, повторяем) конструкциях первого типа причастие ведет себя как прилагательное в присутствии определяемого, т.е. остается морфологически простым.

Определительные словосочетания второго типа – «глагольное имя» + «определяемое имя существительное» – могут быть морфологически простыми, не осложненными другими показателями – принадлежности, падежа, и морфологически осложненными. В случае морфологически неосложненных форм конструкции первого и второго типов внешне похожи друг на друга и различаются только по своему семантическому содержанию. Древнетюркские тексты еще содержат, хотя и в небольшом числе, примеры беспритяжательного применения формы на *-duq* в конструкциях обоих типов, ср.: а) *közin körmädük qulξaqyn ešitmädük bodunym* 'народ мой, [прежде] не видевший собственными глазами, не слышавший собственными ушами' – истинно причастная конструкция; б) *barduq jer* 'земли, по которым он ходил' (букв. «хождения земля», т.е. имя действия, но никак не «ходящая» – причастие) – конструкция, которую следует квалифицировать как квазипричастную.

В современном турецком языке беспритяжательное употребление формы на *-dık* в конструкциях обоих типов все еще сохраняется, хотя оно сделалось либо непродуктивным, либо малопродуктивным. В словарном составе отложилось буквально несколько одиночных лексикализованных форм: *bildik* 'известный', *tanıdık* 'знакомый', *doğurduk* 'выродок', *güvendik* 'надежный, опора' (Korkmaz 2003, 77, 168). Грамматическая семантика подобных застывших субстантиватов вполне определенно указывает на их мотивированность именем действия, но не причастием: «известный» < «(человек) знания, известности», но не «знающий»; «выродок» < «(человек сомнительного) рождения», но не «рождающий, родящий» и т.д.; исключение, возможно, составляет приведенное в этом же ряду *sündük* 'лентяй, растяпа' (от *sün-* 'растягиваться', *перен.* 'расслабляться'), явно сохраняющее агентивную семантику: похоже, что носитель этого свойства сам же является его производителем.

Иной тип употреблений – устойчивые словосочетания с определением в форме на *-dık*, не осложненной притяжательными формантами, – в боль-

шинстве своем носят недвусмысленно причастный характер в силу формальной выраженности пассива: *aşılmadık güçlük* 'непреодолимая сила', *beklenmedik sonuç* 'неожиданный результат', *bilinmedik sır* 'неизвестная тайна', *duyulmadık söz* 'неслыханные речи', *yapılmadık ev* 'недоделанный дом' (Korkmaz 2003, 77, 168). В этом же списке З.Коркмаз привела две непассивные формы: *çıkmadık can* '(еще) не отошедшая душа', *saçı bitmedik yetim* 'сирота, у которого еще не отросли (первые) волосы'. Если *çıkmadık* – совершенно ясно, причастная форма, то определение при *yetim* построено структурно как предикативный оборот, и здесь форма на *-dık* – и не причастие, и даже не имя действия, но скорее предикативная или полупредикативная форма (об этом см. выше).

Как удалось дополнительно установить, в современном турецком языке морфологически простые (беспритяжательные) формы на *-dık* все еще активно используются в выражениях с двойным отрицанием, передающих значение исчерпанности попыток действия: *gezmedik yer bırakmadı* 'где он только не побывал (букв. он не оставил места, в котором не побывал)', *yapmadık kötülük bırakmadı* 'чего только он не натворил', *çalmadık kapı bırakmadı/çalınmadık kapı kalmadı* 'не осталось двери, в которую он не постучался бы (за помощью)', *yazmadık konu bırakmadı/yazılmadık konu kalmadı* 'не осталось темы, по которой он не написал', *görülmedik doktor kalmadı* 'не осталось доктора, которому бы не показали (больного)' и т.п. Непассивные формы *gezmedik, yapmadık, çalmadık, yazmadık* не имеют семантики производителя действия в отношении определяемых ими слов *yer, kötülük, kapı, konu*, они скорее указывают на объект или место действия и, конечно, отвечают семантике имени действия («негуляния мест не оставил», невозможно: «негуляющих мест» – ?). Пассивные формы *çalınmadık kapı, yazılmadık konu* закономерно определяют объекты действия устраненного (пассивного) субъекта действия; информанты охотно соглашались с возможностью восстановления субъекта в виде обычной для пассивных оборотов перифразы *onun tarafından*. Все это в деталях отвечает структуре и семантике пассивно-причастного оборота.

Семантическая неодноплановость приведенных выше примеров беспритяжательного употребления формы на *-dyk* хорошо отражает сложный характер самой истории этой и ей подобных форм. Очевидно, что форма на *-dyk*, в соответствии с ее изначальным полифункциональным статусом свободно выступала в нескольких амплуа неполной вербальности: как причастие (орх. *ešitmädük bodun*, тур. *çıkmadık can*), как глагольное имя действия в двух разновидностях – субстантивной (современных примеров нет, но есть древние: *üzä kök täŋri asra jaŋyz jär qylyntuqda* 'после того как были сотворены наверху – голубое небо, а внизу – бурая земля') и адъективной (лексикализовавшиеся субстантивированные формы *bildik, tanıdık* и др., а также свободно образуемые сочетания *gezmedik yer, yapmadık kötülük* и т.д.). Сопоставляя близкие по адъективной функции, но не одинаковые в семантическом плане словосочетания *yazmadık konu/yazılmadık konu*, мы приходим к выводу, что какое-то время форма на *-dyk* функционировала и как квази-

причастие (имя действия в определительной функции), и как истинное причастие: свидетельством последнего является не прекратившееся окончательно производство пассивных форм, которые семантически истолковываются только как причастия.

Однако уже в древних языках – орхоно-тюркском, древнеуйгурском – мы застаем, по-видимому, начало применения морфологически производных форм по типу: форма на *-duk/-dyk* + личные показатели принадлежности + (при необходимости) показатели падежа (подробнее см.: Кононов 1980, 125–126; Насилов В.М. 1963, 54). Присоединение именных показателей к форме на *-dyk*, сильно ограничивает ее исконную полисемантичность, так как с этими показателями форма на *-dyk* выступает только как имя действия. В современном турецком языке форма на *-dık*, за исключением проиллюстрированных типов беспритяжательного употребления, теперь всегда, в том числе в определительных словосочетаниях, применяется только с притяжательными показателями. Можно сказать, что в более чем 90% случаев употреблений современная турецкая форма на *-dık* однозначно характеризуется как глагольное имя действия. И только в ряде застывших форм, словосочетаний и клишированных конструкций в форме на *-dık* все еще просматриваются остаточные черты ее исконного полифункционального потенциала.

Особо следует остановиться на употреблениях формы на *-dyk/-duk* в предикативной функции – тур. *saçı bitmedik*, а также см. выше о гетерогенной парадигме прошедшего заглазного на *-myš//-maduk*, в орхонском и совр. якутском. Сюда же следует отнести данные Махмуда Кашгари, зафиксировавшего применение формы на *-duk* «у огузов, а также части кыпчаков и суваров» вместо формы на *-dy*, что, как приходилось уже отмечать, возможно, следует интерпретировать как народно-разговорное использование полупредикативной формы в роли формы финитной (Кормушин 1984, 10–11). Можно думать, что втягивание формы неполной вербальности *-dyk/-duk* в окказиональное, а в целом ряде случаев и узуальное функционирование в качестве предикативной формы происходило в разное время и в разных тюркских диалектах, сопровождалось различными морфологическими и стилистическими ограничениями. Однако всегда процесс ревербализации (финитизации) показателя вторичного слоя являлся более поздним относительно генезиса самого этого показателя. В этом отношении глагольные формы первичного и вторичного слоев принципиально различаются. И поэтому, в частности, включение показателей вторичного слоя (*-duk*, *-myš*, *-yan* и т.п.) в состав первичных временных формантов в указанных выше реконструкциях Б.А.Серебренникова и А.М.Щербака представляется необоснованным.

Форма на *-dyk* традиционно считается общей морфологической приметой современных языков огузской группы, где она фиксируется во всех идиомах, правда, с разной степенью полноты функционирования. Однако в историческом плане форма на *-dyk* не была ареально ограничена, поскольку достаточно хорошо представлена в древних языках, связанных с уйгуро-

карлукским генетическим типом – древнеуйгурском, караханидско-уйгурском, а также в современном якутском языке, в значительной степени продолжающем ту же, восточнотюркскую, генетическую линию. Фонетически соответствующая *-dyk* форма *-tay/-tax* в якутском языке ревербализовалась (финитизировалась), войдя в несколько временных парадигм. Сопоставление функционального облика формы на *-dyk* последовательно в орхонотюркском, древнеуйгурском и караханидско-уйгурском показывает общее сокращение ее использования, причем прежде всего в адъективных функциях (причастной и квазипричастной).

В целом, начиная с древнеуйгурского периода на первый план в качестве полифункционального образования в древнелитературных языках выходит форма на *-myš*, активно применяющаяся здесь в качестве глагольного имени действия, причастия и финитно-глагольной формы. По-видимому, со следующего периода развития тюркских языков, где-то с XIII–XIV вв., в литературных языках, опирающихся на среднеазиатскую традицию, даже форма на *-mış*, не говоря уже о форме на *-dyk*, становится архаизмом, а ключевую роль начинает играть форма на *-gan* и производные от нее образования.

Аналитические формы глагола, выражающие категории способа действия и возможности / невозможности

Как показывает историко-морфологический анализ прилагательных, наречий, а также модальных и экспрессивных слов, эта часть тюркской лексики обнаруживает достаточно позднее происхождение, поскольку представляет собой, главным образом, лексикализовавшиеся косвенные формы глаголов и существительных. Что касается глаголов, то это в основном инфинитные формы причастий и деепричастий. Следовательно, до перехода в узус подобные формы входили в окказиональные синтаксические сочетания с существительными (только причастия) и глагольными финитными формами. Тесное в соответствующих условиях контекста сочетание причастий в инфинитной и финитной позициях (при употреблении исконного, псевдосубстантивированного причастия в роли главного сказуемого, об этом см. выше) могло принимать характер парных слов (семантическая и грамматическая равнозначность), тогда как сочетание деепричастия с финитной формой в аналогичных контекстных условиях всегда носило неравнозначный характер. Включенность второстепенного действия, выражаемого деепричастием, в главное действие глагола-сказуемого при лексической опустошенности этого последнего приводило к созданию сложносоставных акционально-аспектуальных и модальных аналитических форм глагола. Заметное количество и разнообразие подобных форм в прошлом и на современной периферии тюркских языков обнаруживает тенденцию к их сокращению в проспективе, от прошлого к нашим дням. Эта тенденция, опрокинутая в ретроспекцию, указывает на еще больший размах подобных образо-

ваний в более ранние эпохи пратюркского состояния. Очевидно, в какой-то период глагольные словосочетания были самым массовым полуграмматическо-лексическим средством характеризации оттенков и нюансов действия.

Это средство – парные глаголы – возникло и развилось на базе тех простейших морфологических показателей, о которых речь шла выше – тензорной флексии и первичной (первой очереди) аффиксации. Парные глаголы начинались как простые идентичные повторы с обычными значениями повторяемости, интенсивности, продолженности и т.п. количественных характеристик действия. Удвоенность естественно сдерживала расширение грамматической формы редупликантов, и они оставались на уровне корня или первообразной основы. Расширение коммуникативно-выразительных потребностей языка положило начало вариативности парных глаголов как по линии лексической, так и по линии грамматической их сочетаемости. Поначалу варьировали синонимичные лексемы и морфемы, но затем стали попарно объединяться и контрастивные лексические и грамматические средства.

К происхождению косвенных наклонений

В качестве особого наклонения конъюнктив, или сослагательное наклонение глагола, выделился поздно. В языке орхоно-енисейских памятников выступала форма, сложившаяся в рамках изъявительного наклонения. Это – аналитическое образование, в котором основной глагол стоит в форме будущего времени на *-tačy*, а вспомогательный глагол *er-* 'быть' – в форме прошедшего общего на *-dy*.

Данного типа конструкции, встречающиеся во многих языках мира, в том числе в тюркских, сочетают значения будущего и прошедшего (отсюда их обычное название: будущее в прошедшем) в такой логической связке: действие, передаваемое подобной аналитической формой, относится к прошлому, в котором оно в действительности не осуществилось, но могло или должно было осуществиться. Модальность возможности или необходимости осуществления действия имеет своим источником первый компонент – форму будущего времени. В составе изъявительного наклонения эта модальность объективирована, представлена говорящим как объективное положение дел, независимое от его мнения. В составной форме будущего в прошедшем объективирована отнесенность действия в план прошлого, тогда как представление действия как возможного или обязательного выглядит больше как убежденность говорящего в высокой степени потенциальности действия. По мнению говорящего, такое действие должно или могло осуществиться либо в соответствии с намерением действующего лица, либо ходом событий.

Об истоках полифункционализма глагола

Полифункциональность древних глагольных форм как возможность перехода от одной синтаксической функции к другой без помощи дополнительных формальных маркеров зиждется на их глубинном семантическом единстве, которое выражается в том, что каждая полифункциональная форма – полисемантична, несет в себе полный или частичный набор следующих семантических признаков, или сем: процессуального характера действия, субстантивно-абстрагированного представления действия и адъективно-характеризующего представления производителя действия. Полисемантизм тюркского глагола как фактор, определивший последующие семантико-грамматические глагольные филиации, коренится, на наш взгляд, в глубинах исходного семантического облика глагола, поскольку имеет несомненный параллелизм в семантической структуре общетюркских, а потому наиболее древних деривационных рядов. Как установлено в исследованиях Э.В.Севортяна, практически каждый аффикс отглагольно-именного словообразования обладает почти стандартным набором семантем: от глагола может образовываться имя со значениями «названия процесса», «названия действующего лица», «названия орудия/средства действия», «названия объекта действия», «названия результата действия», «названия места или времени действия», а также имена со значениями «признака» всех указанных групп (Сев.АИ 368). Одно и то же производное в разных языковых группах, а также в отдельных диалектах может быть представлено какими-то единичными значениями, а в сумме они составляют семантический потенциал каждой словообразовательной модели.

Перечисленные выше семантемы являются типовыми словообразовательными значениями, сформировавшимися путем обобщения результатов лексикализации многих древних дериватов уже применительно к более современной, развитой системе лексико-семантических классов и разрядов слов, т.е. по прошествии длительного периода. Изначально же за единством этих типов стоял, как можно предполагать, особый, во многом отличный от современного, характер протоглагола, в котором выражалось не только само действие, но и присутствовали семантические приметы действующего лица, среды или места действия, орудия или инструмента, способов или манеры производства действия. Например, при всей кажущейся конкретности современного глагола «резать, отрезать» данные целого ряда языков указывают, что для древнего человека существовали разные глаголы, в зависимости от резания острым либо неострым инструментом – «вспарывать, кромсать», в связи с направлением резания – «от себя», «на себя», «наискось, к краю». Тюркские глаголы движения сохраняют различия относительно «направления» движения – «от говорящего», «в сторону говорящего» (центробежность, центростремительность), «скорости» передвижения («нормально», «убыстренно», «замедленно»), способа осуществления – «шагом», «бегом», «трусцой», «вприпрыжку», «запинаясь», «хромая», среды или места действия – «идти по земле», «брести по воде», «продираться сквозь растительность».

Наличие указанных конкретизаторов в отношении направления, способов, скорости, орудия, среды и т.п. особенностей производства действия послужило формированию лексико-семантического своеобразия каждого подобного глагола, но и очертило круг дополнений и обстоятельств, вербализовавшихся впоследствии в соответствующих синтаксических позициях глагольного окружения.

К представлениям о древнейших стадиях общетюркского праязыка: простейший синтаксис, происхождение частей речи, возникновение морфологии, зарождение грамматики

Наиболее древняя первобытная речь представляла собой непрерывное следование друг за другом одно- либо двусловных структур при активном участии жестов. Многие из слов этой поры, если не все, были звукообразоподражательными, при этом часть из них все еще носила комплексный, нерасчлененный характер, отображающий действие с его характерными признаками, в том числе с признаками, обрисовывающими в той или иной степени их носителя. Другая часть первичных слов уже более или менее освободилась от качественной семантики и в них доминировали черты предметности. Это не означало тотального разделения слов на имена и адъективы, такое распределение произошло частично, и во многих случаях сохранялась адъективно-именная омонимия. Тем не менее семантическая дивергенция наметилась, и она поддерживалась двухкомпонентным по преимуществу синтаксисом речи, т.е. тем, что слово в предметной функции составляло тему высказывания и занимало препозицию, а рематическая часть несла адъективную функцию и логически занимала постпозицию.

Звукосимволическая природа образных слов приводила к тому, что в этих словах постепенно была отработана связь (закрепленность) некоторой типовой семантики за определенными звуками. Преодоление диффузности двух-, трехсложных слов-комплексов на начальном этапе в ряде случаев приводило к образованию дублетных словоформ, в которых контрастирующие звуки увязывались с семантическими различиями. Так был включен механизм членения слов на значимые части. Причем из слов вычленялись минимальные сегменты, благодаря чему структурирование слова происходило одновременно и на фонемы, и на морфемы. В результате этого процесса в отдаленном предшественнике прототюркского выделилось большое число морфемных сегментов, свойственных многочисленным, чаще всего достаточно мелким, частным группам слов, близких в лексико-семантическом плане.

Содержательно указанные сегменты несли некоторую обобщающую, но все еще очень конкретную в пределах группы, идею – усилия, резкости, внезапности, быстроты, плавности, скольжения, замедленности, вялотекучести, нарастания, трения, несимметричности, продолженности, повторяе-

мости, кратности, рапределенности, переполненности, недостаточности и т.п., – характеризующую действие в неотрывной связи с особенностями его носителя (производителя). В основе подобных типовых семантем лежали звукообразные характеристики, вычленившиеся благодаря морфемизации слова из его целостного семантического потенциала. Среди отдаленно-прототюркских сегментов было много одинаково звучащих, фонетически идентичных или близких. Грамматика как языковой прием обобщения значения, прежде всего в нелексических частях слов, окончательно утверждается на последующем этапе, когда осознается однотипность (синонимичность) тех или иных морфемных показателей, более широкая, нежели в составе одной лексико-семантической группы. Скажем, среди множеств *-r(α), -l(α), -t(α), -k(α)* и др. – *-r(α)^1, -r(α)^2 ... -r(α)^n, -l(α)^1, -l(α)^2 ... -l(α)^n, -t(α)^1, -t(α)^2 ... -t(α)^n, -k(α)^1, -k(α)^2 ... -k(α)^n* и т.д. были ассоциированы некоторые фонетически одинаковые морфемные сегменты, предположим: сегменты *-r(α)^1, -r(α)^3* и *-r(α)^6* со значениями нарастания, продолженности, распределенности, – как показатели, отвечающие более общей идее длительности, тогда как другие из множества *-r(α)*, условно говоря, *-r(α)^2, -r(α)^4* и др., со значениями кратности, повторяемости и т.п., – как показатели множественности; сегменты *-k(α)^1, -k(α)^2 и -k(α)^7* со значениями усилия, резкости, быстроты – как показатели, характеризующие интенсивность действия и т.д., и т.п.

Указанные выше процессы, охватывающие самые начала выработки основ грамматического механизма языка, а также структуры слова и предложения, имевшиеся к тому времени в языке и образовывавшиеся в результате новых процессов, характеризуют последнюю стадию общечеловеческого глоттогенеза, рубежом которой предположительно можно считать 40-е тысячелетие до н.э. Накопившийся в древнейших диалектах лексемный и морфемный материал в разных языковых коллективах стал давать различные взаимодействия и усложнения, наметившие пока еще только контуры основных морфологических типов языков, что обозначило переход к лингвогенезу. Расширение ойкумены и расселение палеолитических племен определило, по-видимому, уже начиная с 30-го тысячелетия до н.э., разделение всего множества протодиалектов на такие относительно близкие единства, в которых мы можем предполагать прообразы основных гипер- и макросемей Старого Света (включая Африку), Нового Света, Австралии и Макронезии.

Морфологические типы на уровне гипер- и макросемей были еще весьма неопределенны (с точки зрения современного объема этих понятий), т.е. достаточно лабильны в отношении вариативности дальнейшего их развития. Из одного и того же материала первичных морфемных сегментов впоследствии развивались столь различные морфологические техники, как аглютинация, флексия семитического, индоевропейского, картвельского и др. типов, классный морфосинтаксис, полисинтетизм и т.д. Такое развитие заняло длительное время и едва ли полностью завершилось к 10-му тысячелетию до н.э. Однако именно обособление, усложнение и специализация морфологической техники послужили, с одной стороны, фактором дивергенции

гипер- и макросемей на единства меньшего порядка – языковые семьи; с другой стороны, те же самые факторы цементировали эти новые единства, внесли моменты устойчивости в существование некоего, определяемого весьма приблизительно и неоднозначно, диалектного пространства на некоторое, достаточно длительное время. Процесс интеграции групп близких диалектов в языковые семьи происходил с разной степенью консолидированности на разных территориях и в разное время и занял всю «ближнюю доисторическую» эпоху (10–5 тыс. лет до н.э.). Он был вызван экстралингвистическими причинами – необходимостью объединения разрозненных племен в большие социумы. В языковом плане такие объединения проходили с обратным вектором по отношению ко вседиалектной дисперсии, т.е. через определенную унификацию морфемного и лексематического инвентаря.

При понимании семьеобразования как интегративного процесса на фоне постоянно происходящей дивергенции необходимо исходить из следующих возможных ситуаций. Какой-то диалект, обычно в силу социально-политических причин, занимает в объединившейся группе диалектов главенствующее положение. Он не только выполняет роль средства междиалектного общения, но и становится образцом для подражания. Поскольку ситуация сохраняется длительное время (иначе образование семьи могло прекратиться, едва начавшись), главенствующий диалект, как правило, абсорбирует некоторую часть языковых особенностей других диалектов и переходит на положение общесемейного койне.

Общесемейное койне имеет одновременно интегративную и сдерживающе-нормализаторскую функции. Однако койне не всегда и не везде одерживало победу над диалектной стихией, которая продолжала существовать наряду и даже вне влияния койне. Оставалось всегда немало грамматических и лексических форм, представленных в части диалектов, на периферии различных подсистем языка. Одной из причин такого положения являлось то, что во многих языковых семьях часть диалектов была объединена не с самыми близкими, т.е. достаточно неоднородными идиомами; кроме того, к процессу интеграции, который занимал длительное и в случае каждой семьи неодинаковое время, могли подключаться все новые диалекты, увеличивавшие степень неоднородности языковой семьи. Все это имеет значение для онтологически верного толкования основного концепта сравнительно-исторических построений – праязыка.

Праязык и протоязык. Определение праязыка опирается на операциональные и социофункциональные критерии и в принципе должно объединять оба подхода.

Согласно первому из них, праязык – реконструкт, искусственное образование, базирующееся на обобщении генетически тождественных, хотя и частично различающихся по форме и/или значению элементов (морфем, фонем, лексем, синтаксем) реально существующих и/или существовавших языков-потомков в единых (идентичных) формах-архетипах, принимаемых в качестве исходных для последующего развития.

Не исключено, что во многих языковых семьях часть диалектов была объединена не с самыми близкими идиомами, а кроме того, к процессу интеграции, который занимал длительное и в случае каждой семьи неодинаковое время, подключались и в дальнейшем. Возможно, именно этим обстоятельством объясняются различного рода «нестыковки» в сравнительно-исторических построениях.

Определение протоязыка опирается на операциональные критерии, но контрастивного свойства: протоязык – это то, что еще не праязык, обрисованный реконструкциями, но и то, что уже обрело черты языковой определенности из размытого многообразия древнейших гиперсемей.

Прототюркский. Глагольные основы имели двусложные структуры $C_1Г_1C_2Г_2$ и $Г_1C_2Г_2$; у части основ второй гласный ($Г_2$) мог иметь чередования *а~у* тензорного перфективно-имперфективного характера: *tury-* 'встать' – *tura-* 'стоять', *aly-* 'взять' – *ala-* 'брать', *jaty-* 'лечь' – *jata-* 'лежать'. Еще на стадии прототюркского грамматическая система глагола получает развитие: к тензорным основам стали наращиваться показатели двух типов: субъектные и акциональные. С их участием в прототюркском глаголе наметились две формообразовательные «версии» – безлично-диатезная и акционально-личная, которые до поры до времени существовали отдельно, не пересекаясь.

К диатезной версии относятся те показатели, из которых впоследствии возникли общетюркские аффиксы залогов и которые поначалу обозначали имперсонально-количественный статус действователей с возможностью их функционального сопряжения в роли объектов. Так, прототип совместно-взаимных форм *-š(α)* указывал на то, что субъектов действия было несколько (множественность субъектов), при этом в определенных семантических условиях множественные субъекты выполняли в отношении друг друга роль объекта действия. Прототип пассивных форм *-l(α)* служил элиминированию субъекта, т.е. обозначал ситуацию, когда действователь либо намеренно обезличен, либо не может быть назван, а объект становится коммуникативным центром глагольной синтагмы – псевдосубъектом. Прототип каузативных форм *-t(α)* отражал субъектное расщепление на действователя реального и действователя-инициатора: реальный исполнитель действия – «дальнее» 3-е лицо («тот»), он опосредован участниками ситуации (я – ты – «ближний» он), которым принадлежит только инициатива действия. В случае каузативных форм также имеет место псевдосубъектность, поскольку реальный исполнитель может быть элиминирован из высказывания, а коммуникатино значимым остается инициатор действия. Прототип возвратных форм *-n(α)* связан с выражением того, что действователь замыкает действие на себя, превращая себя в объект действия.

Как можно видеть, все перечисленные протодиатезы устанавливали семантико-синтаксические отношения в субъектно-объектной сфере глагола, маркером чего служила морфологическая глагольная категория. Общая характеризация типов субъектов и их пересечений с объектными функциями на первоначальной стадии, как отмечено выше, не сочеталась с субъектной

персональностью, это последнее категориальное значение вырабатывалось в словоформах акциональной версии.

В числе первых показателей акциональности были морфемы *-s(α), -r(α)* и *-d(α),* в которых гласные могли иметь те же тензорные вариации ($\alpha = a$ или y), что и в самих исходных основах. Впоследствии именно на базе этих показателей стала складываться временнáя система. В акциональных формах не было нужды и возможности отражать различные типы действователя, как в диатезных формах, ибо здесь действователь был однозначно определенным: он коммуникативно известен, немножествен, сочетает роли инициатора и исполнителя действия, не подвергая себя собственному воздействию, не пересекается с функцией объекта. При таких семантических условиях роль действователя могли играть только определенные лица – участники ситуации. Это явилось предпосылкой к тому, чтобы обозначить их формально. Вовлечение в состав глагольных словоформ акциональной версии показателей лица ознаменовало кардинальное усложнение глагольного морфосинтаксиса. Видимо, уже на этой, начальной, стадии процесса существовало два типа маркировки лица действователя – местоименными и притяжательными показателями. Их применение, скорее всего, зависело от синтаксической функции протовербумов: предикативная позиция обозначалась местоимением, полупредикативно-обстоятельственная – притяжательным маркером.

Увеличение состава показателей в слове – основа $C_1Г_1C_2Г_2$+ акц. показ. $-C_3Г_3$ + показ.лица $-C_4Г_4$// $C_4Г_4C_5$ – требует их более тесного сплачивания в фонетически и смыслово цельной словоформе, что с необходимостью приводит к сокращению слогов и слоговым перераспределениям. Можно постулировать следующие схемы подобных изменений:

1. $C_1Г_1C_2Г_2+C_3Г_3+C_4Г_4C_5 > C_1Г_1C_2Г_2-C_3(Г_3>Ø)-C_4Г_4C_5$ (**jaša-ra men >jaša-r men*);
2. $C_1Г_1C_2Г_2+C_3Г_3+C_4Г_4C_5 > C_1Г_1C_2-Г_2C_3(Г_3>Ø)-C_4Г_4C_5$ (**tuta-ra men > tut-ar-men*);
3. $C_1Г_1C_2Г_2+C_3Г_3+C_4Г_4 > C_1Г_1C_2-Г_2C_3-Г_3C_4 (Г_4> Ø$; **tuta-ra-ma > tut-ar-ym*);
4. $C_1Г_1C_2Г_2-C_3Г_3-C_4Г_4 > C_1Г_1C_2(Г_2>Ø)-C_3Г_3C_4$ (**tuta-dy-ma > tut-dym*).

Как видно по современному материалу тюркских языков, результатом слоговых перестроек в прототюркском в большинстве случаев было преобразование корней и аффиксов в слоги закрытого типа. Так образовался основной структурный тип современного корня СГС (хотя и старый тип корня СГСГ спорадически сохраняется), а также аффиксальные показатели структурного типа ГС и СГС. Этот процесс обеспечивался тем, что один из тензорных гласных, либо корневой ($Г_2$), либо аффиксальный ($Г_3$), мог сокращаться без ущерба для смысла, чему способствовала их семантическая аналогичность. Какие еще факты если не доказывают, то, по крайней мере, находятся в русле подобных построений?

Прежде всего следует указать на сочетание широких и узких гласных в показателях настояще-будущего на *-ar/-er* || *-yr/-ir*. Такое сочетание не укладывается в какие-либо действующие морфонологические или морфологи-

ческие правила. Предлагаемое объяснение исходит из того, что перед нами остаточное явление древнего грамматического чередования, происходившего непосредственно в составе корня, нейтрализованное не только последующей слоговой перестройкой, но и десемантизацией противопоставления имперфективности / перфективности, произошедшей в результате становления категории времени.

Деепричастия на *-a/-e, -y/-i, -u/-ü* в силу морфонологического размежевания широких и узких гласных по разным типам аффиксов предстают в современных языках как разные формы, хотя семантическая однотипность этих показателей не вызывает сомнений: все они передают одновременность выражаемого ими действия главному предикату.

Адъективная семантика первоначально выражалась предикативным отношением неглавного характера, содержащимся внутри основной предикативной оси, что-то вроде: «стрела – новая – сделал-я». Следовательно, протоприлагательное, или адъектив-предикатив, первоначально занимает постпозицию по отношению к определяемому имени. В предикативное отношение к имени может быть поставлено образоподражательное слово, другое имя либо глагольное слово, важно, чтобы любое из слов этих типов содержало качественную семантему. Поэтому прилагательное рождается из глагольных форм акциональной версии, но отличается от финитного глагола отсутствием субъектных маркеров, поскольку как бы замыкается на определяемое имя.

К РЕКОНСТРУКЦИИ ДЕРИВАЦИОННЫХ КАТЕГОРИЙ ГЛАГОЛА

В представленной выше линии развития категорий тюркского глагола от прототюркского состояния к пратюркскому основное внимание уделено двум фундаментальным процессам, которые происходили в сфере глагольного слово- и формообразования и слово- и формоизменения как на семантическом уровне, так и на морфонологическом и которые привели, в конечном итоге, к становлению в общетюркском состоянии глагольной парадигмы как основы филиации региональных глагольных систем на последующих этапах эволюции тюркских языков; эти реконструкции представлены в двух томах «Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков» (СИГТЯ 1988; СИГТЯ 2002). Один из таких процессов, охвативший все без исключения древнейшие диалекты, шел в направлении преодоления полисемантичности и полифункциональности морфем и многозначности выражаемых ими форм. Другой, не менее глобальный процесс связан с формированием и формализацией субъектно-объектных отношений и модальных признаков обозначаемой ситуации. Первый вел к взаимному дистанцированию отглагольных образований, к становлению отдельных функциональных форм глагола в совокупности с формальными средствами и правилами (моделями) встраивания их в структуру высказывания / предложения; второй обозначал кристаллизацию залоговых отношений и складывание парадигм, в частности аспектуально-темпоральных, внутри формирующихся различных наклонений глагола.

Итак, принимается, что с углублением в историю тюркских языков в системе глагольных дериватов наблюдается «полисемантичность» и «полифункциональность», которые позволяют этим производным выступать в разных синтаксических позициях в структуре высказывания для достижения определенных коммуникативных целей или выражения разных смысловых заданий, однако одновременно следует также и допустить то обстоятельство, что некое семантическое единство, или некий семантический «стержень» (возможно, как продукт определенной лингвокреативной деятельности на более ранней ступени развития протодиалектов), вносимый данным формантом в словоформу, был основой тех ее внутренних свойств, тех субстанциональных потенций, тех ассоциативных связей, которые позволяли этой словоформе обсуживать определенный набор, круг, сферу смыслов, подлежащих репрезентации в высказывании в рамках одной ситуации.

К сожалению, материал собственно тюркских языков и диалектов не дает полного представления о таком объединяющем семантическом ядре, стержне в некоем смысловом поле. Фундаментальные труды Э.В.Севортяна по глагольному и именному словообразованию на большом лингвистическом материале современных и древних тюркских языков демонстрируют указанные сложности, и выводы их автора говорят также об этом. «Система глаголообразующих форм азербайджанского языка, как и соответствующих форм любого тюркского языка, представляет прежде всего систему *типов значений*, присущих языку в определенную эпоху его существования, поскольку эта система обеспечивает снабжение словаря глаголами определенных типов значений. При этимологическом анализе глагольной основы одной лишь повторяемости в различных словах ее структурных элементов (исходной основы и аффикса), предположительно выделяемых нами, недостаточно: *важны* еще наличные в языке либо восстанавливаемые сравнительным или сравнительно-историческим путем *реально-вещественные и грамматические значения этих элементов*. Структурные элементы глагольной основы взаимосвязаны; выяснение значения одного из них невозможно без выяснения значения другого... *Многозначность* производного *глагола* имеет своим источником *многозначность именной основы*, *многозначность функциональных отношений* между значениями именной основы и глагола и *многозначность* глаголообразующего *аффикса*. Все продуктивные, равно как и непродуктивные, формы глагольного словопроизводства являются выразителями *определенных типов значений*, зависящих друг от друга и находящихся в строгой исторически преемственной связи, без знания которой невозможно понять ни настоящее, ни прошлое глагольного словообразования, составляющего, таким образом, исторически подвижную систему» (Сев.АГ 546–548. Подчеркнуто нами. – *Д.Н.*). Э.В.Севортяном на основе внутренней реконструкции тюркских глаголобразовательных моделей были выявлены подобные типовые значения: орудие, материал, признак, результат и т.п. Аналогичная картина восстанавливается и при анализе тюркских имяобразующих моделей (Сев.АИ).

Таким образом, при реконструкции древнейших состояний встает задача уяснить тот круг значений, на основе которых древние деривационные морфофонемы могли реализовать в высказывании определенный смысловой заказ. В истории тюркской глагольной системы исключительную роль сыграли отглагольные производные – глагольные имена. Восстановление их содержательной и, в известной мере, формальной стороны – важнейшая наша задача, иначе говоря, необходимо попытаться увидеть за их (кажущейся ?) исторической многозначностью и полифункциональностью тот семантико-функциональный стержень, который и определял их грамматический потенциал и пути их исторической филиации и/или флуктуации. Полиморфизм глагольных имен не в последнюю очередь связан с кругом тех значений, которые в современной лингвистике определяются в одних функциональных проявлениях как акционально-аспектуальные, а в других – как аспектуально-темпоральные. При движении от прототюркского состояния к пратюркскому и дальше на их основе могли складываться определенные категории тюркского глагола, которые ныне выступают, с одной стороны, как категории конечного сказуемого (как категории наклонения, времени, специальных модальностей) и, с другой, как категории зависимых предикатов, нефинитных форм; особое направление в развитии глагольных дериватов характеризует сложение системы залогов.

Опыты внутренней реконструкции на материале тюркских языков, представленные, например, в трудах Э.В.Севортяна, Э.А.Груниной, А.М.Щербака, В.И.Асланова, М.А.Хабичева, в обобщающем труде по региональным реконструкциям (СИГТЯ 2002) не позволяют понять глубинные содержательные и формальные составляющие морфологических формантов в сфере глагольного слово- и формообразования и, соответственно, изменения в силу того, что реконструируемый уровень не обладает достаточной глубиной (она как бы нейтрализуется «устойчивостью грамматического строя тюркских языков», в понимании Б.А.Серебренникова см.: Серебренников 1963). Именно этап «прото-» оказывается в этом отношении малоинформативным. Поэтому ниже делается попытка рассмотреть семантические и функциональные потенции некоторых выступающих в сфере глагольного формообразования показателей, прибегая при этом к внешним сравнениям с данными других алтайских языков (см., например: Кормушин 1984; Рам.). Не удастся ли и на том уровне проследить указанные тенденции в развитии и формировании семантико-функциональных потенций древних морфофонем (показателей-аффиксов), наследуемых от более раннего этапа языковой эволюции и получивших новые импульсы развития в строе именно тюркских языков? Учитывая сложность такой реконструкции, мы ограничиваемся рассмотрением из упоминавшихся только форм так называемых деепричастий на *-A ~ -İ*, а также показателя отглагольных имен *-Q//-Г*.

Предварительно следует сделать несколько замечаний общего характера. В настоящем очерке с самого начала используется термин «глагол», со-

держание которого получает некоторое разъяснение в ходе изложения (ср.: глагол и собственно глагол). Уточним, что за этим термином ни в коем случае не стоит понимание его только как современной части речи, т.е. как многоаспектной грамматической категории, которая представлена ныне во всем своем объеме в разветвленной семье тюркских языков. Употребляя этот общелингвистический термин, мы имеем в виду прежде всего особое семантическое содержание единицы лексического уровня языка безотносительно к глубине исторического развития последнего, т.е. речь идет об узуальном или окказиональном значении (употреблении) конкретного звукокомплекса (/слова/лексемы – корневой морфемы или ее деривата-основы, первичной и пр.), в вещественном значении которого представлено обозначение внеязыкового явления, интерпретируемого в данном языке как процессное (и это – определяющее). Притом для обсуждаемых ниже проблем остаются нерелевантными некоторые семантические или морфологические факторы и связанные с ними теоретические проблемы грамматики, как то: представлена ли указанная процессная семантика в данной лексеме постоянно или последняя в других синтаксических позициях может репрезентировать данное внеязыковое событие и как субстанцию (т.е. речь идет о так называемом грамматическом глагольно-именном синкретизме лексемы/корня-основы; сформированы ли на данном историческом этапе имя и глагол как совершенно самостоятельные грамматические классы слов, как отдельные части речи, или этот процесс находится в динамике. Важно одно, что, по нашим представлениям, носители языков времен алтайской общности уже осознавали внеязыковое явление – вещь в совокупности с ее свойствами, а их языковое мышление позволяло интерпретировать это явление в знаках языка, что находило выражение в актах коммуникации через высказывание, имеющее – при необходимости – также и субъектно-предикатную структуру.

В связи с этим представляется важным дать наше понимание содержания глагольного слова, глагольной лексемы.

Глагол выделяется среди прочих частей речи особо сложной семантической структурой, обусловленной природой обозначаемых им процессов-состояний. Отдельные элементы этой структуры, которые «в основном сводятся к выражению процесса, степени его результативности, его направленности, продолжительности (во времени, в движении) и детализации процесса в модальных, видовых и других оттенках» (Мещанинов 1948, 191), могут быть репрезентированы в языке специальными грамматическими категориями. Однако то, что в одном языке является достоянием грамматики, включено в парадигматические ряды морфологических форм, в другом языке может быть «неграмматическим», оказаться не представленным в грамматических (морфологических) формах; в некоторых случаях возможно, по-видимому, говорить и о «скрытой грамматике», когда в языке «велик удельный вес явлений, не получающих прямого и непосредственного выявления во внешней структуре языка», когда «не каждая грамматическая ка-

тегория получает прямое и непосредственное выражение в грамматических формах данного языка» (Кацнельсон 1972, 78–82).

В глаголе (в соответствии с нашим представлением и в лингвистическом его толковании как части речи) отражается тот круг явлений действительности, которые определяются как свойства и отношения вещей. В плане языкового, или «речемыслительного», содержания глагольные значения можно объединить термином «призначные значения». Этот термин удачно использует С.Д.Кацнельсон, вкладывая в него понятие о возможных различных классах признаков, элементами которых в каждом отдельном случае «будут конкретные разновидности данного признака» (Кацнельсон 1972, 139). Онтологически все признаки неотделимы от вещей, как и отношения, возникающие по крайней мере между двумя вещами. Осознание как отдельных классов признаков, так и конкретных их элементов является результатом активной гносеологической деятельности человека, связанной с абстрагированием и категоризацией. Здесь мы отмечаем обобщение свойств вещей или отношений в их противоположности самим вещам. В этом состоит оппозиция «признаковости» и «субстанциональности» («предметности»), лежащая в основе различия базовых (фундаментальных, глубинных) частей речи: слов-«признаков» (прилагательных, глаголов, атрибутивов и т.п.) и слов-«субстанций» (существительных). Нельзя не думать, что столь важное категориальное противопоставление, наблюдаемое в языке (оно считается языковой универсалией), базируется на прочном реальном фундаменте и поэтому не может не быть коммуникативно значимым и, следовательно, релевантным для любой языковой системы и на всех этапах ее исторического развития.

«Призначное» содержание объективируется не только в своей качественной определенности, но и в известном количественном представлении, т.е. как бы в рамках некоторой меры каждого признака. И хотя данное понятие используется в философии, оно имеет смысл и для языкознания при описании языковых значений, связанных с отображением количества, в том числе с помощью глагола.

Если онтологический аспект содержания (значения) языковых знаков-глаголов основывается на «признаковости», то их гносеологической стороной выступает способ обязательного представления «признаковости» как явления процессного. Поэтому далеко не случайно распространенное определение глаголов как слов, выражающих действия тех или иных производителей-субъектов. Признак процессности в значении любого глагола выступает в качестве определяющего, категориального. В языковом отношении он становится классифицирующим частеречным значением, т.е. определенным видом языкового грамматического значения, на основе которого в языке выделяется определенный коммуникативный класс лексем.

Роль в формировании темпоральной системы глагольных имен, получающих в морфологии названия «причастия», «деепричастия», «отглагольные имена – масдары», а также «функциональные формы глагола» (когда

учитываются их синтаксические функции), хорошо известна. Здесь следует обратить внимание на то, что их семантика первоначально – до их вхождения в темпоральные парадигмы – не имела собственно временного содержания. Об этом говорят следующие результаты пратюркской реконструкции. «В раннем, среднем и позднем пратюркском состоянии причастия имели иные категориальные свойства. Древние причастия эпохи раннетюркского праязыкового состояния не имели *временной* и залоговой дифференциации и скорее *были отглагольными прилагательными*. Отглагольные прилагательные этого типа обозначали какое-либо свойство, присущее глаголу, например результативность действия. Такая особенность древних отглагольных прилагательных создавала необычайно благоприятные возможности для их семантического расслоения» (подчеркнуто нами. – *Д.Н.* – СИГТЯ 1988, 445). «В дотемпоральной системе среди неакциальных форм глагола, в которых действие выступало в его субстантивном или признаковом качестве, существовало определенное число первичных глагольных имен, большая часть которых уже в исторический период утратила свою продуктивность. Сама природа таких образований являла собою синкретизм слово- и формообразовательных единиц, вероятно связанных с определенным типом лексической основы» (СИГТЯ 2002, 186). «Неакциальные формы (первичные глагольные имена), вовлекаясь в парадигму финитных форм, проходили стадию перехода от окказиональных именных предикативных структур к глагольным парадигмам» (СИГТЯ 2002, 192). «Прототюркские ФФ (т.е. функциональные формы. – *Д.Н.*) были порождением определенной структурной организации предложения и функционально были двуедины: синтаксически они выявляли структурный тип предложения, семантически – общее представление об акциональном / неакциональном характере действия. Отражая черты, по-видимому, более древнего состояния, пратюркское сказуемое панхронически воспроизводило ФФ как предикатив и самостоятельную лексико-грамматическую сущность, которая одновременно была речевой реализацией глагола и словообразовательной моделью. Грамматический компонент значения глагольной лексемы был еще не развит и вся функциональная нагрузка сосредотачивалась в морфологических элементах ФФ. ФФ в финитной позиции в процессе становления единого типа спряжения сохранила лишь функцию содержательной характеристики действия с распределением форм по аспектуально-темпоральным признакам» (Грунина 1996, 116).

Таким образом, можно сказать, что такие древнейшие производные от корней-основ с процессной семантикой указывали на некоторые качественные характеристики обозначаемого процесса. На основании закона тюркского синтаксиса такие дериваты, занимая позицию перед словом с субстантивной семантикой, функционировали как атрибутивные имена, а занимая позицию конечного члена синтагмы, играли роль предиката, и эти качественные характеристики выступали уже как свойства описываемой ситуации. Последнее обстоятельство очень важно для понимания истоков

сложения категорий глагола, связанных с предикаций, со сказуемостной функцией, – категорий времени и наклонения.

О том, что в дотемпоральной грамматике и других языков велика роль глагольных имен – прилагательных или других форм с признаково-качественой семантикой, говорят многие исследователи. Например, в аккадском языке «обозначаемые как "времена" категории глагольных форм первично служили не для выражения относительных временных периодов, как повсеместно наши временные формы, но выражали вид действия и другие не связанные с временной периодичностью модификации глагольных понятий. Вследствие этого твердо установить их первоначальные функции особенно тяжело еще и потому, что между временными системами семитских языков существуют значительные различия, уже не позволяющие всякий раз сказать, какие способы употребления форм точно древние, а какие должны рассматриваться как единичные языковые новшества» (Soden 1952, 99). «Одна из самых сложных проблем аккадского глагола – это проблема времен. Первоначально аккадскому глаголу была чужда категория времени, как и глаголам других семитских языков. Вместо деления на прошедшее, настоящее и будущее время различалось лишь, завершено ли действие к моменту сообщения (повествования) или не завершено. Но если глаголы других семитских языков (арабский, древнееврейский) различают две модификации глагольных понятий – совершенный вид и несовершенный, в аккадском теперь обнаружили четыре (прежде три) модификации» (Липин 1954, 92). «Ясно, что среднеегипетский еще не обнаруживает, как это позднее произошло в коптском, определенного набора времен, устанавливающих связь между временем глагольного действия и временной точкой зрения говорящего. Времена, которые мы обнаруживаем в древнейший период, имеют отношение, как и семитские времена, преимущественно к однократности или повторяемости, к мгновенности или непрерывности, к понятиям, выраженным глаголом» (Gardiner 1957, 219).

В истории индоевропейских языков также наблюдаются сходные тенденции. Сошлемся здесь на историю становления одной из глагольных форм – перфекта. «Если мы учтем, что перфект древних индоевропейских языков выполнял функции статива (статального пассива) и результатива, то сопоставление его с причастными описательными конструкциями новых индоевропейских языков окажется вполне правомерным... Видные компаративисты нашего столетия высказывали точку зрения об именном происхождении индоевропейского перфекта. По мнению К. Бругмана, "перфект" некогда составлял "особый, небольшой класс слов (обозначающих состояние) первоначально скорее именного, чем глагольного характера"» (Brugmann 1913, 84). Детальную разработку эта точка зрения получила в исследованиях А.В.Десницкой, указавшей на наличие формальных и семантических связей между отглагольными тематическими именами в индоевропейских языках и индоевропейским перфектом (Десницкая 1949). Е.Курилович возводит происхождение и.-е. перфекта к отглагольным прилагательным,

сопоставимым по своей функционально-семантической сфере с отглагольными прилагательными с суффиксом *-to-*, сформировавшимися в более позднее время (Kuryłowicz 1964, 62). Об именном происхождении индоевропейского перфекта читаем мы у Уоткинса (Watkins 1969, 105) и Шмальштига (Schmalstieg 1978, 354); о первоначальном отсутствии у индоевропейского перфекта глагольной флексии пишет Леманн (Lehmann 1989, 110); интересное и во многом оригинальное решение вопроса об именном происхождении и.-е. перфекта предлагает Ю.С.Степанов (Степанов 1989, 20, 27–29, 105). С именным происхождением некоторые исследователи связывают не только основу перфекта, но и характерные для него личные окончания. «Интересно предположение, что основа перфекта восходит к отглагольным именам. Те личные окончания, которые были предположены выше как древнейшие для глаголов состояния, согласуются с этим предположением: они известны в функции именных суффиксов; тогда древнейшие формы перфекта явились бы адаптацией именных форм» (Тронский 1967, 91). «...Все эти факты приводят к выводу, что по своей функционально-семантической сфере индоевропейский перфект вполне сопоставим с отглагольными именными формами, служившими для обозначения состояния... Оплагольные именные формы, служащие для обозначения состояния, которые в новых индоевропейских языках функционируют в синтаксическом сочетании со вспомогательными глаголами, в древних индоевропейских языках стали функционировать в качестве самодовлеющих предикатов и выработали особую систему спряжения ... Реконструируемая нами эволюция, приведшая к функционированию именных по происхождению форм в роли предикатов и дальнейшему их превращению в глагольные формы, снабженные личными окончаниями, не представляет собой ничего исключительного и имеет аналогии в истории многих языков. Вспомним, что в современном русском языке в качестве финитных форм прошедшего времени функционируют формы, являющиеся по своему происхождению причастиями с показателем *-l*» (Перельмутер 1995, 183–186).

Таким образом, можно заключить, что в истории не только тюркских языков, но и языков иной типологии наблюдается период, когда квалификация описываемого предикатом события (ситуации) осуществляется в качественно-количественных параметрах как некое его свойство, связанное с особенностями протекания самого процесса, причем локализация этого свойства в параметрах времени и отчасти пространства до какой-то поры оказывается для носителей языка несущественной для полноты коммуникации. Создается впечатление, что говорящих больше всего интересовали качественные и количественные проявления в описываемом событии-ситуации, качественная характеристика изменений в состоянии участников ситуации, внесенных событием, а не локализация последнего относительно коммуникативного акта.

Именно такой «призначный» тип квалификации ситуации в истории языков агглютинативного типа получил интересную интерпретацию в сис-

темной типологии Г.П.Мельникова (Мельников 1971; 1978; 2003). Он пришел к выводу, что для успешной коммуникации в условиях, в которых приходилось общаться говорящим на агглютинативных языках, «важными оказываются и такие параметры строя языка, как устойчивость, однотипность и простота используемой языковой техники на всех пространствах распространения агглютинативного языка, его регулярность и "правильность"», но самой важной чертой внутренней формы языка агглютинативного типа был «качественно-признаковый ракурс» изображения описываемого сюжета. А именно: в этих условиях, «при всем многообразии *поводов* для коммуникации, речь в высказываниях идет главным образом о хорошо известных обоим коммуникантам субъектах и объектах, а тот *аспект*, та недостаточность знании об этих субъектах или объектах, которая делает слушающего заинтересованным в сообщении говорящего, в основном остается *одинаковой:* это беспокоящий слушающего вопрос о том, как в конечном счете сказался на известном предмете разговора тот период, в течение которого общение было прервано, каковы свойства соответствующего субъекта или объекта, его признаки по сравнению с теми общеизвестными, которые были у него до наступления коммуникационного перерыва. Но так как эти новые накопившиеся признаки явились следствием *разнообразных* пережитых событий, приключений, переживаний и т.д., то конечные *сюжеты*, конечные представления о свойствах и признаках обсуждаемых носителей этих свойств и признаков окажутся также весьма *разнообразными.* Важно лишь, чтобы предстали они перед слушателем как *новые атрибуты,* новые качественные характеристики этих носителей, т.е. в особом *ракурсе изображения,* который можно назвать *признаковым*... в условиях общения, приводящих к развитию наиболее ярких черт агглютинативного строя, слушающий заинтересован прежде всего в сведениях о признаках, которые в масштабах именно всего истекшего периода получают социальную оценку – значимых, существенных, качественных, достойных того, чтобы о них знало все общество» (Мельников 2003, 121–122).

Итак, глагольные имена как производные слова с процессной семантикой несли в себе прежде всего новую качественно-количественную информацию о процессе.

С другой стороны, глагол, как лексема с процессной семантикой, оказывается и центром выражения в языке функционально-семантической категории аспектуальности, содержанием которой является характер протекания действия, особенности развертывания самого процесса, представленного вещественным значением данной глагольной лексемы.

Различные стороны аспектуальной характеристики действия-состояния, названного в глаголе, также получают в языках специфическое формальное выражение. Так, например, по современным аспектологическим представлениям такая характеристика может быть репрезентирована категорией вида, наиболее грамматичной из всех аспектуальных категорий, семантической категорией предельности/непредельности действия и семантической

категорией способов действия, раскрывающих особенности протекания глагольного действия. Если последние две категории, в силу своей «лексичности», по-видимому, свойственны глаголу в любых языках, то категория вида, подразумевающая оппозицию глаголов по грамматическому признаку в пределах одного лексического значения, может не иметь места в ряде языков. Все указанные категории находятся в сложном взаимодействии, входя в упоминавшуюся более широкую категорию аспектуальности.

Соотношение указанных категорий в языках различного типа подвергнуто изучению далеко не равномерно. Наиболее глубоко оно освещено, пожалуй, лишь на материале славянских языков. Для некоторых германских языков (немецкий, английский) в последнее время широко применяется понятие аспектологического контекста, когда учитываются морфологические, лексические и разнообразные контекстуальные средства аспектуальности.

В настоящее время аспектологи, обычно признавая вид (Aspekt) грамматической категорией, четко отличают его от способа глагольного действия, а также от предельности/непредельности действия. Различение этих основных, фундаментальных понятий аспектологии, разнящихся уровнем грамматической абстракции, грамматикализованности, есть необходимое условие достоверного описания аспектуальных средств языка. Следует напомнить, в противоположность видам способы действия лишь модифицируют исходное значение глагола в пределах передаваемых ими обобщенных типов особенностей развертывания действия.

Категория предельности/непредельности характеризует тот внутренний предел действия-состояния, преодоление которого ведет к смене данного действия-состояния. Распределение глаголов на предельные и непредельные есть семантическая операция, базирующаяся на анализе сущности самого действия (Холодович 1963). Эта категория играет важную роль в организации аспектологического контекста, особенно в тех языках, где не представлена морфологическая категория вида. Поскольку предельность/непредельность отражает фактически внутреннюю сущность любого действия-состояния, указанная категория носит, по-видимому, характер языковой универсалии, и учет данного обстоятельства необходим при анализе способов выражения аспектуальности в любом языке. Здесь же следует отметить, что категория предельности/непредельности мало исследована в урало-алтайских языках, что сказывается и на описании особенностей видовременных систем глагола в этих языках. Так, например, в тюркологии до самого последнего времени любая характеристика протекания действия глагола связывалась с «видами» тюркского глагола, причем тюркологи часто принимали предельные значения глаголов за «тюркский совершенный, или законченный, вид», а непредельные – за «несовершенный, или незаконченный, вид» (Насилов 1976).

Вообще в грамматиках алтайских языков (в данном случае имеются в виду языки тюркские, монгольские, тунгусо-маньчжурские, отчасти корейский) принято выделять категорию «глагольного вида». Однако в большинстве случаев эти «видовые формы» и грамматически и семантически оказы-

ваются наиболее близкими к тому явлению, которое определяется в современной аспектологии как способ глагольного действия, хотя сюда попадают также и случаи «видовой» интерпретации временных форм и других морфологических образований, основанной на упомянутом неразличении предельных и непредельных действий (Насилов 1978а).

В алтайских языках представлены синтетические (аффиксальные) и аналитические средства выражения способов глагольного действия. В современных тюркских и монгольских языках ведущим и развитым средством их выражения являются аналитические образования с вспомогательными (служебными) глаголами, а аффиксальные показатели имеют ограниченную сферу использования, передавая обычно количественные характеристики действия (многократность, учащательность и интенсивность). К этим языкам примыкает и корейский язык, где указанные значения также выражаются преимущественно аналитическими конструкциями. В тюркских языках такие аффиксы являются ныне малопродуктивными, в монгольских же продуктивность их несколько выше. В тунгусо-маньчжурских языках, в противоположность тюркским и монгольским, способы действия обычно репрезентируются многочисленными аффиксами, выражающими и качественные, и количественные характеристики действия. Аналитические средства используются редко и представлены сочетаниями с глаголами «кончить», «прекратить», «начать», «приступить» и т.п. В группах алтайских языков наблюдается, таким образом, различное соотношение синтетических и аналитических форм выражения способов глагольного действия.

При анализе аффиксальных средств нужно учитывать следующие обстоятельства. Во всех алтайских языках эти аффиксы связаны и исторически, и даже на современном уровне развития языков с системой глаголообразования от неглагольных частей речи, а также и с внутриглагольным словообразованием. Из этого следует вывод о том, что историческое описание данных аффиксов возможно лишь с учетом всей системы средств глаголообразования как в конкретной группе языков, так и во всей алтайской языковой семье. И это закономерно, так как способы действия осуществляют лексическую модификацию глагола. Таким образом, частная подсистема аффиксов способа действия представляет собой элемент более широкой подсистемы аффиксов глаголообразования и исторически выделилась в алтайских языках из последней. Поэтому установление материальной общности таких аффиксов может быть продуктивным лишь при восстановлении целостной картины глаголопроизводства в алтайских языках. Алтаистические штудии Г.Рамстедта, Вл.Котвича, Н.Поппе и других алтаистов, хотя последние и не исследовали системы словообразовательных средств в полном их объеме, шли именно по такому пути.

Уже Г.Рамстедт пришел к выводам об общности ряда глагольных формантов во всех алтайских языках. В свою очередь, многокомпонентные форманты в отдельных языках сводимы в большинстве случаев к комбинации первичных элементарных формантов. Для аффиксов, выражающих ко-

личественную характеристику действия (интенсивность/учащательность/ритмичность) и функционирующих в семантически полнозначных глаголах, восстанавливаются первичные элементы **-γa~*-a/*-γi ~*-i, *-l ~*-la, *-ča, *-(A)r, *-q, *-t,* которые могут вступать в комбинации и между собой, и с другими формантами. Эти элементы существуют в сходных функциях во всех трех группах алтайских языков. Кроме того, предприняты попытки установить фонетические соответствия по языкам и между сочетаниями этих формантов (Котв.Иссл.; Санжеев 1963; Ропре 1955; 1965). Картина соответствий будет неполной, если не учитывать системы образования изобразительных глаголов и многочисленных аффиксов-модификаторов, функционирующих в них, о чем также было сказано выше.

Если между аффиксами, которые выражают интенсивно-учащательные значения, по группам алтайских языков устанавливаются известная материальная общность и почти тождественные значения и функции, то для аффиксов тунгусо-маньчжурских языков, выражающих способы действия со значениями начинательности, течения действия, его завершенности и пространственно-временной распределенности, аналогий в тюркских и монгольских языках не находится, если не считать в них отдельных показателей, которые являются новейшими по происхождению и возникают из слов в процессе фонетического слияния. И наоборот, многообразию вспомогательных глаголов-модификаторов, с помощью которых в тюркских и монгольских языках передаются именно эти значения, в тунгусо-маньчжурских языках противопоставлены синтетические аффиксальные формы.

Что касается тюркских и монгольских языков, то бросается в глаза сходство применяемых в них глаголов-модификаторов как по их лексическому значению, так и по использованию в грамматических структурах для выражения одних и тех же значений способов действия.

Как же можно оценивать выявившиеся отличия тюрко-монгольских средств выражения способов действия от тунгусо-маньчжурских? Как известно, Вл. Котвич, отрицая прямые генетические связи между алтайскими языками, отмечал, что параллельно существовали тюркские, монгольские и тунгусские языки, «близкие друг другу только типологически», и которые поэтому «идут в своем развитии по одному пути, с незначительными отклонениями» (Котв.Иссл. 351–352). В отличие от Г.Рамстедта он не считал аффиксальные средства модификации глагольного действия поздними образованиями в истории развития алтайских языков, хотя допускал, что тюркские языки, ушедшие вперед в своем историческом развитии по сравнению с монгольскими и особенно с тунгусо-маньчжурскими, могли, видимо, утерять в ходе этого развития часть своих формативов.

Вообще вопрос о неравномерном развитии алтайских языков поднимался и другими учеными, также выдвигавшими тезис об ускоренной эволюции тюркских языков на фоне прочих алтайских. В связи с этим можно упомянуть имена Г.И.Рамстедта, Б.Я.Владимирцова, Е.Д.Поливанова, К.Менгеса, Г.Д.Санжеева. Эти ученые или просто констатируют возможность такой

эволюции языков, или, опираясь на подобную тенденцию, видят в строе тюркских языков прообраз развивающихся в данном направлении монгольских языков; во всех случаях лучше сохранившими «древние» черты алтайских языков вообще оказываются тунгусо-маньчжурские языки.

Вопрос о соотносительном развитии алтайских языков (и шире – урало-алтайских) давно интересовал алтаистов. Его постановка была в свое время стимулирована теорией агглютинации грамматических показателей, восходящей к Ф.Боппу, который отталкивался от исторической последовательности морфологических типов языков. Перенос данной теории на урало-алтайские языки привел к попыткам соотнести уровень развития агглютинации в этих языках с уровнем их абсолютного исторического развития. Учет в этом плане связи личных показателей глагола и личных местоимений, проявления гармонии гласных, развитости падежной системы в различных языках и т.п. приводил исследователей к мысли о значительной эволюции тюркских языков в сторону флективности (среди алтайских языков). Идея о прогрессивном развитии тюркских языков живет в современных исследованиях, хотя их авторы часто и не приводят каких-либо аргументов для ее обоснования.

Интересная попытка объяснить указанную особенность тюркских языков была предпринята Г.П.Мельниковым с позиций пропагандируемой им системной лингвистики. Он установил, что детерминантой алтайских языков является «тенденция к экономии служебных элементов» (Мельников 1971, 65–66). Учитывая положения теории системной лингвистики и проявление этой детерминанты, можно подойти к проблеме соотношения генетических и типологических схождений алтайских языков. «Если алтайские языки генетически родственны, то их различие должно объясняться в первую очередь степенью настроенности по детерминанте экономии служебных элементов, т.е. фазой адаптации по этой детерминанте, так как исходные состояния алтайских языков не могли быть при этом различными... Какая из этих фаз соответствует большему уровню адаптации, а какая - меньшему, мы легко определим, зная детерминанту» (там же, 70). Наибольший уровень настроенности по данной детерминанте проявляется в тюркских языках, меньший – в монгольских и наименьший – в тунгусо-маньчжурских. «Этим легко объясняется тот факт, что в тюркских языках ... число аффиксов меньше, чем в монгольских, а в монгольских меньше, чем в тунгусо-маньчжурских» (там же, 74), и обратным выглядит соотношение аффиксации с «полнозначными словами в полуслужебной роли».

Это особенно ясно показывает маньчжурский язык, который в результате особенностей развития и межъязыкового контактирования «безболезненно» отказался от широкого употребления аффиксов и взамен этого развил для передачи характеристики действия способ «инкорпорированных» глаголов и систему описательных форм, возникших на основе сложения самостоятельных глагольных слов (~ основ) (Суник 1962, 123–142). Поэтому можно согласиться с Г.И.Рамстедтом, который такие образования считал новейшими в истории тунгусо-маньчжурских языков.

Неравномерности развития наблюдаются и внутри тюркских языков: вспомогательные глаголы менее используются в огузских языках, в частности в турецком. Эту особенность последнего К.Г.Менгес, вслед за М.Рясяненом, объясняет влиянием других языков, и прежде всего европейских (Meng. 1968, 146). Вместо вспомогательных глаголов в турецком языке широко используются перифрастические формы с *ol-*, которые характерны для языков огузского типа уже по данным древнетюркских памятников.

Таким образом, фактическое распределение средств выражения способов глагольного действия по алтайским языкам хорошо согласуется с построениями системной лингвистики в отношении настроенности трех групп языков по алтайской детерминанте.

Для уральских языков в целом характерно использование аффиксальных средств выражения способов действия. В финно-угорских языках многие так называемые видовые формы, видимо, также следует интерпретировать как формы способов действия; наиболее регулярно они передаются здесь аффиксальными средствами. В марийском и удмуртском языках наряду с аффиксальными существуют и аналитические формы со вспомогательными (служебными) глаголами, появление которых Б.А.Серебренников связывает с влиянием тюркских языков. Действительно, модели таких аналитических образований структурно совпадают с аналогичными моделями в контактирующих чувашском и татарском языках. Влияние последних сказывается не только на строении аналитических форм способов действия глагола, но и на системе временных форм, а также в ряде других грамматических явлений (Серебренников 1960). Интересно подчеркнуть, что и в финно-угорских языках аффиксы способов действия также связаны исторически как с отглагольным, так и с отыменным словообразованием глагола, причем в ходе исторического развития возможны сочетания отдельных показателей в сложные комплексы.

С типологической точки зрения наборы формальных средств выражения способов действия в урало-алтайских языках во многом совпадают. Те проблемы, которые выдвигают исследователи алтайских языков, видимо, относятся и к уральским языкам. Нужно не упускать также из виду общее типологическое сходство урало-алтайских языков и принадлежность всех их к языкам агглютинирующего типа, ибо рассмотренные выше особенности могут объясняться на основе типологической общности урало-алтайских языков. Тогда попытки использования морфологии способов действия глагола при установлении генетических связей между языками приобретают несколько иную доказательную силу.

Наконец, еще одно замечание. Г.И.Рамстедт, выделяя в алтайском слове «основу» и «окончание», т.е. неизменяемую начальную часть слова и часть варьирующуюся, изменяемую и несущую какие-либо лексико-грамматические функции, среди «окончаний» находил два типа: основообразующие и словоизменительные (флексия) (Рам. 26–27; Rams. 1912, 1–4). Однако в практике своих сравнительно-исторических штудий он не различал регу-

лярно и четко эти две разновидности «окончаний», а среди первых – форманты слово- и формообразования, за что и подвергся критике со стороны Н.А.Баскакова, писавшего: «Что касается словообразования, то вся масса аффиксов... рассматривается автором без дифференциации их на соответствующие типы и разряды, образующие своеобразные системы лексико-грамматических и функционально-грамматических категорий, специфичных для той или иной группы языков» (Рам. 20). Между тем если при синхронном описании алтайских языков такое различение допустимо, то при историческом исследовании подобное строгое противопоставление представляется неоправданным, ибо грани между такими формативами подвижны и возможны их взаимопереходы. Для алтайских языков, видимо, вообще целесообразнее исторически выделять разряд деривационных показателей как модификаторов смысловой стороны слов, которые противопоставлены реляционным показателям синтаксических связей слов. Это особенно важно для алтаистических сопоставлений, когда смысловая и функциональная нагрузка деривационных формантов в отдельных языках и группах языков оказывается разноуровневой в силу неравномерности исторического развития языков, их разной настроенности по языковой детерминанте. Признание аффиксов слово- и формообразования «принципиально различными группами или разрядами», с одной стороны, и сопоставление их систем лишь с «соответствующими в той или иной степени теми же системами» – с другой, заметно ограничивали бы сравнительно-историческое изучение алтайских языков. При удовлетворительных фонетических соответствиях и при выявлении единства значений и функций формантов в разных языках, восходящего к праязыковому состоянию, можно возводить аффиксы к единой праформе (Насилов 1978б).

Развитие языка приводит к затемнению начальных словообразующих формантов, которые могут быть вычленены лишь в результате специального анализа и поисков первичного глагола. Образование какого-либо способа действия (далее – СД) от глагола приводит к модификации лексического значения последнего, которая отражается также и в изменении его сочетаемостных способностей, в парадигматических сдвигах. Однако имеются случаи, когда между производящей и производной основой с показателем СД заметных различий в семантике не отмечается. Это объясняется либо затемнением лексико-грамматического (деривационного) значения данного форманта, либо явлениями междиалектной лексической интерференции, либо межъязыковыми контактами. Поэтому не всегда удается реконструировать для какого-либо показателя его первичное (праязыковое) значение или определить его роль в производной основе. Такие случаи, довольно частые в морфологии алтайских языков, не могут быть, однако, опровержением принципиальной возможности исторического сравнения деривационных показателей в трех труппах алтайских языков – тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских, а также попыток реконструкции архетипов, значений и функций на праязыковом уровне и определения их фи-

лиаций по группам языков (resp. в отдельных языках). В целом же, «словообразование и формообразование можно рассматривать вместе как некую единую систему формальных изменений в языке … т.е. как своего рода всеобщее "формоизменение"» (Гар. БИС, 224; ср.: Грунина 1996, 109).

К деривационной истории тюркского аффикса *-а* на фоне других алтайских языков

Семантика способов глагольного действия, выражаемых в алтайских языках аффиксально, довольно однообразна: интенсивность/учащательность/ритмичность, т.е. здесь передаются по преимуществу количественные модификации действия. Возникает вопрос, являются ли эти значения исторически первичными или аффиксы имели и иные значения, указывая, например, на качественное своеобразие действия-состояния. Поскольку аффиксы СД неразрывно связаны с системой глагольного словообразования, для ответа на поставленный вопрос приходится обращаться к наблюдениям за использованием данных формантов в словообразовательных целях в различных лексико-грамматических группах глаголов. Данное описание следует рассматривать как попытку показать особенности прото- и пратюркской «полисемантичности/полифункциональности» формантов и пути их вхождения в глагольную систему тюркских языков, их закрепления как выразителей разных категорий глагола.

Ниже рассматривается в сравнительно-историческом плане «первичный», простой показатель *-а* в тюркских языках в сопоставлении с гомогенными формантами других алтайских языков – монгольских и тунгусо-маньчжурских. При этом учитываются алтаистические штудии Г.Рамстедта, В.Котвича, Н.Поппе, К.Менгеса, И. Бенцинга, а также работы по тюркской морфологии и лексикологии (Э.В.Севортяна, Б.М.Юнусалиева, Л.Н.Харитонова, А.Н.Кононова, Б.А.Серебренникова, Н.З.Гаджиевой, М.Рясянена, А.М.Щербака, Э.А.Груниной и др.).

Статус аффикса *-а* в историческом словообразовании тюркского глагола полностью еще не определен. Многих исследователей смущает тот факт, что один гласный *-а* (так же, как *-i*) выступает в качестве самостоятельного аффикса. Г.Рамстедт ни в работе о монголо-тюркском глаголообразовании, ни во Введении не высказал определенной точки зрения на его историю. Рассмотрев случаи образования глаголов от имен при помощи *-а*, он в первой работе не исключал возможности гетерогенной природы *-а*: результат исторического распределения имен и глаголов с исходом одинаковой основы на гласный; ассимилятивные явления, ср.: *qana-* 'пускать кровь' при *qan* 'кровь' < ? **qan-la-*; отражение фонетического развития *-а* < **-γa*; пережиточная функция соединительного гласного, т.е. аналогическое образование, ср.: караим. *kämiš-* 'уменьшать', уйг. *kemi-* 'уменьшаться' при *kem* 'малый, недостаточный'(Рам. 77–79). Однако во второй работе он высказался более осторожно, обратив внимание лишь на спорность пратюркской реконструк-

ции «*-*a* (~*-*i*) как отдельного форманта исключительно по общим соображениям (обычно это «соединительные гласные»). Сходную точку зрения о гетерогенности показателя *-a* разделяет и Н.А.Баскаков, который считает его в системе словообразования «результатом контаминации фонетически различных аффиксальных образований» (Рам. 240, прим. 165).

Аффикс *-a*, являющийся ныне непродуктивным, образовывал отыменные глаголы со значением признака процесса или его результата, названия процесса, результата, места и направления, орудия и формы в основном от имен с семантикой названия процесса, признака или результата, а также использовался при глаголах как показатель интенсивности и учащательности (Сев.АГ 203–230). Э.В.Севортян рассматривает этот аффикс в качестве одной из древнейших и пережиточных форм глаголообразования в тюркских языках, которая позднее была вытеснена показателем *-la* и его производными. Важно подчеркнуть тот выведенный из лексико-грамматического анализа глаголов с аффиксом *-a* факт, что функции последнего в основном аналогичны показателю *-la*, который, оставаясь наиболее продуктивным средством глаголообразования, «формирует значение производного глагола согласно одному из типов своих значений (а не по признаку глагольности вообще), совокупность которых и образует значение глагольности у аффикса *-la-*» (Сев.АГ 78). Таким образом, в историческом плане отмечается преемственность функциональной нагрузки этих двух показателей. Аффикс *-a* выступал среди деривационных формантов, трансформирующих определенный класс конкретных имен существительных (образования от имен с отвлеченно-абстрактным значением малочисленны и нехарактерны для этой модели; кроме того, по наблюдениям Э.В.Севортяна, абстрактные значения развились на базе конкретных. – Сев.АГ 213) в класс глаголов различной семантики. По всей вероятности, данный аффикс не столько выступал в качестве формального показателя деривационного преобразования «имя → глагол», сколько являлся семантически необходимым для преобразования смысла «предметное значение → глагольное значение», ибо для тюркских языков формальное обозначение класса глаголов (глагольных представлений) не является абсолютно необходимым. Об этом говорят отмечаемые исследователями нередкие случаи так называемой глагольно-именной омонимии (глагольно-именной синкретизм), т.е. формального совпадения глагольной и именной основ (см.: ЭСТЯ 1974, 26–45). Характерно, что и в этом случае отмечается такое же семантическое отношение между именем и глаголом, как и при аффиксальном глаголообразовании: «господствующими являются названия процесса, признака процесса или результата...» (Сев.АГ 419). Поэтому можно заключить, что процессы отыменного глаголообразования в тюркских языках в семантическом плане не претерпевали существенных преобразований в ходе обозримой истории данных языков. Э.В.Севортян показал также, что при сохранении семантических моделей происходили тем не менее сдвиги в направлении формального закрепления отыменного и отглагольного словообразования и дифференциа-

ции этих процессов благодаря более узкой специализации простых аффиксов или создания сложных (составных, фузионных) аффиксов. Такие процессы в сфере глагола свойственны не только тюркским языкам, но и другим алтайским, и даже – шире – урало-алтайским языкам, что отмечалось многими исследователями (Котв.Иссл. 46–64; ОФУЯз. 1974, 330–335).

Отношения орудия, предмета действия и т.п. составляют преобладающие значения основ при глаголообразовании. Именно такие характерные смыслы, как «действовать чем-либо», «заниматься чем-либо», «применять что-либо», «использовать что-либо», «добиваться при помощи чего-либо», «являть что-либо», «быть чем-либо» и т.п., требуют в тюркских языках использования специальных деривационных морфем для своего выражения. В передаче многих указанных значений использовался и аффикс *-а*. Общим абстрактно-грамматическим значением, которое определяется в конечном итоге сущностью глагола, было в данном случае указание на динамическую природу явления, его процессный характер, ибо здесь всегда «выражается процесс, характеристика которого присоединяется к лексическому значению слова, поддающемуся выражению процесса» (Мещанинов 1948, 180).

Представление о процессе, динамическом признаке связано с представлением о временной протяженности какого-либо явления, его длительности, типичности, множественности проявления. На этой основе можно попытаться реконструировать и более частное конкретное значение глаголообразующего форманта *-а*, которое, вероятно, будет также связано с наиболее общим значением данной модели словообразования – процессуальным признаком, накладывающимся на семантику конкретного предметного имени. Таким частным значением могло быть значение «многократность», «повторяемость», «много-делание», как когда-то удачно определил Г.П.Мельников. Учитывая широкий семантический круг образуемых с помощью *-а* глаголов, можно было бы предположить, что его значением являлось только указание на глагольный характер производного слова, т.е. «признак глагольности». Однако от этого предположения следует отказаться по двум причинам. Во-первых, специальное обозначение глагола для тюркских языков, как уже указывалось, не является обязательным. Любой глагол, как непроизводный, так и производный, обладает признаком процессности, который органически входит в лексико-грамматическую природу этого разряда лексики. Тюркские языки, подчиняющиеся принципу экономии служебных элементов, используют деривационные показатели очень экономно. Г.Рамстедт отметил, что «имя может быть, так сказать, "конверсировано", т.е. применяться в роли глагола, и не будучи снабжено каким-либо особым окончанием» (Рам. 179). Во-вторых, соотношение «имя → производный глагол» семантически не одно-однозначно, поэтому значение глагола не есть значение имени + признак глагольности. Реализация словообразовательных значений здесь осуществляется через сложную систему смысловых трансформаций, конечным результатом которых является глагол с определенной семантической структурой, а не просто «оглаголенная»

(только функционально) семантика имени с конкретным значением. Поэтому применение аффикса *-а* семантически обусловлено, и он реализует в данной словообразовательной модели свое деривационное значение; с формальной стороны наличие деривационного форманта *-а* сигнализирует об определенной модели, в которой может проявиться одно из его деривационных значений.

Э.В.Севортян указывает для аффикса *-а* две функции: словообразовательную и грамматическую (выражение учащательности-интенсивности). «В глаголообразующем аффиксе *-а-* значение учащательности не получило значительного развития в эпоху, близкую к современной. Оно исчезло из тюркских языков вместе с потерей аффиксом *-а* своей продуктивности» (Сев.АГ 229). Б.А.Серебренников, рассматривая соотношение аналогичных значений у показателя *-la*, принимает, что деноминативный показатель *-la* восходит к многократному показателю *-la*. Он восстанавливает семантическое развитие этого показателя от значения многократности через ступень обозначения ослабленности действия к осмыслению его как чисто глаголообразовательного форманта, утратившего позднее в деноминативных образованиях свое собственное значение; здесь действует закономерность: «если какой-либо формант получает новое значение, то сфера его прежнего значения может сильно сузиться» (Серебренников 1972, 66–67). Последнее объясняет, по мнению Б.А.Серебренникова, редкое использование показателя *-la* в качестве средства образования от глагольных основ многократных глаголов, форм учащательности.

Поскольку выше было указано, что семантический потенциал и функции аффикса *-а* и аффикса *-la* исторически совпадают, приведенные положения можно было бы распространить и на интересующий нас аффикс *-а*, т.е. принять вслед за Б.А.Серебренниковым направление его развития от формы многократности к показателю отыменного глагола вообще. В принципе такой путь развития аффикса *-а* подсказывается не только аналогией с аффиксом *-la*, но и картиной распределения его функций в сохранившихся почти во всех тюркских языках глаголах: многократных глаголов с *-la* – единицы на фоне всех случаев его словообразовательного использования. Однако, как нам представляется, при реконструкции значений этого аффикса следует учитывать ту особенность тюркских языков, которая выделяет их (а также и монгольские) среди прочих алтайских, – слабое развитие аффиксальных средств выражения СД глагола. Эта тенденция для тюркских языков не нова. Напротив, как свидетельствуют факты использования непродуктивного (точнее – мертвого) аффикса *-а*, и в древнейшей истории тюркских языков выражение многократного СД аффиксально не было широко развитым.

По мнению Э.В.Севортяна, этот аффикс потерял продуктивность уже ко времени первых письменных тюркских памятников. Учитывая общетюркский характер образований с *-а* и их семантический спектр, можно заключить, что формант *-а* является древнейшим общетюркским показателем и

что его функционирование относится к периоду праязыкового состояния, т.е. его можно рассматривать как праязыковой формант, частным грамматическим значением которого было значение «многократность» ~ «повторяемость» – «обычность» и, как вариант, «учащательность». Все эти значения процессны по своему содержанию, поэтому не удивительно, что аффикс *-а* связан функционально преимущественно с глаголом. При присоединении его к определенным типам имен, «поддающихся» (Мещанинов) приписыванию им глагольных признаков, происходило совмещение их семного содержания с значением «многократность» у аффикса *-а*, в результате чего образовывались глаголы от имен со своим особым семантическим содержанием, которое только детерминировалось значением имени. Присоединение аффикса *-а* к глаголу, который по своей природе уже обозначает процесс, позволяло реализовать также значение «многократность», причем более явно, чем в первом случае: возникает глагол с многократным (либо учащательным) значением, однако и в данном случае происходит трансформация лексического значения, и производный глагол в этом плане не тождествен полностью глаголу производящему; мера их различия определяется каждый раз индивидуально на основе взаимодействия лексических значений основы и значений аффикса *-а*.

Если принять предлагаемую картину функционирования аффикса *-а*, то отпадает необходимость искать направление развития этого форманта на тюркском праязыковом уровне. Таким образом, его статус будет характеризоваться следующим образом: в тюркском праязыке в сфере глагола (т.е. выражения процессных, динамических признаков) имелся деривационный формант *-а* со значением «многократность», который выступал в деноминативных дериватах и в отглагольных, подчеркивая в последнем случае специально многократность, повторяемость, а также учащательность и интенсивность глагольного действия, т.е. он использовался здесь как показатель многократно-учащательного СД (итератив или мультипликатив). Иначе говоря, в сфере глаголообразования использовался не показатель многократного действия глагола, а формант, который и в том, и в другом (т.е. СД) случаях реализовал одно и то же свое значение «многократность», и тем самым «многократный» аффикс не приобретал новой функции глаголообразования, а выполнял ее уже в праязыке. Конечно, такой статус показателя можно определить как его «полисемантичность» и «полифункциональность». Следовательно, возникновение указанных функций относится к более раннему состоянию языка, возможно прототюркскому или еще более раннему, когда возникла необходимость формально закрепить данный деривационный процесс. Тогда низкую частотность проявления многократного значения у глаголов на *-а* можно легко объяснить неразвитостью использования аффиксальных средств выражения СД в тюркских языках, причины которой коренятся, видимо, в особенностях их грамматического строя и не получили пока удовлетворительного объяснения в традиционной тюркологии. Низкая частотность говорит, вероятно, не о потере аффиксом *-а*

функции выражения многократного СД, а отражает общетюркскую тенденцию, которая проявляла себя уже и в период активного функционирования этого аффикса и, следовательно, связана также с самыми ранними этапами развития тюркских языков (вплоть до прототюркского).

С предлагаемых позиций появляется возможность по-иному рассмотреть функцию форманта *-a*, выступающего в других глагольных образованиях, помимо упомянутых. Одним из сложных и спорных вопросов в тюркологии и в алтаистике в целом является вопрос о тождестве грамматических формантов, особенно тех, которые синхронно воспринимаются как омонимичные (Джураева 1975). Часто это связывается со стремлением реконструировать полнозначное (или служебное) слово и только через него этимологически идентифицировать омоморфемы. Более сложным является непосредственное восстановление первичного значения морфемы и установление способов его реализации в различных грамматических категориях.

Конечно, семантическое сходство ряда синхронно функционирующих показателей не может быть прямым доказательством их генетической тождественности. Однако если каждый из случаев их употребления может быть интерпретирован как конкретное проявление общего значения, вопрос о единстве данных морфем приобретает реальные основания.

Прежде всего следует рассмотреть сложный аффикс *-ayan*, в составе которого вычленяются форманты *-a-* и *-yan*. Этот аффикс употребляется в ряде современных тюркских языков: в каракалпакском, ногайском (чаще в караногайском диалекте), в кумыкском он образует причастия настоящего или настоящего-будущего времени со значением обычного, привычного, постоянно совершающегося действия, например: ккалп. *qašayan bije* 'норовистая кобыла', 'тот, кто так и норовит убежать' *(qaš-* 'бегать, убегать'), *beregen qolym alayan* 'дающая рука и брать любит', *beregen* 'дающий постоянно' *(ber-* 'давать', *al-* 'брать'), *köregen* 'зоркий, наблюдательный' *(kör-* 'видеть'), *tabayan* 'находчивый, удачливый' *(tap-* 'находить, приобретать'); ног. *kelegen* 'постоянно приходящий' *(kel-* 'приходить'), *jatagan jer* 'место, на котором постоянно (обычно) лежат' *(jat-* 'лежать'); кумык, *tüz jürüjgen sayat* 'часы, которые ходят верно' *(jürü-* 'водить'), *äsinden čyqmajyan* 'незабываемый, незабвенный' *(čyq-* 'выходить'), *parovoz qurayan zavod* 'паровозостроительный завод' *(qur-* 'строить'); в чувашском языке аффикс выступает в форме *-akan ~ -ekan*, создавая причастия настоящего времени также со значением незаконченного, продолжающегося действия с оттенком его обычности (возможно, это – кыпчакское заимствование, см.: Егоров 1957, 218–219; Андреев 1961, 127; Гаджиева 1975, 94–95), например: *purănakan šŭrt* 'жилой дом' *(purăn-* 'жить'), *pĕleken śyn* 'знакомый человек' *(pĕl-* 'знать'); в нижнечулымском диалекте чулымско-тюркского языка отмечены единичные случаи употребления причастия настоящего-будущего времени на *-ayan*; в узбекском языке имеются отдельные субстантивированные или адъективированные образования с непродуктивным аффиксом *-ayân* со значением типично проявляемого действия-свойства – *bilayân* 'знающий,

знаток', *topayån* 'находчивый, смекалистый' *(tåp-*'находить'), *ålayån* 'обладающий хорошей хваткой (о собаке)', 'хапуга', *kulayån* 'смешливый, хохотун' (*kul-* 'смеяться'); в языке желтых уйгуров употребляется аффикс причастия настоящего времени *-oγan ~ -uγan* (Э.Р.Тенишев) – *aquγan su* 'текущая вода'. Образования с аффиксом *-ayan* известны в словаре Махмуда Кашгарского (XI в.), в сочинении Ибн Муханны (XIV в.), в памятниках староузбекского языка; их значения сходны с указанными выше, только Ибн Муханна подчеркивает интенсивно-учащательный характер совершаемого действия: «...если же снабдить последнюю букву [глагольного корня]... полнозвучной фатхой... то это [будет служить] к усилению [этой формы], напр., 'берущий' – *alayan* (Мел.АФ 017). П.М.Мелиоранский предложил интерпретировать показатель *-ayan* как интенсивную форму причастия на *-γan*, где показателем интенсивного значения выступает *-a-*, распространяющий исходную производящую основу глагола: «в турецком языке была и отчасти есть возможность образовывать от глагольных корней ряд "интенсивных" основ путем прибавления к корню в некоторых диалектах узкого, а в других широкого гласного звука» (там же, LXIV).

Таким образом, с точки зрения П.М.Мелиоранского, с помощью аффикса *-a* образуется новая основа глагола с интенсивно-учащательным значением, причастная форма от которой имеет значение интенсивно и активно проявляющегося в данный момент действия. Этимология, предложенная Мелиоранским, принята ныне рядом тюркологов. Как интенсивную форму на *-a* от исходного глагола + *-γan* рассматривают данное образование А.Н.Кононов (Кононов Узб. 156), К.Г.Менгес для каракалпакского (PhTF 475), А.М.Щербак для староузбекского языка и языка восточнотуркестанских текстов X–XIII вв. (Щербак 1962, 149; 1961, 138), М.Рясянен, правда не определяя специально семантики показателя *-a* (*~ -i ~-u*) и ссылаясь на мнения П.М.Мелиоранского и В.Л.Котвича о его интенсивном характере (Räs.Morph. 152–153).

Н.К.Дмитриев, признавая за элементом *-a-* в кум. *-ayan* некую «специальную функцию», не соглашается с П.М.Мелиоранским в вопросе распространения глагольных корней «интенсивной» формой на *-a* и предлагает сопоставить его с *-a-* в форме причастия будущего времени *-a- + -ǯaq*.

Однако есть и иная этимология аффикса *-ayan*, которая предложена Н.А.Баскаковым: он рассматривает *-a-* как показатель деепричастия и весь показатель *-ayan* как результат стяжения аналитической формы *-a + tur-γan*, т.е. причастие на *-γan* от вспомогательного глагола *tur-* 'стоять' (Баскаков 1940, 111–112; 1952, 431). Действительно, в ряде тюркских языков отмечены данная аналитическая форма или восходящие к ней показатели *-adyγan ~ -atan ~ -atyn*, которые выражают совершающееся в данный момент длительное действие. Н.А.Баскаков выстраивает все эти формы в один ряд: *-a + tur-γan > -a-tur-γan > -a-(tur)-γan/-a-t(ur→a)-γan/-a-tu(r)-γan > -ayan/-a-ta-γan/ -atu-γun/-a-ty-γan > -a-tyn*. Различный фонетический облик данных показателей в тюркских языках зависит, с его точки зрения, от своеобразия разви-

тия единой исходной формы *-a + turyan*. В основе последней лежит, как это видно, аналитическая форма длительного способа глагольного действия, типичная не только для тюркских, но и для других алтайских языков. Грамматикализация компонентов аналитической формы СД и возникновение на базе этого синтетического показателя – явление, свойственное алтайским языкам, поэтому путь развития *-a + turyan > -adyyan/-atayan/-atyn*, предлагаемый Н.А.Баскаковым, в принципе, правомерен. С помощью этих формантов образуются причастия настоящего длительного времени, которые могут выступать и в качестве сказуемых. Обращает на себя внимание тот факт, что в указанных аффиксах сохраняется реликт вспомогательного глагола *tur-* 'стоять' в виде *-t-* (ср. в связи с этим эволюцию показателя 3-го лица в глагольных формах: *turur > -tur > -ty/-dy > -t*) и, кроме того, рефлекс в некоторых языках узкого гласного (ср.: ккалп. *-atyn*). В то же время аффикс *-ayan* отмечен начиная с памятников тюркской письменности XI в. только в данном фонетическом облике, причем он сохраняется и в современных языках, где имеются упоминавшиеся аффиксы причастия или спрягаемой формы настоящего времени с *-t-* (в языках ногайском, каракалпакском, кумыкском, чувашском). Имяобразующие функции этого показателя в азербайджанском и других тюркских языках подробно описаны Э.В.Севортяном (Сев. АИ 319–322).

Особенностью этой формы является также отмеченная в некоторых языках ущербная морфология: в чувашском, ногайском, каракалпакском языках она не имеет отрицательной формы с *-ma-* и по преимуществу выступает в атрибутивной функции. В кумыкском языке есть полная парадигма спряжения формы на *-ayan*. П.М.Мелиоранский объясняет это морфологическим переразложением и опрощением показателя: «...надо предположить, что у кумыков сознание существования "интенсивной"» основы на *-a*, *-ä* утрачено и произошло уже неправильное отделение суффикса от корня, а именно, например, *jaz + ayan* вм. *jaz + a + yan*, откуда и получился новый суффикс *-ayan, -ägän*» (Мел.АФ LXIV, прим. 2).

Интересно отметить также и тот факт, что в хакасском языке только от двух глаголов – *par-* 'идти', *kel-* 'приходить' – причастие настоящего времени образуется с помощью показателя *-iyan/-igen: pariyan kisi* 'идущий человек', от прочих глаголов используются аффиксы, восходящие к аналитическим формам *-a + -četken, -a + -dirgen, -a + -odyryan, -a + turyan*. Причастие на *-ičan* также имеет только положительную форму. Два указанных глагола отличаются в этом языке аномалией и в образовании формы настоящего времени. Она образуется с помощью аффикса *-ir: par-ir* 'он идет', *kil-ir* 'он приходит'; от прочих глаголов это время продуцируется сложным аффиксом *-a + -dyr/-dir*.

Наконец, некоторые тюркологи считают, что показатель причастия *-yan* присоединяется к форме деепричастия настоящего времени на *-a* или показателю настоящего времени на *-a* (Deny GT, 563, 569, 581).

Итак, форма на *-ayan* характеризуется рядом обращающих на себя внимание особенностей. Отметим следующие: а) ареал распространения ее

ограничен (как живая форма только в части кыпчакских языков, в других языках как раритет); б) форма фиксируется в письменных памятниках начиная с XI в.; здесь примечателен тот факт, что средневековые филологи указывают ее «интенсивно-длительное значение»; в) в современных тюркских языках (кроме кумыкского) форма на *-ayan* имеет обычно ущербную парадигму; г) в языках отмечаются синонимические образования разной степени семантической близости к ней, также передающие значение протекающего в данный момент действия или реализующегося постоянного признака-свойства; д) наличие в ряде тюркских языков субстантивированных слов с аффиксом *-ayan*.

Все эти факты свидетельствуют об особом статусе данной формы: в ней можно видеть весьма архаичное образование, состоящее из показателя «многократности» *-a-* и показателя отглагольного имени на *-yan*, а не новейшую стяженную форму, как это предполагает Н.А.Баскаков (см.: Котв. Иссл. 359, прим. 43).

В.Котвич, вслед за Ж.Дени, обратил внимание на наличие и других параллельных аффиксов с *-a* и без *-a*: *-maq* ~ *-amaq*, образующего отглагольные имена (тур. *tut-a-mak* 'ручка' < *tut-* 'держать'); *-laq* ~ *-alaq* (тур. *topalak* 'круглый'); *-naq* ~ *-anaq* (аз. *syzanaɣ* 'прыщик' < *syz-* 'просачиваться'); *-raq* ~ *-araq* (тур. *tutaraq* 'трут, фитиль'); *-ǯaq* ~ *-aǯaq* – показатель причастия будущего времени; *-yač* ~ *-ayač* (кирг. *körögöč* 'зоркий' < *kör-* 'видеть'). В этих аффиксах он отмечает *-a*, которое распространяет, возможно, производящую глагольную основу для выражения повторяющегося действия, и эта семантика сказывается в именных формах. Правда, некоторые из приведенных им аффиксов допускают иную членимость, например *-laq* ~ *-alaq* может рассматриваться как именной показатель *-(a)q*, который присоединяется к отыменному глаголу на *-la*; в *-amaq*, как это предложил А.Н.Кононов, можно видеть масдарный аффикс *-m* с широким соединительным гласным *-a-* + аффикс уменьшительности *-aq* (Кононов 1975, 83). Тем не менее в части приводимых разными авторами примеров, несомненно, наличествует показатель *-a*, который выступает распространителем, или модификатором, исходных глагольных основ.

В.Котвич, признавая наличие в тюркских языках дуративного показателя *-a* (~ *-ā*), образующего вторичные («видоизмененные») глагольные основы, рассматривал *-a* в отыменных глаголах и *-a* в деепричастии настоящего времени как не связанные между собой форманты. На связь интенсивно-дуративного *-a* и *-a* в указанном деепричастии обратил внимание Б.А.Серебренников, допускавший путь развития форманта учащательности в показатель настоящего времени (Серебренников 1974а, 12–13; 1974б, 171–175). Если принять другую гипотезу Б.А.Серебренникова – о возможности развития показателя учащательности в глаголообразующий аффикс (на примере аффикса *-la*), то допустимо связать также и использование *-a* как словообразующего аффикса с другими упомянутыми функциями. Тем самым выстраивается целый ряд функций показателя *-a* в морфологической системе

тюркских языков: образование отыменных глаголов, образование вторичных глагольных основ с учащательно-интенсивным значением, образование настоящего времени преимущественно со значением активно протекающего действия. Сюда же должно быть отнесено употребление *-а* в качестве показателя деепричастия сопутствующего действия, если признавать, что данная его функция отлична от использования в форме настоящего времени на *-а*, хотя некоторые тюркологи считают, что в основе последнего лежит именно деепричастный показатель (Дмитриев 1948, 145–146; Решетов 1966, 349).

Б.А.Серебренников рассматривает указанные выше значения тюркского аффикса *-а* как филиации значения собирательной множественности, полагая, что «возникновение новых значений совершается в рамках одного формата» (Серебренников 1974б, 158). Поэтому исходным признается некое значение определенного типа множественности, которое реализуется первоначально преимущественно в сфере имен. Выше упоминалось, что в алтаистике не решен вопрос о соотношении именной и глагольной аффиксации и о переходе показателей одной категории в другую. Трудность исчезает, если признать, что формант *-а*, имея собственное грамматическое значение «многократность», реализует его в различных позициях, передавая определенные смысловые модификации производящей основы (и именной, и глагольной). Нетрудно видеть, что все приведенные случаи объединяет значение фреквентативности, или, употребляя термин Котвича, «дуративности».

Таким образом, образование глаголов от имен и образование глаголов с учащательно-интенсивным значением – суть две деривационные функции гомогенного показателя *-а* с общим значением «многократность»; эти функции дистрибутивно обусловлены и поэтому воспринимаются столь независимыми и несовместимыми друг с другом. В «Этимологическом словаре» Э.В.Севортян неоднократно указывает на двоякое толкование образований с *-а*: либо как отыменных глаголов, либо как вторичных глаголов с учащательным значением, если удается восстановить первичный глагольно-именной омоморфный корень. Ср.: «*ере- ~ ери-* ['таять'] можно рассматривать как производный глагол от именной основы **ер*... или как вторичный глагол от **ер- ~*ир-*, наращенный показателем интенсивности или учащательности *-е- ~ -и-*)» (ЭСТЯ 1974, 290). С точки зрения глагольно-именного синкретизма в ранней истории тюркских языков, которую активно поддерживает Э.В.Севортян, именно указанная двойственность подтверждает единство деривационных значений показателя *-а*.

Среди примеров использования этого аффикса, отмеченных в памятниках древнетюркской письменности, можно указать на следующие образования, которые находят также корреспонденции и во многих современных тюркских языках (параллели см. в ЭСТЯ и Räs.VEWT):

ayyna- 'биться, содрогаться' – *ayna-* 'то же' < *ayyn-* + *-а* < *ay-* + *-yn-* + *-a-* < *āy-* < **āŋ-* 'опрокидываться' + гл. имя *-yn-* + гл. аф. *-а* (ЭСТЯ 1974, 69; Räs. VEWT, 7);

amra- 'любить'< *amyr* < *abyr* 'мир, спокойствие' + гл. аф. *-а*, или < монг.

abrax (ЭСТЯ 1974, 59–60); отмеченная в манихейском гимне форма *amyr-* 'любить' (ТТ III, 12; ДТС 41) является результатом ложного членения формы причастия настоящего времени *amrar* < *am(y)ra-* + *-r*;
aša- 'есть' < *āš* 'пища' + *-a* (ЭСТЯ 1974, 211–212);
baša- 'делать надрезы' < *baš* 'рана' + *-a*;
boša- 'освобождаться' < *boš* 'свободный' + *-a*;
enä- 'метить, делать надрез' < *en* ~ *in* ~ *im* 'знак, метка' + *-a* (ЭСТЯ 1974, 277–278, 632–633);
esnä- 'дуть'< *esin* 'ветер' [**es-* ~**ös-* 'дуть' + гл.им. *-in*] + *-ä* (ЭСТЯ 1974, 533);
igä- 'точить'< **eg/*ek* ~ **eg-/*ek-* 'пилить, обтачивать' + *-ä* (ЭСТЯ 1974, 327–328);
jalyna- 'пылать' < *jalyn* 'пламя' [*jal-* 'воспламеняться' + гл. имя *-yn*] + *-a*;
jelnä- 'набухать (о вымени)' < *jelin* 'вымя' + *-ä*;
jola- 'вести, сопровождать' < *jol* 'дорога' + *-a*;
küčä- 'принуждать' < *küč* 'сила, насилие' + *-a*;
küzä- 'проводить осень' < *küz* 'осень' + *-a*;
ojna- 'играть' < *ojun* 'игра' [**oj-* 'играть' + гл. имя *-un*] +*-a* (ЭСТЯ 1974, 436);
orna- 'размещать' < *orun* 'место' [**or-* 'помещать' + гл. имя *-un*] + *-a* (ЭСТЯ 1974, 478–479);
ota- 'зажигать' < *ot* ~ *ōt* 'огонь' + *-a*;
ota- 'лечить' < *ot* 'трава, зелье' + *-a* (ЭСТЯ 1974, 482);
öčä- 'враждовать' < *öč* 'месть, гнев' + *-a* (ЭСТЯ 1974, 559);
önä- 'взмывать' < *ön-* ~ *on-* 'подниматься' + *-a* (ЭСТЯ 1974, 532);
örtä- 'жечь, гореть' < *ört* 'огонь' [< **örüt* < **ör-* 'гореть' + гл. имя *-üt* (ЭСТЯ 1974, 550–551)] + *-a*;
qajna- 'кипеть, вариться'; 'кишеть' < *qajyn-* 'кипеть' + *-a*;
qana- 'кровоточить' < *qan* 'кровь' + *-a*;
qarša- 'мерить пядью' < *qaryš* 'пядь' + *-a*;
qarta- 'бередить рану' < *qart* 'язва' + *-a*;
qata- 'присоединять' < *qat* 'слой' + *-a* ~ *qat-* 'смешивать' + *-a;*
qyna- 'делать ножны' < *qyn* 'ножны' + *-a*;
qyna- 'наказывать' < *qyn* 'наказание' ~ **qyn-* 'истязать' (ср. *qyndur-* 'терзаться', *qynyy* 'ревностный') + *-a*;
qora- 'терпеть убыток' < *qor* 'убыток, вред' + *-a*;
syyta- 'плакать' < *syyyt* 'плач' [<**syy-* ~**syyy-* 'плакать' + гл. имя *-(y)t*] + *-a* (Räs.VEWT, 415);
syqa- 'гладить, проводить рукой' < *syq-* 'давить' + *-a*;
suva- 'орошать, наводнять' < *suv* 'вода' + *-a*;
tara- 'рассеивать' < *tar-* 'распускать, разгонять' + *-a*;
ternä- 'собирать'< *terin* 'сборище' [< *ter-* 'собирать' + гл. имя *-yn*] + *-a*;
töla- 'окотиться (об овце)' < *töl* 'момент родов'; 'детеныш' + *-a* (*töl* + *-lä-*? – Räs.VEWT, 493);
tünä- 'ночевать' < *tün* 'ночь' + *-a*;
ula- 'связывать, присоединять' < **ul* 'связь' + *-a* (ЭСТЯ 1974, 588);

una- 'соглашаться' < * *on* ~ **un* 'благо, добро' + *-a* (ЭСТЯ 1974, 597);
uza- 'тянуться, длиться' < **uz* 'долгий, далекий' ~ **uz-* 'удлиняться, протягиваться' + *-a* (ЭСТЯ 1974, 571);
ülä- 'делить, распределять'< **ül* 'часть, доля'~**ül-* 'делить'+ *-a* (ЭСТЯ 1974, 629).

Примеры можно объединить в три группы.

Одну из них составляют образования от глагольных имен, производных от глаголов, которые самостоятельно функционируют начиная с исторического периода тюркских языков; например: *jal-* 'воспламеняться' (ДТС) > *jal-+-yn* > *jalyn* 'пламя' > вторичный глагол *jalyn* + *-a* > *jal(y)na-* 'пылать, воспламеняться' (ДТС). Значительное количество глаголов образовано от имен, которые в исторический период широко представлены в тюркских языках как непроизводные; например: *boša-* 'освобождаться' < *boš* 'свободный' + *-a*. Третью группу составляют глаголы, производящие формы которых восстанавливаются только этимологически; например: *ülä-* 'делить, распределять' < **ül* 'часть, доля' ~ **ul-* 'делить' + *-a*. Сюда же, видимо, следует отнести те случаи, когда не удается пока установить производящую именную или глагольную основы, например: *tuša-* 'задевать путы' < **tul'a-* (Räs.VEWT, 501), хотя структурно форма *tuša-* предполагает возможность морфологического членения **tuš* + *-a*; ср. *tu-* 'закрывать, преграждать' (ДТС); *tuγ* 'преграда, заслонка' (ДТС); *tuzaq* 'силок'; *tuspa-* 'подвязывать' (Р).

По-видимому, эти группы глаголов отражают хронологическую последовательность функционирования в тюркской грамматической системе аффикса *-a* как деривационного форматива, причем наиболее древним следует считать его использование в примерах третьего типа. Интенсивно-учащательное значение аффикса *-a* подтверждают лишь те образования, которые имеют параллель без этого форманта. Из приведенных выше примеров сюда относятся: *igä-* 'точить' – **eg-/*ek-* 'пилить, обтачивать'; *önä-* 'взмывать' – *ön-/ün-* 'подниматься'; *qajna-* 'кипеть, кишеть' – *qajyn-* 'кипеть'; *qata-* 'присоединять' – *qat-* 'смешивать'; *qyna-* 'наказывать' – *qyn-* 'истязать'; *syqa-* 'гладить' – *syq-* 'давить'; *tara-* 'рассеивать' – *tar-* 'разгонять'; *ülä-* 'делить' – **ül-* 'делить'; *uza-* 'длиться' – **uz-* 'удлиняться'. Отдельные формы известны также из современных тюркских языков: узб. *bura-* 'крутить' < *bur-* 'поворачивать', *urna-* 'стараться' < *urin-* 'прилагать усилия', кирг. *saba-* 'бить, колотить' ~ узб. *sava-* 'сечь' ~ ср.: алт. *sap-* 'бить, махать', узб. *sůra-* < *sůr-* 'спрашивать'.

Раннее затухание словообразовательной функции аффикса *-a* позволило шире использовать его в сфере формообразования в области глагольных временных форм, где этот аффикс сохраняет активность на протяжении всего обозримого периода развития тюркских языков прежде всего в качестве показателя общетюркского деепричастия на *-a* или форматива настоящего длящегося времени в определенном языковом ареале (в том числе в составе сложного аффикса *-aγan* и некоторых других).

Особым является вопрос о фонетическом облике данного показателя. Из тюркских языков только якутский отражает этот общетюркский показатель как долгий. Долгота представлена здесь и в живой глаголообразовательной

модели (*yaraa-* 'тяжелеть' < *yar* 'тяжелый', *tuuhaa-* 'солить' < *tuus* 'соль'), и в омертвелых образованиях (*sabaa-* 'размахивать' *tutaa-* 'испытывать недостаток', *utaa-* 'опаздывать, медлить' – таких двусложных основ отмечено около 100) (Харитонов 1954, 59–60; Щербак 1970, 68–69). Учитывая, что значительное число якутских глаголов на *-aa* имеет общетюркские соответствия (ср. из приведенных выше примеров: *ayypa-* ~ як. *aayaa-* 'валяться, кататься'; *aša-* ~ як. *ahaa-* 'есть'; *ojna-* ~ як. *oonn'oo-* 'играть'; *tara-* ~ як. *taraa-* 'расчесывать' и т.п.) и что функции аффикса *-aa* в якутском языке в сфере глаголообразования аналогичны рассмотренным, можно предположить первичную длительность этого аффикса. В.Котвич, касаясь данного вопроса, не пришел к однозначному выводу, допуская, что долгота возникла или по аналогии, или отражает развитие *-ā* < **-ya* (Котв.Иссл. 217–218). Возможно, что долготу аффикса *-ā* следует рассматривать на фоне других, составных глаголообразующих формантов, где отмечается длительность гласного (ср. также як. *-laa, -taa, -saa, -ryaa*), и формообразующих аффиксов (ср. турк. *-ān* – деепричастие, як. *-aaччy* – имя деятеля и т.п.). В значительной мере решение этого вопроса зависит также от признания того факта, что в тюркских языках могли существовать исторически аффиксы, состоящие из одного гласного. Как указывалось, Г.Рамстедт выражал сомнения по этому поводу. То же решение предполагается и на общеалтайском уровне.

Поскольку функционирование аффикса *-a* можно отнести к пра- (~ прото- ?) тюркскому уровню, необходимо обсудить возможность наличия параллелей в общеалтайском плане. Г.Рамстедт, рассматривая тюркский глаголообразующий аффикс *-a*, не находил к нему монгольских и тунгусо-маньчжурских параллелей (Рам. 1957, 178–179; Rams. 1912, 77–79). Однако когда он приводил показатели формообразования глаголов, а также именные аффиксы, то отметил соответствия тюркскому *-a* и в других алтайских языках. Глагольные формы на *-a* он рассматривал как причастия настоящего времени: в тюркских языках это известная деепричастная форма на *-a*; в монгольских языках форма на *-a* ~ *-e* или *-aį* ~ *-eį*; в тунгусо-маньчжурских языках этот показатель как самостоятельный утратился и восстанавливается в сложных (инкорпорированных) глагольных формах типа ма. *ǯafana-* 'пойти, чтобы взять' < **ǯaf-* 'брать' + **na-* 'выходить'; в корейском *-a* ~ *-e* образует одну из употребительных глагольных форм (Рам. 108). Аффикс *-aį* выделялся Г.Рамстедтом и в ряде монгольских имен типа *araį* 'мало' (ср. монг. *aran*, тюрк. *az* 'мало'), в тунгусских и тюркских языках он должен был бы иметь варианты *-a* ~ *-ä* или исчезнуть. Хотя с фонетической стороны все приведенные показатели вполне сопоставимы, Г.Рамстедт не идентифицировал их.

Как представляется, эти аффиксы сопоставимы и семантически, поскольку и причастно-деепричастную функцию, и функцию отыменного глаголообразования и образования именных основ адъективного и наречного типа, и функцию образования вторичных глагольных основ интенсивно-

учащательного значения можно интерпретировать как филиации единой деривационной функции показателя, имеющего обобщенное грамматическое значение «многократность» (в указанном выше понимании). Иными словами, показатель с этим значением может проявлять себя в одном языке или в группе языков в качестве формативов ряда морфологических образований, и поэтому нет прямой необходимости считать родственными только гомогенные его функции. Таким образом, если для аффиксов имеются удовлетворительные фонетически межъязыковые соответствия, которые подкрепляются семантическим единством их функций, то, видимо, можно признать, что мы имеем дело с межъязыковыми отражениями одного и того же форманта. Это заключение будет справедливым и для групп языков алтайской языковой общности, в данном случае – для исследуемого деривационного показателя *-a*, общеалтайский характер которого впервые установил Г.Рамстедт, правда не для всех случаев его функционального использования.

По мнению Г.Рамстедта, в монгольских языках отсутствует соответствующий аффикс отыменного глаголообразования в форме *-a*, если не думать, что *-a* < **-ya*. В то же время для монгольского аффикса фактитива *-ya* он отмечал тюркский рефлекс в форме *-qa* ~ *-qy* ~ *-q* (Ramstedt 1912, 10–16). Этой же точки зрения придерживается в общем и Н.Поппе, который видит также отражение мо. *-ya* < алт. **-ga* в тюркских сложных аффиксах *-yaq*, *-yan* (Poppe 1973, 127–128). Г.Рамстедт, а затем и В.Котвич хорошим соответствием тюрк. *-a* в деепричастии считали мо. *-a* ~ *-e/-aị* ~ *-eị* в отглагольном имени или причастии настоящего времени (Nomen imperfecti), которое имеет также вариант аффикса *-ya*. Относительно этого варианта Г.Рамстедт указывал, что здесь «*-g-* ~ (*-y-*) не имеет никакого историко-фонетического значения, потому что он возник между гласными как заполнитель зияния» (Рам. 109). Такого же мнения придерживается и Н.Поппе: общемо. *-*ya* есть результат развития общеалт. **-a*, где *-y-* выступает заполнителем зияния между гетеросиллабическими гласными (Hiatustilger), поэтому вариантом этого аффикса является также общемонг. *-*yaị* ~ *-*geị* (Poppe 1955, 237). Г.Д.Санжеев, приводя точку зрения Г.Рамстедта, не высказывает своего отношения к устанавливаемым последним алтайским соответствиям. Итак, этот монгольский показатель отражается в доклассическом монгольском (до XVII в.) как *-yaị*, кв.-письм. мо. *-'a* ~ *-'aị*, клас. мо. *-ya* и письм.-монг. *-ya*, монг. *-aa'* ~ *-gaa*, бур. *-aa* ~ *-gaa*, калм. *-a* ~ *-ə*. «Причастие настоящего времени несовершенное выражает в монгольском такое действие, которое протекало в недавнем прошлом, но не было завершено и из-за своей незавершенности рассматривается как продолжающееся в настоящем»: *jawaa* ‘идущий, продолжающий идти’ < *jaw-* ‘идти’, *bajaa* ‘сущий, продолжающий быть’ < *baj-* ‘быть’ (Санжеев 1963, 137). Семантика длящегося признака-действия в этих образованиях примечательна.

В монгольских языках наличествует еще один показатель, имеющий форму *-ya*. Это показатель каузатива, или побудительного залога. Он отмечен во всех монгольских языках, но его активность и универсальность раз-

личны. В монгольском он предстает наряду с вариантом *-aa* как дополнительно распределенная форма вместе с другими показателями каузатива *-uul* и *-lga,* а в диалекте минхэ монгорского языка *-ay* – единственный формант этого залога (Тод.Монгор. 98–100). Как указывалось, Г.Рамстедт сопоставлял мо. *-γa* только с тюрк. *-q* (ср.: др.-тюрк. *jaq-* 'зажигать', но *jan-* 'гореть'). Однако определенные семантические основания и фонетические соответствия позволяют, видимо, расширить круг сопоставлений и ввести в него рассматривавшийся выше слово- и формообразующий тюркский аффикс *-a*.

Детальный анализ алтайских показателей каузатива, осуществленный И.В.Кормушиным, показал, что «монгольские и тунгусо-маньчжурские праязыковые формы совпадают с двумя наиболее древними тюркскими; эти формы, следовательно, можно считать общеалтайскими: **-b/pu-* и **-k/ga-*» (Кормушин 1978, 87). Поэтому, по его схеме, монгольский показатель каузатива *-γa* и варианты *-xa, -aa* возводятся к праформе **-k(g)-*.

Примеры из монгольских языков: письм.-монг. *ǯobayā-* 'мучить' < *ǯoba-* 'мучиться' ~ монг. *ǯowoo-*, бур. *zoboo-*, калм. *zoba-;* письм.-монг. *deptege-* 'промочить' < *debte-* 'промокнуть' ~ монг. *dewtee-*, бур. *debtee-*, калм. *dewte-;* письм.-монг. *surγa-* 'учить' < *sur-* 'учиться' ~ монг. *surγa-*, бур. *hurγa-*, калм. *surh-*, монгор. *surγa-*; письм.-монг. *butaraγa-* 'разбить' < *butara-* 'разбиваться' ~ монг. *butarγa-*, бур. *butarγa-*, калм. *butrᵑ-* 'мельчить'; письм.-монг. *unaγa-* 'валить' < *una-* 'валиться' ~ монг., бур. *unaγa-*, калм. *unha-*, дун. *unaγa-;* письм.-монг. *cadxa-* 'насытить' < *cad-* 'насытиться' ~ монг. *cadγa-*, бур. *sadxa-*, калм. *cadx-*.

Есть и семантические основания сближения показателя каузативности с показателем интенсивности-учащательности, поскольку за ними скрыто выражение общего значения «множественность», в данном случае множественность участников ситуации (субъектов-объектов) и множественность действий-состояний. Эта семантическая универсалия отмечена как для алтайских, так и для других языков (Кормушин 1978, 12; Серебренников 1974б, 171–177; 1975, 17–22; Сова 1971).

Таким образом, в пределах тюркских и монгольских языков можно сопоставить между собой аффиксы деепричастия (тюркские языки), причастия настоящего (монгольские языки), каузатива (монгольские языки) – показатели морфологических категорий – и аффиксы глаголообразования (отыменного и отглагольного в тюркских языках и отглагольного в монгольских языках) – показатели деривационные. Фонетически они представлены так: тюрк. *-a* ~ *-ā* – мо. *-γa* ~ *-ā*. Характерно, что в обоих случаях деривационные функции этих показателей оцениваются исследователями или как малопродуктивные, или даже как непродуктивные и архаичные, мертвые.

Интересные соответствия дают и тунгусо-маньчжурские языки. Г.Рамстедт также устанавливал прямое соответствие фактитивно-каузативного аффикса *-γa* в монгольском языке с эвенкийским *-ga,* который выступает «как в качестве компонента различных окончаний, так и сам по себе» (Рам. 156–157; Poppe 1973, 124), ср.: *-wkān, -wkāt.* В эвенкийском языке аффикс

-ga образует «переходные глаголы от непереходных», т.е. имеет то же фактитивно-каузативное значение, например: *tatyγā-* 'учить' < *tat-* 'учиться'; *itiγā-* 'устроить' < *iti-* 'устроиться'; *baldiwγā-* 'вырастить' < *baldiw-* 'быть выращенным'. По наблюдениям И.В.Кормушина, это непродуктивный аффикс, число образований с ним около двадцати (Кормушин 1978, 64–65, спис. XIII). Он обратил внимание на вполне закономерное явление: некоторые производные формы соотносятся с исходными как интенсивные; в его списке их отмечено пять – *kaptakā-* 'раскатывать тесто' < *kapta-* 'сровнять' (аффикс *-kā-* принимается в качестве варианта *-gā*); *koltogō-* 'расколоть' < *kolto-* 'расколоть, ударить кулаком'; *pesigē-* 'разрубить' < ср. *pehi-* 'разорваться'; *ulīwkē-* 'обкормить' < *ulī-* 'кормить'; *xokogō-* 'сломать, наломать сучья' < *xoko-* 'ломать'; сюда можно добавить: *kapugā-* 'сломать, отломать' < *kapu-* 'сломать'; *neptekē-* 'расстелить' < *nepte-* 'развернуть'; *ikekē-* 'повторять, подпевать' < *ikē-* 'петь'; *kahiγa-* 'рвать, раздирать' < *kasi-* 'рвать' (ССТМЯ I, 382); *luptuγā-* 'выдернуть, выкорчевать' < *luptu-* 'вытащить' (ССТМЯ I, 512); *mejkē-* 'покачиваться' < *mej-* 'качаться' (ССТМЯ I, 564); *tyreγē-* 'побить' < *tyre-* 'жать'.

В эвенском языке в части основ с *-ga* отмечается такое же соответствие; ср.: эвен. *irge-* ~ *irgy-* 'выкормить' < *ir-* 'зреть'; *kabyk-* 'ломать' и др. – по ССТМЯ; ряд подобных образований отмечается и в маньчжурском языке (показатель *-k'a* ~ *-g'a* ~ *-x'a*): *al'ak'a-* 'поджидать' < *al'a-* 'ждать'; *tuwak'a-* 'присматривать' < *tuwa-* 'смотреть' (Суник 1962, 118; Аврорин 2000, 170–171); в нанайском (*degdi-* 'сжечь'); в других тунгусо-маньчжурских языках кроме таких соответствий аффикс *-ga* восстанавливается и в составе сложных аффиксов (см.: Кормушин 1978, 67–68; Рам. 157; Poppe 1973, 124).

В тунгусо-маньчжурских языках аффикс *-ga* отмечается также в словообразовательной функции отыменного глаголообразования. В эвенкийском языке, где *-ga* четко выделяется во вторичных глагольных основах, он образует глаголы, передающие действие, связанное с предметом, который обозначен в имени, а также глаголы – названия процесса. Например, *kasaya-* 'преодолеть препятствие' – ср.: нег., ороч., ульч., орок., нан. *kas* (изобр.) 'через, поперек' (ССТМЯ I, 382); *inīge-* 'перевязать вьюк' – *inī* 'вьюк'; *asagā-* 'махать крыльями' – ср.: орок. *haca* 'крыло' (ССТМЯ I, 54); *tewūye-* 'погрузить' – *tewū* 'груз, кладь'. Следует обратить внимание на возможность двоякого толкования некоторых из приведенных выше примеров в эвенкийском языке: в качестве либо отыменных глаголов, либо вторичных глаголов, что и наблюдается в грамматических описаниях. Так, О.А.Константинова форму эвенк. *koltoγō-* 'расплющить кулаком' рассматривает как отыменный глагол от *kolto* 'кулак', И.В.Кормушин трактует ее как вторичную глагольную основу от глагола *kolto-* 'ударить кулаком'. Действительно, в ряде случаев наблюдается глагольно-именной омоморфизм, ср. еще эвенк. *itiγā-* 'наладить' – *iti-* 'устроиться' ~ *iti* 'обычай, порядок'; эвенк. *ikeke-* 'подпевать' – *ike-* 'петь' ~ эвен. *ike* 'песня, мотив'; эвенк. *xeleke-* 'остаться лишним' – *xele-* 'остаться лишним', но *xeleke* 'избыток, остаток'. Возможно, что

здесь представлены образования, различные по своему происхождению, в том числе исторически производные и поэтому этимологически членимые на морфемы (тогда совпадение глагола и имени случайное). В некоторых глагольно-именных формах могут отражаться и более ранние этапы развития тунгусо-маньчжурских языков и в целом языков алтайских. Однако в рамках развиваемой здесь гипотезы решение указанных вопросов представляется неактуальным, ибо независимо от этого мы имеем использование единого показателя в одной из присущих ему деривационных функций.

Если на данном этапе согласиться с фонетическими отождествлениями Г.Рамстедта, В.Котвича и Н.Поппе, предложенными ими для рассмотренных выше показателей в тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках, то можно сделать следующие выводы. В трех группах алтайских языков представлены межъязыковые альтернанты аффикса, имеющего глаголообразующую функцию, как отыменную, так и отглагольную, или внутриглагольную. В результате первой возникают глаголы действия, как правило – конкретного действия, содержание которого определяется семантикой основы. Во вторичных глагольных основах проявляется отчетливо значение учащательно-интенсивное, а также значение фактитива-каузатива; оба эти значения суть филиации общего значения «многократность». Своим значением учащательности и интенсивности действия данный аффикс соотносится с другими показателями способов действия данной семантики в конкретных алтайских языках, а также со всей системой способов действия, выражаемых в этих языках синтетически. Учитывая общие закономерности, а именно непродуктивность деривационной функции и значительную близость семантики во всех группах языков, можно считать анализируемый показатель одним из архаичных во всех алтайских языках, а также рассматривать его как реализацию общеалтайского архетипа.

Признавая историческую продвинутость тюркских языков, можно объяснить и фонетический рефлекс его там в виде *-a ~ ā* (вопрос о долготе спорный), в то время как в монгольских и тунгусо-маньчжурских его рефлексы закономерны как *-γa ~ -γā ~ -ā*. Общеалтайский прототип тогда следует представить в виде **-γa ~ *-γā < *-kā* (вопрос о долготе не решается). Требует уточнения и характеристика консонантного начала аффикса. С одной стороны, если принять добавочный характер сонанта *-γ-*, ядром этого аффикса остается широкий гласный *-a* (возможно, долгий *-ā*); с другой стороны, по реконструкциям Г.Рамстедта, В.Котвича, Н.Поппе, И.В.Кормушина допускается вариативность *-γa ~ -ka* (причем Кормушин считает носителем значения консонант *-k(ˇ)*, но за первичную форму, видимо, берется вариант **-ka*. Поэтому щелевую реализацию консонанта можно признать вторичной. В.И.Цинциус отметила, что «большинство щелевых тунгусо-маньчжурских языков при сравнительном рассмотрении выступают как соответствия смычным и аффрикатам, причем некоторые щелевые (например, *γ* в эвенкийском и эвенском языках) не приобрели еще фонологической значимости» (Цинциус 1949, 248); последнее обстоятельство позволяет ей счи-

тать эти щелевые как бы новыми образованиями. Остается невыясненным вопрос, допустимо ли распространить указанную особенность тунгусо-маньчжурских языков на общеалтайское состояние. Определение консонантного начала аффиксов требуется и при рассмотрении других показателей глагольного словообразования, которые описываются ниже.

С семантической стороны, очевидно, общеалтайскому деривационному показателю **-γa ~ *-γā < *-ka* (?) возможно приписать функцию выражения учащательности действия (итеративный способ действия) для праязыкового состояния отдельных групп алтайских языков.

Тюркские языки знают также отражение глаголообразующего показателя и в виде *-γa*. «Морфологически и семантически основы глаголов на *-ga-* не отличаются от основ глаголов с аффиксами *-a-*» (Сев.АГ 240). Модель с *-γa* представлена весьма ограниченным числом образований. В работе Э.В.Севортяна их выявлено по разным языкам около тридцати. В узбекском литературном языке отмечено 25 глаголов с показателями *-γa ~ -qa*, включая сюда и образования неясного происхождения, в которых эти показатели определяются только внешне (например, *šiγa-* 'плотно набивать; стегать плетью' – *šiγa* 'дружно, обильно'; *išqa-* 'тереть').

Аффикс *-γa ~ -ka* в тюркских языках проявляет себя, с одной стороны, как отыменный глаголообразующий формант: др.-тюрк. *esirkä-* 'жалеть, сожалеть' – *esiz* 'скверный, злой'; др.-тюрк. *erinčkä-* 'проявлять жалость' < *erinč* 'несчастье'; *alqa-* 'благословлять, восхвалять' < **al* 'добрый, хороший' + *-qa* или **al-* + *-qa* (ЭСТЯ 1974, 137); *emgä-* 'мучиться' < **em* 'мучение, беспокойство' + *-gä* (ЭСТЯ 1974, 273); *elgä-* 'сеять' < *el* 'рука' (ЭСТЯ 1974, 262); *qyrγa-* 'ругать, клясть' < *qyr* 'злобный'; *qarγa-* 'ругать, бранить' < изобр. *qar* + *-γa*; узб. *iska-* 'нюхать' < *is* 'запах'; узб. *lojqa-* 'мутнеть' – *loj* 'глина, грязь' ~ *lojqa* 'муть, ил'. Следует отметить, что иногда аффикс *-γa* употребляется при тех же основах, что и аффикс *-a*.

Поскольку отыменная словообразовательная функция показателя *-γa* аналогична показателю *-a*, то естественно ожидать, что будут совпадать и их функции при образовании вторичных глагольных основ. Действительно, в тюркских языках отмечается использование *-γa* в интенсивно-учащательном значении. Э.В.Севортян рассматривает 12 примеров. В древнетюркских языках встречаются отдельные примеры: *yrγa-* 'раскачивать, трясти' < **ir-* 'качать' ~ **ir* (ЭСТЯ 1974, 661), *qurγa-* 'высыхать' - *qury-* 'сохнуть'; узб.: *bulγa-* 'пачкать, марать' – *bula-* 'пачкать', *burka-* 'запутывать, укутывать' < *bur-* 'повертывать'; *ilγa-* 'цеплять' (*kůz ilγamas* 'необозримый') < *il-* 'нацеплять'; *silka-* 'трясти, махать' – *sila-* 'гладить'; *tojγa-* 'скользить' < *toj-* 'скользить'; *tůnka-* 'сваливать вину на кого-либо' – *mön-* 'вертеться' (Р III 1249); *surga-* 'волочить, тащить' < *sur-* 'двигать, передвигать'; *tarqal-* 'расходиться' – *taral-* 'распространяться, разноситься'; *mingaš-* 'садиться вдвоем на лошадь' – *min-* 'садиться верхом'; *čajqa-* 'полоскать' < *čaj-* 'полоскать'.

Э.В.Севортян разделяет взгляд «относительно генетического родства глаголообразующих форм *-a-* и *-ga-*... так как он обоснован не только фоне-

тически, но и морфологически, о чем свидетельствует материал тюркских языков», однако и в том, и в другом случае аффикс *-ya ~ -ka* непродуктивен: «форма на *-ga* потеряла свою продуктивность в эпохи, засвидетельствованные письменными памятниками на тюркских языках» (Сев.АГ 240).

Эти выводы хорошо согласуются с общеалтайской картиной и предлагаемыми реконструкциями архетипа аффикса. Объем образований с *-a* значительно шире, чем с показателем *-ga,* что свидетельствует о большей активности модели с *-a* в тюркских языках. Обычно *-a* рассматривается как дальнейшее фонетическое развитие *-ya*, следовательно, *-a* отражает более новый этап глаголообразования, чем модель с *-ya*. Данное положение подкрепляется также и количественным соотношением производных форм с указанными формантами.

Между тем рассмотрение формы *-a* как производной, вторичной по отношению к *-ya* не предрешает вопроса о значимом компоненте в составе показателя. Как указывалось выше, формант *-a* активен в тюркских языках в сфере формообразования. Выступают в составе глагольных форм и аффиксы, где можно обнаружить элемент *-ya* (*-ya-n* – причастие; *-ya-i* – модально-временная форма; *-ya-k* – отглагольное имя и др.). Их анализ здесь не проводится, однако общую оценку соотношения тюркских *-a* и *-ya + C* можно дать, учитывая их полную функциональную нагрузку.

Таким образом, можно реконструировать деривационный показатель **-a* в тюркских и, по-видимому, монгольских языках. Н.Поппе, как указывалось, предполагал существование общеалтайского отглагольного имени на **-a* (Poppe 1955, 273). Для тунгусских языков показатель в такой форме реконструировать не удается, хотя, по Г.Рамстедту, подобные именные формы в них имеются. Эти деривационные форманты в приглагольном употреблении выступали в качестве показателей способов действия глагола, связанных с семантикой активно проявляющегося действия-процесса, т.е. с интенсивностью и учащательностью. Во всех группах языков восстанавливается показатель **-ya* как общеалтайский праязыковой формант. Значит, мы склонны признать в общеалтайском две серии аффиксов – с гуттуральным началом и без него. Рассмотрение их соотношения следует переносить в плоскость автономных праязыковых реконструкций различной глубины. В тюркских языках *-a* есть закономерное отражение и пратюрк. **-a*, и общеалт. **-a*, а также может отражать пратюрк. **-ya*, связанное с общеалт. **-ya*. Вопрос о долготе гласного пока не ясен.

К деривационной истории тюркского аффикса *-i* на фоне других алтайских языков

К «дописьменной эпохе жизни тюркских языков» (Э.В.Севортян) принадлежит также глаголообразующий аффикс *-i*. При изучении истории словообразующих функций этого аффикса перед тюркологами встают вопросы о характере его связей с другими показателями, прежде всего с рассмотрен-

ными выше формантами *-a*, *-ga* и *-gi*. Здесь возможны два решения: либо все эти аффиксы не имеют между собой исторической связи и развиваются самостоятельно, либо они являются различными рефлексами одной и той же праязыковой морфемы, отражающими исторические этапы развития последней в отдельных языках или группах языков. Если принять последнюю точку зрения, то следует проверить, насколько убедительны семантические и фонетические основания для их сближения. При этом необходимо принять во внимание, что при углублении в историю тюркских и других алтайских языков все более стираются грани между слово- и формообразующими функциями показателей и все более расширяются их межкатегориальные связи. Рассмотрим с этих позиций тюркский формант *-i* на фоне алтайских языков – монгольских и тунгусо-маньчжурских.

Э.В.Севортян считает рациональным возводить аффикс *-i* вместе с аффиксом *-a* к единой форме-основе, лишь позднее распавшейся на два варианта – широкий и узкий. Поэтому он не разделяет точку зрения ученых, которые рассматривают показатели *-i* и *-a* как параллельные (Ж.Дени) или как независимые друг от друга (А.Зайончковский, Г.Рамстедт, Б.Аталай и др.). Доводом в пользу сближения этих аффиксов служит их семантическая однородность: «глаголообразующая форма на *-i-* имеет те же значения, что и форма на *-a-*» (Сев.АГ 237), совпадают также и производящие основы обеих словообразовательных моделей. Ведущими являются здесь глаголы активного действия, изменения свойства и состояния, причем около 80% глаголов с аффиксом *-İ* обозначают пребывание в определенном состоянии или становление нового состояния, т.е. наиболее развита группа глаголов состояния. Как отмечал И.И.Мещанинов, глаголы со значением состояния, в котором процесс представлен в фиксируемом моменте, ближе стоят к предикативно используемым именам. В данном случае действие сосредоточивается в сфере субъекта, им описываются характерные признаки субъекта; это глаголы преимущественно непереходные.

Поскольку есть основания предполагать историческую связь между показателями *-a* и *-ga*, можно поставить вопрос о преемственности показателей *-i* и *-gi*. Э.В.Севортян также поддержал возможность совместного рассмотрения указанных формантов.

К аффиксу *-i* следует, видимо, подключить также и вариант с узким губным гласным *-u*, поскольку в разных тюркских языках фиксируются без видимых семантических различий параллельные однокорневые образования с этими показателями. Рамстедт склонен считать, что *-i* и *-u* – позиционные (*-u* в основах с лабиальными) проявления единого показателя.

Из древнетюркского материала можно привести следующие примеры (по ДТС): *ayry-/ayru-* ‘заболевать, болеть’ < **āyyr* ‘боль’ (<**āy-~*ay-~ aw-* ‘болеть’); *ačy-* ‘киснуть’< **āč ~ āč-* ‘горечь, горький ~ быть горьким, кислым’ (ЭСТЯ 1974, 92); *any-/anu-* ‘готовиться, подготовляться’ – производящий этимон не установлен; *ary-* ‘очищаться’<**ār ~ ār-* ‘чистый ~ чистить’; *azu-* ‘уменьшаться’ < *az* ‘мало, резко’; *baju-* ‘богатеть’ < *baj* ‘богатый’; *bekü-* ‘быть

крепким'< *bek* 'крепкий, прочный'; *bošu-/boša-* 'освобождаться' *boš* 'свободный'; *čyγry-/čyγru-* 'утрамбовываться' – *čyγyr-la-* 'прокладывать тропу'; *jiriŋü-* 'скорбеть, печалиться' < *jiriŋ* 'гной' (< *(j)iri-* + *-ŋ* – ЭСТЯ 1974, 373; к семантическому обоснованию ср. развитие *ačy-* 'киснуть' > 'страдать' – ЭСТЯ 1974, 91–92); *jirü-* 'портиться' < *(j)ir* 'гной' (ср.: ЭСТЯ 1974, 374); *jydy-/jyδy-* 'пахнуть' < *jyd* ~ *jyδ* 'запах'; *keŋi-/ keŋü-* 'распространяться, расширяться' < *keŋ* 'широкий'; *oqy-* 'звать' < **oq* 'крик, голос, слово' (ЭСТЯ 1974, 478); *öli-* 'мокнуть' < *öl* 'влажный, мокрый'; *qory-* 'оберегать'< **qor* 'ограда, ограждение'; *qury-* 'сохнуть'< **qur* 'сухой'; *saqy-* 'заботиться' < *saq* 'чуткий'; *sučy-* 'прыгать' < изобр. *suč* (в *suč qyl-*); *taru-* 'делаться узким' < *tar* 'узкий, тесный'; *tašu-* 'выгонять' < *taš* 'наружный, внешняя сторона'; *udy-* 'спать'< **ud* 'сон'(ЭСТЯ 1974, 580); *ügi-* 'молоть'<**ük* ~**ög* 'крошка'+ *-i* или **ük-* ~ **ög-* 'тереть, молоть'+ *-i* в учащательном значении (ЭСТЯ 1974, 619).

Среди вторичных глагольных основ с *-i* ~ *-u* выделяются образования с интенсивно-учащательным значением. На интенсивное значение распространенных основ с узким гласным обратил внимание еще П.М.Мелиоранский (Мел.АФ LXIV). В памятниках древнетюркской письменности отмечаются следующие случаи: *eri-/erü-* 'таять' < *er-* ~ *ir-* 'таять' (ЭСТЯ 1974, 289); *jaγu-* ~ *javu-* 'приближаться' < *jaγ-* ~ *jaq-* 'приближаться'; *jory-* 'ходить' < *jor-* 'идти'; *qazy-* 'копать' < *qaz-* 'рыть'; *sešü-* 'развязываться' < *ses-* 'распутывать'; *teŋi-* 'взлетать, подниматься' < *teŋ-* 'взлетать'; *toqy-/toqu-* 'бить, ударять' < **toq-* 'бить' (Сев.АГ 442); *üši-/üšü-* 'мерзнуть' < **üš-* 'чувствовать холод' (ЭСТЯ 1974, 644); *üti-* 'гладить' < *üt-* 'опалять' (ЭСТЯ 1974, 641).

Некоторые формы допускают трактовку их либо в качестве отыменных глаголов, либо в качестве отглагольных глаголов (ср: *ügi-* 'молоть', *ačy-* 'киснуть', *ary-* 'очищаться', *üri-* ~ *iri-* 'гнить, портиться', *üši-* 'мерзнуть'). Большая сводка глагольно-именных омоформ с исходом на *-i* ~ *-u* содержится в работе Э.В.Севортяна (Сев.АГ 374–378, 397–403, 444–446). Отдельные омертвевшие образования встречаются в современных языках, причем часто отсутствуют исходные для них формы, напр.: узб. *qyzy-* 'накаляться, разгорячаться' – др.-тюрк. *qyz-* 'краснеть, пламенеть, разъяряться'; *sůli- – sůl-* 'вянуть'; *šimi- – šim-* 'всасывать'; *čati- – čat-* 'подшивать'; *taqy- – taq-* 'сваливать вину на кого-либо'. Таким образом, среди глаголов на *-i* наблюдается схожее соотношение функций отыменного и отглагольного словообразования, как и в глаголах на *-a*.

Следует обратить внимание и на тот факт, что в сфере тюркского глагола формант *-i* выступает и в некоторых других формах. Прежде всего упомянем сопутствующее деепричастие на *-i* ~ *-u*, которое известно уже из древнейших письменных памятников и о роли которого в истории глагола говорилось выше. В орхоно-енисейских памятниках более употребительным был губной вариант, на втором месте стояло деепричастие на *-a*, вариант *-y* ~ *-i* встречался редко. У тюркологов возникал вопрос, принимать деепричастия на *-a*, *-i*, *-u* за одну форму с различной огласовкой или рассмат-

ривать их отдельно. Этот вопрос того же плана, что и различение словообразовательных формантов *-a* и *-i*.

В.В.Радлов трактовал три варианта как формы одного деепричастия. На неполную равнозначность этих форм в рунических памятниках указывал П.М.Мелиоранский. И.А.Батманов, А.М.Щербак разделяли указанные формы, стараясь определить присущее им характерное употребление (Батманов 1959, 89–90; Щербак 1961, 157–159; 1981, 122–126). М.Рясянен придерживается мнения о вторичности образований с узкими гласными, возникшими по фонетическим (наличие *-j-*), а возможно, и другим причинам (Räs.Morph. 185–186). О существовании особых фономорфологических закономерностей распределения *-i* и *-a* косвенно свидетельствует, по-видимому, факт специфической избирательности в огласовке показателя настоящего времени на *-r*, отмечаемый в древнетюркских памятниках. Там этот аффикс выступал в виде *–ar ~ -är, yr ~ -ir, -ur ~ -ür*. Различная огласовка аффиксов этой формы времени не определяла в языке памятников каких-либо видимых семантических отличий. В.Котвич предполагал, что первоначально варианты с широким *-a* (в последнем он видел форму «дуратива») и с узкими *-i~-u* имели разные значения, которые позже «смешались», и поэтому такое противопоставление стерлось (Котв.Иссл. 276–278, 302–303). Исследователей настораживает имеющееся в современном азербайджанском языке различие между *-ar*, выражающим будущее время, и *-ir* со значением настоящего (СИГТЯ 1988, 388–409; СИГТЯ 2002, 157–176). Для большинства же тюркских языков такое противопоставление формантов не характерно. Важно отметить, что те глаголы, к которым в древнетюркских памятниках присоединялся аффикс *-ar* или *-ir* (могли присоединяться параллельно *-ar, -ir, -ur*), прослеживаются и в более поздних памятниках и даже в современных языках. Достаточно сравнить списки таких глаголов, приведенные Н.К.Дмитриевым в кумыкской грамматике, Ш.Шукуровым и А.Габен. Подобное распределение аффиксов с узкими и широкими гласными наблюдается и в современном турецком языке. С другой стороны, указанные глаголы можно сопоставить с формами деепричастий в древнетюркских памятниках: деепричастия с аффиксом *-a* зарегистрированы от тех же основ, к которым присоединяется *-ar*, соответственно деепричастия на *-i* соотносятся с формой на *-ir*. Проблема эта может трактоваться шире, если подключить закономерности огласовки непродуктивных показателей каузатива в тюркских языках *-r, -t* (Кормушин 1978, 12–53).

Исторически деепричастия в форме *-i~-u* вышли из употребления, и единственной активной общетюркской формой стало деепричастие на *-a*, хотя в тувинском и тофаларском языках в определенных фонетических условиях выступают и узкие варианты, причем в тофаларском они продолжают сохранять некоторую активность. В данную группу деепричастных форм входит также и форма на *-j(~i)*, употребляющаяся после основ с исходом на гласный. О происхождении последнего варианта высказываются различные точки зрения, согласно которым *-j* признается итогом эволюции

исходного прототипа, давшего в одних фонетических условиях *-а* и в других *-j* (Щербак 1981, 122–126).

С семантической стороны сейчас не наблюдается существенных различий в использовании всех вариантов данного деепричастия. Однако в истории тюркских языков показатели с узкими гласными выступают как более архаичные и имеющие хронологически ограниченный период применения (преимущественно в письменных памятниках). Отмирание форм с *-i ~ -u* было компенсировано развитием деепричастия на *-а*. Такая функциональная преемственность позволяет рассматривать в истории тюркских языков образования на *-а* и *-i ~ -u* в качестве грамматических синонимов функционально однородной производной формы глагола, которая получила в тюркской грамматике наименование «деепричастие», «Gerundium», «Konverbum». Следует отметить, что и использование деепричастия на *-а* также имеет в современных языках ограничения: оно редко употребляется, обозначая сопутствующее действие, в одиночной форме, однако обычно в удвоенном виде (типа тур. *korka korka* 'боязливо, боясь-боясь'); оно входит в состав многих аналитических форм глагола.

Из тюркологов попытку историко-семантического обоснования различий деепричастий на *-а ~ -i ~ -u* предпринял впервые Г. Дёрфер (Doerfer 1972, 318–340). Он выдвинул гипотезу о том, что каждый из этих показателей выступал в качестве «пространственных тензоров» (Raumtensoren), указывая направленность действия в сфере субъектно-объектных отношений. В предлагаемой им схеме аффикс *-u* выражает инверсальное значение (inversal), связанное с сосредоточением действия в сфере субъекта. Аффикс используется чаще при первичных непереходных глаголах, а также в производных с показателями *-n* (возвратный залог), *-l* (пассив), *-š* (реципрок). Аффикс *-а* передает адверсальное (adversal) или переходное значение, сигнализируя о направленности действия на объект, не совпадающий всегда с субъектом. Наконец, аффикс *-i* имеет реверсалыное (reversal) значение: воздействие на объект направлено в конечном итоге в сторону субъекта, осуществляется в пользу последнего. Реконструкцию данной семантики показателей деепричастий Г.Дёрфер осуществляет на основе анализа их функционирования в древнетюркских памятниках при глаголах определенных смысловых групп, а также с учетом семантических особенностей форм императива в халаджском языке. Он отмечает, что в древнейших памятниках представлена уже разрушенная система «пространственных тензоров», в современных языках она растворилась в иных категориях, хотя ее осколки чувствуются, например, в халаджском. Дёрфер также предполагает, что система пространственных тензоров ощутима и в различной огласовке показателей каузатива (**-dur ~ -dar ~ *-dyr, -gür ~ -gar ~ *-gir* и т.п.), а также в показателях видовременных форм.

Эта оригинальная гипотеза Г.Дёрфера интересна, как нам кажется, с одной стороны, тем, что она впервые в тюркологии предлагает возможность рассматривать деепричастные показатели как выразители определенных смы-

словых категорий, а не как некие фонетические варианты морфемы. Тем самым получают оправдание давние предположения Г.Рамстедта и В.Котвича о *былой различной смысловой нагрузке данных* аффиксов. С другой стороны, Дёрфер связал воедино различия деепричастных аффиксов и различия в огласовке других глагольных показателей. Таким образом подчеркивается роль гласного элемента грамматических показателей, который обычно воспринимают либо как «соединительный гласный», либо вообще не принимают во внимание при сравнительно-исторических исследованиях. Эта гипотеза Дёрфера получает неожиданную поддержку на уровне алтаистических штудий. Как свидетельствует наш материал, огласовка широкими и узкими гласными глаголообразующих показателей была, видимо, далеко не случайной, а имела смыслоразличительную нагрузку, поэтому проработку гипотезы и на алтаистическом материале следует признать небесперспективной. Дистрибуция деепричастных аффиксов, связанная с семантикой глаголов, может говорить также о тонкой спецификации ряда показателей в тюркских и вообще алтайских языках. Эта сторона проблемы пока мало разрабатывается в алтаистике.

Таким образом, имеются возможности подвести под различия деепричастных форм (вероятно, и гомогенных форм глагольных имен) семантические обоснования. Разработка указанной гипотезы в тюркологии находится на начальной стадии, но уже факт ее постановки имеет большое значение для алтаистики.

В то же время ряд тюркологов предпочитают рассматривать указанные варианты как результаты изменения фономорфологического строения слов, как итог перемещения слоговой границы и морфологизации гласного исхода основы. В таком случае предполагается существование на ранних этапах развития тюркских (и других алтайских) языков преимущественно вокалических основ, т.е. слоговых структур СГСГ или СГ. И.В.Кормушин, в частности, считает, что первичный тюркский «корень имел первоначальную структуру не СГС, а СГСГ» и что «показатель деепричастия *-а/-у/-и* возник в результате морфологического переразложения корня: СГСГ > СГС- + -Г». Действие в древнетюркском языке закона открытых слогов принимает в своих построениях также Л.Юхансон, особенно в связи с реконструкцией видовременных показателей (Johanson 1976).

Действительно, расширение структуры корня, как и полагает И.В.Кормушин, дает основания прослеживать больший путь изменений. Не случайно, что двусложные корни появляются в ностратических реконструкциях В.М.Иллича-Свитыча. И все же проблема значимости ауслаута первичных (и почему не вторичных?) корней (основ?) остается в полной мере актуальной. Если конечный гласный в разных корнях первичен и связан с особенностями возникновения самих основ, то вопрос о его роли в структуре основы отпадает сам собой: при изменении слоговых границ качество гласного сохранялось. Приняв точку зрения о более поздней морфологизации конечного гласного в тюркских языках (на фоне других алтайских), нельзя, однако, обойти вопрос о явной распре-деленности различных гласных не

только при определенных основах и показателях, но и при использовании их в качестве специализированных аффиксов морфологических категорий. Напомним, в частности, особенности употребления деепричастий в руничесских памятниках. Исходя из этого, вероятно, можно заключить, что «морфологизация» конечных гласных сопровождалась и их семантической дифференциацией. Следовательно, для собственной истории тюркских языков принятие структуры первичного корня в виде СГСГ или СГС может объяснять только возможный источник однофонемного гласного показателя, но не его семантическую природу. Как известно, уже в самой ранней засвидетельствованной истории тюркских языков отмечены узкие и широкие варианты морфологических показателей с деривационными функциями. И задача историка языка заключается в раскрытии этих функций.

С этой точки зрения любопытен параллелизм в судьбе показателей *-a* и *-i*, отмечаемый тюркологами, но в то же время функциональная нагрузка в разных дериватах у этих аффиксов часто не совпадает.

Если деепричастие на *-a* (форма на *-a*) выступает обычно как основа настоящего времени, то деепричастие на *-i* в такой функции очень редко. Предполагается, что рефлексы деепричастия на *-i* сохранились в составе некоторых сложных аффиксов, например показателя настоящего времени данного момента в турецком языке *-(i)yor/-(u)yor*.

Таким образом, в тюркских языках имеется архаичный словообразующий показатель *-i ~ -u*, который выступал в двух функциях – образование глаголов от имен, а также глаголов от глаголов. Параллельно с этими деривационными функциями в истории тюркских языков была представлена и формообразующая функция – деепричастие сопутствующего действия-состояния на *-i ~ -u*. В обоих случаях можно рассматривать эти функции у единого грамматического форманта. Присоединение его к именам или глаголам обусловливало различное проявление одного и того же значения. Так же дистрибутивно оправдано и участие этого аффикса в системе глагольного формообразования (ср. сохранившиеся в современных языках послелоги, восходящие к деепричастиям, например тур. *dolayı* 'из-за', баш. *qaršy* 'против, напротив'). Между прочим, исторически невозможно провести строгую границу между слово- и формообразованием, поэтому образование деепричастной формы также можно относить к единой деривационной функции показателя.

Вполне закономерно и рассмотрение современных так называемых деепричастий в качестве древних глагольных имен. Такая точка зрения представлена в работах многих исследователей алтайских языков, начиная с работ Г.И.Рамстедта. В связи с этим можно расширить сферу функционального использования глагольных деривационных показателей, распространив ее на образование глагольных имен в широком смысле этого понятия (Щербак 1977, 166; Серебренников–Гаджиева 1979, 157–158, 162, 233). Тогда «деепричастия» предстанут как глагольные имена в специфическом финитном (сказуемостном) или приглагольном (деепричастном, обстоятельственном) использовании, т.е. указанные их функции окажутся также дистри-

бутивно связанными (в синхронной грамматике им приписывается статус специальных форм глагола, «функциональных форм глагола»). Таким образом, имеется возможность еще более расширить в историческом плане анализ функциональной семантики упоминавшихся выше показателей «деепричастия» *-a*, *-i*, *-u*, а также показателей современных форм времени глагола на *-a* (*-i*). Так устанавливается взаимная связь средств в глаголообразовании (особенно отыменном) и именного словообразования (особенно отглагольного). «Поэтому можно говорить о единой семантической структуре и системе отглагольно-именного и отыменно-глагольного словообразования в азербайджанском и прочих тюркских языках» (Сев.АИ 239; Сев.АГ 230), а также (продолжая эту мысль Э.В.Севортяна) и во всех алтайских языках.

Говоря об использовании рассматриваемых формантов при образовании отглагольных дериватов, следует еще раз повторить, что с семантической точки зрения выражение во вторичных глаголах учащательности, интенсивности или итеративности относится к той сфере глагольной семантики, которая в современной грамматике включается в область аспектуальности, и конкретно – в область способов глагольного действия (СД). С позиций функциональной грамматики морфологически выражаемые СД вполне правомерно относить к явлениям глагольного формообразования.

Если для общетюркского аффикса *-a* якутский рефлекс представлен в виде долгого *-aa*, то для *-i* в соответствующих якутских глаголах выступает дифтонгоидное образование *-yj* ~ *-ij* в основах на согласный и *-ii* в основах на гласный (Харитонов 1954, 121–126). Элемент *-i* является в этом аффиксе неустойчивым и часто выступает как «дополнительный придаток» к аффиксальному гласному. Якутские глаголы с данным показателем семантически соотносимы с формами на *-laa*, указывая на разные значения проявления действия-состояния или становления последнего. Морфонологическая природа элемента *-j* осталась для Л.Н.Харитонова не совсем ясной. Исходя из того, что многим якутским глаголам на *-yj* (а также и *-aj*) в тюркских языках соответствуют глаголы с исходом на простой гласный или вообще без гласного (напр., як. *ahyj-* 'киснуть' – др.-тюрк. *ačy-*; як. *terij-* 'собирать' – др.-тюрк. *ter-*), он склоняется к мнению, что *-i* развился на якутской почве относительно недавно и поэтому не получил «значительного развития и в качестве самостоятельной морфемы или аффикса» (там же, 50). Однако в ряде глаголов, преимущественно изобразительных, формант *-i* выступает в качестве указателя на интенсивный СД, присоединяясь к глаголообразующим аффиксам *-yyyraa-* и *-yynaa-*: *byčyyynaj-* 'усиленно чирикать', *tebigirej-* 'бойко припустить бегом', *tiligirej-* 'порывисто стучать'. Г.Рамстедт, а позднее и С.Калужинский предположили, что все тюркские глаголы с исходом на *-ai* либо монгольские по происхождению, либо построены по образцу последних. С.Калужинский считает якутский аффикс *-yynaa* монгольским заимствованием, а *-yyyraa* созданным на якутской почве по монгольскому образцу; добавочный *-j* им не рассматривается (Kał. 100–101). Между тем Э.В.Севортян считает, что «слог *-aj* представляет собой продуктив-

ный межтюркский глаголообразующий аффикс, применяющийся также при подражательных основах» (ЭСТЯ 1974, 156).

Конечно, невозможно отрицать длительное взаимодействие якутского и монгольского языков, приведшее к значительному числу монгольских заимствований разных периодов в якутской лексике, а также к проникновению в якутский язык морфологических моделей (об этом достаточно убедительно свидетельствует работа С.Калужинского). Следует к тому же учитывать особенности якутской фонетики, развивающейся длительное время в условиях иноязычной, нетюркской среды. Видимо, эти два фактора определили в известной степени особенности фонетического облика аффиксов с исходом на *-i*. Обратимся к сопоставлению древнетюркских глаголов, образованных с помощью *-i*, и их якутских эквивалентов.

Таблица 21

Древнетюркские		Якутские
Udy-	'спать'	*utuj-* 'спать'
Aγry-	'болеть'	*yaγryj-* 'болеть'
Ačy-	'киснуть'	*ahyj-* 'киснуть'
Tašu- 'выгонять', но *taš-* 'выходить из берегов'		*tahyj-* 'выходить из берегов'
Oqy-	'знать'	*utuj-* 'зазывать'
jydy	'пахнуть'	*sytyj-* 'гнить, портиться'
jyryŋü	'скорбеть'	*irinetij-* 'гноиться'

В этих примерах др.-тюрк. *-i* имеет эквивалент в якутском языке *-yj*, поэтому следует считать, что и в этом языке отражается общетюркский деривационный аффикс *-i*. Прибавление йотового элемента имеет фонетическую причину, связанную с тенденцией фонетического выравнивания гласного ауслаута глаголов: «Глагольные основы в современном якутском языке могут иметь на конце только или согласный, или широкий долгий гласный. Глагольные основы, имевшие в других тюркских (и монгольских) языках узкий гласный, получили в якутском языке конечный *-j*» (Убр. Опыт 61–62, 74–75). (ср. примеры выше). К двум упоминавшимся причинам такого явления гипотетически можно прибавить еще одну: якутский глаголообразующий аффикс *-ij ~ -yj* может быть отражением былой долготы праязыкового форманта **-ī*, поскольку узкие долгие гласные в тюркских языках допускают реализацию в виде нисходящих дифтонгов **-ȳ >- yi ~*ī- > -ii*. Поэтому в тех глаголах, где выделяется глаголообразующий аффикс *-yj ~ -ij*, наличие йотового элемента может косвенно свидетельствовать и о былой долготе **-ī ~ *-ū*.

Вопрос о долготе тюркского показателя **-i* возникает в связи с установлением его родственных отношений со сходными показателями в других алтайских языках. Этот вопрос аналогичен проблеме, затрагиваемой в

связи с аффиксом *-*a* ~*-*ā*. Здесь также мы имеем долготу гласного в показателе -*gī* в тунгусо-маньчжурских языках. Как известно, алтаисты не сопоставляли прямо тюрк. -*ī* с тунг.-маньчж. -*gī*-.

В эвенкийском языке аффикс -*gī* ~-*kī* образует переходные глаголы от непереходных глаголов: *arūγī*- 'оживить, привести в себя' < *arū*- 'ожить, очнуться', *beregī*- 'успокоить' < *bere*- 'успокоиться', *derūgī*- 'утомить' < *derū*- 'устать', *d'alupkī*- 'наполнять', < *d'lup*- 'наполняться', *irgī*- 'воспитать' < *ir*- 'созреть', *ulapkī*- 'промочить' < *ulap*- 'промокнуть', *xekūlgī*- 'нагреть' < *xekūl*- 'нагреться' и др. И.В.Кормушин анализирует более 50 глагольных основ с аффиксом -*gī* ~ -*kī*, часть из которых имеет соответствия в эвенском, удэгейском и нанайском языках (Кормушин 1978, 64–68).

Этот аффикс представлен в эвенкийском языке и в словообразовательной функции (Benzing 1956, 199), напр.: *alagī*- 'запрягать упряжку' – *ala* 'лямка в оленьей упряжке' (ср. образование с -*lā* – *alala*- 'впрячься в лямку'); *n'aŋn'agī*- 'пачкать' – *n'aŋn'a* 'грязь' ~ *n'aŋn'a*- 'запачкать' (здесь возможно двойное толкование производящей основы); *ŋuŋnegī*- 'выпрямить' – *ŋuŋne* 'прямой' ~ *ŋuŋne*- 'выпрямиться' (также двойное толкование); *olgī*- 'высушить' – *olgo*- 'высохнуть'~ орок. *xoldo*- – нан. *xolgo*- 'сушить' (можно ли предполагать корень **ol*~**xol* 'сухой'?); *āčinŋi*- (< *āčin* + *gī*) – *āčin* 'нет, не имеется'; *kiŋgī*- 'звенеть чем-либо' – *kiŋ* изобр. 'звяк' (СТМЯ I, 395); эвен. *qāmgi*- 'разделывать рыбу на юколу' – *qām* 'юкола' (СТМЯ I, 369). Однако эта функция отражена слабо, и для увеличения списка таких производных отыменных глаголов требуются дополнительные изыскания.

И.В.Кормушин высказал гипотезу о том, что долгота гласного в эвенк. -*gī* вторичного происхождения и может быть объяснена либо влиянием йотового элемента с континуативной семантикой – -*gī* <**-ga+j(V)* < -*ka+j(V)*, либо акцентуально-тоническим свойством гласного в данной каузативной морфеме (Кормушин 1978, 64–65). Не настаивая ни на одном из этих объяснений, он в обоих случаях предполагает историческую связь между показателями -*gā* и -*gī*, которые возводятся к праформе **-k(V)*. Для нас в настоящий момент важно подчеркнуть, что (независимо от решения предложенной гипотезы) в тунгусо-маньчжурских языках (наиболее явно в их северной подгруппе) синхронно наличествуют отдельные непродуктивные форманты глагольного отыменного словообразования -*gā* и -*gī* (оба с долгими гласными) и совпадающие с ними показатели каузатива-фактитива. Гомогенность деривационных функций всех этих показателей позволяет поставить их в один ряд средств, которые при создании вторичных основ глагола служили для модификации глагольного действия в качественно-количественном отношении. Вопрос же о соотношении морфем с широким и узким гласным остается пока открытым для истории тунгусо-маньчжурских языков.

Когда монголисты рассматривают соотношение показателя общемонг. **-γa*/**-ge*, образующего глагольные имена, и общеалт. **-a*, то -*γ-*/-*g*- определяют как «заполнитель зияния» и не приписывают ему особой смысловой нагрузки: исходной формой этих глагольных имен принимается формант **-a*

(Poppe 1955, 273). В случае показателя с узкими гласными мы имеем в общем аналогичную картину. В монгольских языках некогда существовал показатель глагольного имени *-i̯* ~ *-i* < **-i*, которое являлось основой настоящего-будущего времени. Такая реконструкция была предложена Г.Рамстедтом (Рам. 98), поддержана Б.Я.Владимировым (Владимирцов 1924, 56) и развита в работе Н.Поппе (Poppe 1955, 264, 268). С подобной трактовкой, видимо, согласен и Г.Д.Санжеев (Санжеев 1963, 78, 110, 119). Н.Поппе монгольскую форму глагольного имени на *-i* возводил к общеалтайскому показателю **-i*, сравнивая ее с тюркскими и тунгусо-маньчжурскими отглагольными производными на *-i*. Г.Рамстедт предполагал, видимо, что более древним был вариант с начальным *-γ/-g*. И.В.Кормушин считает возможным установить историческую связь между вариантами **-γi* и **-γa*, возводя их к праформе **-k(V)*.

Имелся также глаголообразующий аффикс (как отымённый, так и отглагольный) *-gi* ~ *-ki* <**-gi*, который создавал глаголы со значением становления или приобретения признака, реализации свойств, заложенных в производящей именной основе, а также, видимо, вторичные глаголы с переходной и интенсивно-учащательной семантикой. Нельзя ли предположить наличие исторической связи морфем **-i* и **-gi*, выступающих в общих деривационных функциях. Правомерность семантического сближения формантов, представляющих, с одной стороны, глаголы динамического процесса, переходной семантики и усилительно-многократного СД, а с другой – причастно-именные и финитные формы настоящего времени, рассматривалась выше на примере показателя **-a* ~ **-γa*. Основой такого сопоставления является общеграмматическая семантика многократности (или под несколько иным углом зрения – дуративности), которая объединяет все эти случаи употребления формантов, т.е. здесь явно прослеживается реализация разных смыслов с помощью языкового знака, имеющего одно морфологическое значение. Вероятно, указанным значением обладали рассматриваемые аффиксы в монгольских языках и его носителем был узкий гласный *-i* (при варианте *-gi*), а сами показатели принадлежали к числу древнейших в истории монгольских языков.

Итак, во всех группах алтайских языков достаточно четко проявляются показатели, связанные со сферой глагола и представленные в нескольких фонетических разновидностях: тюрк. *-i/-u*, монг. *-gi*, *-i̯* ~ *-i*, тунг.-маньч. *-gi* ~ *-gī* ~ *-i*. В каждой из групп удается семантически и функционально связать между собой в рамках единой деривационной функции варианты с начальным консонантом и без него, т.е. допустить соотношение *-ga* ~ *-a*, *-gi* ~ *-i* как альтернацию фономорфологических вариантов единого форматива. В данном своем проявлении в группах алтайских языков рассматриваемые показатели относятся к непродуктивным, а ограниченность производных с ними и сложности словообразовательного анализа говорят о глубокой древности интересующих нас дериватов или всей слово- и формообразовательной модели. Все это позволяет ставить вопрос о существовании в общеал-

тайском деривационного форманта с широким или узким негубным (~ губным?) гласным. Возникает также вопрос о его протоформе. И вновь в последнем случае, как это было и с показателем с широким гласным *-a*, имеются две возможности: принять праформу с гуттуральным анлаутом аффикса или признать только один гласный, т.е. *-i* или *-y*.

Учитывая наличие долгого гласного в тунгусских показателях и якутские данные, приходится предполагать для показателя *-i* вариант с *долгим* гласным. Поэтому мы склонны предложить следующую реконструкцию общеалтайского глагольного деривационного показателя с узким гласным: алт. **-γi/*-gi ~ *γī/*-gī > -i ~ -ī*, причем допустимо **-γi/*-γī ≤ *-K(V)*. В набор функций этого форманта входило выражение в глагольных образованиях фактитива-фреквентатива. В тюркских языках представлен вариант глагольного словообразовательного аффикса **-γy ~*-gi* (Сев.АГ 238~247). Так, его выделяет Э.В.Севортян при этимологизации ряда глаголов: др.-тюрк. *alqy- ~ alqa-* 'благословлять, воздавать хвалу' <**al* 'добро, благожелание'~ **al-* 'благословлять' + *-qy-* (~ *-qa*) в усилительно-учащательном значении, в зависимости от реконструкции грамматического статуса **al* рассматривается и функция **-qy-* (ЭСТЯ 1974, 137); кирг. *arγy-* 'бежать крупным карьером' < **ar-* 'идти крупным шагом' + *-γy* в учащательном значении (ЭСТЯ 1974, 172); кирг. *yrγy-*, узб. *irgi-* 'прыгать' < **ir-* 'прыгать' + *-gi* (ЭСТЯ 1974, 662).

Таким образом, с помощью показателя *-γy ~ -gi* в тюркских языках образуются глаголы от имен существительных, изобразительных слов и от глаголов. В последнем случае выступает учащательно-усилительная функция данного аффикса.

Глаголы с этим аффиксом обозначают активные действия или становление признака-состояния.

Э.В.Севортян отметил, что аффикс *-gi* встречается в тюркских языках гораздо реже, чем *-ga*. Это обстоятельство, несомненно, свидетельствует о древности данного показателя, продуктивность которого уходит за границы общетюркского состояния, о чем можно заключить из этимологического анализа производных глаголов, где возникает вопрос о глагольно-именном омоморфизме и двойственном толковании функций показателя *-gi*. Э.В.Севортян считает аффиксы *-γy* и *-γa* разновидностями одного показателя, связанного исторически с аффиксами *-a ~ -i* и поэтому, возможно, представляющего более ранний их фонетический вариант. Действительно (как видно из материала), аффиксы *-a – -i – -u ~ -γa – -γi* показывают общность глаголообразующей функции, как отыменной, так и отглагольной. Кроме того, гомогенные показатели выступают в сфере отглагольного словообразования, а также формообразования. Общность деривационной функции рассмотренных показателей позволяет предполагать общность их абстрактно-грамматической семантики, которая, видимо, базируется на филиации значения «много[кратность]». Однако, несмотря на семантическую близость этих формантов, говорить об их тождественности на общеалтайском уровне нельзя, пока не будет определена полностью конституирующая роль компонентов этих показателей.

Поэтому и в случае с показателями *-i/-u ~ -γy*, как и с *-a ~ -γa*, можно только отметить существование в трех группах алтайских языков деривационных формантов с узким гласным и построить ряд, согласуемый с алтаистической фонетической традицией: алт. **-γy ~ *-γi (< *-K(V)?)* > тунг.-маньч. *-γy ~ -γi ~ -i* ~ монг. *-γy ~ -i* ~ тюрк. *-γi ~ -i/-u*. Как и ранее, вопрос о длительности гласного не решается; остаются также без объяснения случаи параллельного использования в тюркских языках показателей *-i/-u* при одних и тех же основах (фонетические причины, аналогия, десемантизация существовавшей оппозиции тензоров – по Г. Дёрферу, диалектные различия?).

К деривационной истории тюркского аффикса *-q* на фоне других алтайских языков

Среди простых, «первичных» показателей в системе тюркского глагола выделяется аффикс *-q/-k*. Этот аффикс неоднократно привлекал к себе внимание тюркологов, особенно в связи с анализом каузативных и пассивных показателей (как простых, так и сложных, составных) (Сев.АГ 282–295; Ганиев 1976, 61–62; Рам. 141 и сл.; Rams. 1912; Poppe 1973). И.В.Кормушиным он рассмотрен на широком алтаистическом фоне как один из «праязыковых каузативных формантов» – «самый старый в системе тюркского глаголообразования» и связанный с общеалтайской системой (Кормушин 1978). Менее разработанным остается вопрос об интенсивном значении аффикса *-q* и *-γ*, т.е. о его использовании в качестве показателя способа действия глагола, которое «не получало значительного развития в тюркских языках» (Сев.АГ 295). Предположение о древности этого показателя позволяет привлечь при его сравнительно-историческом изучении материал других алтайских языков – монгольских и тунгусо-маньчжурских. Одной из трудных проблем остается здесь соответствие тюрк. *-q ~ -k/-γ ~ -g* алтайским аффиксам **-°q/*-°γ* и **q°-/*γ°-*.

Известно, что Г.И.Рамстедт считал тюркским соответствием глаголообразующих алт. **-γa ~ *-γi/*-γu* только показатель *-q ~ -k*, в котором отпали конечные общеалтайские широкие или узкие гласные (Рам. 124, 136, 155, 157; Rams. 1912, 14, 19, 58). Н.Поппе осторожно замечает, что действительно «трудно установить, восходит ли тюрк. *-q-/-k-* к **-ga-*» (Poppe 1973, 127). Г.И.Рамстедт приводил такие примеры: *jum-* 'жмурить, закрывать глаза' – *jumuq-* ~ *jomuq-* 'собираться' – *jumγy* 'все, в совокупности', – *jumuq* 'сомкнутый'. Здесь в качестве вторичного глагола на тюркской почве Рамстедт рассматривал *jumuq-*, однако этот глагол отмечен только у В.В.Радлова – коман. *jomyk-* 'собираться' (Р III, 446) и не фиксируется другими словарями. Не фиксируется также и форма *jumuq-*(?), хотя основа **jum-* со значением 'собирать' имеется в тюркских языках, ср.: др.-тюрк. *jumdar-* 'собирать, накапливать', *jumγy* 'все', *jumyt-* 'собираться'. Связь, предлагаемая Рамстедтом, между 'жмурить глаза' и 'собирать(ся)', довольно спорная; не случайно, что М. Рясянен (Räs.VEWT, 210) не сопоставляет эти основы глаголов. Поэтому мы не учитываем данный пример Рамстедта. Другой из-

любленный пример Г.Рамстедта – тюрк. *julq-* 'вырывать волосы' – *jul-* 'рвать'. Этот пример, видимо, также следует уточнить: он приводился Э.В.Севортяном как пример употребления аффикса *-γi* – узб. *julqi-*, ккалп., башк. *žulqy-* 'выдергивать' < *jul-* 'рвать'; в других языках отмечается действительно вариант *julq-*: караим. *julk-*, кирг. *žulq-* 'дернуть', тат. *jölq-*, а также и с аффиксом *-u* – караим. *julu-* 'вырывать, стричь волосы' (здесь же еще *julq- ~ julx- ~ julxu-* 'выщипывать, вырывать'); ст.-узб. *july-*. Такое разное отражение распространенной основы глагола делает данный пример неубедительным. С другой стороны, оно как будто бы хорошо иллюстрирует предлагаемое развитие *-γa ~ -γy > -q*, особенно на фоне монг., бур. *žulya-* 'выщипывать, выдергивать' – п.-мон. *ǰulγa-*. Опять-таки совпадение с монгольской формой требует объяснения соотношения последней с тюркскими формами. Из данной серии примеров можно только заключить, что в тюркских языках существуют распространенные основы глагола *jul-* 'вырывать волосы, шерсть', но природу *-q* уточнить не удается, хотя всплывает значение интенсивности.

В качестве вторичной глагольной основы со значением интенсивности А.Габен приводит, следуя, видимо, за В.Бангом, глагол *ök-* 'думать' при *ö-* 'думать, размышлять' (Gab.AG 82), но этот глагол в корпусе ДТС не зарегистрирован, нет его и в «Analytischer Index», поэтому от такого сопоставления приходится отказаться. Семантически спорно сопоставление др.-тюрк. *alq-* 'губить, уничтожать' – *al-* 'брать', также предложенное А.Габен. В ДТС не отмечен и третий ее пример: др.-тюрк. *könük-* 'полностью сжечь' – *kön-* 'гореть' ~ *köj-*. Указанные три случая требуют, как видно, дополнительной разработки.

Г.Рамстедт приводил еще ряд примеров, где отмечается соответствие в основах по разным языкам *-q ~ -qa ~ -γa ~ -γi* типа кирг. *qyrq-* 'стричь' – *qyr-* 'брить, скоблить', но *qyrqy-* 'стричь' [P II 748]; узб. *syq-* 'давить, жать' ~ др.-тюрк. *sy-* 'ломать'. Эти случаи также семантически мало обоснованы; М.Рясянен, например, указанные глаголы дает в разных этимологических статьях (Räs.VEWT 265, 266, 413, 415).

Приведенный материал, видимо, говорит о том, что в тюркских языках в настоящее время не удается выделить значительного количества сопоставимых однозначно вторичных основ с *-q* и без *-q*, выступающем в усилительно-интенсивном значении. Предлагаемые пары имеют либо слабое семантическое обоснование, либо фонетически спорны (двойственны), либо допускают иную трактовку (например, заимствование, производство от разных основ). Сюда же следует добавить, что примеры Г.Рамстедта *julq-*, *qyrq-* по своей семантике и звуковому облику напоминают изобразительные глаголы; если это так, то *-q* в них можно рассматривать в качестве распространителя изобразительного корня, усиливающего его семантику; *-q* присоединяется к основам с исходом на *-l, -r, -n, -ŋ*, придавая обычно прерывисто-усиленное значение (Юнусалиев 1959, 168–169). От простых и распространенных изобразительных основ могут образоваться с помощью аффиксов *-a ~ -y* соответствующие глаголы.

Г.Рамстедт предлагал также выделять *-q* в нескольких трехбуквенных глагольных корнях, где этот показатель выступает в «активизирующем» значении (Рам. 157): *jaq-* 'жечь' – *jan-* 'гореть' < **ja-* 'пламенеть';

jük- 'грузить' – *jüd-* 'нагружать, терпеть' < *jü-* 'нагружаться';

saq- 'думать' – *san-* 'обдумывать' < *sa-* 'думать, считать'.

Эти сопоставления Рамстедта приняты позднее многими исследователями алтайских языков.

Несмотря на спорные и даже сомнительные случаи в отдельных вторичных глагольных основах удается все же восстановить интенсифицирующее значение показателя *-q*. Э.В.Севортян приводит, включая некоторые упоминавшиеся выше примеры, около 30 случаев приглагольного использования аффикса *-(')γ ~ -(')q*. Из них значение усилительности специально отмечено им в шести глаголах: каз. *žulq-* 'выдерживать', аз. *galx-* 'подниматься, вставать', тур. *kalkı-* 'вскакивать', аз. *galdyr-* 'поднимать', аз. *azyx-* 'неистовствовать' < *az-* 'разнуздаться', аз. *vurunux-* 'метаться' – **vurun-* 'биться', каз. *tolyq-* 'полнеть, толстеть' < *tol-* 'наполняться', тур. *kanık-* 'привыкать' < *kan-* 'насыщаться'. Несколько примеров отмечено им и в «Этимологическом словаре»: др.-тюрк. *ašuq-* 'спешить, торопиться' < *aš-* 'спешить' + *q-* в интенсифицирующем значении; кирг. *entik-* 'тяжело дышать, страдать одышкой' < *ent-* 'спешить' – *jiŋit-* 'переводить дух' + *-k-*; др.-тюрк. *yrk-* 'собирать, скапливать' < *yr-* 'собирать, сгонять в одно место' + *-k-*; др.-тюрк. *ürk-* 'пугаться, страшиться' <**ür-* ~ *yr-* 'вздрагивать, пугаться' + *-k-*. Э.В.Севортян отмечает, что «интенсивное значение аффикса *-yγ*, обнаруживаемое в семантике некоторых глаголов, не получило значительного развития в тюркских языках и в ряде случаев не сохранилось в современных значениях глаголов» (Сев.АГ 285); в то же время «аффикс *-q* (варианты *-yq*/*-uq*) уже вполне восстанавливается как аффикс интенсивной формы» (Зай.СК 32).

От имен данный аффикс образовывал непереходные глаголы: «непереходность составляет собственное значение показателя *-yγ*» (Сев.АГ 287). Поэтому подавляющее большинство производных глаголов имеет медиопассивное значение, например: др.-тюрк. *ayuq-* 'отравиться, быть отравленным' – *ayu* 'яд, отрава'; *birik-* 'соединяться, объединяться' – *bir* 'один; *čavyq-* 'прославиться, становиться известным' – *čav* ~ *čab* 'слава'; *etik-* 'полнеть' – *et* 'мясо'; *jajyq-* 'приближаться к лету (о времени)' – *jaj* 'лето'; *ičik-* 'покоряться, подчиняться' – *ič* 'внутренность'; *tašyq-* 'выходить, выступать в поход' – *taš* 'наружная, внешняя сторона'; ^{1}*tatyq-* 'ржаветь' – ^{1}*tat* 'ржавчина'; ^{2}*tatyq-* 'становиться иноземцем' – ^{2}*tat* 'чужеземец, иноплеменник'.

По наблюдениям Э.В.Севортяна, и во вторичных глаголах афф. *-γ ~ -q* в большинстве случаев сообщает исходной основе медиальное, или пассивное, или медиопассивное значение. Последнее обстоятельство, а также функция отыменного глаголообразования позволили Э.В.Севортяну признать, что основным и древнейшим значением этого показателя являлось выражение медиопассивности (Сев.АГ 295; Kowalski 1949, 436–438). Данная семантика афф. *-(V)γ- ~ -(V)q* заметно отличает его от тех глаголообра-

зующих показателей, которые, хотя и образовывали в различных языках непереходные глаголы, но по преимуществу выражали активные динамические процессы, связанные с производительной деятельностью субъекта или со становлением его признака-состояния. В данном случае действие-состояние обычно ограничивается сферой самого субъекта, ср.: др.-тюрк. *etik-* 'полнеть, нагуливать, набирать мясо'; *tatyq-* 'ржаветь'.

В некоторых отглагольных образованиях *-q ~ -γ* ведет себя как типичный показатель антикаузатива: чув. *pusăx-* 'слеживаться (о муке)' – *pus-* 'ступать, топтать', чув. *junăx-* 'злиться' – *juna-* 'грозить'. Иногда чувствуется пассивное значение или рефлексивно-каузативное с пермиссивным оттенком («действие не выполняется субъектом, последний лишь вызывает или допускает действие над собой» – Недялков 1976, 24): др.-тюрк. *sojuq-* 'быть раздетым, ограбленным' – *soj-* 'снимать кожу, шкуру', но *sojul-* 'быть снятым (о шкуре, одежде)'.

Особая семантика производных глаголов на *-q* позволяет предполагать иную грамматическую (частную) семантику данного форманта. Если у показателей *-a ~ -γa* мы предположили семантику «многократность», то у *-q* при общеграмматическом значении выражения процессуальности более частным было, видимо, иное значение. Его, как представляется, можно определить как «приписывание», т.е. установление «внутренней» связи признака-состояния и его носителя. В рамках этого значения, когда оно реализуется в глагольных основах, обозначающих по своей сути уже факт «приписывания», происходит наложение семантики, и аффикс *-q* используется для передачи количественного проявления этого «приписывания», т.е. приобретает усилительное значение, интенсифицирующее, или «активизирующее» (Рамстедт); ср.: др.-тюрк. *ačγq-* 'сильно голодать' – *ač-* 'проголодаться, чувствовать голод'; аз. *azyx-* 'неистовствовать' – *az-* 'разнуздаться'. Таким образом, характер проявления выражаемой аффиксом *-q* интенсивности иной, чем у аффиксов *-γa ~ -a ~ -γi ~ -i*; отлично, видимо, и стоящее за этим само *представление о такой интенсивности-усилительности.*

Следует также обратиться к функционированию *-q ~ -γ* в сфере отглагольного слово- и формообразования, поскольку, как известно, эти функции могут быть гомогенными с рассматриваемыми. Среди тюркских имен, производных от глаголов с помощью афф. *-(V)γ ~ -(V)q*, основную массу составляют имена «со значением признака, результата, орудия/средства, носителя и названия процесса. Больше половины из них принадлежат первым двум значениям. Наиболее многочисленны среди всех групп производные со значением признака, т.е. прилагательные» (Сев.АИ 203), например: др.-тюрк. *jyraq* 'дальний, далекий' < *jyra-* 'удаляться, держаться в отдалении', *bušaq* 'расстроенный' < *buš-* 'печалиться, унывать', *aruq* 'усталый' < *ar-* 'уставать, утомляться', *ajyq* 'обещание, клятва' < *aj-* 'говорить', *emgäk* 'мучение' < *emgä-* 'мучиться', *bujruq* 'приказный' < *bujur-* 'приказывать, повелевать', *bilig* 'знание' < *bil-* 'знать', *ölüg* 'мертвый, мертвец' < *öl-* 'умирать', *jatyq* (*jatγy*) 'ложе, постель' < *jat-* 'лежать', *süčig* 'сладкий, вино' < *süči-*

'быть сладким'. Значительный процент производных имеет, как отмечают Э.В.Севортян и другие исследователи, значение «признаковости», т.е. возможности реализации заложенных в семантике глагольной основы качественных потенций, которые соотносятся с их носителем и становятся его качественной характеристикой, свойством, пассивным (чаще) или активным. Эта семантика как-то соотносится с тем значением «приписанности», которое указывалось выше для глаголообразующего *-q*.

В системе финитных форм образования на *-q* в тюркских языках не получили развития. Данное обстоятельство, видимо, определяется особыми значениями отглагольных имен с этим аффиксом. Правда, в тюркологии не решен вопрос о соотношении форм на *-γ* и на *-q*, что важно и для нашего рассмотрения. В истории тюркских языков отмечено развитие форм с *-γ* в направлении превращения их в глагольные имена типа *baryγγ* 'его хождение' (Сев.АИ 213–216). Если не предполагать здесь наличие двух различных деривационных формантов **-γ* и **-q* (такая точка зрения представлена в тюркологии), то участие этих глагольных имен в финитной парадигме можно попытаться представить как базирующееся, в конечном счете, на их потентностных свойствах (ср. у МК: *at joryγγ ne teg* 'каков аллюр лошади?', *anyŋ oyraγγ kör* 'смотри, куда он направляется', *baryγ bardy* 'он совсем ушел').

Интересно также приводимое Э.В.Севортяном наблюдение Ж.Дени о замене в некоторых анатолийских диалектах турецкого языка формы на *-miš* образованием на *-ig*: *sevigsin* 'ты полюбил' – такая замена возможна на основе общности перфектных значений этих двух форм. Аналогичное диалектное явление – аналитическая конструкция тур. диал. *gelik gelir* 'он идет ~ приближается', детально рассмотрено в работах Э.А. Груниной, в которых оно вводится в широкий исторический и типологический аспект (Грунина 1999; 1996, 114–116). Автор считает, что в тюркской претемпоральной системе образования на *-*q* как один из разрядов функциональных форм глагола сыграли большую роль в становлении перфектных форм (< древних статива и результатива), причем последнее семантическое различие определялось семантикой производящей глагольной лексемы (действие/состояние, переходность/непереходность), с одной стороны, и свойствами носителя приписываемого соответствующего признака (= подлежащего) – с другой: «на основе ведущей ФФ **-(')K* возникла группа форм стативной квалификации одушевленного субъекта и группа результативной семантики при неодушевленном субъекте. Это были два подтипа семантической структуры субъектно ориентированных предложений» с предикатами квалификативной семантики (Грунина 1996, 115). Однако и для Э.А.Груниной, как и для других исследователей, остается спорным вопрос о качестве гуттурального в этом аффиксе и о том, являются ли все отмечаемые варианты *-K/-g/-j(i)K* историческими репрезентантами некогда единого показателя.

Тем не менее, в современных тюркских языках фиксируются отглагольные образования на *-q* со стативным или результативным значением; все они, как правило, относятся к непродуктивным моделям, и список их в со-

ответствующем лексиконе часто является закрытым. Продемонстрируем это на примере выборки из современного узбекского литературного языка (подробнее см.: Насилов 1983).

В функционально-семантическом плане узбекские отглагольные прилагательные на *-ˀq ~ -ˀk ~ -ˀγ / -ˀq ~ ˀγ-lik ~ γ* в предикативной функции соотносятся с пассивными конструкциями, в которых сказуемое выражено перфектом пассива на *-γan*, иначе говоря, в узбекском языке существует несовмещенный объектный статив как особый вид предикатов; ср. такие конструкции: *ɔta miltiqni devɔrga ɔsdi* 'Отец ружье на стену повесил' (претерит) → *devɔrda miltiq ɔs-iqlik* 'На стене ружье повешено' (объектный статив) → *devɔrga miltiq ɔsil-gan* 'На стену ружье повешено' (перфект пассива). Существенно отметить, что в узбекском языке соотносительного лексического статива типа рус. *висит* в предложении *На стене висит ружье* не обнаруживается.

Общим признаком двух последних конструкций является: 1) возможность употребления их в функции определения в положении перед определяемым; (*devɔrda ɔs-iqlik miltiq ~ devɔrda ɔsil-yan miltiq* 'ружье, повешенное на стену'); 2) сохранение дополнений и обстоятельств, обусловленных валентностями производящего глагола.

Различия между указанными формами следующие: 1) статив на *-q* непродуктивен (в грамматиках он определяется как отглагольное прилагательное – Кононов Узб. 154–155), перфектный пассив – регулярное образование; 2) статив не включает в свою семантическую структуру значения предшествующего действия, а перфект пассива его включает; 3) статив имеет отрицание, характерное для имени, т.е. выраженное отдельным словом *emas,* пассив в данном употреблении, близком к результативному, форму отрицания образует с помощью аффикса *-ma-*, характерного для глагола; 4) при стативе исключается агентивное дополнение, при пассиве оно может быть введено в предложение; 5) при стативе возможно употребление слов со значением длительности, при перфекте пассива – невозможно.

Форма объектного несовмещенного статива, квалифицируемая, как отмечалось выше, в качестве отглагольного прилагательного, а в нашей терминологии – статива, образуется от транзитивных, чаще всего трехактантных предельных глаголов при помощи аффиксов *-ˀq ~ -ˀk ~ -ˀγ/-ˀq ~ γ-lik.* Семантические различия между аффиксами, видимо, отсутствуют, выбор того или иного показателя с точки зрения современного языка немотивирован. Число этих непродуктивных образований не превышает 60 единиц, и они фиксируются словарями. Некоторые стативы не имеют в современном языке исходной глагольной формы, например, *berk~bekik* 'запертый', *pačaq* 'битый' (о яйцах), 'измятый' (о яблоках), *šalɔγ* 'расшатанный, истрепанный'.

Хотя в семантическую структуру стативов не входит значение отсылки к предшествующему действию, последнее может «всплывать» благодаря знанию исходной основы и обычной неизначальности или вторичности описываемого состояния. Стативы обозначают признаки, которые связаны, как

и в производящих глаголах, 1) с изменением пространственного положения объекта ('разостланный', 'повернутый', 'положенный'); 2) с внешними изменениями объекта ('украшенный', 'дырявый'); 3) с преобразованием свойств объекта ('запертый', 'взнузданный', 'запруженный'); 4) с созданием или разрушением объекта ('сломанный', 'битый', 'исправный').

Семантически стативы подразделяются на две количественно различные группы. В первую, более ёмкую, входят стативы, обозначающие обратимые состояния, во вторую, меньшую, – обозначающие необратимые состояния; сюда относится лишь одна, четвертая, из перечисленных выше групп.

Стативы, обозначающие обратимые состояния, следующие (об исходных значениях производящих глаголов можно судить по семантике стативов, производных от них): *bɔylɔ-ylik* 'привязанный', *bɔs-iq* 'сдавленный', 'навaленный', *buk-ik* 'согнутый', *bůy-iq* 'запруженный' (о воде), *ječ-ik ~ ješ-ik* 'развязанный, не на привязи' (о скоте), *jɔz-iq* 'разостланный', *jɔj-iq* 'развешенный' (о белье), *jɔp-iq ~ jɔp-iqlik* 'закрытый', 'запертый', *jiy-iq* 'собранный' (о вещах), *jiynɔ-q* 'собранный', *ɔs-iq ~ ɔs-iqlik* 'подвешенный', но 'повешенный' (о человеке) – необратимое состояние, *ɔč-iq* 'открытый', *siq-iq* 'сжатый', *sɔl-iq ~ sɔl-iqlik* 'положенный', *s ɔč-iq* 'разбросанный', *tɔrt-iq ~ tort-iqlik* 'натянутый' (о занавесе), 'занавешенный' (об окне), *tug-uk* 'завязанный', *tuz-uk* 'исправный', *taxlɔ-ylik* 'сложенный стопкой', *čůz-iq* 'растянутый', *eg-ik* 'с клоненный', *jum-uq* 'за крытый' (о глазах), *juyanlo-qlik* 'взнузданный', *jasɔ-yliq* 'украшенный', *qis-iq* 'сдавленный', 'прищуренный' (о глазах), *qistir-iqliq* 'заткнутый', *q ulflɔ-k* 'запертый на замок', *qůš-ɔq* 'с оединенный', 'сдвоенный', *ůgir-iyliq* 'повернутый'.

Стативы, обозначающие необратимые состояния: *bič-iq* 'кастрированный', *bič-iqliq* 'скроенный' *buz-uk* 'разрушенный', 'испорченный', *damlɔ-yliq* 'заваренный' (о чае), *jɔr-iq* 'лопнувший', *jirt-iq* 'рваный' (об одежде), *jiq-iq* 'сваленный', *kemti-k* 'щербатый', 'с изъяном', *ɔs-iq* 'повешенный' (о человеке), но ср.: 'подвешенный', *sin-iq* 'сломанный', *sůk-ik ~ sůk-iklik* 'распоротый по швам', *teš-ik* 'дырявый', *tit-iq* 'изодранный в клочья', *uz-uk* 'оборванный', *ulɔ-q* 'залатанный', *juw-uqli(q)* 'вымытый', *jul-uq* 'вырванный', *jam-ɔq* 'залатанный', *qij-iq* 'срезанный', *qirq-iq* 'срезанный'.

В стативах наиболее стерто глагольное значение динамического признака действия, поэтому в предикативных структурах на первый план выдвигаются свойства состояния предмета – носителя признака как таковые, фиксируемые в момент «факта сообщения».

В предикативных структурах стативы могут выступать в функции именного сказуемого: *Stol ustida bir dasta kitob taxlɔylik* 'На столе сложена стопка книг'; *Darwozda lůmbɔzdaj qulf osiqliq edi* 'На ворота был повешен громадный замок'; *Darhaqiqat unung čap qulɔyi kemtik, uq ɔlip kelgan* 'В самом деле, у него левое ухо повреждено, пуля задела'.

Стативы, обозначающие обратимые состояния могут сочетаться с обстоятельствами времени типа: *kečadan beri* 'со вчерашнего дня', *ůšandan bujɔn* 'с тех пор', *ertalabdan bɔšlab* 'с утра', обозначающими начальную точку (время) воз-

никновения признака; ср.: *Dasturxɔn ertalabdan bɔšlab jasɔyliq edi* 'Стол был накрыт с утра'. Они могут также сочетаться с обстоятельствами типа *doim* 'постоянно', *hamiša* 'всегда', 'все время', показывающими длительность проявления (наличия) данного признака; ср.: *Uning belbɔyi doim tuguk* 'Его кушак всегда (~ постоянно) завязан'; *Bɔjning ůng kůzi doim jumuq* 'Правый глаз бая постоянно зажмурен'.

Стативы необратимого состояния с подобными обстоятельствами обычно не сочетаются.

Значение устойчивого результата пассивная форма глагола может (но вовсе не обязательно!) реализовать тогда, когда она употребляется в перфекте на *-gan* (и соответственно в плюсквамперфекте на *-gan edi*). Считается, что одним из значений узбекского перфекта является указание на состояние, «наступившее в результате прошлого действия и приуроченное ко времени речи или основному временному фону повествования» (Кононов Узб. 218). Однако, как следует из сказанного, это состояние не равнозначно состоянию, характерному для стативов и результативов, поскольку, во-первых, перфект пассива не сочетается с показателями длительности и, во-вторых, временные значения перфекта актива и перфекта пассива одинаковы. Таким образом, пассив перфекта может быть в контексте заменен, в принципе, активом перфекта без нарушения последовательности действий описываемой ситуации: замена формой перфекта актива от того же глагола не разрушает ее содержания, а вводит новую информацию.

В форме перфекта пассива значение соотнесено с планом настоящего времени, поэтому такие формы включаются в контексты описания и повествования обычно в соседстве с презентными формами или с именными сказуемыми (в том числе и стативами): *Ešikdan kira berišda ůng qůlda erkak kišining kostumi osiyliq turibdi. Stol ustida bir dasta kitob taxlɔylik. Bir jɔn deworγa ɔppɔq čɔjšap tutilgan* 'У самого входа справа висит (= повешен) мужской костюм. На столе книги сложены стопкой. На боковой стене натянута белая простыня'. В последнем предложении перфект пассива *tutilgan* совершенно свободно может быть замещен несовмещенным стативом *tɔrtiq* 'натянутый' от *tɔrt-* 'натянуть'; здесь только требуется смена производящего глагола, так как от глагола *tut-* статив в современном языке не существует.

Таким образом, в современном узбекском языке существует особый тип предикатов, семантика которых соотносится с перфектом на -γan от глаголов в пассивном залоге. Их объединяет семантика наличного результата, который приписывается подлежащему как носителю данного признака, т.е. упоминавшееся выше четко выраженное «призначное» грамматическое значение. Узбекские стативы, находящиеся ныне на периферии словообразовательной системы, тем не менее, при историческом подходе и системном рассмотрении оказываются в предикативной функции тесно связанными с системой финитных видовременных форм, в этом отношении они находят также аналогию с использованием отглагольных прилагательных на *-*K* и в других тюркских языках (примеры см.: Грунина 1999).

В истории других языков также известна роль стативов (результативов) как предтечи становления в видовременной парадигме грамматической категории перфекта. Так, например: «В сфере функционально-семантической и.-е. перфект и и.-е. отглагольные прилагательные... объединены между собой рядом сходных особенностей: 1) обозначение состояния, указание на снабженность предицируемого имени признаком, содержащимся в значении соответствующего глагола; 2) первоначальная индифферентность как тех, так и других форм в плане залога и в плане времени... Функционирование форм статива в качестве самодовлеющих предикатов, снабженных личными окончаниями, создало предпосылки для сближения перфекта с другими звеньями видовременной системы глагола» (Перельмутер 1995, 184–186). Такое же развитие при реконструкции темпоральной системы с участием специальных форм перфекта предполагается и для тюркских языков. «В дотемпоральной системе среди неакциальных форм глагола, в которых действие выступало в его субстантивном или признаковом качестве, существовало определенное число первичных глагольных имен, большая часть которых уже в исторический период утратила свою продуктивность. Сама природа таких образований являла собою синкретизм слово- и формообразовательных единиц, вероятно связанных с определенным типом лексической основы. Первичные глагольные имена, развившиеся в грамматические формы статального характера, были той основой, на которой формировался перфект как член темпоральной системы» (СИГТЯ 2002, 187).

Г.И.Рамстедт не сближал между собой показатели *-q*, образующие глаголы и отглагольные имена. Однако материал тюркских языков подсказывает возможность такого сближения формантов, с помощью которых производятся глаголы с медиопассивным значением и отглагольные имена с «признаковой» семантикой. Их объединяет как раз последнее смысловое содержание: свойство «приписывать» некий признак субъекту, его носителю, причем этот признак может быть представлен либо как состояние-процесс (в глаголе), либо как состояние-свойство, качество, потенция (в имени, особенно – в прилагательном). В обоих случаях это «приписывание» ограничивается сферой самого носителя данного признака, оно выступает как характеристика внутренних свойств субъекта. «В среднем залоге... глагол указывает процесс, который развивается в субъекте; субъект является внутренним по отношению к процессу... Различие между активным и средним залогами... никоим образом не совпадает с различием между глаголами действия и состояния» (Бенвенист 1974, 188). Как указывалось, использование такого форманта в отглагольном образовании позволяет усилить проявление свойств, приписываемых субъекту, акцентировать постоянство и регулярность их проявления у субъекта. «На базе значения многократного действия может возникнуть значение действия, совершающегося регулярно в силу привычки» (Серебренников 1974б, 216). Однако Б.А.Серебренников первичным значением показателей медиопассива считает «многократность». Все это противопоставляет показатель *-q ~ -γ* в тюркских языках и

семантически и функционально рассмотренным ранее формантам *-γa/-γy ~ -a/i*. Последние обозначают активно развивающийся процесс, выходящий за сферу внутренних характеристик субъекта, а функционально обслуживают сферу фактитивно-каузативных значений, связанную с этим фреквентативность и презентные глагольные формы: в рамках имени передают активный признак субъекта и процессуальность в глагольных именах.

Поэтому возникают трудности, мешающие ставить в единый ряд все названные показатели. Во всяком случае вторичное глаголообразование с *-q* заметно отличается от глаголообразования с *-a* или *-γa*: в первом явно преобладают медиальное и пассивное значения, во втором – каузативные. Правда, последние два значения связаны между собой, представляя крайние полюса единой семантики инактивности субъекта. Через эту связь предпринимались попытки свести исторически указанные показатели к единой праформе *-*k(V)*. С подобной этимологизацией можно согласиться, как нам кажется, лишь в части выражения показателями *-k ~ -k(V)* пассивных значений. Распространение тождественности на всю гамму их значений, представленных в алтайских языках, требует, по нашему мнению, еще дополнительных доказательств. Видимо, пока можно говорить о гетерогенной сущности глаголообразующих формантов с гуттуральными в алтайских языках. Вот почему невозможно принять полностью положение Г.Рамстедта и его последователей о том, что в тюркских языках глаголообразующий формант *-k ~ -(V)k* вторичных основ во всех случаях есть результат фонетического развития тех алт. **-γa/*γi*, которые в других алтайских языках репрезентируют каузативно-фактитивные значения.

В данном случае более корректной представляется следующая формулировка: в части вторичных глагольных образований может быть представлен рефлекс алт. -**γ(V)* в виде *-k ~ -(V)k* (результат оглушения ауслаута), если он выявляется в глаголах, не обладающих первичной медиопассивной семантикой (в противном случае мы имеем отражение иного алтайского форматива, также содержащего гуттуральный; может быть, следует допустить две праформы -**γ* и -**k*, давших в тюркских языках *-k*). Действительно, в тюркских языках необходимо предполагать наличие значительного числа гетерогенных формантов, в которых исторически совпал ряд праязыковых показателей, представляющих собой близкие фонетические структуры.

Еще раз напомним, что именно тюркские языки алтаисты считают значительно продвинутыми в историческом развитии по сравнению с иными алтайскими языками. Дополним это мнением Е.Д.Поливанова: «...корейский (подобно турецкому и чувашскому) представляет следующий по отношению к монгольскому (и маньчжуро-тунгусскому) этап в сокращении звукового состава корневых морфем, тот самый этап, к которому стремится современная эволюция живых монгольских языков» (Поливанов 1968, 159–160). Такая фонетическая эволюция коснулась и служебных морфем, поэтому предлагаемый Г.Рамстедтом рефлекс *-k* может быть результатом развития **-γ(V)* в исходе слова. С другой стороны, для тюркских языков

следует предполагать также возможность совмещения в одной фонетической форме показателя целого ряда неоднородных значений, закрепленных ранее за различающимися фонетически и функционально формантами. Поэтому не удивительно, что в этих языках значительно больше полисемантических показателей, чем в других алтайских языках. Учет такой «компрессии» значений, очевидно, необходимое условие при сравнительно-исторических штудиях в области алтайских языков. Как представляется, данное явление имеет место и в форме на *-q*: здесь представлены собственно пассивные значения, связанные с развитием показателя пассива алт. *-*k* (или *-*k(V)* ?); ясно отмечается также доминирующая семантика «приписывания признака» (медиум в глаголе); в пережиточной форме сохраняются фактитивные значения, представленные также в формах усиления. Видимо, последние связаны с алтайскими формантами *-γ(V)* ~ *-q(V)*, чем и объясняется различное отражение таких образований в отдельных тюркских языках (ср. кирг. *žulq-* ~ каз. *žulq-* 'выдергивать', но узб. *julqi-* ~ караим. *julxu-* ~ *julu-*; аз. *galx-* 'подниматься', но тур. *kalkı-* ~ *kalk-*, хотя было высказано предположение и об изобразительной природе таких глаголов). Итак, ряд обстоятельств говорит за гетерогенную природу современного тюркского глаголообразующего форманта *-q*.

Говоря об этом показателе, следует опять обратить внимание на некоторые спорные моменты фонетического порядка, связанные, во-первых, с его вокализацией и, во-вторых, с проблемой соотношения *-γ-/-k-/-q-*. Тюркологи стараются подвести семантические обоснования под имеющиеся различия в вариантах *-ak, -yq, -uk, -k*, т.е. представить широкие и узкие гласные в аффиксе как результат либо разного происхождения последнего, либо особых фонетических условий в исходе производящей основы (Сев.АГ 288–289). Эта проблема приобретает особую актуальность в плане алтаистических сопоставлений, но ее решение требует обработки совокупности всех данных по тюркским языкам. Другой вопрос также остается спорным, ибо он упирается в отсутствие общепризнанных разработок судьбы аффиксальных гуттуральных в сравнительной фонетике алтайских языков. Мы принимаем только, что тюрк. *-k* как показатель медиопассива связано с общалтайским формативом пассива *-*k(V)*.

Какие же общие выводы можно сделать из рассмотренных выше формальных и функциональных особенностей тюркских показателей *-a, -i, -q* (и их возможных вариантов *-γa, -γi, -*K(V)*)?

В тюркских и других алтайских языках аффиксы *-a, -i, -q* связаны и исторически, и синхронно с системой глаголообразования от неглагольных частей речи, а также и с внутриглагольной деривацией.

Лексемы с процессной семантикой (вне зависимости от того, сформировались ли они на определенном этапе развития языка как самостоятельная часть речи – глагол), оказываются центром выражения в языке функционально-семантической категории аспектуальности, содержанием которой

является характер протекания действия, особенности развертывания самого процесса, представленного вещественным значением данной глагольной лексемы, а также качественно-количественная характеристика изменения состояний участников ситуации, описываемой лексемой.

Уже на ранних этапах формирования совокупности производных от процессных лексем (= глаголов) дериватов в алтайских языках фиксируется набор аффиксов с обобщенной семантикой «признаковости», с помощью которых выражались указанные выше аспектуальные значения (учащательность, многократность, интенсивность, результативность, стативность, длительность и т.п.).

Занимая позицию предиката-сказуемого, эти глагольные дериваты, глагольные имена как производные слова с процессной семантикой, дополненные одним из «призначных» значений производящего показателя, несли в себе прежде всего новую качественно-количественную информацию о самом процессе или о новых качествах его участников.

Три рассмотренные аффикса, общие для тюркских языков, имеют достаточно ясные параллели с аналогичными показателями в других алтайских языках, что говорит об их относительной древности и позволяет связывать их с прото- и пратюркским состоянием.

Такой их статус позволяет согласиться с точкой зрения Э.А.Груниной о роли глагольных дериватов в формировании видовременной системы тюркских языков. «Прототюркские ФФ (функциональные формы. – *Д.Н.*) были порождением определенной структурной организации предложения и функционально были двуедины: синтаксически они выявляли структурный тип предложения, семантически – общее представление об акциональном/неакциональном характере действия. Отражая черты, по-видимому, более древнего состояния, пратюркское сказуемое панхронически воспроизводило ФФ как предикатив и самостоятельную лексико-грамматическую сущность, которая одновременно была речевой реализацией глагола и словообразовательной моделью. Одним из проявлений этого процесса была утрата первичных ФФ как свободных синтаксических образований с тенденцией к лексикализации ФФ... ФФ в финитной позиции в процессе становления единого типа спряжения сохранила лишь функцию содержательной характеристики действия с распределением форм по аспектуально-темпоральным признакам» (Грунина 1996, 116).

Предполагаемый ход становления видовременных форм от прото- к пратюркскому и далее в региональных диалектах имеет типологические параллели в истории других языков, в частности индоевропейских. «Выработка системы временных форм на основе более древних модальных и видовых характеризует движение от общеиндоевропейского к отдельным диалектным состояниям» (Иванов 1981, 222).

В трех группах алтайских языков представлены межъязыковые альтернанты аффиксов, имеющих глаголообразующую функцию как отыменную,

так и отглагольную или внутриглагольную. Следовательно, эти аффиксы были ***полифункциональны***, обслуживая разные сферы смысловой модификации производящего корня-основы; с синхронической точки знания они принадлежат к разным типам – словообразования и формообразования, поэтому и предлагается квалифицировать такие аффиксы в качестве деривационных показателей как модификаторов смысловой стороны слов, которые могли противопоставляться реляционным показателям связей слов.

Типологическая параллель: полифункциональность показателей отмечается в древних индоевропейских языках. «Архаическое окончание 2 л. мн. ч. как в хетском, так и в древнеиндийском используется одновременно в двух функциях – временно́й (показатель прошедшего времени) и модальной (показатель императива) … Такой характер использования вторичного окончания показывает, что первоначальная его функция не могла быть собственно временно́й (аналогичный вывод сделан на основании типологически сходных фактов енисейских языков)» (Иванов 1981, 222–223).

Если действительно пратюркские глагольные деривационные показатели были *полифункциональными*, то вопрос о том, были ли они одновременно и ***многозначными***, требует особого рассмотрения. Выше, при анализе аффиксов *-a, -i, -q*, мы старались показать, что каждый из них обладал обобщенным грамматическим значением (многократности-учащательности, итеративности или процессуальности, «приписывания признака»), которое, будучи субстанциальным, сущностным свойством аффикса, позволяло использовать его при разных производящих процессных основах, соответствующим образом их модифицируя. Поэтому представляется, что говорить в таких случаях о явной *многозначности* древних аффиксов не следует. Здесь важно различать, с одной стороны, значение форманта и, с другой стороны, смыслы, которые он способен передавать в разных коммуникативных условиях, в разных речевых проявлениях. Как известно, значения знаков языка оказываются лишь «намекателями на смыслы» (Мельников 1978, 276), поэтому в соответствии с коммуникативной потребностью это свойство аффикса подстраивается в направлении функциональной необходимости, т.е. происходит его функциональная перестройка в определенных целях.

Отсюда для исторической тюркологии вытекает задача объяснить или понять, на каком основании и каким образом в языковом сознании древнего тюрка, в его языковой картине предполагаемые значения, скажем, итеративности или признаковости могли ассоциироваться с теми смыслами, которые выявляются в реконструируемых или фиксируемых речевых продуктах тюрок древних эпох. Однако опыты такой реконструкции находятся только на начальной стадии.

II

ОЧЕРКИ ПО РЕКОНСТРУКЦИИ КАРТИНЫ МИРА ПРАТЮРКСКОГО ЭТНОСА ПО ДАННЫМ ЯЗЫКА

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О НЕБЕ, НЕБЕСНЫХ ТЕЛАХ И ЯВЛЕНИЯХ

Тюркские народы в древности наблюдали за небом и небесными явлениями в районе Центральной Евразии, сведения об этом сохранились у некоторых современных тюрков, культура которых мало подверглась исламизации и европеизации, в народных приметах, фольклоре. Их видение неба отличается от видения народов, живущих в других частях земного шара. Например, в Центральной Евразии такие крупные созвездия, как Большая и Малая Медведица, Кассиопея и другие, не уходят за горизонт и являются объектом постоянного наблюдения.

Непрерывное наблюдение древними тюркскими народами и племенами за небом, Солнцем, Луной и другими небесными светилами и явлениями вызывалось потребностями их образа жизни и занятий – охотой, скотоводством, земледелием, торговлей и различными походами для выживания, сохранения и продолжения рода. Они поклонялись небу и небесным светилам, их потомки сохранили тенгрианство до наших дней. Они рассматривали человека (себя) как неотъемлемую часть огромного мироздания. Представления о небе и небесных явлениях выражены как результат аккумулирования языкового опыта многих поколений тюркских народов.

Можно реконструировать древние представления пратюрков о небесных явлениях, первичные тюркские наименования небесных явлений и их значения методом сравнения семантики и установления их внешних форм по данным древних, средних и современных тюркских языков. Наименования, относящиеся к небесной сфере, охватывают названия самого неба, а также небесных светил: звезд, созвездий, планет, Солнца, Луны и других небесных явлений.

Народное видение мира, неба хорошо выражается в наименованиях небесных светил и других явлений, в народных пословицах, поговорках, устойчивых словосочетаниях, фразеологизмах, сохранивших древнейшие представления: кирг. *töbösü kökkö ǯetti* досл. ‘его макушка достигла неба’ (о большой радости), ног., каз. *töbesi kökke ǯetkendej* ‘словно его макушка достигла неба’; каз. *kökten tilegeni ǯerden tabyl}andaj* ‘словно то, что он искал в небе, нашел на земле (о неожиданном большом успехе)’, *kök soqqan* досл. ‘небом битый’ (в смысле ‘проклятый Богом’) и т.д.

В трехуровневом вертикальном пространстве (небо, верх – земля, середина – низ, подземелье) небо занимает высшую ступень. О том, что небо

почиталось у древних тюркских народов как высшее существо, божество, говорит также переход его названия в наименование Всевышнего, Бога.

«НЕБО»

В трехуровневом пространстве модели мира небо представляет собой верхний мир (это отражается и в названиях неба), в котором живут Солнце, Луна, звезды, а также высшие духовные существа: Всевышний, боги, ангелы. Использование в речи образа неба и небесных светил проникает во все сферы духовной культуры тюркских народов. Например, в поэзии это широко распространено, особенно в фольклоре. Каз. *Kökten bulut sögilse, köktep bolmas ne pajda?!* (эпос *Er Tarγyn*) 'Если в небе развяжутся облака (т.е. если пойдет сильный дождь), почему бы земле не зазеленеть?!'; *Kökte qalqyp kelem men (S.Mäulenov)* 'Я плыву в небесах' (т.е. очень счастлив). О том, как хорошо тюркские народы знали небесные светила, количество звезд в созвездиях и характер каждой из них, свидетельствуют в частности их загадки, где названия созвездий заменяются названиями деревьев: каз. *Eki emen, žeti terek, alty qajyη, basynda žapyraγy dajyn-dajyn. Bir šynar, üš qaraγaj, bir žalγyz tal, baršasyn ajta berip ne qylajyn* (отгадка: *kün men aj, žeti qaraqšy, ürkerdiη alty žulduzy, šolpan, üš arqar [Tarazy], Esek qyrγan*) 'Два дуба, семь тополей, шесть берез, у каждого свои листья. Одна чинара, три сосны, одинокая ива, зачем мне говорить обо всем' (отгадка: Солнце и Луна, Большая Медведица, шесть звезд Плеяд, Венера, Весы, Юпитер).

Образы неба и небесных светил широко употребляются также в высказываниях по морали и этике: каз. *žaqsy qyz – žaγadaγy qunduz, žaqsy žigit – köktegi žulduz* 'Хорошая девушка – бобр на воротнике, хороший парень – словно звезда на небе'.

Средствами измерения времени у народов стали названия небесных светил: *kün* 'день' < 'солнце', *aj* 'месяц' < 'луна', *julduz* 'день' < 'звезда'[60].

У древних тюрков небо со всеми находящимися на нем светилами рассматривается как целостный большой верхний мир, в некоторых отношениях похожий на привычный для человека мир нижний – земной. Их представления о живом мире, о небесных явлениях, так же как о мироздании, не всегда могут совпадать с видением других народов[61].

Единого пратюркского названия неба, по-видимому, не существовало. Многообразие названий неба отражает, надо полагать, диалектное членение пратюркского языка.

В современных тюркских языках и древних памятниках отмечены 8 названий неба в различных фонетических вариантах, отражающих историческое развитие формы слова в соответствии с закономерностями развития

---

[60] О казахских народных космонимах см.: *Аронов К.Г.* Этнолингвистическая природа народных космонимов в казахском языке: Автореф.дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1992.

[61] Ср., например: *Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Ч. II. Тбилиси, 1984. С. 480–481.

соответствующих языков: 1. *teŋir* в восточном ареале (алт., тув., хак., шор., уйг.); 2. *kök* – наиболее распространенное современное название, образующее кыпчакско-огузско-карлукский ареал (башк., каз., ккалп., кирг., кум., ног., тат.; аз., тур., турк.; узб., уйг.); 3. *qalyq*; 4. *ewren* (названия 3 и 4 встречаются в древнетюркских памятниках); 5. як. *xallān*, родственное с 3-м; 6. чув. *tüpe (<töbe)*; 7. *asman/aspan* (тюркское *as+man* – каз., ккалп., кирг., тат., турк., узб., уйг.)* ; 8. аз. заимствованное из арабского *säma* наряду с тюркским *köj*. Таким образом, из 8 названий неба 7 можно считать исконными, одно, лишь в одном языке – арабским заимствованием.

Из них к пратюркским диалектам возможно отнести по крайней мере пять слов: **teŋir, *kök, *qalyq, *ewren, *asman*. Среди них наибольший интерес вызывают два названия: *teŋir, kök* как самые распространенные и дающие наиболее полное представление о видении неба пратюрками.

1. **teŋir*. В тюркских языках, а также в алтайских распространены его два главных фонетических варианта. Из приведенного варианта впоследствии в результате присоединения аффикса принадлежности возникла форма *teŋri*. Первый, более архаичный вариант с переднерядными гласными и конечным *-r* сохраняется в восточном регионе тюркских языков: сюг., ккалп., кирг., куманд. *teŋir*, каз. *täŋir/ teŋir /täjir*; хак. *tigir*, тув. *deŋger/dēr*. В современных казахском и каракалпакском слово имеет значение 'бог', а в других приведенных языках – 'небо'. Форма с конечным гласным присутствует почти во всех регионах тюркских языков. В ряде языков параллельно употребляются оба варианта: *teŋir/teŋri*. В некоторых языках, главным образом огузских, все гласные слова перешли в заднерядные: *tanry, taŋara, taɣara* и т.д.

О том, что это весьма древнее слово, наряду с его семантикой свидетельствуют фонетические соответствия по разным языкам: начального согласного – *t/d*, первого гласного – *e/ä/a/i/u*, среднего согласного – *ŋ/n/j/g/x/0*, второго гласного – *i/e/y/a*. При многочисленных изменениях гласных и других согласных неизменным остается конечный сонант *-r*[62].

В древнетюркских памятниках слово, расшифровываемое обычно как *teŋri/täŋri*, имело оба современных значения: 1. 'небо', 2. 'бог' (ДТС 544). Оба значения сохранились в современных тюркских языках: киргизском, якутском, сибирских; в других преобладает одно из двух значений.

Наиболее развитые значения слова представлены в якутском *taŋara*: 1) 'видимое небо, небо как божество'; 2) общее название добрых существ *(айыы)*, 'добрый дух, бог, божество языческое; главное божество, живущее на седьмом небе...' 3) 'Бог, божество, икона, образ...'[63].

Слово вошло и в некоторые другие языки соседних народов. «Ритуальная значимость неба *Tenir* – 'верх', 'круг', 'верховный', 'бог', 'дерево'...

---

* По общепринятому мнению *asman* – персидское заимствование (*asman* 'небо' из др.-ир. *asman* < ИЕ **ak'mōn* 'небо, небесный свод') – *Прим. ред.*

[62] О его устойчивости см.: *Мусаев К.* Сонанты // СИГТЯ. Фонетика. М., 1984.

[63] *Пекарский Э.К.* Словарь якутского языка. Л., 1927. Т.3. Ч.1. С. 2551; см. также: *Антонов Н.К.* Материалы по исторической лексике якутского языка. Якутск, 1971. С. 123–124.

и т.д. Тенгри в тюркском ареале, обозначавший сперва также дерево, позднее служит основой для изображения элементов креста в древнеболгарской христианской традиции»[64]. Далее происходит трансформация знакового кода 'дерево' > 'крест'[65].

**teŋir* этимологизируется как образование от пратюркского глагола **teŋ-* 'возвышаться, подниматься, взлетать' (ДТС 551) присоединением аффикса «деятеля» *-ir*[66], что в совокупности дает имя существительное со значением 'то, что поднимается, возвышается наверху над человеком' – так представляли древние тюрки небо*. От этой первичной семантики слова развились древние и современные его значения: 'небо, Бог, Господь'. От *teŋ-* возникли и другие слова со значениями, относящимися к небу: *teŋ-ek* 'воздух, небосвод' и др.

М.Рясянен (VEWT 474) считал *teŋri* китайским заимствованием; того же мнения придерживался и Г.И.Рамстедт.

В японском *ten* возможно видеть стяженную форму *teŋir*. Аргументы в пользу тюркского оригинала и против китайского заимствования слова *teŋir* сводятся к следующему: во-первых, первичной формой слова является **teŋir*, а не *teŋri* или, тем более, не *teŋli*; во-вторых, первичным значением слова является 'небо', а значения 'Бог, Господь, император' – вторичны и третичны; в-третьих, кит. *thjen/chien* в тюркских и монгольских языках фонетически соответствует *čyŋ/šiŋ*, а не *teŋ*, отсюда *Čyŋŋys qan*, а не *Teŋgis qan;* в-четвертых, форма *teŋri* является формой имени с аффиксом принадлежности: *teŋir+i> teŋri* (ср. *qan teŋri, aj teŋri* и т.д.); в-пятых, в тюркских языках нет формы с *-l-* в этом слове и *-l-* не может перейти в *-r;* в-шестых, общая семантика производных образований от разных глаголов со значением неба в тюркских языках близка – 'подъем, покрытие, вращение', что базируется на представлении древних тюрков о верхнем мире.

На «алтайском» уровне (в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках – определенно) слово *teŋir* в тех языках, в которых оно зафиксировано, следует рассматривать как тюркизм. В халха-монг. *tenger*, как полагал Б.Я.Владимирцов, в стяженной форме < **teŋgerri* [67], бурят. *tengeri*, калм. *teŋgr* 'небо', как и в восточном ареале тюркских языков, сохранилось значение 'небо'. О том, что оно перенято из тюркских языков, свидетельствует также неразложимость слова на монгольской почве.

---

[64] *Москов М.* Прабългарски рунически знак Y за теонима Тангра // Paleobulgaristica: Старобългаристика. 1987. Т. 11. №6. С. 18.

[65] *Проскурин С.Г.* Очерки исторического мира индоевропейцев: Концептуальные структуры, коды и тексты. Новосибирск, 1998. С. 77.

[66] См. также: *Татаринцев Б.И.* О происхождении тюркского наименования неба (*täŋri* и его соответствия) // СТ. 1984. № 4. С. 80.

* Фонетически маловероятно, ср. рефлексы обоих корней в совр. языках. Также см. об этимологии *Teŋri* ниже, с. 562. – *Прим. ред.*

[67] *Владимирцов Б.Я.* Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия: Введение и фонетика. Л., 1929. С. 332.

Одним из семантических оснований считать монг. *tenger* тюркским заимствованием также служит синонимия как в обозначении неба, так и Бога, ср. синонимию в названии Бога в тюркских языках: *teŋir – allah – qudaj – burhan*[68]. А.М.Щербак, хотя и не считает *teŋir* собственно тюркским словом, пишет, что «источником для ср.-монг. *teŋri* и м.-п. *teŋgeri* явились, несомненно, тюркские языки»[69].

В тунгусо-маньчжурских языках *teŋir*, перенятое во втором, более позднем значении: эвенк. *taŋaraa*, эвен. *taŋara* 'бог, икона', специалисты считают якутским заимствованием, а солон. *teŋer* возводится к монг. *tenger;* ср. также нег. *taŋcíŋkí* 'мольбище', нан. *taŋgía-maŋgía* 'божок' (ССТМЯ II, 162).

Это слово как тюркизм в уральских и тунгусо-маньчжурских языках отмечал также А.Йоки (Joki LS 322: *Tere* 'Himmel' < Tü).

Значение слова *teŋir* развивается дальше: ср. тат. *täŋre* 'бог мусульманский', *täre* 'языческий бог', 'христианский крест'[70]. Значительное сокращение употребления его в тюркских языках в значении 'небо' связано с последующим развитием религий у народов и потребностью обозначения нового понятия, и это слово часто стало употребляться в значении 'бог'.

Значение 'небо' сохранилось в тюркских языках, носители которых в какой-то степени донесли до наших дней древние верования – тенгрианство и шаманизм (алтайский, тофский, сарыг-югурский, киргизский, тувинский, хакасский).

Исходя из сказанного, неудивительно, что в корейском языке *thien-li* потеряло первичное значение и сохранило вторичное, как это произошло и в части тюркских языков. А в японском *tenjô* сохранило первичное значение.

Процесс дифференциации форм слова и закрепление за ними разных значений (*teŋir* 'небо' и *teŋri* 'бог') происходил в раннепратюркский период. Семантика божества в слове существует с древнейших времен, о чем свидетельствуют такие древнетюркские словосочетания, как: *aj teŋri* 'бог луны', *jašyn teŋri* 'бог молнии', *jel teŋri* 'бог ветра', *kün teŋri* 'бог солнца', *qunčuj teŋri* 'бог', *qut teŋri* 'бог счастья' (ДТС 544)*, где слово *teŋir* употребляется в изафетном сочетании с аффиксом принадлежности 3-го лица, откуда впоследствии стала употребительной форма *teŋri* с конечным гласным.

В более древней форме *dingir* (< *teŋir*) это слово проникло в древности в шумерский во вторичном значении 'бог'[71]. Тюркская семантика 'небо' более древняя, первичная, чем в шумерском. При заимствовании шумерами тюркский носовой согласный *-ŋ-* воспринимался как сочетание двух согласных *-ng-*, что происходит и в современных заимствованиях при произношении соответствующих слов не только нетюрками (собственное имя *Teŋiz* произносится и пишется многими – *Tengiz, Tengis* и т.д.), но и тюрка-

---

[68] См.: *Мусаев К.М.* Проблемы перевода библейских имен Бога // Перевод Библии. М., 1996. С. 171–182.

[69] *Щербак А.М.* Ранние тюркско-монгольские языковые связи. СПб., 1997. С. 155.

[70] *Ахметьянов Р.Г.* Сравнительное исследование татарского и чувашского языков. М., 1978. С. 209–210.

* Все встречаемости – в манихейских памятниках. – *Прим. ред.*

[71] *Фридрих И.* История письма. М., 1979. С. 67–68.

ми (в узбекском *-ŋ-* превратился в *-ng-*). Контакты предков алтайских народов с шумерами происходили еще в 6-м тысячелетии до н.э.[72]

В связи с тем, что слово *teŋir* обозначало главным образом божество, для обозначения неба активизировался его синоним **kök̄*.

2. **kök̄*. Первичная семантика слова **kök̄* – 'небо'. М.Рясянен, А.М.Щербак, Э.В.Севортян считают эту форму тюркским архетипом (ЭСТЯ 1980, 68). В процессе развития слово приобрело значение цветов по характеру различных окрасок неба: 'синий, голубой, сизый, серый, зеленый' – развитие семантики шло от существительного к прилагательному – к позже формировавшейся части речи.

**kök̄* в семантическом плане подверглось широкому развитию и приобрело кроме приведенных также другие значения: 'синька, лазурный, лазоревый, трава, зелень, незрелые фрукты, седина, багровый, черный, ночь, траурное платье', употреблялось оно как эпитет богатырей (ЭСТЯ 1980, 68). *Kök* как небесный цвет противопоставляется земному цвету *jašyl* – цвету травы – 'зеленый'.

Этимология слова *kök* не выяснена, для ее раскрытия будет полезным типологическое сопоставление его с индоевропейским названием неба. Англ. *Sky* 'небо': OE *sceo* 'a cloud'; IE **(s)keu* 'to cover, hide'; L *cutis* 'skin', Gr *skytos* 'leadher', общее значение этого слова – 'нечто покрывающее, покрывало'; глагольное значение: 1. 'to hit, throw'; 2. 'to hang'[73].

Учитывая подобное семантически типологическое сходство, *kök̄* можно было бы рассматривать как производное от глагола **kö-* со значением 'покрывать', т.е. древним тюркским народам небо представлялось как нечто покрывающее сверху. Этот же корень можно выделить и в имени существительном *kö-n* 'кожа, шкура', т.е. первоначально 'покрытие'. Ср. также общую семантику корня *kö-* в тюркских языках: каз. *kö-m-* 'закапывать, засыпать', *kö-ter-* 'поднимать', *kök-ij-* 'задирать голову, нос', *kö-leŋke* 'тень', *kö-lem* 'объем, размер', *kö-ldire-* 'покрываться волдырями', *kö-meski* 'тусклый', *kö-ŋ* 'слежавшийся овечий помет', *kö-psik* 'небольшое одеяльце-покрытие на седле', *kö-bik* 'пена' , *kö-p-* 'вздуваться', *kö-pir* 'мост' и немало других (Кайдаров 227–230).

Ram.SKE 129: «*kuk* in *ceguge* 'of itself, naturally', *äguge* (напоминает каз. *äguge! Agugai* в песнях. – *К.М.*) 'first of all, at first, at the beginning'; *kuk* 'base, origin'; ... osm. *kök* 'origin, root, base, bottom, principle; original, basic'; ot. *kök türk* 'the genuine Turks'». Это другое слово-омоним, ПТ **kök* 'корень', последнее словосочетание – 'небесные тюрки', а не 'истинные'.

О том, что слова, обозначающие небо, также могут употребляться в значении 'бог', свидетельствует алтайское *kök*, имеющее наряду с первичным значением 'небо' также значение 'бог' – аналогично *teŋir*.

---

[72] *Грозный Б.* Доисторические судьбы Передней Азии // Вестник древней истории. М., 1940. № 3–4. С. 43.

[73] Webster's New World Dictionary of the American Language. N.Y., 1968. P. 1336.

Монгольские образования возникли позже на базе слова *kök*, хотя Н.Поппе полагал монгольской праформой **köökee*[74]. К.Менгес считал, что утрата конечного гласного могла повлечь за собой удлинение гласного предшествующего слова: тюрк. *kök (*kök̄ <*kök̄bäk*, чув. *kӳvax)* 'голубой', монг. *köke* (Котв.Иссл. 37).

«Для тунгусо-маньчжурских языков эвенк., ма. *куку*, сол. *хöхö ваараа* 'синий' являются монголизмами»[75]. Его можно сравнить и с яп. *когай-дэ* 'под открытым небом' (также 'за городом'), кн. *ротэн-дэ* 'под солнцем, на улице'; *когай* также 'нёбо'[76]. Возможно также сравнение его с кор. «**kuk* в слове *ai-kuk-e (*zu *ai* 'first' s.d., *-e* is lok. Suffix) 'в начале'».

Выясняется, что два названия неба: *teŋir* и *kök* – распространены во всех группах алтайских языков.

Два других пратюркских названия неба: 3. **qalyq*, 4. **ewren*, характерные для древнетюркских памятников, а также 5. **asman,* употребительное в современных языках, не получили такого распространения и семантического развития, как *teŋir, kök.*

Реконструированные нами пять пратюркских названий неба, отражающие древнее тюркское диалектное членение, представляют собой, по-видимому, образования от различных глаголов на разных территориях: 1. *teŋ-ir* – от глагола 'подниматься'; 2. *kö-k* – от глагола 'покрывать'; 3. *qaly-q* – от глагола 'подниматься, взлетать'; отсюда – 'нечто поднятое', имеет типологическое сходство с первым; 4. *ewr-en* – от глагола «вращаться, поворачиваться»; 5. представление пратюрков о небе ('нечто висящее над людьми') отразилось в названии *asman/aspan* 'нечто висячее' – от глагола *as-* 'вешать'.

Интересно сочетание двух названий неба в древнетюркских памятниках: *kök qalyq* (ТТ) 'небо, небеса'. Три последних, возможно, более позднего происхождения, судя по семантике страдательности и дальнейшему слабому развитию значения и словообразовательных возможностей. В отличие от первых (*teŋir, kök*), они из-за пассивного значения не стали обозначениями бога, высшего существа.

«СОЛНЦЕ»

В качестве объекта поклонения на втором месте после неба стоит Солнце. Для древних тюрков это самое яркое светило на небосклоне, что послужило основанием для поклонения ему.

Древним тюркам солнце представлялось как нечто горящее на небосклоне. Оно обозначается не одним словом, что свидетельствует, по-видимому, о возникновении разных названий в разных древних диалектах.

---

[74] *Poppe N.* The use of colour names in Mongolian // The Canada-Mongolian Revue. 1977. Vol. 3. N 2. P. 130–131; *Бугаева Т.Г.* К этимологии цветообозначений «зеленый–синий» в корейском и других алтайских языках // Алтайские этимологии. Л., 1984. С. 186.

[75] *Бугаева Т.Г.* Указ. соч. С. 187; см. также: ССТМЯ. Т. 1. Л., 1975. С. 426: *kuku* 'синий'.

[76] *Бугаева Т.Г.* Указ. соч. С. 187.

1. Наиболее распространенным является слово **kün* в соответствующих вариантах в современных языках и древних памятниках: рун., др.-уйг., чаг., ст.-осм., ср.-кыпч., куман. *kün*, арм.-кыпч. *kun*, МА *kün*, др.-булг. *küwen* (Róna-Tas EB); турк., тур., аз., гаг., ктат., кар.К., кум. *gün*, хорас. *gn̄* (Doerf.ITD 9); кар.Т., К., ктат., балк., каз., кирг., ног., ккалп. *kün*, кар.Г. *kin, gin*, ктат. *kun*, тат.диал. *kön*; уйг., Лобн. *kün*, уйг. *gün*, узб. *kun*, сюг. *kun*, *kon*; Туба, куманд., кыз., саг., хак., як., алт., Леб., тел., шор., саг., койб., кач., кюэр., бар. *kün*, тув. *хün*, тоф. *hün*, алт. *gün*, кыз. *kwän* (Joki W.16); чув. *kun*.

Возведение архетипа к **kün* с долгим гласным только на основании того, что в редких языках слово встречается с долготой, требует основательных доказательств (ср. **kök* ~ **kōk* 'небо').

Основное и первоначальное значение этого слова 'солнце' – во всех источниках, кроме некоторых, главным образом юго-западных. Слово впоследствии приобрело также значение 'день' – во всех источниках. Затем по мере развития синтаксических функций и семантики слова оно приобрело и другие значения (подробно см. ЭСТЯ 1980, 100–102, там же приведены существующие точки зрения на архетип и этимологии *kün*). Слово употребляется в атрибутивной функции, как и многие имена существительные со значением 'солнечный', 'дневной'.

Другие значения имени существительного отражают дальнейшее семантическое развитие слова как результат высокочастотного его употребления: 'погода' – кирг., ног., ккалп., каз. (каз. *kün žaman* 'плохая погода', *kün žawdy* 'пошел дождь' – это функциональные значения), алт., кыз., хак., казан.тат.; 'гром' – кирг. (Будагов), каз. (*kün kürkiredi* 'гром гремел)'; 'жизнь', 'житье' – турк., аз., кум., каз. (*kün kör-, kün elt-* 'жить, прожить жизнь'), кирг., уз., як., чув.; 'доля в жизни' – уйг.диал., IbnM; 'судьба', 'счастье'; 'бедствие' – уйг.диал. Jarr.

Очевидным следует признать генетическую связь *kün* с глаголом *küj-* 'гореть', который, так же как *kün*, возможно, является производным от корня *kü-*, о значении которого мы пока не ведаем, если даже не согласиться с мнением А.Вамбери, считающего первое производным от второго. Возможно развитие формы: *küj+gen* 'горящее' > *küjen* > *küün* > *kün*.

Посредством различных средств от производящей основы *kün* образовано множество новых слов, при этом значения некоторых слов ушли далеко от первоначального.

Солнце считалось священным, например, о нем нельзя было сказать, что оно 'закатилось, зашло за горизонт, утонуло', о нем следовало говорить, что оно 'стало богатым' – *kün bajydy**, вместо обычного *kün batty* букв. 'солнце утопилось, зашло'. На базе названия солнца возникло много ласкательных слов и выражений: *Künim* 'мое солнышко', *Künimdej körkem* 'красивая как солнце'; женских имен: *Künsuluw* (букв. 'солнечная красавица'), *Künaj* (букв. 'солнце и луна') и т.д. Названия растений: *künbajar* 'подсолнух' и др.

* Или это форма ПТ гл. **baj-* 'слабеть, пропадать' – см. ЭСТЯ 2003, с. 15. – *Прим. ред.*

2. Другое слово для обозначения солнца, также восходящее к пратюркскому состоянию, – **küneš*. В большинстве современных языков имеет значение 'солнце'. Первичное значение – 'солнцепек (др.-тюрк., турк., тат.), солнечная жара', которое позже было переосмыслено в 'солнце'. Оно зафиксировано в разных фонетических вариантах в современных языках и древних памятниках: крх.-уйг. *qujaš* (МК III, 172) 'зной, жара', 'солнечный припек'; *qujaš any qoγšatty* (МК II, 353) 'солнечный зной его обессилил'; *türk qujaš ödi* (МК I, 353) 'полдень – время полуденного зноя'; др.-уйг. *qujaš* (Suv 220-22); турк., тур., гаг., кум. *güneš*, аз. *günäš*, турк. *qujoš/γujoš/güneš*; тат., башк. *qojaš*. Возможно, оно образовано от *kün* посредством аффикса *-eš/-aš* (развитие формы *küneš* > *künäš* > *kunaš* > *qujaš* сопровождалось процессом депалатализации) или аналитически сочетанием *kün* с другим словом, возможно, с *jaš-/jašy-* 'сиять, сверкать, светиться'. В любом случае это название солнца возникло позже на базе *kün*.

3. Третье название солнца, встречающееся лишь в древних памятниках, **jašyq*: крх.-уйг. *jašyq* (*jašyq jerkä endi, jüzin kizlädi* QBN 361-13 'солнце опустилось (досл. – вошло в землю), скрыло свой лик'; см. также: QBN 385-1, QBN 445-5). Вполне допустимо, что это – поэтическое использование новообразования в значении солнца, поскольку в других источниках в этом значении слово не зафиксировано. Оно образовано от глагола *jaš-/jašy-* 'сиять, сверкать, светиться' посредством аффикса *-q* и приобрело значение субъекта, ср. образование от той же основы *jašyn* 'молния'.

Таким образом, древние тюрки для обозначения солнца в своих языках использовали три слова, связанных с семантикой света и тепла: *kün*, его довольно ранние производные: *güneš/qujaš*, а также образование от другой основы – *jašyq*.

В тюркских языках солнце не приобрело или не сохранило значение 'божество', хотя древние тюрки были солнцепоклонниками – вместо этого богом оказалось небо из-за того, что оно находится выше солнца.

Наличие разных названий солнца в тюркских языках является, с одной стороны, свидетельством самостоятельного возникновения разных названий в разных древних диалектах. С другой стороны, это свидетельствует о поклонении солнцу древних тюрков.

ПЛАНЕТЫ СОЛНЕЧНОЙ СИСТЕМЫ

Пратюрки хорошо знали основные, наиболее крупные, планеты солнечной системы, догадывались об их главной особенности – подвижности, что отличает их от неподвижных, постоянных светил – звезд. Вместе с тем, в общем они рассматривали и планеты как звезды, не проводя между ними четкого различия в современном понимании, хотя можно заметить, что иногда делали различие между планетами и звездами (см. «Звезды»).

Из современных планет солнечной системы древним тюркам известны были помимо Земли и Луны Венера, Марс, Сатурн и Юпитер.

Характерной особенностью в названиях крупных планет является то, что в них присутствуют названия света, огня, воды, земли, дерева, что свидетельствует о системности в образовании наименований планет.

«ВЕНЕРА»

У тюрков это наиболее известная из всех планет солнечной системы. Тюрки с древних времен весьма почитали Венеру. Разнообразные характеристики и многочисленные ее названия даже в одном и том же языке говорят о том внимании, которое они уделяли ей.

1. **čolpan* – главное название Венеры в тюркских языках. Основное его значение – 'Венера'. В некоторых языках это слово означает и 'звезда': ср. алт. *Altajdyŋ čolmonu* 'Звезда Алтая'. В данном случае происходит перенос названия конкретной звезды на родовое понятие. Подобное закономерное явление наблюдается и в названии созвездия Плеяды (см. ниже, с. 348).

Ср.-кыпч. (Abû H), ср.-уйг. (IbnM) *čolpan*; тур. *čolpan*, *čulpan*, уйг. *čolpan*; кум., кбалк. *čolpan*, каз. *šolpan* (*žulduz*); кирг. *čolpon*, тат. *čulpan*: *taŋ čulpanny ujata* 'заря будит Венеру'; алт. *čolmon*, хак. *solban*; сюг. *čolvan/šolvan*; як. *čolbon*.

Венера обычно связывается в сознании людей с рассветом и восходом солнца: кум. *čolpan tuwdu – taŋ atty* 'Венера взошла – рассвело'; кбалк. *čolpan čyqmaj taŋ atmaz* 'пока Венера не взойдет, утро не наступит'.

**čolpan*, по-видимому, подражательного происхождения: *čolp/šolp* + глаголообразующий аффикс *-y* + аффикс причастия *-γan*: *čolp+y+γan* 'сверкающий' > *čolpan*; ср. каз. *kümis bawur balyγy šolpyγan kölder* 'озера с рыбами со сверкающими брюхами'. В казахском названии *taŋ šolpany* заложена этимология этого слова – утром Венера, как бы окунаясь в небо, вспыхивает. Семантическое развитие слова *čolpan*: 'Венера' > 'звезда' > 'звезда на лбу лошади' (сюг.) и т.д.

В одном лишь казахском языке кроме общетюркского насчитывается десяток названий Венеры, по-разному характеризующих ее. Помимо вышеприведенного существуют сложные образования с участием слова *žulduz*: *naryq žulduzu* 'звезда цен' – поверье, что в зависимости от ее яркости может измениться цена; *Zuhra žulduzu* араб. заимствование; *Kerwen žulduzu* 'звезда каравана' – Венера как ориентир по времени для раннего – до восхода солнца и наступления жары – отправления в путь. Отрицательные черты: *ömirzaja* букв. 'пустая жизнь': 'Жизнь без Венеры-красавицы – пустая жизнь'; *tul qatyn* 'Вдова' – из-за яркости в морозную ночь.

Для тюрка Венера представляет собой обобщенный образ прекрасного: кум. *čolpanlardaj gözleri* 'Ее глаза как Венера – утренняя звезда'; кирг. *balanyn čolponu* 'прекрасный ребенок'; кбалк. *čolpan taŋŋa tyjynšly* 'заря Венерой красна'. Это слово распространено как традиционное женское имя во всех тюркских языках в соответствующих фонетических вариантах, хотя в некоторых языках в качестве названия планеты оно заменено другими словами. Тюрки дают девочкам имя *čolpan*, чтобы в будущем девушка стала красивой, как эта планета. Таким образом, тюркское название Венеры по

семантике в некоторой степени совпадает с европейским предствлением о Венере – 'планете зари, планете любви'.

Тюрки придавали большое значение яркости, цвету Венеры. Помимо приведенных имеются описательные названия, встречающиеся в современных языках, надо полагать, они существовали и в пратюркских диалектах: названия по ярко-белому или золотисто-желтому блеску: др.-уйг. *altun jultuz* 'золотая звезда' (TT VII 1-45), кирг. *sary žyldyz* 'желтая звезда'; каз. *aq žulduz* 'белая звезда', *žaryq žulduz* 'светлая звезда'.

То, что Венера появляется утром, передается описательно сочетанием названий зари и Венеры: кум. *taŋčolpan*, каз. *taŋ šolpany*. Название 'утренней Венеры' противопоставляется другому – «вечернему» ее названию – каз. *iŋir žulduzu* букв. 'вечерняя звезда'. Поскольку обычно название *šolpan* ассоциируется с утренней звездой, в «вечерней» Венере слово *šolpan* не присутствует.

2. Другие, менее распространенные, названия Венеры характеризуют ее по другим параметрам. Второе – «функциональное» ее название – **čopan* 'пастушья (звезда)'. Это значение, придаваемое Венере, связано со скотоводством у пратюрков. Пастухи, как правило, встают рано на рассвете – с Венерой, когда еще прохладно для пастьбы скота и он еще не поднялся от ночной спячки и не разбрелся. Внешнее фонетическое сходство этого слова с предыдущим не признак их общего происхождения. Об этом свидетельствует также его обычное употребление в сочстании с *julduz*: тур. *čoban jyldyzy*, каз. *šopan žulduz*[*].

3. Поэтическое название Венеры **sewit* возникло, по-видимому, позже первых двух, оно встречается в др.-тюрк. памятниках: крх.-уйг. *sevit*. Оно образовано от глагола *sew-* 'любить': крх.-уйг. *Sevüg jüz urundy bešinči sevit* (QBN 22-8) 'Пятая – Венера – мило представилась'; также у Рабгузи.

Таким образом, можно предположить, что хронологически указанные три однословных названия Венеры имеют такую последовательность в происхождении: *čolpan, čopan, sewit*. Они отражают разные представления пратюрков об этой прекрасной планете.

«ЗЕМЛЯ»

Земля представляется как средний мир между верхним и нижним, на котором существуют род человеческий, природные явления и все окружающие человека живые существа. Тюрки в пратюркскую эпоху считали землю своим обиталищем и, разумеется, не воспринимали ее как одну из планет солнечной системы или звезду. На основе этой основной семантики в дальнейшем развиваются такие значения, как: 'почва', 'пространство, населенное людьми и животными'. От них отпочковались другие значения: 'место', 'пол в доме', 'постель', а также 'должность' – занимаемое место (ЭСТЯ 1989, 192) и др. Значение же 'планета' – новейшее.

Земля имеет единое общетюркское название, что является одним из свидетельств его тюркского происхождения. Оно существовало и до распада пратюркского языка на диалекты.

---

[*] Или следствие народно-этимологического переосмысления слова * *čolpan*. – *Прим. ред.*

Во всех древних тюркских памятниках и современных языках имеется одно пратюркское название Земли – **jer* (с фонетическими соответствиями):

Крх.-уйг., др.-уйг. *jer*, др.-уйг., чаг. *jär*; ср.-кыпч., арм.-кыпч. *jer*; турк., тур., тур.диал., аз., аз.диал., гаг., халадж. *jer*; кар., кум., ног., узб.диал. *jer*, каз., ккалп., узб.диал. *žer*; кирг., балк. *ǯer*, башк., тат.диал. *jir*, тат. *ǯir*; уйг.диал., сюг., сал. *jer*, уйг. *jä(r)*, Лобн. *jäj*, уйг.диал. *jej*; койб., кач. (Р III 338) *jer;* уйг.диал., Лобн., алт., леб., тел. *jär*, алт. *d'er*, тув., тоф. *čer*, шор. *čär*, хак. *čir*, хак.диал., кыз. *šer*, як. *sir*; чув. *s'ĕr*.

В пользу пратюркского **jer* высказывается Л.С.Левитская (ЭСТЯ 1989, 192). В арабографичных памятниках пишется يير, что также следует рассматривать как форму *jer*, хотя в отдельных случаях, возможно, не исключается и чтение *jir*.

Приводимые в ССТМЯ I, 355 тунг.-маньчж. параллели: эвен. *jaarko, jaarke, joorko, n'erke, nerke* 'Земля, мир, вселенная', по-видимому, представляют собой тюркское заимствование с аффиксальным наращением. Слово *jer* из соседних тюркских языков заимствовано также иранскими языками (Doerf.).

Уважение у земледельцев к земле выражается в башк. *Jerδe bir qat tujδyrhaŋ, ul hine un qat tujδyryr* 'Если ты един раз насытишь землю, она тебя десять раз насытит'.

В проклятиях земля выступает как субъект или место наказания: каз. *žer žutsyn* 'чтоб тебя земля проглотила', *žerge kir* 'чтоб ты утонул в земле'.

«ЛУНА, МЕСЯЦ»

В представлении пратюрков Луна – одно из крупных светил неба, уступающее по яркости только Солнцу, в иерархии величин находится на третьем месте после неба и Солнца.

1. **aj*. Преобладают два его значения во всех языках. Первое значение: 'Луна, месяц как небесное светило' (это – наиболее древнее значение), а также 'луна как эталон, воплощение красоты'. Уйг., алт. *aj* 'красавица', каз. *aj žüzdi* 'луноликая красавица' и т.д. От этого значения производятся наименования различных предметов в форме луны: як. *yj* 'металлическое изображение на одежде шамана'. Второе значение – единица измерения времени – возникло на основе наблюдений древними тюрками за фазами Луны, повторяющимися через каждые 28 дней, таким образом возникло новое значение – 'месяц, промежуток времени между двумя новолуниями'. Третьим является встречающееся в памятниках значение 'божество' (ДТС 24–25) – по-видимому, это божество стояло ниже неба и солнца. Это значение в современных языках не сохранилось. Это объясняется, по-видимому, тем, что, с одной стороны, в древности у тюрков преобладало поклонение небу и солнцу, по сравнению с которыми луна представляет собой низшее божество. С другой стороны, в дальнейшем, в связи с сильным влиянием других верований и религий, у тюрков постепенно угасло поклонение небу и небесным светилам.

Отметим ласкательное *Ajym* (букв. 'моя луна'), женские имена: *Ajgül, Ajgerim, Ajsuluw, Altynaj, Külaj, Tolγanaj* и т.д.

Поклонение луне, пожелания, чтобы она давала благополучие на следующий месяц, выражаются в высказываниях, произносимых как молитва на новолуние. Каз.: *Žaŋa ajda žarylqa, eski ajda esirkediŋ* 'Дай благополучия в будущем месяце, в прошлом ты покровительствовал'. Приметы: *Aj otyryp tuwdu* 'Месяц появился вертикально' – хорошо будет; *Aj šalqajyp tuwdu* 'Месяц появился горизонтально' – жди неприятностей.

Для обозначения луны и месяца в пратюркском существовало слово **aj*, которое в древних, средневековых памятниках и современных тюркских языках имеет почти неизменную форму: рун. (БК Х-1), др.-уйг., крх.-уйг. *aj*; ср.-кыпч., арм.-ком. *aj*; турк. *āj*, тур., аз., гаг., кар., ктат., кум., кбалк., каз., кирг., ккалп., ног., тат., башк. *aj*; уйг., сюг., Лобн. *aj*, узб. *oj*; алт., хак., тув. *aj*, тоф. *aj*, як. *yj*; чув. *ujax*. Возможна также форма **haj* с начальным придыхательным – ср. в казахском, особенно в песнях: *[haj], [hajtady]*, вместо *[aj], [ajtady]* с ударением на первом слоге.

В старых русских рукописях имеется форма *аань/аанъ* 'луна, месяц' (Prits. 648), что позволяет Э.В.Севортяну «допустить более старую форму **a:j*, которая имеет глагольную омонимию с **a:j* в словосочетании *aj aj-* 'восходить (о луне)' в тур.диал.» (ЭСТЯ 1974, 99). Однако ожидаемая долгота не отмечена как в указанном диалекте, так и в якутском, который часто проявляет долготу вместе с туркменским.

Из наиболее ярких отклонений от пратюркского и общетюркского необходимо отметить: як. *yj*; чув. *ujax*, где конечный *-ax*, по-видимому, представляет собой уменьшительный аффикс (ср. в названии солнца также, возможно, уменьшительный аффикс в некоторых языках образовал другое название светила от основного общетюркского: от *kün/gün – güneš > qujaš);* тур.диал. *jaj*; узб. лит. с огублением – *oj*, хотя узбекские диалекты сохраняют *aj*.

Высокая частотность употребления в речи *aj* привела к образованию множества новых имен и глаголов в др.-тюрк. памятниках и живых тюркских языках: крх.-уйг. *ajdyŋ* (МК 71-6) 'лунный свет'; ДТС 30 – *ajqy, ajlyγ; aj-lan* > каз. *ajnal, alda-žylda* – здесь находим ассимилятвный *-j/-l*, не отмеченный в литературе, ср. турк. соответствие *ajda-jylda*. Выражение о пустыне: каз. *aj dala, ajdaj dala / myjdaj dala.*

Выражения *aj tutuldu* 'произошло затмение луны', *kün tutuldu* 'произошло затмение Солнца' относятся только к небесным светилам, а не названиям отрезков времени – отражают мифологические представления о том, что эти светила якобы были схвачены неким недобрым существом – злым духом, дьяволом.

2. **jalčyq*. Встречается в древнетюркских памятниках: крх.-уйг. *bularda eŋ aldyn bu jalčyq joryr* (QBN 22-10) 'ниже (впереди) всех этих движется луна'. В других источниках слово не отмечено, что говорит, по-видимому, о поэтическом изобретении его автором. Это слово обозначает 'Луна', в нем отсутствует значение 'месяц'. Оно представляет собой производное от *jalyn*

'пламя, блеск, молния' (< *jalyn*+ с аффиксом уменьшительности *-čyq*) и т.д., которое, в свою очередь, производно от *jal-* 'вспыхивать, воспламеняться' (ЭСТЯ 1989, 106–107).

Таким образом, при наименовании Луны тюрки обращали внимание на два наиболее важных признака небесного светила: она белая и она как пламя. Весьма интересно употребление этого названия в сочетании с названием солнца: каз. *Aspanda aj menen kün šaɣylsa da...* 'Пусть даже в небе столкнутся луна и солнце (это ничего не изменит)'. Сочетание с названием звезды: *Ajyŋ tuwsyn oŋyŋnan, žuldyzyŋ tuwsun sonyŋnan* 'Да светит тебе луна справа и звезда слева' – благопожелание, обычно – на дорогу. Выражение отражает поклонение им как божествам.

«МАРС»

Древние тюрки выделяли Марс среди других планет и звезд по его особому красноватому свету. Именно по характеру излучаемого света он имеет несколько разных названий. Наиболее древним, пожалуй, является зафиксированное в памятниках **ōt julduz* 'огонь-звезда': др.-уйг. *ōt julduz* (TT VII 1-6) 'огненная звезда'. О формах слова *ōt* в разных тюркских языках см. у Севортяна – ЭСТЯ 1974, 483. Название дано по цвету планеты, близкому к цвету пламени – желто-оранжево-красному, оно образовано сочетанием названия звезды с названием огня, пламени. С этим названием Марса по семантике сближается каз. *Qyzyl žulduz*, букв. 'красная звезда',

Из других зафиксированных названий древнетюркские также связаны в основном с красноватым цветом: крх.-уйг. *baqyr soqym* (букв. 'медный наконечник стрелы' – МК 18-17), *baqyr soqyna* (букв. 'медный наконечник?') (QBK 290-2), др.-уйг. *baqyr soqra jultuz* (TT VII 57) – ДТС 82. В современных языках встречаются названия, отражающие другие представления: каз. *šaɣyrma žulduz* (букв. 'вызывающая звезда') 'морозная звезда' – название Марса в зимнюю стужу: *šaɣyrma žulduz – šart ajaz* – кроваво-красный Марс сопровождает зимний трескучий мороз, в сознании людей он вызывал страх, название отражает сезонное – зимнее – видение планеты; ног. *Mariem juldyz* 'Звезда Марии' – от христиан, тур. *Sakıt* (ср. каз. *šaɣyrma*?), *Merih*.

«МЕРКУРИЙ»

Древним тюркам эта планета виделась как противоположность красного (огненного) Марса. Поэтому ее назвали «водяной звездой» – **suw julduz*: др.-уйг. *suw julduz* (TT VII 1-19). В других памятниках и языках данное название не отмечено. Название дано по холодному цвету планеты и образовано сочетанием названия воды с названием звезды – 'вода-звезда'.

Из других названий Меркурия следует отметить каз. *olpan*, *bolpan*. Имеются также аналитические образования названия Меркурия: каз. *kiši šolpan* 'Малая Венера' – основано на наблюдении, что она иногда появляется утром со стороны восхода Солнца и в сумерках со стороны заходящего Солнца за Венерой, которая ее затмевает, поэтому она «малая».

«САТУРН»

Название планеты также отражает особенности ее цвета. В отличие от других планет, древним тюркам она виделась как звезда цвета земли – **topyraq julduz*. Др.-уйг. *topraq julduz* (TT VII 1-58) букв. 'земля-звезда'. Каз. *qoŋyrqaj žulduz* 'коричневатая, бежевая звезда' семантически близко к предыдущему – по цвету земли.

«ЮПИТЕР»

В представлении древних тюрков Юпитер – 'Деревянная звезда' **jyɣač jyltyz* (букв. 'дерево звезда'). Название она получила по желтоватому цвету планеты. Др.-уйг. *jyɣač julduz* (TT VII 1-32) . Название образовано сочетанием названий дерева и звезды*.

Имеются также названия, данные по разным другим цветовым и нецветовым характеристикам: каз. *sary žuldyz* 'Желтая звезда' – по цвету, близкому к предыдущему, *šaban sary* 'Медлительная желтая' – по цвету и скорости движения. Каз. *esek qyrɣan* букв. 'уничтожившая ослов' возникло на основе мифа о том, что ночной сторож ночью, приняв ярко сиявший Юпитера за Венеру, разбудил путников, они пошли ночью, а не с рассветом, началась пурга и т.д., из-за чего у путников погибли ослы.

ЗВЕЗДЫ

«ЗВЕЗДА»

Древним тюркам звезда представлялась как некий сверкающий объект на небосводе. Первоначально, по-видимому, любой блестящий объект на темном фоне неба назывался пратюркской формой слова **jyltyz*. В различных фонетических вариантах это единое слово существует во всех тюркских языках, в древних и средневековых памятниках. Крх.-уйг.(ДТС 278): *julduz/jultuz*, др.-уйг. *jūltus* (TT VIII, L 33-a); др.-кыпч. *jalduz* (Houts., Zaj. Bulġ.); ср.-кыпч.(ком.) *julduz*; турк.диал., халадж. *julduz*, турк., тур., гаг., кар.К. *jyldyz*, тур.диал. *jylduz*, аз.диал. *jyldys*, турк.диал. *yldyz, ulduz*; Erg. *ylduz*; Doerf.Chor. *ildis, uldus, uldys*; хорас. *juldus, jylduz*; уз.диал., уйг.диал., уйг. *juldus, jolduz*; уз., уйг., Лобн. *julduz*, узб. *jyldyz*; уйг. *jultuz*, сал., алт., туба., бар., кюэр. *jyldys*; сюг., койб., кач. *jyltys*; тюм. *jyltyš;* сюг. *jiltys*; кар.Т.,Г., кум. *julduz*, ног. *juldyz*, кирг. *žyldyz*, каз., ккалп. *žulduz*; казан.тат. *jöldöz, jöndöz*; башк. *jondoz*, кар.Г. *juldus, jolduz*, тат. *juldyz*, алт. *juldus*, алт., тув.диал. *d'yldys*, хак., саг., шор. *čyltys*, тув. *syldys*, тоф. *syltys*, як. *sulus*, сюг., койб., кач. *jyltys*; сюг. *jultys*, як. *sulus*, сал., уйг.диал., тар. *jultuz* (P III 558); чув. *s'ălţăr*.

Слово *julduz* в тюркских языках многозначно. Помимо значения 'звезда' слово развило и много других значений: 'планета', а также 'всякие мелкие по сравнению с Солнцем и Луной блестящие небесные тела', в том числе и

* По-видимому, все такие названия планет отражают связь с набором из 5 стихий-элементов, в основе китайским. – *Прим. ред.*

'комета', 'метеор', при назывании которых к слову прибавляется приименное определение по видимому свойству тела. Каз. *žuldyzdajyn* (*žuldyzša*) *aqty* 'пронесся как метеор'.

Звезда у древних тюрков обожествлялась наряду с солнцем и луной. Она как высшее существо могла благоприятствовать каким-либо действиям или противодействовать. Кирг. *žyldyzym oŋ* 'мне повезет', *žyldyzy artyq* 'счастливый, удачливый человек', каз. *žuldyzy oŋynan tuwdy* 'ему здорово повезло' – в подобных словосочетаниях звезда благоприятствует. Кирг. *žyldyzya qaršy kün* 'день, противопоказанный звездой', *žyldyzy qaršy* 'они во вражде', каз. *žuldyzym qarsy* 'я с ним не совместим, во вражде' – т.е. звезда противодействует, не позволяет сближаться. Каз. *žaryq žuldyz* 'выдающийся человек', *žuldyzy aspandady, žuldyzy žandy* 'его достоинство повысилось, ему повезло'; *žuldyzy žarasty* 'они подошли друг другу, достойны друг друга'.

Слово еще в древности приобрело значение 'месяц': каз. *žuldyzdyŋ on besi kuni* 'пятнадцатого числа месяца'.

**jyltyz* производное от образоподражательного слова (см. ЭСТЯ 1989, 279) *jylt-jylt*, которое обозначает блеск низкой степени и противопоставляется *jalt-jalt*, обозначающему блеск высокой степени – яркое сверкание. *Jalt-jult* обозначает чередующиеся крупное сверкание и мелкий блеск. Таким образом, значения находятся в зависимости от характера гласного, т.е. степень яркости сверкания передается уровнем открытости гласных. *Jult* тоже в варианте с губным гласным *jultuz/julduz* обозначает низкую степень блеска, поскольку оно имеет узкий гласный. Здесь наблюдается первоначальное противопоставление звезд по блеску таким небесным телам, как солнце и луна, к которым не применимы *jylt* или *jult*. Суффикс *-yz*, который образует имя от подражательных слов, также имеет соответствие – вариант *-yr*. В названии звезды закрепился (кроме чувашского) зетацизм: *jyltyz* 'звезда', а ротацизм закрепился в чувашском как за именем, так и за прилагательным – *jyltyr* 'блестящий'.

Наиболее известными среди звезд являются Полярная звезда и Сириус – первая обращает на себя внимание неподвижным характером, положением на северной стороне небосвода, вторая – наибольшей яркостью среди всех звезд (но некоторые планеты, например Венера, ярче Сириуса). Это – одно из подтверждений того, что древние тюрки различали звезды и планеты.

«ПОЛЯРНАЯ ЗВЕЗДА»

Главной чертой Полярной звезды древние тюрки считали ее неподвижность на северной стороне неба для земного наблюдателя по отношению ко всем другим небесным светилам. В быту древних тюрков кол – неотъемлемая часть его жизни, он неподвижен, вокруг него на привязи ходит скот – лошади, верблюды, овцы и т.д. Этим объясняется и участие в названии Полярной звезды главного элемента – *qazyq* 'кол', что основано на особенности Полярной звезды как неподвижной, вокруг которой вращаются другие звезды. Кол может быть сделан из разных материалов, первичным сле-

дует считать дерево. Однако название дерева при наименовании этой звезды не употребляется, вместо него употребляются названия более крепких материалов. Таким образом, вторым элементом в наименовании этой звезды выступают названия металлов, главным образом – два, из которых сделан кол: *temir* 'железо', *altyn* 'золото'; что свидетельствует: эти названия появились после освоения тюрками указанных металлов. Первичным, по-видимому, следует считать *temir*.

1. Пратюркская форма названия Полярной звезды – **temir qazyq* 'железный кол' (букв. 'железо кол'). Наиболее древняя форма с глухим начальным согласным сохранилась в др.-тюрк. памятниках и северо-западной группе языков. В некоторых памятниках встречается огубленное написание гласных как первого, так и второго компонента: ср.-огуз. *temirqazyq* (IbnM 71), ср.-кыпч. *temirqazuq* (Ettuh, El-Idr. 46); турк. *demir ġazyq*, тур. *demirkazuk*, *demirkazyk*, *demir kakazyk* (разг.); ккалп., ног., каз., кирг. *temir qazyq*, тат. *qazyq joldyz* – отсутствует первый элемент – название предмета, из которого делается кол; чув. *timĕr s'alča* (не тюркское) 'железный кол'.

В дальнейшем в семантической структуре этого названия в ряде языков появилось другое значение – 'север' (туркм., кбалк., кум.), по месту расположения звезды в небесном пространстве – на противоположной югу стороне света – севере. Во втором названии Полярной звезды *altyn qazyq* подобное значение не развилось, что свидетельствует, по-видимому, об относительной древности первого названия.

2. Второе название Полярной звезды **altun qazyq* образовано сочетанием слов, обозначающих золото, – *altyn* и кол – *qazyq* ('золотой кол', букв. 'золото-кол'). Оно также возникло на базе названия металлического кола – дорогого. Это название в тюркских языках менее распространено, возможно, первоначально возникло в поэтической речи. Оно зафиксировано в северо-восточном ареале и в некоторых др.-тюрк. памятниках: каз.диал., кирг., алт. *altyn qazyq*, ср.-уйг. *altun qazuq* (ЛОК 7-5; ДТС 40); узб. лит. с соответствующим огублением первого гласного – *oltin qoziq*.

Другие разнообразные аналитические образования наименования этой звезды в пратюркских диалектах и современных языках показывают разные ее характерные черты, на которые обращали особое внимание древние тюрки: каз.диал. *žalγyzqazyq* букв. 'одинокий кол'. Возможно, др.-уйг. (ДТС 562) *tirgäk jultuz* (TT VII, прим. 2-16) букв. 'Опорная звезда' также было названием Полярной звезды, по своей семантике оно близко к *temir qazyq*, так как именно кол является опорой для веревки, которою привязывают скот и т.д. С этой семантикой тесно связано также тур.диал. *demirdirek*, где *direk* – 'столб, опора, подпорка'. Из других названий следует отметить: як. *xotugu sulus* 'Северная звезда'; чув. *s'urs'ĕr s'ältärĕ* 'Полночная звезда'; тув. *šolban* (см. Венера) – так называют любую яркую звезду, в том числе и Полярную звезду и т.д. Тоф. *dēri özē* букв. 'центр неба' по семантике близко к общему названию.

«СИРИУС» (α Большого Пса)

Древние тюрки видели Сириус как самую яркую звезду на небе. Поэтому неудивительно, что название жеребца как наиболее яркого представителя домашнего скота перенесено на самую яркую звезду на небосводе. Известно важное значение лошади в жизни тюрок и почитание жеребца у древних тюркских народов (о семантике и формах слова *ajγyr* см. ЭСТЯ 1974, 107–108, где отмечено и такое значение – 'отличающийся большой величиной, крепостью, силой, властью' – як.).

1. Пратюрки назвали Сириус **аδγyr*, букв. 'жеребец', что сохранилось в древнетюркских памятниках. Крх.-уйг.: *jarudy jyldryq (jyldyz) aδγyr (jyldyz) bilä* (QBN 406-8) 'Заблистал Процион вместе с Сириусом'; *jetikän kötürdi jana baš örü / töŋitti jana jyldryq aδγyr naru* (QBN 445-4) 'Опять подняла вверх ковш (букв. голову) Большая Медведица и снова упал Процион по ту сторону Сириуса'.

В связи с распространением ислама в ряде языков употребительно позднее заимствование *Sümbile* (< ар.), на базе которого образуются новые составные названия: каз. *ülken sümbile* 'Большой сумбиле'/ *teke sümbile* 'Козел сумбиле'/ *aq sümbile* 'Белый сумбиле', которые противопоставляются названиям Проциона как менее яркой звезды: каз. *kiši sümbile* 'Малый сумбиле' или *ylaq sümbile* 'Козленок сумбиле'/ *sary sümbile* 'Желтый сумбиле'. *Sümbile* также носит название одного из месяцев календаря: кирг. *sumbula*, каз. *sümbile* – с 22 августа по 21 сентября. Оно было заменено на русское название, затем вернули одно из старых названий *qyrqüjek* – соответствует европейскому сентябрю, когда Сириус находится в зените. *Sümbile tuwsa, suw suwujdy* 'Когда наступает сентябрь (когда восходит Сириус), вода остывает'.

СОЗВЕЗДИЯ

Древние тюрки хорошо видели многие созвездия, названия которых ныне во многих тюркских языках забыты или заменены европейскими. У тюрков группировка звезд в созвездия не всегда совпадает с существующими европейскими представлениями о созвездиях, получаемых нынешним поколением людей из учебников по астрономии. Тюркские названия группировок звезд сохранены лишь в некоторых языках. К ним относится, в частности, казахский, в котором они частично сохранены.

Зодиакальные созвездия, расположенные на годовой орбите Солнца, были объектом постоянных наблюдений тюркских народов. Названия некоторых из них в тюркских языках по семантике совпадают с современными международными названиями, что, по-видимому, свидетельствует о древнейших связях тюркской и индоевропейской культур.

Некоторые сохранившиеся тюркские названия созвездий пока не идентифицированы с определенными созвездиями или группами звезд. Например, каз. *sattary segiz* ('Саттаровская восьмерка?') – народное название группы звезд, место которой еще не определено астрономами.

«БЛИЗНЕЦЫ»

Древние тюрки представляли это созвездие как часть юрты.

**bosaγa* букв. 'косяки двери, порог' – перенос названия детали юрты на созвездие, которое условно можно считать соответствующим созвездию Близнецов. Созвездие, называемое тюрками *bosaγa*, значительно отличается от созвездия Близнецов в представлении европейцев. Каз. *bosaγa* – созвездие, объединяющее две звезды, которые в европейской астрономии относятся к созвездию Близнецов: α (Кастор), β (Поллукс), и две звезды, относимые европейцами к созвездию Возничего: α (Капелла) и β. Подобные несоответствия картины неба у тюрков и индоевропейцев нередки. Звезды между *Bosaγa* и Большой Медведицей казахи называют *Qyrq qaraqšy* 'сорок разбойников'. Этимологию *bosaγa* см. ЭСТЯ 1978, 197.

«ВЕСЫ»

1. **taraza* 'весы': др.-уйг. *tarazuk* (Uig II 77-25), *tirasuk/tirazuk* (ДТС 561); кирг. *taraza*, каз. *tarazy*. Типологически это название соответствует индоевропейским представлениям.Тюрки также перенесли название бытового предмета на созвездие. Слово заимствовано из иранских языков.

2. Особый интерес представляет охотничье видение этого созвездия у кыргызов: кирг. *üč arqar* 'три архара (горных барана – муфлона)' (см. «ОРИОН»). Возможно, это наиболее древнее тюркское название данного созвездия, которое виделось древним тюркам как три крупных муфлона.

«ВОДОЛЕЙ»

Это созвездие виделось древним тюркам как предмет домашнего обихода – кожаный мешок-бурдюк, которым достают воду из колодца. Здесь видно некоторое семантическое сходство с европейским представлением о Водолее – наличие воды, которую выливают, хотя различие очевидно. У тюрков это инструмент, средство извлечения или хранения воды, у европейцев – субъект, который выливает воду (неизвестно, куда и зачем).

Пратюркское название Водолея – **könek* 'кожаный мешок, бурдюк': крх.-уйг. *könäk*, каз. *könek*, кирг. *könök*. Основное первичное его значение (МК I 392) – 'кожаный сосуд, ведро, бурдюк', которым доставали воду из колодца, впоследствии, еще в древности, название перенесено на созвездие Водолея (QBH 16-11). Слово производно-уменьшительное от *kön* 'кожа, шкура' посредством аффикса *-ek*.

«КАССИОПЕЯ»

Это созвездие древним тюркам представлялось в разных образах. Одно из его названий **jyltyryq*. Ср. крх.-уйг. *jyldryq/jyltryq* (QBN 445-4), букв. 'Блестящие звезды'. Слово образовано от подражательного слова *jylt* посредством аффиксов *-yr+yq*. Произошел перенос названия звезды на созвездие (см. «ЗВЕЗДА»).

Другие названия Кассиопеи отражают внешний вид скопления звезд. Одним оно виделось как каз. *aqsaq kempir* 'хромая старуха'; другим как разновидности паукообразных: каз. *qaraqurt* 'тарантул', *örmekši žuldyzy* 'Звезда паука' – по внешнему сходству.

«ЛЕВ»

Это созвездие древним тюркам, как и европейцам, виделось в образе льва: **arslan* 'лев': АФ, каз.,кирг. *arystan*. Будагов I 27 *arstan* со ссылкой на казахский. Хотя слово имеется во всех современных и древних тюркских языках, в значении названия созвездия зафиксировано лишь в некоторых языках. Название животного перенесено на созвездие. Слово подражательного происхождения. Об этимологии см. ЭСТЯ 1974, 177.

В казахском языке названия отдельных звезд в созвездии Льва имеют специфические образы: *qambar žuldyzy* – значение 'Звезда Камбара', *qambardyŋ eki murty* 'Два уса Камбара', *qambardyŋ awzy* 'Рот Камбара', *qambardyŋ qujryy* 'Хвост Камбара', *qambardyŋ öti* 'Желчь Камбара'. Из этого можно заключить, что данное созвездие имело также название *qambar* 'Дух, оберегающий лошадей'. Ср. эпос разных тюркских народов, где главный герой *Qambar batyr* – Камбар-батыр.

«БОЛЬШАЯ МЕДВЕДИЦА»

Созвездие Большая Медведица древним тюркам представлялось как целый комплекс звезд.

1. **jetegen* обычно связывают с числительным *jeti/žeti* 'семь' – по замеченному древними тюрками количеству наиболее ярких звезд в созвездии.

Крх.-уйг. (МК III 247; QBH 177-28), др.-уйг. (TT VII 40–79) *jetigän*, др.-уйг., крх.-уйг. *jätägän, jätigän, jädigän* (P III 371), ДТС 259 *jetikän, jätigän*, El-Idr. *jetegen*, АН *jätäkän* (Räs. VEWT 199); турк. *jetigen*, тур. *jedigir*; ног. *jetegen*, башк. *jetegän (jondoz)*, каз.диал. (Семиречье) *žetigen*, тат. *ǯidegän*.

Вполне возможно, что *jetegen* образовано как причастие посредством аффикса *-gen* от глагола *jet-/jete-* 'вести на поводу, водить' – т.е. созвездие воспринимается тюрками как звезды, ведомые на поводу, привязанные к колу. Это – скотоводческое представление. В таком случае в названии **jetegen* воплощено более древнее представление, чем в других его сложных названиях, появившихся позже.

В некоторых языках существуют наряду с указанным другие – сложные – образования мифологического происхождения, где присутствует числительное «семь»: алт. *jeti qän* (имеет фонетическое сходство с *jetiken*) 'семь князей', тур. *jedi kardeš* 'семь братьев', *jedi jar* 'семеро друзей'; узб. *jetti oɣajni (qaroqči)* 'семь братьев (разбойников)'; кирг. *ǯeti arqar* 'семь архаров'; каз. *žeti qaraqšy* (букв. 'семь разбойников', считается, что они желают украсть двух прекрасных коней – две яркие звезды из созвездия Малая Медведица). Словосочетание типа каз. *žeti qaraqšynyŋ baqyrašy* на западе

Казахстана представляет собой весьма позднее калькирование с русского «ковш Большой Медведицы».

Тюрки имеют специальные названия и для отдельных звезд (групп звезд) Большой Медведицы: ср. каз. *žigit, qyran qaraqšy* – одна из угловых звезд этого созвездия (забыто, какая именно звезда носит это название); название *qaraqšylardyŋ bastawšylary* 'главари разбойников' носят четыре звезды, так называемый «ковш»; *qaraqšylardyŋ qostawšylary* 'соучастники разбойников', *žeti qaraqšynyŋ qujryγy* (здесь семь разбойников воспринимаются как единое существо, имеющее хвост) – последние два выражения обозначают остальные три звезды – 'хвост Большой Медведицы', или «ручка ковша».

ТМ **pegulen* 'Большая Медведица' сравнивается с тюрк. *ülkär* 'Плеяды'. Соответствие Тю *-r/-z* ~ ТМ *-n* встречается довольно часто (СИГТЯ 1997, 724).

«МАЛАЯ МЕДВЕДИЦА»

Тюрки это созвездие, видимо, не представляют как единое звездное образование, поэтому оно не имеет отдельного общего названия. Пожалуй, лишь в киргизском языке фиксируется его общее название: *alty arqar* 'шесть архаров'. Но отдельные звезды и группы звезд имеют свои названия. Кбалк. *sarajγalla* включает: *temirqazyq* 'Полярная звезда' ('железный кол'), *saryajγyr* 'золотистый жеребец', *toryajγyr* 'гнедой жеребец'; каз. *temirqazyq* 'Полярная звезда', *arqan* 'аркан', *aqbozat* 'белый конь', *kökbozat* 'сивый конь' (Полярная звезда – железный кол, к которому привязаны жеребцы посредством аркана); алт. *üč myjγaq* 'три марала'. Каз. *arqan žuldyzy* группа из трех звезд – «аркан», связывающий Полярную звезду с другими звездами Малой Медведицы. Об *arqan* см. у Севортяна – ЭСТЯ 1974, 175.

«МЛЕЧНЫЙ ПУТЬ»

Он видится древним тюркам как некая дорога, тропа, по которым двигаются живые существа: как правило, животные и птицы. По представлениям тюрков, эти скопления звезд служат ориентиром при весеннем и осеннем перелете журавлей, лебедей, гусей и других перелетных птиц: **quš jolu* 'дорога птиц': каз., ккалп. *qus žoly, qustyŋ žolu*; башк. *qoš july*; кирг. *quš ǰolu* (в кирг. существуют три разного происхождения названия, показывающие контакты тюркских языков в его регионе – см. ниже); чув. *Kajăk s'ulă* 'путь уток'.

Это название образуется аналитическим способом, где главным элементом выступает слово *jol*, первоначально обозначавшее полосу, где содрана, съедена, вытоптана трава, затем оно приобрело значения: 'дорога, путь, полоса, линия' и т.д. (ср. синкретичный глагол *jul-* 'рвать, выдирать'). В качестве второго элемента словосочетания используется общетюркское название птицы – *quš* 'птица'. Это более древнее наименование Млечного Пути, отражающее времена охоты, – первичное, возможно, общетюркское название. Это дорога в верхнем видимом мире, небесная дорога, по которой движутся птицы.

В дальнейшем в качестве второго элемента, присоединяемого к *jol*, используются и конкретные названия птиц. Тат. *kijek qaz july*, чув. *xurkajăk s'ulă* 'путь диких гусей'; каз. *tyrna žoly* 'путь журавлей'.

Названия земных животных также, сочетаясь с *jol*, образуют имя этого созвездия, отражая скотоводческое хозяйство; основным видом скота при этом выступают овцы и верблюды: кбалк. *qoj žol*, кирг. *qoj žolu* 'дорога овец'. Почитание верблюда – у туркмен: *aq majanyŋ joly* 'путь белой верблюдицы'.

С сельским хозяйством связано название вспаханной борозды: **saman jolu*, образованное аналитически сочетанием слово *jol* с названием плуга *saman*, букв. 'борозда, полоса, путь плуга': тур., гаг. *saman jolu*; каз.диал. *saban žoly*; узб. *somon joli*, уйг. *saman joli*. Это название появилось позже по сравнению с «птичьим» названием и отражает занятие тюрков земледелием, представляет собой, по-видимому, архетип юго-западного ареала и прилегающих северо-западных языков, носители которых занимались земледелием.

Производное от *saman* со значением субъекта *samančy* также участвует в образовании данного названия в среднеазиатском ареале: кирг. *samančy žol* 'путь, полоса пахаря'; уйг. *samančynyŋ joly*, каз. *sabanšynyŋ žoly* – казахский язык в этом названии сохранил древнюю форму слова *saban*. На основе семантики 'путь, дорога' образовано также алт. *qardyŋjolu* 'путь снега', где вторым компонентом словосочетания выступает название природного явления.

На базе другого значения омонима *saman* 'солома' в сочетании с другим словом также возникло название Млечного Пути – тур. *samanogrusu, samanugrusu* 'вор соломы', вор соломы оставляет след в виде рассыпанной соломы.

Имеются и другие названия Млечного Пути, большинство которых образовано на основе наименований небесных явлений. Это характерно для северо-восточного ареала: як. *xallān sīge* 'небесный шов'; тув. *dēr tī* 'небесный шов', *syldys orū* 'дорога звезды'.

Аз. *aγjol* 'белый путь', семантически близкое к алтайскому, и другое название *süd jolu* 'путь молока' – по-видимому, кальки с русского, а третье *kähkäžan* – перс.; тур. *hacylar jolu* 'путь хаджей' – послеисламское образование, уподобляющее Млечный Путь пути паломников в Мекку.

Названия Млечного Пути в тюркских языках отражают разнообразное видение древними тюрками этого явления в зависимости от их занятий и представляют собой хронологически разновременные образования.

«ОВЕН»

У древних тюрков это созвездие видится примерно так же, как у индоевропейцев. Различие заключается лишь в том, что у тюрков это животное молодое – **qozu* 'ягненок', а у европейцев – взрослое животное. Само слово *qozu* имеется во всех древних и современных тюркских языках. Однако в значении созвездия оно встречается лишь в некоторых языках: каз., крх.-

уйг. *qozy*; *Qozy jazqy julduz baša ud kelir* (QBH 16-9) 'Овен – весеннее созвездие, затем следует Телец'.

Таким образом, это – 'Созвездие ягненка'. Название животного перенесено на созвездие. По-видимому, основы *qoz/qoy/qoš,* имеющие близкие значения 'ягненок, овца, баран', одного корня.

Другие названия, связанные с этим созвездием, относятся к его частям: каз. *qos žuldyz* – *α* и *β* – наиболее яркие звезды в созвездии Овна. Они близко расположены к созвездию Плеяд, поэтому их иногда причисляют к нему и называют *ürkerdiŋ qos žuldyzy* 'парные звезды Плеяд' или *ürkerdiŋ bosaɣasy* 'косяк Плеяд'. Луна при своем движении сначала пересекает *qos žuldyz*, затем – Плеяды, поэтому эту парную звезду еще называют *ürkerdiŋ oɣy* 'Стрела Плеяд'.

«ОРИОН»

Тюрки хорошо знали это созвездие и в древние времена. Семантика его названия связана с предметами, имеющими три точки, подчеркивающими наличие трех крупных звезд, видимых на территории, заселенной тюрками: три крупных животных (архаров), далее – охотники, весы, коромысло и т.д.

Тюрки первоначально связывали звезды созвездия с объектами охоты. **üč arqar* (букв. 'три архара') 'Орион'; каз. *üš arqar* 'Пояс Ориона'. Другие названия созвездия отражают более поздние представления, связанные с оседлым образом жизни: каз. *tarazy* (см. «ВЕСЫ» – *ülken tarazy* 'Большие весы', *put tarazy* 'Пудовые весы', *musulman tarazy* 'Мусульманские весы'; как видим, казахские названия этого созвездия аналогичны названию созвездия Весы, с той лишь разницей, что содержат определения); чув. *kĕvente s'ältăr* 'коромысло звезды'.

В названии Меч Ориона также отражаются охотничьи взгляды и торговые термины: каз. *üš mergen* 'три стрелка-охотника', *kiši tarazy* 'маленькие весы', *qoltarazy* 'ручные весы', *šajtan tarazy* 'чертовы весы'. В последних «уменьшительных и уничижительных» названиях налицо противопоставление «большим» весам.

Большая туманность Ориона представляется как дым: каз. *tütin* 'дым', *myltyqtyŋ tütini* 'дым ружья'.

Звездные группы – Пояс Ориона, а также Большая туманность Ориона в созвездии Орион в казахском также представляются как детали стреножника – *šider žuldyzy* букв. 'звезды стреножья'.

«ПЛЕЯДЫ»

**ürker*. Плеяды видны в Центральной Азии с середины июля до конца мая и не видны с конца мая до середины июля, когда Солнце находится на фоне Плеяд. В это время говорят: каз. *ürker žerge tüsti* 'Плеяды опустились под землю'.

Слово *ürker* отражает древнее скотоводческое представление об этом созвездии. Оно образовано от подражательного глагола *ürk/ülk-* 'скучивать-

ся от испуга, в страхе бежать', посредством аффикса *-er*, образующего причастие. Глагол применяется обычно в отношении стада, группы скота – надо представить себе наблюдение звездного неба с точки зрения скотовода-чабана, для которого Плеяды ассоциируются со скучившимися от страха стадными животными. Предлагавшиеся этимологии, базирующиеся на чисто лингвистических догадках, но оторванные от жизненных представлений тюрков, сомнительны (см. ЭСТЯ 1974, 631).

Это название распространено в большинстве древних и современных тюркских языков. Крх.-уйг. *ülkär* (МК I 95; QBK 290-3); др.-уйг. *ülkär jultuz* (TT VIII, прим. 2-16), чаг. *ülgür*; тур.диал. *ürker*, *ülger*, турк., тур. *ülker*, аз. *ülkär*, *ürgä*, турк.диал. *hürkör*; каз., ккалп. *ürker*, кирг. *ürkör*, каз. *hürkör*, башк. *ülkär*, тат. *ölkär*; Лобн. *ürkäj*, *ükäj*; алт., хак., шор., леб., саг., койб. *ülger*, бар. *ülgör*, як. *ürgel* (< *ülger* – метатеза), карагас. *ürher*, тув. *üger*; чув. *ilgir*. «Корневой *-л-* скорее вторичный, образовавшийся в результате дистантной диссимиляции в комплексе согласных *...рк...р* >*...лк...р*» (ЭСТЯ 1974, 631).

Во всех языках сохраняется древнее значение этого слова 'созвездие Плеяды'. В дальнейшем в ряде языков происходит перенесение этого названия и на некоторые другие небесные светила по сходству как созвездий, так и отдельных звезд: як., тув. созвездия 'Большая Медведица' и 'Малая Медведица'; тур.диал. 'Аврора'; чув. 'Орион'. В некоторых диалектах тюркских языков слово стало употребляться для обозначения общего названия 'звезды': турк.диал., тур.диал., уйг.диал. Кашг. В дальнейшем развитии значения слово стало обозначать 'группа'; это значение зафиксировано в словосочетании крх.-уйг. *ülkär čärik* (МК I 95) 'группа войск' (что ошибочно переведено в ДТС 625 как 'военная хитрость'). В хакасском *xoj čyltys* 'Плеяды' также подчеркивается сгруппированность звезд.

Другое название Плеяд представляет собой словосочетание, характеризующее количество звезд в нем. Оно отмечено в др.-тюрк. памятниках: др.-уйг. *Alty julduz* 'Плеяды' ~ 'Стожары' (TT VII 3-1).

«СКОРПИОН»

В тюркском названии созвездия можно видеть типологическое соответствие европейскому.

**čajan* 'скорпион'. Крх.-уйг. *čadan: toɣardyn čadan qopmyš* (QBK 290-3) 'с востока поднялось (созвездие) Скорпиона'; ср.-уйг. *čadan* (Rabg.127, 3); чаг., тур. *čajan*; каз., ккалп. *šajan*, кирг. *čajan*.

Основное значение жалящего насекомого скорпиона перенесено на созвездие. *Čajan* в ряде языков имеет и другие значения пресмыкающихся или насекомых, способных жалить: 'змея, рак, оса' и т.д. Хотя слово имеется во многих языках, не во всех из них присутствует «звездное» значение. Слово произведено от глагола *čaɣ-* 'жалить, кусать' посредством аффикса *-(ɣ)an*.

«ТЕЛЕЦ, или СОЗВЕЗДИЕ ВОЛА»

Название этого созвездия у тюрков также имеет типологически семантическое сходство с европейским названием, только здесь у тюрков – название взрослого животного (ср.: в названии Овна – наоборот). **ud* 'Созвездие вола'. Это слово имеется в древнетюркских памятниках, а также в некоторых северо-западных языках восточного ареала.

Крх.-уйг. *ud*: *qozy jazqy julduz baša ud kelir* (QBH 16-9) 'Овен – весеннее созвездие, затем следует Телец'; Pav.C., чаг. (Буд. I 162), кирг., алт. *uj*. Подробнее см. ЭСТЯ 1974, 573; Räs.VEWT 509.

Основное значение слова *ud/uj* – взрослое копытное жвачное домашнее животное – 'корова, вол, бык'. Это название перенесено древними тюрками на созвездие по внешнему сходству. Это отражение скотоводческого названия созвездия. Из всех названий коровы (*uj, syjyr, inek*) только это слово, представляющее архетип северо-восточных языков, приобрело значение названия созвездия.

ДРУГИЕ НЕБЕСНЫЕ ТЕЛА И ЯВЛЕНИЯ

«ГОРИЗОНТ»

Представление о горизонте как о кажущейся границе неба и земной или водной поверхности у тюрков, надо полагать, появилось поздно, о чем свидетельствуют, с одной стороны, – существование разных названий по языкам и их описательный характер, с другой – заимствование слов из окружающих языков.

1. Тур. *čevren* образовано от глагола *čevir-* 'вращать, крутить', древние тюрки обращали внимание на то, что горизонт меняет свои границы по мере движения путника.

2. Описательный способ отражает разные представления и видения горизонта разными тюркскими народами: тат. *kük jüze* букв. 'лицо неба'; узб. *osmon etagi* букв. 'подол неба'; каз. *kök žijek* (< *kök žijegi* 'кайма, край неба') в современном языке букв. 'синяя, голубая кайма'.

Основное значение слова *žijek/žijäk/jijäk/zijäk/ceek* и т.д, послужившего основой для большинства языков, – 'кайма, кромка, бордюр, край, гряда'; 'тесьма, веревка, служащая для окантовки, нашивки' и т.д. (ЭСТЯ 1989, 27). По-видимому, семантическое развитие слова происходило примерно так: 'веревка, тесьма' > 'веревка для окантовки' > 'кайма, сделанная из веревки' (значение веревки в быту скотоводов велико) > 'кайма, край, бордюр', 'орнамент, узор' и т.д. Крх.-тюрк. *jig/ ig* 'веретено' (МК I 48; III 144 – ДТС 260). В дальнейшем *jik/žik* > *jijek/ žijek*.

Языки, носители которых исповедовали ислам, заимствовали арабское слово *ufuk*.

Во многие современные языки через русский язык вошло европейское слово: кирг., кбалк., кум., тув., алт., чув. *gorizont*.

«КОМЕТА»

Для древних тюрков комета – это звезда, но с удлинением, напоминающим хвост.

**qujruqluγ julduz* букв. ‘звезда с хвостом (хвостатая звезда)’. Это название кометы – основное, оно образовано аналитически сочетанием прилагательного со значением ‘имеющий хвост’ и существительного со значением ‘звезда’. Оно характерно как для древнетюркских, так и для современных языков.

Др.-уйг. *qudruqluγ julduz* (Suv 434-17); тур., гаг. *kujruklu jyldyz*, аз. *ġujruġlu ulduz*; кум. *qujruqlu julduz*, каз. *qujruqtu žuldyz*, кирг. *qujruqtū ǯyldyz*, тат. *qojryqly joldyz*, башк. *qojroqlo jondoz*; уйг. *qujruqluq joltuz*; алт. *kujruktu čolmon*, тув. *kuduruktug syldys*, як. *kuturuktāx sulus*; чув. *xürelle s'ălţăr*.

Другие названия кометы, также будучи образованными сочетанием названия звезды с прилагательными, характеризуют своеобразие видения кометы у разных тюркских народов: каз. *sabaqty žulduz* ‘звезда с веревкой’ (наподобие иголки с ниткой), *ajdarly žulduz* ‘звезда с короной’; кбалк. *učxan ǯulduz* ‘летающая звезда’ (в узбекском *učar julduz* имеет другое значение – ‘метеор’); каз. *surqyja žulduz* ‘отвратительная звезда’ – название основано на поверье, что появление кометы приносит неприятности, несчастье.

«МЕТЕОР»

Представляется древним и современным тюркам как звезда, которая быстро «протекает» по небу. В этом отношении он отличается от кометы, которая как бы неподвижна при наблюдении. Основное название метеора образуется сочетанием названия звезды и формы глагола *aq-* ‘течь’: **aqma jyltyz* букв. ‘текущая, плывущая звезда’. Все названия метеора образованы сочетанием слов.

Кирг. *aqma ǯyldyz*; каз. *aqpa žulduz/aqqan žulduz* букв. ‘текущая, скользящая звезда’. При описании действий метеора он просто называется *žulduz* ‘звезда’: каз. *žulduz žawdy* ‘падали метеоры’ (букв. ‘падали звезды’) – употребляется глагол, характеризующий действие атмосферных осадков *žaw-*; *žulduz žerge tüsti* ‘на землю упал метеор’ (букв. ‘звезда упала на землю’).

Другие редкие названия метеора основаны на разных представлениях: як. *syndǯs sulus* ‘балка, падающая звезда’; тур. *göktaš* ‘небесный камень’.

В некоторых языках представления о комете и метеоре близки. По-видимому, пратюрки не всегда различали комету и метеор. Показательным в этом отношении являются кбалк. *učxan žulduz*, обозначающее как метеор, так и комету, узб. *učar julduz* ‘метеор’. Подобное различение двух небесных явлений пришло в языки, по-видимому, после распада пратюркской и региональной общности.

В названиях небесных светил широко использованы слова-цветообозначения, термины охоты, животноводства, хозяйственная лексика.

КЛИМАТ[77]

Пратюрки в повседневной жизни в течение года соприкасались со всеми природными атмосферными явлениями, характерными для континентального климата. Они вели постоянное наблюдение за состоянием погоды и отмечали ее характерные особенности каждый сезон, месяц, каждые сутки и по частям суток.

Многозначность первичных наименований у носителей древних тюркских языков – распространенное явление, характерное и для данной группы базисных слов (например, обозначение одним словом: туман – мгла – марево – мираж и т.д.). Исследование истории многозначных слов и синонимических групп и в названиях природных явлений выявляет закономерности развития семантики базисных слов, а также способы и ареалы возникновения новых наименований.

АТМОСФЕРНЫЕ ЯВЛЕНИЯ

«МИРАЖ»

В местах проживания тюрков и в древности, и в современности мираж в степи является довольно распространенным явлением. Это природное явление обозначается фактически единым словом в тюркских памятниках и современных языках.

**saqym*

Ср.-уйг. *salγum* (Бор.ЛТ 261), ср.-кыпч. *salγym* (Houts. 75 – At-tuhfa 231); турк. *sâlγym*, кум. *saγyn*, башк. *saγäm*, *haγän*, ног. *saγyn*, ккалп., каз. *saγym*; кирг. *saqym*, *zaqym*.В некоторых памятниках и живых языках и диалектах эта форма встречается в составе определенного словосочетания: ст.-осм. *salγym* (в составе *ylγym salγym*, *alγym salγym* 'мираж' – TS III 1940–1941), *salqym* (в составе *ylqym salqym* 'мираж' – TS III 1940–1941), *salqum* (в составе *ylqum salqum* 'мираж' – TS III 1940–1941); тур. *salγym* (в составе *ylγym salγym* 'мираж, марево'), тур.диал. *salγym* (в составе *ylγym salγym* 'неясный, смутный' – DS VII 2468), *salγyn* (в составе *ylγyn salγyn* 'неясный, смутный' – там же), *salqym* (в составе *ylqym salqym* – там же). Ср. аз., аз.диал. *ilγym* 'мираж' (ДСАз. 234).

Главное значение – 'мираж, марево' – во всех источниках; другие значения, по-видимому, развились в некоторых языках из главного: 'легкое движение воздуха', 'струящийся воздух (в теплый, солнечный день)'.

Как считает Л.С.Левитская (СИГТЯ 1997, 22), *salγym*, возможно, вторичная форма, возникшая под влиянием первого члена парного слова: *ylγym *saγym* > *ylγym salγym*. Вторичность *salγym* 'мираж' признавал и Дж.Клосон (EDT 826b).

---

[77] В основе данного очерка лежит раздел «Метеорология» тома «Лексика» (СИГТЯ 1997, 13–49, автор – Л.С.Левитская).

Л.С.Левитская (там же) предполагает, что современные *saγym*, *saγyn*, а также др.-уйг. и крх.-уйг. *saqyγ* 'мираж, видение, призрак' образованы от *saqy-* 'казаться, представляться в воображении, мерещиться' (ДТС 486 – МК): *saqy-m* > *saqym* > *saγym//salqym* > *salγym*.

Другие названия миража возникли в некоторых языках самостоятельно.

«МОЛНИЯ, СВЕРКАТЬ»

Удивительным можно считать отсутствие для обозначения этого явления единого названия в большинстве тюркских языков.

1. Пожалуй, самым древним, восходящим к пратюркскому, можно считать односложную синкретичную основу **jaš* 'молния', **jaš-* 'сверкать (о молнии)', сохранившуюся в некоторых языках: кар.Г. *jaš*, шор. *čaš-* (Р III 1912). От этой основы образовано немало слов в разных тюркских языках: *jašyn*, *jašym*, *jašyq* (см. ЭСТЯ 1989, 149–150; VEWT 192a; EDT 977a, 979a).

2. Другая распространенная основа **jyldyr-* 'сверкать, блестеть', производное от образоподражательного слова: от нее посредством аффикса *-ym* образуется название молнии: кар.Т. *jyldyrym*, тур.диал. *jyldyrym* ~ *yldyrym* (см. ЭСТЯ 1989, 281).

«ЗАРНИЦА»

Общетюркское название зарницы не отмечено. Разные обозначения возникли в разных регионах и разных языках самостоятельно после распада пратюркских диалектов.

СОСТОЯНИЕ ПОГОДЫ

«ПОГОДА»

Общим названием погоды у древних тюрков являлось слово, одновременно имеющее значение 'солнце' – *kün*. Древние тюрки большое значение придавали солнцу как главному фактору сохранения и изменения погоды. В их представлении солнце определяло погоду. Об этом говорят следующие примеры: каз. *bügün kün žaqsy*, як. *bügün üčügej kün* 'сегодня хорошая погода'; тат. *jaγγyrly kön* 'дождливый день'; каз. *keše kün žaman boldu* 'вчера была плохая погода'; *kün žamanda qajda barasyŋ?* 'куда ты идешь в плохую погоду?' В подобных примерах *kün* не имеет семантики 'солнце', а представляет собой обозначение погоды в современном понимании.

Как и все названия погодных явлений, это слово многозначно и имеет также другие значения, связанные с погодой: *kün ašyq* 'ясная погода'; *kün bulut* 'пасмурная погода'. *Kün* может обозначать и атмосферные осадки: *erteŋ kün žawadu* 'завтра пойдет дождь'. Синонимы: *kün batty* ~ *keš batty* 'наступил вечер'. Не во всех тюркских языках сохранилось значение 'погода' у слова *kün*. Во многих исламизированных языках значение 'погода' выражается арабским заимствованием *hava*, в языках, испытавших русское влияние, – словом *погода*.

«ЯСНАЯ ПОГОДА»

Пратюрки имели специальные обозначния для ясной погоды – зимней и летней. И зимой, и летом ясная погода представляла собой экстремальные условия для жизни и быта людей. При такой погоде и зимой, и летом приходилось надевать толстый слой одежды, меховую шапку.

1. Зимняя ясная погода – холодная, жгучая. Понятие это обозначалось общетюркским словом **ajaz, *ajar.*

Крх.-уйг. *ajas* (ДТС 27 – МК); ср.-кыпч. (KW 41, At-tuhfa 145); тур., аз. *ajaz*; кар.К. *ajas*; кум., тат., башк., каз., кирг. *ajaz*; алт.диал. *ajyz* (Баск.Леб. 111); узб., уйг. *ajaz*; сюг., хак., тув. *ajas*; чув. *ujar.*

Общее значение – 'ясная погода' как в древних, так и в современных языках: крх.-уйг. (Diz. 54), ст.-кыпч. (At-tuhfa), кум., алт.диал. (вёдро), уйг., сюг., тув., чув. Вместе с тем следует отметить, что в этом слове во многих языках преобладает значение 'зимняя ясная погода': крх.-тюрк. (Diz. 54); тур., аз., кум.

Первичное значение, по-видимому, 'ясный, безоблачный', которое имеется в ср.-кыпч. (KW), кар.К., кум., тат., каз., башк., кирг., алт., хак., тув. В части языков преобладают значения: ясный и морозный – узб.; чистое, ясное – о небе – крх.-уйг. (ДТС 27 – МК); ясный, безоблачный, чистый – о зимнем небе – аз. В каз. его основное значение – 'мороз'. Вместе с тем следует отметить, что не все значения этого слова зафиксированы в словарях.

Э.В.Севортян (ЭСТЯ 1974, 102–103) считает, что *ajaz* – производное имя с афф. *-az* от корня **aǰ ~*aǰ- >*aj ~ *aj-*, который можно выделить при сопоставлении кирг. = каз. *ajyq-* 'стать ясным, проясниться' (Р I 218), кирг. = каз., кирг. *aiyq-* 'проясняться (о погоде)' (Р I 10), ккалп. *ajyq* 'прояснившийся (о погоде)'. Сюда же, вероятно, относятся: башк.диал. *ajat-* 'проясняться (о погоде)' (Бhh II 20), тат.диал. *ajăq* 'ясно' (Тум. СДСТ 19).

Упомянем другое название зимней ясной погоды – мороза, которое представлено в тат.диал. *qaɣyran* 'ясная погода зимой; продолжительная ясная погода' (Тум. СДСТ 13 – Гиг.), его можно сравнить с тоб. *qaɣyraŋ* 'вёдро зимой' (Р II 74, тоб.).

2. Летняя ясная погода – жара древнему тюрку представлялась в виде горящего угля. Слово, обозначающее это понятие, генетически восходит к *čōɣ*, первично – 'горящий уголь', затем – 'жар, зной': ст.-осм. *čoɣak* (TS II 931 с XV в.); тат.диал. *čuwaq* (ДСТ 490), башк. *säwak*, ног., ккалп., каз. *šuwaq*; кирг. *čubaq*, кирг.южн. *čüwök*; каз., шор. *šōq* (Р IV 1023); слово имеет много значений, связанных с ясной, жаркой погодой: 'солнечный луч; пламя; жара, солнцепек; светлый, светящийся; солнечный; ясный, безоблачный, вёдренный'.

Летняя ясная погода представлялась также как причина засухи, поэтому значение 'ясная, солнечная погода' нередко соседствует с 'засуха' в словах, отмеченных в основном в сибирско-алтайском регионе; тув. *qāŋ* 'вёдро, вёдренный, ясный; засуха', тоф. *qāŋ* 'ясная, солнечная погода осенью' ←

ср.-монг. (см. Рас. 103); алт. *qāŋ* 'засуха' ← монг. (см. Рас.МБЗ 32). Г.Рамстедт (Ram.KWb. 144a) сравнивает калм. *qaŋ* 'сильная жара' < ? кит. с урян. (= тув.) *qāŋ* 'безоблачный', см. еще Räs.VEWT 232a, P II 80. К кит. источнику возводит *γang* 'засуха; недостаток корма для скота' Ф.Лессинг (Less. 348a). Едва ли алт., тув., тоф. *qāŋ* можно отделить от тел. *qaγan* 'засуха' (Верб. 474, ср. P II 71, где *qaγan* возводится к *qaq* 'сухой' и отождествляется с *qāŋ*), каз. *quwaŋ* 'засушливый, выгоревший', башк.диал. *qawan* 'суховей' (Бhh II 140), *qə̑wan* – то же (Мирж.ЮД 94, 158), казан. *qywan* 'зной, жар' (P II 1040), тат.диал. *qə̄wan* 'зной' (Тум. СДСТ 130). При тождестве *qaγan* и *qāŋ* (*n* > *ŋ* под влиянием *γ*), можно видеть в монг. *γaŋ* тюркизм.

«ТЕПЛЫЙ, БЫТЬ ТЕПЛЫМ»

1. **jyly-* встречается как в древних, так и в современных языках: крх.-уйг. *jyly-* (ДТС 266 – МК); ср.-уйг. *jyly-* (IbnM 91); ср.-огуз. *jyly-* (Мел.АФ 0120); чаг. *jyly-* (MA 564); ст.-осм. *yly-* (TS III 1944); тур. *yly-*, тур.диал. *yly-* (Aks.Gaz. 420), *ili-* (DS VIII 2525), турк. *jyla-*, кум. *jyly-*, тат.диал. *jälä-* (Тум.СДСТ 90), башк. *jälä-*, ккалп., каз. *žyly-*; кирг. *ǰyly-*, алт. *d'yly-*, *jyly-* (P III 483); узб. *jili-*, уйг. *ili-*; хак. *čyly-*, шор. *čyly-* (P III 2086), чул. *jyly-* (P III 483); тув. *čyly-*; як. *sylyj-*; подробнее см. ЭСТЯ 1989, 275–277.

Главное его значение 'сделаться/становиться/быть теплым'; связанные с ним значения: 'нагреваться, согреваться, разогреваться, греться'; в некоторых языках слово приобрело значение переходного глагола: 'греть, нагревать'. Подробнее см. ЭСТЯ 1989, 276.

2. **jylyγ*

Формы *jylyγ*, *jiliq*, *jyly*, *yly* 'теплый' встречаются в письменных источниках и в большинстве современных тюркских языков (см. ЭСТЯ). Возможно, *jylyγ*, *jiliq* образовано от глагола *jyly-* посредством аффикса *-yq*, который впоследствии «износился».

«ЖАРКИЙ, ЖАРА»

1. **ysyγ*

Др.-уйг. *isiγ* (ДТС 213 – TT VIII Man., Suv., Rach.); крх.-уйг. *isiγ* (ДТС 213 – МК, QB); ср.-уйг. *ysyγ* (ДТС 220 – ЛОК); ср.-кыпч. *yssy* (Houts. 48), *issi* (KW 107, At-tuhfa 179, Bulġat. I 56), *isi* (KW 107, Abû H 40), *yssyγ* (Bulγ. I 56); арм.-кыпч. *issi*, *isi* (Tryj. 293); ср.-огуз. *issi* (Мел.АФ 077); хрзм.-т. *issi* (Qutb 70, Хор.П. I 428), *isi* (Хор.П. I 428); чаг. *issi* (Vám.ĆSpr. 234), *isti* (Pav.C 111), *ysyγ* (Бор.Бад. 121); ст.-осм. *yssy* (TS III 1979); тур. *yssy*, *ysy*, тур.диал. *issi* (DS VII 2559), *isti* (DS VII 2560), *isdi* (DS VII 2554), аз. *isti*, хал. *hissī* (Doerf. – Tez. 133), турк. *yssy*, сал. *ysy* (Kak. 182); Кар. Г., К. *issi*, Кар. Т., Г. *is'si*, кбалк., кум. *issi*, тат. *ässä*, тат.диал. *isü* (Тум.СДСТ 61), *ässü* (Тум.СДСТ 50), башк. *äθä*, ног. *issi*, ккалп., каз. *yssy*; кирг. *ysy*, *ysyq*, алт. *izü*, алт.диал. *üzū* (P I 1894 т.); узб. *issiq*, узб.диал. *yssy* (Абд.Хор.Ш 49), уйг. *issiq*, уйг.диал. *yssyq* (Jarr. 136), *yssyγ* (там же), Лобн. *issyq*; сюг. *issyγ*, хак.

ĭzĭγ, шор. *iziγ* (Р I 1540), тув. *iziγ*, тоф. *i^{h}siγ* (Рас. 75), як. *itī*; чув. *ăšă* (см. ЭСТЯ 1974, 668 и сл).

Слово имеет много разных значений, среди них основное – 'жаркий, горячий'. Другие значения: 'знойный, тепло; теплая погода; жара, зной; жар' (подробнее см. ЭСТЯ 1974, 668; СИГТЯ 1997, 19).

**Ysyγ* образовано от глагольной основы **ysy-* 'становиться горячим, согреваться' (см. ЭСТЯ 1974, 671).

2. **qujāš*. Главное его значение во всех современных тюркских языках – 'солнце'.

Др.-уйг. *qujaš* (ДТС 464 – Suv., TT VIII 96); крх.-уйг. *qujaš* (ДТС 464 – МК); ср.-кыпч. *qujaš* (KW 202; Houts. 94; Abû H 83; Из.дар 346); хрзм.-т. *qujaš* (Хор.П. II 642; Qutb 143); чаг. *qujaš* (Pav.C 441; Бор.Бад. 218); тур.диал. *gujaš* (DS VI 2203), *köveš* (DS VIII 2983), турк.диал. *qujāš* (ТДГДС 117), *qujaš* (там же), кар.К. *qujaš*, кар.Т. *kujaš*, кар.Г. *kujas*, кбалк. *qujaš*, тат., башк. *qŏjaš*, ног. *qyjas*; узб. *quja°š*, уйг.диал. *qojaš* (Jarr. 251); шор. *qujaš* (Верб. 148, Р II 903), як. *qajās*; чув. *xĕvel*; подробнее см. EDT 679a; Räs. VEWT 301b; ЭСТЯ.

Другие его значения: 'луч солнца, солнечный свет, солнечный припек; жара, зной; солнцепек' (подробнее см. ЭСТЯ).

Первично слово имело значение 'нечто горящее' от глагола *küj-/quj-* 'гореть'. Поэтому прав Дж. Клосон (EDT 679a), считающий первичным его значением 'палящий жар солнца', а затем – 'солнце' (подробнее см. СИГТЯ 1997, 20). См. также *küneš* в разделе о небесных явлениях.

Немало других слов самостоятельно возникло в разных тюркских языках (см. СИГТЯ 1997, 21).

«ПРОХЛАДНЫЙ»

Понятие 'прохлада, прохладный' у древних тюрков было связано с дуновением ветра, который приносит прохладу.

1. **salqyn*. Слово отмечено в разных фонетических вариантах как в древних тюркских языках, так и современных.

чаг. *salqin*, тур.диал. *salkyn* (DD III 1183); турк. *salqyn*; балк. *salqyn* (МИ 183), кум. *salqyn*, тат. *salqän*, башк. *halqän*, ккалп., каз. *salqyn*; кирг. *salqyn*; алт.диал. *salγyn* (Баск.Туба 146); узб., уйг. *salqin*, Лобн. *salqyn*; чув. *sulχăn*. Вариант с конечным *-m*: др.-уйг. *salqym* (ДТС 483 – Rach. I); кар.К. *salqym*, тат.диал. *salγym* (Тум.ЗС 187), ног. *salqym*.

Слово имеет много значений от 'ветер, прохладный ветер, прохладный, прохлада, прохладное место в тени, тень, холодный, студеный', до 'холод, мороз' – тат., башк. Л.С.Левитская намечает путь развития семантики слова: '*прохладный ветер в жаркий день' > 'прохладный/прохлада' > 'холодный/холод' (СИГТЯ 1997, 16). В казахском слово *sal* в словосочетании *kerim sal* имеет значение 'летний знойный ветер'. Таким образом, и в этом слове намечается значение экстремального холода и жары (ср. *ajaz*).

2. Следующее название, как и предыдущее, тюркологи предположительно относят к монголизмам, оно распространено во всех ареалах тюркских языков. Ср.-кыпч. *serövün* (KW 218); вост.-тюрк. *sirin*, *sirün* (Zen. II 531, 494); тур., гаг. *serin*; аз. *särin*; турк. *serin*, *sergin*; кбалк. *seriwün* (Хадж.Оч. 50), тат.диал. *särän* (ДСТ 386), башк.диал. *θürän* (Bhh II 235); кирг., алт. *serīn*; уйг. *sürün*; уйг.диал. *sürün* (Jarr. 278); хак. *sörön*, хак.Саг. *siren*; шор. *seron* (Верб. 297 к.), тув., тоф. *serīn*; як. *serīn*, *sörün* (подробнее см. ЭСТЯ).

Слово в разных тюркских языках также многозначно, имеет как субстантивное, так и атрибутивное значение: 'прохладный, имеющий умеренную температуру, свежий, освежающий, холодный, студеный; прохлада, свежесть, прохладное место; похолодание после жары'.

«ХОЛОД, МОРОЗ»

1. **tum*. Одно из древнейших названий, чаще встречается в древних памятниках. Главное его значение во всех источниках – 'холод'.

Крх.-уйг. *tom* (ДТС 574 – МК), *tum* (ДТС 585); ср.-уйг. *tum* (Бор.ЛТ 311 в составе *tumlu*, *tumluγ* 'холодный'); ср.-кыпч. *tum* (Abû H 107 в составе *tumlu* 'холодный'); ст.-осм. *tum* (TS V 3854, XIV–XV вв. – в составе *tumlu* 'холодный (о погоде); осадки в холодную погоду'); як. *tym* (в составе *tymnȳ* 'холод'), тур.диал. *tum* 'роса', каз. *toŋ* 'мерзлая почва', *dymqyl* 'влажный', ср.-уйг. *toŋ* 'холод, мороз' (ДТС 575-ЛОК); тур. *don* 'мороз, стужа, холод', аз. *don* 'мороз'; тождественно *toŋ* 'замерзший'; башк.диал. *qara tuŋ* 'осенние заморозки' (Bhh II 135). Э.В.Севортян (ЭСТЯ 1980, 267) допускал гомогенность *tom/tum* с *doŋ* 'мерзлый' и восстанавливал глагольный корень **to-*, не указывая его значения.

2. **soγγq*. Наиболее распространенное название, встречается как в древних памятниках, так и современных языках, представляет собой общетюркскую основу.

Др.-уйг. *soγγq* (ДТС 507) имеет как субстантивное, так и адъективное значение, что характерно для многих древних имен: 'холод, мороз' и 'холодный, морозный', 'прохладный'.

Этимология слова достаточно прозрачна, оно образовано от глагола *soγγ-* 'остывать' посредством имяобразующего аффикса *-q*.

В сочетании с *qara* 'черный' слово обозначает в некоторых языках бесснежный мороз осенью, зимой и весной: каз., кум. *qara suwuq*, башк.диал. *qara häwäq* (Мирж.ЮД 94). Ср. каз. *qara žer* 'не покрытая снегом земля'.

3. **ajaz*, **ajar* – см. «ЯСНАЯ ПОГОДА». Мороз и холод различной степени выражается сочетанием этого слова с определителями: кирг. *temir ajaz* 'трескучий мороз в первую ясную ночь после того, как выпал снег', *müjüz ajaz* 'не очень сильный мороз', *kijiz ajaz* 'слабый мороз'.

«МЕРЗЛЫЙ; МЕРЗНУТЬ, ЗАМЕРЗАТЬ»

Для обозначения этих понятий древние тюрки использовали древнейшую глагольно-именную синкретичную основу.

**toŋ* 'мёрзлый', ** toŋ-* 'мерзнуть'

Имя существительное *toŋ*: крх.-тюрк. *toŋ* (ДТС 356 – МК); гаг. *don*; турк. *doŋ*; тат., башк. *tuŋ*; ккалп., кирг., алт. *toŋ*, узб., уйг. *tọŋ*, хак. *toŋ*, тув. *ḍoŋ*, як. *toŋ* (подробнее см. ЭСТЯ 1980, 265 и сл.).

Глагол *toŋ-*: др.-уйг. *toŋ-* (ДТС 575 – ThS II), крх.-уйг. *toŋ-* (Diz. 124); ср.-кыпч. *toŋ-* (KW 249, Abû H 105, At-tuhfa 261), *ton-* (At-tuhfa 261), ср.-уйг. *toŋ-* (Lig.VSOu 267); хрзм.-т. *ton-* (Хор.П. II 401), *tuŋ-* (ХШ 186), чаг. *toŋ-* (Pav.C 249); ст.-осм. *ton-* (Har. 120), тур. *don-*, тур.диал. *doŋ-* (Aks.Gaz. 221), гаг., аз. *don-*, турк. *doŋ-*; кар.К. *ton-*; тат., башк. *tuŋ-*, ног., ккалп., каз. *toŋ-*; кирг., алт. *toŋ-*; узб. *tọŋ-*, уйг., Лобн. *toŋ-*; сюг. *toŋ-*, *ton-*; хак. *toŋ-*, шор. диал. *toŋ-* (Верб. 357, в.-к.), тув., тоф. *ḍoŋ-*, як. *toŋ-* (см. ЭСТЯ 1980, 266).

В большинстве языков преобладает субстантивно-атрибутивное значение: 'мерзлый, замерзший'; в ряде языков имеются и другие значения: 'замороженный, озябший, окоченелый', 'твердый от холода'; 'мерзлота' и др. Глагольное значение слова не отличается многообразием – 'мерзнуть, замерзать' – во всех источниках.

О переносных значениях см. в ЭСТЯ 1980, 266–267. Э.В.Севортян считает гомогенным с *toŋ ~ toŋ-* тув. *ḍoš* 'лед' и его соответствия со значением 'наледь' и выдвигает предположение о реальности глагола **to-*. О финно-угорских и тунгусо-маньчжурских соответствиях и гипотезе об имитативном происхождении *toŋ* см. СИГТЯ 1997, 17.

Широкое распространение получили в тюркских языках синтетические и аналитические производные от корневой основы *toŋ ~ toŋ-*. Все они связаны со значениями 'мерзлый', 'мерзлота'; 'сильный трескучий мороз', 'мерзнущий', 'осенние заморозки', 'мерзлая земля'; 'небольшой мороз поутру', 'весенний наст', 'период замерзания земли осенью до выпадения снега', 'заморозки', 'наст', 'поверхность снега' и т.д.

«ЛЕД»

Древние тюрки использовали одно слово и как общее название льда, и как название его части, куска – льдины. Самое распространенное слово, характерное для древних и современных языков.

1. **būz, *mūz*

Крх.-уйг. *buz* (ДТС 130 – МК, QB); ср.-уйг. *muz* (ДТС 130 – ЛОК), *buz* (Ibn M. 22); ср.-кыпч. *buz* (KW 170; Houts. 62; Abû H 24; Zaj.Bulġ. I 15; Tel. 308), ср.-огуз. *buz* (Мел.АФ 083); хрзм.-т. *buz* (Хор. I 271); чаг. *buz* (Pav.C. 168), *muz* (Pav.C 501, Бор.Бад. 240); ст.-осм. *buz* (TS I 734–735 в составе *buz ur-* 'скользить на льду'); тур., гаг., аз. *buz*, турк. *būz*, сал. *muz*; ктат., кар., кум. *buz*, тат. *bƟz*, тат.диал. *mƟs* (Тум.СДСТ 153), башк. *bƟƟ*, башк.диал. *mƟƟ* (Мирж.ЮД 39), ккалп., каз., кирг. *muz*; алт. *mus*, алт.диал. *bus* (Баск.Туба 110), *pus* (Баск.Туба 144); узб., уйг., Лобн. *muz*; сюг. *pyz*, хак. *pus*, як. *būs*, *mūs*; чув. *păr* (см. ЭСТЯ 1978, 238).

Наряду с 'лед', 'льдина' в этом слове в некоторых языках развилось значение 'град'.

О восстанавливаемой долготе для пратюркского и правомерности общетюркского **būz* и его древнедиалектной модификации **mūz* подробнее см. Э.В.Севортян ЭСТЯ 1978, 239; СИГТЯ 1997, 18.

Лексико-семантическое сответствие тюрк. *būz ~ mūz* Э.В.Севортян (см. там же) усматривает в монг. *mösün.*

2. **toŋ* многозначное слово, одно из значений которого 'лед', см. «ЗАМЕРЗШИЙ». Аз. *don*; узб.диал. *doŋ* 'лед' – аз., узб.диал. 'гололед, гололедица'.

«ГОЛОЛЕДИЦА»

Название гололедицы в тюркских языках является вторичным, производным, в разных тюркских языках оно образовано от разных основ. Больше всего образований от слов со значением 'лед', 'мерзлота'.

«ШУГА»

Это явление в тюркских языках не имеет единого обозначения. По-видимому, оно возникло в разных тюркских языках самостоятельно в позднее время. Лишь в караханидско-уйгурском находим слово, образованное от названия снега.

Крх.-уйг. *qardu* 'шуга, мелко раздробленный лед' (ДТС 426 – МК).

АТМОСФЕРНЫЕ ОСАДКИ И СМЕЖНЫЕ ЯВЛЕНИЯ

Недифференцированные обозначения атмосферных осадков и явлений, примыкающих к ним, нередки в тюркских языках. Это связано, по-видимому, с недостаточной дифференцированностью данных явлений в местах былого проживания тюрков.

«ТУМАН»

Туман у древних тюрков представлялся как некое природное явление, обволакивающее человека со всех сторон. Он опускается – *tuman tüsti* или поднимается – *tuman köterildi* (но не «рассеивается»).

Для его обозначения употребительны многочисленные древние и общетюркские слова, отмеченные в древних памятниках, и существующие в современных языках в неизменном виде, за исключением редких фонетических вариантов, а также много индивидуальных названий, свидетельствующих о продолжении традиции наименования тумана по разным характеристикам до наших дней.

1. **tumān.* Это главное обозначение тумана.

Др.-уйг. *tuman* (ДТС 585), крх.-уйг. *tuman* (QB); ср.-кыпч. *tuman* (Houts. 85, Abû H 107, KW 253); хрзм.-т. *tuman* (ХШ 185); чаг. *tuman* (Vâm.ĆSpr. 266); тур., гаг., аз. *duman,* турк. *dumān*; кар., кбалк. *tuban*, балк., кум. *tuman*, ног., тат., башк., ккалп., каз. *tŏman*, кирг., алт., узб., уйг., Лобн., як. *tuman*; хак., шор. *tuban,* тув. *t'uman,* тоф. *ḍuman* (Рас. 175) (см. ЭСТЯ 1980, 295).

Помимо основного древнего значения 'туман' слово приобрело в разных языках и близкие семантические инновации – названия различных как природных, так и искусственных явлений со свойством обволакивать: 'мгла', 'мрак', 'пар', 'дым', 'чад', 'марево', 'облако'. Оно употребительно и как качественный определитель.

Tuman образовано от глагольной основы **tum-/tuma-* 'обволакивать(ся)' посредством аффикса *-γan/-an*).

Слово заимствовано многими соседними языками.

2. **bus*. Это слово мало распространено в тюркских языках, хотя не имеет ареального ограничения.

Крх.-уйг. *bus* (ДТС 127 – МК), ср.-кыпч. *bus* (EDT 370b, At-tuhfa, KW 69), тур. *pus*, тур.диал. *bus* (DS II 805), *burs* (DS II 805), *purs* (DD III 1168); кум. *pus*, башк. *bŏθ*, ног. *pus*, уйг.диал. *bus* (Jarr. 62), шор. *pus* (Верб. 273), тув. *ḅus*; тоф. *ḅus* (Рас. 72); чув. *păs* (подробнее см. ЭСТЯ 1978, 277).

Это слово также имеет и другие значения, сходные с *tuman*: 'туман', 'туман над полыньей в зимнее время', 'мгла', 'пар', 'дыхание', 'мелкая пыль' и другие (см. ЭСТЯ 1978, 277–278; СИГТЯ 1997, 34).

Э.В.Севортян допускает генетическую связь *bus* с *buγ* 'пар', но отмечает, что ни та, ни другая основы пока не поддаются морфемному анализу, тур.диал. *burs*, *purs* он считает вторичными. Левитская резонно замечает, что нельзя игнорировать и случаи упрощения *rs* > *s* в тюркских языках, например *küsmen* ~ *kürsmen* 'весло', *aslan* ~ *arslan* 'лев', *čars* ~ *čas* 'дымка, туман' (СИГТЯ 1997, 34).

Некоторые названия тумана распространены в весьма ограниченном количестве языков. К таким относятся *imir* и *čars*.

3. **imir*

Крх.-уйг. *imir*, турк. *ümür*, узб.диал. *ümür*, узб.диал. *imir*. Наряду со значением 'туман' ему присущи также значения 'иней', 'изморозь', а также значения, не связанные с семантикой влажного тумана: 'духота', 'душный'. По форме и семантике *ümür*, *imir* тождественно *imir*, *iŋir* 'сумерки'.

4. **čars*

Зафиксировано в кыпчакских памятниках и в некоторых современных языках и диалектах кыпчакского и огузского регионов: ср.-кыпч. *čas* (Houts. 69, Тарж. 117); тур.диал. *čars* (DS III 1084); кум. *čars*, тат.диал. *čas* (ДСТ 477). Помимо значения 'туман' оно имеет значения 'дымка' 'иней', 'изморозь'.

По предположению Левитской, *čars*, *čas*, возможно, относятся к корневой основе **ča-*, к которой восходят монг. *časun* 'снег', *čar* 'наст' и *čaŋ* 'изморозь, иней' (СИГТЯ 1997, 35), ср. также аз. *čaŋ* (Джанг.Дманис. 23), уйг.диал. *čaŋ* (УРСл.) 'туман'.

«ОБЛАКО, ТУЧА»

Древние тюрки, так же как современные тюрки, обозначали одним словом облака и тучи, не делая между ними различия.

**bulut*

Др.-уйг. *bulyt* (ДТС 123 – ThS), крх.-уйг. *bulyt* (ДТС 123 – МК), *bulut* (ДТС 124 – МК); ср.-уйг. *bulut* (Бор.ЛТ 111), *bulyt* (Lig.VSOu 146), ср.-кыпч. *bulut* (KW 68, Abû H 23; At-tuhfa 158), *bulyt* (Houts. 64), арм.-кыпч. *bulut* (Deny Arm. 48), *blut* (там же, 47), ср.-огуз. *bulut* (Мел.АФ 082); хрзм.-т. *bulyt* (ХШ 38); чаг. (Pav.C 178), ст.-осм. (Erg. 61), вост.-тюрк. (Zen. I 226) *bulyt*; тур., гаг., аз., турк. *bulut*, турк.диал. *pult* (Куренов Ставр. I 37), сал. *bulut*; ктат., кар., кбалк., кум. *bulut*, тат. *bŏlät*, башк. *bŏlŏt*, ног., ккалп. *bulÿt*, каз. *bulut*; алт. *ḫulut*, алт.диал. *bulut* (Баск.Туба 110), *pulut* (Баск.Туба 144); узб., уйг. *bulut*, уйг.диал. *bulut* (Мал.УНС 101), *pulut* (Мал.УНС 146), Лобн. *bulut*; сюг. *pylyt*, хак. *pulut*, тув., тоф. *ḫulut*; як. *bylyt*; чув. *pĕlĕt* (см. ЭСТЯ 1978, 262–263).

Во всех источниках слово имеет оба современных значения: 'облако', 'туча'. В некоторых языках слово приобрело новые переносные значения, связанные с основным: 'небо' – уйг.диал., чув.; 'туман' – кыз.

По обоснованному мнению Э.В.Севортяна (ЭСТЯ 1978, 264), *bulut* восходит к глагольной основе *bula-*, *bola-*, **bulu-* или **bul-*, от которой образовано посредством продуктивного аффикса отглагольного имени *-t*.

Названия различных видов облаков и туч образуются сочетанием *bulut* с различными определителями, обозначающими цвет, форму, характер: кирг. *qara bulut* 'грозовая туча', *čaŋɣyl bulut* 'реденькие сероватые тучи', тур. *kababulut* 'высококучевое облако', як. *söŋ bylyt* 'тяжелые облака', башк.диал. *kükbŏlŏt* 'дождевая туча', ккалп. *aq bulyt* 'кучевое облако', каз., уйг. *aq bulut* 'облако', *qara bulut* 'туча', каз. *šarby bulut* 'белые облака, напоминающие наджелудочный слой жира животных'.

«(ВЫ)ПАДАТЬ, ИДТИ (об атмосферных осадках); ОСАДКИ, ДОЖДЬ»

Как в памятниках, так и современных языках понятие 'идти (об осадках)' выражается единым глаголом.

**jaɣ-*

Др-уйг. *jaɣ-* (ДТС 223–224), крх-уйг. *jaɣ-* (Diz. 142); ср.-уйг. (Бор.ЛТ 132, Ibn M. 83–84), ср.-кыпч. *jaɣ-* (KW 110, Houts. 106, Abû H 117); хрзм.-т. *jaɣ-* (ХШ 64), чаг. *jaɣ-* (Pav.C 529); ст.-осм. *jaɣ-* (Erg. 315); тур., гаг. *jā-*, аз. *jaɣ-*, халадж. *jaɣ-* (Doerf. – Tez. 219), турк., сал. *jaɣ-*; ктат., кар. *jaɣ-* (P III 39); тат., башк., ног. *jaw-*, ккалп., каз. *žaw-*; кирг. *ǰā-*, алт. *d'a-*; узб. *ja̮ɣ-*, уйг., уйг.диал. *jaɣ-* (Мал.УЯ 153; Jarr. 145), уйг.диал. *jaq-* (Мал.УЯ 153; Jarr. 145); сюг. *jaɣ-*, хак. *čaɣ-*, шор. *čaɣ-* (P III 1842), *čā-* (P III 1823), тув., тоф. *čaɣ-*; чув. *śu-* (подробнее см. ЭСТЯ 1989, 57).

Главное значение во всех источниках – 'идти, падать' – о любых атмосферных осадках. Во многих языках слово имеет значение 'сыпаться', обычно – сверху в изобилии и в большом количестве. Это послужило основанием для применения данного слова к атмосферному процессу.

Посредством аффикса *-myr, -mur* от глагола *jaɣ-* образовано общетюркское название дождя *jaɣmyr*. В некоторых языках оно имеет также общее значение 'осадки'.

Названия разновидностей дождя образуются путем сочетания *jaɣmur* с различными определителями: крх.-уйг. *irkin jaɣmur* 'дождь, идущий подряд в течение нескольких дней' (ДТС 112 – МК), кум. *telijanɣur* 'ливень', кирг. *qara ǯamɣyr* 'ливень' и т.д. (СИГТЯ 1997, 225).

«МОРОСИТЬ; ИЗМОРОСЬ, МЕЛКИЙ ДОЖДЬ»

**serp-, *sep-*

Ср.-кыпч. *säp-* (в составе *säpkün* 'моросящий дождь' – Abû H 89); осм. *säp-, särp-* (P IV 493, 472), тур. *serp-*; каз., кирг., ккалп. *sep-* 'моросить, идти – о мелком дожде'.

Прямое значение глаголов *serp-, sep-* – 'сеять, сыпать' (например, семена, зерно, муку и т.д.). Значение многократности, постоянства действия выражается в производном глаголе, образованном от *sep-* аффиксом многократности *-qala/-kele/-gele*: тур.диал. *sepele-*, кар.К., ног., ккалп., каз. *sebele-*, кирг. *sebĕle-*; узб. *sewälä-*/тат. *sibälä-*, башк. *hibälä-*.

В некоторых памятниках и в современном огузском ареале – в значении 'моросить' находим другое слово: ст.-кыпч. *čise-* (Abû H 29); тур. *čise-, čisele-*, тур.диал. *tise-, tisele-* (DD III 1369), *dise-* (DS IV 1519), тур.диал. *tijsele-* (DD III 1370), гаг. *čise-*, аз. *čisä-*, турк. *čīsŋe-* 'моросить, накрапывать'.

Имя существительное со значением 'изморось, мелкий дождь' образуется от этого глагола: тур. *čigse* 'мелкий дождь' (*DS III 1211*); турк.диал. *čisge* (ТДГДС 198); тур. *čisenti* 'мелкий дождь, изморось, морось', *čiskin* 'промокший под мелким дождем; изморось, морось', гаг. *čisenti* 'изморось, мелкий дождь; брызги'; турк. *čīsŋi* 'изморось, мелкий дождь'.

«СНЕГ»

Слово, используемое для обозначения снега в древних и современных тюркских языках, восходит к пратюркскому состоянию.

**qār*

Орх. *qar* (ДТС 422), крх.-уйг. *qar* (ДТС 422 – МК, QB); ср.-уйг. *qaɣar* (ДТС 405 – ЛОК), *ˈqar* (Бор.ЛТ 199); ср.-кыпч. *qar* (Houts. 198; KW 193; Abû H 69; At-tuhfa 184; Tel. 317), ср.-огуз. *qar* (Мел.АФ 0102); хрзм.-т. *qar* (ХШ 131); чаг. *qar* (Pav.C 395); ст.-осм. *qar* (Erg. 167); тур., гаг. *kar*; аз. *qar*; халадж. *qā'r*; турк. *qār*; сал. *qar*; кар.К. *qar*; кар.Т.,Г. *kar*; балк. *qar* (МИ177), кум. *qar*; тат., башк. *qar*; ног., ккалп., каз. *qar*; кирг., алт. *qar*, алт.диал. (Баск.Кум. 219; Леб. 158; Туба 124), *qār* (Баск.Кум. 216); узб. *qa'r*; уйг. *qa(r)*, уйг.диал. *qā* (Мал.УНС 119); сюг. *qar*; хак., тув., тоф. *xar*; як. *xār*; чув. *jur* (подробнее см. в ЭСТЯ).

Главное значение во всех источниках 'снег'. В некоторых языках слово приобрело значение 'год, возраст' – тув., як. (обычно животного); кирг. *eki qar basqan* 'двухлетний; бывалый', букв. 'дважды засыпанный снегом'.

А.Вамбери (Vám. 87) и К.Брокельман (Brock.OGM §147a) сближали *qār* 'снег' с *qaj* 'непогода; снег, смешанный с дождем' (подробнее см. СИГТЯ 1997, 27–28).

Разновидности снега обозначаются сочетанием **qār* с прилагательными: хак. *ala xar* 'проталина', каз., тат. *ala qar* 'редкие куски снега, посеревший весенний снег', кирг. *sary qar* 'снег, выпавший в горах ранней весной или в конце лета'.

«ПОРОША (слой только что выпавшего снега)»

Названия пороши в тюркских языках отличаются многообразием, что свидетельствует о более позднем их происхождении. Вместе с тем два названия более распространены.

1. **qyrpaq*. Встречается во всех ареалах.

Турк., каз., кбалк., кум. *qyrpaq*, тат., тат.диал. (ДСТ 220) *qärpaq*, тат.диал. *kärpak* (в составе *kärpaklar* 'сильные заморозки поздней осенью'), башк., башк.диал. (Мирж.ЮД 158) *qärpaq*, башк.диал. *qärpäq* (Бhh I 147); хак. *xyrbyx*; чув. *хărpăk*, *kărpăk*, *хărpăx* (Ашм. XVI 363).

Основное его значение во всех источниках – 'первый, обычно тонкий/легкий/мелкий снег, пороша'. Другие значения – производные от основного: 'осенние сильные заморозки', 'тонкая ледяная корка на поверхности воды'.

В *qyrpaq* выделяют основу *qyr-*, отождествляемую с *qyr-* 'уничтожать' (Хаб.КБИС 147) или *qyr-* 'крошить, размельчать' (Ган.СС 136) и афф. *-paq* (см. подробнее СИГТЯ 1997, 28).

Для обозначения пороши, первого снега, с которым связано начало охоты, в некоторых языках используется также слово *sunar*: каз. *sonar*; кирг., як. *sonor*; тат., башк.диал., чув. *sunar*; тат.диал. *sumar* (в составе *sumarla-* 'охотиться' – P IV 792 курдак.), башк. *һунар*.

Его значение также имеет сходство с предыдущим словом: 'пороша', 'тонкий слой снега'; 'первый осенний снег'; 'медленно падающий снег', 'пушистый снег', 'охота', 'охота по пороше с ловчими птицами или борзыми', 'промысел звериный', 'преследование зверя по первому осеннему снегу'.

Sonar, по мнению М.Рясянена (см. Räs.VEWT 428a), генетически связано с каз. *sony* 'нетронутый снег, нетронутое место (трава), место, где скот еще не трогал травы' (см. P IV 539); ср. также каз. *sony qar* 'глубокий снег', *sony žajlaw* 'джайлау, где еще не был скот', *sony žer* 'местность, не вытоптанная скотом', турк. *sonar* 'луг'.

Разновидности снега в тюркских языках имеют многочисленные названия, как правило, образуемые аналитическим способом при участии слова *qar*.

«НАСТ»

Общетюркского обозначения наста не зафиксировано. Наиболее распространенным можно считать кыпчакское *qatqaq*, образованное от глагола *qat-* 'замерзать, затвердеть'.

Для сибирского региона характерны слова: як. тоŋот 'наст', шор. *тоŋаq*, тел. *тоŋdoq* 'весенний наст' (< *тоŋ-*, *тоŋla-*).

«СУГРОБ, СНЕЖНЫЙ ЗАНОС»

Древние тюрки ежегодно зимой сталкивались с этим явлением природы. Для его обозначения в тюркских языках существует единый корень, послуживший базой для новообразований.

**körtük*. Надо полагать, это наиболее древняя форма. С альтернативой начального согласного и первого гласного слово употребительно в древних и большинстве современных языков всех регионов.

Др.-уйг. *körtük* (ДТС 385 в составе *ӧŋ körtük* 'снежная лавина, сугроб'); тур.диал. *kürtük* (DS VIII 3046–3047), *kürdük* (DS VIII 3043), *gürtük* (DS VI 2237), *hürtük* (DD II 760); ног. *kürtik*; кирг. *kürtük*, каз. *kürtik* (в составе *kürtik qar* 'глубокий снег'), хак. *körtik*, тув. *xörtük*; як. *kürd'ük*. Другая форма – тур. *kürtün*.

В ряде языков имеется более краткая форма слова: кум., алт., шор. (Верб. 143 к.), тур.диал. *kürt* (DS VIII 3046); тат., башк. *kŏrt*; чув. *kért*, которая является, по-видимому, стяженной формой от *körtük*.

Главное значение во всех языках – 'сугроб', от которого в разных языках развились другие смежные значения: 'куча снега', 'занос', ' нанос', 'куча снега или даже песка, скопившаяся в укромном месте', 'нанесенный снег в ямах, впадинах'. Имеются и другие, более конкретные, значения: 'снежная глыба, скатившаяся с горы', 'снежная лавина', 'снежный обвал' и другие значения, связанные с определенным местом нахождения сугроба (см. СИГТЯ 1997, 31).

Как предполагает Л.С.Левитская, возможно, *kürt* является производным с афф. *-t* от глагола **körü-* > *kürü-* 'сгребать, *сметать – *о ветре*', ср. русск. *сугроб* < *сгребать* < *грести* (СИГТЯ 1997, 31).

«ГРАД»

**toly*, **tōly*. Это название характерно для древних языков и современных языков восточного и юго-западного ареалов.

Др.-уйг. *toly* (EDT 491; ДТС 573), крх.-уйг. *toly* (Diz. 124); ср.-кыпч. *tolu* (Houts. 85), *toly* (Aḅû H 105); чаг. *tolu* (P III 1197); тур. *dolu*; гаг. *tolu*; аз. *dolu* (P III 720); хорас. *towlu* (Doerf.ITD 10); турк. *doly*; каз.диал. *doly*, узб. *doḷi*, хак. *dol* (в составе *тоŋdol* 'град'), уйг.диал. *tōli* (Le Coq 88), *toli* (Meng.Gl. 805); Лобн. *tuluq*; вост.-тюрк. *tola* (Zen. II 611), *toluq* (Zen. II 611); тув. *ḍolu*, як. *tolon* (Пек. III 2116) (см. в ЭСТЯ 1980, 260–261).

Помимо главного значения 'град', отмеченного во всех источниках, слово имеет также другие близкие значения: 'дождь с сильной бурей, сильный ливень' – каз.диал. (ҚТДС 91); 'неясное состояние воздуха при сильном дожде или снеге' – як. (Пек.).

В значении 'град' используются также слова **būz* (см. «ЛЕД») и **burčaq* и др. (см. СИГТЯ 1997, 32).

«ИНЕЙ, ИЗМОРОЗЬ»

Древние тюрки обозначали одним словом ряд природных явлений, связанных с инеем, – от инея до тумана.

Единое название инея в тюркских языках с древнего периода до настоящего времени имеет распространение во всех ареалах.

**qyraɣu*

Крх.-уйг. *qyraɣu* (Diz. 66); ср.-кыпч. *qyrav* (At-tuhfa 199), *qyrov* (KW 207), *qyrawu* (Zaj.Bulġ. I 43); хрзм.-т. *qyraɣu* (ХШ 149); чаг. *qiraw* (Бор.Бад. 222), *qiraɣu* (P II 862); вост.-тюрк. *qiraɣu* (P II 726); тур. *kyra(ɣ)y, gırağ* (DS VI 2051), *qyraw'u* (DS VIII 2817), гаг. *qrā*, аз. *qyrow*; хал. *qyrāv* (Doerf.-Tez. 177), турк. *qyraw*; кар.К., кум. *qyraw,* тат., башк. *qəraw,* ног., ккалп., каз. *qyraw*; кирг. *qyrō*, алт. *quru,* алт.диал. *qurā* (Баск.Кум. 227); узб. *qŭrāw*, *qiro,* уйг. *qija, qŭra, qiža,* уйг.диал. *qyra* (Jarr. 248); хак. *xro,* тув. *xyrā,* тоф. *xyrā* (Рас. 72), як. *qyrya* (подробнее см. ЭСТЯ; EDT 856b).

Помимо основного значения 'иней' в разных современных тюркских языках слову присущи также другие близкие значения: 'изморозь', 'влажность', 'заморозки', 'мелкий град', 'снежная пороша', 'роса'.

Помимо приведенного названия иней имеет и много других названий, распространенных в определенных ареалах или характерных для отдельных языков. Так, название **buɣaq* характерно для современного урало-поволжского ареала, но оно зафиксировано также у представителей западнокыпчакского и карлукского ареалов: тат.диал. *buaq, bäwaq* (ДСТ 93, 99), башк. диал. *buaq, bäwaq* (Бhh I 55, 57; Бhh III 44), кум. *buɣaq*; узб.диал. *buɣaq, buwaq* (ЎХШЛ 56) – 'иней', 'изморозь', 'утренний туман', а также 'туман, облако', ' пасмурная погода'.

Несомненно, *buɣaq* генетически имеет связь с *būɣ* 'пар' (см. ЭСТЯ 1978, 229 и сл.) и, возможно, содержит афф. *-aq* с уподобительным значением.

**bäs, *bes* характерно для языков урало-поволжского ареала: тат. *bäs*, тат.диал. *mäs* (ДСТ 314); башк. *bäθ*; башк.диал. *mäs* (Бhh III 143); чув. *pas* 'иней', 'иней на деревьях', а также 'изморозь' 'туман'.

«РОСА»

Основное название росы является общим для тюркских языков всех ареалов. Оно восходит к пратюркскому состоянию.

**čȳq*

Крх.-уйг. *či* (Diz. 31); ср.-кыпч. *čyq* (KW 79, Abû H 30, Tel. 308); ст.-аз. *či* (Гəhр.Нəс. 201); вост.-тюрк. *čiq* (P III 2107); тур., гаг. *čij,* турк. *čȳȳ,* сал. *čyx* (в составе *čyhču* 'роса' – Тен.ССЯ 317); кар.К., кбалк. *čyq*; балк. (Апп. 75), кар.Г. *cyq*, тат. *čəq,* башк. *əsəq,* башк.диал. *səq* (Бhh II 223; III 160), ног., ккалп., каз. *šyq*; алт.диал. *čyq* (Баск.Кум. 270); узб.диал. *čiq* (ЎХШЛ 303); узб.Огуз. *čȳȳ* (Абд.Хор.Ш. 98); хак. *syx,* шор. *šyq* (Верб. 454 в.-к.), *užyq* (Верб. 456 к.), тув. *šyq*; як. *sīk* (подробнее см. ЭСТЯ).

Главное значение слова – 'роса'. Другие значения в разных языках: 'иней', 'сырость ~ влага ~ влажность', отсюда и значение 'сырой ~ влажный ~ мок-

рый'; дальнейшее развитие семантики произошло в тувинском: 'место, изобилующее влагой' – 'луг ~ луговой'.

Как верно считает Левитская, *čȳq генетически связано с глаголом čyq- 'отсыревать, намокать' (СИГТЯ 1997, 39). М.Рясянен (Räs.VEWT 107a) связывал čyq с čīγ, čij 'сырой'.

В сибирском ареале для обозначения росы распространено слово čalyn: алт., алт.диал. čalyn (Верб. 423 т., н.-б.; Баск.Кум. 266), čalym (Р III 1883 тел.); хак. salym, хак.диал. šalyn (Рас. 230 н.-юс.); чул.-тюрк. čalyn (Рас. 230); тув. šalyŋ, тоф. šalyn (Рас. 230). Возможно, в нем выделяется основа čal 'седой, серый'. Другим ареальным – также сибирским – названием росы является arčy: хак., хак.диал.Саг. (ДХЯ 44), хак.диал.Бельт., шор. arčy (ВИХЯ 81), arčy (Чисп.СХЛ 110), алт.диал. (Р I 323 леб.; Баск.Леб. 140), хак.диал.Саг.Бельт. arča (ВИХЯ 69, 81).

ВЕТЕР И СВЯЗАННЫЕ С НИМ ПРИРОДНЫЕ ЯВЛЕНИЯ

«ВЕТЕР»

Ветер древними тюрками представлялся не только как природное явление – движение воздуха, но и как источник многих других явлений, первопричина многих болезней, а также источник человеческого духа.

1. *jël. Общетюркское и главное название ветра.

Др.-уйг. jël (ДТС 254 – Sav.), jel (ДТС 254 – KP), крх.-уйг. jel (ДТС 254 – МК, QB); ср.-уйг. (ДТС 254 – Юг.); ср.-кыпч. jel (KW 121; At-tuhfa 283), арм.-кыпч. jel (Schütz AK 302); хрзм.-т. jel (Хор.П. I 154); чаг. jel (Vám.ĆSpr. 357); ст.-осм. jel (Şey. 102); тур. jel, тур.диал. jel (Ed.Urfa 143), аз. jel, хорас. jęl (Doerf.Chor. 179), халадж. jęl (Doerf. – Tez. 222), турк.Сал. jel; кар. jel, кбалк. žel, ǯel, zel; кум. jel; тат. ǯ'il, башк. jəl, ног. jel, ккалп., каз. žel; кирг. ǯel, алт. d'el; узб. jel, уйг. jäl, уйг.Лобн. jel; сюг. jil, jyl, хак. čil; чув. śil.

Главное значение слова во всех источниках – 'ветер' в широком понимании. От этого значения в разных языках развились другие: 'ветры, газы в желудочно-кишечном тракте' – крх.-уйг., чаг., турк. и др.; 'воздух в тушке барана' – Лобн.; 'злой дух' – крх.-уйг., 'дух' – кар.Г., ДТС 254 – МК, 'дух – помощник шамана' – сюг., название божества 2-го разряда – чув.; общее название простудных болезней (от холодного ветра...) – уйг.диал. (Мал.УНС); 'простуда, грипп' – уйг.; название некоторых конкретных болезней в народной медицине (простуда, прострел) – кирг., ревматизм – тур., аз., кум., уйг.диал., 'бруцеллез' – турк., 'водяной рак, нома' – узб., 'костоеда' – ккалп., 'рак' – уйг. (подробнее см. ЭСТЯ 1989, 175).

jel 'ветер' и jel- 'дуть' представляют собой синкретичную имённо-глагольную основу (см. ЭСТЯ 1989, 174 и 176).

Слово имеет весьма высокую частотность употребления, от него образуются новые слова посредством словообразовательных аффиксов и аналитических моделей, обозначающие различные свойства ветра (подробнее см. СИГТЯ 1997, 40–41).

2. **esin* менее распространено в тюркских языках, однако не имеет ареальных ограничений.

Др.-уйг. (EDT 248a-b в составе *jel-esin* 'ветер'), крх.-уйг. (ДТС 183 – МК, QB), ср.-уйг. *esin* (P I 894–895, уйг.-кит. сл. *äzin*), тур.диал. (DD II 550) *esin*; ст.-осм. *esin* (SDD 559); алт. *ēzin*; Тел. *ezin* (Верб. 486, в составе *ezin salqyn* 'тихий ветерок'); тув. *ezin*.

Наряду с главным значением 'ветер' в некоторых языках слову присущи и другие значения, обозначающие особенности ветра: 'умеренный ветер'; 'воздушная волна', 'струя воздуха', 'дуновение', 'веяние'.

Esin образовано от глагола *es-* 'дуть' посредством продуктивного афф. *-gen* (см. также ЭСТЯ 1974, 553–554). Кроме этого слова от *es-* образовано и немало других имен, обозначающих ветер и его разновидности: тур.диал. *esgin* 'ветер, метель', *esgün* 'сильный ветер со снегом', *eskin* 'ветер, буря'; тур. *esinti* 'ветер', *esiš* 'ветер' (DD II 550, 551); каз. *esiw* 'веяние', *espe qum* 'подвижный, веющий песок' и т.д.

Следующие слова наряду с общим значением 'ветер' имеют дополнительную семантику – 'прохладный ветер'. В знойный день в Центральной Евразии прохладный ветер приносил облегчение людям. Поэтому тюрки ждали прохладный ветер, наслаждались им.

3. **salqyn*

Ср.-кыпч. *salqun* (KW 213); чаг. *salqin* (Абуш. 278); кирг., алт., каз. уйг. Лобн., сюг. *salqyn;* алт.диал. (Баск.Кум. 245; Баск.Туба 146), уйг.диал. (Jarr. 264), тув., як. *salɣyn*. тоф. *salhyn* (Рас. 225).

В большинстве источников – 'ветер' – ср.-кыпч. (KW), кирг.южн., алт., алт.диал. (Баск.Кум., Туба). В некоторых языках – разновидности ветра: 'прохладный ветер' – уйг.диал., Лобн.; 'легкий ветерок' – тув.; 'тихий освежающий ветерок' – тоф. (Рас.); 'ветерок' – як.; 'холодный ветер в жаркий день' – каз., чаг. (Абуш.); 'холодный ветер' – сюг. О прочих значениях *salqyn* см. в статье «ПРОХЛАДНЫЙ» и в ЭСТЯ.

По мнению Левитской, значение 'ветер' и т.п. у этого слова сформировалось, вероятно, в монгольских языках, ср. як. *salɣyn* 'ветерок, воздух' (←монг., так как в якутском языке старый *s* →∅, см. также Рас.МБЗ 66) и халх. *salxi(n)* 'ветер, воздух'.

Salqyn обычно относят к монгольским заимствованиям (см. Räs.VEWT 398b; Егор. 194–195; Рас. 225, но ср. Ram.KWb. 318b, где лишь установлена монгольско-тюркская параллель). Г.Дёрфер (Doerf. I № 214) поддерживает эту точку зрения, так как *salqyn* плохо представлено в памятниках тюркских языков. Во всяком случае, для тюркских языков Сибири семантика *salqyn* говорит за монгольский источник (см. еще Рас.МБЗ 44).

С *salqyn*, *salɣyn* 'ветер' можно сравнить як. *salɣyj-* 'веять, дуть (о ветре)' (←монг., ср. бур. *halxi(n)* 'ветер, запах' и сол. *salgî* 'благоухать' – ССТМЯ II 58).

4. **tan* отмечен в некоторых языках восточного региона.

Крх.-уйг. *tan* (Diz. 112); алт.диал. *taŋ* (Верб. 332, н.-б.; P III 805 куманд.); хак. *tan*, хак.диал. *tan* (Верб. 331, P III 822), шор. *tan* (Дыр.ШФ 388).

Главным в его семантике выступает прохлада: 'прохладный ветер, дующий обычно утром и вечером' – крх.-уйг. (Diz.); 'ветерок' – хак.; 'ветер (удобный для веяния)' – хак.диал. (Верб., Р); 'ветер, северный ветер' – хак.диал. (Р); 'холодный северный ветер' – шор. (Дыр.ШФ 388); от этого значения развилась семантика страны света – 'север' – хак.диал. (Р). Но ветер может быть и неприятным – 'ветер резкий и противный' – алт.диал. (Верб., Р).

Судя по семантике слова, оно имеет генетическую связь со словом *taŋ* 'утро'. Утро, как известно, приносит прохладу.

В тюркских языках названия ветра весьма многочисленны и разнообразны по семантике. Это свидетельствует о важной роли ветра в жизни древних тюрков – от наслаждения ветром, от страдания от ветра до его хозяйственного использования. Значения многих названий ветра связаны с севером, часто ветры дуют с холодного Севера. См. также «БУРЯ, НЕНАСТЬЕ, НЕПОГОДА», а также СИГТЯ 1997, 40–43.

«ВИХРЬ»

Вихрь и смерч в тюркских языках обозначаются одним словом.

1. **qujun*. Наиболее распространенное название вихря в тюркских языках.

Чаг. *qujun* (Vám.ČSpr. 321; Бор.Бад. 213); тат.диал. *qŏjŏn* (Тум.СДТС 127), башк. *qŏjŏn*, башк.диал. *qŏjŏm* (Bhh II 143); ног., ккалп., каз. *qujyn*; кирг., алт., узб. *qujun*; уйг.диал. *qujun* (Мал.УНС 126; Jarr. 256); хак. *xujun*, шор. *qujun*.

Вихрь – во всех источниках; буря – тат.диал.; смерч – чаг. (Абуш.), ног., ккалп., каз., кирг., алт., узб., уйг., хак.; ураган – уйг.диал. (Le Coq 95); вьюга, метель – чаг. (Буд. II 106); злой дух – вост.-тюрк. (Р II 906).

Возможно, слово образовано от глагола *quj-* 'вливать, наливать, сыпать'. Древние тюрки, да и современные вихрь и смерч представляют как некую силу, сыплющую сверху на головы людей песок, землю, мусор и т.д. О гипотезе монгольского происхождения подробнее см. СИГТЯ 1997, 43–44.

2. **qasyrqu*. Это название отмечено в некоторых древних памятниках и в отдельных современных тюркских языках от Сибири до Малой Азии.

Крх.-уйг. *qasyrqu* (ДТС 430 – МК); ср.-кыпч. *qasyrqa* (Houts. 91), *qasarɣa* (Abû H 71), *qasurqa* (Из.дар 339); тур. *qasyrɣa*, гаг. *saqyrɣa* (метатеза), аз. *qasyrɣa*; тат.диал. *qazartqy* (Тум.СДСТ 114); сюг. *saqartqy*, тув. *qazyrɣy*, тоф. *qa^{h}syrɣy* (Рас. 219); чув. *kuşarka* (подробнее в ЭСТЯ).

Основное значение во всех зафиксированных источниках – 'вихрь'. Из других близких значений в большинстве языков отмечены: 'смерч' – крх.-уйг., гаг., аз., тоф.; 'шквал' – аз.; 'буря' – ср.-кыпч., тур., тат.диал.; 'вьюга' – чув. Слово приобрело и переносное значение 'демон' – ср.-кыпч. (подробнее см. СИГТЯ 1997, 43).

Другие названия ветра и вихря также имеют негативное значение 'демон', ср., например, *jel* 'ветер; злой дух, демоническое существо' (ДТС 254) и *qujun* 'вихрь, злой дух' (Р II 906).

Дж.Клосон (EDT 669a) считал прочитанные им формы слова *kasırku, ? kasırğo* именем, образованным от глагола**kasır-* – каузативной формы от гипотетической основы **kas-* (подробнее см. СИГТЯ 1997, 43).

«ВЬЮЖИТЬ, МЕСТИ»

**bora-*

Турк., кар.К., кум., ног., ккалп., каз. *bora-*; кирг. *boro-*; узб. *bọra-*, *bọrala-*, уйг. *bora-*; ? хак. *pora-*; тув. *ḅora-*. В составе собственного имени *Ked boran* (см. ДТС 292).

Основное современное значение – 'обильно идти, валить (о снеге)' – турк., узб.; а также 'мести', 'бушевать', 'вьюжить', 'подниматься' (как о снеге, так и о сыпучих предметах, например пыли). Интересно дальнейшее развитие его значения в некоторых сибирских языках – 'заметать, заносить (следы)' – тув.; 'идти смешанно (о дожде и снеге)' – хак.

Левитская (СИГТЯ 1997, 45) считает, что этот глагол образован от *bor* 'буря' (Orkun IV 30, уйг.диал. Meng.Gl. 702) при помощи афф. *-a* (см. ЭСТЯ 1974, 191).

О производном от этого глагола тюркском названии бури *boran*, *boraγan* 'буран' подробнее см. ЭСТЯ 1978, 198 и сл.; см. еще Илл.-Св. I №23, где приведены параллели из семито-хамитских, индоевропейских и уральских языков и восстанавливается **burV* 'снежная (песчаная) буря'.

«БУРЯ, НЕНАСТЬЕ, НЕПОГОДА»

Древние тюрки обозначали одним словом такие явления природы, как буря, дождь, смешанный со снегом, ветреная погода со снегопадом, непогода, когда трудно выходить из дома и заниматься хозяйственными делами.

1. **qaδ*

Крх.-уйг. *qaδ* (ДТС 404 – МК); ср.-кыпч. *qaj* (Abû H 74); чаг. *qaj* (Pav.C 413; Абуш. 327); ст.-осм. *qaj* (TS IV 2336: XIII–XIV вв.); тур.диал. *kaj* (DS VIII 2695), турк. *qaj*; тат.диал. *qaj* (Тум.СДСТ 114); хак. *xas*, тув. *xat*, тоф. *qat* (Рас. 219) (подробнее см. ЭСТЯ).

Основное значение 'буря' – крх.-уйг. (Diz. 54), ст.-осм. (TS), тур.диал. (DD II 854). Другие значения: а) 'буран' – крх.-уйг. (ДТС); 'пурга, вьюга' – крх.-уйг. (ДТС), турк.; 'метель' – крх.-уйг. (ДТС); б) 'непогода' – хак.; 'снег, смешанный с дождем' – чаг. (Pav.C, Абуш.); 'снегопад в конце лета или начале осени; выпадение снега в середине мая; весеннее ненастье, снегопад, ветер; первый снег или дождь, выпавший после чьей-нибудь смерти' – тат.диал. (Тум. СДСТ 114); 'дождь с градом' – ср.-кыпч. (Abû H); 'ливень' – ст.-осм. (TS); 'дождь' – чаг. (Абуш.), ст.-осм. (TS); 'дождь, летний дождь' – тур.диал. (DS VIII); в) 'сильный ветер перед дождем' – тур.диал. (DS VIII); 'ветер' – тув., тоф.;

**qaδ* имеет и глагольное значение – 'замерзать, погибать в буран, пургу' – крх.-уйг. *qaδ* и *qaδ-* представляют собой омоморфные образования, о которых см. Сев.АИ 395 и сл. (подробнее см.: СИГТЯ 1997, 46).

От именной формы образованы глаголы: кирг. *qajyq-* 'сильно замерзнуть', *qajy-* 'сильно зябнуть, мерзнуть, ежиться от холода'. Ср. также хак. *xajyn-* 'бушевать, мести (о буране)', хак.Саг. *xaspa* 'ненастье' < **xas* < **xaz* + *-pa* < *-ма*.

2. **tawul*

Ср.-кыпч. *tawul* (KW 237); чаг. *dawul* (Pav.C. 317); тур.диал. *dağyl* (DS IV 1325), турк. *dowul,* турк.диал. *dowyl* (Мав.Араб. 109); кар.Т.,Г. *tawul,* кар.К. *dawul*; тат. *dawäl*, тат.диал. *taul* (Тум.СДСТ 205), башк. *dawäl,* ног., ккалп., каз. *dawul,* кирг. *dobul,* кирг. *dōl*; алт. диал. *tōl* (Баск.Кум. 255), алт.диал. *tül* (Верб. 379 т.); узб.диал. *tawl* (ЎХШЛ 244); як. *tyal*; чув. *tăvăl* (подробнее см. ЭСТЯ); ср. каз. *dülej* 'буря', который является результатом ряда фонетических преобразований.

Слово имеет широкий семантический спектр, характеризующий явление с разных сторон. Основное значение во всех источниках 'буря'. Другие связанные с основным зафиксированные значения имеют широкий диапазон: 'непогода' – ср.-кыпч. (KW); 'шторм' – башк., ног.; 'ураган' – турк.диал. (Мав.Араб.), кар.Т.,Г., тат., каз., ног., ккалп., узб.диал. (ЎХШЛ); 'шквал' – турк.диал. (Мав.Араб.); 'сильный ветер, который затемняет воздух' – чаг. (Pav.C.); 'сильный ветер' – кар.К.; 'вихрь' – кар.К.,Т.,Г., алт.диал. (Баск. Кум.); 'ветер' – як.; 'ветер, поднимающий пыль' – тур.диал. (DS); 'вьюга' – тат.; 'метель' – башк.; 'сильный град' – кирг.; 'волна' – тат.диал. (Тум. СДСТ); 'паника' – турк.

К семантике 'буря' > 'паника' ср. чаг. *topalaŋ* 'сильный ветер без дождя' (P III 1223) и кирг. *topoloŋ* 'переполох, паника'. Каз. *topalaŋ* 'переполох', а также название падучей болезни скота. Значение 'волна', возможно, принадлежит слову, тождественному шор. *taqyl* 'волна'.

Вполне возможна генетическая связь *tawul* с *tüwelej/dülej* (см. выше). В таком случае прав окажется Дж.Клосон. По мнению Левитской, отсутствие *tawul* в письменных памятниках, кроме KW, и колебания звонкого и глухого согласного в анлауте – *d ~t* (с преобладанием звонкого) как будто свидетельствуют в пользу заимствованного характера слова или его имитативного происхождения.

«МЕТЕЛЬ, ВЬЮГА, БУРАН»

В тюркских языках эти явления с древности имели общее недифференцированное название.

**tipi*. Слово зафиксировано в древних памятниках, в современных огузских и сибирских языках.

Крх.-уйг. *tïipi* (ДТС 598 – МК); ср.-кыпч. *tipi* (Houts. 66, ср. Тарж. 113, где ошибочно *täbi*; Abû H 103); ст.-осм. *dipi* (TS II 1165); тур. *tipi*, тур.диал. *dipi* (DS IV 1510), аз. *tipi*, аз.диал. *tïpï* (АДГТ 242), *tipi* (в составе *tipi-boran*, Джанг. Дманис. 115); тув. *dïwï*, тоф. *tóp'ó* (Рас. 235), як. *tibī* (подробно см. в ЭСТЯ).

Перечисленные в заголовке и другие связанные с этими значения распространены во всех языках: 'метель' – тур., аз., як.; 'вьюга' – крх.-уйг.

(ДТС), тур., аз., як.; 'снежная пыль, поднимаемая ветром' – тув.; 'пурга' – тур., аз., як.; 'снежная буря' – крх.-уйг. (Diz., Houts., TS), тур., тур.диал. (DS); 'буран' – тур., тоф. (Рас.). В некоторых источниках развитие семантики идет еще дальше: 'дождь со снегом' – ср.-кыпч. (Abû H); 'дождевой поток' – аз.диал.; 'дождь с сильным ветром' – аз.диал. (Джанг.).

Возможно, слово имеет генетическую связь с *tüwelej, tawul.* Как отмечает Левитская (СИГТЯ 1997, 48), *tipi* образовано от глагола *tip-*, сохранившегося в якутском языке (як. *tip-* 'мести, заметать') при помощи афф. *-i.* Дж.Клосон (EDT 436a) считает первичным значением *tüpi* 'сильный ветер', а затем 'сильный ветер, несущий снег или пыль' и относит к производным от *tüpi* – турк. *tüwelej* 'dust-storm'.

Упомянем также производные от глагола *čap-* 'произвести набег, налет; нападать': чаг. *čapqun* (P I 352; Буд. I 452; НАЛ 682); аз. *čowγγn*, турк. *čapγγn* (в составе *čapγγn jel* 'резкий студеный ветер'); кирг. *čapqyn*; уйг. *čapqun,* уйг.диал. *čapγun* (Le Coq 89). Значения: 'вьюга' – аз., кирг.; 'метель' – аз., уйг.; 'буран' – чаг. (НАЛ), кирг. (сильный); 'внезапная снежная буря' – уйг.диал.; 'буран со снегом и дождем' – чаг. (НАЛ); 'ветер, дождик и снег' – чаг. (Буд.); 'сильный ветер' – чаг. (НАЛ).

Как отмечает Л.С.Левитская, первоначально *čapqyn* в значении '*налетевший' могло выступать в определительных словосочетаниях типа турк. *čapγγn jel* 'резкий студеный ветер', а затем семантика определительного словосочетания в результате его свертывания закрепилась за словом-определителем (СИГТЯ 1997, 48).

«ПОЗЕМКА (вьюга с низовым ветром)»

Специальное название поземки зафиксировано в нескольких языках, оно является производным от названий других природных явлений, связанных со снегом: каз. *borasyn* 'поземка' (также 'вьюга', 'небольшая снежная буря'), кирг. *borošo* 'поземка, буран низом, заметь'. Слова образованы от глагола *bora-*, который присутствует в названии бури – *boran.*

Как правило, названия атмосферных явлений многозначны и в древних памятниках, и в современных языках. Древние тюрки одним словом обозначали ряд семантически связанных метеорологических явлений. Учесть все значения метеорологических названий на современном этапе изученности лексики тюркских языков и древних памятников фактически невозможно. Поэтому некорректно заявлять, что данное слово или значение слова присуще только данному языку и отсутствует в других.

ОКРУЖАЮЩАЯ ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ СРЕДА

Характеризующая среду обитания народа географическая терминология разделяется на терминологию естественного и антропогенного ландшафтов, хотя их противопоставление не носит абсолютного характера, что проявляется в способности обеих терминологий служить основой для формирования топонимии, изучение которой представляет интерес и для ландшафтной терминологии в целом.

Тюркские ландшафтные термины относятся к числу относительно хорошо изученных: их основательное знание оказывалось необходимым для успеха топонимических исследований. Их лексикографическая обработка осуществлена Э.М.Мурзаевым (Мурз. 1984), но зачастую внетюркские сравнения здесь не вполне соответствуют нынешним лингвистическим знаниям и требуют проверки. Более строгий отбор терминов и их тюркского и алтайского фона сделан в «Топонимическом словаре Горного Алтая» (Молч.ТСГА). Проблемный анализ тюркских географических терминов преимущественно в топографическом плане сделан в Мурз. 1996, что требует лингвистических дополнений в историческом плане, частично предложенных в данных материалах.

Общетюркская географическая терминология, характеризующая естественный ландшафт мест первоначального обитания тюрков, в своей совокупности позволит подойти к решению вопроса о прародине пратюркского этноса. Сюда относятся слова, обозначающие элементы рельефа, водной сети, почв, растительного покрова и частично распространяемые на антропогенные элементы ландшафта.

О древности ландшафтных терминов можно судить по степени их распространения в тюркском языковом ареале: более широко распространенные, особенно общетюркские, термины вполне могут считаться более старыми, чем термины, охватывающие более узкие ареалы, хотя теоретически вполне возможны и случаи, когда отдельные эндемические тюркские географические термины могут быть реликтами былого более обширного бытования термина, но доказательство последнего приходится искать уже за пределами тюркских языков. Такие слова надо отделять от тюркских заимствований в других языках.

Общетюркское наименование песка *qum* (уйг., ср.-тюрк., чаг., тур., турк., каз. и т.п.), тат., башк. *qŭm* получило в некоторых языках суффиксальное расширение *qumaq, qubaq* (узб. диал.) 'песчаная почва', (казан.) 'песчаный холм', як. *kumaχ*. Из тюркской языковой области происходят калм. *хит* 'песок, пыль' и монг. *qum-aχ* 'песчинка' (Räs. VEWT 299b).

Сохранившееся в диалектах Горного Алтая название дёрна *joŋ* (тел., куманд.), *ńoŋ* (Туба), по-видимому (вопреки Räs. VEWT 206), соотносится с чув. *śum* 'сорняк' (откуда мар. *śom, sam – то же, śomla-* 'полоть', а также венг. *gyom* 'сорняк', *gyomlal* 'полоть' – Егор. 218).

Если название песка *qum* являет пример заимствования из тюркских языков в монгольские, то последний пример сочетает в себе сохранение термина в крайних точках тюркского ареала с заимствованием термина в финно-угорские языки.

В некоторых языках центрального ареала это название дёрна было вытеснено инновацией *čim* (чаг., тур., нуйг.), которая в Диване Махмуда Кашгарского имеет более частное значение – 'острец'[78]. Форма *čümän* 'pré, prairie' в Булғат-ал-Муштақ явно обнаруживает контаминацию с персидским *čämän*, которое отражено в тур., нуйг. *čämän* 'трава, луг', турк. *čemen* 'луг', куманд. *čämänä*, *čäbäna* (Räs.VEWT 104a).

Все это последнее гнездо *čämän* М.Рясянен сопоставляет без определенного вывода с целым рядом тюркских континуатов праформы *čäräm* типа казан.-тат. *čiräm* 'низкая трава, дёрн' (отсюда чув. *śerem* 'дерн, поле, заросшее травой; залежь' > мар. *šörem*), башк. *siräm* ~ *sıδäm* 'целина', ?чув. *śaran* 'луг, заросший травой' (> мар. *särän*), як. *siräm, sirām, siriäm* 'особый вид трубчатой травы' (Räs.VEWT 105a).

Название каменных россыпей, обломков скал, валунов *qorum,* отмечаемое уже в Кутадгу-Билиг и у Махмуда Кашгарского, у последнего фиксируется также в переносном значении 'масса скота' (ДТС 460), отличающуюся огласовку второго слога имеет в новоуйгурском *qoram* 'щебень, дресва' (БН 125). Ср. алт., тел., леб., шор. *qorum*, алт.тел. *qorym*, тув. *xorum* 'груда камней, надмогильный курган', хак. *xorym* 'громада скал; каменистые россыпи' (Räs.VEWT 283a), откуда камас. *kōrum, kōrym* (Joki 196). Слово не зафиксировано в языках тюркских народов, проживающих в равнинных областях, где нет соответствующих элементов горного ландшафта. В русских говорах Горного Алтая зафиксировано производное *курумник* 'каменистая россыпь на склоне или у подножия горы' (Мурз. 1996, 111).

Засвидетельствованное уже в уйгурских памятниках и у Махмуда Кашгарского *topraq* 'земля, прах, пыль' (ДТС 575) обнаруживает явную словообразовательную связь с глаголом *topra-* 'сохнуть, высыхать' и производными от него залоговыми формами *topraš-* 'покрываться пылью, превращаться в пыль' и *toprat-* 'вытаптывать, выбивать' (ДТС 575, по материалам МК); оно представлено почти во всех тюркских языках в форме *topraq*, а также близких формах *tofraq* (нуйг.; также *topraq*), *toprax* (аз., кар.), *tupraq* (тат., башк.), *tobraq* (чаг.), *toburax* (як.), *tăpra* (чув.) и имеет монгольское соответствие *togurag* < **towurag*, откуда тув. *dovuraq* 'земля' (Räs.VEWT 489b), к чему добавляют тунгусо-маньчжурское соответствие *tukala* 'земля, почва, песок, глина' (ТМС II 207), что дает возможность реконструировать алтайскую праформу **t'uk'p'ar* 'пыль, земля' (Дыбо 1996, 11). Значение 'пыль', вероятно, вторично, поскольку на тюркской почве оно более последовательно выражается лексемой **tōz* с дериватами *tozun, tozan.*

---

[78] Räs.VEWT 111 для *čim* дает значение 'Torf', 'feucht, frisch'. Едва ли можно связать это загадочное тюркское слово с ностратическим названием травы, которое восстанавливается (под вопросом) на базе: картв. **c'am-/c'em-* 'трава' и сем.-хам. **šm-* 'растение' (Илл.-Св. 1967, 369).

Общетюркское название пыли **tōz* (зафиксированное уже в ДТС 578–579: *toz* 'пыль, прах') имеет параллельную глагольную форму *tōz-* 'пылиться, становиться пылью' – ДТС 579: *toz-* 'подниматься – о пыли, запахе и т.д.' Хотя в качестве основной цитаты в ДТС приведено предложение из МК *toz tozardy* 'поднялась пыль' с производным глаголом *tozar-*, но глагол *toz-*, судя по синонимичному парному глаголу *toz- ön-* и каузативу *tozyt-* (*ol topraq tozytty* 'он поднял пыль' – МК), на тюркской почве все-таки был. Наряду с конверсией глагольно-именной основы **tōz-* 'пылиться, становиться пылью' в именную **tōz* 'пыль' от глагольной основы были образованы именные основы *tozun* (алт. и др.), *tozan* (новоуйг., тур., турк.), *tuzan* (тат.), откуда чув. *tuzan*.

М.Рясянен (VEWT 492a) считает возможным сопоставление с (глагольной!) основой *topra-*, давшей название земли *topraq*. Если это и не так, то здесь все равно обнаруживается лишь вторичное сближение.

М.Рясянен, не учитывающий др.-тюрк. глагол *tōz-* 'пылиться, становиться пылью', добавляет к *tōz* 'пыль' чаг., новоуйг. и каз. *toz-* 'распадаться на мелкие куски, распылять', а также алт. и т.п. *tos-* 'рассеиваться' (Räs. VEWT 492), что позволяет в тюркском названии пыли **tōz* видеть результат конверсии глагольной основы **tōz-*, которая соотносится с девербативным **topraq*.

Семантическое расхождение между тюркским **tōŕ* > **tōz* 'пыль', которое восходит к глаголу (!), и тунг. *мур* 'земля' (эвенк.), эвен. 'земля, почва; место, местность; страна, мир; планета', нег. *мӯй* 'земля, почва; место, местность; подземный мир'; нан. *мурка* 'ком земли', которые в ТМС II 217–218 сопоставляются с як. *tuoramas, tüölba* 'глыба, ком земли', делает весьма проблематичным их родство с алтайской праформой **t'ōŕ* 'земля, пыль', постулируемое у А.В.Дыбо (Дыбо 1996, 11). К этому присоединяется и расхождение вокализма; тюрк. *-ō-* при тунг.-маньчж. *-u-*, не позволяющие идентифицировать тюркскую и тунгусо-маньчжурскую праформы.

Тюркское название мела, глины, неплодородной земли, целины и т.п. **bōr* широко представлено на тюркской почве с закономерными изменениями начального согласного *b- ~ p-* и гласного *o – u* по соответствующим языкам (обзор форм и значений см. ЭСТЯ 1974, 192–193), оно имеет хорошие соответствия в монгольских языках (калм. *bor^{o} tserəD* 'гипс', бур. *bor* 'глина' – Räs.VEWT 80в), а также в корейском *morä... mosa...* 'песок...' с хорошими соответствиями в других ностратических языках, которые позволили В.М.Илличу-Свитычу восстановить ностратическую праформу **burʌ* 'пыль' со следующими репрезентациями: алт. **bura* 'пыль, песок, пепел' ~ урал. **pora* 'пыль, пепел' ~ дравид. **puṛʌ-* 'пыль, пепел' ~ картв. **b/u/ryw-* (сван. *biryw* 'пыль') ~ сем.-хам. **bwr* (чад.: ангас *bur* 'пыль, песок') (Илл.-Св. 1967, 358). Впоследствии В.М.Иллич-Свитыч внес коррективы в реконструкцию как по семантической, так и по фонетической части, поставив во главу угла ностратическую двойную праформу **bur(H)ʌ/bor(H)ʌ* 'рыхлая земля, пыль'

со следующими репрезентациями (порядок следования их изменен в соответствии с порядком следования в предыдущей публикации в «Этимологии 1965»): алт. *bōr/b/ū/r* 'рыхлая земля, песок, известняк, пыль' ~ урал. *porʌ* 'пыль, песок, грязь' ~ дравид. *puṟ/poṛa* 'рыхлая земля, песок, пыль' ~ ?картв. *buryw* 'пыль' ~ сем.-хам. *b(w)r/b(w)rH* 'рыхлая земля, земля; песок, пыль'.

Алтайскую реконструкцию можно было бы уточнить, исправив первоначально предполагавшуюся огласовку *-u-* на уверенно реконструируемую огласовку *-o-*. Это можно сделать после устранения сомнительных по части принадлежности к данному случаю форм с огласовкой *-u-* из списка тюркских форм с устойчивой огласовкой *-o-*. Это касается прежде всего загадочной «горноалтайской» формы *pur* 'пепел', которая не подтверждается «Ойротско-русским словарем» Н.А.Баскакова и Т.М.Тощаковой (М., 1947), а также «Русско-алтайским словарем» под ред. Н.А.Баскакова (М., 1964). Также не подтверждается «Сравнительным словарем тунгусо-маньчжурских языков» (Т. I–II, М., 1975–1977) тунгусский (?) материал: чжурчжен., маньчж. *buraki* 'пыль, песок'; нан. *buräxin* 'пыль', ульч. *büräxi* 'пыль' (**büräki* < **buraki* с палатализацией под влиянием конечного *-i*) – Илл.-Св. I, 188 (№ 22).

Если также не привлекать сюда казавшиеся не подходящими уже самому В.М.Илличу-Свитычу монгольские данные (монг. письм., халха *bur* 'грязный, тенистый, темный', бур. *bur* 'ил, топь, глина' – если к тому же допустить изменение значения 'рыхлая земля' → 'ил, тина'?), то оснований для реконструкции вокализма *-u-* вместо *-o-* не останется и единая алтайская праформа восстанавливается – **bōrʌ/borHʌ*.

К ностратическому материалу В.М.Иллича-Свитыча, по-видимому, следует добавить индоевропейский материал, который обнаруживается на славянской (и германской) почве благодаря разысканиям Н.И.Толстого о славянском географическом (ландшафтном) термине **borъ*, имеющем наряду с известным у восточных славян значением 'сосновый лес, часто на песчаной почве' (то же значение у западных славян) у южных обычно значение 'сосна', сквозь эти значения в разных местах обнаруживается более раннее значение 'неплодородная почва, обычно песчаная, на которой вырастает сосновый лес'[79]. Славянскому **borъ* 'лес на неплодородной (песчаной) земле' ← 'неплодородная (песчаная) земля' хорошо соответствует германское **barwa* 'лес' (ЭССЯ 2, 217), которое едва ли может рассматриваться как славянское заимствование[80]. Слав. **borъ* и герм. **barwa* дают основание для реконструк-

---

[79] *Толстой Н.И.* Славянская географическая терминология: Семасиологические этюды. М., 1969. С. 22–41; *Он же.* О славянских названиях деревьев: *сосна - хвоя - бор* // Восточнославянское и общее языкознание. М., 1978. С. 115–117. Н.И.Толстой основное внимание сосредоточил на семантическом сдвиге 'лес' ↔ 'гора' и не обратил внимание на указание на неплодородную почву в славянском диалектном материале.

[80] *Мартынов В.В.* Славяно-германское лексическое взаимодействие древнейшей поры. Минск, 1963. С. 108–112; ср. теперь: *Сырочкин В.В.* Этимологические заметки // Этимология 1994–1996. М. 1997. С. 75–76.

ции индоевропейской праформы *bhoru-, которая хорошо вписывается в предложенную В.М.Илличем-Свитычем серию ностратических соответствий.

Вероятно, в огласовке ностратических рефлексов названия сыпучей, неплодородной почвы *borʌ (у В.М.Иллича-Свитыча первоначально burʌ) имела место какая-то старая контаминация с названием бури (снежной в северных или песчаной в южных регионах) *bur(g)ʌ (и.-е. *bhe(u)n 'бушевать' ~ алт. *bur(g)a 'вьюга, буря') ~ урал. *purkʌ 'вьюга' ~ картв. *buryw- ~ ? сем.-хам. *br (Этимология 1965, 332, с изменениями реконструкции в: Этимология 1966, 345 и Илл.-Св. I 189–190).

Тюркское название серого цвета *boz (< алт. *boŕ), которое было бы соблазнительно связывать с названием пыли *bȍz, отличается от последнего отсутствием долготы гласного (вопреки ЭСТЯ 1978, 172) и в силу этого должно быть (пока) отделено от него.

Не лишен интереса параллелизм сравнительного выражения «как бор» в древнетюркском и древнерусском описаниях движения многочисленного кочевнического войска – *borća и акы борове, где следует предположить обозначение степной пыли (*Добродомов И.Г.* Загадочная параллель: *бур (бор)* орхонских рунических надписей и *боръ* (<*бъръ) «Повести временных лет» // Turcologica: К семидесятилетию академика А.Н.Кононова. Л., 1976. С. 241–246).

Пратюркское название воды *sūb > sū, suw; suy (ср.-уйг.), як. ū, чув. šu ~ šyw ~ šăv, башк. hu (ср. также чув. šŭ- ~ šăw- 'мокнуть', šăwă 'жидкий' ~ ? тюрк. *sujuk, suwyk*)[81] могло употребляться в качестве обозначения реки, взаимодействуя в плане вытеснения с древним названием реки *ögüz* типа др.-тюрк. *ögüz* 'река', (перен.) 'обилие, множество', ср.-кыпч. (CCum) *ögüz* 'река', сюг. *ügüz* 'река', (?) чаг. *öjräm* 'водоворот' (М.Рясянен сопоставляет с монг. *üjer, üjir* 'паводок, разлив', откуда тув. *üjer* 'наводнение, разлив').

Вопреки ходячему предрассудку, тюркское название воды *sūb не имеет отношения к алтайскому ū 'вода' (монг. *u-sun*, ср. также эвенк. ū 'волна') и к уральскому соответствию для последнего *uwa 'поток' (Илл.-Св. 1967, 334), к чему побуждает як. ū 'вода' из *sū в результате недавней элизии начального *s-*.

Весьма архаичный характер имеет сложение *jer sub (suw)* (букв. 'земля и вода') 'земля, материк' (ДТС 257), которое широко представлено во многих современных тюркских языках: тат. *žĭrsū* собират. 'земля – вода, угодье, поместье', баш. *jĭr-hyw* 'общее наименование родной земли, земля – вода, угодье', ккалп. *žer-suw* 'угодье', кирг. *žer-sū* 'земля – вода; земля и условия, где можно вести земледельческое и скотоводческое хозяйство', узб. *jer-suw*

---

[81] Иллич-Свитыч на основании алт. *subʌ 'вода', и.-е. *seu(H) 'жидкость; лить', картв. *s/w- 'пить', сем.-хам. */š/w- 'пить' восстанавливает нострат. *sʌwʌ- 'жидкость' (Илл.-Св. 1967, 341), с чем, вероятно, соотносится нострат. *sulʌ 'влажный': алт. *sula 'влажный' (маньчж. šulă 'гной, сок', як. ul- 'таять') ~ и.-е. *sulā 'сок, напиток' ~ урал. *sula- 'таять, талый' ~ картв. *s/wel- 'мокрый, мочить' ~ ?сем.-хам. */š/w/ (чад.: музгу *sul* 'род опьяняющего напитка') (Илл.-Св. 1967, 333). Сам Иллич-Свитыч эти слова не соединяет. Связь с японским *sui* (< кит.), *mi-su* 'вода' (Фед. 1932, 171: вслед за Й.Грунцелем) нуждается в проверке.

'земля (орошаемая); поместье', уйг. *jär-su* 'владения', чув. *śĕr-śyw* 'страна, местность'.

Тюрко-монгольское название реки **jylγa ~ *ǰylγa,* распространенное на западе тюркского языкового мира (тур., турк., тат., башк., каз., ккалп., уйг. и т.п.), возможно, является ранним монголизмом (Räs. VEWT 200), который контаминировался с монголизмом *ǰülge* 'долина, поле' (ЭСТЯ 1989, 36, 38), а также с общим названием реки **jul* (в каз. диал. в форме *žulγa*), развившимся, вероятно, из более раннего **jul* 'источник, родник' (= чув. *śăl*), через ступень 'ручеек, ручей, поток' (ЭСТЯ 1989, 244). Также старое западнотюркское название большой реки **(j)yrmaq* (тур. *yrmak*, тат. *ǰyrmaq*, чув. *śyrma*), вероятно, является отглагольным производным от корня **yr-* 'течь' (ЭСТЯ 1974, 664–665).

Общетюркское название моря (океана) *täŋiz* (с оглушением конечного согласного в алтайском *täŋis*, озвончением начального согласного в тат. *dīŋəz, dīŋgəz*) в форме с зетацизмом проникло в монг. *čiŋγis* (Kow.), а также в чув. *tinĕs* (булгарская форма с ротацизмом сохранилась в венгерском *tenger* 'море'), выдержало конкуренцию с проникшим в древнетюркскую литературу китайским *taluj* (*ta* 'большой', *luj* 'волна, поток') (*Bazin L.* Emprunts turcs préislamiques en Haute-Asie. Quelques champs semantique privilégiés // Diogène, Paris, 1995. № 171. P. 45).

В некоторых языках древнее тюркское нарицательное наименование источника, ключа *jul* (ДТС 277): *jul* 'источник, ручей', хак. *čul* 'ручей', чув. *śăl* (обычно *śălkuśă*) 'родник, ключ, колодец', сохранившееся в хакасском, саларском и чувашском языках, иногда приобретает значение 'река' (саг., кыз., койб., кач.). Предполагается енисейское (ассанское) происхождение термина (ЭСТЯ 1989, 244), широко отраженного в топонимии Южной Сибири (Молч.ТСГА 40–43). Старым тюркизмом считается марийское название Волги *Jul* (*Sinor D.* Yul // StO. Helsinki, 1964. Bd. XXVIII. H. 7).

Древнее тюркское название большой реки сохранилось в названии Волги: чаг. *ätil, ädil,* каз. *edil,* тел. *ädäl,* тат.башк. *idəl* (отсюда манс. *ɛ̈ɛ̈l* 'морская вода'), чув. *atăl* (Räs. VEWT 52).

Вторично в сферу гидрографической терминологии был втянут анатомический термин *öz* 'сердцевина, внутренность', на базе которого возникло также возвратное местоимение *öz* 'сам, себя, свой'.

Форме *ӧz* в чувашском языке закономерно соответствует *var* 'середина; живот' (О.Прицак считает, что гуннское название Днепра *Var* связано с этим тюркским названием реки – ZDMG 104: 124–135), а за пределами тюркских языков монг. *örü* 'подложечная впадина', тунг. *ur, uri-gde* 'живот, нутро' и т.п. (ЭСТЯ 1974, 506–508). Як. *örüs, ürüs* 'большая река; Лена, Колыма, Чона', *uraχ* 'речка' (Räs.VEWT 375), вероятно, представляет собой старый монголизм с суффиксацией, соответствующий общетюркскому *ӧz* с семантическом сдвигом.

Значение 'река; русло' и т.п. (подробности см. ЭСТЯ 1974, 511) возникло метафорически: река протекает в середине долины.

Исторически уменьшительными образованиями от основы *ӧz* являются считающиеся сейчас омонимами (ЭСТЯ 1974, 509–510) этимологически уменьшительные формы *özek* I 'сердцевина, внутренность, стержень, центр, середина и т.п.' и *özek* II 'река, ручей, проток, русло, промоина и т.п.'

В свете всего сказанного едва ли справедливо предположение Т.Ковальского о связи тюркского слова типа каз. *özen*, тат. *üzän* с уйг. *ögüz* (у Ковальского *ügüz* – *Kowalski T. Öz* 'Bach', 'Strom' etc. im Osmanischen // KCsA. Budapest, 1929. I, 5, 409–410) 'поток, ручей', ибо последнее имеет, вероятно, отдельное происхождение и свой регион распространения (ДТС 382: *ögüz* 'река', сюг. *ügüz* 'река'), что Рясянен (Räs. VEWT 369) сравнивает (едва ли убедительно) с монг. *üjer, üjir* 'наводнение' (откуда тув. *üjer* 'наводнение, разлив').

Если тюркское название реки реки *ӧz, ӧzek, ӧzen* охватывает почти весь тюркский языковой ареал от караимского, турецкого и гагаузского языков на западе до хакасского и якутского (*üös*) на востоке и, очевидно, является образованием на тюркской почве, то сосредоточенное в тюркских языках преимущественно Центральной Азии название реки *qol* выглядит как весьма вероятный новый монголизм, причем в некоторых языках (например, киргизском) оно известно исключительно в составе топонимов.

Общеалтайское по своему распространению слово *qol* ~ *gol* имеет хорошие ностратические соответствия с семантикой 'сердце'. В.М.Иллич-Свитыч восстанавливал для них следующие праформы во главе с ностратическим **g/ʌw/lʌ*: алт. **gōlʌ* 'середина' ~ картв. **gul-* 'сердце' ~ сем.-хам. **gwl-* 'сердце' (чад.: музгу *agúl*, гуду *guraksə*) (*Илл.-Св. 1967, 364; Илл.-Св. I, 231* с несколько иной реконструкцией – *golHʌ*, с вопросом к семито-хамитскому материалу и дополнением под вопросом дравидийского **kuṇṭʌ* 'сердце, почки, грудь').

Несколько неожиданным оказывается наличие речного термина *-kol* (тюркского? монгольского?) в составе гидронимов Восточной Европы – *Оскол, Ворскла ~ Ворсколъ, Воргол* и т.п. (*Добродомов И.Г.* Оскол (этимологический этюд) // СТ. 1988. № 2. С. 81–91; *Добродомов И.Г.* Ворскла // Русская речь. 1987. № 2. С. 114–118), а также на территории нынешних Магаданской, Камчатской областей и востока Якутии, где в названиях рек представлен своеобразный речной формант *-куул/-коол* (чук.) или *-куюл/-кууль* (коряк.), который едва ли справедливо соотносят с тюркским речным термином *qol* (и озерным *köl* – о последнем см. далее) (*Леонтьев В.В., Новикова К.А.* Топонимический словарь Северо-Востока СССР. Магадан, 1989. С. 33–34); по́зднее применение к реке тюркского термина *qol* 'река, долина' ставит это сопоставление под сомнение.

На тюркской почве гидрографический термин *qōl* (с долгим гласным) совпал в большинстве языков с анатомическим термином *qol* 'рука' (с кратким гласным корня), поэтому в некоторых языках возникла своеобразная полисемия типа тур., гаг. *kol* '1) рука, 2) рукав реки, проток', иногда рас-

сматриваемая в качестве омонимии, как в кумыкском I *qol* 'рука' и II *qol* 'долина, лощина'. Четкое противопоставление географического термина *göl* 'долина, низина' и анатомического (соматического) *gol* 'рука' сохранилось в туркменском языке в живой речи, при одинаковом орфографировании *гол* на письме (*Добродомов И.Г.* Этимологические этюды // Проблемы осетинского языкознания. Орджоникидзе, 1987. Вып. 2. 47–50 – приведенный здесь материал подан с многочисленными опечатками, что надо учесть).

Топонимисты часто рассматривают как один гидрографический термин фактически четко противопоставляемые как фонетически, так и семантически тюркские названия реки, долины *qȍl* и озера *kȏl*, которые отличаются как фонетически, так и семантически.

Название озера *kȏl*, которое имеет общетюркское распространение[82] с восстанавливаемой на основе турк. *kȏl* и як. *küöl* 'озеро' долготой гласного, только в тувинском имеет спирантизацию *xȏl*, а в турецком – озвонченное начало *göl*, что позволило Г.Дёрферу высказать предположение о заимствовании слова из среднеперсидского *kwl* 'яма' (Doerf. III, 646, № 1682), но с этим согласиться трудно.

В.М.Иллич-Свитыч восстанавливает для озера ностратическую форму */ḳ/oʟʌ на базе следующих праформ: алт. **kʿȏl* 'озеро, водоем'; ? уральск. **kelʌ* 'пруд, болотце, речной залив'; дравид. **k/o/lʌ* 'водоем, пруд'; сем.-хам. **ḳʷl* 'водоем, река' (чад.: логоне *kula* 'озеро') (Илл.-Св. 1967, 352; Илл.-Св. I, 305–306: реконструкция несколько отличается; снят вопрос с уральск. *kelʌ* и добавлен под вопросом – из-за семантики – и.-е. **gu̯el-* в связи с др.-верх.-нем. *quella* 'источник, ключ').

В названиях водных объектов (текучих вод и стоячих водоемов) обращает на себя внимание обилие терминов для первых и гораздо большая бедность терминов для последних, причем название воды как таковой у тюрков (*sub*) ассоциируется с текучими водами, которые составляли весьма существенный компонент географических условий проживания.

Неполнота собранного материала и его неопределенность во многих случаях не позволяют делать окончательные выводы, а привлечение новых данных заставляет по-иному ставить вопрос и даже частично его решать, как это имеет место с гидрографическим термином *mürän* 'река', которое ДТС 354 дает на основе цитаты из «Легенды об Огуз-кагане» – *köp müränlär köp ögüzlär bar erdi* '[там] было много рек, много потоков' – в сопоставлении с монгольским *müren*, что как бы указывает на источник заимствования. М.Рясянен располагал уже более значительным и более точным материалом, исправив огласовку монгольского слова, но оставил уйгурское слово без необходимой поправки: «уйг. (-кит.) *mürän* 'река', сюг. *mörin*, сал. *morɛn*, монг. (Ram. KWb 267) *mören* 'широкая река'» (Räs.VEWT 348a)[83].

[82] Чув. *küllĕ*, вероятно, из-за огласовки *ü*, а не ожидаемой при долготе гласного *ăwa* следует рассматривать как заимствование из поволжско-кыпчакского источника.

[83] Огласовку уйгурского слова исправил Г.Дёрфер (Doerf. 506, № 373).

Привлечение сюда нового материала, подобного тюменско-татарскому *büräп* (Мурз. 1984, 104: *бурян* 'небольшое озеро, старица, рукав реки'), а также гидронимов типа речного названия *Муранка* (*Барашков В.Ф., Дубман Э.Л., Смирнов Ю.Н.* Самарская топонимика. Самара, 1996. С. 125) позволяет ставить вопрос об исконном характере тюркского названия реки *mören/bören,* которое имеет не только алтайские (монг. *mören*, кор. *mul/r* 'вода' – ТМС I, 548–549), но и ностратические соответствия при праформе **m/äh/ŕʌ* 'вода': и.-е. **m/o/Hr-* 'море, болото' ~ алт. **mörä* 'вода, река' ~ урал. **m/a/rʌ* 'влажный, окунать' (угор.; ср. самод.: *mārį* 'бухта', 'озерцо') ~ драв. **märʌ-* 'вода, дождь' (юж.-драв.) ~ картв. *m/e/re* (мегрел. *mere* 'озеро', груз. зап. *mere* 'влажная низменность') ~ сем.-хам. **bḥr* 'разлив, река, море'[84]. Тунг.-маньчж. *му* 'вода' (< *mə̄*), вопреки традиции, идущей от Г.И.Рамстедта, сюда не относится: В.М.Иллич-Свитыч (Илл.-Св. 1967, 334) выделяет в отдельное ностратическое название воды **mawʌ*: и.-е.**meuH* 'влажный' ~ алт. **mə̄* 'вода' (тунг.) ~ сем.-хам. **mw* 'вода'.

Зафиксированное у Махмуда Кашгарского тюркское название лужи *qaq* (ДТС 422)[85] сохранилось в тюркских языках Сибири и Средней Азии (каз. *qaq* 'лужа', кирг. Юдахин 1965, 326 *qaq* 'небольшое углубление в горах, где задерживается влага атмосферных осадков', хак. *хах* 'место, где водится рыба' (саг.), 'мусор, сор' (кыз.), бараб. Р II, 57 *qaq* 'стоячая вода, пруд, лужа'), но в большинстве тюркских языков приобрело значение 'сухой, суша и т.п.' через промежуточное значение как у каз. *qaq žer* (Р II, 57 – *kir*) *'голое, сухое место, где нет ни деревьев, ни травы': в местах, где часто образуются лужи, растительность обычно отсутствует.*

Монг. *хag* (калм.) 'грязь, солончак', (халха-монг.) 'солончак, высохшее солончаковое болото, солончаковая грязь' (Мурз. 1984, 242а), вероятно, следует считать тюркизмом с некоторым семантическим сдвигом.

Тюркское название болота **sāŕ* – тат. и т.д. *saz,* башк. *haδ,* алт. *sas*, чув. *šor*, *šur* (> мар. *šor* 'накипь, грязь', венг. *sár* Gomb.$_2$ 113) имеет соответствия в алтайских языках: монг. *širuγai* 'пыль, земля', тунг. *siruγǯ siryį* 'песок' (Räs.VEWT 406b)[86], что в качестве первоосновы заставляет видеть семантику 'неплодородная земля'[87], которая была конкретизирована в качестве обозначения болота на тюркской почве.

Производное с помощью суффикса *-(q)aq* от глагола *bat-* 'погружаться, опускаться, нырять, гибнуть, скрываться и т.п.' название болота *bataq*

---

[84] Впоследствии праформы В.М.Иллича-Свитыча были изменены в сторону уточнения: ностратат. **märä* 'влага, влажный', алт. **mörä-/*müRä-* 'море, река, вода' (Илл.-Св. II 60–61).

[85] *Рустамов А.* Махмуд Кашгарский о словах с звуковой оболочкой *qaq* // Turcologica: К семидесятилетию академика А.Н.Кононова. Л., 1976. С. 146–147.

[86] ТМС II 96 тюркскую параллель не учитывает.

[87] В.М.Иллич-Свитыч (под вопросом!) включает алтайск. **sāŕ* в число репрезентантов ностратического глагольного корня **šarʌ* 'течь': и.-е. **ser* 'течь' ~ урал. **š/a/rʌ* 'поток, озеро' ~ дравид. **cār* 'сок, похлебка' (Илл.-Св. 1967, 369).

(огуз.) ~ *batqaq* (кыпч. и т.д. > чув. диал. *putxax* и рус. астрах. *баткак*) имеет почти общетюркское распространение (ЭСТЯ 1978, 80), но есть также образования с другими суффиксами *bat-laq*; *bat-dag* (аз. диал.), чув. *put-lăx* 'болото' и т.д. (Doerf. II, 230–231).

Довольно причудливую семантику имеет географический термин, промежуточный между обозначениями рельефа и гидрографией *saj* (в ДТС 481: *saj* 1) каменистое место вулканического происхождения; 2) пустынная равнина = *saj jazy*): чаг., турк. *saj* 'мелкий (о воде)'; чаг., каз. 'река'; 'узкий, длинный овраг, балка', кирг. Юдахин 1965 'русло реки' (P IV 219–220). С этим корнем связан глагол *sajyq-* тат., тоб. 'быть мелким, обмелеть' (P IV 220).

Соотносительное с термином *saj* образование *sajyz* 'мелкий' (ккалп. *sajyz* 'мель, отмель; мелкий, неглубокий'; каз. *sajaz, sajyz* 'неглубокий, мелкий' наряду с *tajyz* – то же; кирг. *sajaz* (редко) и *tajyz* 'мелкий'), вероятно, испытало влияние со стороны терминов типа тел. *taiyys* = *tajys* = *tajyz* 'мель, мелкий' (ср. саг. *tajz-aq* 'мелкий', турк. *tajyz-lyq* 'мель'), а также отдельно даваемых М.Рясяненом по К.Брокельману ср.-тюрк. *tajyz* 'высоко расположенное место' (ДТС не отмечает) и 'холм' у Ибн Муханны (Räs. VEWT 455, 456a).

Не вполне ясна и тувинская ротацистическая форма *sajyr* 'галька; высохшее русло реки, покрытое галькой' при *saj* собир. 'галька; мель', ср. также *sajyram* 'покрытый галькой'.

Во всяком случае от преимущественно гидрографического термина *saj* следует категорически отделить чагатайский и турецкий термин *čaj* 'маленькая речка, ручей', хотя *č* изменяется в *s* в якутском и башкирском, сагайском, койбальском, бельтирском, шорском (Ряс.Мат. 156): ареалы *č* > *s* и ареалы распространения терминов *čaj* и *saj* не совпадают. Это же относится и к загадочному якутскому термину *čaj* 'плоский у воды берег, крупный песок', который не может быть тождественным с *čaj* 'речка, ручей'. Смешение этих трех разных гидрографических терминов допущено по созвучию в «Словаре народных географических терминов» Э.М.Мурзаева (М., 1984. С. 491–492).

Отмеченному «Древнетюркским словарем» названию леса, чащи, зарослей *bük* (ДТС 31) Рясянен придает значение 'болото (Sumpf)' и приводит чагатайскую параллель *bök* (вместо естественного *bük*) 'лес' и (кара)кирг. *bök* 'холм' (P IV 1693), исправляя последнюю на *bük* под влиянием турецкого *bük* 'горный проход, узкая долина, узкий овраг', 'холм с деревьями' (P IV) и хак. *pük* 'луг' (в ЭСТЯ 1978, 290–293 незакономерно включено в один ряд с глаголом *bük-* 'гнуть, сгибать(ся) и т.д.').

Тюрко-монгольское название границы, края, берега типа уйг. *qydyγ/ qyδyγ* 'граница, берег, край' (ДТС 440), Ибн Муханна *qyjyγ*, ср.-кыпч. (CCum), тур. *kyjy* 'край', *kyj* 'берег, край', чаг., Леб. *qyj* 'берег, край'[88], Тоб. *qyjū* 'кайма', саг.,койб. *qyjyγ* 'край' (? из кыпч. чув. *хăju* 'красная лента', *xaju*

[88] С этим словом Г.В.Вернадский (см. его: История России: Древняя Русь. Тверь; М., 1966. С. 337) связывает топоним *Киев* через личное имя *Кий*.

'лента'), сюг. *qyzyγ* 'край, берег', чув. *xĕrĕ, xĕrri* 'край, граница, берег' [возможно чув. *xĕrĕ* относится к группе: тат. *qyryj* 'сторона, край', шор. *qyryγ* 'край, берег', кум. *qyryj* 'край, грань'], балк., кар. *kyjyr* 'край, берег' = як. *qytӯ, qytya* ~ монг. *hiǯaγar* < **qydyγar* (Räs. VEWT, 261a), скорее всего противопоставлено как название отлогого берега названию берега обрывистого *jār/ǯār*, соотносительного с глаголом *jār-/ǯār-* 'раскалывать, копать' (ЭСТЯ 1989, 17–18).

Тюркское название горы **tāγ* (др.-тюрк. *tāγ* – ДТС 525), турк. *dāγ*, уйг. *taγ*, диал. *taq, tax*, узб. *tåγ*, каз. и т.п. *taw*, чув. *tu, tăw*, алт. *tu*, кирг. *tō*, як. *tya* 'лес' и т.п.) отражает семантическую связь с лесом как топографическую универсалию (*Мурзаев Э.М.* Гора – лес // Русская речь. 1967. № 1. С. 80–82; *Толстой Н.И.* Славянская географическая терминология: Семасиологические этюды. М., 1969. С. 22–103). Значение **tāγ* 'гора' выглядит первичным, хотя монгольское соответствие **taji-γa* 'горный лес' центром семантической тяжести имеет 'лес' (отсюда русское *тайга*, а также алт., тел., леб., шор., саг. *taiγa* 'скалистые горы', алт. *taika* – Р III 497, 767).

Значение леса на возвышенных местах (сибирск. русск. *чернь*) имеет сохранившееся сейчас преимущественно в тюркских языках Сибири слово *jyš*: ДТС 268 *jyš* 'нагорье с долинами, удобными для поселений', ср.-кыпч. *jyš* 'пустующая, невозделанная земля' (CCum 134); алт.леб., туба *jyš* 'горы, покрытые лесом, чернь' (по сибирск. *тайга*, в алтайском обратное: *majŋa* 'скалистые горы', по сибирскому говору 'камень') = шор. *čyš* = саг. *čys* (Р III 497, 2095, 2097) = тув. *čys: daγnyŋ č. bažy* 'самая вершина горы', хак. *čys* 'густой лес, чернь', як. *sis* 'спинной хребет; хребет, спинка; горная цепь' (Räs.VEWT 202a). Ср., однако: ккалп. *žys*: *žys toγaj* фольк. 'густой лес'; башк. *jyš* 'часто, нередко; частый, густой, плотный': *jyš iläk* 'частое сито'.

В западной части тюркского языкового ареала употребляется в качестве названия леса как растительного элемента ландшафта слово *orman* (ДТС 371, тур., ктат., кар.К., кум., кбалк., каз., ног., ккал., тат. диал., чаг., узб., сал.; кирг. обычно *toqoj*, редко *ormon*; тат., башк. *urman*, чув. *wărman*), которое Л.Рашоньи и Г.Рамстедт выводили от *or* 'холм, гора' (причем последний сопоставлял с *orman* также кор. *orom, orąm* 'гора, высота' – ЭСТЯ 1974, 473), хотя тюркское слово *or* обычно имеет семантику 'ров, канава, овраг' (ЭСТЯ 1974, 467). Сближение же Э.В.Севортяна тюрк. *orman* с тохарским (А и В) *or* 'дерево, древесина, дрова' (ЭСТЯ 1974, 473) наталкивается не только на семантические (*orman* обозначает только растущий лес, но не материал из него), но и ареальные трудности: слово *orman* далеко оторвано регионально от мест распространения тохарского языка.

В восточном тюркском ареале сохранилось более древнее название леса *aryγ/aryq* (ДТС 51, 52; также в составе парного слова *aryγ-semäk* 'лес'), караг. (тоф.) *aryγ* 'еловый лес' (Castrén 77) = Рас. 156: *aryγ* 'густой лес на равнине', тув. *aryγ* 'лес (в долине реки)', хак. *aryγ* 'чаща, роща, заросли', як. *arӯ* 'остров; лесная чаща; поле, луг'. М.Рясянен относит сюда же и тув. *a'rγa*

'горный лес, бор' (Räs. VEWT 25b)[89], соединяя это название леса с уйгурским монголизмом *aral* 'чаща, заросли' (ДТС 50 значение 'чаща' дает под вопросом, выдвигая на первый план этимологическое значение 'остров').

М.Рясянен считает развившимся на базе монгольского анатомического термина *toqaj* 'локоть, излучина реки, пойменный луг' (Ram.KWb 397) (откуда як. *toŋonoχ, toγonoχ, toŋoloχ* 'локоть' < бур. *toχonoχ toχoj* + тюрк. *čyq-anaχ*) обозначение леса в центральных тюркских языках типа чаг., новоуйг. *toqoj* 'леса в низменностях, извилинах реки' (Р III 1147), чаг., новоуйг., каз., бараб., тоб. *toγaj* (чаг., Тоб.) 'луг, низменность, покрытая лесом', (Бараб.) 'извилина реки', (каз.) 'лес', 'множество', алт., тел., леб. *toqoj* 'острова и полуострова в реке, поросшие лесом и кустарником', казан.-тат. *tuγaj* 'омут', тув. *duγaj* 'изгиб, лука реки, локоть (мера длины)', як. *toγoj* 'извилина'.

В Саяно-Алтайском регионе в качестве общего названия леса обычно употребляется тюркское название дерева – *aγaš* (алт.), *aγas* (хак.). Аналогично в кумыкском языке – производное *aγač-lyq*, наряду с *orman.*

Общетюркское название возвышенной местности, плоскогорья **qyr* (см. ДТС 445: *qyr* 'плотина, плоскогорье', *qyra* 'пашня, поле') имеет почти общетюркское распространение: тур. *qyr* 'степь, равнина' (Р II 733), кум. *qyr* 'поле, полевой; дикий; наружный' (Räs. VEWT 265в: 'Gasse, Platz'), тат., тел., саг. и т.д. *qyr* 'край, кромка', (тат.) 'поле, нива', хак. *xyr* 'гора, горный хребет, возвышенность, холм'; чаг., новоуйг., узб. *qir* 'край, горный хребет', чув. *χir* 'поле, степь' (> мар. *ir, iŕ, χir*), алт., тел., леб., саг., шор., койб., кач., кюэр. *qyra* 'пашня, поле', хак. *xyra* 'пашня, вспаханное поле' (< монг.?), тур. *kyr-ak* 'край; соседний, близкий', *kyr-an* 'сторона, край'; шор. *qyr-aŋ* 'мыс' (=? шор. *qyryy* 'край, берег' и т.п.). К этому тюркскому материалу имеются хорошие монгольские соответствия *qira* 'плоскогорье, лес, степь; край, кромка' (Räs. VEWT 265b), к которым Э.М.Мурзаев (Мурз. 1984, 327–328) основательно добавляет финно-угорский материал типа коми-зыр. *кыр* [*кырй*] 'обрыв; крутой, обрывистый, высокий берег; гора' с праформой **kur* (Лыткин – Гуляев 153).

В этом урало-алтайском материале имела место явная контаминация с названием края, обрамления, каймы типа шор. *qyryy* 'край, берег', аз. *gyraγ* 'край', ср.-кыпч. (CCum), кар., тат. *qyryj* 'сторона, край, берег', кыз. (Joki) *χ^{a}rī* 'край, кромка', як. *kyrȳ* 'край'[90].

Эти тюркские названия края, берега имеют соответствия в тунгусо-маньчжурских языках типа эвен. *кира, кири, кириj, кирин, киру* 'край, бок; грань, плоскость; ребро, угол и т.п.' (ТМС I 397).

М.Рясянен (Räs.VEWT 221a-b) считает тюркские названия скалы типа **qaja* заимствованными из монгольского *qada*, как и тунг.-маньчж. *kadāga,*

---

[89] Э.В.Севортян (ЭСТЯ 1974, 187–189) едва ли оправданно соединяет с *āryq* 'оросительный канал, арык, канава, река и т.д.'

[90] Этот материал на тюркской почве частично сблизился с названием края, границы типа *qydyy ~ qydyy ~ qyjyy* и т.п. (пример: тур. *kyjy* 'край' – уже упоминался).

kadâr (см. ТМС I 350). В пользу позднего распространения слова на тюркской почве говорит унификация интервокального согласного *-j-* внутри слова вместо ожидаемой системы соответствий *-d- ~ -t- ~ -δ- ~ -z- ~ -j- ~ -r-* (последнее соответствие, ожидаемое в чувашском языке, реально ничем не представлено). Слово представлено уже в древне- и среднетюркских памятниках: др.-уйг., крх.-уйг. (IB, TT VII, MK) – *qaja* 'скала' (ДТС 406), «Булғат-ал-Муштақ» – *qaja, xaja, aja*, ср. ср.-кыпч. (CCum), чаг., тур., аз., ктат., кар. Л., Т., кюэр., алт., тел., леб., уйг., хак., саг., койб., кач., шор., тув. *qaja* 'скала', каз., кирг. *qyja* 'косогор'. Особенно показательны хак. и тув. *xaja* вместо ожидаемых **xaza* и **xada*. Наличие в алтайском языке этимологических дублетов *qaja* 'утес, скала' и *qad'u* 'косогор, крутой склон горы' свидетельствует о неоднократных заимствованиях. Телеутская форма *qadalγaq* 'крутая скала' остается не вполне ясной. Якутские формы *xadaγa, xaǯaga, xadâr, xadar* представляют собой очевидные тунгусизмы.

Формы с огласовкой *-y-* в первом (начальном) слоге слова явно испытали влияние со стороны корня *qyj-* 'резать косо'; ср. русск. эквивалент *косогор*.

Э.М.Мурзаев дает как самостоятельные лексемы, но при взаимных отсылках, термины *када* 'надводная скала' (эвен.), *кадага* 'каменистая россыпь на склонах гор, курум, скала, гора' (эвенк.), *кадар* 'скала, утес, гора, горный хребет' (эвенк.), *хада* 'гора, холм, скала' с данными из других языков, а также *кая* 'скала, утес' (тюрк.), *кия, кыя* 'крутой косогор, труднодоступный каменистый склон, обрыв' (тюрк.), *хая* 'скала, береговой обрыв, гора' (як.) как основы многих топонимов Евразии (Мурз. 1984, 240, 267, 277, 588, 592).

Зафиксированный Махмудом Кашгарским в XI в. географический термин *qajyr* 'равнина у тюрков' и 'песок у гузов' (ДТС 407 – МК I, III – *qajyr* 1. песок, 2. рыхлая земля) отмечается и арабскими словарями: Абу Хайян – *qajyr* 'крупный песок', Булғат-ал-Муштақ – *qajyrt* 'песок'. В современных языках он представлен на большой территории, но не обильно: ног., кум. *qajyr* 'песок', ккалп. *qajyr* 'почва, образовавшаяся из отложений ила, твердый илистый грунт; мель', каз. 'мелкий песок', *qajyršaq* 'мелкие камешки, песок', *qyjyršyq tas* 'галька', тур. *kajyr* 'песчаный нанос в устье реки', тув. (Р II 95) *qajyr* 'солончак гористых местностей', совр. *xajyr* 'солончак', як. *xajyr* 'сплошной камень, булыжник, скалы', чув. *xăjăr* 'песок'[91]. Отсюда выводят монг. *qajyr* 'речной песок, галька' (Ram.KWb 180, Räs. VEWT 221–222, последний также сравнивает тюрк. *qajyr* с монг. *quǯir* 'солонец' – Ram.KWb 195), откуда алт. *qojur* 'солончак', шор. *qujur* 'солонцовый грунт, солонец' (Р II 529, 906).

Производные от *qajyr* глагол *qajra-* 'точить' и существительное *qajraq* 'точильный камень' (< песчаник?) свидетельствуют, что этот термин раньше был известен шире.

Почти общетюркское название большого пространства, простора *jazy*, засвидетельствованное уже в древнетюркских и более поздних памятниках

[91] Отсюда названия нескольких речек и балок на Левобережье Днепра: *Каир, Каирина, Каирка* с разными определениями, *Каир - Космак* и т.п. (Словник гідронімів України. Київ, 1979, 227-228).

как географический термин *jazy* 'степь, равнина' (ДТС 251), получило широкое распространение именно в этом значении, также в закономерных формах *jazu, jaz, jez, jazi, jezi, ǯazy, žazy, d'azy, čazy, ćažy, šazy* и даже *syhy* (як.) и расширило систему значений до 'пустынное место, пустыня' и даже 'поляна, прогалина, долина' и далее 'поле; обрабатываемая, обжитая территория' и 'сельская местность' (см. ЭСТЯ 1989, 73). Слово считается производным от глагола *jaz-* 'расстилать, стелить' с помощью суффикса *-y* (см. ЭСТЯ 1989, 69–70, 73).

В адъективных значениях 'распластавшийся, распростертый, широкий, ровный' слово *jazy* испытало этимологическое сближение с прилагательным *jasy, jesi* (уйг.), *jaϑy* (башк.), *jassy* (чаг., турк., кум., тат., чаг.), *jassi* (узб.), *jasty* (аз.), *jazdy* (тур. диал.), *ǯassy* (кбалк., тат. диал., также *ǯasty*) 'плоский, сплющенный; ровный; широкий; большой', которое по аналогичной с *jazy* модели образовано с помощью суффикса *-y* от глагольного корня *jas-* 'стать плоским' и, будучи близким по фонетическому составу, сблизилось с *jazy* и семантически.

Тюркский глагольный корень **jaz-* 'расстилаться, стелить', давший название степи, равнины *jazy*, восстанавливается для алтайской эпохи как **ǯaŕ-* и хорошо вписывается в систему рефлексов ностратического **ǯлrл* 'распространять', для которого В.М.Иллич-Свитыч давал только индоевропейские (**ster(H)* – 'распространять, расстилать') и семито-хамитские (**ḏr-* 'рассыпать'). См. Илл.-Св. 1967, 359.

Общетюркское название ложбины, котловины **ōj*, отмеченное уже в древнетюркских памятниках (ДТС 365: *oj* 'яма, углубление') и имеющее одинаковую форму *oj* почти во всех тюркских языках (чаг., турк., кар., кбалк., кум., ног., ккалп., каз., алт., узб., уйг., лобн., сюг., хак., койб., кач., тув. и т.п.), кроме тат. и башк. *uj* (откуда чув. *uj* 'поле'), представляет собой именное соответствие глагольному корню 'долбить, ковырять, копать, рыть и т.п.', составляя с ним своего рода коррелятивную пару (ЭСТЯ 1974, 425, 428). Именная часть этой пары имеет соответствия в тунгусо-маньчжурских (*hōj* 'болото, тундра' – ТМС II 330) и монгольских (*oj* 'лес, бор, роща', откуда як. *oj* 'лесок, рощица') языках, но в этих языках термин лишен мотивированности глаголом.

Суффиксальные названия разного рода выемок, углублений, ям, прорубей, отверстий и т.п. типа *ojyq, ojpat, ojpaŋ, ojma, ojmaq, ojpaq, ojas, ojym* и т.п. с глагольным корнем *oj-*, которые М.Рясянен незакономерно рассматривает как производные варианты именного корневого слова *oj* (Räs.VEWT 358b), фактически являются самостоятельными производными от глагольного корня **ōj-* 'долбить и т.п.'

Представляет интерес совпадающее с тюркским географическим термином *ojym, ojum* 'низменность' название местности *Ojum*, в которой проживали (в районе Северного Причерноморья) готы, переселившиеся сюда, по преданию, из Скандинавии во II в. н.э., когда, по соображениям историков, тюрков в этом регионе еще не было (*Вернадский Г.В.* История России: Древняя Русь. М.; Тверь, 1996. С. 132).

Тюркский гидрографический термин *beltir* 'место слияния рек', перенесенный также на перекресток, скрещение дорог (ДТС 91): алт. *pältir* 'устье', тув. *beldir*, хак. *piltïr*, кюэр. *pältï*, як. *bilir* 'соединение двух рек, узел, мыс' и т.п. (см. Молч.ТСГА 27–28), имеет хорошие монгольские соответствия *belčir* 'устье, слияние двух рек', *belči-je, belči-ge* 'распространяться в разных направлениях'.

Зафиксированный в ДТС 495 термин рельефа *seŋir* (1. мыс горы; 2. конец стены), отмеченный также там же в составе топонимов *kenčäk seŋir* 'название города, расположенного вблизи Таласа' (ДТС 298) и *qara seŋir* '1. название местности вблизи Барсгана, 2. название местности' (в $E24_4$), приобрел также значение 'угол' (алт., тел.), 'укрепление' (чаг.), 'гребень горы' (каз., кирг.), 'густой лес' (каз.). В качестве алтайской параллели М.Рясянен называет монг. *seyer* (< **seŋēr*) 'спинной позвонок, спинной хребет; цепь холмов', откуда якобы заимствовано маньчж. *sejire*, которого, однако, нет в TMC, под вопросом в качестве соответствия дается фин. *säkä* 'холка (лошади)' (Räs. VEWT 410a-b) (иначе: Дыбо 1996, 305–306).

Встречающееся в Легенде об Огуз-кагане (ЛОК 37_2) название степи *tala* (ДТС 528) имеет продолжение в современных тюркских языках Средней Азии и кыпчакских, где в некоторых случаях обнаруживает неожиданное озвончение анлаута типа башк., ног., каз. и др. *dala* 'поле, открытое место и т.п.'; ср. также як. *tāla* 'чистое поле'. М.Рясянен считает последнее монголизмом – от монг. *tala* 'открытая степь' (Räs.VEWT 458a), что не вполне согласуется географически.

Алтайскому **t'āla* 'плоский; равнина' (ср. тунг.: эвенк. *tātä* 'расправлять кожу') В.М.Иллич-Свитыч находит соответствие в и.-е. **telH* 'плоский' и на основании этих двух параллелей реконструирует ностат. **ṭal/H/ʌ* 'плоский' (Илл.-Св. 1967, 355).

* * *

Общетюркское название места обитания человека – земли, страны **jer* (др.- и ср.-тюрк. *jer*, тат. *ǰīr*, башк. *jīr* (орф. *ep*), каз. *žer*, хак. *čïr*, тув. *čer*, як. *sir*, чув. *śĕr* и т.п.) – имеет параллели в тунгусо-маньчжурском *jerke* 'земля, мир, вселенная' (ССТМЯ I 355). Тюркское *jer* входило в качестве первого компонента в состав сложного образования *jertinčü, jirtinčü* 'земля, мир' (ДТС 258, 263), ср.-кыпч. *jertinči* (Räs.VEWT 198a), где в качестве второго компонента можно (с некоторым сомнением) видеть слово, сохранившееся, по-видимому, в чувашском *tĕnče* 'мир, вселенная', в котором обычно довольно смело усматривают арабское دنيا *dunja* 'мир, свет', проникшее во многие мусульманские тюркские языки. Рясянен (Räs.VEWT 198a) считает тюркским заимствованием монгольское *jirtinčü*.

Семантически противопоставленное названию земли, пратюркское название воды **sūw* (др.-тюрк. *sub, suw, suγ*, тур. *su*, кар. *suw*, хак. *suγ*, як. *ū*, чув. *śyw*, диал. *śu*, *śăw* и т.д.) соотносится с производным от того же корня глаголом **sūwsa-* 'жаждать'. В чувашском языке сохранился глагол *śü-* ~ *śĕw-* и прилагательное *śĕwĕ* 'жидкий', которые связываются с **sūw* 'вода' (Räs. VEWT 431a). Долгота связанного корня восстанавливается на базе як. *ū* 'вода' и чув. анлаута *ś-* (из *sj-* < **sį*) на базе дифтонгизации долгого *ū* > *įu*.

РАСТИТЕЛЬНЫЙ МИР. ДЕРЕВЬЯ И КУСТАРНИКИ. ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ЛОКАЛИЗАЦИЯ ПРАРОДИНЫ ТЮРКОВ ПО ДАННЫМ ФЛОРИСТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ

Изучение ботанической народной номенклатуры всегда привлекало внимание филологов. Интерес к исследованию этой группы лексики объяснялся стремлением понять происхождение названий, их распространение в разных языках, выявить словообразовательную структуру, семантическую основу и этимологию названий.

Денотат ботанической номенклатуры достаточно хорошо изучен биологами и существует в действительности как набор конкретных объектов, привязанных к определенным территориям. Отсюда принципиальное отличие исследований по данной группе лексики от исследований по семантике, например глаголов движения, оценочных прилагательных и т.д.

Проблема реконструкции названий растений для пратюркского состояния уже исследовалась в ряде работ. Прежде всего, обширный материал по реконструкции названий растений имеется в пятом томе нашего издания – СИГТЯ 1997. В очерке «Растительный мир: дикорастущие деревья, кустарники и травы» (автор Э.Р.Тенишев) реконструированы названия пратюркских деревьев и кустарников, исчерпывающе приведены значения рефлексов пратюркских названий растений в тюркских языках, специально отмечены заимствования из одних тюркских языков в другие, которые можно выявить лишь при тщательном лингвистическом анализе. Огромную работу по истории тюркской фитонимии в рамках алтаистики проделала Л.В.Дмитриева; в ее статье (Дмитриева 1972) тщательно исследована морфологическая структура обще- и межтюркских фитонимов. В фундаментальной работе К.М.Мусаева «Лексика тюркских языков в сравнительном освещении» (Мус.) специальный раздел посвящен тюркским названиям растений и их частей. Впервые в тюркологии автор исследовал в сравнительном аспекте лексико-семантические схождения и расхождения в тюркских языках, выявил ареальные и индивидуальные особенности этих языков и их отношения к другим группам тюркских языков. Установлены лексико-семантические особенности, показывающие исторические связи западнокыпчакских языков, выявлены общетюркские, межтюркские, кыпчакские, огузские и нетюркские пласты лексического фонда.

Этимология отдельных тюркских фитонимов рассматривается в словарях З.Гомбоца (Gomb.BTLU), В.Г.Егорова (Егор.), ЭСТЯ, М.Р.Федотова (Федотов) и т.д.

Изучением лингвистических принципов номинации растений занимается, можно сказать, особое направление языкознания. Здесь можно назвать работы: Hauenschild 2000, Шайхулов 1988 и т.д. В работе Seidensticker 1999

предложен представительный список принципов номинации растений, который создан на основе анализа более чем ста языков.

Ниже перечислены также наиболее важные работы по описанию названий растений в отдельных тюркских языках, дающие особенно ценный материал для разработок по семантике и реконструкции.

Количество специальных исследований по названиям растений в татарском языкознании весьма значительно. Вклад в изучение фитонимов татарского языка в этом аспекте внесли языковеды: Каюм Насыри («Цветы и травы», «Гелзар вә чәчәнзар»), Н.В.Бурганова (Бурганова 1976, 125–141, Борһанова 1958, 229–260; Борһанова 1960, 585–611), Ахметьянов Р.Г. (Ахметьянов 1976; Ахметьянов 1989), Л.Т.Махмутова (Махмутова 1976, 152–159), А.Г.Шайхулов (Шайхулов 1988, 107–114).

Хорошо изучены фитонимы в лексикологии казахского языка. Прежде всего здесь должны быть названы работы М.Бигамбетова (Бигамбетов 1958), Р.Рамазанова (Рамазанов 1964), А.Шамшатовой (Шамшатова 1966) – посвященные мотивации в номенклатуре растений, Б.Калиева (Калиев 1991), где казахская фитонимия изучается в сравнительно-историческом плане.

Названия растений в азербайджанском языке рассмотрены в кандидатской диссертации Э.С.Кулиева «Фитонимы в азербайджанском языке» (Кулиев 1987), в частности, также в сравнительно-историческом и типологическом аспектах. В узбекском языке состав, структуру терминологии названий растений рассматривает Х.Джамалханов (Джамалханов 1968). Изучению терминологической системы названий растений башкирского языка посвящены работы Э.Ф.Ишбердина (Ишбердин 1979), А.Г.Шайхулова (Шайхулов 1986; Шайхулов 1988). Чувашские фитонимы изучались И.А.Ашмариным, М.Рясяненом, В.Г.Егоровым, изучаются М.И.Скорцовым, Ю.Дмитриевой, А.Н.Львовой и др. В этимологическом словаре В.Г.Егорова приводятся этимологии значительного числа чувашских растений. В исследованиях Ю.Дмитриевой (Дмитриева 1979; 1979а; 2001) детально анализируются история и этимология некоторых чувашских названий растений.

Классификации тюркизмов в русских заимствованиях растений посвящена работа А.Жарибметова (Жарибметов 1976).

Исследование тюркских названий растений в последние десять лет становится популярной темой исследований и в Европе. Ю.О.Барта (Bartha 1997) в своем исследовании освещает турецкие народные ботанические названия. В работах И.Хауэншильд собран обширный материал по названиям растений в крымскотатарских языках (Hauenschild 1993) и в древнетюркском языке на базе словаря М.Кашгарского (Hauenschild 1994).

Существование такой богатой традиции изучения названий растений в тюркских языках, огромный языковой материал, собранный по этой проблеме, в настоящее время делает особенно актуальным следующие аспекты реконструкции системы названий.

Во-первых, это верификация местоположения тюркской прародины. В случае с тюркскими языками мы имеем весьма редкую ситуацию с точки зрения лингвистики и истории. С одной стороны, существуют надежные исторические сведения о локализации тюркской прародины, с другой стороны, большое количество современных тюркских языков, в ряде случаев весьма разошедшихся с точки зрения лингвистики. Таким образом, нам кажется, что на материале тюркских названий растений мы можем попробовать отработать методику лингвистической верификации местоположения языковой прародины с системой контроля в виде исторических данных.

Во-вторых, обширный материал по названиям растений в современных тюркских языках дает возможность подробно проследить развитие значений рефлексов одного и того же слова в разных языках. Такой анализ дает материал к полной типологической классификации семантических переходов в названиях растений, что может помочь понять принципы таких переходов, определить семантические границы, в рамках которых эти переходы осуществляются. И для подобного исследования тюркские языки дают материал, ценность которого трудно преувеличить. Дело в том, что, несмотря на большое количество тюркских языков, в большинстве случаев их этимологии в достаточной мере прозрачны и надежны. Семантические наблюдения, выполненные в рамках тюркских этимологий, не будут вызывать такого количества возражений об устройстве каждой конкретной этимологии, как в случае, например, индоевропейских языков. Таким образом, как кажется, именно на материале языковых семей, подобных тюркским, должны разрабатываться принципы классификаций семантических переходов.

На основе разработанной классификации семантических переходов, картографирования, подробного анализа распространения семантики рефлексов тех или иных пратюркских слов можно попытаться уточнить реконструкцию системы названий тюркских растений.

Дальнейшее изложение строится следующим образом. Первая часть очерка посвящена вопросу локализации тюркской прародины и лингвистической верификации на материале названий растений существующих гипотез. Мы подробно рассматриваем исторические и археологические данные, подтверждающие традиционную точку зрения о жизни этноса-носителя пратюркского языка к моменту его распада в предгорьях Саяно-Алтая и о возможных миграциях пратюрок из Ордоса в Саяно-Алтайский регион. Далее рассматриваются названия растений, рефлексы которых во всех современных языках имеют одно и то же значение[92]. На базе этой реконструкции можно определить территорию, на которой, по данным ботаники и палеоботаники, могли произрастать реконструированные растения.

---

[92] В работе подобные слова нередко называются однозначными. Таким образом, говоря об «однозначных» названиях растений, мы имеем в виду такие слова, рефлексы которых во всех языках-потомках, где они представлены, обозначают одно и то же растение, а не два или более разных. Присутствие значений «нерастений» у рефлексов слова в нашем определении не мешает ему быть «однозначным». Слова, к которым данный критерий не применим, могут быть названы «неоднозначными».

Вторая часть очерка посвящена классификации семантических переходов в системе названий дикорастущих растений в тюркских языках. Здесь делается попытка определить стратегии, в рамках которых эти переходы могут происходить, выявить условия семантических переходов, установить границы теоретически возможных семантических переходов.

В третьей части очерка реконструируются «неоднозначные» названия тюркских деревьев и кустарников. Используя данные ботаники и палеоботаники, картографирование и ряд других приемов, мы пытаемся восстановить пратюркские названия растений, проследить семантические изменения в названиях растений от пратюркского языка к современным тюркским языкам, описать, чем эти переходы могут быть вызваны, и т.д.

РЕКОНСТРУКЦИЯ «ОДНОЗНАЧНЫХ» НАЗВАНИЙ РАСТЕНИЙ И ЛОКАЛИЗАЦИЯ ТЮРКСКОЙ ПРАРОДИНЫ

Как указывается в СИГТЯ 1997, согласно историческим источникам, сведения о народах, могущих быть тюркскими, впервые всплывают в связи с появлением на исторической арене гуннов. Степная империя гуннов, конечно, как и все известные образования подобного рода, не была моноэтнична; однако, судя по дошедшему до нас (хотя и чрезвычайно ограниченному) языковому материалу, тюркский элемент в ней присутствовал. Более того, датировка начальных сведений о гуннах (в китайских исторических источниках) – IV–III вв. до н.э. – поразительно точно совпадает с глоттохронологическим определением времени самого первого расщепления тюркской семьи – выделения булгарской группы. В связи с этим ряд наиболее авторитетных ученых-тюркологов (ср., например, позицию Н.А. Баскакова и К.Менгеса) часто связывают начало передвижения гуннов с отделением и постепенным уходом на запад булгар. Соответственно этому прародину тюрок помещают в северо-западную часть Центрально-Азиатского плато, между горами Алтая и северной частью Хинганского хребта.

Но, как указывает А.А.Ковалев (Ковалев 1999), публикация обнаруженных в 70–80-е годы в Ордосе погребальных комплексов эпохи Чжаньго (V–III вв. до н.э.) позволила ряду исследователей сделать вывод о культурном и, возможно, политическом единстве населения Ордоса и Алтая в позднескифское время. Несмотря на то что этой теме посвящены многие публикации (см., например, Haskins 1992, 7–8; Bunker 1989, 54; Rawson, Bunker 1990, 297–299; Bunker 1992, 99–104; Полосьмак 1994, 6–10, рис. 1–64; Кляшторный, Савинов 1998, 172), сохраняется необходимость в более детальном исследовании форм и направлений взаимодействия культур древних кочевников Ордоса и предгорьев Саяно-Алтая.

В ряде погребальных комплексов эпохи ранних кочевников Саян и Верхнего Приобья обнаружены бронзовые поясные бляхи с изображением идущего тигра с головой барана в раскрытой пасти.

Н.Л.Членова причисляет все бляхи с идущим тигром и головой горного козла к «алтайскому» стилю, прежде всего поскольку подобная композиция имеется на деревянной колоде из 2 Башадарского кургана (Членова 1967, 136) (рис. 1/1–2). Этот памятник буквально воспроизводит изображения на бляхах (Руденко 1960, 46, рис. 21), однако, как мы видим, распространение таких блях (Саяны, Минуса, Верхнее Приобье) не дает нам оснований считать собственно Алтай центром формирования их сюжета и изобразительного канона. Комплексы с рассматриваемыми композициями не составляют какую-либо особую группу: это типичные погребения тувинских и верхнеобских культур позднескифского периода. Однако нет возможности связать их с контекстом какой-либо определенной археологической культуры.

В то же время поясные бляхи и пряжки, изображающие фигуру идущего тигра, несущего в пасти либо пожирающего травоядное животное, в большом количестве обнаружены в комплексах V–III в. до н.э. на территории Ордоса.

Ареал распространения находок этих украшений пояса совпадает с территорией, находившейся по крайней мере в конце IV–II в. до н.э. под контролем племен, известных нам по китайским источникам под именами «лоуфань». О заселении лоуфанями севера Шаньси, а затем Ордоса говорит Мэн Вэньтун (Вэньтун 1958, 95). Сопоставление текстов китайских источников и данных о прослеженных на местности «длинных стенах» по границам царств Цинь и Чжао, а также «великой стены Цинь Шихуана» подтвердило этот вывод.

При описании событий, относящихся к VII в. до н.э., Сыма Цянь локализует лоуфаней «на севере» от границы царства Цзинь, проходившей в то время немногим севернее сегодняшней Тайюани (ШЦ 9, 2883, см. Таскин 1968, 36). Имеются два фрагмента, говорящие о том, что в конце IV в. до н.э. лоуфани находились в союзе с царством Янь или были подчинены ему (упоминаются даже «лоуфаньские уезды Янь»): в главе 12 «Чжаньго цэ» (ЧГЦ 1, 434) и в словаре «Шоюань» (Цуньжуй 1983, 112), что могло иметь место только на территории восточнее Датуна. Один раз лоуфани помещены «Чжаньго цэ» в конце IV в. до н.э. «на север» от границ Янь (ЧГЦ, 1039, текст полностью воспроизведен в главе 69 «Ши цзи» (ШЦ 7, 2243, см. Цянь VII, 96) однако, видимо, это ошибка источника. Глава 43 «Ши цзи» при изложении событий конца IV в. до н.э. дважды (ШЦ 6, 1806, см. Цянь VI, 61, ШЦ 6, 809, см. Цянь VI, 64) упоминает лоуфаней на западной границе царства Чжао, к северу от циньского округа Шанцзюнь, т.е. в Ордосе севернее Суйдэ. Один из этих фрагментов воспроизведен и в «Чжаньго цэ» (ЧГЦ 2, 657, см. Prusek 1971, 224). В другой главе «Ши цзи» упоминается о разгроме лоуфаней вместе с племенем линьху на рубеже IV–III вв. до н.э. чжаоским правителем Улин-ваном <на севере>, однако поскольку здесь мы имеем дело не со вставкой, а с авторским текстом Сыма Цяня, неясно, относительно какой точки (границ тогдашнего Чжао или вообще на север от территории китайских государств) определено это направление (ШЦ 9, 2885, см. Таскин 1968, 37). В отличие от племени линьху, которое затем упоминается на северных границах Чжао, лоуфани в дальнейшем размещаются только к за-

паду от него. В 297 г. чжаоский Улин-ван встретился с ваном (правителем) лоуфаней «на западе», в местности «Сихэ» (западный отрезок излучины Хуанхэ севернее Суйдэ) (ШЦ 6, 1813; см. Цянь VI, 67).

В конце III–II в. до н.э. мы неоднократно встречаемся с неким ваном лоуфань и байян (по сообщениям о походе Вэй Цина – двух отдельных племен), находящемся в «Хэнани», т.е. в Ордосе, в том числе «в 700 ли» (около 300 км) от Чанъани (нынешней Сиани) (ШЦ 9, 2890, см. Таскин 1968, 39; ШЦ 8, 2719; ШЦ 9, 1906, см. Таскин 1968, 51; ШЦ 9, 2923; см. Groot 1921, 109–110). К выводу о том, что ордосские памятники IV–III вв. до н.э. должны принадлежать лоуфаням и байян, пришел С.С.Миняев, предпринявший детальный анализ сообщений «Ши цзи» о населении Ордоса ко времени завоевания его Маодунем (Миняев 1991). В начале эпохи Западная Хань лоуфани принимали активное участие в войнах чжухоу и, видимо, населяли запад центральной части сегодняшней провинции Шаньси (т.е. указанный район «Сихэ»), откуда могло произойти название позднейшего округа и уезда Лоуфань в районе Тайюани (см. ШЦ 8, 2668–2671; ШЦ 9, 2885). Согласно указанным источникам и сведениям о размещении длинных стен, крайними возможными пределами земель лоуфаней на юго-западе следует считать рубеж в 300 км (700 ли) к северу или северо-западу от Чанъани (сегодняшней Сиани), т.е. стену циньского Чжао Сян-вана (см. Сичжу 1990), по которой проходила граница Цинь и Хань до похода Вэй Цина 127 г. до н.э., а на северо-востоке – западные границы Янь, восточнее современного Датуна, что совпадает с данными о находках поясных украшений указанного типа. Лоуфаньская атрибуция этих украшений подтверждается и тем, что они во множестве изготавливались мастерами-китайцами именно в царстве Чжао, на севере Шаньси, о чем говорят их стилистические особенности, восходящие к цзиньскому стилю (Rawson, Bunker 1990, 297). Довольно большая концентрация находок поясных блях рассматриваемого типа в южных районах Нинся объясняется лишь беспрецедентными масштабами деятельности археологов округа Гуюань (сотни исследованных погребений против единиц на севере Ордоса); эти украшения здесь, сравнительно с количеством известных комплексов, редки и встречены в инородном контексте.

Вышеприведенные данные о распространении, датировке и стилистических особенностях поясных украшений, по-видимому, свидетельствуют в пользу предположения о происхождении саяно-алтайских изображений идущего тигра с головой барана в пасти (несомненно, местного производства) от подобных изображений на ордосских бляхах, что могло явиться следствием перемещения групп населения («лоуфаней»?) из Ордоса в Саяно-Алтайский регион в IV в. до н.э. Особо необходимо подчеркнуть, что только в Ордосе известны подобные поясные украшения из драгоценных металлов, найденные в элитных комплексах, таких, как Шихуйгоу, Алучайдэн, Няньфанцюй. Прослеженное воздействие ордосской культурной традиции на Саяно-Алтайский регион затронуло, как мы видели, отдельные группы рядовых кочевников и не оказало практически никакого влияния на материальную культуру и идеологию элиты общества. В то же время влияние

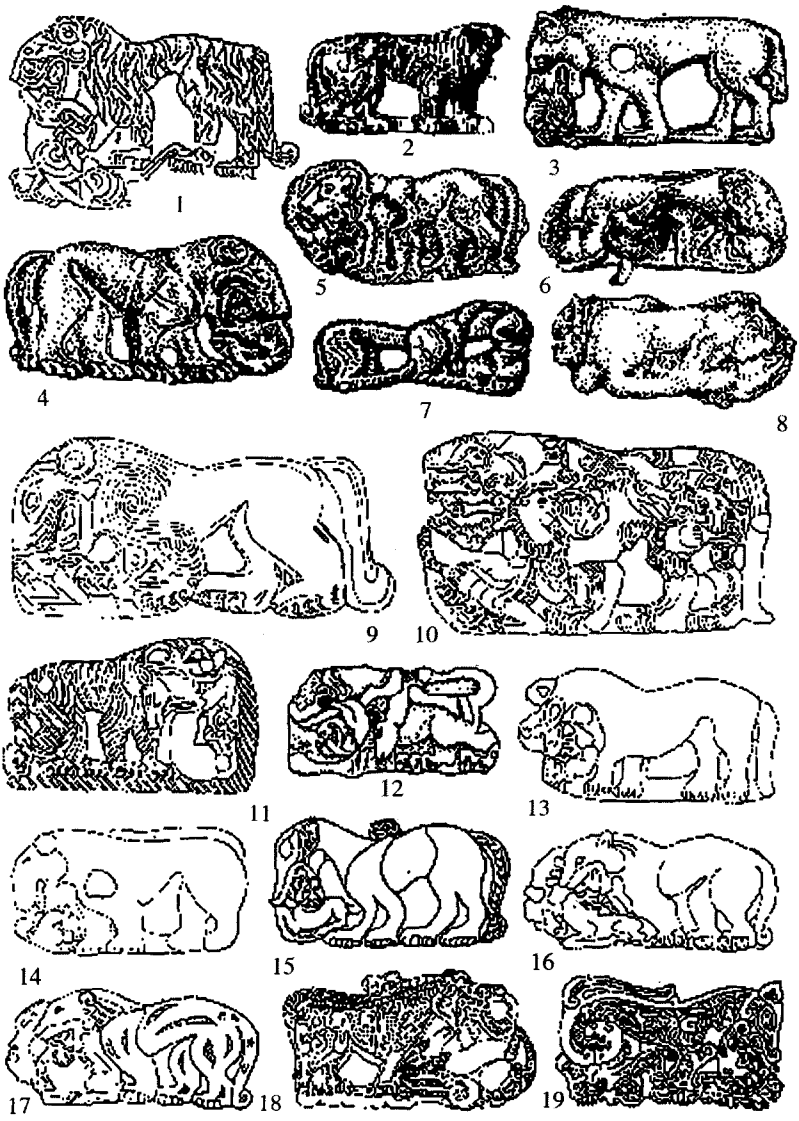

Рис. 1. 1/1–2 – Башадарский курган; 2 – Березовка-I, к.14; 3 – Аскиз; 4 – Кемчул; 5 – Дужерлиг-Ховузу-1, к.2; 6 – Даган-Тэли-I, к.3; 7 – Богданово-I, к.1; 8 – Саглы-Бажи-II, к.3; 9 – Шихуйгоу; 10 – Няньфаньцюй; 11 – Яоцзы; 12 – Алучайдэн; 13 – Ялан-III М4; 14 – Янлан-I М12; 15 – Байянлинь; 16 – Уцзягоу; 17 – Чэньянчуань 1985 г.; 18 – Чэньянчуань 1988 г.; 19 – Тату 1987 г. (1 – дерево; 9 – серебро; 10, 12 – золото; остальное – бронза)

саяно-алтайских традиций ярчайшим образом проявилось именно в элитных комплексах Ордоса. С IV в. до н.э. здесь появляются предметы из драгоценных металлов с изображениями явно пазырыкского происхождения.

Рис. 2. 1, 9 – Налиньгаоту; 2–5, 8, 13, 14 – Сигоупань М2; 6, 7, 10–12, 15, 16 – Алучайдэн; 18 – Саньин; 19 – могила Лю Шэна; 20 – могила Лю Чжи; 21, 24, 25 – 2 Пазырыкский курган; 22 – Дужерглиг-Ховузу-I, к.2; 23 – 1 Пазырыкский курган; 26 – 2 Башадарский курган; 27 – Ак-Алаха-I, к.1; 28 – Эрмитажное собрание; 29 – Саглы-Бажи-II, к.8; 30 – Уландрык-I, к.12; 31 – Юстыд-XII, к.8; 32 – 1 Туэктинский курган (1–3, 5, 7, 8, 10–12, 14, 15, 18–20 – золото; 4, 22 – бронза; 6 – золото, лазурит; 13 – свинец; 9, 16, 17 – серебро; 21 – татуировка; 23–26 – кожа; 27, 28, 30–32 – дерево, 29 – рог)

В качестве аналогий этим предметам можно привести изображения из алтайских и тувинских комплексов позднескифской эпохи: фантастические звери на татуировке «вождя» из 2 Пазырыкского кургана (Руденко 1953, 309–315) и на татуировках мумифицированной женщины из кургана 1 могильника Ак-Алаха-III (Полосьмак Н.В. 1994а, 9), на зеркале из кургана 1 могильника Мажалык-Ховузу-I (Грач 1980, рис. 113–1), навершия конских уборов в виде головы грифа с оленьими рогами (Руденко 1953, табл. 84–4), деревянная статуэтка фантастического зверя с телом копытного, головой грифа и отверстиями для крепления ушей и рогов из Катандинского кургана (Киселев 1951, 342, табл. 31–1, 3), округлые бляшки с изображением свернутого в кольцо барана из Дужерлиг-Ховузу-I, курган 2 (Грач 1980, рис. 68) (прямая аналогия, не говоря уже о том, что изображения голов гор-

ных баранов в профиль десятками встречены в алтайских и тувинских комплексах), кожаные аппликации на подошвы из 2 Пазырыкского кургана (Руденко 1953, табл. XCIII–3, Bunker 1992, 104, fig. 15), огромное количество изображений пламевидных фигур с прорезью в виде запятой из алтайских курганов (см., напр., Руденко 1960, 252–253, рис. 129, табл. 43–46, 78–81, Полосьмак 1994, рис. 66), петухов из пазырыкских курганов (Руденко 1960, 261–262, рис. 135), барельефные изображения кошачьих голов анфас оттуда же (Руденко 1960, 280, рис. 144 (м, ф), табл. 47–1, 94–95, 113–7), деревянные изображения водоплавающих птиц из кургана 1 могильника Ак-Алаха-I (Полосьмак 1994, 53–54, рис. 64). Изображения зверей с вывернутым крупом являются характернейшей чертой искусства саяно-алтайских культур позднескифского времени (Руденко 1960, 300; Грач 1980, 82). Навершия, в том числе головных уборов, в виде фигуры птицы (как в Алучайдэне) или копытного (как в Налиньгаоту) известны в материалах алтайских курганов (Руденко 1953, табл. 79–1, 2, 85–4, 5; Руденко 1960, 285–286, рис. 145в; Кубарев 1987, табл. LXXV–33; 1991, рис. 32, табл. XXVII–33; табл. LV–14). Гривны с изображениями противопоставленных зверей обычны для алтайских памятников, в том числе есть и с изображением волка (Кубарев 1987, табл. XXVIII–10; табл. LXXXVI–22; 1991, табл. LV–17, 20) (рис. 2–21, 32).

Поскольку находки предметов с подобными изображениями не характерны для «рядовых» ордосских комплексов позднескифской эпохи, в то время как они обычны для Саяно-Алтайского региона, приходится признать их появление следствием влияния с северо-запада. Найденные в Ордосе вещи, оформленные в «алтайском» стиле, изготавливались из престижных и, вероятно, особо значимых в ритуале материалов; многие из них производились на заказ китайскими мастерами. Ордосские комплексы с этими предметами: Алучайдэн, Няньфаньцюй, Налиньгаоту, Сигоупань М2, Шихуйгоу не имеют себе равных по богатству среди известных погребений кочевников Северного Китая этого времени. С другой стороны, помимо вещей «алтайского» стиля эти комплексы включают выполненные из драгоценных металлов инсигнии собственно ордосского происхождения, бронзовые экземпляры которых обнаружены во множестве «рядовых» погребений: это рассмотренные нами украшения в виде идущего тигра с копытным в пасти (Алучайдэн, Няньфаньцюй, Шихуйгоу), а также полые фигурки копытных без постамента (Шихуйгоу (2 шт.), Налиньгаоту (5 шт.)). Такие скульптуры копытных не найдены за пределами Ордоса и достаточно надежно связываются с населением района Гуюани (погребения в катакомбах могильников Янлан, Юцзячжуан и т.д.).

Все вышеизложенное говорит о сложении в позднескифское время определенного религиозно-политического единства населения Ордоса и Саяно-Алтайского региона, проявлявшегося как в передвижениях групп населения из Ордоса в Саяно-Алтайский регион и Западную Сибирь, так и в формировании на базе саяно-алтайских традиций особой субкультуры высше-

го слоя ордосского общества. Поскольку изделия китайских мастеров в «алтайском» стиле создавались для ордосских потребителей и не найдены в Саяно-Алтайском регионе, необходимо признать, что новая ордосская элита все же действовала независимо от алтайского руководства. В письменных источниках формирование новой элиты могло отразиться как появление в Хэнани руководителя «нового типа»: вана, объединяющего под своей властью два различных народа: лоуфань и байян.

Все ордосские комплексы с явными элементами пазырыкского влияния найдены на севере Ордоса, за пределами не только стены Чжао-сян-вана (см. Сичжу 1990), но и стены Цинь Ши-хуана, захватившего на самом деле отнюдь не весь Ордос, а только узкую полосу земли на западе его, вдоль Хуанхэ. Это обстоятельство, как и датировка комплекса Сигоупань М2 временем не ранее III в. до н.э., а также относительно позднее проникновение ордосского сюжета идущего тигра с копытным в пасти в Саяны и Приобье дают основание датировать начало активных алтайско-ордосских контактов концом IV в. до н.э. Если в это время в Ордосе действительно обитали лоуфани, то нет ничего удивительного в том, что они оказались в зависимости от иноземного влияния, будучи отброшены в пустыню после разгрома царством Чжао и утраты пастбищ и торговых путей на севере Шаньси. Находки в Китае престижных поясных блях с изображениями конегрифона и горных баранов, относящихся к западноханьскому времени, т.е. уже к «гунно-сарматской эпохе», свидетельствуют о том, что традиции новой субкультуры высших слоев общества ордосских кочевников переживают нашествие орд Маодуня. Это подтверждает выводы об отнесении памятников Ордоса к наследию племен лоуфань и байян, как известно, окончательно разгромленных только Вэй Цином в 127 г. до н.э. Точнее говоря, здесь необходимо говорить об изобразительной и идеологической системе, характерной для так называемого «вана» лоуфаней и байян и его ближайшего окружения. Религиозное и этническое (?) единство верхушки ордосских и алтайских племен могло обеспечить надежные пути доставки на Алтай престижных китайских товаров. К IV–III вв. до н.э. относятся первые случаи находок на Алтае привозных китайских предметов: бронзовое зеркало и фрагменты лаковой чашечки из 6 Пазырыкского кургана, шелк из 3 и 5 Пазырыкских курганов, китайское зеркало этого времени было обнаружено на западном Алтае, фрагменты зеркала этого типа – в Минусинской котловине (Bunker 1991).

В то же время пока нет никаких оснований связывать алтайско-ордосские контакты с именем юэчжей, впервые достоверно локализуемых во II в. до н.э. китайскими письменными источниками в Ганьсуйском коридоре, «между Дуньхуаном и горами Цилянь». Ни в материалах случайных находок, ни в исследованных здесь погребальных комплексах V–III вв. до н.э. следов непосредственных контактов с Саяно-Алтаем не наблюдается (см., напр.: Чаохуань, Юэсянь 1990; Заднепровский 1997).

Таким образом, во время распада пратюркского языка этнос-носитель, согласно общепринятой теории, очевидно, находился в предгорьях Саяно-Алтая. Возможно, что в какой-то более ранний период тюрки кочевали между Ордосом и Саяно-Алтаем. Эта гипотеза нуждается как в археологических, так и в лингвистических доказательствах.

В связи с этим, кажется актуальным на материале названий тюркских растений попробовать верифицировать расположение тюркской прародины, выяснить, реконструируются ли для пратюркского языка названия растений, которые однозначно указывают на флору Ордоса или Саяно-Алтайского региона.

Насколько нам известно, подобные исследования по локализации прародины на материале тюркских названий растений ранее не проводились. В качестве примера рассмотрим, как в монографии Т.В.Гамкрелидзе и Вяч.Вс.Иванова «Индоевропейский язык и индоевропейцы» (раздел «Индоевропейские названия растений») на материале реконструкции названий растений обсуждается местоположение индоевропейской прародины[93].

В праиндоевропейском реконструируется название березы **b(h)erHk'-*[94]. Оно объемлет такие диалектные ареалы, как индоиранский, италийский, балто-славяно-германский. Разновидности березы встречаются в настоящее время во всей умеренной (и северной) зоне Евразии, а также в горных районах более южных зон. В суббореальный период (около 3300–400 гг. до н.э.) береза была распространена и в более южном поясе (ср. Хотинский 1977; Герасимова, Величко 1982). Наличие общего слова для березы в индоевропейском предполагает знакомство с ней древних индоевропейских племен, что было возможно либо на территории зоны относительно умеренного климата (в Европе на широтах от севера Испании до севера Балкан и далее на восток к низовьям Волги), либо в гористых областях более южного ареала Передней Азии.

В праиндоевропейском восстанавливается название ясеня **Hos-*. Разновидности ясеня распространены в средиземноморском ареале – на юге,

---

[93] В индоевропеистике существует весьма большое количество работ, посвященных реконструкции названий растений и локализации индоевропейской прародины. Особенно, хочется отметить работу: Friedrich 1970, в ней автор очень аккуратно и подробно рассматривает этимологию каждого слова и, соотнося полученную реконструкцию с данными ботаники по распространению различных видов деревьев, приходит к выводу, что прародина индоевропейцев должна была располагаться в степях Причерноморья. Этот вывод прямо противоречит результатам, полученным Т.В.Гамкрелидзе и Вяч.Вс.Ивановым, которые доказывают, что прародина индоевропейцев располагалась в Малой Азии. Нам кажется, что сравнение и разбор процедуры реконструкции системы названий праиндоевропейских деревьев и локализации прародины в обеих работах представляет значительный интерес. Но здесь мы не имеем возможности производить такой детальный разбор. Мы кратко остановимся на результатах, полученных Т.В.Гамкрелидзе и Вяч.Вс.Ивановым, иллюстрируя традиции и принципы локализации индоевропейской прародины в результате реконструкции системы названий деревьев.

[94] Ниже мы цитируем индоевропейские праформы в том виде, как они реконструируются у Т.В.Гамкрелидзе и Вяч.Вс.Иванова.

включая Северную Африку, а также в Малой Азии, на севере Месопотамии, на Кавказе и прикаспийских степях, на северном берегу Средиземного моря (от Малой Азии до Иберийского полуострова, Fraxinus ornus), тогда как в более северных областях Европы наряду с разновидностью Fraxinus ornus представлен с древности 'горный ясень' (Sorbus aucuparia L.).

Праиндоевропейское название тиса, вечнозеленого дерева (или кустарника) с большой продолжительностью жизни (до трех тысяч лет), предполагается в форме **ei-/*oi-*, осложненной суффиксами **-ṷo-*, **-k(h)o-* или **-o-* на основании свидетельств целого ряда индоевропейских диалектов. Тис распространен в Европе от Скандинавии до устья Дуная, в историческое время не распространен в Европе и Северном Причерноморье. Особо распространен он в более южных областях на Кавказе (начиная с Северного Кавказа, ср. Берг 1955), в Малой Азии и некоторых частях Балкан, ср. Friedrich 1970.

Праиндоевропейское название для тутового дерева можно предположить в форме **moro-*. Тутовое дерево с темными плодами – характерное плодовое дерево Средиземноморья и Юго-Западной Азии; его родиной считается Передняя Азия (Вавилов 1959–1965, I).

Для праиндоевропейского языка выделяются две основы со значением 'дуб': **p(h)erk(h)u-* и основа без *-k(h)u-*: **p(h)eru-*. Известно несколько разновидностей дуба, широко распространенных в Западной Евразии, главным образом в областях с умеренным и южным климатом. В Передней Азии, включая Закавказье, широко распространены дубы нескольких разновидностей: 'кавказский дуб' (Quercus iberica), 'малоазиатский дуб' (Quercus cerris), 'горный дуб' южных и восточных областей (Quercus macranthera), 'высокогорный дуб' в Юго-Западной Азии (Quercus ilex), 'имеретинский дуб' (Quercus imeretina) и другие (см. Берг 1955).

В Атлантический период (около VII–VI тыс. до н.э.) дубовые леса распространяются по Европе, в частности в Северном Причерноморье (Нейштадт 1963). В Суббореальный период (3300–400 гг. до н.э.) в Европе дубовые леса в более северных областях были оттеснены хвойными деревьями и березами. В высокогорных районах Передней Азии (в широком смысле, включая Закавказье, Иран и Афганистан), представляющих собой более древний ареал распространения дуба, он составляет основной фон ландшафта.

В праиндоевропейском языке реконструируется название бука **b(h)a-Hk'o-*. Бук в историческую эпоху в Европе строго ограничен в своем распространении с востока по линии, идущей от Балтийского моря примерно по течению Вислы и к югу до среднего течения Дуная. Это и послужило одним из основных аргументов сторонников помещения индоевропейской прародины в Европу (ср. Wissmann 1952; Krogmann 1954, 1955; Lane 1967). По новейшим данным палеоботаники, оттеснение бука на запад и продвижение его на север в его исторические границы в Европе происходило не ранее суббореального периода (конец IV–I тыс. до н.э.), ср. Нейштадт 1963.

При этом некоторые разновидности бука (Fagus orientalis) были распространены и в Передней Азии – от северных областей Малой Азии до Закавказья и Северного Ирана. Поэтому принятие «аргумента бука» как фактора, определяющего локализацию индоевропейской прародины, допускает выбор между территорией западноевропейского ареала (включая западные области Восточной Европы) и переднеазиатского ареала от Малой Азии до (Северного) Ирана, при исключении территории к северо-востоку от Причерноморья до низовьев Волги, где бук отсутствует на всем протяжении ледникового периода.

Таким образом, данные об индоевропейских названиях деревьев, согласующиеся с характеристиками горного ландшафта индоевропейской прародины, локализуют ее в сравнительно более южных областях Средиземноморья в широком смысле, включая Балканы и северную часть Ближнего Востока (Малую Азию, горные области Верхней Месопотамии и смежные ареалы).

Попробуем применить подобную же методику к однозначным пратюркским названиям деревьев и кустарников.

Целью этой реконструкции является локализация тюркской прародины. Для этого необходимо свести воедино материал по лингвистической реконструкции и данные ботаники по распространению тех или иных видов растений. В настоящее время существует много разных источников по распространению тех или иных видов растений. Так, на сайте http://flora.huh. harvard.edu:8080/flora собрано весьма представительное количество карт, которые иллюстрируют распространение тех или иных видов растений по всему миру. Но их специфика заключается в том, что подавляющее большинство карт посвящено лишь одной географической области, например Китаю, или бывшему СССР, или Индии и т.д. На этих картах также обычно отражено распространение лишь одного конкретного вида, например populus niger (тополь черный). Таким образом, например, используя данные по распространению дикорастущих деревьев в разных провинциях Китая, собранные на вышеупомянутом сайте, мы можем достаточно четко проследить, какие деревья растут в провинции Шаньси (на Ордосе). Но иллюстрация собранных данных с помощью карт, представленных на этом сайте, заняла бы слишком много места. Например, распространение дуба на Ордосе иллюстрируется 7 различными картами (каждый вид дуба представлен отдельно).

По-видимому, для проведения подобной работы, верификации месторасположения прародины по данным реконструкции названий растений, идеальным было бы картографическое представление распространения деревьев, которое представлено на сайте http://www.lifemapper.org. На карте мира создатели сайта хотят проиллюстрировать расположение нескольких тысяч видов дикорастущих деревьев. Пользователь этого сайта может получить карту, на которой отмечено одновременно расположение до 200 видов растений. Таким образом, используя этот проект, мы могли бы «вызвать» карту, на которой было бы проиллюстрировано распространение

всех видов деревьев, рефлексы названий которых имеют одно и то же значение. Соположение ареалов их распространения на одной карте позволило бы нам сразу точно сказать, где представлены все виды растений, названия которых реконструируются. Затем, соотнося эти данные с историческими и археологическими данными (например, что прародина тюрков не могла находиться в Америке или в Австралии, а лишь в Евразии), мы получили бы ряд ареалов, где могла быть прародина. Подобный анализ представлял бы значительный интерес для лингвистов, археологов и историков.

К сожалению, в настоящее время работа над сайтом http://www.lifemapper.org не завершена. Подробно разработаны лишь отдельные географические ареалы. Поэтому здесь в качестве отправной точке исследования берутся не данные ботаники, а данные археологии, судя по которым, как было показано выше, прародина тюрков могла быть в Саяно-Алтайском регионе или на Ордосе. Далее, используя материалы, собранные ботаниками, по распространению растений, названия которых реконструируются для пратюркского языка в Саяно-Алтайском регионе и на Ордосе, мы попытаемся выяснить, что дает лингвистическая реконструкция названий тюркских растений.

По-видимому, наиболее компактно проиллюстрировано распространение дикорастущих деревьев на территории бывшего СССР (ср. Деревья и кустарники СССР 1966); эти карты, а также их прототипы из работы Нейштадт 1957 обычно и используются лингвистами-индоевропеистами для локализации (см. Friedrich 1970). Однако в этих работах приводятся только карты распространения деревьев. Поэтому ниже сначала реконструируются названия деревьев, приводятся карты, иллюстрирующие распространение деревьев в природе, делается попытка более или менее определенно локализовать тюркскую прародину. Затем реконструируются названия кустарников и данные по их распространению соотносятся с географическим положением тюркской прародины.

Реконструкция названий деревьев, рефлексы которых имеют одно и то же значение

Дуб: **ejmen*; чув. *juman*, узб. *eman*, уйг. *emän*, кум., кбалк. *emen*, тат. *imän*, башк. *imän*, ног. *emen*, каз., ккалп. *emen*, галт. *ermeen*. Как отмечается во всех работах, при разборе этого слова, несмотря на однозначное семантическое соответствие, его фонетическая структура ясна не до конца (Егор. 348; Левитская 1966, 25; VEWT 42; Федотов II 485). Как утверждает Ю.Дмитриева (Дмитриева 2001, 37), начальный *j-* в чувашском указывает, очевидно, на заимствованный характер слова. Учитывая территориальное распределение, его можно считать кыпчакизмом.

Ю.Дмитриева предполагает, что отсутствие этого слова в древнетюркских и среднетюркских памятниках дает основание предполагать, что данное слово производное. Его основой могло стать слово *im* 'лечебное средство, лекарство' (~ чув. **jom* ~ монг. *dom* 'магическое средство, колдов-

ство'), зафиксированное в памятниках тюркских языков и сохранившееся в чувашском языке. Раньше отвар дубовой коры применялся в качестве лекарства, поэтому первоначально означало 'лекарственное средство'. Но, как нам кажется, здесь следует различать две разные тюркские основы: ПТ **em*: др.-тюрк. (МК) *äm, im, jäm* 'лекарственное средство' и ПТ **jom*: чув. *śom* 'магическое средство'.

На территории бывшего СССР дуб распространен практически исключительно в его европейской части. Не встречается севернее Вологды, Вятки, Перми, на востоке доходит до Урала. Растет в лесной и лесостепной зонах, поднимается в горы Крыма и Кавказа.

На территории Ордоса также растет несколько видов дубов (Quercus acutissima, Quercus aliena, Quercus baronii, Quercus dentata, Quercus dolicholepis, Quercus serrata, Quercus variabilis).

Таким образом, дубы не растут на территории Саяно-Алтайского региона, но растут на Ордосе.

Ива: ПТ **següt* '1. ива; 2. тальник, ракита; 3. засохшая ива, засохший тальник; 4. дерево; 5. верба; 6. ветла'; як. *üöt* 1, 2, 3; долган. *üöt;* хак. *sōt* 2; шор. *sö:t* 1; сюг. *sögüt, segyt* 1*;* др.-уйг. *sögüt* 'дерево'; крх.-уйг. *sögüt* 1; хал. *säjät;* тур. *söjüt, sōüt* 1, 2, 5; гаг. *sūt* 1, 5; аз. *söjüd* 1; турк. *söwüt* 1, 2; чаг. *sügüd* (Pav. C.) 1, 4; узб. *sögät*; уйг. *säwät* 1, 4, 6; кирг. *sögöt* 2; см. EDT 819, VEWT 429, СИГТЯ 1997, 126, ЭСТЯ 2003, 338, Stachowski 1993, 252, Дмитриева 1979, 157, 182.

В ЭСТЯ 2003, 338 выдвигается гипотеза о возможной генетической его связи с тур.диал. *sōyme* 'новый росток обрезанного дерева' (DD III 1252), *sūg-* 'вновь давать ростки (о корне срубленного дерева)' (DD III 1258), *sūv-* 'подниматься из почвы (об отростках)', (DD III 1268), *sūy-* 'давать побеги (о дереве)' (DD III 1269); *sōysek* 'ива' (DD III 1252), *sūygūn* 'растущий побег, побеги дерева' (DSf.) и происхождении от глагольной основы **sög-* > *sög-//süg-* 'давать побеги, ветвиться'. Эта гипотеза кажется все-таки весьма сомнительной, так как для пратюркского надежно восстанавливается основа **seg-*, а не **sög-*.

К семантике 'ветвь - ива': ср. тюрк. *tal* vs. *dal* то же, а также русск. 'ветвь - ветла' (см. Фасмер IV 13).

С *sögüt* можно сопоставить алт. *söskün, sögüsken,* тув. *sö:sken* 'таволга', ибо, судя, например, по монг. *tavilga* 'таволга иволистная', эвенк. *boloko* 'таволга', *bolokokurā* 'верба', наименования иве и таволге могут быть даны по одному и тому же признаку.

Маловероятной представляется гипотеза, высказанная в Bang TB IV 37, где слово возводится к **sō-gūt* или **sō-gū-t* со значением 'бормотанье' или 'шептун', 'тот, кто шелестит, нашептывает'; в EDT 819b показано распространение слова в письм. источниках, в Räs.UW 27 и в VEWT 429b к *sögüt* приведены тунгусо-маньчжурские и угорские параллели. Более подробно эти параллели рассмотрены Л.В.Дмитриевой (Дм.НТЭ 66–70), которая относит тюрк.

фитоним к урало-алтайской глагольной основе *sōg-//sōk-* 'плести'. Отдельные замечания о *sögüt* содержатся также в Мусаев 1975, 182[95].

В природе насчитывается более 600 различных видов ив. Среди них есть и мелкие, и крупные кустарники, а также деревья, достигающие 25–30 м высоты. Виды ив отличаются друг от друга не только по форме, по росту, форме листьев, сережкам, цвету коры, но и по биологическим свойствам. Большая часть ив растет в поймах и выносит длительное затопление. Некоторые же ивы растут в подлеске сухих лесов. Если проанализировать описание ареалов растранения ив (см. подробное описание этих ареалов ниже в разделе IV), то можно прийти к выводу, что на территории бывшего СССР ивы растут практически повсеместно. Ивы, которые рапространены в поймах рек встречаются в Европейской части бывшего СССР, в Сибири, в Средней Азии. Ивы, которые произрастают в сухих лесах, представлены, как на Европейской территории бывшего СССР, так и в Средней Азии, кроме горной Туркмении.

Множество разновидностей ив растет и на территории Ордоса. Назовем лишь некоторые: Salix babylonica, Salix characta, Salix cheilophila, Salix floderusii, Salix hylonoma и т.д.

Таким образом, ивы растут и в Саяно-Алтайском регионе, и на Ордосе.

Липа: ПТ **jöke* '1. липа; 2. лыко; 3. рогожа'; чув. *sə́ʷga* 1; шор. *чöге* 1; тур. *ǰöge* (DS); узб. *žọkə* 1; кум. *jöge* 1; тат. *jükä*, диал. *ǰükɛ* 1, 2; башк. *jükä* 1, 2; ног. *jöke* 1; каз. *žöke* 1, 3; ккалп. *žöke* 3; см. VEWT 207; ЭСТЯ 1989, 32; Мудрак 1994, 51; СИГТЯ 1997, 128–129.

Э.Беке первичным значением этого пратюркского слова считает 'лыко' (см. об этом ЭСТЯ 1989, 32), обосновывая это типологической параллелью 'липа' = 'лыко' + 'дерево' или 'лыковое дерево' в ряде языков, ср. удм. *ninpu* 'липняк' < *nin* 'лыко' + *puu* 'дерево', также фин. *niinipuu* 'липа' < *niini* 'лыко' + *puu* 'дерево'.

Липа мелколистная, или сердцевидная, повсеместно распространена в лесной и лесостепной зонах европейской части бывшего СССР, на Урале (южнее 58-й параллели) и в Западной Сибири до Иртыша, в предгорьях Саяно-Алтая, встречается на Кавказе и в Крыму. Растет также в Западной Европе, Малой Азии и Иране.

По материалам, опубликованным в «Научном Бюллютене Санкт-Петербургской Академии наук» (Bulletin de l'Académie imp. des sciences de St.-Pétersbourg. 1880. N 26. P. 433), на территории Ордоса растет (или, по крайней мере, росла в 1880 г.) монгольская липа Максимовича.

Липа, таким образом, тоже растет и в Саяно-Алтайском регионе, и на Ордосе.

Лиственница: ПТ **tȳt;* як. *tīt;* долган. *tīt;* тув. *dyt;* тоф. *tyt* (Рас.), *dyt/tyt*; хак. *tyt;* шор. *tyt;* др.-уйг. *tyt*; крх.-уйг. *tyt* (МК); тат. *tet ayac* (диал., сиб.); галт. *tyt.* Возможно, сюда же можно отнести как результат контаминации тюрк. **tȳt* 'лиственница' и заимствованного *tut* 'тутовое дерево',

[95] См. еще СИГТЯ 1997, 126, внешние связи в EDAL.

кирг. *tyt* 'тутовое дерево'; см. VEWT 479; EDT 449; Stachowski 1993, 224. Рясянен предполагает, что тюркские и тунгусо-маньчжурские (ПТМ **takti-kān*) слова были заимствованы из финно-угорских языков, ср. манс. *tȳt*, хант. *teχət* 'pinus cembra'. В EDAL предполагается, что тюркские и тунгусо-маньчжурские формы восходят к ПА **čākte* 'сосна, лиственница'.

Лиственницы занимают первое место по площади и запасу древесины среди хвойных деревьев бывшего СССР. Они распространены практически по всей его территории.

На Ордосе растет только одна разновидность лиственниц: Larix gmelinii var. principis-rupprechtii.

Таким образом, лиственница тоже растет на территории обеих предполагаемых тюркских прародин.

Клен: ПТ **ür(e)ŋke*; чув. *vəʷrene;* нуйг. *üräŋgi;* кум. *ürge;* балк. *ürge;* тат. *örägge;* см. VEWT 522; Дмитриева 1972, 191; Егор. 52; Федотов I 118. В интерпретации этой этимологии мы согласны с Ю.Дмитриевой, которая (в отличие от EDAL; Егор. 52; VEWT 522) предлагает разделять на две разные этимологии слова с суффиксом на **-j-* и на **-r-*. Эти слова, по мнению Ю.Дмитриевой, имеют лишь структурное сходство и представляют собой два совершенно разных фитонима. Мы реконструируем две разные этимологии: **ür(e)ŋke* 'клен', все рефлексы которого сохраняют это значение, и **üjeŋke* 'ивовые: ветла, ива, тополь', рефлексы которого представлены лишь в татарском и башкирском. Однако принять интерпретацию Ю.Дмитриевой, по которой чув. *vəʷrene* возводится к архетипу *ürüŋ* + *ke* <**ür-* 'дуть', мы не можем.

На территории бывшего СССР клен растет только в его европейской части, на западе от Уральских гор.

На Ордосе исследователи Пакс (F.A.Pax) в 1902 г. и Мюррей (E.Murray) в 1977 г. обнаружили один вид клена: Acer robustum (Pax 1902).

Таким образом, клен тоже является очень важным растением для локализации тюркской прародины. Он реконструируется однозначно, растет на Ордосе и не растет в Саяно-Алтайском регионе.

Виноград: ПТ **jürüm;* сюг. *üčüm* (< монг.); др.-уйг. *üzüm* (мед. текст); крх.-уйг. *üzüm* (MK), *jüzüm* (IM); хал. *hizim, hizüm*; тур. *üzüm;* гаг. *jüzüm;* аз. *üzüm;* турк. *üzüm;* чаг. *üzüm* (Pav.C.); ср.-кыпч. *jüzüm* (Houts.); узб. *uzum;* уйг. *üzüm;* кар. *izim, jüzüm;* кум. *jüzüm;* балк. *ǯüzüm;* тат. *jözem;* башк. *jöðöm;* ног. *jüzim;* каз. *žüzüm;* ккалп. *žüzim;* кирг. *ǯüzim;* см. EDT 288; VEWT 214; ЭСТЯ 1974, 625; Федотов I 173. Тю. > монг. *üǯüm* 'виноград', см. Doerf. II 54; Clark TLM 40; Дмитриева 1979, 183.

Лесной виноград растет в долинах рек Копет-Дага, на Кавказе, в средней и южной части Западной Европы, в Северном Иране. Виноград амурский распространен на юге Амурской области и Хабаровского края, в Приморском крае, а также в Северной Корее и Северо-Восточном Китае. Культивируется успешно почти по всей территории европейской части СССР. Виноград растет и на Ордосе.

Таким образом, виноград тоже реконструируется однозначно для пратюркского языка. Он растет на Ордосе и не растет в Саяно-Алтайском регионе.

Приводимые ниже названия деревьев и кустарников, по-видимому, являются заимствованиями.

Вишня: ПТ **čije* '1. вишня; 2. черешня'; чув. *čije* 1; узб. *čija* 1; кар. *čija* 1; кум. *jije* 1; тат. *čijä* 1; башк. *sejä* 1; ног. *šije* 1; каз. *šije* 1; ккалп. *šije* 1, 2; кирг. *čije* 1; см. Дмитриева 1979, 183, возможно, монгольское заимствование.

Айва: чув. *ajva;* хак. *ajva;* др.-уйг. *avja;* гаг. *hajva*; аз. *hejva;* тат. *ajva;* башк. *ajva;* ног. *ajva;* каз. *ajva;* возможно, заимствование из новоиндийских языков, ср. Авадхи *abiyā* 'мелкое зеленое манго'.

В естественных условиях обыкновенная айва растет на Кавказе (в Дагестане, Азербайджане), в Средней Азии (в закопетдагских районах Туркмении).

Боярышник: ПТ **imiti* (~ **ymyt*); др.-уйг. *imiti* (Rach.) (может быть прочитано как *ymyt*); см. ДТС 209.

Распространен на Дальнем Востоке, в бассейне среднего и нижнего течения Амура и Уссури, в Корее и Китае.

Саксаул: чув. *saksaul;* узб. *saksowul;* тат. *saqsaul;* башк. *saqsawyl;* каз. *seksewil;* кирг. *söksö:l.* Заимствование из монгольских языков.

Растет главным образом в песчаных пустынях, на бугристых и зарастающих барханных песках Средней Азии, Северного Афганистана и Северного Ирана.

У следующего слова в современных языках единообразно отмечается значение 'туя'; однако, поскольку туя была привезена в Европу из Северной Америки только в XVI в., видимо, здесь речь идет о каком-то другом виде древовидного можжевельника.

Туя: ПТ **sagyr*, **sagry;* др.-уйг. *sayry* 'a k. of plant' (Suv.), узб. *sawir,* тат. *sawyr* (> баш. *sawyr*); см. ДТС 481; Дмитриева 2001, 208.

* * *

Анализируя материал по географии распространения деревьев, названия которых реконструировались в этом разделе, можно прийти к следующим выводам.

Однозначно по семантике для пратюркского языка реконструируются дуб, ива, липа, лиственница, клен и виноград. Из них ива, липа, лиственница растут как на территории Саяно-Алтайского региона, так и на Ордосе.

Анализ ареалов распространения дуба, клена и винограда приводит нас к совершенно неожиданному результату. Он однозначно указывает на локализацию прародины тюрков на Ордосе, потому что в Саяно-Алтайском регионе эти деревья не растут. Таким образом, данные по лингвистической реконструкции названий деревьев дают тот же результат, что и последние исследования по археологии.

Нам не кажется, что полученные результаты полностью отрицают традиционную теорию, согласно которой перед распадом тюрки жили в Саяно-Алтайском регионе. Но такое четко соответствие лингвистических и археологических данных, скорее всего, свидетельствует о том, что до переселения в Саяно-Алтайский регион тюрки жили в районе Ордоса или, что не исключают и археологи, постоянно мигрировали между Саяно-Алтайским регионом и Ордосом.

Далее при реконструкции «неоднозначных» названий деревьев и кустарников мы постараемся рассматривать обе возможности локализации тюркской прародины. Мы не считаем, что на пратюркский уровень должны реконструироваться названия лишь тех растений, которые распространены на территории Ордоса. Возможно, ряд названий появился в пратюркском языке, незадолго до начала распада, когда тюрки уже стационарно жили на территории Саяно-Алтая. Но, во всяком случае, **на материале названий растений, рассмотренных в этом разделе, можно доказательно утверждать, что в какой-то момент существования этноса тюрки жили на Ордосе.**

КЛАССИФИКАЦИЯ СЕМАНТИЧЕСКИХ ПЕРЕХОДОВ В СИСТЕМЕ НАЗВАНИЙ ДИКОРАСТУЩИХ РАСТЕНИЙ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

Создание классификации семантических переходов в настоящее время является одной из наиболее актуальных задач современной лингвистики. Подобная классификация важна как для этимологических исследований, так и для разработок по синхронной семантике. При написании новых этимологий и анализе существующих такая классификация даст возможность верифицировать то, что до сих пор делалось в основном интуитивно, отсеивать сопоставления, семантика которых кажется ненадежной.

Несмотря на то что полная классификация семантических переходов в какой-либо лексической области пока не создана, во многих исследованиях в той или иной степени затрагивается эта проблематика.

Можно выделить следующие направления разработок в области классификации семантических переходов: 1) создание общетеоретической базы по этому вопросу, 2) исследования по принципам синхронной номинации в рамках той или иной лексической системы, 3) сбор и статистический анализ материала, иллюстрирующего различные принципы номинации, 4) анализ семантических переходов с точки зрения функционализма и т.д.

Классическая работа в рамках первого направления – это монография Ю.Д.Апресяна «Лексическая семантика» (Апресян 1995). Ю.Д.Апресян, ссылаясь на А.Дармстетера (Darmsteter 1887), выделяет три топологических типа многозначности: 1) радиальная полисемия: все значения слова мотивированы одним и тем же – центральным – значением, ср. *клапан мотора* vs. *клапан фагота* vs. *сердечный клапан* vs. *клапан кармана* с общим компонентом ‘часть предмета, прикрывающая отверстие в нем’; 2) цепочная

полисемия (в чистом виде редка): каждое новое значение мотивировано другим, ближайшим к нему значением, но крайние значения могут и не иметь общих семантических компонентов, ср. *левая рука* vs. *в левую сторону* vs. *левая тумба стола* vs. *левые фракции парламента* vs. *левые партии* vs. *левый уклон*; 3) радиально-цепочная полисемия (наиболее типичный случай), например: класс: 1. класс объектов: 1.1. *рабочий класс*, 1.2. *класс млекопитающих*, 1.3. *классы в школе* и т.д. 2. степень: 2.1. *игра высокого класса*, 2.2. *чиновник девятого класса.*

В связи с топологическими типами многозначности Ю.Д.Апресян выделяет еще одно различие – различие между непосредственной и опосредованной многозначностью. В случае непосредственной многозначности сходство между значениями вскрывается на первом же шаге семантического описания, ср. *выпарить* 1. 'кипятя, выпарить' (*выпарить соль из воды*) и *выпарить* 2. 'кипятя, уничтожить' (*выпарить воду*), в случае опосредованной многозначности сходство между двумя значениями обнаруживается на втором (третьем и т.д.) шаге семантического описания, ср. *сечь* 1. 'бить', *сечь* 2. 'рубить', *рубить X* 'с размаху ударять острым инструментом по *X*-у, возможно, деля *X*'.

При применении теоретических разработок Ю.Д.Апресяна к диахроническим исследованиям возникает вопрос, насколько сходны типы многозначности, с которыми мы имеем дело в синхронии, и семантические переходы, с которыми мы сталкиваемся в этимологических исследованиях. Кажется, что этот вопрос нуждается в дальнейшем исследовании.

Другое направление, которое следует здесь рассмотреть, – это анализ принципов номинации. В последние десятилетия появилось довольно много исследований по этому вопросу. Ниже мы остановимся на работах, посвященных анализу принципов номинации растений.

Как уже было сказано выше, одна из наиболее полных работ по теоретическим принципам номинации растения – это монография: *Seidensticker P.* Pflanzennamen: Überlieferung – Forschungsprobleme – Studien.

В этой работе перечисляются стратегии, по которым номинируются растения (Benennungsmotiven). В работе P.Seidensticker проведено статистическое исследование на материале щвейцарского диалекта немецкого языка, какие именно стратегии используются в процентном отношении при номинации растений.

Результат получился следующий:

1) Стратегия: место произрастания (12, 60%);
2) Стратегия: время цветения (7, 53%);
3) Стратегия: общий вид растения (4, 79%);
4) Стратегия: форма цветка (12, 19%);
5) Стратегия: цвет цветка (11, 50%);
6) Стратегия: вид листьев (6, 43%);
7) Стратегия: вид плодов или семян (5, 89%);
8) Стратегия: вид стебля (1, 3%);

9) Стратегия: вид корня (0, 82%);
10) Стратегия: использование растения или его частей (17, 39%);
11) Стратегия: ядовитые растения (4, 79%);
12) Стратегия: кормовая ценность (7, 26%);
13) Стратегия: запах растения (2, 46%);
14) Стратегия: содержание в растении каких-либо соков (например, Milchsaft des Löwenzahns) (4, 38%);
15) Стратегия: другие биологические особенности растений (0 %);
16) Стратегия: сходство с другими растениями (3, 42%).

В работе Seidensticker 1999 подробно отработаны принципы применения стратегий при анализе производных названий растений в синхронии на материале немецкого языка.

Автор предлагает ввести новые «принципы номинации». Принципы номинации заключаются в том, что на основе важности той или иной стратегии (т.е. определенного компонента во внешнем виде или функциональном использовании) растения сравниваются с какими-то предметами окружающего мира. Принципы номинации – это анализ того, с какими именно предметами сравнивается растение.

Выделено 18 принципов номинации, в основном на материале немецких названий растений. Вот некоторые из них:

1) технологический принцип, название растения связано с действиями, которые с ним производят, например серболужицкое слово *bruslica* трактуется как 'та, которую очищают';

2) телеологический принцип: по цели применения: *Leberblume* 'цветок для печени';

3) топологический принцип: название растения по месту, с которым оно связано: *Alpenveilchen* 'альпийская фиалка' и т.д.

В работе А.Г.Шайхулова «К методике выявления мотивирующих признаков номинаций в семантических микросистемах фитонимов» (Шайхулов 1986) такой способ анализа принципов номинации применен к названиям растений в тюркских языках: татарском, башкирском и чувашском.

А.Г.Шайхулов выделят следующие группы:

1. Природа: данная лексико-тематическая группа включает в себя названия растений, связанные с такими апеллятивами, как номинации земли, металлов, минералов, воды, растений, а также названия животных (домашних и диких), птиц, насекомых и т.д.

Например, с названиями земли: *жир армуда* 'топинамбур' (букв. 'земляная груша'), с названиями металлов: башк. *корос үлән* 'стальник' (букв. 'стальная трава'), с названиями деревьев: чув. *чараш тарри* 'хвощ' (букв. 'еловая макушка') и т.д.

2. Человек: данная лексико-семантическая группа включает в себя названия растений с компонентами, апеллятивные значения которых связаны с психическими особенностями, физическими характеристиками, болезнями человека, продуктами его питания, а также с именами людей и т.д.

Например, названия, отражающие физические данные человека: тат. *кәрлә̆ч* 'молодило'(букв. 'карлик'); названия, связанные со строением тела: чув. *саланчак пус,* 'метлица' (букв. 'растрепанная голова'); с названиями продуктов питания: башк. *кымыҙлык* 'горец альпийский' (букв. 'кумысник') и т.д.

3. Общество: в эту лексико-семантическую группу включены названия растений с апеллятивами, отражающими семейные отношения, национальную принадлежность, с названиями стран, городов, а также именами религиозно-мифологических и фольклорных персонажей, образов.

Например, со словами, отражающими семейные отношения: тат. *бә̆чә̆к* 'борщевик' (букв. 'ребенок'); с мифологическими названиями: чув. *вупкаш тымаре* 'лабазник шестилепестной' (букв. 'упырев корень'); с названиями стран, городов: башк. *Бохар үләне* 'бухарник' (букв. 'бухарская трава') и т.д.

4. Познание: названия, рассматриваемые в данной группе, анализируются в плане лексико-семантической классификации, т.е. не только по тем или иным признакам, объединяющим их в тематические общности, но и исходя из мотивационных признаков, лежащих в основе фитонимов. Названия растений в этом разделе рассматриваются в рамках подгрупп, выделенных по выражению их компонентами понятий цвета, времени, места, числа, качества, формы и т.д.

Например, названия с цветовым атрибутом: тат. *акбаш* 'тысячелистник' (букв. 'белая голова'); названия, связанные с обозначением места: башк. *бакса алабутаһы* 'лебеда огородная', названия, связанные с выражением числовых значений: чув. *утмалтурат* 'василек' (букв. 'шестьдесят отростков') и т.д.

П.Зайденштикер предполагает, что принципы, лежащие в основе синхронной номинации растений, автоматически должны быть спроецированы и на этимологические исследования. Нам представляется, что это утверждение отчасти верно, отчасти нуждается в дальнейшей проверке. Как мы видим из сравнения работ Seidensticker 1999 и Шайхулов 1986, разные авторы выделяют разные принципы номинации. В связи с этим не вполне ясно, насколько такие исследования сводимы в одну универсальную классификацию принципов номинации. Как нам кажется, лишь после создания такой классификации на материале представительного числа языков, принадлежащих к разным семьям, можно говорить о том, насколько универсальны принципы номинации вообще.

С другой стороны, представляется, что принципы и стратегии номинации по-разному должны использоваться в исследованиях, ориентированных на диахронию и на синхронию. В исследованиях по синхронии в большинстве случаев стратегии и принципы номинации применимы к производным названиям растений. Для непроизводных названий растений на синхронном уровне мы не можем определить стратегию и принцип их номинации.

Предметом этимологического исследования, наоборот, являются, в основном, непроизводные названия растений. Здесь, очевидно, по-разному

должны применяться принципы и стратегии номинации в вышеуказанном смысле. Принципы номинации применимы лишь тогда, когда часть рефлексов одного слова из праязыка имеет значение 'какое-то растение', а часть 'предмет окружающего мира'. С другой стороны, стратегии номинации применяются тогда, когда часть рефлексов одного праслова описывает одно растение, а другие рефлексы – другое растение. В таком случае как раз возникает вопрос о том, какая стратегия (т.е. какой компонент в значении названия растения в праязыке) сделала возможным подобный перенос.

Нам неизвестны исследования на материале названий растений, в которых был бы осуществлен подобный анализ принципов номинации и стратегий развития значений в диахронии.

В своем роде первым и основополагающим исследованием, посвященным систематическому анализу изменения значений в диахронии, является монография А.В.Дыбо «Семантическая реконструкция в алтайской этимологии» (Дыбо 1996). В ней с точки зрения анализа стратегий семантических переходов рассмотрены соматические термины плечевого пояса. Основой данной методики семантических изменений, разработанной А.В.Дыбо, является типология семантических изменений. В построении семантической типологии принято исходить из следующего предположения. Для некоторых объектов действительности в любом естественном языке имеются наборы первичных, немотивированных лексем, значения которых, соотносясь друг с другом, определенным образом расчленяют эти объекты. Способ членения явлений действительности лексическими средствами языка называют номинационной решеткой.

А.В.Дыбо приходит к выводу, что семантические переходы в соматических терминах плечевого пояса обусловлены функционально, т.е. стратегией семантического перехода является функция объекта. Номинационная решетка соматических терминов плечевого пояса, по А.В.Дыбо, включает член, для которого в толковании необходима функциональная часть. При использовании этого слова в языке и речи его функциональная часть играет главную роль, являясь основой для процессов метафоризации и возникновения фразеологических сочетаний. Это функциональное название руки как активного органа – основного органа-посредника человеческой деятельности. Смещение функциональной нагруженности с одной лексемы на другую и вызывает изменение всей номинационной решетки.

Таким образом, еще раз подчеркнем, что по А.В.Дыбо основная стратегия, вызывающая семантические изменения в названиях плечевого пояса – это функциональная.

Ниже на материале тюркских названий растений прослеживается, какие стратегии семантических изменений задействованы в этой группе лексики.

Но прежде чем перейти к рассмотрению конкретного материала, в завершение нашего беглого обзора литературы, посвященной семантическим изменениям вообще, и в названиях растений в частности, хотелось бы еще

раз подчеркнуть внутреннюю связанность всех вышеупомянутых направлений исследований.

В работах Ю.Д.Апресяна разработана теоретическая база для описания как семантической многозначности в синхронии, так и семантических переходов в диахронии. В рассмотренных нами работах по принципам синхронной номинации показано, что стоит за теоретическими понятиями метафоры и метонимии на материале названий растений. В исследовании А.В.Дыбо проведен анализ того, как работают метонимический и метафорический переносы в диахронии на материале соматических терминов.

Как мы видим, в логическом развитии применения понятий терминов метафоры и метонимии к конкретным лексическим микросистемам существует лакуна – в описании стратегий семантических изменений в диахронии. К сожалению, семантическое развитие большинства лексических полей, особенно энциклопедически нагруженных, не вполне разработано. Эту лакуну нам бы хотелось частично заполнить в настоящей работе, проследив диахроническое развитие семантики в названиях растений в тюркских языках.

Семантические переходы в системе тюркских названий растений могут быть разделены на два типа: 1) семантические переходы названий растений в пределах одного ботанического семейства и 2) семантические переходы названий растений одного семейства на растения другого. Семантические переходы первого типа кажутся естественными и легко объяснимыми. В любом ботаническом описании растений можно найти подробное описание сходств растений, которые принадлежат к одному семейству, например ивы и тополя, которые принадлежат к семейству ивовых.

Переходы второго типа требуют специальных объяснений. После перечисления семантических переходов второго типа, имеющих место в тюркских языках, мы попытаемся предложить возможные параметры, которые ограничивают теоретически возможное множество семантических переходов.

I тип
Семантические переходы в пределах одного семейства

1) семейство розоцветные: абрикос vs. слива vs. алыча vs. рябина

ПТ **erük* '1. слива (др.-уйг., крх.-уйг., тур., гаг., сал., чаг., кар., кум., балк.); 2. абрикос (др.-уйг., крх.-уйг., аз., турк., узб., уйг., тат., башк., каз., ккалп., кирг.); 3. алыча (турк., кум.); 4. рябина (галт.)';

2) семейство розоцветные: черемуха vs. мушмула

ПТ **jymurt* '1. черемуха (чув., тоф., хак., шор., тур.диал., узб., алт.); 2. мушмула (крх.-уйг.)';

3) семейство ивовые: ива, верба, тальник, ветла, ракита vs. тополь

ПТ **dal* '1. ветка (долган., крх.-уйг., тур., гаг., аз., чаг.); 2. дерево (сал.); 3. ива (як., долган., тув., хак., шор., др.-уйг., крх.-уйг., турк., чаг., узб., нуйг., нуйг.диал. кар., кум., балк., тат., тат.диал., башк., ног., ккалп., кирг., галт.); 4. ветвь, сук (долган., тур., гаг., кирг.); 5. куст (долган.); 6. тополь (узб., нуйг.диал.); 7. верба (як., турк., нуйг., нуйг.диал., кар., тат. диал.,

башк., ног.); 8. тальник (як., тув., хак., шор., турк., сал., кар., кум., тат.диал., башк., ног., каз., ккалп., кирг., галт.); 9. ракита (турк., кирг., галт.); 10. ветла (турк.); 11. лоза (тув., хак.)'; ПТ **üj(e)ŋke* '1. ивовые: верба, ветла, ива, тополь (тат., башк., каз.); 2. ветла' (башк.);

4) семейство ивовые: осина vs. тополь

ПТ **ab(y)sak* '1. осина (чув., хак., шор., тат., башк., галт.); 2. тополь (ср.-кыпч.)';

5) семейство ивовые: ива, тальник vs. тополь, осокорь

ПТ **To(ŋ)gurak* '1. тополь (сюг., др.-уйг., крх.-уйг., аз., чаг., узб., уйг., каз.); 2. ива (тур., чаг.); 3. осокорь (кирг.); 4. тальник (турк.)';

6) семейство сосновые: ель vs. пихта

ПТ **čïbï* '1. ель (тув., тоф., хак., тат.); 2. пихта (хак., шор., алт.)';

7) семейство сосновые: сосна vs. пихта

Заимствование из монгольских языков *narat* '1. сосна (чув., кар., кум., тат., башк.); 2. пихта (кар.)';

8) семейство сосновые: сосна vs. ель vs. лиственница

ПТ **kara-kaj* '1. сосна (хак., шор., хал., узб., уйг., кум., тат., башк., ног., каз., ккалп., алт.); 2. лиственница, ель (як., хал., тат.); 3. еловый лес (кирг.)';

9) семейство сосновые: сосна vs. сосна кедровая сибирская

ПТ **böĺ* '1. сосна кедровая сибирская (тув., тоф., алт., алт.диал.); 2. сосна (як.)';

10) семейство камнеломковые: смородина vs. багульник

ПТ **Karylgan*/**Karlygan* '1. смородина (чув., тув., шор., тат., тат.диал., башк., ног., алт.); 2. багульник (тоф.)';

II тип

Семантические переходы, выходящие за пределы одного семейства

1) семейство розоцветные: терн vs. камнеломковые: смородина vs. бобовые: акация

ПТ **karakan* '1. акация (тув., тодж., шор., кирг., алт.); 2. смородина (турк.); 3. терн (каз.)';

2) семейство розоцветные: боярышник, шиповник, терновник vs. вересковые: дерен мужской (кизил)

Заимствование из Монг. **dolyana* '1. боярышник (як., тув., тоф., шор., узб., уйг., тат., башк., каз., кирг., алт.); 2. шиповник (як., шор.); 3. мох (ног.); 4. терновник (алт.)';

3) семейство розоцветные: ирга vs. жимолостные: жимолость

ПТ **yrgaj* '1. ирга (тув., уйг., ккалп., кирг.); 2. дерево, из ствола которого делают соху (турк.); 3. густые заросли, молодняк, чащоба (як.); 4. жимолость (алт., каз.)';

4) семейство розоцветные: таволга, таволожник vs. гребенщиковые: гребенщик (тамариск) vs. бобовые: карагана (чилига)

ПТ **d(i)abylku* '1. таволга, спирея (чув., як., тув., тув.диал., хак., др.-уйг., тур., узб., кум., тат., ног., каз., кирг., алт.); таволожник (хак., алт.)'; 2. тамариск (крх.-уйг.); 3. чилига (башк.);

5) семейство розоцветные: рябина vs. пасленовые: белена[96]

ПТ *bẹ́lẹ́ ‘1. рябина (чув., турк., тат., башк., алт.); 2. белена (алт.)’;

6) семейство ивовые: осина vs. ильмовые: вяз (ильм)

ПТ *ilme ‘1. осина (балк., ног.); 2. ильм (чув., тат.); 3. вяз (кум.)’;

7) семейство ивовые: осина, тополь vs. платановые: платан vs. березовые: ольха

ПТ *čar- ‘1. платан (крх.-уйг.); 2. крыжовник? (уйг.); 3. осина (тув.); 4. вид тополя (кирг.);

8) семейство березовые: ольха

ПТ *čyr- ‘1. ель (чув., тат., башк., ног., каз.); 2. ольха (тоф.)’;

9) семейство ивовые: осина, тополь vs. сосновые: пихта:

ПТ *dẹrek ‘1. тополь (чув., як., тув., хак., шор., крх.-уйг., турк., чаг., узб., уйг., тат., башк., каз., ккалп., кирг., алт.); 2. дерево (сюг., тур., кар., кум., балк.); 3. осина (уйг. Мал.); 4. осокорь (тополь черный) (тат., башк.); 5. столб (крх.-уйг.); 6. пихтовое дерево (як.)’;

10) семейство ивовые: ива vs. березовые: ольха

ПТ *jẹrük ‘1. ольха (чув., як., долган., шор., сюг., балк., тат., башк.); 2. вид ивы, кору которой употребляли для окрашивания деревянной посуды и кожи в красный и бурый цвета (як., шор., алт.)’;

11) семейство жимолостные: калина vs. гребенщиковые: гребенщик (тамариск) vs ивовые: белая ива[97]

ПТ *bạlgyn ‘1. тамариск (крх.-уйг., кирг.); 2. калина (чув., шор., аз., уйг., кбалк., тат., башк., алт.); 3. белая ива, тальниковые и березовые ветви на корм скоту’ (як.);

12) семейство маслинные: ясень vs. кленовые: клен

ПТ *Kebrüč ‘1. ясень (чув., тур., тур.диал., аз., кум., балк., тат., башк., ног., кирг.); 2. клен (балк.)’;

13) семейство березовые: береза vs. буковые: бук vs. розоцветные: черемуха

ПТ *Kadyŋ ‘1. береза (чув., як., долган., тув., тоф., хак., шор., крх.-уйг., гаг., аз., турк., ср.-кыпч., узб., уйг., кар., кум., кбалк., тат., башк., ног., каз., ккалп., кирг., алт.); 2. бук (тур.); 3. черемуха (кбалк.)’;

На основе анализа собранных данных мы пришли к выводу, что переходы названий растений одного семейства на растения другого в тюркских

---

[96] Значение ‘белена’ очень сомнительно. Носители горноалтайского языка, опрошенные нами, его отрицают.

[97] Нам не до конца ясно, как объяснить развитие значения ‘калина, гребенщик’ > ‘белая ива, березовые, ивовые ветви на корм скоту’ в якутском. Следует отметить, что только рефлекс в якутском не имеет суффикса *-ın*, который восстанавливается и для пратюркской формы. На материале тюркских названий растений это единственный пример развития значения ‘плодовый кустарник’ > ‘высоко растущее дерево’. Возможно, по семантическим и морфологическим причинам якутское слово не следует рассматривать в рамках этой этимологии, поэтому далее мы не будем специально рассматривать этот семантичесий переход.

языках бывают двух видов: а) названия деревьев переходят на деревья, названия кустарников – на кустарники, б) названия плодовых растений переходят на плодовые растения. Таким образом, получается, что в наивной концепции тюркских растений важны два параметра: размер и наличие vs. отсутствие плодов.

Рассмотрим подробно примеры конкретных семантических переходов:

Названия деревьев переходят на деревья

семейство ивовые: осина vs. ильмовые: вяз (ильм)

семейство ивовые: осина, тополь vs. сосновые: ель vs. платановые: платан vs. березовые: ольха

семейство ивовые: осина, тополь vs. сосновые: пихта

семейство ивовые: ива vs. березовые: ольха

семейство маслинные: ясень vs. кленовые: клен

семейство березовые: береза vs. буковые: бук vs. розоцветные: черемуха[98].

Названия кустарников переходят на кустарники, названия плодовых растений – на плодовые растения (на материале тюркских языков во всех семантических переходах эти признаки оказались скореллированы). Ниже мы вкратце опишем размер и вид плодов кустарников, потому что, возможно, это не является общеизвестным. А для нашей гипотезы о параметрах семантических переходов важно показать, что растения из этой группы – кустарники или маленькие деревья, т.е. их максимальная высота не превышают 6–8 м (максимальная высота деревьев, в частности перечисленных в предыдущем разделе, от 15 до 35 м), и имеют плоды. Интересно отметить, что в большинстве случаев при семантическом переходе у плодовых растений цвета созревших или созревающих плодов или цветков похожи.

Семейство розоцветные: терн vs. камнеломковые: смородина.

Терн, слива колючая – высокий, до 5 м. кустарник (реже деревце) с темно-серой, слабо растрескивающейся корой и шаровидной кроной. Цветки одиночные, белые, до 2 см в диаметре, распускаются весной до появления листьев, густо покрывая побеги. Черно-синие с сизым налетом плоды имеют зеленоватую терпкую кисло-сладкую мякоть, плохо отделяющуюся от косточки. Плоды используются в пищевой промышленности.

Существует большое количество разных видов смородины, но все они обычно не превышают в высоту 1–1,5 м. В конце мая – начале июня появляются поникающие кисти цветков. Их окраска зависит от вида смородины. Например, черная смородина имеет лиловатые цветки, бледноцветковая – желтоватые или розоватые, красная – красновато-бурые или зеленоватые и т.д. Соответственно и цвет ягод смородины различается в зависимости от вида. Но когда мы говорим о семантическом переходе терн vs. смородина, то, вероятно, имеется в виду черная смородина.

[98] По ботанической классификации (ср. Деревья и кустарники СССР 1966, 416) отдельные виды черемухи, например черемуха мелкопильчатая, считаются высокими деревьями и достигают 25 м высоты.

Семейство розоцветные: боярышник, шиповник, терновник (слива колючая)[99] vs. вересковые: дерен мужской (кизил).

Наиболее распространенный вид боярышника, который произрастает в Европе, Сибири и Средней Азии, – это боярышник кроваво-красный. Это колючий кустарник или деревце до 6 м высоты. Цветет в июне. Цветки до 1,5 см в диаметре, собраны в густые щитковидные соцветия. Продолговатые яблоковидные, около 1 см в диаметре, плоды созревают в сентябре, приобретая кроваво-красную окраску. Они имеют мучнистую мякоть и содержат несколько косточек с твердой оболочкой. Декоративное растение, широко используемое для живых изгородей, групповых и одиночных посадок.

Шиповник относится к роду роза, который насчитывает более 400 видов. Это кустарник обычно до 2 м высоты. Окраска цветков зависит от вида. Плоды ярко-оранжевые или красные, около 1 см в диаметре, созревают в октябре. Розы очень декоративны. Используются при создании живых изгородей, для обсадки водоемов и т.д.

Дерен мужской (кизил) – кустарник или дерево высотой до 8 м. Цветет в марте–апреле, до распускания листьев. Ярко-желтые цветки собраны в зонтиковидные соцветия диаметром до 10 мм. Плоды-костянки до 3 см в диаметре, довольно разнообразны по форме, от почти шаровидных или эллиптических до цилиндрических. Варьирует также и окраска, она бывает розоватой, ярко- или темно-красной. Вкус кисло-сладкий, более или менее вяжущий. Возможности использования кизила очень широки: он хороший медонос, декоративен, плоды его находят широкое применение в кондитерской промышленности.

Семейство розоцветные: ирга vs. жимолостные: жимолость.

Ирга – это стройный кустарник или небольшое деревце с изящной аккуратной ажурной зеленой листвой, принимающей осенью красновато-желтые тона. В мае появляются обильные щитковидные кисти из 5–8 белых или кремово-белых цветков. Черные или синевато-черные с сизым налетом сочные плоды созревают в середине июля. Они употребляются сырыми и идут для приготовления джемов, повидла, пастилы.

На Алтае[100] распространены разные виды жимолости: мелколистная, съедобная и т.д. Это небольшой раскидистый кустарник 0,8–1,5 м высоты. В мае появляются парные пазушные цветки с желтовато-белым венчиком до 1 см длины. Осенью созревают оранжево-красные плоды-ягоды, сросшиеся попарно и свисающие на длинных плодоножках.

Семейство розоцветные: таволга, таволожник vs. гребенщиковые: гребенщик (тамариск) vs. бобовые: карагана (чилига).

Таволга, таволожник – это листопадные, обычно красиво цветущие кустарники с очередным листорасположением. Цветки собраны в соцветия самой разнообразной формы (зонтик, кисть, щиток, метелка). Окраска цвет-

[99] Описание терновника см. выше.

[100] В алтайском языке произошел перенос названия с ирги на жимолость (см. выше).

ков варьирует от белой до красной и пурпурной. Семена заключены в сухие мелкие плоды-листовки часто кувшиновидной формы. Многие разновидности таволги используются в декоративном садоводстве.

Гребенщик (тамариск) – это кустарник или невысокое, 6–7 м, деревце. Розовые, пурпурные, лиловые или реже белые цветки собраны в метелки. Плоды – мелкие коробочки. Гребенщики очень перспективны для озеленения пустынных или полупустынных районов.

Карагана (чилига) – кустарник редко выше 2 м. Цветет с мая по июль золотисто-желтыми одиночными, редко сближенными по 2–3 цветками. В конце июля – августе созревают цилиндрические, 3,5–4 см длины, жесткие голые бобы, содержащие по 1–4 семени. Кустарник используют как живую изгородь.

Семейство жимолостные: калина vs. гребенщиковые: гребенщик (тамариск).

Калина обыкновенная – высокий, до 2 – реже 4 м, кустарник. Цветки белые, собраны в рыхлые зонтиковидные метелки. Краевые цветки плоские, семян не дают, центральные короткоколокольчатые. Красные сочные круглые плоды с одной косточкой созревают в сентябре. Плоды содержат значительное количество валериановой кислоты, горькие. Калина декоративна, почти не повреждается промышленными газами и не страдает от дыма.

Описание гребенщика см. выше.

РЕКОНСТРУКЦИЯ «НЕОДНОЗНАЧНЫХ» НАЗВАНИЙ ТЮРКСКИХ ДИКОРАСТУЩИХ РАСТЕНИЙ И ОПИСАНИЕ ПРАТЮРКСКОГО ЛАНДШАФТА

Деревья неплодовые

Сначала мы рассмотрим неплодовые деревья, семантические переходы в названиях которых происходят в пределах одного семейства, например ивовых или сосновых. Мы предполагаем, что каждое из названий этих деревьев в праязыке будет обозначать дерево, принадлежащее к тому же семейству, что и во всех языках-потомках.

Рассмотрим **семейство ивовых**. В тюркских языках есть следующие этимологии слов, которые во всех языках-потомках тоже являются названиями ивовых деревьев.

Семейство ивовые: ива (разновидности ивы: верба, тальник, ракита, ветла) vs. тополь:

ПТ **dal* '1. ветка; 2. дерево; 3. ива; 4. ветвь, сук; 5. куст; 6. тополь; 7. верба; 8. тальник; 9. ракита; 10. ветла; 11. лоза'; як. *talax* 3, 7, 8; долган. *talak* 1, 3, 4, 5; тув. *tal* 3, 8, 11; хак. *tal* 3, 8, 11; шор. *tal* 3, 8; др.-уйг. *tal* 3 (OUygh.); крх.-уйг. *tal* 1 (QB), 3 (MK); тур. *dal* 1, 4; гаг. *dal* 1, 4; аз. *dal* 1; турк. *tal* 3, 7, 8, 10; сал. *dāl* 2, *öital* 8, *tal* 2; чаг. *dal* 3 (Pav.C.), *tal* 1 (Pav.C., Абуш.); узб. *tɔl* 3, 6; нуйг. *tal* 3, 7; нуйг. Мал. *tal* 3; нуйг.диал. *tal* 3, 6, 7; кар. *tal* 3, 7, 8; кум. *tal* 3, 8; балк.

tal 3; тат. *tal* 3, (диал.) 8, 7; башк. *tal* 3, 8; ног. *tal* 3, 7, 8; каз. *tal* 8; ккалп. *tal* 3, 8, 9; кирг. *tal* 3, 4, 8, 9; галт. *tal* 3, 8, 9; см. EDT 489; VEWT 457; ЭСТЯ 1980, 130–131; СИГТЯ 1997, 125–126; Stachowski 1993, 216; Дмитриева 1979, 157, 188.

В ЭСТЯ 1980 высказывается мнение о том, что «*дал* ~ *тал* 'ветвь' и *тал* 'ива, тальник' – разные слова, относительно поздно слившиеся на почве совпадения их форм» (ЭСТЯ 1980, 131), на основании следующих положений. Отмечается, что старейшие регистрации этого слова имеют значение 'ветвь, ветка' (см. VEWT 457b). «В кумыкском и крымско-караимском 'ветвь, ветка' обозначается словом *dal,* 'ива, тальник' – словом *tal.* Форма *дал* 'ветка' зафиксирована также в наманганском списке «Кутадгу Билиг» (QBN 381), где тюркские по происхождению слова, как правило, имеют в анлауте *t-*, но не *d-*, за исключением *дал* 'ветвь' и несколько других» (ЭСТЯ 1980, 131).

Подобная реконструкция двух отдельных этимологий при их фонетическом совпадении в большинстве языков и семантическом соответствии, которое является типичным примером полисемии 'растение' ~ 'его основная наиболее функциональная часть', кажется сомнительной.

В подтверждение мысли о семантической связи понятий 'ива' и 'ветка, прут' приведем примеры поэтического сравнения у Махмуда Кашгарского: *...кыз боды аның тал* 'девушка, стан которой словно ивовый прут'. Цитата из Огузнаме также демонстрирует, что прутья ивы весьма часто использовались тюрками: *Шол буғуны талнуң чубуғы бірлэ йығачқа бағлады....* 'Этого марала он привязал ветвями ивы к дереву'.

К.М.Мусаев (1975, 181) предполагает, что пратюркское **tal* первоначально имело значение 'ива, прут'. Значение 'ветвь', которое мы встречаем в «Кутадгу Билиг», развилось, по его мнению, от значения 'прут, розга': *бу дин далы дүнйа далық аршы ол йағушмас икигүн йолы* 'ветвь веры и ветвь мирская противопоставлены друг другу, и их пути не сближаются' (ДТС 158).

Для пратюркского **dal* достаточно надежно восстанавливается значение 'ива'. Единственные языки, в которых рефлексы этого слова имеют значение 'тополь', – это узбекский и один из диалектов уйгурского языка: 'ива, тополь'. Вероятно, что такая полисемия не нуждается в особом объяснении. Как известно, ива и тополь очень похожи, а в узбекском языке, при появлении нового значения 'тополь', старое значение 'ива' тоже сохраняется.

Интересно отметить, что все же не во всех тюркских языках у рефлексов этого слова есть значение 'ива': турецкий *dal* 'ветка, сук', азербайджанский *dal* 'ветка', гагаузский *dal* 'ветка, сук'. Как мы видим, эти рефлексы имеют в основном значение 'ветка' и присутствуют лишь в языках огузской подгруппы. Как можно объяснить существование подобной семантики рефлексов? Нужно ли эту полисемию восстанавливать на прязыковом уровне?

Такое развитие значения для пратюркского обозначения ивы представляется вполне естественным. Наиболее распространенное применение однолетнего ивового прута – это использование его для плетения корзин, из-

готовления плетеной мебели, рыбных снастей. Таким образом, понятно, почему в наивной картине мира древних тюрков одной из самых важных частей ивы были ее ветки.

Полисемию 'ива, верба' vs. 'ветка', возможно, следует возводить даже на пратюркский уровень, потому что она представлена во многих тюркских языках.

Семейство ивовые: осина vs. тополь:

ПТ **ab(y)sak* '1. осина; 2. тополь'; чув. *avăs* 1; хак. *os* 1; шор. *aspaq* 1; ср.-кыпч. *usaq* 2 (Houtsma); тат. *usaq* 1; башк. *uҙaq* 1; галт. *aspaq, os* 1.

Ю.Дмитриева (2001, 42) предполагает, что чувашское слово восходит к первичной форме **ōs*. Интересно, что чувашская форма и в данном случае имеет сходство только с некоторыми сибирско-татарскими языками, а именно с хакасским и алтайским (*os*). Бессуффиксальная форма характеризует только эти языки (чув., хак., алт.), тогда как в остальных языках слово снабжено суффиксом *-aq*, возможно, с уменьшительным значением.

Этот суффикс вычленяется также по фонетическим основаниям: последовательность *-ps-* могла возникнуть в результате стяжения **-bys-*, следовательно, исходная суффиксальная форма могла иметь вид **abysak*. Кроме тюркских языков соответствия данного слова обнаруживает и ряд индоевропейских, откуда, по мнению исследователей, они проникли в упомянутые тюркские (Ném.ТМН 128; Егор.; VEWT; ЭСТЯ 1974, 607–608, Гамкрелидзе–Иванов 1998, 2), в уральские языки (Илл.-Св. I) и сохранилось в славянских (Фасмер III; Топоров 1975–1980, I). Стало быть, данное слово из индоевропейских языков (**ops-*) заимствовалось пратюркским языком (**abs-*), а закономерный чувашский рефлекс пратюркской формы дал *avăs*.

Для пратюркского **ab(y)sak* достаточно надежно восстанавливается значение 'осина', которое представлено во всех современных тюркских языках.

Семейство ивовые: ива (разновидность ивы: тальник) vs. тополь (разновидность тополя: осокорь)

ПТ **To(ŋ)gurak* '1. тополь; 2. ива; 3. осокорь; 4. тальник'; сюг. *toryaq* 1; др.-уйг. *toγraq* (Мал.) 1; крх.-уйг. *toγraq* (МК) 1; тур. *dorany* 2 (диал.); аз. *daraŋγy* 1 (диал.); турк. *toGaraq* 'название растения', *toraŋŋy* 4; чаг. *turaq* (Pav.C.) 1, *turunqu* 2 (Бор. Бад.); узб. *turaŋγi* 1; уйг. *toγraq* 1; каз. *toraŋγy* 1; кирг. *tōraq* 3; см. VEWT 484, EDT 472.

Значение пратюркского ** To(ŋ)gurak* однозначно восстановить не удается. Возможно, полисемия 'ива, тополь' была представлена еще на пратюркском уровне. В турецком и туркменском языках представлено лишь значение 'ива'. В чагатайском языке рефлексы этого слова имеют два значения. В остальных языках – 'тополь' (см. выше). Чисто статистический подсчет значений свидетельствует скорее о празначении 'тополь'. В Туркмении ивы действительно встречаются очень редко. Но не удается объяснить изменение значения в турецком языке, поскольку в Турции растут и ива, и тополь.

Семейство ивовые: верба, ива, ветла vs. тополь:

ПТ **üj(e)ŋke* '1. ивовые: верба, ветла, ива, тополь; 2. ветла'; тат. *öjänke* 1; башк. *öjäŋkä* 1, *öjänke* 2; каз. *üjeŋki* 1; см. VEWT 522; Дмитриева 1972 191; Егор. 52; Федотов I 118.

Для пратюркского **üj(e)ŋke* надежно реконструируется значение 'дерево, принадлежащее к семейству ивовых'. Более точно установить значение не удается, потому что даже в словарях современных языков обычно рефлексы этого слова имеют значение 'ивовые' без уточнения конкретного подвида.

Для того чтобы попытаться объяснить семантические переходы в названиях растений и реконструировать праязыковое значение для каждой этимологии, рассмотрим данные ботаники о распространении тех или иных видов ивовых деревьев в природе.

Ива: как уже было сказано выше, в первом разделе, на территории бывшего СССР ивы растут практически повсеместно. Перечислим некоторые виды ив и наметим ареал их распространения.

Ива чернеющая растет повсеместно в европейской части бывшего СССР, в Западной и Восточной Сибири по сырым заболоченным лесам и лугам, по берегам рек.

Ива пепельная – одна из самых распространенных в бывшем СССР среди кустарниковых ив: серовато-зеленые кусты ее встречаются и в европейской части СССР, и в Западной Сибири, и в равнинных частях Средней Азии и Восточного Закавказья. Образует обширные заросли по топким местам и травянистым болотам, в сырых лесах и на заливаемых лугах.

Ива ушастая растет в северных областях средней полосы европейской части СССР по травянистым болотам, в подлеске и на опушках смешанных лесов.

Ива илийская растет в субальпийском и альпийском поясах гор по склонам и в долинах рек, поднимаясь в Тянь-Шане, Джунгаро-Тарбагатае и Памиро-Алае на высоту до 1100–3500 м.

Ива прутовидная – одна из самых лучших корзиночных ив. Произрастает почти по всему бывшему СССР, от лесотундры до степной и пустынной зон, исключительно по берегам рек, где часто образует обширные заросли.

Ива туранская растет по берегам рек в Северной Азии.

Ива пурпурная растет по берегам рек на равнинной территории европейской части бывшего СССР, от прибалтийских республик до Урала, а также в Западной Сибири и Средней Азии.

Ива цельнолистная распространена на юге Приморского края и в Японии.

Ива остролистная образует обширные заросли на приречных песках по всей европейской части бывшего СССР, в Сибири и Средней Азии.

Ива трехтычинковая встречается в поймах рек по береговым песчаным наносам, на отмелях и островах по всей территории европейской части бывшего СССР, в Сибири, на Дальнем Востоке и Средней Азии.

Ива белая – типичная порода речных пойм. Распространена по всей Европе, в Западной Сибири (доходит до Енисея), встречается на Кавказе и в Средней Азии.

Ива ломкая растет почти по всему бывшему СССР, за исключением арктической зоны, Восточной Сибири и Дальнего Востока.

Ива пятитычинковая растет по берегам рек и на болотах в бывшем СССР повсеместно, за исключением Крайнего Севера, Крыма и Средней Азии.

Ива Максимовича распространена в южной части Приморского края, в Маньчжурии и Корее.

Ива козья встречается в хвойных, смешанных и лиственных лесах европейской части бывшего СССР.

Ива джунгарская растет в тугайных прибрежных лесах Средней Азии, за исключением горной Туркмении.

Тополь – один из наиболее быстрорастущих деревьев северного полушария. Высота его достигает 40–60 м. В природе большинство тополей растет в долинах рек.

Осина, тополь дрожащий – одна из самых распространенных пород в северном полушарии. Встречается на границе леса и тундры у 40-й параллели, растет в лесной и лесостепной зонах по всему бывшему СССР. Встречается в Казахстане, Крыму и на Кавказе. Большей частью растет вместе с хвойными (сосной, лиственницей, елью) и лиственными (березой, ольхой, дубом) деревьями, но образует также и чистые осинники.

Рассмотрим семейство сосновых.

Семейство сосновые: ель vs. пихта:

ПТ **čïbï* '1. ель; 2. пихта'; тув. *šïvï* 1; тоф. *šïbï* 1, хак. *syby* 1, 2; шор. *šübe* 2; тат. *čïvï* 1; алт. *čïbï* 2.

Более точно реконструировать значение **čïbï* не удается. На территориях распространения татарского, хакасского, шорского, алтайского, тувинского и тофаларского языков растут и ель, и пихта. Почему в татарском, тувинском и тофаларском языках рефлексы этого слова имеют значение 'ель', а в алтайском и шорском – 'пихта', в хакасском – 'ель и пихта', как нам кажется, можно объяснить, лишь исходя из предположения, что празначение было 'сосновое дерево ель или пихта'.

Семейство сосновые: сосна vs. пихта[101]:

Заимствование из монгольских языков '1. сосна; 2. пихта'; чув. *narat* 1; кар. *narat* 1, 2; кум. *narat* 1; тат. *narat* 1; башк. *narat;* см. MGCD 501.

Семейство сосновые: сосна vs. ель vs. лиственница:

ПТ **kara-kaj* '1. сосна; 2. лиственница, ель; 3. еловый лес'; як. *xaryja* 2 (ель); хак. *haraɣaj* 1; шор. *qaraɣaj* 1; хал. *kāj* 1, 2; узб. *qaraɣaj* 1; уйг. *qariɣaj* 1; кум. *qaraɣaj* 1; тат. *qaraɣaj* 1, 2; башк. *qaraɣaj* 1; ног. *qaraɣaj* 1; каз. *qaraɣaj;* ккалп. *qaraɣaj* 1; кирг. *qaraɣaj* 3; алт. *qaraɣaj* 1.

Для **kara-kaj* мы тоже реконструируем значение 'сосна', которое зафиксировано у всех рефлексов этого слова, кроме киргизского *qaraɣaj* 'еловый лес' и якутского *xaryja* 2 (ель). Переход в киргизском и якутском языках плохо объясним, потому что, как видно по карте, в Якутии растет и сосна, и ель, на западе Киргизии не растут ни ель, ни сосна, а на востоке растут оба дерева.

Семейство сосновые: сосна vs. сосна кедровая сибирская (сибирский кедр):

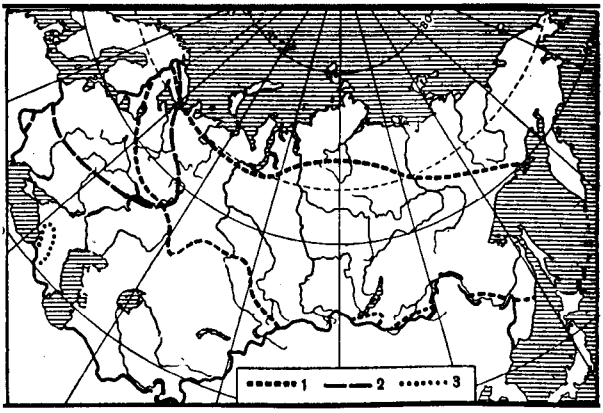
ПТ **böĺ* '1. сосна кедровая сибирская; 2. сосна'; як. *bes* 2; тув. *pö'š* 1; тоф. *böš* 1; алт. *möš* 1, = диал. (Туба); см. VEWT 71.

Для **böl* следует восстанавливать значение 'сосна кедровая сибирская'. Это значение сохранилось у большинства рефлексов в алтайском, тувинском и тофаларском языках. Развитие значения 'кедр' > 'сосна' в якутском языке можно объяснить тем, что на территории большей части Якутии кедр не растет, а встречается лишь кедровый стланик и сосны.

На картах 1–4 представлено рапространение сосновых деревьев на территории бывшего СССР.

Карта 1

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЕЛИ

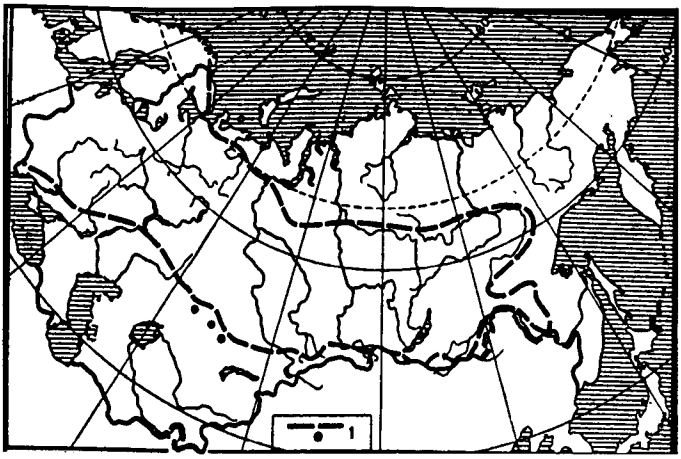

Ель сибирская (1); ель обыкновенная (2); ель восточная (3)

[101] Далее как очевидное заимствование мы не включаем это слово в систему пратюркских растений.

Карта 2

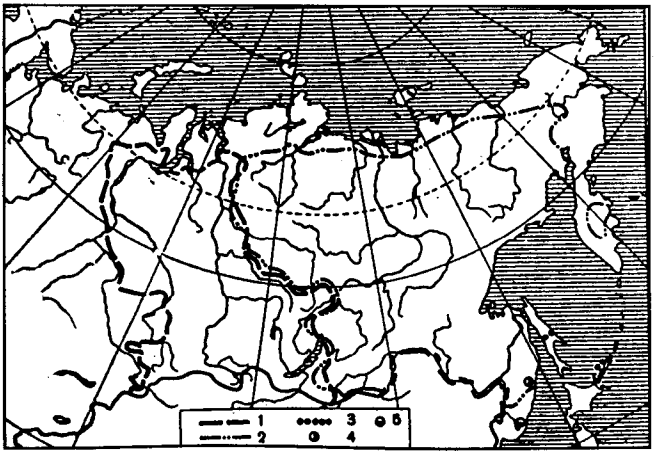
РАСПРОСТРАНЕНИЕ СОСНЫ ОБЫКНОВЕННОЙ

Сосна обыкновенная (1)

Карта 3

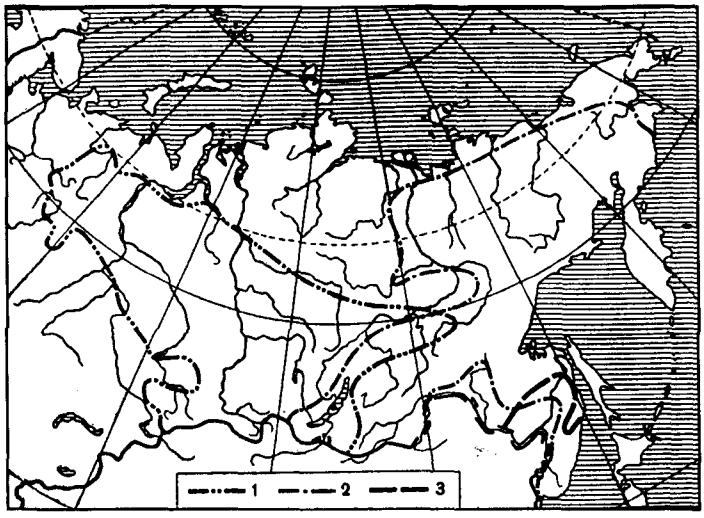
РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЛИСТВЕННИЦЫ

Лиственница сибирская (1); лиственница даурская (2); лиственница курильская (3); лиственница приморская (4); лиственница ольгинская (5)

Карта 4

РАСПРОСТРАНЕНИЕ КЕДРА

Сосна кедровая сибирская (1); кедровый стланик (2); сосна корейская (3)

Теперь мы рассмотрим названия деревьев, рефлексы которых обозначают деревья, принадлежащие к разным семействам:

Семейство ивовые: осина, тополь vs. семейство сосновые: пихта:

ПТ **dẹrek* '1. тополь; 2. дерево; 3. осина; 4. осокорь (тополь черный); 5. пихтовое дерево'; чув. *tirek* 1; як. *tirex* 1, 5; тув. *terek* 1; хак. *tirek* 1; шор. *terek* 1; сюг. *terek* 2; крх.-уйг. *terek* 1 (МК); тур. *tirek* (диал.) 2; турк. *derek* 1; сал. *tereh* 'подпорка'; чаг. *terek* 1 (Абуш., Sangl., Pav.C.); узб. *terak* 1; уйг. *deräk* 1; уйг. Мал. *teräk* 3; кар. *terah* 2; кум. *terek* 2; балк. *terek* 2; тат. *tiräk* 1, 4; башк. *tiräk* 1, 4; ног. *terek* 2; каз. *terek* 1, 2; ккалп. *terek* 1; кирг. *terek* 1, 2; алт. *terek* 1; см. VEWT 475; EDT 543; ЭСТЯ 1980, 205–206; СИГТЯ 1997, 105, 134–135.

Как отмечается в ЭСТЯ 1980, 205–206, трудно установить, какое значение – 'тополь' или 'дерево' – является первичным.

Все исследователи этого слова отмечают его сходство с персидским *deräxt* 'дерево'. Расхождения между учеными заключается в том, считать ли тюркское слово заимствованием из персидского (точка зрения Радлова, Рамстедта, Егорова, Бургановой, Федотова) или предполагать древнюю контаминацию этих слов (точка зрения Рясянена).

Маловероятной кажется версия об образовании этого слова от глагольной основы **тер-/*tipe-* (см. Мусаев 1975, 161–163), историческую реальность которой вместе со значениями еще предстоит установить.

Ю.Дмитриева (2001, 19) предполагает, что чувашское слово *tirek* представляет собой заимствование из татарского языка. Причину потери перво-

начального тюркского названия в чувашском она видит в том, что сами деревья – тополь и осокорь – теперь редко встречаются на заселенных чувашами территориях.

Культовое значение тополя в приволжских тюркских языках подробно описывается Р.Г.Ахметьяновым (Ахметьянов 1981). Г.В.Рамстедт и М.Рясянен в своих трудах указывают, что калм. *ter'g* 'ein Baum: Pappel oder Espe' было заимствовано из тюркских языков. К тюркскому же источнику возводит удм. *täreg* 'ива-чернотал' В.И.Алатырев (Алатырев 1967).

У пратюркского **dẹrek* мы восстанавливаем значение 'тополь'. Значение 'осина' имеет лишь рефлекс в одном из диалектов уйгурского языка. Такую полисемию тоже легко объяснить, потому что осина является одним из подвидов тополя (тополь дрожащий), и значение 'тополь' в казахском языке не утрачено.

В якутском языке у рефлексов этого слова присутствуют два значения – 'тополь' и 'пихта'. Такое семантическое развитие кажется нам легко объяснимым, потому что, как можно видеть по карте распространения тополя (см. выше), на территории Якутии тополь не встречается, а пихта растет.

Значение 'тополь' не имеют рефлексы в турецком диал. *tirek* 'дерево', сарыг-югурском *terek* 'дерево', карачаево-балкарском *terek* 'дерево', караимском *terak* 'дерево'. Подобное развитие значения 'тополь' > 'дерево' неудивительно. Древесина тополя находит широкое применение в хозяйстве. В силу своей крупнослойности и мягкости она хорошо поддается механической обработке, поэтому идет на изготовление досок, паркета, дверей, рам и на другие столярные и токарные поделки. Видимо, широкое применение древесина тополя имела и у древних тюрков. Учитывая, что значение 'дерево' встречается в тюркских языках, принадлежащих к разным подгруппам, мы предполагаем, что полисемию 'дерево, тополь' для **dẹrek* следует возводить на пратюркский уровень.

Семейство ивовые: осина vs. ильмовые: вяз (ильм):

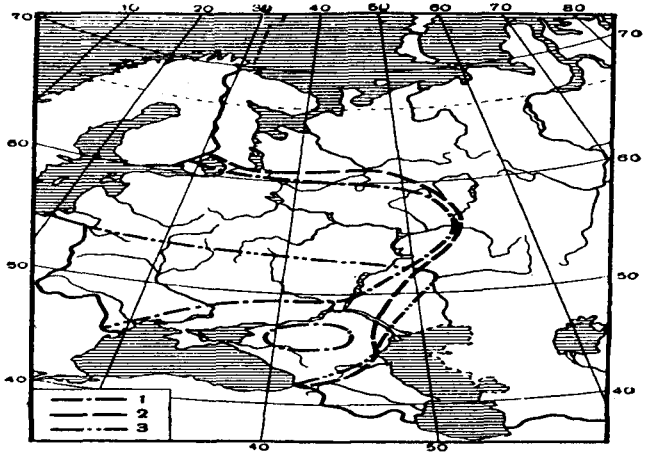
ПТ **ilme* '1. осина; 2. ильм; 3. вяз'; чув. *jəʷlme* 2; балк. *elme* 1; кум. *elme* 3; тат. *elmä* 2; ног. *elmen* 1; см. VEWT 338; Егор. 78; Федотов I 194; Дмитриева 2001, 189; СИГТЯ 1997, 126.

В.Г.Егоров приводит мнение Н.К.Дмитриева, согласно которому рус. *илем, илим, ильм* восходит к татарско-башкирскому варианту *elmä* (Егор. 78). Тюркские данные В.Г.Егоров сравнивает с латинским *ulmus.* М.Р.Федотов на основе словаря Фасмера (Фасмер II 126) тюркские названия ильма рассматривает как родственные с соответствующими словами в укр., чеш., польск., лат., др.-в.-нем., др.-исл., англ. и других языках и, таким образом, утверждает их индоевропейское происхождение (Федотов I 194). Можно согласиться с мнением В.В.Радлова, считавшего, что каз.-тат. *ilmä* было заимствовано из русского языка (Р I 1583). Ю.Дмитриева тоже считает, что все волжско-тюркские данные, в том числе и чув. *jelme*, восходят к русским формам *илем, ильма, ильм*, которые, в свою очередь, имеют родственные

связи в ряде индоевропейских языков, ср. лат. *ulmus* 'вяз', ср.-ирл. *lem* и т.д. Т.В.Гамкрелидзе и Вяч.Вс. Иванов в своем труде устанавливают индоевропейский корень *el-*, с помощью которого в итало-кельто-германских языках называют вяз, но который (**el-*) является одной из форм индоевропейского названия ели (**ed-lo* и **el-*). Несмотря на сходство слов, предположение о заимствовании тюркских слов из индоевропейских несостоятельно, потому что в этом случае неясно, как объяснить наличие этого слова в тюркскихих кавказских языках.

Карта 5

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ВЯЗА

Вяз гладкий (1); вяз шершавый (2); вяз листовый (3)

Реконструкция семантики пратюркского **ilme* ясна не до конца. В большинстве тюркских языков это слово имеет значение 'вяз, ильм', но в карачаево-балкарском и ногайском рефлексы **ilme* имеют значение 'осина': карач.-балк. *elme*, ног. *elmen*. Неясно, как объяснить такой семантический переход, поскольку на территориях, где живут носители этих языков, распространено несколько видов вяза: вяз гладкий, вяз шершавый, вяз листовый (см. карту 5). Таким образом, можно предположить, что полисемию 'вяз, осина' надо проецировать на пратюркский уровень.

Семейство ивовые: осина, тополь vs. платановые: платан:

ПТ **čar-* '1. платан; 2. осина; 3. вид тополя'; тув. *šarlan* 3; крх.-уйг. *čarun* (МК) 1; уйг. *čarčaj* 2 (?); кирг. *čar terek* 3. См. VEWT 110; EDT 430; Дмитриева 1972, 186.

Родина платана – юг Малой Азии. На территории бывшего СССР он

встречается единично в Южном Закавказье, в поясе каштановых, дубовых и буковых лесов.

Реконструкция семантики **čar-* неясна. Наиболее древняя фиксация у значения 'платан', но неясно, насколько точный арабский эквивалент тюркского ботанического термина (ар. *šağaru'l dulb*) нашел средневековый филолог. Изменение семантики в киргизском композите *čar terek* 'тополь' более понятно, потому что второй член композита является рефлексом пратюркского слова со значением 'тополь'. Ясно, что это – какое-то широколиственное дерево.

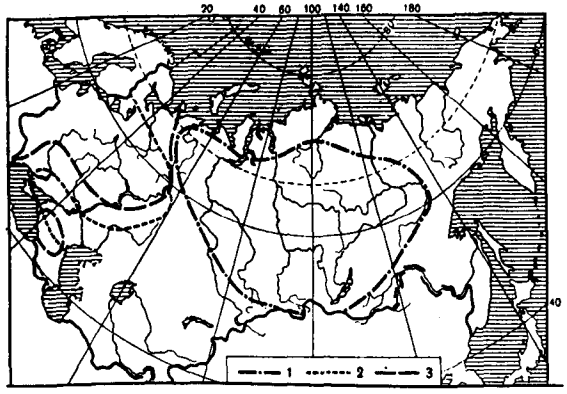
Семейство ивовые: ива vs. березовые: ольха:

ПТ **jeŗük* '1. ольха; 2. вид ивы, кору которой употребляли для окрашивания деревянной посуды и кожи в красный и бурый цвета'; чув. *śirək* 1; як. *sihik* 1, 2; долган. **sisik* 1; шор. *jürgek* 2; сюг. *zirk* 1; уйг. *zi(r)q* 1; балк. *ǯerk* 1; тат. *jerek, jörek* 1; башк. *jerek* 1; алт. *jürük* 2; см. ЭСТЯ 1989, 206–207; VEWT 204; СИГТЯ 1997, 130–131.

Из приведенных данных тат. и башк. *jerek*, тат *zirek* 'ольха' А.Рона-Таш считает булгарскими заимствованиями (Róna-Tas 1970, 416). Эти слова предположительно и есть разновременные или разнодиалектные заимствования чувашских или булгарских исходных форм. Итак, тат. *zirek*, судя по анлаутным звукам, относительно позднее чувашское зааимствование *śirək*, а исходной формой тат. и башк. *jerek* могла быть булг. **jerik*.

Карта 6

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ОЛЬХИ

Ольха кустарниковая (1); ольха черная (2); ольха серая (3)

Реконструкция значения пратюркского **jeŗük* не вполне ясна. Если мы не будем рассматривать заимствования, то значение 'ива' представлено в якутском, шорском и алтайском языках. Значение 'ольха' – в уйгурском, сарыг-югурском, чувашском и балкарском и якутском языках. Статистиче-

ски у рефлексов этого слова преобладает значение 'ольха'. Но неясно, почему произошло изменение значения в алтайском, шорском и якутском языках, потому что на территории распространения этих языков ольха растет! С другой стороны, если мы предположим, что в пратюркском языке слово **jɐ̈rük* описывало какой-то особый вид ивы, кору которой употребляли для окрашивания деревянной посуды и кожи в красный и бурый цвета, и этот вид ивы не произрастает на территории распространения тех языков, рефлексы которых имеют значение 'ольха', то можно предположить, что пратюркским значением слова **jɐ̈rük* было 'ива'.

Семейство сосновые: ель vs. березовые: ольха:

ПТ **čyryš-* '1. ель; 2. ольха', чув. *čăraš 1*; тоф. *šyryš* 2; тат. *čyršy* 1; башк. *šyršy* 1; ног. *šyršy* 1; каз. *šyrša 1*;см. VEWT 110; EDT 430; Дмитриева 1972, 186.

Для **čyryš-*, вероятно, следует восстанавливать значение 'ель'. Не вполне понятно изменение значения в тофаларском языке.

Семейство березовые: береза vs. буковые: бук vs. розоцветные: черемуха:

ПТ **Kadyŋ* '1. береза; 2. бук; 3. черемуха'; чув. *хогъл* 1; як. *хатуŋ* 1; долган. *катуŋ* 1; тув. *хадуŋ* 1; тоф. *qадуŋ* 1; хак. *хазуŋ* 1; шор. *qазуŋ* 1; крх.-уйг. *qаδуŋ* (MK) 1, *qajyŋ* (QB) 1; тур. *kajyn* 2; гаг. *qajyn* 1; аз. *Gajyn* 1; турк. *Gajyŋ* 1; ср.-кыпч. *qajyn* (Houts.) 1; узб. *qɛjin* 1; уйг. *qejin* 1; кар. *qajyn* 1; кум. *qajynaуač* 1; кбалк. *qajyn* 1, 3; тат. *qajyn* 1; башк. *qajyn* 1; ног. *qajyŋ* 1; каз. *qajyŋ* 1; ккалп. *qajyŋ* 1; кирг. *qajyŋ* 1; алт. *qajyŋ* 1; см. VEWT 218; Doerf. III 183; ЭСТЯ 1997, 214–215; СИГТЯ 1997, 122; Федотов II 366; Stachowski 1993, 141; Дмитриева 1979, 179.

В связи со словом *kajyn* Л.В.Дмитриева поднимает интереснейший вопрос. Она соотносит наименование березы с тюркским обозначением коры: *qаδуz // qadyz*, в которых она выделяет основу *qаδ // qaz* (< **kad* 'нечто отделяемое ~ отдираемое (от дерева)' + *yz* – архаичный показатель множественного числа или же, возможно, отыменной аффикс с уменьшительным значением (Дмитриева 1979, 146).

Возможность этимологической связи *qаδуŋ* 'береза' и *qаδуz* 'кора' не исключает и Левитская (ЭСТЯ 1997, 214). В словаре указывается на аналогичные модели 'кора, береста' – название дерева || 'береза' в ряде языков. Составители словаря при сравнении *qаδуŋ* с *qаδуz* выделяют корневую основу *qаδ* ~ **qad* + афф. *(y)n* и соотносят с единым древним аффиксом имен действия на *-ŋ // -n* (ЭСТЯ 1997, 214).

Для пратюркского слова **Kadyŋ* надежно реконструируется значение 'береза'. Березы широко распространены на территории бывшего СССР и растут главным образом в лесной зоне и лесостепи, где имеют вид стройных высокоствольных деревьев. Они заходят дальше всех древесных растений на север и высокогорья, приобретая там карликовую или стелющуюся форму.

Развитие значения, наблюдаемое в карачаево-балкарском языке, 'береза' > 'бук, черемуха' – несложно объяснить. Насколько можно судить по карте распространения березы (ср. Деревья и кустарники СССР 1966, 293–301), на территориях, где живут носители карачаево-балкарского языка, березы не растут. Зато распространен бук (ср. Деревья и кустарники СССР, 1966, 323) и один из видов черемухи (антипка, магалебка, кучина) (Padus mahaleb) (ср. Деревья и кустарники СССР, 1966, 417).

Семейство маслинные: ясень vs. кленовые: клен:

ПТ *Kebrüč '1. ясень; 2. клен'; чув. *kavъrъś, kavrъś* 1 > венг. *kőris;* крх.-уйг. *kevrik* 'граб' (Vitex agnus castus) (МК); тур. *kürüč, küvrüč* (диал.) 1; аз. *göjrüš* 1; кум. *güjrüč* 1 ??; балк. *küjrüč* 1, 2; тат. *qoryč-ayač* 1; башк. *qorosayas* 1; ног. *küjriš* 1; кирг. *kereč* 'название горного лекарственного растения'; см. EDT 690; VEWT 245; ЭСТЯ 1997, 152; СИГТЯ 1997, 136.

В связи с тем, что для осетинского *kærz* не обнаруживаются иранские параллели, а чувашское слово имеет соответствие в монгольском (*küjüs* 'ясень'), В.И.Абаев предполагает, что данное слово было заимствовано староосетинским (аланским) языком из старочувашского. По мнению З.Гомбоца, венг. *kőris* 'ясень' тоже восходит к старочувашскому источнику. По мнению Л.Лигети, наличие данного фитонима в осетинском и венгерском языках свидетельствует о былых контактах носителей этих языков с древними булгарами. Местом этих контактов мог быть Кавказский регион в IV–VI вв. н.э.

Надежно восстанавливается значение 'ясень' для пратюркского *Kebrüč, которое представлено во всех тюркских языках.

Деревья плодовые

Семейство розоцветные: слива vs. абрикос vs. алыча vs. рябина:

ПТ *erük '1. слива; 2. абрикос; 3. алыча; 4. рябина'; др.-уйг. *erük* 1, 2 (OUygh.); крх.-уйг. *erük* 1, 2 (МК); тур. *erik* 1; гаг. *ierik* 1; аз. *ärik* 2; турк. *erik* 2, 3; сал. *örüx, irix* 1; чаг. *örük* (Абуш.) 1; ср.-кыпч. *erük* (АН) 'peach'; узб. *o̦rik* 2; уйг. *ürük* 2; кар. *erik* 1; кум. *erik* 1, 3; балк. *erik* 1; тат. *ürik* 2; башк. *ürük* 2; каз. *orik* 2; ккалп. *erik* 2; кирг. *örük* 2; галт. *ergüüš* 4; см. EDT 222; ЭСТЯ 1974, 291–292; Дмитриева 1979, 175.

В ЭСТЯ 1974, 291 исторически общее название для косточковых. Это вытекает из данных словаря Махмуда Кашгарского: *tülüg e̦rük* 'персик' (дословно 'эрюк с пушком'), по Gab. II 299 'абрикос', по Brock. 24 'слива'; *sarig erük* 'абрикос' (дословно 'желтый эрюк'); kara erük 'слива' (дословно 'черный эрюк'), по Brock. 24 'груша'.

Вместе с тем значение 'слива' отмечено уже в половецком «Кодексе», у Абу-Хайана, в Ettuhfet, значение 'абрикос' – в Houtsma, MA, 'персик' – Абу-Хайана, что говорит о распространенных конкретных значениях у рефлексов *erük в ранние эпохи.

Существует два вида абрикоса: абрикос обыкновенный и абрикос маньчжурский. Абрикос обыкновенный растет в Средней Азии (Западный и Вос-

точный Тянь-Шань) и Китае на мелкоземлистых каменистых склонах. Абрикос маньчжурский распространен в Приморском крае, Северном Китае, Северной Корее. Таким образом, мы видим, что не территории распространения тюркских языков абрикос в естественных условиях не растет.

Слива бывает тоже двух видов: слива колючая (терн) и слива растопыренная (алыча). Слива колючая (терн) растет в лесостепных и степных районах европейской части бывшего СССР, в горах Крыма и Кавказа. Вне СССР встречается в лесах Западной Европы, в Северной Африке и Малой Азии. Слива растопыренная растет на Кавказе, в горах Тянь-Шаня, Копетдага, Памиро-Алая, в Иране, Малой Азии, на Балканском полуострове.

Рябина встречается в лесах практически на всей территории бывшего СССР.

Учитывая данные по распространению абрикоса и сливы в естественных условиях на территории, где живут носители тюркских языков, нам кажется, что однозначно реконструировать семантику пратюркского слова **erük* пока не удается.

Семейство розоцветные: рябина vs. пасленовые: белена:

ПТ **bẹlel* '1. рябина; 2. белена'; чув. *pileš;* турк. *meleš* 1; тат. *mileš* 1; башк. *miläš;* алт. *bele* 1, 2; см. VEWT 338.

Об истории и этимологии этого слова написано много (Wich.ÈLP 7, 15, 18, 31, 32; Егор. 160; VEWT, 338; Rédei–Róna-Tas 1982, 168–169). Генетически родственные слова встречаются в некоторых тюркских и финно-угорских языках: ср. мар. *pyzle, pizle, pyzylme* (Упымарий 173); удм. *palez*, коми *pelýs*, морд. *pizöl*, фин. *pihlaja*, эст. *pihle* 'черемуха'.

К.Редеи и А.Рона-Таш указывают, что чув., судя по первому гласному *i*, не может непосредственно выводиться из удмуртского *palеś*, а восходит к протопермскому **pelz* или **peliz*. Из этого архетипа развились и коми формы. По мнению К.Редеи и А.Рона-Таша, вопреки мнению Ю.Вихмана и В.Г.Егорова, пермские слова имеют финно-угорское происхождение и не могут считаться булгаро-чувашскими заимствованиями. Поволжско-тюркские соответствия также восходят к эпохе прапермской общности.

Гипотеза К.Редеи и А.Рона-Таша представляется нам не до конца убедительной ввиду следующих моментов: на материале уральских языков однозначно реконструируется прауральское **i*. Прапермское **e*, к которому, вероятно, восходят формы удмуртского и коми языков, не является закономерным рефлексом прауральского **i*. Кроме того, если мы, следуя гипотезе К.Редей и А.Рона-Таша, предполагаем, что поволжско-тюркские формы были заимствованы из уральских языков, нам все же не удается объяснить происхождение туркменского слова *meleš* 'рябина'.

Нам кажется более убедительным предположение о том, что, наоборот, пермские формы были заимствованы из прачувашского еще до перехода прачув. **e* > *i*. Несомненная связь между пратюркским и прауральским словом со значением 'рябина' существует и нуждается в дальнейшем исследовании.

Для пратюркского **bẹlél* однозначно реконструируется значение 'рябина', которое представлено у всех рефлексов этого слова. Не до конца понят-

но лишь появление дополнительного значения 'белена' в алтайском языке, потому что различные виды рябины произрастают почти во всех лесах бывшего СССР.

Кустарники плодовые

Семейство розоцветные: терн vs. камнеломковые: смородина:

ПТ **karakan* '1. акация; 2. смородина; 3. терн'; ; тув. *хараγан* 1; тодж. *qaraγan* 1; хак. *хараγан, хараған* 3; шор. *qaraγan* 1; крх.-уйг. *qaraqan* (MK); хал. *qaraqan* 'eine Pflanze zum Verbrennen'; турк. *GaraGan* 'солянка древовидная', *hapahan* 2; чаг. *qaraqan[a]* (Pav. C.); узб. *qɔrɔγɔn;* каз. *қараγан* 3; кирг. *қараγан* 1; алт. *қараγан* 1; см. EDT 657; ЭСТЯ 1997, 293–294; Doerf. I 275.

Описание территории распространения терна см. выше, в разделе «Деревья плодовые».

Смородина растет в европейской части бывшего СССР, в Восточной и Западной Сибири, на Дальнем Востоке, Камчатке, в Приморском крае, на Памиро-Алае и Тянь-Шане.

В большинстве тюркских языков рефлексы этого слова имеют значение 'акация', но она была привезена из Австралии лишь в XIX в. По-видимому, следует для пратюркского **karakan* восстанавливать значение 'карагана'. Она распространена от западных границ бывшего СССР до Енисея.

Семейство розоцветные: боярышник, шиповник, терновник vs. вересковые: дерен мужской (кизил):

Заимствование из Монг. **dolγana* '1. боярышник; 2. шиповник; 3. мох; 4. кизил; 5. терновник'; тур. *dolganana* 4; тат. *dülänä* 1; узб. *dulana* 1; уйг. *dolganuna* 1; шор. *tolana* 1, 2; алт. *tolono* 1, 5; як. *dölühüön* 1, 2; тув. *Dolagana* 1; тоф. *dolganaγana* 1; кирг. *dolgoono* 1; каз. *dolganana* 1; ног. *tulan* 3; башк. *dunala* 1; см. KW 94.

Вероятно, для пратюркского следует восстанавливать значение 'боярышник', которое представлено у рефлексов этого слова во всех тюркских языках, кроме турецкого и ногайского. Причины изменения значения не вполне ясны, и вряд ли их можно объяснить географией распространения боярышника, который растет на весьма обширной территории. Боярышник кроваво-красный встречается в лесах восточнее Волги, в Западной Сибири (до 62° сев. широты), на западе и юго-западе Восточной Сибири и в Средней Азии.

Семейство розоцветные: ирга vs. жимолостные: жимолость:

ПТ **yrgaj* '1. ирга; 2. дерево, из ствола которого делают соху; 3. густые заросли, молодняк, чащоба; 4. жимолость'; як. *yrkaj* 3; тув. *yrγaj* 1; крх. MK *urga;* уйг. *irγaj* 1; алт. *yrgaja* 4; каз. *yrγaj* 4; ккалп. *yrgaj* 1; кирг. *yrgaj* 1; турк. *yrgaj* 2; см. EDT 216; VEWT 166; Дмитриева 1979, 187.

Ирга растет в среднем горном поясе Северного Кавказа и Закавказье.

На территории Казахстана и Алтайского края распространена жимолость татарская. В Якутии, соответственно, не растет ни ирга, ни жимолость.

Таким образом, на территории распространения ирги рефлексы этого слова имеют значение 'ирга', на территории распространения жимолости –

'жимолость'. На территории, где не растет ни ирга, ни жимолость, – 'густые заросли, чащоба'.

Поэтому на основании этих данных однозначно реконструировать значение претюркского **yrgaj* не удается.

Семейство розоцветные: таволга, таволожник vs. гребенщиковые: гребенщик (тамариск) vs. бобовые: карагана (чилига):

ПТ **d(i)abylku* '1. таволга, спирея; 2. тамариск; 3. чилига; 4. таволожник'; чув. *tupalha* 1, як. *tobuluoskaj* 1; тув. *tavolγa* (диал.); хак. *tabylγy* 1, 4; др.-уйг. *tavylqu* 1 (Мал.); крх.-уйг. *tavylqu, tavylγuč* 2 (МК); тур. *davylga, davulgu* (диал.) 1; чаг. *tabulγu, tubulγu* (Pav.C.) 'дерево с красной корой и гибкими ветками'; узб. *tobulgi* 1; кум. *toburγu* 1;тат. *tubylγy* 1; башк. *tubylγy* 3; ног. *tobylγy* 1; каз. *tobylγy* 1; кирг. *tabylγy* 1; алт. *tabylγy* 1, 4; см. EDT 441; СИГТЯ 1997, 134.

У данного фитонима богатая литература (Егор. 258–259; VEWT 452; Sherner 1977, 19; Дмитриева 1979, 63–64; Добродомов 1979, 12–13; Жарибметов 1980, 160–161; Цинциус–Дмитриева 1984, 175 и т.п.), однако большинство исследователей соотносят только данные разных языков и не берутся за их этимологизацию. Подробный анализ данного слова находим у Л.В.Дмитриевой, И.Г.Добродомова, Ю.Дмитриевой. Л.В.Дмитриева предлагает две возможные этимологии. В первом случае она выделяет основу **tab* ~ **tav-yl* со значением 'бегать, прыгать', 'скакать', которую соотносит с финно-угорской основой **tule* 'ветер', в связи с чем ей представляется следующее развитие: 'бежать, скакать' > 'ветер' > 'таволга', т.е. 'таволога' – это то, что защищает от ветра. Во втором случае данный фитоним она относит к древним пластам тюркской лексики на том основании, что в нем она рассматривает ностратическую основу 'бить', так как «таволга издавна используется, как и тальник, ива, в связи с гибкостью ее прутьев для хозяйственных поделок, и перед употреблением ее обычно бьют, мочат...». Эти две реконструкции не кажутся нам убедительными.

И.Г.Добродомов и вслед за ним Ю.Дмитриева считают тат. и башк. чувашизмами при формах *tybylqu, tavylqu, tavylquč* в древнетюркской письменности. Интересно, что из-за гетерогенности акцентологического варианта *таволга́, тавлага́* И.Г.Добродомов готов отнести это слово к булгаризмам русского языка. Фитоним с *а* в первом слоге он считает более древним заимствованием, нежели с *и* в первом слоге (*tuvolžanyy*), отмеченное у Срезневского с конца XVI в. Рус. *та́volga* и булг. *tupalχa*, по его мнению, восходят к разным булгарским диалектам (Добродомов 1979, 12–13).

Для этого слова, вероятно, следует реконструировать значение 'таволга', которое представлено у всех рефлексов **d(i)abylku*. Таволга растет практически на всей территории распространения тюркских языков.

Семейство розоцветные: черемуха vs. мушмула:

ПТ **jymurt* '1. черемуха; 2. мушмула'; чув. *sə́ʷmə́ʷrt* 1; тоф. *ńumurt* 1; хак. *nymyrt* 1; шор. *nybyrt* 1; крх.-уйг. *jumušγa* 2 (МК); тур. *jumurt* (диал.) 1; узб. *šumurt* 1; алт. *jymyrt, ӱymyryt* 1; см. EDT 881; VEWT 211; ЭСТЯ 1989,

283; Егор. 211; СИГТЯ 1997, 136. Неясно соотношение с Тю. *jemšen* 'вид дикого плода, ягоды' (EDT 939).

Во многих работах исследуется вопрос о происхождении этого слова. А.В.Дыбо предлагает сравнение тюрк. **jymurt* с ССТМЯ **jim-ge-kte* < **ŋim-ge-*, халх. **jimu-sun* и возводит эти формы к ПА **ŋimu-* (ср. Дыбо 1996, 10). В EDAL привлекют для сравнения Кор. **namok* 'дерево', Яп. **məmiti* 'клен' и реконструируют ПА **nám(n)ekt'V* 'вид дерева'.

Л.В.Дмитриева тюркское *yumurt* считает заимствованием из уральских языков и одновременно устанавливает его общеалтайскую глагольную форму со значением 'жмурить, сжимать, закрывать (глаза)'. Как справедливо отмечает Ю.Дмитриева, из-за отсутствия каких-либо доказательств трудно утверждать, что эти глаголы и название черемухи как-то связаны.

В других работах подробно разбираются тюркские рефлексы. Г.И.Рамстедт татарское *šomort* 'черемуха' считает заимствованием из чувашского *śemert*. Вслед за Рамстедтом и А.Рона-Таш считает татарское и башкирское слова заимствованиями из волжско-булгарского, ввиду нестандартных рефлексов анлаутного консонантизма. Казах. *šomyrt* и узб. *šumurt*, по его предположению, также были заимствованы из чувашского языка через татарский.

Черемуха обыкновенная, или кистевая, распространена по всей Европе, от лесотундры до засушливых южных степных районов, заходит на Кавказ, в Западную Сибирь и Среднюю Азию и т.д.

Семейство камнеломковые: смородина vs. багульник:

ПТ **karylgan*/**karlygan* '1. смородина; 2. багульник'; чув. *xorlъyan* 1; тув. *qazylγan* 1; тоф. *qazylγan* 2; шор. *qazyrγan*, *qazyr qat* (Верб.) 1; тат. *karlyγan* 1 (диал. 'крыжовник'); башк. *qarlyγan* (диал.) 1; 'крушина'; ног. *qarlyγan* 1; алт. *qazylγan* 1; см. ЭСТЯ 1997, 309–310; Федотов II 367.

Для пратюркского слова **karylgan*/**karlygan* более или менее надежно восстанавливается значение 'смородина', которое представлено практически у всех рефлексов этого слова, за исключением тофаларского языка, где по не вполне понятным причинам произошел семантический переход 'смородина' > 'багульник'. Возможно, на территории распространения тофаларского языка смородина редко встречается, хотя она произрастает почти повсеместно: в северной части Сибири, на Дальнем Востоке, Камчатке, в Северной Японии, широко распространена в Северной Америке. Смородина маньчжурская распространена в Приморском крае, доходя на запад до Буреинского хребта, а также в Китае и Корее; смородина красная – на севере европейской части СССР, в Западной и Восточной Сибири. Смородина черная растет в европейской части СССР, на Кавказе и Сибири до Байкала и т.д.

Семейство жимолостные: калина vs. гребенщиковые: гребенщик (тамариск):

ПТ **bąlgyn* '1. тамариск; 2. калина; 3. белая ива, тальниковые и березовые ветви на корм скоту'; чув. (*palan* < тат.), (**polan* > Marі *polan* 2); як.

bylax 3; шор. *palan* 2 (Р); крх.-уйг. *bulγuna*, (диал.) *malγuna* (МК) 1; аз. *palan* 2 (Р); турк. *balxy* 'вид белого тутовника'; узб. *balxi* 'белый тутовник'; уйг. *balan* 2 (РУС 1956); кбалк. *balan* 2; тат. *balan* 2; башк. *balan* 2; алт. *balan* 2; кирг. *balγyn* 1 'кустарник, похожий на *ǯylγyn*'; см. EDT 338; ЭСТЯ 1978, 52; VEWT 59, 324; Дмитриева 189, 201.

Похожие слова присутствуют и в финно-угорских языках (см. Егор. 142; Räs.VEWT 59; ЭСТЯ 1978, 52; Федотов I 381). Ю.Дмитриева предполагает, что чувашское слово было заимствовано из татарского. Из чувашского же слово перешло в марийский язык, что отметил еще М.Рясянен. Архетипом слова он установил чув. **polan, palan* (Räs.VEWT 179).

Для пратюркского **bạlgyn* мы восстанавливаем значение 'калина', которое сохранилось у рефлексов этого слова во всех тюркских языках, за исключением киргизского. Калина растет почти повсеместно в Европе, на Кавказе, в Западной Сибири и Средней Азии. Входит в состав подлеска, растет на лесных опушках в хорошо увлажненных местах. Вероятно, последнее и является причиной того, что в засушливой Киргизии калина, скорее всего, не растет.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение мы приводим список растений, реконструированных нами для пратюркского состояния, и краткую информацию об их алтайской этимологии.

Деревья

Сосновые: *ből 'сосна кедровая сибирская'; ПА **boĺi* 'вид кедра, сосны', Монг. **bujil-/*büjil-* 'миндаль', ТМ **bolgikta* 'кедровый стланик', Яп. **pusi* 'кустарник, используемый в качестве дров'.

***kara-kaj 'сосна'**

***čibi 'ель, пихта'**

***čyr- 'ель';** ПА **č'[jo]ra* 'вид лиственного дерева', Монг. **čara-su* 'дуб', ТМ **čuru-* 'вид ивы', Кор. **čori-* 'дуб'.

***Tỹt 'лиственница';** ПА **čắkte* 'сосна, лиственница', ТМ **ǯagda* 'сосна'.

Ивовые: *següt 'ива'; ПА **sịà̄gi* 'вид лиственного дерева', Монг. **siyer* 'ореховое дерево', ТМ **siakta* 'ива'.

***dal 'ива, ветка';** ПА **čalù* 'вид лиственного растения', Монг. **daldawu* 'липа', ТМ **ǯali-kta* '1. боярышник; 2. ива', Кор. **čùr-kí* 'стебель, ветка без листьев', Яп. **turù* 'лоза'.

***üj(e)ŋke 'ивовые'** ???; ПА **p'ude* (*~-jụ-*) 'ива, клен', Монг. **huda* 'ива', ТМ **pode-* '1. ива, верба; 2. вяз', Кор. **ptə́rki* 'куст(ы)'.

***jẹrük 'ива/ольха';** ПА **ǯiaru(kV)* 'вид лиственного дерева, ольха', ТМ **ǯugde-n* 'ольха', Яп. **dunturi* 'дафнифиллум (небольшое вечнозеленое деревце)'.

***dẹrek 'тополь, дерево';** ПА **čarikV* 'вид лиственного дерева', Монг. **čirgaj* 'густой, высокоствольный (о лесе)', ТМ **ǯarikta* 'боярышник'.

***To(ŋ)gurak* 'тополь, ива'**; ПТ **t'oŋerV* 'вид лиственного дерева', Монг. **towrai* 'тополь разнолистный', ТМ **tuŋde (~-r-)* 'ива, тальник', Яп. **təniari-* 'ясень'.

***ab(y)sak* 'осина'**

Березовые: *Kadyŋ* 'береза'; ПА **kádaŋV* (~ *k'-*) 'вид лиственного дерева', Монг. **kaduŋ* '1. смородина; 2. береза', Яп. **kaní-pà* 'береза'.

Буковые: *ejmen* 'дуб'.

Ильмовые: *ilme* 'вяз, ? осина'.

Розоцветные: *beleĺ* 'рябина'; ПА **melu* 'вид ягоды', Монг. **mojil-* 'черемуха', ТМ **m[e]likte* 'рябина'.

***erük* 'слива/абрикос'**; ПА **èri* 'вид плода', Монг. **üril* 'слива', Кор. **yrym* 'плод акабии', Яп. **ìtàpi* 'японская фига'.

Кленовые: *ür(e)ŋke* 'клен'; ПА **p'ude* (~ *-u-*) 'ива, клен', Монг. **huda* 'ива', ТМ **pode-* '1. ива, верба; 2. вяз', Кор. **ptərki* 'куст(ы)'.

Липовые: *jöke* 'липа'; ПА **lako* 'вид лиственного дерева', Монг. **nüger-* (~*nigür-*) 'ольха кустарниковая', ТМ **laKa-* '1. вяз; 2. вид низкорослого дуба'.

Маслинные: *Kebrüč* 'ясень'; ПА **k'íbà* 'ясень', Монг. **küjir-* 'ясень', ТМ **xiba-gda* 'ясень', Яп. **kapiàru(n)tai* 'вид клена'.

Кустарники

Камнеломковые: *karylgan/*karlygan* 'смородина'; ПА **k'joŕa* 'вид дерева с красными ягодами или красной корой', Монг. **karg-* '1. дерево с темно-красной корой; 2. вид кустарника, калина; 3. сосна', ТМ **(x)or-* '1. брусника; 2. черная смородина', Яп. **katúra* 'багряник японский'.

Розоцветные: *imiti (~ *ymyt)* 'боярышник'; ПА **júmu* 'вид плода или ягоды', ТМ **uma-kta* '1. шиповник; 2. шикша; 3. кизил', Яп. **úmai* 'слива'.

***d(i)abylku* 'таволга'**; ПА **tībúlka* 'вид цветущего кустарника', Монг. **čibaga* 'ююба', ТМ **dībekte* '1. карликовая береза; 2. черная береза', Яп. **tùmpáki* 'камелия'.

***jymurt* 'черемуха'**; ПТ **nám(n)ekt'V* 'вид дерева', Монг. **ǯimuγu-su* 'крушина, черемуха', ТМ **namńikta* '1. тальник, верба, краснотал; 2. тутовое дерево', Кор. **namòk* 'дерево', Яп. **məmiti* 'клен'.

Бобовые: *Karakan* 'карагана'; ПА **giáru* 'акация', ТМ **gur-*, Кор. **kor-*, Яп. **kúti-*.

Виноградовые: *jürüm* 'виноград'; ПА **núŕi* (~*-e*) 'вид ягоды, виноград', Монг. **nüre* 'черника', ТМ **nure* 'вино', Кор. **nùrùk* 'закваска, дрожжи'.

Жимолостные: *balgyn* 'калина'; ПА **bjola* 'вид кустарника, spiraea', Монг. **balčirgana*, **baldargana* 'борщевник, дягиль', ТМ **boloka* 'таволга', Кор. **pùrò* 'салат-латук', Яп. **bàrà(m)pi* 'вид папоротника'.

***yrgaj* 'жимолость / ирга'**; ПА **jure* 'вид лиственного дерева', ТМ **ürē-kte* '1. лиственница; 2. прут, прут ивы', Кор. **ori* 'ольха', Яп. **utu-kui* 'вид декоративного кустарника'.

Рассмотрим полученную реконструкцию «неоднозначных» названий растений с точки зрения двух возможных локализаций тюркской прародины в Саяно-Алтайском регионе или на Ордосе. По данным, представленным на сайте http://flora.huh.harvard.edu:8080/flora и в книге «Деревья и кустарники СССР» (1966), из тех деревьев, названия которых предположительно реконструируются для пратюркского языка, на Ордосе не растут ольха и сосна кедровая сибирская. Рассмотрим, насколько надежно реконструируются эти названия для пратюркского уровня.

**jerük* 'ива/ольха': 'ольха' – лишь одно из предположительных значений. У рефлексов этого слова в алтайском, шорском и якутском языках представлено значение 'ива'. На этих территориях, как уже было сказано, ольха растет. Поэтому, если мы, опираясь на то, что значение 'ольха' реконструируется для пратюркского и ольха на Ордосе не растет, мы могли бы предположить, что это свидетельствует о том, что прародина была в Саяно-Алтайском регионе, но тогда будет требовать ответа вопрос: почему в алтайском языке, который распространен на территории предполагаемой прародины, произошло изменение значения.

**böĺ* 'сосна кедровая сибирская': поскольку рефлексы этого слова не представлены в чувашском языке, можно предположить, что его значение 'кедр' сформировалось уже после перемещения тюрков с Ордоса на Саяно-Алтай. Как было сказано выше, на Ордосе кедр не встречается, а в Саяно-Алтайском регионе растет.

Таким образом, название ольхи надежно для пратюркского языка не реконструируется. Название сосны кедровой сибирской, возможно, более позднее образование, потому что его рефлексы не представлены в чувашском языке. Все остальные деревья, названия которых реконструированы нами, на Ордосе растут.

Рассмотрим, какие деревья встречаются в Саяно-Алтайском регионе. Из предположительно реконструированных нами названий деревьев, помимо однозначно реконструированных названий дуба, клена и винограда, которые не растут в Саяно-Алтайском регионе, там не встречаются вяз, слива/абрикос, ясень.

Реконструкция названия вяза **ilme* 'вяз, ? осина' не вполне надежна, потому что у его рефлексов в ногайском и балкарском языках отмечено значение 'осина', хотя на территориях распространения этих языков вяз растет.

Реконструкции же **Kebrüč* 'ясень' и **erük* 'слива/абрикос' кажутся нам весьма надежными, практически у рефлексов всех этих слов представлены те же значения, что и реконструируются для праязыка.

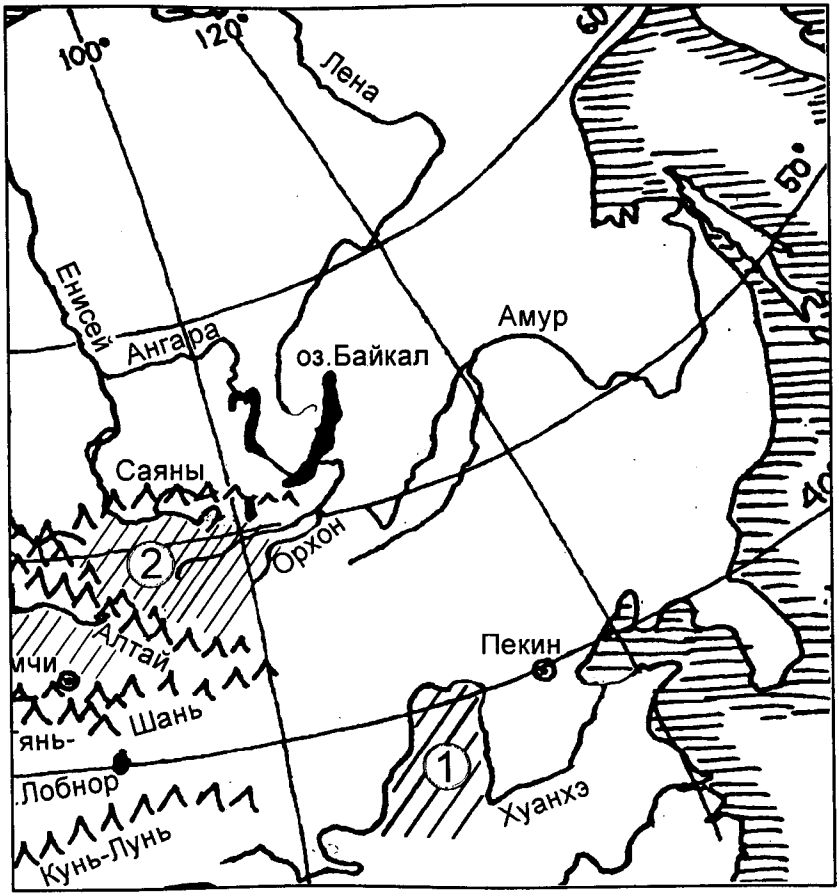
Таким образом, на основании того, что очень надежно для пратюркского языка реконструируются названия дуба, клена, винограда, ясеня

и сливы/абрикоса, которые не растут в Саяно-Алтайском регионе, но встречаются в китайской провинции Шаньси, мы предполагаем, что какое-то весьма продолжительное время тюрки жили на Ордосе.

Исходя из этого, для пратюркского языка для слов **jeŗük* и **böl'* мы не реконструируем значения 'ольха' и 'сосна кедровая сибирская', а предполагаем, что эти слова имели значения 'ива' и 'сосна' соответственно.

На приведенной ниже карте можно видеть распространение однозначно и неоднозначно реконструируемых для пратюркского языка названий деревьев в Саяно-Алтайском регионе и на Ордосе.

Карта 7

1 (Ордос): береза, ель, ива, липа, лиственница, осина, рябина, сосна, тополь, виноград, вяз, дуб, клен, пихта, слива, ясень;

2 (Саяно-Алтай): береза, ель, ива, липа, лиственница, осина, рябина, сосна, тополь

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ЗЕМЛЕДЕЛИЕ

Языковые реконструкции позволяют достаточно определенно полагать, что пратюркские племена еще на стадии до распада общетюркского праязыка освоили земледелие. Об этом свидетельствует разноплановость соответствующей исконной тюркской лексики: это не только названия сельскохозяйственных культур, но и названия древнейших сельскохозяйственных орудий, а также обозначения производственных процессов. Весьма характерно, что для всех слоев земледельческой лексики, включая названия злаков, в арсенале тюркских прадиалектов нашлись собственные лексематические ресурсы. Это не обязательно должно означать «автохтонность» возникновения данного рода деятельности у пратюрков: вряд ли здесь был нарушен единый поступательный процесс распространения злаковых культур и приемов агротехники из всемирных центров на Ближнем Востоке. Это может означать нечто другое: земледелие, вероятно, было воспринято от соседей на путях мирного сотрудничества, без подчинения и императивного «обращения» в земледельческое сословие, постепенной адаптацией данного занятия в собственной языковой среде пратюрков, что и дало возможность проявиться собственным словообразовательным возможностям пратюркского языка. Важнейшим свидетельством в указанном смысле является анализ глагола *tary-* 'пахать, возделывать (землю)' и ряда гомогенных с ним глаголов.

Сопоставление *tary-* с другим общетюркским глаголом – *tara-* 'расчесывать (волосы)', 'взбивать (шерсть)', 'сгребать (сено граблями)' позволило определить лексико-семантическую структуру каждого из глаголов как сочетание двух основных сем: 'втыкать (некий зубец/зубцы)' и 'проводить воткнутое орудие, разрыхляя и/или разравнивая (почву, волосы, шерсть)'; чередование *-a/-y* в корне имеет аспектуально-грамматический характер имперфективности /перфективности. Привлечение к сопоставлению с глаголами *tary-/tyra-* явно изосемантичных с ними глаголов иной вокализации при той же консонантной рамке – *tyra-* 'рыть, копать, царапать (острым концом)', *tirä-* 'подпирать, распирать (острым концом)' позволило увидеть заключенный во всех этих словах идеофон и, тем самым, удостоверить особую древность данных слов, включая *tary-*, а также их исконный характер в тюркском корнеслове (подробнее: СИГТЯ 1997, 466–467).

Чисто лингвотехническая реконструкция операциональных сем глаголов ономатопоэтического генезиса – *tary-/tara-/tyra-/tirä-* – открыла возможность сделать достаточно конкретные выводы социально-исторического плана: под операцию 'втыкать и взрыхлять; втыкая, взрыхлять' больше всего подходит обработка земли мотыгой. Общее значение перфективности формативa *-y* в *tary-* словообразовательно замыкается на единственность зубца мотыги в сопоставлении со множеством зубцов гребня, акционально

связанных с имперфективностью *tara-*. Впоследствии, когда появился плуг, лексическая семантика глагола *tary-* обобщилась до ‘пахать, обрабатывать землю’, элиминировав указание на тип орудия. Однако этимологические истоки глагола указывают на мотыжное взрыхление почвы, а такой способ обработки вообще является первоначальным, значительно предшествуя плужному (там же, 467).

С другой стороны, сравнительно-исторический анализ основных лексем данного круга показывает, что земледелие пришло к пратюркам на достаточно поздней стадии, когда основные диалектные группы (давшие начало главным ветвям тюркского языкового древа), уже вполне определились и в известной мере обособились. Земледельческие термины в большей мере характерны для носителей тех диалектов, которые впоследствии составили восточную ветвь – уйгуро-карлукскую.

ТИПЫ ПОСЕЛЕНИЙ. ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ

Если в древней тюркской картине мира терминология естественного ландшафта показывала природные условия, в которых формировался тюркский праязык и происходил его распад и формировались группировки тюркских языков и отдельные языки (СИГТЯ 1997, 87–102), то современная терминология, связанная с антропогенным ландшафтом и соответственно с динамикой общественной жизни уже отдельных тюркских племен и народов, показывает также их социальную жизнь, отражает культурные влияния.

Принадлежа к географической терминологии, которая формирует топонимию соответствующей местности и языка, где в составе топонимов терминология антропогенного ландшафта имеет тенденцию сохраняться в качестве пережитка, в то время как в апеллятивной лексике уже могут фигурировать инновации, сохраняющиеся в составе топонимов географические термины являются важным материалом для истории не только языка, но и гражданской истории.

Например, в узбекском языке согдийское по происхождению нарицательное название для населенных пунктов *кент* уже почти вышло из употребления, но относительно хорошо сохранилось в составе топонимов, что свидетельствует о его былой употребительности в языке.

В области названий объектов антропогенного ландшафта тюркских языков обращают на себя внимание термины для поселений, о которых уже существуют общие соображения: «Историку и этнографу тюркских племен полезно будет задуматься над тем, что все термины, обозначающие город и деревню, в этих языках заимствованные: *кала* (араб.), *шехир* > *шехер* > *шахар* > *шар* (перс.), якут. *куорат* из русск. 'город', *аул* (монг.), тур. и ктат. *кёй//кой* 'деревня' (перс.), чув., тат., крым. и даг. *сала* 'деревня' (хазар.)»[102].

К этому следует добавить, что во многих тюркских терминах населенных мест противопоставление *город – село* не выражено четко, к тому же содержание понятий «город» и «село» чрезвычайно подвижно, меняясь хронологически и территориально.

Взятое Н.К.Дмитриевым противопоставление *село–город* в реальности может в значительной степени осложняться, поскольку эти два понятия зачастую покрываются понятием типа русск. *населенный пункт*, *селение*, *поселение*, *поселок*, а также каждое из этих понятий может осложняться, как это происходит, например, в русском языке, в котором в XIX в. сельские поселения делились на *село* (селение с церковью), *сельцо* (селение с усадьбой помещика, но без церкви), *деревня* (селение без церкви и без помещичьей усадьбы); отдельной была терминология для инородческих сель-

[102] *Дмитриев Н.К.* О тюркских элементах русского словаря // Лексикографический сборник. Вып. III. М., 1958. С. 5 = *Дмитриев Н.К.* Строй тюркских языков. М., 1962. С. 506. Солидарность проявляет: *Мурзаев Э.М.* Тюркские географические названия. М., 1996. С. 151.

ских поселений: *аул, улус, кишлак* применительно к тюркским и другим народам. Есть еще специфическое название типа *хутор*. Понятия *город* и *крепость* могли совпадать, но могли и противопоставляться, кроме того, для мелких городков Юго-Западной и Западной России (Украина и Белоруссия) в ходу было польское название *местечко*.

Учет подобных деталей для тюркской почвы в данном обзоре возможен только частично. Полное описание динамики терминологии поселений возможно при дальнейшем рассмотрении лексики отдельных тюркских языков с учетом социальной истории, материала письменных памятников и топонимии, а также материала соседних языков, где могли сохраняться уже утраченные слова тюркских языков.

Приведенный Н.К.Дмитриевым список далеко не окончательный и легко может быть дополнен как материалами, подтверждающими мысль ученого, так и материалами попыток создания терминов из собственно тюркских средств. Но последние носят сейчас чаще всего чисто локальный характер местных архаизмов и инноваций, зачастую перекрываемых новыми заимствованиями.

Подмеченная Н.К.Дмитриевым в целом верная картина несколько осложняется при обращении к конкретному материалу, где тюркские языки обнаруживают пеструю картину по диалектам, как это имело место в описанном Н.К.Дмитриевым в 30-е годы XX в. кумыкском языке, северные и южные диалекты которого дают разную картину.

«Для старой этнографической терминологии района (распространения северного хасав-юртовского диалекта кумыкского языка. – *И.Д.*) характерно слово *юрт* 'село', употребляющееся так же, как у ногайцев *халък*, и *сала* 'городское поселение'. Последнее слово, сохранившееся в собственном имени *Сала-тав*[103] и феодальном термине *сала оьзден*, может говорить о хазарском влиянии (встречается и в Среднем Крыму)»[104].

Следует заметить, что слово *юрт* в северном диалекте кумыкского языка является исконным элементом, семантически изменившимся из первоначального значения 'место пастьбы скота, угодье, место поселения и т.п.' В значении 'селение, деревня' слово представлено также в алтайском, сарыг-югурском, лобнорском языках и в диалектах уйгурского, башкирского и киргизского языков[105]. В русский язык проникло как *юрта* 'передвижное

---

[103] *Таймасханова Т.Г.* Тюркский элемент в аварской топонимии (на материале салатавской топонимии) // Тюркско-дагестанские языковые взаимоотношения. Махачкала, 1985. С. 108–110: суждения о тюрко-монгольском происхождении топонима и об отсутствии славянского следа в Дагестане едва ли корректны.

[104] *Дмитриев Н.К.* Грамматика кумыкского языка. М.; Л., 1940. С. 40. Согласно данным «Кумыкско-русского словаря» (М., 1966), в этом языке есть два социальных термина: *оьзден* ист. 'уздень (*незакрепощенный крестьянин в феодальном Дагестане*)' (с. 250) и *сала* ист. 'дворянин' (с. 275), но *сала* в значении 'город' не фиксируется: в нем есть только персидское *шагьар* 'город', а также арабское *къала* 'крепость', употребляющееся как вторая часть названий городов типа *Махачкала*.

[105] ЭСТЯ 1989. С. 254–255.

жилище кочевников (не только тюрков)', но в прошлом (1623 г.) имело значение 'татарская деревня': «А по обе стороны тое протоки татарские юрты, чтó бы наши руские деревни» (Хождение купца Федота Котова в Персию. М., 1958. С. 31).

«В противоположность хасав-юртовским терминам для населенных пунктов *сала* и *юрт* для <южного> буйнакского диалекта характерны слова *къала* 'город' и *гент* 'деревня'. Последнее слово лишний раз говорит об азербайджанском влиянии»[106]. Здесь оба термина заимствованы: арабизм и иранизм.

В тюркском термине неясного происхождения *йурт* в разных тюркских языках отмечается весьма широкий круг взаимно связанных значений: 'место пастьбы скота', 'стоянка', 'поселение', 'юрта', 'дом', 'жилище', 'земля с населением', 'народ', 'родня', 'родина', 'государство' и т.п. (ЭСТЯ 1989, 255). В его семантике оказывается реализованным даже более широкий круг значений, чем обычно выделяемая триада 'дом' – 'село' – 'город' (*Трубачев О.Н.* Этногенез и культура древнейших славян. М., 1991. С. 197), но последний компонент триады здесь не представлен.

«Кумыкско-русский словарь» (М., 1969. С. 97, 189, 275, 366, 384) просто без указания на территорию отождествляет слово *гент* со словом *юрт* путем отсылки к последнему: «*гент* см. *юрт*» – и далее: «*юрт* 1) селение, село; деревня, аул; 2) дом, хозяйство», и противопоставляет их словам: арабскому «*къала* 1) крепость; 2) вторая составная часть некоторых имен собственных (обычно городов): *Магьачкъала* Махачкала» и персидскому «*шагьар* город», а устаревшее слово *сала* выводит за пределы географических терминов: «*сала* ист. дворянин».

Сейчас следы слова *сала* уже в качестве архаизмов представлены в двух тюркских языках Среднего Поволжья: тат. *сала* устар. '1) деревня, село; 2) провинция' (наряду с монголизмом *авыл*, которое активизируется пуристами); чув. *сала* 'русское селение' (наряду с исконным *ял* в соответствии с *эл* других тюркских языков); *сала вырӑс* 'жители русских селений'; *сала кайӑк* 'воробей' букв. 'птица, живущая в селениях'; не без тюркского влияния оно проникло в марийские языки: горн. *со́ла*, лугововост. *села́* (наряду с чувашизмом (?) по происхождению *ял, йӑл*).

С точки зрения лингвистической географии охватывающее три языка Среднего Поволжья слово *сала* является более древним в этом регионе по сравнению с инновациями *авыл, ял*, не получившими столь широкого распространения.

В «Опыте словаря тюркских наречий» В.В.Радлова (т. IV. СПб., 1911. Стб. 349–350) уже находим выделенным особо с указанием на русское происхождение казанско-татарское и караимское слово: «*сала* [Kas., <...> Kar.T., aus dem Rus. *село*] деревня, село», – что представляется правильным и нашло поддержку в соображениях А.М.Селищева применительно к чу-

[106] *Дмитриев Н.К.* Грамматика кумыкского языка. М.; Л., 1940. С. 36.

вашскому *сала*, но было оспорено Н.К.Дмитриевым. Останавливаясь на чувашском слове *сала* 'село', которое А.М.Селищев считал русским заимствованием[107], Н.К.Дмитриев пишет: «Но, по-видимому, этимология этого слова не такая простая. Оно известно в этом значении в татарском языке, проходит через топонимику (т.е. топонимию. – *И.Д.*) Среднего Крыма (ср. *Фоти-сала*) и вновь появляется в не совсем ясном кумыкском феодальном термине "*сала*" – "*өзден'ы*". В Крыму и Дагестане оно употребляется в ограниченных словосочетаниях и, взятое в отдельности, непонятно. Есть предположение, что это – хазарское слово. К чувашам оно, вероятно, попало от булгар, а не от русских, и имеет со словом *село* только случайное звуковое совпадение»[108].

В.Г.Егоров считает чувашское *сала* 'село; селение, но преимущественно русское' вместе с татарским архаизмом *сала* 'деревня, село' и зафиксированным в «Сравнительном словаре турецко-татарских наречий» (Т. I, СПб., 1969. С. 689) Л.З.Будагова: «каз. صالا <*сала*> 1) деревня, صالاغا <*сала ага*> крестьянинъ; 2) кирг. приток реки <...>; 3) сиб.тат. сукъ, вѣтвь» – хазарским наследием[109], солидаризируясь с Н.К.Дмитриевым.

Однако среди немногочисленных достоверных и преимущественно проблематичных следов хазарского языка термина *сала* нигде не значится[110], что заставляет с бóльшим вниманием отнестись к этимологии В.В.Радлова. Решающим в этимологизации тюркского термина *сала* как русского (восточнославянского) заимствования следует признать замечание З.Абрагамовича о том, что это слово известно только тюркам, которые имели тесные контакты с Русью[111].

Весьма загадочно появление термина *сала* в составе тюркского междустрочного перевода Корана 1333–1334 гг. из Средней Азии[112]: его наличие наталкивает на мысль об активных связях Средней Азии и Золотоордынского Поволжья.

---

[107] *Селищев А.М.* Русские говоры Казанского края и русский язык у чуваш и черемис: К изучению культурно-языковых взаимоотношений в Среднем Поволжье // Ученые записки РАНИОН. Институт языка и литературы. Лингвистическая серия. Т. I. М., 1927. С. 60.

[108] *Дмитриев Н.К.* А.М.Селищев и тюркская филология // Доклады и сообщения филологического факультета МГУ. Вып. III. М., 1947. С. 73 = Памяти Афанасия Матвеевича Селищева: Сборник статей и документов. Елец, 2003. С. 111.

[109] *Егоров В.Г.* Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964. С. 176: Киргизское (т.е., по современной терминологии, казахское) и сибирскотатарское значения представляются на самом деле самостоятельными словами. Мнение В.Г.Егорова изложено неверно в книге: *Ахметьянов Р.Г.* Общая лексика материальной культуры народов Среднего Поволжья. М., 1989. С. 140.

[110] *Golden P.B.* Khazar studies: An historico-philological inquiry into the origin of the Khazars. Vol. 1–2. Budapest, 1980. F. 251–252.

[111] Hadz,'i Mehmet Senai z Krymu. Historia Chana Islam Gereja III. Tekst turecki wydał, przełoz,'ił i opracował Z.Abrahamowicz. Warszawa, 1971. S. 178 (przypis 360).

[112] *Eckmann J.* Eine ostmitteltürkische interlineare Koranübersetzung // Ural-Altajische Jahrbücher. Bd. XXXI. 1959. S. 73.

В перенесенной из Крыма в XIII в. урумами (тюркоязычными мариупольскими греками) топонимике конечный элемент *-сала* в названиях сельских поселений Северного Приазовья изменился в *-соль* в речи русскоязычного акающего населения, которое от исходного топонима *Енисалá* (*Янисала*) букв. 'новое село' (*ени* 'новый') образовало прилагательное *енисóльский* с незакономерной подменой фонемы *а* фонемой *о* и с дальнейшим выделением из прилагательного вторичной основы *Енисоль* (*Янисоль*). Имеется два села с этим элементом: *Малый* (*Малая*) *Янисоль* и *Новоянисоль*, *Большая* (*Большой*) *Янисоль* сейчас носит название *Великая Новосёловка*[113]. В многочисленных трансформациях этих названий особый интерес представляют также контаминации названия *Ени-сала* → *Енисоль* с русским термином *село* в формах *Яни́сель*.

В свете сказанного едва ли могут быть приняты все соображения О.Н.Трубачева (справедливо сомневающегося в исконной тюркской природе второй части названий населенных пунктов *Ени-Сала* (*Енисала*), *Феттах-Сала, Коджа-Сала* в Крыму), особенно о связи этого компонента с предполагаемым туземным крымским (синдомеотским или таврским) орографическим термином **salā* 'сток, склон'[114], поскольку на самом деле компонент топонимов *-сала* входит в состав названий поселений, а не рельефа.

Трудно сказать, на основании каких данных Н.К.Дмитриев говорил о хазарском источнике тюркского названия сельского поселения *сала*. Но, соединяя хазарскую версию с русской, можно думать, что русское слово попало в тюркские языки Восточной Европы еще в хазарскую эпоху, чему нет противоречий.

Славянский термин *село* имеет хорошие индоевропейские корни, будучи распространенным, например, в германских и романских языках как первоначальное обозначение однокамерного жилища (др.-в.-нем., ср.-в.-нем. *sal* ср. рода, др.-сакс. *seli*, англо-сакс. *sele, sæl*, сканд. *salr* и т.п., откуда происходят романские слова типа фр. *salle* 'зал, палата', *sala* и т.п., откуда и русск. *зал, зала, зало*), в лат. *solum* 'почва' и т.д.[115]

Применительно к крымскотатарской топонимии распространение термина *сала* исчерпывающим образом показано В.А.Бушаковым (*Бушаков В.А.* Лексичний склад історичної топонімії Криму. Київ, 2003. С. 139–140), причем в число континуатов славянского *село* → *сала* ошибочно включены кабард. *жилэ* и адыгейск. *чилэ* 'селение, общество, народ' (см. об этом слове: *Шагиров А.К.* Этимологический словарь черкесских (адыгейских) языков. <Т. I>. А–Н. М., 1977. С. 197). В качестве синонимов выступают в Крыму: *avul, el, köy, ordu, otar, qabaq, qışlaq, yaylaq, yurt*, восходящие к разным эпохам и тюркским языкам.

---

[113] *Отин Е.С.* Топонимия приазовских греков. Донецк, 2002. С. 44–46, 102, 116.

[114] *Трубачев О.Н.* Таврские и синдомеотские этимологии // Этимология 1977. М., 1979. С. 129; *Трубачев О.Н.* Indoarica в Северном Причерноморье. М., 1999. С. 84, 267.

[115] *Kluge F.* Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache, 21. Aufl. B.; N.Y., 1975. S. 617.

В языках Среднего Поволжья сейчас разным нарицательным названиям сельского поселения (чув. и мар. *ял*, тат. *авыл*) противостоит единое нарицательное название города, восходящее к арабскому قلعة *қал'а* 'крепость' и представленное в рефлексах типа чув. *хула* (диал. *хола*, откуда мар. *ола* в составе *Йошкар-Ола* букв. 'красный город' – калька со старого *Краснококшайск* ← *Царевококшайск*), тат. *кальга* 'крепость', *кала* 'город', наряду с персидским *шәһәр*, причем чувашко-марийское название *хула, ола* отражает совсем другую традицию передачи (точнее непередачи) арабского звука ع (*'айн*), чем татарский язык, передающий его как *г*.

Но арабизм *кал(г)а* в языках Среднего Поволжья представляет собой явную инновацию, вытеснившую старое тюркское название для города в Восточной Европе *кермен*, которое сохранилось в XX в. только в караимском (галич. *кермэн*, трок. *кермянь* 'крепость, твердыня, замок', крым. *кэрман* 'замóк') и чувашском языках (устар. *карман* 'укрепление' – *Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка. Т. VI. Чебоксары, 1934. С. 102), откуда он проник в марийский язык (*карман* 'крепость' наряду с *ор, оркурык*; горн. *кӓрмӓн* устар.). На этот «факт некоторого распространения интересующего нас тюркского слова в тюркских и нетюркских языках Поволжья, ср. чувашское *karman*, откуда черемисское (марийское) *karman*[116], ср., далее, марийское *Uγarman* букв. 'Новый город', калька русского названия *Нижний Новгород*» – было обращено особое внимание[117].

Термин *кермен* зафиксирован в средневековых тюркско-арабских словарях XIII–XV вв., причем уже старейший из них отмечает, что слово *кермен* менее известно, чем его синоним *шаһр* (персидское слово)[118].

Особый интерес вызывает форма *кербен* (كربان) 'крепость, стена' в труде араба-филолога Ибн Муханны[119], где выражена контаминация с персидским كاروان *кӓрвӓн* 'караван, обоз', что произошло, вероятно, в названии караван-сарая كاروان سراى *кӓрвӓн сӓрӓй*.

Было слово *кермен* употребительно и в армяно-половецком языке (кыпчакском славянизированном языке польско-украинских армян)[120]. В.В.Радлову оно известно из половецкого памятника начала XIV в. Codex Cumanicus, к нему в его «Опыте словаря» было незакономерно присоединено чагатайское слово для обозначения веретена: «*кӓрмӓн* [Dseh. Kom.] 1) (Z<enker>) كرمان веретено – die Spindel; 2) крѣпость, город – die Festung, Stadt: *әрўр кӓрмӓн мәңгў ханның* это крѣпость Вѣчнаго Царя – das ist die Festung des ewiges Herrschers (C.C. 197, 9)»[121].

---

[116] *Räsänen M.* Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen. Helsinki, 1969. S. 256.

[117] *Трубачев О.Н.* Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. М., 1991. С. 198–199.

[118] *Курышжанов А.К.* Исследование по лексике старокыпчакского письменного памятника XIII в. – «Тюркско-арабского словаря». Алма-Ата, 1970. С. 142.

[119] *Мелиоранский П.М.* Араб-филолог о турецком языке. СПб., 1900. С. 060.

[120] *Deny J.* L'armeno-coman et les «Ephémérides» de Kamieniec (1604–1613). Wiesbaden, 1957. P. 59.

[121] *Радлов В.В.* Опыт словаря тюркских наречий. Т. II. СПб., 1899. Стб. 1108.

Тюркский термин *кермен* рано проник и в древнерусский язык, перейдя в нем в полногласную форму *керемень* и контаминировавшись с персидским словом کاروان *kārvān*, что началось еще на тюркской почве, где арабфилолог Ибн Муханна зафиксировал форму *кербен*. Правда, термину *керемень* (< *кермен*) в памятниках русской письменности не повезло: он встречается в «Записках Игнатия чернеца о путешествиях митрополита Пимена в Царьград и Иерусалим»[122] (в издании И.П.Сахарова «Сказания Русского народа». Т. 2. Кн. VIII. С. 106) в неправильном прочтении: «*Тамо есть икеремень* <вместо: *и керемень*> *сараи поставленъ недоходя Иерданя рѣки с пять верстъ*». Это сохранено и в более позднем издании: «*Тамо есть икеремень сарай, поставленъ не доходя Іордана реки съ пять верстъ* <...>»[123].

К сожалению, термин *керемень* (*кермен*) прочно контаминировался с термином *кервен*, т.е. 'караван', отсюда его обычная фиксация в формах *кермасарай, кермесарай, кермосарай, кирмосарай* (и далее в ошибочной *карасамрай*) наряду с *караванъ-сарай, карвасарай, корванъ-сарай* в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» (Вып. 7. М., 1980. С. 71, 73, 116).

«Некоторое проникновение тюркского термина *kärmän* имело место главным образом на древнерусском юге, начиная с известного *Аккермана* (Белгород-Днестровский) и кончая парой *Mankermen* 'большая крепость, большой город', – название, данное степняками Киеву (на Руси не привилось)[124], и *Kermenčik* букв. 'городок, малая крепость', которое сохранилось как остаточный коррелят с забытым *Mankermen*, ср. отсюда и сегодня город *Кременчуг* ниже по Днепру»[125].

Вместе с тем следует заметить, что термин *кермен* встречается преимущественно в топонимии Южной Руси[126], причем иногда в русских источниках он передавался термином *городок*: *Перекоп* в татарских источниках именовался то *Ор* (обычно), то *Ферахкерман* (официально), татарские укрепления на месте нынешней *Каховки* именовались *Исламкерман* (в русских источниках *Ислам-городок, Ослам-городок*) или *Шахинкерман* (в русских источниках *Шах-керман*), укрепление у Таванской переправы на Днепре – *Газикерман*; *Очаков* именовался *Джанкерман*, т.е. 'новый город' (как бы *Новгород*)[127]. Вместе с тем ограничение распространения термина *кермен* в топонимии только территорией «к западу от Дона» в связи с фиксаци-

[122] Русская летопись по Никонову списку. СПб., 1788. Ч. IV. С. 180.

[123] Хождение Игнатия Смольнянина 1389–1405 гг. / Под ред. С.В.Арсеньева // Православный палестинский сборник. Т. IV. Вып. 3. (12) СПб., 1887. С. 21.

[124] *Doerfer G.* Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. Bd. IV. Wiesbaden, 1975. S. 300–302; *Pritsak O.* Eine altaische Bezeichnung für Kiev // Der Islam. Bd. XXXII. 1955. S. 1–13.

[125] *Трубачев О.Н.* Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. М., 1991. С. 198.

[126] Обзор их с анализом по турецким источникам см. *Абрагамович З.* Старая турецкая карта Украины с планом взрыва Днепровских порогов и атаки турецкого флота на Киев // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. II. М., 1969. С. 76–96.

[127] *Abrahamowicz Z.* Historia Chana Islam Gereja III. Warszawa, 1971. С. 25, 27, 28, 38. Следует обратить внимание на противопоставление *Джанкерман* (букв. 'новый город') и *Джанкой* (букв. 'новая деревня').

ей *kermen* 'stadt, civitas' в половецком памятнике Codex Cumanicus (*Шапошников А.К.* Старый добрый болгарский Коктебель. Симферополь, 1999. С. 108) нельзя признать корректным, поскольку термин известен также на территории Татарии в Среднем Поволжье.

В Крыму термин *кермен* принимает участие в формировании топонимии наряду с терминами *isar, qale, καστέλλι[ον], καστρ[ον]* (*Бушаков В.А.* Лексичний склад історичної топонімії Криму. Київ, 2003. С. 110). Все они представляют собой заимствованные термины.

И.Н.Березин обнаружил в «Сборнике летописей» (глава об «Истории царевичей Дешт-и-Кипчака») персидского историка рубежа XIII–XIV вв. Рашид-ад-Дина (ум. 1318) тюркское название Киева, взятого монголами в 1240 г., за написанием *Манкеркан* которого он в соответствии со своей конъектурой увидел *Манкерман* и в котором выделил правильно вторую часть *керман* со значением 'город, крепость'[128], опираясь на тюркское название Киева *Ман-кермен*, которое было известно и в Европе. Его, например, упоминает в своих записках о дипломатическом путешествии в Персию через Россию венецианский дипломат XV в. Амброджо Контарини, именуя город двумя названиями: *Chio over Magraman* т.е. *Киев или Манкерман*[129].

О.Прицак обратил внимание на топоним *Kerman Kiwa, Kiwamen Kermen, Kermen Keyibe* в «Сокровенном сказании монголов» и определил его как тюркское название Киева[130] вместе с тюркским географическим термином *кермен*.

О.Прицак также считает возможным видеть упоминание Киева в одном неясном месте описания путешествия по Восточной Европе испанского араба XII в. Абу Хамида ал-Гарнати, который, повествуя о своем путешествии из Поволжья на запад, рассказывает о пребывании в городе غوركومان страны славян:

ووصلت الى مدينة من الصقا لب ، يقال لها غوركومان فيها من ابناء المغاربة الالوف'
عل صورة الأتراك يتكلمون بكلام الترك ، يرمون بنشاب مثل الترك'
يرمون بنشاب مثل الترك'ويعرمون فىتلل البلادبحذ

Для объяснения непонятного топонима издатели русского перевода сочинения Абу Хамида «Му'риб 'ан ба'д 'аджā'иб ал-Магриб» («Ясное изложение некоторых чудес Запада») воспользовались конъектурами чешского арабиста И.Грбека, не решившись, однако, внести в текст перевода свои соображения, где фигурирует *город Куяв*: «Слово كومان, вероятно, искажено при переписке из كوياو – 'Киев', который в таком написании неоднократно упоминается мусульманскими географами <...> слово غور передает 'гор[од]' с мягким (украинским) произношением *г*»[131].

---

[128] *Березин И.Н.* Нашествие Батыя на Россию // Журнал Министерства народного просвещения. 1855. Май. С. 106, примеч. 101; *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. М.; Л., 1941. С. 37, примеч. 17; 121, 179.

[129] Барбаро и Контарини о России. Л., 1971. С. 211, 212, 236.

[130] *Pritsak O.* Eine altaische Bezeichnung für Kiew // Der Islam. 1955. Bd. 32. S. 1–13.

[131] *Hrbek I.* Nový arabský pramen, o východné a stredné Evropě // Česko-slovenská Ethnographie. II, № 2. Praha, 1954. S. 169–170; *Большаков О.Г., Монгайт А.Л.* Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.). М., 1971. С. 74.

«И прибыл я в город [страны] славян, который называют *Гор[од] Куйав*. А в нем тысячи "магрибинцев" по виду тюрков, говорящих на тюркском языке и стрелы мечущих, как тюрки. И известны они в этой стране под именем беджн[ак]»[132].

Совершенно не касаясь весьма рискованных соображений и конъектур И.Грбека, О.Прицак развивал идею последнего о том, что здесь речь идет о Киеве: начертание غور *ғӯр* он отождествил с первой частью названия верховных правителей кара-китаев گورخان *гурханов*[133] (что возможно лишь в языках, не различающих ғ (غ) и г (گ)), приписав этим компонентам значение 'большой, великий'; а начертание كومان он исправил на كرمان, опираясь на сходство начертаний букв *ӯ* (و) и *р* (р). Получившееся сочетание غوركرمان (букв. 'большой город') он сопоставил с названием Киева *Манкерман* (тоже букв. 'большой город').

Обе конъектуры (И.Грбека и О.Прицака) не объясняют, почему в предполагаемом ими Киеве никого, кроме многочисленных тюрков, Абу Хамид не заметил. Для преодоления этих трудностей мыпредложили конъектуральную добавку точки в первой части غوز *ғӯз* и оставили без изменения вторую часть كومان *кӯмӑн*, связав их с тюркскими этнонимами *гузы* 'огузы' и *куманы* 'половцы'. Поскольку *гузы* на Руси именовались *торками*, то названный у Абу Хамида по двум народам город был нами отождествлен с городом *Торческ* русских летописей[134].

В этих соображениях была одна слабая сторона, аналогичная слабой стороне соображений О.Прицака: у последнего отождествлялись почти четко различающиеся в арабском языке غور *ғӯр* и گور *гӯр*, а у нас – загадочное كومان *кӯмӑн* Абу Хамида и засвидетельствованное у ал-Идриси название половцев قومان *кӯман*, что тоже было возможно лишь в языках, не различающих заднее и переднее *к*, т.е. ق *қ* и ك *к*. Таковыми были языки булгар, среди которых Абу Хамид вращался неоднократно, и язык славян, в стране которых находился загадочный город. В связи с такими обстоятельствами этноним قومان *қуман* в этих языках приобрел такой вид, что Абу Хамид воспринял его как كومان *кӯмӑн*.

Впрочем, можно предполагать булгарский ротацизм в племенном названии غور *ғӯр* в соответствии с غوز *ғӯз* других тюркских языков: Абу Хамид в этот город غوركومان ехал из Волжско-Камской Булгарии. В таком случае мы должны иметь дело с точным написанием, которое не требует никаких конъектур, а нуждается лишь в объяснительной интерпретации.

---

[132] *Большаков О.Г., Монгайт А.Л.* Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.). М., 1971. С. 37; ср. Abū Ḥamid el Grenadino y su relación de viaje por tierras eurasiáticos por César E.Dubler. Madrid, 1953. P. 25 (арабский текст), 64 (испанский перевод).

[133] *Menges K.H.* Der Titel گورخان der Kara-Kitaj // Ural-Altajische Jahrbücher. Bd. 24. H. 3–4, 1952. S. 84–88.

[134] *Добродомов И.Г.* О половецких этнонимах в древнерусской литературе // Тюркологический сборник 1975. М., 1978. С. 128–129.

Сейчас мы также склонны объединить свою конъектуру в первой части загадочного топонима Абу Хамида (غور → غوز) с конъектурой О.Прицака во второй (كرمان → كومان), благодаря чему название приобретает вид غوزكرمان *Гуз керман*, что точно соответствует летописному *Торчьск(ыи городъ)*.

Вероятно, это старейшее упоминание в памятниках письменности западного тюркского нарицательного названия города *кермен*.

В марийском названии Нижнего Новгорода *Угарман* (*у* 'новый' + видоизмененный чувашизм *карман* → *гарман* 'город, крепость'), представляющем кальку с русского (Нижний) *Новгород*, в качестве второй части этого слова фигурирует чувашская обработка того же тюркского термина *кермен*. Наряду с нормальной формой *кермен* в ходу была уменьшительная форма *керменчюк*, которая относилась к объектам меньшего размера. Она имела особую судьбу и по традиции применялась к поселениям, которые впоследствии приобрели размеры гораздо большие, чем были в момент возникновения названия путем перенесения термина на объект в качестве собственного имени.

Тюркский топографический термин *кермен* в уменьшительной форме *керменчюк* весьма важен для анализа летописных сведений о походе на Булгарию в 1395 г. с упоминанием *Казани-кеременчюка* и заслуживает особого рассмотрения, поскольку географические термины, на базе которых часто формируется топонимика, занимают как бы промежуточное положение между именами собственными и именами нарицательными.

Самое раннее упоминание Казани содержится в русских летописях под 1391 г., когда новгородские и устюжские ушкуйники, спустившись по Вятке, «взяша Жукотинъ и пограбиша весь, и Казань, и пакы выидоша на Волгу» (Рогожский летописец). Во втором раннем упоминании под 1395 годом фигурируют те же два города, но тексты были не вполне точно прочитаны историками и в связи с этим остаются не очень понятными. Из самой старой летописи – Троицкой, которая погибла в Москве в 1812 г. во время нашествия Наполеоновской армии, Н.М.Карамзин сделал множество выписок, в том числе и перечень городов, взятых во время похода 1395 г. (в Троицкой летописи под 1399 г.). Этот перечень взятых городов Булгарии вызывает некоторое недоумение, ибо после обобщающего слова *градъ* в единственном числе обычно читается перечень из четырех наименований: «*взяша градъ Болгары, Жукотинъ, Казань, Кременьчукъ*»[135].

Несогласованность единственного числа обобщающего слова *градъ* и перечня из четырех конкретизирующих его названий ликвидируется при обращении к тоже старой Новгородской четвертой летописи: для этого вместо обычного чтения текста по Строевскому списку: «*взяша градъ Болгари и Жюкотинъ и Казань, Кеременчюкъ*»[136] – примем на возможное другое чтение, основанное на ином словоразделе: «*градъ Болгарии Жюкотинъ*

[135] *Приселков М.Д.* Троицкая летопись: Реконструкция текста. М.; Л., 1950. С. 453.

[136] Полное собрание русских летописей. Т. IV: Новгородские летописи. Ч. 1. Вып. 2. Л., 1925. С. 380.

и Казань-кременчюкъ», т.е. 'город Болгарии (болгарский город) Жюкотин и Казань-крепостцу', с учетом тюркско-булгарского слова *кер(е)менчюк* 'городок, крепостца', уменьшительного от *кермен* 'город, крепость'.

Эта по-новому прочитанная и грамматически безупречная фраза в связи с наличием в ней непривычных и не всегда ясных топонимов и булгарского географического термина *кременьчюк* породила при переписывании большое количество переделок, не всегда четких и логически точных, которые восходят к единому первоначальному тексту: «*взяша градъ Болгарии Жюкотинъ и Казань-кременчюкъ*», – который для объяснения не самый легкий, зато самый объяснительный. Чтение *взяша градъ Болгари и Жюкотинъ и Казань-кременчюкъ* вызывает сомнения, обнаруживая противоречие между единственным числом обобщающего слова *градъ* и перечнем из трех городов *Болгари и Жюкотинъ и Казань-кременчюкъ* или четырех – при чтении *Болгары и Жюкотинъ и Казань, Кременчюкъ*, чего нет при чтении *взяша градъ Болгарии Жюкотинъ и Казань-кременчюкъ* Строевского списка (XV в.) Новгородской IV летописи, где фигурирует всего два населенных пункта: *градъ Жюкотинъ* и *кременчюкъ* ('крепостца, городок') *Казань* – и где единственное число слова *градъ* вполне оправданно.

Упоминание Казани в Новгородской IV летописи рядом с булгарским географическим термином *кермен* 'крепость, город'[137] (в уменьшительной форме *керменчюк*) *Казань-кременчюкъ* позволяет видеть здесь один топоним *Казань-крепостца* (*городец*), что, однако, требует дополнительных разысканий. Это весьма показательно для нового топонима, который обозначал лишь мелкий объект. Новое прочтение позволяет по-новому оценить возраст Казани в конце XIV в. как весьма скромный.

Новое прочтение летописного сообщения о взятии в 1395 г. *Казани-кер(е)менчюка* позволяет считать беспочвенным отождествление мнимого города *Керменчюка* (*Кременчюка*) с городищем на правом берегу Камы у села *Русские Кирмени* Мамадышского района Татарии, сделанное С.М.Шпилевским и Е.Т.Соловьевым и поддержанное А.П.Смирновым[138].

Название села *Русские Кирмени, Русский Кирмень* (есть *Средний Кирмень* и *Малый Кирмень* (*Баш-Кирмән*)) не может соотноситься с уменьшительным термином *кременьчюкъ*, а только с нормальным **кермен* (> тат. **кирмән*, чув. устар. *карман* > мар. *карман, кäрман*), откуда и название реки *Кирменка*.

Город *Кременчуг* (= тюрк. *Керменчӱг*) на Днепре соотнесен с парным ему тюркским названием Киева – *Манкермен*, дословно 'большая кре-

---

[137] *Benzing J.* Das bulgarischen-türkische Wort *kermän* 'Befestigung, Stadt' // Orientalistische Literaturzeitung. 1942. Bd. XIV. S. 145–147. Ср. более новые данные о термине: ЭСТЯ 1997, 52–53.

[138] *Шпилевский С.М.* Древние города и другие Булгаро-татарские памятники в Казанской губернии. Казань, 1877. С. 421; *Соловьев Е.Т.* Где был булгарский древний город Керманчук // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Т. VII. Казань, 1889. С. 1–17 (разд. паг.); *Смирнов А.П.* Волжские булгары. М., 1951. С. 268.

пость'. Географический термин *кермен* русскому языку чужд, но тюркское название меньшего города закрепилось в местной топонимике[139], лишь слегка изменившись.

Поволжские *Кирмени* в качестве пары имели *Казань-керменчукъ*, поэтому их нельзя отождествлять с мнимым городом *Керменчук*, которого в Поволжье, вероятно, не было.

Новое прочтение известия Новгородской четвертой летописи 1395 г. о том, что московские войска *«взяша градъ Болгарии Жюкотинъ и Казань-кременчюкъ»*, позволяет выявить не учтенное до сих пор древнерусскими словарями тюркское заимствование *Кер(е)менчюкъ* 'крепостца, городец' и учесть, что в конце XIV в. *Казань* (Старая или Новая?) была еще маленьким городком, который не успел вырасти, будучи основанным лишь во второй половине XIV в.[140]

Высказанные К.Г.Менгесом этимологические соображения о связи тюркского названия города *кермен* с греческим *κέραμον* 'черепица' в контаминации *ἀκρόπολις* 'акрополь, цитадель'[141] и далее в связи с ближневосточным (анатолийским) названием обожженного кирпича вызвали критику О.Н.Трубачева, да и сам К.Г.Менгес, кажется, отказался от последней идеи после дискуссии с О.Н.Трубачевым в 1984 г.[142]

Соотносительное с русизмом *сала* тюркское слово *кермен* этимологически связывалось иногда с монгольским *керем* (совр. халха-монг. *хэрэм* 'крепость, крепостная стена'; калм. устар. *керм*), к которому якобы присоединяется суффикс *-ен* (либо с собирательным[143], либо с уменьшительным значением[144]). Но здесь все-таки нет ясности ни фонетической, ни деривационной.

Наиболее приемлемой оказывается исконная тюркская этимология, связывающая существительное *кермен* с глаголом *кер-*, среди значений которого представлено также 'отгораживать, загораживать', благодаря чему в нем обнаруживается параллель к образованию русск. *город*, связанному с *городить*[145].

---

[139] *Трубачев О.Н.* Этногенез и культура древнейших славян: Лингвистические исследования. М., 1991. С. 198; *Абрагамович З.* Старая турецкая карта Украины с планом взрыва Днепровских порогов и атаки турецкого флота на Киев // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. II. М., 1969. С. 77–80, 89–91.

[140] *Егоров В.Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985. С. 97–105. Слово *кер(е)менчюкъ* не объяснено в «Словаре русского языка XI–XVII вв.».

[141] *Menges K.H.* Kalmükischen-russische Lehnbeziehungen // Kalmyk-Oirat Symposium. Philadelphia, 1966. S. 168 ff.

[142] *Трубачев О.Н.* Этногенез и культура древнейших славян. С. 198; *Menges K.H.* Das Problem der «gelehrten Volksetymologie». Einige slavische und altaische Etymologien // Die slavischen Sprachen. Bd. 6. Salzburg, 1984. S. 45 ff.

[143] *Кононов А.Н.* Показатели собирательности и множественности в тюркских языках. Л., 1969. С. 15–18.

[144] *Севортян Э.В.* Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. М., 1966. С. 172–173.

[145] ЭСТЯ 1997, 52–53.

Нельзя признать справедливым высказанное впервые, кажется, еще И.Н.Березиным[146] предположение о заимствованном характере русского термина *кремль* из тюркского *кермен* (или его монгольского неполного соответствия *керем*); этому мешают расхождения фонетического плана.

Что касается названия провинции и города *Керман* в юго-восточной части Ирана, то они восходят к названию персидского племени *Γερμάνιοι*, упоминаемого у Геродота[147], и к тюркскому *кермен* отношения не имеют.

Между терминологией натурального и антропогенного ландшафта границы оказываются весьма зыбкими, поскольку первые зачастую формируют не только топонимию, но и этнонимию в сочетании со вторыми. В этом отношении весьма показательно рассмотрение первой части топонима *Казань-кременчюкъ*, без чего анализ этого материала был бы неполным.

В восточных источниках фиксация топонима *Казань/Казан* (название области) относится к еще более позднему времени, чем в русских; во всеобщей истории «Нусаҳ-и джахāн-āрā» – «Списки устроителя мира» (1564–1565) Ахмада ал-Гаффāрī *Казань* قزان упоминается в числе владений царей Синей Орды (*Кок-Орда*): «им принадлежали области правого крыла, как-то: урусы, Лика, Укек, Маджар, Булгар и Казань (قزان)»[148].

В непосредственном источнике истории Ахмада ал-Гаффāрī «Всеобщей истории» (1413) Му'ин ад-Дīна Натанзī (Аноним Искандера) при перечислении этих областей Кок-Орды[149] область Казань не названа: она стала широко известна значительно позже и попала в перечень только в XVI в.

Уже в это время в литературе обнаруживается интерес к происхождению топонима.

Русское название города *Казань* входит в большой ряд топонимов с исходным *-ань* (обычно ударным), мягкость которого стала предметом рассмотрения в ряде публикаций и по-прежнему остается необъясненной[150].

Следовательно, при опоре на новое чтение *Казань-кременчюкъ* в Новгородской IV *летописи* выясняется, что в конце XIV в. *Казань* была еще крепостцой (*кременчюкъ*) и не достигла статуса града (города).

Исконное тюркское название города *кермен* было характерно для западного ареала, а на востоке было в ходу другое исконное название – известное

---

[146] *Березин И.Н.* Нашествие Батыя на Россию // Журнал Министерства народного просвещения. 1855. Май. С. 10б, примеч. 101.

[147] *Бартольд В.В.* Историко-географический обзор Ирана. СПб., 1903; *Он же.* Соч. Т. VII. М., 1974. С. 140.

[148] Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. II: Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г.Тизенгаузеном и обработанные А.А.Ромаскевичем и С.Л.Волиным. М.; Л., 1941. С. 211, 269.

[149] Ибир-Сибир, Рус, Либқа, Укек, Маджар, Булғар, Башғирд и Сарай (Сборник материалов... II, 127, 232).

[150] *Отин Е.С.* Из этимологических исследований донской гидронимии (имена с исходным *-ань*: *Лебедянь, Птань, Форостань, Холань, Лугань, Потудань, Усмань* и др.) // Язык, стиль, культура. Донецк, 1992. С. 6–22; *Он же.* Избранные труды по языкознанию. II. Донецк, 1999. С. 237–253 (с литературой); ср. также: *Менгес К.Г.* Восточные элементы «Слова о полку Игореве». Л., 1979. С. 177.

уже в древнетюркское время слово *baluq, balıγ, balıq*, которое в XI в. у Махмуда Кашгарского именуется уйгурским вместе с глаголом *balıqlan-* 'строиться (*о городе*)' (ДТС 80, 81, 644). Из современных тюркских языков оно известно лишь языку желтых уйгуров *палуқ/палық* 'стена (*из сырцового кирпича*), загородь', что считается древнейшим значением[151] этого тюрко-монгольского термина (Мурз. 1996, 213): монг. *балгасун*, калм. *балһсн* и т.д. Эта параллель объясняется то как алтайское наследие (Pop.VGAS 122), то как результат заимствования монгольского слова из тюркского (Doerf. II, 257–258, № 712). Махмуд Кашгарский противопоставляет семантику слова *balık* 'город, крепость' у тюрков-мусульман и уйгуров и 'грязь' в языке огузов и аргу (Kāšġ. I 65). Последнее значение позволяет постулировать семантическое развитие: 'глина' > 'глиняная стена, дувал' > 'окруженное такой стеной место' = 'город' (ЭСТЯ 1978, 59). Семантическая аналогия представлена в древнетюркском *toj* 'глина' > *toj* 'ставка, резиденция; город' (СИГТЯ 1997, 485)[152].

В центральном районе распространения тюрков с некоторым тяготением к западу и сейчас употребительно слово *қорған* 'крепость, цитадель' (каз., ккалп., баш., тат.), зафиксированное уже в тюркско-арабском словаре XIII в., причем с указанием, что большей известностью пользовался синонимичный ему иранизм *hиссар*, благодаря чему устранялась многозначность слова, которому были также свойственны значения 'могила, курган; кумир, идол, образ, истукан' (для передачи этого круга значений служил синоним *сын*) и 'конюшня, стойло, хлев' (синонимы: загадочное *азбар* и иранизм *ахур*)[153]. Эта многозначность термина *қорған* (огласовку *құрған* А.К.Курышжанов дает под влиянием турецкого языка, где это слово испытало влияние со стороны глагола *құр-* 'строить'), обусловлена смешением разных тюркских диалектов, вызвавшим наличие большого числа синонимов (к разным значениям), что и отражено в исследовании:

«*құрған* (قرغان،) = *hиссар* 'крепость, цитадель'. По ркп. вторая форма более известная, Абу Х., СС., ТЗ. *құрган*; БМ. *қорган, құрган*; тат., башк. *құрган*; кк., каз. *қорған*.

құрған (قرغان،) = *сын* '1) могила, курган; 2) кумир, идол, образ, истукан'. СС. *құрган*;

құрған (قرغان،) = *азбар* = *ахур* 'конюшня, стойло, хлев'. Каз. *қорған* (диал.)»[154].

В русский язык слово *қорған* проникло не только в сохранившемся и сейчас значении 'большой надмогильный холм; древнее захоронение', но и в исходном для нас значении 'крепость'[155].

---

[151] Аналогичная семантическая модель обнаруживается у индоевропейских терминов типа русск. *город*, о чем см.: *Трубачев О.Н.* Этногенез и культура древних славян. М., 1991. С. 196–199.

[152] *Sinor D.* The Origin of Turkish Balıq 'Town' // Central Asiatic Journal. Vol. XXV. 1981; ср. *Бартольд В.В.* Балык // Сочинения. Т. III. М., 1965. С. 362; *Он же.* Сочинения. Т. V. М., 1968. С. 492.

[153] *Курышжанов А.К.* Исследование по лексике старокыпчакского письменного памятника XIII в. – «Тюркско-арабского словаря». Алма-Ата, 1970. С. 168.

[154] Там же.

[155] Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 8. М., 1981. С. 136.

В топонимии термин *қорған* получил отражение в татаризированном фонетическом облике в Сибири и Средней Азии: *Курган, Талды-Курган, Катта-Курган* и т.п.[156]

Термин *қорған* относится к числу исконных, будучи связанным с богатым корневым гнездом, куда входит и глагол *қорға-* 'охранять, защищать; ограждать (стеной)'[157].

Эндемичный характер восточносибирской локализации имеет исконно тюркское название города *тура* (от глагола *тур-* 'стоять'), которое в алтайском языке употребляется наряду с русизмом *город*: алт. *тура* '1. дом, изба; 2. город' и в топонимии: *Дьаш-Тура* 'Бийск' (от *дьаш* 'молодой' т.е. 'новый'); *Том-Тура* 'Томск'; *Ойрот-Тура* – старое название, до 1949 г., Горно-Алтайска. В хакасском языке *тура* 'дом, изба' в устаревшем употреблении может обозначать 'город'.

О былом более широком употреблении слова свидетельствует его распространение в сибирской топонимии, а также его заимствование в древнерусский как названия осадного орудие (во мн. числе *туры*) и в персидский язык[158].

Современное русское разговорное название шахматной фигуры ладьи – *турá* связано не с латинским *turris* 'башня', а с тюркским *турá*, о чем свидетельствует ударение[159].

Для сельских поселений в алтайском языке используется русское название *деремне, деревне*, а монголизм *айыл* обозначает у алтайцев традиционное жилище, 'дом', а также 'деревня', причем в последнем значении употребляется и исконное *дьурт* (*jурт*).

В хакасском языке в качестве термина для городских и сельских поселений употребляются русские слова *город* (при устарелости *тура*) и *деревня, село*. Монголизм *аал* (из *ағыл*) обозначает селение с принадлежащими ему угодьями. В русском языке ему соответствует тюркизм *улус*, самому хакасскому языку чуждый, но являющийся русским официальным термином.

Загадочным представляется тувинское название для города *хоорай*, которое можно выводить из формы русского предложного падежа типа *в городе* с ослабленным мягким согласным *-дь-*, который приближается к *й*. Для деревни, села употребляются *суур* (скорее '(по)селение, поселок') и *көдээ* (скорее 'сельская местность'), иногда в сочетании *көдээ суур*, а также монголизм *аал* 'селение, табор; дом', как и более новый монголизм *көдээ*.

Для наименования сельских поселений в узбекском языке употребителен исконный термин *қышлақ* (орфографически *қишлоқ*), обозначавший первоначально 'зимовье' (от *қыш* 'зима'), на летовку перешло монгольское

---

[156] *Мурзаев Э.М.* Словарь народных географических терминов. М., 1984. С. 316–317.

[157] ЭСТЯ. Общетюркские и межтюркские лексические основы на букву *К*. М., 2000. С. 77–78.

[158] *Doerfer G.* Russ. *tury* 'Schanzkörbe' // Zeitschrift für slavische Philologie. 1960. Bd. 29. S. 288–302; *Doerfer G.* Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. Bd. II. Wiesbaden, 1965, S. 608–611; Bd. IV. 1975. S. 448.

[159] См. об этом: *Маковский М.М.* Шахматы // Русская речь. 1976. № 3. С. 151–152.

по происхождению *овул* 'аул'[*]. Персидско-таджикское *шаҳар* 'город' является здесь единственным названием города. Часто в составе топонимов иранское слово *кент* употребляется как устаревшее и областное слово в значении 'городок, поселение', что связано не столько со сменой иранского языка тюркским (кое-где таджикский и узбекский языки сосуществуют и сейчас), сколько с тенденцией к обновлению терминологии.

В значении 'крепость, цитадель; замок, твердыня' узбекский язык употребляет арабизм *қалъа*, этимологический дублет которого сохранился в составе фразеологизированных терминов *қала кавуш* устар. 'резиновые галоши' (букв. 'городские галоши (в отличие от местных кожаных)'; *қала қозон* 'чугунный казан (обычно небольшой)', свидетельствуя о былом употреблении арабизма и в значении 'город'.

Следует отметить, что лексикографические источники обычно отмечают некоторую неустойчивость нарицательных названий для населенных пунктов, противореча друг другу. В каракалпакском языке для названия города обычно употребляются арабизм *қала* и новое узбекское заимствование *шәҳәр* (старое *ш* в ккалп. переходило в *с*). Для названия села обычно в ходу монголизм *аўыл*, уз. *қышлак* (в «Русско-каракалпакском словаре». М., 1947; в «Каракалпакско-русском словаре». М., 1958, слегка подогнано под ккалп. фонетику *қышлаў*, а также в большей степени *қыстаў*), а также русское *село* (не попавшее в более пуристически настроенный «Каракалпакско-русский словарь»).

По данным «Казахско-русского словаря» Х.Махмудова, Г.Мусабаева [и Г.Бегалиева, указанного в выходных данных] 1954 г., наряду с *ауыл* 'аул' и *қала* 'город' казахский язык знает употребление и русского *селен* 'село, селение'.

Особое место занимает печенежское именование крепости *қатай*, которое Ю.Немет выделяет в составе названий заброшенных печенежских крепостей *Туң-Қатай, Қарақ-Қатай, Салма-Қатай, Сақа-Қатай, Йайу-Қатай* в сочинении Константина Багрянородного «Об управлении государством» (X в.) в сопоставлении с чагатайским *қатағ* 'шанц, барьер, укрепление' (*Радлов В.В.* Опыт словаря тюркских наречий. Т. II. СПб., 1899. Стб. 279)[160]. Сюда относится первая часть московского старого топонима *Китай-город*, перенесенная из *Китай-городов* Украины.

Апеллятивные названия поселений в тюркских языках находятся в сложных отношениях с окружающей средой, поэтому они являются объектом изучения географов вместе с ономастической лексикой географии (топонимией)[161].

Разные типы поселений представляют собой важный компонент культуры народа, находящийся на стыке ее материальной и духовной части в их непрерывном движении, поэтому их можно рассматривать в разделе мате-

---

[*] Относительно распределения заимствований из монг. **ajil* и исконных рефлексов ПТ **ayyl* см. подробнее ниже, с. 470. — *Прим. ред.*

[160] *Németh J.* Die Inschriften des Schatzes von Nagy-Szent-Miklós. Budapest, 1932. S. 50–51.

[161] *Мурзаев Э.М.* Тюркские географические названия. М., 1996. С. 151–159.

риальной культуры и общественной организации, как это сделано, например, в «Сравнительно-исторической грамматике тюркских языков. Лексика». М., 1997. С. 316–317 (народ, люди), 485–494 (жилище, дом; укрытие, крепость; кочевье; участок кочевания).

Но поскольку поселения отражают также форму общественной организации этноса, терминология поселений связана с историей народа и его социально-экономической жизнью с ее неизбежным своеобразием в каждом отдельном случае, то соответствующая терминология оказывается обусловлена общественными и производственными моментами, при этом терминология всегда несколько отстает от жизни, и в ней пережиточно сохраняются какие-то элементы прежней организации общества. Это некоторое несоответствие терминологии актуальному положению дел в области называемых реалий преодолевается в каждом конкретном случае по-разному, благодаря чему создается довольно смазанная, неотчетливая картина, затрудняющая восстановление прежней системы и не вполне отражающая действующую.

Картину праязыкового состояния можно выяснить на основе комплексного анализа термина:

1. Прежде всего важно установить систему его форм и значений во всех современных и древних тюркских языках с возможным учетом исторической трактовки семантических сдвигов.

2. Материалы каждого языка и диалекта должны рассматриваться в рамках системы понятий и терминов каждого из них, благодаря чему оказывается возможным выявить движущие силы семантических процессов в системе.

3. Важным компонентом комплексного анализа должен быть тщательный учет материалов древней письменности, которая есть далеко не для всех тюркских языков, а имеющаяся весьма часто с трудом привязывается к современным языкам.

4. Интересный материал для истории тюркской лексики дают старые заимствования в других языках, которые имели разного рода контакты с тюркскими языками и сохранили тюркские слова в архаичной форме с архаичными значениями.

5. Пережиточное сохранение старой семантики может быть обнаружено в составе ономастической (особенно топонимической) лексики.

В нарицательных названиях городов и сел в тюркских языках действительно много заимствований, но есть и некоторые исконные слова. Но вся эта лексика непрерывно обновляется, и количество заимствований все увеличивается, причем вытесняются как исконная лексика, так и более старые заимствования. Вытесняемая лексика пережиточно сохраняется во фразеологии и топонимии.

МАТЕРИАЛЬНЫЙ БЫТ. ЖИЛИЩЕ

Что касается жилища, то проекция этнографических и археологических данных на соответствующее лексико-семантическое поле пратюркского лексикона приводит к следующим результатам[162].

Чтобы оценить праязыковую семантику реконструируемых для пратюркского состояния наименований жилища, пришлось прибегнуть к технике семантической реконструкции, разработку которой см. в Дыбо 1996, т.е. к анализу микрополей и номинационных решеток, в которые входят рефлексы восстанавливаемых пратюркских слов в представленных древних и современных языковых системах. Набор реконструируемых лексем см. ниже; подробную их этимологизацию, а также более подробные данные по этимологиям лексем тюркских названий жилища, не реконструируемых для пратюркского и общетюркского состояния, см. в СИГТЯ 1997, 485–530. Вот основные результаты проведенного историко-семантического анализа.

Для лексико-семантического микрополя наименований жилища в тюркских языках можно отметить следующие характеристики. Выделяются слова – названия определенных типов построек, используемых как жилище. По форме эти постройки могут быть стационарными, переносными и временными. Для переносных построек следует различать тип «палатка» (или «чум») (каркасное жилище, в котором не выделена крыша) и тип «юрта» (высокотехнологичное каркасное жилище с четким выделением каркаса стен и каркаса крыши). Перекрещивается с признаком «форма» признак «функциональность», т.е. часть наименований несет не только семантику определенного типа постройки, но и семантику «жилье» = «локус субъекта» или «локус субъекта и лиц, сопряженных с ним неотъемлемой принадлежностью, – его семьи». С этого значения обычен метонимический перенос «члены семьи». «Жилье» может выступать как «малый дом» и «большой дом» (в терминологии С.Е.Никитиной и Е.Ю.Кукушкиной – Никитина, Кукушкина 2000). «Малый дом» – это собственно постройка как жилье, «большой дом» – постройка как жилье и неотъемлемо прилежащая к ней территория – двор с надворными постройками для стационарного жилища, родовая пастбищная территория или загон для жилища кочевого типа. Интересно, что в ряде случаев мы видим в тюркских языках особое название для «большого дома» (хотя в других случаях «малый дом» и «большой дом» – значения одной лексемы).

Ср. нижеследующую иллюстрацию на материале словоупотреблений в памятниках древнетюркского периода.

---

[162] Этнографическую классификацию типов жилищ и поселений, используемую ниже, см. в: Свод этнографических понятий и терминов: Материальная культура. М., 1989.

**eb* > *eb, ev, üv.* Это основное слово для «жилища» как локуса субъекта. Общетюрк. + булг. См. СИГТЯ 1997, 500–501. Внешняя этимология: ПА **ìbe* 'дверь, двор': Монг. **eγüde* 'дверь', Тунг.-маньчж. **ib-le* 'двор; жилище, жилые постройки', Кор. **ìp* 'дверь', Яп. **ìpua* 'хижина' (ЭСАЯ).

Древнейшие словоупотребления

1. Помещение, жилище (house+home): *ol efkä bardy* 'он пошел в дом' (МК); *ol evkä baryndy* 'он сделал вид, что собирается пойти домой' (МК); *ol any evdin köčürdi* 'он переселил его из дому' (МК); *evüŋkä javutma ušaqčy kiš ig* 'не давай подходить к своему дому сплетнику' (QB); *ersäk erkä tegmäs / eväk evkä tegmäs* 'распутная женщина не выйдет замуж, / торопливый не дойдет до дома' (МК).

Производные:

а) композит *eb barq парн.* 'жилище': *süsi ebig barqyy julyaly bardy* '[одно] их войско отправилось грабить жилища' (БК); *ebin barqyn jylqysyn julmadym* 'их жилища и табуны я не захватывал' (МЧ);

б) Adj_{Loc} *evdäki* 'находящийся в доме' > 'домашний' (*jazydaqy süvlin eδergäli evdäki taqayu učyynma* 'пока гоняешься за фазаном в степи, не упусти курицу, находящуюся в доме' (МК);

в) S_{Attr} *evlig* 'хозяин, владелец дома': *endik uma evligni ayyrlar* '[даже] глупый гость почитает хозяина дома' (МК); *evlig toδyursa közi jolqa bolur* 'если хозяин дома насытит, глаза [гостя] будут [смотреть] на дорогу' (МК);

г) Adj_{Attr} *evlüg* 'владеющий домом': *til arslan turur kör ešikdä jatur / aja evlüg er saq bašyŋy jejür* 'язык – лев, смотри, он лежит у входа, / о муж, владеющий домом, будь внимателен, он съест твою голову!' (QB).

1а. «Внутренний дом»: семья, домочадцы: *ebi on kün önrä ürküp barmyš* 'его семейство уже за десять дней, испугавшись, ушло' (МЧ).

Производные:

а) S_1 *eb-či* 'жена'; *ev-či* 'жена; женщина': *bu ikägü... er ebči bolmyšlar* 'эти двое... стали мужем и женой' (USp); *ury oγlanlyγ evči süti* 'молоко женщины, имеющей мальчика' (Rach);

б) S_{Attr} *evlig* 'жена': *qaly evlig almaq tiläsä özüŋ / talusyn tilä keδ jiti qyl kö züŋ* 'если ты хочешь взять себе жену, / ищи хорошую (букв. отборную) и будь очень внимателен' (QB);

в) V_1 *eb-lä-* 'женить': *eblädim oγlumyn qyzymyn qalyŋsyz bertim* 'я женил своих сыновей, своих дочерей я выдал [замуж] без выкупа' (С). Refl. *ev-lä-n-* 'обзаводиться семьей': *tünlä jorup kündüz sevnür / kičigdä evlänip ulyaδu sevnür* 'кто идет ночью, отдохнет днем, / кто, будучи молодым, обзаводится семьей, получает удовольствие, когда взрослеет' (МК).

2. Здание, строение: *bu üjnüŋ tayamy altundan erdi* 'крыша этого дома была из золота' (ЛОК); *ev očaqlandi* 'в доме была сделана печь' (МК); *ölüm buzdy qaršy saraj ev üküš* 'смерть разрушила много дворцов и домов' (QB); *bu begläг evi aty qaršy turur / bu qaršy icindäki qaršy turur* 'дом этих беков на-

зывается дворцом, / [а] внутри этого дворца — раздоры' (QB) (игра слов: *qaršy* 'дворец' и 'вражда, раздор, ссора').

Производное:

композит *ev barq* парн. 'дом и надворные постройки, усадьба': *evüŋ barqyŋy keδ aryy tut silig* 'свой дом и надворные постройки держи в большой чистоте и опрятности' (QB).

3. «Большой дом», становище: *kül tegin ebig bašlaju qytymyz* 'мы отпустили Кюль-Тегина предводительствовать в становище' (КТ); *basmyl jalydyp ebimrü bardy* 'став врагами [нам], басмылы пошли на мое становище' (М);

Производное:

композит *eb barym* парн. 'жилище, становище': *ebin bary[myn] [qaly]syz qop kelürti* 'его становище, все без [остатка], он доставил [к себе]' (КТб).

«ЗДАНИЕ, СТРОЕНИЕ»

**biar-k* > *barq* ЭСТЯ 1978, 62. Общетюрк. (+ як.? + булг.?). Внешняя этимология[163]: ПАлт **bi̯are* 'строить'. Тунг.-маньчж. **biri-* 'стелить жерди; настил; шатер, постройка'. Монг. **bari-* 'строить' (ЭСАЯ).

Древнейшие словоупотребления

aŋar adynčyγ barq jaraturtym 'я поручил им построить особое здание' (КТм); *barqyn bedizin bitig taš[yn]... qop alqady[m]yz* 'здание, резные фигуры, стелу с надписью... все мы освятили' (КТ).

Композит: *eb barq парн.* 'дома': *kand ulus ev barq etgäli jaratγaly saqynč saqynsar* 'если задумает создать города-селения, дома-усадьбы' (ТТ); *ötrü seziksizin ev barq turγurmys kergäk* 'затем нужно, без сомнения, строить дома' (ТТ).

«ТЕРРИТОРИЯ, ПРИМЫКАЮЩАЯ К ЖИЛИЩУ»

**jūrt* СИГТЯ 1997, 490–491. Общетюрк. + як. + булг. Внешняя этимология: ПАлт **nūru* 'местопребывание': Монг. **niruγu* 'основа, поверхность'; Тунг.-маньчж. **nora-* 'местопребывание, убежище'; Кор. **nurí* 'мир, обиталище' (ЭСАЯ).

Древнейшие словоупотребления

1. Жилище, стойбище: *üδik meni küčäjür / tün kün turup jyylaju / kördi közüm tavraqyn / jurty qalyp aγlaju* 'страсть меня мучает,/ рыдаю день и ночь,/ так как глаза мои увидели уже,/ что ее стойбище опустело' (МК). 'Опусто-

[163] Ср. некоторые другие возможные соображения об этимологии слова в ЭСТЯ 1978, 62–63, Doerfer II 239 (производность от *bar* 'иметься'; приведенная выше алтайская этимология кажется лучше семантически). Предположение о заимствовании из перс. *barg* 'снаряжение', высказанное в Буд. I 252, Мал. 368, должно рассматриваться противоположным образом: малоупотребительное перс. *barg* (Гафф. I 102) не имеет иной этимологии, кроме возможности заимствования из тюркских. Европейские слова – франц. *baraque* < итал. *baracca* < исп. *barraca* – могут быть заимствованиями через персидский, хотя существует и этимология от исп. *barro* 'саман' (слово, предположительно, иберийского происхождения) – см. Dauzat 73.

шенная территория становища': *ölügi jurtda jolta jatu qaltačy erti* 'ваши трупы остались бы лежать на становище и на дороге' (КТ); *qurtya jurtda qalmyš, jaγlyγ qamyč buluγyn jalγaju tirilmiš* 'старуха осталась на становище [когда все остальные откочевали], и выжила, лижа край вымазанного в жире черпака' (YB);

2. (Метафора) Пристанище, родина: *ölümüg unytma gürüŋ jurtuŋ ol* 'не забывай о смерти, твоя могила – твое пристанище' (QB); *burqanlarnyŋ toγγuluγ belgürgülüg oruny jurty* 'место рождения и явления будд' (Suv.);

3. (Расширение) Территория, страна: *usyn buntatu jurtda jatu qalur erti* 'они остались жить в земле Усын-Бунтату' (Тон); *bedük bir jurt el kün erdi* 'была большая страна и большой народ' (ЛОК).

«ПЕРЕНОСНОЕ ЖИЛИЩЕ»

I. **ōtaγ* СИГТЯ 1997, 496–497. Общетюрк. (+ як.). Внешняя этимология: ПАлт **o̓t̓ u̓ (~ -t-, -i)* 'жилище': Тунг.-маньчж. **utē-n* 'чум, жилище'; Яп. **ut̓aina* 'высокое здание, чертог' (ЭСАЯ).

Древнейшие словоупотребления

1. «Внутренний» шатер, жилье: *bilišti korüšti kišiläг bilä / otaγ tutty özkä* 'он осмотрелся, познакомился с людьми, / нашел себе жилище' (QB); *etse otaγy iši* 'если он приведет в порядок (сделает) домашние дела' (QB);

2. (Сужение) Шатер (в военном лагере) > (метафора) «военачальники»: *otaγqa öpkäläp sügä sözlämädük* 'рассердившись на тех, кто был в шатре (букв. на шатер), он не стал разговаривать с войском' (МК).

II. **alačи* СИГТЯ 1997, 497. Общетюрк. (+ як. + булг.). Внешней этимологии не обнаружено.

Древнейшие словоупотребления

Шатер, палатка на двух шестах, большая палатка из грубой ткани (МК): *braman körkin belgürtip qaricantri teginniŋ alačи tušusynta joryjur erkän* '[бог Индра], приняв вид брамина, проходил перед шатром принца Харичандры' (Uig III).

Производное:

Refl (V_1) *alačи-la-n-* 'поставить для себя шатер': *er alaculandy* 'мужчина поставил себе шатер' (МК).

«УКРЫТИЕ, КРЕПОСТЬ»

**dura* СИГТЯ 1997, 486. Общетюрк. Алтайской этимологии не обнаружено[164].

Древнейшие словоупотребления

1. Укрепленное жилище, крепость: *qajusy čerigdä qylyč baldu jer / qajusy turada juluγda qaryr* 'кто меч и секиру среди войска обнажает, / а кто старе-

[164] В принципе возможно заимствование из языков северного ираноязычного населения: ср. сак. *ttaura* 'стена' Bailey 134 (от глагола *tau-* 'cover'), осет. *tyrg* 'сени, навес, балкон, двор' Абаев III 341. Для сакского можно было бы предполагать тюркизм, но осет. не может быть тюркизмом, ср. к тому же санскр. *toraṇa* 'ворота'. По-видимому, из тюрк., судя по форме и ударению, а не из франц. (вопреки Фасмеру) русское название шахматной фигуры *турá*.

ет в крепости, [ожидая] выкупа' (QB); *bor ičmä fäsadqa qatylma jyra / bu eki buzar qaršy ordu tura* 'не пей вина, не вмешивайся в смуты: / эти два [занятия] разрушают дворцы и крепости' (QB).

2. (Метафора) Защита, прибежище: *qara balyqyn qyldy özkä tura* 'он сделал благосостояние простого народа себе крепостью' (QB).

«СТАВКА ХАНА / БЕКА»

**ordu* СИГТЯ 1997, 495. Общетюрк. Внешней этимологии нет. Наиболее правдоподобно предположение Г.Дёрфера об обратном заимствовании из монгольского.

Древнейшие словоупотребления

1. Дворец (здание): *ötrü taqy ičgärü kirdi ordu qapayqa tegdi* 'потом [принц] снова вошел внутрь и достиг двери дворца' (KP); *ötrü lü qany erdänilig balyqya orduqa teggäj siz* 'потом вы достигнете украшенных драгоценностями города и дворца царя драконов' (KP).

2. «Внутренний» дворец, обитатели дворца: *ordu bašy* 'дворецкий' (МК); *Ölüm buzdy ordu telim känd uluš* 'смерть разрушила дворцы, много городов и селений' (QB);

Производное:

Композит: парное слово *ordu qaršy* 'дворец': *qaju känd uluš ordu qaršy jerä/ kiṭabkä öŋün at atamyšlara* 'в каждом городе, селении и дворце по-разному называли эту книгу' (QB); *ordu qaršy ičintäki qatunlar tegitlär beglär* 'находящиеся во дворцах знатные женщины, принцы, беки' (Suv.);

3. «Большой дворец» кочевника: юрта правителя и прилегающая территория, ставка: *oγuz jaγy orduγ basdy* 'враждебные огузы осадили ставку' (KT); *özi süsi ögirä sebinü ordusyŋaru kelir* 'он сам и его войско, радуясь и веселясь, возвращаются в свою ставку' (YB); *kelip tegdi elig turur orduγa* 'он дошел до ставки правителя' (QB); *qan olurupan ordu japmyš ili turmyš tört buluŋtaqy ädgüsi ujary tirilipän mäŋiläjür* 'хан, сев на престол, устроил ставку, его народ встал (там), по четырем сторонам света богатые и властные, собравшись, радовались' (YB).

Производное:

Refl (V_1) *ordu-la-n-* 'устраивать себе ставку': *beg bir jerig ordulandy* 'бек в одном месте устроил себе ставку' (МК).

Метафора: Поселяться: *ordulanyp jüksäk tayγy oγlaq čatar* 'поселившись на высокой горе, он пригоняет [туда] козлят' (МК).

«ДВОРЕЦ»

qaršy СИГТЯ 1997, 495–496. Общетюрк. средневековое. Заимствование из тохарского B (кучанского) языка.

Древнейшие словоупотребления

1. Дворец (здание): *bu beglär evi aty qaršy turur bu qaršy icindäki qaršy turur* 'дом этих беков называется дворцом, / [а] внутри этого дворца – раздоры' (QB);

2. «Внутренний» дворец: *qaršy körüp saγdyč / any učmaq atar* 'увидев дво-

рец, верный друг / назовет его раем' (МК); *ičip qaršyqa kirmä özni tutun* 'выпив, не ходи во дворец, воздержись' (QB).

Производное:

Композит: парное слово *qaršy ordu парн.* '(«внутренний») дворец': *bor ičmä fäsadqa qatylma jyra / bu eki buzar qaršy ordu tura* 'не пей вина, не вмешивайся в смуты: / эти два [занятия] разрушают дворцы и крепости' (QB); *neča qaršy ordu bezäklig saraj / olüm buzdi barča turu qaldi haj* 'О! Сколько дворцов и роскошных чертогов / смерть разрушила и не оставила следа!' (QB).

Материал по наименованиям жилища в тюркских языках представлен в нижеследующих таблицах. Значение слова в неочевидных случаях иллюстрируется либо толкованием из стандартного словаря, либо употреблениями в диагностических контекстах. Иллюстрации к древнетюркским словам см. выше. В скобках в таблицу помещены лексемы, которые в данном языке не входят в рассматриваемую микросистему, но относятся к ней в других тюркских языках (см. таблицы 22 и 23).

Из рассмотрения приведенного материала можно сделать следующие выводы.

Достаточно очевидно, что реконструкцию праязыкового состояния нужно здесь производить в две ступени. Прежде всего, для пратюркского[165] состояния совершенно очевидно восстанавливается слово **eb* со значением 'функциональное название дома', с регулярной многозначностью 'здание' – 'внутренний дом' – 'большой дом'. Во всяком случае, на общетюркском уровне его значение именно таково. Но привлечение чувашского и якутского материала обнаруживает еще одного кандидата на функциональное слово для «дома»: **gül*. Это функциональное название в чув., и значение огузских рефлексов также должно восходить к функциональному названию. При этом чув. и як. рефлексы явно указывают на признак стационарности, чему огузские рефлексы не противоречат. Итак, для **gül* легко восстанавливается семантика «функциональное наименование стационарного дома». Тогда можно предположить, что **eb* первоначально, в пратюркском, было функциональным названием дома, немаркированным по стационарности. Ситуация с двумя функциональными названиями жилища, скорее всего, говорит об отгонно-скотоводческом образе жизни этноса-носителя (см. вышеприведенный материал)[166] – видимо, при наличии юрты или другого высокотехнологичного типа переносного жилища, что, в принципе, не противоречит историческим данным. Слово **eb* в какой-то момент времени практически полностью вытесняется в чувашском (волжско-булгарском?) языке.

---

[165] В соответствии с общепринятым употреблением терминов, «пратюркский» – уровень, реконструируемый на основе сопоставления всех тюркских языков, в том числе булгарской (чувашской) подгруппы. Общетюркским принято называть праязык всех тюркских языков, кроме вышеназванной, наиболее рано отделившейся подгруппы.

[166] Ср. также общетюркское название кочевки, производное от пратюркского глагола 'перекочевывать' – СИГТЯ 1997, 489–490.

Таблица 22

Примерное заполнение номинационной решетки «Жилище» в тюркских языках

Языки	Дом-локус субъекта (house+home)	Дом – (стационарное) здание	«Большой» дом (дом и прилегающая территория)[167] + локус субъекта	Дом–(переносное) здание (юрта)	Другие формы переносного жилища; временные постройки
Др.-тюрк.	*eb*	*eb, bark*	*eb* 'становище', *ordu* 'ханская ставка', *jurt* 'опустошенная территория становища', в более поздних текстах – место жительства	*eb, otay* 'шатер, жилище' (*keregü* – род юрты у туркмен МК; вообще tent framework)	*alaču* 'шатер, палатка с двумя шестами' МК
Чув.	(*av-la-* 'жениться') *kil* 'дом, семья', ср. *хăna kilĕ* 'гостиница, дом приезжих', *kilti* 'домашний'	*pört*[168], *śurt*	*kil* 'хозяйство, усадьба' *śurt* (ср. 1. *śurt śavăr* 'возвести дом и надворные постройки', *pört-śurt, kil-śurt* 'дом и надворные постройки', 2. *ača śurčĕ* 'детский дом', *śurtsăr* 'бездомный' и под.)	*xüšĕ* 'юрта'[169]	*xüšĕ* 'шалаш, хижина; конура' *üplĕ*[170] 'шалаш, навес, будка, мякинница' *laś* 'постройка производственного назначения, летняя кухня, летняя спальня'
Як.	*дьиэ* (< ТМ) 'дом-семья, культурно-бытовое учреждение', ср. *дьиэтий-* 'приручаться'	*дьиэ* (< ТМ) 'дом-здание' *балаҕан* (< бур.) 'юрта в форме усеченной пирамиды из наклонно поставленных бревен' (*küle* 'сени, передняя, притвор')	*сурт* 'жилище, стойбище', *сурда туруор* 'разбить стойбище', *сурда суох барда* 'он пропал без вести' или 'он спит мертвым сном' – букв. 'дома-нет – ушел'	*дьиэ, урaha* < монг. 'тип чума – большой конический каркас из наклонных жердей обтянут шкурами, замшей либо корой,	*отуу* 'шалаш из сена, шатер; место привала' *урaha* < монг. 'тип чума – большой конический каркас из наклонных жердей, обтянут шкурами, замшей либо корой, переносной балаган', 'летнее или временное жилье';

[167] Как видно, основные слова со значением 'большой дом' демонстрируют регулярную многозначность типа 'родина', 'семейное хозяйство' и под.
[168] По-видимому, заимствование из марийск. *pört* 'дом, изба' – см. подробно Федотов I 462.
[169] < ПТ **koś* 'кочевой лагерь, стоянка' СИГТЯ 1997, 491–492.
[170] По-видимому, < **üp-lig* < ПТ **üp* 'имущество' ЭСТЯ 1974, 634–635, т.е. букв. 'помещение для имущества'.

Языки	Дом-локус субъекта (house+home)	Дом – (стационарное) здание	«Большой» дом (дом и прилегающая территория) + локус субъекта	Дом–(переносное) здание (юрта)	Другие формы переносного жилища; временные постройки
Як.			*алаһа* 'удобный, богатый; родной, обжитой'; в приложении к *дьиэ* – 'уютное жилье; усадьба' (в поэзии) *ыал* 'дом, семья, двор, усадьба, хозяйство, житель, село', *ыалла-* 'ходить в гости'	переносной балаган', 'летнее или временное жилье'; *балаҕан суорун ~ соорун* 'дом, переносное жилье, жилище' ⇐ монг. (см. Kał. 30)	*хоспох, хос* 'пристройка или комната'
Тув.	*ӧг* 'дом, юрта; *перен.* семья', *ӧгле-* 'жениться' *аал* 'дом, семья; усадьба; селение', *аал малы* 'домашние животные'	*ӧг;* *бажын* 'здание' < бур. *Bajšan*	*чуърт* 'стойбище, стоянка, жилье, страна', *чурттa-* 'обитать, жить'; *аал* 'дом, семья; усадьба; селение', *аал малы* 'домашние животные'	*ӧг;* *алаӯ ӧг* 'конусообразная юрта'	*odag* 'охотничий стан, бивак' *алаӯ* 'чум; жердь чума' (*кош* 'караван, обоз')
Тоф.	*ӧг* 'дом, изба, юрта, чум; *перен.* семья', *ӧглеп-* 'жениться'	*ӧг* 'дом, изба, здание'	*аал* 'селение, стойбище', *аалда-* 'гостить' *чуърт* 'местность, кочевье, стойбище, стоянка; остов чума, юрты', *чурттa-* 'оставаться одному в опустевшем стойбище'	*ӧг* 'юрта, чум' *алаӯ ӧг* 'чум, тофаларская юрта'	*odag* 'охотничий стан, бивак' *алаӯ ӧг* 'чум, тофаларская юрта', *алаӯ* 'жердь чума'
Хак.	*иб* 'юрта, дом', *ибдеги* 'домашний'; *ибде* 'до́ма'	*иб* 'юрта, дом' *чурт* 'жилище, постройка, хозяйство'	*чурт* 'жилище, постройка, хозяйство' (*аал* 'селение'), *аал-ла-* 'гостить'	*иб* 'юрта, дом'	*отах* 'шалаш, бивак' *алачых иб* 'конусообразный шалаш (в таких жили когда-то хакасы)' (тип чума – *А.Д.*)
Шор.	*эм, ӱj* (конд.) *эмдеги* 'домашний'	*таш эмнер* 'каменные дома'	(*чурт* 'стойбище', *чурта-* 'жить, обитать' *аал* 'стойбище, село', *аала-* 'гостить')	(*ӱ, ugh* 'дом, юрта' Р)	*одаг* 'шалаш, балаган'; *alančyq* 'юрта из жердей, покрытая корой и иногда войлоком, шалаш' (Верб.)

Языки	Дом-локус субъекта (house+home)	Дом – (стационарное) здание	«Большой» дом (дом и прилегающая территория) + локус субъекта	Дом–(переносное) здание (юрта)	Другие формы переносного жилища; временные постройки
Тур.	*ev* 'дом, семья', *evdeki* 'домашний', *evlen-* 'жениться' *ev-bark* 'семейный очаг, семья' (*-gil* показатель ассоциатива, 'семья')	*ev* *hane* < перс. (*oda* 'комната')	*yurt* 'жилище, дом, юрта, общежитие, приют; страна, край, родина'; *yurtlan-* 'поселиться; обзавестись домом и землей' *oba* 'стоянка кочевника; семья кочевника' (*aǧyl* 'загон')	*yurt* 'жилище, дом, юрта, общежитие, приют; страна, край, родина' *oba* 'шатер, кибитка'	*alacık* 'шатер, шалаш, сторожка' *huǧ* (диал.) 'хижина из тростника' *otaǧ, otak* 'большой украшенный шатер'
Аз.	*ev* 'дом; семья; хозяйство семьи', *ev-lă-n-* 'жениться' (*-gil* показатель ассоциатива, 'семья')	*ev* (*daš ev* 'каменный дом)' (*bary* 'загородка') (*otaG* 'комната')	*jurd* 'жилье, дом (обитаемое место); родной очаг: родина' (*aǧyl* 'загон') *oba* 'отселок, хутор; кочевье; семья кочевника, живущая в кибитке'	*alačyG* 'юрта, кибитка' (*čadyr* 'палатка, шатер)'; *oba* 'кибитка, семья кочевника, живущая в кибитке'	*alačyG* 'лачуга; войлочный шатер, палатка' (*dam* 'хибарка, лачуга') диал. *čaly* 'изба сторожа, покрытая ветвями, хворостом или соломой'
Турк.	*öj* 'дом, жилище, жилье, квартира', *öjlen-* 'жениться'	*öj* 'дом' *ǰāj* 'помещение, здание, дом' [171] (*otaG* 'комната')	*jūrt* 'жилище, дом, очаг; страна, край; родина' (*āGyl* 'загон') *oba* 'село, аул' *Goš* 'полевой стан'	*öj* 'кибитка', *Gara öj* 'кибитка' *öj usta* 'мастер-изготовитель юрт'	*alaǰa* 'палатка из пестрой материи' [172] *orača* 'палатка, состоящая из верхней части юрты, ее берут с собой пастухи или охотники, или жилье бедняка' < монг.
Кум.	*üj* 'дом, жилище, хозяйство', *üj-le-n-* 'жениться'	*üj* 'дом; комната', *taš üj* 'каменный дом' (*otaw* 'богатая комната') (*baru* 'ограда, стена, забор')	*üj* 'жилище, хозяйство; усадьба' (*jurt* 'селение, село, аул', *awul* 'улица, квартал, аул')	*terme* 'юрта' < монг.	*alačyq* 'сарай для самана, сена' *qoš* 'шалаш'

[171] Заимствование из перс. *ǰāj* 'место' (отглагольное имя от **ya-* 'идти' - Horn 94).
[172] Результат контаминации с *ala* 'пестрый'.

Языки	Дом-локус субъекта (house+home)	Дом – (стационарное) здание	«Большой» дом (дом и прилегающая территория) + локус субъекта	Дом–(переносное) здание (юрта)	Другие формы переносного жилища; временные постройки
Кбалк.	*üj* 'дом, жилище, хозяйство, семья', *üj-le-n-* 'жениться'	*üj* 'дом; комната', *jer üj* 'землянка', *topraqbaš üj* 'хата с земляной крышей' (*otow* 'гостиная, комната для новобрачных')	*üj* 'дом, жилище, хозяйство, семья; усадьба' *jurt* 'дом, жилище, родное село, родина' (*awul* 'аул')	*qoš* 'юрта, летнее жилье; становище'	*qoš* 'шалаш'
Тат.	*öj* 'дом; семья', *öj-lä-n-* 'жениться' *jort* 'дом, здание, жилище'; 'домашний (о животном)'; 'культурно-бытовое учреждение'	*öj* 'дом, изба', *öjaldy* 'сени' *jort* 'дом, здание'	*jort* 'дом, жилище'; 'двор, усадьба, хозяйство'; 'культурно-бытовое учреждение' (*awyl* 'деревня, село, аул')	(*jort, kijez öj*)[173]	*čatyr* 'шатер' *alačyk* 'лачуга, хижина; летняя кухня' *quwyš* 'шалаш' (сиб.-тат. *utaw* 'шалаш')
Башк.	*öj* 'дом; семья', *öj-lä-n-* 'жениться' *jort* 'дом, жилище'; 'домашний (о животном)'; 'культурно-бытовое учреждение'	*öj* 'дом, изба', *öjaldy* 'сени' *jort* 'дом, здание'	*jort* 'дом, жилище'; 'двор, усадьба, хозяйство'; 'культурно-бытовое учреждение' (*awyl* 'деревня, село, аул')	*jort* 'юрта'	*satyr* 'шатер, палатка' *alasyq* 'лачуга' *qywyš* 'шалаш, балаган'
Ног.	*üj* 'дом, жилище', *üjdegiler* 'домочадцы' *jurt* 'дом, жилище, родной очаг'	*üj* 'дом, хата, сакля, изба, здание; комната' (*tas üj* 'каменный дом', *üj kalavšy* 'кладчик стен')	*jurt* 'дом, жилище, двор, родной очаг' (*awyl* 'деревня, село, аул')	*üj, terme üj, otaw* 'маленькая походная юрта'	*terme üj* 'кибитка, войлочный шатер' *kos* 'временная юрта, шалаш, палатка'

[173] Перевод русско-татарского словаря; в татарско-русских и толковых словарях татарского языка это значение у *jort* отсутствует.

Языки	Дом-локус субъекта (house+home)	Дом – (стационарное) здание	«Большой» дом (дом и прилегающая территория) + локус субъекта	Дом–(переносное) здание (юрта)	Другие формы переносного жилища; временные постройки
Каз.	*üj* 'дом, юрта, жилище; хозяйство, семья', *üj-le-n-* 'жениться' *otaw* 'юрта молодых, отделившаяся семья'	*üj* 'дом', *üj salu* 'строить дом' *tam* 'землянка' *žaj* 'дом, здание; место'	*qonys* 'стоянка аула с пастбищем, угодья' (*qystaw* 'зимовка, землянка') *žurt* 'стоянка аула с пастбищем, угодья; жилье' ['қоныс, мекен' по толк. словарю]; 'общественность; место стоянки, аула') (*awyl* 'аул')	*üj* 'юрта', *üj tegü* 'ставить юрту'; *kijiz üj* 'юрта'; *otaw* 'юрта молодых, отделившаяся семья'	*šatyr* 'шатер, палатка' *qos* 'маленькая походная временная юрта' *lašyq* 'лачуга'
Ккалп.	*üj* 'дом, юрта, жилище; хозяйство, семья', *üj-le-n-* 'жениться'	*tam* 'изба, дом' *žaj* 'дом, здание; место'	*qonys* 'стоянка, обжитое место, родина' (*qyslaw* 'зимнее стойбище, зимнее жилище') (*žurt* 'народ, родина; место, покинутое кочевниками') (*awyl* 'деревня, село, аул')	*üj* 'юрта, жилище'; *qara üj* 'юрта' *otaw* 'богато убранная юрта'	*šatyr* 'шатер, палатка' *qos* 'временная юрта, шалаш, палатка' *ylašyq* 'лачуга, шалаш, временная постройка из камыша'
Кирг.	*üj* 'дом, юрта, жилище; хозяйство, семья', *üj-le-n-* 'жениться'; *üjdün ašy üjgö sonun* 'в чужой юрте пища хороша', *üjdün körkü ajalda* 'красота юрты – в жене'	*tam üj, ysyk üj* 'глинобитное или кирпичное постоянное жилище'	*tam-taš* 'дом со всякими постройками' *oolu* 'дом с надворными постройками' (*žurt* 'народ, родня; родина; пепелище аула, оставленное стойбище'; южн. – 'селение') (*agyl* 'скотный двор' – южн.)	*üj* 'юрта, жилище' *koš* 'временная походная легкая юрта; кочевой лагерь' *otoo* 'маленькая походная юрта, которую берут на летовку; юрта для новобрачных'; *otoo-lo-* 'женить'	*alačyk* 'маленькая юрта, лачуга, шалаш', *sajma alačyk* 'род чума – поставленный в виде конуса деревянный остов, обтянутый войлоком'; ср.: *kan üjünün tardygy, kara alačygymdyn kendigi* 'теснота ханской юрты – простор моей черной лачуги' (экв. *в тесноте, да не в обиде*) *čatyr* 'палатка'

Языки	Дом-локус субъекта (house+home)	Дом – (стационарное) здание	«Большой» дом (дом и прилегающая территория) + локус субъекта	Дом–(переносное) здание (юрта)	Другие формы переносного жилища; временные постройки
Галт.	*üj* 'дом, юрта, жилище'; *üj kiši* 'жена, женщина' (букв. 'домашний человек'); *üjlü* 'женатый, семейный' *ajyl* (< монг.) 'дом, семья', *ajyl-d'urt* 'семейный очаг', *ajylda-* 'ходить в гости'	*ajyl* (< монг.) 'дом', *kaǯan ajyl* 'деревянная рубленая юрта' *tura* 'дом, изба'	*d'urt* 'местожительство, место поселения; селение; страна' (*tura* 'город')	*üj* 'дом, юрта, жилище' *аланчык* 'круглая войлочная юрта'; Р – 'юрта из коры'	*oduu* 'шалаш из березок, куда жених привозил невесту после умыкания; стан, становище, шалаш'
Узб.	*uj* 'дом, жилище; семья, семейство; хозяйство'; *ujli* 'женатый, замужняя'	*uj* 'дом, квартира; комната', *yištin uj* 'кирпичный дом'	*uj* 'дом, жилище; хозяйство, дом с надворными постройками' (*oyyl* 'хлев', *ovul* 'селение') (*jurt* 'край, страна, родина, народ')	*qara uj, oṭow* 'войлочная юрта, кочевая кибитка'	*käpä, olačiq* 'полусферический шалаш из гнутых жердей, лачуга' (*qoš* 'лагерь')
Уйг.	*öj* 'дом; семья', *öj-vaq* 'домашнее имущество; семья, домочадцы', *öj-lä-n-* 'жениться', *öj hajvan* 'домашнее животное'; *öj-otaq bol-* 'обзавестись семьей'	*öj* 'дом, изба', *jaγač öj* 'деревянный дом'	*öj-ǯaj* 'дом и надворные постройки' (*ǯu(r)t* 'место поселения', 'родина; публика')	*qara öj* 'юрта'	*otaq* 'охотничье пристанище; компаньонство' *käpä öj, katäk* 'хижина, шалаш'

Таблица 23

Результирующая семасиологическая таблица

Языки	**eb*	**gül*	**jurt*	**agyl*
Др.-тюрк.	все значения	—	большой дом преимущественно переносной	загон
Чув.	(*внутренний дом)	внутренний дом, большой дом (переносных нет)	стационарное здание, стационарный большой дом	—
Як.	—	несамостоятельное стационарное здание	большой дом кочевника	внутренний дом, большой дом
Тув.	стационарное и нестационарное здание, стационарный и нестационарный внутренний дом	—	большой дом кочевника	внутренний дом, большой дом
Тоф.	стационарное и нестационарное здание, стационарный и нестационарный внутренний дом	—	большой дом кочевника	стационарный большой дом, большой дом кочевника
Хак.	нестационарное здание, стационарный и нестационарный внутреннний дом	—	стационарное здание, стационарный и нестационарный большой дом	*большой дом
Шор.	стационарное и нестационарное здание, стационарный и нестационарный внутренний дом	—	большой дом кочевника	*большой дом кочевника
Тур.	стационарное здание, стационарный внутреннний дом	*внутренний дом	большой дом	загон
Аз.	стационарное здание, стационарный внутренний дом	*внутренний дом	большой дом	загон
Турк.	стационарное и нестационарное здание, стационарный и нестационарный внутренний дом	—	*большой дом	загон
Кум.	стационарное здание, стационарный внутренний дом	—	*большой дом	*большой дом

Языки	*eb	*gül	*jurt	*agyl
Кбалк.	стационарное здание, стационарный внутренний дом, стационарный большой дом	—	большой дом	*большой дом
Тат.	стационарное и нестационарное здание, стационарный внутренний дом	—	стационарное здание, стационарный внутренний дом, стационарный большой дом	*большой дом
Башк.	стационарное здание, стационарный внутренний дом	—	стационарное и нестационарное здание, стационарный внутренний дом, стационарный большой дом	*большой дом
Ног.	стационарное и нестационарное здание, стационарный внутренний дом	—	стационарный внутренний дом, стационарный большой дом	*большой дом
Каз.	стационарное и нестационарное здание, стационарный и нестационарный внутренний дом	—	большой дом кочевника	*большой дом
Ккалп.	нестационарное здание, нестационарный внутренний дом	—	*большой дом кочевника	*большой дом
Кирг.	стационарное и нестационарное здание, нестационарный внутренний дом	—	*большой дом кочевника	стационарный большой дом
Галт.	нестационарное здание, нестационарный внутренний дом	—	большой дом	*большой дом
Узб.	стационарное и нестационарное здание, стационарный внутренний дом	—	*большой дом	загон
Уйг.	стационарное и нестационарное здание, стационарный внутренний дом, стационарный большой дом	—	*большой дом	загон

Должно быть, при переходе к оседлому образу жизни сохраняется лишь функциональное слово для стационарного жилища. В прочих языках, наоборот, по-видимому, слово **gül* вытесняется на периферию лексико-семантической микросистемы, а **eb*, опять же в связи с изменениями в образе жизни этноса-носителя, остается главным функциональным словом, применяющимся, в первую очередь, к переносному жилищу (юрте?). В якутском произошло вытеснение функционального названия дома тунгусо-маньчжурским заимствованием; основной тип переносного жилища имеет монгольское по происхождению название и является не типом юрты, а типом чума; название строения, использующегося как основной тип стационарного жилища, – также монголизм. Заимствование функционального слова говорит о значительной культурной перестройке у этноса-носителя; мы бы связали это с переходом к технологии строительства стационарного жилища (в плане обычно четырехугольного) из вертикальных наклонных бревен или плах (половинок бревен), которое теперь находим у якутов. Технология эта, по-видимому, исходно является для этого региона тунгусо-маньчжурской (ср., с одной стороны, стационарное жилище эвенков – так называемый корьевой чум[174], с другой – стационарное жилище-полуземлянку родственников чжурчженей – черноречных мукрийцев[175]). Вообще же сходная технология для каркасов землянок широко распространена в Сибири – у кетов, селькупов, обских угров[176]. Ср. «круглые» стационарные жилища из горизонтально лежащих бревен в гуннский период на Саяно-Алтае – см. ниже.

В древнетюркском явно «основное» жилище осознается как переносное, для обозначения стационарной постройки, а также ее содержимого употребляется отглагольное имя с буквальным значением «постройка» **bạrk*, в основном в составе композита с «функциональным» словом. Это название постройки сохраняется, опять же исключительно в составе композита, в общетюркских группах, рано оказавшихся в регионах с преимущественно городским типом заселения – карлукской (узбеки, уйгуры) и западноогузской (турки, азербайджанцы). Ушедший за пределы лексико-семантической микросистемы рефлекс этого же слова можно видеть в як. *byrt* 'имущество, жизнеобеспечение'; уход его вполне естествен в связи с предположенной выше перестройкой.

В дальнейшем рефлексы слова **eb* продолжают оставаться во всех «общетюркских» языках функциональным названием дома, принимая семантику переносного или стационарного жилища при немаркированном употреблении в зависимости от образа жизни соответствующих этносов-носителей (у народов преимущественно кочевых это главным образом переносное жилище-юрта, у преимущественно оседлых – стационарный дом локальной формы), в качестве названия маркированно стационарного здания исполь-

[174] См. *Василевич Г.М.* Эвенки. Л., 1969. С. 112–114.
[175] См. *Шавкунов Э.В.* Культура чжурчженей-удиго XII–XIII вв. М., 1990. С. 73.
[176] См. *Алексеенко Е.А.* Кеты. Л., 1967. С. 91–99.

зуется либо старое обозначение стены стационарного жилища (**dām*), либо название территории проживания (**jūrt*), либо, наконец, общетюркское (но, возможно, заимствованное) название укрепления, укрытия (**dura*).

Два слова, одно пратюркское, другое общетюркское, могут выражать специфическое значение 'большой дом'. Разброс их по языкам показывает, что следует именно **jūrt* считать старым словом для обозначения территории, прилегающей к жилищу; кочевому или оседлому – в зависимости от «основного» вида жилища для носителей каждого языка[177]. Что касается общетюрк. **āgyl*, то распределение значений тюркских рефлексов по ареалам таково: сев.-вост. и сев.-зап. – 'селение', в сев.-вост. также 'дом, семья', кирг. 'дом с надворными постройками', юго-вост. и юго-зап. – 'загон, скотный двор' (дублетные формы в юго-вост. со значением 'селение' по фонетике – кыпч. заимствования). Следует отметить, что значение поселения не отмечено как раз для районов с древним городским типом поселений. Древнейшие фиксации – также 'загон'[178]. Внешняя этимология – ПАлт. **p'ago* 'загородка, вместилище' (ЭСАЯ). Можно предположить развитие семантики 'загон' > 'надворная постройка' > 'дом с надворными постройками' = 'дом и окружающее пространство' > 'дом и соседние дома'. По-видимому, из каких-то ранних кыпчакских языков заимствовано монг. *ajil* 'несколько соседних юрт, поселение, семья'.

Из наименований для жилищ, которые редко попадают по языкам в функциональные названия дома, сравнительно легко выясняется значение **dura* (первоначально 'укрытие, укрепление вообще', ср. выше[179]) и **ōra*. Последнее слово впервые фиксируется у МК как огузское слово со значением 'род, племя' (см. подробно СИГТЯ 1997, 493–494) и имеет внешнюю этимологию, связывающую его с монг. **obug* 'род, семья'. По-видимому, значение 'юрта' (в первую очередь 'юрта, где живет семья кочевников') является для **ōra* результатом метонимического переноса.

Итак, для пратюркского явно восстанавливается два типа основного жилища – стационарное (зимнее) **gül* и переносное (летнее) **eb* (оно же общее наименование дома), не считая временных построек (**ōtag* 'шатер, палатка', **alačug* 'чум, постройка из жердей и какой-либо покрышки'[180], **koš* 'шалаш', букв. 'плетенка'), что согласуется с представлением о пра-

---

[177] То, что «сужение» значения слова **jūrt* дает практически всегда значение «стационарное здание», здесь, скорее всего, несущественно. Перенос здесь, по-видимому, происходит через значение 'место' > 'фиксированное место', ср. аналогичное развитие у перс. заимствования *ǯāj*. Ср. Ахметьянов ЛМК 132.

[178] *Ayylym on jylqym şanşyz erti* 'загонов у меня было десять, табунов без счета' Тон.; *Ayylyngta jylqyng bolzun* 'Да будет у тебя скот в загоне' Ырк Битиг; *Ayylda oylaq toysa aryqda ot önär* 'когда в загоне родятся ягнята, около арыков появляется трава' МК.

[179] Ср. также тур.диал. *dura* 'козырек над дверью', туркм. *dura* 'яма для укрытия, засада для охоты на дичь'.

[180] *Для общетюркского состояния, исключая якутский, этим двум типам построек явно атрибуирована также оценочная коннотация: *otag воспринимается как «хорошее» (богатое) жилье, *alaču – как «плохое» (бедное).*

тюрках как отгонных скотоводах и с археологическими данными практически по всему югу Восточной Сибири. Представлено стационарное жилище – каркасное деревянное (на столбах, с заполнением пространства бревнами), иногда полуземлянка, временное – каркасное, с каркасом из дерева, покрышкой из шкур или войлока ('войлок, кошма' – пратюрк. **kęče* или общетюрк. **kidiŕ* – СИГТЯ 1997, 392, оба слова восходят к праалтайским названиям шкуры, покрышки – ЭСАЯ) или (в лесных районах) из лиственничной коры. Тот факт, что бревенчатая стена стационарного жилища не является, тем не менее, несущей, возможно, нашел свое языковое отражение в следующем явлении. Восстанавливается общетюркская отдельная лексема для обозначения стены стационарного жилища (**tăm*) в отличие от решетчатой съемной стены каркасного переносного жилища (общетюрк. **kanat*). Но это слово (**tăm*) чрезвычайно часто приобретает также значение 'крыша'. Ср. обычную производность названия крыши от глаголов со значением 'покрывать' (см., например, *Stachovski M.* Einige Namen für «Dach» in den Türksprachen // Folia orientalia. 1994. № 30). Таким образом, эта «стена» осознается в некотором роде «покрышкой», а не «опорой».

Стационарное жилище по форме, как и переносное, – примерно круглое (находят 6-, 8-, 12-угольные столбовые и рубленые постройки, такие же распространены и теперь у сибирских тюрок)[181]. Ср. отсутствие специфического обозначение угла дома как несущественного при такой архитектуре; ср. **buluŋ* 'внутренний угол' ЭСТЯ 1978, 262, где из пространственных конкретизаций присутствуют ландшафтные значения 'обособленно стоящая часть леса, реки, озера, отдельно стоящий пригорок, мыс, долина, суша, прилегающая к острову', но никогда 'часть дома'. Внешний угол – одно из названий – **seŋir*, кроме ландшафтных значений (выступ горы, мыс) имеет значение *'выступ стены (городской)'* – МК, *др.-уйг. (пример:* «прячась за выступами стен, воровал детей на улицах»). Единственный случай перехода в 'угол дома' – у слова **bučkak* 'внешний угол' ЭСТЯ 1978, 282–283, в огузских языках – в связи с исчезновением **buluŋ* – и внешний, и внутренний угол, но там он не приобретает значения 'часть дома'. В Поволжье также рефлекс этого слова получает значение и внешнего, и внутреннего угла и, кроме того (чув. *pĕšmĕx*, тат. *počmak*), начинает употребляться в значении 'часть дома, часть комнаты, кухня'. Это – явное влияние соседних языков, русского и волжских финно-угорских, вместе с их реалиями, ср. коми *serög* 'угол, задняя часть дома' из общепермского **sereg* 'угол, часть, отсек, отделение' (КЭСК 272).

---

[181] По устному сообщению И.Л.Кызласова, на территории Саяно-Алтая многоугольные и круглые столбовые и срубные постройки фиксируются с III в. до н.э., т.е. связаны с гуннской эпохой. Собственно юрты археологически хорошо фиксируются с VIII в. н.э., но эта дата может быть занижена из-за общего небольшого количества раскопок поселений. О стационарных многоугольных постройках см. подробнее: *Кызласов Л.Р.* История Тувы в средние века. М., 1969.

Восстанавливаются пратюркские наименование деревянной двери/дверей стационарного жилища (**kapug*)[182], порога (**erge*) и дверного косяка при ней (**jaŋak*), в отличие от дверного занавеса, закрывающего вход в переносное жилище (пратюрк. **ĕl̂ik*).

Для общетюркского восстанавливается также название небольшого окна **közenek* (производное от **köz-en-* 'быть видным', см. ЭСТЯ 1980, 62: общетюркское значение именно 'окно', вопреки СИГТЯ 1997, 506; значение 'глазок в решетке юрты' отсутствует, в туркм. и чаг. значение 'откидная решетка в задней части юрты', т.е. также род окна).

В стационарном жилье имелась печь продолговатой формы со сводом и небольшой трубой, при наличии дымового отверстия (пратюрк. **tüŋlük*) в центре крыши. Для такой печи восстанавливается особое наименование (пратюрк. **kämeke*[183]), в отличие от общего наименования для очага (пратюрк. **ōčak*).

Для общетюркского восстанавливается подробная терминология деталей каркасного жилища: **keregü* 'низ деревянного остова юрты, ее решетчатые стены', **kānat* 'отдельное звено решетки юрты', **uyuk* 'дугообразные жерди, образующие каркас крыши юрты', **tuyurluq* 'покрышка юрты'. У этих слов отсутствуют чувашские (кроме, возможно, чув. *śonat* 'застреха') и якутские параллели, хотя имеются внешние (алтайские) параллели, также относящиеся к терминологии частей жилища. Можно полагать, что в отрезок времени, совпадающий с «пратюркским» периодом, технология юрты в ее нынешнем (и общетюркском) виде еще не была известна этносу – носителю пратюркского языка и их переносное жилище представляло собой род чума.

Какого-либо внутреннего членения пространства жилища на комнаты горизонтального типа не восстанавливается. Одно из наименований временного жилища, **ōtag*, приобретает значение 'комната' явно вторичным образом, у огузов и западных кыпчаков. Но, по-видимому, можно восстанавливать пратюркское слово для вертикального членения пространства внутри помещения: **kat* 'ярус, этаж, слой' ЭСТЯ 1997, 335, значение 'этаж' имеется во всех группах тюркских языков, слово зафиксировано с др.-уйг., где имеется семантика «ярус неба» (при описании устройства Вселенной, *on qat kök* 'десятиярусное небо') и «этаж дома» (*qatyna tegi qalmaduq* '(большой дом был сожжен так, что) до (нижнего) этажа ничего не осталось' Yrq Bitig, EDT 593). К какому типу строения могло относиться это членение? Во всяком случае, среди «круглых» срубных построек, обнаруживаемых на территории Саяно-Алтая, встречались сооружения башенного типа, видимо слу-

[182] Деревянные двустворчатые двери с дверной рамой (соответственно, косяком) применяются и в юртах, ср. устройство туркменской юрты, но это – весьма позднее явление. Для туркменской юрты это нововведение датируется началом XX в., до того вход закрывали зимой войлочной, летом камышовой занавесью (см.: *Васильева Г.П.* Переносное жилище туркмен // Приаралье в древности и средневековье. М., 1998. С. 279).

[183] Ср. набор значений в Ахметьянов ЛМК 137.

жившие укреплениями[184], которые, возможно, обозначались в какой-то момент как **tura*.

Однако горизонтально пространство жилища или главной комнаты очень четко делится по статусу: почетное место – наиболее удаленное от входа (за очагом?), общетюрк. **tör*, (позднее в части языков заменяется на рефлексы **düp* 'дно, глубина') и противоположное ему, наиболее «низкое» – у входа, др.-тюрк. *el* (позднее заменяется на различные наименования порога или нижней решетки юрты). Ориентир, естественно, не «углы», а положение относительно входа и очага.

Из деталей обстановки внутри жилища восстанавливается пратюркское название для возвышения, предназначенного для сидения или лежания, **sekü* (конкретный облик, естественно, не восстанавливается, но, судя по рефлексам в языках и древнейшим встречаемостям, это могла быть земляная платформа, идущая по периметру, какие находят в сибирских полуземлянках; ср. внешнюю этимологию: ПАлт. **sík'e* 'деталь порога, входа в дом': Тунг.-маньчж. *siK- 'брус (под порогом, в котором вращается дверная пятка)': маньчж. *sixin, sixaqu* (ССТМЯ II, 80–81), Яп. **sikími* 'порог' (JLTT 523). Другая такая деталь – общетюрк. **serü* 'полка в доме' (внешняя этимология: ПАлт **seri* 'настил, подставка': Тунг.-маньчж. **seri* 'настил (из досок)' (ССТМЯ II, 145), Монг. **sireye* 'стол ' (KWb 359), Кор. **sir'ə́i* 'подставка, этажерка, полка' (KED 1036), Яп. **si(n)tí* 'вид столика, подставки' (JLTT 528)). Восстанавливается также общетюрк. название сундука как хранилища: **ükek* (внешняя этимология: ПАлт. **ibk' V* 'вид сосуда': Тунг.-маньчж. **ibkē-n* 'черпак, маленькая лодка, ящик' (ССТМЯ I, 295; II, 250, 251, 252), Монг. **(h)ükeg* 'корыто, ящик для посуды' (KWb 456), Яп. **ukupa* 'черпак, сосуд') и, возможно, общетюрк. название столика-подноса **terki* (внешняя этимология: ПАлт. **t'jor(g)e* 'брус, опора', Тунг.-маньчж. **turga-* 'подпорка, подставка' (ССТМЯ II, 218, 220), Монг. **terki-* 'платформа', Кор. **tori* 'поперечная балка', Яп. **turí-(n)kəi* 'потолочная балка').

Как мы уже выяснили, восстанавливается пратюркское наименование территории, прилегающей к жилищу **jürt*, и, по-видимому, общетюркское название загона (для скота) **agyl*. Другое общетюркское слово, **aran*, в одних языках значит 'хлев, загон', в других 'кладовая, лабаз'; если учитывать внешнюю этимологию (ПАлт. **p'ara* 'балка, строительный элемент': Тунг.-маньчж. **para(n)* 'площадка для чума, пол, насест решетчатый' (ССТМЯ II, 299, 317), Монг. **(h)aran-ga* 'балкон, веранда, платформа, сарай' (KWb 14), Яп. **pari* 'балка' (JLTT 399)), это, скорее, первоначально 'хранилище в виде лабаза'.

Любопытно, что в пра- и общетюркской лексике практически отсутствуют мотивы антропоморфного представления о жилище (при обилии свидетельств антропоморфных представлений о ландшафте и обилии же переносов названий с частей тела на детали артефактов, см. СИГТЯ 1997, 190–

[184] *Кызласов Л.Р.* История Тувы в средние века. М., 1969.

289). Единственный тюркский регион, дающий эти мотивы, – Поволжье[185], ср. башк., чув. *kaš* 'бровь, карниз, наличник', тат.диал. *kerpek* 'ресницы, навес над карнизом'. Сюда же можно отнести вторичное совпадение тат., башк., чув. *jangak* 'челюсть, косяк'[186]. Отметим, что все части тела, задействованные здесь, – это детали лица. Интересно проверить, не является ли появление такой метафоризации следствием контактов с волжскими финно-уграми.

Что касается названий типов поселений в тюркских языках, то их набор явно подвергся сильным изменениям за исторический период. По-видимому, можно восстанавливать общетюркское слово со значением 'город', т.е., по-видимому, 'укрепленное поселение', – **balyk*. Географически слово весьма локально – оно представлено в орхонских и древнеуйгурских памятниках, в словаре Махмуда Кашгарского и в современном сарыг-югурском языке, причем в последнем – со значением 'глинобитная стена' (см. СИГТЯ 1997, 485), но имеет надежную алтайскую и даже ностратическую этимологию: (см. Pop.VGAS 122; Räs.VEWT 60b; ЭСАЯ). ПАлт. **pialVgV* 'укрепленное поселение': ПТюрк. **bialyk* 'укрепленное поселение'; Пмонг. **balaga-sun* 'город, крепость'; ПТМ **palVga* 'группа домов' < ПНостр. **p'alGa* 'укрепленное поселение' ОСНЯ 3, 89–92. По-видимому, это слово было на основной тюркской территории довольно рано вытеснено старым иранским заимствованием *känd* (с др.-уйг., из согд.) примерно с тем же значением – см. СИГТЯ 1997, 485.

Еще одно название поселения также зафиксировано почти только в древних тюркских языках: **uluš* (СИГТЯ 1997, 494). Оно встречено в составе топонима в Тон., активно употреблялось в древнеуйгурском в качестве перевода санскр. *deça* 'страна'; в караханидском отмечено у МК со значением 'селение' в чигиль, со значением 'страна' в регионе Баласагуна, активно употребляется в Кутадгу Билиг в значении 'городское поселение'. Затем, по-видимому, оно было заимствовано в монгольский и из имперского монгольского – обратно в тюркские в значении удела, административной единицы. В современных языках – только рефлексы этого заимствования; возможно, рефлекс древнего слова – кар. *uluš* 'долина'. Слово также имеет внешнюю этимологию – ПАлт. **p'ulu* 'имущество, имение': ПКор.**puryr* 'владения, состояние'.

Значение кочевого поселения у рефлексов **agyl* явно возникает поздно (см. выше).

---

[185] Общетюркское производное *közenek* 'окно' («гляделка»), будучи отглагольным, не противоречит этому утверждению. То же относится к общетюркскому переносу по смежности *tapan* 'ступня' > 'ступенька'. По-видимому, контактное (иранское?) происхождение имеют следующие случаи: МК *ejegü* 'ребро; ребра, на которые натягивается палатка', кирг. *engse* 'сила, верхняя перекладина дверного косяка', турк. *энси* 'ковровый дверной занавес' (при старом значении 'загривок').

[186] **jaŋak* 'дверной косяк' часто считают метафорой по детали лица, но это, по-видимому, отдельное слово, вторично сблизившееся с ПТ **jaŋak* 'челюсть, подбородок', но имеющее другие внешние параллели (см. ЭСАЯ).

Возможно, на пратюркский статус может претендовать производное **kyš-lag* с буквальным значением 'зимнее поселение' (см. ЭСТЯ 1989, 254 и указанную там литературу): ср. в сообщении Гардизи о хазарах название зимнего «города» хазар *Хылыг*, что может соответствовать булгарскому **xyl-lyg*, ср. совр. чув. *хĕл* 'зима'.

Что касается структуры поселения, этнографы различают поселения, где дома ориентированы вдоль улицы (двусторонней или односторонней), и поселения, где дома ориентированы вокруг центральной площади (круглой или квадратной). Лексический материал тюркских языков в отношении возможности восстановления пратюркских слов со значением 'площадь' и 'улица', к сожалению, не дает достаточного материала. Площадь в большинстве языков называется персидским заимствованием (< перс. *majdan*: тур., аз., туркм., тат., башк., кум., ккалп., каз., ног., узб., нуйг.); кроме того, употребляются различные слова, обозначающие этимологически лужайку, открытое пространство (аз. *ачыглыг*, каз. *alaŋ*, тув. *šöl* < **čöl*). Выделяется также несколько ареальных названий улицы: *sokak* тур., гаг., аз., кар. (крым.), которое, как показал К.Менгес (Meng. UAJ 33, 1–2, 111), является результатом контаминации производного от корня **sok-* 'бить, в частности пробивать тропу', тат. *suqmaq* 'тропа, дорожка' и под., и араб. *zuqa:q* 'улица' (см. также ЭСТЯ 2003, 292); **göče* > аз. *göčä*, туркм. *köče*, каз., ккалп. *köše*, узб. *koča*, нуйг. *köčä*, ср. также зафиксированное уже у Махмуда Кашгарского название уйгурского (ранее тохарского) города в Восточном Туркестане *küče*, может быть, того же происхождения (?) – производное от **göč-* 'кочевать, переселяться, двигаться' ЭСТЯ 1989, 88. В древнеуйгурском как наименование улицы встречено китайское заимствование *kaj* – см. EDT 674. Наиболее старое и распространенное название – **oram*: ср.-уйг. *oram* 'улица' (Юг.: *χarabat oramy bolup abadan* 'улица, на которой стоял кабак, стала людной', цит. по ДТС 370; Tfs 'селение' – Бор. ЛТ 330), чаг. *oram* 'улица, слобода', хорезм. *oram* Qutb; Мухабб. 167 'улица', тур. диал *uram* 'улица', уз. хор. *oram* 'улица', кар., кум., кбалк. *oram* 'улица', тат., башк. *uram* 'улица', башк.диал. 'двор' (тат. > чув. *uram* 'улица'), ног. *oram* 'улица', шор. *oram* 'улица'. См. ЭСТЯ 1974, 601. Этимология слова вызывает затруднения. Ср. монг. **oram* 'след' (со ср.-монг. SH *orom* 'рана, след' Haenisch 126, *horum, horim* 'тропа, обходной путь' 77), халха *orom* 'след, отпечаток; тропа' и т.д. Монг. слово имеет алтайскую этимологию (кор. **poram* 'знак', ТМ **por-da-* 'делать тиснение'; тюрк. **oruk* 'тропа, путь': орхон. *bir at oruqy ermiš* 'есть проход для одной лошади', др.-уйг. (будд.) *köni jol oruq* 'истинный путь', крх. (Tfs) *oruq* 'путь' (метафорическое); галт. *oryq* 'тропа', хак. *orax* (саг.), *oryax*, шор. *oraq* 'тропа, протоптанная дикими животными', тув. *oruq* 'дорога, путь', тоф. *oruq* 'дорога, тропа, путь' (Рас.ФиЛ 212), як. *orox* 'тропинка диких зверей'). Специфическое значение и распространение тюркского слова заставляет предполагать ирадиацию слова из средневековых литературных тюркских языков (в шор-

ский – из сиб.-тат.?), а в эти средневековые языки относительно позднего периода – путем заимствования из имперского монгольского (административного – «квартал» и под.; несвойственность городских поселений для средневековых монголов могла обусловить такую адаптацию значения). Предполагаемое Р.Г.Ахметьяновым для общетюркского значение 'круговое расположение жилищ с площадью посредине' (Ахмет.ОЛМК 143) опирается скорее на культурно-исторические, чем на семантические соображения, семантических оснований для такой реконструкции нет, слово, несомненно, не связано ни с **or-* 'копать' (ожидалось бы *orum*), ни с **ora-* 'обматывать, завязывать' (но не 'окружать круговым рвом', вопреки Ахметьянову), см. ЭСТЯ I 469. Значения типа 'приусадебный участок' выводятся из административного значения. Кирг. южн. *oroom* 'приусадебный участок; ограда', галт. *oroom* 'улица', по-видимому, результат поздней адаптации заимствования (ср. странную вторичную долготу второго слога).

Таким образом, установить структуру пратюркского поселения, исходя из языковых данных, не удается. О самих типах поселения см. также предыдущий раздел.

МАТЕРИАЛЬНЫЙ БЫТ. ОДЕЖДА[187]

ОДЕЖДА

«ОДЕЖДА» – общее название

Древние тюрки представляли то, что по-русски можно назвать одеждой, как предмет, надеваемый, набрасываемый на все тело. Слова, обозначающие одежду вообще, покрывали значения всех предметов, надеваемых на человека, в том числе и головных уборов и обуви, названия которых образуются от названия одежды прибавлением названий частей тела: *baš kijim* 'головной убор', *ajaq kijim* 'обувь'. Общее название одежды является производным от глагола, т.е. глагол выступает как первичная основа, а имя вторично. В древнетюркских языках существуют несколько общих названий одежды, образованных от глагола *keδ-* 'надевать, набрасывать(одежду)' посредством синонимичных аффиксов *-gü, -im, -ük.*

1. Приводимые в ЭСТЯ 1980, 13–14, производные имена от глагола *keδ-* зафиксированы в древних языках: др.-уйг., крх.-уйг. *kedgü* 'одежда, одевание' (ДТС 293 – TT VI, QBH), крх.-уйг., ср.-уйг. *kedim* 'одежда, одеяние' (ДТС 293 – QBH, Юг.), крх.-уйг. *kedük* 'накидка из войлока' (ДТС 293 – МК), *keδgü* 'одежда, одеяние' (ДТС 294 – МК, QBN), *keδim* 'одежда, одеяние' (ДТС 294 – QBN), *keδük* 'накидка из шерсти' (ДТС 294 – МК), *kejük* 'плащ, накидка из войлока' (ДТС 295 – МК), ср.-уйг. *kejim* 'одежда' (ДТС 295 – Юг.).

2. В древних языках имеется также отглагольное имя с афф. *-t* со значением объекта (см. Сев. АИ 282): крх.-уйг. *keδüt* 'одежда, преподносимая в качестве приданого или дара' (ДТС 294 – МК, QBN), ср.-кыпч. *kejit* 'одежда' (KW 136), кар.Г.,Т. *kijit* 'одежда, [верхнее] платье'. Это значение первичное.

В ряде кыпчакских языков слово *kijit* впоследствии приобрело вторичное – узко специальное – значение: ног. *kijit* 'дары невесты родственникам жениха', каз. *kijit* 'подарок от родителей невесты', 'подарок сватам в виде одежды' (ҚТТС 5, 47), а также 'одежда усопшего, раздаваемая людям'; кирг. *kijit* 'подарок одеждой', 'подарок от родственников жениха родственникам невесты после помолвки'; тат.диал. *kijät* 'одежда, преподносимая невесте в качестве подарка от родственников жениха' (ДСТ 244).

3. Словом, как выражающим конкретную верхнюю одежду, так и являющимся общим названием одежды, но не имеющим отношения к глаголу **keδ-*, является **tōn*, широко употребительное как в древних, так и современных языках: др.-уйг. *tōn* (ДТС 574 – Uig.), *ton* (ДТС 574 – Uig.), *tom* (Gab. II 372 брахми); крх.-уйг. *ton* (ДТС 574 – МК); ср.-уйг. *ton* (Бор. ЛТ 309, IbnM.

[187] В основе данного очерка лежит раздел «Одежда, обувь, головные уборы» тома «Лексика» (СИГТЯ 1997, 472–485, автор – Л.С.Левитская).

74), ср.-кыпч. *ton* (KW 249, AbūH 105, At-Tuhfa 261, Houts. 86), арм.-кыпч. *ton* (Грун. 407), ср.-огуз. *ton* (Мел. АФ 087); хрзм.-т. *ton* (Qutb 182), чаг. *ton* (МА 111, Бор. Бад. 159); ст.-осм. *don* (TS 1211–1213), *ton*; тур., гаг., аз. *don*, хал. *tü̊n* (Doerf.-Tez. 208), турк. *dōn*, сал. *ton* (Kak.Voc. 192); ктат. *ton*, кар. *ton*, кар.К. *don*, кбалк., кум. *ton*, тат. *tun*, тат.диал. *tun* (ДСТ 426, Тум.СДСТ 218), башк. *tun*, ног., ккалп., каз., кирг., алт. *ton*, алт.диал. *tun* (Баск.Кум. 287); узб. *ton*, уйг. *ton*, уйг.диал. *tōn* (Le Coq 88), *ton* (Мал.УНС 160, Jarr. 311), Лобн. *ton*; сюг. *ton, tun*, хак. *ton*, шор. *ton* (P III 1176), чул. *ton* (P III 1176); тув. *ton*, тоф. *ḍon* (Рас. 174); чув. *tum*.

Во многих источниках слово имеет общее значение 'одежда' – др.-уйг., крх.-уйг., ср.-уйг., ср.-кыпч., ср.-огуз., ст.-осм.; тур., кар., алт.диал. (Баск. Кум.), уйг., уйг.диал. (Мал.УНС, Jarr.), чув.; или 'верхняя одежда' – арм.-кыпч. (Грун.), тат.диал. (Тум.СДСТ), кирг. (гл. обр. мужская), уйг. диал. (Jarr., Le Coq), сюг., тоф.; '[верхнее] платье' – др.-уйг., ср.-уйг., ср.-кыпч., ср.-огуз., тур., аз., уйг., уйг.диал. (Jarr.), Лобн. В казахской поговорке *Oramal ton bolmajdy, žol bolady* 'Платок – не одежда, а доброе пожелание (о подарке)' *ton* выражает общее значение одежды, хотя в современном языке его основное значение – 'шуба' (длинная меховая верхняя одежда).

Помимо общего значения, слово *ton* имеет и немало конкретных значений.

Во многих языках *ton* – это шуба и тулуп, изготавливаемые из овчины обязательно мехом внутрь: ср.-уйг. (Бор. ЛТ), чаг. (МА), тур., кар., кум., кум.диал. (Кер., Шах.), тат., тат.диал. (ДСТ), башк., ног., ккалп., каз., кирг., алт., алт.диал. (Баск.Кум.), Лобн., тув., тоф. В некоторых языках это – 'тулуп' – кар., ног., ккалп., кирг., алт., хотя значения 'тулуп' и 'шуба' в тюркских языках не всегда дифференцированы. Вполне возможно, что первичным значением слова было именно 'одежда из шкуры', затем название было перенесено и на одежду из других материалов.

Значение 'длинная верхняя одежда' в ряде языков дало возможность перенести это слово и на другие виды верхней одежды, возникшие позже и изготавливаемые из немеховых материалов: халат, кафтан, пальто, плащ.

Сказанным не ограничиваются возможности наименования словом *ton* конкретных видов одежды, у него возникли также значения: 'штаны', 'брюки', 'кальсоны'. Такое значение первоначально, по-видимому, выражалось словосочетанием *ič ton* 'внутренняя одежда', из которого впоследствии первый компонент выпал.

Подробнее о других значениях *ton* см. ЭСТЯ 1980, 263; СИГТЯ 1997/2001, 473–474.

Этимология слова пока неясна, подробно см. ЭСТЯ, где сделана попытка выделить глагольную основу *ton-*.

От *ton* образовано много слов как синтетическим, так и аналитическим способом. Каз. глагол *tona-* имеет значение 'грабить', в некоторых языках есть глагол **tōna-* 'одеваться', от подобного глагола образовано имя на *-q* – тур.диал. *donak* 'женское платье' и т.д. (DS IV 1558). **tonaq* заимствовано в монгольские языки (ср. Рам. 187, где монг. *tonug, tonaq* 'конская сбруя' воз-

водится к *ton* ‘одежда’). О других многочисленных новообразованиях см. СИГТЯ 1997, 474.

4. Крх.-уйг. *opraq* (ДТС 368 – МК, QB); ср.-уйг. *opraq* (ДТС 371 – USp., MO), *ofray* (ДТС 363 – Юг.); подробнее см. Räs.VEWT 363b, EDT 13b. кар.Т. *uprax.*

Основное значение – ‘одежда’ – кар., крх.-уйг. (+ ‘тряпье’), ср.-уйг.; встречается и значение ‘ветхий, поношенный’ – крх.-уйг.

Как отмечает Л.Левитская (СИГТЯ 1997, 474), *opraq* образовано при помощи афф. *-q* со значением результата действия от глагола *opra-* ‘износить, изнашиваться’, о котором см. ЭСТЯ.

Семантика слова сложилась в определительных сочетаниях типа крх.-уйг. *opraq keδük, opraq ton* ‘ветхая одежда’ (ДТС 368): *opraq keδük* ‘ветхая, изношенная одежда’ > *opraq* ‘одежда, тряпье’ (см. об этом EDT 13b).

«ОДЕВАТЬСЯ»

Для обозначения этого понятия служит глагол, который был первичной базой для образования имени существительного со значением ‘одежда’.

1. **keδ-* в этой форме употреблялся широко в древних языках, а в современных языках имеет другие формы: др.-уйг. *ked-* (ДТС 292 – Uig.; TT VIII 91), крх.-уйг. *ked-* (ДТС 292 – QB), *keδ-* (ДТС 294 – МК, QB), *ket-* (ДТС 303 – МК); ср.-уйг. *kej-* (ДТС 294 – Юг.), ср.-кыпч. *kej-* (KW 13b, Abû H 47, Houts. 101, At-Tuhfa 157), *kij-* (KW 142, Tel. 313), арм.-кыпч. *kij-* (Deny Arm. 60); хрзм.-т. *käj-* (Хор. П I 576), *käz-* (Хор. П I 576), *kiz-* (Хор. П I 603), чаг. *kij-* (Vâm.ĆSpr. 335, MA 116); ст.-осм. *gej-* (TS III 1681–1684, XIV–XV вв.); тур. *gij-*, тур.диал. *gej-* (DS VI 2016), *kej-* (DSf), аз. *gej-*, турк. *gej-*, сал. *gij-* (Kak. Voc. 183), *ki(j)-*); ктат., кар. *kij-*, балк. *kij-* (МИ 175), тат. *kij-*, башк. *käj-*, ног., ккалп., каз., кирг., алт., узб. *kij-*, уйг. *ki(j)-*, уйг.диал. *kej-* (Мал. УНС 129, Jarr. 172), *kī-* (Мал.УЯ 164), *ki-* (Мал.УНС 130), Лобн. *kej-*; сюг. *kez-*, хак. Саг. *kis-* (Инк. 42), *kes-* (P II 1157–1158), шор. *kes-* (P II 1157), *kī-* (P II 1339), чул. *kī* (P II 1339: кюэр.), тув. *ket-*, тоф. *ket-* (Рас. 203), як. *ket-*; подробнее см. ЭСТЯ 1980, 12–13; EDT 700.

Основное значение слова во всех источниках – ‘надевать, накидывать одежду, платье’. Подробнее см. ЭСТЯ 1980, 12–13.

Как справедливо замечает Л.С.Левитская, чтение арабских написаний в некоторых источниках, по-видимому, нуждается в уточнении: напр., хрзм.-т. *kiz-* – предпочтительно читать: *kez-*; *käz-* – лучше: *keδ-* (СИГТЯ 1997, 472).

О **keδ-* см. ЭСТЯ 1980, 13, о проникновении его в монгольские языки см. СИГТЯ 1997, 472.

«ШУБА»

Понятие «шуба» в представлении древних тюрков непосредственно связано с понятием «мех». Мех домашних животных и диких зверей в быту древних тюрков играл большую роль. Он защищал тюрка одновременно как от зимней стужи, так и от летнего зноя.

1. **ičük*: крх.-уйг. *ičük*; ср.-кыпч. *ičik* (KW 105); чаг. *ičik* (P I 1516 – Вам.); тат.диал. *icäk* (Тум.СДСТ 62 – тоб. Р), башк.диал. *äsäk* (Бhh III 221, в составе *äsäktun* 'шуба их козьей шерсти'), ккалп., каз. *išik*; кирг. *ičik*; узб.диал. *ičik* (ЎХШЛ 121), Лобн. *üčük* (Мал.).

Основное значение слова включает два элемента: матерчатое покрытие и внутренняя овчина: это – меховая шуба, покрытая сверху шерстяной или хлопчатобумажной материей – Лобн., тат. (Буд.), ккалп., каз. Вместе с тем в ряде языков оно обозначает всякую верхнюю меховую одежду – ср.-кыпч. (KW), а также ее разновидности: короткая шуба женщины, зимний жакет – чаг. (Р), шуба, шубка женская – казан. (Буд.). Оно имеет также значения, не связанные с мехом: 'безрукавка, жилет' – узб.диал.; 'исподнее платье' – тат.диал. Тоб. (Буд. I 181), 'нижнее платье' – тат.диал. Тоб. (Р).

Слово имеет также значения, не связанные с одеждой: мех – Буд. I 181; мех мелких зверьков: соболя, белки – крх.-уйг. (ДТС – МК). Возможно, последнее значение и послужило основой для развития значения 'покрытая материей меховая одежда', поскольку материей покрывают именно мех диких, главным образом, мелких зверей, тогда как из овчины шьют обычно одежду без матерчатого покрытия.

Об этимологии **ičük* см. ЭСТЯ 1974, 393–394, где оно возводится к глагольно-именной синкретичной основе **ič* 'внутренняя часть > подкладка' – **ič-* 'быть подкладкой (в том числе меховой)'. Эта же основа выделяется также в словах *ičmek* 'шуба; подкладка потника, подпотник' и *ičirgi* 'потник'.

Генетическая связь *ičük* и *ičmek* признается и М.Рясяненом (Räs.VEWT 169a), см. еще EDT 24a, 27b, где также допускается генетическое родство *ič*, *ičük* и *ičmek*. Л.С.Левитская предполагает, что в пользу производности *ičük* от *ič* 'подкладка [меховая]' свидетельствуют крх.-уйг. *ičlä-* 'подбивать [мехом], подкладывать изнутри, подшивать подкладку' (ДТС 202 – МК) и як. *is* 'подкладка, подбой, внутренний мех (в шубе)' – Пек. I. Она не исключает также позднее семантическое притяжение *ičük* и *ič*. С тюрк. *ičük, üčük* можно сравнить калм. *üč* 'шуба (меховая)', о котором см. Ram.KWb 460a, Номин. Матер. 128, и маньчж. *iču* 'мех (на шубу); шуба (покрытая материей)' – ССТМЯ I 334 (см. СИГТЯ 1997, 475).

В значении «шуба» употребляется и другое образование от *ič*. Но созданное посредством аффикса *-mek*. Это слово встречается в древних памятниках и в некоторых диалектах современных языков, относящихся к обширному ареалу от Сибири до Туркмении.

2. **ičmek*: крх.-уйг. *ičmek* (Diz. 49); чаг. *ičmek* (EDT 27b – Sang.), турк. *ičmek*, турк.диал. *ičmek* (Куренов Ставр. II 244), *üčmek* (Шам.Ёмуд. 30), сал. *išmex* (Kak. 182); тат.диал. *äčmäk* (ДСТ 537), Тоб. *icmäk* (P I 1523), Бараб. *iʒmäk* (P I 1523), узб.диал. *ičmäk* (ЎХШЛ 118).

Основное значение слова 'меховая шуба' – чаг., турк.диал. Ёмуд., сал. Имеются и более конкретные значения: 'шуба из бараньей шкуры' – крх.-уйг.; 'шуба из каракуля или шкуры волка или лисы' – турк.диал. (Куренов Ставр.). Слово приобрело много разных значений.

Другие значения, не связанные с шубой: 'маленький тонкий тюфяк' – надо предположить, что первоначально это был меховой предмет – тат. диал. (ДСТ); эта семантика присутствует и в значении 'подкладка потника' в некоторых источниках; 'кожаные рукавицы' – тат.диал. Тоб. (Р I 1523); 'шерстяные рукавицы, которые носят под кожаными' – Бараб. (Р I 1523).

Название шубы было перенесено и на теплую одежду вообще – узб.диал. (ЎХШЛ). В дальнейшем развитии семантики слова оно лишается таких компонентов, как 'мех', 'теплый' – 'пиджак' – тат.диал. (Тум. СДСТ 51).

Подробно об этимологии *ičmek* см. ЭСТЯ 1974, 394, где оно причисляется к производным синкретичной глагольно-именной основы **ič* 'подкладка'; Räs.VEWT 169a и EDT 27b.

3. *kürk* было распространено в древних языках, встречается в некоторых диалектах современных огузских языков: крх.-уйг. *kürk* (ДТС 329 – МК); ср.-уйг. *kürk* (ДТС 329 – МО), ср.-кыпч. *körk* (Houts. 97), *kürk* (AbūH. 56, At-Tuhfa 214); ср.-огуз. *kürk* (Мел. АФ 0111); хрзм.-т. *kürk* (Qutb 108); чаг. *kürk* (Pav.C 465); ст.-осм. *kürk* (Erg.Korkut 208); тур., гаг., аз. *kürk*, турк. диал. *kürk* (Кур.Ставр. II 246); ктат. *kürk* (Р II 1457); чув. *kĕrĕk*; подробнее см. ЭСТЯ.

Основное значение слова – 'всякая меховая одежда' – крх.-уйг., ср.-уйг.; а также 'шуба' – крх.-уйг., ср.-уйг., ср.-кыпч. (At-Tuhfa), ср.-огуз., чаг.; 'шуба из овчины' – ср.-кыпч. (Abū H.); 'тулуп' – гаг., аз., турк.диал. (Кур. Ставр.); 'платье, подбитое мехом' – ктат. (Р), чув.

Следующие значения слова подсказывают, по-видимому, первичное его значение: 'мех' – ср.-кыпч. (At-Tuhfa), ст.-осм., тур.; 'шкура' – ср.-кыпч. (Houts.), хрзм.-т. (Qutb), ст.-осм. (Erg.), тур.; 'пух', 'тонкая шерсть' – чаг.

Последнее значение слова имеет персидскую параллель کرک 'козий пух, нежная козья шерсть' (Гафф. I 654). О *kürk* см. Räs.VEWT 311a, где дан перечень некоторых форм, а также EDT 741a и Doerf. III № 1028, где слово сопоставлено с *kǒrük* 'бурундук'. К семантике 'мех' > 'шуба', ср. также *as* 'горностай' (см. об этом Асам. НО 13).

4. Крх.-уйг. *jaγqu*, чаг. *daqu*, ср.-уйг. *jaqu* (IbnM 84); каз.диал. *žaqy* (ҚТДС 105); кирг.диал. *ǯaqy* (Мук. 595), алт. *d'aqqy*; тув. *čaγy*; подробнее см. ЭСТЯ 1989, 60; Рас. ПО 227.

Основное значение слова – 'шуба', ср.-уйг. Слово выступает также в качестве более конкретных названий различных видов шубы: 'шуба из шкуры диких коз, надеваемая вверх шерстью' – кирг.диал.; 'доха из шкуры жеребенка' – каз.диал.; 'шуба шерстью наружу'- чаг.; '[непромокаемый] плащ' – крх.-уйг. (см. ДТС 225 – МК). Подробнее см. ЭСТЯ 1989, 60.

Об этимологии слова *jagu* < *jaggu* < *jaγqu* < *jaγγu* < *jaγ-* 'идти (о дожде, снеге)' см. EDT 898b. См. также ЭСТЯ 1989, 60–61, где поддержана эта этимология. О монг. *daqu* 'меховой плащ мехом наружу' ~ тюрк. *jaqu* (или тюрк. > монг.) см. там же. В русском *доха* сохраняется это значение.

О других названиях шубы, встречающихся в отдельных языках, возникших в них самостоятельно или заимствованных, см. СИГТЯ 1997, 476.

Таким образом, семантика названия шубы в тюркских языках получает широкое развитие: помимо первоначального значения, связанного с мехом, в связи с появлением производства новых материалов слова стали обозначать различную другую одежду и ее детали.

«РУБАШКА»

Тюркские языки имеют общее, наиболее распространенное название рубашки в древних и современных языках, восходящее к пратюркскому. Оно имеет множество фонетических вариантов, характеризующих региональные и индивидуальные классификационные особенности языков.

1. **köŋlek*: крх.-уйг. *köŋlek* (ДТС – МК); ср.-уйг. *kömlek* (Ibn M. 46), ср.-кыпч. *köŋlek* (At-Tuhfa 207–208), *köŋlek* (Houts. 100, AbûH. 51), *kövlek* (KW 56), *kömlek* (At-Tuhfa 207, Tel. 315), арм.-кыпч. *k'olmak* (Tryj. 406), ср.-огуз. *köŋläk* (Мел.АФ 0111); хрзм.-т. *köŋläk* (Хор. П II 621); чаг. *köŋläk* (Pav.C. 480), *köjnek* (Pav.C. 481); ст.-осм. *göŋlek* (Zaj.St. II 83), *kömlek* (Erg. 206); тур. *gömlek*, тур.диал. *gönnek* (DS VI 2155), *gönek* (DS VI 2171), *göŋlek* (DS VI 2155), *gönlük* (там же), *göğnek* (DS VI 2171), *köjnek* (DS VIII 2984), *göjnek* (DS VI 2171–2172), *göjneg* (DS VI 2171), *kömmeg* (DS VIII 2957), гаг. *gölmek*, аз. *köjnäk*, турк. *köjnek*, турк.диал. *köjnök* (Нарт. 74), *kȭnök* (там же), *könäx* (Мух. 98), *gölnek* (ТДГДС 63 – кырачский говор); кар.К. *kolmak*, Т. *k'ol'm'ak*, Г. *k'elmek*, *k'el'm'ak*, балк. *kölek* (Апп. 67), кум.диал. *gölek* (Шах. Каз. 223), тат. *külmäk*, тат.диал. *köjläk* (Тум.ЗС 135, Тум.СДСТ 101), башк. *küldäk*, башк.диал. *külmäk* (Бhh II 117; III 92), *kültäk* (Бhh II 117), *kündäk* (Бhh I 111); ног., ккалп., каз. *köjlök*; кирг. *köjnök*, алт. *künek*, алт.диал. *künek*, *künük* (Баск.Кум. 228, 229); узб. *kǫjnäk*, *kǫjläk*, узб.диал. *köjlek* (Jarr.UDQ 50), *köjnäk* (Афз.Парк. 168), *köjnäj* (Х.Гул.Джиз. 66), уйг. *köŋläk*, уйг.диал. *köjnäk* (Мал. УНС 131), *könäk* (Мал.УНС 132), *köjläk* (Мал.УНС 131), *kögilek* (Мал. УНС 131), *köŋnek* (Мал.УНС 132), Лобн. *köŋläk*; хак. *kögenek*, шор. *küŋnek* (Верб. 192), *kȭnek* (Верб. 195), *küjnek* (Верб. 190), тув. *xöjlē*; подробнее см. ЭСТЯ.

О фонетической характеристике слов подробно см. СИГТЯ 1997, 477.

Главное значение во всех языках – 'рубашка', т.е. 'одежда, покрывающая верхнюю часть тела – туловище'. Это значение является наиболее древним. В представлении древних тюрков рубашка – одежда, предназначенная для покрытия души-сердца человека.

Другие, более обобщенные и связанные с иными видами одежды значения возникли позже: 'платье' – хрзм.-т. (Хор.П.), турк., тат., тат.диал. (Тум.ЗС, Тум.СДСТ), башк., ног., ккалп., каз., кирг. (женское), узб.диал. (Х.Гул.Джиз.), хак.; 'одежда вообще' – хрзм.-т. (Хор.П.); 'нижнее белье' – тур.диал. (DS VI), 'белье' – чаг. (Pav.C.), 'женское нательное белье' – ног.; подробнее см. ЭСТЯ.

По единодушному мнению тюркологов, *köŋlek* образовано от корневой основы **köŋ* *'вместилище чувств' < 'сердце', 'грудь': *köŋül* 'сердце', 'душа' при помощи аффикса *-lek/-lik*. Этимология эта была предложена В.Бангом (подробнее см. СИГТЯ 1997, 477).

2. Для другого слова, распространенного в восточном ареале, источником считаются монгольские языки – чаг. *čumča* (P III 2189; Pav.C. 299); сал. *čämžä* (Тен.ССЯ 308); Бараб. *camca* (Тум.СДСТ 234-P); алт. *čamča*, алт.диал. *čamča* (Баск.Леб. 220, Баск. Туба 164); уйг.диал. *čamča* (Мал.УЯ 193), *čämčä* (Мал.УЯ 194); сюг. *čamža* (Мал.). Подробно см. СИГТЯ 1997, 477.

Основное значение 'рубашка' – во всех источниках, кроме Бараб. (P), сюг.; в некоторых языках слово имеет значения 'кафтан' – сюг.; 'платье' – Бараб. (Тум.СДСТ).

«ШТАНЫ, БРЮКИ»

Это – длинная нижняя одежда, надеваемая на часть тела ниже пояса, обычно – к телу. Древние тюрки, по-видимому, коротких штанов не носили. Для природы Центральной Азии они неудобны.

1. **em*, **öm*. Слово не является всеобъемлющим, характерно для ограниченного количества языков. Крх.-уйг. *üm* (Diz. 137), *öm* (МК I 203); ср.-уйг. *öm* (ДТС 384 – MO, USp.); ср.-кыпч. *im* (Houts. 59, ср. Тарж. 97; *ijim*; El-Idr. 25); осм. *im* (EDT 155b со ссылкой на TS I 37b); хал. *īęm* (Doerf.-Tez. 137); сюг. *jüm* (Тен. ССЮЯ 185, ср. *jem* Мал. 39); чув. *jĕm*. О фонетических особенностях слова подробно см. СИГТЯ 1997, 478.

Во всех источниках имеет значение 'штаны', в чувашском наличествует конкретизация – 'холщовые штаны'.

Чтение *üm*, а не *öm* в караханидско-уйгурском и среднеуйгурском поддерживают М.Рясянен (Räs.VEWT 520b–521a) и Дж.Клосон (EDT 155b).

С тюрк. *öm* Л.С.Левитская сопоставляет монг. *ömüdün* 'штаны' (Less. 635), ср.-монг. *ömüdün* – то же (MA 276), халх. *ömd(öm)* 'штаны, брюки', бур. *ümde(n)* – то же.

Г.Рамстедт (Рам. 145) устанавливает генетическую связь *emüden* (Л.Левитская полагает: > *ömüden*?) 'брюки' и *emüs-* 'одеваться'. Чаг. *ümüdün* 'широкие штаны' < монг. (см. Räs.VEWT 521a).

К *üm*, возможно, восходит *išim* ~ *šym*, в каз. варианты *sym/ šym* 'брюки' < *ič* + *üm* см. Räs.VEWT 520b–521a (СИГТЯ 1997, 478).

2. Одним из наиболее древних обозначений штанов, возможно, является: ср.-кыпч. *könčäk* (Houts. 100, Из.дар 328), *künčäk* (Abû H. 55), *könček* (KW 151); тур.диал. *könček* (DD II 974; DS VIII 2958), *könžek* (DD II 974; DS VIII 2958), *kömček* (DS VIII 2958), *gönček* (DS VI 2152), *gönčik* (DD II 659), *konžuk* (DS VIII 2916); кар.К. *könček*, балк. *könček* (МИ 176; Апп. 67), каз. *könšek* (в составе *köjlek-könšek* 'всякая легкая одежда'); кирг. *könček*.

В большинстве источников 'штаны' – тур.диал. (DS VIII 2916), балк.; 'мужские штаны, суженные снизу' – тур.диал. (DD II 947; DS VIII 2958); обозначение переносится и на другие виды нижнего белья: 'кальсоны' – ср.-

кыпч. (Abû H), тур.диал. (DD II 659, 974; DS VI; DS VIII 2952); 'трусы' – тур.диал. (DD II 974); слово используется также в качестве общего названия нижнего белья – тур.диал. (DD II 974 'белое белье'), кар.К. 'мужское белье'; 'брюки' – ср.-кыпч. (KW, Houts.).

Возможно, в пратюркском слово *könček* имело общее значение 'одежда, одеяние', которое встречается в ср.-кыпч.

Права, пожалуй, ЛСЛевитская, возводящая слово *könček* к *kön* 'кожа' или *könč/gönč* 'голенище' (см. Менг. ВЭ 112–113; Хаб.КБИС 152; Отар.НО 107). В таком случае первоначально этим словом обозначались кожаные штаны.

3. Одним из наиболее древних обозначений штанов можно считать, по-видимому, др.-уйг. *ičton*, каз. *yštan*, узб. *išton* 'нижнее белье, штаны', образованное сочетанием *ič+ton* букв. 'внутренняя одежда', см. выше «ОДЕЖДА» (*tōn*).

(Имеются и другие многочисленные названия штанов различного типа, появившиеся в отдельных тюркских языках в разные времена. Отметим некоторые из них: турк. *balaq* 'штаны', осм. *balaq* 'кальсоны', каз. *balaq* 'штанина' – см. ЭСТЯ 1978, 51–52; Räs.VEWT 59b4 Doerf. II, № 762; для сибирского ареала характерно другое слово: хак.диал. кач. *sübür* 'панталоны', тув. *čüwür*, тоф. *čü^{h}pür* 'штаны' – см. Рас.ПО 227.)

ГОЛОВНЫЕ УБОРЫ («одежда для головы»)

Покрытие для головы имело очень важное значение для древних тюрков, живших в резко континентальном климате. Тюрки в этом отношении отличаются от представителей других народов, которые могли обходиться без головного убора. Например, существует караимская поговорка: *kiši bašyny japmyjd, bjorik baštan bayaraxtyr* 'Мужик не покрывает голову – шапка дороже головы'.

Головные уборы как в языке древних тюрков, так и в современных тюркских языках имеют много различных названий – в зависимости от материала изготовления и функции. У древних тюрков они изготавливались преимущественно с использованием меха диких животных: шкур волков, лис разных пород, зайцев, сурков, бобров и других. Реже применяли для изготовления головных уборов разные виды войлока-фетра и шерстяных нитей.

«ШАПКА»

1. Главное название шапки, широко распространенное в древних языках и во всех ареалах тюркских языков, –**börük*: крх.-уйг. *börk* (ДТС 118 – МК, QB); ср.-уйг. *börk* (ДТС 118 – Юг., KW 66, At-tuhfa 156), арм.-кыпч. *börk* (Грун. 388), ср.-огуз. *börk* (Мел. АФ 081); хрзм.-т. *börk* (Хор.П I 270); чаг. *börk* (Pav.C. 166); ст.-осм. *börk* (TS I 667–668), тур.диал. *börk* (DS II 770), *börük* (DS II 825–827), *bürk* (там же), *bürük* (там же), *birük* (там же); аз. устар. *börk*, аз.диал. *bärk* (Вел. 338), хал. *böök* (Doerf.KhM 295), *birgäk* (Doerf.-

Tez. 92), турк. *bȫrik*; кар.Г. *berk*, *berik*, кар.Т. *bjork*, кбалк., кум. *börk*, тат. *büräk*, башк. *bürk*, ног. *börk*, ккалп., каз. *börük*; кирг. *börük*, алт. *b̨örük*, алт.диал. Кум. *bürik* (Баск.Кум. 208), *börük* (там же); узб. *bo̧rk*, узб.диал. *börk* (ЎХШЛ 56, Абд.Хор.Ш 29), уйг. *börk*, уйг.диал. *bǫ̈k* (Jarr. 59), *bök* (Мал.УНС 101, Jarr. 59), Лобн. *bök*; сюг. *pörük, perik, perük, perk*, хак. *pörük*, шор. *pörük* (P IV 1302); тув. *bört*, тоф. *bö^{h}rt*; як. *bergehe*; подробнее см. в ЭСТЯ 1978, 221–222.

Основное значение слова – 'шапка'. В некоторых языках, например в туркменском, слово имеет частное значение – 'женский головной убор – бёрик'; существуют и другие значения, не связанные с шапкой, но имеющие отношение к голове: 'покрытие/повязка для головы' – тур.диал. (DS), 'женское покрывало' – тур.диал. (разные формы, кроме *börük, birük*); в узб.диал. (Абд.Хор.Ш) 'бурка'. О других значениях подробно см. в ЭСТЯ 1978, 222.

Как считает Э.В.Севортян (ЭСТЯ 1978, 222–223), *börk* ~ *bürk* – производное, образованное с помощью афф. *-(a)k* от глагола **börü-* ~ *bürü-*, присутствующего в возвратной форме *bürü-n-* 'покрываться, закутываться' в караханидско-уйгурском (МК). Глагольная основа *büri-*, *bürü-* 'покрывать' встречается также в ранних турецких памятниках (Y. ve Z. XIII век). Тюрк. глагол **börü-* ~ *bürü-* имеет монгольское соответствие *büri-* 'покрывать' (Less. 148b), производные от которого *büriγesün* > *bürēs(en)* 'чехол, покрышка, покрывало' (Тод. ЯМВМ 130) и *bürkü* 'летняя шапка' (Less. 150a) поддерживают реальность тюркской семантической модели 'покрывать' > 'покрытие' > 'шапка/платок'. Як. *bergehe*, возможно, восходит к монгольскому источнику (< *börgesün*). Долгота гласного в турк. *bȫrik*, вероятно, появилась в результате сокращения узкого гласного второго слога: *börik* > *bȍrik* > *bȫrik* (Л.Левитская, СИГТЯ 1997, 482).

О разновидностях *börük* см. также Рəх.ТТhЛ 70 и сл.

2. Самая теплая и крупная шапка, которая предназначена для защиты головы от сильных морозов и снежных бурь, у древних тюрков обозначалась словом, распространенным в древних и современных языках, – *tumaq*.

**tumaq*: чаг. *tumaq* (Vám.ĆSpr. 266); турк.диал. *tumoq* (ТДГДС 174); тат.диал. *tŏmaq* (ДСТ 418, Тум.СДСТ 212), ккалп. *tumaq*, каз. *tymaq*; кирг. *tumaq*; алт.диал. Леб. *tubaq* (P III 1514); узб. *tuma'q*, узб.диал. *tumaq* (ЎХШЛ 263), *tumaγ* (ЎХШЛ 263), уйг. *tumaq*, уйг.диал. *tumaq* (Мал.УЯ 187, Мал. УНС 162, Jarr. 315), Лобн. *tumaq*; с конечным гласным: ср.-уйг. *tomaγa* (Lig.VSOu 266–267), каз., башк.диал. *tomaγa* (Бhh III 173).

Главное и древнее значение – меховая шапка из лисьей шкуры с войлочной подкладкой, с двумя большими ушами, опускающимися до груди и широкой задней частью, прикрывающей шею, плечи и часть спины, лицо практически закрыто, остаются открытыми только глаза в глубине меха (такие шапки используют современные казахи, киргизы и башкиры). Человеку в такой шапке не страшен никакой мороз и никакая буря, особенно хороша она для табунщиков зимой. Это же значение отмечает Вамбери для чагатайского (Vám.ĆSpr.).

Все другие значения слова возникли позже, они «изношенные», производные от первоначального: '[зимний] малахай' – 'шапка' – 'ушанка' – турк.диал., тат.диал. (ДСТ), узб.; 'меховая шапка с длинными ушами' – тат.диал. (Тум.СДСТ), кирг., узб., узб.диал. (ЎХШЛ 263: 'ушанка из меха до плеч, малахай'); 'меховая шапка' – уйг., уйг.диал. (Jarr.), 'шапка-скуфья, опушенная внизу мехом выдры' – уйг.диал. (Мал. УНС), 'шапка' – уйг. диал. (Мал.УНС, Мал.УЯ), Лобн.; 'вид шапки' – ср.-уйг. (Lig.VSOu), 'шапка-ушанка с меховым верхом' – башк.диал. (Бhh).

Значение 'колпачок, надеваемый на голову охотничьей птице', 'шапка для ловчих птиц' в каз. *tomaya* генетически связано с первичным значением *tumaq* – названием этого вида головного убора, что было отмечено исследователями (см. Буд. I 406; Doerf. I, № 131). Как отмечает Л.С.Левитская, эта связь, видимо, осознается носителями языка: ср. упомянутые выше башк.диал. *tŏmaya* 'шапка-ушанка' и узб. *tuma'q* 'кожаный колпачок, надеваемый на голову охотничьей птице' (ср. еще уйг. *tomuq* 'кожаный колпачок, который надевается на голову беркуту после охоты', маньчж. *томорҳан* 'колпачок кожаный, надеваемый на голову ястребу для закрытия глаз' – ССТМЯ II, 196). В ряде языков слова фонетически дифференцированы (напр., каз. *tymaq* и *tomaya*).

Можно принять гипотезу Л.Левитской о том, что *tumaq,* возможно, восходит к глагольной основе **tuma-* 'закрывать', представленной в Бараб. *tumala-* 'окутать, закрыть' (Р III 1521), башк.диал. *tŏmala-, tumala-* 'закрыть [наглухо]' (СИГТЯ 1997, 483). К сказанному можно добавить, что слово образовано от глагола *tum(a)-* посредством продуктивного аффикса *-q*. Глагольная основа *tum(a)-* со значением 'закрывать' выделяется также в слове *tuman* 'туман' (см. выше).

3. Каз., ккалп. *qulaqšyn,* кирг. *qulaqčyn* 'меховая шапка с двумя опускающимися ушами' представляет собой облегченную разновидность *tumaq*. Слово распространено во всех ареалах. Оно образовано от *qulaq* 'ухо'. Шапка под этим названием, в отличие от предыдущей, закрывает уши и не закрывает спину и плечи.

4. **telpek*: чаг. *telpek* (Vám.ČSpr. 259; Р III 1090); тур.диал. *telpek* (DD III 1336), аз.диал. *telpäx* (ДСАз. 375), турк. *telpek*, турк.диал. *telfek* (Шам. 42, Куренов Ставр. I 252), *telpäx* (Ерш.-Мух. 108); тат.диал. *tälpäk* (Ахат.МДТЯ 12), ног., ккалп., каз., кирг. *telpek*; узб. *telpäk*, уйг. *tälpäk*, уйг.диал. *tälpäk* (Мал.УНС 157), *telpek* (Мал.УНС 158, Jarr. 302), Лобн. *tälpäk*; подробнее см. ЭСТЯ.

Слово обозначает разные виды шапки, как правило, без ушей, как немеховой, так и меховой.

Казахское пренебрежительное обозначение этим словом всякой не понравившейся шапки, по-видимому, отражает первичное значение слова – это нечто вроде матерчатой шапочки, иногда – с куском меха; к этому же значению близки: 'шапка' – турк.диал. (Шам.), Лобн.; 'шапочка, сделанная

из шкуры или материи' – ккалп., каз.; 'тюбетейка' – чаг. (Р), тат.диал. (Ахат.МДТЯ).

Значение 'меховая шапка' имеется в ряде языков: 'меховая шапка' – уйг., уйг.диал. (Мал.УНС, Jarr.); 'меховая шапка туркмен и узбеков' – чаг. (Vám.ČSpr.); 'папаха' – аз.диал. (лохматая), турк., турк.диал., каз.; 'малахай, шапка мужская' – кирг. Южн.; 'шапка из дорогого меха' – кирг. (в эпосе); 'теплая местная шапка' – узб. (большей частью меховая); 'зимняя шапка, опушенная по внешнему краю бараньим мехом' – уйг.диал. (Мал.УНС).

Существуют и разные единичные значения в отдельных языках. Об этом см. ЭСТЯ.

Название шапки *telpek* характерно для тюркских языков Средней Азии и Казахстана. Л.Левитская полагает, что, возможно, в *telpek* представлена образная основа **telp* 'широкий и плоский', тождественная монг. **delb ~ delw* с тем же значением. Монг. **delb ~ delw* содержат калм. *delwär maxlă* 'широкая плоская шляпа' (Ram.KWb 87a), *delwŋ* 'плоский и широкий; наружная сторона (какой-то шапки); кайма' (Ram.KWb 87a), бур. *delben* 'поля у шляпы' (СИГТЯ 1997, 484). Подробнее см. ЭСТЯ.

С этим названием генетически связаны кирг. *telpegej, telegej* 'род войлочной широкополой шляпы'. О разновидностях телпека у узбеков, южных киргизов, туркмен см. Сух.ИСК 75, Ант.ОМК 235, Джик. Туркмены 99.

5. **qalpaq*. Весьма распространенное название одного из видов головного убора. Чаг. *qalpaq* (Pav.C. 408); тур., гаг., кар.Т., Г. *kalpak*, тур.диал. *kalpak* (DS VIII 2610), турк. *qalpaq*; кар.К. *qalpaq*, балк. *qalfaq* (Ант. 68), кум., тат., башк. *qalpaq*, ног., ккалп., каз. *qalpaq*; кирг. *qalpaq*; узб. *qalpa'q*, узб.диал. *qalpa'γ* (Жўр.ТКШ 136), уйг., Лобн. *qalpaq*; сюг. *qalmaq*. Подробнее см. ЭСТЯ.

Главное современное значение – обычно четырехугольная, сшитая из четырех кусков, редко – треугольная, сшитая из трех кусков, остроконечная войлочная шапка – каз., кирг.

Значение 'войлок' присутствует также в названиях: 'войлочная шляпа' – балк. (Апп.), Лобн.; 'войлочный колпак' – узб.; 'колпак' – кум., тат., башк., ног., ккалп., каз., кирг., уйг. Во многих языках в процессе семантического развития слово утеряло первичное значение 'войлок' и обозначает головной убор разных видов: 'головной убор треугольной формы' – чаг. (Pav.C); 'шапка' – тур., тур.диал. (DS VIII), чаг., кар.К., Лобн., сюг. (мохнатая); 'женская шапка' – тат., 'старинный женский головной убор, украшенный монетами' – тат.диал. (ДСТ); 'тюбетейка' – узб.диал. (Жўр.ТКШ).

Указанным не ограничивается значение этого слова, оно распространяется и на естественное покрытие человеческой головы: 'детские волосы до первой стрижки' – турк.; 'локон' – чаг. (Pav.C); подробнее см. ЭСТЯ.

Слово встречается в памятниках турецкого языка с XV в. в формах: *kabalak ~ kalabak* 'войлочная шапка' (TS IV 2146–2179), оно имеется и в чагатайских источниках. Черные клобуки (~ *qaraqalpaq*) упоминаются в русских летописях в 1152 г. (см. ТВСЯ 137).

**qalpaq*, возможно, содержит имитативную основу *qalp ~ qalb*, как отметила Л.С.Левитская. Об этом может свидетельствовать семантика 'лохматая, мохнатая', присутствующая в названиях шапки в некоторых языках. Типологическое подражательное сходство имеется и в названии *telpek* – от *telp* (см. выше).

Л.С.Левитская приводит монгольские параллели: ойрат. *xalwe* 'большая, высокая четырехугольная женская шапка', *дёрбет* 'девичья шапка'; калм. *xalwŋ* 'праздничный женский головной убор молодой калмычки' (Пюрб. ТС 136), *xalmġ* 'праздничный женский головной убор' (там же); тув. *xalbaŋ* (← монг.) 'уши (у зимней шапки); мочка уха', хак. *xalbax xulax* 'имеющий большие уши, вислоухий', *xalbax* 'широкий (об одежде), повисший, отвислый', тув. *qalbaq* 'широкий, плоский; приплюснутый', *qalbaj-*, каз. *qalpaj-* 'становиться плоским, широким'. **qalpaq* 'плоский, широкий' могло сблизиться и смешаться с *qaplaq ~ qalpaq* 'крышка' (СИГТЯ 1997, 484).

Вторичное заимствование в значении 'колпак' отмечено: чув. *kalpak* ← тат.; як. *xalpāq* ← русск.

О *qalpaq* см. Räs.VEWT 227b, Асам.НО 9. О разновидностях головных уборов, называемых *qalpaq*, см., напр., Асам.НО 9, Ант.ОМК 236 и сл., Сух. ИСК 72–73, ТСПП 143 и сл.

6. **töbetej*: каз. *töbetej/tebetej* 'маленькая шапочка, покрывающая макушку', она по размеру меньше, чем *taqyja*, которую обычно по-русски называют 'тюбетейка'; тат. *tübätäj* 'тюбетейка', башк.диал. *täwätäj* 'тюбетейка' (Бhh I 212).

Более «солидное» значение отмечено в кирг. *tebetej* 'шапка мужская', устар. 'шапка власть имущего, предъявляемая посыльным в доказательство того, что он явился от начальства', башк.диал. *tübätäj* 'шапка женская, сшитая из материи' (Бhh II 265).

Представляется очевидной его генетическая связь с *töbö ~ tepe* 'макушка', 'верхушка' (см. Räs.VEWT 494b; ЭСТЯ 1978, 199). Таким образом, можно заключить, что этот вид головного убора первоначально был предназначен для покрытия макушки головы для защиты от солнечных лучей, впоследствии развились другие значения.

Существует множество и других названий тюркских головных уборов, которые возникли самостоятельно в разных языках или заимствованы у соседних народов вместе с реалиями (см. Räs.VEWT 249b, 324a, 457b; Р II 972, 973; Асам. НО 9).

ОБУВЬ («одежда для ног»)

Обувь древние тюрки представляли как одежду, покрытие или вместилище, мешок для ног. Поэтому общее название обуви в тюркских языках образуется сочетанием названия ноги и одежды: *ajaq kijim, ajaq qap*. Наряду с этим некоторые конкретные названия обуви используются также в качестве общего названия обуви, что свидетельствует, по-видимому, о том, какая обувь являлась основной, главной для древних тюрков. Названия обу-

ви отличаются многообразием как в общетюркском плане, так и в ареальном и индивидуальном отношениях.

1. **ētük*, несомненно, является главным словом для обозначения обуви. Оно распространено как в древних, так и современных тюркских языках.

Др.-уйг. *etük* (ДТС 188 – TT VII); крх.-уйг. *etük* (ДТС 188 – МК), *etik* (ДТС 187 – МК); ср.-уйг. *etük* (Бор. ЛТ 66, IbnM 31); ср.-кыпч. *itik* (At-tuhfa 180), *ätik* (Abû H. 12), *itük* (Houts. 44); ср.-огуз. *edük* (Мел. АФ 077); чаг. *etük* (P I 844; Pav.C. 98), *ötük* (Бор. Бад. 106; Pav.C, 46); ст.-осм. *edik* (TS III 1385), *edük* (TS III 1385); тур. *edik*, тур.диал. *edük* (DD II 506), *etik* (DD II 555), турк. *ädik*, сал. *itix* (Kak. 182); кар., кум. *etik*, тат., башк. *itäk*, ног., ккалп., каз. *etik*; кирг. *ötük*, алт. *ödük*; узб.диал. *ädɨk* (Абд.Хор.III 22), *etɨg* (Радж. Карнаб. 42), *ötik* (Афз.Парк. 175), уйг. *ötük*, уйг.диал. *ütük* (Мал.УНС 167); хак. *ödɨk*, хак.диал. Саг. *üdɨk*, шор. *ödük* (P I 1279), чул. *ödük* (P I 1279); тув., тоф. *idik*; чув. *aṭă*; подробнее см. ЭСТЯ 1974, 319 и сл.

К этому же слову, вероятно, имеет генетическое отношение тат.диал. *atu* 'ичиги' (ДСТ 54), 'мягкие сапожки; кожаные башмаки' (Тум.СДСТ 31), каз.диал. *atu, at* 'ичиги' (ҚТДС 34), 'татарские ичиги' – татарские сапоги с мягкими пятками, которые постоянно носят с галошами (P I 463). Подробно см. СИГТЯ 1997, 479.

Первоначально слово **ētük* обозначало у древних тюрков, по-видимому, 'сапоги из кожи' – мягкую обувь с длинным, до колена, голенищем. Это значение наблюдается в др.-уйг., крх.-уйг., об этом же говорит и ст.-осм. (TS), тур.диал. 'крестьянская обувь', 'крестьянские сапоги', 'сафьяновые сапожки'.

Со временем слово стало употребляться в качестве общего названия всякой обуви – 'обувь', поскольку кожаные сапоги были наиболее употребительной обувью: ср.-кыпч. (Houts.), тур.диал., алт., хак., тув. Какое бы значение ни выражало слово, везде речь идет о закрытой обуви одного типа: сапогах или полусапожках (см. замечание Э.В.Севортяна в ЭСТЯ 1974, 320).

Наиболее распространенным является одно из конкретных значений слова: 'сапог, сапоги' – почти во всех источниках, кроме др.-уйг., ср.-кыпч. (Houts.), тур.диал., уйг.диал. (Мал.УНС), тув.

В дальнейшем слово стало обозначать многочисленные конкретные разновидности обуви, в основном видов сапог: сапоги с короткими голенищами – ст.-осм. (TS); род сапог – ср.-огуз. (Мел. АФ); сапожки из мягкой кожи с низкими голенищами – тур.; а также сапоги из других материалов, кроме кожи: валенки – тур. диал., тат., каз., ног. *kijiz etik* – 'валенки', букв. 'войлочные сапоги'; 'детская обувь из шерсти' – тур.диал.; подробнее см. ЭСТЯ 1974, 320.

Развитие значений слова не ограничивается видами сапог, оно приобрело и другие значения: 'башмак, башмаки' – ср.-кыпч. (At-tuhfa), кар.; 'ботинок' – сал.; 'кожаная обувь с каблуками' – уйг.диал. (Мал.УНС); 'домашняя обувь' – тур.диал.; 'детская обувь' – тур.диал.; 'сандалии' – кар.

О сопоставлении тюрк. *etik* с данными других языков см. СИГТЯ 1997, 479.

2. **uγuq* часто употребляется в древних памятниках, встречается во всех ареалах тюркских языков. Крх.-уйг. *oγuq* (ДТС 364 – МК); ср.-уйг. *ujuq* (ДТС 608); чаг. *ujuq* (P I 1633), *uγ* (P I 1617), *uq* (Pav.C. 68); тур.диал. *ŭjuk* (DD 3, 1424); кбалк. *ujuq*, тат.диал. *ŏjə̑k* (ДСТ 326), башк. *ojŏq*, ног., каз. *ujuq*; алт. *uq*; хак. *ux*; тув., тоф. *uq*; подробнее см. ЭСТЯ 1974, 581, Рас. 237.

Это название отражает следующую ступень развития тюркской обуви, где материалом для нее является не кожа. Главное его значение связано с шерстяным, а не кожаным изделием для утепления ног: 'род обуви', надо полагать, шерстяной, первоначально – войлочной: крх.-уйг. (ДТС – МК), 'войлочные чулки' – ср.-уйг. (ДТС – МО), чаг. (P: *uγ*), алт.; 'суконные чулки' – тат.диал.; 'шерстяные чулки/носки' – тур.диал., ног.; 'чулки' – чаг. (P: *ujuq*), каз., тат., башк., ног., хак., тув.; 'сапоги, сшитые из шкуры с шерстью' – чаг. (Pav.C). В ряде языков впоследствии слово имеет и значение 'валенки' – чаг. (P: *ujuq*), кбалк., тат.диал.

Как полагает Л.С.Левитская, корневая основа **uγ ~ uj*, возможно, генетически связана с глагольной основой *oγ- ~ ow- ~ uw- ~ uj- ~ öγ-...* *'мять', представленной в турк. *ow-* 'мять войлок/кожу' (см. Мырад. 67), тув. *öj-* 'катать, валять *войлок, валенки*; катать *тесто*', кар.Т. *uv-* 'месить, мять'; крх.-уйг. *ujma* 'войлок, из которого делают обувь' (ДТС 607 – МК, ср. Diz. 89: *ojma*). Сюда же может относиться и турк. *ŏjluq* 'войлочная бурка' < **ojŭγq* *'промятый [войлок]'. В этой форме из тюркского языка булгарского типа слово было заимствовано в русский язык (см., напр., Бор.ПИ 12, 22). С тюрк. *ujuq ~ uq* обычно сопоставляют монг. *ojimasun* 'чулок' (см. об этом слове Ram.KWb 304b.; Ram.PAK 152; Pop.VGAS 11, 67, 139; о тунг.-маньчж. параллелях см. ССТМЯ II 8, 336). Подробнее см. СИГТЯ 1997, 481–482.

Из других многочисленных названий обуви, рассмотренных Л.Левитской в СИГТЯ 1997, 470–482 (приводится еще 17 названий), отметим лишь несколько, имеющих достаточно широкое распространение.

3. Крх.-уйг. *čaruq* (ДТС 141 – МК); ср.-кыпч. *čaruq* (Abû H. 27); чаг. *čaruq* (Vám.ČSpr. 274); ст.-осм. *čaruq* (Zaj.St. I 165); тур., гаг. *čaryk*, турк. *čaryq*; каз. *šaryq* обозначает обувь низкого качества, изготовленную из кожи, бересты и других дешевых материалов (ҚТТС 10, 19). Это близко к первичному значению слова.

Основное значение 'чарыки (род обуви)' – крх.-уйг., ср.-кыпч., тур. (род крестьянской самодельной обуви из сыромятной кожи), гаг., турк.; вид обуви – ст.-осм., чаг.; подробный перечень значений слова в тюркских языках юго-западной, северо-западной и юго-восточной групп см. в ЭСТЯ.

Этимология слова достаточно прозрачна – *čaruq/čaryq*, как отметил М.Рясянен (Räs. ук. соч.), – производное посредством продуктивного аффикса *-yq* от глагола *čar-* 'обматывать', распространенного в тюркских языках: тел. *čar-* 'обвивать' (Верб. 424), кирг. *čary-* 'связать, замотать веревкой,

тесьмой', тув. *šary-* 'завязывать, бинтовать', тат.диал. *cary-* 'обматывать, обвязывать' (Тум.ЗС 217), каз. *šary-* 'обматывать, бинтовать'. Надо полагать, первоначально это была обувь, представляющая собой кусок кожи, которым обматывали ноги, – обмотка.

4. Турк. *čokaj*, ккалп., каз. *šoqaj* (ҚТДС 369); кирг. *čokoj*; узб.диал. *čokaj* (Абд.Хор.Ш 29, Иш.ҚЎШ 171). Название обуви, характерное для центральноазиатского ареала.

Калиги, поршни – род обуви, сшитой обычно из целого куска кожи, с коротким голенищем; как правило, их подошву делают из наиболее толстой части кожи крупного скота: головы лошади, верблюда, коровы, быка – ккалп., каз., кирг.; обувь из кожи коровы или лошади – каз.диал. (ҚТДС 376); войлочные сапоги, покрытые козлиной кожей – каз.диал. (ҚТДС 369); кожаная обувь без каблуков – турк., турк.диал. Гёкл.; обувь типа ботинок – узб.диал. (Абд.Хор.Ш); чарыки – узб.диал. (Иш.ҚЎШ).

Об изготовлении киргизских поршней см. Ант. ОМК 231. О возможной этимологии *čoqaj* см. СИГТЯ 1997, 480.

5. Крх.-уйг. *bašaq* (ДТС 87 – МК) 'туфли, башмак', *bašmaq* – то же (ДТС 88 – МК) имеют параллель во многих тюркских языках и средневековых памятниках (см. ЭСТЯ 1978, 93 и сл., EDT 382b–383a, Räs.VEWT 65a-b; здесь же изложены основные гипотезы о генетических связях лексемы).

6. Турк. *köwüš* 'обувь, туфли'; тат., башк. *käwäš* 'кожаные туфли местного производства', ккалп. *gewiš*, каз. *kebis* 'кожаные галоши', обычно надеваемые на кожаные сапоги с мягкой подошвой – *mäsi*, узб. *kawuš* 'кожаные галоши национального образца', см. еще Р II 1057, 1058, 1202.

Турк. *mesī* 'ичиги'; карач. *messi* 'мягкие кожаные сапоги'; каз., кум. *mäsi* 'вид легкой сафьяновой обуви с голенищами', обычно на них надевают кожаные галоши – *kebis* – по-видимому, это первичное значение слова; узб. *mähsi* 'ичиги-сапожки без твердого задника и каблука с мягкой подошвой', ккалп. *mäsi* – то же, уйг. *mäsä* – то же; аз. *mäs* 'чувяки', см. еще Р IV 2100, 2109.

С этим словом генетически связано тур. *mest* 'вид сафьяновых домашних сапожек'; осм., ктат. *mäst* 'мягкие кожаные сапоги'; см. Räs.VEWT 336a.

ВОЙНА. ОРУЖИЕ

Война была одним из видов, можно сказать, постоянных занятий древних тюрков. Войны велись с целью обороны от внешних врагов, захвата имущества или рабов, в поисках земель с обильной травой для корма скота. Воевали как с чужими народами, так и с другими племенами и родами самих тюрков. Влечение к оружию и воинственность древних тюрков ярко проявляется в представлениях о войне и оружии. Об этом говорят слова, относящиеся к разным лексико-семантическим группам: наименования различных видов наступательного оружия, защитных доспехов, военных подразделений, названия военных действий, доблестных воинов и злых врагов, укрепленных поселений – курганов, крепостей, особых жилищ и т.д.

Широкое применение тюркских военных терминов и обозначений мы находим в древнетюркских памятниках, отражающих военную мощь тюркских государств.

В связи с ослаблением и распадом древнетюркских государств из активного употребления выходят многие военные термины. Часть из них вовсе перестает употребляться. Некоторые слова и лексические группы, вышедшие из употребления, были заменены новыми словами в зависимости от потребностей языка выражать изменившуюся ситуацию в военной жизни тюрков.

Тем не менее, многие древние лексико-семантические группы сохраняют устойчивость в большинстве современных языков.

Определенная часть военной терминологии представляет собой дальнейшее развитие охотничьей терминологии.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ АКТИВНЫХ УЧАСТНИКАХ ВОЙНЫ

«ВОИН»

У древних тюрков воины пользовались особым уважением и почетом. Для обозначения воина использовались разнообразные слова, в каждом из которых выделялись особые его достоинства. Таким образом, воин не только стрелок из лука или копьеносец, сражающийся с врагом. Воин у древних тюрков олицетворял собой все самые лучшие качества мужчины, поэтому неудивительно, что названия воина были, как правило, многозначными, они имели помимо значения 'воин' и другие, связанные с передачей достоинств воина.

1. **alyp* 'богатырь, герой', 'воин'. Это главное название воина как защитника рода и племени, всего народа от врагов и хищных зверей. Первичные и наиболее распространенные его значения в качестве имени существительного: 'герой', 'богатырь', 'витязь', а также 'отвага, храбрость, мужество'; 'военная свита', они встречаются во всех группах тюркских языков, от них в дальнейшем развились и другие, более новые, в том числе адъективные, значения: 'меткий стрелок', 'отважный, храбрый, смелый'.

Слово сохранилось до современности в тюркских языках в почти неизменном фонетическом облике: рун. (E 28-2, КТб 3), др.-уйг.(ТТ X 252), др.-кыпч. (МК 101-5, МК 258-4), ср.-кыпч., ср.-огуз., чаг. *alp*; тур. *alp*; ккалп., кар.К., Т. *alp*, каз., тат. *alyp*; узб. *alp*, уз.диал., уйг. *alyp*; алт., кирг., хак. *alyp*; чув. *ulăp*.

Этимология слова не выяснена. См. подробно ЭСТЯ 1974, 139. Соблазнительно связать это слово с глаголом *al-* 'брать, взять'. В таком случае *alyp* (по форме – деепричастие) первоначально должно было иметь значение 'человек, побеждающий (букв. 'берущий, захватывающий') всех своей силой', что требует специального обоснования. Слово весьма древнее, еще в древнетюркских памятниках употреблялись производные от него основы с тем же значением: орх. (КТб 47), рун. (E 39-6) *alpaɣu*; др.-уйг., др.-кыпч. *alpaɣut* (ДТС 37).

Слово *alyp* перешло также в разряд собственных имен, от него еще в древности образовано немало новых собственных имен: *alyp er*, *alyp er tunga* и т.д., см. ДТС 37.

Слово вошло как тюркское заимствование во многие соседние языки в форме основы и производной от него форме с разными фонетическими вариантами, на его базе в заимствующих языках образовывались новые слова. Ср. рус. *безалаберный*, не имеющее надежной этимологии, где можно предположить присутствие первичного тюркского *alyp er*.

2. Другим словом, обозначающим храброго воина, является **baɣatur*. В человеке, которого называли этим словом, древние тюрки видели прежде всего защитника, опору, предводителя народа. В его семантике на первое место выдвигается не столько сила, храбрость, сколько опора, мощная защита от врагов.

Главное, широко распространенное, но, по-видимому, не первичное значение *baɣatur* – 'герой, богатырь'. Другие производные от него значения: 'храбрец', 'отважный, мужественный, смелый, доблестный, решительный'; 'сильный' и т.д. (см. ЭСТЯ 1978, 82). Ср. значение производного *baturluq* (USp 106-31) 'геройство, самоотверженность' (ДТС 77, 89). Это слово получило больше распространения как в самих тюркских языках, так и в соседних языках в средневековье.

В некоторых тюркских и нетюркских языках слово сохранило первичную фонетическую форму, в большинстве же языков претерпело фонетические изменения согласно закономерностям соответствующих языков: рун. (E 29-1), др.-уйг. *batur*, др.-уйг., ср.-кыпч. *baɣatur*, ср.-кыпч., куман. *bahadur* (Наг. 88) *behadür*, арм.-кыпч. (Hik.28) *bahatir*, арабограф. пам. *batur/bator*; тур. *bahadyr*, турк., тур.диал. *bātyr*, тур.диал. *batur*; ккалп. *bahadyr*, ктат., кар., кум., кбалк., каз., ккалп., ног., тат., башк. *batyr*; уйг. *bahidur*, *batur*, Лобн. *batuj* (ср. собственное имя хана *Batu*, *Batyj*), узб. *baʾtir*, *bahaʾdir*, узб.диал. *bâtyr*, сюг. *patyr*, алт. *ḫātyr*, *mettyr*, кирг., алт.диал., як. *bātyr*, тув., тув.диал. *mādyr*, алт.диал. *paɣatyr*, *mātyr/matyr*, *pattyr*, хак. *matyr*, бараб. *padyr*, алт. *pettyr*; чув. *padăr*.

Относится к разряду слов, этимология которых не выяснена (см. ЭСТЯ 1978, 84, 85, где слово рассматривается как общеалтайское достояние). Основная семантика слова позволяет выделить, по-видимому, производящую основу *paq->baɣ-* 'пасти', 'присматривать', от которой образовалось *baɣatur* с первичным значением 'тот, кто пасет, присматривает, пастырь', отсюда и 'начальник, руководитель'.

Еще в древнетюркских памятниках слово встречается как собственное имя и как титул, др.-уйг. собст.им. и титул: *Baɣatur cigši* (ThS IV 121); собст. им. *Batur* (USp 22-18), *Batur čigši* (ThS IV 12).

Baɣatur в разных формах заимствовано многими соседними языками (см. ЭСТЯ 1978, 84, 85).

3. **begi.* Помимо главного значения 'герой, воин' слово употреблялось также в значении 'муж, супруг'. Общим элементом в этих значениях (как бы общим значением) выступает 'господин, хозяин'. **begi* в этой форме встречается лишь в некоторых памятниках: др.уйг. *begi* (QBK 368-11) 'герой'; др.-кыпч. (MK 126-11) *begi.*

Основой слова является *bek* в памятниках со значением 'вождь, предводитель' (ДТС 91; ЭСТЯ 1978, 97), а в современных языках 'начальник, руководитель', от которой, возможно, образована звательная форма *begi* (ср. каз. *bajy* от *baj* при обращении к мужу). Первичное значение слова, по-видимому, – 'крепкий, сильный (человек)', который и мог быть начальником, вождем племени, рода и т.д.

Слово также в древности употреблялось как собственное имя: др.-кыпч. *Begi* (MK 546-6), др.-уйг. *Begni* (ThS IV 10). *Bek* в современных исконно тюркских антропонимах распространено как апеллятив: *Bektemir, Aslanbek* и т.д.

4. **böke* также многозначно: 'герой, богатырь', 'воин', 'силач, сильный, могучий', 'сила', 'муж, супруг' (см. ЭСТЯ 1978, 211; ДТС 116). Преобладающим в семантике слова выступает значение силы, мощи воина. В приведенной форме слово сохранилось в древних памятниках, из современных языков, главным образом, в языках восточного и сибирского ареалов: др.-уйг. *bögä* (QBK 189-7, QBN 368-1, QBN 385-15), *bögü* (Caf.EUS 50), чаг. *böke*; тур.диал., таранч. *böke*, тур.диал. *büke*; алт., кирг. *bökö*, *bögöl* (Бейбутова 101), алт., саг., койб. *mökö*, алт., тел., Леб., шор. *pökö*, тув. *möɣe*, як. *böɣö*, бараб. *pögö.*

Этимология не выяснена (см. ЭСТЯ 1978, 212). Возможно, слово связано с названием быка **buqa* как самого могучего домашнего животного.

От него образовано много собственных имен в древности: *bükä/bögä budrač/ bögä buδrač* (MK III 227); *bögä jawɣusy* (QBN 396-6)

Слово заимствовано соседними языками в древности и средневековье: монг. *böke*, эвен. *буку* 'сильный'; рус. *могутный.*

5. Одним из синонимов для обозначения воина является **er* 'герой', в значении которого преобладающим элементом являются укрепленные в сознании людей самые лучшие мужские достоинства воина.

6. **eren* – главное и первичное значение слова – 'муж, мужчина', одно из значений – 'герой'. Слово в основном сохраняет древнюю форму: ДТС 176 рун., др.-кыпч., ср.кыпч., чаг. *eren*, др.-уйг. *erän*; кар.К., Г., кирг. *eren*, кар.Т., *erän*, тат.диал. *irän*, каз. *jeren*, *žaran*; Лобн. *ejen*; хак. *iren*.

О его этимологии подробно см. ЭСТЯ 1974, 290. Возможно, оно образовано от *er* посредством усилительного аффикса *-en*.

Слово также превратилось в собственное имя еще в древности: древнетюркское *eren uluγ* (E 29-1). От него в древности образованы некоторые названия созвездий, которые пока идентифицируются гипотетически: *erän tir* (QBN 22-12) 'Близнецы'?, *erän tüz* (MK I 76; MK III 40) 'Весы'? (ДТС 176).

7. Названием воина в современном узком понимании можно считать лишь слово **saγdaqčy* 'воин', 'стрелок', широко употребляемое в фольклоре разных народов. Оно является более поздним наименованием, возникшим на основе узкой функции человека-воина: кирг. *sadaqčy*; каз. *sadaqšy*. В нем уже отсутствуют те концентрированные значения высоких мужских достоинств. Оно образовано от основы *saγdaq* 'саадак', 'колчан' (см.), 'лук' посредством аффикса *-čy*.

Давая своим детям – как имена-пожелания – имена воинов, обладающих такими положительными качествами человека, как сила, храбрость, мужество, доброта, ум и т.д., древние тюрки верили, что дети с подобными именами будут обладать перечисленными лучшими качествами мужчины.

Таким образом, можно выделить два основных представления о воине у древних тюрков: 1. сила; 2. пастырь народа.

Заимствование многих тюркских названий воина соседними языками свидетельствует о большой роли древних тюрков в военном искусстве.

«КОМАНДИР»

Командир, начальник (подразделения) у древних тюрков представляется первоначально как человек, который «держит» в руках других людей.

1. **tutuq* – название должности (военный правитель области) и титул (компонент многих имен собственных). Орх. (МЧ Ю 2), др.-уйг. (USp 26-16; ThS IV 3), др.-кыпч. (MK I 380 и др.) *tutuq* (ДТС 593).

Слово образовано от *tut-* 'держать', ср. типологически подобное рус. *самодержец*, также образованное от глагола *держать*. Неправомерным следует считать мнение о китайском происхождении тюркского слова, распространенное в период увлечения тюркологов и алтаистов китайскими заимствованиями. Ср. ДТС 593: < кит. *to-tog*; Räs.VEWT 502: < chin. *tu-tu* <**tuo-tuok*.

Tutuq в сочетании со многими словами-эпитетами образует собственные имена, зафиксированные в древнетюркских памятниках, что свидетельствует о высоком почтении к денотату этого слова и самому слову у тюрков: *alp tutuq*, *begü tutuq qyrqu seŋün*, *buzač tutuq*, *el toγan tutuq*, *kök amaš tutuq* и др. (ДТС 593).

2. Для обозначения начальника, руководителя любого подразделения используется слово *baš* в изафетном сочетании без аффикса родительного

падежа при первом компоненте с названиями числительных. Командир может быть назван и без указания числа воинов – как общее название. В таких случаях также участвует *bašy:* кирг. *qor bašy*, турк. *qur bašy* 'начальник отряда', где *qur* 'ряд, очередь'; *bātyr bašy* 'командир воинов' и т.д. (Бейбутова 76–77).

«КОМАНДИР ДЕСЯТКИ»

Десятка – наименьшее подразделение войск у древних тюрков.

**on bašy* 'командир, глава десятки', 'десятник'. В совр. языках: турк. *on bašy*; каз., ккалп. *on basy*, кирг. *on bašy*; уйг. *on baši*, узб. *un boši*.

«КОМАНДИР СОРОКА»

На второй ступени иерархии по возрастающей линии находится подразделение из сорока воинов или состоящее из четырех первичных подразделений. Название командира этого подразделения образовано от числительного *qyrq* 'сорок'. По сравнению с 'командиром пятидесяти' это название употребляется редко. Как известно, «сорок» является священным числом, оно ассоциируется обычно с сороковым днем после смерти человека, возможно, поэтому это название не получило такого широкого применения в наименовании войскового подразделения, как «пятьдесят».

**qyrq bašy* 'командир сорока воинов'. В эпосе «Манас» по варианту С.Орозбакова *qyrq bašy* заменяет наиболее распространенное в тюркских языках *elü bašy* (Бейбутова 78). Образовано сочетанием *qyrq* 'сорок' и *bašy* 'глава'.

«КОМАНДИР ПЯТИДЕСЯТИ»

Вторая ступень подразделения войск у древних тюрков состояла, как правило, из пяти первичных подразделений, соответственно, командир подразделения именовался командиром пятидесяти.

**elig bašy* 'командир, глава пятидесяти'. Кирг. *elüü bašy*; каз. *jelüw basy*; ккалп. *elü basy*. Образовано сочетанием *elig* 'пятьдесят' и *bašy* 'глава'.

«КОМАНДИР СОТНИ»

Начальник третьей ступени в иерархии воинских подразделений – сотни воинов, состоящей из двух подразделений второй ступени.

**jüz bašy* 'командир сотни', 'сотник' ('сотник', а также 'аульный старшина'). Образовано сложением *jüz* 'сто' и *bašy* 'глава': турк. *jüδ bašy*; кирг. *žüz bašy*, каз., ккалп. *žüz basy*; уйг. *juz baši*, узб. *juz boši*.

«КОМАНДИР ТЫСЯЧИ»

Начальник четвертой ступени в иерархии воинских подразделений, тысячи воинов, состоящей из десяти десятков.

**byŋa bašy/miŋ bašy* 'начальник тысячного отряда', 'тысяцкий'. Радлов указывает значения 'батальонный командир, майор'. Образовано сочетанием *byŋa/ miŋ* 'тысяча' с *bašy* 'глава'.

Орх.(МЧ С-6) *byŋa bašy* (ДТС 105); турк. *müŋ bašy*; каз. *myŋbasy*; кирг. *miŋ bašy*.

«КОМАНДИР ДЕСЯТИ ТЫСЯЧ»

Начальник пятой, высшей ступени в иерархии воинских подразделений – десяти тысяч воинов, состоящей из десяти предыдущих подразделений.

**tümen bašy* 'командир, начальник десяти тысяч'. В немногих языках сохранилось данное древнее сложное образование (каз. *tümen basy*). Образовано сочетанием *tümen* 'десять тысяч' с *bašy* 'глава'.

«ВОЙСКО»

У древних тюрков имелось несколько общих названий войска, возникших на базе разных языковых представлений.

1. **ordu*. В этом слове войско представлялось как нечто неразделимо связанное с местом его расположения. Оно, возможно, не относится к первичному обозначению данного понятия, но весьма часто употребляется в древних и средневековых языках. В большинстве современных языков слово имеет в основном пространственное значение, а собрание, коллектив военных как бы отодвигается на второй план. Старейшими его значениями Э.В.Севортян (ЭСТЯ 1974, 471) считает 'стан', '(войсковой) лагерь', 'лагерь хана', с которыми находятся в комплексной семантической связи, с одной стороны, 'войско', с другой – 'шатер командующего войсками', 'шатер хана'. ДТС 370: *ordu* 'ставка, резиденция хана, дворец'. *Ordu* в разных фонетических вариантах имеется во всех тюркских языках, главным образом в значении 'ставка хана, столица': др.-уйг. (ДТС 370), ср.-кыпч., ср.-огуз., чаг. *ordu*, др.-тюрк. (Gab.AG 321) *ortu*, ср.-кыпч., чаг. *orda*; тур., аз. *ordu*, турк., аз. *orda*, турк.диал. *ōrda*; ктат., кум.диал. *ordu*, кум., каз., ккалп., ног. *orda*, башк., тат. *urda*; уйг. *ordu*, *orda*, *ōda*, уйг.диал. *ōdä*, *urda*; хак., саг., Бар. *orda*, алт., кирг. *ordo*, як. *ordū*.

В значении 'войско' слово сохранилось в др.-тюрк. (Gab.AG), а также в юго-западных и некоторых соседних кыпчакских языках: осм., тур., аз., ктат., кум. 'свита/сопровождение бея' – (Korkut). Другие наиболее распространенные значения: 'шатер султана', 'двор, резиденция правителя', 'ханская ставка', 'ставка', 'орда', 'центр'.

Э.В.Севортян (ЭСТЯ 1974, 472) возводит слово к глаголу *orut-* 'стоять или располагаться лагерем', 'останавливаться', 'располагаться на месте'. Ср. также *orun*, *oltur* с близкими значениями.

Слово вошло во многие соседние языки. В славянских и других европейских языках оно заимствовано с «наиболее старыми и основными значениями 'стан' – 'войско'» (ЭСТЯ 1974, 471).

2. **qošun*. Это название войска связано со структурой военного формирования. Древние тюрки представляли войско как объединение, соединение разных подразделений – **qošun* 'соединение': узб. *qušin*; аз. *gošun*; каз. *qosyn*.

Оно образовано от глагола **qoš-* 'соединять, прибавлять', 'объединять' посредством имяобразующего аффикса *-yn*.

3. **sü*. Возможно, это древнейшее общее и первичное обозначение войска (ДТС 516, Радл. 795). Оно широко употреблялось в древних памятниках: орх., др.-уйг., др.-кыпч., уйг. *sü*; КТ 32: *ol süg anta joqqyšdymyz* 'то войско мы там уничтожили'; др.-уйг. *sü*; ср.-уйг. *sü čerig*. С падением древнетюркского государства и утратой тюрками военной мощи слово вышло из употребления и в современных языках не встречается.

О высокой частотности употребления *sü* в древности свидетельствует то, что от него образовано еще в древнетюркских языках много аналитических сочетаний и морфологических образований. ДТС 516: *sü aq-* 'двигаться войском', *sü bašla-* 'возглавить войско', *sü bük-* 'собрать войско', *sü jory-* 'отправляться в поход'; *sü čerig / čerig sü* 'войско'; названия различных видов войск: *jadaγ sü* 'пешее войско'. ДТС 68: *atlyγ sü* 'конница', *ič sü* 'внутренние войска'. ДТС 201: *sü bašy* 'военачальник'; а также ср.-кыпч. глагол *sülä-* 'воевать' – Räs. 434. Эти примеры свидетельствуют о разнообразной и разветвленной системе войск в древнетюркских государствах.

Как синоним слова *sü* в некоторых случаях в древнетюркских памятниках встречается *čerig*, которое в современных языках относится к редкоупотребительным словам, ср. каз. *šerüw* 'войско, отряд'.

«ВРАГ»

Древним тюркам враг представлялся прежде всего как чужой, незнакомый человек.

1. **jat*. Наиболее архаичными его значениями являются 'чужой, посторонний', откуда развились и значения 'чужеземец, иностранец, враг' (ЭСТЯ 1989, 158). ДТС 247: др.-кыпч. (МК I 433), др.-уйг. (ТТ VII 30-10), ср.-кыпч., чаг. *jat*; тур.диал. *jat*, тур., тур.диал., аз. *jad*, турк. *jāt*; кар., кум., ног.,тат., башк. *jat*, кирг. *ǰat*, каз., ккалп. *žat*; уйг., Лобн. *jat*, узб., узб.диал. *ja't* (Левитская – ЭСТЯ 1989, 158 – реконструирует эту форму как архетип), *žat*; алт. *d'at*, саг. *čat*; чув. *jut* (из тат.).

Название врага образуется и сочетанием этого слова с другими: *jat jaγy* (Suv. 87-13), *jat baz* (МК III 159), *jat ilinč* (ФТ II 9).

2. **jaγy* часто употребляется в значении 'враг' – см. «ВОЙНА».

«ДОЗОР»

В структуре военной организации у древних тюрков дозор занимал подобающее ему место. В древнетюркских памятниках в зависимости от характера дозора он представлялся связанным с различными действиями и обозначался разными словами.

1. * *jezäk* 'застава', 'дозор'. В слове подчеркивается, что это отряд, совершающий обход, – движущийся дозор. Слово часто употребляется в древнетюркских памятниках: орх. (КТб 33), др.-кыпч., др.-уйг. *jezäk*; МК III 88: *jezäk qamuγ jerig jezädi* 'дозор осмотрел все места', QBN 177-2: *jaɯqa*

jaγysa jezäkin alu tüšürsä 'прежде всего надо приблизиться к врагу и расставить дозоры' (ДТС 260).

Представляет собой образование от глагола *jezä-* 'обходить', 'осматривать' посредством аффикса *-k*.

Выражается также сочетанием синонимов *jezäk tutγaq* (QBN 176-10) 'застава', 'дозор'.

2. **qaraγu* 'дозор, передовое охранение, сторожевой отряд, стража, охрана' (ДТС 424). В семантике этого слова выделена цель дозора – осмотр местности. Оно также широко употребляется в древнетюркских памятниках: орх. (Тон. 34, Тон. 53), др.-уйг. (QBN 58-9) *qaraγu*.

Слово образовано от глаг. *qara-* 'смотреть' посредством аффикса *-γu*.

3. **tutγaq* 'ночной конный дозор', 'дозор'. В этом слове выделена одна из главных целей дозора – схватить лазутчиков. Др.-кыпч. (МК I 467), др.-уйг. (QBK 290-9) *tutγaq*; QBN 427-8*: ölüm tutγaqy tutty öz barγalyr* 'меня схватил дозор смерти, нужно собираться (в другой мир)' (ДТС 592).

Образовано от глагола *tut-* 'схватить', 'держать' посредством аффикса *-γaq*. Употребляется также в сочетании с приведенным выше синонимом: *jezäk tutγaq*.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ВОЙНЕ И БОРЬБЕ

«ВОЙНА, БОРЬБА»

Древние тюрки представляли войну (борьбу) как разнохарактерное противоборство, что нашло отражение в многообразии слов, выражающих это понятие, в них подчеркиваются масштабы, интенсивность, продолжительность войн.

1. **jaγy* 'война'. Это слово весьма интересно в смысле развития представлений древних тюрков о войне и участвующей в ней противной стороне, которая противопоставляется стороне, к которой принадлежит носитель тюркского языка. Первичное значение слова *jaγy*, по-видимому, 'посторонний, чужой, неродной'. В дальнейшем получили развитие и такие значения, как 'чужеземец', 'враг', 'иноверец', и уже отсюда развилось значение 'вражда, война, битва'. При этом главная семантика слова связана только с врагом, которого надо уничтожить. Например, оно не может употребляться в описании спортивной, политической, идеологической борьбы. Таким образом, война или борьба представлялась древним тюркам как противостояние сторон, которые готовы уничтожить друг друга. Указанные значения распространены в большинстве языков, центральными из которых являются языки северо-восточной группы (ЭСТЯ 1989, 56). Слово встречается в древнетюркских памятниках, во всех тюркских языках в разных фонетических вариантах со множеством значений.

ДТС 224: Рун. (Е 45-4, Тон. 19), др.-кыпч. (МК I 520), др.-уйг. (ТТ IV B-12) *jaγy* 'враг', ср.-кыпч., чаг. *jaγy*, чаг. *jaγ, jaki, jaw*; тур., аз. *jaγy*, турк., ха-

ладж. *jāγy*, аз. *jaγ*, кум., кар.Т., Г., ног., тат., башк. *jaw*, кирг. *ǰō*, каз., ккалп. *žaw*, балк. *žaw*; уйг.диал., сюг., Лобн. *jaγy*, уйг.диал. *jäγy/jyγy*, уйг. *jeγi*, таранч. *jeki*, уз.диал. *jaγ*, узб.диал., уйг., вост.-тюрк. *jaw*, узб. *jaw*, узб.диал. *ǰaw*; кюэр. *jaγ*, хак., саг. *saγ*, Бар., Тоб. *jaw*, алт. *d'ü/d'u*, Леб., Куманд. *jyγ*, хак. Саг., тув., тоф., шор. *čā*, Кыз. *šā*.

Слово, очевидно, производное от **jaq* 'сторона, противоположная говорящему' прибавлением к нему аффикса принадлежности 3-го лица единственного числа. Другие возможные гипотезы см. ЭСТЯ 1989, 56.

Это, пожалуй, редкий случай, когда имя существительное, связанное с обозначением войны, приобрело новое значение.

Слово имело весьма высокую частотность употребления. От него образовано немало производных слов: рун. (МЧ 28) *jaγyd-* 'становиться врагом'; др.-уйг. (QBN 154-12) *jaγyčy* 'воинственный'; крх.-уйг. (МК III 76) *jaγyq-* 'враждовать'.

Слово вошло во многие соседние языки. Сопоставления с алтайскими языками см. ЭСТЯ 1989, 56.

В других случаях для обозначения войны древние тюрки использовали глаголы, образуя от них имена существительные. Война древним тюркам представлялась как взаимное нанесение ударов или оскорблений для победы над противником.

2. **sabaš*. Первичное его значение – 'взаимная ссора, ругань, препирательство', от которого развилось более широкое значение: 'драка, схватка, война, битва': тур., гаг. *savaš*, турк. *söweš*; каз., ккалп. *sabas*, кирг. *sawaš*; узб. *sawaš*; алт. *sabaš*.

Слово образовано от глагола *saba-* 'бить, ударять, пороть' посредством аффикса *-š*. Существует и омоморфный глагол с взаимно-совместным значением *sawaš-* (МК II 102; ДТС 492) 'ссориться, препираться', 'бить друг друга', который, очевидно, образован от имени существительного *sab* 'слово' + глаголообразующий аффикс *-a* + аффикс с взаимно-совместным значением *-š*. Таким образом, первоначально война представлялась как словесное препирательство, взаимная ругань, перешедшая в драку, войну.

3. **salyš* 'схватка', 'война'. В этом слове главным выступает взаимное битье сторонами друг друга. Оно образовано от многозначного глагола **sal-* 'ударять, махать' (другие его значения: 'бросать, класть, бить, пригонять, назначать, определять' ДТС 482) посредством аффикса *-yš*: уйг. *salyš*, узб. *soliš*; кирг., алт. *salyš*.

4. **soquš* 'война, битва'. В большинстве современных языков слово употребляется в отношении крупномасштабных войн, например Первой и Второй мировых войн XX в. Возможно, это значение было свойственно ему еще в древности. Слово образовано от глаг. *soq-* 'бить, ударять' посредством имяобразующего аффикса *-yš*. Ктат., кирг., алт. *soγuš*, каз., ккалп., ног. *soγus*, тат. *suγyš*, башк. *huγyš*; узб. *soquš*, уйг. *soγuš*. Таким образом, война первоначально представлялась как взаимное избиение.

5. **süŋüš* 'сражение', 'вражда' (ДТС 517). Возможно, это древнейшее зафиксированное слово со значением 'война', 'борьба'. Здесь как главное в семантике слова подчеркивается взаимное внедрение вооруженных сил в стан врага. Оно образовано от *süŋ-/siŋ-/syŋ-* 'внедряться', 'втыкаться' посредством аффикса *-iš*. Рун. (КЧ 16, МЧ 16), др.-кыпч. (МК III 365) *süŋüš*. Существовал в древности омоморфный глагол *süŋüš-* (БК 28, Suv. 234-10, МК III 393) 'сражаться'. Синоним возник как вторичное образование от этой основы в глагольном значении: *süŋüšmäk* (Man. III 12-13); в древних языках встречается и собственное имя *süŋüš* (МК III 365).

6. **toquš* 'битва, сражение', 'бой' (ДТС 577). В слове подчеркивается как главное значение 'взаимное битье' (ср. *salyš).* Оно образовано от глагола **toq(y)-* 'бить, ударять, стучать' посредством аффикса *-š*. Др.-кыпч. (МК I 367; МК III 172) *toqyš*; (МК II 83) *toquš*; др.-уйг. (QBK 127-1) *toqyš*.

Омоморфное слово с глагольным значением встречается в древнетюркских памятниках: др.-кыпч. (МК I 359), др.-уйг. (QBK 127-7) *toqyš-* 'сражаться'.

7. **uruš* синонимично предыдущему имени, о чем свидетельствует также др.-кыпч. парное сочетание *uruš-toquš* (МК I 12) 'сражение, битва'.

Первичное значение слова – 'драка', откуда развились значения 'сражение', 'война'. Оно обозначает в основном войну ограниченных масштабов. Образовано от переходного глагола **ur-* 'бить', 'убивать' посредством аффикса *-uš* (о значениях глагола *ur-* см. ЭСТЯ 1974, 599). Слово в значении 'война' характерно для определенных ареалов тюркских языков, встречается также в древнетюркских памятниках. Рун. (Онгин. а-2), др.-кыпч. (МК II 83) *uruš*; турк. *uruš*; кбалк., кирг., алт. *uruš*, каз., ккалп. *urus*, ног. *urys*; уйг., узб. *uruš*.

Как явствует из приведенного материала, большинство названий войны образовано от глаголов, главным образом, посредством аффикса *-yš*, образующего название действия, выраженного в исходном глаголе.

«ВРАЖДОВАТЬ»

**jāny-*. Первоначальное значение слова – 'угрожать, пугать, грозить', откуда развилось главное значение в древнетюркских памятниках. Таким образом, значение 'враждовать' возникает из первичного 'пугать'. В дальнейшем развились и другие значения, которые имеются в современных языках.

Др.-кыпч. *jan-* (МК III 64: *beg any jandy* 'бек ему угрожал'), *janu-*, ср.-кыпч. *jan-*, *jana-*, *jany-*; гаг. *jān-*, аз.диал. *jany-*; кум., тат., башк. *janu-*, ног., казан. *jana-*, балк. *ǰan-/žan-*, каз., ккалп. *žany-*, кирг. *ǰany-*; узб. *jaṅ-*, Лобн. *žanu-*, уйг. *jonu-/žonu-*; бараб. *jany-*, тув. *čany-*, як. *sān-*.

Возможно, слово образовано от **jaɣy* посредством аффикса *-n* (см. «ВРАГ»), ср. рун. *jaɣyd-* (МЧ 28) 'становиться врагом'. Обзор этимологий и возможных параллелей из алтайских языков см. ЭСТЯ 1989, 114.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ВОИНСКОЙ АТРИБУТИКЕ

«ЗНАМЯ, ФЛАГ»

1. В древности знамя и флаг, надо полагать, не различались. Первоначально для тюрков знамя представлялось как нечто легкое, привязанное к концу шеста, древка – **bajraq*. Это слово имеется как в древнетюркских памятниках, так и в современных языках в разных фонетических вариантах. Основное его значение связано было с военным символом, знаком: 'знамя', 'флаг', 'штандарт', 'хоругвь', 'вымпел', откуда развились и другие связанные с ним значения (см. ЭСТЯ 1978, 34): др.-кыпч. (МК 369-8, 525-9) *bajraq*, *batraq* (МК 234-9) 'древко с шелковым полотнищем', др.-уйг., др.-кыпч. *badruq* (ДТС 77) – Севортян считает этот вариант более ранним (ЭСТЯ 1978, 34); чаг. *bajdaq*; турк., аз. *bajraq*, турк. *bajdaq*; ктат., кар.К., кум., кбалк., каз., ккалп., ног., тат., башк. *bajraq*; узб. диал., уйг. *bajraq*, узб. *bajrâq*, узб.диал. *bäjraq*, *bajdaq*, уйг.диал. *vajraq*, *bajaq*.

Существует немало этимологий *bajraq*, наиболее вероятной, по-видимому, является предположение Э.В.Севортяна, связанное с вычленением исходной глагольной основы **bad-/*baj-*. Можно добавить, что этот глагол имеет значение 'привязывать, связывать'. Исходя из сказанного, можно предположить, что в древности первоначально слово *bajraq* обозначало предмет (возможно, конский хвост), привязанный к деревянному шесту, к копью.

Слово распространено во многих соседних с тюркскими языках с разными близкими значениями: монг. *badan/bada ŋ/badang* 'флаг', 'знамя'; рус. *маяк* и др.

2. **jelek*. Первичное его значение – '(предмет) развевающийся на ветру', это, по-видимому, уже другой, более поздний тип знамени по сравнению с *bajraq*: др.-уйг. (USp 20-15) *jeläk* в слове *jeläkči*, ср.-кыпч. *jäläk*; турк., тур., тур.диал. *jelek*, тур.диал. *jilek*, *jelkı*, аз.диал. *jeleg/jeläx*, халадж. *jälāk*; тат.диал. *jïläk*, кирг. *ǯelek*, каз. *želek*.

Значение 'знамя, флаг' сохранилось в современных киргизском и казахском языках. Наличие древнеуйгурского собственного имени *jeläkči* 'Знаменосец' (USp 20-15 – ДТС 254) позволяет заключить, что слово было употребительно в древности.

В ряде языков оно имеет переносные значения: 'большое перо', 'перо', 'гребень, гребешок'.

Слово *jelek*, несомненно, связано со словом *jel* 'ветер', отсюда его первоначальное значение – 'предмет, развевающийся на ветру'. О предполагаемых этимологиях см. ЭСТЯ 1989, 179.

3. **tuγ* 'знамя, флаг, бунчук'. Возможно, это – более позднее название знамени по сравнению с предыдущими. У древних тюрков знамена, называемые *tuγ*, представляли собой изделия из меди или бронзы различных конфигураций, характерных для скифской культуры Восточной Европы. По китайским источникам, у древних тюрков знамена «имели вид сделанной из

золота волчьей головы» (Бейбутова 126). А.П.Окладников писал, что «волчьи знамена» древних тюрков представляли собой такие же фигурные штандарты, как знамена с головой дракона в сасанидском Иране или с орлами у римлян (*Окладников А.П.* Конь и знамя на Ленских писаницах // Тюркологический сборник. М.;Л., 1951. Вып.1. С. 148).

Др.-уйг.(QBK 140-8; QBN 19-3; MK I 194; MK III 127), ср.-кыпч., чаг. *tuγ*, др.-уйг. *tūγ* (Suv. 429-21 – ДТС 584), ср.-кыпч. *tow(?)*; турк. *tūγ*, каз. *tuw*, кирг., алт. *tū*; уйг. *tuγ*.

Предположение о наличии у этого слова значения 'барабан' (ДТС 584), по-видимому, неправомерно: (MK I 194) *tuγ uruldy* означает скорее 'ударили в знамена' (а не 'в барабан'); (QBN 19-3) *bulyt kökrädi urdy nävbät tuγy* 'в облаках загремело: ударили в караульное знамя' – знамена были металлическими, поэтому древние тюрки, ударяя в них, извлекали громкие звуки. Впрочем, у глагола *urul-* отмечается и значение 'быть поставленным, водруженным' (ДТС 615), так что фраза *tuγ uruldy* могла бы быть переведена как 'водрузили знамя' (версия перевода предложена Э.Р.Тенишевым).

Есть предположение, что слово еще в древности заимствовано из китайского: *tuγ* 'бунчук' < chin. *dug* (Räs.VEWT 496).

4. **tüpek* 'знамя', 'флаг'. Первоначально слово обозначало 'пучок шерсти', 'шерсть'; затем – 'хохол', 'гребешок', 'темя'. Это показывает, что подобное знамя представляло собой пучок волос, надо полагать, – из конского хвоста (ср. выше *bajraq*). Чаг. *tübäk*; кирг.*tüpök*, каз. *tübök*; як. *tümäx*, *tūmäx*; чув. *tébek*.

Возможна его связь с *tük*, *tü* 'шерсть', 'волос' или с *tüpi* 'ветер' (ДТС 598); ср. *jelek*, также связанное с ветром.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О МЕСТАХ ДИСЛОКАЦИИ ВОЙСК

О развитом военном искусстве у древних тюрков дают представления наименования мест расположения войск.

«ВОЕННЫЙ ЛАГЕРЬ; СТАН, КРЕПОСТЬ»

1. **ordu* является наиболее употребительным в древности и средневековье. Первичное его значение 'место, стан, лагерь', далее – 'ставка', 'шатер командующего'; 'резиденция хана'; 'дворец хана', 'дворец вообще'. Затем слово приобрело значение 'крепость', что указывает: резиденция хана располагается в крепости. Другие распространенные военные значения: 'войско, армия'; 'армейский корпус' (ЭСТЯ 1974, 470). См. «ВОЙСКО». Можно добавить, что *ordu/orut* является производным от *or-* 'охватывать; жать', или *ora-* 'окружать'. В таком случае первоначально слово означало 'место, пространство, окруженное (войсками)', 'середина'. Ср. ДТС 371: *ortu*, современная форма *orta* 'середина'.

Др.-уйг. (ThS II 41; QBH 27-20; TT VII 4-25), ср.-кыпч., чаг. *ordu*; тур., аз. *ordu*, турк. *orda*, турк.диал. *ōrda*; ктат., кум.диал. *ordu*, кум., каз., ккалп.,

ног. *orda*, тат., башк. *urda*; уйг. *ordu*, уйг., узб. *orda*, уйг. *oda*, уйг.диал. *urda*, *ōda*; хак.саг. *orda*, кирг., алт. *ordo*, як. *ōrdu*, *ordū*.

Это слово было весьма употребительным в древнетюркских языках, о чем свидетельствует то, что от него еще в древности произведено немало слов как аналитическим, так и синтетическим способом. ДТС 370: (МК I 124) *ordu bašy* 'дворецкий' (букв. 'глава двора'); (МК I 296) *ordulan-* 'поселяться' (букв. 'обзавестись дворцом, домом'). От значения 'дворец' происходит название народа и языка урду – 'язык дворца, народ, живущий во дворце, – аристократия'.

Монгольскими языками в формах *ordu*, *ordun*, *ord* оно заимствовано во вторичных значениях: 'дворец', 'палаты', 'резиденция', что свидетельствует о более позднем заимствовании. Другими соседними языками заимствовано и в более раннем – военном – значении, ср. рус. *орды*, англ. *horde* в значении 'крупные подразделения войск' и т.д.

2. **qoryɣan*. Буквальное первичное значение – 'охраняемое, огороженное (место)', от которого развились другие значения: 'стан, военный лагерь', 'крепость'. Образовано от глагола *qory-* 'оберегать, охранять' посредством аффикса *-ɣan*.

ДТС 458; ср.-уйг. (ЛОК 15-9, 12-3) *qoryɣan*; каз., ккалп., ног. *qorɣan*; кирг., алт. *qorɣon*; уйг. *qorɣan*, узб. *qurɣon*.

Слово заимствовано многими соседними языками в разных значениях: рус. *курган* и т.д. Возможно, рус. *город/град* с начальным озвончением также связано с глаголом *qory-*.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ ОРУЖИИ

В пратюркском существовало множество разнообразных названий оружия по назначению, по характеру материала, из которого оно сделано, размеру и т.д. Даже один вид оружия мог иметь несколько словесных выражений. Вместе с тем общее название оружия имеется в небольшом количестве современных языков. Ср., например: *qural* (Р., Pav.С., тур.диал. кирг., каз., ккалп., ног., уйг., уйг.диал.), *qŭral* (тат., башк.), *qural* (узб.), где значение 'оружие' развилось из 'орудие (мастера)'. Больше сохранились конкретные названия определенных предметов вооружения. В современных языках некоторые общие названия появились поздно в результате заимствования из соседних языков.

«ДУБИНКА»

Это оружие ближнего боя первоначально предназначалось для разных целей. В зависимости от этого оно именуется разными словами.

1. **sojul* 'дубинка'. Первоначально, по-видимому, она была предназначена для охоты на зверя. Позже дубинка стала оружием ближнего боя. Слово употребляется как в древних памятниках, так и в современных языках: кирг., каз. *sojul*; ккалп. *sojyl*; тув. *sujul*; узб. *sujil*.

Слово образовано от глагола *soj-* 'снимать кожу', 'сдирать шкуру' (ДТС 507), 'резать' посредством аффикса *-ul*. МК III 244: *bir tilkü terisin ikilä sojmas* 'с одной лисы две шкуры не сдирают'.

В древнекыпчакском зафиксирован омоформный глагол (МК III 190) *sojul-* 1. 'быть снятым (о шкуре, одежде)'; 2. 'рассеиваться (о тучах, облаках)'.

2. **čoqmar* 'орудие для битья, дубинка'. Тут главное в значении – характер конкретного действия, определяемый производящей основой ('бить, ударять'). Кирг. *čoqmor*; каз. *šoqpar*; ккалп. *šoqmar*; башк. *suqmar*.

Образовано от глагола *čoq-/toq-* 'бить', 'ударять'.

«КИНЖАЛ»

По-видимому, древние тюрки в качестве оружия редко использовали кинжал, об этом свидетельствует редкое употребление названия кинжала в языках древних памятников и позднее заимствование из других языков. Также в качестве оружия редко употреблялся нож.

**bögdä* 'кинжал'. Встречается в древнетюркских памятниках: др.-кыпч., крх.-уйг., др.-уйг. *bögdä*; др.-огуз. *bögdä/bögtä* (ДТС 116–117).

Этимология неясна. Возможно сравнить его с каз., ккалп. *bäki* 'небольшой нож', в отличие от крупного ножа – *pyčaq/byčaq*.

«КОЛЧАН»

Колчан относится к числу распространенных предметов снаряжения воина, о чем свидетельствует весьма частое употребление его названия в древних памятниках, а также в фольклоре тюркских народов. Теперь это название относится к архаизмам.

1. **keš*, по-видимому, одно из древнейших названий, оно встречается в др.-тюрк. памятниках в значении 'колчан': рун.(Е 10-5), др.-кыпч. (МК I 457) *keš*; *altunluγ kešig belimkä bantym* (Е 10-5) 'я повязал себе на поясницу золотой колчан'; *oq keštä čaldyr-čaldyr etti* (МК I 457) 'стрелы зазвенели в колчане'; *keš qurman* (МК I 444) 'колчан и лучник' (ДТС 303).

Этимология неясна. Возможна его связь с *kez* 'стрела', если учесть, что общее нерасчлененное название стрелы и колчана в древних языках и фольклоре обычное явление.

2. **saγdaq* 'колчан для стрелы', а также 'лук'. Слово обозначает и весь комплекс принадлежностей метательного оружия дальнего боя – лук, колчан, стрелы. Слово имеет эти значения в разных современных языках.

Чаг. *saγdaq*; турк. *saγdaq*; кар. *saγdaq*, каз., ккалп., кбалк. *sadaq*; уйг. *sā γidaq*, сюг. *saγadaq*, *saγataq*, узб. *sadoq*; кирг., алт., тув. *sādaq*, як. *sādax*, *sātax*.

По-видимому, слово образовано от глагола *saqla-/saqta-* 'хранить, содержать', в таком случае это – 'хранилище для стрел'. М. Рясянен его возводит к монг. *saγa-daγ* 'Bogen und Pfeile', 'Köcher'. Вполне возможно, что в монгольских языках это тюркизм, поскольку слово имеет значение не конкретного колчана, а комплекса.

От него посредством аффикса *-čy* образовано название человека по занятию *sadaqčy* – см. «ВОИН».

«КОПЬЕ, ПИКА»

1. **sančqaq* 'пика', копье'. Это слово как название оружия встречается в древнетюркских памятниках. В современных языках оно приобрело бытовое значение 'колющий предмет'. Копье, или пика, представлялось как орудие, предназначенное для протыкания тела врага или животного. Поэтому естественно образование его от глагола *sanč-* 'колоть, вонзать, втыкать' посредством аффикса *-qaq:* др.-уйг. *sančqaq*; Suv. 555-12: *öŋi öŋi sančqaq bolur bi byčɣın ermäs* '[это] разные пики, а не ножи'.

2. **süŋüg* 'копье', 'пика', 'любое колющее оружие'. В этой форме употребляется в древних памятниках. Как и предыдущее слово, представляет собой образование от глагола со значением 'колоть' – *siŋ-/süŋ-* 'проникать', 'проходить', 'пронзаться'. Ср. также название кости, образованное от этого же корня, – нечто пронизывающее мясную ткань *süŋäk* 'кость'.

Рун. (Тон. 28) *süŋäg*, др.-уйг.(TT V A-92), др.-кыпч. (MK II 264), ср.-кыпч. *süŋü*, чаг. *süŋgü*; турк. *süŋgi*; кирг., каз. *süŋgü*, кум., кбалк. *süŋŋü*, тат., башк. *söŋö/söŋgö*, уйг. *süŋgüš/ süŋüg*; як. *üŋ̄*; чув. *sănă, sönö*.

От него, в свою очередь, еще в древности образован глагол *süŋülä-* 'ударить копьем' (ДТС 517).

«ЛУК»

Лук у древних тюрков представляет собой основное оружие дальнего или дистанционного боя у отдельного воина.

**jaɣaq*. Главное значение во всех живых языках и памятниках – 'лук'. Другие значения, развившиеся из первого по внешнему сходству, мало распространены. Это: 'дуга, радуга, пружина' и т.д. (ЭСТЯ 1989, 75). Значения 'стрела', 'молния', возможно, имеют другое происхождение, в таком случае здесь мы имеем совпадение внешней формы разных слов. Нельзя отрицать и возможности того, что в данном случае также присутствует первоначальный синкретизм в обозначении комплекса лук и стрела (см. «КОЛЧАН»).

Ср.-кыпч., чаг. *jaj*, ср.кыпч. *jā*, др.-уйг., др.-кыпч., ср.-кыпч. *ja*; аз., тур., гаг. *jaj*, гаг. *jajy*, турк. *jāj*; кар.Т., Г., ног. *jaj*, кар. *jaja*, башк., тат. *zäjä*, тат.диал. *jaɣy*, башк. *jäjä*, башк.диал. *jan*, кар.К. *jā*, кбалк. *ǯaja*, кирг. *ǯā*, *ǯa*, каз., ккалп. *žaj*, каз. *ǯaq*; узб. *joj*, уйг. *ja*; койб., алт., сиб.тат. *ja*, аб. *jaɣ* (Верб. 65), саг., койб. *čaɣ*, хак., шор. *čāǯaq*, шор. (P III 644) *nan*, алт. *d'ā*, як. *sā*, тув,. тоф. *čā*; чув. *s'u* (ЭСТЯ 1989, 74).

Этимология слова не ясна (см. ЭСТЯ 1989, 75). Возможно, оно представляет собой производное от глагольной основы *jaq-/jaɣ-* ('падать, идти, сыпаться' – об осадках; 'приближаться'), образованное посредством аффикса *-aq*. Ср. **jaɣɯq* 'близкий'.

Производные от него в древности: др.-кыпч. *ja baɣry* (MK I 360) 'средняя часть, изгиб лука'. Др.-уйг. *ja* (QBH 16-10) 'созвездие Стрельца'.

**quruɣluq* в древних памятниках выступает в значениях: а) 'налучник, саадак'; б) 'натянутый (о луке, тетиве)'.

МК I 496, 501 *quruɣluɣ*/МК I 504 *quruɣluq*. Образовано от глагола *qur-* 'натягивать, составлять, строить' посредством аффиксов *-uɣ* + *-luq*. ДТС 470; МК I 496; QBK 292-10: *quruɣluɣ turur bu zamanä jasy* 'натянут лук [настоящего] времени', каз. *quruwly sadaq* 'лук со стрелой'.

«МЕЧ, САБЛЯ»

Основное оружие рукопашного боя. Понятия 'меч' и 'сабля' у древних тюрков не всегда были дифференцированы.

**qylyč* – наиболее распространенное название как в древних, так и в современных языках. Др.-уйг. (ThS II 13; QBH 19-17; TT I 162), ср.-уйг. (ЛОК 4-1), чаг. *qylyč*; тур. *kylyč*, турк. *ġylyč*; кирг. *qylyč*, каз. *qylyš*, кар.Т. *kylyč*, кар.Г. *kylyc*; уйг. *qylyč*, узб. *qilič*, уйг.диал. *kilič*; алт., шор. *qylyš*, саг., койб., як. *qylys*; чув. *xäs*.

Возможно, слово образовано от *qyl-* 'делать, изготовлять, создавать' – 'изготовленное из металла', в отличие от палки. Семантика «строительного» происхождения близка ко второму названию лука. Ср. также каз. образоподражание *qylš-qylš* в словосочетании *qylš-qylš et-* 'колыхаться сверкая' – об остром предмете.

Широко употребительно как в древних, так и современных языках. QBK 174-15: *sav altyn bilä bertsä beglär elig / qylyčsyz tilin birlä evrär elig* 'если беки действуют словом и золотом, они управляют [страной] без меча, языком'; *qylyč qamčy* (МК I 417) 'плеть, кнут с мечом'.

**qylyč* имеет много производных, как синтетических, так и аналитических, зафиксированных еще в древних памятниках – см. ДТС 442–443.

«СЕКИРА»

Источником послужило название бытового инструмента, который затем стал употребляться в качестве оружия.

**baltu* 'секира, топор'. Есть предположение, что *balta*, *baltu* 'топор' это древнемесопотамское заимствование (ЭСТЯ 1978, 58).

Др.-уйг., др.-кыпч. *baltu* (Suv. 544-6; Man. I 20-13 – ДТС 81); каз., кирг. *balta*. В последующем слово закрепляется за бытовым инструментом – топором, а секира стала обозначаться сочетанием этого слова с *aj* 'месяц' – по форме секиры: каз. *aj balta* 'секира в форме месяца'.

«СТРЕЛА»

**oq*. Первичное синкретичное именное и глагольное значение слова – 'стрела', 'стрелять' (ср. совр. Лобн. 'стрелять'). От первого значения развились древние значения: 'ось', 'внутриплеменные объединения', впоследствии слово приобрело и другие значения, например 'жало', 'лук' (сюг., як.), а с появлением огнестрельного оружия и металлической пули – 'пуля' во многих современных языках – также 'стрелка'.

Орх. (КТб 36), др.-уйг., др.-кыпч., ср.-кыпч., чаг. *oq*, ср.-огуз. (АФ) *ox*; турк. *oq*, тур., гаг. *ok*, аз. *ox*, тур.диал. *ök*; ктат., кум., кбалк., ног. *oq*, каз. *woq*, тат., башк. *uq*, кар.Т., Г. *ok*; уз.диал., Лобн. , уйг. *oq*, узб. *o̧q*, уз.диал. *hoq*; сюг., алт., тув. *oq*, як. *ox*, хак. *ux*.

Как и во многих словах, его этимология не выяснена. Подробно см. ЭСТЯ 1974, 438.

О широкой употребительности слова в древних (и современных) языках свидетельствуют многочисленные словосочетания и производные образования от *oq* еще в древних тюркских языках: др.-уйг., др.-кыпч. *oq jylan* 'гадюка' (букв. 'стрела-змея' – по внешнему сходству)', рун. *oq ur-* (КТб-33) 'пускать стрелу', др.-уйг. *oq jačy* 'лучник, стрелок'.

ЧАСТИ ОРУЖИЯ

«НАКОНЕЧНИК»

Наконечник (стрелы, копья) обозначается несколькими словами, имеющими разное происхождение: по сходству с частью растения, по функции и т.д.

1. **bašaq* 'наконечник', 'острие' (стрелы, а также копья). В данном случае древние тюрки уподобили элемент оружия (наконечник стрелы) части злакового растения. Первоначально слово имело значение 'головка растения', 'колос', что сохранилось в значительном числе языков (см. *Мусаев К.М.* Лексика тюркских языков в сравнительном освещении. М., 1975. С. 242–246). По сходству с колосом в ряде языков названо также оперение стрелы.

Др.-кыпч. (МК 190-10), ср.-уйг., ср.-кыпч., ср.-огуз., чаг. *bašaq*, чаг. *mašaq*; аз., аз.диал. *bašaq*, тур., тур.диал. *bašak*, *bašax*, аз., аз.диал. *baša*ɣ, аз.диал. *bašjax*, тур.диал. *baššak*, аз.диал. *baššax*, *baššа*ɣ, тур.диал. *bošak*; ктат., кар.Т., тат., башк. *bašaq*, кирг. *bačaq*, кар.Г. *basaq*, ктат., кирг., каз.диал. *mašaq*, тат.диал. *mažaq*, каз., ног., ккалп. *masaq*; узб.диал., уйг. *bašaq*, узб.диал. *baša*ɣ, вост.-тюрк. *mašaq*, узб.диал. *mašaq*, *mäšäq*, *mošoq*, вост.-тюрк. *bašaqa*; тув. *bašaq*, алт.диал. *pažaq*, *pazaq*, хак. *pazax*, алт., тув., тел., кюэр. *mažaq*, алт. *paštyq* (это, по-видимому, образование от *baš/paš* 'конец, головка' посредством другого аффикса *-lyq*); чув. *pučax* (ЭСТЯ 1978, 89).

По общему признанию тюркологов, слово образовано от *baš* 'голова', 'конец', 'начало' посредством аффикса *-aq* с уменьшительным значением (подробно см. ЭСТЯ 1978, 90). Такое происхождение слова не вызывает сомнений. Ср. др.-кыпч. (МК 236-16 – ДТС 87) *bašɣaq* 'головка бедренной кости'.

Новообразования на его базе встречаются еще в древнетюркских памятниках: (МК 190-10) *bašaq borysy* 'вырез (кольцо) наконечника'; (МК 592-2) *bašaqla-* 'насаживать наконечник'; (МК 249-2) *bašaqlyɣ* 'имеющий наконечник'.

2. **soqym.* Слово встречается в древнетюркских языках: др.-кыпч. *soqym* (МК I 397; ДТС 509) 'деревянный трехгранный свистящий наконечник стрелы'. Образовано от *soq-/suq-* 'всовывать, вкладывать, впихивать' посредством

аффикса *-ym*. Такой наконечник представлялся как вставка, укрепленная на конце стрелы.

Этим словом названа одна из планет солнечной системы: *baqyr soqym* (МК 18-17) 'планета Марс' (букв. 'медный наконечник' – по красноватому цвету планеты).

«ОПЕРЕНИЕ (стрелы)»

**kez*. Ср. *keš* 'колчан' (Радлов = перс. ﺝﻠ). Др.-кыпч. (МК I 326) *kez*, *oq kezi*; чаг. *käz* 'стрела'; каз. *kez*. Др.-кыпч. 'оперение, хвостовая часть стрелы'; каз. 'стрела без пера с раздвоенным наконечником' (Р II 1170). В каз. это также 'выемка, раздвоенное место на конце стрелы для установки на тетиву'. Этим же словом обозначается место между двумя горбами верблюда, возможно, это – его первичное значение, перенесенное затем на часть стрелы.

В древнетюркских памятниках употребительны его производные, свидетельствующие о широте его употребления: (МК II 196) *kezgär-*, (МК III 318) *kezlä-* 'класть стрелу хвостовой частью на тетиву' (ДТС 305). Ср. *bašaq*.

«НАЛУЧИЕ»

**qurman* 'налучье, саадак'. Встречается в древнетюркских памятниках, в современных языках не отмечено; возможно, оно утеряно вместе с появлением огнестрельного оружия и прекращением использования лука и стрелы. ДТС 468: *qurman* (МК I 444). Образовано от глагола *qur-* 'составлять'; этот глагол также участвует в образовании названия лука – *quruɣluɣ*.

«ТЕТИВА»

**kiriš* 'тетива лука'. Место, куда вставляется (букв. 'входит') стрела. Слово широко употреблялось в эпоху, когда лук служил важным оружием в войне и охоте. В современных языках оно относится к числу архаизмов, теперь с возрождением стрельбы из лука в спорте в некоторых языках слово обретает новую жизнь.

Др.-кыпч. (МК I 198), др.-уйг. (ТТ IX 79), ср.-кыпч., чаг. *kiriš*; турк. *kiriš*; кирг. *kirič*, каз. *kiris*, тат. *käräš*; тел., Бар., алт., тув. *kiriš*, алт. *kyryš*, як. *kiris*, *kyrys*; чув. *xirlü*, *xirlu*.

Образовано от глагола *kir-* 'входить, погружаться, вступать, присоединяться' посредством аффикса *-iš*. Таким образом, слово *kiriš* означало что-то вроде: 'то, во что вставляется какой-то предмет (в данном случае – хвостовая часть стрелы)'.

«НОЖНЫ»

Главная функция ножен с древнейших времен – хранить, держать режущий, колющий инструмент для предохранения его от затупления, а людей – от случайного телесного повреждения.

**qyn* 'ножны' – вместилище для сабли, меча, ножа. Употребительно как в древнетюркских памятниках, так и современных языках: Др.-кыпч. (МК I 359), др.-уйг.(QBN 162-11), ср.-кыпч., ср.-огуз., чаг. *qyn*; тур. *kyn*, аз. *ɣyn*,

турк. *qȳn*, кар., каз., ккалп., кум., кбалк., тат., башк., кирг., алт. *qyn*, каз., ккалп. *qynap*; узб. *qin*; як. *qȳn*, тув., хак. *хуn*, кыз. *хen*, *хendi*, тоф. *hyn*; чув. *jänä*. Слово имеет связь со словом *qynap* 'вместилище', 'матка' и представляет собой его стяженную форму. Еще в древности слово имело высокую частотность употребления и от него образованы производные. ДТС 444: (МК III 273) *qyna-*, (МК III 299) *qynla-* 'делать ножны'.

ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ

«НАПАДАТЬ, НАСТУПАТЬ»

Наступление на врага в сознании древних тюрков первоначально связывалось с действием 'наступать (на предмет)', 'подавлять'.

1. **pas-* 'наступать', 'давить', 'подавлять'; главное военное значение – 'нападать', общее обиходное значение – 'давить, наступить'. Подробно см. ЭСТЯ 1978, 74–76. Употребляется в военном значении в древнетюркских памятниках – ДТС 85, КТ 35: *qyrqyz bodunyγ uda basdymyz* 'мы во время сна (т.е. ночью) напали на кыргызский народ'; рун., др.-уйг., др.-кыпч., ср.-уйг., ср.-кыпч., ср.-огуз., арм.-кыпч. *bas-*, др.-уйг. *pas-* (P IV 1186–1187), ср.-уйг. *baš-*; турк., тур., аз., гаг. *bas-*, тур.диал. *bās-*; ктат., кар., кум., кбалк., кирг., каз., ккалп., ног., тат. *bas-*, башк. *baδ-*; уйг., Лобн. *bas-*, *was-*, узб. *bos-*, сал., сюг. *pas-*; алт.диал. *bas-*, *bās-*, *pās-*, алт., алт.диал., хак. *pas-*, тоф. *ba's-*; чув. *pus-*.

Как у многих односложных основ, этимология неясна. О предполагаемых других архетипах: **bās-*, а также монг., кор. и т.-ма. соответствиях см. ЭСТЯ 1978, 76.

2. **teg-*. Надо полагать, одно из относительно поздних значений этого слова в древних тюркских языках – военное: 'настигать, поражать'; 'нападать'. Еще в древнетюркских памятниках имеет много других значений (см. ДТС 546–547): от 'доходить, достигать' до 'пришпоривать'. В военном значении слово широко употребляется в древнетюркских памятниках: рун. (Тон. 46), др.-уйг. (Uig. I 15); др.-кыпч. (МК II 19) *teg-*; *qytaj öŋdönjön teg* (Тон. 11) 'кидани, нападайте с востока'; *tegdi oqy öldürü* (МК I 522) 'его настигла смертельная стрела' (досл. 'настигла, убивая'); каз., ккалп. *tij-* 'нападать'. Первоначально слово имело значения 'коснуться, прикасаться, дотрагиваться'. Каз. *tij-* также 'трогать, обижать'.

Этимология не выяснена.

«ПОБЕЖДАТЬ»

**jeŋ-* 'побеждать'. Другие, производные, значения см. ЭСТЯ 1989, 187. Широко употребляется в древних памятниках и современных языках.

Др.-кыпч. (МК III 391), ср.-кыпч., чаг. *jeŋ-*, ср.-кыпч. *jän-*; турк., тур.диал. *jeŋ-*, халадж. *jäŋ-*, тур., гаг., аз. *jen-*, аз.диал. *jin-*; кум., кар.К., Т, ног. *jeŋ-*, башк. *jiŋ*, кар.Г. *jen-*, кирг. *ǯeŋ-*; кбалк., каз., ккалп. *žeŋ*, тат. *ǯiŋ-*; узб. *jeŋ-*, уйг. *jäŋ-*; алт., тел. *jeŋ-*, хак. *čiŋ-*, алт.диал. *neŋ-*, *neg-*, шор. *näŋ-*, *näg-*, туба *nän-*; чув. *s'ĕn-*.

Этимология неясна, подробно см. ЭСТЯ 1989, 187.

В «староосманском» и ряде языков Сибирского региона (Р) развилась вторичная глагольная форма *jeŋlä-* 'побеждать' с соответствующими фонетическими вариантами. По-видимому, это стяженная форма новообразования от именной формы названия победы *jeŋiš* или *jeŋiw*.

Имеются производные от *jeŋ-*, в частности *jeŋiš* 'победа' и др. В современных языках много собственных имен с основой *jeŋiš*, которые возникли во время или после Второй мировой войны либо как дезидеративные, либо как результативные.

«ПОРАЖАТЬ»

Это военное понятие первоначально связано с семантикой 'колоть', 'рубить', что естественно, так как первое оружие у древних тюрков было колющим и рубящим.

**sanč-*. Первичное значение, распространенное как в древних памятниках, так и в современных языках: 'колоть', 'вонзать', 'втыкать' (ДТС 483), от которого возникли еще в древних тюркских языках (рун., др.-уйг.) военные значения: 'поражать', 'побеждать, разгромить'.

Рун. (БК 31, МЧ 31), др.-уйг.(ТТ IV В-12), др.-кыпч. (МК III 420) *sanč-*; башк. *säns-*, каз. *šanšy-*; узб. *sänč-*; *süsin anta sančdym, jabrytdym* (БК 31) 'там я разгромил их войско, лишил сил'; *jorγa jaryšda süsin anda sančdym* (МЧ 31) 'тогда в Йорга-Ярыше я разгромил его войско'.

От него в древности вторично образован глагол со страдательным значением *sančyq-* (МК II 228) 'быть пораженным, побежденным'.

«ОХРАНЯТЬ, ЗАЩИЩАТЬ, ОБОРОНЯТЬ»

Эти понятия близки между собой, и в пратюркском они не всегда дифференцированы в семантике глаголов, один и тот же глагол может выражать все эти значения.

**qōry-* 'оберегать, охранять', а также 'запрещать', употребительно как в древних языках памятников, так и в современных (ДТС 458).

Несомненна его связь с *qur* 'веревка, бечевка', *qur-* 'устраивать, сооружать', 'выстраивать, собирать, приводить в боевую готовность'; 'натягивать тетиву лука' – ДТС 467, Räs.VEWT 282 **koory*. Первоначально у скотоводов было принято огораживать участок со скотом натянутой веревкой. Возможно, с этим связано значение производного глагола.

Др.-кыпч. (МК III 263), ср.-кыпч. *qory-*, чаг. *qoru-*; тур., аз. *koru-*, турк. *qōru-*; каз., ккалп., балк. *qoru-*, кар.Т.,Г. *koru-*; уйг. *qory-*, *qoru-*; хак. *xoru-*. С этим словом связаны по происхождению: *qorγa-* 'защищать, охранять'; *qora* 'защищенное, огороженное место, загон для скота, двор'.

В древних языках развиты новообразования и словосочетания с этим именем: (МК I 375) *qoryγ* 'угодья феодала, запретные для других (обычно охраняемые)'; (Uig III 16–17) *qoryγ qyrqyn* 'охраняемые женщины', 'гарем, невольницы'.

Слово вошло в некоторые соседние языки: монг. *qori-* 'защищать'.

ВОЕННЫЙ ОТРЯД

«ОТРЯД»

Общее понятие «отряд» представлено несколькими названиями.

1. **čerig* 'отряд воинов', 'войско'. Др.-кыпч. (МК 195-12), др.-уйг. (QBN 172-11, QBK 128-9) *čerig*; каз. *šerüw*; алт. *čerü*, тоф. *šerig*, як. *serī*.

Возможно, оно образовано от глагола (QBH 23-4) *čer-* 'освобождать, избавлять' посредством аффикса *-ig*, так что первоначально имело значение 'освободитель, избавитель'. Некоторыми оно считается санскритским заимствованием < *ksatrika* (ДТС 144), что вызывает сомнение.

Слово было очень употребительно, и от него в древних тюркских языках образовано немало глаголов и имен: (МК 371-6, 407-13) *čergšä-/čerkšä-* 'составлять, образовывать ряды'; (ЛОК 13-5) *čerig ček-* 'направить (а не 'собирать', как указано в ДТС 144) войска', ср. каз. соответствие *šerüw šek-*; (QBK 5-12) *čerig sü* 'войска, рать'; (Uig. II 69-5) *sü čerig* 'войско'.

2. **jelme* 'небольшой подвижный отряд', 'отряд разведки' (ДТС 254, 424), 'легкая кавалерия'. Употребительно в древнетюркских памятниках: рун. (МЧ 18, 24; Тон. 52) обычно транскрибируется как *jelmä*.

Его происхождение довольно прозрачно, слово произведено от глагола *jel-* 'скакать рысью' посредством аффикса *-me*.

В названиях, буквальное значение которых соответствует количеству воинов в отряде, подразделении, участвуют числительные – обычно «круглые». Происходит перенос названия числа на отряд, количество воинов которого соответствует этому числу.

«ОТРЯД ИЗ ДЕСЯТИ ВОИНОВ»

**on* 'десять', отсюда – 'десятка воинов', от которого образовано название командира подразделения из десяти воинов *on bašy*. Военное значение сохранилось не во всех источниках.

Рун., др.-уйг., др.-огуз., др.-кыпч., ср.-огуз., ср.-кыпч. *on*, др.-уйг. *ōn*; тур., аз., гаг. *on*, турк. *ōn*, гаг. *uon*; ктат., кар., кум., кбалк., кирг., ног., ккалп. *on*, каз. *won*, тат., башк. *un*; уйг., сюг., Лобн. *on*, узб.диал. *ōn*, *won*, сюг., Лобн. *un*; алт., хак., тув. *on*, як. *uon*; чув. *vun*, *vunna*,*vuna*.

Перенос названия числа 'десять', 'десяток' на отряд – десятку воинов. Этимология слова *on* неясна, см. ЭСТЯ 1974, 456.

Название десятки в древнетюркских языках переносится и на племенные объединения: (Тон. 19) *on oq* 'десять племен'; (МЧ 3; ТТ IX 90) *on ujγur* 'десять уйгурских родов' (ДТС 367). Каз. *on san noγaj* 'ногаи из десяти племен' – одно из племенных объединений казахов.

«ОТРЯД ИЗ СОРОКА ВОИНОВ»

**qyrq* 'отряд, подразделение, состоящее из сорока воинов'. Перенос названия числительного 'сорок' на отряд. В кирг. эпосе «Манас» *qyrq*: *qyrq baščysy qyrγyl čal* 'командир сорока воинов – седой Кыргыл' (Бейбутова

78). В других источниках использование числительного ‘сорок’ для обозначения отряда войск не встречается.

«ОТРЯД ИЗ ПЯТИДЕСЯТИ ВОИНОВ»

Это название наиболее употребительное для обозначения следующей после отряда из десяти воинов ступени подразделения. Здесь первичное подразделение умножается на пять.

**elig* ‘группа из пятидесяти воинов’. Во всех источниках – ‘пятьдесят’. Однако в каких из них употребляется также в военном значении ‘отряд из пятидесяти человек’, нелегко установить.

Рун. (E 48-3, ДТС 170), ср.-кыпч., ср.-огуз. *elig*, др.-уйг., чаг. *älik*, ср.-уйг. *ällig*; в арабографичных памятниках неясно, каков начальный гласный – *e-*, *ä-* или *i-*; турк., тур. *elli*, аз. *älli*, гаг. *jelli*; ктат., кар.К., кум., кбалк., ног., ккалп. *elli*, кар.Т. *eŋli*, кар.Г. *iŋli*, *enli*, каз. *jelüw*, кирг., алт. *elü*, тат., башк. *illu*; узб., уйг., Лобн. *ellik*, уйг.диал. *ellig*, уз.диал. *ällu*; саг., койб., кач. (P I 819) *elig*, хак. *ilig*, койб. *ilix/ilex*, койб., саг., кач. *illig*, Бар. *illä*; чув. *alla*.

Перенос названия числительного на группу воинов по их количеству. О существующих этимологиях слова *elig* см. ЭСТЯ 1974, 266.

Факт существования подобного подразделения у древних тюрков подтверждается также новообразованием в др.-уйг. *eligči* (KP 75-5) ‘надзиратель’, ‘начальник (над пятьюдесятью)’.

«ОТРЯД ИЗ СТА ВОИНОВ»

**jüz* ‘группа воинов из ста человек’. Во всех источниках – ‘сто’. Происходит перенос названия числительного на военную группу в сто человек. Подробно об этимологии *jüz* см. ЭСТЯ 1989, 260.

Значение военного подразделения у этого слова имеется не во всех языках, оно сохранилось в древних памятниках и в фольклоре. Тон. 4: *jeti jüz bolty* ‘было семь сотен (чловек, воинов)’; кирг. эпос «Манас»: *ǯüz adamγa bir adam ǯüz bašy qojup salγany* (Бейбутова 77) ‘на каждые сто человек один был назначен командиром – юзбаши’.

Орх., ср.-кыпч., ср.-огуз., ср.-уйг., чаг. *jüz*, др.-уйг. *jüδ*, *jüs*, арм.-кыпч. *juz*; ср.-кыпч. *üz*, булг. (EB) *ǯür*; турк., тур., аз. *jüz*, халадж. *jüz*, хорас. (Doerfer) *üz/üz*, гаг., турк.диал. *üz*; кар.К., Т., кум., ног. *jüz*, кар.Т. *juz’*, кум. *juz*, тат. *jüz*; башк. *jüδ*, кар.Г. *jiz/iz*, кирг., каз. *ǯüz*, кбалк. *ǯüz*, казан. *ǯöz*, каз., ккалп. *žüz*, балк. *ǯüz*, каз.диал. *düz*; уйг.диал. сал., Лобн. *jüz*, алт., тел., Леб., Бар., кюэр. (P III 614) *jüs*, алт. *d’üs*, хак., шор., саг., тоф., тув. *čüs*, як. *süs*; чув. *s’ür*.

Название сотни воинов впоследствии стало обозначением для племенного обьединения: каз. *ulu žüz* ‘Большая сотня’, *orta žüz* ‘Средняя сотня’, *kiši žüz* ‘Малая сотня’. Ср. *on* ‘десятка воинов’.

«ОТРЯД ИЗ ТЫСЯЧИ ВОИНОВ»

**byŋa* ‘группа из тысячи воинов’. Перенос названия числа на группу войск из тысячи человек. Употребительно в древнетюркских памятниках, описывающих походы каганов с войсками.

ДТС 105: *byŋa* (МЧ В-11) 'отряд из тысячи воинов': *čik tapa byŋa ydtym* 'я послал против чиков тысячный отряд'.

Слово в форме *tuŋ* близкой к предыдущему слову, в словосочетаниях с компонентами *tuŋ tümen* древнетюркских языков обозначало великое множество. ДТС 344–345: *miŋ jyl tümen kün* 'вечно', 'многие годы' (букв. 'тысяча лет по десять тысяч дней'); *miŋ miŋ* 'тысячами'; *miŋ tümen* 'тысяча раз по десять тысяч'; *miŋ miŋ tümen* 'тысяча тысяч раз по десять тысяч', 'огромное множество'; *miŋ miŋ tümen tümen* 'тысяча тысяч раз по десять тысяч и десять тысяч' – 'бесчисленное множество'.

Таким образом, в обозначении групп или подразделений войск широко употреблялись «круглые» числа 10, 40, 50, 100, 1000, показывающие структуру основных военных подразделений древних тюрков.

«ОТРЯД ИЗ ДЕСЯТИ ТЫСЯЧ ВОИНОВ»

**tümen* 'группа из десяти тысяч воинов'. Перенос названия числа 'десять тысяч', 'очень много' на группу воинов из десяти тысяч человек. В ДТС 596 оно сравнивается со ср.-перс. *tumān*. По сравнению с вышеприведенными названиями отрядов употребляется реже; это объясняется, по-видимому, тем, что столь большие отряды редко участвуют в войне. Большее число войск выражается умножением данного числа на другие числительные.

Рун. (Тон. 36) *on tümen sü terilti* 'собралось стотысячное (десять туменов) войско', др.-уйг., ср.-кыпч. *tümen*; тур. *tuman*; каз. *tümen*; саг. *töbän*; хак. *tüben*; як. *tübän*, *ütümän*. ДТС 597: *tümän ban* 'десятки тысяч', *tümän miŋ* 'десятки тысяч тысяч', *tümän tü* 'разнообразный', 'всевозможный', *tümän türlig* 'самый разнообразный', 'всевозможный'. Каз. собственное имя *Toman*.

Это слово имеется во многих языках, соседствующих с тюркскими: монг. *tümen*; венг. *tömeny*; рус. *тьма*, *туман*, *томан* (Фасмер IV 75, 133).

СНАРЯЖЕНИЕ ВОИНА

«ОДЕЖДА ВОЕННАЯ»

В древнетюркских языках имелось специальное слово, служившее общим обозначением военной одежды.

**čarɣut* 'верхняя боевая одежда' (обычно покрывающая верхнюю часть тела воина). В тюркских языках слово приобрело весьма далекие друг от друга значения: от совр. каз. *šoqput* 'потрепанная одежда' до др.-кыпч. (МК 227-5) 'подлокотная подушка, тюфяк, подстилка для сидения на полу', по-видимому, старая одежда использовалась в подобной вторичной функции.

Др.-кыпч. *čabɣut* (ДТС 135); тур. *čaput*, турк. *čabyt*; ккалп. *šopqyt*, каз. *šoqput*, кирг. *čopqut*; узб. *čagbut*, *čagwut*, *čavut*.

Возможно, слово образовано от глагола **čar-/ǯar-* 'накрывать, покрывать, закрывать' посредством аффикса *-ɣyt*, от этого же корня посредством другого аффикса *-an (< -ɣan)* произведено близкое по семантике название

одежды *čapan* 'верхняя одежда, халат, пальто'. Исходя из значения глагола можно предположить, что первоначально это была одежда-покрывало, чем-то напоминающая плащ-палатку. Ср. также *čap-* 'махать, размахиваться, бить, покрывать' (Р III 1916–1917).

«ПАНЦИРЬ, КОЛЬЧУГА»

Различные названия этого предмета в тюркских языках показывают, из чего он делался в древности.

1. **jarγaq* 'панцирь', 'кольчуга'. Первичное значение – 'шкура, главным образом, очищенная от шерсти', отсюда и 'перепонка', 'ушная раковина' (ср. казахское название летучей мыши *žarγaq qanat* > *žarγanat*, букв. 'с перепончатыми, лишенными пуха и перьев крыльями'). Таким образом, первоначально этот предмет изготавливался из очищенной от шерсти шкуры. Первичное значение сохранилось в большинстве языков. В дальнейшем – 'любая одежда из шкуры', это значение слово сохранило не во всех языках. В кирг. эпосе это слово обозначало также 'боевые брюки' (Бейбутова). В современых языках слово имеет и более «продвинутое» общее значение 'снаряжение', 'оружие'.

Слово в первичной форме сохранилось во многих языках. Орх. (КТб 33) *jaraq*, ср.-кыпч., чаг. *jarγaq*; турк., кум.диал., ног., тат.диал., башк., уйг.диал. *jarγaq*, тат.диал., кирг. *žarγaq*, каз., ккалп. *žarγaq*; узб. *jorγoq*, алт. *d'arγaq*, тув. *čarγaš*, алт. *parγaq*; чув. *jalx'ax*, *s'urx'ax*.

Возможно его образование от глагола *jary-* 'сделать светлым, осветлить' посредством аффикса *-γaq*, что в итоге дает начальную семантику – 'шкура осветленная', т.е. отделенная от шерсти, из которой древние тюрки изготавливали различную одежду, в том числе и для воинов. «Военное» значение сохранилось дольше по времени. Обзор этимологий см. ЭСТЯ 1989, 142.

2. **jaryq*. В этой форме оно отмечено в древних и средневековых памятниках. Др.-кыпч. (МК III 15), др.-уйг.(ТТ IV В-12), ср.-кыпч. (Houts. 103, AbûH 121,), чаг. *jaryq* ДТС 241.

Первичное значение этого названия – 'шкура', позднее оно приобрело и другие значения по функции: 'шкура' > 'одежда' > 'кольчуга', 'панцирь'. По-видимому, слово восходит к более полной первоначальной форме *jarγaq* 'шкура вообще', 'шкура, лишенная шерсти'. См. выше **jarγaq*.

Сочетаясь с другими словами, еще в древних языках слово образовало названия различных видов панциря: *saj jaryq* (МК III 158) '(каменный?) панцирь'.

В древности слово вошло в ряд соседних языков: др.-рус. *ярык* 'латы' (Фасмер IV, 563; Шипова 440; ЭСТЯ 1989, 147).

3. **qujaγ* 'панцирь, кольчуга'. Это, по-видимому, панцирь более позднего производства, нежели кожаный; его семантика говорит о том, что он сделан из металла. Об этом свидетельствует название, которое образовано от глагола *quj-* 'лить', 'наливать' посредством результативного аффикса *-aq/-aγ*

Таким образом, это «литой» панцирь в отличие от обматывающего *jarγaq*.

Оно встречается в древнетюркских памятниках, а также в некоторых современных языках: ДТС 464, QBN 86-12 *qujaγ*; уйг., сиб.тат. *qujaq*; як. *kunak*. Синоним *köbe*.

Слово вошло в монгольские языки в форме *xujaq*.

«ШЛЕМ»

**dūlγa* 'шлем'. Самая ранняя его фиксаця относится, по-видимому, к чагатайскому литературному языку. Имеется во многих языках. Чаг. *dabulγa* (Р III 775); *duluγa*; каз. *duluγa*; як. *dulaγu*; кирг., тел. (Р III 1432) *tūlγa*.

М.Рясянен (Räs.VEWT 141) считает его вошедшим в тюркские из монгольских языков: < burj. *duulga*, mo. *daulga*, *dugulga*.

«ЩИТ»

Представлялся как некая преграда, охраняющая от воздействия посторонних предметов.

**qalqan* 'щит', 'защитное средство'. Употребительно как в древнетюркских памятниках, так и во многих современных живых языках. ДТС 413, др.-кыпч., др.-уйг., ср.-кыпч., ср.-огуз., чаг. *qalqan*, др.-кыпч., др.-уйг., ср.-уйг. *qalqaŋ*; тур. *kalkan*; кар.К., каз., ккалп., кирг. *qalqan*, каз., кбалк. *qalqa*; як. *xalxa/xaxxa/xaxa*.

М.Рясянен (Räs.VEWT 227) считает, что это < монг. *qalqa* 'Schild' ('щит'). В таком случае остается неясным появление конечного согласного *-n*. Возможно, это слово образовано от глагола **qalyq-* 'покрывать, накрывать, закрывать' посредством аффикса *-an* (ср. *qalyq* 'небо'). В тюркских языках распространено слово *qalqa* 'ограда, защита'.

НЕКОТОРЫЕ ДРУГИЕ НАЗВАНИЯ

«ПЛЕННЫЙ»

1. **bulun* 'пленный, пленник' (ДТС 123). В данном случае пленный представляется как нечто полученное, захваченное безвозмездно.

Слово образовано от глагола *bul-* в значении 'получать, доставать, приобретать' посредством аффикса *-un* с результативным значением. Слово широко употребляется в древнетюркских памятниках: др.-кыпч. (МК I 307; МК II 307), др.-уйг. (Man III 24-11; QBN 265-14) *bulun*.

Посредством сочетания с глаголом *qyl-* 'делать' оно образует составной глагол: *bulun qyl-* (МК I 399) 'захватить в плен'.

2. **tutqan* 'пленный, пленник'. Это уже 'задержанный', 'захваченный'. Обычно обозначает пленника, захваченного в бою. Семантически близко к предыдущему. Употребительно как в древних, так и современных языках в разных фонетических вариантах.

МК II 219 *tutγun: tutγun alyp qul satar* 'взяв пленника(ов), его (их) продает как раба' (ДТС 592); кирг., каз., ккалп. *tutqun*; тат. *totqyn*; башк. *totqon*.

Образовано от глагола *tut-* с широким спектром значений: 'хватать', 'ловить, захватывать', 'держать', 'брать', посредством аффикса *-γan*.

3. **til* '«язык»', 'пленный' – обычно один человек или небольшое количества людей, захваченных в плен – характеризуется как объект для получения информации о враге. Его семантика представляет собой ответвление от основного прямого значения *til* 'язык как орган речи, как орудие коммуникации'. Семантическое совпадение тюркского *til* '«язык»', 'пленный' с русским *язык* в значении 'пленный' – типологическое явление.

Слово употребляется широко как в древних, так и современных тюркских языках. ДТС 559: др.-уйг. (QBK 126-6) *qatyγlanγu ašnu til alγu keräk, bu tildin jaγy qylqy bilgü keräk* 'нужно постараться вначале взять «языка»-пленного и от этого «языка» узнать о действиях противника', каз., ккалп., кирг. *til* 'язык, пленный'.

«ШПИОН»

По языковым данным, первоначально шпион у древних тюрков представлял собой человека, который подслушивал разговоры других тайно и передавал своим начальникам и друзьям.

**tyŋčy*. Первичное его значение – 'человек, который слушает и передает информацию'. Впоследствии от него развилось военное значение 'шпион'. Слово существует в древнетюркских памятниках и современных языках: Др.-уйг. (Uig. II 78-37), кирг. *tyŋčy*; каз., ккалп. *tyŋšy*, башк. *šymsy*; ДТС 568.

Образовано от имени существительного **tyŋ* 'слух, слушание, звучание', 'звук' посредством весьма продуктивного аффикса со значением занятия, профессии *-čy*.

В древних языках встречается употребление в сочетании с *sawčy*: *tyŋčy sawčy* (TT IV, B-21) с собирательным значением 'всякие шпионы, доносчики'.

«ПРОВОДНИК»

Первично «проводник» – это знаток земли, дороги.

1. **jerči* 'специалист, хорошо знающий землю, окрестность', 'проводник'. Часто употребляется в древнетюркских памятниках. Рун. (Тон. 23), др.-уйг. (KP 27-6) *jerči*; ДТС 257.

Образовано от *jer* 'земля', 'пространство', 'окрестность' присоединением аффикса, придающего имени значение человека по занятию, *-či*. Посредством сочетания со словом *suwču* 'знаток воды' образуется название специалиста высшей квалификации: др.-уйг. *jerči suwčy* (KP 23-8) 'проводник-лоцман', т.е. 'человек – знаток как суши, так и водного пространства'.

2. Словом **jolču* выражается более специализированное значение 'специалист по дорогам', 'тот, кто со знанием дела ведет по дороге, по пути', 'проводник'. Здесь семантика понятия знатока несколько сужена – проводник только по дороге. Образовано от *jol* 'дорога, путь' посредством аффикса *-čy* – по одной модели с *jerči*. В значении 'проводник' оно более употребительно в древнетюркских памятниках. Др.-уйг. (QBN 393-5 – ДТС

271) *jolču*. О том, что в этом значении *jolču* являлось полным синонимом с предыдущим названием в древности, свидетельствует словосочетание, в котором оно стоит на первом месте: др.-уйг. *jolču jerči* (KP 40-8; TT III 69) 'проводник'. Новообразование от него: *jolčulyγ* (QBH 88-2) 'с проводником'.

В современных языках редко употребляется в значении 'проводник', основное его значение во многих живых языках – 'путник', а новейшее значение – 'строитель дорог'.

«ФЛАНГ»

Фланги у тюрков, как и у всех народов, имели пространственную ориентацию – правая и левая стороны от центра, где находится военачальник. Соответственно они выражались словами, обозначающими понятия 'правый', 'левый'.

1. **oŋ* 'правый фланг, правое крыло'; первоначально – 'правая сторона', 'правый'.

По тюркским языкам слово имеет много фонетических вариантов: *oŋ/on/un/ won/u ŋ/u ŋa/ön/ö ŋ/jön* – подробно см. ЭСТЯ 1974, 456.

В этом же значении существуют разные формы и в других алтайских языках: монг. *onu-*, *no-*; т.-ма. *an*, *han*. Ср. также тюрк. *öŋ* 'лицо, лицевая сторона', имеющее семантическую и формальную связь с указанным словом.

2. **sol*. Фонетические варианты по тюркским языкам: *sol/sul/hul* и т.д. – 'левый, левая сторона' > 'левый фланг', 'левое крыло'.

3. **uč*. Общее название фланга без указания сторон: 'фланг, крыло'. Первоначально – 'край, конец'. Употребляется также в сочетании с предыдущими словами: *oŋ uč* 'правый фланг', *sol uč* 'левый фланг'.

Варианты по тюркским языкам: *uč/uš /üč/üš /us/uc* и т.д., подробно см. ЭСТЯ 1974, 611. Рун. (Тон. 40) *sünüšdümüz bizintä eki učy syγarča artyq erti* 'мы сразились, по сравнению с нами их два крыла были наполовину больше' (ДТС 603).

СОЦИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

Разные уровни в социальной иерархии, неравенство в положении людей в обладании имуществом и властью в человеческом сообществе, существовавшие со времен первобытного общества, получили свое отражение в тюркских языках.

Выделение социальных рангов – каст, групп власть имущих, богатых и бедных – выражается в тюркских языках определенными словами. Например, социальное противопоставление каст типа *aq – qara* 'белый – черный' существовало в древнетюркском обществе.

Qara как название низкой касты сохранилось у тюркских народов: каз. *Ol qara, qaradan šyqqan* 'Он из простых, из черни'. *Aq* как название высокой касты также сохранилось: каз. *aq süjek* 'белая кость' (аристократ). Но словосочетание *qara süjek* не встречается. В современном казахском обществе сохраняются такие касты, как *töre* – восходящие к потомкам Чингисхана, *qoža* – восходящие к потомкам арабских завоевателей.

Возникновение каст происходило в разные исторические периоды и имело определенные базы для этого. Каста *töre* возникла в казахском обществе, по-видимому, после установления династии Чингизидов. Каста *qoža* возникла, несомненно, с распространением ислама.

Вместе с тем в группах людей существовали равные члены, независимые по отношению к другим членам.

«ДРУГ, ТОВАРИЩ, ПРИЯТЕЛЬ»

Для выражения этого понятия у древних тюрков существовало слово *eš*, которое представлено в памятниках и сохранилось в некоторых современных языках.

**eš*

Ен., др.-уйг., крх.-уйг., ср.-уйг., ср.-огуз. *eš* (ДТС 184); ср.-кыпч. *eš* (Abû H 12); чаг. *eš*; тур. *eš*, гаг. *ješ*, ктат., кар.К. *eš*, тат., башк. *iš*, ног., ккалп., каз.диал. *es*; кирг. *eš*, алт. *eš, ēš*, узб. *eš*, уз.диал. *äš*, Лобн. *eš*, шор., тув. *eš*, чув. *jyš*.

Более древними, первичными, являются значения 'друг', 'приятель', 'сподвижник', 'товарищ'. Другие значения (см. ЭСТЯ 1974, 314) – производные от них – возникли в более позднее время.

Возможно, слово связано с глаголом *es-* 'связывать', 'вить (веревку)'. О предлагавшихся его этимологиях см. ЭСТЯ 1974, 314.

Др.-уйг. *eš tuš* (TT IV A-21) 'друзья', 'товарищи'. Тюркизм в русском языке *товарищ* < тюрк. *tavar+eš* (Vasmer III 112–113) в современных тюркских языках не регистрируется, первоначально означал 'товарищ, друг по совместной работе в скотоводстве', букв. 'друг по скоту'.

**joldaš* 'приятель, товарищ, друг, спутник' является более поздним образованием. Слово образовано присоединением к слову *jol* 'дорога, путь'

аффикса с совместным значением *-daš*. Первоначально это слово обозначало спутника, товарища по совместному пути.

Таким образом, у древних тюрков друзьями становились прежде всего люди по совместной работе, по совместному пути, т.е. совместная деятельность делала людей друзьями.

ПОЛОЖЕНИЕ ЛЮДЕЙ В СЕМЬЕ

В древнетюркском обществе каждый член семьи по возрасту и полу занимал свое место в иерархии внутрисемейных отношений.

«МУЖ»

Главой, самой влиятельной фигурой в семье считался мужчина, он же муж женщины (см. раздел «Родство и свойство»).

«ЖЕНЩИНА»

'Женщина' и 'жена' у древних тюрков как социальные понятия имели одно название с общим значением 'старшая женщина в семье'. Аналогично 'младшая женщина в семье' – 'девушка', 'дочь', 'девочка' – обозначается одним словом *qyz*. Таким образом, все женщины-родственники в семье четко делились на старших и младших. Женщина в семье была рангом ниже, чем мужчина.

1. Для древнетюркских языков характерным словом для обозначения женщины было **tiši*, которое помимо древних языков распространено, главным образом, в современных тюркских языках Сибирского региона.

Др.-уйг. (Suv. 609-16; TT X 249), крх.-уйг. (QBK 60-3), ср.-уйг., ср.-кыпч., чаг. *tiši*, ср.-кыпч. *diši*; тур., гаг., аз. *diši*; кар.К. *diši*, ктат., кар.Т., К., кум. *tiši*, кар.Г. *tisi*, кбалк. *tyšyruw* (< *tiši* + *uruw*); балк. *tiši*, тат.диал. *tišĭ, tyšy*; алт. *tiži*, алт.диал. *tiži*, *tyžy*, *tyzy*; уйг.диал. *tiši*, сюг. *tese*, *tiš*; хак.диал., шор.диал. *tizi* (Castrén 109 – конд.гов., P III 1398 – койб., саг.), хак. *tyzy*, койб. *tize* (Castrén 109), як. *tyhy*.

Первоначально слово имело значение 'особь женского пола (людей, животных), самка'; это значение распространено в большинстве языков. Значение 'женщина' – вторичное, тем не менее именно в этом значении слово часто встречается в древнетюркских памятниках. ДТС 563: *tiši kiši* 'женщина (букв. самка человек)', *tiši tynlyγ* 'женщина'. Этимология его неясна. См. ЭСТЯ 1980, 245. Возможно, она связана с глаголом *tiš-/teš-* 'продырявливать', 'протыкать' (ДТС 555).

2. **uraγut*

Крх.-уйг. (MK II 80, 142), ср.-уйг. (Rbγ.) *uraγut, urawut, uraut*.

Первоначальное значение этого слова также 'самка' – пол, способный к зачатию и деторождению; в древнетюркских текстах слово имеет значение 'женщина': *Uraγut oγul toγurdy* (MK II 80) 'женщина родила сына (мальчика)'; *uraγut bezändi* (MK II 142) 'женщина принарядилась'. В каз. *žuraγat* – 'родственник' в общем понимании (Бегалиев, Гаврилов 95).

Слово образовано от **ur-* *'зачать', 'рожать', 'приносить потомство' (см. ЭСТЯ 1974, 605). Э.В.Севортян (ЭСТЯ 1974, 603) согласен с М.Рясяненом (VEWT 515b), считающим это слово гомогенным с **urqačy* 'самка'.

Для обозначения женщины употреблялись в пратюркском и другие слова:

3. **ewči*

Это древнее слово, употребительное в памятниках и современных языках сибирского ареала: др.-уйг. *ebči, evči* (USp 73-5; Rach. II 2-65), крх.-уйг. *ewči* (QBN 324-3); чаг. *äbči*, кирг., алт., тел., Леб. *epči*; Саг., Койб. *epči*, хак. *ipči*, шор. *äpši*.

Первичное значение слова – 'жена, супруга', откуда развились и другие значения: 'женщина', 'хозяйка', 'мать'.

Этимология слова достаточно прозрачная. Оно образовано от существительного *ew* 'дом' посредством аффикса *-či*, который образует название лица по занятию, профессии. Подробно см. ЭСТЯ 1974, 287.

4. **qatyn* (см. раздел «Родство и свойство» – «ЖЕНА»).

Тур. *kadyn*; гаг. (устар.) *kadyna/kadyn*; аз. *gadyn*; кум., башк., ккалп., каз., кирг. *qatyn*; уз. *xotin*; аналитические образования из названий женщины и девушки: кум. *qatyn-qyz*, башк. *qatyn-qyδ*, тат. *xatyn-qyz*, узб. *xotin-qiz*, уйг. *xotun-qyz* – употребляются как в единственном числе, так и – в большинстве случаев – с аффиксом множественного числа.

В данном случае название жены перенесено на женщину. В ряде современных языков слово приобрело также ругательное значение – 'баба'.

Мужчина и женщина были старшими – главными фигурами в семье, которым подчинялись другие члены семьи – младшие.

«МАЛЬЧИК, ЮНОША»

Первоначально у древних тюрков эти понятия четко не различались, они имели одно общее недифференцированное в современном понимании название.

1. **uru*

Возможно, это самое древнее название: Ен. (С6 – ДТС 614), др.-уйг. (Uig. II 31–48), крх.-уйг. (QBN 277-7) *ury*.

Оно имело в древнетюркских памятниках значения: 'сын, мальчик, юноша', 'мужское потомство'.

Возможно, это поздняя стяженная форма от **uruγ/uruq* с первичным значением 'семя, отпрыск' (см. «РОД»).

Это слово в древнетюркских памятниках употребляется также в сочетании с другими названиями сына – *oγul, oγlan*: *ury oγul* (E 48-9) 'сын, мужское потомство', *uryγ adaš* (E 59-5) 'мужчины-родственники младшего поколения'; *ury oγlan* (MK I 88) 'сын, мужское потомство'; *kenč ury* (Uig. II 20–20) 'мальчик'. В современных языках слово приобрело иное значение и в рассматриваемом значении не отмечено.

2. **oγlan* (см. раздел «Родство и свойство» – «СЫН»).

«ПЕРВЕНЕЦ»

В пратюркской семье первенец – это в основном относится к ребенку мужского пола – занимал в семье особое положение. Первый сын был наиболее уважаемым мужчиной после отца семейства. Считалось, что после смерти отца он несет всю ответственность за состояние и благополучие семьи. Поэтому первенец в пратюркском языке обозначался специальным словом.

**tun*

Наиболее древнее слово, имеющееся в древних памятниках и современных языках.

Крх.-уйг. *tun* (МК III 137), ср.-кыпч. *tün*, чаг. *tunγuč* (Р III 1439); кар.Т., К. *tunγuč*, кар.Г. *tunγuc*, кбалк. *tüngüč*, ног., ккалп. *tunγyš*, каз. *tuŋγuš*; кирг., алт. *tun*, алт.Тел. *tün pala* 'перворожденный ребенок'; узб. *tunγič*. Основное его значение 'первенец', 'первый (ребенок, а также первый муж)'.

Возможна его семантическая связь с **tyŋ* 'свежий, новый', 'появляющийся впервые'.

Распространенное в современных языках слово *tunγyš*, по-видимому, состоит из сочетания *tun* + *qyz* 'дочь' (МК III 137: *tun qyz* 'первая дочь', МК III 137: *tun oγul* 'первый ребенок (мальчик)', МК III 137: *tun beg* 'первый муж').

«МЛАДШИЙ РЕБЕНОК»

В тюркских языках с древнейших времен родового общества существует противопоставление детей по возрастному отношению старший–младший, этим обуславливается в определенной мере и социальное, имущественное и др. положение родственников в соответствии с институтом старшинства. Младший ребенок в семье должен был исполнять все распоряжения старших, как родителей, так братьев и сестер. Это отражается в пословице: каз. *Adamnyŋ kišigi bolγanša ittiŋ küšigi bol* 'Чем быть младшим среди людей, лучше быть щенком'.

**kenč*

Крх.-уйг. *kenč* (МК III 181; QBN 198-1), ср.-уйг. *kinč, kinǯ* (Бор.ЛТ 180), чаг. *kenǯä*; тур., гаг. *genč*, аз. *gänč*; ктат.диал., кар.К. *genč*, ккалп., каз., ног. *kenže*.

Основное значение – 'младший (как правило – последний) ребенок в семье', которого обычно балуют родители и старшие дети, но по сравнению со старшими братьями он наделен небольшими правами, он должен слушаться их и повиноваться им; слово имеет также значение 'детеныш животных' (ДТС 298).

Этимология слова неясна. О предполагаемом персидском и монгольском происхождении см. ЭСТЯ 1980, 21.

В древнетюркских и современных языках *kenč* весьма часто употребляется в значении имени прилагательного 'младший' в словосочетаниях: (ДТС 298) *kenč oγlan, kenč oγul, kenč ury, kenč ury oγul* 'младший сын'; *kenč*

qyz 'дочь'; а также в собст. именах: (ДТС 298) *kenč estemi, kenč bersü; kenč toγmyš tarqan*. В современном казахском языке распространены с этим элементом собственные имена, присваиваемые последнему ребенку в семье: *Kenžebaj, Kenžebek, Kenžeqan* и т. д.

Существует противопоставление в социальном плане последнего ребенка *kenč* первому ребенку *tuγγuš* (см. «ПЕРВЕНЕЦ»), который в семье несет ответственность за состояние и поступки младших братьев и сестер.

«ПОТОМОК»

**töl*

Слово зафиксировано начиная со средневековых памятников.

Др.-кыпч. (МК III 133), ср.-уйг., ср.-кыпч., чаг. *töl*; тур. *dul*, тур.диал. *töl*, турк., тур.диал. *dol, döl*, аз. *döl*; кум.диал., ккалп., каз. *töl*; тат., башк. *tül*, кирг., алт.диал. *töl*, кбалк. *telü*; хак.Саг. *tül*, тув. *töl*.

Первичное значение, по-видимому, 'потомство, семя', 'плод', 'приплод', дети' в отношении всякого живородящего существа, будь это человек или животное; впоследствии появились и другие значения: кбалк. 'поколение', 'момент родов' (МК), 'роды, окот' и т. д. В современных языках большей частью слово применяется в отношении домашнего скота. Ср. элемент *tö-* в слове *töre-* 'рожать'.

В значении 'потомок' как частные понятия употребляются также названия сына, дочери.

ИЕРАРХИЯ ПОДЧИНЕНИЯ (ВЛАСТИ)

«НАРОД»

Представление древних тюрков о народе имеет некоторые специфические особенности. Народ представляется 1) как единство, к которому относит себя говорящий (*bodun, boj*), 2) как группа представителей данного племени, населяющих одну территорию (*el*), вместе с тем, это также 3) подданные, поклонники солнца (*kün*), отсюда, возможно, название древнетюркского народа, транскрибируемое у разных народов как *куны, хунны, гунны* и 4) объединение людей разных родов и племен (*ulus*). Эти названия возникли в разные периоды.

1. **bodun*

Широко употребительно в древнетюркских памятниках: др.-уйг., крх.-уйг. *bodun* (ТТ II А-53); др.-кыпч. *boδun/bojun* (МК – ДТС 108). В современных языках встречается редко: каз. *bodan* 'пленный', 'раб', 'подданный'; тат.диал. (Тумашева) *bojun* 'слуга'.

Как и другие названия народа, *bodun* многозначно: 'народ, население, подданные'.

Возможно, слово образовано от *bodu-* (ДТС 107) 'прикреплять, прилеплять, прицеплять'. В таком случае народ представляется как объединение связанных между собой людей. Ср. общий корень *boj/bod* 'тело, ствол'.

2. **jel*

Орх., др.-уйг., др.-кыпч., ср.-кыпч. *el*, брахми *äl*, др.-уйг., ср.-кыпч., чаг. *il* (арабская графика искажает истинное звучание, должно транскрибироваться *jel/el*); тур. *il, el,* гаг. *jel*, аз. *el,* аз.диал. *äl*, турк. *īl*; ктат., кар., кбалк., кум., ног., ккалп. *el*, тат., башк. *il*, каз. *jel*, кирг., алт. *el*; узб. *el*, узб.диал. *jel*, уйг. *il*, Лобн. *il*, *el*, хак. *il*; чув. *jal*, чув.диал. *il*.

Первичным значением является, возможно, 'люди, народ', которое распространено во всех языках. Слово весьма древнее, о чем свидетельствует разветвленность его семантической структуры: 'народ', 'люди', 'племенной союз', 'чужой человек', 'страна', 'государство' и др. (ДТС 168, сводку значений и их толкований см. в ЭСТЯ 1974, 339–343).

Этимология неясна, существовавшие мнения см. ЭСТЯ 1974, 341–343. На наличие первично начального *j-* указывают примеры из гагаузского, туркменского, казахского, чувашского языков и другие диалектные материалы.

Производное от него *elig/ilig* 'правитель', 'государь' встречается в древнеуйгурских памятниках. Оно, по-видимому, образовано от этого слова в значении 'народ' посредством аффикса *-lik* со значением владения.

3. **kün*

Крх.-уйг. (QBH 18-25), ср.-уйг. (ЛОК 3-5) *kün* (в словосоч. *el kün* и др.); хак.Саг. (P 2-1435) *kün*.

Основное значение – 'народ' – характерно для древнетюркских памятников.

Это же слово, видимо, выступает в качестве этнического названия объединения древних тюркских племен *kün*, имеющего разные транскрипции в литературе: наиболее распространенное в русскоязычной литературе *гун(ны),* а также *хунну, сюнну* и т.д. Слово многозначно: 'народ', 'люди', 'раб'. Ряд названий народа закономерно переходит в название слуги, раба: 'народ' > 'подданные' > 'слуги' > 'раб' (ср. *küŋ* 'рабыня', 'служанка', ср. выше также *bodun*). Это связано с отношением верхушки народа, правителя – *elig* к своим подданным. Саг. 'деревня' отражает дальнейшее семантическое развитие – место, где живет народ.

Этимология неясна. Räs.VEWT 309: сравнивается с монг. *kümün, *küŋün*.

В древнетюркских языках имеются сочетания с другими словами, образующие новые значения. Ен. *kün qadaš* (E 3-1, E 45-7) 'родственники', *qadaš kün* (E 44-5) 'родственники и родственницы'; крх.-уйг. (QBH 18–25), др.-кыпч. (ЛОК 3–5) *el kün* 'народ'.

4. **uluš*

Др.-уйг., крх.-уйг. *uluš* (ДТС 611), др.-уйг., ср.-уйг, чаг. *ulus*; тур., аз., турк. *ulus*, тур.диал. *olus*; кар., каз. *ulus*, ккалп., каз., кирг. *ulut/ult* ('нация', наряду с параллельным *ulus* 'народ'); алт. *ulus*, узб., уйг.диал. *ulus*, сюг., хак., тув. *ulus*, як. *ulūs*.

Слово имеет много близких общих значений: 'народ', 'племя', 'национальность', 'страна', 'государство'. Наиболее древним значением является 'люд, народ'.

Возможно, *ulus* образовано от глагола *ula-* 'соединять, объединять' посредством аффикса *-s* (ср. *bodun*). Подобная общая словообразовательная семантика присуща и вышеприведенному *bodun*. В таком случае первоначально слово имело значение 'объединение (людей)'. О других версиях см. ЭСТЯ 1974, 592.

Слово *ulus* вошло в монгольские и другие соседние языки в древности со всеми характерными тюркскими значениями.

«ПЛЕМЯ»

Первоначально в тюркском обществе существовало деление на роды с указанием имени основоположника рода (см. ниже «РОД»). Впоследствии с возникновением более крупных объединений родов появляются племена. Представление о том, что все роды данного племени принадлежат генетически к одному стволу-предку, по-видимому, возникло позднее возникновения племени.

Об этом, в частности, свидетельствует древнетюркское слово **bod*: рун., крх.-уйг. *bod* (ДТС 107), которое обозначало одновременно современные понятия 'племя, народ, род'; ЭСТЯ 1978, 177: 9. 'скопление людей', 'племя', 'народ одного племени, рода', 'общество', 'часть племени отдельно от целого', 'род (подразделение племени)'.

Надо полагать, что значения 'племя, род' развились как переносные у слова **bod,* первоначально выступавшего как соматический термин 'тело, туловище; стан, фигура'. В современных языках его соответствие *boj* в основном обозначает 'тело', 'туловище' (см. ЭСТЯ 1978, 176).

НАЗВАНИЯ ПЛЕМЕН

Наряду с общим названием племени в древнетюркских языках существовали конкретные названия племен, относящихся к более крупным объединениям племен.

1. **ediz*

Рун. *ediz*, *edüz* (КТб 45,46); др.-кыпч. (МК I 45), др.-уйг. (QBN 120-4, 63-3, 90-8) *eδiz*. Возможно, это стяженная форма от *eδgiš* (МК I 96; ДТС 164) – название одного из подразделений тюрков, находящегося на территории Туркестана.

Считается, что слово выступало в качестве названия подразделения огузских племен. Само слово *ediz* обозначает 'высокий', 'возвышенный', 'высота' (ДТС 164). Наименование дано по росту главы племени или его социальному положению. Вообще, древние тюрки обычно именовали племена и племенные подразделения словами, обозначающими силу, мощь, возвышенность.

2. **kenčäk*

Др.-кыпч. *kenčäk* (МК I 480). Название одного из тюркских племен. Ср. имя куманского («половецкого») хана *Kenčäk* (в русской транскрипции *Кончак*).

Оно образовано от *kenč* 'младший' посредством уменьшительного аффикса *-čäk*. Буквально 'самый младший' – название дано по положению в семье родоначальника племени (ср. антоним *ediz*).

«РОД»

Деление на роды, принадлежность к определенному роду у древних тюрков имело важное значение во многих отношениях. Например, запрещалось брать жену внутри своего рода во избежание кровосмешения. Этот запрет работал на сохранение здоровья рода.

Понятия «род» и «племя» в древнетюркских языках не всегда были четко расчленены (см. выше «ПЛЕМЯ»).

1. **oba*

Др.-уйг., др.-кыпч. (МК I 86 'род, племя'), ср.-кыпч. *oba*, чаг. *oba*, *owa*; тур., аз. *oba*, тур.диал. *uba*, турк. *ōba*, турк.диал. *ōwa*, ктат., каз. *oba*, *owa*; узб.диал. *oba*, *owa, uwwa,* уйг. *ora*, *ōra*.

Главные значения слова относятся к собранию людей по генетическому признаку: 'род, племя', 'люди', позднее слово стало обозначать как близких людей – 'сосед', так и далеких – 'чужой, посторонний'. В дальнейшем появились другие производные значения: 'колено', 'семья кочевника' (МК), 'домашний очаг', и далее: 'местожительство', 'аул', 'деревня', 'кочевье', 'пастбище' (ЭСТЯ 1974, 399). В казахском имеется также значение 'сложенное из камней жилище древнего человека', 'курган'.

Надо полагать, слово имеет первичную связь с *oba* 'куча, собрание (камней)', далее – *ev* 'дом'. О разных этимологических предположениях подробнее см. ЭСТЯ 1974, 400.

Соответствие этому слову имеется также в монг. *obuq/omaq/oboγ/owoq* 'племя, клан'.

2. **oγuš*

В современных языках не отмечено, как многозначное слово зафиксировано в древнетюркских памятниках: орх., др.-уйг. (Uig. II 35–33; Suv. 61-20), др.-кыпч. (МК I 187) *oγuš* 'род', 'племя'; 'каста' (др.-уйг.). Образовано от *oq/oγ* 'ось', 'ствол (дерева)', 'сердцевина'. Отмечены сочетания с другими словами: орх. (КТм 1) *oγuš bodun*; крх.-уйг. (МК II 103) *oγuš qonum*.

3. **uq*

Др.-уйг. (ThS 20, Малов 438) *uq*; каз.диал. *uq*; алт. *uq*, тув. *uq*; чув. *jăx*. (Р I 1605 алт., леб. *uq* по разным языкам: 'род', 'имя', 'происхождение').

Первичные его значения: 'род', 'порода', 'племя', 'потомство', 'поколение', от которых развились и другие значения (см. ЭСТЯ 1974, 582).

Возможно, здесь имеет место стяжение (от *uruq*) или сужение гласного (от *oq*); ср. также турк. *ūq*, каз. *uwuq* 'жерди юрты'. См. также в разделе «Родство и свойство», «СЫН» – *oγul*.

От этого слова в форме множественного числа образованы племенные названия в древних языках: *uγur, oγuz, oγur*.

4. **uquš*

В современных языках не отмечено, употребляется в древнетюркских языках: др.-уйг. (Т VIII 101; Gabain 321) *oγuš*, *uquš*, *uhuš*. Имеет широкий спектр значений, связанных с наименованием генетических отношений людей: 'род', 'племя', 'народ', 'поколение', 'потомство', 'родственники', 'порода', а также 'класс'.

По-видимому, это фонетический вариант слова *oγuš* (см. выше), отражающий диалектное членение древних языков. Э.В.Севортян (ЭСТЯ 1974, 582) предполагает, что слово образовано от глагола **uq-/*oq-/*oγ-*.

5. **uruq*

Наиболее распространенное как в древних, так и современных тюркских языках название рода.

ДТС 615, ЭСТЯ 1974, 604: др.-кыпч., ср.-кыпч., чаг. *uruq*; др.-уйг., крх.-уйг., ср.-уйг., хрзм.-т., чаг. *uruγ*, тур. *uruk*, турк., аз.диал. *uruγ*, аз.диал. *urγu*, кбалк. *rū*, тат. *yru*, башк. *yryw*, ккалп., каз. *uruw*, кирг. *urū*; узб., уйг., уйг.диал. *ujuq*; Лобн. *ojoq, ujuγ*; сюг., тув., тоф. *uruγ, urux*, як. *rū*; чув. *vără*.

Древнейшее значение слова относится прежде всего к растению: а) 'семя, зерно, косточка плода'; далее развились по очереди значения: б) 'род' (эти два значения наиболее распространенные в тюркских языках – см. ЭСТЯ 1974, 605, Покр. 41–43); в) 'поколение, потомство', а также в некоторых языках: г) 'дитя'; д) 'младший брат'. Дифференциация значений с формальным членением некогда единого слова произошла в казахском: *uruq* относится к растительности – 'семя, зерно', а *uruw* – к человеку: 'род, племя'. Это свидетельствует, по-видимому, о более позднем появлении второго значения слова. Впоследствии развились также другие значения.

Возможно, прав Э.В.Севортян, видевший в **uruq* производное от глагола **ur-* «приблизительно со значением *'зачать', *'рожать', *'приносить потомство'» посредством аффикса *-(u)γ/-(u)q*. Ср. также ккалп., каз. *urpaq* 'род', 'потомство, поколение', образованное от того же корня посредством другого аффикса. Можно видеть и семантическую связь основы *ur-* с глаголом *ör-* 'расти, распространяться'.

«ЧЕЛОВЕК»

Первоначально название человека, по-видимому, относилось к мужчине. Можно отметить два первичных тюркских названия человека.

1. **kiši*

Наиболее распространенное как в памятниках, так и в современных языках: орх. (КТм 7), др.-уйг. (Uig. III 224), др.-кыпч. (МК I 376), крх.-уйг. (QBH 85-6), ср.-кыпч. *kiši*; тур., гаг., турк. *kiši*; ктат.диал., кар.Т.,К. *kiši*, тат., башк. *keše*, кар.Г., каз., ккалп. *kisi*, кум. *giši*; узб., уйг. *kiši*; кирг. *kiši*, алт., тув. *kiži*, як. *kihi* (Р II 1392: тар., ком., крм., АТ, чаг., ОТ., осм. кар.Л.,Т. *kiši*; Р II 1396: алт., тел., леб., шор., кюэр., кач., бар., уйг. *kiži*).

Главное значение слова – 'человек' в общем смысле, в основном о мужчине. С приходом заимствования из арабского языка *adam* в значении 'человек' в ряде языков *kiši* приобрело дополнительные значения: 'гость', 'чу-

жой человек'. Каз. *kisi tony kiršil, kisi aty teršil* 'Чужая одежда способна к быстрому загрязнению, чужой конь – к быстрому потению' (предупреждение – с чужими вещами надо обращаться весьма аккуратно).

Этимология слова неясна.

В древнетюркских памятниках встречается словосочетание *kiši oγly* 'сын человеческий' (КТб 1) в значении 'род человеческий'. См. раздел «Родство и свойство», «МУЖ».

2. **jalynγuq*

Встречается в древнетюркских памятниках: др.-уйг. *jalaŋuq/ jalynγuq/ jalyŋuq/ jalŋuq* 'человек', 'существо божье'(?).

Возможно, слово возникло на базе веры в бога и представляет собой сочетание *jal uŋ* 'голый' и *uq* 'род, племя', подчеркивая приход человека в этот мир голым – ни с чем. Об этом, в частности, может свидетельствовать словосочетание в QBH 16–17: *jalynγuq oγlany* 'сын человеческий'.

3. С введением ислама у тюрков появилось библейское название человека – *adam*. В Библии слово первоначально обозначало первого человека, созданного Богом по образу и подобию своему. В тюркских языках слово стало выступать как общее обозначение рода человеческого, а также конкретного его представителя.

«СЛУЖАНКА»

**egät*

Крх.-уйг. *egät* (МК I 51) – 'служанка', 'женщина, которую посылают прислуживать невесте в первую брачную ночь', букв. '(женщина) подготавливающая обстановку'. Образовано от *ek-* 'возделывать, обрабатывать' (первоначально – почву, землю).

В древнетюркских языках употреблялось также много производных от него: *egätlä-* (МК I 299) 'давать служанку, обеспечивать служанкой'; *egätlän-* (МК I 291) 'обзавестись служанкой'; *egätlig* (МК I 151) 'невеста'; слово встречается также в сочетании с другим названием слуги – *qarabaš*: *egätlik qarabaš* (МК I 150) 'служанка' (ДТС 165).

«НЕВОЛЬНИК, РАБ»

Общее представление о невольнике, невольнице, рабе, рабыне в древнетюркских языках связано либо с лицом, захваченным в плен, инородцем, незаконнорожденным, либо слугой богатого господина, власть имущего. Это может быть ребенок младшей женщины в доме, которая еще в дорабовладельческую эпоху была невольницей в семье.

Для обозначения невольника, раба в тюркских языках существует единое слово **qul*: орх. (КТ 21), др.-кыпч., крх.-уйг. (QBH 183-9) *qul*; тур. *kul*, аз., турк. *ġul*, тур. *köle*, аз. *kölä*, турк.диал. *kȍle* 'незаконнорожденный'; ктат., кбалк., кум., ног., ккалп., каз. *qul*, кар.Т., Г. *kul*, тат., башк. *qol*; кирг., алт. *qul*; узб., уйг. *qul*; шор. *qul*, тув. *kul* (Р II 965 тар., кир., ккирг., ком., крм., алт., тел., леб., шор., саг., койб., кач., кюэр., уйг., осм., др.-тюрк., кар.Т.Л. *qul*).

Основное значение этого слова – ‘раб’, ‘невольник’, ‘слуга, служитель’ (Р II 965 ‘янычар’). Этимология неясна.

В качестве обобщенного названия слуг, рабов *qul* со времен древних тюркских языков выступает в сочетании с другими словами аналогичного или близкого значения. ДТС 464: *qul küŋ* ‘рабы и рабыни’; *qul qarabaš* ‘рабы, невольники, слуги’. На базе слова возникли мужские собственные имена-обереги или имена по положению в обществе еще в домусульманскую эпоху: *qul apa uruŋu, qul qara.*

«НЕВОЛЬНИЦА»

В отличие от названия раба-мужчины название невольницы оказалось многообразным, что свидетельствует, по-видимому, о более низком социальном статусе женщины по сравнению с мужчиной в рабовладельческом и патриархальном обществе.

1. **küŋ*

Орх. (КТб 24), крх.-уйг. (МК III 428), ср.-кыпч., чаг. *küŋ*; турк. *güŋ*; каз., кирг., тат.Тоб. *küŋ* (Р II 1428).

Основное значение во всех источниках ‘рабыня, служанка’; в туркменском развилось значение ‘глухонемой’ (сущ. и прил.) – социальное положение слуги заставляет его/ее быть таковым.

Возможно, слово имеет связь с *kün* ‘подданный’ (см. «НАРОД») с последующим развитием семантики > ‘прислуга’, ‘рабыня’.

ДТС 328: *qul küŋ* (МЧ 13) ‘рабы и рабыни’; *küŋ qul* (ТТ IV, B-16) ‘рабыни и рабы’; *küŋäd- qulad-* (КТб 13) ‘становиться рабынями и рабами’; *küŋlüg* (КТб 21) ‘имеющий рабыню’.

2. **qyrqyn*

Крх.-уйг. (МК II 110), др.-уйг. (Uig. III 10–12), чаг. (Р II 748 ‘черные невольницы’) *qyrqyn*; в современном казахском *qyrqyn* (в словосочетании *qyz qyrqyn)* ‘молодые женщины’: девушки и невестки.

По-видимому, первичное его значение – женщина, полученная насильно в результате победы над врагом или набега на соседей: ‘невольница, наложница’.

Образовано от *qyr-* ‘истреблять, соскабливать, соскребать’ или *qyrq-* ‘стричь’ посредством аффикса *-qyn*. Ср. (ТТ VI 252 вар.) *qyjyn qyrqyn* ‘страдание, мучение, наказание’, ср. также чув. *xĕr* ‘дочь’, *xĕr śyn* ‘девушка’.

В древних памятниках встречаются словосочетания: *qyz qyrqyn* (МК I 326) ‘наложницы, невольницы’ (ср. выше каз.); (Uig. III 16–17) *qoryy qyrqyn* ‘невольницы?’ (ДТС 458) – перевод дан со знаком вопроса; может быть, это ‘женщины гарема’ (?).

3. **qyz*

Основное слово для обозначения девушки, девочки и дочери в древнетюркских памятниках встречается в значении невольницы: др.-уйг. (Suv. 632-14), крх.-уйг. (МК I 326) *qyz* ‘невольница, наложница, служанка’.

В данном случае произошел перенос названия девушки на служанку по ее социальной функции в доме – обычно в патриархальной семье все до-

машние работы выполняет дочь-девушка, как помощница матери, когда в доме нет невестки (см. раздел «Родство и свойство» – «ДОЧЬ»). В тюркских языках название мальчика не получило дальнейшего развития в значении ‘слуга’, как в индоевропейских языках, ср. франц. *garçon,* англ. *boy,* рус. *мальчик на побегушках.*

«ПРАВИТЕЛЬ»

Для обозначения этого понятия тюрки в древности применяли множество разных слов разного происхождения. Среди них наиболее популярным было слово *bek.*

1. **bek*

Широко употребляется как в древнетюркских памятниках, так и в современных языках. Используется в качестве компонента собственных имен мужчин. Олицетворяет правителя как сильного, могучего человека. Из этого видно, что древние тюрки представляли правителя как самого сильного и умного среди всех соплеменников, который способен вести их.

Ср.-кыпч. *bek,* к этой же группе относится написание بك если не во всех, то, по крайней мере, в большинстве арабографичных памятников. Впоследствии конечный глухой перешел в звонкий *-g ~ -j.* Орх. (КТб 3, 6; Тон. 40), др.-уйг. (ThS II 5), ср.-уйг., ср.-кыпч., чаг. *beg,* ср.-кыпч. *bäj,* брахми *päg*; тур.диал. *beg,* тур., тур.диал., гаг. *bej,* аз. *bäj*; турк. *beγ’,* ктат., кар.К. *beg, bej,* кум., ног., ккалп., каз. *bek,* тат., башк. *bi*; кирг. *bek,* алт. *pij,* алт.диал. *peg, pig, bij,* узб., уйг. *bek,* уйг.диал. *beg,* уйг. *bäg,* узб. *bij*; хак. *pig,* як. *bī.* Передачу конечного согласного через звонкий *-g* в памятниках следует рассматривать как традиционную.

Слово многозначно. Первоначально, по-видимому, слово имело значение ‘глава рода’ (ср. дифференциацию семантики по фонетическим формам в казахском: *bek* ‘избираемый глава рода’ – *bij* ‘судья’, ‘арбитр’). Основные распространенные значения слова: а) ‘правитель, вождь’ (ниже хана), ‘бек’, ‘князь’, ‘господин’; б) ‘муж, супруг (господин)’ – эти значения как наиболее древние характерны для древних письменных памятников. О множестве других более поздних значений см. ЭСТЯ 1978, 98–99.

По-видимому, слово имеет прямую связь с **berik* ‘сильный, мощный, крепкий, прочный’ > *bek,* учитывая, что главным достоинством вождя, правителя в народе считалась его сила. О других предполагаемых этимологиях, в том числе и китайской версии, см. ЭСТЯ 1978, 99–100.

Слово вошло в соседние нетюркские языки в значениях ‘правитель’, ‘начальник’, а также в функции титула правителей.

2. **elik*

Слово, распространенное в древних памятниках: др.-уйг. *elig, ilig* (ДТС 170), *ilik* (Малов 380), крх.-уйг. *älik* (Малов 364, 380).

Слово – многозначное в современном понимании – обозначало общее понятие ‘правитель’ ~ ‘государь’ ~ ‘царь’ ~ ‘князь’.

Возможно, это – переносное употребление слова *elik* ‘рука’ (которая «держит» народ). Возможна и другая этимология – слово образовано от *el*

'народ' посредством аффикса обладания *-lik*. В таком случае правитель – это человек, «обладающий» народом. Э. Севортян (ЭСТЯ 1974, 343), основываясь на факте отсутствия этого слова в словаре МК, считает его производным от *el* 'народ, люди', образовавшимся позднее эпохи енисейско-орхонских памятников.

Посредством сочетания этого слова с другими словами или присоединения к нему аффиксов в древности образовывались новые названия правителей, начальников, титулов. ДТС 170: *elig altuny* 'государь'; *elig beg* 'правитель'; *elig qan* – титул верховного правителя эпохи караханидов; *elig quty* 'государь, «его величество»'; *elikči* 'надзиратель, сторож'.

3. **qaɣan*

Одно из распространенных названий верховного правителя в древнетюркских языках. Орх., др.-уйг., ср.-уйг. *qaɣan* (ДТС 405), крх.-уйг. *xaqan* (ДТС 636); кирг. *qaqan* (Бейб. 83). КТб 9: *ne qaɣanqa išig, küčig berür men*? 'Какому кагану отдавать мне свои труды и силу?'

Слово обозначало 'высший правитель государства', 'главный хан'.

Этимология его не выяснена. Можно считать, что слово восходит к *qalqan* 'защита', 'опора', имея в виду, что правитель и является защитником, опорой подвластного ему народа. Рамстедт считал слово китайским заимствованием *ke kuan* (Ramst. Titel 62); Т.А.Бертагаев оспаривал эту точку зрения, считая слово заимствованием от жуань-жуаней (*Бертагаев Т.А.* Об этимологии *хан*).

В древнетюркских памятниках употребляется немало эпитетов кагана и имена каганов разных стран (ДТС 405): *Aj qaɣan, Altun qaɣan, Baz qaɣan, Bilge qaɣan, Bögü qaɣan, Bökli qaɣan, Elteriš qaɣan, Inel qaɣan, Kül bilge qaɣan, Masar qaɣan, Oɣuz qaɣan, Qapaɣan qaɣan, Urum qaɣan*. О том, что слово *qaɣan* имело высокую частотность употребления в древних тюркских языках, соответственно и в обществе, свидетельствуют его производные: *qaɣanla-* 'быть каганом', 'царствовать', 'править; *qaɣanlyɣ* 'имеющий кагана'; *qaɣanluq* 'каганат', 'владение кагана'; *qaɣansyra-* 'лишаться кагана'; *qaɣansyrat-* 'лишать (народ) кагана'.

4. Следующее название правителя, проникшее во многие соседние языки мира, широко употребляется в современных тюркских языках и в средневековых памятниках – **qan* 'правитель', 'повелитель', 'предводитель', 'царь', 'хан'. По-видимому, это стяженная форма от более полной формы – **qaɣan* (см. выше).

Орх., др.-уйг. *qan*, крх.-уйг. *xan*; тур. *han*, аз. *xan*; ккалп., каз., ног. *qan*, тел., леб., алт. *qān*; шор., саг., койб., карач., кюэр., тоб., казан., кирг., уйг. *qan*; тоф. *hān*. Некоторые современные тюркские языки форму *хан* заимствовали, по-видимому, вторично из русского языка, о чем свидетельствуют данные словаря Радлова (Р II 104): ктат., кбалк., кум., тат., башк., ног., ккалп. *xan*; кирг. *qan*, *xan*, алт. *xan*; узб. *xon*; як. *xan*; чув. *xan*. Кстати, здесь сказывается также специфика существующих орфографических правил, например это слово по-казахски пишется *хан*, а читается *қан*.

Сочетание с другими титулами правителя в древнетюркских памятниках, в частности указывает на параллельное употребление в определенную эпоху как полной, так и стяженной формы слова: (ДТС 417) *elig qan, qaγan qan*. Слово *qan* служит с древних времен основой для образования собственных имен: *qan, qan elči, qan oγul, qan tojyn, bars qan saŋun, bögü qan, erklig qan, jaγlaqar qan, ögedej qan, qara qan, sučaty qan.*

5. Одним из распространенных в древнетюркских памятниках словом, употребляющимся в значении титула, является **čur/čor*.

Ен., др.-уйг. *čur* (ДТС 157), кирг. *čoro*, каз. *šora*. В некоторых современных языках слово приобрело совершенно противоположное значение: узб. *čuri*, ккалп. *šory* 'рабыня, служанка'.

По-видимому, это – название титула, возникшее от названия должности.

Есть предположения, что оно заимствовано из др.-перс. *čura* 'воин' < санскр. (EDT 427) или из китайского *čol, čor* 'воин', 'боец'. Подробно см. Кон.ГЯТРП 18.

На базе слова в древнетюркских языках образовано множество дезиративных собственных имен; ДТС 157: *čur tegin, beg čur, ynanču čur, yšbara bilge küli čur, jam čur tu, jegen čur, küli čur, külüg čur, unaγan čur.*

6. Одним из названий правителя, также получивших значение названия титула, является древнетюркское **jabγu*.

Орх., др.-уйг., рун. (БК 28, КТб 14, МЧ 12) *jabγu*; крх.-уйг. (QBK 293-17) *javγu*; др.-огуз. (МК III 32) *jafγu*.

Оно имело значения: 'советник', военно-административный чин высшего ранга после кагана (Бернштам, Бартольд 1943), титул верховного правителя (у западных?) тюрков. МЧ 12: *taj bilge tutuquγ jabγu atady* 'Он дал Тай Бильге тутуку титул ябгу'. О том, что с именем правителя воины шли в бой, говорит кирг. *čabü* боевой клич монголов, калмыков (Бейб. 136).

Можно его сравнить с *jabaγy* 'жеребенок-сосун' 'жеребенок до года' (ЭСТЯ 1989, 159), слово имеет возрастное значение – 'младший'. Оно приобретает в тюркских языках значение собственного имени. Существует мнение о том, что оно является заимствованием (Кон.ГЯТРП 104 со ссылкой на Кляшторного и Ramst. Titel).

7. Следующее слово также обозначает в древнетюркских языках как должность, так и титул **šad* (ДТС 519 рун. *šad*).

Оно обозначает один из высших военно-административных титулов в Тюркском и Уйгурском каганатах – по-видимому, третий после кагана и ниже ябгу, о чем свидетельствует фраза: *eki oγluma jabγu, šad at bertim* (МЧ 19) 'Двум своим сыновьям я дал титулы ябгу и шад'.

Есть предположение, что это < согд. *'χšyδ*? (ДТС 519, Кон.ГЯТРП 104). См. также *jabγu*. На основе слова *šad* в древнетюркских языках также образовано множество собственных имен и составных титулов: *Uluŋ šad* (Е 14 3); (БК Ха-13) *šad apyt begler* (БК Ха-13).

«ПРИНЦ»

Тюркские названия принца употреблялись широко в древних тюркских языках, что свидетельствует о развитости сословного деления у древних тюрков. В современных языках они забыты, как следствие отсутствия объекта наименования. Некоторые из них в современных языках сохранились в антропонимах. Эти названия еще в древности были производными. В образовании их участвуют названия предков или старших родственников.

1. Наиболее употребительное в древнетюркских памятниках название – **tegin*.

ДТС 547: орх., др.-уйг., крх.-уйг. (КЧ 24; МК I 413; КР 22-2) *tegin*; др.-тюрк., чаг. *tägin*, *tegin*; уйг. *täkīn*, *täggin* (Р III 1022).

Кроме того, слово употреблялось в значении титула, присоединяемого к именам младших членов каганской /ханской семьи.

По-видимому, это форма родительного падежа слова *tek* 'предок', 'корень' (см. ниже близкое по модели образование *begäč*). Ср.также казахское *tekti* 'имеющий благородных предков', образованное также от *tek* посредством аффикса обладания *-ti*.

В древнетюркских языках на основе слова образовано множество собственных имен, отражающих положение их носителя в обществе и происхождение: *alp tegin, esen tegin, jaruq tegin, kül tegin, kümüš tegin, oγul tegin, ozmyš tegin, toŋa tegin* (ДТС 547).

2. **begäč*

Др.-кыпч. (МК 180-9) *begäč*: *begäč arslan tegin* 'принц Арслан тегин' (ДТС 91). Слово обозначало 'принц, сын правителя, бека'.

По-видимому, это сочетание *bek* + *ača*, т.е. 'родственник бека'. Ср. Ен. (Е 41-7) *ača* 'родственник'; крх.-уйг. (МК I 86) *ečä* 'старшая сестра'.

«СОВЕТНИК»

Правители древнетюркских государств имели своих советников, посланников, наместников, которые обозначались специальными терминами.

Советник кагана, который представлялся древним тюркам как человек, предлагающий проекты предписаний, указаний, пожеланий-слов властелину, имел большую власть в государстве.

Древнейшее название, зафиксированное в памятниках, – **ajγučy*. Орх. *ajγučy* (Тон. 29, 49).

Оно произведено от слова *ajγ* (ДТС 29; ТТ II, А-3) 'слово, указание, предписание' посредством аффикса, образующего название человека по занятию, профессии, *-čy*. *Ajγ*, в свою очередь, образовано от корня *aj-* (ДТС 25) 'говорить', 'рассказывать', 'разъяснять', 'толковать' посредством аффикса *-γ*.

qaγany alp ermiš, ajγučysy bilgä ermiš (Тон. 29) 'Их каган – храбрый, а его советник – мудрый'.

«ПОСОЛ»

Посол и посланник с древних времен обозначались одним словом. Посол или посланник одного государства или народа в другом государстве представлялся как посредник между народами и странами.

1. **elči*

ДТС 169: рун. (E 1-2), др.-уйг. (Usp 33-15), крх.-уйг. (QBH 120-32) *elči*, ср.-кыпч. *elči, älči, ilči*, чаг. *elči, älči*; тур.диал. *elči, elǯi*, аз. разг. *elči*, турк. *ilči*; ктат., кум. *elči*, кар.Г. *elci*, тат. *ilče, ilči*, Бараб. *älči*; ккалп., каз., ног. *elši*, кирг., алт. *elči*, узб., уйг. *älči*, уйг.диал. *elči, ilči*; тув. *elči*, як. *ilčit*; (P I 828: тел., алт., тар., ком., крм., осм., чаг., уйг. *älči* 1) 'правитель', 2) посол, посланник, вестник; P I 830: каз. *елші* 'посланник, вестник').

Слово имело и имеет много близких значений. Первичное его значение 'гонец', 'посланник' (ног., каз., тув.), далее – 'посол', 'вестник', 'посредник', 'парламентарий'; 'важное должностное лицо', 'правитель'.

Существующие омоморфные слова *elči* 'правитель' и *elči* 'посланник, посол' образованы от разных основ. Если первое образовано от имени существительного *el*, то второе слово образовано от глагола *elt-* 'посылать' посредством двух аффиксов *i+či*. Многими оно также считается образованным от *el* 'племя, народ' посредством аффикса *-či* (подробнее см. ЭСТЯ 1974, 351), что справедливо лишь в отношении первого слова.

В древних тюркских языках существует больше образований от первого слова. ДТС 169: новообразование *elči beg* (QBH 148-27) 'правитель'; собст. имена: *elči* (USp 19-9), *elči čur* (E 14-1), *elči tiri* (USp 4-7).

2. **jalawač* (**jalaγač*?)

Ен. (E 29-8) *jalabač*, др.-уйг. *jalawačy*, крх.-уйг. *jalavač*, ср.-уйг., ср.-кыпч., хрзм.-т. *jalawač*, чаг. *jalawač, jalawuč, jalač, jolawuč, jolaučy*; тур. *jalavač, jalawač*. Слово, больше распространенное в древних и средневековых памятниках, чем в современных языках.

В большинстве источников обозначает 'посол', в ряде источников имеет также значения: 'посланник', 'гонец' (чаг.), а также 'пророк' (чаг.).

Этимология слова не выяснена. Возможно, оно восходит к *jollaγčy* 'путник, посланец'. Подробно см. ЭСТЯ 1989, 89.

В памятниках зафиксировано и **jalafar* ('посол кагана') – надо полагать, что это арабская иекаженная форма написания *jalawač*: *jaš ot köjmäs, jalafar ölmäs* (МК III 47 – ДТС 227) 'Зеленая трава не горит, посол не умрет'.

«НАМЕСТНИК»

tudun – наместник, правитель определенной территории, назначаемый ханом, каганом. Например, хазарский хан назначал своего тудуна в Крыму (см.: *Кулаковский Ю.* Прошлое Тавриды. Киев, 2002. С. 143).

Собст.имена: *tudun jamtar* (БК 40 – ДТС 584). В древних памятниках встречаются и другие фонетические варианты: *tuδun* 'распорядитель; тот, кто распределяет в селении воду в арыках' (МК I 400; ДТС 584). В древне-

тюркских памятниках имеется много сложных слов – титулов и собственных имен с этим словом в форме *tutuŋ*: *adaj tutuŋ, bilän jaburšu tutuŋ, elgü tutuŋ, qajtsu tutuŋ* и др. (см. ДТС 593).

Tutuŋ считается китайским заимствованием (*to-thoŋ* – ДТС 593), в китайском слово обозначает название должности – правитель области и соответствующий титул.

«ХОЗЯИН»

Для обозначения владельца, хозяина как вещи, так и человека в рабовладельческом обществе древние тюрки употребляли слово *ege*.

**ege*

Др.-уйг., ср.-кыпч., ср.-огуз., чаг. *ege* (передаваемые арабографичными памятниками формы ایکا, یکا и т. д. следует рассматривать как соответствующие варианту *ege*); др.-уйг. *igä* (TT VII 28-17; TT VII 29-21; USp 14-26), *ijä/ejä* (Suv. 577-7), др.-уйг., ср.-огуз., чаг. *ije*, арм.-кыпч. *ija*, ср.-кыпч., ср.-огуз., чаг. *eje*, орх. (КТм 4), др.-уйг., ср.-кыпч., чаг. *idi*, др.-кыпч. *iδi* (МК I 87; ДТС 203), ср.-уйг. *iti*, др.-уйг. *ide*; крх.-уйг. *ädi* (QB – Малов 363); чаг. *igi*; тур. *ije*, *ys/is*, тур.диал. *ege*, *eje*, *ejje*, *ysy/issi*, *ez*, турк. *eje*, аз. *jeje*, *jijä*; кар.К. *je*, кум. *eje*, ктат. кар.К., балк., ног., ккалп., каз. *ije*, *ege*, *jege*, каз.диал. *ige*, тат., башк. *ijä*; кирг., алт. *ē*, узб., уйг. *egä*, узб.диал. *igä*, *ijä*, *äjä*, *jiga/ijga/ikä*, уйг.диал. *ige*, Лобн. *ege*, *idi*; сюг. *ise*, хак., шор., тув., тел., леб., саян., саг., койб. *ē*, кюэр., кач., койб. *iä*, саг., койб. *ī* (Р I 1407), койб. *izä* (Castrén 84), як. *iččі* (посессивная форма – ЭСТЯ 1974, 238); чув. *ije*.

Во всех источниках главенствующее значение слова ‘человек как хозяин’, ‘господин’. Оно применимо и в отношении к богу, который является в представлении древних хозяином всего существующего, в том числе и человека. Слово с течением времени приобрело и немало других новых значений, как общих для ряда языков, так и индивидуальных в разных языках и возникших в разное время.

Несмотря на обилие работ, посвященных этому слову, его этимология остается не выясненной (см. ЭСТЯ 1974, 240–241). Правомерность объединения всех приведенных форм и их значений вокруг данного слова, по-видимому, требует дальнейшего исследования. Возможно, среди них имеется и заимствованная форма, например генетически связанная с древнееврейским *jahve* ‘господин, хозяин, бог’.

От *ege* образовано немало производных, встречающихся начиная с древнетюркских памятников: *igän-* (МК I 104) ‘захватывать, овладевать’ – посл. *qaz qopsa, ördäk kölig igänür* ‘Если гуси поднимаются, утки захватывают озеро’, *ijäsiz* (Suv. 364-2) ‘без хозяина’; крх.-уйг. *idilik* (QBH 184-6) ‘занятие, назначение хозяина’. Эти и другие производные показывают наиболее распространенные формы и значения слова *ege* в древности.

РОДСТВО И СВОЙСТВО

Каждый представитель древних тюрков причислял себя к единой семье как началу общества, а затем – к роду, племени, народу, обществу, человечеству.

Институт родства и свойства играл большую роль в процессе выживания, самосохранения и развития древних тюрков. У древних тюрков существовало четкое противопоставление родственников и свойственников. Главным критерием при этом было деление детей по мужской и женской линии. Родство по мужской линии считается главным признаком прямого родства, так что дети, рожденные от мужчин, сыновей или братьев, – это родственники. Дети же, рожденные от женщин, дочерей или сестер, – это свойственники.

«РОДНЯ»

У древних тюрков первичные названия родственников имели конкретное значение: отец, мать, брат, сестра и т.д. Общее, обобщенное название родственника в тюркских языках сформировалось относительно поздно – после распада их на отдельные группы.

В древних памятниках это понятие выражалось словом **uruγ* (см. «РОД» в разделе «Социальная организация») в сочетании с дополнительным словом. Эта традиция сохранилась и в ряде современных языков.

Др.-уйг. *uruγ özlüg* (USp 16-16) ‘родственники и свойственники’, ср.-уйг. *uruγ qadaš* (ФТ III 6) ‘родственники’, др.-кыпч. *uruγ taryγ* (МК I 64) ‘родня, родственники’, чаг. *uruq qajaš // uruq qadaš* ‘родня, родственники’; кирг. *uruq-tūγan*; узб. *qarindoš uruγ*, башк. *qärδäš-yryw*; як. *urū-ajmax*.

«РОДИТЕЛИ»

Общее название родителей вторично, оно составлено аналитическим способом из названий отца и матери, которые могут меняться местами, что отражает главную роль матери или отца на определенном этапе развития общества.

1. **ög-qaŋ*. Это древнейшее зафиксированное слово сохранилось в древнетюркских памятниках для обозначения понятия ‘родители’. В отличие от названий, используемых в современных языках, здесь на первое место вынесено название матери, а не отца, т.е. предпочтение или преимущество отдано матери. Др.-уйг. *ög-qaŋqa qadaš küŋ qul bir ikintikä qaryšur* (TT VI 63) ‘Будут ссориться друг с другом мать и отец, родственники, служанки и слуги’ (ДТС 378).

Составлено из названий матери и отца. См. «МАТЬ», «ОТЕЦ».

2. **ata-ana* является более поздним по отношению к предыдущему названию. Др.-кыпч. *ata ana* (МК I 507). В отличие от первого, оно широко употребляется в современных языках.

«РОДСТВЕННИКИ МУЖА, ЖЕНЫ»

Родственники мужа и жены были в особом почете у древних тюрков. Это сохранилось в казахской пословице *qatyn alma, qajyn al* 'Не выбирай (букв. не бери) жену, а выбирай (букв. бери) ее родственников'. Родственники как мужа, так и жены обозначаются единым словом, которое широкоупотребительно как в памятниках, так и современных языках.

**qajyn*. Имеет обобщенное значение 'родственник по браку'. ДТС 407: др.-кыпч. *qajyn* (МК I 32) 'тесть'; крх.-уйг. *qaδyn* (QBN 16-9) 'тесть'; *qaδyn* (МК I 403) 'родственники мужчины по браку (зять, шурин, деверь)'; ДТС 404: *qaδyn-qaδnaɣun* (МК I 528) 'тесть и свекор, сваты'; 'мужчины-родственники по браку: зятья, шурины, деверья'; *tüŋür qaδyn* (МК II 40) 'свойственники'; ДТС 439: *qazyn* (МК I 403) 'отец жены, тесть', 'родственники по браку'.

В современных языках: тур., гаг. *kajyn*, аз., турк. g*ajyn*; тат., башк., ккалп., каз., кирг., узб., алт. *qajyn*; уйг. *qejin*; уйг.диал. (таранч. Р II 99), хак.диал., Кач. *kejin*, хак., шор. *xazyn*, тув. *kadyn/qatyn*, як. *kylyn*.

Сочетаясь с конкретными названиями родственников, *qajyn* обозначает конкретных родственников по браку: *qajyn ata, qajyn ana, qajyn aɣa, qajyn ini, qajyn bike, qajyn siŋil* (см. Покр. 68–72).

Исторически возможна его связь с *qatyn* 'жена', т.е. первоначально это 'родственник по жене'.

«ОТЕЦ»

Отец – глава семьи, самый уважаемый человек среди своих жен и детей. Жены и дети его не называли собственным именем, к нему обращались на «Вы» – *siz*. Для его названия характерно многообразие и семантическая комплексность.

1. **ata*. Слово это, как и многие названия старших родственников, по-видимому, так называемого лепетного происхождения. Так называли его дети и жены. В большинстве тюркских языков конкретное терминологическое его значение – 'отец, прямой родитель сына и дочери'. В этом значении слово наиболее употребительно. Помимо этого *ata* имеет и более широкое значение: 'родитель', 'старшие родители', 'предки по мужской линии'. В ряде языков слово имеет значение 'дед', а в некоторых параллельно используются оба значения.

Слово в этой форме имеется в древнетюркских памятниках. ДТС 65: крх.-уйг. *ataŋ öldi ersä, ataŋ men saŋa, atalyq qylajyn, oɣul bol maŋa* (QBN 122-2) 'Если у тебя умер отец, я тебе отец, буду я отцом [тебе], будь мне сыном'; др.-кыпч. *ata tonu oɣulqa jarasa, atasyn tilämäs* (МК III 87) 'Когда одежда отца становится впору сыну, он [более] не нуждается в своем отце'. Имеется в неизменном виде в средневековых памятниках, большинстве живых тюркских языков основных регионов – юго-западного, северо-западного, карлукских: ср.-кыпч., чаг., тур., турк., ккалп., каз., кар.Т.,Г., кбалк., кум., тат., башк., кирг., уйг. *ata*.

Озвончение интервокального согласного – *ada* произошло в языках сибирского ареала: алт., тув., хак. Удвоение глухого согласного имеет место в чув. *atte*.

Для чувашского литературного языка характерно опереднение конечного гласного *-a > -e* и дальнейшее его сужение *-e > -i* (*ati*).

Общетюркское *ata* в современном казахском языке употребляется в значении 'дед, дедушка', что свидетельствует, очевидно, о первичной нерасчлененности понятий «отец» и «дед», слово в детской речи обозначало любого старшего родителя мужского пола. В казахском языке наиболее употребительным наименованием отца является *äke*.

2. **baba* (см. «ДЕД»). Это слово относится также к нерасчлененному состоянию обозначения старших предков древними тюрками. Оно имеет в большинстве тюркских языков обобщенное значение: 'предок', 'дед', 'отец'. В тех языках, где для передачи значения 'отец' употребляется *ata*, слово *baba* обозначает деда – т.е. более старшего предка.

В значении 'отец' оно отмечено в древнетюркских памятниках: др.-уйг. (ТТ III 98), ср.-кыпч., чаг. *baba*, а также в современных, в основном огузских языках: тур., тур.диал., гаг., аз., аз.диал., турк., турк.диал., ктат., кар. *baba*, узб.диал. *baʾbaʾ*, алт.диал. *poba* (Верб.; Дульзон и др.). Из огузских туркменский отражает связи с северо-западным ареалом, в нем *baba* означает 'дед по матери', а *ata* – не только 'отец', но и 'дед по отцу'.

В хакасском и тувинских диалектах оба названия – *ada* и *baba* – употребляются как синонимы со значением 'отец'.

Слово также лепетного происхождения.

3. **aba*. Употребительно в некоторых древнетюркских памятниках: др.-уйг., крх.-уйг., чаг. (см. ДТС 1; ЭСТЯ 1974, 54–58). Конкретные значения слова в памятниках до конца не выяснены, оно обозначает как родителя-мужчину, так и родительницу-женщину. Слово вытупает как ареальный показатель юго-западных языков: тур.диал., турк.диал., аз.диал., сал. *aba* (в тур.диал. также *apa, apba, abba* – DS I, 14); в значении 'отец' встречается также в диалектах других регионов, преимущественно – восточного: балк., уйг.диал., сюг., шор., тел.

Основное, первичное значение, сохранившееся в названных языках, – обобщенное: 'родитель, старший родственник'. В сибирских тюркских языках оно означает конкретного родственника – 'старший брат' – хак. *abā*, алт. *abāj*; в некоторых северо-западных языках и их диалектах слово имеет и иное значение старшего родственника: балк., тат., башк., кирг. *aba* – 'дядя'.

Слово лепетного происхождения.

4. **qaŋ*. Основное его значение – 'родитель-мужчина'.

Слово употребительно в древнетюркских памятниках. В современных языках не отмечено. Орх. *qaŋ* [*oγly qaŋyŋ teg qylynmaduq erinč* (КТб-5) 'сыновья не поступали как их отцы'], др.-уйг. рун. (МЧ С 12); др.-уйг. (USp 97–26; ТТ III 35; ThS 53, 90; Suv. 319=23; Мал.ПДП 411) *qan*.

Производные от него употреблялись широко в памятниках: др.-кыпч., крх.-уйг. МК III 383: *qaŋyq ata* 'приемный отец', *qaŋyq oγul* 'неродной сын,

пасынок'; МК III 382: *qaŋdaš* 'братья, сыновья одного отца, но разных матерей' (ДТС 419).

«ПАПА»

Тюрки, как древние, так и современные, не имеют особого слова для обозначения этого понятия. Для его обозначения применяются названия отца (см. «ОТЕЦ»): **ata, *baba, *aba* и др.

Эти слова употребляются также со звательными аффиксами *-aj, -eke*: *ataj, adaj, atyj, ataqaj; ateke, atäkä, abaj, abyj, babaj* и т.д.

В разных тюркских языках появились также другие слова для обозначения понятия 'папа', которые, очевидно, являются первоначально подражанием детскому лепету, как это происходит почти во всех языках мира. Как правило, эти слова в своем составе имеют согласные редупликаты: *t-t, d-d, k-k, b-b, p-p*, каз. *täte, köke*; турк. *kaka, dade* и др. Языками многих народов, живших в России и СССР, заимствовано русское слово *nana*.

«ОТЧИМ»

Название неродного отца выражается аналитически сочетанием названия отца со словом *ögej*.

ögej ata, ögej ake. Понятие «неродной отец, мать, сын, дочь, племянник, племянница и т.д.» в тюркских языках с древних времен передается сочетанием соответствующего слова со словом *ögej*. См. «ПАСЫНОК», «СИРОТА».

«МУЖ»

Древние тюрки обозначали единым словом мужа и мужчину и не различали эти понятия в современном расчлененном значении. Это сохранилось в живых тюркских языках до наших дней.

1. **jer* – наиболее распространенное слово. Первоначально онво означало 'человек мужского пола', впоследствии приобрело значение 'супруг' (см. Покр. 58). Главное значение слова в современных языках и в памятниках – 'муж, супруг, мужчина'. От него в разных языках развились многочисленные другие значения, связанные с достоинствами, свойствами, качествами и функциями мужа, мужчины: 'герой', 'храбрец, богатырь', 'витязь, воин', 'молодец', 'господин'; 'мужественный, храбрый (человек)'; 'человек'; 'мужество', 'сила, энергия' и т.д (см. ЭСТЯ 1974, 321).

В форме *jer* слово сохранилось лишь в нескольких языках. Графическое выражение *er* существует в обширном пространстве языков Центральной Азии, Кавказа и на прилегающих территориях. Однако требует выяснения вопрос о начальном йоте, поскольку современная графика тюркских языков не всегда отражает истинное произношение слова, например присутствие начального *j-* в этом слове, которое произносится *jer*, а не *er*, в казахском письме не отражается.

В письме *er*: орх. (КТб 45), также в ен. (Е 11-3, Е 15-1), др.-уйг. (ТТ VII 27–10; КР 66–1, 67–6; Uig. III 57–3), др.-кыпч. (МК II 325), ср.-кыпч., чаг., тур., ктат., кар.К., кум., кбалк., ног., ккалп., каз., кирг., алт., уз., уйг., сюг.,

караг., сой., тув., як., во всех арабографичных письменных памятниках – ایر, поскольку в арабском алфавите отсутствует буква *e*, его надо произносить, разумеется, как *er* или *jer*.

Начальный *j-* сохранился в языках: каз., сюг. *jer*; узб.диал. *jär* (см. VEWT). Древнетюркское слово, транскрибируемое *härä* (T VIII 36), где *j-* соответствует *h-*, – одно из свидетельств существования начального согласного в пратюркском.

Гласный основы через ступень *je->e-* перешел в *ä-* в некоторых огузских языках: аз. *är*, в туркменском *är* долгота появилась как компенсация начального *j-*, сохранившегося в других языках; долгота первичного гласного *e-* отмечена в алт. *ēr*.

Рассматриваемый в ЭСТЯ 1974, 321 этимон **är* неприемлем, поскольку в пратюркском не было *ä* (Németh ZE 5), этот гласный появился в тюркских языках значительно позже – после распада пратюркского языка и в результате контактов огузских и кыпчакских языков с другими языками.

Чув. *ar*; уйг.диал., Лобн. *ej*; уйг.диал. *ē ~ ä* (возможно, это слово восходит к другому источнику – *ege/ jege* 'хозяин').

О существующих этимологиях и монгольских и тунгусских параллелях см. ЭСТЯ 1974, 322.

Гомогенное *eren*, главным значением которого является 'мужчина', лишь в редких языках (кар., Лобн.) имеет значение 'муж, супруг'.

2. **baj* отражает имущественное положение мужчины в семье, т.е. характеризует мужа как главного добытчика в семье.

Тур.диал., турк.диал., тат.диал., ккалп. (разг.), каз. (разг.), узб., узб. диал., P IV 1421 (казан., каз.) *baj*. В значении 'муж, супруг' его употребление отмечено только в названных выше языках.

Слово *baj* (или его варианты) имеется во многих древних памятниках и в большинстве современных языков. Наиболее распространенное его значение – 'богатый, богач' (ЭСТЯ 1978, 27–29). Допустимо считать первичным значение 'муж, супруг', откуда развились другие: 'богач', 'богатый', 'счастливый', 'беззаботный', 'знатный', далее – 'предводитель', 'герой' (P IV 1421 каз.), 'дядя' (гаг.) и др.

Обзор этимологий см. ЭСТЯ 1978, 28–29.

Слово заимствовано соседними языками в значении 'богач', 'богатый'.

«СВОЯК»

Для обозначения мужей родных сестер в отношении друг к другу у древних и современных тюрков существует общетюркское слово **baǯa*: гаг. *báša*; турк., турк.диал., кбалк., тат. *baǯa*, тат.диал. *pača, baca* (Тобол.), *paca*, башк., ккалп., каз. *baža*; кирг. *baǯa*, алт. *bad'a, paja* (ГАЯ), алт.диал. *pӱče* (Баск.Кум.); узб. *baʒa*, узб.диал. *bāǯa*, *baǯa*, *bäǯä*, уйг., уйг.диал. *baǯa*, уйг.диал. *báǯa*, *badza*; хак. *paž'a*, тув. *ḫaža*, тоф. *baǯa*. Озвончение согласного и огубление гласного характерны для многих других слов.

Главное и первичное значение слова – 'мужья родных сестер, свояки'. В дальнейшем от него развились и другие значения, связанные с родством через жену: 'деверь', 'шурин', 'брат жены' (ЭСТЯ 1978; Покр. 66).

Связь *baǯa* 'раздвоенное копыто' с названием свояка несомненна. Слово распространено в алтайских языках (см. ЭСТЯ 1978, 25).

В юго-западном регионе и некоторых соседних кыпчакских языках употребительно производное *baǯanaq*: чаг. *baǯanak* (Буд. I 219); тур., аз., гаг. *baǯanak*; тур. *baǯanax* (P IV 1523); тур.диал. *baǯynak*; ктат., кар.К. *baǯanak*; чув. *puş'ana*. От этого же слова пошел этноним *baǯanaq*, соответствие в русской литературе – «печенеги».

«МАТЬ»

Мать для тюрков священное существо. Существовала в их представлении мать-богиня.

1. **ana* – наиболее распространенное название матери. В этой форме слово сохранилось в древнетюркских памятниках (Kāšğ.D. 23, KW 37, Ettuh. 140, Abû H), а также во многих тюркских языках различных регионов: тур., гаг., аз., турк.диал., сал.; ктат.; кар., кбалк., кум., тат., ккалп., каз.; уйг., сюг. *ana*.

ana относится к наиболее частотным в употреблении словам. Как результат этого произошли многие формально-фонетические и семантические изменения.

Палатализация гласных с сохранением первичного значения слова произошла в ряде языков: тур. *anne*, аз.диал. *ännä*, турк. *ene*, балк. *änna*, тат. *ännä*, тат.диал. *inä, änäü, önnä*, башк. *inä*, кум., ккалп., каз. *ene*, каз.диал. *äni*, кирг., алт. *ene*; узб. диал. *ena ~ enä*, Лобн. *ene*; хак. *ine*, чул. *änä, ine*, чув. *anne* (также *ama*), чув.диал. *ani*.

Палатализация сопровождается в некоторых языках дальнейшим развитием семантики слова; в ряде языков за *ana* сохраняется первичное значение 'мать', а *ene* (например, в каракалпакском, казахском) приобретает новое значение – 'свекровь', 'теща' (мать жены или мужа). В ряде языков происходит сужение как начального, так и конечного гласного: хак. *ine, inä*, тат. *äni*, дифтонгизация конечного гласного: башк.диал. *inäj*.

В якутском произошли наряду с палатализацией сужение начального гласного, а также спирантизация интервокального сонорного: *ene* > *ije*.

В узбекском литературном языке закрепилась также форма с огубленным начальным гласным – *ǻna*.

Дупликация среднего согласного развилась в некоторых языках Поволжья: тат. *ännä*, чув. *anne* и тур. *anne*.

Ana, как и другие древние и наиболее употребительные слова в тюркских языках, получило широкое семантическое развитие. Наряду с названиями старших родственниц: 'мать', 'теща', 'свекровь', 'тетка', 'бабушка', оно стало обозначать и другие понятия, отдаленные от родственных отношений, но связанные с понятиями старшей женщины в семье, с существом

женского пола: ‘старшая женщина, почтенная женщина’, ‘матрона’, ‘самка’, ‘матка с приплодом’, ‘главная часть вещи’ и т.д. (см. ЭСТЯ 1974). Например, тат. *ana măči* ‘кошка’ – именно самка кошки, *ana ürdäk* ‘утка’ (Р I 227).

Все формы слова: *ana/ama/anna, ene* и т.д. – лепетного происхождения.

ana послужило основой для образования звательной формы, а также для производства множества новых слов в различных тюркских языках (см. Покр. 24–25).

2. **ene*

Слово представлено в языках: турк., ккалп., каз., кирг., алт., узб.диал. Надо полагать, что оно является палатализованным вариантом *ana* (см. выше – **ana*), поэтому может рассматриваться как вторичное по отношению к первому. Обе формы равно распространены и нередко употребляются параллельно в одних и тех же языках (ЭСТЯ 1974, 279).

При дальнейшем развитии слова происходит как спирантизация согласного *n* > *j*: тув., як. *ije*, так и сужение или расширение гласных *e* > *i*, *e* > *ä*: тат., башк. диал *inä*, тат. *äni* и т.д. (подробно см. ЭСТЯ 1974, 278–279).

Первичное, основное значение – ‘мать’, ‘почтенная, старшая женщина’. В дальнейшем семантика значительно расширилась и приобрела немало конкретных значений: ‘мама’, ‘родительница’, ‘матушка’, ‘матрона’, ‘бабушка’ и др., также некоторые дополнительные значения, относящиеся к родственникам по свойству: ‘теща’, ‘свекровь’, ‘тетя’, а также ‘няня’, ‘сказочная женщина’, ‘особь женского пола’, ‘самка’, ‘матка (у животных)’ (ЭСТЯ 1974, 280).

3. **eǯe*

Слово в разных фонетических вариантах распространено во всех регионах, однако в значении ‘мать’ – в ограниченном количестве языков: турк. *eǯe*, башк. *äsä(j)*, Лобн. *eǯä*, хак. *iǯe*, чул. *iče* ~ *edze*, тоф. *ihe*.

Слово многозначно. В большинстве языков помимо значения ‘мать’ главным значением выступает ‘старшая сестра’ (тур., турк., кирг., узб., Лобн., алт., як.), а также всякая старшая по возрасту женщина: ‘тетка, тетя, бабка, бабушка’. Слово имеет также мужские значения: ‘брат, старший брат, отец, дядя, батюшка, дед’ (подробнее см. ЭСТЯ 1974, 231).

Слово лепетного происхождения.

4. **apa*

Слово в разных фонетических вариантах распространено во всех регионах. В значении ‘мать’ оно фукционирует в ограниченном количестве современных языков, тем не менее относящихся к разным регионам: тур. диал., турк.диал., кирг. диал., узб., уйг. *apa*, тув. *awa/uwa*, чув. *aba*; а также в ряде древних памятников.

Центральными и почти параллельно распространенными значениями являются ‘мать’ и ‘старшая сестра’. *Apa* употребляется и как форма обращения к любой старшей женщине как со стороны мужчины, так и со стороны женщины. Другие его значения связаны с названиями женщин – старших родственников: ‘тетка, родственница, бабушка, золовка, женщина’ (см. ЭСТЯ 1974, 159).

Множественность названий старших родственников (мать, отец, дед, бабушка) подтверждает мнение о лепетном происхождении большинства из них.

5. **ök*

Употребительно в древнетюркских памятниках: др.-уйг. рун., др.-уйг. *ök: on aj eltdi ögüm* (E 28-7) 'десять месяцев носила меня моя мать'; *ögüm ötin alajyn* (ThS II 90) 'да получу я наставление своей матери'; *meniŋ ögüm bolur siz* (Uig. III 83–14) 'Вы будете моей матерью'. Для обозначения богини слово сочеталось с названием бога-неба: *ög Täŋri* (Man. I, 13–17) 'Богиня'.

В современных языках *ök* сохранилось в составе производных основ, главным образом – в слове со значением 'сирота', которое имеется в языках различных регионов. Во всех языках с конечным глухим согласным: тур., кар.К., кбалк., кум. *öksüz* и т.д. Форма со звонким конечным *ögsüz* отмечена в тур.диал. Подробно см. VEWT 368; ЭСТЯ 1974, 521. Э.В.Севортян считает исходным корневым гласным *-g* (там же), хотя первичность глухого конца более вероятна, а *-g* можно рассматривать как его ассимилятивный звонкий вариант.

Во всех источниках слово имеет значение 'мать, родительница'. Использование в составе производного слова *öksüz* подчеркивает главенствующую для ребенка роль матери, а не отца у древних тюрков.

«МАТУШКА»

1. Для передачи этого понятия первоначально употреблялось название матери **ana* (см. выше). Затем на базе этого названия появились его звательные формы, образованные посредством аффиксов *-j, -ka/-ke*: *anaj, enej*, башк. *äsäj* 'мама'; тел. (P I 733) *änäkä*, тар. *änägä*, каз., кирг. *eneke* 'матушка, мама'.

Звательная форма образуется также аффиксами принадлежности 3-го и 1-го лица. *anam* 'моя матушка' употребляется обычно при обращении к старшей женщине, тогда как *anasy* имеет специфику, заключающуюся в том, что оно употребляется при обращении мужчины к своей жене (букв. 'его или их мать', т. е. мать его детей, ср. русское обращение в быту *мать* в таком же значении).

2. **apa(j)* употребительно в древнетюркских памятниках, можно считать его архетипом северо-западных языков, откуда оно распространилось в соседних регионах: турк., тат., башк., ккалп., каз., кирг., уйг. *apa*, узб. *opa*, чув. *appa* и ее звательная форма *apaj*, которые в современных языках стали употребляться при обращении к любой старшей женщине (см. выше **apa*).

Общее распространенное значение слова *apa(j)* – 'матушка', 'старшая родственница', 'старшая женщина', 'старшая сестра'.

В ряде языков – турецком, азербайджанском, крымскотатарском – вместо *apa* используется *abla*, имеющее, возможно, генетическое родство с предыдущим словом (< *apalar*?).

«БРАТ»

Древние тюрки различали братьев по возрастному отношению к говорящему: старший–младший, и это имеет особое словесное выражение, что яв-

ляется спецификой тюркских языков. Названия братьев являются общими как для речи мужчин, так и женщин.

Общее обозначение понятия «брат» в большинстве тюркских языков выражается словом *qaryndaš*.

1. **qaryndaš*

Крх.-уйг. *qaryndaš* (МК I 407; QBK 3–6), ср.-уйг. *qaryndaš* (ЛОК 20-2); тур. *kardeš*, гаг. *kardaš*, аз. *ġardaš*, турк. *ġardaš, ġaryndaš,* ктат. (*oγlan*) *qardaš*, кар.Г. *karandaš*, кар.Т. *karyndaš* , *karandaš, kardaš*, кар.К. *qaryndaš*, карач. *qarnaš,* балк. *qaryndaš*, кум. (*oγlan*) *qardaš*, тат. *qardäš,* башк. *qaryndaš*, *kärδäš,* ккалп., каз. *qaryndas*, кирг., алт. *qaryndaš*; узб. *qaryndoš, qardoš*, уйг. *qerindaš*; хак. *xaryndas*.

Первоначально слово обозначало единоутробных детей как мужского, так и женского пола, о чем свидетельствуют данные некоторых тюркских языков. Впоследствии в большинстве тюркских языков оно стало общим обозначением для брата – как следствие «мужского шовинизма», причем в нем присутствует сема «младший». В ряде тюркских языков (каз., ккалп., башк., кирг. и др.) преобладающим оказалось развитие «женской» семантики этого слова – 'младшая сестра мужчины', 'младшая племянница по мужской линии'. Возможно, это свидетельствует о нерасчлененности первоначальной семантики слова на «мужскую» и «женскую». При дальнейшем развитии семантики в разных тюркских языках помимо 'брат' и 'младшая сестра' появились новые обобщающие значения: 'родственник', 'родня', 'двоюродная сестра', 'племянница', 'приятель, дружище' и т.д. (см. Покр. 38).

**qaryndaš* производено от основы *qaryn* 'утроба, живот' посредством присоединения продуктивного аффикса *-daš* , придающего новообразованию значение совместности, соучастия.

qaryndaš употребляется в некоторых северо-западных языках при образовании составных названий старшего и младшего братьев взамен общетюркских названий *aγa, ini*: кар.Т. *aγarax karyndaš* 'старший брат', *igitr'ak karyndaš* 'младший брат', балк. *tamada qarnaš* 'старший брат', *kiči qarnaš* 'младший брат'; в кумыкском кроме старшинства указывается также пол: *ullu er qardaš* 'старший брат', *giččі er qardaš* 'младший брат', что следует рассматривать как явление более позднего развития, по-видимому, кальки соответствующих выражений окружающих языков.

Слово заимствовано многими соседними нетюркскими языками: ср. рус. *кореш* и т.д.

2. **toγγan*

В этой первичной форме в современных языках слово не сохранилось. Турк. *doγan*; тат., башк. *tuγan*, ккалп., каз. *tuwγan*; кирг., алт. *tūγan*; уйг. *tuqqan*; шор. *tuγan*; чув. *tiwan*.

Обозначает братьев по мужской линии, имеет общую семантику 'брат, родственник мужского пола, родной'; в турк. *doγon* отмечено также женское значение 'сестра' (БК 128 – Покр. 44), имеющее семантическое сходство с *qaryndaš*.

Образовано от глагола *toɣ-* 'рожать, родиться' посредством аффикса *-ɣan*.

В кыпчакском ареале для выражения значения 'брат' также распространено другое производное от основы *toɣ-* с дополнительным аффиксом взаимно-совместного залога: кирг. *tuwušqan*, узб. *tuɣišgan*, ккалп., каз. *tuwusqan*.

3. **toɣmyš*

Встречается в ср.-уйг. памятниках (ДТС 571 – MO III 3; USp 30-17).

Значение более обобщенное, чем у *toɣɣan*, оно выражает семантически более общее понятие: 'родственник, родной', наряду с 'брат'.

Образовано, как и предыдущее, от глагола *toɣ-* 'рожать' посредством другого аффикса «причастия» *-myš*.

В др.-тюрк. памятниках распространены собственные имена с этим названием: *barča toɣmyš* (USp 32–21), *er toɣmyš* (TT IX 114) и др.

Приведенные выше три названия относятся к самым древним словам, выражающим первоначально единоутробных братьев и сестер.

Тюрки четко различали братьев в возрастном отношении. Например, чтобы перевести фразу типа библейской «Иосиф брат Иуды» на тюркские языки, надо знать, кто из них старший, а кто – младший.

Старший брат. Тюрки относились и относятся к старшим по возрасту людям, в частности к старшему брату, с большим уважением и почтением. Это получило отражение и в названии старшего брата – их много. Эти названия выражают общее значение 'старший мужчина', откуда развились их другие, более конкретные значения.

4. **aqa*

Др.-уйг. *aqa* (MO 3-2), крх.-уйг. *äkä*(МК); ср.-уйг. *aqa* (ЛОК 37-7, ФТ 3-15); тур.диал. *akka, akej, iki, eke* (в каз. и ккалп. *eke* – звательная форма), турк.диал. *aqqa, aqɣa*; ктат., кар.К. *aqa*, кбалк. *aqqa* (Р), тат.диал. *äkä*, ккалп. *äke*, каз. *äke, äkä* (Р – кир. = каз.); кирг. *ake*, алт. *aqa*; узб. *akä*, узб.диал. *äkä, äka, ǎkä, ǎqa, ǎqa*, уйг. *aqa, äkä, äka*, уйг.диал. *aka, akä*, Лобн. *aqa, ake, akä*, сюг. *aqa, eke*, тув. *aqy*, як. *aɣa*.

Слово это в тюркских языках многозначно. Основные значения (по ЭСТЯ 1974, 121): 1. отец, родитель, папа; 2. старший брат, старшая сестра, брат; 3. старший родственник (Р I 109); пожилой мужчина (кар.К.); старший годами, постаревший (як.); 4. дед, дедушка; 5. дядя. По распространенности в тюркских языках значения распределяются в следующем порядке: 2, 5, 1, 4, 3. Таким образом, семантика 'старший брат' в нем преобладает.

5. **aɣa*

Во многих памятниках (USp, KW, Korkut, TS I, Абушка, Pav.C. и др.) и большинстве современных тюркских языков (аз., ктат., кар.К., Т., тат., ног., ккалп., каз., кирг., Лобн., Кыз., ср.-чул.) – *aɣa*, тур. *aa*, тур.диал. *aga, age, ago, agu, aǧa, aǧey, aǧyš, aǧo*, гаг. *aga*, турк.диал. *āɣa*, узб. *aɣa*, узб.диал. *awa*.

Главное, наиболее распространенное значение – 'старший брат', имеются и другие значения, развившиеся впоследствии. Значения *aɣa* (по ЭСТЯ

1974, 70, где приведены 6 основных значений): 1. старший брат – в большинстве языков; 2. дядя – турк., тат., кум., Лобн.; 3. отец – чул., як.; 4. *ага* – почтительное обращение к старшим во многих языках; 5. лицо привилегированного сословия, помещик, богач – аз., ног. К этому надо добавить каз. 'старший по званию, должности': *aγa lejtenant* 'старший лейтенант', *aγa oqytuwšy* 'старший преподаватель' и т.д. По распространенности значения распределяются в следующем порядке: 1, 3, 5, 2, 4, т.е. семантика 'старший брат' преобладает.

Слово *aγa*, по-видимому, представляет собой вторичную форму по отношению к *aqa*, возникшую в результате озвончения интервокального глухого. Э.В.Севортян (ЭСТЯ 1974, 70,121) отдельно рассматривает *aγa* и *aqa*, хотя отмечает семантическую однородность их значений; в ДТС 48 при *aγa* дается лишь ссылка на *aqa*. Л.А.Покровская (33) рассматривает их как варианты одного слова и показывает некоторую семантическую дифференциацию фонетических вариантов.

Слова *aqa*, *aγa* относятся к «лепетным» выражениям, как и почти все названия старших родственников. Г. Рамстедт, увлеченный алтайским родством, относил их к общему тюрко-монгольскому фонду.

Младший брат. Младший брат в семье занимал у древних тюрков свое особое место. В соответствии с семейными традициями воспитания он безотказно выполнял все поручения старших, считая это своей святой обязанностью. А старший брат служил для него надежной опорой, это он хорошо понимал. Каз. *aγasy bardyŋ žaγasy bar, inisi bardyŋ tynysy bar* 'У кого есть старший брат, у того есть опора, а у кого есть младший брат, у того есть отдохновение' отражает суть взаимоотношений между старшим и младшим братьями.

Для его обозначения употребляется общетюркское слово *ini*.

6. **ini*

Орх. (КТб 4, 6, 26; КТм 1; Е 28-4), др.-уйг. (ТТ I 137), крх.-уйг. (МК), ср.-кыпч., чаг. *ini*; вост.-тюрк. *in* (Zen. I 154); тур., аз.диал., турк. *ini*, тур.диал. *eni*; ктат., кум., тат., башк., ног., каз., ккалп. *ini*; кирг. *ini*, алт. *īni*, *ini* (Р); узб., уйг., Лобн. *ini*, уйг.диал. *ine*; сюг. *ini*, *yny*, *ene*; як. *ini*. При одинаковом написании произношение может различаться по группам языков и индивидуально от полногласного *i* до очень краткого *ĭ*.

Значение 'младший брат' сохраняется во всех языках, исключения существуют лишь постольку, поскольку нам не известны пока подробные значения слова во всех языках. Дополнительные значения: 'брат' – по всей вероятности, это обращение к младшему по возрасту человеку (турк.диал., тур.диал., узб.диал.); примерно такого же характера 'неродной брат' (тур.диал.), 'деверь' (аз.диал.), 'шурин' (аз.диал., уз.диал.).

Э.В.Севортян полагает, что *ini* представляет собой производную форму от глагола **en-/in-* 'рожать' или 'зачать' (ЭСТЯ 1974, 363). Это имеет некоторую семантическую – «утробную» – близость к названию старшего брата *qaryndaš*.

Некоторые народы, подвергшиеся ассимиляции со стороны нетюркских народов, забыли это слово, вместо него употребляют поздние аналитические образования, напоминающие индоевропейские конструкции: кар.Т. *kiči kardaš.*

«СЕСТРА»

У древних тюрков не было общего названия для сестер, так же как не было общего названия для братьев. Названия сестры различаются в зависимости от того, является ли говорящий старшим или младшим по отношению к сестре, какого пола говорящий – мужского или женского. В тюркских языках общие названия 'брат' возниклм сравнительно поздно – они характерны для определенных регионов или отдельных языков, а общее название 'сестра' еще не появилось.

Старшая сестра. У древних тюрков первоначально существовало общее название для старшей женщины, которое обозначало и мать, и старшую сестру, и тетку.

1. **apa*

Слово выступает обозначением старшей сестры как мужчины, так и женщины. Оно имеет много значений, относящихся к названиям старших родственников (см. ЭСТЯ 1974, 152). ДТС 47: *apa* 1. старшая родственница, старшая сестра (USp. 12-2); 2. мать (МК I 86).

Младшая сестра. У древних тюрков существовали разные названия младшей сестры в зависимости от того, чьей сестрой – мужчины или женщины – она была. Первичным является, пожалуй, «матриархальное» название, которое отмечено и в древних, и в современных языках.

2. **siŋil*

Др.-кыпч. *siŋil* (МК III 366) 'младшая сестра мужа'; др.-уйг. *s iŋil* 'младшие родственницы': *siŋil küdägülärim* (Suv. 686-7) 'мои младшие родственницы и зятья'. С конечным согласным слово сохранилось в ряде языков, хотя гласные в некоторых из них претерпели ряд изменений: ўзб. *siŋil*; тат. *seŋel*; долг. *hiŋil*; в некоторых языках произошла метатеза последних согласного и гласного: ккалп., каз. *siŋli*; в кирг. *siŋdi* происходит дополнительно переход *l* >*d* (впрочем, возможно, это первичный аффикс *-di*, также образующий слово от корня *siŋ*). Наличие этого слова является ареальным архетипом кыпчакских языков. В них оно в первую очередь имеет значение 'родная младшая сестра женщины'.

Первоначально слово имело, по-видимому, значение 'младший родственник'. Затем – 'младшая сестра' по отношению к мужчине, о чем свидетельствует, в частности, чулым. *siŋni* 'младший брат мужа, сын старшего брата мужа' (Дульзон 1954, 66), впоследствии оно стало употребляться как общее название младшей сестры, в дальнейшем – и по отношению к женщине – ср. башк., ккалп., каз. и др. кыпчакские языки – 'младшая сестра женщины'. Дальнейшее развитие семантики слова связано с тем, что слово стало обозначать и других младших родственниц как мужчин, так и женщин: 'племянница, младшие дочери любых родственников'. Обобщенное

значение, относящееся как к мужчине, так и женщине, – 'молодой, молодая' – развилось в долганском. Возможно и обратное развитие семантики от общего понятия «младший родственник» к более конкретным значениям.

Возможно, образовано от глагола *sip-* 'укрываться, прятаться' (?) посредством аффикса *-il*.

Отметим также наличие значения 'младшая сестра мужчины' у слова **qaryndaš*, характерного для кыпчакского ареала (см. «БРАТ»).

Младшая сестра жены (по отношению к ее мужу). Для обозначения этого понятия в тюркских языках с древнейших времен существует единое слово.

3. **baldyz*

Главное, наиболее распространенное значение слова – 'свояченица', 'младшая свояченица'. По-видимому, оно является первичным. В дальнейшем слово приобретает и другие значения: 'золовка', 'младшая родственница жены', а также «мужские» значения: 'шурин' (чув., ног., ккалп., каз., тат.диал.), 'зять' (Буд.), сохраняя одновременно первичное значение (Покр. 67; ЭСТЯ 1978, 53).

Др.-уйг. (Suv. 554-16) *baltyr* 'младшая родственница' (ДТС 80: под знаком вопроса дано также значение 'невестка', что, по-видимому, неправомерно), крх.-уйг., ср.-уйг. *baldyz* (Kāšġ.D. 65, IbnM 15; ДТС 80: 'младшая сестра жены' – МК 230-7); чаг. *balduz* (Pav.C. 154), Zen I 171 *baldyz* (тур.), гаг. (со славянским окончанием женского рода) *baldyska*, турк. *bāldyz*, башк., башк. диал. *baldyδ*, тат.диал. *paltys*; алт.Тел. *passy* (P IV 1192); узб. *bāldiz*, узб.диал. *bäldiz*; хак., шор. (P IV 1191) *pasty*, як. *balyz*.

По Севортяну, слово формально состоит из производящей основы *bal*, которая встречается в турецких диалектах со значениями 'девочка', 'брат', и аффикса *-duz* (ЭСТЯ 1978, 54). В семантическом отношении имеется его связь с др.-тюрк. *baldyr* 'неродной, приемный': МК 229-11 *baldyr oγul* 'пасынок'; МК 229-12 *baldyr qyz* 'падчерица'.

«БЛИЗНЕЦЫ»

Близнецы в представлении древних тюрков – самые близкие между собой братья, брат и сестра или сестры. Существует выражение *egiz baladaj* 'словно близнецы', подчеркивающее самые близкие родственные отношения.

Название близнеца во всех тюркских языках выражается словом, образованным от названия числа «два».

**jekiz*

Ен. *ekiz* (ДТС 168), др.-уйг. *ägiz, egiz*; чаг. *ikkiz, egiz*; тур. (P), тур.диал. *ekiz*, тур., гаг. *ikiz*, аз. *äkiz*, турк. *ekiz*; ктат. *ekiz*, кар., кбалк., кум., ног. *egiz*, тат. *igĭz*, башк. *igĭδ*, ккалп., каз. *jegiz*; кирг. *egiz*, алт. *egis*, узб. *äkiz*, узб.диал. *äjiz*; хак. *ikis, ikkis* (P I 1421), койб. *ikärä*, шор. *igis*, тув. *ijis*, як. *igire/ igiri/ igirie*, чув. *jĕĸĕr*. Каз., ккалп. *jegiz* подтверждают первичность **jekiz*.

Во всех памятниках и языках сохраняется основное значение 'близнецы, двойня'. Некоторые производные значения: 'двойник, пара, смежный, скрещенный'.

Отсутствие других названий для близнецов в тюркских языках говорит о древности и длительности существования этого общетюркского слова.

Этимология слова достаточно прозрачна и имеет типологические параллели в нетюркских языках. По мнению В.Банга, Э.Севортяна и других, **ekiz* представляет собой производное, образованное от числительного *eki* 'два' посредством аффикса *-z*. (ЭСТЯ 1974, 253).

В «алтайских» языках: монг. *ikire*, тунг.-маньчж. *ikiri/ikeri* проявляют близость к якутскому варианту; видимо, это заимствования из тюркских.

«ЗЯТЬ»

Древние тюрки, как и современные, различают: 1) зять – муж старшей сестры и 2) зять – муж дочери.

1. **küdägü*. Это слово обозначает зятя по отношению к старшим родственникам его жены.

В этой форме зафиксировано в древнетюркских памятниках: рун. *küdägü* (E 3-6), крх.-уйг. *küdägü* (QBH 13-3), *küδägü* (MK III 2; QBN 16-9 – ДТС 324), *güjägü* (Мел.АФ 0112).

Формы, представленные в современных тюркских языках: тур. *güvej*, гаг. *güvä*, аз.диал. *gijov/ǯijäv/qöj*, турк. *gijew*; тат. *kijäw*, башк. *kejäw*, ккалп., каз. *küjew*; кирг. *küjȫ*, алт. *küjü*, узб. *küjow*, уйг. *küjeɣul* (*küjew* + *oɣul*), хак. *kizö*, шор. *küzä*, тув. *kudē*, як. *kütüö(t)*; чув. *kĕrü*.

Первичное значение слова 'муж дочери, младшей сестры; зять'. Слово впоследствии получило дальнейшее развитие семантики: 'молодой муж', 'муж' (см. Покр. 60).

Можно предположить, что в нем присутствует производящая основа **küj-/*küd-*.

2. **jezne*. Слово в основном обозначает зятя по отношению к младшим родственникам жены – 'муж старшей сестры, тети' в широком понимании родства.

Крх.-уйг. *jezne, jeznä* (MK); ср.-кыпч. *jezne, jisnä* (KWb 24); чаг. *jäznä* (Vám.ĆSpr. 352); тур., гаг. *enište*, аз., аз.диал. *jeznä, jezdä, jäzdä*, турк.диал. *jezne*, кар.Г. *jez'n'e*, кар.Т. *jezn'a*, тат. *ǯiznä*, тат.диал. *jesnä*, тат.Сиб. *cištä*, башк. *jiδnä*, ккалп., каз. *žezde*; кирг. *ǯezde*, алт. *d'este*; узб., узб.диал. *ǯeznä, ǯezdä*, узб.диал. *jeznä, jäznä*; хак. *čiste*, шор. *čäzin* (метатеза), *čästä*, тув. *česte*; чув. *jysna* (< тат.).

От основного значения впоследствии развились значения: 'деверь, шурин, свояк, жених', 'муж тети'. См. ЭСТЯ 1989; Покр. 64.

Слово проникло в соседние иранские, угро-финские и иберийско-кавказские языки.

У древних тюрков существовал культ родителей, как матери, так и отца. У казахов сохранился обычай не называть имен матери и отца, а говорить о них как об отце и матери. Обращаясь к родителям, дети всегда говорят *siz* 'Вы'. *Sen* 'ты' при обращении к ним считается признаком невоспитанности и осуждается обществом.

Единое для всех тюркских языков слово существует со времени древних тюркских языков.

1. **oγul.* Главное и наиболее распространенное значение слова – 'сын' во всех языках и памятниках.

Форма *oγul* сохранилась в древнетюркских и среднетюркских памятниках, а также в современных языках главным образом огузского ареала с прилегающими некоторыми северо-западными и карлукскими языками: др.-уйг., др.-кыпч. (ДТС 364), ср.-кыпч., чаг., тур., аз., турк., ктат., узб., уйг., сюг. *oγul.*

Как и другие древние слова, оно приобрело различные фонетические варианты. Широкий гласный во втором слоге: уйг. *oγal~oγol* (Мал. УНС 141); *ohol* (Gabain 320 – brahmi).

Письменную форму в некоторых памятниках трудно идентифицировать с произношением, точно определить, произносится ли во втором слоге губной гласный или негубной, что представляет собой первый гласный – широкий или узкий губной, происходит ли выпадение интервокального *-γ-* и возникает ли соответствующая долгота. Подобное явление характерно и для многих современных языков, у которых письменная и устная формы расходятся значительно.

Второй гласный негубной в письме: хак. *oγγl*, узб. *oγil.*

Переход интервокального *-γ-* в *-v-* или *-w-* произошел в некоторых языках: Abû H, кар.Г. *ovul*, тат. диал. *owyl.* В дальнейшем выпадение интервокального согласного и появление долготы в Сибирском регионе: алт., хак., тув., а также в огузском ареале – гаг. *ōl.*

Сужение первого гласного: кар. *uvul*, ног. *uwyl*; выпадение интервокального согласного и возникновение долготы: кирг., алт. *ūl*; дальнейшее стяжение гласного: тат., башк., ккалп., каз., узб. диал. *ul*; другие явления: як. *uol*; чув. *yvăl.*

Развившиеся впоследствии другие значения *oγul* так или иначе связаны с положением младшего из мужчин в семье и обществе и переносом данного названия на другие объекты: 'дитя, ребенок', 'парень, паренек', 'слуга, работник, батрак', 'брат, младший брат, племянник, пасынок' и др. (ЭСТЯ 1974, 415; Покр. 15).

Из многочисленных этимологий более вероятной следует считать версию Э.В.Севортяна, видевшего в *oγul* производное от глагольного корня **oγ-/og-* 'рождать' (ЭСТЯ 1974, 416). Отсюда *oγul* 'рожденный ребенок'. Можно предположить, что согласный корня был первоначально глухим *-q.*

2. **oγlan.* Главное значение – 'ребенок, дитя' – сохраняется во всех языках.

Первичная форма сохранилась в древнетюркских и средневековых памятниках, а также в современных языках юго-западной группы и у их соседей: орх., ен. (КТм 1; Е 59-1), крх.-уйг. (QBK 46-9), др.-кыпч. (МК III 196), ср.-кыпч., чаг., тур.диал., гаг., аз., турк., кар.К., узб., сюг. *oγlan.*

Метатеза стечения согласных: сюг., хак. *olγan*, Лобн. *olγon*, сюг. *ulγan*; огубление второго гласного: узб. *oγlân*; сужение первого гласного: ккалп. *uγlan*; сложные фонетические явления в як. *wolan.*

Выпадение *-γ-* является северо-западным архетипом: кар., балк., кум., тат., башк., ног., ккалп., каз., кирг. *ulan*; алт. с заместительной долготой: *ūlan*.

Дальнейшее развитие семантики – 'мальчик, парень' – отмечено преимущественно в юго-западных языках: тур., гаг., аз., турк., ктат., кар., кум. Другие, менее распространенные производные значения: 'сын', 'молодой воин', 'царевич', 'слуга'.

Это слово также представляет собой образование от корня **oγ-* (см. выше **oγul*). Подробно о существующих этимологиях см. ЭСТЯ 1974, 411.

«ДОЧЬ»

Для обозначения этого понятия в тюркских языках с древности существует единое слово *qyz*.

**qyz*

Первоначально обозначало любого ребенка женского пола. Таким образом, древние тюрки не выражали расчлененно современные понятия «дочь», «девочка», «девушка».

Ен. *qyz* (*jalyγus qyzyma ...adyryldym* – Е 16,1 'я разлучился со своей единственной дочерью'); др.-уйг., крх.-уйг. *qyz* (QBH, Suv.). В большинстве современных языков, в основном это северо-западные языки, наряду с заднерядным характером всех звуков начальный глухой сохраняется: тат., ктат., кар.К., кум., тат., ккалп., каз. *qyz*, башк. *qyδ*; кирг. *qyz*.

Некоторая палатализация начального согласного наблюдается в языках разных регионов: тур., кар.Г.,Т. *kyz*; в узбекском и уйгурском палатализация идет еще дальше, переходя на все звуки слова.

Оглушение конечного звонкого происходит в основом в восточном ареале: гаг. *kys*, алт., тув. *qys*, як. *qȳs*; его переход в интердентальный спирант происходит в башкирском: *qyδ*; ротацизм конечного согласного характерен для чувашского – *xĕr*, что подтверждает первичность конечного *-z*.

Озвончение начального *q-* > *g-* характерная черта некоторых Ю.-З. языков: аз. *gyz*, турк. *gyjz*. Подобное явление позиционно происходит почти во всех языках.

Удлинение гласного происходит в туркменском (где долгий гласный переходит в нисходящий дифтонг: *gyjz*) и в якутском (*qȳs*).

Слово сохранило во всех языках свою первоначальную нерасчлененную семантику – 'дочь, девушка, девочка'. Однако в некоторых языках произошли семантические сдвиги. В тувинском это слово имеет значение 'самка': *qys adyγ* 'медведица', *qys börü* 'волчица'. Для передачи значения 'дочь' в тувинском употребляется другое слово, являющееся в тюркских языках общим названием потомства, семени – *uruγ*.

Обобщенные значения реализуются в словосочетаниях: *qyz kelin* (Е 3–6) 'молодые женщины, молодушки'; *qyz qyrqyn* (МК I 326) 'невольницы, наложницы', в казахском это – 'молодые девушки'; каз. *qyz bala*, ктат. *qyz evlät* 'девичий род'.

Значения слова *qyz*, связанные с низким социальным положением женщины, – 'невольница, наложница, служанка' – встречаются в древнетюркских памятниках (ДТС 449).

«ПАСЫНОК, ПАДЧЕРИЦА»

Неродной сын и неродная дочь у древних тюрков представлялись прежде всего как дети без родителей.

**ögej* первоначально означало 'без матери' и сочеталось с названием сына или дочери *–ögej oγul, ögej qyz*, затем приобрело значение 'неродной' и стало применяться и в отношении других участников родственных связей, сочетаться с названиями отца, матери и других старших родственников: *ögej ata, ögej ana, ögej baba* и т.д. Таким образом, слово приобретает абстрагированное значение: 'неродной, неединокровный, сводный' (Покр. 54).

Слово широко распространено, отмечено в древнетюркских памятниках (см. ДТС 379) и употребительно в современных языках: др.-кыпч. *ögäj oγul* (МК I 123) 'пасынок', *ögäj gyz* (МК I 123) 'падчерица', *ögäj ata* (МК I 123) 'отчим'; др.-уйг. *ögäj aγa* (USp 78–8) 'старший сводный брат'; ног., ккалп. *ögej*; уйг. *ögäj*; каз., кирг. с огублением второго гласного *ögöj*; сужение начального гласного в следующих языках: башк. *ügäj*, тат. *ügij*; узб. *ugaj*. В Ю.-З. языках произошли сильные фонетические изменения, обновившие форму слова: аз. *ökäj*, тур. *üvej*, турк. *övej*, гаг. *jüvä/üvä*. Значительные фонетические изменения произошли также в ряде С.-В. языков: хак. *ŏj*, алт. *öj*.

Образовано от слова *ök* 'мать' прибавлением аффикса *-ej*, первоначально имело значение 'без собственной матери'.

«СИРОТА»

У древних тюрков сирота представлялся как ребенок без матери. В этом отношении это понятие близко к понятиям «пасынок, падчерица».

**öksüz.* Форму со звонким *-g- (ögsüz)* тюркологи обычно реконструируют в древнетюркских памятниках: ен. (Е 45–2), крх.-уйг. (QBH 117–11); в ср.-кыпч., чаг. (Ettuh. 225, Pav.C. 29) представлена форма с глухим *-k- (öksüz).*

В современных языках: тур. *öksüz*, тур.диал. *ögsüz, ösyz*; ктат. *oksüz*, кар.К., кбалк., кум. *öksüz*, кар.Т. *oks'uz'*, кар.К., ног. *öksiz*, кар.Г. *eksiz*; алт. *öskös* (метатеза), *üskös* (ГАЯ 282); хак. *ökš*, хак.Саг., шор. *ökkös* (Р I 1181), шор. *ükkös* (Р I 1807).

Слово образовано от имени *ök* 'мать' посредством аффикса *-siz* с лишительным значением, букв. 'без матери' (ЭСТЯ 1974, 521). Первичное значение – 'ребенок без матери', этим подчеркивалось главенствующее значение для ребенка матери.

Основное значение: 'сирота', 'дитя без родителей' – как без отца, так и без матери. В некоторых современных языках развитие значения пошло дальше: 'одинокий, несчастный, обездоленный'.

В большинстве современных языков, носители которых подверглись исламизации, слово заменено арабским заимствованием *jetim*.

«ЖЕНА»

Древние тюрки, по-видимому, не делали разницы между понятиями «жена» и «женщина». Слово, обозначающее эти понятия, было многозначным и в пратюркском.

**qatyn*

В древнетюркских памятниках фиксируется вариант с губным гласным во втором слоге (впрочем, орфография может не отражать реального произношения): *qatun, xatun* (ДТС 436, 637), орх. *qatun* (КТ 31), крх.-уйг. *qatun* (Qas. 52), др.-уйг. *qatun* (Suv. 625-1). В современных языках: кбалк., кум., башк., ккалп., каз. (в казахских словарях стараются не давать это слово как грубое, бранное), кирг. *qatyn*.

С начальным *x-*: турк. *xatyn*, уйг. *hotun*, хак. *xat*, як. *xotun*, узб. *xa'tin*; ср. монг. *xatan*.

Озвончение среднего и начального глухих отмечено в тур. *kadyn*, аз. *gadyn*.

В некоторых языках происходит преобразование конечного сонанта: алт. *kadyt*; тув. *kadaj* ('жена, старуха', груб. 'баба').

Стяжение слова в результате выпадения второго слога наблюдается в тув. *kat*; шор. *kat*.

Древнейшие значения слова – 'жена, супруга, госпожа', последнее особенно употребительно в памятниках; также 'баба'.

Слово образовано от глагола *qat-* 'присоединять, прибавлять' посредством аффикса *-yn*. ср. *kel- + -in* 'невестка' – оба названия женщин образованы по одной модели.

См. также «ЖЕНЩИНА» в очерке «Представления о социальных отношениях, родах и племенах».

«СНОХА, НЕВЕСТКА»

Жена старшего брата в роду играет важную роль в воспитании младших родственников, в подготовке их к будущей супружеской жизни. Младшие братья ее мужа могут шутить с ней как угодно, она должна не только не обижаться на это, но и должна достойно отвечать на шутку не менее острой шуткой.

1. **jeŋge*

Др.-уйг. *jeŋä* (TT I 155), *jeŋgä* (USp 12–17); др.-кыпч. (MK III 380) *jeŋgä* (передача тюркского звука *ŋ* сочетаниями *-nk-/-ng-*, а также конечного *-e – -ä* во всех арабографичных памятниках отражает особенности арабской графики, в которой отсутствует буква как для *ŋ*, так и для *e*), чаг. *jäŋgä* (Мел.АФ 0118); тур. *jenge*, аз. *jengä*, аз.диал. *janga, jeng'a, jenkä, jeŋgä ~ jeŋŋä*, сал. *jeŋGo, jeŋGu, jeŋko, jeŋku* (Тен.ССЯ 354), *jaŋgu* (Kak.Voc. 194); тат. *ziŋgä*, тат.диал. *jeŋkä*, башк. *jiŋgü*, ног. *jeŋge*, ккалп., каз. *žeŋge*, кирг. *žeŋe*, алт. *jeŋe*, алт.Кум. *d'eŋe, jeŋe* (ГАЯ 173), алт.Туба *n'eŋe*, алт.Тел. *jäŋä* (P III 323); узб. *jängä*, узб.диал. *jängä, jeŋä, ǯenä, ǯeŋgä, jeŋŋä*, уйг. *jäŋgä*, уйг.диал. *jäŋgä, jaŋγa, jaŋγö*, Лобн. *jeŋmä;* сюг. *jeŋge, jiŋge, jeŋge*, хак. *nige*, шор. *näŋä* (P III 677); тув., тув.диал. *čeŋge*, як. *saŋas*; чув. *inĸe*.

Главное и, по-видимому, первичное значение слова – 'жена старшего брата или любого старшего родственника', 'невестка', 'сноха'. В дальнейшем развились такие значения, как: 'тетя', 'сестра', 'старшая женщина' – при обращении и т.д. (ЭСТЯ 1989, 190; Покр. 65).

Этимология слова не нашла удовлетворительного решения (см. ЭСТЯ 1989, там же; VEWT 197–198).

Слово заимствовано многими соседними языками.

«ВДОВА, ВДОВЕЦ»

В обществе и в семье вдова занимала свое особое место. С одной стороны, она чувствовала свою незащищенность, выпавшие на нее большие заботы и ответственность за сирот и родителей, с другой стороны, ее жалели все родственники и старались помочь ей в трудностях. Существует и обычай – один из братьев ее умершего мужа, обычно его старший брат, брал ее в жены и заботился об осиротевшей семье.

Надо полагать, что для обозначения этого понятия с древнейших времен существует единое слово.

**tul*

Крх.-уйг. *tul* (QBK 244-9; QBN 185-7; MK I 468; MK III 133); тур., гаг., аз., турк. *dul*; тат., башк. *tol*, каз., ккалп. *tul*; кирг., алт. *tul*; узб., уйг. *tul*; як. *tulājax*; чув. *tălăx*.

Основное значение – 'вдова, вдовец', т.е. слово относится как к мужчине, так и женщине. Первоначально слово относилось к женщине (Покр. 77). Одно из древних значений зафиксировано в киргизском языке: 'изображение умершего мужа, которое ставилось над местом супружеского ложа (сидя под этим изображением, жена оплакивала мужа)', 'траур по мужу'.

Возможно, слово образовано от *tu-* 'закрывать, преграждать, заваливать' (ДТС 584); ср. ар. *haram* – о женщине. Отсюда – 'закрытая, запрещенная (для посторонних)'. Ср. также *tu-t-* 'держать' (ДТС 585), *tuγ* 'преграда, завал'.

«ДВОЮРОДНЫЕ БРАТЬЯ, СЕСТРЫ»

Дети двух родных братьев считаются весьма близкими родственниками. В древности двоюродные братья, как правило, жили рядом. Дети двух родных братьев не имеют специального названия, обозначаются обычными словами со значением 'брат'.

Дети двух родных сестер являются близкими, но не в такой степени, как дети двух братьев; как правило, они живут далеко друг от друга, поскольку их матери выходят замуж за представителей других родов.

**bölö*

Тур.диал. *bola, bulla, bülem, bele, bula* (DS II 767–784); гаг. *bülü*; башк. *bülä*, ног., ккалп., каз. *bölö* (орфогр. *böle*); кирг. *bölö, bülö,* алт. *ḫülö, ḫile*, алт.диал. *pölö, pöle, bölö*; узб. *boḫla*, узб.диал. *bölä*; хак., шор. *pöle*, тув. *ḫile*, тув. диал. Тодж. *böle*, як. *bile*.

Главное – первичное значение: ‘дети от двух мужчин, женатых на двух родных сестрах’. Мужчины, женатые на родных сестрах, становятся свойственниками – *baǯa*. Главными фигурами в обозначении выступают женщины, состоящие в прямом родстве между собой, как дети от одного отца и одной матери. Первичное значение сохранилось в большинстве тюркских языков, носители которых еще крепко держатся за родственные связи. В дальнейшем развитии значений название переходит и на других родственников: дети двоюродных сестер (тув.диал.), дети тетки со стороны матери, сын старшей отцовской сестры (шор.); далее – сын дяди, двоюродные братья и сестры (ног., узб., алт.диал.) и т.д. (ЭСТЯ 1978, 217; Покр. 53). В этом ощущается влияние нетюркских народов, у которых родственные узы ослаблены по различным причинам – урбанизация, уход родственников в другие города и страны и т.д.

На его базе образованы: ног. *bölešer*, башк. *büläsär*.

В монгольских языках *böle, bülü, bül* сохраняет первичное значение, вместе с тем в них расширение семантики идет еще дальше – ‘семейство, домашние’, что перешло также в эвенк. *bule*. Слово проникло и в другие нетюркские языки (ЭСТЯ 1978, 218). Ср. кирг. *üj bülö* ‘семья, семейство’. Возможно, его этимология связана с глаголом *böl-* ‘разделять, расщеплять’, учитывая, например, туркменский его синоним *čyqan,* образованный от глагола также с «разделительным» значением *čyq-* ‘выходить’.

«ВНУК, ПЛЕМЯННИК»

Возможно, первоначально эти понятия выражались одним словом, которое впоследствии приобрело и другие, связанные с ними значения.

**jegen*

Др.-уйг. *jegän* (Uig. III 33-17; USp 26-17), Мал.387 *jägin*, Мал.ПМК 96 *jigän*; чаг. *jigän, jeken, jejen, jegen* (Vám.ĆSpr.), *jäkän* (P III 317); тур. *jēn*, тур.диал. *jiğen, ǯigen*; турк. *jeɣen*, башк. *jĭjän,* ног. *jijen*, ккалп., каз. *žijen*; кирг. *ǯēn,* алт. *d'ēn,* Туба *nā̆n*; узб. *ǯijän*, узб.диал. *ǯigän*; сюг. *jeɣen*; хак.,тув., тоф., шор. *čēn*, Туба *nā̆n*; як. *sịen, sygan*.

Племянник и племянница – дети сестер как старших, так и младших (ЭСТЯ 1989, 166; Покр. 51). Основное значение слова – ‘племянник, внук по женской линии’, другие – производные от него значения: ‘потомство по женской линии’; ‘зять, молодой муж, муж дочери’. По мужской линии племянник – как родной брат, «свой». По возрасту племянник иногда может быть старше дяди.

Этимология не определена. Возможно, образовано от *jek* ‘чужой’, отсюда значение ‘ребенок от чужого рода’. Например, у казахов этим словом обозначаются дети дочери или сестер, которые выходят замуж за «чужих» – мужчин из других родов, поэтому говорят, что *žijen el bolmas* ‘Ребенок (дочери или сестры) не может быть родственником’.

В древнетюркских памятниках имеются имена собственные и титулы, образованные на базе этого слова: *jegän čur* (КЧ 21, 26), *jegän külüg säŋün* (USp 26-13), *jegän qyŋrul säŋün* (USp 26-17) – ДТС 252.

«ДЕД (отец отца, отец матери)»

У древних тюрков первоначально название деда совпадало с названием отца и любого предка по мужской линии. Т.е. дедом и отцом назывался любой мужчина-родитель. При дальнейшем развитии тюркских языков на границе распада праязыков произошла некоторая дифференциация в обозначении понятия 'дед'. Можно выделить несколько архетипов, легших в основу групп языков, границы которых не всегда удается точно определить.

Названия старших родственников имеют в основном лепетное происхождение. См. также «ОТЕЦ».

1. **ata*

Каз., ккалп. *ata*, кар.Т., Г. *itta*, кбалк. *att'a*, другие формы: кбалк. *appa*, *akka*; ср. также тур. *ata* (в *atalar sözü*).

В названных языках – 'дед, предки', в других языках слово имеет значение 'отец'.

2. **baba.* Это название употребляется в ограниченном количестве языков, причем из разных генетически классификационных групп. Оно имеет единое произношение.

Аз., тат., башк., ккалп., узб. (Покр. 26) *baba.*

Основное значение – 'дед', в других языках – также 'отец'.

В ряде языков в значении 'дед' употребляются оба приводимых слова – *ata, baba*. Это – отражение межгрупповых связей тюркских языков: турк. *ata* 'отец' и 'дед по отцу', турк. *baba* 'отец' и 'дед со стороны матери'.

Хотя оба слова используются в значении 'дед' как синонимы, не во всех ситуациях они выступают как абсолютные синонимы.

Все приведенные названия деда – лепетного происхождения.

Языки, в которых для выражения понятия «дед» употребляется сложное слово, где одним из компонентов выступает название отца, а другим – прилагательное со значением 'большой, старший, старый', представляют более поздний этап их развития: тур. *büjük baba*, башк. *olataj* (< *olo* + *ataj*), каз. *ulu ata*, кбалк. *qart ata*, кум. *ullu ata*, ктат. *qartbaba* и т.д.

Сочетание указанных двух слов в форме *ata-baba* в более поздние времена приобрело значение 'предки по мужской линии' во всех тюркских языках, где они по отдельности существуют в разных значениях – преимущественно в северо-западных языках.

Из сложных образований, обозначающих понятие «родители» (см. выше), казалось бы, можно заключить, какое слово является главным обозначением отца и матери: каз. *ata-ana*, тур. *ana-baba*, гаг. *ana-boba* и т.д.: во всех этих названиях *ana* является названием матери, в казахском *ata* является обозначением отца, в турецком и гагаузском обозначением отца выступает *baba.* На самом деле казахское *ata* имеет основное значение 'дед', а для обозначения отца употребляется *äke*, для обозначения родителей употребляется как синоним *äke-šeše.* Вполне возможно, это последнее представляет собой более позднее образование.

В тюркских языках представлены разнообразные формы и значения названий старших родственников, это наглядно можно видеть на примере слова *aba* (Покр. 29; ЭСТЯ 1974, 54).

«ДЯДЯ (брат отца, брат матери)»

Общее название дяди по мужской и женской линии в тюркских языках отсутствует. Дядя со стороны отца в представлении древних тюрков рассматривался как близкий родственник в отличие от дяди по женской линии и обозначался словом *aγa*. А дядя по женской линии – словом **taγa*.

1. **aγa* (см. выше «БРАТ»). В значении 'дядя' используется в турк., тат., кум., Лобн. лепетное слово.

2. **taγa*

В наиболее древней форме слово сохранилось в древнетюркских памятниках и в языках Среднеазиатского региона: чаг., кирг., каз., уйг. *taγa*, узб. *taγa* 'дядя со стороны матери'. Слово часто употребляется как в памятниках, так и современных языках в звательной форме на *-j*: др.-уйг. *taγaj* (USp 114-9), др.-кыпч. *taqaj/taγaj* (МК III 238), ср.-уйг. *taγaj/tuγaj* (Мел.АФ 085); ср.-кыпч., чаг. *taγaj*, сюг. *taγyj/tagej*.

В дальнейшем слово подвергается ряду фонетических изменений в разных языках. Надо полагать, развитие новых форм происходит от звательной формы – *taγaj*. Выпадение среднего неустойчивого *-γ-* – общая закономерность тюркских языков, при этом в ряде языков появляется компенсационная долгота, одновременно в некоторых языках начальный глухой переходит в звонкий: турк. *dājy*; тур., аз., аз.диал., кум.диал. *dajy*; каз., ккалп., алт.диал. *tajy*; конечный *-y* следует рассматривать как аффикс принадлежности 3-го лица ед. числа – 'его дядя', ср. широкое употребление формы принадлежности в языке женщин при обращении к мужчинам: *atasy, aγasy, kökesi* и т.д. Без конечного *-y*: алт., як. *tāj*; тув. *dāj*; ср.-кыпч., кирг., алт., хак., саг. *taj*; тур. *daj*. Оглушение среднего согласного: сюг. *taqa/taqo/taqy*.

Главное значение – 'дядя со стороны матери'. В дальнейшем *taγa* приобрело более общее значение – 'любой старший родственник со стороны матери: дядя, дед'. О других значениях см. ЭСТЯ 1980, 127–129; Покр. 47–51.

Возможно, слово восходит к сочетанию **taj + aγa*, где *taj* можно было бы сопоставить с названием годовалого жеребенка *taj*, учитывая значение лошади в жизни тюрков в древности. Первоначально это ласковое обращение ребенка к дяде – родственнику матери. Ср. древнетюркские собст. имена: *taj bilgä tutuq* (МЧ 11), *altun taj saŋun* (ThS IV 5), *taj beg* (USp 67-2). Об этимологии слова см. ЭСТЯ 1980, 128.

«РЕБЕНОК»

Древние тюрки обращали особое внимание на возраст ребенка и для обозначения ребенка использовали много слов, которые отражали возраст и пол ребенка. Ср. совр. каз. *näreste, böbek, säbi, baldyryan, büldiršin, žetkinsek, bala. Bala* является наиболее распространенным общим словом для обозначения ребенка.

1. **bala*. Употребляется для обозначения ребенка любого возраста, в основном мужского пола – 'мальчик'.

Др.-кыпч. *bala* (МК 547-14, 403-15), средневековые памятники – ДТС 80; совр. яз.: тур., аз., сал., ктат., кар., кбалк., кум., тат., башк., ног., ккалп., каз., кирг., алт., алт. диал., уйг., Лобн. и др. *bala*.

Слово претерпело мало фонетических изменений. Изменение гласных: огубление первого гласного: узб. *bola*; опереднение последнего гласного: тур. диал., уйг. диал. *bale*; опереднение обоих гласных: тат.диал. *bälä*; удлинение первого гласного: турк. *bāla*, подобное произношение возможно почти в любом живом языке в зависимости от эмоциональной окрашенности слова.

Изменение согласных: оглушение начального *b-* характерно для языков Сибири и прилегающих территорий: тат.диал., сал., алт., хак., хак.диал., шор. *pala*; сонаризация начального согласного: тур. *malak*, сюг. *myla/mile*.

Древнейшее зафиксированное значение – 'детеныш животного, птенец', именно от этого слова с этим значением образуется глагол *balala-* 'выводить птенцов' (МК 482–10), ср. также в каз. *balala-* 'рожать, окотиться' – о животных, но не о человеке. Вместе с тем наличие в этом слове значения 'слуга, помощник' (МК 547-17) показывает, что оно применялось к человеку еще в далекой древности. Ср. аналогию рус. *ребенок – раб*.

'Ребенок, дитя' – главное значение, применимое к человеку и животным, распространенное почти во всех языках и памятниках. Другие, производные значения: 'маленький, младенец, сын, слуга'.

Слово лепетного происхождения, ласковое обращение к ребенку (ср. *bebe, böbek*). Другие этимологии см. ЭСТЯ 1978, 48–49.

Синонимом *bala* в некоторых языках выступает другое слово, обозначающее человеческое дитя-мужчину, *oγul* (см. «СЫН»).

2. **bebe*. Применяется к ребенку самого раннего возраста. Оно представлено в основном в языках кыпчаков и их соседей: тур. *bebe, bebek*, кум. *bebej*, ног. *bebe* 'братишка'; ккалп., каз. *böpö* (орфогр. *böpe*), кирг. *böpö/ böpü*, тат., тат.диал. *bäbi*, башк. *bäbäk* 'зародыш, зачаток, зрачок'; ласкательные формы: *bebek, bebej, böpej, böbök*.

Основное значение слова – 'человеческое дитя': 'младенец, грудной ребенок', 'дитя маленькое'. Встречается и перенос названия на детенышей животных: тат.диал. 'ягненок, щенок, утенок' – ЭСТЯ 1978, 95.

Слово лепетного происхождения, типологически его можно сравнить с англ. *baby* [beibi].

«МОЛОДОЙ (ЧЕЛОВЕК)»

1. ** jigit*. Наиболее распространенное слово для обозначения молодого человека.

Крх.-уйг. *jiγit* (Kāšg.D. 789); ср.-уйг. *jikit* (IbnM 89), ср.-кыпч. *jiγit* (Abû H 125, Ettuh. 286); хрзм.-т. *jiγit* (ХШ 80), чаг. *jiγit* (Vám.ĆSpr. 357), тур. *jijit*, тур.диал. *jīt, īt, ejit, igit*, аз. *igit*, аз.диал. *jiγit*, сал. *ihit, jixit*; кар.Т. *īgit, igit*, балк. *ǰigit, žigit, zigit*, кум. *igit*, тат. *jiğıt*, башк. *jiğıt*, башк.диал. *jikit*, ног. *jiγit*,

ккалп., каз. *žigit*, кирг. *ǯigit*, алт. *d'īt*; узб. *jiγit*, узб.диал. *igit, jiγit, ǯigit*, уйг. *jiγit, žigit*, уйг.диал. *jiγit, ǯigit, žigit*, сюг. *jygyt, jiγit*, хак. *čīt*, шор. *čiŋät* (Р III 2116), тоф. *ŋīt*; чув. *jĭgă* (< тат.).

Главное и первичное значение этого слова – 'молодой человек мужского пола', 'юноша'; оно характерно для всех живых языков и письменных памятников, где используется только в отношении мужчины, оно не применимо к женщине, разве только в поэтических образах. (Ср. *jaš*, которое употребляется в отношении как мужчины, так и женщины.)

В дальнейшем на базе основного значения во многих языках развились дополнительные, такие, как 'молодец', 'удалец', 'настоящий парень', 'храбрец', 'храбрый', 'мужественный', 'герой', 'воин' и т.д., связанные с лучшими качествами молодого мужчины.

Об этимологиях этого слова см. ЭСТЯ 1989, 199. Возможно, слово производное от **jeg* 'добрый, хороший' (ср. рус. типологическое – *добрый молодец*). См. также ДТС 204 – *igä* 'хозяин'; 205 – *igit-* 'кормить, содержать, воспитывать'; 165 – *eg-* 'сгибать, наклонять'; 260 – *jigit* 'юноша', 'молодой человек'; 252 – *jeg* 'хороший'; 253 – *jegät-* 'улучшать', 'побеждать', 'превосходить'.

Слово заимствовано в основном в форме «джигит» многими соседними иранскими, финно-угорскими, иберийско-кавказскими, славянскими и другими языками в разных значениях.

2. Субстантивированное прилагательное **jaš* используется в значении 'молодой человек' как в отношении мужчины, так и в отношении женщины: каз. *qyršyn žas* 'зеленая молодежь'. Это слово большей частью употребляется в сочетании с названиями молодого человека: *jaš jigit* – 'юноша', *jaš qyz* 'девушка'. Обзор форм слова см. в ЭСТЯ 1989, 161.

«МОЛОДАЯ (НЕВЕСТА/НЕВЕСТКА)»

К невесте/невестке в тюркском обществе было отношение как к одной из дочерей. В отличие от собственной дочери невестка считалась приемной дочерью.

К ней относились с большим уважением, ее не принято было ругать, в отличие от собственной дочери. Об этом свидетельствует назидательная поговорка: каз. *qyzym, sayan ajtam, kelinim, sen tyŋda* 'Дочка, тебе говорю, невестка, ты [тоже] послушай'.

**kelin*. Главное значение слова – 'невеста, новобрачная', 'невестка', отсюда развились и другие распространенные значения: 'младшая женщина в семье', 'жена младшего брата', 'молодая женщина', 'молодуха', 'молодка', 'молодая', 'кукла' и др. (см. ЭСТЯ 1980, 17).

Эта форма сохранилась в древнетюркских и средневековых памятниках: QBK 207-2; MK III 12 (*jüvüšlüg kelin küδägü javaš bulur* 'невеста с приданым найдет кроткого жениха'); а также в большинстве тюркских языков, главным образом Центрально-Азиатского региона: ккалп., каз., кирг., узб., уйг., алт., тув., шор. *kelin*.

Озвончение начального согласного – архетип юго-западных языков: аз. *gälin*; тур., гаг., турк. *gelin*.

Некоторое расширение первого гласного *-e-* > *-ä-* произошло в аз. *gälīn*, уз.диал. *gälīn, kälin, kän*; ср. также Houts. *kälin*. Сужение первого гласного происходит в поволжских северо-западных языках: тат., башк. *kilen*; а также в сибирских: хак., алт.диал. *kilin*.

Выпадение интервокального *-l-* и дальнейшее стяжение гласных произошло в чувашском *kin*, что наряду с другими многочисленными явлениями свидетельствует о сильном обновлении чувашского языка.

Особняком стоит як. *kinīt/kijit*, где *-l-* переходит в *-n-* и происходит дальнейшая спирантизация *-n-* > *-j-*.

В тувинском отмечены варианты *kelin/ kerin/ kenni*; алт. *keldi*, гаг. *gelni* показывают процессы метатезы и перехода *-l-*> *-r-*, *-l-*> *-n-*> *-d-*.

Kelin этимологизируется на тюркской почве как: глагол *kel-* 'приходить' + аффикс глагольного имени *-in*. (Радлов – Németh – Севортян – ЭСТЯ 1980, 17); от этого глагола образованы посредством других аффиксов алт. *keldi*, як. *kijit* с тем же значением. Семантически *kelin* противопоставляется родной дочери *qyz* – как «пришлая» дочь. Иллич-Свитыч реконструирует как праалтайскую форму **kälin* (Илл.-Св. I, 21), в таком случае оно заимствовано другими алтайскими языками из тюркских.

Kelin проникло из тюркских в ряд соседних языков: славянские, иранские, финно-угорские, иберийско-кавказские и др.

«СВАДЬБА»

По всей вероятности, у древних тюрков свадьба и пир ассоциировались с мероприятием, на котором можно поесть вволю. Семантика основного слова для обозначения свадьбы допускает связь названия с омоморфным глаголом *toj-* 'насыщаться, наедаться'.

Общетюркское **toj* существует как в древних, так и современных языках: др.-уйг., ср.-уйг. (TT VIII, G-5; ЛОК 10-9) *toj*; гаг., аз., турк. *toj*; кум., кбалк., ккалп., каз., кирг., алт. *toj*, башк., тат., узб., уйг., чув. *tuj* (чув. *tuj arămĕ* 'свадебная женщина').

Главное и, видимо, первичное значение слова, сохранившееся преимущественно в кыпчакских языках и языках соседних ареалов, 'пир'. Оно имелась в тюркских языках еще в древности: *oγuz qaγan bedük toj berdi* (ЛОК 10-9) 'Огуз каган устроил (букв. дал) большой пир'. Вторичная семантика 'свадьба' существует во всех источниках. Впоследствии развитие семантики слова пошло еще дальше, что зафиксировано в некоторых современных языках: гаг. 'бал'. Значение 'народ, толпа' встречается у МК: *toj toldrady* (МК III 447) 'собирался народ'. Это значение как компонент существует во всех семантических структурах слова *toj*.

«СВАТ, СВАТЬЯ»

**quda*

ДТС 463: др.-уйг. *quda* (Usp 4-1 *quda bydyn* – собств. имя); аз., турк. *quda*; тат. *qoda*, башк. *qoδa*; ккалп., каз., кирг., алт., узб., уйг., тув., шор. *quda*; хак. *xuda*, як. *xodo*; чув. *xăta/xăda*; ср.чул. *kuta*; тат.томск. (Дульзон 1954, 76) *kota*.

В ряде языков слово обозначает вообще свойственников как мужского, так и женского пола. Но для большинства языков характерно его «мужское» значение. В них для передачи «женских» значений используются поизводные от *quda*, образованные посредством аффиксов, используемых для обозначения родственников женского пола. Аффикс *-ɣaj/-ɣyj* образует названия старших женщин: *qudaɣaj ~ qudaɣyj* 'мать невесты/невестки или жениха/зятя – сваха, кума'; аффикс *-ǯa/-ča/-ša* образует названия младших женщин: *qudača* 'молодая родственница невесты/невестки или жениха/зятя – сватья'. Приведенные аффиксы выступают как недоразвившиеся аффиксы женского рода.

Аналитические образования: *quda bala* 'любой молодой человек из рода каждого из супругов', *qudaša qyz* 'любая молодая женщина или девушка из рода каждого из супругов'. Немало и других новообразований от *quda*, как имен, так и глаголов: *qudandas* 'сват, побратим, свойственник', *qudandaly* 'сватья', *quda bol-, quda tüs-* 'породниться путем женитьбы детей'. Позже развилось значение 'сват как участник обряда сватовства' (Покр. 74). В некоторых языках имеются и другие слова: каз. *žekžat*, а также сочетание *quda-žekžat*.

Возможно, в этом слове имеется производящая основа *qud-/quj-* со значением 'вливать, наливать' и словообразовательный аффикс *-a*.

Слово имеет соответствия в монгольских языках.

ТЮРКСКИЕ ОБЩИЕ ДУХОВНЫЕ ПОНЯТИЯ И РИТУАЛЫ

Ниже делается попытка на основании этимологии тюркских слов, связанных с обозначением сверхъестественных явлений, и древнейших тюркских текстов, посвященных данной тематике, установить некоторые черты системы религиозных представлений, присущих этносу-носителю пратюркского языка, и кодифицированной системы действий, предназначенных для урегулирования «взаимоотношений» пратюрка с этими явлениями. Очевидно, что от собственно пратюркских представлений в этой сфере до нас могли дойти лишь отдельные реликтовые явления. Большая часть тюркских народов за истекшие столетия приняла одну из мировых религий – буддизм, мусульманство или христианство. Но и те из тюркских религий, которые сохраняют архаичный облик, безусловно, испытали влияние других верований. Ср. хотя бы известный тезис о влиянии манихейства на сибирско-тюркский шаманизм или явное наличие мусульманских по происхождению терминов среди имен чувашских языческих божеств. Однако общетюркская терминология, относящаяся к данной сфере картины мира пратюрка, возможно, позволяет вскрыть более архаичные пласты. Рассмотрим эту лексику.

НАЗВАНИЯ БОЖЕСТВ И ДЕМОНИЧЕСКИХ СУЩЕСТВ

БОЖЕСТВА

Реконструкция пратюркского пантеона довольно проблематична. Прежде всего, неясен статус восстанавливаемых терминов: являются ли они теонимами для пратюркского состояния, или же приобрели такое значение в более поздний период. У древних орхоно-енисейских тюрков было три божества: Тенгри – бог неба, Умай – богиня плодородия и Йер-су – олицетворение культа воды и земли; возможно, в эту же группу входит хозяин подземного мира, известный под эпитетом *Erklig*. Иногда эти божества именуются уровнями древнетюркской религиозно-мифической системы (Стеб.ПТ 12).

täŋri ‘бог’, ‘небо’. Обычные сопоставления: кит. *thjen/chien* ‘небо’, шумер. *dingir* ‘боги’, мон. *tengeri* ‘небо, бог’ = бурят. *tengeri*, калм. *tenger*, яп. *ten* ‘небо’. Из них кит. 天 совр. *tian* 1, ср.-кит. *thien*, др.-кит. *thīn* ‘небо, небеса’ Karlgren 0361 a–c, заимствованное в яп., по-видимому, обладает лишь случайным сходством с тюркским словом; отношения с шумерской формой неясны; монгольские формы – явные тюркизмы. Предлагалась алтайская этимология тюркского слова (EDAL): ПАлт **t'aŋgiri* ‘клятва, божество’, тюрк. **teŋri/*taŋry*, Пмонг. **taŋgarag* ‘клятва’, ПТМ **taŋgura-* ‘молиться, поклоняться’, ПЯп. **tinkir-* ‘клясться’. Если эта этимология верна, следует предполагать в тюркском значение ‘бог’ первичным по отношению к значению ‘небо’. Такое, кажущееся на первый взгляд необычным, развитие имеет параллель в иранских языках, где рефлексы праиранского теони-

ма *Mithra* часто означают «солнце», тогда как для индоиранского состояния это имя принадлежало божеству клятвы, договора.

Альтернативный этимологический анализ слова дан в разделе «Представления о небе и небесных явлениях» К.Мусаевым. Форма *täŋri* (*Тенри*) вторична – она возникла в результате присоединения афф. принадлежности *-i*. Первичной считается форма *teŋir* < **teŋ-* 'возвышаться, подниматься' + афф. «деятеля» *-ir*.

Древнейшие словоупотребления

1. 'небо': *ęr bušušluγ täŋri bulytlyγ bolty* 'мужчина был печален, небо – облачно' (ThS);

2. 'бог, божество': *täŋrili jękli nędä ötrü söŋüšmiš* 'отчего стали потом враждовать боги и демоны?' (Chuast); *täŋri jalŋuq jaratty* 'бог создал человека' (MK).

Производные:

а) S *täŋriči* 'священнослужитель (букв. служитель бога)': *tętrü jana igdäjü täŋriči męn nomčy męn tegmäkä artyzup anyŋ savyn alyp nęčä jaŋylu bačaγ bačadymyz ęrsär* 'и сколько бы мы ни ошибались в соблюдении поста, следуя тем, кто неправильно и лживо называли себя служителями бога и проповедниками веры, и внимая их словам' (Chuast);

б) S *täŋrilig* 'место служения богу; храм, святилище': *täŋriligingärü bardy* 'он пошел по направлению к храму' (Man);

в) композит *täŋri jęri* 'земля, страна богов': *oŋynta täŋri jęriŋärü qapaγyn ačty* 'справа он раскрыл двери в страну богов' (Man);

г) V *täŋriklä-* 'поклоняться богам': *törttin jyŋaq täŋrikläp ajaju aγyrlaju tapynu küjü küzätü tutγaj byz* 'мы будем поклоняться богам всех четырех сторон, оказывать всяческие почести, служить и охранять' (Suv.);

д) Adj *täŋrilig* 'угодный богу': *qany bir könilik qylyγly qany / qany täŋrilig iš joryγly qany* 'где же тот, кто поступает по справедливости, / где тот, кто совершает дела, угодные богу?!' (QBK);

е) Adj *täŋridäm* 'божественный': *nošda tataγlaγraq täŋridäm bilgä bilig* 'более сладкое, чем нектар, божественное знание' (Man);

ж) Adj *täŋriligdäki* 'находящийся в храме, святилище': *ol täŋriligdäki qam mar amu možaqqa ynča tep ajyty* 'находящийся в этом святилище шаман Мар Аму-можаху сказал так' (Man).

3. 'повелитель, господин': *bu savyγ ęšidip męn ötrü olarqa ynča tep tedim aj-a ędgülärim täŋrimlärim* 'услышав эти слова, я сказал им так: О мои добрые, о мои повелители!' (Suv.).

Как видно из приведенных примеров, рассматриваемое слово употребляется в переводных буддийских и манихейских текстах, будучи тем самым эквивалентно по значению терминам для «божества» в развитых религиях. В собственно тюркских текстах, как, например, в енисейских надписях, оно может означать и «небо» в чисто топографических контекстах ('на голубом небе были солнце и луна, на бурой земле были хан и государство' и под.), и служить эпитетом при «юридических» терминах (*täŋri elim* 'мое божественное государство', *täŋri qanym* 'мой божественный хан') – см. Кормушин

1997. Любопытно, что оба типа словоупотребления обнаруживаются в надписях из Тувы; в надписях из Хакасии упоминаются прежде всего имена божеств *Umaj, Erklig* и манихейский Зерван (см. Кормушин 1997, 72, 80). Олицетворенное божество фигурирует под именем Тенгри в больших орхонских надписях («Небо ... повелело» в КТб и под.).

Современные словоупотребления

Тур. *tanry* 'бог', аз. *tanry* 'бог', туркм. *tagry* 'бог', сал. *tanru* 'бог', уз. *tagri* 'бог', нуйг. *täŋri* 'бог', тат. *täŋre* 'бог', башк. *täŋre* 'бог', кум. *tengeri*, кбалк. *tejri* 'бог', 'небо', кар. *tagry, teŋri* 'бог', каз. *täŋir*, ккалп. *täŋir* 'бог', кир. *teŋir* 'бог', 'небо', сюг. *teŋer* 'небо', хак. *tigər* 'небо', шор. *tegri* 'небо', галт. *teŋeri* 'бог', 'небо', тув. *dēr* 'небо', тоф. *dēre* 'небо', як. *taŋara* 'бог', чув. *tora* 'небо'. См. VEWT 474; Федотов 2, 252.

Представление о *Тенри* складывалось на основе анимистических верований о небесном духе-хозяине, причем небо мыслилось и его непосредственным проявлением, и местом его обитания. *Тенри* в древности у тюрков было верховным божеством Неба со значением «Всевышний, создатель, хранитель, повелитель». Это исконно тюркское слово, имеющее «только положительное, уважительное ассоциативное значение» (Мус.ПБ 176). Как пишет Р. Безертинов, древние тюрки считали, что нашей Вселенной правят 17 божеств – Тенри, Йер-Суб, Умай, Эрлик, Земля, Вода, Огонь, Солнце, Луна, Звезды, Воздух, Облака, Ветер, Смерч, Гром-Молния, Дождь, Радуга. Монголы считали, что нашей Вселенной правят 99 божеств-тэнгри. В орхонских каменных надписях запечатлено представление о роли Неба – Тенри, высказанное Билге-каганом по поводу смерти Кюл-тегина: «Человеческие сыны все рождены, чтобы умереть в установленное Небом время». И поэтому за помощью тюрки обращались к нему, а если обращение было к Земле, то обязательно упоминался и Тенри. Если Тенри мог упоминаться без Земли, то Земля без Тенри – никогда. Тенри считался отцом, Земля – матерью (Безер. 78). Подтверждением тому, что главным и единственным богом оставался Тенри, служит также отрывок из карачаево-балкарского гимна в честь Тенри «Тейри неба – один (единственный, истинный) Тейри / Тейри неба – тот, кто создал землю и небеса / Тот, кто каждый день дарует нам рассвет» (Джурт. 16).

М.А.Хабичев связывает образ Тенри со скифским божеством вселенной в образе мифологического героя Таргитая. Отсутствие изображения Тейри (Тангра) можно объяснить пониманием Тейри как невидимого и вездесущего владыки вселенной, но образ его антропоморфизирован неявно (Хаб. НДЗР). Регион преимущественного использования слова *Тенгри* охватывает народы, которые в меньшей степени были подвержены исламизации: каз. *Täŋir*, башк. *Täŋre*, ккалп. *Täŋir*, кирг. *Teŋir*. В киргизском *Teңир* имеет два значения: 'Бог' и 'небо', второе представляет собой наиболее древнее, доисламское значение этого слова в тюркских языках: *Teңирдин каары* 'Гнев (синего) неба', *Кудай бетин көрсөтпө* 'Не приведи Бог'. В перечисленных языках слово *Тенри* используется чаще, чем слова *Құдай, Аллах* (Мус.ПБ 177).

У киргизов наиболее древним из представлений, связанных с культом природы, можно считать представление о Небе-Теңир как о высшем божестве. Во всех трудных случаях киргиз обращался к небу со словами: *Теңир колдой көр!* (Небо, помоги!), *Теңир жалгай көр!* 'Окажи благодеяние, небо!'. При благословении молодых, а также для выражения благодарности кому-либо говорили: *Теңир жалгасын* 'Да благословит тебя небо!'. Наряду с этим, с небом киргизы связывали и самое страшное проклятие: *Теңир урсун* 'Да накажет тебя небо!'. Всевышнему Тенри поклонялись, поднимая руки вверх, и клали земные поклоны, чтобы Тенри дал разум и здоровье, помогал в справедливом деле; другого не просили. И Тенри оказывал помощь тем, кто его почитал и сам был активным.

Наряду с обожествлением неба у киргизов бытовало поклонение 'реальному' небу как части природы. Поэтому они нередко употребляют выражение: *Көк асман колдо!* 'Голубое небо, помоги!' В киргизских эпических произведениях, в частности в эпосе «Манас», часто встречается проклятие: *Төбөсү ачык көк урсун*! *Төшү түктүү жер урсун!* 'Да покарает (меня) небо с открытым верхом! Да покарает (меня) земля с покрытой растительностью грудью!' (Баял. 33–34). Подтверждение этому находим и в работе Ч.Ч.Валиханова: «Внешний мир – солнце, луна, звезды и земля – вот первые божества; почитание целого должно было привести к почитанию частностей: гор, рек, холмов и проч. Таким образом, шаманство обожествляло природу. Небо – *тэнри*, хотя впоследствии и олицетворялось, но никогда не считалось богом. Человек приписывал небу, солнцу и луне власть над собой, влияние чего нельзя отрицать, но влияние это действовало на него только в этом мире от рождения до смерти. Он мог родиться под особенным покровительством природы – чудным образом – и умереть от гнева, но по смерти власть природы на него прекращалась, он сам становился арвахом, онгоном, божеством свободным... Таким образом, небо было беспристрастно, как божество, и неревниво» (Валихан. 472–473).

Слово *тенри* неоднократно встречается и в башкирских эпических памятниках «Урал-Батыр» и «Акбузат». Отражаемая в этих сказаниях эпоха относится к домусульманскому периоду башкирской истории, поэтому здесь нет ни одного упоминания о мусульманском боге – аллахе, а фигурирует только *тенри* – бог древних тюрков, который олицетворял культ неба (Валеев 43).

В «Урал-Батыре», как и в орхоно-енисейских памятниках, *тенри* выступает в роли верховного божества. Поклонение персонифицированному божеству Тенри-хану наблюдалось у западных тюрков – савиров (VII в.). Тенри-хан мыслился огромных размеров, что отражало космические масштабы небесного бога, тождественного самому небу, а титул «хан» указывал на главенствующее положение во Вселенной и в пантеоне богов. В монгольских шаманских текстах встречается наименование Хан-тенгри; титул «хан» обычен для поздних ипостасей Вечного неба. Хотя в позднейших преданиях название «Тенгри» иногда прилагается к верховному небесному божест-

ву, чаще оно обозначает бога вообще (так же в буддийских, манихейских и мусульманских текстах). Место верховного бога в шаманской мифологии у тюрков и особенно у монголов обычно занимают другие персонажи, а термин «Тенгри» закрепляется за классом небесных богов (МС 536).

В турецком языке слово *tanrı* 'бог, господь', 'создатель, творец' имеет те же значения, что и более употребительное *Allah*. Словарь (БРТС 826) приводит ряд устойчивых словосочетаний с этим словом: *tanrı göstermesin* – 'не приведи господи', *tanrı misafiri* 'случайный (незваный) гость', *tanrının günü* 'каждый (божий) день'. В турецком есть также слово *tanrıça* 'богиня'. Употребляется также пожелание, обращенное к маленьким (обычно к новорожденным) детям: *Tanrı analı babalı büyütsün* 'Пусть Господь не лишит тебя матери и отца' (ATS 939, перевод наш), хотя в народной речи все эти словосочетания чаще употребляются со словом *Allah*.

Р.Безертинов пишет, что в летописи «Чжоушу» о древних тюрках сказано: «В течение 5-го месяца тюрки имеют обыкновение убивать овец и лошадей, чтобы принести жертву Тэнгри». Другая запись: «Каждый год каган вел знатных людей в пещеру предков, чтобы принести жертвы, а в среднюю декаду 5-го месяца они собирались на р. Тамир, чтобы принести жертву богу Тэнгри». Ритуалы жертвоприношения Великому Кюк Тэнри древнетюркскими народами пронесли через века и сохранили алтайские народы. Так, хакасы устраивают ежегодно в середине июня моление Тэнри. Это совпадает с датой моления, зафиксированной китайскими источниками, которые приходятся по современному календарю на срок между 5 и 10 июня. То же празднование в начале лета сохранилось и у татар, только в укороченном виде и под названием Сабан-Туй, а у бурят, живущих в Забайкалье и Сибири, – под названием Субархан (Безер. 80).

Известный ученый-исследователь Л.П.Потапов в Алтайском крае более полувека в полевых условиях изучал древние верования тюрков. Им собраны и записаны ценнейшие материалы о сохранившихся молениях и жертвоприношениях Тенри у качинцев и бельтиров, именуемых ныне обобщенно хакасами. Качинцы «моление устраивали на вершине одной и той же горы, обязательно у священной березы (*бай каен*). Если не было естественно растущей березы, то ее, выкопанную с корнями, привозили сюда и сажали. Если она не приживалась, то на следующий год привозили другую и снова сажали. Абаканские качинцы (улус Троякова и др.) устраивали моления Тенри на горе Саксор, на правом берегу Уйбата (приток Абакана). На него съезжались жители различных сеоков. Но организовывалось и проводилось моление качинцами какого-либо одного сеока по согласию, достигнутому на предшествующем молении. Сюда не допускались ни женщины, ни девушки. Даже домашние животные самки (кобылицы или овечки) не могли здесь появляться. Приносимые в жертву ягнята были обычно самцами белой масти, но с черной головой или черными щеками. Они приносились в жертву в разном количестве (3–15 голов), в зависимости от числа хозяев, желавших принести свое животное в жертву Тенри. Ехавшие на моление

мужчины прикрепляли к своим головным уборам две ленты: белую и синюю. По приезде на гору ленты снимали, окуривали богородицыной травой – по-качински *ербен од* – и прикрепляли к ветвям священной березы. На этом молении нельзя было находиться в головных уборах, как нельзя было и курить табак. Моление проходило без участия шамана (*кам*). Его вел выбранный старик, знающий *алгыс*, т.е. слова молитвенных обращений к Тенри, именуемый *алгысчан кизи*. Он был в суконной одежде и высокой женской шапке. Позади священной березы (с запада), чуть поодаль, разжигали священный костер. Между ним и березой ставили наскоро сделанный из березовых сучьев столик, на него клали чашки, блюда и ложки из бересты. Моление начиналось без всякого камлания, с обращения к священной березе и к ее угощениям. При этом березу обходили (по солнцу) трижды, шествуя в таком порядке: впереди шел алгысчан кизи; за ним – двое (один с чашкой вина, другой с чашкой кобыльего молока); позади них – хозяева, ведущие своих жертвенных ягнят (подогнув им правую ногу), держащие каждый по березовой ветке; затем, толпясь, шли все остальные. *Алгысчан кизи* произносил слова благопожелания и просьбы священной березе, идущие за ним плескали ложками на ее вершину вино и молоко, а все остальные в это время кланялись ей. После третьего обхода останавливались, выпивали из чашек остатки вина и молока (каждый по глоточку) и шли умерщвлять жертвенных ягнят. Это делали их хозяева старинным способом (*осот согарча*): поваленному на спину животному прорезали шкуру у грудной кости, просовывали в отверстие руку и обрывали аорту. При разделывании туши нельзя было пролить кровь на землю. Мясо варили и бульон с кусочками мяса ставили на столик; туда же помещали вино, молоко, сыр. Затем снова трижды обходили со столиком березу. После каждого обхода алгысчан кизи бросал Тенри через вершину березы кусочки мяса (из бульона), сыра, брызгал вином и молоком, прося у Тэнгри всякого благополучия. Все при этом одновременно поднимали руки к небу, кланялись и восклицали: Тэнгре! Тэнгре! Вот несколько фраз из произносившегося стариком *алгыса*: С девятью листьями священна береза, Тэнгри! Девять ягнят мы закололи, Тэнгри! Дождя просим, Тэнгри! Урожая испрашиваем, Тэнгри! Жизнь пусть будет благополучной, Тэнгри! Последним обходом вокруг священной березы моления заканчивались и начиналась ритуальная трапеза. После нее все недопитое и недоеденное – мясо, кости, шкура жертвенного ягненка (с головой и ногами) – сжигалось на священном огне. Игр на горе после моления не устраивали. После спуска с горы начинались игры и развлечения» (Пот. АШ 267).

Позже наряду со словом *Тенри* тюрки стали использовать заимствованные слова *Құдай*, *Аллах*, *Бурган*.

Qudaj – иранское заимствование, регион использования – Средняя Азия и часть Сибири, где персидское влияние оказалось сильным: узбекский, туркменский, киргизский, каракалпакский, кумыкский, частично казахский, татарский, алтайский языки. По К.Мусаеву, коннотация слова может быть

положительной, нейтральной и отрицательной: кирг. *Кудайыңа ишенсен, жөө каласың* 'Если надеешься на Кудай, останешься пешим'; каз. *Құдайыңнан ойбайым жақсы!* 'Лучше мне кричать «Ойбай», чем «Кудай»' – выражение, употребляемое при сильных болях. При употреблении имени Тенри такое непочтение в речи не допускается. Сравнивая коннотацию слов *Тенри, Құдай, Аллах* и частотность их употребления в языках данного региона, К.Мусаев предполагает, что, возможно, до ислама в этом регионе было господство персидского божества (Мус.ПБ 176). Ср. иранские параллели: согд. *xudāw* 'Lord, King' (Господь – в частности, по отношению к манихейскому божеству; царь) Gharib 10720, ср.-перс. *xwadāy* 'lord' CPD 93, н.-перс. *xudāy* 'Self-existent (God)'. И фонетически, и семантически скорее следует предполагать для тюркских форм новоиранский источник. В сибирских языках зафиксированы галт. *kudaj* 'божество, духи Верхнего мира', хак. *xudaj* 'божество', як. *kudaj* Пек. 1, 1192 (слово с неясным значением, но по примерам употреблений, возможно, значение теонима) – см. VEWT 162. В галт. *kudaj* противопоставлено *körmös* 'духи Нижнего мира, злые духи, дьявол' – также, скорее всего, иранское заимствование, см. VEWT 293, ср. согд. *xurmazda* (из авест. Ahura Mazda) Gharib 10755 'верховное (небесное) божество', ср.-перс. *Ohrmazd* 'Ahura Mazda' CPD 61, новоперс. *hormuz*. Согд. форма была заимствована древнеуйгурским (*Xormuzta* ДТС 637), откуда перешла в монг., ср. халха *хурмаст*, бурят. *хурмуста* 'верховный из всемирных духов'. Ср. обратное заимствование из монг. в горноалтайском: Курбустан 'доброе божество (синоним Ульгеня)'. Здесь также фонетика заставляет предполагать уже новоперсидское заимствование. Соотношение семантики двух терминов также свидетельствует в пользу заимствования уже из исламского культурного круга; таким образом, следует предполагать позднее заимствование в среднеазиатские языки и последующее контактное межтюркское распространение, захватившее Сибирь.

После исламизации слово *Тенри* у многих тюркских народов приравнивается к слову *Аллах* – арабское заимствование (*ilähi* ар. 'о боже, о Аллах': *ilähi üküš hamd ajur mẹn sẹŋä* 'о Аллах, я тебе воздаю премного хвалы' (Юг.), например: каз. *тәңір жарылқасын* 'благослови, Господь', хотя сохранилось и в значении 'удача' в пословицах, поговорках, фразеологизмах: каз. *тәңір жазса* 'если повезет'. Аллах – высшее мусульманское божество у народов, исповедующих ислам. «У большинства *Алла(h)* ассоциируется только с мусульманским богом Аллахом и неприменимо к другим божествам. Нельзя сказать *Үнділердің алласы*, но можно *Үнділердің құдайы* 'бог индийцев'» (Мус.ПБ 177). Регион использования имени *Алла(h)* – Северный Кавказ, Закавказье, Крым, Приднестровье, территория, прилегающая к Дунаю, Поволжье. В этих регионах тюрки сильно подвержены влиянию ислама. В кумыкском *Худай* считается устаревшим, а *Тенгири* редко употребительным. В ногайском, турецком, азербайджанском, гагаузском, татарском много словосочетаний и новообразований со словом *Алла(h)*, а не *Тенри* или *Кудай*, что свидетельствует о наибольшей употребительности первого.

Слово *Бурган* [от кит. 佛 совр. fo 2, ср.-кит. *büt*, др.-кит. *bət* 'Будда', с диалектным среднекитайским переходом финали *-t* > *-r*, в тюрк. – с древнеуйгурского периода в буддийских и манихейских текстах, по-видимому, калька с сочетания *Buddharājā* 'царь Будда' – см. EDT 360] употребляется чаще в тувинском языке со значением 'бог, божество, бурхан, идол, икона'. В Этимологическом словаре тувинского языка Б.И.Татаринцев приводит данные и по другим языкам: тоф. *буфһан* 'бог', др.-тюрк. *burqan, burχan* 'будда; посланник, вестник, пророк; бурхан, идол', кирг. *буркан* (в эпосе, когда речь идет о калмыках и китайцах) 'бурхан, идол', сюг. *пуркан* 'изображение будды'. Соответствия имеются и в монгольских языках: п.-монг. *burqan*/монг. *бурхан* 'божество, бог; изображение божества; Будда' (Тат. ЭСТуЯ 295). В монгольских языках *бурган* является заимствованием из древнеуйгурской буддийской терминологии. Однако, как справедливо считает Татаринцев, в новых тюркских языках *бурган* может быть вторичным заимствованием из монгольских.

В казахском, узбекском, киргизском и некоторых других языках также используется производное слово (с фонетическими вариантами) *Жаратқан* букв. 'тот, кто сотворил': каз. *Жаратқан ием* 'Создатель мой'; *Жаратқан жар болсын!* 'Да хранит тебя Бог!' (КазРСл. 286). В древнетюркских памятниках отмечен глагол *jarat-* 'создавать, творить': *täŋri jalŋuq jaratty* 'бог создал человека' (МК); *täŋri teg täŋri jaratmys türk bilgä* 'богоподобный, созданный богом тюркский Бильге-каган' (БК); *jęrni kökni jaratqan* 'сотворивший землю и небо' (QBN). Слово *jarat-* является производным (с афф. *-t* – показателем каузатива) от глагола *jara-* 'годиться, быть годным' (Об этимологии см. ЭСТЯ 1989, 138).

Umaj 1 'плацента, послед', 2 'богиня-мать': др.-тюрк. *umaj* 2 (орхон., др.-уйг.), 1 (др.-уйг.), крх.-уйг. *umaj* 1, 2 (МК) , ср.-кыпч. *umaj* 1 (Ettuhf.); тур. *umaǰi* 'бука', тат. *Umaj-gamber* 2, каз. *Umaj-ene* 2, кирг. *Umaj* 2, галт. *Maj-ene* 2, тел. *Maj-enesi* 2, хак. *ymaj* 2, шор. *umaj* 2 (Р), *Maj* 2. EDT 164–165. Предлагалась внешняя этимология: ПАлт. **ŭmu-* 'рождать', ПТ **umaj*, ПМонг. **umaj* 'утроба, чрево' (скорее из тюрк., см. Щербак 1997, 166) или **omuɣ* 'род, племя', ПТМ **omu-/*umu-* 'нести яйца; отпрыск, потомок, внук', кор. **ūm* 'росток', ПЯп. **ŭm-* 'рождать' (см. EDAL). По-видимому, из тюрк. заимствованы некоторые финно-угорские формы: удм. *Imajnber*, мар. *Jumo*.

Древнейшие словоупотребления

1. послед, детское место, чрево матери: *umaj keč tüššär ... ičsün* 'если послед будет выпадать с запозданием, пусть выпьет...' (ТТ), *ög qarynynta umajta* 'в животе, в чреве матери' (Suv.);

2. имя богини (Тон; МК), имя собственное (Е; US);

В мифологии древних тюрков – богиня, олицетворяющая женское, земное начало и плодородие. Видимо, считалась супругой Тенри (неба). *Умай* покровительствует воинам и супруге кагана, которая обликом подобна богине. Упоминается в рунических текстах.

Современные словоупотребления

Ахметьянов полагает, что слово *Умай* генетически связано с иранской мифологической птицей *Хумай/Хумаюн*, которая, бросая свою тень на человека, делает его счастливым. В пользу этой версии говорит наличие фонетических вариантов в кирг. *Кумай/Кумайык*, тат.диал. *Комай-эт* 'сказочная крылатая собака', башк. *hötäj* 'вид рогатой птицы'. Ахметьянов отмечает, что по одним легендам Умай представляется как сказочная птица, которая вьет гнездо прямо в воздухе и там же выводит птенцов, не опускаясь на землю, «в этом предании отразился обобщенный образ тюркской женщины-матери, которая вынуждена рожать и воспитывать детей в условиях кочевой жизни» (Ахмет.ОЛДК 43). На наш взгляд, миф отражает позднейшие связи и представления тюрков, и речь идет не об *Умай* 'богине-матери', а, скорее всего, о *Кумай* 'птице Гамаюн'. По мнению академика О.Н.Трубачева, древняя форма *гамаюн* 'искусный, хитроумный' – это младоавестийское *humaia* 'чудодейственный', откуда в древнеиранском мире возникло имя собственное **Humaya*. О.Н.Трубачев замечает, что птица – прообраз птички гамаюн – «была не только райской, но и хитроумной». «Образ этот, родившийся, вероятно, еще на почве иранского фольклора, рано пересек границы стран и культур и стал международным» (Труб. 178).

О том, что *Кумай* и *Умай* – разные слова, говорит тот факт, что, например, у киргизов существуют оба слова с разными значениями *Кумай/Кумайык* 'сказочная крылатая собака' и *Умай* 'богиня-мать': *Менин колум эмес, Умай энемдин колу* 'Да будет на пользу то, что я сделал' (букв. 'Не моя рука, а рука моей матери Умай').

С.Г.Скобелев отмечает, что в карачаево-балкарском *Умай-бийче* означает 'лебедь-богиня'. Древние предки тюркоязычных народов почитали лебедя-птицу, которая может передвигаться и по земле, и по воде, и по воздуху. «У них был миф, согласно которому в первые дни творения не было ничего, кроме воды, на поверхности которой плавала лебедь. Потом она нырнула и достала со дна мирового океана землю, которая стала разрастаться и на ней появились горы, реки, растения и животные. Поэтому тюрки почитали *Умай* как родительницу мира (по другому варианту мифа, мир первоначально представлял собой яйцо, снесенное лебедью – *Умай*). С течением времени *Умай-бийче* стала представляться в образе прекрасной женщины, иногда спускающейся к людям с неба, а почитать ее стали в качестве богини – покровительницы материнства. В десятом веке н.э., когда балкарцы и карачаевцы – аланы – приняли христианство, образ *Умай-бийче* стал сливаться с образом Девы Марии, матери Иисуса Христа, но так и не слился до конца. Поэтому в карачаево-балкарской мифологии остались две богини материнства – *Умай* и дева Мария, которую стали именовать Байрым-бийче» (Скоб. 77). У алтайцев образ *Май-эне* 'мать Умай' представлялся в виде сорокоголовой женщины (Тощ. 36).

У огузов *Умай* считалась духом-покровителем младенца во чреве матери. У шорцев *Май* была духом-хранителем младенцев, а также принимала

души умерших. У телеутов *Май-энэси* и у казахов *Умай-ене* – дух-хранитель детей. Киргизы считали, что *Умай* дарует богатый урожай и умножает скот, является покровительницей домашнего очага и охраняет детей. С утверждением ислама *Умай* у киргизов отождествлялась с Фатимой – Батма Зуурой. У турков *Умай* трансформировалась в *Омаджи*, духа, которым пугали детей (МС 562).

Ахметьянов замечает, что образ *Умай-ана* хотя и упоминается в татарской и башкирской мифологии, у народов Поволжья не получил должного развития. Этот языческий образ был заменен культом *Гамбэр-ана* – покровительницы птиц. У уральских татар *Умай* и *Гамбэр* слились в один образ ангела – хранителя рожениц *Умайгамбэр* ~ удм. *Имайнбер* (Ахмет.ОЛДК 44). Встречается эта богиня и в древнем башкирском эпосе «Урал-батыр». В этом памятнике письменности, как и в других орхоно-енисейских надписях, в роли верховного божества выступает Тенри. А башкирская *Хумай* – жена Урала, которая помогла ему найти живую воду и сделать жизнь вечной, и древнетюркская *Умай* – богиня плодородия – выполняют аналогичные функции. Фактически это одно и то же лицо (Валеев 44).

В фольклоре современных тюрков Сибири сложился ее облик в виде красивой женщины с золотыми крыльями, спускающейся с неба. Непременная принадлежность *Умай* – небольшая чашечка, где в освященном молоке помещались души детей. Во время болезни ребенка из такой чашечки производили обрядовое кормление *Умай*. Эти обычаи напрямую происходят от общетюркского представления о ритуальной роли чаши, часто сопровождавшей изображения людей древнетюркского времени. «Истоки данных представлений своими корнями уходят в скифское время, где, судя по сочинениям Геродота, чаша почиталась, как имевшая небесное происхождение. Учитывая общий образ птицы найденных вещей, канонические позы женщин, получившие широкое отражение в каменных изваяниях, а также сопроводительные элементы, такие, как чаша и трилистник – символ плодородия и благополучия, мы можем уверенно считать эти предметы изображениями богини *Умай*. В данном случае они выполняли функции оберега и общий смысл ношения их в виде серег, вероятно, сводился к тем же принципам, что и обычай, например, христиан, носить нательные кресты и иконки с изображениями святых-покровителей» (Скоб. 79).

Как и *Йер-Суб*, *Умай* непосредственно подчинялась и выполняла поручения *Тэнгри*. Если божество *Йер-Суб* управляло всем живым на земле и воде, то божество *Умай* дарило особую божественную силу людям. «Живя в небесной зоне, она излучает на землю лучи, которые проникают в человека и, как горячие искры, живут в нем до самой смерти. Эта искра поддерживает в человеке его жизненную энергию и физическую силу, но ни духом, ни кутом она не является. Она – божественная сила, связывающая человека с небесной зоной и посылаемая Небом для его величия. Если искра гаснет, то и человек гаснет, умирает. Таким образом, двум божествам – *Йер-Суб* и *Умай* – было подвластно все духовное и материальное в нашей Вселенной» (Безер. 83).

В орхонской надписи в честь Тоньюкука есть такие слова: «Небо, (богиня) *Умай*, священная Родина (земля-вода) – вот они, надо думать, даровали (нам) победу» (Мал.ПДП 68). В орхонских надписях встречается сравнение супруги кагана с Умай: «...ее величеству моей матери-катун, подобной *Умай*», что свидетельствует о почитании этой богини высшей правящей верхушкой древних тюрков, и прежде всего представителями божественной власти на земле – каганами.

Древние тюрки не приносили домашних животных в жертву богине *Умай*. Они приготовляли молочные и мясные блюда и торжественными церемониями посвящали их ей.

После распада и раздробления древнетюркских государств и разобщения древнетюркского населения Евразии богиня *Умай* стала рассматриваться только как покровительница рожениц и маленьких детей, защищающая от злых духов земного мира. Культ божества *Умай* (*Ымай*, *Май*) был еще до недавних времен свеж в памяти алтайских тюрков. Об этом пишет Л.П.Потапов: «Когда кут ребенка попадал на землю, он был слабым и беспомощным, и поэтому вместе с ним спускалась с небес и *Умай*, которая охраняла его даже в чреве матери. Это было необходимо, ибо злые духи, вселяясь в человека, могли проникнуть в чрево беременной женщины и погубить ребенка, привести к выкидышу. При наступлении родов *Умай* помогала ребенку появиться на свет, вступая иногда в борьбу со злым духом, который препятствовал этому и тянул ребенка к себе. Так объяснялись тяжелые, затянувшиеся роды. *Умай* помогала хорошо перерезать пуповину. Она не только оберегала ребенка, но и ухаживала за ним, мыла ему личико, прочищала ресницы. *Умай* развлекала малыша, воспитывала его и разговаривала с ним по-своему. Они хорошо понимали друг друга. Иногда ребенок во сне, а иногда и наяву, лежа в колыбели, вдруг начинал смеяться или улыбаться. Но иногда он во сне плакал, спал неспокойно, ибо *Умай* в это время его покидала. Часть алтайских тюрков при исполнении ребенку шести месяцев приглашали кама для специального камлания *Умай-ане*, с закалыванием молодого бычка. Во время камлания просили *Умай* оберегать и ухаживать за младенцем, а к колыбели подвешивали маленькую модель лука со стрелой в качестве оберега, символизирующего оружие Умай, которым она поражала злых духов, пытающихся напасть на ребенка. Полная опека и постоянное нахождение *Умай* около ребенка продолжались до того времени, когда он начинал не только свободно ходить, бегать, но и, главное, хорошо понимать речь, легко говорить. Происходило это примерно в 5–6-летнем возрасте. Теперь ребенок целиком входил в окружающую его социальную среду, прежде всего в круг своих родителей и родственников, приучался к труду, играл со сверстниками и т.д. Его общение с *Умай-ана* полностью прекращалось» (Пот.АШ 38).

По достижении ребенком указанного возраста по просьбе родителей устраивали специальное камлание *Тэнгри*, пославшему кут ребенку, с жертвоприношением домашнего животного, при котором испрашивалось долго-

летие этому ребенку. «У части алтае-саянских тюрков *Умай* сохранилась еще и как покровительница рожениц и маленьких детей. Здесь хорошо сохранилось представление об архаических чертах божества, олицетворяющего женское начало при воспроизводстве человека, покровительницы и защитницы рожениц и новорожденных от злых духов земного мира. Младенцы, появляющиеся на свет в земном мире по воле небесных божеств, были особенно чувствительны к злым духам. Дети видели и чувствовали злых духов в жилище, в отличие от взрослых людей, конечно, за исключением кама. Олицетворение женского биологического начала отразилось и в самом названии *Умай*, которое означало (одинаково у тюрков и монголов) чрево матери, матку, плаценту и даже отрезанную пуповину. Оно подчеркивало специфику функций *Умай* как божества умножения населения. У нее и спрашивали детей бездетные или малодетные супруги, женщины, у которых дети умирали в младенческом возрасте, и т.д.» (Пот.АШ 291). Камы камлали Умай при трудных родах, женщины называли ее *Умай-ана* 'мать Умай'. Представления о плаценте и пуповине под названием *Умай* (*Май*, *Ымай*, *Омай*) не чужды и современным алтае-саянским тюркам и монголам. По обычаю, пуповину они закапывали около домашнего очага в юрте, считая, что *Умай* останется в пуповине и все время будет покровительствовать ребенку. Почитая *Умай*, тюрки во многих семьях делали символические изображения в виде маленького лука со стрелой или веретена, игравших роль оберега младенцев. Для мальчиков предназначался лук со стрелой, для девочек – веретено. Эти обереги прикрепляли в жилище, вблизи того места, где обычно находилась колыбель с ребенком. Делали их при первом же укладывании новорожденного в колыбель, с приглашением кама, а снимали, когда дети подрастали и уже не пользовались колыбелью. У современных татар Поволжья почитание божества *Умай* не сохранилось. Оно сохранилось в доисламских татарских дастанах и легендах, в языке и в обычаях. В татарском языке есть много общеизвестных слов, которые образовались от корней *um*, *ym*, *im*, *am*, выражающих женскую утробу, связь матери и ребенка *ym*, *ymsynu*, *ymyn amu*, *jumalau*, *im-gek*, *imu*, *imezu*, *imezlek*, *imi*, *imčäk*, *am*, *amyj*, *maj* и т.д. (Безертинов 84).

jer-sub 'божество среднего мира', буквально – 'земля-вода'. Композит (даже и с теонимическим значением) может возводиться к пратюркскому состоянию, ср. чув. *sə́r-šyv* 'страна, местность; название божества, упоминается в молитве чуклеме келли' (Ашм. XIII, 100). Этимологии составных частей композита см. в ЭСТЯ 1989, 191; ЭСТЯ 2003, 349.

Древнейшие словоупотребления

jer sub 'материк, земля': *jẹrim subum* 'моя земля' (енис.); *körklä jazy qualyy čẹčäklig öläŋlig jer suv* 'прекрасная равнина, земля, покрытая цветами и зеленью' (ТТ); в качестве олицетворенного божества – в КТб («Небо и земля так сказали» и под.)

В древнетюркских памятниках в основном встречается слово Йер-Суб – великое божество. «По представлению древних тюрков и монголов, Вели-

кое божество Йер-Суб обитало в средней зоне Вселенной, а местожительство ее было на Хангайском нагорье (точнее, на горе Ланьшань в верховьях реки Орхон, современная Монголия); это место еще древние тюрки называли земля родная Отюкен. Божество Йер-Суб тюрки представляли как полную красивую женщину». В ее подчинение входили природа и все живое на земле и в воде, кроме человека. Поэтому тюрки почитали божество Йер-Суб как высшее божество после Тэнгри, что нашло отражение в древних надписях. Божество Йер-Суб упоминается вместе с божеством Тэнгри в орхонских надписях как *yduq Jer-Sub* (священная земля и вода). Вот одна из записей: «Вверху Тэнгри тюрков и тюркская священная Йер-Суб вот так сказали: "Да не исчезнет тюркский народ! Да будет народом!"» (Безер. 82). Опираясь на древние памятники, можно сделать вывод, что главенствующую роль в определении судеб людей, целых народов древние тюрки признавали за божеством Тэнгри, а силу имело то решение божества Йер-Суб, которое принималось в согласии с Тэнгри. На памятнике в честь Билге-кагана читаем: «После смерти моего отца, по воле тюркского Тэнгри (Неба) и тюркской священной Йер-Суб (Земли и Воды) я стал ханом» (Безер. 82).

Иногда по приказанию Тэнгри Йер-Суб карала людей за их грехи. Но в основном ее считали доброй богиней, она в согласии с Тэнгри покровительствовала и защищала тюрков. Чтобы ее задобрить, каждый год, весной, перед подготовкой домашнего скота к появлению приплода, а у земледельцев перед началом полевых работ, тюрки совершали жертвоприношения Йер-Суб. Жертвоприношения проводились и осенью, после завершения сельскохозяйственных работ. Жертвоприношения божеству Йер-Суб в период тюркских каганатов носили общегосударственный характер. Его проводили в верховьях речки, на берегу озера. В жертву ей приносили коня рыжей масти, испрашивая плодородия на скот, урожай, здоровья и благополучия тюркскому роду. С распадом древнетюркских государств, с потерей государственной централизации, дроблением на родоплеменные и территориальные подразделения обряды почитания божества Йер-Суб стали проводиться в более узких территориальных, локальных формах. Проводили их, как и в древние времена, в верховьях речки, на берегу озера. В жертву приносили преимущественно белого барана, шкуру которого не сжигали, а вывешивали (с оставленными в ней головой и ногами) на дереве, под которым совершалось моление. По окончании жертвоприношения садились за пиршества, проводились массовые гулянья, носили друг другу подарки (Безер. 84).

Современные словоупотребления

В народной культуре наблюдается разделение духа, хозяина земли, и самой земли. Так, в башкирском сохранились языковые формы: *ер инәһе*, *ер эйәһе*, *ер хужаһы* (хозяйка, мать земли, дух земли, хозяин земли), которые употребляются в заговорах, мольбах, заклинаниях. Дух, покровительствующий полям, *Жир ыясе* (хозяин земли) татары-мишари представляли в человеческом облике. Он мог навлечь болезнь на человека. Для его умилостивления ежегодно после весеннего сева устраивалось общественное моление с

жертвоприношениями. Близкие *жир иясе* персонажи имеются и у других тюркских народов: у чувашей – *ираш амэшэ* 'мать поля', у карачаевцев у каждого участка земли есть *джер ийеси* 'хозяин земли', у турок есть *тарлабекчиси* 'хранитель поля' в образе змеи. Хозяин земли (у каждого участка земли) также есть у марийцев – *уржава* и удмуртов – *джеганай* (МС 215).

В мифологии алтайцев, хакасов, киргизов *Йер-су* олицетворяет землю и воду. Культ Йер-су восходит к мифологии древних тюрков, почитавших *ыдук Йер-суб* 'священная земля-вода' как главное божество среднего мира, покровительствующее тюркам. У алтайцев *Йер-су* – это добрые божества, покровительствующие людям. Они живут на снежных вершинах горных хребтов и у истоков рек. У хакасов *Черсуг* – духи-хозяева местностей, живущие в горах, тайге, реках, озерах. Ежегодно весной им приносились жертвы (МС 265). В алтайском языке выражение *алыс дьер* означает 'преисподняя'; *башқа дьер* 'загробная жизнь', 'тот свет, где обитают души людей после их смерти' (ОРС 53).

В казахском языке сохранились поговорки, свидетельствующие об отношении древнего тюрка к земле как к одушевленному объекту: *жер жұтқандай* 'как будто земля проглотила'. Земля представлялась им в женском облике: *жер емшегін ему* 'заниматься земледелием' (букв. 'сосать грудь земли') (КазРСл. 303).

В башкирском сохранились словосочетания, где земля также предстает живым существом: *ер бауыры* 'поверхность земли' (букв. 'печень земли'), *ер йотоу* (или *ер убыу*) 'провалиться под землю; потеряться, исчезнуть' (букв. 'быть проглоченным землей'), *ер тартыу* 'приближение смертного часа' (букв. 'притягивание землей'), *ер куйынына инеү* 'умереть' (букв. 'попасть в объятия земли'). В башкирском фольклоре есть множество пословиц и поговорок, связанных со словом *ер*: *ерзән сыккан ергә кайта* букв. 'вышедший из земли в землю и уйдет', *ере барзың еме бар* букв. 'у кого есть земля, у того и пища', *күктән көткән ерзә табылды* букв. 'то, чего ждали с неба, нашлось на земле', *атка менһәң ат якшы, ергә төшһән, ер якшы* букв. 'всаднику хорошо на коне, а пешему – на земле', *кара ерзең карыны киң* 'все люди смертны' (букв. 'у земли лоно широко') и др.

В турецком есть устойчивое выражение, связанное с землей как с одушевленным предметом: *yerin kulağı var* букв. 'у земли есть уши'; *jer kabul etmez* 'его земля не примет (о большом грешнике)'.

В киргизском *жер* – 'земля, место'. Устойчивые выражения: *телегейи тептегиз жери жакши кыргыздын* фольк. 'благодатна, хороша земля киргизов'; *сени жер да албайт* '(ты такой пакостный, что) земля тебя (после смерти) не примет'; *эр эмгегин жер жебейт* 'земля не проглотит труд молодца (т.е. труд, вложенный в землю, не пропадет)' – в этих фразеологизмах земля выступает как живое существо; *жер-суу* – 'земля-вода' (земля и условия, где можно вести земледельческое хозяйство), а также *Жер-Суу* – древнетюркское божество Земля-Вода (Юдахин 1985, 249).

В туркменском *ер* 'земля, земной шар'. Пословица: *киши ерине агач эксең, бивагт палта сесини эшидерсиң* 'посадишь дерево на чужой земле – услышишь стук топора в поздний час' (ТРС 308).

(?) ***Erklig** 'хозяин нижнего мира', букв. 'могучий, независимый'. Эпитет зафиксирован в древнетюркском, причем в приложении к светским правителям и к манихейскому божеству (*kertü erklig küčlüg teŋri* 'истинный могучий всесильный бог'); в буддийских текстах выступает как переводный эквивалент индийского Ямы, см. EDT 224. Вообще говоря, этот эпитет соблазнительно было бы счесть калькой с иранского эпитета, также прилагавшегося к божествам и светским правителям и производного от **xwa-* 'сам', т.е. 'самодержавный, независимый', о котором см. выше под *Qudaj*. В собственно древнетюркских текстах как имя подземного божества встречено в енисейке: *bizni Erklig adyrty* 'Нас разлучил Эрклиг' (Кормушин 1997, 81). По-видимому, из древнеуйгурского заимствован в монгольские языки (*Erlik-qaγan*), откуда перезаимствован в новые тюркские языки Сибири (галт. Erlik, хак. Ирлик, тув. Эрлик 'верховное божество подземного царства'). Не вполне ясно, можно ли возводить данный теоним (или хотя бы само производное имя) к пратюркскому состоянию (чувашская полноосновная параллель *irək-lə* 'свободный', во-первых, не обнаруживает сакральных употреблений, во-вторых, может быть продуктивным новообразованием). Однако сам образ характерен для мифологий востока Центральной Азии и севера Китая; о связи образа Эрлик-хана с образом стрелка, выстрелившего в Солнце, и за это лишенного больших пальцев и низвергнутого под землю, см., в частности, *Потанин Г.Н.* Эрке. Культ сына Неба в Северной Азии. Томск, 1916.

ДУХИ

***Edge** 'хозяин': др.-тюрк. *edi (idi)* (др.-уйг., енис.), *ige* (поздн. др.-уйг.), *ije* (диал. др.-уйг. TT VIII, VI), крх.-уйг. *iδi* (МК), чаг. *eje* (Бор.Бад., Абуш.), *ije* (Pav. C., MA) , *ige* (Бор.Бад., Pav.C.), узб. *ega*, (диал.) *jigä, ijgä*, нуйг. *egä*, тур. *ije, ys, is (< ije-si)*, аз. *jijä*, туркм. *eje*, кар. *ije, je*, кум. *jeje*, кбалк. *ije*, тат. *ijä*, баш. *ĭjä*, ног. *ije*, каз. *ĭje, ege* (диал.; эта форма, видимо, уйгурское или узбекское заимствование), ккалп. *ije*, кирг. *ē, ege* (вторая форма, видимо, уйгурское или узбекское заимствование), галт. *ē*, сюг. *ise* (гаплология < *ize-si*), хак. *ē-zi*, шор. *ē-zi* (гаплология < *eze-zi*), тув. *ē, ē-zi* (гаплология < *ize-si* с последующим переразложением), як. *iččі*, долг. *iččі* (< **ete-si*, или, скорее, монголизм, из монг. **eǰen* 'хозяин'), чув. *ije, ĕja* (скорее всего, из тат.). ЭСТЯ 1974, 237–241; TMN 2, 176; EDT 41; СИГТЯ 1997, 324–325; Федотов 161. Относительно рефлексов срединного сочетания ср. очень похожую рефлексацию у **ẹ̈dŋe-r* 'седло' – см. EDT 63; VEWT 36; ЭСТЯ 1974, 241–242, 658–659; СИГТЯ 1997, 539. Внешние сопоставления – ПАлт. **edije* 'хозяин, муж': ПМонг. **eǰen* 'хозяин', ПТМ **edī-n* 'муж' (эвенк. *edī*, эвен. *edi*, нег. *edī*, ульч. *edi(n)*, орок. *edi*, нан. *eǰi*, ороч. *edi*, ССТМЯ 2, 437–438, но

эвенк., маньчж. *eǯen* 'хозяин' – новое заимствование из монг., см. Rozycki 67). Этимология предлагалась в EAS 97; KWb 130; VGAS 53, 105; Цинциус 1972, 49–52.

По поводу фонетической эволюции тюркского слова в литературе существуют две основные версии: Дёрфер считает первичной форму *edi* и далее *eδi* >**iyi* > *ī* > *i*, Э.В.Севортян – форму *idi*, так как форма с корневой *-i-* документируется ранними памятниками и отмечена в некоторых современных языках (ЭСТЯ 1974, 237).

Древнейшие словоупотребления

**igä* 'хозяин, дух, божество': *jer suv igäsi* 'дух вселенной' (ТТ);

**ijä* 'хозяин, господин (о боге)': *tört jirtinčü ijäsi* 'хозяин четырех миров'; *ijäsiz* 'без хозяина, лишенный хозяина' (Suv.);

В древнетюркских памятниках отмечены два варианта слова: *igä* 'хозяин, дух, божество' (ТТ), в другом памятнике *ijä* 'хозяин, господин (о боге)' (Suv.) (ДТС 204, 205). Надо полагать, фонетическая вариативность отражает диалектное членение пратюркского языка.

Современные словоупотребления

Алт., тув., хак., койб. *ē*, кирг. *ē/ege/ie*, кбалк. *ije*, Лобн. *idi*, саг. *ē*, *i*, чаг. *eje/ege/ikä/idi/ez* 'хозяин', аз. *jeje*, *jijä*, башк. *ǐjä*, каз. *ege*, *ǐge*, *ǐje*, *ie*, ккалп. *ije*, *je*, кум. *jeje*, ног. *ije*, сюг. *ise*, тат. *ijä*, тур. *eje/ejje/eğe/ije/ysy/ez*, турк. *eje*, узб. *ege/ägä/ǐgä/ ijä/jiga/ijga*, уйг. *ega/ige/idi/ide*, як. *iççi* 'хозяин', 'владелец, владетель'; каз. *ege, ǐge, ǐje, ie* 'дух, покровитель', 'владеющий чем-либо, обладатель'; кирг. *ē, ege, ie* 'князь', 'Бог, Господь', 'подлежащее'; кбалк. *ije* 'супруг, муж', 'господин'; турк. *eje* 'собственник'; чув. *ije, ъja* 'название духа; злой дух; духи в бане; домовой'; як. *iççi* 'дух-властитель', 'хранитель', 'содержимое, сущность, внутренняя таинственная сила, имеющаяся в каком-л. предмете', 'зародыш, тельце в яйце' (ЭСТЯ 1974, 237).

Ие в значениях 'дух-хозяин, господин' сохранилось в тюркских языках, носители которых донесли до наших дней древние верования – тенгрианство и шаманизм.

Согласно поверьям тюркских народов Южной Сибири, сверхъестественные свойства могли иметь многие неодушевленные предметы, используемые в быту, такие, как орудия труда или детская игрушка. Если небрежно обращаться с какой-либо вещью, например ожигом, который продолжительное время употреблялся для поправки поленьев в камельке, или детской игрушкой, он якобы может обидеться и причинить человеку болезнь. При этом болезнь причинял не дух-хозяин предмета, а некая таинственная сила, которая появлялась в предмете. Именно это свойство предметов и явлений обозначалось, в частности, якутами термином *иччи*, который был также и названием многочисленных духов-хозяев (Ал.РФ 38).

Наряду с наделением магическими свойствами предметов и явлений у тюркоязычных народов Сибири бытовали представления о духах-хозяевах отдельных объектов – гор, озер и т.п. Якуты называли их тоже термином *иччи*. Этот якутский термин «параллелен общетюркскому термину *иди, ечи,*

йэчи, йэйэ – 1) хозяин, владелец, 2) господин (о боге), бог… чув. *ыра* – дух – и монгольским *едьин – эзэн* – 1) хозяин, владетель, обладатель; 2) господин, владыка, повелитель. В бурятском шаманизме *эжины* относятся к третьему разряду богов и означают духов огня, вод, гор, лесов, местностей, камней, пород животных и т.п.» (Ант.МИЛ 130–131).

Как отмечает Н.А.Алексеев, у якутов наиболее почитаемыми духами были: *суол-иччитэ* 'дух-хозяин дороги', *аартык-иччитэ* 'дух-хозяин горного перевала', *хайа-иччитэ* 'дух-хозяин горы', *кюёл-иччитэ* 'дух-хозяин озера', *далай-иччитэ* 'дух-хозяин водных глубин', *дойду-иччитэ* 'дух-хозяйка местности (местной территории)' (Ал.РФ 38). Надо заметить, что в перечисленных наименованиях вторая часть *иччитэ* – явный монголизм. Исследователи, занимающиеся историей и этнографией якутов, указывают, что представления об этих духах в основном были одинаковыми для всех групп якутов. Имеющиеся материалы свидетельствуют о том, что наиболее значительные из них представлялись в мифах в образе антропоморфных духов. Большинство духов-хозяев как бы сливались в сознании верующих с самими объектами.

Эти существа не принадлежат ни к разряду *аjы:* (общее название высших существ, олицетворяющих собою начала творчества и добра), ни к разряду *аба:сы* (общее название многочисленных злых духов), хотя в сказках их называют *абасылар* в тех случаях, когда они угрожают каким-либо злом. При соблюдении известных условий, они всегда полезны человеку и скорее считаются его покровителями в различных житейских делах. Некоторые домашние вещи тоже имеют *іччі*: веник, нож; предметы, начавшие почему-либо издавать звуки или двигаться, приобретают с этого момента *іччі* (Пек. I 989).

У центральных якутов существовали определенные обряды, совершаемые в честь хозяев-духов. Например, для благополучного перехода через горный перевал духу-хозяину этого перевала приносили подарок: на определенных деревьях развешивали пучки волос из лошадиной гривы, лоскутки материи, оторванные от платья, бросали около них медные монеты, пуговицы и пр. Подобные обряды совершались в честь духов-хозяев дороги, горы, реки, озера и вообще любой местности, мимо которой проезжал якут. Согласно его представлению, таким образом можно было избежать гнева этих духов или заслужить их благосклонность (Сарыч. 27; Павл. 70–71). По мнению якутов, слово человека имеет силу влиять на предметы, и потому оно становится по отношению к ним временным *іччі*. То же следует сказать относительно шаманского костюма и его принадлежностей (железок, побрякушек, бубна и колотушки). Всем *іччі* приносятся бескровные жертвы, например духам горных перевалов приносят в жертву конский волос. *Отмас іччітä* – духи растительности, которые решают, остаться ли в живых новорожденному, или нет, решение это бывает неизменно, никогда не нарушается (Пек. I 989).

Религиозные представления и обряды южных алтайцев, связанные с почитанием окружающего мира, были во многом близки якутским. Они тоже

«выделяли духов-хозяев местности в совершенно самостоятельную категорию сверхъестественных существ, не зависящих ни от Ульгеня – главы духов верхнего мира, ни от Эрлика – главы духов нижнего мира, считавшихся в алтайской мифологии основными творцами земли, людей, животных и проч.» (Ал.РФ 63). Южные алтайцы так же, как и якуты, верили, что каждая река, гора или озеро имеет своего духа-хозяина, и называли его *ээзи* или *ээлу*. Каждый дух-хозяин местности покровительствовал как людям, постоянно живущим на этой территории, так и просто проезжающим мимо, если они соблюдали в отношении него соответствующие обряды, и наказывал тех, кто каким-то образом перед ним провинился.

Как отмечает Н.А.Алексеев, духи-хозяева считались существами, способными понимать человеческую речь. В некоторых мифах они, как и люди, имели детей. К духам-хозяевам мест адресовали заклинания или обращения (*алкыш*), а для того чтобы заслужить их благосклонность, им приносились различные жертвы. Южные алтайцы в дар духам-хозяевам развешивали на деревьях ленточки из материи (*дьалама*), которые должны были быть только светлых тонов: белые, синие, голубые и красные (Ал.РФ 63). Причем «их подвязывают не на все деревья, а главным образом на березу или лиственницу. К ели, пихте и кедру не подвязывают, так как они *кара бюрлю агаш*, т.е. 'имеют темные листья, хвою'» (Чанчиб. 93). Около такого дерева, увешанного ленточками, останавливался путник, оставляя жертву и прося благословения у духа-хозяина данной местности. Если на горе или у ее подножия не росли деревья, то складывали кучу камней холмиком и приносили жертвы около нее.

В современном башкирском языке слово *эйә* выступает в качестве компонента названий сказочных существ: *өй эйәһе* 'домовой', *урман эйәһе* 'леший', *һыу эйәһе* 'водяной', *агас эйәһе* 'дерево-дух', *мал эйәһе* 'дух-хозяин скота', *мунса эйәһе* 'дух-хозяин бани (домовой, живущий в бане)'. Башкиры представляли *өй эйәһе* в человеческом облике, живущем на печке. По поверьям, если не сердить *өй эйәһе*, он не делает людям зла, но любит пугать человека, кидает в него с печки камешки, по ночам ездит в конюшнях на лошадях, заплетает им гривы, после ухода хозяев дома парится в бане. Слово *эйәһе* входит также в состав нескольких фразеологизмов и устойчивых словосочетаний: *гур эйәһе булыу* или *кәбер эйәһе булыу* 'умереть, скончаться' (букв. 'стать хозяином могилы'); *йән эйәһе* 'живность, живое существо' (букв. 'хозяин души') (Башкорт II 708, перевод наш).

Тат., башк. *ия/эйэ*, чув. *ыйа/ыйе/ие* также имеет значение 'злой дух, дух болезни, черт'. Отсюда огромное количество дериватов: тат.диал. *ияле*, чув. *ийеле* 'одержимый, больной неизлечимой болезнью'. Чувашское *ийе* 'злой дух', отмеченное в ЭСТЯ, может быть только татарским заимствованием. У казанских татар существует *абзар иясе* 'хозяин хлева', обитающий во дворе или в хлеву. Существовало поверье, что ночью *абзар иясе* иногда издали показывается людям в облике человека или различных животных. Некоторых домашних животных он любит, кормит, лошадям заплетает гриву, дру-

гих преследует. *Абзар иясе* у разных групп западносибирских татар соответствуют *Мал иясе, Занги* (*Санги*) *баба* и *Пэша ана* (МС 8).

В казахском языке также отмечено сохранение архаичного значения понятия *ие* 'хозяин; дух, покровитель' (КазРСл. 345). Кроме того, выражение *жаратқан ие* или *жасаған ие* означает 'Создатель, Господь, Творец'. *Ием* 'Господи' является формой обращения. Слово положительно характеризует обозначаемое, оно подчеркивает обладание, а не власть, т.е. «человек – собственность Бога» (Мус.ПБ 179).

jel 'ветер'. Сопоставления: эвенк. *neldi-* 'дуть, веять; покачиваться'; *nele* 'ветер'; монг. *zegule*; венг. *szel* 'ветер'; ойрот. *jul-* 'сходить с ума'.

Древнейшие словоупотребления

**jel* 'злой дух, демоническое существо' (МК).

Производные:

а) композит *jel bükä* 'дракон': *jęti bašlyy jęl bükä* 'семиглавый дракон' (МК);

б) композит *jel jeklig* 'связанный со злыми духами': *bularda basa kęldi afsunčylar/bu jęl jęklig igkä bu ol ęmčilär* 'за ними пришли волшебники, / они – врачеватели этих болезней, вызванных злыми духами' (QBK);

в) композит *jel tart-* 'касаться, поражать (о нечистой силе)': *[k]ičig oγlan jel tartsar bu vu oŋ ajasynta bęrk [tutsun]* 'если маленького мальчика заденет нечистая сила, пусть он держит этот амулет в правой ладони' (ТТ);

г) *jelpik* 'дух болезни': *ęrgä jęlpik tęgdi* 'в мужчину вселился дух болезней' (МК);

д) *jelpin-* (возвр. от *jelpi-*) 'попадать под воздействие злых чар': *oγlan jęlpindi* 'ребенок подвергся воздействию злых чар' (МК).

Современные словоупотребления

Алт. *jäl/d'el*, кар., кум., ног., тур., узб., аз. *jel*, башк. *jĭl*, ккалп., каз. *žel*, кирг. *ǰel*, кбалк. *ǰel*, леб. *jäl*, саг. *čel*, сюг. *jil/jyl*, тат. *ǰĭl*, тар., тел. *jäl*, чаг., уйг. *jel/ jäl*, хак. *čil*, чув. *č'il*, шор. *čäl* 'ветер'; алт. *jäl/d'el* 'вещество, в которое обращаются души добродетельных людей'; кум., тур., узб., аз. *jel*, кирг. *ǰel*, уйг., чаг. *jel/jäl*, 'ветры, газы в желудочно-кишечном тракте'; кум., тур., аз. *jel*, кирг. *ǰel*, уйг. *jel/jäl* 'ревматизм'; кач., кар. *jel* 'дыхание', 'дух'; койб. *jel/čil* 'гроза'; кирг. *ǰel* 'песнопение импровизированное'; ккалп. *žel* 'костоед'; кирг. *ǰel*, койб. *jel/čel*, саг. *čel*, шор. *čäl* 'воздух'; алт. *jäl/d'el*, леб., тар., тел. *jäl*, уйг., чаг. *jel/jäl* 'поветрие, эпидемия'; сюг. *jil/jyl* 'дух-помощник шамана'; кар. *jel*, сюг. *jil/jyl* 'вдохновение'; узб. *jel* 'водяной рак'; тур., аз., кар. *jel*, кирг. *ǰel*, уйг. *jel/jäl* 'дуновение'; уйг. *jel/jäl* 'опухоль, воспаление', 'простуда, грипп', 'рак'; чув. *s'il* 'название божества 2-го разряда', 'гнев'; шор. *čäl* 'дурная погода, ненастье' (ЭСТЯ 1984, 174).

М.Рясянен восстанавливает для *jel* праформы с узким *e*: **jel* < *yēl* (см. Räs.VEWT 195b). Значение 'ветер-бог' встречается во фрагменте из манихейского памятника, 'злой дух' – у М.Кашгарского, 'поветрие (о болезни)' в уйгурских памятниках, изданных Рахмати.

По представлению древних тюрков, божество Йел непосредственно подчиняется Великому Духу Тэнгри. Из-за своего неспокойного характера Йел не может ужиться с божеством Йер-Суб, а иногда и с духом От (*Откан* 'хан Огня'). Он постоянно с ними конфликтует и не дает им покоя. В разгневанном состоянии зимой он на землю посылает буран, а летом – ураган, тем самым принося несчастье людям, животным и природе. Поэтому, встречая ураган, тюрки плевали три раза: «тьфу, тьфу, тьфу» (Безер. 92). Древние тюрки верили, что некоторые духи болезней появлялись в виде ветра и поражали людей. Если во время промысла ветер разрушал шалаш охотников, то они прекращали промысел и немедленно уходили домой, полагая, что удачи в охоте на зверя не будет. Вновь выходили на промысел через некоторое время, предварительно устроив небольшое моление, обращенное к хозяину леса или горы, где они охотились.

«"Плохими" считались западные и северные ветры. Осенью они приносили с собой непогоду: дождь, снег, тучи, закрывающие солнце. В январе и феврале имеется несколько очень ветреных дней, поэтому их называют *Жил айы* – месяцами ветра. "Пришедшего злого духа не допускай, зловредный ветер не допускай", – обращались к Умай алтайцы. Ветер древние тюрки воспринимали как причастие к иному миру, а его дуновение считали причиной дискомфорта, особенно, если это был ветер-"посланник нижнего мира"» (Безер. 93).

Владение ветром, умение управлять погодой было одной из характеристик сильных камов, ядачи и других категорий сакральных лиц. От них требовалось вмешательство в той ситуации, когда поведение стихии могло обернуться бедой для человека.

«В честь божества Ветра и почитания его, по китайским летописям, тюрками был построен храм под названием "Разгоняющий тучи". Перед военным походом тюрки посещали этот храм, совершали жертвоприношения и молились о победе. В культовом ритуале тэнгрианства имело место искусственное вызывание легкого ветерка при помощи опахала. Его суть состояла в том, что дуновение легкого ветерка рассматривалось как появление духов, к которым обращались с той или иной просьбой. Как известно, одним из основных движений кама во время камлания с бубном или опахалом было быстрое вращение вокруг своей оси, стоя на ногах. Это движение символически изображало вихрь. Кам крутился по часовой стрелке. Такое же кружение делали верующие во время жертвоприношения вокруг священных берез, огня и т.д. Люди верили в дух Ветра, олицетворяющего силу природы, который давал им энергию. В то же время у тюрков было распространено представление о вихре как о злом духе, если он крутился против часовой стрелки. Такой вихрь мог похитить кут человека» (Безер. 94).

В киргизском языке слово *жел* имеет два значения: прямое 'ветер (небольшой, не очень сильный), утренний или вечерний ветерок'. Интерес для нас представляет другое, переносное значение этого слова: *жел* – название некоторых болезней в народной медицине, простуда. Например, такое дей-

ствие, как *эттин желин тарт-* или *теринин желин тарт-*, означает старинный народный способ лечения от простуды, который заключался в том, что больного заворачивали в шкуру только что зарезанной овцы или козы маздрой к телу, чтобы вызвать обильный пот, буквально «вытягивали простуду из кожи (больного)». На наш взгляд, именно в этом значении слово *жел* сохранило свою первоначальную, наиболее древнюю семантику (ср. др.-тюрк. *yel* 'злой дух, демоническое существо') – ведь приведенный выше способ лечения от простуды есть не что иное, как обряд изгнания злого духа из тела больного. У северных киргизов словом *жел* называется прострел, там сохранилась поговорка *Желдин чанчуусу жаман, сөздүн каңкуусу жаман* 'В прострелe скверно колотье, в слове скверно ехидство' (Юдахин 1985 I, 244).

В современном чувашском языке слово *çил* имеет только одно значение 'ветер, ветровой, ветряной', хотя в некоторых устойчивых сочетаниях прослеживается и переносное его значение: *сăмаха çиле яр* 'бросать слова на ветер', *çил хăвала* 'слоняться без дела (букв. гоняться за ветром)'. Однако следующая пословица дает нам основание предполагать, что когда-то *çил* 'ветер' являлся не только одушевленным, но и обожествленным существом: *Вут пек вăйли çук, çил пек усалли çук* 'Нет ничего сильнее огня, нет ничего злее ветра' (ЧРС 416). По нашему мнению, это одно из доказательств очень древнего происхождения данного слова, восходящего к языческому периоду истории развития тюркских народов.

Интересные пословицы и поговорки сохранились и в туркменском языке: *Ел соңы – ягыш, оюн соны – уруш* 'Ветер кончается дождем, игра – дракой'; *Дагы-дашы ел бозар, адам арасыны сөз бозар* 'Горы и камни разрушает ветер, отношения людей нарушает слово'. Кроме того, имеется и переносное значение слова *ел* 'злоба, гнев, раздражение' (ТРС 303). Подобная пословица есть и в каракалпакском языке: *Тауды, тасты жел бузар, адамзатты сөз бузар* 'Горы и камни ветер разрушает, человека слово губит' (ККРС 242).

Карачаево-балкарские пословицы и поговорки также характеризуют ветер как олицетворенное, демоническое существо: *Джел тауну тебдирир* 'Ветер и гору передвинет'; *Джел джерни бугъасы* 'Земля ветром опыляется' (букв. 'Ветер – производитель земли') (КБРС 240).

У башкир сохранилось множество пословиц и поговорок, связанных с ветром как с одушевленным существом: *Ағас башын ел бутай, әҙәм башын һүз бутай* 'Верхушки деревьев путает ветер, человеческие головы путает слово'; *Елдән килгән елгә оса* 'Что легко достается, то легко и уходит' (букв. 'Что с ветром принесло, то с ним и уйдет'); *Ярык кайза – ел шунда* 'Где дыра, там и ветер' (соотв. русск. 'Где тонко, там и рвется'); *Ел өрмәй – курай нелкенмәй* 'Ветер не подует, трава не поколышется' (соотв. русск. 'Нет дыма без огня') (Башкорт I 312, перевод наш).

alp 'меткий стрелок'

Древнейшие словоупотребления

**alp* 1. 'меткий стрелок': *atsar alp ęrtiŋiz utsar küč ęrtiŋiz* '[нужно] было стрелять – вы были меткими стрелками, [нужно] было побеждать – вы были силой' (Е); 2. 'герой, богатырь, витязь': *bu alp ol jayyny qajtaryan* 'этот богатырь, [всегда] обращающий врага в бегство' (МК); 3. 'отважный, храбрый, смелый': *bilgä qayan ęrmiš alp qayan ęrmiš bujruqy jęmä bilgä ęrmiš erinč alp ęrmiš ęrinč* '[Бумын-каган и Истеми-каган] были мудрыми каганами, были отважными каганами, видно, и помощники их были мудрыми, были отважными' (КТб); 4. 'отвага, храбрость, мужество': *alp jayyda alčaq čoyyda* 'отвага [проявляется при встрече] с врагом, кротость – в споре' (МК).

Производные:

а) композит *alp alpayut* 'военная свита': *ydtym męn qamay bęglärig alp alpayut ęränlärig* 'послал я [на поиски принца] всех беков и воинов [дворцовой] свиты' (Suv.);

б) композит *alp atym* 'дерзание, доблесть; доблестный, отважный': *aqy alp atym bolsa alčaq könül / tuzy ętmäki ken nę qylqy amul* '[свойством] пусть будут великодушие, доблесть, скромность/ хлебосольство и хладнокровие' (QBN);

в) композит *alp er* 'богатырь, герой, отважный воин (~ муж)': *alp ęrin ölürip balbal qylu bętim* 'убив их героев, я поставил балбалы [в ознаменование этого]' (БК);

г) композит *alp jüräk* 'смелый, храбрый': *uqušluy biliglig toŋa alp jüräk / häzinä tolulap aqytyu kęräk* '[повелителю надлежит быть] сообразительным и знающим, отважным и смелым, / он должен пополнять сокровищницу-казну' (QBK);

д) S *alpayu* 'герой, богатырь': *toŋra bir oyuš alpayu on ęrig toŋa tegin joyynda egirip ölürtimiz* 'мы убили десять воинов и одного родового богатыря из [племени] тонгра, окружив [их] на похоронах Тонга-тегина' (КТб);

е) S *alpayut* 'герой, богатырь; неуязвимый храбрец, в одиночку посылаемый на врага; отборные воины в составе свиты; военная знать': *alpayutyn aδyrdy / süsin jana qadardy* '[хан Бузрач] отобрал своих богатырей [из войска], /снова повернул свое войско' (МК);

ж) V *alpal-* 'проявлять героизм': *üčünč adikarmiki atlyy jaŋyrty ögrätintäči oruntaqy bodisatvlarqa kęntü öz ętüzläri jaruq uzyq etig tümäg üzä etinip tümänip alpalmyšlary kędlänmišläri jęmä jana alqu jayy javlaqlar barča adaq asra bolmyšlary közünür* 'у ботисатв, находящихся на третьей ступени, именуемой *adikarmika*, [что значит] вновь совершенствующаяся, видно, как их собственные тела, нарядно украшенные сверкающими надписями и украшениями, являют собой героизм и достоинство и как все враги и противники пали ниц к [их] ногам' (Suv.);

з) S *alplyq* 'героизм, героический подвиг': *uvutqa bolup qorqlyq alplyq qylur* 'из-за стыда трус совершает героические подвиги' (QBN).

Современные словоупотребления

Хак., алт. *alyp*, тур., кирг., узб. *alp*, чув. *ulap* ‘богатырь’; алт. *alyp* ‘атлет’, ‘силач’; тат., каз. *alyp*, чув. *ulap*, ккалп., кирг. *alp* ‘великан’, ‘исполин’; кирг., ккалп. *alp*, хак., алт. *alyp*, ‘герой’; тат. *alyp* ‘большой’, ‘крупный’; тур. *alp* ‘смелый’; узб. *alp* ‘витязь’, чув. *ulap* ‘храбрый’ (ЭСТЯ 1974, 139).

Этимология слова не установлена, существуют лишь некоторые гипотезы (ЭСТЯ 1974, 139; Räs.VEWT 18; Ram.SKE 12). Интересна гипотеза Рамстедта. Он сравнивал кор. *ap-*, локатив *aphä*, *aphe* ‘впереди’, ‘перед’ < **alph-ai* и другие производные, связанные с *ap-*, с восточнотюркскими языками: уйг. *alp* ‘герой’, ‘предводитель (в бою)’, чув. *ulap*, казан. *alyp*, *alp* ‘гигант’, с монгольским *alba-gud* ‘благородные’, ‘высший класс’ и тюркскими модификациями этого слова, с тунг. *ap-kalkä* ‘передовой’, ‘первый’, ‘крупнейший’.

Реконструируются: 1) компонент **alp*, 2) две модели сложносоставных имен: а) *«*alp* + имя», б) *«*alp* + глагол». См.: а) ен. *alp uruŋu*, др.-уйг. *alp qutluγ*, крх.-уйг. *alp tegin* и тат. *al bars*, алт. *alyp manaš*, чув. *alp takkin*; б) *alp turmuš*. Ж.Какук приводит *alp* в числе имен того периода истории Венгрии, когда правила династия Арпадов (X–XIII вв.). Тат. *alyp* допустимо усматривать в основе древнерусских антропонимов Алабыш (Алабыч), Алабин, Алабухин: ассимиляционный переход *alyp>alap* и последующее озвончение интервокального согласного *-alab-* (СИГТЯ 1997, 662).

Значения ‘герой’, ‘богатырь, великан, исполин’, ‘витязь’ являются наиболее распространенными и, скорее всего, первичными, они встречаются во всех перечисленных языках, от них развились и другие значения: ‘меткий стрелок’, ‘отважный, смелый, храбрый’, ‘отвага, храбрость, мужество’; ‘военная свита’.

Слово *алп* входит в состав имени общетюркского эпического богатыря *Алпамыш* (первоначально *Алп-Маңаш* ‘герой’, ездящий на бело-сером коне’, см. Жирмун. 140); тат., башк. *Алпамыш*, *Алып Мәмшән*, каз., узб., ккалп. *Алпамыс* и т.п. Сюжет эпоса об *Алпамыше* восходит к мифологии древних тюрков и монгольских народов. В башкирской, казанско-татарской, алтайской версиях *Алпамыш*, после вмешательства святого, рождается у бездетного главы племени кунграт. Святой-покровитель наделяет его магической неуязвимостью. Он совершает ряд подвигов, попадает в плен, добивается руки своей возлюбленной Барчин, истребляет врагов и объединяет народ под своей властью (МС 33). Некоторые эпизоды являются типологическими (в частности, эпизод, когда *Алпамыш* оказывается единственным, кто смог натянуть старый богатырский лук, эпизод состязания в стрельбе); они напоминают истории из жизни Одиссея, героя древнегреческого эпоса. Наиболее архаичные представления об *Алпамыше* зафиксированы в алтайской богатырской сказке «Алып-Манаш», где герой наделен чертами шамана, а страна, в которую он направляется за невестой, напоминает царство мертвых Аида (бог подземного царства в древнегреческой мифологии). Следы шаманского обличья *Алпамыш* сохранил также в некоторых версиях башкирского сказания «Алпамыша и Барсын хылуу». Скорее

всего, алтайское представление об Алып-Манаше возникло под влиянием монголов.

У казахов есть лестное выражение, адресованное матери: *Алып анадан, ат – биеден* 'Богатырь – от матери [рождается], конь – от кобылицы'. Такая же поговорка сохранилась у башкирского народа: *Алп ананан тыуыр, арғымаҡ бәйәнән тыуыр* 'Богатыря родит мать, скакуна – кобылица'. Но слово *алп* 'великан, богатырь' уже устарело в башкирском языке. Идентичная пословица есть и в каракалпакском языке (*алп* 'богатырь, великан, герой'): *Алп анадан туўады, ат бийеден туўады* 'Великан родится от матери, а лошадь – от кобылы' (ККРС 39–40).

В киргизском языке слово *алп* имеет два значения: 1) 'великан, богатырь', 2) 'храбрец'. В фольклоре широко распространена устойчивая метафорическая языковая формула, с помощью которой часто характеризуются богатыри: *Далысы жазы, эки көз, баатыр мүчө алп мүнөз* 'Плечи его широкие – два аршина, богатырское сложение, повадки храбреца' (Юдахин 1985 I 52).

bögä 'герой, богатырь'. Сопоставления: эвен. *buku* 'сильный', сол. *buhu* 'борец', маньчж. *buku* 'сильный борец', монг. *böh* 'борец', калм. *bök* 'борец', 'атлет'.

Древнейшие словоупотребления

**bögä* 'герой, силач, богатырь': *bajat bergä ędgü sana aj bögä* 'эй, герой, бог даст тебе благо' (QBK); *qaly bildiŋ ęrsä ičim aj bögä* 'эй, силач, если бы ты узнал [вкус] напитка...' (QBN).

Современные словоупотребления

Алт.диал. *bökö*, алт., тел., леб., шор. *pökö*, тув. *möge*, як. *böyö*, чаг., тар. *böke* 'силач'; тув. *möge*, чаг., тар. *böke* 'борец'; тур.диал. *böke* 'атлет'; тур.диал. *böke*, кирг. *böyü*, алт.диал. *bökö*, тув. *möge*, як. *böyö*, алт., тел., леб., шор. *pökö*, бар. *pögö*, саг., койб. *bökö*, тар. *böke* 'сильный'; як. *böyö* 'мощный, могучий, непоколебимый, непреклонный'; алт. *pökö*, як. *böyö* 'сила'; як. *böyö* 'крепость, твердость'; чаг. *böke* 'герой'; вост.-тюрк. *böke* 'храбрец, боец' (+ 'геройский', 'смелый', 'отважный' и др.).

Этимология не выяснена. Многие исследователи (Рамстедт, Рясянен, Клосон) считают *böke* монголизмом. С.Ш.Чагатай включает в один ряд слово *böke* 'силач' и *böyü* 'мудрец'. Для доказательности этой версии, по мнению Севортяна, необходимо установить переходные значения между 'силач' и 'мудрец' (ЭСТЯ 1978, 212). В древнетюркском словаре отмечается слово *begi* со значениями 1. 'герой': *sučig ęsrükindä bätär aj bęgi* 'о герой, вино [ведь] хуже опьянения' (QBK); 2. 'муж, супруг': *bęgi kiši üzlüšdi* 'муж и жена разошлись' (MK). Скорее всего, *bögä* и *begi* гомогенны и являются фонетическими вариантами, что может свидетельствовать о наличии диалектов в пратюркском языке. Примерную семантическую эволюцию *bögä* можно представить так: 'герой, богатырь' – 'силач, сильный, могучий' – 'сила' – 'воин' – 'муж, супруг'. От *bögä* образовано много собственных

имен: *Bükä/Bögä budrač/Bögä buδrač* (МК III 227); *Bögä jawγusy* (QBN 396). Слово заимствовано соседними языками: монг. *böke*, эвен. *bucu* 'сильный'.

ДЕМОНИЧЕСКИЕ СУЩЕСТВА НИЖНЕГО МИРА

albasty 'злой демон'. Сопоставления: мар. *alvasta/lyvasta*, удм. *albasty/albaslu* 'злой дух, живущий на болотах', абаз. *albasty/almasty* 'существо огромного роста женского пола', тадж. *almasty* 'злое существо женского пола', лезг. *al pab*, чеч., ингуш. *almazy*, рут., агул. *albasti* 'злые духи, вредящие роженице и ребенку', груз. *ali*, талыши *ala žen*, удин. *hal*, арм. *aly* 'злой демон', монг., бур., калм. *almas*, эвенк. *albas* 'покрытые шерстью люди, духи огня'.

Современные словоупотребления

Алт. *almys*, башк., каз., казан., тат., тув., тур. *albasty*, узб. *albasty*, *alvasti*; турк. *al/albassy*; кирг. *albarsty*; ккалп., ног. *albasly*; аз. *hal/halanasy*; кум. *albasly*, балк., кар. *almasty* 'злой демон, связанный с водной стихией'.

Вопрос о происхождении слова недостаточно ясен. Некоторые авторы считают *albasty* персонажем тюркского происхождения. Например, Н.И.Ашмарин предполагает, что тат. *albasty* образовано из двух тюркских слов – *alyp basty* 'великан/черт придавил' (Аш.СЧЯ 164). Ахметьянов отвергает и предлагает иранскую версию происхождения, на наш взгляд, более правомерную: *albarsty* < *albasty* (*albas* + афф. обладания *-ly/-ty*) < алт.-шор. *ala pars* 'сказочное существо в кошачьем образе, которое изображалось на рукоятке шаманского бубна'. «Эпитет *ала* 'пестрый' в выражении *ала парс* представляется народной этимологизацией. Первоначально было слово *албарс*, **элбэрс* (откуда тат., кирг., хакас., як., тув. *илбирс*, *илбис*), получившееся из выражения *ал-барс* или *ал барс-ы* 'злой дух *ал* в виде барса'». У якутов, турков, армян, персов, таджиков, курдов в значении *albasta* употребляется иранское слово *al/āl* 'дух огня'. «В целом, как слова *ал* и *барс*, так и, по-видимому, выражение *ал барс* заимствованы из иранских языков» (Ахмет.ОЛДК 17).

Существует и другое предположение. По версии В.Н.Басилова, в основе слова *al* лежит древнее именование божества, родственное *ilu* семитских народов, а слово *basty* – индоевропейский термин, означавший 'дух', 'божество' (ср. рус. *bes*, осетин. *uas*) (МС 29). Исходя из такой этимологии, можно предположить, что образ *албасты* формировался в эпоху древнейших контактов этнических общностей (индоевропейской и семитской), до их расселения на территории современного обитания.

В казахском языке слово *албасты* в древнем значении сохранилось в некоторых выражениях-проклятиях: *албасты басқыр!* 'чтоб тебя душила албасты!'; *албасты ұрсын!* букв. 'чтоб тебя побила албасты!'. Слово имеет и переносное значение 'противный, мерзкий человек'.

Албасты обычно представлялась в облике уродливой женщины с длинными распущенными волосами и обвисшими грудями, которые она закидывала за спину. Существовали поверья, что *албасты* может превращаться в животных и в неодушевленные предметы. Казанские татары считали, что

албасты принимает облик воза, копны сена, ели. Азербайджанцы иногда представляли *албасты* с птичьей стопой, а казахи – с вывороченными ступнями или копытами, западносибирские татары – с острыми когтями. Согласно тувинским мифам и мифам казанских татар, *албасты* имеет один глаз во лбу и нос из камня, либо у нее на спине нет плоти. Киргизы и казахи различали черную (*қара*), наиболее вредоносную, желтую (*сары*), или вонючую (*сасық*) *албасты*.

Обычными атрибутами *албасты* являлись магическая книга, гребень и монета. По представлениям большинства народов, *албасты* обитала вблизи рек или других водных источников и обычно является людям, расчесывая волосы. Считалось, что *албасты* может наслать болезнь, но в особенности вредила новорожденным. В турецких, азербайджанских, киргизских, казахских мифах она крадет легкие (или печень, сердце) роженицы и спешит к воде. Как только *албасты* положит их в воду, женщина умрет. Казанские татары считали, что иногда *албасты* пьет кровь своей жертвы. Согласно турецким, казахским, кумыкским, ногайским, тувинским поверьям, *албасты* может вступать в сексуальную связь с человеком. Так, в тувинских мифах *албасты*, сожительствуя с охотниками, посылает им удачу, поит своим молоком и кормит мясом, которое отрезает от ребер.

Человек может подчинить себе *албасты*, для этого нужно завладеть ее волосом или каким-либо ее магическим предметом (книгой, монетой или гребнем), и тогда человек или шаман может прогнать *албасты* от роженицы. У карачаевцев, балкарцев, ногайцев, кумыков считалось, что усмиренная *албасты* помогает по дому, а по поверьям туркмен и узбеков, *албасты* способствует обогащению своего хозяина, помогая ему излечивать заболевших по ее вине людей (МС 29).

В тувинском языке есть слово *албыс* ‘степная дева, ведьма’. Ср. также алт. *албыс* фольк. ‘дух болезней’, *алмыс* ‘мифическое название одного из злых духов’, тел. *алмыс* ‘покрытые шерстью люди, которые, по преданию, жили на Алтае; злые духи, служители Эрлика’ (Р I, 439), шор. *ылбыс* ‘блуждающий огонь; один из духов’ (Р IV, 1380). Б.И.Татаринцев предполагает, что тув. *албыс*, вероятно, является монголизмом *almas* ‘легендарные дикие люди; ведьма’. Сюда же относится як. *албас* ‘волшебство, чары; хитрость, коварство’. К монголизму (*albin* ‘бес, демон, злой дух’) Татаринцев относит и другое тувинское слово – *албын* со значением ‘злой дух, нечистая сила’. Слово отмечено и в некоторых других тюркских языках: як. *албын* ‘лукавый; хитрость, коварство’, тоф. *аблын* ‘горный хозяин (добрый дух)’, кирг. *албын* ‘название болезни’; диал. ‘заклинание, состоящее из неприличной брани, которой якобы отгоняют злых дев, приносящих болезнь’ (Тат. ЭСТуЯ 97).

В некоторых тюркских языках используется фарсизм *pärі* ‘добрый дух, ангел; красавица’ (QBN), отмеченный в древнетюркском словаре. Пери (пари) – злые духи женского пола, известные с домусульманских времен, в древнеиранском памятнике Авеста они назывались *паирика* (*парика*). Эти незримые духи, принимая человеческий облик, становятся красивыми де-

вушками. Превращение пери в прекрасных девушек в фольклоре и мифологии Ближнего и Среднего Востока, Малой и Средней Азии произошло, скорее всего, под влиянием классической поэзии, где *пери* с течением времени стали символом красоты (*Бертельс А.Е.* Художественный образ в искусстве Ирана IX–XV вв.). Пери обитают в лесу, превращаясь в птиц (каз. *орман перісі* 'лесная фея') или в воде, где купаются в облике красивых девушек (каз. *су перісі* 'русалка, злой дух, нечистая сила'). У многих народов считается, что человек, находящийся под властью пери, впадает в безумие, например у казахов говорят: *перінің салқыны тиді* 'стал ненормальным, подвергся воздействию злого духа', *пері қаққан* 'сумасшедший'. И.В.Стеблева предполагает, что это представление может иметь «суфийскую подоплеку, ибо безумная одержимость красотой и совершенством Божественной Возлюбленной приближает суфия, взыскующего Высшей Истины, к его божеству – Абсолюту» (Стеб.ПТ 15).

ubyr 'дух-обжора'. Сопоставления: монг. *ии-* 'пить, есть жидкую пищу'; тунг. *ywi-* 'наедаться'.

Современные словоупотребления

Тур., ктат., кар.К., кирг. *obur*, каз., ног. *obyr*, тат., башк. *ubyr* 'обжора'; гаг. *hobur*, ног. *obyr*, тат., башк. *ubyr*, чув. *vupăr* 'вампир, упырь'; тат. *ubyr*, чув. *vupăr* 'оборотень' (ЭСТЯ 1974, 465).

Слово *obur* является производным именем на *-r* от глагола *op-* 'хлебать, глотать', который отражен в древнетюркском памятнике: *er suv opdy* 'мужчина хлебал воду' (МК).

Рамстедт возводит монг. *ии-* 'пить, есть жидкую пищу' к общей с тюркской форме **ир-*: монг. *ии-* < **uwu-*, **ир-* 'прихлебывать', 'пить'. Тунг. *ywi-* 'наедаться' можно сопоставить не только с тур. *obur*, но и с ктат., кар., кирг. *obur* и каз., ног. *obyr* 'обжора'. В древнетюркском словаре отмечены два варианта слова – *op-/öp-*. Надо полагать, фонетическая вариативность корневого гласного отражает диалектное членение пратюркского языка.

По мнению Ахметьянова, слова в тат.диал. *lybyr* 'шайтан', чув. *lăpăr* 'дух, пожирающий солнце и луну, который иногда вселяется в старух, и они становятся людоедами – едят своих детей и внуков' этимологически связаны со словом *läü ubyr* 'упырь-дракон'. Удм. *ubyr*, *uber*, чув. *vopăr*, *vupăr*, мар. *vuver*, *uver*, тат., башк. *ubyr* 'упырь, ведьма, дух-обжора, который иногда вселяется в людей и те становятся людоедами' происходит от общетюрк. *op-* 'проглотить целиком'. Тат. *upkyn*, чув. *vuphăn*, *vupkăn* 'дух-обжора' происходит из того же общетюрк. корня *op-*, *up-* 'проглотить целиком' + афф. имени *-qyn*. Мар. *opkyn* заимствовано из древнекыпчакского языка Поволжья (до перехода *o* > *u* в тат. и чув. языках). «Возможно, в том древнем языке слово *опкын* было названием божества. Но возможно и то, что это слово обожествилось уже в марийском языке» (*Opkyn* – название подземного злого духа, который отличается, несмотря на свой малый рост, необычайной прожорливостью, как и *ubyr*) (Ахмет.ОЛДК 44).

У башкир словом *убыр* назывались кровожадные духи умерших зловредных людей. Согласно поверьям, душа могла оставаться на земле и после смерти человека. Изображалась она в виде бесформенного белого комочка или мухи и странствовала во время сна или тяжелой болезни человека, после его смерти *убыр* принимала облик старухи, а по вечерам превращалась в летучую мышь. Ночью она в виде огня летала по земле и творила различные злодеяния: насылала на людей болезни, пила у них кровь. Для нейтрализации *убыр* башкиры-язычники вкалывали в ступню покойника иглу (Бенин. 71).

По поверьям башкир, *убыр* заменяет душу колдуну и управляет им при жизни. Колдуна, в котором поселился *убыр*, называли *убырлы кеше* или *убырлы карчык*. В поверьях казанских татар и башкир *убырлы кеше* особенно опасен беременным женщинам, так как похищает детей из материнской утробы и прячет их. По ночам *убыр* покидает тело колдуна, обычно через дыру у него под мышкой. Тогда *убыр* принимает образ огненного шара, огненного колеса, собаки, кошки, свиньи, иногда человека, не имеющего, по поверьям башкир, сзади плоти. Он ворует детенышей домашнего скота, сосет молоко у коров и кобылиц, отчего те болеют, пьет кровь у скота, насылает болезни на людей. Если ранить ночью *убыр*, наутро в том же месте рана обнаружится у *убырлы кеше*, т.е. у колдуна. Когда *убырлы кеше* умирает, то *убыр* живет в его могиле, выходя по ночам наружу через отверстие в ней, и продолжает приносить вред. Считалось, для того чтобы уничтожить *убыр*, надо вбить дубовый кол в могилу или вонзить в ступню умершего иглу (МС 560).

jek** < **ye:k ‘демон’. Сопоставления: инд. *yakkha*; санскр. *yaksa* ‘сверхъестественное существо, дух’.

Древнейшие словоупотребления

**jek* ‘демон’: *jęk qarγaldy* ‘демон был проклят’ (МК).

Производные:

а) композит *jęk ičkäk* ‘демоны и вампиры’: *jękkä ičkäkkä ... jüküntümüz ęrsär* ‘если мы поклонялись ... демонам и вампирам’ (Chuast);

б) композит *jęk oŋžyn* ‘демоны’: *ünürintäki jęk oŋžynlar* ‘находящиеся в пещерах демонические существа’ (ТТ).

Современные словоупотребления

Алт. *jek/d'ēk* ‘название группы злых духов’, ‘изображение духов’, ‘мерзость’, ‘презрение’; алт. *jek/d'ēk*, кар.Т. *jek*, ком. *jäk*, тел. *jäk/d'ek*, уйг. *jäk*, чаг. *jäk/jik*, шор. *čēk/čäk* ‘дьявол, шайтан’; башк. *jīk* ‘отвращение’; алт. *jek/d'ēk*, каз., ккалп. *žek*, кирг. *ǯek*, узб. *jek/ǯek* ‘ненависть’; алт. *jek/d'ēk*, койб., кач. *jek*, ком. *jäk*, саг. *čēk/čāk*, тел. *jäk/d'ek*, уйг. *jäk*, хак. *čēk*, чаг. *jäk/jik*, шор. *čēk/čäk* ‘дух’; алт. *jek/d'ēk*, бар. *jik*, койб., тоб., кач. *jek*, кирг. *ǯek*, ком. *jäk*, тел. *jäk/d'ek*, чаг. *jäk/jik* ‘ненавистный’, ‘противный’, ‘отвратительный’; кирг. *ǯek* ‘презрение’; кирг. *ǯek*, ккалп. *žek*, тоб. *jek*, узб. *jek/ǯek* ‘отвращение’, ‘презрение’; тат. *ǯek* ‘маята’, кирг. *ǯek*, тоб. *jek* ‘мерзость’;

турк. *jek*, узб. *jek/ǰek*, чаг. *jäk/jik* 'плохой'; уйг. *jäk*, хив. *jek*, чаг. *jäk/jik* 'злой'; хив. *jek* 'дурной'; уйг. *jäk*, чаг. *jäk/jik* 'слабый'; чув. *jek* 'гад, гадина'; шор. *čĕk/čäk* 'гадкий, мерзкий'.

В древнетюркском словаре указан заимствованный характер слова *jek* (ср.-пр. *jakkhā*). Ученые сближают *jek* с индийским *yakkha*, однако Дж.Клосон допускает в качестве посредника согд. или кит. транскрипцию санскритского слова (ЭСТЯ 1974, 170).

Как видно из перечня современных словоупотреблений, распространены в основном переносные значения этого слова. А первоначальное значение, отмеченное в древнетюркских памятниках, устарело. На основе сохранившихся переносных значений, таких, как 'мерзость', 'отвращение', 'ненависть', 'гнушаться, брезговать', 'гад, гадина' и др., можно представить себе примерную характеристику этого демонического существа: скорее всего, это было внушающее отвращение и брезгливость уродливое существо, приносящее зло, вредящее людям и явно относящееся к низшему разряду злых демонических существ.

***uluv*°** 'дракон, змея'. Сопоставления: кит. *lung* 'дракон', тибет. *klu* 'змея «демон»', монг. *uluu* 'змея «демон»'.

Древнейшие словоупотребления

1. 'дракон': *jętmä jeti qat qaram ičintä alqu aγuluγ lūlar jylanlar jatur* 'внутри же семирядного рва лежат всякие ядовитые драконы и змеи' (KP); *on uluγ lū qanlary* 'десять великих царей-драконов' (Suv.); *lū jyl ekinti aj beš otuzqa* 'в год дракона, во второй месяц, на двадцать пятый [день]' (USp);

2. 'змея': *lū üntürgüči jadčy boltumuz ęrsär* 'если бы мы стали заклинателями змей и колдунами' (TT).

Современные словоупотребления

Алт. *ulu*, каз. *ŭlu*, кар.R. *uluw*, ккалп. *uluw*, тув. *ulu*, сюг. *ulu/olu/lu* 'дракон'; сюг. *ulu/olu/lu* – название дракона-громовержца; алт. *ulu*, каз. *ŭlu* 'год дракона'.

По Севортяну, основа *uluw* в древнеуйгурском обозначается в виде *loṇ*, *luo* и трактуется как заимствование из китайского *lung* с тем же значением 'дракон'. Однако в перечисленных выше языках староуйгурские формы китайского заимствования не сохранились. Можно поэтому *uluw* ~ *ulu* ~ *olu* ~ *lu* связать с монгольским источником: ср. *luu* (тибет. *klu* 'змея «демон»'). Долгота конечного *-u:* в монгольском *uluu* получила субституцию в виде *-uw* в кар.К., ккалп., в остальных языках она сократилась. Протетический *u-* во всех современных формах закономерен, исключение составляет сарыг-югурский, где *u-* перед *-l-* отсутствует. Однако *lu* в сарыг-югурском может быть вторичным – из *ulu* (ЭСТЯ 1974, 591). Кроме того, слово встречается только в переводных древних памятниках, датируемых примерно с VIII по XII в. Поэтому можно предположить, что слово было заимствовано тюркскими языками посредством монгольских не раньше VII в.

В казахском (*ŭlu*) и каракалпакском языках (*улуў*) слово со значением 'год дракона (название пятого года 12-летнего животного цикла)' устарело.

Начертание иероглифа Лун, представляющее собой пиктограмму, изображающую животное с длинным телом и головой, увенчанной гребнем, обнаружено уже в надписях на гадательных костях эпохи Инь в Китае (с XIV в. до н.э.). На одном бронзовом блюде этой эпохи изображение дракона олицетворяет землю. Однако с развитием мифологических и космогонических представлений Лу стал мыслиться как воплощение небесной мужской силы и изображался крылатым существом, повелителем облаков, туч, дождя, парящим в облаках или плывущим в волнах и объятым языками пламени (МС 323).

В мифах монгольских народов Лу также является владыкой водной стихии и громовержцем. Гром – это рев (скрежет зубов) Лу, а молния возникает тогда, когда он быстро свивает и распрямляет свой хвост. Эти представления о Лу соответствуют восприятию монголами грозы, описанному Рашидаддином (XIV в.): молнию якобы вызывает подобное дракону животное, падающее с неба, бьющее по земле хвостом и извергающее из пасти пламя. Лу причисляется к небесным богам – тенгри (Лу-тенгри).

Возможно, на образ монгольского Лу оказали влияния представления о лу в тибетской мифологии, где они являются божествами из разряда дрегпа. Лу вылупились из шести яиц, отложенных золотой космической черепахой. Они представляются существами с телом змеи и головами рыб, лягушек, головастиков, змей, скорпионов и др. Обитают в прудах, озерах, источниках, на горных пастбищах. Лу ведают погодой, насылают засуху, проливные дожди, мороз, охраняют полезные ископаемые; насылают болезни на людей. (Более подробный справочный материал о Лу, Лун см. МС 323–325.)

РЕЛИГИОЗНАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ И ЯЗЫЧЕСКИЕ ОБРЯДЫ

РЕЛИГИОЗНЫЕ ТЕРМИНЫ

but ‘идол’. Сопоставления: иран. *but* ‘идол’, ‘кумир’; авест. *būtaj* – имя демона; согд. *Buddha* ‘Будда’.

Древнейшие словоупотребления

but ‘идол’: *öz elgin but etip idim bu dedi* ‘создав своими руками идола, он сказал: «Вот мой господин»’ (Юг).

Современные словоупотребления

Аз. *büt*, казан., хив., чаг., узб., кирг. *but*, уйг. *püt*, тур. *put*, ‘идол’, ‘истукан’; кирг. *but* ‘икона’; тур. *put* ‘кумир’, ‘крест’; осм. *büt* ‘любовник’, ‘человек без жизни’ (ЭСТЯ 1978, 279).

Происхождение слова *but* ‘идол’ не установлено. Многие исследователи считают, что *but* – слово иранского происхождения и в тюркские языки перешло из персидского. В древнетюркском словаре оно отмечается в одном источнике, в поэме дидактического содержания первой половины XIII в. Ахмеда Югнекского. Возможно, в тюркские языки слово пришло из переводных памятников письменности. См. подробнее Шервашидзе 1989.

В казахском языке *бұт/пұт* сохранило древнее значение ‘идол’: *бұтқа/пұтқа табынушы* ‘идолопоклонник, язычник’; *бұтқа/пұтқа табыну* ‘поклоняться идолу’ (КазРСл. 675).

В башкирском слово *бот* означает ‘идол, истукан’, ‘кумир’, выражение *ботка табыныу* означает ‘поклоняться идолу, идолопоклонничество’ (Башкорт I 159).

В турецком слово *put* имеет два значения: ‘идол, истукан, кумир’ (ср. *puta tapanlar* ‘идолопоклонники’) и ‘крест’. Известно также устойчивое выражение *put gibi oturmak* ‘сидеть как истукан’ (БРТС 728).

Наряду со словом *бут* в древнетюркских памятниках отмечается слово ***balbal*** со значением ‘статуя умершего, ритуальный камень, символизирующий человека’: *będizin üčün türk qan balbaly* ‘для украшения балбал тюркского хана’ (Е) с производным: *balbal tik-* ‘поставить балбал’: *qyrqyz qaγanyγ balbal tikdim* ‘я поставил балбал кыргызскому кагану’ (КТ); *quγ seŋünig balbal tikä bertim* ‘я поставил балбал Куг-сенгуну’ (БК).

Из современных языков слово выявлено нами лишь в казахском языке; также оно имеет значение ‘каменная баба’ (КазРСл. 119).

qut I. Сопоставления: монг. *qutug* ‘счастье, святость’; тунг. *kutu* ‘счастье’; кор. *kut* ‘колдовство, магия’; маньчж. *xutu* ‘душа умершего, дух’, др.-иран. **kauta*.

Древнейшие словоупотребления

1. ‘душа; жизненная сила, дух’: *męn seŋä bašumny qutumny bęrä męn* ‘я отдаю тебе свою голову, свою душу’ (ЛОК);

2. календ. ‘элемент’: *graχi sanyčar ol quty suv* ‘его планета Сатурн; его элемент – вода’ (ТТ).

Производные:

а) Adj *qutluγ* ‘обладающий жизненной силой, дающий жизненную силу’: *ügriŋä qutluγ adγyr męn* ‘я, дающий жизненную силу (~ сильный) жеребец-производитель для своего табуна’ (ThS);

б) Adj *qutluγ календ.* ‘имеющий какой-л. элемент, соотносимый с элементом’: *ekinti baytaqy ti topraq qutluγ toŋuz kün ol* ‘это день свиньи, принадлежащий элементу «земля» и *ti* во второй связке’ (ТТ);

в) композит *qut vaχšik парн. рел.* ‘дух, мифическое существо’: *qamaγ qutlar vaχšiklar turkaru ijä basa küjü küzätü tururlar* ‘все духи будут повсюду следовать [за ними] и постоянно оберегать [их]’ (ТТ).

qut II

1. ‘счастье, благо, благодать, благополучие; удача, успех; счастливый удел’: *qorqma temiš qut bergäj męn temiš* ‘он сказал: «Не бойся! Я ниспошлю (букв. дам) [тебе] благодать»’ (ThS); *tębrätük saju qut kęlir* ‘во всем, что он делает, ему сопутствует (букв. приходит) успех’ (ТТ);

2. ‘достоинство, величие’: *qaγan quty tap[lama]dy ęrinč* ‘его достоинство кагана [они] не почтили’ (БК); *tęgin ynča tep ötünti qanym quty męni sevär-mü siz* ‘принц так сказал: «Мой отец, [ваше] величество, любите ли вы меня?»’ (КР);

3. рел. состояние истинного бытия, блаженства: *ol nomuγ ęšitip alqu nizvanilaryγ tarqaryp arxant qutyŋa tęgdi* 'услышав то учение, он, подавив все свои страсти, достиг блаженства (~состояния) святого' (Uig).

Производные:

а) Adj *qutluγ* 'счастливый, испытывающий счастье, приносящий счастье, успех, удачу, благодатный': *qyšqa ętin kęlsä qaly qutluγ jaj* 'готовься к зиме, коль приходит счастливая [пора] лета' (МК); *jęmä jegädmiš qutluγ jylga* 'и в победоносный благодатный год' (Man);

б) S *qutluγ* 'счастливый, счастливец': *qutluγqa qoša jaγar* 'счастливому выпадает двойная доля' (МК);

в) V *qutad-* 'становиться счастливым, выпадать на долю, улыбаться (о счастье)': *etmiš jaratmyš jaŋy ęv barq ijäsiŋä qutadur* 'хозяину построенного нового дома улыбается счастье' (ТТ);

г) Adj *qutluγ* 'благословенный, благородный, святой': *ol qutluγ orunlaryγ kęzsär tęgz[insär] ögsär jükünsär* 'если [он] обойдет те святые места, воздаст хвалу и поклонится [им]' (Hüen); *qutluγ čγγajyn ęr[mäk] čaχšaputyγ bütürti* 'они исполняли заповедь быть благословенными и бедными' (ТТ); *dian saqynčqa qatyγlantačy qutluγlarqa ada qyltymyz ęrsär* 'если мы причиняли вред благородным, преуспевающим в созерцании' (ТТ);

д) V *qutadmaq* 'достижение блаженства, истинного бытия': *kim qaju tynlyγ bu quanšiim pusar ęrdämin bögülänmäkin qutadmaqyn ęšidsär* 'если какое-л. живое существо услышит о доблести бодисатвы Куанши-им, его прозрении и достижении [им] блаженства' (Kuan);

е) композит *qut ülüg* парн. 'счастье, счастливый удел, удача': *tegin quty ülügy üčün adasyz tudasyz qač kün ičintä ęrd[änilig] otruqqa tęgdilär* 'так как принцу [сопутствовала] удача, они за несколько дней благополучно достигли острова драгоценностей' (КР);

ж) композит *qut bujan* парн. 'счастье, благополучие, благодать': *üsküŋdä täŋridäm qut bujan utmaq jegädmäk kęntün ornanty* 'божественная благодать [и] победа разместились сами собой перед тобой' (ТТ).

Современные словоупотребления

Алт. *qut* 'зародыш, эмбрион'; башк. *qŭt*, алт., кар.К., кирг., ккалп., тел., тув., ног., як. *qut*, тат. *qut/qŭt*, хак. *xut*, чув. *xăt/kăt* 'дух, душа'; башк. *qŭt* 'символ счастья и благополучия' (на свадьбе туесок со сметаной или маслом, куски красной материи и ленты, прикрепляемые к дуге и т.п.), 'уют'; башк. *qŭt*, каз., кар.К., ккалп., ног., тел., тур., др.-уйг., чаг., узб., кирг. *qut*, кар.Т.,Г. *qut*, осм., тур. *kut*, тат. *qut/qŭt*, чув. *xăt/kăt* 'счастье'; кирг. *qut* 'удача, успех', 'страх'; *миф.* оберег; алт., кирг., ккалп., кар.К., ног., тув., як. *qut*, хак. *xut* 'жизненная сила'; ккалп. *qut* 'амулет', 'украшение'; тат. *qut/qŭt* 'благодать, благополучие', 'страх'; тур. *kut* 'доброе предзнаменование'; узб. *qut*, тат. *qut/qŭt* 'обилие, изобилие', 'уют, удобство'; чув. *xăt/kăt* 'аккуратность, чистота, красота', 'польза, выгода'.

Этимология слова не ясна. Г.Рамстедт и Г.Дёрфер допускают тюркское происхождение монг. *qutug* 'счастье, святость'. Р.Ахметьянов, опираясь на

такие данные, как алт. *qōt* 'утешение, отрада', др.-тюрк. *qavut* 'счастье, благодать, величие, достоинство', тат.диал. *kŭrt* и *kŭrtla-* 'поздравлять, приносить в дар', восстанавливает форму **kagurt*. Севортян считает, что эта реконструкция не правомерна, так как в алтайском языке сосуществуют формы *qut* и *qōt*; в турк. и як. языках *qut* не имеет долгого гласного; в тат. форма **kŭrt* не обязательно архаична: *r* может быть результатом влияния омофона или «вставочным» звуком (ЭСТЯ 2000, 176). На наш взгляд, *qut* является исконно тюркским словом; эта основа достаточно продуктивна, что служит одним из доводов в пользу ее собственно тюркского происхождения.

Понятие «*qut*» в прошлом было важной составной чертой традиционного мировоззрения ряда народов. Ареал распространения слова очень широк. Слово отмечено в тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках, поэтому этимология слова может быть связана с общеалтайским происхождением (Баск.ДВ 109). Содержательная и функциональная особенности понятия наиболее полно исследованы в сибирской этнографии, у саяно-алтайской ветви тюрков. Н.А.Алексеев пишет, что «тюркоязычные народы понимали *кут* как жизненную силу». Первоначально, вероятно, *кут* осознавался как неделимая часть человека. Впоследствии в ходе формирования анимистических представлений в результате возникновения веры в существование нескольких видов злых духов, обитающих во всех трех мирах, возникла идея о «похищении ими *кут* человека» (Ал.РФ 126–137). Исследователи, обобщив сведения о слове *qut* по народам Южной Сибири (алтайцы, тувинцы, хакасы, шорцы, якуты), сформулировали основное значение как «некое оплодотворяющее начало, потенция жизни, ее зародыш» (ТМТЮС 226–234).

Сохранение архаичного пласта в семантике слова *qut* отмечено в языках ряда кочевых в прошлом народов Центральной Азии: каракалпакском, киргизском. Выражение *qutym qašty* означает 'мне не везет'; *quty ketti* – 'счастье ушло'. Если свинцовое или оловянное изображение *qut* напоминало контуры человеческого тела, киргизы считали, что у его обладателя будет много детей; если же оно было похоже на животное – узбеки, турки, гагаузы считали, что будет много скота.

В других тюркских языках древнее значение слова *qut* проявляется не столь отчетливо и передается преимущественно понятиями «счастье», «благодать», «судьба».

В современном казахском языке основное значение слова *qut* также 'счастье', 'богатство, изобилие', 'обилие', 'благоденствие', 'доля'. Слово используется во многих пословицах и поговорках: *құт төрден кірсе, жұт есіктен шығады* 'где богатство, там нет места нищете' (букв. 'если благо появляется с почетного места, то джут уходит через дверь') (КазРСл. 554).

Основной семантический пласт понятия *qut* у казахов связан, как и у тюрков Южной Сибири, с понятием «жизненная сила», «душа», «дух», «зародыш». Причем, так же как и в южносибирской традиции, выделяются две линии: первая связана с человеком, вторая – с животным миром.

Ч.Ч.Валиханов писал: «...если животное имеет какую-нибудь особенность, то его называют *әулие* и почитают выражением счастья; лошади с гнездами на гривах и хвостах, которые делают, по понятиям казахов, злые духи – шайтаны, почитаются также за предмет счастья (*құт*), таких животных никому не отдают: 'счастье уйдет' – *құт кетеді*, если отдают – только берут так называемый *слекей* – слюну. Например, у лошадей вырывают клочок гривы, ослюнивают в слюне животного и кладут в калту, т.е. в карман» (Валихан. 114).

Н.Ж.Шаханова считает, что в основе этого обряда у казахов лежало представление о *құт* как о некой жизненной силе, обеспечивающей размножение, плодовитость, плодородие, носителем которой считалось определенное животное в стаде. «Поэтому его старались не отдавать на сторону, не включали в число калымного скота и т.д.; считалось, что с его уходом благополучие, плодородие, изобилие могут покинуть стадо. Неслучайно поэтому водой, в которую окунали *құт* – амулет у киргизов, окропляли скот – видимо, ей приписывалась оплодотворяющая, рождающая сила, обеспечивающая жизненность животных» (Шахан. 25).

В казахском языке сохранились реминисценции этого представления. Так, существует выражение *құтпан айғыр* (*айғыр* – жеребец-производитель), означающее *құтты байлық, басы* 'жеребец-носитель *құт*, обеспечивающий богатство...' (ТСКЯ 532–533).

Если же обратиться к линии *құт* применительно к человеку, к уже известным значениям 'богатство', 'благополучие', 'изобилие' добавляется новый ряд значений. Существует выражение *бауыры құтсыз* букв. '[человек] с печенью, не имеющей *құт*', что означает 'бесплодный/ая, нерожавшая, не увидевший/ая собственного потомства' (ТСКЯ 532–533). В данном случае очевидна связь понятия *құт* с рождающим началом. Связь *құт* с рождающим, плодоносящим, плодородным началом отражена в казахской пословице: *құтты қонақ келсе, қой егіз табады; құтсыз қонақ келсе, қойға қасқыр шабады* 'если в гости приходит человек, имеющий *құт*, овца ягнится двойней; если же гость – человек без *құт*, на овец нападает волк' (там же). Другие значения термина *құт* в этом семантическом ряду 'дух', 'душа'. Они сохранились в казахском языке в таких выражениях, как *құтым ұшты* досл. 'мой кут улетел'; *құтым қашты* досл. 'мой *құт* убежал', означающих 'я сильно испугался'.

Аналогичные выражения приводил Л.З.Будагов для алтайского языка: «*кут* ... в алт. 'душа', 'присутствие духа': *куты шыкты*, т.е. 'растерялся от страха', *кут учмак, чыкмак*, т.е. 'оробеть, остолбенеть', *кутыны алмак* 'испугать'» (Буд. 69).

В одном ряду со значениями 'рождающее, побудительное, плодоносящее начало', 'душа' выделяется и такое значение понятие «*құт*», как 'жизненная сила'.

Предположение о связи понятия «*құт*» у казахов со значением 'жизненная сила', 'плодородная сила', 'потенция жизни' находит подтверждение в материалах по традиционной погребально-поминальной обрядности каза-

хов. При выносе покойника из юрты, по свидетельству Ч.Ч.Валиханова, произносили: «"От бога целым телом далек", и обводили вокруг его туловища домашнюю утварь, съестное» (Валихан. 113). Р.Карутц, посетивший западных казахов в начале XX в., писал: «...родственники кладут в сумку хлеб и мясо, обводят его над головой покойника и затем съедают содержимое» (Карутц 118).

Представление о необходимости обнесения вокруг покойника каких-либо пищевых продуктов и последующего съедания их было распространено у ряда тюркоязычных народов Сибири (например, хакасов, тувинцев).

«Как известно, в сибирском и центральноазиатском шаманстве часто применялось круговое движение при лечении больного. Смысл его заключался в стремлении перенести на какой-либо предмет болезнь, вселившуюся в человека. В данном случае круговые, обводящие движения каким-либо видом пищи вокруг головы или туловища умершего совершались, очевидно, с целью перенести с покойника на пищу какие-то положительные свойства. В пользу этого предположения говорит то, что пища не выбрасывалась, а съедалась членами семьи умершего, в том числе и детьми» (Шахан. 26).

Этот обряд аналогичен обряду совершения круговых движений каким-либо видом пищи вокруг головы невесты перед ее отъездом в аул жениха и, видимо, имеет те же самые исходные посылки о перенесении с уходящего из семьи, аула и т.д. человека на пищу какого-то положительного начала, «удержания» его. В одном из дореволюционных источников описывается данный обряд у семипалатинских казахов: «В день отъезда невесты в аул жениха ... кто-нибудь из членов семьи берет кусок мяса или другую пищу, завернутую в лоскут, и обводит два-три раза над головой невесты, чтобы "домашнее счастье не ушло вместе с нею"» (ОКС 43). Скорее всего, определение 'домашнее счастье' более позднего происхождения. Возможно, более архаичные значения – в том числе 'жизненная сила', 'потенция жизни' – составляли основу этого представления.

Эту версию подтверждают и данные башкирского языка. У башкир известен обычай под названием *кот сабыу* или *кот алып касыу*, буквально переводимым как 'гнаться за счастьем' или 'догонять счастье'. Во время проводов невесты родственники жениха увозят горшок сметаны или меда, а родственники невесты их догоняют на запряженных лошадях. Если родственников жениха не догонят, они разбивают горшок о свою телегу, при этом считается, что их дом будет процветать. Если же родственники невесты отнимут горшок, то счастье якобы остается в доме невесты. В этом случае так же можно предположить, что значение 'счастье' вторично, а в основе его лежит более древнее значение 'жизненная сила', которое в современном языке уже утрачено.

Как и предыдущие, данный обряд «перенесения домашнего счастья» с невесты на какой-либо вид пищи также имеет аналогии у ряда тюрко- и монголоязычных народов. Так, у халха-монголов, когда девушку увозят к жениху, «родители невесты, чтобы она не унесла из дома "счастье", выходят

вслед с ведром молока и делают по направлению к себе "манящие жесты" – это называется "даллага", обряд призывания счастья» (Вят. 211).

В башкирском языке *кот* наряду с современными значениями 'уют, благоустроенность', 'счастье, удача', имеет устаревшее 'талисман' и диалектное 'оберег (в виде кусочка расплавленного свинца или цитаты из Корана, зашитых в тряпку)'. Выражение *кот тағыу* означает, соответственно, 'носить оберег'. У башкир на свадьбе туесок со сметаной или маслом, куски красной материи и ленты, прикрепляемые к дуге, – символ счастья и благополучия.

Однако наибольший интерес для нашего исследования представляет устаревшее значение этого слова 'дух, душа'. С ним связаны широко распространенные в современном языке, особенно в разговорной речи, выражения *кот алыныу* (или *калмау*) 'сильно испугаться', *кото бот буйына китте* 'он сильно испугался', 'душа в пятки ушла' (ср.: в алтайском (ойрот.) *кижи қорқуп қуды чықты* 'человек так испугался, что у него «душа в пятки ушла»'). Существует также выражение *кот осоу* 'сильно испугаться', 'заболеть от сильного испуга' (Башкорт I, 685). В словарях зафиксировано также устаревшее выражение *кот куйыйу*, означающее определенный знахарский способ лечения от испуга. По древнему обычаю, над головой больного держат сосуд с водой и льют в воду расплавленный свинец. Затем по отлившейся фигурке отгадывают существо, которое якобы испугало больного (в дальнейшем фигурка-оберег носится на груди или на шее). Существует также выражение *кот төшөү*, что означает изображение на куске свинца того существа, испугавшись которого, человек заболел. Согласно поверью, если изобразить это существо, то болезнь отступит. У башкир сохранилась поговорка: *яңғыз тирәк илгә кот бирмәҫ*, примерно соответствующая русской *один в поле не воин* (букв. 'одинокий тополь не украсит родную землю, не придаст ей красоты и благоустроенности').

Наряду со словом *құт*, *žan* (*жан*) в тюркских языках используются слова арабского происхождения *рух*, *аруақ* в значении 'дух, душа'. В старину у казахов считалось, что *жан* 'душа' благонравного человека, постепенно переходя в стадию вечности, становится *аруақ* 'святым духом', который затем начинает покровительствовать тем, кто уважает себя и других, почитает старших, предков и т. п. и, наоборот, причиняет вред тем, кто как-то осквернил или обидел его. Другие души, подобно бесу *жын*, шайтану *сайтан*, становясь немилосердными, злыми (в шаманизме – «черный дух»), покушаются на человеческую жизнь. Есть казахские выражения, связанные с этим: *пәле жабысты* букв. 'зло, чудище прилипло', т.е. 'оклеветали', *сайтан азғырды* 'черт попутал', *жын соқты* 'бес попутал'. От злых духов может избавить только шаман, который заклинаниями, заговорами выгоняет их из человека. Для этого шаманы, призвав на помощь «милостивых» духов, поклонялись им и совершали жертвоприношения. В казахском, узбекском народном понимании *аруақ* – это святые, милостивые духи предков, которые помогают, вдохновляют в трудные минуты. В казахском языке с

помощью слова *аруақ* образовано большое количество фразеологизмов: *аруақ демеді* букв. 'духи поддержали', *аруақ атты* букв. 'духи прокляли', *аруағы қозды* 'духи возбудили его', *аруақ қолдады* букв. 'духи поддержали' и т.д.

yjyq 'священный, святой'. Сопоставления: тунг. *etik* 'жертвоприношение', 'свободно пасущийся', 'преподнесенный'; монг. *ida-m* 'священный'.

Древнейшие словоупотребления

yduq 'священный, святой': *yduq ol bū bęglik aryylyq tilär* 'это бекское достоинство – священное, оно требует чистоты' (QBH).

Производные:

а) композит *yduq nom* 'священное писание, священный закон' (Suv.); *yduq nomluy* 'относящийся к священному закону': *täŋri täŋrisi burqannyŋ yduq nomluy jarlyyynča ę[v]rilmädim jorymadym ęrsär* 'если я не поступал согласно относящемуся к священному закону повелению бога богов будды' (Suv.);

б) композит *yduq qut* 'святой, священный': *yduq qut täŋrikänimiz* 'наше святое божество' (USp); композит *удuq qut* 'святость, божество': *anyŋdyn jarujur удuq qut küni* 'через него светит солнце божества' (QBN);

в) Adj *yduqluy* 'священный': *ürüŋ ęsri erkäk bozayu kęlürmiš yduqluy jarayaj* 'она принесла (т.е. отелилась) бычка с белыми пятнами, он подойдет для того, чтобы быть священным (т.е. принесенным в жертву)' (ThS).

Современные словоупотребления

Алт. *yjyq/ijik*, хак. *yzyx* 'духи рек, гор, долин, фетиш, предмет поклонения, почитания'; алт. *yjyq/ijik* 'жертвенное животное'; бар. *yjyk* 'лошадь, посвященная богу'; кач., койб., саг. *yzyq* 'посланный богом', 'счастливый', 'благословенный', 'благой'; алт. *yjyq/ijik*, койб., саг., кач. *yzyq*, кирг., Лобн., тел. *yjyq* 'выбранный/назначенный/посвященный для жертвы, относящийся к жертве', 'жертва'; алт. *yjyq/ijik*, кирг. *yjyq*, тув., др.-уйг. *ydyq*, як. *ytyq* 'священный'; алт. *yjyq/ijik*, кирг. *yjyq* 'приносящий счастье'; тув. *ydyq* 'священный ошейник'; др.-уйг. *ydyq* 'судьба божья'; як. *ytyq* 'честь, почтение, уважение; почитаемый, уважаемый, честный, почетный, почтенный, достопочтенный, уважительный, знаменитый, славный, драгоценный'; 'жертва, жертвенный' (ЭСТЯ 1974, 649).

Наиболее интересные этимологии слова *yjyq* предлагают, на наш взгляд, Г.Рамстедт и Э.В.Севортян. Рамстедт сближает тюркскую и монгольскую основы: тюрк. *yduq* 'святой', як. *ytyk* (> тунг. *etik* 'жертвоприношение') 'свободно пасущийся', 'преподнесенный' (< *yd-* 'посылать', 'оставлять свободным', монг. *ida-m* 'священный'). Эту семантическую близость подтверждают и данные современного словоупотребления *yjyq* в тюркских языках. Севортян считает более вероятной связь *yjyq* с глагольной основой *aja-* со значением 'почитать', которое отмечается лишь в турецких диалектах и частично в чувашском; *yjyq* можно соотнести с *aja-* через посредство производного от *aja-* имени *ajyk/ayik* 'внимательность', 'наблюдение', 'счастье', 'хорошее предзнаменование': *aja-* > *aj-yq* (*aj-ik*) > *yj-yq~ yd-yq ~ yd-uq* (ЭСТЯ 1974, 649).

Но в лексико-семантическом отношении *ajyk* и *yjyq*, на наш взгляд, совершенно гетерогенны.

У якутов есть *ытык* «жертвенная скотина», которую почитают, никогда не бьют, не стригут хвост и гриву, а во время *ысыах* (старинный большой праздник, отмечаемый весной или летом в честь божества Ар Тойон; начинался окроплением кумысом юрт и полей) обрызгивают их из жертвенной ступы. Когда приходится таких животных убивать, то зовут шамана, который шаманит для того, чтобы умилостивить того демона, которому посвящено данное животное. В старину *ытык* не только не продавали, но и не доили. Есть *тыннах ытык* «живая жертва» – просимая духом скотина, которую посвящают духу и отпускают свободно в степь; *ытык мас* – дерево, у которого совершают жертвоприношение; *ытык сылгы* – лошадь, в которую шаманом внедрен дух, причинивший кому-либо болезнь (Пек. III, 3847).

У киргизов *ыйык* 1) 'священный, приносящий счастье': *ата арбагы ыйык* 'дух (умершего) отца священен'; 2) устар. 'священное домашнее животное (пущенное в стадо с тем, чтобы его не резать и не употреблять в дело; местами лошадей из числа таких животных исключают)': *кой ичинде козголбос ыйык болгон серке бар* фольк. 'среди овец есть неприкосновенный священный козел'. Выражение *жыланач ыйык* – мифологическое существо, помогающее людям в трудных обстоятельствах (Юдахин 1985 II, 426).

В тувинском словаре слово *ыдык* 'священный ошейник, надеваемый на шею животного' дано с пометой «устаревшее». Скорее всего, речь идет о жертвенном животном. Отмечено и другое значение – 'святыня': *ыдык аскыр* 'священный жеребец', *ыдык ок* 'священная стрела', *ыдык чел* 'священная грива' (ТувРСл 592).

jaz- 'грешить': *apa jazdy ęrsä bajat qynady* 'когда Ева согрешила, Бог наказал ее' (QBN).

Производные:

а) V *jazyn- возвр.* от *jaz-*: *täŋrikä jazynyp* 'погрешив перед богом' (Chuast);

б) S *jazynč* 'заблуждение, грех': *bilmädin uqmadyn üküš jazynč ęrtilär* 'от незнания и неразумения было много грехов' (TT);

в) S *jazuq* 'грех, заблуждение': *qop jazuqumuzta boš [bolalym]* 'да освободимся мы от всех наших грехов' (TT);

г) Adj *jazuqluγ* 'грешный, имеющий грехи': *jazuqluγ kišidin kęčürsä jazuq* 'следует прощать грехи грешного человека' (QBN);

д) композит *jazuq mün* 'грех, порок': *özüŋdin arytγyl jazuquŋ münüŋ* 'очистить себя от грехов и пороков' (QBN);

е) композит *jazuq qyl-* 'грешить': *jazuq qylsa qul küŋ kęčür ol jazuq* 'если раб и рабыня согрешат, прости тот грех' (QBN).

Современные словоупотребления

Алт. *das-/jas-* 'ходить мимо, миновать', 'не попасть, опрометиться', 'дать промах'; башк., казан., ктат., тат. *jaz-*, чув. *jus-* 'лишаться'; чаг. *jaz-/jazu-* 'сбиваться (с пути)', 'уклоняться от прямого пути', 'не повиноваться';

алт. *das-/jas-*, ккалп., каз. *žaz-*, тат., казан. *jaz-*, кирг. *ǯaz-*, тел. *jas-/das-*, тув. *čas-* 'ошибаться', 'заблуждаться', 'промахнуться'; ком., ктат., тат., казан. *jaz-*, кирг. *ǯaz-*, узб. *jaoz-*, чаг. *jaz-/jazu-* 'грешить'; койб. *das-*, хак. *čas-*, чув. *jus-*, як. *sís-* 'ошибаться'; тат. *jaz-*, узб. *jaoz-* 'сбиваться (с пути)', 'теряться'; тоф. *čas-*, як. *sís-* 'промахнуться'; турк. *jâz-* 'менять тему', 'потерять (ум, рассудок)'; уйг. *jas-* 'ходить мимо, миновать', 'дать промах'; чув. *jus-* 'отбиваться', 'потерять (уважение, любовь)' (ЭСТЯ 1989, 72).

Этимология слова неясна. Рамстедт приводит алтайские параллели к *jāz-* (Ram. 258), однако его тунгусо-маньчжурские материалы нуждаются в уточнении. Исходя из древних памятников, в которых отмечается *jaz-*, можно предположить, что слово, скорее всего, первоначально являлось манихейским термином. В современных употреблениях сакральное значение слова сохранилось лишь в нескольких языках (казан. *jaz-*, каз. *žaz-*, кирг. *ǯaz-*, ком. *jaz-*, ктат. *jaz-*, тат. *jaz-*, узб. *jaoz-*, чаг. *jaz-/jazu-* 'грешить'). В большинстве же современных языков получили распространение разнообразные профанные значения.

ДЕЙСТВИЯ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЕ ПОКЛОНЕНИЕ БОГАМ

alka- 'благословлять'. Сопоставления: тунг.-маньчж. *alga* 'благословение', эвенк. *alga* 'пожелание благополучия', 'благословение', *alga-* 'пожелать благополучия', 'благословлять', 'читать молитвы', 'молиться', 'выставлять на солнце', маньчж. *algi-* 'прославляться', 'делаться известным', 'озарять', 'восходить о солнце'.

Древнейшие словоупотребления

alqa- 'благословлять, восхвалять, благожелать': *sęvig köŋülün amranmaq biligin alqyš alqaju sęvinč ötünü tęginür biz* 'любящим сердцем и с [исполненной] любовью мудростью мы, воздавая молитвы, испрошаем радости' (ДТС 38 – Man).

Производные:

а) V *alqal-* страд. от *alqa-*: *bęgkä alqyš alqaldy* 'беку была воздана хвала' (МК);

б) композит *alqamaqqa tüš-* 'удостаиваться похвалы': *eltin qantyn körsär sen alqamaqqa tüšgälir sęn* 'если ты взираешь [на оракул], имея в виду государство и правителя, ты удостоишься немедленно похвалы' (ТТ);

в) V *alqan-* возвр. от *alqa-* 'прославлять, восхвалять': *jęmä qorqmatyn ęrmägürüp ędgüti tükäti alqanmadymyz ęrsär jęmä alqanur ęrkän köŋülümüzni saqynčymyzny täŋrigärü tutmadymyz ęrsär* 'если мы, забыв страх, ленясь, совершенно не восхваляли [бога] и если мы при воздаянии хвалы не направляли свои сердца и помыслы к богу' (Chuast);

г) S *alqansyq* 'восхваление': *küčlüg täŋrikä ... alqansyq törü bar ęrti* 'был закон восхваления...сильному богу' (Chuast).

alqyš

1. 'хвала, благословение, прославление': *męniŋdin miŋ alqyš uvutluγ üzä* 'тысяча похвал от меня стыдливому' (QBN);

2. рел. 'молитвенно-хвалебное песнопение, моление, молитва, гимн':

künkä tört alqyš... küčlüg täŋrikä... alqansyq törü bar ęrti ‘был закон [еже]дневного... воздаяния сильному богу... четырех молитв ’ (Chuast).

Производные:

а) V *alqy-* ‘благословлять, воздавать хвалу, превозносить’: *üküš alqyju ögdi ögdülmišig* ‘чрезвычайно превознося, он похвалил Огдюльмиша’ (QBN);

б) композит *alqyš ber-* ‘воздавать хвалу, благословлять; молиться’: *jalavačqa alqyš bergil* ‘воздай благословение пророку’ (MK);

в) композит *alqyš ötüg* ‘молитва, моление’: *alqyšymyz ötügümüz täŋrikä aryγγn tegmädi ęrsär* ‘если наши молитвы совершенно не доходили до бога’ (Chuast);

г) композит рел. *alqyš bašik* ‘хвалебное песнопение, гимн, молитва’: *alqyš bašik sözlägü* ‘исполнение религиозных гимнов’ (TT).

Современные словоупотребления

Алт., кирг., каз. *alqa-*, бар., кач., леб., саг., тоб., тув., хак., шор., койб. *alγa-*, кум. *alγyš-*, ‘благословлять’; ккалп. *alγys*, турк. *alqyš*, кбалк. *alγyš*, каз. *alγys* ‘благодарность’, ‘признательность’; алт. *alqa-* ‘желать хорошего’, ‘благодарить’; кбалк. *alγyš* ‘здравица’, ‘поздравление’, ‘приветствие’; ктат., кум. *alγyš*, Лобн. *alqiš*, ккалп. *alγys*, кирг., турк. *alqyš*, сюг. *alqys* ‘благословение’; кум. *alγyš-*, як. *alγā-*, алт. *alqa-* ‘восхвалять’, ‘воздавать хвалу’; сюг. *alqys*, як. *algys/algȳ* ‘благожелание’, ‘благожелательная речь’; аз., башк., тат., тур. *alkyš*, узб. *a˚lqiš*, уйг. *alqiš* ‘аплодисменты’, ‘одобрение’, ‘овация’; хак. *alγa-* ‘желать успехов’, ‘приветствовать’, ‘благодарить’; як. *alγā-* ‘доброжелательствовать’, ‘приветствовать’, ‘прославлять’, ‘молить’, ‘заклинать (духов)’, ‘заговаривать’; *algys/algȳ* ‘благожелание’, ‘доброжелательство’, ‘заклинание’, ‘похвала’ (ЭСТЯ 1974, 137).

Этимология слова не ясна. Севортян, семантически объединяя *alqa-* ‘желать хорошего’, ‘доброжелательствовать’, ‘благословлять’ с алт. *almaq* ‘хороший’, ‘примерный’, ‘лучше’ и сопоставляя эти формы, выделяет корень **al*, возможно, именной: **al* + *-qa-*, но, возможно, и глагольный: **al-* + *-qa-* (ЭСТЯ 1974, 137).

В башкирском языке, помимо указанного выше значения, имеется еще другое, помеченное в словаре как устаревшее, – ‘одобрение, благословение’. У башкир есть пословица: *Ата-әсәнең алкышы утка-һыуға батырмаҫ* ‘родительское благословение от всего защитит’.

В казахском есть пословица: *қарғағанын жер қылмақ, алқағанын зор қылмақ* ‘кого проклинает, того с землей сравняет, а кого благословляет – возвеличивает’.

В якутском языке сохранились пословицы и поговорки и с глагольной основой *алгā-*, и с производным именем *алгыс*: *алгыска оннōгор абāсы тохтӯр діăн – ӧс хосōно* ‘на заклинание даже абасы сдается’ (речь идет о человеке, не внимающем чьей-либо просьбе, когда упрашивают рассердившегося, когда человек дурно поступает); выражение из сказки: *сьҕа алгāтым сылгынан, ӱӧсāттăн тӯспӯтă буолуоға діăммін* ‘полагая, что он (абасы) спустился сверху (из верхнего мира), я (шаманка) невпопад заклинала конною скотиною (т.е. принесла ему в жертву)’ (Пек. I 74, 76).

В большинстве языков сохранилось древнее значение слова *alqyš* ‘хвала, благословение, прославление’, а в ряде языков на основе данных значений возникло переносное значение: ‘аплодисменты’, ‘одобрение’, ‘овация’.

Б.И.Татаринцев, отмечая в тувинском слово *аълга-* со значением ‘благословлять’ и производное *аългыш* ‘благословение, напутствие; шаманское камлание, заклинание’, предполагает, что в основе *алка-* лежит идея превосходства: ‘улучшать, делать какой-л. объект превосходным’. «Поэтому *алка-* можно связать со словами, обозначающими возвышенности, возвышения типа **ал-* ‘возвышаться’ ~ *ал* ‘возвышенный’... Не случайны поэтому такие значения рассматриваемого глагола в древнетюркских памятниках, как ‘восхвалять, превозносить’» (Тат.ЭСТуЯ 98). Среди производных интерес представляет слово *аълган-* (*алга* + суфф. возвратного залога *-н-*) ‘камлать, исполнять шаманские заклинания (песнопения)’. Ср. тоф. *аьлһан-* ‘шептать, произносить заклинания (о шамане); читать молитвы; высказывать благопожелания’ (Räs.VEWT 17b), алт. *алган* ‘заклинание над убитым медведем’. По мнению Д.А.Монгуша, семантика *алган-* выглядит как ‘желать кому-л. добра, блага путем камлания’ (Тат.ЭСТуЯ 99).

syγγn- ‘взывать о помощи, молить; молиться, поклоняться’: *mẹn täŋrikä syγγnur mẹn* ‘я взываю к богу о помощи’ (МК); *bajatqa syγγnγyl qatyγ jalvara* ‘ищи прибежище у бога, упорно умоляя [его]’ (QBH).

Современные словоупотребления

Турк. *sygyn-* ‘верить, поклоняться’, тур. *sığın-* ‘просить защиту’, каз. *syjn-*, ккалп. *syjyn-* ‘преклоняться, полагаться’.

Турк. *сыгынмак* ‘верить, поклоняться’: *худая сыгынмак* ‘верить в бога’ (ТРС 603); ккалп. *сыйын* ‘1) преклоняться перед чем-л.; 2) перен. полагаться на кого-л.’ (ККРС 601).

В турецком *sıgınmak* означает ‘прибегать к защите’, ‘находить кров (убежище)’, ‘укрываться, спасаться’. *Sığınacak yer* ‘прибежище, пристанище, укрытие’. Выражение *Allaha sığınmak* ‘обращаться к помощи бога (Аллаха)’ – более позднее образование, связанное с исламизацией.

jalbar- ‘просить, умолять’. Сопоставления: монг. *ǰalbari-* ‘молиться’; мар. *sorvalaš* ‘умолять, упрашивать’; удм. *sülvoryny* ‘просить, умолять’.

Древнейшие словоупотребления

**jalbar-* ‘просить, умолять’: *täŋrigärü jalbarur* ‘он обращается с мольбой к небу’ (ThS).

Производные:

а) *jalbarmaq*: композит *jalbarmaq ayγrγnmaq* ‘просьба и моление’: *jalbarmaq ayγrγnmaq müŋrämäk ynčγqlamaqta ulaty ęšitgäli umaγuluγ ünlär* ‘их просьбы и моления, вопли, плач и стоны и другие невыносимые для слуха звуки’ (Suv.);

б) S *jalbarmaqlγγ* ‘с мольбой; содержащий мольбу’: *ökünmäk jalbarmaqlγγ kšanti qylmaqlγγ aryγ silig sav (suv) üzä* ‘посредством чистых, полных раскаяния и мольбы, содержащих исповедь слов’ (Suv.; ДТС 228).

Современные словоупотребления

Алт. *jalbar-/d'albar-*, тел *jalbar-* 'делать приношение'; алт. *jalbar-/d'albar-*, аз., гаг. *jalvar-*, кар. *jalbar-/jalvar-*, кирг. *ǯalbar-*, ккалп. *žalbar-*, кум., турк., тел., ног. *jalbar-*, сюг., тат., тур. *jalvar-*, тув. *čalwar-*, узб. *jaolwar-*, уйг. *jalbar-/jalbä(r)-/jalvar-*, 'умолять', 'просить'; аз., тур. *jalvar-* 'докучать'; ног., турк., башк. *jalbar-*, каз., ккалп. *žalbar-*, сюг., тат. *jalvar-*, узб. *jaolwar-*, уйг. *jalbar-/jalbä(r)-/jalvar-* 'упрашивать'; кар. *jalbar-/jalvar-*, тув. *čalwar-* 'молиться' (ЭСТЯ 1989, 92).

По Севортяну, *jalbar-/jalvar-* можно интерпретировать как редкую интенсивную форму на *-ba//-va* от производящей основы **jal-*, а афф. *-r* – один из показателей интранзитивных глаголов. Формы *jalbar* и *jalyn-* генетически связаны (ЭСТЯ 1989, 93). Сакральная семантика слова сохранилась лишь у алтайцев, телеутов, тувинцев и караимов, а в остальных современных языках оно приобрело различные профанные значения. Так, например, в казахском языке слово *жалбарын-* 'умолять, сильно упрашивать' встречается, в основном, в сказаниях и легендах и употребляется реже, чем слово *жалын-* 'умолять, упрашивать': *жаратқанға жалбарыну* – 'умолять Творца (Бога)' (КазРСл. 272).

Следует также отметить, что в большинстве языков сакральное значение имеет другое производное от *jal-* – глагол *jalyn-* (см. ниже), слово же *jalbar-*, возможно, утрачено как более древнее и имеющее нерегулярную словообразовательную структуру.

jalyn- 'умолять'. Сопоставления: бар. *jalyr-* 'просить прощения, умолять', койб. *jalyan-* 'просить, умолять'.

jalyn- 'просить, умолять': *täŋrim s[izingär]ü ötünür mẹn sizin öŋüŋüzdä jalynar mẹn uz ōtačy siz* 'о Боже, я к Тебе обращаюсь с просьбой, умоляю Тебя (букв. перед тобой). Ты искусный лекарь' (Man).

Современные словоупотребления

Алт. *jalyn-/dalyn-*, кирг. *ǯalyn-* 'обращаться с мольбою'; алт. *jalyn-/d'alyn-* 'покоряться'; бал. *žalyn-/zalyn-*, кирг. *ǯalyn-*, ккалп. *žalyn-*, тув. *čalyn-*, тат., чаг. *jalyn-*, чув. *jălăn-/julăn-* 'умолять', 'просить'; алт. *jalyn-/d'alyn-*, каз. *žalyn-*, ног., тел., башк., узб. *jalin-*, уйг. *jalyn-/jalin-/jelin-* 'умолять'; башк. *jalyn-* 'взывать'; алт. *jalyn-/d'alyn-*, тат., чаг., башк. *jalyn-*, каз. *žalyn-*, кирг. *ǯalyn-*, уйг. *jalyn-/jalin-/jelin-*, чув. *jălăn-/julăn-* 'упрашивать'; кирг. *ǯalyn-* 'умильно'; кум. *jalyn-* 'заискивать, угождать'; кум. *jalyn-*, узб. *jalin-* 'преклоняться'; кум., ног., турк. *jalyn-* 'льстить'; кирг. *ǯalyn-*, тат. *jalyn-*, чаг. *jalyn-* 'докучать'; турк. *jalyn-* 'подхалимничать'; узб. *jalin-* 'кланяться' (ЭСТЯ 1989, 107).

Сакральное значение сохранилось лишь в чувашском языке: *jălăn-* '1) молить, умолять, просить, упрашивать; 2) молиться, поклоняться': *хĕвеле йăлăн-* 'поклоняться солнцу', *туррa йăлăн-* 'молиться богу' (ЧРС 120). В остальных языках коннотация зависит от контекста, так как значения 'умолять', 'просить', 'обращаться с мольбою' и др. могут употребляться как в

отношении к богу, так и к человеку. Однако данные фразеологии современных языков позволяют отметить доминирование профанных словоупотреблений. Так, например, у киргизов *жалын-* 'обращаться с мольбой, умолять, упрашивать'. Имеет распространение следующая поговорка: *Жакшыга жаланса, – жан калат, жаманга жалынса, – бир кашык кан калат* букв. 'Умолять хорошего – душа (жизнь) сохранится, умолять дурного – ложка крови останется (он убьет)'. Существует также устойчивое выражение *саа жалынганча итке жалынам* 'чем тебя умолять, лучше пса буду упрашивать' (Юдахин 1985 I, 224). В башкирском языке *ялыныу-* 'упрашивать, умолять, обращаться с мольбой'. Бытуют следующие поговорки: *Якшыга ялынһан – малын калыр, яманга ялынһан – йэненде алыр* букв. 'Умолять хорошего (человека) – свое имущество сохранишь, умолять дурного (человека) – всю душу из тебя вытрясет'; *Ятка ялынгансы ят та янынды һэрмэ* букв. 'Чем умолять чужого человека (о помощи), оглянись вокруг (посмотри, что есть у тебя самого)' (Башкорт II, 790). У каракалпаков *жалын-* 'просить, молить, умолять, упрашивать'. *Жаўға жалынба, жанынды алады* погов. 'Не проси пощады у врага, он погубит тебя (букв. возьмет твою душу)' (ККРС 222). В карачаево-балкарском языке *джалыныў* 'мольба, заискивание' (КБРС 222).

tap- 'поклоняться'

Производные:

а) композит *tapaγ uduγ* парн. 'служение, поклонение, почитание': *gang ögüz ičintäki qum sanynča botisvt atyn ataju tapynu udunu qataγlansar ölüm künkä tęgi ataju tapaγyn uduγyn ęksütmäsär...* 'если [кто-либо] произнесет имя бодисатвы столько [раз], сколько песчинок в реке Ганг, и будет стараться почитать [его]; и если, произнося [его имя] до дня [своей] смерти, не уменьшит [рвения] в почитании [его]...' (Uig.);

б) V *tapyn-* 'поклоняться, молиться': *uzun tünlä jatma idigä tapun sęn* 'долго ночами не лежи, молись богу' (QBK);

в) композит *tapyn- jükün-* парн. 'поклоняться, почитать': *biz[iŋä] tapynγu jüküngü ęrdini berüp-ä ęrmiš biz tapynγuqa tęgimsiz ęrmiš biz bilmätin quduγqa kęmišmiš biz* 'он дал нам драгоценность, достойную поклонения, мы [же] были недостойными поклоняться [ей] и, не зная, выбросили [ее] в колодец' (Uig);

г) композит *tapyn- udun-* парн. 'поклоняться, почитать': *ada tuda boltuqta b[u] nom bitigkä tapynyp udunup vūsyn ętüzintä tutmyš kęrgäk* 'когда случаются несчастья, нужно относиться к этой формуле (букв. к этому писанию) как к святыне и держать при себе талисман' (TT);

д) S *tapyγ* 'служение, поклонение': *iki nęŋkä artuq ačyr męn bu kün / biri ol bajat tapyγ męndin qalyr* 'из-за двух вещей я чрезмерно печалюсь теперь: / первое, [что] я отступился от служения богу' (QBN);

е) композит *tapyγ- uduγ-* 'служение, поклонение, почитание': *bodistvnyŋ qalmyš söŋüklüg šaririn ididilär jyγdylar uluγ türlüg törün toγun ayγr ajaγ tapyγ uduγ qyltylar* 'они собрали оставшиеся кости (~останки) ботисатвы и в соот-

ветствии с разнообразными обычаями и законами оказали почтение [им] и совершили [обряд] поклонения' (Suv.).

В казахском языке слово *tabyn-* сохранило значения 'поклоняться, обращаться с мольбой к богу, молиться'. Существуют выражения: *qŭdajya tabynu* 'молиться богу', *pŭtqa tabynu* 'поклоняться идолам', *otqa tabynu* 'поклонение огню'. Кроме того, активно используются в речи производные слова: *tabynγyš* 'богомольный, богобоязненный'; *tabynγyštyq* 'почитание бога'.

В якутском языке *tapta-* имеет значения 'любить', 'ласкать (ребенка)', 'предпочитать, оказывать предпочтение кому-л., чему-л.' (Пек. III, 2561). Возможно, здесь имеет место влияние монгольского слова *taɣala* 'любить'.

В башкирском *табыныу* 1) 'поклоняться (богу, идолу, тотемам)'; *күп аллаға табыныу* 'язычество, многобожество'; 2) перен. 'преклоняться': *йырға табыныу-* 'сильно любить песню' (БРh. 575).

В каракалпакском языке *табыныў* – производное от *табын-*, имеющее значения 'поклонение, преклонение' и 'культ' (ККРС 608).

В карачаево-балкарском *табыныргъа* – 1) рел. 'поклоняться, почитать, служить (кому-л. как божеству)'; 2) 'креститься, молиться'; 3) перен. 'боготворить, преклоняться': *Уллу Къарачайда Джанъыз Терекге табыныб тургъандыла* (из фольк.) 'в Большом Карачае поклонялись Одинокому Дереву' (КБРС 595).

ЛЕКСИКА, ОТНОСЯЩАЯСЯ К ОБРЯДАМ ПОГРЕБЕНИЯ

joγ 'похоронная церемония'. Сопоставления: общемонг. **yoγyla-* > письм.-монг. *yoyila-* 'стенать, охать', халх.-зап. *joël-* 'стенать, охать'.

Древнейшие словоупотребления

joγ 'поминальный обряд': *toŋa tegin joγynda* 'во время поминок по Тонга-Тегину' (КТб); *bu aj toldynyŋ qyldy oγly joγy* 'этот сын Ай-Толды устроил поминки по нему' (QBK).

Производные:

а) композит *joγ basan* 'угощение на поминках' (МК);

б) S *joγčy:* композит *joγčy syγytčy* 'участники поминального обряда, плакальщики': *joγčy syγytčy qytaj tataby bodun bašlaju udar säŋün kęlti* 'в качестве плакальщиков (т.е. для выражения соболезнования на поминальном обряде) пришли кидани и татабийцы во главе с Удар-Сенгуном' (КТ);

в) V *joγla-* 'устраивать поминки, оплакивать': *küli čuryγ joγlaty będizin będizti* 'они устроили поминки по Кюли-Чуру и вырезали его изображение' (КЧ);

г) V *joγlat-* побуд. от *joγla-*: *any joγlatajyn* 'совершу-ка я поминальный обряд по ней' (Тон).

Современные словоупотребления

Каз. *žoqta-*, кирг. *žoqto-*, ккалп. *žoqla-* 'оплакивать умершего'; курдак. *iў* 'бугорок на могиле, курган'; тур.диал. *yuğ*, уйг. *jok* 'похоронная церемония'; уйг. *yoyy* 'печаль, траур' (ЭСТЯ 1989, 207).

Слово **joγ* известно было еще в греческой транскрипции VI в.: *δόγια*, свидетельствующей о существовании формы с начальным *d-*. Что касается

происхождения **joγ*, существует несколько точек зрения, отмеченных Севортяном, среди которых можно выделить следующие, наиболее вероятные: Рамстедт сближает**joγ* с монгольским междометием *jo*, *joo* 'о!, ах!' (Ram.KWb 220); Габен допускает, что **joγ* может быть отглагольным именем на *-γ* от того же корня, что *yoq* 'уничтоженный', со значением 'уничтожение' → 'пожертвование (скота)' (Gab.ImB 550). Скорее всего, *yoq* 'уничтоженный' и *joq* 'нет' гомогенны.

В турецком языке есть устаревшее слово *yuğ* со значением 'похоронная церемония' (ATS 1095).

У казахов, узбеков, киргизов до сих пор существует обычай: когда умирает кто-либо, приглашается *žoqtaušy* – исполнитель поминальной песни, обычно это женщина, профессиональная плакальщица. Каждого человека, пришедшего проститься с умершим, *žoqtaušy* встречает песней-плачем. Существуют выражения: *žoqtau küji* 'траурная мелодия', *žoqtau ajtu* 'петь поминальную песню'.

В каракалпакском языке *жокла-* 1) 'обнаруживать отсутствие чего-л., терять'; 2) 'плакать (о покойнике), оплакивать (умершего)' (ККРС 254).

oba 'курган'

Современные словоупотребления

Кар., кбалк. *oba*, алт., тел. *obō*, тув. *owā* 'куча камней'; кар. *oba* 'куча, груда; развалины'; тур.диал., кар., кбалк., каз., ног., башк. *oba* 'курганный камень'; каз., ног., башк., кирг. *oba*, тув. *owā* 'курган'; кбалк., ног. *oba* 'могила, земляное возвышение над усопшими'; ног., башк. *oba* 'холм'; ног., *oba* 'горка'; тат.диал. *uba* 'возвышенность, выпуклое место; гора'; тур.диал. *oba* 'летнее пастбище в горах, вершина'; тат., тоб., кирг., каз., ктат. *oba* 'пропасть'; кбалк. 'поодаль'; сюг. *s'ăva*, чув. *s'ăva* 'кладбище'; алт., тел. *obō*, хак. *obā*, тув., шор., кюэр., саг., койб *owā*, шор., саг., койб., кач. *oma* 'груда жертвенных камней в честь духа гор'; алт., тел. *obō*, хак. *obā* 'жертвенный курган' (ЭСТЯ 1974, 398).

Э.В.Севортян, опираясь на исследования Л.Будагова и Д.Банзарова, рассматривает *obo* как монголизм со значением 'сооруженная насыпь на холме или горе, которую по объявлению шамана духи-покровители околотка избирали местом своего пребывания'. Монгольское происхождение формы слова *oba* в тюркских языках Алтая и Сибири поддерживается также их географической локализацией. В качестве монголизма Э.В.Севортян приводит форму *obuγ-a(n)/oboo~obu/oboo* 'груда', 'куча', 'масса', 'груда/куча камней', 'специальная груда из грубых камней в функции межевого знака, вехи или монумента, где производятся религиозные церемонии в честь духа местности', 'могильный холм'. Монг. *obuγa(n)* является производным от *obui-/ovojχ* 'образовывать коническую или конусообразную кучу', 'образовывать холм, возвышение в форме конуса'. Однако Севортян считает, что нельзя оставлять без внимания то обстоятельство, что в древнейших памятниках тюркских языков отмечена форма *opa* с глухим корневым согласным *-p-*

'груда жертвенных камней' (данную форму привел Малов). Это дает иное направление для этимологических поисков (ЭСТЯ 1974, 399).

По мнению Э.В.Севортяна, чув. *с'ӑва* 'кладбище', возможно, восходит к **ӂоғаг* со значением места действия, т.е. 'могила, кладбище', производному от *ӂоға-* 'совершать похоронную церемонию'. В чувашском языке *çӑва* в одном из значений – 'кладбище, погост; могильный, кладбищенский': *çӑваа шӑтӑкĕ* 'могила, могильная яма', *çӑваана ӑсат* 'проводить, на кладбище, похоронить' (ЧРС 400).

В древности местом поклонения у монголов и тюрков было *обо (оба)*, обычно это место погребения предков. Ныне это каменные или земляные насыпи, сложенные в виде сфероида. Кучи камней с воткнутыми ветвями, на которые обычно привязывали лоскутки материи и пучки конских волос – жертвы горным духам, так как *обо* в Монголии часто располагались на высоких горных перевалах. (У казахов это делалось на наиболее памятных надгробных сооружениях – Валихан. 710.) Термин *оваа* в форме *опа* упоминался уже в древнетюркской рунической надписи, датируемой примерно VII в. (Мал.ПМК 63–68).

У тюркоязычных народов Южной Сибири также существовал обычай сооружать *оваа* – кучи из камня или веток в честь местных духов-хозяев. Культ *оваа* существовал у всех тюркских народов Саяно-Алтая, монголов и бурятов, у народов Средней Азии и Тибета.

Тувинцы около *оваа* проводили обряд, посвященный прошению благополучия для скота и удачи на охоте, и моление, связанное с посвящением отдельных видов домашних животных хозяину данной местности. Духу-хозяину горы тувинцы посвящали быка или лошадь. По мнению ученых, в конце XIX – начале XX в. «моления на *оваа* носили уже не родовой, а территориальный и административный характер. Эти моления были общими либо для целого хошуна, либо сумона, независимо от родового состава этих административных единиц. Оба эти моления проводились шаманами в их ритуальной одежде и с бубном» (Дьяк.ПОТув. 190–191). Духам-хозяевам воды тувинцы посвящали *оваа* из сухих веток, сложенных на берегах больших рек, возле переправы. Эти *оваа* сооружали в виде шалаша, куда складывали жертвы – камни, тряпки, конский волос, приносимые верующими перед началом переправы через реку (АлРФ 74).

Исследователи отмечают, что широко распространенный культ *оваа* отсутствовал в комплексе религиозных верований якутов, что, по мнению ученых, говорит в пользу гипотезы о раннем отрыве предков якутов от тюркско-монгольской группы народов Южной Сибири (до VII в.) (Ал.РФ 93). Подтверждением этой версии может являться и отсутствие в якутском языке соответствующего термина.

jyg- 'хоронить'. Сопоставления: монг. *ǰuga-*, *ǰoga-*,**ǰigu-* 'собирать'.

Древнейшие словоупотребления

jig- 'хоронить' (собств. 'собирать кости умершего').

Производное:

S *jyyynmaq* 'собрание, сонм': *bodisatvlar jyyynmaqynta ęrtiŋü ayyr ajyy qylynčyy qylmyš ęrsär* 'если бы [кто-либо] совершил чрезмерно тяжкие деяния в сонме бодисатв' (Suv.).

Современные словоупотребления

Алт., тел. *jü-* 'сберегать, бережно класть, хоронить кости умершего', 'оплакивать'; башк. *jyj-*, ком., тоб. *ji-*, саг., шор. *čyy-* 'хоронить'; башк. *jyj-*, тат. *ǰyj-*, хак. *čyy-* 'прятать'; турк., аз., уйг.диал., сюг., Лобн. *jyy-* , леб., тур. *jıǧ-* , уйг.диал., Лобн. *jyq-*, ног. *jyj-*, ком., тоб., ктат. *ji-*, уйг., сюг., сал., Лобн. *jiy-*, кар.К., кум., кбалк., бал., кирг., тат. *ǰyj-*, каз., ккалп. *žyj-*, хак., тув., тоф., шор., саг. *čyy-* 'собирать'; турк. *jyy-*, кум., каз., ккалп. *ǰyj-*, ног. *jyj-*, узб.диал. *jey-*, уйг. *jiy-* 'убирать (урожай)'; тур. *jıǧ-*, аз. *jyy-*, кум., каз., ккалп. *ǰyj-*, ног. *jyj-*, уйг., сюг., сал. *jiy-*, тур. *jıǧ-*, ккалп., кирг. *ǰyj-*, сюг. *jyy-* 'нагромождать, громоздить'; сюг. *jyy-*, кирг. *ǰyj-* 'складывать' (ЭСТЯ 1989, 271).

Г.Рамстедт сравнивал тюрк. *jyy-* с монгольским *ǰuga-*, *ǰoga-*, **ǰigu-* 'собирать'. Г.Дёрфер ставит под сомнение такое сопоставление, так как монгольскими праформами могут быть лишь формы **juya-* или *joya-* (ЭСТЯ 1989, 272).

Из перечня языков мы видим, что сакральное значение слова, отраженное в древнетюркских памятниках и являющееся первичным, сохранилось лишь у алтайцев, телеутов, башкир, крымских татар, тобольцев, сагайцев и шорцев. Но в этих же и других тюркских языках получили распространение различные профанные значения.

В башкирском литературном языке *йыйыу* употребляется в значениях 'собирать, набирать', 'убирать', 'собирать, созывать', 'собирать, накапливать': *семтемләп йыйһаң, услап ашарһың* погов. 'соберешь щепотками, будешь есть горстями' (БРһ. 240–241). Однако толковый словарь башкирского языка указывает и на употребление этого слова в значении 'хоронить умершего' (Башкорт I, 446). Диалектологический словарь башкирского языка также приводит различные варианты употребления данного слова в значении 'хоронить': *йыйыу* (караидельский говор), *йыйыштырыу* (средний говор южного диалекта), *жыйыштырыу* (айский говор) (ДСБЯ 128).

učˇ- 'умирать'

Древнейшие словоупотребления

učˇ- 'умирать' (собств. 'улетать'): *anta kesrä qaŋym qaɣan učˇdy* 'после этого мой отец-каган скончался' (МЧ); 'исчезать, уходить': *jigitlik kęčär ol tiriglik učˇar* 'молодость проходит, жизнь улетает' (QBN).

Современные словоупотребления

Алт. *učˇ-/üčˇ-*, башк. *ǔs-*, кирг., кбалк., кар.К.,Т., ктат., кум., Лобн., гаг., узб., уйг. *učˇ-*, ккалп., ног., тув. *uš-*, каз. *ǔš-*, кар.Г. *uc-*, сюг. *učˇ-/ǔčˇ-*, тат. *ǔčˇ-*, хак. *us-* 'летать'; алт. *učˇ-/üčˇ-* 'вспорхнуть'; аз. *učˇ-* 'валиться', 'обрушиваться', 'разрушаться', 'разваливаться', 'улетучиваться'; кар.К.,Т. *učˇ-* 'быстро бегать', 'обрушиваться'; башк. *ǔs-*, ног. *uš-* 'реять'; башк. *ǔs-*, ног. *uš-*, тат. *ǔčˇ-* тур., турк. *učˇ-* 'улетучиваться', 'мчаться', 'нестись (как на крыльях)';

кар.К.Т., тур., турк., ктат. *uč-*, тув. *už-*, хак. *us-* 'падать, упасть', 'полететь'; ктат., тур., турк. *uč-* 'исчезать, 'парить, 'обрушиваться; тур. *uč-* 'быть украденным', 'трепетать, дрожать (о глазах, сердце)'; 'стучать, бить (о сердце)', 'мигать, щурить'; 'колебаться, 'метаться, 'суетиться, 'валиться'; турк. *uč-* 'испаряться', 'носиться', 'качаться на качелях', 'исчезать', 'отрываться'; узб. *uč-* 'дрожать, подергиваться', 'отбиваться', 'отскакивать'; уйг. *uč-* 'увлекаться', 'устремляться' (ЭСТЯ 1974, 612).

Как видим, слово *uč-* в значении 'умирать' не сохранилось в современных тюркских языках.

Наибольший интерес вызывает слово *učmax* 'рай, эдем' (узб. *učmax*; Лобн., тар., ккирг., чаг. *učmaq*; кирг., др-уйг. *užmaq*; кар.К., казан. *učmaγ*, тат. *ožmax*, каз. *üžmaq* и др.). Одни исследователи считают, что слово *učmax* заимствовано из согдийского, другие связывают его происхождение с *uč-* 'умирать' (См. ЭСТЯ 1974, 614).

По мнению Р.Г.Ахметьянова, языческие представления о загробном воздаянии и наказании у тюрков были мало развиты. Поэтому в исконной лексике народов Поволжья не было слов со значением 'рай' и 'ад', и соответствующие понятия вместе со словами, их обозначающими, проникли из иранских языков. Слова *užmax* 'рай' и *tamuk* 'ад' были заимствованы задолго до принятия мусульманства. В фольклоре чувашей, марийцев и удмуртов эти слова употребляются достаточно широко. У татар и башкир мусульманская религия запрещала вольное обращение с понятиями 'рай' и 'ад' (Ахмет.ОЛДК 39).

В казахском языке *ұжмақ/жұмақ* 'рай' и *тамұқ* 'ад, преисподняя' активно используются в речи: *жұмаққа бару* 'попасть в рай'; *күні – ұжмақ, түні – рақат бұл Көкшенің* 'Кокше – это местность, где днем – рай, ночью – благодать'. Есть шутливая поговорка *тар жұмақтан кең тамұқартық* 'чем тесный рай, лучше просторный ад'.

syn 'могила'

Древнейшие словоупотребления

syn 'могила': *synqa kirüp kerü janmas* '[человек], войдя в могилу, обратно не возвращаются' (МК).

Современные словоупотребления

Тур.диал., чаг., тур. *sin*; як. *īn* 'могила', тур. *in*; як. *īn* 'яма','нора'.

Многие исследователи возводят *sin* 'могила' к китайскому источнику < кит. *ts'in* 'внутреннее помещение зала предков'. Дж.Клосон отклоняет эту этимологию из-за фонетических трудностей, отмечая, что в ср.-кит. это слово имело конечный *-m*, а не *-n* (ЭСТЯ 2003, 262).

В словаре Пекарского перечислены и другие значения для як. *īn* 'ров, овраг; пещера','погреб, подполье' (Пек. 938).

Возможно, с *sin* 'могила' генетически связано *syn* 'надгробный памятник'. Это значение сформировалось в составе *syntaš* 'могильный/надгробный камень': см. *syn* тур.диал. (в составе *sintaš* 'памятник'), кум. (+ *syntaš* 'намогильный/надгробный камень'), бал. (*syn taš* 'памятник'), тат., тур.,

уйг.; *хуп башк.* (+ *хуп таš* 'каменная баба') со значениями 'надгробный памятник' – кум., бал., уйг.; 'надмогильный/надгробный камень' – бал., коман., уйг., 'гробница' – бал., тур., 'каменная баба' – кирг., коман., уйг., 'статуя, болван', 'изваяние' – тат., башк., 'изображение' – бал., казан., 'идол' – бал., казан.

Слово заимствовано адыгскими языками: *сын, сыны* 'каменная плита – памятник покойному, устанавливаемый над его могилой, на месте его гибели, просто на кладбище', абазин. *син* 'надмогильный камень, памятник' (ЭСТЯ 2003, 262).

qabyrčaq 'гроб'. Сопоставления: венг. *koporsó*, кюэр. *koγur*, бур. *χūrsag*, халх. *χaircɒg*, монг. *qaγurčag/qajirčag* 'гроб'.

Древнейшие словоупотребления

1. 'ящик, сундук' (МК);
2. 'погребальные носилки, гроб' (МК).

Современные словоупотребления

Турк. *qapyrǯaq*, чаг. *koburčak/qopurǯuq*, казан. *köpörčök* 'ящик, коробочка'; тур.диал. *kapirčak/kapurčak/kabirčak/kaburčak/kapinčak* 'сундук; гроб'; алт., тел., куманд. *qajyrčaq*, саг., куманд.диал. *qārčaq*, тув., тоф. *xāršaq*, алт., тат. *qarčaq* 'ящик, сундук'; куманд.диал. *qārčaq*, тат.-чалк. *qaršaq*, як. *quorčax* 'гроб' (ЭСТЯ 1997, 276).

В ЭСТЯ как наиболее убедительная приводится версия Т.Текина, который считает, что производящей основой тюрк. *qabyrǯaq/qabyrčaq* является **qaβyr* 'кора дерева', отождествляемое с **qawuz* 'шелуха/оболочка зерна'. Также отмечается, что толкование *qaburçuq* как 'коробочка из древесной коры' важно учитывать при этимологизации слова, так как есть свидетельства о бытовании у алтайских народов «гробов» из бересты: бур.зап. *xulda:ha(n)* 'войлочный или берестяной гроб', маньчж. *absa* 'туес берестяной; лодка (долбленая, дощатая или берестяная)', монг. *absa* 'гроб' (см. там же). Монг. *qaγurčag* и *qajirčag* считается тюрк. заимствованием, так как в тюрк. языках представлены как производящие основы *qavuz, qabyz* и *qajyz, qajyr* 'кора', так и афф. *-čaq* с уменьшительным значением. Однако наблюдается и обратный процесс заимствования из монгольских языков: алт., тел., куманд. *qajirčaq*, саг., куманд.диал. *qārčaq*, тув., тоф. *xāršaq*, алт., тат. *qarčaq* 'ящик, сундук'; куманд.диал. *qārčaq*, тат.-чалк. *qaršaq*, як. *quorčax* 'гроб' (см. там же).

ЛЕКСИКА, ОТНОСЯЩАЯСЯ К МАГИЧЕСКИМ ОБРЯДАМ И КОЛДОВСТВУ

jat 'волшебство'. Сопоставления: перс. 'чародей, волшебник, колдун, маг; чары, волшебство'; монг. *ǰada*, согд. *ǰad yaδ*; авест. *yātu* 'волшебство, колдовство'; пехлев. **jaδ* 'волшебство'.

Древнейшие словоупотребления

jat 'колдовство, волшебство, связанное с вызыванием дождя и ветра' (МК).

Производные:

а) S *jatčy* 'заклинатель, волшебник': *jatčy jatlady* 'волшебник произносил заклинания [чтобы вызвать дождь]' (МК);

б) V *jatla-* 'колдовать, заклинать': *jatčy jatlady* 'волшебник произносил заклинания [чтобы вызвать дождь]' (МК); *jatlat-* побуд. от *jatla-*: *bęg jatlatty* 'бек заставлял произносить заклинания [вызывающие дождь]' (МК);

Современные словоупотребления

Алт. *jada/dada* 'магический камень', 'чудесный камень, силою которого производят снег, дождь или хорошую погоду'; аз. *ǰadu* 'колдовство, магия'; башк. *jäj* 'радуга'; гаг. *ǰady* 'колдун', 'вампир', 'колдунья', 'ведьма'; каз. *žady* 'маг, чародей'; (по старому верованию) 'болезнь из-за страстного влечения к кому-н. волшебной силы'; кирг. *ǰaj* 'камень яда', *ǰādy/ǰadu* 'зло'; кар. *žaduw/ǰadu* 'колдун', 'волшебник', 'чародей', колдунья', 'ведьма'; леб. *jada* 'магический камень'; осм. *jada* 'магический камень'; тел. *jede/jada* 'магический камень, силою которого вызывают выпадение и прекращение дождя, снега'; тув. *čat* 'магический способ вызывания дождя', тур. *jede/jada* 'магический камень', *ǰady* 'вампир', 'ведьма', 'баба-яга'; турк. *ǰādy* 'колдовство', 'волшебство', 'чародейство', 'колдун, волшебник, маг, заклинатель'; узб. *ǰa°du* 'колдовство', 'волшебство', 'чародейство', 'магия'; уйг. *jada* 'вызывание дождя магическим способом', *ǰadu* 'магия', 'заклинание', 'колдовство'; чаг. *joj/jede/jada* 'магический камень'; як. *sata* 'безоаровый камень', 'ветер, вызванный колдовством', 'причинение ветра и стужи, изменение погоды посредством колдовства' (ЭСТЯ 1989, 195).

Историю форм *jäj/jat* и *jede* изложил Г.Дёрфер и обобщил в таких схемах: I раннетюрк. **jadă* → монг. *jada*, согд. *jad*; **jadă* > др.-тюрк. *yad* > новотюрк. *yai*; монг. *jada* → тюрк. *yada*; II раннетюрк. **jadă* → монг. *jada* → тюрк. (чаг.) *yada* → перс. جادو *(yada)*. Форму *jat* < **yaδ* многие исследователи считают иран. происхождения; ее возводили сначала к авестийскому *yātu* 'колдовство', затем к пехлевийскому **jaδ* в *jāδuk*. Форма *ža:dy* является персидским заимствованием جادو 'чародей, волшебник, колдун, маг; чары, волшебство' (ЭСТЯ 1989, 195).

Одной из характерных особенностей ранних религиозных верований тюркских народов является их вера в магическую силу камня *jada*. Исследователям известно наиболее раннее письменное упоминание о таком камне в VII в. неизвестным сирийским монахом, описавшим события при патриархе Элиасе из Мерва (Ал.РФ 58). Позднее, в XI в., о вере в *jada* сообщал Махмуд Кашгарский, а в XIV в. – Рашид Эддин (Мал.ШК 152).

Как отмечает С.Е.Малов, термин *jada* (с фонетическими изменениями) заимствован из авестийского *дьата* 'волшебство', новоперсидского *jata* 'колдун', что свидетельствует о раннем влиянии Ирана на древних тюрков (Мал.ШК 154). Подтверждение этому находим и в ЭСТЯ (см. выше).

Древнетюркский словарь приводит употребление ряда производных от этого слова, что может указывать на широкое распространение данной лексемы в языке древних тюрков, так как наличие производных у заимствован-

ного слова, как правило, свидетельствует о его полной адаптации в принимающем языке. Достаточно широкое распространение имеет это слово и в современных тюркских языках (см. выше).

Из примеров ЭСТЯ видно, что в некоторых языках функционирует только одно слово, несущее в себе или одно-единственное, или несколько значений, в других языках значения разделились по разным лексемам. Следует также заметить, что значения, приводимые в словарях некоторых современных тюркских языков, в некоторой степени расходятся с данными этимологического словаря.

Так, например, в башкирском языке слово *йәй* в самостоятельном употреблении имеет уже совершенно другое значение – 'лето, летний', имеется также производное от него *йәйғор* 'радуга; радужный, многоцветный'. По всей видимости, именно к этому значению 'радужный, многоцветный' можно провести семантическую параллель со значением слова *йәй* в устойчивом сочетании *йәй ташы* – 'семицветный камень, который, согласно поверью, имеет волшебную силу, помогает вызвать дождь'.

В современном казахском языке слово *жады* также имеет несколько иные значения: 1) 'скрытая тайна, секрет'; 2) 'маг, чародей, волшебник'. У казахов есть пословица, в которой употребляется второе из приведенных значений этого слова: *Жады алдында жаныңды сақта, қамшысы тиер көзіңе, тілі тиер, өзіңе* 'Берегись чародея, ногайкой своей он может задеть твои глаза, а языком ранить твою душу'.

В древнетюркской мифологии *яда* – это магический камень, вызывающий или прекращающий непогоду. По одной из легенд, камень *яда* получил от Яфета Огуз-хан. По другой средневековой версии, предки огузов отобрали дождевые камни у животных (те держали их во рту, и прямо над ними появлялись облака). Связанный с употреблением яда сюжет нашел отражение в «Шахнаме» Фирдоуси.

Связь с животными отражена в мифологических представлениях киргизов. В киргизской доисламской религиозной традиции существовали *джайчы* – заклинатели погоды, а волшебный дар этих людей связывали с камнем *джайташ*. Согласно поверью, *джайташ* находили в желудке некоторых овец или коров, либо в результате сорокадневной молитвы с различными сложными процедурами в воде в *джайташ* превращали обыкновенный камень. Он был якобы голубого или красно-пестрого цвета. В работе некоторых исследователей упоминается, что этот камень бывает также синего, желтого, зеленого или темного цветов. Этому камню приписывалась магическая сила не только влиять на погоду, но и причинять людям вред. Считали, что в случае утери камня того, кто его первый увидит, постигнет беда, болезнь или смерть. Поэтому *джайташ* тщательно прятали, а перед смертью его обладатель сам закапывал камень в землю (Баял. 54–55).

Современный толковый словарь турецкого языка не указывает на употребление в языке значения 'магический камень' (по всей видимости, оно уже утратилось, поскольку такого употребления не припоминают и опро-

шенные нами носители языка), зато хорошо известно слово *cadı* 'ведьма, колдунья', 'старая карга, фурия', 'вампир', которое употребляется как в прямом, так и в переносном смысле.

У якутов *cama* – безоаровый камень, который находится в желудке или печени крупных млекопитающих животных (лошади, коровы, лося, оленя) или глухаря. По поверью якутов, камень этот одарен волшебной силой, и если его вынести на открытый воздух в летний день, то он может вызвать дождь, снег, бурю, а в зимний день принести тепло. Таким свойством камня пользуются те, кто просят попутного ветра, или охотники и запоздавшие весной путники, которые желали бы продолжения заморозков. Желая вызвать бурю, ненастье, камень привязывают к пруту и быстро вертят в воздухе, при этом проклинают себя и свое потомство. По внешнему виду *cama* имеет сходство с фигурой человека: нередко заметны глаза, нос, рот. Иногда фигуру представляют в виде уродливой индюшки. Камень держат завернутым в тряпку или в шкуру лисицы или белки (Пек. II 2122).

Алтайцы волшебный *дьада-таш* находили в тайге. Он мог сколько угодно вызывать дождь или снег, если его показать солнцу, а если нечаянно уронить *дьада-таш* в реку, то будет сорок дней и ночей идти снег. При помощи волшебного камня можно было якобы потушить любой пожар, поэтому камнем нужно было пользоваться очень осторожно (Ал.РФ 47–48).

Таким образом, термин *jada* хотя и не является исконно тюркским, однако безусловно относится к числу довольно ранних заимствований. Достаточно широкое распространение данного слова в языке древних тюрков, а также связанных с этим камнем обрядов и верований в очередной раз подтверждает наличие у них некой формы язычества с элементами одухотворения природы и фетишизма.

yrq 'предсказание, пророчество, гадание'. Сопоставления: монг. *iri- ~ irŭ- < iriwa < *iriwa ~ irŭwa* 'знак', 'знамение', 'предзнаменование'; кит. *ir* 'циклический знак'.

Древнейшие словоупотребления

yrq 'предсказание, пророчество, гадание': *bu yrq bašynta az ęmgäki bar* 'в начале этого гадания есть немного трудностей' (ThS); 'гадательный': *bu yrq bitig ędgü ol* 'эта гадательная книга хороша' (ThS).

Производные:

а) *yrq sač-* 'загадывать, бросать жребий': *aq taš alyp jer čizip ... yrq sačty* 'взяв белый камень и сделав черту на земле ... он бросил жребий [для предсказания судьбы]' (Hüen – ДТС 220);

б) *yrqla-* 'гадать, предсказывать судьбу, события и т.д.': *qam yrqlady* 'шаман предсказывал судьбу' (МК).

Современные словоупотребления

Кирг. *yrk* 'благоденствие, мирное существование, жизнь в согласии'; ног. *yrk* 'желание', 'настроение'; сюг. *yrk/eryk/erk/ĕrk* 'предзнаменование',

'хорошее предзнаменование', 'предсказание', 'будущее'; тур. *ırık*, *ırk/ırg* 'судьба, предначертание', 'счастье' (ЭСТЯ 1974, 665).

Yryk – отглагольное существительное на *-(ɑ)k* (*yryk* < **yr-*), гомогенное с *yrym* (*yr* + афф. *-(ɑ)m*) и *yryz/yrys* (**yr* + афф. *-(ɑ)z*), объединенными между собой основными значениями 'знак', 'примета', 'предзнаменование', 'предсказание', 'гадание', 'судьба' и т.д. Слово *yrk* в значении 'предсказание, пророчество, гадание' сохранилось лишь в турецком языке, в других современных тюркских языках это значение (или близкое к нему) передается формой *yrym*: алт. *yrym/rym*, бар., башк., ккалп., тат. *yrym*, койб., леб., шор., саг. *rym*, тел. *yrym/rym*, 'предзнаменование', 'гадание', 'предсказание'; алт. *yrym /rym*, койб., саг. *rym*, тел. *yrym/rym* 'предчувствие', 'пророчество'; башк. *yrym* 'примета', 'средство лечения'; каз. *yrym/rym* 'вера в приметы, предзнаменования', 'суеверие', 'предзнаменование'; кирг. *yrym/rym* 'худое предзнаменование', 'суеверие', 'заклинание'; ног. *yrym*, уйг., узб. *irim* 'вера в приметы, предзнаменования, заклинания', 'суеверие'; тат. *yrym* 'заклинание как лечебное средство'; тар., чаг. *irim* 'хорошее и дурное предзнаменование'; тув. *yrym* 'предчувствие'; тур. *ırım* 'знак'; чув. *ăram* 'суеверие, наговор'.

В казахском языке сохранилось *ырым* в значении 'поверье, примета, предзнаменование' и его производные: *ырымда-* 'верить в приметы, в предзнаменования'; *ырымшыл* 'верящий в приметы, в предзнаменования, почитающий обычаи предков'. Выражение *ырым-сырым* означает 1) 'всякого рода поверья и приметы; предрассудки; суеверие'; 2) 'подарки, связанные с национальным ритуалом, обычаем и традицией' (КазРСл. 992).

В башкирском языке значение 'гадание, предзнаменование', скорее всего, утратилось, но можно предположить, что ранее оно имелось у слова – об этом свидетельствует словосочетание *ырым һалыу* 'гадать на чем-либо' (наблюдаем также и фонетическое изменение); само слово *ырым* в современном языке означает 'примета' и 'средство (лечебное)' (БРһ. 785). Например, выражение *ырым әйтеү* означает 'произносить заговор с целью излечения', а *ырымдарға ышаныу* – 'верить в приметы'.

В киргизском языке *ырк* 'благоденствие, жизнь в согласии, мирное сосуществование': *ыркы кеткен айыл* 'аул, в котором нет согласия между людьми'; *ойлоп көрдум кыркыңды, оюндан бөлөт ыркыңды* фольк. 'подумал я о сорока твоих годах, разлучают они тебя с забавами' (Юдахин 1985 II, 438). В киргизском есть и слово *ырым*, имеющее следующие значения: 1) 'вера в приметы, предзнаменования'; сюда же можно отнести собирательное *ырым-жырым* 'всякого рода поверья и предрассудки, суеверия' (поговорка *ырысы жоктун ырымы куч* 'у незадачливого сильна вера в приметы'); 2) 'заклинание' (поговорка *суунун ийрими жаман, карынын ырымы жаман* 'опасен водоворот реки, опасно заклинание старухи' (Юдахин 1985 II, 439).

arva- 'колдовать, заклинать, завораживать'. Сопоставления: монг. *ab* 'волшебство', 'колдовство', 'чары'; фин. *arpa* 'инструмент для гадания', 'жребий'; венг. *orvos* 'врач'< тюрк. *arbaγ-čy* 'колдун', 'маг'.

Древнейшие словоупотребления

arva- 'произносить заклинания'.

Производные:

а) S *arvaš* 'заклинание': *qam arvaš arvady* 'шаман сотворил заклинание' (МК);

б) V *arvaš-* совм. от *arva-*: *qamlar qamuy arvašdy* 'шаманы все вместе произносили заклинания' (МК);

в) S *arvyš* 'заклинание, колдовство': *qamay butilarnyŋ qylmyš jaratmyš arvyšlaryn qylyč üzä kęsär men* 'все колдовство, которое сотворили демоны, я разрублю мечом' (Uig);

г) S *arvyščy* 'заклинатель': *anta ötrü arvyščy qara küži alyp jeti qata darni arvyš sözlämiš kęrgäk* 'после этого нужно, чтобы заклинатель взял черные курительные палочки и семь раз произнес формулу-заклинание' (ТТ);

д) Adj *arvyšlyy* 'имеющий магическую формулу; заклинательный' (Uig).

Современные словоупотребления

Башк., кирг., ккалп., хак. *arba-*, сюг. *arva-*, уйг. *arba-/arva-*, 'завораживать', 'заколдовывать', 'заклинать'; каз. *arba-* 'соблазнять, пускать в ход обман', 'энергично действовать, чтобы переманить кого-либо на свою сторону'; каз., кирг. *arba-* 'уговаривать', 'льстить', 'обманывать', 'надувать'; сюг. *arva-* 'нашептывать', 'читать заговор'; тат. *arba-* 'заговаривать', 'внушать'; тел. *arba-* 'бранить', 'выражать недовольство кому-либо'; тур. *arpağ* 'колдовство', 'мастерство', 'заклинание'; уйг. *arbay* 'заклинание', 'магическая формула'; хак. *arba-* 'уговаривать/убеждать'; 'давать совет (в северо-восточных языках)'; 'предсказывать'; як. *arbă-* 'напрасно (ложно) хвалить', 'преувеличивать' (ЭСТЯ 1974, 168).

По Севортяну, слово *arba-* восходит к имени *ap* или **ab* (например, в якутском *ap* 'волшебство, волхвование, колдовство, чародейство, магия, прельщение') ~ *apra-/abra-*, затем метатеза, характерная для многих тюркских языков, *arpa-/arba-*.

В якутском языке *арбă-* имеет и другие значения: 1) 'отказывать по к.-л. случаю злым духам скотину при участии шамана'; 2) 'о шамане: внедрять чем-л. болезнь в жертвенную скотину, которая затем живьем отпускается на волю и может быть употреблена в пищу лишь после того, как над ней священник отслужит молебен' (Пек. I, 139).

В казахском языке *арба-* означает также (кроме значения, отмеченного в ЭСТЯ) 'завораживать, заколдовывать; заклинать': *жыланша арбау* 'завораживать, как змея; околдовывать'. Производное слово *арбаушы* 'заклинатель, колдун, чародей' с переносным значением 'искуситель' часто функционирует в народных сказках.

В башкирском языке есть глагол *арбау*, имеющий прямое значение 'заколдовывать, заговаривать, заклинать' и переносное 'завораживать, привораживать, очаровывать, пленять'. Существует и производное от него *арбаусы* 'ворожей, гадалка' и 'знахарь, лекарь'. В башкирском фольклоре приводится народная примета: *Тузбаш йылан тешләһә, арбап була, әбилдендәп тешләһә, яман була* букв. 'Укус ужа поддается лечению заговором, а укус кобры – нет'.

В турецком языке есть устаревшее слово *arpağ(-ğı)* ‘заклинание, колдовство’, а также производное от него *arpağcı* ‘шаман, знахарь, колдун; волшебник’ (БТРС 64).

В киргизском наряду со словом *арба-* ‘завораживать, заколдовывать, заклинать’. употребляется также производное от него *арбак*, одним из значений которого является ‘духи святых или чтимых предков’ (которые должны помогать призывающим или карать врагов): *асыл Бакай койкашка, арбагы жандан бир башка* фольк. ‘благородный знаменитый Бакай – дух его отличен от (духа других) людей’. Существует ряд устойчивых выражений: *арбакка сыйын-* этн. ‘вверять себя духам предков (прибегать к их помощи)’; *ата-бабаңдын арбагы консун!* ‘желаю тебе удачи (букв. да снизойдет на тебя дух твоих предков!)’; *арбак урган (соккон, аткан, баскан)* ‘проклятый (букв. наказанный духом предка)’; *арбактан кутул-* ‘очиститься перед духом предков (выполнив определенное обещание, принеся жертву и т.д.)’; *арбактын алдынан өт* ‘испросить соизволение духа предков’; *арбакты аттап өт-* ‘не посчитаться с духом предков (букв. перешагнуть дух предков)’; *арбакка кой-* ‘воззвать к духу предков, призвать его в качестве «судьи» (пусть он рассудит, покарает и т.п.)’ (Юдахин 1985 I, 65).

jelvi ‘колдовство’. Сопоставления: монг. *cilbi/cilvi*; бур. *жэлбэн* ‘чары, волшебство’.

Древнейшие словоупотребления

jelvi ‘волшебство, колдовство’: *nęčä jelvi jelvilädimiz ęrsär* ‘если мы сколько-нибудь занимались волшебством’ (Chuast).

Производные:

а) композит *jelvi arvyš* ‘волшебство’: *bū jer üzä nęn anday tęv kür jęlvi arvyš joq kim ol umasar* ‘в этом мире (букв. на этой земле) не было такой хитрости и волшебства, к которому он был бы неспособен’ (Man);

б) S *jelviči* ‘волшебник, колдун’ (МК): *jelviči er* ‘мужчина волшебник’ (Suv.);

в) композит *jelvik- ayuq-* ‘испытывать действие чар’: *jelvikip ayuqup ölürgäli saqynsar* ‘если [кто-либо], испытывая действие чар, задумает убивать [живые существа]’ (Kuan);

г) S *jelvikmäk* ‘обольщение; подверженность воздействию чар’: *jelvikmäkig ...ketärdäči* ‘устраняющий...подверженность воздействию чар’ (Suv.);

д) V *jelvilä-* ‘заниматься волшебством, подвергать воздействию чар’: *nęčä jelvi jelvilädimiz ęrsär* ‘если мы сколько-нибудь занимались волшебством’ (Chuast);

е) Adj *jelvin* ‘обладающий чарами, волшебный’: *jęlviŋ anyn közi / jęlkin anyŋ özi* ‘глаза у него волшебные (букв. порхающие)/ а душа – странница’ (МК);

ж) композит *jęlvin tut-* ‘зачаровывать’: *jęlvin tutar közkijä* ‘глаза, которые зачаровывают’ (МК).

Современные словоупотребления

Алт. *d´ilbi* ‘увлечение’; алт. *ilbi*, тел. *jilbi* ‘колдовство’, ‘чары’; тел. *jilbi*, шор. *čilbi* ‘обольщение’, ‘соблазн’; тел. *jilbi*, тув., шор. *čilbi* ‘жадность’; тел.

ilbi ‘сила, которая действует в лекарстве, в молитве’; тув. *čilbi* ‘прожорливый’; тув. *ilbi* ‘фокус’, ‘волшебство’; алт. *d´ilbi*, тел. *jilbi*, шор. *čilbi* ‘страсть’; як. *ilbis* ‘дух кровожадности’ (ЭСТЯ 1989, 202).

По Севортяну, слово *jelvi* имеет два источника: ранний – общий для тюркских и монгольских языков (в письменно-монгольском языке отмечены фонетические варианты *ilbi, ilbe, jilbi, jelbi, jilvi*), откуда позже попало в старописьменный тюрк. и монг. памятники, и поздний источник – монгольские языки, откуда слово получило распространение в тюркских языках Сибири (ЭСТЯ 1989, 202).

Ілбіс кыса у якутов – богиня войны, дух насильственной смерти (убийства и самоубийства), к которому обращались в старину о ниспослании мужества в борьбе с врагами и победы над ними. Перед выступлением в поход луки и стрелы раскладывались на поле, и прибывший шаман, силою заклинаний своих, низводил на них соответствующих духов (Пек. I, 917). *Ілбіс кыса* была дочерью Илбис хаана – божества войны, духа кровожадности, кровопролития – у него был и сын *Осол уола. Илбис хаану* и его детям приносили человеческие жертвы: *болō мӯс сӱрäххін Ілбіс кыргыттарыгар ӱс аҕас балыс Хāн Быланҷыаі обургуларга аjах тутуом* ‘твое ледяное громадное сердце поднесу, вместо кубка, девам насильственной смерти – трем сестрам Хан Быланҷыаі-удалым’ (Пек. I, 917). Мифы о них широко использовались в героическом эпосе.

Скорее всего, параллельно употребляемые в языках словоформы *arba-* и *jilbi-* имеют некоторую семантическую дифференциацию по признаку, условно обозначаемому «белая»/«черная» магия: семантическое поле слова *arba-* имеет в большей степени положительную коннотацию (‘волшебство, волхвование, чародейство’, ‘знахарство, лечение заговором, врачевание’), следовательно, может быть отнесено к терминологии, связанной с «белой» магией, тогда как семантическое поле слова *jilbi-* имеет отрицательную коннотацию, подразумевающую нанесение вреда кому-либо (‘колдовство, обольщение, подверженность воздействию чар, соблазн’) и, соответственно, может быть условно причислено к терминам «черной» магии.

Кроме того, в современных языках наряду с выше приведенными исконными словами употребляется заимствованное из персидского **ovsun* ‘заклинание’: аз. *ovsun* ‘заклинание, волшебство, заговор, чародейство, колдовство’; алт. *obyzyn* ‘фокус, превращение, способность превращаться’; тув. *ovuzin* ‘хитрость, лукавство, коварство, плутовство, вкрадчивость’. В казахском языке *abyz* в значении ‘жрец’ является устаревшим, но активно используется в значениях ‘предсказатель, мудрец’: *syrty abyz, iši ǯelyabyz adam* ‘с виду мудрец, изнутри (т.е. по существу) – пустозвон’.

bögü/bükü ‘волшебство’. Сопоставления: монг. *böge* ‘шаман’; венг. *bű* ‘магия’.

Древнейшие словоупотребления

bögü/bükü ‘мудрый, мудрец’: *asyylyy qaju ol asyysyz qaju / sẹn adra sẹčä tut aj bilgä bögü* ‘эй, мудрец, ты лучше выбирай, / кто полезен, кто бесполезен’ (QBK).

Производные:

а) композит *bögü bilgä* 'мудрый, мудрец' (МК);

б) композит *bögü biliglig* 'обладающий мудростью, мудрым знанием': *on küčlüg bögü biliglig uγan arzylar* 'десятисильные, обладающие мудрым знанием боги-отшельники' (SA);

в) композит *bögün kęligin toγmaq* 'перерождение': *anta jęmä linχuanyŋ özänintinök bögün kęligin toγmaqy bolur* 'потом он переродится из сердцевины лотоса' (Uig);

г) S *bögülänmäk* 'познание, постижение': *alty türlüg bögülänmäk ędrämkä tydyγsyz ęrklig boltylar* 'они беспрепятственно стали властителями добродетели шести различных познаний' (Suv.);

д) Adj *bögülüg* 'мудрый, обладающий знанием': *beš türlüg bögülüg ędräm* 'пять различных мудрых добродетелей' (Suv.);

е) V *bögün-* 'уразумевать': *ürlügsüz nomlaryγ bögünüp* 'постигнув преходящие учения' (TT).

Современные словоупотребления

Гаг. *bū*, тур. *bükü/bügü/büjü*, осм. *büi*, чаг. *bügi* 'волшебство', 'чародейство', 'колдовство'; гаг. *bū* 'наговор' (ЭСТЯ 1978, 293).

В древнетюркских памятниках отмечены два варианта слова – *bögü/ bükü*. Надо полагать, фонетическая вариативность отражает диалектное членение пратюркского языка.

Что касается этимологии данного слова, то она не совсем ясна. Г.Рамстедт связывает тюркское *bögü* (в предложенном ими прочтении *bügü*) с монгольским *böge* в значении 'шаман' (Ram.KWb 56, VGAS 60). С.Тезкан предлагает прочтение *bögü* как *bügü*, а также *bögün-* как *bügün-* и предположительно возводит эти слова к основе **büg-*. Однако Э.В.Севортян считает, что это слово этимологически восходит к глагольному корню **bük-* или **bök-* в сочетании с суффиксом существительного *-y*, и такие слова, как *bögüs-* и *bügüs-* в значении 'мудрец', а также *bögün-* 'знать' (< **bög-ün-*) произошли от одной основы. Севортян также рассматривал в качестве основы формы анатолийского диалекта *bü*, *büg* 'колдовство, волшебство' (ЭСТЯ 1978, 294). Несмотря на существующие различные варианты прочтения данного слова, в Древнетюркском словаре зафиксирована форма *bögü*, впервые предложенная С.Е.Маловым (Choi 84).

Существует мнение о том, что слово *bögü* было заимствовано из китайского вместе с глаголом **bög-* 'думать' примерно в одно и то же время, до V в., в первоначальном значении 'толкование, предсказание'. Позднее, с появлением у тюркоязычных племен социальных классов и государственности, слово приобрело значение 'мудрец, колдун', а затем, начиная с VII в., было принято и употреблялось как обозначение титула правителя. Используя *bögü* в его более позднем значении 'мудрец, колдун', тюрки, которые, по всей вероятности, знали о китайском происхождении данного слова, стали отождествлять его с исконно тюркским *bilge* (производным от *bil-* 'знать') и начали употреблять свое слово наряду с заимствованным. Инте-

ресно отметить тот факт, что в то время как Илтериш Каган присвоил своему старшему сыну имя *bilge* в качестве официального титула, его брат Капаган Каган дал своему старшему сыну имя иноязычного происхождения *bögü*, которое к тому времени уже функционировало в идентичном значении среди тюркоязычных племен (Choi 85).

Б.И.Татаринцев отмечает в тувинском языке слово *бук* в значении 'злой дух, бес, дьявол, нечистая сила'. Источником его явились, возможно, восточномонгольские языки: ср. письм.-монг. *buy*, монг. *bug* 'демон, вампир; злой дух, дьявол, черт', бурят. *bug* 'злой дух' (Тат.ЭСТуЯ 290).

tüš 'сон'. Сопостав. маньчж. *tolgi-* 'видеть во сне'.

Древнейшие словоупотребления

tüš 'сновидение, сон; грезы' (МК): *bu tüš teg azundyn özüŋ terk kečär* 'подобно этому сновидению ты сам быстро уйдешь из [этого] мира' (QBN); *ujqudun soŋ tüštä körgänin oγuz qaγanqa biltürdi* 'после сна он поведал Огузкагану о том, что видел во сне (~ о сновидениях)' (ЛОК).

Производное:

S *tüšimäl* 'прорицатель, толкователь снов' (ЛОК).

Современные словоупотребления

Алт. *tüš/tõš/tüs*, ктат., тур., аз. *düš/tüš*, башк. *tŭš*, кар.Т., кум., Лобн., ног., тар., чаг., шор., уйг., тел., бал. *tüš*, осм., тув. *ḍüš*, гаг. *düš*, ккалп., койб., саг., хак., каз. *tüs*, тат. *tŭš* , караг. *tüis*, кар.Г. *tiš/tis*, кач., кирг. *tüš/tüs*, узб. *tŭš*, як. *tŭl* 'сон' 'сновидение'; алт. *tüš/tõš/tüs*, гаг. *düš* 'мечта'; як. *tŭl* 'грезы'.

Э.В.Севортян представляет архетип рассматриваемой основы в виде **tŭš΄ ~ *tŭl*. А.М.Щербак восстанавливает его в виде **tŭš* 'сон, сновидение'. Интересна версия В.Банга, представляющего форму *тγл* (чередование *ш~л*) в виде **tü-l* и соответственно **tü-š*, полагая, что *l* и *š* – словообразовательные форманты при глагольной основе **tü-* (ЭСТЯ 1980, 323).

В башкирском *төш* 'сон, сновидение'; *төш юрау* 'толковать, истолковывать сон', *төш юрау китабы* 'сонник' (БРh. 634). Широко употребляется поговорка *тауык төшөнә тары инэ* 'курице снится просо'.

В турецком *düş* 'сон, сновидение' (*düş yormak* 'разгадывать сон') и переносное 'воображение, фантазия; грезы' (*düş görmek* 'видеть сон' и 'грезить, мечтать') (БРТС 255).

В казахском языке есть словосочетание *тус жорушы* 'толкователь снов': *түсімді жоры!* 'отгадай мой сон!'.

jor-/*jör- 'толковать сон'. Сопоставления: письм.-монг. *irua* 'плохое предзнаменование'; калм. *jor* 'предрассудок, суеверие, поверье, примета'; бур. *joro* 'плохое знамение, дурное предзнаменование'.

Древнейшие словоупотребления

jor-/jör- 'объяснять, толковать': *tüš jordy* 'он толковал сны' (МК).

Производные:

а) *joryučy:* композит *tüš joryučy* 'толкователь снов': *tüšüg ędgü jorsa bu tüš joryučy* 'если этот толкователь снов будет хорошо объяснять сны' (QBN);

б) S *jörüg* ‘толкование, объяснение, значение’: *söz jörügi* ‘толкование сна’ (МК); *kečägi tüšüŋkä jörügi aδyn* ‘вечернему твоему сну толкование иное’ (QBN – ДТС, 274, 276).

Современные словоупотребления

Аз. *jor-*, тат., башк. *jura-*, кирг. *ǯoro-/ǯoru-*, тур. *jor-/jora-/joj-*, турк. *jor-*, узб. *jor-/jory-/joj-/ǯoj-*, уйг. *jor-/ǯoru-* ‘толковать сон’; аз. *jor-/joz-* ‘истолковать, растолковать по-своему’; каз. *žor-*, кирг. *ǯoro-/ǯoru-*, ккалп. *žory-*, ног. *jory-* ‘толковать что-н.’, ‘предполагать’; кар. *jor-/jora-* ‘объяснять значение’, ‘отгадывать’, ‘объяснять, предсказывать смысл, значение сна’; кирг. *ǯoro-/ǯoru-* ‘предназначать, предопределять’; ккалп. *žory-*, кум. *jora-*, ног. *jory-*, тат. *jura-*, турк. *jor-* ‘предсказывать, предугадывать’; кум. *jora-*, тат. *jura-* ‘прочить’; кум. *jora-* ‘предполагать, допускать’, ‘пожелать’; тур. *jor-/jora-/joj-* ‘комментировать’, ‘объяснять, толковать смысл, связывая с какой-то причиной, принимая в расчет намеки’; турк. *jor-* ‘гадать’, ‘ворожить’; тур. *jor-/jora-/joj-*, узб. *jor-/jory-/joj-/ǯoj-*, уйг. *jor-/jör-/ǯoru-* ‘толковать что-л.’; як. *süör-* ‘развязывать, отвязывать, улаживать споры’ (ЭСТЯ 1989, 223).

В древнетюркских памятниках отражены две фонетические формы – *jor-/jör-*, что говорит о существовании диалектов в пратюркском языке. С.Калужинский полагает, что древнейшим значением слова *jor-/jör-* является ‘развязывать, отвязывать’, из которого развились метафорические значения ‘толковать сон, объяснять’ (Kał.JW 189). Э.В.Севортян считает, что для таких значений, как ‘предназначать, предопределять, предполагать’, отмеченных в каз., кирг. и др. языках, в качестве источника можно допустить семантику монг. глагола *ǯori-* ‘стараться, имея план...’. Форманты *-a, -y/-u*, скорее всего, являются «расширителями», возникшими при членении производных основ (ЭСТЯ 1989, 223).

Интересно с точки зрения семантики и структуры производное имя с афф. *-a*: тур., аз., кар. *jora*; кирг. *ǯoro*; каз. *žora* со значениями ‘толкование, смысл, содержание, разгадка сна’ – кар.; ‘примета, предзнаменование, признак’ – кирг.; ‘примета’ – аз. Рясянен отождествляет тюрк. *jora* с письм.-монг. *irua* ‘плохое предзнаменование’. Но эта версия нуждается в дополнительном фонетическом обосновании. Севортян считает, что тюрк. *jora* следует соотносить с данными живых монгольских языков: калм. *jor* ‘предрассудок, суеверие, поверье, примета’; бур. *joro* ‘плохое знамение, дурное предзнаменование’ (ЭСТЯ 1989, 223).

В казахском языке сохранились оба слова: *жоры-* ‘толковать, истолковывать по-своему, предсказывать’ (*жақсылыққа жоры* ‘истолковывать в добром смысле’, *түс жоры-* ‘истолковывать сны’); *жора* имеет значения 1) ‘обычай, традиция’ (*ата-баба жоралары* ‘обычаи предков’); 2) ‘предзнаменование, примета, знамение’ (*бұл бір жақсы жора екен* ‘это хорошая примета’) (КазРСл. 312).

В башкирском *юрау* ‘толковать, предсказывать, истолковывать, разгадывать, трактовать’: *төш юрау* ‘толковать сон’; *төш юрау китабы* ‘сонник’; *юраусы* ‘толкователь, предсказатель’ (БРh. 828).

В киргизском *жору* 1) 'толковать, истолковывать': *түш жору* 'толковать сон', а также *перен.* 'разбираться в чем-л. до тонкостей'; 2) 'предполагать, говорить предположительно' (Юдахин 1985 I, 262).

В турецком *yormak* 'приписывать чему-л., истолковывать в каком-л. смысле, относить за счет чего-л.': *hayra yormak* 'истолковывать в хорошем смысле, относить к доброму'; *yorma* 'объяснение, истолкование, толкование (снов и т.п.)' (ТурРС 932).

В уйгурском языке *җорумақ* 'толковать (сон)', *җоруп бәрмәк* 'истолковать (сон)' (УРСл. 269).

В карачаево-балкарском языке *джора* 1) 'предположение, предрекание, предписание; знак, знамение'; 2) 'доля, судьба': *аман джора* 'плохая судьба' (КБРС 253).

qam 'шаман'

Древнейшие словоупотребления

qam 'шаман; врачеватель, исцелитель; прорицатель, предсказатель; заклинатель, кудесник, чародей, маг, волшебник; колдун': *qam yrqlady* 'шаман предсказал судьбу' (МК); *jękkä ičkäkkä qamqa tapuyčy tynlyylar üküš täŋrim* 'о боже, [на свете] много живых существ, поклоняющихся демонам, вампирам и колдунам' (ТТ).

Производное:

V *qamla-* 'камлать, совершать шаманские обряды': *ęr abqa barmyš taγda qamlamyš täŋridä ęrklig ter anča biliŋlär jabyz ol* 'мужчина пошел на охоту, в лесу он камлал, говоря, что он сильнее богов; так знайте: [это] плохо'(ThS).

Современные словоупотребления

Тур., сюг., алт., тел., леб., шор., саг., койб., кач., кюэр., сой., коман., др.-уйг. *qam*, хак., хак.диал., тув., тоф. *xam* 'шаман'; кар.Т.,Г. *kam* 'колдун', 'волхв'; тоф. *xam* 'жрец, ворожей' и др. (ЭСТЯ 1997, 240).

Слово *kam* тунгусского происхождения, но относится к числу ранних заимствований. *Kam* – главнейший носитель древней патриархально-родовой идеологии. Появление его относится к глубокой древности и по своему происхождению связано с анимистическим воззрением на природу. Слово *kam* означает человека, производящего экстатические ритуалы. *Kam*, или шаман (как стали называть его в XIX в.), у различных народов назывался по-разному: у остяков – *tadыb*, у сибирских народов – *sam*, у тюркских – *kam*, *bakši* и *baks* (Валихан. 710).

Душа кама, по воззрениям тувинцев, находится в его культовых атрибутах: бубне (*dungur*), зеркале (*kuzungu*), ритуальном плаще, гадальных камешках (*хуванак*) и др. Если кам каким-то образом теряет их, то может заболеть и даже умереть (Март-оол 34). Кам произносил *qovuz/qovuč* 'слово, произносимое для изгнания злого духа': *jęl qovuz bitigi* 'бумага с заклинанием для изгнания духа' (МК).

По данным исследователей религиозных верований тюркоязычных народов Сибири, человек, прежде чем стать камом, обязательно заболевал определенным видом психического недуга. «Шаманский» характер болезни

определяли опытные шаманы и люди, сведущие в религиозной жизни этноса. Болезнь эта считалась наследственной и передавалась потомкам как по отцовской, так и по материнской линии. Согласно поверьям, болезнь прекращалась, если заболевший соглашался стать шаманом и проходил определенный обряд посвящения. Однако исследователи отмечают, что у якутов, алтайцев, качинцев и тофаларов зафиксированы сообщения о том, что приступы болезни случались и у действующих шаманов (Ал.ТРС 163). Причины такого психического расстройства у камов понимались по-разному. Якуты, например, полагали, что припадки случались из-за отсутствия у человека его *кут*, которую будто бы уносили духи-*абаасы* нижнего или верхнего мира для «воспитания». Алтайцы, хакасы, шорцы, тувинцы и тофалары считали, что приступы болезни происходят в моменты, когда к будущему каму приходят духи и, добиваясь согласия своего избранника, начинают его мучить. Как отмечает Н.А.Алексеев, «отличие якутских представлений о "шаманской болезни" от поверий южно-сибирских тюрок, возможно, результат взаимодействия тюрко-монголоязычных племен с северными этносами» (Ал.ТРС 163–164). Однако главным и общим для всех тюркоязычных народов Сибири является то, что болезнь будущего кама признавалась как доказательство его прямой связи со сверхъестественными существами. После согласия стать камом человек будто бы обретал способность видеть духов, договариваться с ними, посещать их миры и призывать их к себе – в то место, где проводится камлание.

Начальная часть обряда камлания в большинстве случаев очень похожа. Помощники кама заранее готовили все необходимое для совершения обряда: жертвы духам, бубен и подстилку для сидения. Вначале камы просили помощи и благословения у местных духов-хозяев: духа огня, духа-хозяина местности, духов-покровителей семьи. Затем, если камлание проводилось для лечения больного, «выясняли» причину болезни. Сложность ритуала лечения зависела от силы того духа, который, якобы, вселился в больного и похитил его *кут*. При небольшом недомогании, причиненным «мелким» злым духом, шаманы ограничивались чтением заклинаний и незначительными подарками и угощениями. При тяжелых заболеваниях «проводилось полное камлание, длившееся всю ночь напролет и представлявшее собой сложную многоактную мистерию, в которой шаман благодаря помощи духов-покровителей "ловил" злого духа, совершал "путешествия" в миры, где обитали сверхъестественные существа, "платил" за возврат здоровья и благополучия» (Ал.ТРС 201). При совершении жертвоприношения тюрки Сибири убивали скотину, «не выпуская из нее душу», так как ее надо было «поймать» и «отвести» в страну, откуда якобы прибыл дух, причинивший несчастье. Камлание завершалось «роспуском» духов-помощников и гаданием о результате обряда.

Тексты шаманских заклинаний, многие из которых являются прекрасными поэтическими произведениями, в большинстве своем восхваляют могущество духов-покровителей, описывают сложные препятствия на пути к ду-

хам и нелегкую борьбу шамана во имя спасения и защиты людей. Шаманы, по всей видимости, и сами верили в существование различных божеств и духов. При совершении обряда камлания они часто впадали в состояние транса, находясь в котором и «входили в контакты» с невидимыми существами и «посещали» места их обитания. Специалисты отмечают, что «для них камлание нередко было управляемым нервно-психическим припадком. Общение с духами во время обрядов являлось для самого шамана определенной психоневротической разрядкой, позволявшей ему облегчить свой недуг» (Ал.ТРС 202).

В целом, у всех тюркоязычных народов шаманы в XIX–XX вв. занимали заметное положение в обществе. Они лечили больных, совершали главные ритуалы ранее самостоятельных культов духов-покровителей рода, промыслового и погребального. У древних тюрков существовала вера в способность этих людей, якобы наделенных сверхъестественными свойствами, насылать болезнь или даже смерть на неугодных им людей.

Вот какое определение камам дает Ч.Ч.Валиханов в своей работе «Следы шаманства у киргизов»: «Шаманы почитались как люди, покровительствуемые небом и духами. Шаман – человек, одаренный волшебством и знанием, он выше других, он поэт, музыкант, прорицатель и вместе с тем врач. Киргизы шамана называют *бахши*, что по-монгольски значит 'учитель', уйгуры *бахшами* называют своих грамотников, туркмены этим именем зовут своих певцов. Команы называли шамана *кам*, так называют его и теперь и сибирские татары» (Валихан. 473). Ученый отмечает, что «все шаманские обряды, понятия, легенды, столь тесно соединенные с бытом кочевым, сохранились у киргизов в совершенной целости и представляют богатый материал для исследования среднеазиатских древностей» (Валихан. 470–471).

О наличии подобного рода обрядов у башкир свидетельствуют данные об институте языческого жречества у древних башкирских племен. Ученые-этнографы пишут о существовании у башкир обширного слоя колдунов (*сихырсы*), умеющих читать прошлое и предсказывать будущее по специальным «черным книгам» (*кара китап*). Колдуны продавали за эти книги свои души, внушая тем самым соплеменникам «священный» ужас. Предполагается, что это были древние лекари-знахари, владеющие элементами гипноза и биоэнергетики. Меньшей популярностью пользовались обычные гадатели (*бағаусы*), предсказывающие по родниковой воде, стружкам в водоемах, клубкам ниток, огню и бересте, 41 желудю и т. п. Третьей, узкоспециальной категорией языческого жречества, были так называемые бесогонители (*шайтан күрәзәсе*). Должность эта передавалась по наследству и требовала недюжинной физической подготовки. Изгнание бесов длилось иногда по 4–6 часов, изматывая и одержимого, и целителя. Бесогонители обладали даром «распознавать духов» в любом обличье, что повышало их влияние в башкирских племенах и внушало соплеменникам определенную степень боязни перед ними (Бенин 71). Следует заметить, что шаманами эти люди не называются, хотя описание обряда изгнания бесов очень похоже на исполнение выше-

упомянутого обряда камлания у тюрков Южной Сибири. Кроме того, возможность проведения такой параллели подтверждают и данные языка: в башкирском языке сохранилось слово *кам* 'человек, исполняющий языческие религиозные обряды, знахарь, заклинатель болезней' (Башкорт 624, перевод наш).

В казахском языке эквивалентом слова *шаман* является *бақсы* (китайское слово *боши* со значением 'учитель, наставник': *sözči baqšy ata qaŋ* 'красноречивый наставник и отец' (Suv. – ДТС 82), означающее 'шаман, знахарь'. Слово используется во многих поговорках: *жынынан айрылған бақсыдай* 'смиренно' (букв. 'как баксы, покинутый духами'); *жыны буған бақсыдай* 'очень возбужденно' (букв. 'как баксы, которого душат духи'); *жынын шақырған бақсыдай* 'исступленно' (букв. 'как баксы, вызывающий своих духов') (КазРСл 116).

***tüŋür** 'шаманский бубен'

Общеизвестными атрибутами шаманов являются *düngür* – бубен и костюм, которые шаман получал во время обряда посвящения. Как отмечает Н.А.Алексеев, изготовление шаманского бубна и костюма сопровождалось целым рядом обрядов, проводимых другим опытным шаманом. Для изготовления бубна шаман прежде всего должен был найти «предназначенное ему дерево». Найдя его, он надевал на него свой костюм и привязывал веревкой. Здесь шаман закалывал скотину и около дерева кропил кровью и водкой, после чего читал определенные заклинания. Только после всего этого он откалывал нужный кусок дерева.

Бубен якутского шамана относится к так называемому эвенкийскому типу и состоит из обечайки, обтянутой с одной стороны коровьей или телячьей кожей, имеет пять или более «рогов» – резонаторов, помещаемых между обечайкой и покрышкой бубна. Поверх резонаторов натягивались струны из жил. Истинное назначение их было в усилении звука, извлекаемого из бубна. Количество таких «рогов» зависит от «силы» шамана. Колотушки для бубна делались обычно из дерева или из рога лося или оленя в виде узкой, слегка изогнутой лопаточки с короткой ручкой для держания. Выгнутая ударная сторона колотушки обтягивалась куском шкуры шерстью наружу. Ручка иногда вырезалась в виде головы зверя, а на тыльной стороне некоторых колотушек также имелось изображение зверей и птиц (Ал.ТР 143–144).

Вот описание *түҥүр/дүҥүр* ЭКПекарского: у якутов *түлăх түҥүр* 'бубен с конскими волосами, бубен белого шамана', имеющий яйцевидную форму, с железной крестовиной (*быарык* 'рукоятка шаманского бубна, в виде железного круга с поперечинами или креста', за которую шаман и держит бубен во время мистерий) на внутренней стороне, увешивается колокольчиками и побрякушками (*арык* 'кольцеобразная медная погремушка'). В якутских сказках говорится, что шаман бил в *дүҥүр* металлической лопаткой, одновременно перебирая пальцами натянутые на нем струны (Пек. I, 758). В старину у якутов бубен обтягивали *табык*-ом 'высушенной конской кожей'. (Человек, сделавший чучело из кожи лошади пегой масти, просил девять (или

семь) шаманов отправить *табык* духам в качестве жертвы, затем высушивал кожу и бил по ней, – получались громкие звуки, раскатывавшиеся эхом по вершинам деревьев. Чучело устанавливали на возвышенном месте, на кургане, на выступе горы. Говорят, что если кто-нибудь из потомков человека, распорядившегося установить *табык*, должен умереть, то *табык* начнет издавать звуки). *Kälmägäi хоро табык* 'кривой хоринский бубен'; звуки такого бубна предвещали смерть именитого человека (Пек. III, 2513).

Бубен, согласно представлениям тюрков Южной Сибири, являлся символическим изображением коня, на котором шаман спускался в нижний мир, а колотушка считалась плетью или кнутом шамана. После изготовления бубна совершался специальный обряд «оживления» бубна. В литературе имеется единственное описание этого обряда, представляющее собой литературный перевод текста заклинания этого обряда.

Н.А.Алексеев отмечает также, что «якуты, алтайцы и урянхайцы называли бубен одинаково – *düngür* или *tüngür*, в то время как шаманский костюм называли по-разному. Этот факт, видимо, свидетельствует о более древнем бытовании у этих народов бубна» (Ал.ТР 145).

У тувинцев *дунгур* – ритуальный атрибут, с помощью которого шаман вызывает духов-помощников, очищает организм больного, вызывает его душу. Звуки дунгура очищают путь шамана в страну духов для общения с ними.

Обязательным атрибутом каждого шамана являлось *кузунгу* «шаманское зеркало». С его помощью шаман успешно осуществлял лечение или предсказательное гадание.

qarγa- 'проклинать, ругать'. Сопоставления: монг. *qarija-* 'ругать, бранить, проклинать'.

Древнейшие словоупотребления

qarγa- 'проклинать, ругать': *täŋri any qarγady* 'бог проклял его' (МК).

Производные:

а) V *qarγal-* страд. от *qarγa-*: *jęk qarγaldy* 'злой дух был проклят' (МК); *qarγan-* возвр. от *qarγa-*: *ęr özin qarγandy* 'мужчина проклинал себя' (МК); *qarγaš-* совм. от *qarγa-*: *olar ekki qarγašdy* 'они прокляли друг друга' (МК); *qarγat-* побуд. от *qarγa-*: *ol jękni qarγatty* 'он велел проклясть злого духа' (МК);

б) S *qarγaγ* 'проклятье, гнев (божий)': *täŋri qarγaγyŋa ilinmä* 'не попади под проклятие бога' (МК);

в) S *qarγiš* 'проклятие': *täŋri qarγyšy anyŋ üzä* '[да будет] над ним проклятие бога!' (МК);

г) композит *qarγyš qyl-* 'проклинать': *qarγyš qylur umalar junčγγ körüp qonuqlar* 'гости проклянут, если увидят, что гостеприимство было плохим' (МК).

Современные словоупотребления

Турк., кар.К., кум., кум.диал., бал., кирг., каз., ккалп., ног., тат., башк., узб., узб.диал., уйг.диал., сал., алт., тув., тоф., тел., алт., шор., леб., саг., кач., койб., кюэр., ккирг., тар., казан., коман., чаг., кар.Л.,Т., чаг., тат. *qarγa-*, уйг. *qa(r)γa-*, уйг.диал. *қаγа-*, кар.Т.,Г. *karγa-*, кар.Т. *karga-*, ккалп. *γagγa-*, хак.

harγa-, кыз. *harγa-*, аз. *qarγы-*, тур. *kargi-* 'проклинать, клясть', 'ругать'; кар.Т.,Г. *karγa-*, тел., алт., шор., леб., саг., кач., койб., кюэр., ккирг., тар., казан., коман., чаг., кар.Л.,Т., чаг., кирг., тат. *qarγa-* 'заклинать'; кыз. *harγa-* 'заколдовать'; турк. бал. *qarγa-* 'бранить'; кирг., алт. *qarγa-* 'пугать' (ЭСТЯ 1997, 305).

Глагольные основы *qarγa-/qarγy-* являются вторичными, образованными от **qar-* со значениями 'проклинать', 'ругать кого-л. за спиной', 'испытывать отвращение'. Рясянен сопоставляет тюрк. *karγa-* с монг. *qarija-* 'ругать, бранить, проклинать'. Севортян допускает подражательное происхождение корня глагольных основ *gargy-/garγa-* (там же). Скорее всего, *qarγa-* и *qarγa* гомогенны (имя-действие) и образованы от звукоподражательного слова *qar*. В мифологии многих народов ворон является посланником или предвестником смерти, зла. Это представление связано как с его цветом, так и с его громким хрипловатым голосом.

В каракалпакском языке *қарға-* 'проклинать', производные от него *қарғыс* 'проклятие', *қарғыс қақ-* 'предавать проклятию' (ККРС 379).

В карачаево-балкарском *къаргъаргъа-* 'проклинать', 'накликать беду', производное *къаргъыш* 'проклятие'. С этим словом связаны следующие пословицы и поговорки: *къаргъыш джюрюген джерде берекет болмаз* 'там, где произносятся проклятия, добра не бывает'; *къаргъышны кесинъ билмей эсенъ, биреўден да юренме* 'если сам не умеешь проклинать, то и у другого не учись'. В фольклоре употребляется следующая устойчивая формула: *алгъыш кетмесин, къаргъыш джетмесин* 'пусть не покидают нас добрые пожелания, пусть не сбываются проклятия!'.

Ворон, по представлению кумыков, – предвестник неприятного. Каркает ворон то к смерти, то к непогоде. *Кьара ер герсетген кьаргьа* 'ворон, указавший путь к могиле' – так называют ворона в народе. Когда он каркает, обычно отвечают *кьаралып оьлгюр сен* 'чтобы ты сдох, почернев'. Также проклинают вороном: *кьаргаьалар айлынсын атангны юртунда, кьаргьа чокьусун гезюнгню* 'чтоб вороны кружились в твоем доме, чтоб ворон выклевал твой глаз'.

Таким образом, проанализированный материал свидетельствует о наличии у древних тюрков некой формы язычества с элементами одухотворения природы и фетишизма. Кроме того, языковые данные подтверждают существование в пратюркском мире таких древних верований, как тенгрианство и шаманизм. Известно, что шаманским космологиям свойственно трехчленное деление мироздания на верхний, средний и нижний миры, каждый из которых подразделяется на несколько ярусов. Верхний мир населен добрыми духами и божествами, нижний мир – злыми и душами умерших, средний мир – людьми и духами-хозяевами. Если распределение небесных богов по ярусам неба более характерно для тюркской мифологии, оно, в принципе, иерархично, то связь с различными его областями у монгольских народов отражает дихотомию светлого и темного, благожелательного и демонического. Подобное членение характерно и для большинства тюркских языков

Южной Сибири, что, скорее всего, объясняется влиянием монгольской религиозной культуры.

В пратюркской языковой картине мира совершенно определенно выделяются в качестве божеств Тенри и Умай, которые персонифицированы как бог-отец и богиня-мать. В религиозной классификации Тенри и Умай являются божествами, населяющими верхний мир. С ними связаны различные религиозные термины, названия действий, характеризующих поклонение богам, проанализированные в данной работе.

Кроме того, четко выделяются добрые и злые духи, населяющие так называемый средний мир: Йер – дух земли, Игэ – дух-хозяин, Йел – злой дух, а также относящиеся сюда мифические герои Алп и Бөке. Нижний мир в сознании древнего тюрка населен злыми демонами: албасты – злой демон, убыр – дух-обжора, йек – демон, улу – дракон-змея. В сознании древнего человека дух-хозяин не воспринимается как нечто самостоятельное, он неразделим с самим объектом. Горы, дороги, озера, поля, леса, какие-либо предметы воспринимались как живые существа, им приписывались человеческие качества: они могли слышать и понимать человеческую речь, сердиться, радоваться, обижаться на людей, гневаться за непочтительное к себе отношение. Кроме того, древним тюркам были свойственны вера в магическую силу различных предметов, способность отдельных людей к колдовству, чародейству, вера в гадания, предсказания и сновидения, в возможность излечения или наведения порчи или болезни с помощью заклинаний.

В целом для мировоззрения древних тюрков, в котором реалистические представления и наблюдения перемешались с мифологическими, религиозными в своей основе воззрениями, было характерно одухотворение предметов и явлений природы, наделение их сверхъестественной силой, а также свойствами, присущими человеку. Реки и озера, земля и вода, деревья и камни могут испытывать такие человеческие чувства, как боль, гнев, обиду, они могут наказывать людей за неугодные деяния или, напротив, оказывать содействие и покровительство тем, кто умеет их умилостивить. Поэтому люди вели себя по отношению ко всему окружающему очень осмотрительно, стараясь не вызывать гнева и недовольства природной стихии, зверей и птиц, которых также воспринимали как разумных существ, а наоборот, пытались заручиться их расположением и поддержкой. Такое восприятие окружающего мира и породило различные действия магического характера, а также культовые обряды жертвоприношения.

Наличие верховного божества Тэнгри, отождествляемого с небом, свидетельствует о том, что у тюркских народов в X в. шел процесс трансформации древних языческих представлений в монотеистическую религию. Однако этот процесс не получил у тюркских народов завершения и остановился на стадии шаманизма, основные черты которого проявлялись в вере в добрых и злых духов, культе предков и животных. По представлениям верующих, шаман является фигурой, стоящей между людьми и духами, способной вступать в непосредственную связь с духами, влиять на них во время сеан-

сов камлания, понуждать их отступиться от злых намерений или оказать людям то или иное содействие. С приходом мусульманства у большинства тюркских народов шаманство как самостоятельная религиозная система постепенно отмирает. С течением времени представления о божествах и духах претерпели заметное влияние ислама и его идеологии, переплелись с теми демоническими образами, которые пришли с Востока вместе с ираноязычной и арабской литературой. В облике, особенно в повадках домовых, водяных, леших и др., появились черты, сближающие или даже объединяющие их с мусульманским иблисом, джином, «пантеон» этих духов обогатился образами дивов, пери и мало чем отличающихся от них ангелов и архангелов.

СИМВОЛИКА ЧИСЕЛ

Реконструкция пратюркских числительных и системы счета (счисления) дана в томе Морфология (СИГТЯ 1988, 162–201).

Тюркские языки, подобно многим другим языкам различных семей, в процессе длительного развития выработали универсалию в области чисел, уходящую от основной счетной функции и придающую определенным числам дополнительные символические, ритуальные значения (Выготский, Лурия 1930; Топоров 1982; Mauss 1968 и др.).

У различных народов существует свой излюбленный набор цифр с символическим значением, подчеркивающим оригинальный характер этнических культур. У тюрков к таким числам относятся числа первого десятка 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, а также 12 и 40.

Число «три» в культурных и языковых традициях некоторых народов, например в древнекитайской традиции, определяется как совершенное и открывает собой числовой ряд (Топоров 1982; Габышева 85; Жуковский 133–135).

В древнейших тюркских рунических памятниках число «три» входило в состав этнических и географических наименований с числовым индикатором.

Особенно часты цифровые показатели при этнических названиях: *üč oγuz* (БК) – объединение огузских племен; *üč qarluq* (МЧ) – объединение карлукских племен; *üč quryqan* (КТб) – объединение племен курыкан.

В состав индикаторов входили и другие числа: *sekiz oγuz* (МЧ) – племенное объединение огузов, *toquz oγuz* (Тон.) – племенное объединение огузов, *toquz tatar* (БК) – объединение монгольских племен (родов?), *on ujγur* (МЧ) – объединение уйгурских племен (родов?).

Можно думать, что употребление чисел как индикаторов носило системный характер – они были социально детерминированы: *üč oγuz, sekiz oγuz* и *toquz oγuz* – это три разные группы племен, различающиеся между собой числом племен или родов, образующих объединения, которые имели своих руководителей.

Правильность этой догадки находит подтверждение в обозначении *on oq*: *on oq bodun* (Тон.) ‘народ десяти родовых подразделений (досл. стрел)’.

В качестве индикаторов употреблялись и числа больше десяти: *otuz tatar* (КТб.). Разумеется, могли быть большие объединения, состоящие из нескольких десятков племен. Но можно предположить и другое. Числительное *otuz* ‘тридцать’ употреблено вместо *üč* ‘три’, чтобы придать повышенную весомость, общественную значимость объединению трех племен – это своего рода прием почтительной гиперболизации, la forme majesté. В таком духе можно толковать встречающиеся у МК выражения *ottuz ičip qyrqalym* ‘три раза (досл. тридцать) позволив себе выпить, закричи-ка!’ и *ottuz ičälim* ‘давай-ка выпьем трижды (досл. тридцать)!’. Подобное явление типологически близко архаическому хеттскому мифу о тридцати братьях-близнецах,

которые вступают в кратковременный брак со своими тридцатью сестрами. «Число "тридцать" в данном случае, как и в ряде других (см. символику чисел "тридцать" и "тридцать три" в римских обрядах) можно рассматривать как некоторое преобразование символики числа "три"» (Гамкрелидзе–Иванов 851–852).

Число «три» как обязательный элемент, символизирующий некое единство, использовалось в обозначениях буддийских представлений древних уйгуров: *üč ayylyq nom* (TT VI) 'три сокровищницы' – буддийский канон, состоящий из трех разделов (= скр. *tripiṭaka* букв. 'три корзины'); *üč ayu kögül ~ üč ayu nizvani* (TT VI прим.) 'три дхармы, связанные с проявлением страстей, – алчность, гнев, помраченность'; *üč kölüŋü* (Hüen прим.) 'три колесницы, т.е. три пути спасения в буддизме' (= скр. *triyāna*). По буддийской традиции, число «три» употреблялось для обозначения времен: *üč ödki* (TT VI) 'относящийся к трем временам – прошедшему, настоящему и будущему'.

Большинство буддийских религиозных обозначений древних уйгуров представляет собою толковательный перевод санскритских терминов, показывающий путь приспособления чужой религии к тюркской среде.

У караханидских уйгуров существовала астрономическая традиция отнесения «трех звезд» к четырем временам года:

üči jazqy julduz üči jajgy bil
üči küzki julduz üči qyšqy bil (QBN)

'три из них весенние звезды, три из них летние – знай! / три из них осенние звезды, три из них зимние – знай!'.

Карачаево-балкарское *üč jözen* (досл. 'три ущелья') обозначает Карачай, который первоначально занимал три ущелья, сходившиеся в самом начале р. Кубань. Карачаево-балкарское *üč jözen* и рун. *üč birkü* (МЧ) свидетельствуют о существовании продолжительной традиции использования числа «три» в географических названиях тюрков.

В тюркской традиции число «три» закрепилось и в значении ритуального дня: тат. *öčen uzdyru* и башк. *ösönä saqyryu* обозначают 'приглашение на поминки третьего дня' или башк. *ösön uqytyu* 'чтение Корана на третий день поминок'.

В узбекской среде *üč miri* 'три монеты' восходит к понятию некоего предела, за которым следует убыток. У киргизов при игре в ордо и при детских играх в альчики *üč* обозначает 'пять' как предел счета: *birdin üčü* 'пять альчиков', *birdin üčü eki* 'семь альчиков' (= 5 + 2), *ekinin üčü* 'десять альчиков' (= 2×5) и т.д. Таким образом, число «три» воплощает достаточно древнюю традицию обозначения предела счета.

В якутских мифопоэтических текстах, как отмечает Л.Л.Габышева, число «три» связано с представлением о высоком совершенстве и пределе (Габышева 84), например, на девятом небе живет верховное божество Юрюнг Аар Тойон, к которому ведут три серебряных ступени, в перечень эпитетов, постоянно сопровождающих его имя, также включается число «три» (Габышева 85).

Старинное выражение якутов *üs saxa kuoluta* (досл. 'обычай трех якутов') понимается как 'повсеместный обычай, обычай всех якутов' (Габышева 86). Во многих олонхо сюжеты строятся на троекратном повторении действия, например Юрюг Уолан трижды умирает и трижды воскресает, троекратно повторяется эпизод с поеданием быков и уничтожением абаасы железным конем; трижды конь спасает свою хозяйку и т.д. (Габышева 86–87).

А.Е.Кулаковский отметил, что «якуты имеют какое-то пристрастие к числу три, создающему в их психике ряд симметрии» (Кулаковский 12).

Число «три» широко представлено и в монгольской традиции. Это наиболее значимый элемент во многих мифологических системах, идеальная модель динамических процессов, реализующихся в вертикальной структуре вселенной (Топоров 1981, 79–80). В монгольском фольклоре довольно широко распространен особый жанр, называемый «тройка» (гурван) или, пользуясь научным понятием, «триада». Это трехчленная группа, структурированная по определенному признаку (цветовому, нравственному, по аналогии) (Жуковская 133–135).

Число «три» лежит в основе многих эпических сюжетов и эпизодов, троекратно исполняются священные обряды, действия совершают в течение трех дней, недель, месяцев и т.д. (Пюрбеев 66–67).

Индоевропейская модель мира в мифологических представлениях древних индоевропейцев содержит в себе число «три» как особо значительный элемент, создающий троичность модели мира и сказывающийся в членении «Мирового древа» на три части – «Верхний мир», «Средний мир» и «Нижний мир»; с ними соотносится все живое, соответственно расположенное по этим трем мирам (Гамкрелидзе–Иванов 852).

Число «четыре» входит в довольно древнюю традицию обозначения четырех сторон, четырех углов или всего света: др.-уйг. рун. *tört buluŋ* (O) 'страны света' (досл. 'четыре угла').

Число «четыре» входит в обозначение религиозных представлений: др.-уйг. *tört toyum* (TT VIII) 'четыре рождения', крх.-уйг. *tört eš* (QBN) 'четыре сподвижника' [имеются в виду сподвижники пророка Мухаммеда – четыре первых правителя мусульманского государства – Абу-Бекр, Омар, Осман и Али], каз. *aspannan tüsken tört kitap* (Кенесбаев 53) 'четыре книги, ниспосланные (досл. павшие) с неба' [Пятикнижие, Псалтырь, Евангелие, Коран].

В ряде современных языков (тур., кбалк., каз., узб.) слово *dört/tört* в сочетании со словами, обозначающими 'сторона; угол', образует словосочетания со значением 'весь мир, шар земной, четыре угла света' и т.д.

Слово «четыре» в сочетании со словом «глаз» в тур., тат., башк., узб. образуют серию метафорических выражений типа тур. *dört gözle beklemek* 'ждать с нетерпением' (досл. 'ждать в четыре глаза').

В турецком языке со словом «четыре» образуется большое количество идиоматических выражений, где «четыре» означает некую полноту, устойчивое постоянство. В якутской традиции число «четыре» входит в состав наименования Нижнего мира. В фольклоре якутов число «четыре» связано не только с Нижним миром, но также с ночью и зимой (Габышева 88).

В монгольской мифологии числу «четыре» отводится почетная роль горизонтального членителя окружающего пространства: север – юг, восток – запад; на юг обращен вход в юрту, на север – почетная сторона, на запад и восток ориентированы мужской и женский труд в скотоводческом хозяйстве (Жуковская 135–136).

В монгольском буддизме популярна «четверка»: «четыре благородные истины», «четыре стража сторон света» (*локапала*), «четыре друга» (*тун баши*): слон, обезьяна, заяц, птица – герои известной буддийской джатаки (Жуковская 136).

В различных индоевропейских традициях число «четыре» отражается в мифологических образах «четырех ветров», «четырех карликов» при «четырех углах неба», соотносимых с четырьмя сторонами света (Гамкрелидзе–Иванов 852–853).

С полным основанием В.Н.Топоров относит число «четыре» к образу «статической целостности идеально устойчивой структуры, применяемой в широком поле мифопоэтических образов» (Топоров 1981, 630).

Число «пять» входит в состав религиозной (манихейской, буддийской) терминологии: *beš ažun* ‘пять миров’ (Man. III 481), *beš jükmäk* ‘пять классов (группировок) дарм’ (= скр. *skandha*) (TT VI 161); *beš türlüg jim* ‘пять видов членов тела’ (TT VI 448). В некоторых случаях число «пять» выражает сакральное значение: *beš qutlar* ‘пять элементов бытия’ (TT VII 107); *beš enätkäk eli* ‘страна пяти Индий (восточн., южн., зап., сев. и средняя)’ (Hüen 10).

Число «пять» в монгольской традиции участвует в комплектовании пятичленных конструкций мифологического, магического, бытового, общеэтнического характера, возможно, это следствие отражения пятеричной системы счета, достаточно древней и широко распространенной (Жуковская 137–139).

Число «шесть» фигурирует в представлениях философских, религиозных, чувственно-бытовых: др.-уйг. *alty jol* ‘шесть дорог’ (‘шесть форм существования’) (Suv. 133_{14}); др.-уйг. *alty paramit (~ pramit)* ‘шесть добродетелей каждого буддиста’ (= скр. *sadājatana*) (Uig. II 1218); *alty türlüg jaγylar* ‘шесть чувственных элементов’ (= скр. *visaya*) (TT VI 156).

Число «шесть» входит в географическую терминологию рунических памятников: *alty baγ* ‘военно-административное объединение, существовавшее на территории Тувы в IX в.’ (досл. ‘шесть подразделений, родов’) (E 53); *alty čub (soγdaq)* ‘область согдийских колоний в Южном Ордосе – сев. Шэньси’ (калька с кит., досл. ‘согдийцы шести округов’) (БК 24).

Любопытно, что, как и в случае 3 и 30 выражалась почтительная гиперболизация предмета (см. выше), так, по-видимому, было и в случае 6 и 60 – об этом свидетельствует фраза из енисейского памятника *altmyš at bintim* ‘я садился верхом на шестьдесят лошадей’ (E 111_9). Фактически имеется в виду шесть лошадей, о которых говорится с эмоциональным подъемом (может быть, гиперболизация здесь вдвое сильнее?). Вот еще один пример растущей гиперболизации: *jüz at meniŋ aγdyn kečti* ‘между моими ногами

прошло сто лошадей' (МК I 80). Можно полагать, что на самом деле были одна или десять лошадей.

Число «семь» образует у тюрков широкий круг понятий с устойчивой тенденцией.

Одна из таких тенденций – обозначение религиозных представлений разных конфессий: др.-уйг. *jeti ayylyq nomlar* (TT III) 'семь драгоценных учений, семикнижие Мани (?)'; *jeti jemki bačay* (Man. III) 'пост, связанный с принятием пищи'; кбалк. *žeti žahanim* 'страшный ад; геенна огненная' (досл. 'семь адов').

С участием числа «семь» формировались астрономические термины и представления: крх.-уйг. *jetti qat kök* (МК III) 'небо с семью сводами'; кирг. *žeti arqar* 'Большая Медведица' (досл. 'семь горных баранов-самок'), узб. *jetti ayajni* 'Большая Медведица' (досл. 'семь братьев').

Число «семь» – частый элемент в сюжетах фольклора, пословицах и поговорках: тур. *jedi bašly* 'семиглавая гидра' (о злой женщине; об опасном человеке); турк. *jediniŋ biri jeser* 'из семерых один всегда хитер'.

Число «семь» обозначает детали родственных отношений с неким пределом: башк. *jete ata* 'семь отцов (знание родственников до седьмого колена)' (БРh I 332).

Число «семь» встречается в обозначениях народных обычаев: тат. *židesen ütkärü* и башк. *jetehen ütkärü* обозначают 'поминки седьмого дня', узб. *jetti* 'четвертый траурный день' (число «семь» складывается из трех ночей и четырех дней) (ЎТИЛ II 251).

Существует много речений, в которых число «семь» означает обилие, полноту, совершенство событий: тур. *jedi iklim dört buǰak* 'везде и всюду' (досл. 'семь климатов, четыре угла'), *jedi mahalle* 'весь свет, много людей' (досл. 'семь кварталов'), турк. *jediŋ joluŋ üstünde* 'на виду у всех' (досл. 'у семи дорог').

Число «семь» в тюркских языках по мощности своей символики, по-видимому, мало отличается от числа «три», но все же уступает по силе числу «семь» в монгольских языках, где оно приобретает магический характер. По утверждению Г.Ц.Пюрбеева, наибольшее число употреблений в тексте эпоса «Джангар» приходится на «магическую семерку». Число «семь» имеет мистическое сакральное значение при описании Нижнего мира – семи стран преисподней, семи адов, сияния семи солнц, при описании обрядовых действий, обряда присяги, клятвенных формул, при гиперболизации действий богатырей (Пюрбеев 67–68).

Для индоевропейской символики числа «семь» характерна ее связь с мифологией и ритуалом. Сакральное значение этого числа основано на выделении семидневной недели как календарной единицы. Примечателен в этом отношении авестийский календарь, где первые семь дней месяца носят имена бессмертных древнеиранских богов (Гамкрелидзе–Иванов 854).

Число «восемь» в традиционном духе образует наименования религиозных и мифологических понятий: др.-уйг. *sekiz qata arvasun* (Suv.) 'пусть со-

творит заклинание восемь раз', *sekiz balyq ulušlar* (Tiš.) 'восемь городов и селений', каз. *segiz bejiš* (Кенесбаев 459) 'райское место' (досл. 'восемь раев').

В современных тюркских языках число «восемь» символизирует некую полноту, достаточность: тур. *sekiz köše olmak* 'быть в кейфе' (досл. 'быть в восьми углах'), каз. *bir syrly, segiz qyrly* (погов.) (Кенесбаев 135) 'способный человек, мастер на все руки' (досл. 'с одним украшением и восемью гранями'), чув. *čei śynnăn kuśĕ sakkăr śavat'* (посл.) 'у хитреца глаза восемь раз все пересчитают'.

В якутском языке есть словосочетание *ayys salālāx* 'восьмиветвистый'. В связи с этим понятием Л.Габышева поясняет: числовую константу вселенной воспроизводит любой центральный элемент, мировое древо, например, у которого всегда отмечены по вертикали верхушка, ствол и корни; горизонтальному направлению соответствуют восемь веток (постоянный эпитет *ayys salaalaax* 'восьмиветвистое'), жилище эпического героя, часто являющегося первочеловеком (Габышева 81). У якутов для описания пантеона богов служит особая числовая модель: *ayys axtar ajȳ* 'восемь вспоминаемых айы' (Габышева 81). Известна своя формула для всего рода человеческого: *ayys ulūs ayata* (олонхо) 'восьми стран отец' (Габышева 81).

Другая картина в монгольском языке. Число «восемь» здесь связано с буддийской традицией и ламаистской системой гаданий и предсказаний. Имеется в виду классический буддийский «восьмеричный путь» спасения, изобретенный на пользу человечества Буддой Шакьямуни. Вторая восьмерка заимствована из китайской философии – восемь триграмм, называемых в Монголии тибетским словом *джагджа* (*phyag-rgya* 'гадание, предсказание') (Жуковская 141–143).

Числу «девять» свойственно значение полного предела количества предметов или действий.

В современных тюркских языках встречаются различные случаи символической полноты числа «девять»: тур. *dokuz babaly* 'внебрачный ребенок' (досл. 'имеющий девять отцов'), *dokuz žanly* 'семижильный' (досл. 'имеющий девять душ'); ктат. *doquz* 'комплект белья как свадебный подарок жениху' – сходное выражение и в каз. *bir toyyz* (Кенесбаев 136) 'подарок из девяти предметов или девяти видов скота' и в кирг. *toyuz* 'подношение или штраф из девяти голов скота', и в узб. *tŭqqiz*: *tŭqqiz tovoq* 'угощение, подаваемое на подносах гостям (женщинами) во время свадьбы, состоящее по установленному обычаю из 9 различных блюд'; такое же угощение в некоторых районах приносят и гости в качестве подарка на свадьбу хозяевам; алт. *d'aman kižniŋ budy – segis, baži – togus* (погов.) 'у плохого человека восемь ног, девять голов' (т.е. плохой человек суетится и много придумывает).

Идея полноты и совершенства ощущается также и в монгольской традиции: девять телохранителей имеет Чингисхан, «великое белое знамя Чингисхана» состоит из девяти частей, или бунчуков, существует дань «девять белых», которую получал цинский император Китая от монгольских ханов со второй половины XVII в. (Жуковская 143).

Н.Л.Жуковская отмечает, что понятие «девятка» и «девять девятков» часто встречается в юридических документах монголов, отражающих сложившееся феодальное право Монголии, как мера наказания людей за проступки, нарушения законов и пр. (Жуковская 143–144). Шаманский пантеон монголов и бурят состоит из божеств, образующих группы по девять: «девять дочерей», «девять сыновей», «девять братьев» и пр. (Жуковская 144). Следует отметить особое внимание монголов к числу «девять» и «усиленному числу девять», т.е. «девяносто девять». Причины такого пристрастия монголов к этому числу остаются необъясненными (Жуковская 147).

Любопытна оппозиция чисел «три»–«четыре» / «девять»–«восемь», открытая Л.Л.Габышевой пока только для якутского материала; оппозиция указывает не только на соотношение основных структур космической модели, но и служит показателем мужского («девять») и женского («восемь») начала во всем якутском фольклоре (Габышева 82). Данные числа с мужским и женским началами встречаются и в шаманских мистериях. Традиционная семья в якутских олонхо состоит из девяти сыновей и восьми дочерей. У верховного владыки Юрюнг Айыы Тойона девять подобных журавлям сыновей и восемь подобных белым стерхам дочерей.

Как можно было видеть, числительные «восемь» и «девять» в якутских эпических текстах выполняют функцию классификаторов, подчеркивая положение В.Н.Топорова об исключительно важной роли чисел в организации вселенной (*Топоров В.Н.* О числовых моделях в архаичных текстах // Структура текста. М., 1988. С. 3–58).

Число «двенадцать» у тюрков участвует в образовании астрономических и календарных терминов: крх.-уйг. *on iki ükäk* (QBH) 'двенадцать знаков зодиака', ср.-уйг. *bütünlükin ajlar sany Taŋry üskindä on iki ay* (Eck. 200) 'всего месяцев в ведении Танры – двенадцать'.

Другая функция числа «двенадцать» – выражать некую полноту, целостность: каз. *on iki müše* (Кенесбаев 416) 'весь организм, все тело' (досл. 'двенадцать членов'); кирг. *on ekiden biri žoq, uj bajlarya žibi žoq* (погов.) 'у него абсолютно ничего нет, у него хоть шаром покати' (досл. 'из двенадцати [предметов у него] нет ни одного, нет веревки привязать корову').

У монголов число «двенадцать» связано прежде всего с 12-летним животным циклом, восходящим к народному календарю. Год состоял из 12 месяцев, по 30 дней в каждом. Месяцы делились на три декады соответственно лунным фазам и имели свои названия (Жуковская 39). Число «двенадцать» в монгольском, бурятском, тибетском ламаизме связано с сакральным понятием типа «колесо бытия». Это – изображение вечного круговорота бытия, совершаемого живыми существами, которые не могут разорвать этот круг и потому обречены на вечное перерождение в шести мирах (Жуковская 147).

Причина сакральности числа «двенадцать», как полагают Т.В.Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов, зависит в индоевропейских культурах от деления года на двенадцать месяцев – одной из архаичных индоевропейских традиций (Гамкрелидзе–Иванов 854–855).

Число «сорок» в тюркской традиции прежде всего приобрело значение полноты, целостности, предела: тур. *kyrk defa söjledim* 'я много раз говорил' (досл. 'я говорил сорок раз'), *kyrk evin kedisi* 'вхожий во много домов; везде как свой' (досл. 'кошка сорока домов'); тат. *qyryqqa jaryla almam bit inde* 'не разорваться же мне' (досл. 'я же не смогу разорваться на сорок частей'); баш. *ɵø qyrqy qyrq* (БРh II 733) 'все, что он говорит, то и есть' (досл. 'трижды сорок по сорок'); каз. *ɣajyp jeren qyryq sɨlten* (Кенесбаев 139) 'обладать чудесным свойством, особой силой' (букв. 'невидимые люди, сорок чильтенов'); кирг. *qyrq čoro* 'сорок витязей – сторонников главного богатыря'; узб. *qirqqa čidaɣan qirq birga ham čida* (погов.) 'терпел сорок [раз], вытерпи и сорок первый'.

Полнота, достигающая предела, лежит в основе ритуального значения числа «сорок»: тур. *kyrky čykmak* 'миновать, пройти – о сорока днях (после родов, рождения или кончины)', тур. *kyrkyn etmek/gečirmek* 'устраивать (проводить) сороковины'; тат. *qyryɣyn ütkärü* 'проведение сорока [дней]'; баш. *qyrqy* 'сороковины'; кирг. *qyrq* 'сорок дней после родов; сороковины, сорочины'; алт. *kyryk* 'поминки на сороковой день' (при счете употребляется *törtön* 'сорок').

Более частные значения числа «сорок» – обозначать границу переломного возраста человека или служить мерой наказания, штрафа.

Обзор приведенного материала показывает, что значительная часть символических значений у определенных чисел единичного ряда – достояние сравнительно поздних периодов тюркского праязыка. Тем не менее сравнение тюркского материала с данными монгольских и индоевропейских языков говорит и о наличии многочисленных тенденций, уходящих в глубь веков, к истокам выделения пратюркского из алтайской общности и, может быть, даже более раннему времени.

РЕКОНСТРУКЦИЯ ФРАГМЕНТОВ ТЕКСТА

Сравнение соотносимых между собой целых словосочетаний и предложений различных тюркских языков открывает путь к реконструкции фрагментов пратюркского текста – словосочетаний и предложений. Речь идет, таким образом, не о комбинации изолированно реконструированных слов, как можно видеть на примере известной басни Шлейхера. Имеется в виду в данном случае реконструкция цельных фрагментов текста на основании соотносимых в родственных традициях отдельных фраз, выражений и сложных слов (Гамкрелидзе–Иванов 460–461).

Характер реконструируемых фрагментов, зависящий от оригинальной семантики и поэтической образности составляющих их единиц, позволяет думать о наличии у пратюрков ритуально-поэтической речи. К числу таких фрагментов пратюркской ритуально-поэтической речи относятся словосочетания:

**üčin *ötkär-* 'проводить поминки на третий день после кончины; тризна'. Подобное двусоставное речение можно найти в тат. *öčen ütkär-*, баш. *ösön ütkär-*;

**jätisin *ötkär-* 'проводить поминки на седьмой день после кончины' – ср. тат. *ǯidesen ütkar-*, башк. *jetehen ütkär-*;

**qyrqyn *ötkär-/*oqut-* 'проводить поминки на сороковой день после смерти' – ср. тат., башк. *qyrqyn ütkär-/*uqyt-*.

Возможны некоторые синонимичные словосочетания:

**jätisin *ber-* см. **jätisin ötkär-* – аз. *jeddisini ver-*, каз. *žetisin ber-*;

**qyrqyn *ber-* см. **qyrqyn *ötkär-/*oqyt-* – каз. **qyrqyn ber-*, кирг. *qyrq aš ber-* (досл. 'дать сорок пиршеств').

Реконструируются фрагменты текста большего, чем словосочетания, – простые предложения типа идиом:

**iki *közi *dȫrt *bol-* 'сильно удивляться', досл. 'оба его глаза стали четырьмя'. Это очень употребительное речение встречается:

в турк. *iki gözüŋ dört boluptur*, тат. *ike küze dürt buldy*, башк. [*ike*] *küð dürt buldy*, каз. *jeki közi tört boldy*; узб. *ikki küzi türt bùldi*.

Большая часть реконструкций фрагментов пратюркского текста возможна лишь на семантическом уровне – при наличии в различных тюркских языках однотипных выражений и формул различного содержания. Реконструкция не доходит до уровня отдельного слова, а ограничивается определением общей исходной схемы речения.

К ним относятся словосочетания – смысл их един, а формальные выражения различные, хотя и близкие.

Понятие «четыре стороны света» может быть выражено в тюркских языках таким образом:

орх. *tört buluŋ* (О) досл. 'четыре угла', др.-уйг. *tört buluŋ* (ТТ I) досл. 'четыре угла', тур. *dünjanyn dört buǯağy* досл. 'четыре угла мира', кбалк. *tört ǯanyna* (погов.) досл. 'на все четыре стороны', каз. *dünjenіŋ tört buryšy* (Кенесбаев 152) досл. 'четыре угла мира'; узб. *türt tomon* досл. 'четыре стороны'.

Замечание, сделанное выше о словосочетаниях, относится и к предложениям, значительная часть их – идиоматические образования.

а) «Ждать с нетерпением»:

тур. *dört gözle bekle-* досл. 'ждать четырьмя глазами', тат. *dürt küz belän qara-* досл. 'смотреть четырьмя глазами', башк. *dürt küδ menän köt-* досл. 'ждать четырьмя глазами'; узб. *türt kuz bilan kut-* досл. 'ждать четырьмя глазами'.

б) Формула скорби – в тюркской реконструкции **körür *közüm *körmäz* 'зрячие очи мои не видят'.

Формула скорби конкретно реализуется в следующих примерах:

орх. *körür közüm körmäz täg, bilir biligim bilmäz täg bolty...* (КТб) 'зрячие очи мои словно ослепли, вещий разум мой словно отупел'. В приведенном примере формула скорби усиливается от присоединения параллельной конструкции, в семантическом плане относящейся к разуму, – *bilir biligim bilmäz* (глагол *bil-* 'знать, ведать', производное слово от него *bilig* 'разум'). Формула скорби встречается и в древних, и в современных языках – и везде она украшена параллельными конструкциями: ср.-огуз. *Däli Domrulun körär közi körmäz oldu, tutar älläri tutmaz oldu* (ДДК) 'видящие глаза удалого Домрула перестали видеть, держащие руки его перестали держать'; тат. *kürer küzeŋ kürmäs bulyr, išeter qolayyŋ išetmäs bulyr* (Махмутов 58) 'зрячие очи твои станут слепыми, слышащие уши станут глухими', *bälä kilsä, kürer küz kürmäz ulyr, qaza kilsä, ajaglar jörmäz ulyr* (Махмутов 59) 'беда придет – зрячий глаз слепым станет, несчастье придет – ноги неходячими станут'.

в) Мера ценности человеческой порядочности, верности.

Словесное оформление может быть самым различным:

др.-уйг. *miŋ kiši jüzün bilinčä bir kiši atyn bilgü* (Turcica 29) 'чем узнать лица тысячи людей, лучше узнать имя одного [порядочного] человека'; тат. *meŋneŋ tösen tanyyančy beräwneŋ atyn bel* (Х.Г.) 'чем знать вид тысячи человек, лучше узнай имя одного [достойного]', *jöz kešeneŋ jözen tanyyančy, ber kešeneŋ atyn bel* (Исанбет 2, 801) 'чем узнавать лица ста людей, узнай имя одного [порядочного] человека'.

г) «В терпении – мудрость».

Оформление разное, смысл – тот же самый:

крх.-уйг. *birin birin miŋ bolur, tama tama köl bolur* (МК III) 'один по одному будет тысяча, капля по капле – будет озеро', тат. *tama tama kül bulyr, aγa aγa sil bulyr* (Исанбет 1, 507) 'капля по капле – будет озеро, потечет, потечет – будет поток'.

д) «Непременно исполнится».

Словесное оформление едино во всех случаях:

крх.-уйг. *tay tayqa qavušmas, kiši kišigä qavušur* (МК II) 'гора с горой не сходятся, человек с человеком [всегда] сойдутся', тат. *tau tauγa qavušmas, ädäm ädämgä qavušyr* (Исанбет 2, 158) 'гора с горой не сходятся, человек с человеком [всегда] сойдутся'.

Приведенные выше фрагменты прозаического и поэтического текста, обладающие тонкой художественной ценностью и так или иначе проецируемые в тюркский праязык, относятся к довольно позднему хронологическому уровню и диалектально ограничены.

СВИДЕТЕЛЬСТВА О ПОЭТИЧЕСКОЙ РЕЧИ. МЕТРИЧЕСКИЕ СХЕМЫ

Существование у тюрков в праязыковой период достаточно развитой поэтической речи находит подтверждение не только в сделанных выше реконструкциях фрагментов поэтических текстов, но еще и косвенным путем. Тюрки средневековья создали мощный поток поэзии: древнеуйгурское собрание стихов, принадлежащих различным поэтам, имена которых сохранила история (X в.), караханидская поэма «Кутадгу Билиг» Юсуфа Хас-Хаджиба Баласагуни (XI в.), стихи и песни в Диване Махмуда Кашгари (XI в.).

Одновременно с этим в тюркской среде создавались произведения фольклора, крупные эпические поэмы: киргизский «Манас», огузский «Китаб-и дедем Коркуд», турецкий, туркменский, азербайджанский «Кёр-оглы», якутские олонхо. Все эти, как и многие другие, более поздние, произведения письменной и устной литературы корнями уходят в глубокую древность тюрков, давая возможность предполагать существование поэтической речи в праязыке. На это указывает ряд специальных терминов.

1. Название песни, стихотворения, поэмы.

Поскольку в праязыковой период у тюрков существовали различные виды поэтических жанров, то они должны были именоваться своими терминами.

Реконструкция показывает, что для обозначения «песни» служил термин **jyr*. Он был основным и древнейшим словом для «песни», хотя и многозначным. В диалектах праязыка он имел и другие значения: а) стих, стихотворение, б) эпос, эпическая поэма, в) пение, мелодия.

Этимология термина **jyr*, несмотря на различные попытки тюркологов ее расшифровать, остается неясной. Привлекает внимание сходство, с одной стороны, **jyr* 'песня' и тат. *avyz jyr-* пренебр. 'усмехаться, ухмыляться, смеяться попусту', башк. *auyδ jyr-* прост. 'осклабиться, скалить зубы'. Можно предположить, что древнейшим значением **jyr-* было 'смеяться, издавать голосовые звуки', потом закрепилось значение 'петь', а его именная пара **jyr* стала соответственно 'песня'. Образование подобной конверсионной пары в пратюркском – явление хотя и редкое, но вполне возможное (Севортян ЭСТЯ 1974, 37–40).

Термин **jyr* хотя и основной, но не единственный.

Реконструируются и другие термины, вероятно, ограниченные в употреблении. К ним относятся имена, производные от глагола **qoš-* в значении 'присоединять, спаривать':

термин **qošuγ ~ *qošuq*, происходящий от **qoš-* 'спаривать (слова); сочинять' + имяобразующий аффикс *-uγ/-uq* (> *qošuγ ~ qošuq*). См. М.Рясянен (VEWT 284a).

Термин многозначен: а) песня, б) стих, стихотворение, в) поэма, поэзия, г) тур.диал. заплачка, причет (оплакивание в стихах умершего или невесты, когда ее отправляют в аул жениха).

Термин **košma*, состоящий из глагола **koš-* 'спаривать (слова); сочинять' + имяобразующий аффикс *-ma* (> *košma*).

Значения термина: а) народная стихотворная форма, б) стихотворение с парными рифмами, в) вид музыкальной композиции.

Термин **košgy ~ *košyy*. Производная форма: **koš-* 'спаривать (слова); сочинять' + имяобразующий аффикс *-gy/-yy* (> *košgy ~ košyy*). Значения термина: а) песня, б) стих, стихотворение.

Еще один термин **qošāŋ*. В основе слова **qoš-* 'спаривать (слова); сочинять' + имяобразующий аффикс *-āŋ/-ān* (> *qošāŋ ~ qošān*). Значения термина: а) песня, б) песенка, частушка, в) стих, стихотворение.

Термины **jyr* и **qošuy ~ *qošuq* носят более универсальный характер, чем остальные, и хронологически наиболее древние. Другие термины явно более позднего происхождения и диалектально ограничены: термины **košma* и **košgy ~ *košyy* принадлежат южному ареалу, а термин **qošāŋ ~ qošān* – к северному ареалу праязыка.

2. «Слагать, сочинять (песню, стихи)».

У древних тюрков глагол **qoš-* имел значение 'сочинять песню, стихотворение – в зависимости от случая'. Однако семантический потенциал глагола **qoš-* был очень широк (СИГТЯ 1997, 611–612). Значение 'сочинять стихи' – только небольшая часть в перечне значений глагола. Главная их часть приходится на передачу массы действий и акций, основа которых – 'что-то с чем-то сочетать, смешивать; присоединять'.

Можно полагать, что в пратюркской поэтической речи существовали и этимологические фигуры – сочетания повтора глагола с существительным типа уйг.Лобн. (**qošuqqa*) *qoš-* 'слагать стихи' (Мал.Лобн. 129).

Случаи метафорического применения к поэтическому творчеству терминов техники, составляющих типологические параллели к пратюркскому, можно видеть и в индоевропейском материале (Гамкрелидзе–Иванов 835).

3. «Исполнять песню, поэму; петь».

Древние тюрки для передачи значения 'исполнять всякого рода песни, поэмы' использовали общетюркский глагол **jyrla-* < **jyr* 'песня; поэма' + афф. *-la*.

Семантика глагола не ограничивается только значением 'петь', она довольно разнообразна – это и 'напевать', и 'петь горлом' – как в современном хакасском, шорском, тувинском; 'исполнять эпические поэмы, произведения богатырского эпоса', 'читать' и 'оплакивать покойника'.

Пели свободно, только голосом и в сопровождении игры на *qobuz*'е (эпические поэмы, богатырский эпос), как у современных казахов и каракалпаков. В аккомпанементе могла участвовать и **domra*. Тогда музыкальное сопровождение, обогащавшее пение, должно было быть частым и широким явлением.

4. «Певец, сказитель; поэт».

Термин **jyrčy* < **jyr* 'песня' + афф. *-čy* у древних тюрков обозначал в исходном смысле певца, но и не только; так назывался и 'сказитель', и 'поэт'. Иными словами, **jyrčy* в некоторых случаях в одном лице соединял и поэта, и певца, т.е. был бардом, как у древних кельтов.

Кроме **jyrčy* у древних тюрков были еще четыре термина для обозначения поющего человека. Это – **jyrayu* < **jyr* 'песня' + афф. *-ayu*. Значения второго термина: 'певец', 'сказитель', 'импровизатор'. Еще один термин **qošuqčy* < **qošuq* 'песня, поэма' + афф. *-čy*. Значения третьего термина: 'народный певец, сказитель' (ккалп.) 'женщина-импровизатор, слагающая кошок' (как у киргизов); 'исполнитель песен, частушек' (узб.).

Обращает на себя внимание исполнитель песен – женщина-импровизатор. Возникает мысль, что в древнетюркском обществе в круг общественных исполнителей песен допускались и женщины. В музыке, песне без женщин, как говорится, нельзя.

Следующий термин **qošāŋčy* < *qošāŋ* 'песня, стих' + афф. *-čy*. Значения четвертого термина: 'певец' (алт.), 'поэт' (разг. як.). Термин был, по-видимому, наименее употребительным – его сохранили только современные алтайский и якутский языки.

Наконец, пятый термин **ŭzān*. Он встречается только в группе южнотюркских языков. Значения термина: певец, поющий при необходимости под аккомпанемент кобуза; народный поэт, ашуг, даже болтун, шутник, что вполне естественно, если песня веселого содержания.

Л.Будагов термин *ōzān* поясняет так: название класса людей или племени, которые, играя на гитаре, поют песни и читают предсказания (Буд. I 131). О термине *ozan* у классиков турецкой и азербайджанской литератур подробно пишет О.Ш.Гёкяй (O.Ş.G. CCXXXVII–CCXXXVIII).

Вполне допустима тюркская этимология слова *uzan*. В турецких источниках XVI в. указывается, что *uzan*'ы исполняют длинные, протяжные песни (*ozan derler ki uzun türküler ırlarlar* (TS V 3043–3044). Следовательно, *uzan* этимологически можно пояснить так: **uza-* 'быть длинным, долгим; тянуться' + афф. *-n/-ŋ* > *uzan/ūzān* 'исполнитель больших по объему (длинных) песен, поэм, дестанов'.

Основным термином для певца, поэта у древних тюрков был термин **jyrčy*, другие термины – **jyrayu, *qošuqčy, *qošāŋčy, *ŭzān* – носили частный характер и были диалектально или профессионально окрашены.

5. «Мелодия, мотив, напев».

Древние тюрки, любившие песню, должны были как-то называть «мелодию», «мотив», иметь для них свой термин. Такой термин в реконструированном виде звучит **kōg* и имеет несколько блоков значений:

а) мелодия, мотив, напев; поэма, исполняемая на кобузе (ст.-турк.); песня;

б) песня-плач, причитание;

в) настроенный (о музыкальном инструменте);

г) колок (струнного музыкального инструмента);

д) лад, гармония, согласие;

е) веселый, в хорошем расположении духа;

ж) способ, метод, манера, образ действия;

з) крик, уханье (як., чув.).

С 'мелодией, мотивом, напевом' связаны значения (а), (б), (в), (г), значения (д), (е) связаны косвенно, у значения (з) еще можно найти какую-то

связь с первым значением через звук, звучание, а значение (ж) стоит особняком, оно чем-то обусловлено.

По происхождению термин **kōg* – китайское слово, оно заимствовано в древнетюркский период. В раннекитайском звучало *цюй*, в среднекитайском – *khyog* (ДТС 311), у Дж.Клосона: *ch'ü* и *kiok* 'песня' (EDT 709).

На тюркской почве исходное значение **kōg* 'песня' развилось больше в сторону 'мелодия, мотив, напев'. Древняя форма (с конечным *-g*) сохранилась в древнеписьменных (др.-уйг., крх.-уйг., чаг.) и в сибирских языках (хак., шор., тув.).

6. «Названия музыкальных инструментов».

В истории музыки тюрков, вероятно имевших немало музыкальных инструментов, надежно реконструируются только два: **qobuz* и **domra* (Тенишев: СИГТЯ 1997, 614–615). Г.Дёрфер дает другую пратюркскую форму *первого названия – *qoriz* (Doerf. 535–537). В «Алтайском словаре» приводятся две пратюркские формы: **komuŕ* (Dictionary 737), **koriŕ* (Dictionary 743) и две праалтайские формы: **kuma* (Dictionary 737) и **kùp'ŕó(~k'-)* (Dictionary 743).

Кобыз – один из популярных музыкальных инструментов у тюркских народов. Создание его народные легенды связывают с именем Коркуда, жившего в IX в. на берегу Сырдарьи. Первое письменное упоминание кобуза встречается у Махмуда Кашгарского (XI в.). Упоминают его и известные тюркские поэты средневековья: Ахмади, Хайдар, Хорезмий, Лютфий, Навоий, Бабур и др. Существует арабская этимология термина «кобыз» – от арабского корня قَبَضَ и قَبْضٌ 'брать (что-л.) кончиками пальцев; брать щепотку (чего-л.)' (Баранов 791). По утверждению Фармера, этимология принадлежит Ландберу (Farmer 36–37).

Но, как выше указывалось, термин имеет алтайскую форму, для которой данная этимология не подходит.

К разновидностям кобыза относятся щипковые, смычковые и инструменты типа варгана. По описанию К.Курбанова, «центральноазиатский кобыз представляет собой смычковый инструмент, выдолбленный из цельного куска дерева (в основном из тутовника или абрикоса) размером 70–80 см в длину с согнутым грифом и кожаной мембраной в нижней части. Струны – волосяные и лукообразный смычок (60–70 см) с пальцевым регулированием натяжения волос» (Курбанов 170). Киргизский кобыз связан со скотоводческим хозяйством, отдельные детали его названы терминами конской упряжи: *тээк* – часть уздечки, *куткун* – часть седла (подставка для струн, *подструнник*).

По предположению А.А.Фитрата, смычковые инструменты преобразованы из щипковых, т.е. появились после них. Следовательно, кобыз древнетюркских бахши отличается от современных (Фитрат 37). У современных киргизов кобыз щипковый, а у казахов – смычковый.

Все разнообразие видов кобыза представлено в алфавитном указателе к «Атласу музыкальных инструментов народов СССР». 2-е изд. М., 1975. С. 391 (ав-

торы: К.Вертков, Г.Благодатов, Э.Язовицкая; составитель указателя А.Землякова).

До недавних пор кобызчи – сказители отдельных народов Центральной Азии – исполняли эпосы, героические песни, баллады. У казахов и до настоящего времени кобыз широко применялся в действах *баксы* – лекарей, а также *жырау* – сказителей эпоса.

Другой музыкальный инструмент тюрков в реконструкции носит название **domra*. Слово имеет иранское происхождение: (*barbat* 'лютня, лира') بربط + ('два') دو > *dubarbat* > *dobra* > **domra* (*b* > *m* перед *r*). В целом – это аллегроформа от первоначального названия. Другие варианты термина можно видеть в указателе к «Атласу музыкальных инструментов народов СССР».

Казахский инструмент носит название *dumbyra / dumbraq* и представляет собою струнную щипковую разновидность. Длина его 800–1300 мм, с двумя жильными струнами. Изготовляется из разных пород дерева: ели, сосны, ореха, тала, березы, кедра. На нем исполняются мелодии лирических и эпических песен, исполнители устраивают поэтические состязания.

Прообразом современных казахских домр, по мнению музыкального археолога Р.Л.Садокова, послужили двухструнные древнехорезмийские музыкальные инструменты. Очень близкое сходство этих инструментов – вклад музыкального наследия культуры древнего Хорезма (Садоков 1984).

Узбекская домра имеет грушевидный корпус, выдолбленный из одного куска дерева. Инструмент используется в домашних концертах и пастушеском музицировании (Вызго-Иванова 284–285).

Наличие музыкальных инструментов показывает, что в пратюркское время была музыка инструментальная и голосовая (исполнялись песни). Но о жанрах, мелодиях и функции пратюркской музыки сказать что-либо конкретное не представляется возможным. Тем не менее, можно говорить о структуре древней музыки (мелодики), ее тонической системе.

В музыковедении в данном случае обсуждается проблема пентатоники, присутствующей в музыке многих народов, в том числе тюркских. Существует представление, что очагом пентатоники (бесполутоновой) являются Китай и Монголия. Сложилась и господствовала на протяжении целого столетия теория приоритета пентатоники и идея о том, что монгольско-китайская пентатоника охватывала Восточную Азию и оттуда стала распространяться на запад. Эта теория поддерживалась авторитетом ученых России и крупнейших ученых Европы (Квитка II, 62–63, 64 – комментарии). Влияние шло через Сибирь в европейскую часть России и Среднюю Азию. Особенно характерна пентатоника для северных тюркских народов – татар (сибирских, казахстанских, поволжских – вплоть до астраханских ногайцев), башкир, чувашей и казахов приалтайских областей. Слабее представлена пентатоника у узбеков, уйгуров, киргизов, казахов, ее вовсе нет у караимов, ногайцев и якутов.

С решительным возражением против этой теории выступил известный музыковед К.В.Квитка (1880–1953). Он напомнил о существовании достаточно древней восточнославянской пентатоники и не только о китайско-монгольском, но и русском влиянии на музыку поволжских и сибирских тюрков. Существование наиболее чистых пентатонических и пентатоноидных мелодий в восточных районах казахской этнической территории на Алтае не позволяет, по мнению К.В.Квитки, связывать этот факт с Саяно-Алтайской прародиной тюрков или строить на нем гипотезу бытования исконной древней общетюркской пентатонической музыки.

В музыке народов – носителей чистой пентатоники – К.В.Квитка всегда находит примеры непентатонического или допентатонического склада и тем самым ставит под сомнение приоритет пентатоники вообще и ее универсальности для народов Азии. Народную музыку уйгуров К.В.Квитка совершенно уводит от пентатоники и ставит впервые в науке в связь со старинной музыкальной культурой народов Средиземноморья (Квитка II, 47–65).

Таким образом, обозначенная проблема остается нерешенной.

Музыковеды, исследующие тюркский материал (В.Виноградов, К.Курбанов, Ф.Камалов), предполагают, что зарождение народных песен и музыки тюрков надо искать в потребности облегчения трудовых процессов или в поиске действий, приносящих удачу во время охоты. Сюда можно отнести и песни свадебные, сезонные (окончание сбора урожая), песни о каком-либо выдающемся событии в жизни племени: приобретении жилища, рождении ребенка, выздоровлении от заболеваний и т.д.

Особое место в музыкальном ряду занимали животный мир, быт охотника – они питали творческую фантазию народа. В народной инструментальной и вокальной музыке встречается множество образов, тем, навеянных охотничьим бытом. По преданию, вся киргизская музыка ведет свою историю от древнего охотника Камбара (Виноградов 6–7).

Интересно мнение о том, что по музыкальным признакам возможно деление тюркских этносов на отдельные группы.

К первой группе относятся азербайджанцы, имеющие тесные музыкальные связи с армянами, лезгинами.

Вторая группа – это татары, башкиры, некоторые алтайские племена, тувинцы. В музыке у них есть общность с чувашами, монголами, бурятами.

Третья группа – узбеки, тесно связанные музыкально с таджиками.

Четвертая группа – казахи и туркмены.

Пятая группа – киргизы, хакасы и некоторые алтайские племена (Виноградов 20).

Эти группы не изолированы друг от друга, между ними существуют большие или меньшие взаимосвязи. Они заметно проявляются в музыке азербайджанцев, узбеков и туркмен. Еще большая близость обнаруживается в музыке казахов и киргизов. Но есть и противоположные случаи: например, между первой и второй группами существенные связи отсутствуют –

музыкальные культуры народов этих групп формировались на основе различных источников.

Отсюда можно прийти к заключению о том, что: 1) языковое родство тех или иных народов не обязательно сопровождается родством их музыкальных культур; 2) процесс дифференциации языковых семей, выделение и формирование отдельных языков отличается от аналогичных процессов в музыке благодаря специфическим свойствам самой музыки.

Музыка, так же как язык, речь, обладает значительной устойчивостью, но она меньше, чем у языка. Музыка чувствительнее, чем язык, относится к влияниям, скрещиванию или дифференциации. Раздробленность народа или этническое смешение, миграции и т.п. отражаются на музыке заметнее, чем на языке. Из двух родственных по языку и музыке народов один сохраняет свои старые музыкальные традиции, а другой забывает или видоизменяет их, хотя язык этих народов не претерпевает заметных изменений.

Как иллюстрацию к данному положению можно привести тюркоязычные народы Алтая: одни из них пользуются пентатонической музыкальной системой, у других музыка семиступенна, диатонична. Другой пример – Дагестан и Памир со множеством языков. Но в музыке носителей этих языков такого обилия национальных оттенков не наблюдается (Виноградов 21).

Музыка в силу своей природы очень подвижна, скорее, чем язык, вступает во взаимосвязи, поддается влияниям, изменениям. И сами формы взаимосвязи между музыкальными культурами бывают более многообразными, чем у языка (Виноградов 22).

У тюрков музыкальные культуры очень различны, а порой так далеки друг от друга, что ни древней, ни поздней родственной основы обнаружить у них невозможно. Объясняется это тем, что отдельные тюркские племена и роды рано разобщились, в поиска корма со стадами удалялись далеко друг от друга и вступали в связи с другими различными этническими объединениями. В процессе этих общений происходили изменения и в их музыкальной сфере. В результате этого не оставались неизменными и самые древние пласты музыки, унаследованные от эпохи первоначального единства тюркских племен с их единым пока языком.

Возникает вопрос: в музыкальной культуре каких тюркских народов могли сохраниться в большей или меньшей мере эти древние пласты? Очевидно, музыкальные раритеты заметнее всего сохранились в музыке тех тюркских народов, которые имели между собою наибольшую музыкальную общность (Виноградов 22). Эти народы согласно вышеприведенной классификации входят в четвертую и пятую группы, т.е. это киргизы, казахи, туркмены, алтайские племена и хакасы. Если из этого единства исключить разнящиеся по музыке народы (туркмен, казахов), то оставшаяся часть – киргизы, хакасы и некоторые алтайские племена (телеуты) составят наиболее родственное по музыке компактное объединение. Оно и сохранило те древние родственные музыкальные пласты, сформировавшиеся в далекие времена, когда тюрки, объединившись, вышли из состава алтайской общности

(Виноградов 23). Музыка этих народов семиступенна, диатонична (Виноградов 24). Можно предполагать, что именно у этой части народов (retrsp. древнейших племен) с самой начальной поры тюркского времени сохранились самые древние музыкальные формы, которые позже стали достоянием и других тюркских племен (Виноградов 23).

Наиболее древним предположительно был у киргизов архаический музыкально-поэтический жанр, охватывающий анимистические представления, пережитки глубокой старины: всевозможные заклинания, обряды со специфической манерой речитативного исполнения. Существовали родственные им по музыкальным средствам примитивные обрядовые песни, песни-кошоки (причитания), лирические песни того же речитативного склада. Очень древние корни, вероятно восходящие к рассматриваемому периоду, имеет и сама импровизационная манера песнетворчества киргизов, которая присуща и другим народам, близко связанным с ними (Виноградов 28). В связи с этим любопытно высказывание В.Виноградова: «Есть все основания предполагать, что рунические тексты, относящиеся к киргизам, не существовали тогда как чисто литературное явление, как стих, а бытовали в определенном музыкальном выражении, как песня, как определенный панегирический жанр, пользующийся большой популярностью в творчестве киргизских акынов и в последующее время» (Виноградов 35).

В поздний период, период сложившихся цивилизаций, культур, развития литературы, поэзии, взаимосвязь музыки и языка (устного, письменного) становится тоньше, многообразнее и стабильнее. Исследования музыковеда Т.М.Джани-Заде привели к выводу о наличии трех этапов музыкального синтеза (с VII по X в.; с XI по XV в. и с XV по XVII в.), которые в основном совпадают с этапами формирования арабского, персидского и тюркских литературных языков.

Все вышеизложенные интересные и многообещающие гипотезы, мысли и догадки следует в дельнейшем верифицировать музыковедам и лингвистам, в частности тюркологам.

ТИПОЛОГИЯ МЕТРИКИ

Наиболее архаичные метры представлены в различных тюркских стихотворных традициях – древнеуйгурской, караханидско-уйгурской и чагатайской.

Наиболее древние стихотворные размеры характеризуются относительно устойчивым постоянством – равным числом слогов в одной строке. Обычно строка состоит из 7, 8, 11 слогов со словесной цезурой 4/3, 5/3, 6/5.

Подобная ритмика представлена в древнеуйгурских стихах:

qum täg tälim jazuqumyn	4+4 (8)
qoptyn syŋar tälmirip	4+3 (7)
qody čökä olurup	4+3 (7)
qoturu kšanti qylurmän	3+5 (8)

(Zieme 1992, 391)

'великим, как песок, моим грехам,
со всех сторон взирая с надеждой,
приседая вниз на колени,
я полностью приношу покаяние'

Такая же схема ритмики в стихах из «Дивана» Махмуда Кашгарского:

türlüg čäčäk jazyldy, 4+3 (7)
barčyn jaδym kärildi 4+3 (7)
učmaq jiri körüldi 4+3 (7)
tumluγ jana kälgüsüz 4+3 (7)
(Diz. XXII)

'разные цветы расцвели,
[словно] бархатный ковер расстелили,
[стало] видно райское место,
холода теперь не придут'

Более сложная ритмика в поэме «Кутадгу-билиг»:

sävüg savčy birlä qopuryyl mäni 6+5 (11)
älig tuttačy qyl könilik küni, 7+5 (12)
tözü tört äšiŋä tümän miŋ salam 6+5 (11)
(Мал. 240)

'Воздвигни меня при помощи любимого пророка!
Сделай [его моим] руководителем в день суда!
Всем его четырем сподвижникам десять тысяч приветствий!'

Усложненная ритмика стиха сохранилась и в чагатайской поэзии.
Из газелей Бабура:

köŋlüni ǯu ol päri alyptur 5+5 (10)
divanä bolurγa ni qalyptur 6+4 (10)
bidel ikänimni imdi bilgäj 6+4 (10)
čun bir kiši köŋlüni alyptur 7+3 (10)
(Стеблева 237)

'сердце пленила та красавица-пери,
что остается, как не стать безумцем?
пусть [она] знает, что я безрассуден,
так как сердце человека она пленила'

Тюркская ритмическая система стиха составляет типологическую параллель индоевропейской и картвельской системам при цезуре структуры стиха 4/3, 4/4, 3/5, 5/3 (Гамкрелидзе–Иванов 842).

АНТРОПОМОРФНАЯ И ЗООМОРФНАЯ МЕТАФОРА В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

Вообще говоря, при историческом изучении метафоризации исследователь сталкивается с явлениями двух типов. Прежде всего, следует помнить, что в общем случае метафоры, которые зафиксированы в языке, т.е. в словаре языка (соответственно в метатексте с синхронной точки зрения), неминуемо восходят к метафоризации в тексте, поскольку изменение значения слова происходит через изменение его употребления (согласно пионерской формулировке Э.Бенвениста, Benveniste 1954). Этимология, таким образом, вскрывает через явление языка чуть более древнее состояние, предполагая наличие соответствующих текстов в культуре этноса – носителя данного языка. Вместе с тем, однако, лексикон функционирует и как самостоятельная подсистема с самостоятельными развитиями; так, хорошо известно явление, когда слова одного лексического поля развивают изоморфные системы многозначности и в этом случае возникновение метафоры в словаре как бы предшествует ее реализации в тексте. В том случае, когда существует универсальный тип многозначности, обязательно встречающийся в языках различных типов (хорошо известным примером такой многозначности может служить многозначность, восходящая к метонимическому переносу «вместилище» – «его содержимое»), по-видимому, происходит то же самое, а именно: как только в лексиконе осуществляется слово с таким значением, оно уже имеет потенциал этого универсального переноса, предшествующий тексту, в котором такой перенос осуществляется. Этимология в принципе может справиться и с такими случаями, т.е., тем самым, может верифицировать гипотезу о наличии в данном конкретном состоянии пракультуры, соответствующей историческому состоянию определенного языка, текстов с исследуемым типом метафоризации. Но для этого необходимо развитие исторической типологии метафоры, чтобы понять, насколько универсальны различные типы этих метафор, а насколько этнокультурно обусловлены, т.е. связаны с бытовавшими в данной культуре текстами.

Ниже будет рассмотрен лишь один из типов антропоморфной/зооморфной метафоры – собственно антропо-зооморфный, т.е. переносы названий с частей тела человека и животных на другие объекты действительности.

Для межъязыковой и межкультурной типологии антропоморфной метафоры наиболее интересны следующие области метафоризации: ландшафт, артефакты (среди артефактов особо выделяется жилище), социальная организация. Еще одна известная сфера переносов с названий частей тела не является предметом нашего рассмотрения, будучи не метафорическим, а метонимическим переносом. Это перенос «название внутреннего органа» – «эмоция или иное явление духовной сферы», несомненно для наивной картины мира являющийся подвидом упомянутого выше переноса «вместилище» – «его содержимое».

Перечисленные области являются универсальными и хорошо изучены, например, на базе индоевропейских языков. Для древних индоевропейских языков зафиксированы даже мифологические тексты (которые, по-видимому, обуславливали соответствующую метафоризацию), посвященные сотворению космоса и социума из частей тела прачеловека, причем эти мифологические сюжеты могут быть реконструированы для праиндоевропейского состояния (см. Мифы народов мира 1, 532). Что касается жилища, известно, что в архаическом мировосприятии оно может фигурировать в качестве модели мироздания и вторичным образом также отражать антропоморфную метафорику (ср. *Цивьян Т.В.* К семантике дома в балканских загадках // Материалы Всесоюзного симпозиума по вторичным моделирующим системам, 1 (5). Тарту, 1974; *Невская Л.Г.* Дом в литовской загадке // Balcanica: Лингвистические исследования. М., 1979. С. 222–227).

Для алтайских языков фиксация мифологических текстов относится к значительно более позднему времени, чем в случае с индоевропейскими языками. Следовательно, вскрытие соответствующих культурных пластов может проходить только через лингвистическую реконструкцию и этимологию, с учетом тех особенностей языковой метафоры как метатекстовой, которые были отмечены выше. Итак, последующий анализ антропоморфной метафоры в тюркских языках имеет реконструктивные цели. Можно ли, скажем, с его помощью восстановить пратюркскую мифологическую сущность, подобную древнеиндийскому Пуруше?

На первый взгляд, антропоморфная метафора вполне распространена в лексике тюркских языков, в том числе в перечисленных семантических областях. Рассмотрим, однако, материал[188].

АРТЕФАКТЫ

1. **i̯ämgök* ‘темя, родничок’: тув. *čövek* ‘обух (топора, ножа)’.

2. **čügtä* ‘сосцевидный отросток височной кости’:: турк. *čüwde* ‘затылок, обух топора’, башк. *sŏjdä* (диал.) ‘обратная сторона ножа’ (ср. башк. *төйзә* ‘обух’ – видимо, контаминация *сөйзә* и глаг. основы *төй-* ‘толочь’); каз. *šüjde* ‘обух топора’. Сюда же может относиться як. *сүгätä* (Пек. 2378, под *сүгä* ‘топор’, в сочетании: *kätäŋin сүгätä* ‘затылочный бугорок’); трактовка его как метафоры из *сүгä* ‘топор’ семантически не особенно удовлетворительна, так как здесь естественнее было бы ожидать переноса с «обуха топора», а не с «лезвия».

3. **kulgak* ‘ухо’: тур. *kulak* ‘ярлык; колок струнного инструмента’, гаг. *kulak* ‘ушко иголки’, турк. *Gulaq* ‘ушко; колок; курок ружья’, кар.Г. *kulak* ‘вешалка’, кум. *qulaq* ‘ушко, ручка (котла, двери)’, тат. *qolaq* ‘ушко котла’, башк. *qolaq* ‘ушко котла’, ног. *qulaq* ‘ушко котла’, ккалп. *qulaq* ‘ушко котла; колок; курок ружья’, каз. *qulaq* ‘ушко котла; колок струнного инструмента’;

[188] Полные этимологии соответствующих пратюркских названий частей тела см. в. СИГТЯ 1997, 194–289.

кирг. *qulaq* 'ушко котла; колок; полка ружья'; 'щечки стрелы', алт. *qulaq* 'ушко котла; курок ружья'; узб. *quloq* 'ушко котла; колок; курок ружья', узб.диал. *qulaq* 'ручки кастрюли' (Абд.Хор. 660), уйг. *qulaq* 'ушко котла; колок'; хак. *xulax* 'ушко иголки, котла'; тув. *qulaq* 'ушко котла; боек шомпольного ружья, желобок кремневого ружья; гуж хомута', як. *qulgāx* гуж хомута', як.диал. *qulgaax haa* 'кремневое ружье' (ДСЯЯз 90); чув. *хъlхъ* 'ушко котла'. Любопытны конкретные значения внутри этого типа: точечно распространенное 'колок струнного инструмента' (по культурно-историческим аргументам – наверняка из перс.) и характерное для восточной зоны (распространяется через узбекский и каракалпакский до туркменского) значение 'бойковая деталь ружья' – ср. перс. *goš* 'ухо', *gošah* 'колок струнного инструмента; боек ружья' (Fazl-I-Ali 476). Одиночный перенос: 'ярлык' из араб. (*иδūнāт* 'ордера, боны' – pl. к *иδип* 'ухо' Баранов 30).

4. **bät* 'лицо': балк. *bet* 'сторона, страница', кум. *bet* 'сторона, страница', тат. *bit* 'страница', башк. *bit* 'страница', ног. *bet* 'сторона, страница', ккалп. *bet* 'сторона, страница', каз. *bet* 'сторона, поверхность, страница'; кирг. *bet* 'страница', узб. *bet* 'сторона, страница', нуйг. *bät* 'страница'. Застывшее употребление 'страница' явно восходит к среднеазиатскому тюрки (ср. отсутствие этого значения в огузских языках);

5. **gȫz* 'глаз': ср.-уйг. *köz* 'оправа камня перстня' (Tfs 181), *göz* 'оправа камня перстня' (IbnM); **göz* 'глазок'; **köz* 'глазок'; кум. *göz* 'глазок', тат. *küzčä, küzänäk* 'глазок', тат.диал. Сиб. *küs* 'глазок' (Тум.ЗС 140), башк. *күδ* 'глазок', ног. *köz* 'глазок', ккалп. *köz* 'глазок', каз. *köz* 'глазок'; кирг. *köz* 'глазок', алт. *köznök* 'окно'; узб. *kų̇z* 'глазок', уйг. *köz* 'глазок (в частности, *үзүкниң көзи* 'камень, вставленный в кольцо')'; сюг. *küzäg* 'сучок в дереве' (Мал.ЯЖУ 68, 70, 71; уменьшит.?), Саг. *kös* 'ячейка'; чув. *kus'* 'глазок'. Типологически стандартный переход, отмеченный практически во всех источниках, – 'глазок' в смысле «маленькая двумерная деталь (в частности, отверстие) в более крупном предмете»: ячея сети, окошечко, ушко иглы, почка и под.; ср. специфическое туркестанское развитие 'камень перстня' (параллелей в территориально близких не-тюркских языках обнаружить не удалось).

6. **karak* 'зрачок' → сиб.-тюрк. «глаз»: хак. *xarax* 'глазок перстня, ячея сети, секция окна', тув. *qaraq* 'ячея сети', як. *xarax* 'ячея'.

7. **kāš* 'бровь': ср.-кыпч. *qaš* 'лука седла' (KW 195, Houts. 86), тур. *kaš* 'лука седла, клинок меча', тур.диал. *gaš* 'лука седла' (Aks.Gaz. 302; DS VI 1933; DSf.), аз. *Gaš* 'лука седла'; хал. *qā^{a}š* 'бровь' (Doerf.–Tez. 173), *gāš* (из перс.) 'лука седла' (Doerf.–Tez. 115), турк. *Gāš* 'лука седла', кум. *qaš* 'лука седла' (Мохир 75), тат. *qaš* 'лука седла'; башк. *qaš* 'карниз', ккалп. *qas* 'лука седла', кирг. *qaš* 'лука седла', алт. *qaš* 'оторочка одежды', Кум., Лебед. *qaš* 'лука седла' (Баск. Леб. 160, Баск.Кум. 220); узб. *qoš* 'лука седла', уйг. *qaš* 'лука седла'; хак. *xas* 'лука седла'.

8. **kirpik* 'ресницы': тур.диал. *kirpikli* 'с неровными краями *(о посуде)*' (DS VIII 2883), тат.диал. *kerpek* 'навес над карнизом переднего фасада дома'

(ДСТ 239), 'широкая оборка, пришитая к подолу женского платья' (ДСТ 239), кирг. *kirpik* 'мерлушковая оторочка на шубе'. Значения деталей артефактов: кирг. 'мерлушковая оторочка на шубе', тат. диал. 'широкая оборка, пришитая к подолу женского платья', 'навес над карнизом переднего фасада дома', – могли бы объясняться метафорически, если бы не узкое распространение, заставляющее считать их следствием семантического сближения с тат. *qyrpu*, тат.диал. *qyrpuq* 'шапка с опушкой' ДСТ 263 (заим. в чув. *хърри* 'околыш *(фуражки)*; оторочка, кайма'; ср. чув.диал. *хърпу* 'ресница'), башк. *qyrpyw*, ног. *qyrpuw* 'опушка, оторочка, кайма'; кирг. *qurbu, qyrby, qyrbū* 'выступ, карниз, поля шляпы', тел. *qurbu* 'борозда, выступ, карниз', заимствованными из монг. – см. VEWT 302.

9. **burun* 'нос животного': др.-уйг. *burnau* 'кувшин с носиком' (TT VII), аз. *burun* 'выступающая деталь, носик посуды'; тат. *boryn* 'нос судна'.

10. **tum-š-uk* 'клюв': сал. *tunčux* 'угол' (Тен.ССЯ 523–524); каз. *tumsyq* 'носок сапога'; куманд. *tunčuq* 'угол' (Баск.Кум. 257, Верб. 374); узб. *tumšuq* 'выступ'; уйг. *tumšuq – то же* (Мал.УЯ 187, Мал.УНС 162), як. *tumus* 'передняя заостренная часть чего-л.'

11. **jajŋak* 'щека': аз. *janaG* 'боковая пластина', кирг. *žāk* 'боковая поверхность нек. предметов: щечки комуза, проушина топора, бочки наконечника стрелы; круг дымового отверстия юрты с палочками, составляющими верхнюю часть ее остова, т.е. аналог косяка', узб. *žaγ* 'щечки (техн.)', як. *syŋax* 'полозья саней'.

12. **agyr'* > **agyz* 'рот': др.-уйг. *ayyz* 'отверстие сосуда; отверстие язвы' (Rach. II 3, 110, 20), крх.-уйг. *ayyz* 'отверстие сосуда' (МК I 55); хрзм.-т. *ayyz* 'устье колодца; отверстие бурдюка' (Хор.П. I 103).

13. **sakagu* 'подбородок': тат. *sayaq* 'бородка топора', башк. *hayaq* 'бородка топора', (ср. также башк.диал. *hayaldyryq* 'бородка топора' – Бhh II 286). Ср. такие переинтерпретации переносных употреблений последних, как тат. диал. *sayak* (ДСТ 365, Тум. Себер 188), башк.диал. *hayaq* (Бhh I 255) 'бородка плотничьего топора'.

14. **sakkal* 'борода': баш.диал. *čaqal* (Бhh II 233) 'кончик пучка льна; волокна на конце кукурузного початка'.

15. **byδγyk* 'усы, борода': як. *bytyk* 'бородка волос у волосяной тетивы'.

16. **erin* 'губа': кар. *erin* 'край посуды'; леб. *erin* 'край посуды' (Баск. Леб. 230), тув. *erin* 'край посуды'. Судя по производному (**ern-γek/*ern-eγü* 'утолщенный край посуды' – см. ЭСТЯ 1974, 301), такое значение возможно также для тур.диал., турк., тат., ккалп., каз., кирг. Такой перенос может уточнять первоначальное значение названия части тела, как 'нижняя губа'.

17. **dilk* > **dil* 'язык (часть тела)': 'язычок музыкального инструмента' – аз., турк., башк., ног., ккалп., кирг.; 'маятник или стрелка часов' – турк., тат., башк.; 'деталь застежки, запора' – тур. диал., як.

18. **dil'* > **dš̃* 'зуб': 'зубец – деталь артефакта' – крх.-уйг. ('лемех'; 'зубцы на серпе' в *tišä-* 'точить серп'), чаг. ('лемех'), огуз., кум., башк., ног., узб., уйг., як. ('зубцы у граблей'); 'вертел' – туба, леб. (*tiš-te-* 'хватать зубами; жа-

рить на вертеле': последнее, возможно, результат контаминации с **šil' > *šiš* 'зуб' (в чув. *šъl*), 'острый колышек, вертел' в прочих языках).

19. **bogaz* 'горло': хрзм.-т. 'шейка струнного инструмента'; тур., гаг., аз., уз. (*bu̯γiz*) 'горлышко сосуда'; ккалп. 'стекло для лампы' (вероятно, к значению 'горлышко бутылки'; единственный несомненно не заимствованный кыпчакский рефлекс рассматриваемой основы); каз.диал. 'ложе для древка лопаты'.

20. **bōjn* 'шея': а) 'горлышко сосуда' – тур., гаг., турк., кирг. ('шейка кумгана'), узб., як., чув.; б) 'место прикрепления лезвия к рукоятке' – МК, 'гриф музыкального инструмента' – узб., чув.

21. **kol* 'рука': тур. *kol* 'засов, задвижка'; аз. *гол* 'рычаг, коромысло, плечо (у весов)'.

22. **koltuk* 'подмышка': тур. 'закоулок, кабачок'[189].

23. **tirs(g)ek* 'локоть': 'изгиб, выгиб, колено (напр., трубы)' – узб., тур., гаг., аз., турк., тат.

24. **čaiḳkan-ak* 'локоть, предплечье': кирг. *чықанақ* юж. 'колено (трубы)'.

25. **āja* 'ладонь': 'гребень для расчесывания козьего пуха' – башк.

26. **parŋak* 'палец, пальцы': 'решетка окна, перила лестницы' – тур., 'спицы колеса' – тур., гаг., аз., 'столбик, балясина' – тур., 'палец (как деталь механизма)' – узб.

27. **dyrŋak* 'ноготь, коготь': 'кавычка' – туркм., 'ось колеса арбы' – турк.диал., 'зубья в полозьях саней' – тат. диал., 'гребень' – тоф.

28. **syrt* 'спина' > 'лопатка': 'лемех плуга' – ср.-огуз., 'резец сохи, предплужник' – чув.

29. **kökrek* 'грудная клетка, передняя часть туловища животного': кузов телеги – турк.диал. (ТДГДС); передок арбы – узб.диал. (Щерб.Ю.-Хор.); корпус телеги – башк.диал. (Бhh); *арба күкрәгі* 'подушка телеги' – тат., башк.

30. **em-ček* 'женская грудь, сосок': 'шип на подкове' – башк.

31. **ejegü* 'ребро': 'ребра, на которые натягивается палатка' – МК.

32. **karym* 'живот, утроба': 'бурдюк' – ккалп., алт., хак.

33. **kīn* < **kīń, *kīn-tik* (уменьшительное) 'пупок': 'стержень, ось' – як. тат., башк.; 'брус в основании арбы' – узб.; 'сердечник у телеги' – чув.диал. (Серг.ДСЧ), 'петля, за которую привязывают жеребенка к веревке' – галт., 'возвышение на черенке шаманской ложечки-кропила' – сюг.

34. **gōpek* 'пупок': 'стержень, ось, сердечник' – тур., гаг.; 'ствол ружья, рукоять сковородника' – тат. диал.

35. **būt* 'нога': 'ножка (деталь артефакта)' – каз., кирг., алт., тув., як.

36. **aδak* 'нога': 'ножка (деталь артефакта)' – кар., кум., кбалк., тат., ног., узб., уйг., хак., як.

37. **tāpan* 'подошва, ступня': 'полоз саней' – гаг., башк., алт., хак., чув.; 'обод колеса' – аз. диал., уйг. диал. Кашг.

---

[189] Такие переносы, как «подлокотник» – Zen. II 720 (вост.-тюрк.), тур., гаг. (кресло), аз.; «часть одежды под мышкой» – турк., мы не включаем сюда, так как это не метафорические, а метонимические переносы.

Выведенный материал демонстрирует, по-видимому, по большей части метафорические переносы универсального или, по крайней мере, фреквентального характера; таковы, в первую очередь, названия кухонной утвари, в частности, деталей сосудов. Обращает на себя внимание одна характерная особенность, отличающая тюркскую систему: наличие развитой метафоризации при наименовании частей повозки. Это тув. *qulaq*, як. *qulgāx* 'гуж хомута' (< 'ухо'); як. *syŋax* 'полозья саней' (< 'скула'); **parŋak* 'палец, пальцы' > 'спицы колеса' – тур., гаг., аз.; **dyrŋak* 'ноготь, коготь' > 'ось колеса арбы' – туркм. диал., 'зубья в полозьях саней' – тат.диал.; **kökrek* 'грудная клетка' > кузов телеги – турк.диал., передок арбы – узб.диал., корпус телеги – башк.диал., 'подушка телеги' – тат., башк.; **kīn, *kīn-tik* 'пупок' > 'брус в основании арбы' – узб., 'сердечник у телеги' – чув.диал.; **tāpan* 'подошва, ступня' > 'полоз саней' – гаг., башк., алт., хак., чув., 'обод колеса' – аз. диал., уйг. диал. Ср. также детали других транспортных средств – луку седла (< «бровь») – фактически общетюркский перенос, в этом значении слово заимствовано в перс. *gāš*; **em-ček* 'сосок' > 'шип на подкове' – башк. Безусловно, за этим классом метафор просматриваются совершенно очевидные культурно-исторические причины.

Любопытно, что в пра- и общетюркской лексике, как мы выше уже упоминали, практически отсутствуют мотивы антропоморфного представления о жилище (при обилии свидетельств антропоморфных представлений о ландшафте и обилии же переносов с названий частей тела на детали артефактов), единственный тюркский регион, более или менее систематически дающий эти мотивы, – Поволжье, ср. башк. *kaš* 'бровь, карниз, наличник', чув. *xaži/xaršı* 'бровь; наличник, оконная рама' (судя по фонетике, должно быть поздним кыпчакским заимствованием), тат. диал. *kerpek* 'ресницы, навес над карнизом'. Сюда же можно отнести вторичное совпадение тат., башк., чув. *jaŋak* 'челюсть, косяк' (**jaŋak* 'дверной косяк': крх.-уйг. *jaŋaq* 'косяк двери' (МК III 376); тат. *jaŋaq* 'косяк', башк. *jaŋaq* 'косяк', кирг. *žāk* 'круг дымового отверстия юрты с палочками, составляющими верхнюю часть ее остова, т.е. аналог косяка', алт. *d'āk* 'косяк двери, окна', Леб. *jāk*, *t'āk* косяк' (Баск.Леб. 146, 212); хак. *nāx* 'косяк', тув. *čāk* 'косяк двери', часто считают метафорой по детали лица, но это, по-видимому, отдельное слово, вторично сблизившееся с ПТ **jajŋak* 'челюсть, подбородок', но имеющее другие внешние параллели, см. EDAL). Отметим, что все части тела, названия которых выступают в такой функции, – это детали лица. Интересно проверить, не является ли появление такой метафоризации следствием контактов с волжскими финно-уграми. Явно под русским влиянием образовано як. *xabaɣal* 'передняя верхняя часть камина, чело печки' ('лоб-очага'). Общетюркское производное **göz-e-n-ek* 'окно' (букв. «гляделка», производное от пассива отыменного глагола **göz-e-*), будучи отглагольным, не подходит под категорию метафорических переносов с названия части тела. То же относится к общетюрк. метонимическому переносу по смежности *tapan* 'ступня' > 'ступенька'. По-видимому, контактное (иран-

ское?) происхождение имеют следующие случаи: кирг. *engse* 'сила, верхняя перекладина дверного косяка', туркм. *энси* 'ковровый дверной занавес' (при старом значении 'загривок') – ср. перс. *gardan* 'шея, загривок; сила; шест' (Fazl-I-Ali 464). Одиночным остается МК *ejegü* 'ребро; ребра, на которые натягивается палатка'; судя по типу образности, здесь скорее зооморфный, чем антропоморфный перенос.

Особый случай представляет собой пратюрк. **tepö*, дающее по языкам следующий разброс значений: а) холм, вершина, верхушка – во всех источниках; крыша – кар., кум., тат., башк., ног., ккалп., каз., чув.; б) темя – др.-уйг., крх.-уйг., ср.-кыпч., ср.-огуз. (Ibn M.), хрзм.-т., чаг., тур., гаг., аз., турк., кар., тат., башк., ног., ккалп., каз., кирг., алт., узб., уйг., тув., чув.; мозг – ср.-кыпч. (Ettuh.); голова – алт. (жен.), як.; череп – леб.; верхняя часть шапки – башк., ног., ккалп., каз., кирг., уйг., тув. Регулярная многозначность названия части тела vs. ландшафтный термин явно выводится здесь на общетюркский уровень; отсутствие внешних параллелей не позволяет решить, которое из этих значений первично. Значение 'крыша', очевидно, внутрикыпчакская инновация; в чувашском (*tübe*) оно, по-видимому, скалькировано из татарского (если чув. форма вообще не заимствована из татарского).

ЛАНДШАФТ

Перенос названий частей тела на ландшафтные объекты, будучи универсальным явлением, чрезвычайно распространен в тюркских языках, но в ряде случаев следует обратить специальное внимание на то, производится ли перенос с названий частей тела человека или животного.

По поводу различения в языке частей тела человека и животных среди специалистов по теоретической семантике существуют различные воззрения. Например, А. Вежбицка (Lingua mentalis) предлагает по возможности анализировать названия частей тела животных как метафорический перенос названия с соответствующей части тела человека. Оказывается, однако, что это не всегда целесообразно. Так, типологическое обследование соотношения названий спины по разным языкам показывает, что здесь выделяются «человеко-ориентированные» и «животно-ориентированные» системы: для «человеко-ориентированных» характерна регулярная многозначность 'спина' = 'задняя часть', 'место позади', соответственно, от названий спины регулярно образуются локализующие слова со значением 'позади' (ср. англ. *back*, уз. *орқа*); для «животно-ориентированных» – регулярная многозначность 'спина' = 'хребет горы' = 'верхняя часть', 'поверхность', 'внешняя сторона' и образуются локализующие слова со значением 'снаружи' (алт. *сырт*, аз. *бел*, рус. *спина*); кроме того, бывают языки, в которых имеется два названия спины, одно из которых ведет себя как «человеческое», другое – как «животное»; оба они обычно могут синхронно употребляться и для обозначения спины человека, и для обозначения спины животного; естественно считать в каждом из случаев один тип употреблений основным, а другой – метафорическим (тур. *arka* 'спина, сзади', *syrt* 'спина, гребень горы'). Оказывается существенным также «функциональное» различие частей спины

человека и животного: при отсутствии необходимости «топографического» различения частей спины как немаркированное слово для обозначения спины в одних языках может употребляться термин, обозначающий в маркированном случае верхнюю часть спины, в других – термин, обозначающий поясницу; в обоих случаях в качестве «общего» слова выбирается функциональное: в первом случае это 'часть тела, на которой носит груз человек', во втором – 'часть тела, на которой носит груз вьючное животное'. Соотношение значений **arka* и **syrt* по языкам указывает на первоначальные значения **syrt* 'спина животного' и **arka* 'спина человека = верхняя часть спины' (то, на чем носит грузы человек). По отдельным группам языков эта система претерпела следующие развития. В чув. **arka* 'спина человека' ⇒ 'спина вообще' (без противопоставления) ⇒ 'спина животного', вытесняя **syrt*, сохранившееся только как ландшафтный термин; оппозиция вновь образуется за счет перехода рефлекса **jagryn* 'лопаточная часть спины' в название спины. В якутском оппозиция перестраивается вследствие монгольского влияния: исчезает противопоставление по признаку 'человек/животное' (и рефлекс слова **syrt*), основным названием для спины становится слово со значением 'горный хребет, спинной хребет' (*сис* 'позвоночник, хребет, спина; горный хребет' восходит к пратюрк. **jyš* 'горный хребет, горы, покрытые лесом' ЭСТЯ 1989, 44; развитие 'горный хребет' ⇒ 'спинной хребет, спина', по-видимому, под влиянием такого же спектра значений монг. слова **nirigun*), слово *арҕа* получает значение 'верхняя часть спины человека, загривок животного'. В прочих языках оппозиция просто постепенно стирается; в гораздо большем числе случаев это происходит за счет расширения значения **arka* (получающего значение 'горный хребет' в тув., хак., алт., башк., ног., кум.), таким образом представляющего собой основное наименование спины (ср. *сырт* 'задняя часть' – турк., кар., ног.). Первоначальное значение слова **bēl* 'поясница, талия'; впоследствии в части языков у его рефлексов появляется восстанавливающее первоначальную оппозицию дополнительное значение 'спина животного' (откуда далее 'горный хребет; позвоночник'). Такое развитие объяснимо основным функциональным контекстом для слова 'спина': 'нести на..., погрузить на...'; поскольку при навьючивании животного груз приходится именно на середину спины, то собственно название середины спины, поясницы может стать наиболее употребительным в этом контексте, и, таким образом, получить значение 'спина животного'. Характерно, что у рефлексов **bēl* отсутствуют употребления типа 'зад, тыл', и, следовательно, не наблюдается развития 'спина животного' ⇒ 'спина человека'.

Вот материал по соответствующим метафорическим переносам.

1. **alyn* 'лоб': : крх.-уйг. 'склон горы ' (MK I 78; II 7; QB 5 222).

2. **qambaq* 'веко, бровь': край (берега) – каз., ккалп.; обрыв (обычно у реки) – башк.; карниз – каз.; козырек – тув.; склон горы – тат.диал. (ДСТ); пригорок – тув.; расселина – ккалп. (горная); рытвина, впадина – кирг.

Ландшафтные значения кыпчакских форм могут восходить как к значению 'веко', так и к значению 'бровь'.

3. **töpe* 'макушка': 'холм, вершина, верхушка – во всех источниках.

4. **kulgak* 'ухо': тат. *qolaq* 'залив на реке', башк. *qolaq* 'затон'; 'ответвление арыка' – уйг., узб., ккалп., кирг., туркм., тув.

5. **bät* 'лицо': балк. *bet* 'склон', кум. *bet* 'склон'.

6. **gŏz* 'глаз': ср.-уйг. *göz* 'родник' (Ibn M); ср.-кыпч. *köz* 'глаз', 'родник' (Houts. 6, 19; AbûH 81), хрзм.-т. *köz* 'родник' (ХШ 104), чаг. *göz* 'родник' (San. 306 r29; Pav.C. 469); **göz* 'родник (тур., аз., турк. – *чешмәниң гөзи)*'; кар Г. *kez* 'источник *(кез сув)*', тат.диал. Сиб. *küs* 'места с открытой водой посреди болота' (Тум.ЗС 140), башк. *küdläwäk* 'источник', ног. *köz* 'родник', каз. *köz* 'родник'; узб. *kŭz* 'родник *(булоқниң кўзи)*', уйг. *köz* 'родник *(булақниң көзи)*'; чув. *kus'* 'полынья, промоина (*шыв куçĕ*)'. Метафора наблюдается в зоне иранского культурного влияния – ср. тадж. *чашма*, перс. *čašm sār*, которые сами по себе могли возникнуть под арабским влиянием: *ʕayn* 'глаз, источник' (ср. EDT 756) – общесемитская многозначность; ср. аккад. *înu* 'Auge; Wasserlauf, Strömung' Delitsch Ass. 49.

7. **käš* 'бровь': крх.-уйг. *qaš* 'край, берег, бровка' (Brock. 150; Kāšġ.D. 276; Diz. 59); ср.-уйг. 'холм' (Ateb. XXXIV; Бор.ЛТ 206; Мел.АФ 103; Ibn M. 38 [см. ДТС 431; Мал. 412; Orkun 86]); ср.-кыпч. *qaš* 'вершина горы' (Тарж. 105; Abû H 72; El-Idr. 28; Ettuh. 187; Из.дар 340; Tel. 317; Zaj.ad-Durr. II 94); аз. *Gaš* 'бровка горы;', аз.диал. 'горная цепь' (ДСАз. 124); узб.диал. Хорезм. *qāš* 'край, бровка горы' (Абд. Хор.Ш 61); тат. *qaš* 'косогор, скат горы', тат. диал. *qaš* 'холм, пригорок' (ДСТ 198; Тум.ЗС 150), башк. *qaš* 'карниз', башк. диал. *kaš* 'яр; к' (Bhh 141), алт. *qaš* 'опушка леса', кум., лебед. *qaš* вал, высокий берег' (Баск.Леб. 160; Баск.Кум. 220); уйг. 'грядка' (Мал.УЯ 160; Мал. УНС 122); хак. *xas* 'берег, возвышенность', тоф. *xaš* 'косогор, склон горы'.

8. **burun* 'нос человека, морда животного': крх.-уйг. *burun* 'нос; пик горы' (МК I 398), тур. *burun* 'нос человека; морда животного, клюв птицы; мыс', гаг. *burnu* 'нос человека; клюв птицы; мыс', аз. *burun* 'нос человека; морда животного (*burun-la-* 'раскапывать мордой'), клюв птицы; мыс', турк. *burun* 'нос человека; морда животного; кончик чего-л.; мыс'; , кум. *burun* 'нос; угол; мыс', тат. *boryn* 'нос; рыло, клюв (*borynla-* 'выклевываться – о цыпленке'); мыс', башк. *moron* 'нос; морда; мыс', ног. *buryn* 'нос, мыс', узб. *burun* 'нос; мыс'.

9. **tum-l'-uk* 'клюв, морда': чаг. *tumšuq* 'клюв, отрог скалы, горы' (Sangl. 185r23); турк. *tumšuq* 'подбородок; морда; мыс', ккалп. *tumsyq* 'клюв; морда; хобот; мыс', кирг. *tumšuq* 'клюв, морда, рыло, хобот; мыс', алт. *tumčuq* 'нос, клюв; мыс', куманд. *tunčuq* 'нос, верхняя губа; угол, мыс' (Баск.Кум. 257, Верб. 374); узб. *tumšuq* 'клюв птиц; выступ'; уйг. *tumšuq – то же* (Мал.УЯ 187, Мал.УНС 162), тув. *dumčuq* 'нос; клюв, хобот; уступ горы', як. *tumus* 'клюв; рыло; бугорок верхней губы; мыс, островок густого леса; передняя заостренная часть чего-л.', *tumul* 'мыс, густой лес'.

10. **jajŋak* 'щека, челюсть': тув. *čāk* 'щека челюсть; прибрежный лед'.

11. **agyr'* 'рот': ен. *ayyz* 'устье реки' (ПМК 89), др.-уйг. *ayyz* 'вход в ущелье' (Lig.VSOu 126), крх.-уйг. *ayyz* 'устье реки' (МК I 55); хрзм.-т. *ayyz* 'устье колодца' (Хор.П. I 103), чув. *ъъ* 'устье'.

12. **dilk* 'язык': тур. 'мыс, коса, перешеек'; кар. 'залив'.

13. **dīš* 'зуб': тур., турк. 'зубцы горного хребта'.

14. **damgak* 'глотка, небо': кар.Т. 'пролив', кум., тат., башк., ног. 'устье реки, канала' (заим. в чув. *tamak* – то же), ср. крх.-уйг. *tamγa* 'пролив, рукав, узкий залив' (МК I 424).

15. **bogaz* 'горло': чув. и общеогуз. 'пролив, устье; горный проход'; в карлук., в кыпчак., в том числе в ю.-кирг. 'пролив' явно заимствовано из огуз. (ср. уз. *buγaz*, уйг. *boγaz* 'пролив' в отличие от собственного *boγuz* 'горло').

16. **bōjn* 'шея': кум. 'седловина', башк., узб., тув. (*mojna-lyk*), чув. (*mъj-lъx*) 'перешеек'.

17. **jelkä* 'загривок, грива': тур.диал. *yelke* 'грива животного; вершина горы, вершина ивы' (DD 3: 1509).

18. **koltuk* 'подмышка': залив – Zen. II 720 (вост.-тюрк.), гаг., тат., башк., ног., кум., ккалп., уйг., узб.

19. **kōjn* 'пазуха': залив – Zen. II 724 (вост.-тюрк.), подошва горы – алт., тел.

20. **kol* 'рука, Arm': крх. *opry qolu* 'ответвление (ар. *ʕaḍud*) долины'[190] МК III 134; тур. *kol* 'рукав (реки), приток реки'; гагауз. *кол* 'рукав реки', аз. *гол* 'приток реки'.

21. **čaiḳan-ak* 'локоть, предплечье': ног. *шыганақ* 'излучина реки', ккалп. *шыганақ* 'излучина', каз. *шыганақ* 'залив'; тув. *шенек* 'мыс, выступ горы'.

22. **damor* 'кровеносный сосуд': канал (*suv tamyry*) – др.-уйг. ТТ I.

23. **boδ* «тело»: «местность вдоль реки (берег, долина)» – TS, турк., кбалк.. ккалп., кирг., узб., уйг.

24. **arka* 'спина человека' → 'спина животного' (кыпчакские и сибирские языки): 'верх, горный хребет' – кум., башк., ног., алт., сюг., хак., шор., тув.

25. **syrt* 'спина животного': 'гребень горы; внешняя сторона, верх, поверхность' – тур., гаг., аз., кум., балк., тат., каз., ккалп., кирг., алт., узб., хак., тув.; 'нагорная долина' – др.-огуз.; 'холм' – ср.-кыпч., чаг.; 'гребень, грива горы' – чув. диал.;

26. **bēlk* 'поясница': 'склон горы; седловина' – ен., др.-уйг., ср.-уйг., хрзм.-т., ср.-кыпч., чаг., тур., гаг., аз., сал., кар., кум., балк., тат., башк., ног., уз., уйг., тув., як.; 'склон; горный хребет' – ст.-осм.; 'спина, хребет горы; поясница, седловина горы' – хак., сюг., алт.; 'горный перевал; горный хребет' – каз., ккалп., кирг.; 'спина животного; перешеек' – чув.

Как было показано выше, перенос на деталь горного ландшафта происходит для слов, относящихся к спине, только из подзначения «часть тела животного».

27. **syjn* 'тело, фигура, рост человека': горный хребет – алт., хак., шор., куманд., тув., тоф.

---

[190] У Дж.Клосона неверно: 'верхняя часть долины'; арабский перевод у МК явно буквальный ('рука'); скорее всего, однако, здесь парное слово – *opry* 'углубление' + *qol* 'долина'; последнее восходит к пратюрк. **kōl* 'долина, углубление', рефлексы которого Махмуд (а вслед за ним Клосон и ряд других этимологов) склонен смешивать с *qol* 'рука' – ср. *qylyċ qoly* с арабским переводом '*ʕaḍud ul-saif*', причем из толкования это 'бороздка на мече' – МК III 1.3.4.

28. **ejegü* 'ребро': крх. 'подъем почвы на склоне горы' (МК).

29. **göpek* 'пупок': гаг. 'маленький островок на реке'.

30. **jawta* 'лопатка': кирг. *жото* 'хребет; гребень горы'.

31. **aδak* 'нога (foot)': 'низовье реки' – тур., аз., турк., кбалк., ног., ккалп., каз., кирг., алт., узб., уйг., хак., тув., як.

Из рассмотрения приведенного материала довольно явно выступает следующая картина. Оказывается, что рассматривая метафорические ландшафтные употребления слов-названий частей тела, следует различать, так сказать, горный и водный ландшафты.

По отношению к водному ландшафту достаточно единообразно по разным тюркским ареалам употребляются различные наименования частей человеческого тела: ухо, бровь, глаз, нос, рот, язык, глотка, подмышка, пазуха, рука, локоть, жила, тело, пупок, нога.

Гора, метафоризуясь как нечто сходное с живым существом, рассматривается либо как человеческое лицо (ср.: лоб, бровь, веко, лицо, нос, рот, зуб, глотка), либо как тело лежащего животного (морда, шея как перешеек, спина-хребет, ребро, передняя нога, грива)[191]. Перенос названий других человеческих частей тела на горный ландшафт наблюдается только в сибирских языках (ср. тув. *шенек* 'локоть' = 'выступ горы'), см. также Молчанова 1982, 225–226. Несомненно, это обусловлено контактами с обитающими на соседних территориях монгольскими языками; относительно монгольских особенностей антропоморфного представления ландшафта см. хотя бы Жуковская 2002, 28–29: гора рассматривается как стоящий человек, ориентированный спиной к северу; обозначены затылок, спина, щеки, плечи, подмышки, ребра, колени; по-видимому, такая метафоризация напрямую связана с антропоморфным представлением о духе-хозяине горы.

При этом можно показать, что все развитие монгольской системы названий частей тела от праалтайского состояния шло по направлению к возникновению животно-ориентированной системы, и, собственно, нынешняя система названий частей тела человека в монгольских языках по большей части восходит к праалтайским названиям частей тела животного (см. Дыбо 1996, 411–412). Таким образом, словарно такая метафоризация долж-

[191] Ср. Габышева 2003, раздел, посвященный обсуждению пространственной антропоморфной и зооморфной метафоры в якутском языке, содержит примеры (с. 26–28), демонстрирующие скорее зооморфный, чем антропоморфный характер якутских метафор. Ср. там же, с. 55, рассуждение о якутской космогонии: «В мифологии якутов не встречается мотив сотворения мира из частей тела бога, шамана..., описание рождения вселенной нередко включает упоминание о частях тела животного или человека; это может быть сравнение изначальной земли с пяткой белки, соболя и т.д., а неба – с головой или ухом оленя»; в примечании приводится пример о сотворении города из тела коня; примеры с частями тела человека, строго говоря, отсутствуют (приведенный на с. 56 пример, в котором герой-демиург отталкивает небо головой, а землю утаптывает пятками, разумеется, не имеет отношения к метафорике и может служить обоснованием лишь для метонимических переносов).

на быть относительно новой для монгольских языков – возможно, датироваться не раньше распада общемонгольского единства. Таким образом, монгольские языки в этом смысле стоят особняком среди окружающих алтайских языков: о метафоризации в тюркских системах названий частей тела мы уже говорили выше; для тунгусо-маньчжурских языков обнаруживаются только очень локальные ландшафтные метафоры на основе названий частей тела человека, явно связанные, с одной стороны, с влиянием бурятского языка (эвенский: *belge* 'лоно, колени' > 'склон' ССТМЯ I 123 – как бур. *bel* 'косогор, склон горы'), с другой – с влиянием монгольского языка (маньчжурский: meifen 'шея' – meifexen 'скат, косогор' ССТМЯ I 538). Зато вполне распространена зооморфная метафора ландшафта (см. Дыбо 1996, 309–315: основные переносы – спинные позвонки/горный хребет, бок/склон). Интересно также отметить, что «словарная» антропо- и зооморфная метафора получила свое отражение в общеалтайской этимологии. Ср. различия в значениях рефлексов следующих общеалтайских слов.

ПА **kʲiamp'a* 'верхушка, верх головы' > ПЯп. **kam(p)-* 'верх, верхушка горы; голова' EDAL 687.

ПА **nīme* 'верхняя часть головы, темя' > ПЯп. **mínáí* 'вершина горы' EDAL 978.

ПА **t'ĕp'á* 'прядь (волос) на макушке' > Тюрк. **tepö(-ü)* 'холм, вершина' EDAL 1419.

ПА **t'ŭmu* 'голова, темя' > Пяп. **tum-* 'верх, вершина горы' EDAL 1475.

ПА **kʲiā̆č'u* 'рот, внутренняя часть рта' > тунг.-маньчж. **kučí-n* 'колодец' EDAL 682.

ПА **sʲioŋre* 'позвонок, спинной отросток' > Тюрк. **sEŋir* 'внешний угол; выступ горы' EDAL 1281.

ПА **zʲiúĺa* 'позвоночник, хребет, загривок' > Тюрк. **jýl* 'горный лес, чаща; хребет' EDAL 1521.

ПА **p'ágdi* 'нога животного, лапа' > Монг. **(h)adag* 'конец, устье, низ течения' EDAL 1119.

Итак, космос для праалтайцев, насколько можно судить по реконструируемой лексике, так же как и для пратюрков, скорее зооморфен, что может быть связано с реликтами тотемистических воззрений. В специальном объяснении, таким образом, нуждается антропоморфность горного пейзажа у монголов (контактное явление?) и антропоморфность водного ландшафта для тюрков.

Единственный обнаруженный в тюркских языках перенос с названия части тела на деталь социальной структуры – это повсеместно встречающееся развитие **balč* «голова» > «начальник», переход, демонстрирующий высокую частотность по всей Евразии и, скорее всего, этнокультурно несвязанный (ср. Аркадьев 2003, 201).

АНТРОПОНИМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА КАК ПРОЕКЦИЯ КОСМОЛОГИЧЕСКИХ И СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ПРАТЮРКОВ

Обозначенная в заглавии проблематика интересна как для внешней и внутренней истории тюркских языков, так и для культурологии в ее историческом плане. Плодотворное рассмотрение проблематики обеспечивается обращением к славянской этнолингвистике и ее исследовательским приемам (школа Н.И.Толстого и С.М.Толстой). Н.И.Толстой прямо указывал, что этнолингвистика «ставит и решает проблемы языка и этноса, языка и народного менталитета, языка и мифологии», их взаимозависимости и разных видов их корреспонденции (Толстой, Толстая 34, 27). Особенно необходим «союз языкознания и этнографии» в работе компаративиста: «Когда же дело касается реконструкции состояния довольно отдаленного прошлого, например, позднепраславянского, то необходимость союза языкознания и этнографии (археологии) становится все более ощутимой, а во многих случаях просто неизбежной» (Толстой 1997, 229).

Мысли о связи между лингвистикой и этнографией были не чужды и тюркологии. В тюркологии можно назвать плеяду ученых, работавших одновременно в русле языкознания и этнографии, языкознания и фольклористики, начиная с В.В.Радлова. Лингвистом-этнографом был А.Н.Самойлович, которого особо интересовали вопросы наречения имени у тюркских народов (Самойлович 1911а, 295–300; см. также черновой автограф Самойловича «Еще раз к вопросу о наречении имени у турецких племен»: РНБ. Ф. 671. Д. 117. 2 л.). Для него непременным правилом был тезис: «этнограф должен быть знаком с языком изучаемого им народа» (письмо к В.В.Бартольду от 1.IX.1906: Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 219). Этого же принципа придерживался С.Е.Малов. Лучшим знатоком тюркско-шаманского словесного творчества был лингвист-этнограф Н.Ф.Катанов [Самойлович 1912, 118], первый ученый из хакасов (почти через 100 лет собранные им богатые материалы все еще остаются неизданными). Этнограф Н.П.Дыренкова известна грамматиками шорского и ойротского (алтайского) языков. Магические представления и ритуалы, обрядовые языковые формулы, связанные с охотничьим бытом тувинцев, уйгуров и казахов, исследованы В.М.Насиловым [В.Насилов 1970]. В этом ряду упомянем имя исследователя палеоазиатских языков Е.А.Крейновича – в связи с тем, что 12 апреля 2003 г. исполнилось 100 лет со дня его рождения: для него изучение языков было «средством углубленного познания быта изучаемого народа» [Крейнович 1969, 6].

Н.К.Дмитриев, считавший тюркский фольклор одной из основных областей своей исследовательской деятельности, вычленял особо «фольклористику этнографического направления» и «фольклористику литературного

направления»; он был близок к тому, чтобы назвать и «фольклористику лингвистического направления»; так, он писал: «тюрколог-лингвист, даже и при нынешнем состоянии (дифференциации. – *Г.Б.*) науки неизбежно выступает и по вопросам тюркского фольклора, а тюрколог-фольклорист (по преимуществу) одновременно должен владеть и лингвистическим методом» (Дмитриев Н.К. 2001, 199, 31).

Наблюдения Е.И.Убрятовой, проводившиеся над якутскими личными именами в связи с данными словесного народного творчества якутов (СЛИ РСФСР 202), вкупе с нашими материалами по другим тюркским языкам, подводят нас к заключению о подпитывающем воздействии фольклора на тюркскую антропонимию.

Начало наблюдениям этноисторического характера над имянаречением у различных тюркских народов положил В.В.Радлов. В 1894 г. Т.Хаутсма, опираясь на обширный лингвоисторический материал, пришел к выводу, что в тюркских двойных именах отражен обычай сочетания двух разных имен, представляющих тотемы племен отца и матери нарекаемого (Houts. 1984, 33). А.Н.Самойлович, на протяжении десятилетий много занимавшийся изучением тюркской антропонимии, обозначил перспективу ее эффективного изучения: «...следовало бы составлять полные алфавитные списки личных имен, мужских и женских, по отдельным племенам, с подробными указаниями, в каких случаях, в какую историческую эпоху, кому и почему давалось или дается данное имя. Впоследствии явилась бы возможность произвести весьма интересное в культурно-историческом отношении сравнительное исследование личных имен всего турецкого народа» (Самойлович 1911а, 299).

В 1913 г. В.А.Гордлевский в статье «К личной ономастике у османцев» называл тюркский пласт «домусульманским», видя в нем отражение древних верований тюркских народов (Гордлевский 1968, 131–136). Проведенный в 1962 г. анализ тюркских личных имен (ЛИ), связанных с глагольными формами 2 и 3-го лица ед. числа, утвердил Л.Рашоньи в мысли, что такие имена «принадлежат к древнему, оригинальному слою языка, довольно ясно отражающему магические представления, определяющие возникновение тюркских личных имен» (Rás.NPI 7–8, резюме). Однако те личные имена, которые имеют в своем составе слова, например, из разряда метеорологической лексики, были отнесены им без каких-либо оговорок и пояснений к числу так называемых «случайных именований» (Rás.NPT 39, 323). Обзор отечественных работ последней трети XX в., где подобная тематика заявлена либо отражена в какой-то мере, см. Благова 1998.

Нами была поставлена этнолингвистическая задача: проследить, как мифологические воззрения древних тюрков, нередко запечатленные в фольклоре, конкретно отразились в лексике, в данном случае – в антропонимической системе (АС) тюркских народов. Для решения этой задачи широко привлекались фольклорные, мифологические и прочие культурные контексты в соединении с лингвистическим комментарием. Все это в сово-

купности позволяет ономасту увидеть в реконструируемой антропонимической системе (АС) и ее семантической структуре отражение строевых компонентов картины мира пратюркского этноса.

В настоящее время аксиоматический характер приобретает тезис: картина мира в представлениях не только тюркских, но и алтайских, а также уральских народов кардинально отличается от привычных европейских схем [см. ж. «Восток (Oriens)». 2001. №2. С. 171]. Этот тезис требует, однако, развернутого подтверждения на конкретном материале; вопрос «о возможностях реконструкции мифологической картины мира уральских народов Западной Сибири» поставлен А.М.Сагалаевым на XXII Дульзоновских чтениях (см. об этом там же 171).

Одной из задач настоящего исследования является посильное проведение типологических сопоставлений в области тюркской АС и тех подборок личных имен, которые опубликованы в справочном издании СЛИ РСФСР и в числе которых имеются материалы не только алтайских, но и уральских, а также палеоазиатских языков. Попытки подобных типологических сопоставлений призваны дать дополнительную аргументацию выдвигаемой ниже гипотезе о семантической модели картины мира пратюркского этноса по антропонимическим данным. И здесь речь идет, прежде всего, о той ее части, где обнаруживаются типологические схождения тюркской АС и иносистемных АС. Не менее важны и расхождения: они призваны демонстрировать специфику картины мира пратюркского этноса.

Семантическая модель мира в восприятии древних тюркских народов в том виде, как она нашла отражение в личных именах, была реконструирована нами предварительно, до обращения к достижениям и приемам этнолингвистики (СИГТЯ 1997, 702–723). На конкретном материале уже тогда нам удалось в известной мере показать специфику древнетюркской модели по сравнению с древнегерманской моделью, реконструированной Т.В.Топоровой (Топорова 1996).

В тюркологии системное исследование антропонимии как проекции мифологических представлений о космосе и земле с позиций этнолингвистики, при учете имеющихся культурных контекстов предпринято впервые. При этом были уточниены исследовательские приемы в соответствии со структурной специфичностью тюркской антропонимии (Благова 1999, 53 и сл.). Исследовательским материалом для нашей работы послужили, прежде всего, результаты произведенной автором реконструкции пратюркской АС (СИГТЯ 1997, 619–723), классификации типов древнетюркских антропонимов (Благова 1998б). Уже на том, первом, этапе автору удалось высветить отражения отдельных мифологических представлений древнего тюрка в АС (см., например, статьи **jamyur ~ *jaymur, *qar, *boran, *tuman*: СИГТЯ 1997, 632–634). Была предпринята попытка ареального освещения пратюркской АС (Благова 2000).

В ходе работы сильно расширился заново привлекаемый языковой материал по тюркским личным именам. Дело в том, что в тюркских языках исконные

личные имена сохраняют живую связь с апеллятивной лексикой, причем соответствующее слово продолжает жить в апеллятивной лексике; на важность этого обстоятельства обратил внимание Н.И.Толстой (Толстой 1997, 397).

При ближайшем рассмотрении оказалось, что в пратюркской АС представлены достаточно заметные пласты лексики, состоящие из мифологически маркированных слов; примечательно, что в целом они поддаются той же идеографической классификации, какая была принята в СИГТЯ 1997.

Ниже, опираясь на существующую этнографическую литературу (это прежде всего работы Н.П.Дыренковой, Д.Месароша, Л.Н.Потапова, А.Ефимовой, Б.Х.Кармышевой, К.Ш.Шаниязова, историков Л.Н.Гумилева, С.Г.Кляшторного, фольклориста И.В.Стеблевой, двухтомная энциклопедия «Мифы народов мира»: МНМ 1–2), автор продолжил свои попытки уже целенаправленно увязать с мифологическими контекстами (микроконтекстами) те личные имена, которые имеют мифологически маркированные компоненты, принадлежащие, как оказалось, к различным идеографическим группам. По мере возможности нами учитывалась также соотнесенность мифологических воззрений древних тюрков с ритуальной практикой, описанной в литературе.

В круг сопоставления с некоторыми тюркскими магическими представлениями по возможности привлекались также сведения из издания «Мифы, предания, сказки кетов» (МПС Кет.), в том числе из предисловия составителя Е.А.Алексеенко, его комментариев к тексту и глоссария. При этом автор опирался на результаты изучения типологических и ареальных внешних связей кетской мифологии: Вяч.Вс.Ивановым и В.Н.Топоровым были выявлены собственно сибирские историко-генетические параллели, в том числе и тюркские, а также многочисленные «типологические подобия» в этих представлениях у различных народов Сибири [Топоров; Иванов, Топоров].

Разыскания Вяч.Вс.Иванова и В.Н.Топорова навели автора еще на одну возможную линию обследования, а именно просмотр перечней личных имен урало-алтайских языков (по справочному изданию: СЛИ РСФСР) на предмет проверки: отражена ли в именах этих народов лексика тех идеографических групп, которые задействованы в тюркской антропонимии. На этом основании обнаруженные типологические подобия были привлечены к исследованию на тюркском материале.

Полученные лингвистические данные о мифологически маркированных компонентах тюркских личных имен и соответствующие этномифологические контексты рассматриваются ниже в соотнесении с фольклорными контекстами. В данном случае обращение к фольклору было подкреплено еще и тем, что, по наблюдениям Е.И.Убрятовой, имеются факты прямого воздействия устного народного творчества, прежде всего песенного, на определенные группы личных имен у якутов. В карачаево-балкарской и киргизской антропонимиях результатом такого воздействия являются, например, мужские имена *tulpar* (СЛИ РСФСР 108), кирг. *tulpar bek* (Кирг.ЛИ

355) < миф. 'крылатый конь', сказочный 'боевой конь', 'скакун'. Среди киргизских м.ЛИ зафиксированы имена ряда персонажей эпоса: *Манас, Манас-бек, Семетей, Сейтек, Алмамбет* (Кирг.ЛИ 238, 317, 49).

Важные для настоящего исследования фольклорные контексты были получены из изданий народных эпосов – киргизского (М кн. 1–3), казахского (Каз.РЭ), алтайского (МК Алт. ГЭ), тувинского (Тув.ГС), хакасского (АА Хак.ГЭ), якутских олонхо (Олонхо), а также из сборника якутского фольклора дореволюционного периода (Як.Ф) и «Сборника чувашского фольклора. Т. I. Памятники старой чувашской веры», собранного Д.Месарошем и переведенного Ю.Дмитриевой (Чув.Ф), «Хрестоматии по культуре Чувашского края. Дореволюционный период», составленной Н.И.Егоровым и М.Г.Даниловой (Хр.Чув.). Именно в названных эпических произведениях большое место занимают не только фантастика, но также и магия, отголоски мифологических представлений и верований тюрков. Реликты тюркской мифологии в известной мере отражены и в других тюркских фольклорных произведениях (см. Чув.Ф и Хр.Чув., ДБ Башк., Як.Ф). Естественно, что к анализу привлечены те мифологические представления (или их реликты), которые оказались запечатлены в пратюркской АС.

Предпринятый просмотр перечней личных имен в урало-алтайских языках в сопоставительных целях подвел к необходимости хотя бы минимально ознакомиться с устным народным творчеством, например фольклорными контекстами кетов (МПС Кет.), а также одного из уральских народов (Калев.ЭНЭ).

Такой комплексный – этнолингвистический и сопоставительный – подход позволил более эффективно решать поставленные задачи. Этому может способствовать также попытка автора составить в ходе исследования при каждой статье тематическую подборку сведений о соответствующих воззрениях, верованиях, обрядах тюрков, причем не только по мифолого-этнографическим контекстам, но и привлекая соответствующие фольклорные контексты. Собранные воедино (нередко буквально по крохам), такие данные, как оказалось, в значительной мере определяют восприятие окружающего мира, культуру тюрков и тем самым дают более широкий, углубленно-конкретизированный культурный контекст для лингвистического комментирования пратюркской АС. В целях более доходчивой подачи материала интересующее нас слово в приводимых ниже мифологических, фольклорных и других культурных контекстах выделяется с помощью курсива без каких-либо дополнительных оговорок.

Благодаря комплексному изучению пратюркская АС, как нам представляется, приобретает новое, культурологическое измерение.

В своем становлении большое число тюркских личных имен связано с метафоризацией: акт метафорического творчества здесь необходим «как техника» (Арутюнова 374). Подчеркивая вслед за Ф.Ницше, что «побуждение человека к созданию метафор неискоренимо», Н.Д.Арутюнова признает: «оно ищет для своей реализации все новые возможности и находит их в

мифе и искусстве» (Арутюнова 401). «Метафора тем самым укрепила связь с логикой, с одной стороны, и мифологией – с другой» (там же 371). Вместе с тем признается, что в создании метафоры человеком «руководят не понятия, а ситуация» (там же 405). Исторически ситуации – определенные связи народа как с миром, окружающим его в данный исторический момент, так и с миром прошедшим, – изменяются с течением времени. В соответствии с этим не может не измениться тот смысл, который вкладывается в антропонимизирующую метафору тюрком, древним и современным.

С учетом этого применительно к процессам антропонимизации апеллятивов нами вводятся понятия «первичная метафоризация», «вторичная метафоризация», «двухступенчатая метафоризация».

Стремясь к системному описанию древнетюркских образных личных имен, мы исходили «из образца» (т.е. того, *с чем* производится сравнение при имянаречении). Идеографическая классификация сравниваемого материала при этом соответствует принятой в «Сравнительно-исторической грамматике тюркских языков. Лексика» (СИГТЯ 1997). Как увидим ниже на конкретных примерах, в пратюркской АС метафоризация в ряде случаев могла быть двухступенчатой. Фиксация случаев двухступенчатой метафоризации в пратюркской АС в идеале позволяет увидеть «перспективу развития метафорических лексико-семантических вариантов значения у слов одного семантического поля» (СМС 80), ср. личные имена – относительные синонимы (с привлеченем аппеллятивов одного семантическго поля или близких нескольких полей).

ПРАТЮРКСКАЯ АС КАК ПРОЕКЦИЯ НА ЧЕЛОВЕКА МИФОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ДРЕВНИХ ТЮРКОВ ОБ ОКРУЖАЮЩЕМ МИРЕ

ВЕРХНИЙ МИР (КОСМОС)

Названия неба (Бога), небесных тел, атмосферных и метеорологических явлений

Мифологическая модель мира у древних тюрков включает в себя вертикальную систему размещения антагонистических миров – «голубого неба» (*kök täŋri*) вверху и «бурой земли» (*jayyz jer*) внизу. «Голубое небо» – это пространство над землей; оно состоит из нескольких слоев; так, в алтайском эпосе говорится о небе в три, семь, девять слоев (МК Алт.ГЭ 461, прим. 14). Ср. «семислойное небо» в кетской мифологии (МПС Кет. 21), где вычленяется особый сакральный верхний мир, отмеченный признаками высшего начала – верховного божества Ея [= Täŋri].

В противоположность безграничному – «семислойному» – «голубому небу» тюрки воспринимали «бурую землю» как пространственно ограниченную: будущий богатырь Хан-Тибет-хан трехлеткой «землю под луной шесть раз объехал… землю под солнцем семь раз объехал» (АА Хак.ГЭ стх. 4302–4305).

В.В.Радлов так излагает шаманистское миропонимание восточных тюрков: «Мир, по представлению язычников, состоит из определенного количества ярусов (Schicht)... Семнадцать верхних ярусов образуют небо, царство света, и семь или девять ярусов – подземное царство, царство тьмы. Поверхность земли, место жительства рода людского, находится между небесными и подземными ярусами. Таким образом, поверхность земли вместе со всеми своими жителями находится под влиянием обоих царств. Все добрые духи... божества, создающие, содержащие и оберегающие человечество, обитают в полных света верхних регионах, так как свет – друг рода человеческого и сохраняет каждую существующую в природе жизнь» (Das Schamanenthum und sein Kultus / Eine Untersuchung von W.Radloff. Leipzig, 1885, S. 3, цит. по: Чув.Ф 56).

В наличии компонента *täŋri* в составе именования «голубое небо» – (*kök täŋri*) допустимо усматривать синкретизм собственно неба (*täŋri*) и образа одноименного верховного начала *Täŋri*; в этом проявляется антропоцентризм в представлениях о верхнем, небесном мире. Вместе с тем следует иметь в виду, что, по словам С.Г.Кляшторного, в отличие от неба (части космоса), божество никогда не именуется *kök* и *qalyq* ('небо; небеса; воздушное пространство, воздух'; *kök-qalyq парн.* 'небо; небеса': ДТС 412, 312). *Täŋri* как верховное начало распоряжается всем в мире и, в частности, судьбами людей («распределяет сроки жизни») (МНМ 2, 536–537).

Особый класс составляют такие небесные объекты, как солнце, месяц, звезды. Характерно, что легендарный Огуз-хан назвал своих старших сыновей, рожденных от небесной девы, – Кӱн (солнце), Ай (луна, месяц), Юлдуз (звезда) (МНМ 2, 240).

В другой ряд – мифолого-ассоциативный блок «непогоды» – выстраиваются названия атмосферных явлений, которые своей направленностью от неба к земле связывают верхний мир со средним миром; это молния, туман, облако ~ туча, дождь, снег, буря.

TÄŊRI ('небо ~ Бог')

Двойственное значение реконструируемого слова в тюркских языках поддерживается типологическим подобием: в кетской мифологии отмечалось «олицетворение собственно неба (*есь*) в образе одноименного верховного начала Еся» (МПС Кет. 22). В эстонском эпосе говорится об «изначальной силе Неба, огневой его защите» (Калев.ЭНЭ 93; имеется в виду гроза – гром и молния). См. также: *Кляшторный С.Г.* Праболгарский **ТАНГРА** и древнетюркский пантеон // Сб. в памет на проф. Станчо Вакринов. София, 1984.

В пратюркской АС реконструированы компонент м.ЛИ **täŋri* 'небо', 'Бог' и три модели сложносоставных м.ЛИ, из них две именные: а) **«täŋri* + имя (с афф. принадл. 3-го л. и без него)»; б) **«имя + *täŋri*», и одна глагольная модель: **«täŋri* + 3-е л. ед. числа глагола прош. категорич. времени»;

реконструированы также два реальных м.ЛИ, сохранившихся в тюркской АС до настоящего времени: *täŋri quly* 'раб Божий' [ср. без афф. принадл. 3-го л. кбал. *tejri qul* (СЛИ РСФСР 107)] и *täŋri berdi* 'Бог дал' (ср. русск. *Богдан*, из греч. *Федор*). Реконструкцию см.: СИГТЯ 1997/2000, 626–628.

Разновременность формирования разных пластов тюркской АС, воздействие разных религий в различные периоды этого процесса можно увидеть на факте сосуществования ряда синонимичных ЛИ с разными ключевыми компонентами: *Täŋri berdi* [ср. ист. ЛИ *Тэгри берди* (крымский мирза: Трепавл. 739)], чаг. *Uγan berdi* (BN 231a) 'Всемогущий дал', а, например, в современном туркменском именнике зафиксированы цепочки синонимов: *Taŋry berdi / Taŋry beren, Taŋry γuly* (Турк.ЛИ 471–472) – *Alla berdi / Alla beren, Alla γuly* (Турк.ЛИ 76) – *Xudaj berdi / Xudaj beren, Xudaj γuly* (Турк.ЛИ 527).

По сообщению Л.П.Кызласова, почитание *Kök täŋri* «синее небо» в ряду двух других шаманских божеств (дух земли и воды *Jer suw* и покровительница детей и плодородия *Umaj*) сохранялось у алтайцев и хакасов до 20-х годов XX в. (Кызл.И Тув. 49). В эпосе «Манас» словосочетание *kök teŋir* используется в значении 'Бог Неба' (М кн. 3, стх. 8892), где *kök* означает 'Небо'. Ср. также киргизские формулы: *kök teŋirdin qa:ry* 'гнев Бога Неба' и *teŋirdin asmany* 'Божье небо'; в «Манасе» восклицание «Синее небо покарало нас!» признается идентичным по смыслу выражению «Бог нас покарал» (М кн. 1 520, прим. 90).

В хакасском героическом эпосе «Алтын-Арыг» встречается словосочетание *xan tigir (mugip)*, которое переводится как 'небо-хан': *xara čigre kirgeni čoh polyan,* | *Xan tigirge syx pargany*| *Pir dee čirde körinmeen* «Не [видно] было бы, чтобы [лучший из коней] под землю спустился| И незаметно было,| Чтоб он в Небо-хан поднялся» (АА Хак.ГЭ стх. 4321–4323, см. еще стх. 2479–2480). Верховный бог пантеона желтых уйгуров именуется *Кан-тенгир* 'царь-божество' (МНМ 2, 540). Однотипным словосочетанием является более позднее хак. *xan-hudaj* 'хан-бог' (АА Хак.ГЭ, прим. 1252). В эстонском эпосе божество именуется «небесным дедом» – *Уку* («героев древних тени <...> под полою Уку дремлют»: Калев.ЭНЭ 35, 478, прим.).

KÖK ('небо')

В пратюркской АС реконструируется *kök* как ЛИ и компонент ЛИ в сложносоставном ЛИ (модель именная – с препозитивным использованием *kök*) (СИГТЯ 1997, 682–683). Реконструированы значения 'голубой; синий; сизый' и 'небо'. *Kök* ('небо') – имя одного из младших сыновей легендарного Огуз-хана (МНМ 2, 240).

Значение 'небо' (как обиталище верховного божества *Täŋri*) зафиксировано личными именами ст.-башк. *kükdäj* 'небоподобный' (Шак. Башк.Ш. 424), ст.-башк. *Qolbaj kük uγly* 'Колбай сын Неба' (А Башк.Д. 113), ст.-турк. *kök* (брат именуемого назван *taγ* < 'гора'), кирг. фольк. *kökčö* (М кн. 2, стх.

196)[192]. Кличку коня *kök qazyq* следует, видимо, рассматривать в ряду варьируемых астрономических наименований *temür qazuɣuq* (~ *qazuq*) 'Полярная звезда' (МК III 40, 338: ДТС 551), *altun qazuq* то же (Сатыб. ЛОК 7_5: ДТС 40).

При рассмотрении кирг. фольк. м.ЛИ *kök börü* (М кн. 2, стх. 2118: «от кыпчаков пришел *kök börü*») хотелось бы принять во внимание кетский мифологический образ «волка-сторожа»: «К ушам волков веревки привязаны, которыми земля стянута» (МПС Кет. 100, №41, см. еще № 3, 44, с. 261, прим. 2); иными словами, в функцию волков-сторожей входит обязанность удерживать землю в положенном месте космоса.

В тувинских сказаниях зафиксированы м.ЛИ с компонентом *de:r* 'небо': *de:rlerniŋ demir mögezi* 'Небесный Демир Мögези', *de:r xan* 'Небесный хан' (Тув.ГС 172, 565). Примечательно, что в первом из приведенных ЛИ компонент *de:r* представлен в форме мн. числа род. падежа (возможно, имеются в виду все слои неба в соответствии с древними верованиями).

AJAS ~ AJAZ

['видимое с земли небо (т.е. слой неба, самый близкий к земной сфере)' → 'ясное (о небе)' , 'сильный холод (при ясной погоде)']

В пратюркской АС реконструировано м. ЛИ *ajas* ~ *ajaz* со значениями 'ясное (о небе)' , 'сильный холод (при ясной погоде)' (СИГТЯ 1997, 631–632). Л.П.Потапов привел кумандинское четверостишие, которым шаман во время трудных родов кумандинки призывал на помощь богиню плодородия, покровительницу детей Умай: «*Aq ajastan, qajn, tüš/ Umaj ene, quš-ene!*» 'С (чистого. – *Г.Б.*) ясного неба, паря (как птица), спустись / Мать Умай (словно) птица-мать!' (Потапов 276).

Самая суть культа Умай[193], равно как и использование *ajas* в таком контексте, допускают предположить, что обиталищем Умай могло быть не безгранично высокое *kök* [см. *Xan Tigirniŋ pary* 'глубокое Небо-Хан' (АА Хак.ГЭ стх. 3700, 3716)][194], но именно *ajas* – нижнее небо, наиболее близ-

---

[192] Значение уменьшительности-ласкательности в этом имени ('небушко') становится очевиднее при сравнении этого м.ЛИ с другим м.ЛИ кирг. фольк. *Kögüš*, представляющим собою по форме степень ослабления цвета – 'голубоватый; синеватый'. М.ЛИ *kökčö* может рассматриваться как результат вторичной метафоризации.

[193] Л.П.Потапову, собиравшему в 1946 г. полевой материал в Хакасии среди сагайцев, шорцев, бельтиров, удалось изучать культ Умай у представителей старшего поколения, которые сами его придерживались. В частности, ему сообщили, что словом *Умай/Ымай* называется душа ребенка с момента его рождения примерно до трех лет; «термином *умай* здесь называли и пуповину ребенка, которую обычно зашивали в маленький мешочек из кожи или материи и подвешивали на шнурке к колыбели младенца, считая, что Умай все время находится с ребенком, пока он в колыбельном возрасте. Если ребенок разговаривал или смеялся во сне, это объясняли тем, что он в это время разговаривает с Умай» (Потапов 271).

[194] См. противопоставление «лучшее из небес» – «глубокое Небо-Хан» в этом хакасском эпосе с явно выраженными ранними мифологическими традициями: в описываемой страшной битве «Земля и *лучшее из небес* Как будто смешались, Наверху *глубокое небо* ходуном ходило» (АА Хак.ГЭ стх. 3719–3721).

кое к земной сфере, к людям и их детям, что позволяло богине незамедлительно откликаться на обращенную к ней мольбу. Возможно, это близкое к человеку небо, видимое с земли, названо в хакасском эпосе «лучшим из небес» (АА Хак.ГЭ стх. 3719). По словам Л.П.Потапова, «телеуты представляли Май-эне (т.е. Мать Умай) в виде молодой красивой женщины ... с волнистыми серебряными волосами, спустившейся с небес по радуге и охраняющей детей с помощью золотого лука» (Потапов 277).

Примечательно, что алт. миф. *aq ajas* – словосочетание, по своей структуре сопоставимое с *kök täŋri*, имеет значение 'белая светлость' и служит эпитетом Ульгеня, творца Вселенной; *aq ajas qan* 'белый светлый хан' – обращением к Ульгеню (ОРС 24).

Чуваши в древности «под первым надземным ярусом, видимо, понимали ярус, находившийся между землей и облаками. ... По народному поверью, раньше облака находились от земли только на высоте крыши ветряных мельниц. Однако с тех пор, как люди испортились, облака, рассердившись на них, с шумом поднялись ввысь и с тех пор двигаются там» (Чув.Ф 57). В алтайском эпосе мальчик-богатырь бросает камень «на дно трех небес», чтобы сразить девять воронов – своих врагов; при этом камень «пролетел мимо синих облаков / Пролетел сквозь белые облака» (МК Алт.ГЭ стх. 2081–2089).

Небезынтересно отметить, что тюрк. *ajas ~ ajaz* имеет типологическое подобие в кетской мифологии, где в ряду других персонажей высокого мифологического уровня олицетворяется «Хылесь – ясное небо» (МПС Кет. 22).

При наречении ребенка именем *ajas ~ ajaz* происходила метафоризация 'ясное ближнее небо' → 'красивый' (по ДТС 27 – имя раба с красивым лицом); впоследствии могла иметь место и вторичная метафоризация: 'сильный холод (при ясной погоде)' → 'ребенок, родившийся при такой погоде' (Менаж. 36). Во всяком случае, на примере этого ЛИ можно видеть, что, как пишет Н.Д.Арутюнова, «освещение проблемы взаимодействия значения слова и жизненного опыта народа существенно и для понимания природы метафоры, и для понимания семантических процессов в целом» (Арутюнова 374).

KÜN ('солнце')

В пратюркской АС реконструировано ЛИ **kün* и комп. ЛИ **kün* [ср. тув. *Хүн-Хаан* (Тув.ГС 568)], глагольная модель сложносоставного ЛИ **kün + toγ-* 'рождаться', 'рождать', реальное ЛИ **kün toγdy* (СИГТЯ 1997, 628–629).

В верхнем небе – «голубом небе», которое в древнетюркских енисейских памятниках названо «крышей» над миром, по поверьям древних тюрков, ежедневно рождаются солнце и луна; особо почиталось рождающееся солнце (С.Г.Кляшторный: МНМ кн. 2, 537). См. также: *Скрынникова Т.Д. Солнце и земля* в пантеоне народов Центральной и Восточной Азии // Altaica VI.

По древним чувашским поверьям, «олицетворенные небесные светила тоже имели свои отдельные ярусы. Вот, к примеру, два наговора против порчи с упоминанием солнца и луны: "В семидесяти семи мирах | *Луна* и *солнце* вместе| За золотым столом| С золотой чашкой-ложкой | Пьют-едят". Если чуваш о ком-нибудь хочет сказать, что тот находится очень далеко, то говорит, что "между луной и солнцем" (*уйăхна хĕвĕлĕн хушшинче*). Это был один из наземных ярусов: внизу луна, наверху царство солнца» (Чув.Ф 56–57). Персонификация солнца налицо в крымскотатарской сказке при упоминании: «Дочь Солнца» (Дыр. Птица 125). Ср. финск. ЛИ *Päivälapsi* 'Дитя Солнца' (СЛИ РСФСР 274), а также в эстонском эпосе, см.: «Солнце светлое явилось – О пятидесяти конях, При шестидесяти слугах, – На своем коне горячем Прискакало Линду сватать, <...> Вся родня отдать хотела Князю-Солнцу Линду в жены. Только Линда не желала. <...> Солнце в гневе прочь уходит, Полыхая ярым зноем» (Калев.ЭНЭ 52–53).

Чувашскому народному творчеству присущ образ «лучезарного солнца как символа благодати и красоты», а в «народных сказках в качестве символа красоты встречается прекрасный мальчишка, одна сторона лица которого луна, другая – солнце (*пĕр пичĕ ойах, пĕр пичĕ хĕвел ача*)» (Чув.Ф 74). В алтайском эпосе «драгоценный конь... С той стороны, где садятся, Луноподобным тавром он помечен, С той стороны, где плетью бьют, | Солнцеподобным тавром он помечен (*Ай таңмалу ат... Күн таңмалу быйан*)» (МК Алт.ГЭ стх. 132–134).

Культ Солнца (и Луны) нашел отражение в ритуальной практике тюрков, особенно в свадебных обрядах. В чувашском свадебном обряде налицо элементы поклонения солнцу. Когда родственники выводят невесту из дома ее отца с угощением для сельского люда, «тот, кто держал ведро [с пивом], садится рядом с ним, а остальные во главе с женщиной, держащей хлеб, трижды обходят ведро *по солнцу*, отправляясь со стороны востока»; до того как сесть за свадебный пир, «трижды поворачивают стол вокруг его оси *по солнцу* (*хĕвеле май*), с востока на запад» (Чув.Ф 334, 346). «Свадебный обряд у хакасов включал поклонение невесты луне и солнцу с выспрашиванием благословения на счастье в браке» (АА Хак.ГЭ 546, прим. 2405–2409). На телеутской свадьбе читалась молитва, в ней свет месяца, свет солнца, восход зари, восход чистого солнца перечисляются как условия, в которых «брызгают чистое кропление молоком» (Ефимова 229, 230). Прощание с солнцем и луной, почитавшимися как божества, предположительно включается в похоронный обряд хакасского эпоса (АА Хак.ГЭ 546, прим. 2405–2409).

На одежде якутского шамана имелись круглые железные подвески, которые изображают солнце и луну и висят на спине («кюсянга») (Як.Ф 296).

Имена с компонентами *kün* 'солнце', *taŋ* 'заря', *aj* 'луна', 'месяц', *julduz* 'звезда' хранят следы поклонения древних тюрков небесным светилам (А Башк.Ш 67). В древней тюркютской религии соединялись культ солнца, культ «Духа Неба», культ горы, культ предков (Гум. 76); см. единство трех священных начал в пантеоне манихейства: *Kün Täŋri [burxanlyγ kün täŋri]*

'Бог-Солнце', *Aj Täŋri* 'Бог-Луна', *Taŋ Täŋri* 'Богиня-Утренняя заря' (Щерб. ОН 70). Имена *Күн, Ай, Юлдуз* получили старшие сыновья Огуз-хана, рожденные от небесной девы. В хакасском эпосе имеется упоминание о «богатыре *солнечного мира* Алтын-Теелек» (АА Хак.ГЭ 514).

В пратюркской АС реконструируются ЛИ **kün* и компонент ЛИ **kün*, а также глагольная модель сложносоставных имен **«kün + toγ-»* 'рождаться, рождать'; приводятся также совпадающие в древнетюркских и многочисленных современных тюркских языках реальные ЛИ *kün toγdy* (~ *tuγmyš* ~ *tuwγan* ~ *tuγan*) (СИГТЯ 1997, 628–629). Зафиксирована производная от этого древнего имени фамилия ктат. ист. *Кунтуганский* (Ктат.А 71)[195].

Метафоризацию имен такого рода допустимо увязывать с поклонением древних тюрков солнцу, которое почиталось приносящим добро человеку (Трощ. 270–271). Древнее ЛИ *kün* следует рассматривать в одном мифолого-ассоциативном ряду с именами *aj* (< 'луна, месяц'), *julduz* (< 'звезда'), см. о них ниже. Именно эти три имени носили старшие сыновья легендарного Огуз-хана, которые родились от небесной девы (МНМ 2, 240).

Имена этого мифолого-ассоциативного ряда знаменовали собой связь верхнего, небесного, мира с миром срединным, земным, и поэтому были почетными для нарекаемого.

Вначале метафоризация могла (хотя бы отчасти) опираться на имевшее место в древности олицетворение солнца: Н.П.Дыренкова, к примеру, отмечает мотив «дочери Солнца» в крымскотатарской сказке (Дыр. Птица 125). См. в турецких сказках о связи с небом пери, являющейся «дочерью отца-месяца и матери-солнца», см. Стебл. 2002, 16; в разрозненных выписках А.Н.Самойловича к его незаконченной работе «Турецкие этюды» (РНБ. Ф. 671. Д. 100. Л. 328) находим имена *gün-xan, aj-xan*. О персонификации солнца и месяца в мифе хантов см.: МПС Кет. 260, № 3, в мифе кетов – см. МПС 60–63, № 6. То же усматривается в финск. ЛИ *Päivälapsi* 'дитя Солнца' (СЛИ РСФСР 274).

Вторичная метафоризация могла опираться на сравнение; так, богатырка Алтын-Арыг сравнивается сразу с двумя небесными светилами: «Она прекрасна, *как* восходящее *солнце*, / Она чиста, *как* убывающая *луна*» (АА Хак.ГЭ стх. 831–832); в казахском эпосе лик красавицы, «*будто солнышко*, излучает свет» (Каз.РЭ 321, прим. 26); см. также як. фольк. ЛИ «Кюн-Эрилик – солнце-отменный» (Як.Ф 301). При вторичной метафоризации могло происходить и переосмысление другого рода – ЛИ *kün* стало восприниматься как указание на время рождения нарекаемого («когда солнце взошло»).

---

[195] При попытке видеть в таких именах элемент случайности – время рождения ребенка на рассвете – оставляется без внимания тот факт, что в тюркской АС совершенно не отражается другое возможное «время рождения» – закат солнца. И это оправдано: например, «у башкир считается опасным закат солнца (*кыҙыл эҙәр*) ...потому, что в эти часы святое солнце опускается в лоно земли. На закате якобы особенно активизируется *сарпыу* – демон нервных болезней» (ДБ Башк. 77). Можно отметить типологическое подобие в русских поверьях, в соответствии с которыми нельзя засыпать на закате (можно не проснуться).

В тюркской АС имеются ЛИ-синонимы: тат., баш. *qojaš* 'солнце' (Сатт. 1998, 378; СЛИ РСФСР 94); чув. *Хĕвĕлпи* 'солнцеподобная' (СЛИ РСФСР 190).

В языках Сибири представлены личные имена: ненецк. *Яля* 'солнце', 'свет', эским. *Нйŋук* 'свет' (СЛИ РСФСР 280, 360), чукот. *Тиркытэгын* 'солнечный предел' (там же 351).

ТАŊ ['рассвет', 'заря (утренняя)']

С привлечением дополнительных материалов появилась возможность реконструировать ЛИ **taŋ* в составе пратюркской АС. См.:

чаг. *taŋ* (БН 1958, 505 – в составе м. ЛИ *taŋ atmyš*; ШН 11 – в составе м.ЛИ *taŋ jaruq*); турк. *daŋ* (Турк.ЛИ 225 – комп. ЛИ) и турк. *taŋ* (Турк.ЛИ 614 – комп. ж.ЛИ *taŋ gül*), ног. *taŋ* (СЛИ РСФСР 122, 125 – в составе м. ЛИ *taŋ atar*, ж. ЛИ *taŋ bijkä, taŋ syluw*); тат. *taŋ* (СЛИ РСФСР – комп. м. ЛИ *taŋ atar, taŋ čura*, ж.ЛИ *taŋ bikä, taŋ sylu*), баш. *taŋ* (СЛИ РСФСР 82 – в составе м.ЛИ *taŋ atar, taŋ bulat*); кар.К. *tan* (КРПС 678 – в составе фамилии *Tan atar*), каз. *tan* (Джан. ВИ 186 – в составе ж. ЛИ *tan šolpan*).

Реконструируются также глагольно-именная **«taŋ + at-* 'стрелять'» (фразеологизм со значением 'рассветать') и именная модели ЛИ – ** «taŋ + čura (biikä, bulat* и проч.)»; кроме того, восстановлено реальное м. ЛИ, произведенное по глагольно-именной модели, – **taŋ atar*. О широко распространенном имени с компонентом *taŋ* в современном обиходе могут свидетельствовать, к примеру, сведения татарского именника: в новейшем полном его издании зафиксировано 20 м. ЛИ и восемь ж. ЛИ, причем образованных преимущественно по именной модели (Сатт. 1998, 233–234, 418).

Употребление, например, в башкирском именнике синонима (заимствования из арабского) м.ЛИ *Сабах* (СЛИ РСФСР 81) 'утро', в татарском – сложносоставного м.ЛИ и ж.ЛИ *Ай сабах* (Сатт. 1998, 338) свидетельствует об устойчивой смысловой тенденции вовлечения в АС даже и заимствованного слова со значением 'утро'; тем самым дополнительно поддерживается реконструкция **taŋ* в пратюркской АС.

В алтайском эпосе образы утра, утренней звезды использованы в жалобе постаревшего богатыря Маадай-Кара: «Богатый ум мой, свежий, как *утро*, / Теперь помутился. / Мои глаза, яркие, как *утренняя звезда*, / Ослабели теперь, – говорит. – Оглянусь назад – лишь тень свою вижу» (МК Алт.ГЭ стх. 344–347). Как явствует из этого фольклорного контекста, метафоризация слов со значением 'заря', 'рассвет', 'утро' в отношении ребенка могла происходить через ступень сравнения. Метафоризацию глагольно-именного м. ЛИ *taŋ atar* допустимо увязывать с поклонением солнцу (т.е. рассвет несет добро человеку, тем более – носящему такое имя). При вторичной метафоризации происходило переосмысление ЛИ «светает» → «время рождения ребенка (на рассвете)».

Из языков Сибири в кетском отмечены ЛИ, идентичные апеллятивным словам со значением 'утро' (*Анес*), 'заря' (*Кынь*) (СЛИ РСФСР 341, 344,

345), аналогично в чукотском языке зафиксированы ЛИ *Тыңа-гыргын* ('рассвет'), *Тыңрсқыңэ* ('вершина рассвета'), *Эргыңав* ('заря').

A:J ('луна', 'месяц')

В пратюркской АС реконструируется компонент ЛИ **a:j* и две модели сложносоставных ЛИ: именная **«a:j + титул»* (*qayan, qa:n, xan, bek, myrza* и др.) и глагольно-именная **«a:j + tol-/dol-* 'становиться полной'», **«a:j + doγ-* 'родиться'» (СИГТЯ 1997, 629–630). Варианты *aj tol-/dol-* в современных тюркских языках являются реальными именами. В средневековой АС представлено м. ЛИ *aj* – так звали одного из старших сыновей легендарного Огуз-хана; имя это использовалось в ряду ЛИ – названий важнейших обожествляемых объектов верхнего мира (*kök, kün, julduz*).

Среди ЛИ именной модели интерес представляют композиционно свободные сочетания *aj* с названиями металлов. Характерно, что подобные имена у одних тюркских народов даются мужчинам, у других – женщинам. Ср. примеры: ст.-ног. м. ЛИ *aj demir* (Трепавл. 715), хак. ж. ЛИ *aj altyn* (СЛИ РСФСР 57), турк. ж. ЛИ *aj kümüš* и *altyn aj* (Турк.ЛИ 583, 585). Скорее всего, определяющую роль при имянаречении в этом случае играет вид металла ('железо' в м. ЛИ, 'золото' и 'серебро' в ж. ЛИ).

Свет месяца (*ajdyn aru*) назывался в ряду тех условий, при которых «брызгают чистое кропление» на телеутской свадьбе (Ефимова 230).

В эстонском эпосе Месяц, как и Солнце, персонифицирован – он выступает в роли жениха: «И опять приехал Месяц, <...> На пятидесяти конях, О шестидесяти слугах, – Он приехал сватать в жены Линду...» (Калев.ЭНЭ 52).

«По чувашским языческим представлениям, детям, родившимся в полнолуние, обычно давали имена, содержащие в своем составе компонент *aj* 'луна'» (Петр.ЧДИ I 82). Вторичная метафоризация значения – 'луна' → 'красивый', 'хорошенький', 'миленький', 'счастливый' (Петр.ЧДИ I 82) происходила посредством сравнения: «Женская красота на Ближнем Востоке всегда сравнивается с луной в разных ее фазах» (Сатыб.ЛОК 99).

Из типологических схождений отметим кет. ЛИ *Кыбле* (< 'лунный свет': СЛИ РСФСР 343).

JULDUZ ('звезда')

В пратюркской АС реконструируется реальное ЛИ **julduz* и комп. ЛИ **julduz* (СИГТЯ 1997, 630–632).

Julduz – имя одного из старших сыновей Огуз-хана. Оно связано с планетарными верованиями древних тюрков. «Звезды были объектом поклонения, к ним обращались с молитвенными словами... Понятие звезды соотносится с понятием знамения, предсказания будущего...» (Мак. 35, 36). Ср., однако, наличие комп. ЛИ *syldys* в тувинской кличке богатырского коня: Сылдыс-Шокар, букв. 'звездно-пестрый' (Тув.ГС 567).

В эстонском эпосе «звезда» предстает в персонифицированном виде: «И жених приехал третий (после «холодного бледного Месяца» и «Солнца-

юноши – Светлоокого статного парня». – *Г.Б.*): Молодец-Звезда прекрасный, Старший сын Звезды Полярной»; «Сын-Звезда и Сальме-дева Свадьбу весело играли» (Калев.ЭНЭ 48, 49, 52).

Метафоричность ЛИ *julduz* первоначально исходила, по-видимому, из оценки благоприятствования звезды судьбе человека. Впоследствии вторичное действие метафоры – этого постоянного рассадника алогичного (как называет ее Н.Д.Арутюнова) – позволила сравнивать несопоставимое – элементы разной природы (Арутюнова 367), в нашем случае – звезду и человека. Это поэтическое сравнение дало жизнь многочисленным женским именам, например, в киргизском: *žyldyz, žyldyz aj, žyldyz qan, žyldyz gül* (Кирг.ЛИ 437).

Тенденция именовать ребенка словом «звезда» впоследствии нашла развитие в использовании для этих целей конкретных (главным образом – заимствованных) названий отдельных небесных тел (перечень таких ЛИ-астронимов см.: СИГТЯ 1997, 631). Типологическое подобие отмечено в калмыцком языке, где «небольшая группа личных имен тибетско-санскритского происхождения связана с названиями планет...» (СЛИ РСФСР 226).

BULUT ('облако', 'туча')

По материалам, приведенным нами в СИГТЯ 1997, 634, и при учете м.ЛИ *qara bulut*, содержащегося в архивных «Выписках из "Бабур-наме"» А.Н.Самойловича (РНБ. Ф. 671. Д. 85. Л. 33), представляется возможным реконструировать отдельной статьей пратюркское ЛИ *bulut*:

ср.-кыпч. *bulut* (Houts. 28), чаг. *bulut* (BN 158б – в составе м.ЛИ *qara bulut*), гаг. *bulut* (Кур.ГА 124 – в составе прозв. *bulutlu*), аз. *bulud* (Сад.ЛИ Аз. 19 – ЛИ); баш. *bolot* (Шак.Башк. Ш. 432, Мус.ЛТ 216 – ЛИ), кирг. *bolot, polot* (Кирг.ЛИ 98 – м.ЛИ; комп. м.ЛИ); тур. ист. диал. (XVI в.) *bwltt* (Kak.NPT 12 – комп. ЛИ).

'Облако' ('туча') может рассматриваться как элемент видимого с земли неба. В древности чуваши «под первым надземным ярусом, видимо, понимали ярус, находящийся между землей и *облаками*... В памятниках говорится о том, что граница этого самого первого яруса была не особенно-то далеко от земли. По народному поверью, раньше облака находились от земли только на высоте крыши ветряных мельниц. Однако с тех пор, как люди испортились, облака, рассердившись на них, с шумом поднялись ввысь и с тех пор двигаются там» (Чув.Ф 57, см. также 71).

В якутском олонхо облако (туча), как и атмосферные явления – снег, град, дождь, «буйный вольный ветер», оказываются связанными с происхождением одного из легендарных родоначальников тюрков – путем перемещения его из сакрального пространства верхнего мира в мир земной. См.: «[То ли он] с восточной стороны Восточного неба, <...> *из белого облака*,/ быстро закрывшего [небо],/ в виде белого легкого снега / упал / ...» (Олонхо 58); «[То ли он] с западной стороны Западного неба, <...> *из темной тяжелой тучи*, / приплывшей-опустившейся над землей, / в виде града-

дождя / с громким шумом упал /...» (Олонхо 58). См. также «мотив превращения младшей дочери старухи-дэва в *облако*» в турецкой волшебной сказке (Стебл. 2002, 36). В алтайском эпосе различаются «синие облака» (видимо, более близкие к земле) и «белые облака», см.: «На дно трех небес, / Три раза размахнувшись, [камень] кинул. /.../ [Камень] пролетел мимо синих облаков, / Пролетел сквозь белые облака» (МК Алт.ГЭ стх. 2081–2089).

З.Б.Мухамедова (Мух.ЛО Турк.$_1$ 36) рассматривала подобные имена как «отзвуки поклонения человека природным явлениям». Метафоризация осуществлялась путем уподобления человека темной туче; вторичная метафоризация позволяла дать имя *bulut* ребенку, появившемуся на свет при облачной погоде.

JYLDYRYM ('молния')

На основании нижеследующего материала можно реконструировать пратюркское ЛИ **jyldyrym* 'молния':

тур. фольк. *jyldyrym* (Стебл. 2002, 16 – комп. ЛИ), турк. *jyldyrym* (Турк.ЛИ 292 – ЛИ); ср.-кыпч. *jilderim* (Houts. 28); аз. *ildyrym* (Сад.ЛИ Аз. 19 – ЛИ); уйг. *ildirim* (Надж.УРСл. 817 – ЛИ). Синонимичное ЛИ – *jašin täŋri* 'Молния-Бог' (ДТС 246).

По сути своей, понятийно молния неотделима от грозы и грома, и это отражено в различных культурных контекстах. В якутском олонхо «Две шаманки» представлен персонифицированный, антропоморфный образ «Грозного-Грома»: у него есть сын Буура-Дохсун, который прибыл свататься к дочке владельца чубарых жеребцов Томороона (Як.Ф 137). К сопоставлению можно привлечь кет. м. ЛИ *Аккыт* 'громик' (СЛИ РСФСР 342). Об отношении средневековых монголов к молнии и грому, об их «мифологии грома» см.: *Юрченко А.Г.* Яса Чингис-хана: нерасшифрованные запреты // Altaica VI 171 и сл.

В реконструируемом имени отразился реликт поклонения тюрков этому небесному («карающему») явлению. В мифологии чувашей, носящей языческий характер, почитались «самостоятельные божества молнии Аса, или Сисем, и грома – Аслати», а также сопутствующие им мать грома и мать молнии (МНМ 2, 538); в корейской мифологии известен «Бог Грозы» (Троцевич 255 и сл.). У эстов культ молнии существовал, по меньшей мере, в течение двух тысячелетий; творцом молнии и грома считали Небесного духа (Калев.ЭНЭ 480, прим. к с. 44). «Эйке-гром в телеге медной» – «Просверкнул могучий Эйке, <...> Полыхнул из тучи Пиккер (< Пикне. – *Г.Б.*), Дед в гремящей колеснице Проскакал мостом железным, Бросил молнию на землю» (Калев.ЭНЭ 43). Молния-Пикне преследует злых духов, истребляет их своими стрелами (Калев.ЭНЭ 480, прим. к с. 44), Кыуэ – бог грома (там же 485, прим. к с. 135): «...гроза находит: Кыуэ там грохочет в небе, Пикне катится по тучам На железной таратайке» (там же 135).

У чувашей бытует поверье, что «гром и удар молнии исходят от самого Бога. Если он заговорит, его слова станут громом. Отсюда и чувашское название грома *аслати аватат* 'дед говорит'. А когда ударяет молния,

говорят: *aça çanam*. А это означает 'дед ударяет'. Он обычно ударяет (для того), чтобы землю очистить от всякого зла, иначе они всё здесь уничтожили бы, и даже урожай не родился бы для людей» (Чув.Ф 25, см. также 77–78). В турецких волшебных сказках молниями сопровождается передвижение дэва (Стебл. 2002, 38); персонаж другой такой сказки, носящий имя с компонентом *jyldyrym*, – Падишах-Молния, по мнению И.В.Стеблевой, связан с небесной сферой (Стебл. 2002, 16).

Представление о вторичной метафоризации *jyldyrym* можно получить при учете фольклорного сравнения: «Когда в другую сторону повернув, [помчался], / Подобным *молнии* иноходец был» (МК Алт.ГЭ стх. 5218–5219); конь под богатырем «как *молния* мчится» (там же стх. 2583–2584).

По активной направленности обозначаемого явления – от верхнего мира, неба, к земле, срединному миру, – и по его связям с другими проявлениями непогоды [туман, дождь, снег, буря, (сильный) ветер], что отражается в идеографических связях соответствующих слов, *jyldyrym* может быть включен в намечаемый нами «мифолого-ассоциативный блок непогоды в составе тюркской антропонимии». Этот обобщающий термин вводится нами вслед за Ю.Н.Карауловым, оперирующим «укрупненным понятием ассоциативной лексемы» наряду с понятием «ассоциативно-вербальная сеть» (Караулов и др. 5, 6, 9); привлекалась также разработанная С.Е.Никитиной методика тезаурусного описания семантики фольклорных слов, фольклорного жанра и глубинной грамматики фольклорного текста (Никитина 3 и сл., 50–51 и сл.); подробнее см. Благова 2000а, 122–126.

Термин «мифолого-ассоциативный блок непогоды» применяется нами для тех названий разных видов непогоды, которые у тюркских народов использовались искони и продолжают использоваться в функции личных имен и которые рассмотрены ниже в их совокупности, их ассоциативных связях и специфических словообразовательных возможностях в пределах антропонимической системы. Вместе с тем учитывались фольклорные мотивы непогоды в эпосе различных тюркских народов (Благова 2003а).

К этому блоку примыкает слово *bulut* 'облако', 'туча'. Вопрос осложняется тем, что в его семантике у древних тюрков была заключена известная двойственность: с одной стороны, оно может означать «белое облако», несущее в себе снежный заряд, или «темную тяжелую тучу», дождевую или грозовую, и в этом смысле должно быть отнесено к названному блоку. С другой стороны, облако, по древним воззрениям тюрков, знаменовало собой верхнюю границу первого, надземного яруса (он находился «между землей и облаками»), и это назначение *bulut* мешает включению слова в блок непогоды.

TUMAN ('туман')

В пратюркской АС реконструируется комп. ЛИ **tuman* и именная модель сложносоставных ЛИ с препозитивным его использованием (СИГТЯ 1997, 633).

В алтайском эпосе *tuman* часто используется в сравнениях, имея при себе определения – прилагательные цветообозначения: «Белый скот, подобный *белому туману*» (МК Алт.ГЭ стх. 634, см. также стх. 2255, 3391); «Дыханье коня как *белый туман*» (там же стх. 4579), ср. в дикой скачке дыханье богатырского коня «как *черный туман* стелется» (там же стх. 645). В хакасском эпосе *белый туман* опустился на землю, «вершину высокого хребта окутал *синий туман*» (АА Хак.ГЭ стх. 8270–8276). В качестве сравнения *tuman* может использоваться и применительно к человеку: «Голова моя, черная, как крыло ворона, / Теперь словно *туман* поседела (Кускун болгон кара бажым / Куу *тумандый* кажайды)» (там же стх. 341).

В пейзажном контексте, передающем ужас земли Алтая перед грозным вражеским нашествием, *tuman* в сочетании с цветовыми определителями может восприниматься как один из природных модификаторов, чутко реагирующих на продвижение врага: «Подул *ветер*, валежник переворачивая, / Ударил *мороз*, стоящие деревья ломая, / В долине *бело-серый туман* (*ölö туман*) стал кипеть, / На вершинах гор *красный туман* (*кызыл туман*) стал бурлить, / Крупный *дождь* пошел, / Холодный, резкий *ветер* подул <...> Ущелья *гор-крепостей* на семь вершков промерзли и растрескались» (МК Алт.ГЭ стх. 985–994, также 1274–1276). В этом фольклорном контексте *tuman* выступает в составе мифолого-ассоциативного ряда «непогоды» (см. выделенные курсивом слова «ветер», «мороз», «туман», «дождь» и др.), чем и определяется его стилистическая роль (вкупе с прилагательными цветообозначения).

Возможна также позитивная метафоризация слова ‘туман’. Для алтайского эпоса, например, характерно сравнение «белый скот, похожий на белый туман» (МК Алт.ГЭ стх. 1077).

Исходя из мифопоэтического образа «туман, дождь как молоко “небесных коров”» (Мак. 69), допустимо предположить метафоризацию значения в двух направлениях: ‘туман’ → 1) ‘богатый’, ‘зажиточный’, ‘состоятельный’; 2) ‘благополучный’, что зафиксировано в узбекской антропонимии (Менаж. 81), ‘живущий долго и счастливо’ (метафоризация через уподобление). В позднее время ЛИ *tuman* могло осмысляться и как ‘ребенок, родившийся в туманный день’. Соединяющая в себе все эти направления семантического развития слова мотивация наречения ханского сына именем *tuman* образно представлена в «Родословной туркмен» (середина XVII в.): «Этот мальчик родился во [время] тумана, и поэтому я дал ему имя Туман. И, во-вторых, от [всего] сердца я желаю ему счастливой судьбы, и потому даю [ему] имя Туман, ибо туман долго не держится, он скоро проходит. Туманный день станет солнечным, после тумана не может не быть ясного дня. Туман, который долго не держится, я уподобил юности этого мальчика, [а] солнце, [появившееся] позднее, я уподобил счастливой и долгой жизни этого мальчика, когда он, став взрослым, воссядет на троне своего отца» (Кон.РТ 58).

Из пространного толкования имени *tuman* становится ясным: метафоричность этого ЛИ состоит в том, что оно предназначено быть *почетным* для нарекаемого, а вовсе не нейтральным, как это могло бы быть, если бы оно было всего лишь «случайным именованием», констатирующим только, что «мальчик родился во время тумана». Между тем в современной тюркской антропонимике при толковании, например, татарских имен *Томан, Томанша* учитывается только этот случайный фактор: имя «дается мальчику, родившемуся в туманный день» (Сатт. 1998, 238, 239).

В ДТС зафиксировано ЛИ с компонентом *yš* 'туман, мгла', относительным синонимом *tuman*, – *yš buqa* (ДТС 220). Характерно, что в турецких волшебных сказках передвижения дэва сопровождаются шумом, грохотом, «все окрестности заволокло пылью и *мглой*, засверкали *молнии*» (Стебл. 2002, 38). Там же имеется «мотив превращения старухи-дэва в *туман*» (Стебл. 2002, 36). В пейзажном фрагменте эстонского эпоса также использован образ тумана: «...ночная Тьма туманною полою Задремавший мир накрыла, поиски остановила» (Калев.ЭНЭ 141).

JAɣMUR ~ JAMɣYR ('дождь')

Дополнительные разыскания привели нас к необходимости реконструировать пратюркское ЛИ **jaɣmur ~ *jamɣur* (древние диалектные вариации) – в составе мифолого-ассоциативного блока непогоды наряду с другими пратюркскими ЛИ, восходящими к апеллятиву со значением еще одного вида атмосферных осадков, – **qaɣar ~ *qar* 'снег' (см. СИГТЯ 1997, 632–633). Предлагаемая реконструкция опирается на следующие данные:

ср.-кыпч. *jaɣmur* (Houts. 28); турк. ист. *jamɣur* (КРБТ 102 – комп. м.ЛИ), турк. *jamɣur* (Турк.ЛИ 570), ног. ист. *jamɣur* (Трепавл. 715, 716, 744 – комп. м.ЛИ), кирг. фольк., кирг. *ǯamɣyr* (Кирг.ЛИ 128 – ЛИ, 129 – комп. ЛИ; М кн. 2, М кн. 3, стх. 1787, 2141–2142 – комп. ЛИ); каз. *ǯanbyr* (СЛИ 146 – комп. м.ЛИ); як. *samy:r* (ЯФ 145 – комп. фам. *Самыров*); аз. *jaɣyš* (Сад.ЛИ Аз. – ЛИ). В русских исторических документах зафиксировано имя астраханского хана *Емгурчей* < (*jamɣurči*) (Трепавл. 744).

Одна из предлагаемых в якутском олонхо версий происхождения легендарного родоначальника тюрков рассказывает о его перемещении из небесного мира в мир земной в виде «града-дождя»: «[То ли он] с западной стороны Западного неба <...> из темной тяжелой *тучи*,/ приплывшей-опустившейся над землей, / в виде *града-дождя* / с громким шумом упал / и, с буйным вольным *ветром* / споря-борясь, / закаляясь-укрепляясь, / вырос – / и так ли он произошел-родился, / ничего об этом не знал, говорят» (Олонхо 58).

В этом олонхо «град-дождь», падая с неба на землю, выступает в качестве связующего звена между небесным и земным мирами, с чем также связано почитание этого небесного дара. Метафоризация **jaɣmur ~ jamɣur* превращала это личное имя в пожелание зажиточной благополучной жизни. Вторичная метафоризация фиксировала этим именем дождливый день, когда ребенок появился на свет.

Из личных имен, производных от **jaγmur*, поддается реконструкции **jaγmurčy*: с помощью афф. *-čy* образуется обозначение деятеля по исполняемой им функции[196], а именно 'вызыватель дождя'. Эта волшебная (колдовская функция) была вполне реальной для древнетюркского общества, как и вызывание бури, см. соответственно личные имена тат., баш. *burančy*, кирг., кирг. фольк. *boroončy* 'вызыватель бури' (см. об этом ниже, в статье **boran*). Поэтому-то и укоренились в народном обиходе имена *jaγmurčy, borančy*. О том, что в средние века имя *jaγmurčy* было весьма распространенным, например в Ногайской Орде, свидетельствуют материалы «Указателя имен» (Трепавл. 715, 716, 744). С ног. *synšy* 'прорицатель' сопоставимо кирг. м.ЛИ *synčy bek*. В подобных именах, по всей видимости, выражалось пожелание, чтобы нарекаемый стал впоследствии такой же «исключительной» личностью, как вызыватель дождя (бури) или же прорицатель.

Лица, способные вызывать бурю или дождь (см. специальное образование кирг. *ǯamγurčyn*), были люди, «по народным поверьям, исключительные, обладавшие сверхъестественными свойствами» (Трепавл. 564). Описания соответствующих действ имеются в эпических произведениях разных тюркских народов.

В киргизском эпосе «Манас» имеется ряд фрагментов (в М кн. 2 и 3 – по два таких фрагмента), когда не единожды богатырь Алмамбет изменял погоду, воздействуя тем самым на ситуацию состязания, боя. Особенно детально это действо описано в третьей книге эпоса: «...По приказу Манаса/ Алмамбет начал погоду изменять <...> Прочитав заговор от злых духов, / Прочитав на языке калмаков молитву, Быстро из барайызы[197]/ С начала до конца и с конца до начала прочитав, Несколько раз молитвы на языке кытаев прочитав, Алма твой принял грозный вид, Опустил в воду джай таш (Сууга жай таш салганы)[198] <...> Не успели и глазом моргнуть, <...> Как по

---

[196] В тюркской антропонимии имена с афф. *-či/-čy* могут считаться достаточно распространенными, см., к примеру, в алтайском языке современные мужские имена: *jимирчи, jорыччи, jыракчы, Кайыӈчы, Айылчы, Озочы, Орбочы* и женские имена: *Куучынчы, Сӱтчи, Эскинчи, Чомурчы* (СЛИ РСФСР 47, 48–49, 52, 54–56). В плане семантики и словопроизводства с именами «вызывателей непогоды» можно сопоставить кирг. фольк. ЛИ *ǯo:runčи* (М кн. 3, стх. 1098, 1665), производное от *ǯo:run* 'лопаточная кость'. Не исключена связь ЛИ *ǯo:runčи* с наименованием такого гадальщика, как 'предсказатель по бараньей лопатке' – так именуется персонаж «Манаса» по имени Агыдай: *Ayydaj daly körü:čü* (М кн. 3, стх. 1630, см. там же 494, прим. 97, о гадальщиках на жженой бараньей лопатке, предсказывавших исход военных походов).

[197] «Барайыза – название книги, излагающей обязанности члена мусульманской общины» (М кн. 3, 498).

[198] «Джай таш – камень *яда́*, якобы находимый в желудке овцы и обладающий способностью вызывать атмосферные осадки, если его заговорить и опустить в воду» (М кн. 3, 500). В алтайском эпосе ту же функцию выполняет *кызу таш* 'раскаленный камень': это «магический камень, с помощью которого можно изменить погоду». «Славная серая кобылица /... Фыркнула – и раскаленный камень из ноздрей выскочил: Жгучий мороз ударил, Поверхность Алтая [от него] растрескалась, Железный тополь с треском раскололся» (МК Алт.ГЭ прим. 58 на с. 463, а также стх. 1339–1343).

всему предгорью пошел *дождь*, Стал падать, застучал *град*, На всем предгорье выпал град, С одного края наплыл *туман*, На западе потемнело, Красное зарево занялось <...> С неба сыпались сильный *град* и *крупа*, Закружилась *метель*, Те, кто смотрел, видели: / Повсюду сильно мело, Начавшийся *дождь* Всех – и людей, и коней – Залил, до изнеможения довел» (М кн. 3, стх. 5646–5675). См. также М кн. 3, стх. 8402–8414, где «прославленный Алмамбет Джай таш в воду опустил, В тот же миг Появилась откуда-то Одна *туча. Черный туман*, как узюк (*Үзүктөй кара бир туман*) <...> Сильный *дождь* с белым градом (*Кара жамгыр, ак мөндүр*)».

В тувинском сказании «Боктуг Кириш, Бора-Шээлей» девушка-богатырь Бора-Шээлей, пытающаяся выдать себя за мужчину, также вызывает непогоду: «Я ведь [такой]: если в воду войду, *Непогода-ненастье* наступит <...> Огненно-сильную траву В родниковую воду опустила, и, когда заговаривала, ворожила, Появились люди во главе с ханом. Едут, и тут разразилась беда: *Ветер, дождь* – поднялась буря!» (Тув.ГС 419, 421). И конь ее, Аян-Кула, способен на такие дела: «"Ты, Аян-Кула, будешь фыркать, туман напускать, / А что дальше [делать], я знаю сама," – говорит» (Тув.ГС 419) [в алтайском эпосе дыхание коня сравнивается с туманом (МК Алт.ГЭ стх. 9)].

QAR ('снег')

В пратюркской АС реконструируется **qaγar ~ qar* как ЛИ и комп. ЛИ, а также производное от него **qaγarlyq ~ qarly*, которое используется в качестве реального имени (СИГТЯ 1997, 632–633). Другим своим производным – именем деятеля на *-čy*: гаг. *garču* 'вызыватель снега' – реконструируемое гнездо ЛИ в плане как семантики, так и словообразования встраивается в тот же мифолого-ассоциативный ряд непогоды. Это поддерживается контекстуально и семантически: так, во второй версии происхождения легендарного родоначальника (в однотипном контексте якутского олонхо) говорится о его перемещении из верхнего небесного мира в средний, земной уже в виде снега, а не дождя (см. выше): «[То ли он] с восточной стороны Восточного неба <...> из *белого облака*, / быстро закрывшего [небо],/ в виде белого легкого *снега* / упал / и, споря-борясь, / закаляясь-укрепляясь,/ вырос – / так ли он произошел-родился, / ничего об этом не знал, говорят» (Олонхо 58).

Как природное явление, связующее верхний и нижний миры, почитался не только снег, но и *muz* 'лед' (ср. другую подобную пару «дождь – град» в статье «*jaγmur*»). См. *muz* как компонент не только м.ЛИ, но и клички коня, принадлежащего носителю ЛИ, что закономерно в тексте «Манаса»: м.ЛИ *muz burčaq*, кличка коня *muz qara* (М кн. 3, стх. 646, 2150, 3170). В якутской мифологии женой «великого господина» Улу Тойона, главы злых духов верхнего мира, является *Буус* Дьалкан хотун ('Ледяная госпожа с походкой вразвалку') (МНМ 2, 546). Старинное значение имени-посвящения стихии снега с испрашиванием покровительства нарекаемому в именах ср.-кыпч. *qarly* (Kak.NPT 11), тат. *qarly (xan)* (Сатт. 1998, 134), турк. *γarly* (Турк.ЛИ

179) 'обладающий снегом' → 'обладающий [покровительством] снега' переосмыслялось в результате вторичной метафоризации: 'снег' → 'ребенок, родившийся, когда выпал снег' (Менаж. 95). По Абу л-Гази, карлыкский иль – это потомки тех воинов Огуз-хана, которые отстали от него во время похода из-за выпавшего снега в горах и которых он приказал называть *qarlyq* (Кон.РТ стк. 352).

BORAN ('буря')

В пратюркской АС реконструируются ЛИ **boran* и именная модель сложносоставных ЛИ с постпозитивным его использованием [*ked boran* (МО II_{17}: ДТС 292), букв. 'сильный буран'] (СИГТЯ 1997, 634); см. также *šah buran* (Кбал.РСл. 805).

Слово *boran* является одним из составляющих мифолого-ассоциативного блока непогоды (иллюстративные примеры из олонхо и тувинских сказаний приведены в статье *jaγmur ~ jamyyr*). Характерно, что *православные* чуваши в XIX в. верили, что «Миродержатель летом посылает *град, бури, непогоды* в наказание за то, что они работают по пяткам» (т.е. *пятницам*; Хр.Чув. 242, 243).

Говоря об отголосках представлений о связи злого духа дэва с вихрем, пыльным смерчем, ураганом в турецких сказках, И.В.Стеблева отмечает: «В Ура-Тюбе, например, таджики называют смерч "ветром дэва"», а в сказке из собрания Боратава появление «Батюшки-дэва» связано с бурей: «...разразилась *буря*, настоящее светопреставление: шум, грохот, все окрестности заволокло пылью и *мглой*, засверкали *молнии*»; сходные представления отражены в туркменской сказке: «Когда дэв поворачивает назад, небо покрывается *тучами* и дует *ветер*» (Стебл. 2002, 37–38). По чувашским поверьям, «и у *ветра* имеются отец *çил ашшĕ* ('отец ветра') и мать *çил амăшшĕ* ('мать ветра'). Они опасны, так как много вреда наносят домашним строениям и хлебам на корню. В жертвенных молитвах часто умоляют Бога защитить их от грозы и ветра. По поверью, в *вихре* (*çавра çил*) ходит *шуйтан*. Он сидит в центре вихря... Если кому-то попадется навстречу, сразу может навести на него порчу... "Ушибленный *ветром*"» (Чув.Ф 70–71).

«*Ветер*, сопровождающийся *дождем, ветерок*, дующий на закате солнца, в традиционной башкирской этиологии также считается причиной болезней» (ДБ Башк. 74). В якутской легенде рассказывается, как «однажды *спустился сильный ветер* и разбросал людей в разные стороны» (прежде все они жили вместе) (Дыр. Птица 125). «У башкир существует множество запретов, связанных с землей, ветром и водой» (ДБ Башк. 76). В эпосе «Манас» конь Джармангдай «от *вихря* рожден» – *qujundan bütkön* (М кн. 3, стх. 9303).

Последний из приведенных примеров позволяет уяснить пути метафоризации: 'рожденный от вихря' → 'стремительный', 'напористый' → 'устрашающий врага'; на этом пути возможно и использование сравнения, см. тув. м.ЛИ *bora:ndaj* 'подобный бурану' (СЛИ РСФСР 179).

Производное от *boran* ЛИ *borančy* 'вызыватель бури' в качестве м.ЛИ отмечено в татарском и башкирском (*burančy*), казахском, киргизском, часто встречается в киргизском эпосе «Манас» (*boro:nči* – М кн. 3, стх. 504, 3605, 6693 и др.). О системной связи этого производного ЛИ с другими ЛИ – дериватами мифолого-ассоциативного блока непогоды говорилось выше.

Представляется, что ЛИ с компонентом – дериватом на *-čy* от названий некоторых разновидностей непогоды, скорее всего, явление сравнительно позднее. Это заключение подтверждается наблюдениями И.Н.Винникова над ходом развития шаманства: именно с поздними этапами его существования ученый связывает необходимость в достаточно узкой специализации деятельности шамана – одни из них лечили больных, другие вызывали дождь и т.д., и т.п. (*Винников И.Н.* Легенды о призвании Мухаммеда // С.Ф.Ольденбургу к 50-летию научно-общественной деятельности. Л., 1934).

Адекватность вычлененного выше мифолого-ассоциативного блока непогоды в древнетюркской АС поддерживается наблюдениями следующего порядка: «в башкирской антропонимии много образований со словами *қыш* 'зима', *йәй* 'лето', *ямғыр* 'дождь', *боран* 'буран', *болот* 'облако' и т.д.» (Мус.ЛТ 216). Как видим, три из перечисленных комп. ЛИ – *ямғыр, боран, болот*, – включены нами в блок непогоды, туда же следует отнести и комп. ЛИ *қыш* 'зима'.

Проведенное типологическое сопоставление тюркских личных имен блока непогоды, с одной стороны, и подборок ЛИ в разносистемных языках народов России по справочному пособию (СЛИ РСФСР) – с другой, позволило выявить существенные несовпадения. Дело в том, что среди антропонимий монгольской, финской, селькупской, кетской и др. лишь в некоторых удалось наблюдать единичные и разрозненные случаи использования названий непогоды. Так, в ненецком встретилось одно такое имя: *Хадко* (< *хад* 'пурга, вьюга'), в кетском – три имени: *Берес* (< 'падающий снег'), *Хильгам* (< 'зимний мороз'), *Аккыт* (< 'громик'); в эскимосском – одно имя: *Ану́ка* (< 'ветер') (СЛИ РСФСР 280, 342, 344, 345, 360). Ни в одном из этих языков не зафиксированы ЛИ с компонентом-дериватом того или иного из приведенных названий непогоды.

В эстонском же эпосе разновидности непогоды и один дериват от названия «ветер» представлены в мотиве похищения вдовы Калева «финским *знахарем ветра*, Туслaром»: «Но всезрящими богами, Оградительной их силой Не была забыта Линда. <...> Повелел великий Таара, Чтоб от *туч* явилась помощь, от *ветров* пришла защита. <...> *Просверкнул* могучий *Эйке*, Вору путь пересекая. *Полыхнул* из тучи *Пиккер*. *Дед* в гремящей колеснице Проскакал мостом железным, Бросил *молнию* на землю. Финский знахарь ветра, Туслар, <...> Был он *молнией* пронизан, Оглушен ударом *грома*» (Калев.ЭНЭ 93). Этот «знахарь ветра», один из «ведунов и чародеев», фигурирует в эпосе наряду со «знахарем слова» и «подземным знахарем Мана» (Калев.ЭНЭ 483, прим. к с. 70: «заклинатель, мастер заговоров и наговоров», см. с. 71, 91, 127). В прозвании «знахарь ветра» можно усмотреть типологическое подобие тюркским ЛИ *borančy, jaγmurčy*.

Характерно, однако, что носитель этого прозвания не связан с вызыванием непогоды, и его воздействие на ситуацию достигается иными магическими манипуляциями: «Финский *знахарь ветра*, Туслар, Лютою бедой застигнут – Перьев пригоршню пускает Из-за пазухи *на ветер*. Сильно дует он на перья, <...> Вслед бросает заклинанья, Оживляет словом силы Он кружащиеся перья. Колдовским, могучим словом, Словом, черта порожденьем превращает перья в войско. Порожденные из перьев, Широко на крыльях *ветра*, Словно *град*, летя из *тучи*, Мчатся воины верхами <...> Злому Туслару на помощь. Войско чертово, *из ветра*, Вызванное силой слова, Вора-знахаря опора, Густо падает на выгон, Заполняет двор широкий» (Калев.ЭНЭ 135–136).

Мифолого-ассоциативный блок непогоды

В свете полученных типологических данных высокую репрезентативность целого набора различных названий непогоды в составе пратюркской АС, а также в составе ряда тюркских современных АС следует рассматривать как специфическую черту этих АС.

Объяснение столь разветвленному отражению разных видов непогоды в антропонимии можно найти в кочевом скотоводческом укладе тюркских народов. Благополучие древних тюрков, скотоводов-кочевников, в большой мере зависело от природных метеорологических условий, и непогода создавала для них массу затруднений в деле отгонного, бесстойлового разведения, ухода и сохранения скота, издавна считавшегося их главным богатством. Возможно, именно поэтому для древних тюрков непогода значила больше, чем для других народов России, перечислявшихся выше, и с этим приходится считаться при построении картины мира пратюркского этноса.

Показательно, что понятия хорошей погоды в тюркской АС отражены в значительно меньшем объеме и, так сказать, косвенно. Назовем ЛИ **ajas ~ ajaz* [< 'чистое (небо); сильный мороз (при ясном небе)', 'видимое с земли небо']; см. также баш. ЛИ с компонентом *йәй* 'лето'. К подобным именам у тюрков могут быть отнесены обозначения целого круга устойчивых представлений и ассоциаций, связанных с почитанием неба, небесных светил и явлений, с их персонификацией. К их числу принадлежат небесные светила и явления, которые видны в ясную, хорошую погоду. Это **kök* '(голубое) небо', **kün* 'солнце', **a:j* 'луна', **julduz* 'звезда', **taŋ* '(утренняя) заря'. Можно сказать, что специализации значения 'хорошая погода' при этом не произошло: соответствующие наименования наряду со своим прямым значением допускают истолкование и в качестве показателей хорошей погоды.

Как видим, подтверждается тезис, что в антропонимии представлены понятия, наиболее существенные в мифологических воззрениях тюркских народов, реалии и явления, важные для образа их жизни. Мифолого-ассоциативный блок непогоды, очерченный здесь более широко и конкретно, чем, скажем, «блок хорошей погоды», должен быть признан одним из слагаемых в картине мира пратюркского этноса.

Итак, вместо скупого, плоскостного толкования-констатации для личных имен *Tuman, Jamyur* и др. («мальчик родился в туманный/дождливый день») предложено объемное и многомерное толкование – с учетом народных поверий, мифологических и фольклорных контекстов. При таком учете, если и принимать элемент «случайности» в именованиях, нельзя упускать из виду, что это такая «случайность», которая опирается на глыбу народной культуры.

СРЕДНИЙ МИР В ЕГО СВЯЗЯХ С ВЕРХНИМ МИРОМ

Средний мир крайне сложен в плане классификации мифологических представлений о его объектах. Целесообразно наметить классы пересекающихся представлений о ряде объектов, принадлежащих, по понятиям древних тюрков, к разным сферам Вселенной, но в то же время связанных между собой, см. ниже о «горе, упирающейся в небеса», о табуне рыжих коней, пасущихся «в глубине трех небес, На вершине черной горы (*Үч теңгери бу түбинде, / Кара тайга бу баҗында*)» (МК Алт.ГЭ стх. 789–799), о «подножиях гор верхнего мира» (т.е. высоких гор, вершинами своими уходящих в глубь неба), где помещаются «нерожденные души» жителей среднего мира (МНМ 2, 533).

В кетском пантеоне связующим звеном между небом и землей является Сын земли – Бангдэхып (Бангрэхып), ср. мотивы его женитьбы на Дочери неба, есть миф о том, как он был женат на Солнце (МПС Кет. 57 № 3, 261 № 3). Он был покровитель шаманов и сам первый шаман (МПС Кет. 309).

В эстонском эпосе есть сложный мотив сватовства персонифицированных небесных светил: в нем пересекаются не только этот класс верхнего мира и класс среднего мира (красивая девушка Сальме), но также и класс птиц (рябая курочка, найденная старой вдовицей, превратилась в красавицу Сальме): «К Сальме стали ездить сваты <...> И один жених был *Месяц*, А другой жених был *Солнце*, *Паренек-Звезда* был третий. *Месяц-юноша* приехал – Светлоокий, бледнощекий, На пятидесяти конях, О шестидесяти слугах, – Сальме взять хотел он в жены» (Калев.ЭНЭ 46–47 и сл.).

Неживая природа: названия природных объектов, металлов

Пространственная характеристика, связанная с ориентацией по вертикали, выражена противопоставлением *верх–низ*, которое конкретизировано противопоставлением *небо–земля* (Стебл. 1971, 221): «бурая земля» (*jaγγz jer*) находится внизу под «голубым небом» (*kök täŋri*). С.Г.Кляшторный называет главным божеством среднего мира «священную землю-воду» (*yduq jer-sub*); «это божество нигде не упомянуто особенно, оно вместе с Тенгри и Умай покровительствует тюркам и наказывает согрешивших» (МНМ кн. 2, 537).

«В мифологии алтайцев йер-су – совокупность высших духов (добрых божеств), покровительствующих людям. Согласно одному из мифов йер-су

17, они живут на снежных вершинах горных хребтов и у истоков рек»; в числе почитаемых йер-су – Темир-кан, Талай-кан, Алтай-кан и др. (МНМ кн. 1, 599). В чувашской мифологии понятие о божестве *йер-су* было, по-видимому, переосмыслено на собственный лад, что связано с раздельным и различным восприятием земли и воды со стороны пахаря, привязанного к земле, «поскольку его единственное средство пропитания – земледелие». Это «занятие чувашей стало центром их миросозерцания, мерилом счета месяцев и времени, определителем жертвоприношений и исходной точкой целого мифологического круга поверий» (Чув.Ф 55). Д.Месарош сообщает: «В старинных верованиях, миросозерцании и суевериях чувашского народа *земля* занимает важное место как *...мать мира* и всего *человечества*... То, что чуваш землю считает матерью и отношения свои к ней представляет подобно отношениям младенца, очевидно из следующего изречения: ..."Нас кормит земля своей грудью"» (Чув.Ф 55). У чувашей-земледельцев любые операции, производимые с землей, – «пахота и сев постоянно сопровождаются соответствующими жертвоприношениями» (Чув.Ф 61).

Тувинский фольклор называет «Владыку земли *Черзи-мöге (Черниң Черзи-Мöгезин)* <...> В эпосе этот персонаж предстает владыкой земли и более могучим, чем владыка скал или горной обители (по-видимому, в соответствии с представлением о земле, "держащей" на себе горы)» (Тув.ГС 555, прим. 2162). Там же С.М.Орус-оол комментирует это мифологическое имя: «*Черзи* – производное от *чер* 'земля' (ср. тув. *черзи* 'сгнившее дерево (от долгого лежания на земле)'), *черзиг* 'пахнущий землей'».

Что же касается воды, то у чувашей очень распространено народное поверье об «"отце воды" (*шыв ашшĕ*) и "матери воды" (*шыв амăш*). Им ежегодно приносят даже искупительную жертву, чтобы те не пугали людей около водоемов при купании или переправе через воду или чтобы при водопое не наслали на животных болезней» (Чув.Ф 68). В традиционной башкирской этиологии «существует множество запретов, связанных с землей, ветром и водой» (ДБ Башк. 76). Кроме того, здесь сохранились заклинания, в которых упоминается хозяин воды и хозяин земли в их противопоставлении: «*Йер эйәһе йерән һаҡал, һыу эйәһе һыуган* (т.е. *һыуыган*) *һаҡал* '*Хозяин земли* – бурая (*как земля*) борода, *хозяин воды* – охлажденная борода'»; вместе с тем вода и земля (как и ветер) сближаются тем, что считаются «местом обитания демонов болезни» (ДБ Башк. 77). В частности, «в традиционной медицине причиной заболевания считается соприкосновение с землей, с обитающими там мифическими существами» [ДБ Башк. 76; детям говорят: «В месяце с *-р-* (т.е. в названии которого есть звук *-р-*) не садись на землю, иначе ведьмы отберут у тебя силы!» – там же].

Существует мнение, что «духи земли и воды связываются не с нижним, подземным миром, а с той сферой, в которой живет сам человек»; соответственно море также относится к среднему миру (Стебл. 1971, 216).

В современном именнике тувинцев зафиксировано м.ЛИ *мöҥе dalaj* и ж.ЛИ *dalaj ban* (СЛИ РСФСР 185), в киргизском – м.ЛИ *ta:laj* (Кирг.ЛИ

327); ср. *talaj* 'океан, море' (ДТС 528). Синонимы каз. *teŋiz baj* (Джан.ВИ 138; толкуется как 'обладающий богатством, подобным морю') и *dajra* (диал., < *darija* 'море') *baj* (Джан.ВИ 60; толкуется как 'богатый морями' [?]). Ср. также ног. ЛИ *qara saj* (СЛИ РСФСР 120). ЛИ *teŋiz* носил один из младших сыновей Огуз-хана, имя другого – *tay* 'гора' (МНМ 2, 240). В архивных выписках А.Н.Самойловича среди таких личных имен, как *gün xan, aj xan*, значится имя с ключевым компонентом – конкретным гидронимом *aral xan* (ср. *Аральское море*) (РНБ.Ф. 671. Д. 100.Л. 328).

Конкретные оронимы запечатлены в региональных личных именах, см., например: тат. м.ЛИ *Урал* (СЛИ РСФСР 144 – ЛИ *ural*; Сатт. 1998, 253 – еще и сложносоставные *ural baj, ural bäk*); баш. *ural* (СЛИ РСФСР 83 – ЛИ; комп. сложносоставного ЛИ); кбал. *beštaŭ, teberduqa* (КбалРСл. 800, 803); кум. *kazbek, qara daŭ* (СЛИ РСФСР 120); в хакасском эпосе упоминается м.ЛИ *Хан-Тибет-хан* (АА Хак.ГЭ стх. 4302). Политически обусловленным регионализмом является ЛИ *Крым* и соответствующий компонент сложносоставного ЛИ: наряду с именем крымского хана *Крым-Гирей* б. *Девлет-Гирей* (Трепавл. 728), ктат. родовым названием *Тамагулы Крымтай*, ктат. ист. фамилией *Крымтайский* (Ктат.А 70,71); зафиксированы кбал. ЛИ *qrym, qrym gerij* (Кбал.РСл. 802); тат. *qyrym, qyrym baj, qyrym xan* и т.п. (Сатт. 1998, 150).

ЛИ *altaj* корнями своими уходит к соответствующему ороними, к олицетворению и почитанию мощной горной системы в образе антропоморфного хозяина (*ээзи*) гор: родовым священным горам шорцы и другие южные алтайцы устраивали общественные моления (Потапов 282). В мифологии алтайцев *Алтай-кан* – один из почитаемых *Йер-су* (МНМ 1, 599); в алтайском эпосе см. упоминание о «прямоствольных деревьях *кан-Алтая*» (МК Алт.ГЭ стх. 4360).

Характеризуемое как древнее тюркско-монгольское образование *altaj* < *al taj(ya)* (Сатт. 1998, 44) поддается реконструкции на пратюркском уровне:

турк. *altaj* (Турк.ЛИ 79 – ЛИ, комп. ЛИ *altaj durdy*), тат. *altaj* (Сатт. 1998, 44 – ЛИ), каз. *altaj* (Джан.ВИ 28 – ЛИ, комп. ЛИ *altaj baj, altaj bek*), кирг. *altaj* (Кирг.ЛИ 50 – ЛИ), алт. *миф. altaj* (МК Алт.ГЭ стх. 4360 – в составе ЛИ *qan Altaj*).

Предположительно наречение младенца именем *talaj, altaj* и др. в древности могло означать посвящение ребенка тому или иному доброму духу йер-су. Вторичная метафоризация могла привести к переосмыслению обоих компонентов ЛИ (например, *teŋiz baj* → 'обладающий богатством, подобным морю').

TAŬ ('гора')

Дополнительные данные, полученные при исследовании, позволяют реконструировать региональное позднепратюркское ЛИ **taŭ* и комп. ЛИ **taŭ*:

ст.-турк. *tay* (Кон.РТ 70 – комп. ЛИ); тур. *dağ* (Дж.Тгр. А); кбал. *taŭ* (Кбал.РС 803; СЛИ РСФСР 107 – в составе производного ЛИ *taŭlu*, комп.

многочисленных сложносоставных ЛИ); каз. *tau* (Джан.ВИ 136 – комп. сложносоставных ЛИ), тат. *tau* (Сатт. 1998, 232 – в составе производного *tauly*, комп. сложносоставного ЛИ); кум. *taw* (СЛИ РСФСР 115 – комп. сложносоставного ЛИ); ног. *taw* (СЛИ РСФСР 122, 125 – комп. сложносоставных м.ЛИ, ж.ЛИ), ст.-ног. *taw* (Трепавл. 737 – в составе производного комп. ЛИ *tawlu*).

Относительный синоним-ЛИ представлен компонентом сложносоставного каз. м.ЛИ *adyr baj* (Джан.ВИ 21: < 'холм, сопка'). Ср. также *tajγa* (тув. 'гора') в кличке богатырского коня *Тайга-Сарыг* (Тув.ГС 566).

Гора воспринималась древними тюрками как природное связующее звено между землей и небом – в различных мифах саяно-алтайских тюркских народов считалось, что три сферы Вселенной может связывать «гора, упирающаяся в небеса» (МНМ 2, 539), «гора-господин» (МК Алт.ГЭ стх. 29).

В хакасском эпосе гора Пора-Тасхыл названа «вершиной земли» (АА Хак.ГЭ 552). Различия между горами (Алтай) и землей в алтайском эпосе сказываются даже в описании окраски цветов, произрастающих в горах и «на земле»: от кукования вещих золотых кукушек на вершине семиколенного тополя «*белые* цветы На Алтае расцветают, *Синие* цветы на земле распускаются» (МК Алт.ГЭ стх. 72–75).

Видимо, именно с учетом связей верхнего и среднего миров три младших сына Огуз-хана, рожденные от земной девы, были наречены: *kök* 'небо', *tag* 'гора' и *teŋiz* 'море', которое, видимо, также воспринималось как связующее звено между этими средами. В алтайском эпосе представлен мотив происхождения эпического героя от гор: «Алып-кюлюк, богатырь мой, На своем Алтае живет. | Под луной дугой протянувшуюся *Пегую гору* отцом называет, | Под солнцем [вдоль долины] стоящую *Бурую гору* матерью называет» (МК Алт.ГЭ стх. 34–39). По представлениям тунгусо-маньчжурских мифов, «у подножия гор верхнего мира» помещаются нерожденные души (МНМ 2, 533). Об олицетворении местной природы и поклонении ей в образе антропоморфных «хозяев» гор см. выше, подробнее см.: *Потапов Л.П.* Культ гор на Алтае // Сов. этнография. 1946. № 2.

В алтайском эпосе находим строки, свидетельствующие о покровительстве горы, скалы людям, живущим в этом регионе. Ища новорожденному сыну защиты от приближающихся беспощадных вражеских сил, Маадай-кара отвозит его «на вершину девятиступенчатой черной горы (*кара-тайга*)| на высокую скалу (*кайа бажында*)»: «Ненаглядный единственный сын наш теперь Имеет отцом черную гору, Имеет матерью четыре березы» (МК Алт.ГЭ стх. 871–872, 935–937); именно там младенца находит «Хозяйка Алтая (*Алтай эзи бу абакай*), почтенная старуха, ...в левой руке – красномедный посох, в правой руке – желтомедный посох» (МК Алт.ГЭ стх. 1665, 1668–1669).

В описании внешности богатыря используются приемы сравнения и отождествления его портретных черт с масштабными природными объектами – «хребтом горы», «скалой», «северным лесом» и т.д., что потом ре-

зюмируется: «*Духом горы* создан он сам». См. в алтайском эпосе: «Нос, подобный прямому *хребту горы*, Ресницы, похожие на *северный лес*, Зоркие глаза, подобные синим *звездам*, <...> Щеки его – с *полскалы*, | Голова его – с целую *скалу*, |...| Нет у него крови, которая бы вытекла, алея. Нет у него души, которая прервалась бы. Внутренности у него словно из *стали*, Гортань его словно из *камня*. *Духом воды* создан его конь – темно-гнедой, *Духом горы* создан он сам – Маадай-Кара» (МК Алт.ГЭ стх. 355–360, 371–376). См. в киргизском эпосе: «Силача Джолоя, подобного *горе* (*тоо дой Жолой*), словно *глыбу*, оторвав от земли» (М кн. 3, стх. 8914).

Имена с компонентами *taй, qaja, taš* могли сигнализировать о посвящении ребенка, нарекаемого одним из таких ЛИ, «хозяину» горы, с одной стороны, а с другой – о просьбе к «хозяину» покровительствовать нарекаемому. Вторичная метафоризация такого имени происходила через сравнение нарекаемого с горой → пожелание «стать подобным горе человеком», см. каз. *tauman* 'подобный горе человек' (Джан.ВИ 136) или *nar tau* 'верблюд' + 'гора', 'рождайся крупным, высоким, как гора' (там же 109).

Типологическое подобие тюркским ЛИ с комп. *taй* усматривается в финск. фамилии *Vuori* (< 'гора': СЛИ РСФСР 275), а также в украинской фамилии *Подопригора*.

QAJA ('скала')

В пратюркской АС реконструируется компонент ЛИ **qaja* и именная модель с постпозицией **qaja* (СИГТЯ 1997, 638); к тому языковому материалу, на который опирается реконструкция, добавим ктат. ист. ЛИ *Кая бей* (князь Балатуков) и современную ктат. фамилию *Кая*.

Включение слова *qaja* в состав тюркской АС основывается на мифологических представлениях древних тюрков о том природном объекте, который этим словом обозначается. «Пупом земли» называют в алтайском эпосе священную скалу (МК Алт.ГЭ, прим. 112 к с. 465), «воротами между небом и землей» – две черных скалы: «днем и ночью они, | как два бодающихся быка, | расходились и сходились» (там же стх. 3089–3093). Отголоском древних верований тюрков является то, что скале отводится особая роль в хакасском эпосе: о сотворении богатыря «внутри Белой Скалы (*Ах Хаяның істінде*)» см. (АА Хак.ГЭ стх. 1915–1918); прекрасная девушка Алтын Арыг родилась сама по себе также внутри *родовой Белой Скалы* (там же стх. 7308–7309).

Исследователь этого эпоса В.Е.Майногашева относит к ранней, мифологической традиции «момент чудесного появления Алтын-Арыг на свет, когда она возникает из камня внутри Белой скалы в воинских доспехах, а после гибели превращается вместе со своим конем в песок и гальку» (АА Хак.ГЭ 511). Смерть другой из героинь этого эпоса связана с разрушением скалы, которая именуется «неприкосновенным, хорошим местом, ...свято чтимым хорошим местом» (там же стх. 2251, 2253): «Белая скала с шестью уступами Станет белыми камнями, развалится. Пис-Тумзух превратится

В горное эхо, исчезнет» (там же стх. 2418–2421). Мотив превращения преследуемой насильником женщины в скалу см. в эстонском эпосе: «...изначальной силой неба, Огневой его защитой Вырвана была вдовица Из объятий ястребиных. И в единое мгновенье Линда – бедная вдовица – Стала *каменной скалою*» (Калев.ЭНЭ 93).

Приемы геоморфного описания богатырской стати можно видеть в следующих фрагментах алтайского эпоса: у Маадай-Кара «нос, подобный прямому *хребту горы*, Ресницы, похожие на *северный лес*, <...> Щеки его – с *полскалы* (*јарым кайа*), | Голова его – с целую *скалу* (*бӱдӱн кайа*)» (МК Алт.ГЭ стх. 355–360); «Он не улыбался, сияя, Как коричневая *скала* (*кӱрең таштый*), не выгорающая от солнца, Он не смотрел, блестя глазами, | как пегая *скала* (*ала таштый*) , не выгорающая от луны» (МК Алт.ГЭ стх. 775–778). Этот фольклорный контекст показателен в отношении как характера обоих слов – *qaja* и *taš* (поскольку здесь, безусловно, речь идет не просто о камне, но об огромном камне → скале), так и путей вторичной метафоризации этих слов.

Вторичная метафоризация опиралась на подразумевавшееся сравнение: ‘скала’ → ‘необоримый’, ‘неуязвимый’, ‘твердый/крепкий, как скала’; этому способствовали такие именные определения, которые получало слово *qaja* в составе сложносоставного ЛИ в средние века. См., например, ср.-уйг. ЛИ *ked qaja* ‘крепкая скала’ (USp. 78_{18}: ДТС 292); ср.-уйг. ЛИ *temür qaja* (Махп.Уйг.ЮД 49), с первоначальным значением ‘железо-скала’/‘железная скала’ (т.е. скала, содержащая железистые породы), с последующей метафоризацией: ‘скала, [твердая, как] железо’ и перенесением этого образа твердости на человека.

Типологическое подобие тюркскому ЛИ *qaja* представляет финск. фамилия *Kallio* (‘скала’: СЛИ РСФСР 276).

TAŠ (‘камень’)

В пратюркской АС реконструируется компонент ЛИ **taš* и именная модель сложносоставных ЛИ с препозицией **taš* (СИГТЯ 1997, 638–640).

В современных тюркских именниках личные имена с компонентом *taš* обычно предназначаются для мужчин, но в киргизском, например, имеются женские ЛИ *taš bübü* (то же – кирг. фольк. М кн. 2, стх. 14395), *taš mama* (Кирг.ЛИ 452).

Древними тюрками почитались не только гора, скала, но и камни (см. Трощ. 247, 275). У хакасов курганный камень или груда камней на возвышенном месте посвящались духу-хозяину горы с целью задобрить его (АА Хак.ГЭ 552, прим. 5240). В хакасском эпосе даже мелкие камешки («галька») вместе с песком могли выполнять созидательную функцию: эпическая героиня прекрасная Алтын-Арыг, родившаяся из гальки и песка (*sajdaŋ-xumnaŋ töre:n*), после своей гибели с галькой и песком [опять] смешалась (АА Хак.ГЭ стх. 9301–9304); в свое же время она вынуждена была жить на высокой *горе*, где *камни* служили ей ложем (АА Хак.ГЭ 512).

О мотиве превращения персонажа кетской мифологии «в каменную россыпь» см. МПС Кет. 269 № 35; там же 270, № 36, о «мотиве превращения героев в элементы ландшафта».

В алтайском эпосе «девятигранный черный камень» обладает чудесной силой, он предназначен поразить врагов-недругов эпического героя (МК Алт.ГС 462, прим. 43). В киргизском эпосе камень показан как объект для испытания силачей: «*Камень* с маленькую юрту величиной Бросили как *камень* для испытания силачей, Каждый смертный, если ударится о тот камень, Не сможет даже встать (*Алачык үйдөй бир ташты Балбан таш кылып таштаган*)» (М кн. 3, стх. 8523–8524).

Таким образом, в фольклорных контекстах природные объекты 'гора', 'скала', 'камень' могут составлять особый мифолого-ассоциативный ряд (сюда же примыкает и 'галька').

Слово *taš* 'камень' [а камень рассматривался в древности как символ мудрости (Мак. 135)] в условиях почитания этого природного объекта могло служить, вероятно, своеобразным именем-оберегом. В контексте алтайского эпоса отмечено, что при рождении богатыря «в левой руке <...> Девятигранный черный *камень* был зажат, / В правой руке, когда на свет появился, / Семигранный серый *камень* был зажат (*кара таш, боро таш*)» (МК Алт.ГЭ стх. 756–758) – этим черным камнем, обладающим чудесной силой, богатырь впоследствии поразит врага (там же 462, прим. 43; см. еще стх. 2070–2095).

Вторичная метафоризация *taš* происходила на основе сравнения: 'как камень' → 'твердый'[199]. В киргизском эпосе имя с компонентом *taš* могла носить женщина – *taš bübü* (М кн. 2, стх. 14395).

Типологическое подобие тюркским именам с компонентом *taš* можно усматривать в чукот. м.ЛИ *Выквын* (< 'камень') (СЛИ РСФСР 351) и финск. *Kivi* ('камень': там же 276 – фамилия и комп. сложносоставных фамилий *Kivikoski* 'каменистый порог', *Paasikivi* 'каменная плита').

Как можно видеть из разделов «Верхний мир (Космос)» и «Средний мир в его связях с верхним миром», мифологическое осмысление явлений природы, небесных, а также земных ее объектов, получивших выражение в соответствующим образом маркированных словах[200], широко отражено в древнетюркской АС.

Новый важный этап познания окружающей природы – добыча и освоение металлов – также запечатлен в древнетюркской АС: по природе своей принадлежащие к нижнему, подземному миру, благодаря деятельности людей они обращены на пользу сынов человеческих (т.е. переведены в сферу среднего мира). Имеются в виду в первую очередь личные имена с компонентами *temir* 'железо', *altyn* 'золото', *kümüš* 'серебро'.

---

[199] Другое направление метафорического акта представлено в ног. ист. гидрониме *озеро Кызыл-Таш* (Трепавл. 727).

[200] О подобных «словах-ключах», характерных для той или иной исторической эпохи, см.: Буд. I 2001, 90 и сл.

TEMIR ~ TEMÜR ('железо')

В пратюркской АС реконструированы две диалектные вариации ЛИ – **temir ~ temür* – и соответственный компонент ЛИ, а также именная модель сложносоставных ЛИ с постпозицией **temir ~ temür* и реальные пратюркские имена, образованные по этой модели (СИГТЯ 1997, 635–636). Набор личных имен с компонентом *temür* в постпозиции и срединной позиции зафиксирован в средневековых юридических документах: *qutluγ temür*, *qara temür* (USp. 17), *bujan temür elči* (Rachm. 7: Махп.Уйг. ЮД 51).

В мифологии алтайцев Темир-кан почитается в числе других добрых божеств Йер-су (МНМ 1, 599). У чувашей есть поверье о волшебной «железной траве» (*тимĕр корăк*; здесь налицо метафоризация *тимĕр*), с помощью которой отпирается любой замок, как и крепкая деревянная затычка (Чув.Ф 89); ср. русск. *порез-трава, разрыв-трава*.

Изначально значение *temir* 'железо', 'железный' зафиксировано в сложносоставных личных именах, соединивших в себе по два названия природных объектов – железо и луна, железо и скала; см. ног. м.ЛИ *aj demir* (СЛИ РСФСР 119; ср. хак. *aj altyn*: СЛИ РСФСР 57); ср.-уйг. *temür qaja* (Махп.Уйг. ЮД 49), тув. *demir xaja* (СЛИ РСФСР 180), см. также кум. м.ЛИ *taš temir* (СЛИ РСФСР 115). Впоследствии возможность подобного сочетания реализовалась в более позднем, по всей видимости, имени *temir bulat* [см. кбал. *temir bolat* наряду с *tembolat*: СЛИ РСФСР 107, 108), кум. (115), тат. (143), баш. (182)], где соединены два названия металла – тюрк. *temir* и заимствованное *bulat* [ср.-уйг. ЛИ *bulat* USp. 56_3 (ДТС 122)].

ЛИ *temir* содержит в себе метафорическое пожелание, чтобы носитель ЛИ был крепким, твердым («как железо»)[201], «энергичным», «неумирающим» (Менаж. 79). Известное типологическое подобие семантическому развитию др.-тюрк. **temir ~ temür* можно усматривать в широком спектре метафор, возникших – путем сравнения – при использовании арабского заимствования حديد 'железо' в персидском языке: это слово означает здесь не только железо, но и 'быстрый, резкий', 'крепкий', 'горячий, пылкий', 'энергичный', 'стремительный' (Гафф. I 252).

Синоним-ЛИ (из иранск. *pulad* 'сталь') *bulat* – ср.-уйг. (USp. 56_2: ДТС 122), тат. (Сатт. 1998, 66–67 – ЛИ и комп. ЛИ); *bolat* кбал., кум., ног. (комп. ЛИ) (СЛИ РСФСР 105, 113, 119). Заимствование из тат. – мари ЛИ *bulat* (СЛИ РСФСР 265); также заимствования на Кавказе, например осет. *Темболат*, каб.-черк. *Болэт* (СЛИ РСФСР 28, 291).

ALTUN ~ ALTYN('золото')

В пратюркской АС реконструируются в двух диалектных формах компонент ЛИ **altun ~ altyn* и две именных модели сложносоставных ЛИ

[201] В английском языке эталоном твердости считается железо; по Н.Д.Арутюновой, «лексемы, в значение которых входит указание на такого рода атрибуты (маркированные знаки), подвержены метафоризации» (Арутюнова 348).

с**altun ~ altyn* в препозиции при наличии постпозитивного компонента в виде сословного титула в одном случае и прилагательного цветообозначения – в другом (СИГТЯ 1997 636–637).

Из контекста алтайского эпоса становится очевидным, как происходила метафоризация *altyn*: «Мой мальчик-богатырь так лежал. Зад его весь серебряный, Грудь его вся *золотая* (*Көгӱстери көдрӧ мӧҥӱн, Көгӱстери көдрӧ алтын*)» (МК Алт.ГЭ стх. 1748–1749). Ср. там же (стх. 632, 637): «златокаменный его Алтай», «среброкаменный его Алтай».

Метафоризации *altyn*: 'золото', 'золотой' → 'очень хороший', 'драгоценный', 'благородный' – возможно, благоприятствовало наличие «чувственно-экспрессивного элемента» (Буд. I 2001, 93 и сл.) в этом слове[202] [см. чисто звуковые схождения этого слова со словами *al* 'алый', *a:l* 'шелковая ткань светло-красного цвета, используемая на знамена и в убранстве верховой лошади', *alp* 'герой, богатырь', *al-* 'брать, взять' (ДТС 32, 32, 36)]. В тувинском и киргизском эпосах наблюдаются оппозиционные пары ЛИ (по признаку названия металла): *aldyn möge* 'Золотой силач' – *demir möge* 'Железный силач' (Тув.ГС 564, 565; ср. ЛИ *aldyn o:l* 'золотой мальчик', *aldyn herel* 'золотой луч': СЛИ РСФСР 177); *altyn kökül – ker kökül* (М кн. 3, стх. 1358, 9193).

Для монгольских языков можно привести калм. м.ЛИ *Алтн* и комп. м.ЛИ *алтн* (СЛИ РСФСР 232).

Из тюркских языков заимствовано марийское сложносоставное ж.ЛИ *алтын бика* (СЛИ РСФСР 262).

Типологическое подобие тюркскому комп. ЛИ **altun ~ altyn* можно усмотреть в соответствующем компоненте финск. ЛИ *kuitamies* ('золотой человек': СЛИ РСФСР 274); см. также евр. ж.ЛИ *Голде* и *Злата* (СЛИ РСФСР 35, 41) и фамилии *Златкин, Гольденвейзер, Рейнгольд*, заимствования из идиш и русского языка.

KÜMÜŠ ('серебро')

В пратюркской АС реконструируются ЛИ **kümüš*, компонент ЛИ **kümüš* и именная модель сложносоставного ЛИ «**kümüš* + сословный титул» (СИГТЯ 1997 637–638).

О способах метафоризации *kümüš* дает представление алтайский эпический контекст, в котором описывается мальчик-богатырь: «Зад его весь *серебряный*, Грудь его вся золотая» (МК Алт.ГЭ стх. 1748–1749); см. также «*сребро*каменный его Алтай» (МК Алт.ГЭ стх. 637).

Метафоризация значения содержит элементы пожелания: 'драгоценный металл белого цвета' → символ внутренней чистоты, невинности (Сатт. 116), позднее, в ж.ЛИ: → 'белотелая девушка (женщина)'; см. пожелание,

[202] О проблеме взаимодействия абстрактного значения слова с его чувственно-образным восприятием см.: Буд. I 2001, 98.

выраженное в новой глагольно-именной модели: турк. ж.ЛИ *kümüš dursun* (Турк.ЛИ 599). Можно привести такие оппозиционные пары турк. ж.ЛИ: *altyn – kümüš, altyn aj – kümüš aj, altyn bikä – kümüš bikä* и др. (Турк.ЛИ 584, 599); см. также хак. *aj altyn* (СЛИ РСФСР 57).

Типологическое подобие можно усматривать в русских фамилиях: князь *Серебряный, Серебрякова, Серебренников*.

Живая природа: названия растений, птиц

Названия растений

Растения, уходя корнями в нижний, подземный мир, произрастая в среднем мире, вершинами высоких деревьев стремятся к верхнему миру. В мифологии древних тюрков растения и птицы осуществляют связь среднего и верхнего миров. «На Мировом древе – символе трехчленности мирового пространства, распределенного по вертикали, птицы находятся на его вершине, являясь принадлежностью верхнего, небесного мира» (Стебл. 2002, 31).

В различных мифах саяно-алтайских тюркских народов три сферы (верхнюю, среднюю, нижнюю) Вселенной «связывает либо древо мировое (*Пай кайынг* 'богатая береза' или *темир-терек* 'железный тополь', на ветвях которого находятся зародыши детей и скота), либо гора, упирающаяся в небо» (МНМ 2, 539). Якутские сказки описывают родную землю – средний мир, землю айыы, добрых божеств, населенную «"божьими" людьми-якутами – урянхайцами и с "божьим" деревом – березой» («красуются березы») (Як.Ф 298). На большом дереве, по якутским поверьям, живет «дух земли», которого они представляют в виде доброжелательной, посылающей людям счастье, седой старухи (Як.Ф 295).

В хакасском эпосе образ «священная береза с золотыми листьями» (*altyn pürlig paj xazyŋ*) «олицетворяет жизненную силу рода. Во многих героических поэмах рядом с золотолиственной священной березой расположено озеро с целебной водой, которой оживляют погибшего богатыря» (АА Хак.ГЭ 555, прим. 8688).

В алтайском эпосе береза почитается наряду с тополем; она может быть священным деревом (*бай кайыҥ ~ барчыт кайыҥ*): «Береза пусть благословит» (МК Алт.ГЭ 463, прим. 50). Богатырь Кögюдей-Мерген, вскормленный соком четырех берез на вершине высокой горы, «Имеет отцом черную гору, Имеет матерью четыре *березы*»: они спрятали и защитили младенца от приближающегося врага (МК Алт.ГЭ стх. 875–889, 935–949).

В эстонском эпосе при прощании новобрачной с родным домом ее муж Калев метафорически рассказывает, кого она оставляет, используя при этом наряду с образами Месяца и Солнца также образ березки: «Ты троих забыла дома: Месяц в горнице остался – Это мать твоя старушка, Солнце на дворе широком – Это дядюшка твой старый, Да *березки* по дорогам – То двоюродные братья» (Калев.ЭНЭ 62).

Родовое священное дерево – «железный тополь» – назван в алтайском эпосе «пупом земли», хотя обычно «пупом земли» именуют священную

скалу (МК Алт.ГЭ 465, прим. 112). Скала и родовое дерево спрячут и будут защищать эпического героя (МК Алт.ГЭ 463, прим. 52; фольклорный контекст приведен выше в статье «Гора»)[203]. Алтайцы так воспевают свое родовое дерево: «Стоствольный вечный *тополь*, Под лучами луны и солнца, Как золото, сверкая, стоит. С ветвей его, склонившихся на лунную сторону, Золотые листья опадают. С ветвей его, склонившихся на солнечную сторону, Серебряные листья опадают» (МК Алт.ГЭ стх. 47–53).

«Сохранившийся в поздней передаче генеалогический миф уйгурского племени повествует, что их родоначальниками были священные деревья (ср. почитание у хазар Тенгри-хана в виде высоких деревьев)» (С.Г.Кляшторный: МНМ 2, 577). Типологическое подобие такому олицетворению деревьев можно усмотреть в кетской мифологии: «Традиционному мировоззрению кетов свойственно отношение к деревьям как к живым существам, уподобление их человеку. Известны умилостивительные действия кетов перед тем, как срубить березу для изготовления берестяных тисок, и т.д.» (МПС Кет. 268, № 33).

По мнению Д.Месароша, «чувашское народное поверье связывало с деревьями мифы главным образом на северных территориях, там, где раньше Поволжье покрывали дремучие, почти непроходимые леса... По поверьям северных чувашей, и *киремети* ("злой дух, чаще всего упоминающийся в народных мифах". – Чув.Ф 39) охотно обитают там, где береза в обилии. Деревом *киреметей*, где они живут, куда приносят им жертвы, как правило, является *береза*. Кое-где на северной территории ее считают и "жертвенным деревом" (*чӳк йывӑҫе*)...» (Чув.Ф 97).

Поясняя встречающийся в якутском фольклоре образ «священного дерева-дуба», комментатор добавляет, что мотив мирового дерева встречается в мифологии разных народов. «Дуб на современной территории якутов не встречается и указывает на их южную прародину» (Як.Ф 298). Между тем в старинном чувашском именнике отклик этого мотива сохранился в м.ЛИ-пожелании *Юман* 'дуб (пусть новорожденный будет крепким и могучим, как дуб!)' (СЛИ РСФСР 190).

В алтайском именнике сохранилось как реликт почитания священной березы личное имя *Qajuŋčy* (СЛИ РСФСР 48), по-видимому, со значением 'хранитель священной березы; тот, кто ухаживает (присматривает) за священной березой'. Допустимо предположить, что семантически близким к этому алтайскому м.ЛИ является тат. м.ЛИ *urmančy* [см. также сложносоставные м.ЛИ с компонентом *urman*: (Сатт. 1998, 253); башк. фамилия *Урманчеев*; в казахском эпосе ЛИ эпического правителя Ногайской орды – *Орманбет*: Каз.РЭ 316, прим. 4]. Ср. морд. *Вирьтяка* (< 'дитя леса'; детское имя Степана Эрьзи).

---

[203] «Скала» и «родовое дерево» в алтайском эпосе действуют, таким образом, заодно. В турецких волшебных сказках И.В.Стеблева усматривает «противопоставление *растения – камни*» (Стебл. 2002, 70–71).

TEREK ('тополь')

Живописное изображение родового священного дерева *бай-терек* (*бай* 'богатый', *терек* 'тополь') или *темир-терек* ('железный тополь') см. в алтайском эпосе: «Стоствольный вечный тополь Под лучами луны и солнца, Как золото сверкая, стоит» (МК Алт.ГЭ 47–49 и далее стх. 50–119). Священное дерево может предсказывать смерть эпических персонажей: «Золотолиственный богатый тополь (*бай-терек*) На запад, оказывается, склонился» (МК Алт.ГЭ стх. 7330–7331; см. также 461, прим. 13).

Соответственно название тополя широко задействовано в тюркской антропонимии; собранные материалы позволяют реконструировать **terek* как компонент ЛИ и именную модель для сложносоставных ЛИ с комп.ЛИ **terek* в постпозиции:

ст.-ног. *terek* (Трепавл. 744 – в составе ЛИ *jaš terek* и патронима *jaš terek*), алт. *terek* (СЛИ РСФСР 50 – в составе ЛИ *terekej*); тат. *tiräk* (Сатт. 1998 43, 70, 308 – в сложносоставных ЛИ *aq tiräk, büz tiräk, jaš tiräk*).

Примечательно, что в казахском фольклоре *терек в составе словосочетания *шоктерек* ('группа/пучок тополей') используется как эпический топоним (Каз.РЭ 350).

Метафоризация – двухступенчатая: в прежние времена это было имя-посвящение (с надеждой на покровительство священного дерева нарекаемому); впоследствии – имя-пожелание: чтобы он был крепок, могуч и долголетен, как «стоствольный вечный тополь». Примечательно, что в калмыцком ЛИ *Уласта* усматривается название тополя (*уласи*) (СЛИ РСФСР 227).

ČYNAR ('чинара')

Тенденция к использованию названий деревьев в тюркской АС, как это видно из приведенных примеров, не утрачена в настоящее время, более того – поддерживается фактом существования имен с компонентом в виде названия дерева, произрастающего на южных территориях, – чинары. Собранный материал позволяет реконструировать более позднюю региональную (центральноазиатскую) форму ЛИ **čynar* и компонента сложносоставного ЛИ **čynar*:

ср.-уйг. *čynar* (Suv. 686_{20}: ДТС 149 – комп. ж.ЛИ *čynar čečäk qyz*), турк. *čynar* (Турк.ЛИ 620 – ж.ЛИ *čynar*, комп. ж.ЛИ *čynar gül, čynar bibi*), кирг. *čynar* [Кирг.ЛИ 454 – ж.ЛИ *čynar(a)*, комп. ж.ЛИ *čynar gül, čynar aj, čynar bübü, čynar qan*].

Из других названий деревьев и кустарников, задействованных в современных тюркских именниках, можно привести следующие: тат. ж.ЛИ *čijä* (дерево и его плоды: Сатт. 1998, 436); кирг. *žijde* (Кирг.ЛИ 436); каз. ж.ЛИ *tal šybyq* (< *tal* 'тальник, ива', *šybyq* 'прутик': Джан.ВИ 186). В казахском эпосе *тальник* провозглашен «земли красой» (өлкенің көркі *тал*: Каз.РЭ стх. 205). Ива и джида оказываются связаны с шаманскими ритуалами при «лечении» больных: «шаман ударял больного тонкими прутьями (из веток

ивы, джиды и др.) три, четыре раза и, тем самым, как считалось, окончательно изгонял злых духов из тела больного» (Шаниязов 329). Связь колдунов с ивами зафиксирована и в чувашском рассказе (предположительно – конца XVIII в.), где разбойники, увидев погоню, прибегли к волшебству: «хотя они и являлись разбойниками, но были и знатными колдунами и моментально превратились в ивовые кусты» (Чув.Ф 66). Ива, «таловый прутик» занимает определенное место и в алтайском эпосе: «серым *таловым прутиком* Со свистом ударяя», погоняет коня богатырь (МК Алт.ГЭ стх. 3487–3488), отбивается от 70 огромных кобелей, черным *таловым прутиком* побивает 90 черных быков (там же стх. 3526, 3535). Ср. типолог. нанайск. ж.ЛИ *Дятала* ('ивняк': СЛИ РСФСР 260). Кусочек дерева рябины – неотъемлемая часть оберега для детей от сглаза у носителей мамадышского диалекта татарского языка (Рамазанова 2002, 165). Названия видов саксаула – *sazaq, čerkez, gandym* – стали туркменскими м.ЛИ или их компонентами (Турк.ЛИ 27). Из названий частей дерева в составе ЛИ исторически использовалось слово 'палка' (< 'посох'): ср.-уйг. *qutluγ temür tajaq* (USp. 56_{20}: ДТС 473).

У якутов зафиксировано прозвище *manča:ry* 'осока' (< *Манчаары Баһылай* 'Осока Василий': СЛИ РСФСР 202). Характерно, что осока занимает особое место в летнем пейзаже Якутии и в фольклорных его описаниях: «С копьевидной манчар ('осокой'. – *Г.Б.*) оказался край-бережок озерка моего» (Як.Ф 224), «...вровень с головой молодецкого коня растет там хвощ, а зеленая осока – по развевающуюся челку доброго коня, по гладкие виски отменного коня – горная осока, по коленные чашки прекрасного коня – нарядная трава...» (Як.Ф 298). В киргизском эпосе заросли осоки упоминаются в пожелании будущему богатырю: «Пусть места, где много *осоки* (*өлөңдүү жерди*), сожжет, Пусть его ни один смертный не превзойдет...» (М кн. 3, стх. 8129).

Из трав 'верблюжья колючка' запечатлена в уйг. м.ЛИ *jantaq* [по своеобычности объекта наименования это уйг. м.ЛИ (Надж.УРСл. 822) можно сравнить с калм. ЛИ *эрвенг* (< 'мята': СЛИ РСФСР 227)].

ČEČÄK ('цветок')

Из числа растительных образов в тюркской АС с широким разбросом по языкам представлены ЛИ *čečäk* 'цветок' и сложносоставные ЛИ с этим компонентом. Привлечение дополнительных сведений позволяет реконструировать ЛИ **čečäk* 'цветок':

ср.-уйг. *čečäk* (Suv. 686_{20}: ДТС 149 – комп. сложносоставного ж.ЛИ *čynar čečäk qyz*), алт. *čeček* (СЛИ РСФСР 56 – ж.ЛИ), тув. *čeček* (СЛИ РСФСР 177, 183 – м.ЛИ *čeček o:л*, ж.ЛИ *čečekma:, čeček kej*), тат. *čäčäk* (Сатт.1998 436 – ж.ЛИ).

ЛИ *čečäk* искони было связано с «древнетюркскими представлениями об умирающей и вновь воскресающей растительности» (*Сухарева О.А.* К во-

просу о культе мусульманских святых – цит. по Кармышева 1987, 233, прим. 5). По мнению Б.Х.Кармышевой, «имя *Гуль* ("цветок"), несомненно отражает эти же представления, ибо в Таджикистане и Узбекистане существовали весенние праздники цветов, которые исследователями объясняются из культа божеств, олицетворяющих умирающую и вновь воскресающую растительность» (Кармышева 1987, 233–234; см. также: *Пещерева Е.М.* Праздник тюльпана (лола) в сел. Исфара Кокандского уезда // В.В.Бартольду туркестанские друзья и почитатели. Ташкент, 1927. С. 374–384; *Она же.* Некоторые дополнения к описанию праздника тюльпана в Ферганской долине // Иранский сборник: К 70-летию И.И.Зарубина. М., 1956); кстати, отметим здесь широкую распространенность ж.ЛИ *Лола*.

Характерно, что у чувашей один из многочисленных эпитетов Бога – это «*чечек çоратакан Торй* 'порождающий (создающий) цветы Бог' (т.е. 'распоряжающийся цветением хлебов')» (Чув.Ф 21).

С учетом вышеизложенного вторичной должна быть признана метафоризация значения: 'цветок' – символ красоты, чистоты, нежности, полного расцвета.

Впоследствии компонент женских личных имен *čečäk* был сильно потеснен персидским заимствованием *gül* 'цветок; роза', обладающим бóльшим чувственно-экспрессивным потенциалом, нежели *čečäk*. Достаточно сказать, что, например, татарские женские имена с компонентом *göl* в кн. Сатт. 1998 занимают с. 354–361, а киргизские – в списке ж.ЛИ – Кирг.ЛИ 432–434. Широкое использование *gül* в функции компонента тюркских женских имен укрепляет исторически проявившуюся тенденцию к вовлечению растительных образов в тюркскую АС.

Идея плодородия и плодовитости, которая в турецких сказках связывается с образом овощной культуры – гороха (Стебл. 2002, 58), в «Манасе», например, передается личным именем кирг. *Жүгөрү* < 'кукуруза' (М кн. 3, стх. 2016) [возможно, ту же идею передает тув. ж.ЛИ *to:ruq* (СЛИ РСФСР 186), ср. тоф. *to:ruq* 'шишка хвойных деревьев (кроме кедра)'; типолог. кет. ЛИ *эмъlтъ* 'шишка' (СЛИ РСФСР 345)].

Название такой важной овощной культуры, как чеснок, запечатлено в м.ЛИ *sarymsaq*. Поскольку оно зафиксировано у народов – представителей различных групп тюркских языков, стало возможным реконструировать ЛИ **sarymsaq* в составе позднепратюркской региональной АС:

турк. *sarymsaq* (Турк.ЛИ 313 – м.ЛИ), тат. *sarymsaq* (Сатт. 1998 213 – м.ЛИ), кирг. *sarymsaq* (Кирг.ЛИ 441 – м.ЛИ).

Вторичная метафоризация м.ЛИ *sarymsaq* выражается в том, что с растительным образом 'чеснок' связана символизация крепкого здоровья, крепкой натуры. Аналогия подобной символизации заключена в «Хивинской сатире на казак-киргизов», опубликованной А.Н.Самойловичем в 1911 г.: «Речь их [т.е. казахов] *крепка*, как *репчатый лук*» (Самойлович 1911, 053).

ALMA ('яблоко')

В тюркских антропонимических системах можно видеть также случаи использования в качестве имен (или их компонентов) названий плодов. Привлечение дополнительных сведений позволяет реконструировать в пратюркской АС ЛИ **alma* 'яблоко' и соответствующий компонент сложносоставного ЛИ, а также именную модель сложносоставных ЛИ с постпозицией комп. **alma*. См.:

чаг. *alma* (ШН 10 – в составе производного м.ЛИ *almaǯuq*), турк. *alma* (Турк.ЛИ 594 – комп. сложносоставного ж.ЛИ *gyzyl alma*) , тат. *alma* (Сатт. 1998, 44, 339 – ж.ЛИ *alma*, комп. сложносоставных ЛИ: м.ЛИ *alma taj*, ж.ЛИ *alma banu, alma bikä, alma göl*), баш. *alma* (СЛИ РСФСР 88 – ж.ЛИ *alma*, комп. сложносоставных ж.ЛИ *alma bikä, alma seja*), каз. *alma* (Джан.ВИ 156, 28 – ж.ЛИ *alma*, комп. сложносоставных ж.ЛИ *alma gül, alma qan, alma žan* и м.ЛИ: *alma baj, alma bek, alma taj*), кирг. *alma* (Кирг.ЛИ 427, 48 – ж.ЛИ *alma*, комп. сложносоставных ж.ЛИ *alma daj, alma bübü, alma gül* и м.ЛИ: *alma bek*).

Метафоризация происходила путем сравнения: каз. ж.ЛИ *alma daj* 'как яблоко' → 'красивая, как яблоко'. Из числа названий плодов зафиксированы иранские заимствования в качестве личных имен: каз. м.ЛИ *almurt* (< 'груша') (Джан.ВИ 28), каз. ж.ЛИ *anar* (< 'гранат') (Джан.ВИ 157), турк. *Хурма* (Мус.ЛТ 217). См. также турк. ж.ЛИ *üzüm* (< 'виноград', 'виноградная гроздь', 'виноградник') (Турк.ЛИ 616), кирг. ж.ЛИ *ǯüzüm* (Кирг.ЛИ 436), а также турк. м.ЛИ *kišmiš* (Турк.ЛИ 306)[204]; кбал. ж.ЛИ *duγum* (СЛИ РСФСР 103) и алт. ж.ЛИ *boronot* (< 'смородина') *qyzylγat* (< 'красная смородина') (Мус.ЛТ 217), кбал. м.ЛИ *nanyq* (СЛИ РСФСР 103: < 'малина').

SAMAN ('солома')

В туркменской и киргизской антропонимии представлено название злаковой культуры – пшеницы: турк. *budajly* (< 'имеющий пшеницу': Турк.ЛИ 155), кирг. *buudaj* (Кирг.ЛИ 107 – комп. сложносоставных ЛИ, а также в составе производного ЛИ *budajčy* < 'тот, кто возделывает пшеницу').

Название высохших стеблей злаковых растений *saman* 'солома' реконструируется в пратюркской АС как компонент ЛИ в модели сложносоставных ЛИ **«имя + *saman*» и в конкретном ЛИ *saryy saman* (СИГТЯ 1997, 677–678).

Сложными, не однонаправленными путями метафоризации этого образа в составе тюркской АС может быть объяснено то обстоятельство, что ЛИ с компонентом *saman* преимущественно представлены не только у тюркских народов, издавна связанных с земледелием (гагаузы; также узбеки, киргизы). Существительное *saman*, выражающее объект среднего, земного мира (слово относится к сельскохозяйственной лексике), в тюркских языках ис-

[204] Большое количество растительных образов (деревьев, плодов, цветов, трав) отмечается в турецких волшебных сказках, и в числе этих образов фигурируют, например, виноград, горох (Стебл. 2002, 52, 58).

пользуется в составе названия объекта верхнего, небесного мира – Млечного Пути: *Saman jolu, Samančy jolu*, тур. *Saman oğrusu/uğrusu*.

Наречение именем с компонентом *saman* было почетным для нарекаемого – через такое ЛИ он становился как бы «связным» между срединным и верхним мирами (ср. аналогию в ЛИ *julduz, aj, kün* и т.п.).

«Земная» метафоризация образа *saman* двунаправленна: ‘солома’ (уз. ‘резаная солома’) → ‘умный, разумный’, ‘мудрый; проницательный; рассудительный’ (по объяснению Менаж. 77); ‘солома’ → ‘богатство; достаток’, ‘благо; счастье’ (Менаж. 77), подробнее см.: СИГТЯ 1997/2001, 677.

В качестве типологического подобия тюркским ЛИ, имеющим в своем составе названия растительных образов, можно рассматривать следующие личные имена с семантически схожим компонентом в иносистемных языках: калм. *Уласта* (*уласи* < ‘тополь’), *Зегсен* (< ‘чакан’: Фасм. IV 312: «растение “Typha”»), *Эрвенг* (< ‘мята’) (СЛИ РСФСР 227); нан. *Дятала* (< ‘ивняк’), *Уникгэ* (< ‘дикое лесное яблоко’), *Гара* (< ‘ветка, сучок’), *Ороктo* (< ‘трава’) (СЛИ РСФСР 259–260); финск. имена и фамилии *Vilja* (< ‘хлеб, зерно’), *Kuusinen* (< *kuusi* ‘ель’), *Taimi* (< ‘росток’), *Lehtinen* (< *lehti* ‘лист’), *Orvokki* (< ‘фиалка’) (СЛИ РСФСР 274–276); селькуп. *Қытық* (< *қыт* ‘мох’), *Қънта* (< ‘смородина’), *Ниш'а* (< ‘шиповник’) (СЛИ РСФСР 284); чеч., инг. *Зезаг* (< ‘цветок’ < тюрк. *čečäk*?) (там же 324); кет. *Дуун* (< ‘ёлка’), *Бальна* (< ‘черемуха’), *Иим* (< ‘орех’), *Имис* (< ‘орех грызет’), *Омалька* (< ‘морошка’), *Оо* (< ‘лист’), *Сёнгит* (< ‘рябина’), *Солдаан* (< ‘шелковая трава’), *Силдан* (< ‘летняя трава’), *Бальдита* (< ‘пахнущая черемухой’), *Ойе* (< ‘смородина’), *Оммуль* (< ‘морошка’), *Эмъlтъ* (< ‘шишка’) (СЛИ РСФСР 340–345)[205]; чукот. *Въэйӈэвқэй* (< ‘травинка’), *Витъынэ* (< ‘мох’) (СЛИ РСФСР 351).

Названия птиц

Общепризнано, что птицы играют важную роль в мифологиях всех народов мира, а в мифологии тюркских народов Сибири они занимают одно из центральных мест, с ними связаны здесь два комплекса мифов: о сотворении земли и о получении огня (Дыр. Птица 119). Птица была активным помощником, участником творения земли, а «пока не сотворилась еще земля, была лишь вода, и божество Кудай – с тем, кто потом стал Эрликом, – летали над водой, будучи черными гусями» (Дыр. Птица 121–123). «Образ птицы-демиурга широко распространен у сибирских народов» (МНМ 2, 539, в том числе в тунгусо-маньчжурской мифологии, см. там же 533). В кетском предании на орла, прежде жившего «вверху (на юге), в теплой стороне Томам», возложена функция «открытия Сибири» (МПС Кет. 41). В эстонской космогонической «Песни о сотворении» сказочная птица с синими перьями, «летая в поисках гнезда, находит в загоне для скота три куста:

[205] Все материалы по кетским личным именам и прозвищам, приведенные на этих страницах СЛИ РСФСР, «взяты из статьи А.П.Дульзона “Кетские имена и прозвища” (рукопись)» (СЛИ РСФСР 341, прим. 1).

синий, красный и золотистый. Она выбирает для гнезда золотой куст, кладет яйца и высиживает трех сыновей. Одного сына она делает солнцем, другого – месяцем, третьего – звездой» (Калев.ЭНЭ 488, прим.).

В легендах о даровании людям огня птицей говорится, что каждому роду в отдельности стали приносить огонь различные птицы; их-то и начали эти роды считать своими божествами. К числу таких птиц относились лебедь, ястреб и орел (Дыр. Птица 124–125).

Уже из сказанного видно, что не только крылья птицы позволяют отнести этот образ к верхнему, небесному миру, но особенно – исполняемые ею функции в мифическом мироустройстве.

Образ птицы неотъемлем при описании Мирового дерева. «Птицей Мирового дерева в каждой конкретной мифологической традиции выступает наиболее "царственная" птица, часто – орел, иногда – обобщенный образ большой, "главной" птицы» (Стебл. 2002, 31). По якутским поверьям, «орел – это птица белого, восседающего на беломолочном троне бога-творца Юрюнг-Айыы-Тойона. Орел пользовался у якутов особым почетом. Убийство его каралось божеством, прилет во двор приносил счастье» (Як.Ф 298). В тувинском сказании в облике пегой орлицы предстает Кызыл Улаат, владыка горы Кынгынгай (*қызыл* 'красный') (Тув.ГС 566). Орел занимает особое место в представлениях и культах (в частности, шаманском) у кетов, он считался помощником шамана; известен сюжет об орле, укравшем себе жену у людей (МПС Кет. 268 № 31).

Якутскому фольклору известна многоголовая мифическая Ексекюптица; ее изображения входят в состав шаманского ритуального костюма (Як.Ф 295). В киргизском эпосе «Манас» упоминание сказочной птицы Будайык сохранилось в имени отца одного из действующих лиц, Музбурчака, – *bu:dajyq* (М кн. 3, стх. 646, 2150, 3170, 3504, 3646). К слою древнейших представлений относят чувашский миф об огненной птице *вут кайаке*, переносящей огонь, предвестнице пожара (который она сама и прекращает) (МНМ 2, 538).

Типологическое подобие тюркскому образу «главной» птицы можно усмотреть в кетской сказке, рассказчик которой, подчеркивая связь птицы с верхним, сакральным миром и богом Есем, сравнил рябчика (он «раньше был большой птицей») «с птицей Даг – мифической птицей огромных размеров с железными когтями. Близкий образ (птица Кярэс, Карес) имеется в фольклоре хантов» (МПС Кет. 265, № 19, также 77).

Функции птиц в мифологических представлениях тюрков многообразны – «они могут быть божествами, тотемными предками, культурными героями» (Стебл. 2002, 30, см. также 33), добавим – ведунами и вещунами, защитниками и караульщиками «глуби неба». См. в алтайском эпосе «Маадай-Кара»: «На вершине семиколенного вечного тополя Две одинаковые, с конскую голову, *золотые кукушки* (*altyn kü:k*), Днем и ночью гулко кукуя, Перекликаясь, сидят. [От кукования их] белые цветы На Алтае расцветают, Синие цветы на земле распускаются, – таков их обычай. Они знают, кто

когда умрет, Знают, кто сколько проживет. Кому предназначена счастливая жизнь, Тех радуют *золотые кукушки*. Кому предназначена плохая судьба, Тех печалят *серые кукушки*. На вершине этого железного тополя, звонко кукуя, они сидят[206]. Посередине семиколенного железного тополя Два одинаковых *черных беркута* сидят, Когти их [острые], как алмаз. Дыханье их как ветер. Под тремя небесами они Лунокрылых птиц не пропускают, Через три Алтая они Четвероногих зверей не пропускают – |Глубь неба караулят Эти два *черных беркута*» (МК Алт.ГЭ стх. 68–93).

Связь объектов разных уровней осуществляется не без посредства птицы. См. кетский мифологический «мотив отверстия между небом и землей, откуда прилетают птицы» (МНМ 1, 642). Сказочные богатыри, попавшие в нижний, подземный мир, в якутском фольклоре поднимаются оттуда на землю, превратившись в птицу (Як.Ф 297). В тувинском эпосе мифический персонаж *шулбу* грозится «в белоголового сокола-ястреба (*ак баштыг ачын хартыга боол*)» обратиться, через золоченую решетку ханской юрты вылететь (Тув.ГС стх. 505). О кетском мифическом «существе гибридной природы» (человеке-птице Пикулё) см.: МНМ кн. 1, 644.

В числе представителей животного мира, упоминаемых в средневековой Книге гаданий, – беркут, орел, сокол, лебедь, ворон, журавль, кукушка – так или иначе связаны с дошаманистскими и шаманистскими культами тюркских народов (Стебл. 1971, 222); о разной роли названных птиц в тюркской антропонимии см. ниже.

Заметное место образа птицы в тюркской мифологии, почитание птицы тюрками не могло не спроецироваться на антропонимическую систему.

QUŠ ('птица')

В пратюркской АС реконструируется компонент ЛИ **quš* и именная модель сложносоставного ЛИ с этим компонентом в постпозиции (СИГТЯ 1997, 649–650).

«Во всех многочисленных космогонических легендах птицы-божества, плавают они или летают, всегда носятся над бесконечным пространством воды. В одних легендах птицы эти – гуси или утки, в других они названы просто птицами (*quš*)» (Дыр. Птица 122). Ср. тув. *qušqaš* 'всякая (любая) птица' в составе тув. м.ЛИ *qušqaš o:l*, ж.ЛИ *qušqašta:r* (СЛИ РСФСП 181, 185).

По сообщению Л.П.Потапова, у кумандинцев шаман при трудных родах призывал божество Умай, называя ее «*птица-мать*»: «*Ак аjастан, кайн тӱш | Умай-ене, куш-ене* 'С ясного неба, паря [как птица], спустись, | Мать-Умай, птица-мать!'» (Потапов 276).

В кетском мифе про орла, который «сначала где-то вверху, в теплой стороне жил», есть упоминание про «мать перелетных птиц, хозяйку южной стороны» (МПС Кет. 268 № 31).

---

[206] Ср.: *Музраева Д.Н.* Образ кукушки в устной и письменной традиции народов Центральной Азии // Altaica VI.

Велико значение птицы в шаманских представлениях (птица – первый шаман, учитель и передатчик шаманства, птица-дух – помощник шамана; связь костюма и бубна с птицей и т.д.) (Дыр. Птица 119; о связи ритуального облачения якутского шамана и его бубна с птицей см.: Як.Ф 294, 295, 299). В поздних чувашских преданиях спрятанное сокровище (клад) может явиться человеку «в облике теленка, белой собаки, кошки или *птицы*» (Чув.Ф 65).

При проецировании образа птицы на человека вначале метафоризация опиралась на посвящение нарекаемого родовому божеству-птице с испрашиванием у него покровительства ребенку [см. ног. ж.ЛИ *qušly xan* (СЛИ РСФСР 124); образование метафоры: 'обладающая птицей' → 'обладающая покровительством птицы (духа, божества)']. Вторичная метафоризация осуществлялась через посредство сравнения: 'птица' → 'быстрый, (как птица)', 'вольный, (как птица)'.

Учитывая исключительную важность используемых в пратюркской АС мифопоэтических образов, связанных с птицами, мы дополняем материал, опубликованный в: СИГТЯ 1997, 649–652, отдельными статьями с реконструкцией личных имен, имеющих в своем составе названия птиц (в том числе – отдельно *qara quš* 'орел' и *aq quš* 'лебедь').

QARA QUŠ ('беркут', 'орел')

Ср.-уйг. *qara quš* (USp. 37_{11}), ср.-кыпч. *qara quš* (Houts. 32), тур. осм. *qara quš* (Гордл.ЛО Осм. 154), ст.-ног. *qara quš* (Трепавл. 727); тат. *qara qoš* (Сатт. 1998, 133).

По сообщению Л.П.Потапова, у некоторых из саяно-алтайских тюркских народов среди родовых божеств числится *Карагуш-хан* (МНМ 2, 540).

В одном из якутских архаичных мифов тотемического типа речь идет об орле, который считался сыном небесного божества Хомпоруун хотой, как о главе всех птиц. Будто бы он принес людям огонь, и некоторые якутские роды считали его своим покровителем и относились к нему как к старшему родственнику (МНМ 2, 682). См. по Н.П.Дыренковой: Кудай сжалился над шорцами, которые без огня мерзли и голодали, и «стал просить птиц помочь людям. Многие птицы согласились искать огонь. Но только *кара-куш* – орел – смог рассказать людям, как надо добывать огонь, ударяя камень о железо» (Дыр. Птица 125). В киргизских эпосе и сказках помощницей богатыря в трудное время выступает гигантская птица *Алп каракуш*: Манас идет на бой – «С неба грозная опора его – Алпкаракуш, растопырившись, Когти простерла с небес» (М кн. 2, стх. 6773–6775, см. также с. 669).

Вначале метафоризация была связана с именем-посвящением ребенка орлу, беркуту, у якутов – покровителю рода; вторичная метафоризация связана с изменением функции ЛИ *qara quš* – оно стало выражать пожелание быть смелым, как беркут, как орел.

Синонимом этого исконно тюркского сложносоставного слова является старый монголизм *bürkit* (< монг. *bürged* 'беркут', 'орел'), уже в древности проникший в пратюркскую АС. О возможности использовать для реконст-

рукции старые заимствования см.: *Левитская Л.С., Насилов Д.М.* Включать ли в общетюркский этимологический словарь иранские и арабские заимствования? // Теория и практика этимологических исследований: Материалы к ЭСТЯ. М., 1988. Дополнительно полученные нами сведения позволяют предложить отдельными статьями следующие реконструкции.

BÜRKIT ~ BÜRKÜT ('беркут', 'орел')

ккалп. *bürkit* (Кк.РС 153), каз. *bürkit* (Жан., Ес. 143); кирг. *bürküt* (Кирг.ЛИ 107); турк. *bürgüt* (Турк.ЛИ 156); узб. *burgut* (Менаж. 42); тат. *börket* (Сатт. 53).

На основании приведенных данных в позднепратюркской АС реконструируется ЛИ **bürkit ~ bürküt*. В алтайском эпосе два беркута («*эки кара мӱркӱдим*») – стражи Алтая: «С луноподобными крыльями, похожими на белые облака (*ай канады ак булуттый*), Два черных *беркута* моих Землю Алтая сторожат» (МК Алт.ГЭ стх. 98–100); сравнениями с луной, с белыми облаками подчеркивается связь этих стражей Алтая с верхним миром. Слово *bürkit* в своем развитии (как ЛИ) могло претерпеть двухступенчатую метафоризацию.

Синонимы – личные имена крх.-уйг. *čaγry* (ДТС 136), ср.-кыпч. *čaqyr* (Houts. 28) (< 'хищная птица', 'беркут', 'сокол'); гаг. *qartal* (Кур.ГА 143 – прозв. 'орел'). В киргизском эпосе один из сподвижников Манаса имеет прозвище *syrγaq* (ср. кирг. *syrγaq* 'один из видов беркута, отличающийся силой и хваткостью') (М кн. 2, стх. 5153, см. также с. 681), а его противника зовут *qoŋur o:lu: baj* (там же стх. 7159) (ср. кирг. *qoŋur mьrza* 'один из видов беркута', *qoŋur* 'темно-бурый').

TOγAN ~ TUγAN ('сокол')

В позднепратюркской АС дополнительно реконструируется ЛИ и комп. ЛИ **toγan ~ tuγan* на основании следующих фиксаций соответствующих ЛИ:

узб. *tƣγƣn* (Менаж. 82), ср.-тюрк. *toḫan* 1297 г. (Rás. 236 – в составе ж.ЛИ *toḫan-ǯuq*); венг. ист. *tojγun* (Kak.NPT 10); башк. *tojγon* (Башк.ЛИ 243); тат. *tuγan* (ИЭИ 77); кирг. *tujγun* (Кирг.ЛИ 354 – м.ЛИ, комп. м.ЛИ).

В своем развитии это ЛИ могло претерпевать двухступенчатую метафоризацию. Акт метафоризации через сравнение можно наблюдать в эпосе «Манас», где о богатыре говорится так: *Туйгунуң найза салганы* 'Сокол твой копье вонзил' (М кн. 3, стх. 3510) → кирг. м.ЛИ *tujγun*.

TOγRUL ~ TOγRYL ('сокол')

М.Рясянен уточняет значение слова: 'ловчий сокол' (Räs.VEWT 484a).

В пратюркской АС реконструируется ЛИ **toγrul ~ toγryl* и компонент ЛИ **toγrul ~ toγryl* (СИГТЯ 1997, 650); можно отметить большое количество ср.-уйг. ЛИ с компонентом *toγryl* в постпозиции: *adam toγryl, basa toγryl* (USp. 107), *jap toγryl* (USp. 109) (Махп.Уйг. ЮД 51).

В подобных именах отражена двухступенчатая метафоризация. Во-первых, в них усматриваются следы былых тотемических представлений, также домусульманского, кочевого уклада жизни (Гордл.ЛО Осм. 154). Во-вторых, «в символике среднеазиатских народов ловчие птицы ястреб и сокол отождествляются с образом богатыря, олицетворяя его силу, ловкость и красоту» (М кн.1, 514, прим. 25).

К числу синонимов можно отнести як. фольк. ЛИ «Сокол-Хаарджыт – Сокол-снеговик» (Як.Ф 302).

LA:ČYN ('сокол', 'белый сокол')

В позднепратюркской АС реконструируется этот древний монголизм в качестве ЛИ как **la:čyn* (СИГТЯ 1997, 651). Следует учитывать возможную метатезу на тюркской почве: тат. *alčyn* (Сатт. 1998, 45), кирг. *alcyn baj* (Кирг.ЛИ 50); ср. утрату начального *-л*: тув. *ачын* 'сокол'. Метафоризация двухступенчатая: в ЛИ *lačyn* усматриваются следы былых тотемических представлений. В позднее время могла произойти вторичная метафоризация 'сокол' → 'храбрый', 'сильный', 'зоркий' (Бегм.А Узб. 9), благодаря чему это ЛИ становится именем-пожеланием. Культу хищных птиц у народов Средней Азии посвящена книга: *Симаков Г.Н.* Соколиная охота и культ хищных птиц в Средней Азии (ритуальный и практический аспекты). СПб., 1998. В русский исторический ономастикон проникли фамилии *Лачин, Лачиновы* (Вес.Оном. 178; Трепавл. 729 – русский гонец *Лачинов*).

Ниже дополнительной статьей введена реконструкция еще одного синонима 'сокол', см.:

ŠUNQAR ('сокол')[207]

Др.-тюрк. *šumqar* (Мус.ЛТ 208), кирг. *šumqar* (Кирг.ЛИ 401 – в составе м.ЛИ *šumqar bek*); тат. *šunqar* (Сатт. 42); кирг. фольк. *šuŋyur* (М кн. 3, 326), башк. *šoŋqar* (СЛИ РСФСР 86, Башк. ЛИ 243); тат. *šonqar* (Сатт. 1998, 289); алт. *šoŋqor* (СЛИ РСФСР 52, И Алт. И 66); ср.-кыпч. *sonqor* (Houts. 28, 32); тюрк. *sunqur* (Гаф.ИИ 156 – в составе ЛИ *qara sunqur*).

Пути метафоризации этого названия птицы видны из фольклорных сравнений в «Манасе»: *Ак шуңкар куштай какылдап* [Бокмурун] 'Словно белый сокол, с клёкотом подобно птице [приблизился к врагу]' (М кн. 3, стх. 4680); *Чабыттап учкан шумкарсын* 'Вы – сокол, что в поисках добычи летит' (М кн. 2, стх. 10560); необходимо отметить, что в пределах эпоса употреблены разные диалектные варианты апеллятива: *šumqar, šuŋqar, šuŋyur*.

В «Бабур-наме» (БН: рубеж XV–XVI вв.) для обозначения ловчих птиц, в том числе соколов, обычно используется тюрк. *quš* 'птица' (например, БН

[207] В ДТС этот старый монголизм представлен двумя словарными статьями: *soŋqur* 'кречет' (ДТС 508) и *šunqar* 'сокол' (ДТС 525). С *soŋqur* возможно сопоставить имя мангытского мирзы *sonqor* (Трепавл. 736).

233a). Среди многочисленных личных имен, упоминаемых в БН, *šunqar* как ЛИ или компонент ЛИ не встречается: необычное направление метафорического акта зафиксировано в использовании этого слова в топонимии – как одного из компонентов оронима *šunqar xanä tayy* (БН 101, BN 82b) 'гора Шункар-ханá' (т.е. 'соколятник', 'место обитания соколов'). В БН дважды приведена поэтичная формула ухода из жизни, в состав которой входит этот старый монголизм: *šunqar boldy* (БН 7–8, BN 6 a–b; ср. БН 117, BN 96b) 'стал соколом' → 'погиб' (об этой формуле см.: Благова 1994, 127–128). На эту формулу в начале XX в. обратил внимание А.Н.Самойлович: он привел ее в ряду других формул ухода из жизни в своих черновых Выписках из «Бабур-наме», прочитанного подряд в Териоках в 1915 г. (РНБ. Ф. 671. Д. 85. Л. 13).

Тот факт, что удалось разыскать сравнительно небольшое количество ЛИ с компонентом *šunqar*, предположительно можно было бы объяснить наличием в этом слове «погибельной» для человека семантики[208]; возможно, что в ряде тюркоязычных регионов это препятствовало проникновению *šunqar* в антропонимию. Как утверждает Н.Д.Арутюнова, «освещение проблемы взаимодействия значения слова и жизненного опыта существенно и для понимания природы метафоры, и для понимания семантических процессов в целом» (Арутюнова 347).

Возможно, что аналогичным образом допустимо объяснять, отчего так мало имен со словом *aq quš* 'лебедь'. Причина в том, что это слово также связывалось с обозначением смерти (см. выше), несчастья. «В северночувашском *акăш* или *хоркайăк акăш* 'лебедь', 'дикий гусь'. Пролетающий над деревней лебедь для всей деревни означает большое несчастье, падёж скота, пожар» (Чув.Ф 88).

TURUMTAJ ('ястреб')

В пратюркской АС реконструировано ЛИ *turumtaj* ('ястреб': СИГТЯ 1997, 651–652). В своем развитии это ЛИ могло претерпевать вторичную метафоризацию ('ястреб' → 'смелый', 'стремительный', 'зоркий'); способ осуществления метафорического акта виден из фольклорного примера синонимичного названия ястреба: «*Карчыга дай кагынып* '[Манас] словно ястреб встрепенулся'» (М кн. 3, стх. 7421); см. сравнение в хакасском эпосе: «богатырский конь, словно *ястреб* (*хартыга кус*) полетел» (АА Хак.ГЭ стх. 2883). См. другие синонимические имена: як. *qyrdaj* (комп.ЛИ дочери главы злых духов верхнего неба Улу Тойона – *Mayan qyrdaj* 'белая ястребица': МНМ 2, 546) и кирг. фольк. *qyryyl* (М кн. 2, стх. 4152); як. *harda:ryla:n* (Олонхо 136); поздний фарсизм тат. *šahbaz* (Сатт. 216).

---

[208] Ср. случайное консонантное созвучие с чув. *синкер* 'несчастье', 'беда' [*синкере ан пар* 'не дай нам несчастий' (Хр.Чув. 253)].

AQ QUŠ ('лебедь')

Ср.-кыпч. *aq quš* (Houts. 32), кбалк. *aq quš* (СЛИ РСФСР 104 – м.ЛИ); турк. *aq guš* (Турк.ЛИ 71 – м.ЛИ); тат. *aq qoš* (СЛИ РСФСР 151 – ж.ЛИ); башк. *aq qoš* (Шак.Башк. Ш 423); чув. *акăш* (Чув.Ф 88: первоначально < тат. *aq qoš*).

По словам Н.П.Дыренковой, «в мифах шалганов, живущих на р. Лебеди... и называющих себя *kӯ-kіжі*, т.е. люди-лебеди, большую роль в мироздании играет птица-лебедь: "вначале была лишь вода, земли не было, – говорит легенда, – Бог посылает *белого лебедя*, который и достает, нырнув в воду, землю" (*Radloff*. Aus Sibirien. T. I. 360)» (Дыр. Птица 123). В одном из вариантов генеалогических мифов, относимых к наиболее архаичному тотемическому пласту древнетюркской мифологии, упомянуто среди потомков волчицы племя «белого лебедя» и племя кыргыз (С.Г.Кляшторный: МНМ 2, 537). Один из якутских архаичных мифов такого типа посвящен лебедю (МНМ 2, 682).

В позднем чувашском мифе рассказывается о Молочном озере (*сĕтлĕкӳл*), находящемся в каком-то сказочном, отдаленном месте, где, по поверьям, в настоящее время живут и тоскуют по своей потерянной столице внуки последнего казанско-татарского хана, а он при взятии русскими Казани «превратился в лебедя и улетел с минарета в сторону юга на берег Молочного озера» (Чув.Ф 57–58). По древнетюркским поверьям, «превратиться в лебедя (*qu:*)» = «умереть». Метафорическое значение глагола 'улететь' в тюркских языках (в частности – в чагатайском) тоже связано со смертью [переходом в иной мир: *učty* 'умер (о человеке)']. В хакасском эпосе «шестилетний [муж], храбрейший из мужей, В *белую птицу* (*ах хус*) превратился. Взмахивая крыльями, мудрейшая из птиц В небо-хан поднялась» (АА Хак.ГЭ стх. 2476–2481).

В кетском предании имеется «мотив превращения людей-сородичей старого шамана в лебедей» (МПС Кет. 268 № 30); там же (с. 274, № 45) говорится: «Почитание лебедей было характерно для кетов, известен обряд встречи первых лебедей и их проводов, существовал запрет убивать лебедей» (МПС Кет. 268, № 30, см. там же 274, № 45).

Метафоризация ЛИ *aq quš* была двухступенчатой, как и для *qara quš*.

Синоним – кирг. *aq qu:* (Кирг.ЛИ 42 – в составе м.ЛИ *аккуу бек*); *qu:* сохранился в тув. родовом имени *qu:lar* (СЛИ РСФСР 188). Ср. также аналогическое образование сложносоставного м.ЛИ кирг. *ala quš* (Кирг.ЛИ 46) с прилагательным-цветовым обозначением в препозиции.

QARLUγAČ ('ласточка')

В пратюркской АС реконструируется компонент ЛИ **qarluγač* 'ласточка' (СИГТЯ 1997, 652). В хак. ЛИ с названием ласточки этот компонент близок к монгольскому апеллятиву: хак. фольк. *Харачхай-Арыг* (АА Хак.ГЭ 556).

По якутскому преданию, каждому роду в отдельности стали приносить огонь различные птицы; у бурят существует легенда о похищении ласточ-

кой огня (для людей) (Дыр. Птица 125 и прим. к с. 125). В якутском мифе о мироздании Эрлик «превращается в ласточку, ныряет в воду и выносит ил», т.е. «птица творит мир» (Дыр. Птица 126). «У алтайцев ласточка прилетает к Ульгеню, неся во рту дёрн, который она и рассеивает по земле (до этого земля была голая). ...Ласточка приносит (людям. – *Г.Б.*) от Эрлика кремень» (Дыр. Птица 123). У качинцев именно ласточку посылают за душою человека (там же 123).

У чувашей ласточка – «любимая птица народных мифов. Бог ее тоже очень любит. Осенью, когда птицы улетают с полей и лесов, с земли поднимаются они к Богу. Ласточка тоже прилетает к Богу, но тогда как остальные птицы находятся в отдалении от него, ласточка вьет свое гнездо под столом Бога и чирикает вокруг его ног. Народное поверье с помощью мифа [о змеях, комаре и ласточках] объясняет, почему люди должны любить ласточку (она упасла человека от змей)» (Чув.Ф 90–91). Один из многочисленных эпитетов Бога у чувашей связан с ласточкой: *Чĕкеҫ Торри* 'Бог ласточек' (Чув.Ф 21). С образом ласточки связаны некоторые застольные песни чувашей (Чув.Ф 92). Среди татар Симбирской губернии Д.Месарош также записал миф о змеях, комаре и ласточках (Чув.Ф 92–93). В алтайском эпосе «бессчетный народ» сравнивается с ласточками: «подобный стае ласточек бессчетный люд (*карлагаштый ар албаты*)» (МК Алт.ГЭ стх. 7659).

Метафоризация двухступенчатая: вначале было имя-посвящение покровительнице рода – ласточке; впоследствии через сравнение происходила вторичная метафоризация – хак. ж.ЛИ *Харачхай-Арыг* осмыслялось носителями языка – 'чиста, как ласточка', 'чистая ласточка' (АА Хак.ГЭ 556 прим. 10283).

KÖGÜRČIN ('голубь')

Небесным вестником предстает в тюркской мифологии голубь; к тому же, «образ птицы-души соотносится с образом птицы-вестника смерти, и в таком сочетании голубь воспринимается также рядом народов Средней Азии» (Стебл. 2002, 33). Высказывается предположение, что «образ голубя, по-видимому, появился в мифологиях мусульманского мира из древнееврейской традиции через христианскую и соединился в них с их собственными представлениями о птицах» (там же 33). В волшебных турецких сказках много мотивов с голубем: голубка, окунувшись в бассейн, превратилась в прекрасную девушку: «она была дочерью падишаха птиц»; «похищенный сын падишаха прилетает в его дом голубем; прилетели две голубки, подхватили спящую девушку и перенесли ее в дом суженого» (Стебл. 2002, 16).

Неудивительно, что образ голубя с древности запечатлен в антропонимии тюркских народов. Привлечение дополнительных данных позволяет реконструировать в пратюркской АС личное имя **kögürčin* 'голубь':

kügärčen (Сатт. 1998, 154 – м.ЛИ, фамилии *Кугарченев, Кугарчинов*); кирг. фольк. *kögüčkön* (М кн. 2, стх. 1478 – ж.ЛИ); як. *küöregej* (СЛИ

РСФСР 202 – ж.ЛИ, там же 206 – в составе ж.ЛИ *küǫregejče:ne*). В якутском *küöregej* наряду с фонетическими изменениями и структурными заменами произошло переосмысление: 'голубь' → 'жаворонок' (суффигированная форма 'жавороночек'). В киргизском зафиксировано м.ЛИ *ala quš* (Кирг.ЛИ 46) [возможно, это ЛИ допустимо сопоставить с кирг. *alaqu:* 'вяхирь, витютень' (род лесных голубей)]. В поддержку предложенного перечня можно привести тат. м.ЛИ *qabutar* (Сатт. 1998, 126), в котором образ голубя передается более поздним иранским (перс.-тадж.) заимствованием [см. также ЛИ *γumry* (< 'горлица': МК, цит. по: Мус.ЛТ 217)]. Ср. аналогичную замену (более того – вытеснение из АС) тюркского *čečäk* 'цветок' иранским заимствованием *gül* в ряде тюркских языков.

'Жаворонок' также используется в качестве личного имени у народов, живущих на весьма отдаленных друг от друга территориях, см. тат. м.ЛИ *turγaj* (Сатт. 1998, 244) и хак. ж.ЛИ (СЛИ РСФСР 64), кирг. *bostorγoj, ǯaγalmaj* (< 'жаворонок': Мус.ЛТ 217). См. также кирг. м.ЛИ *ǯapalaq* (< 'сова': Кирг.ЛИ 133 – м.ЛИ).

SONA ('утка', 'самка кряквы')

В тюркской мифологии особое место занимает и дикая утка. «Так, во всех многочисленных космогонических легендах птицы-божества, плавают они или летают, всегда носятся над бесконечным пространством воды. В одних легендах птицы эти – гуси или *утки*, в других они названы просто птицами» (Дыр. Птица 122; см. также МНМ 2, 539, где отмечено, что, согласно одному из вариантов мифа о происхождении мира, в изначально существовавшем огромном водном пространстве «плавали две утки...», курсив наш. – *Г.Б.*).

У качинцев, «сотворивши человека *утка-бог* посылает ласточку за душою человека» (Дыр. Птица 123). «Даже в легендах, отражающих несомненное влияние христианства, удерживается представление о птице наряду с образами Христа и Богоматери: "Божья Матерь, говорит якутская легенда, сотворила гагару с белым носом и *утку*, выслала на воду и велела нырнуть" (*Третьяков П.* Зап. РГО по общ. географ. Т. II. С. 415, 421)» (Дыр. Птица, прим. 1 к с. 126).

Естественно, что образ дикой утки (*sona*) нашел отражение в пратюркской АС. Привлечение дополнительного материала позволяет реконструировать ЛИ **sona* и компонент ЛИ **sona* в сложносоставных ЛИ:

турк. ЛИ *sona* (Турк.ЛИ 613 – ж.ЛИ *sona* и компонент ЛИ в производном *sonaš* и сложносоставных ЛИ *sona bike, sona güzel, sona gül*); уз.диал. фольк. *sona* (*Сапаров М.* Лексико-семантические особенности огузского наречия узбекского языка. АКД. Ташкент, 1983, 16 – в составе ж.ЛИ *sona ǯan, sona gül, sona gyz*); уйг. фольк. *sona*; кирг. *sono* (Кирг.ЛИ 451 – ж.ЛИ и комп. ж.ЛИ); сюг. *sōna, zōna, zona* (Тен.ССЮЯ 207, 220).

Круг значений *sona*: 'селезень', 'самка кряквы', 'утка', 'дикая утка'; общее название дикой водоплавающей птицы и куликов; какая-то птица и др.

В турецких диалектах метафорическое значение *suna* относимо как к женщине, так и к мужчине: 'красавица', 'красивый' (ЭСТЯ 2003, 306).

Синонимичное ж.ЛИ – кбал. *Баппуш* (СЛИ РСФСР 103). Типологически эти личные имена сопоставимы с ласкательным обращением к женщине в русских говорах: пск.твр. *селезёночка* 'милая, голубушка', утка моя, селезнюха моя (Даль IV 172, 520).

И 'голубь', и 'утка' как тюрк. ж.ЛИ претерпевают в тюркских языках двухступенчатую метафоризацию.

* * *

Традиция наречения «птичьих» имен настолько исторически глубоко укоренилась в этнической памяти тюркских народов, что имеет даже тенденцию разрастания у некоторых из этих народов [см. в современной якутской антропонимии, например, «имена от названий птиц, воспеваемых в произведениях устного народного творчества, – преимущественно женские» (СЛИ РСФСР 202)]. Помимо рассмотренных выше имен в антропонимические системы разных народов оказались вовлечены образы и соответственно названия других различных птиц. При этом образы ряда таких птиц можно найти в архаичных мифах, легендах, преданиях тотемического типа.

Ворон в мифах играет важную роль. «У алтайцев... Ульгень, создав тело человеческое, посылает *ворона* к Кудаю просить души для своего творения» (Дыр. Птица 123). В алтайском эпосе идет речь о вороне как об одном из духов-хозяев Алтая (МК Алт.ГЭ 463, прим. 66). Ср. древний эвенкийский миф о сотворении мира, где ворон становится посредником между демиургом и людьми (МНМ 2, 533).

Черный ворон считался «мудрейшей из птиц» у хакасов; они приписывали ворону мудрость, способность предсказывать беду, вещать (АА Хак.ГЭ 542, прим. 1199; см. то же – Чув.Ф 87).

Внимание Н.П.Дыренковой привлек мотив ворона-властелина в крымскотатарской сказке: «...*ворон* созвал подвластных птиц, и одна из них помогла царевичу отыскать дочь солнца» (Дыр. Птица 125). У якутов существовали мифы не только об орле, лебеде, но и о вороне (МНМ 2, 682). В алтайском фольклоре образ ворона постоянно привлекается для показа необозримости «голой степи, где *ворон* не летает» (или «до конца которой *ворон* не долетит»: МК Алт.ГЭ стх. 1227, 1240, 1268).

Заметное положение ворона в мифологической иерархии отразилось в тюркских антропонимических системах. В якутском фольклоре имеется ЛИ *xara suorun* «Черный Суорун (суор-ворон)» (Як.Ф 302). У чувашей мальчикам иногда дают имя *Çăхан* ('ворон') или *Курак* ('грач'), чтобы они не умирали (Чув.Ф 87–88). Ср. в современной киргизской АС м.ЛИ **qarya baj* (Кирг.ЛИ 46).

В легендах о получении огня благодетелями человека выступают разные птицы, в том числе журавль. «Легенды, связанные с более первичными и более древними представлениями этих (тюркских. – *Г.Б.*) племен трактуют о даровании людям огня птицей. Так, в легендах телеутов птица Колболко –

коростель (сыч) говорит людям, как добывать огонь. ...Кара тас – черный дятел, пролетая, говорит алтайцам, как добывать огонь из камня и березы... *Турна* – журавль, пожалев шорцев, летит к Ульгеню просить огонь...» (Дыр. Птица 124–125). У чувашей бытовали поверья: «Если журавль (*тӑрна. – Г.Б.*) высоко поднимается, будет ясная погода, если летает низко – будет сырая погода»; на севере Чувашии, где журавль (сев.-чув. *тӗрне*) редко появляется, считают: «если он опустится на пашню, в том году не будет хорошего урожая» (Чув.Ф 89). С образом журавля и журавлихи связана чувашская свадебная песня (Чув.Ф 346). В современной туркменской АС имеется м.ЛИ *durna* (Турк.ЛИ 244), в якутской – ж.ЛИ *qytalyqča:na* ('журавлик').

В рассматриваемый раздел пратюркской АС нами включены те «птичьи» имена, реконструкция которых базируется на совпадениях названий птиц в личных именах некоторых языковых памятников, а также ЛИ различных современных тюркских народов на различных территориях их проживания. Как оказалось, попали в пратюркскую АС из орнитологических имен в основном те, в которых задействованы образы птиц – главных персонажей многочисленных древнетюркских мифов. Именно такие мифологические имена имеют наиболее глубокую подпочву в этнической памяти тюрков. Благодаря этому традиция наречения «птичьих» личных имен настолько древняя и устойчивая, что как бы обрастает и прирастает другими подобными именами, вроде бы случайными – во всяком случае, как представляется, под ними отсутствует мифологическая подпочва.

Вместе с тем, такие имена могут иметь опору в фольклорных контекстах, участвуя в создании фольклорных образов, фольклорно-языковых поэтических формул. Так, для показа необозримого пространства степей привлечены образы птиц из семейства воронковых – сорока и ворон; в алтайском эпосе, например, «славная серая кобылица» мчится «по желтой степи, где *сорока* не летает» (или: «до конца которой *сорока* не долетит»), «по голой степи, где *ворон* не летает» (или: «до конца которой *ворон* не долетит») (МК Алт.ГЭ стх. 1225–1228, 1240–1244, 1266–1269, 2452–2456). Соответственно имеются алт. м.ЛИ *sa:nysqan* и хак. ж.ЛИ *sa:sxan* (СЛИ РСФСР 49, 63), в которых название 'сорока' представлено без изменений и добавлений.

Чаще же имена подобного рода представлены отдельными вкраплениями в ту или иную современную тюркскую АС. Примеры: каз. *adaj* (< 'птенец': Джан.ВИ 21); турк. *bödöne* (< 'перепел': Турк.ЛИ 103 – м.ЛИ); тат. ж.ЛИ *bylbyl* и *sanduyač* (< 'соловей': СЛИ РСФСР 127, 161)[209], алт. *to:rčyq* (Мус.ЛТ 217), алт. м.ЛИ *qana quš* (СЛИ РСФСР 48); тув. ж.ЛИ *küske* ('чайка': СЛИ РСФСР 185 – ЛИ и комп. ж.ЛИ), алт. фольк. ЛИ *altyn küskü*

[209] У чувашей среди многочисленных эпитетов Бога один связан с соловьем: «*Шӑпчӑк Торри* – Бог соловьев»; см. также «*Тӑрхан Торри* – Бог дятлов. *Вӗтрен кайӑк* – Бог крапивников (зябликов, чижей)» (Чув.Ф 22).

(МК Алт.ГЭ стх. 6926, 7318); тув. ж.ЛИ *sajlyq ma:* (*sajlyq* 'синичка': СЛИ РСФСР 177); як. фольк. *byllyry:t* вид кулика, *qullury:t* вид кулика (Як.Ф 301) и як. *küöregej* 'жаворонок', *küöregejčə:nə* 'жавороночек' (СЛИ РСФСР 202).

В киргизском фольклорном тексте в целях образной передачи особой прочности богатырской кольчуги используется сравнение ее колечек с глазом птицы (*чымчык көз*), жаворонка (*торгой көз*), куриным глазом (*тоок көзү*) (М кн. 3, стх. 9312–9315).

Из названий домашних птиц в карачаево-балкарской антропонимии задействовано в качестве ж.ЛИ *Гогуш* (< 'индюк'), см. также *Жумарыкъ* (< 'горная курица') (СЛИ РСФСР 103).

Среди якутских фольклорных имен зафиксировано имя, имеющее в своем составе компонент – название летающего насекомого: *jürümäči jukejde:n* 'Бабочка Юкэйдээн' (Як.Ф 302). В алтайском эпосе прелестная Алтын-Кюскю сказочно «белой *бабочкой* обратилась,| [От богатыря] прочь полетела» (МК Алт.ГЭ стх. 7233–7234). По чувашским поверьям, «души умерших, главным образом, души маленьких детей, в виде белой *бабочки* (*шурă лĕпĕш*) возвращаются из могилы навестить родителей. ...Если в конце лета с наступлением холодов увидят озябшую бабочку, усевшуюся на стену, берут в ладони, согревают своим дыханием и отпускают» (Чув.Ф 94). См. алт. ЛИ *čymyl* (< 'муха': Мус.ЛТ 217). В киргизском эпосе «Манас» имеется ЛИ *böjön* (< 'фаланга': М кн. 2, стх. 60). В эстонском эпосе роль посыльных к знахарям выполняют божьи коровки – их посылает Линда, чтобы помочь Калеву в его болезни (Калев.ЭНЭ).

Приведенный материал со всей очевидностью показывает: в тюркской антропонимии так называемые «птичьи» имена (или «птичьи» компоненты сложносоставных ЛИ) остаются весьма активными на протяжении десятков веков: личные имена с использованием орнитологической лексики в их составе продолжают жить у тюрков и в XXI в. В этом ярко проявляется «богатая аналогическая творческая сила народного духа», о которой в свое время писал Д.Месарош применительно к чувашам (Чув.Ф 27). Применительно к тюркской АС в ее историческом развитии это утверждение может быть распространено и на многие другие тюркские народы.

Живая природа: названия рыб и животных

Из ихтиологической лексики, задействованной в тюркской АС, нами реконструированы ЛИ с компонентом – родовым названием одного лишь водного животного – *balyq* 'рыба' (СИГТЯ 1997, 652–653): стихией воды рыба связана со срединным (земным) и нижним (подземным) мирами. Как оказалось, компонент *balyq* является мифологически маркированным.

В соответствии с мифологическими воззрениями тюркских народов Сибири, «опорой земли служат два рыбоподобных чудовища – кер тютпа, у которых верхняя губа касается неба, а нижняя земли»; «*кер балык* созданы Ульгенем, владыкой верхнего мира» (МНМ 2, 539). Мотив мифических *кер*

балык представлен в алтайском эпосе: когда от крепкого мороза замерзли «девять одинаковых черных морей, <...> Два одинаковых моих кита (эки тӱҥей *кер балыгым*), Друг на друга головы положив, заснули» (МК Алт.ГЭ стх. 1276–1280, см. далее 1290, 1293, 1302, 1305, 1308).

Б.Х.Кармышева, отметив, что в группе родников Чилючорчашма (Южный Таджикистан) водится множество рыб, пишет далее: «Как и во многих местах Средней Азии, где есть водоемы при святынях, эти рыбы считались священными, запретными для употребления в пищу. Существовало представление, что эти рыбы – разумные существа, так как когда-то были людьми» (Кармышева 1987, 234).

В современной тюркской АС существование ЛИ с компонентом *balyq* поддерживается действием аналогической творческой силы тюркских народов, благодаря чему созданы ЛИ с компонентами-названиями разных видов рыб: кирг. фольк. *aq čawaq* (< 'чебак, подлещик': М кн. 2, стх. 14182), каз. *šoqyr* (< 'осетр': Джан.ВИ 148), *šortan* (< 'щука': там же), хак. *sortanax* (СЛИ РСФСР 60). Типологическое подобие этому можно усмотреть в нанайск. м.ЛИ *Аодян* (СЛИ РСФСР 259).

В пратюркской АС нами реконструировано значительное количество личных имен, компоненты которых восходят к названиям животных, диких и домашних (СИГТЯ 1997, 640–649). Ниже мы ограничимся рассмотрением набора тех ключевых зоопонятий, которые наиболее глубоко и широко укоренились в мифологических представлениях и фольклоре тюркских народов. Названия именно этих, диких и домашних, животных упоминаются в средневековой Книге гаданий: медведь, волк, кабан, олень, лев, тигр (барс), лиса, заяц, конь, верблюд, бык, корова, овца (Стебл. 1971, 222).

Из числа домашних животных, как видим, в перечень Книги гаданий попали именно те четыре вида (конь, верблюд, крупный рогатый скот, овца), владение которыми вкупе считалось, например, у кочевников Средней Азии и Казахстана признанием большого богатства (М кн. 3, 493–494, прим. 23). В казахском эпосе считается: «Тальник – земли краса, Обрывы – реки краса, а *скот – джигита краса* (*Жігіттің көркі мал болар*)» (Каз.РЭ стх. 205). В алтайском эпосе об этом богатстве сказитель говорит, прибегая к типовому фольклорному сравнению: «подобный *белому туману* скот у тебя есть» (МК Алт.ГЭ стх. 2255, см. еще стх. 634, 3391).

Помимо участия в пратюркской АС названий всех четырех видов скота к рассмотрению привлечены также ЛИ с компонентом – названием такого домашнего животного, как собака.

Важно заметить, что в фольклорном сознании ряда тюркских народов не наблюдается резкого разграничения, непроходимой грани между дикими и домашними животными. Во всяком случае, в разных фольклорных контекстах представлены многочисленные пересечения разных зооклассов (и подклассов), в том числе и орнитологического. В киргизском эпосе Манас

сравнивается одновременно с ястребом и леопардом: «Словно *ястреб* (*карчыгадай*), встрепенулся он, Разъяренный, как *леопард* (*кабыландай*)» (М кн. 3, стх. 7421–7422).

В алтайском эпосе: «...Это Кöгюдей-Мергена богатыря Хлопковогривый темно-сивый *конь*, Серым *беркутом* обернувшись, Сюда прилетал!» – и вызволил богатыря из плена подземного мира (МК Алт.ГЭ стх. 5314–5317, см. также стх. 6154). В другом эпизоде сам богатырь превращается в беркута, а его конь – в волка: «Храбрый *богатырь* Кöгюдей-Мерген, В четырехкрылого черного *беркута* Обратившись, полетел. Хлопковогривый темносивый [*конь*], В четырехухого синего волка Обратившись, побежал» (МК Алт.ГЭ стх. 4331–4336). См. в хакасском эпосе превращение «лучшей из женщин» в *Белого волка* (АА Хак.ГЭ стх. 2012–2015).

В другом контексте налицо функциональное сближение «черного *кобеля* (*кара тайгыл*)» и «медведя-самца (*öгӱс айу*)»: место первого из них, охраняющего двери каана, должен занять медведь (МК Алт.ГЭ стх. 7084–7092). «Вожак стад, девятилетний черный *бык*» и «вожак верблюдов, четырехлетний черный *верблюд*-самец» сближаются по их свирепости; в конце концов обоих их убивает богатырь (МК Алт.ГЭ стх. 3694–3701, 3755–3764, 3777–3780). В контексте башкирского заговора сближаются образы *быка* и *медведя* (см. об этом ниже). Вóроны и черные волки связаны возлагаемой на них губительной функцией: семь черных *волков* должны были съесть кобылицу, предназначение которой – спасти младенца-богатыря от врагов его отца, а девять *воронов* должны были выклевать ей глаза (МК Алт.ГЭ стх. 4749–4755).

Характерно, что в алтайском эпосе волки и кабаны, верблюды и бык, вóроны и змеи служат злым персонажам, в то время как конь, «синяя корова», медведь выступают на стороне богатыря Кöгюдей-Мергена. В киргизском эпосе враг Кошоя, соратника Манаса, получает в речи последнего метафорическое обозначение «кабан (*qaman*)», чем подчеркнута негативная окраска этого слова: «Старик Кошой, открой же глаза, ... Позволяешь этому *кабану* верх одержать, Перед иноверцем роняешь свою честь!» (М кн. 3, стх. 8540–8543).

Из приведенных выше перечислений (и сближений) зоопонятий, принадлежащих разным классам, можно сделать вывод о целостном восприятии животного мира тюрками: в их фольклорном сознании и дикие, и домашние животные могут противопоставляться либо по их верной службе богатырю (– отсутствию таковой), либо, наоборот, по их лютой свирепости, готовности уничтожить богатыря (– отсутствию таковых).

Названия диких животных

В пратюркской АС реконструированы сложносоставные личные имена с компонентами – названиями хищных зверей – **arslan* ‘лев’, **bars* ‘тигр’, ‘барс’, **qaban* ~ *qapan* ‘кабан, самец дикой свиньи’, **bö:ri*, **qurt* ‘волк’, **tilkü* ‘лиса’ (СИГТЯ 1997/2000, 640–644). Метафорическое использование

этих слов (и их синонимов) в фольклорных контекстах стало традиционным, зооморфное изображение персонажей в киргизском эпосе получило широкое распространение. Так, противник Манаса, злобный Конгур бай именуется то «могучим кабаном (*каман, чоң доңуз*)», то «голодным львом (*ач арстан*)» (М кн. 3, стх. 8542, 8903, 8904, 8939). О герое эпоса говорится метафорически: «*arstan Манас ba:tyr*» (М кн. 3, стх. 9095, 9098), у него «шея *тигра* (*җolbors mojun*)... Уши *волка* (*börü qulaq*), *львиный* взгляд (*šer qabaq*), <...> Словно *тигр* (*kök җolbors toj*), изготовился он» (М кн. 3, стх. 9114–9125). В алтайском эпосе зоолексика также внедрена в образную систему: Көгюдей-Мерген «подобно *медведю*-самцу, взревел (*өгүс болуп огурала*)» (МК Алт.ГЭ стх. 7396). У отрицательного персонажа – «как седой *туман* – его народ, Как стая *воронов* – его войско, Как *волки* – его богатыри» (МК Алт.ГЭ стх. 561–563). Отец устраивает для своего сына-младенца люльку: «из шкур шестидесяти *барсов* (*алтан бардың терези*), пеленки сделал, Из шкур семидесяти *волов* (*жетен чардың терези*) ремни [к люльке] приделал» (там же стх. 843–844). Беспомощность и безнадежность побежденного богатыря подчеркивается образами, почерпнутыми из наблюдений над птицами, животными: «Маадай-Кара, мой богатырь, Двери открыл, вышел, Кругом посмотрел: Два черных его *беркута* (*кара бу мүркүди*) От крика охрипли – Как филины теперь кричали. Две черные его *собаки* (*кара ол тайгылы*) От лая охрипли – Как щенки теперь тявкали. Народ стоял и плакал» (там же стх. 1082–1091). О приемах геоморфного описания внешности богатыря в алтайском эпосе см. выше в статье *qaja* ‘скала’.

AJU (‘медведь’)

В пратюркской АС дополнительно реконструируется ЛИ **aju,* комп. ЛИ **aju*, именная модель сложносоставного ЛИ с препозицией этого компонента:

тат. *aju* (СЛИ РСФСР 130 – в составе ЛИ *aju xan*), башк. *aju* (СЛИ РСФСР 69, Сатт. 1998, 49 – в составе ЛИ *aju xan, aju bi, ajukaj*); кбал. *аjуй* (Кбал.РС 791 – в составе фамилии *Айыўлары*, см. с. 40 балк. *айыў*); тув. *adyγ* (СЛИ РСФСР 179 – м.ЛИ *adyγ*, комп. ЛИ производного *adyγžy* и сложносоставного ЛИ *adyγ baj*). Предположительно сюда могли бы быть отнесены для рассмотрения ЛИ ср.-уйг. *ady jekä* (USp. 77_{23}), *ajyγ ögli* (КР 35_4) (ДТС 10, 29).

У якутов мифологизирован образ громадного медведя – таковым предстает иногда глава злых духов верхнего мира Улуу Тойон: с ревом и шумом он пробегает по земле (Н.А.Алексеев: МНМ 2, 566). На близость медведя к *людям указывают поверья северных чувашей:* «Говорят, что медведь похищает собирающих в лесу ягоды женщин, уносит их в свою берлогу и живет с ними. ...Похищенная женщина иногда рожает от него и ребенка. Он на вид как человек, но его тело покрыто густой шерстью, как у медведя» (Чув.Ф 84). Из литературы известно, что осетинами признавалась родственная связь медведя с людьми; в адыгейских сказках отмечен мотив: медведь воспитывает человеческого младенца. Ср. также: *Бурыкин А.А.* О некото-

рых вариантах удэгейских и орочских мифологических рассказов о медведе// Altaica VI. Медведь упоминается в древнетюркской Книге гаданий наряду с другими дикими животными и «четырьмя видами скотины» (Стебл. 1971, 222).

По сведениям А.М.Сагалаева, «*медведя* и первых людей спускают с неба» [ж. «Восток (Oriens)». 2001. № 2. С. 171]. Культ медведя распространен у кетов, см.: МПС Кет. 27; «среди культовых предметов у кетов встречаются фигурки *медведя* из дерева с украшениями-доспехами из листовой меди в виде ошейника, браслетов, пояса» (там же 284, № 72). Для кетов «мифологизированный образ *медведя* – страшный представитель лесной природы, добрый покровитель коллектива» (МНМ 1, 643). В древнем эвенкийском мифе младший из братьев, окончив работу по сотворению мира, ушел на небо и оставил посредником между людьми и собой медведя (вариант: во́рона) (МНМ 2, 533).

В контексте киргизского эпоса *аюу* 'медведь' употреблено в противопоставлении с *шер* 'лев': «Если исполнит желание [жены Манаса – Каныкей] единосущный Аллах, Если ребенка она родит, Пусть не девочка будет, а мальчик будет, Пусть не *медведь* будет, а *лев* будет! (*Аюу болбой, шер болсун!*)» (М кн. 3, стх. 8122–8126). Наличное здесь противопоставление двух фольклорных образов диких зверей – медведя и льва – уместно сопоставить с оппозицией *tilkü* 'лиса' – *börü* 'волк' (в знач. 'дочь' – 'сын') в Словаре Махмуда Кашгарского: *tilkü-mu toydy azu börü-mü* 'лиса родилась или волк?' (ДТС 118 – МК I 429).

Образ медведя как представителя лесной природы сближается, например в башкирском заговоре, с образом наиболее дикого и необузданного представителя одного из четырех видов домашнего скота – быка. См. башкирский заговор в целях изгнания демона, вызывающего боль в ушах (*матран, татыран*): «У ситника (*илэксенең* букв. 'того, кто изготовляет сита') две дочери: Сильная, как *медведь*, дочь, Волосатая, как *бык*, дочь...» (ДБ Башк. 75).

В тувинском языке наименование этого страшного представителя лесной природы подверглось запрету: *adyy* 'медведь' передается иносказательными выражениями *kara čüve* 'черная вещь', *irej* 'старик', *kajyrakan* 'божество' (Насилов В.М. 1970, 75); возможно, в последнем слове отразилась мифологизация медведя.

В алтайском эпосе – иное отношение к медведю: благодаря чудесному превращению положительный герой Кöгюдей оказывается связан с образом медведя: он «с верхнего косяка двери, Обернувшись *черным медведем-самцом* (*öгүс кара айу болуп*), [Как медведь], заревев, В переднюю часть юрты спрыгнул. Как ударил по щеке С берестяным бубном Тодоора шамана, Тот под землю вмиг улетел» (МК Алт.ГЭ стх. 4802–4808). В этом же эпосе будущий тесть ставит перед зятем-богатырем последнее условие предстоящей свадьбы – передать функции охраны своего дворца медведю: «Народом-племенем ты будешь управлять. Охраняющий мои двери черный

кобель С тобою, наверно, уйдет, Двери без охраны останутся. Без собаки у дверей Каан как может жить? У подножия черной горы Два *медведя-самца* имеются. Одного из них поймай, Железные цепи надень и приведи» (МК Алт.ГЭ стх. 7083–7092). За то, что богатырь отпустил его, медведь как добрый покровитель его отблагодарил: «Из нижних ребер своих *медведь-самец* Два ребра вынул и подал. Кögюдей-Мерген их съел, – К его силе сила прибавилась, К его мощи мощь прибавилась» (МК Алт.ГЭ стх. 7166–7170).

По-видимому, при именовании человека ЛИ 'медведь' вторичная метафоризация опирается на фольклорное сравнение, см.: Кögюдей-Мерген «подобно *медведю-самцу*, взревел» (МК Алт.ГЭ стх. 7396). Тат. *aju bi* истолковывается как 'подобный медведю сильный / могучий бий' (Сатт. 1998, 49).

Типологическое подобие пратюркскому (и современному тюркскому) ЛИ *aju* можно усмотреть в финском ЛИ *Kontio* (< 'медведь') (СЛИ РСФСР 274), нанайск. ЛИ *Орокан* (< 'медвежонок') (СЛИ РСФСР 260), эским. ЛИ *Нанýҳақ* (< 'медвежонок') (СЛИ РСФСР 360), чукот. ЛИ *Умқы* 'белый медведь'.

BÖ:RI, QURT ('волк')

Из числа названий хищных зверей в пратюркской АС реконструированы компоненты ЛИ **bö:ri* и **qurt*[210], именные модели сложносоставных ЛИ **«bö:ri + имя (чаще – сословный титул)»*, **«имя + qurt»* [ср.-уйг. *idi qurt*, турк. *oyul gurt* (Турк.ЛИ 606), ног. *ист. ак курт б. Мамук* (Трепавл. 716)] и **«qurt + имя»* [ктат. *qurt amet, qurt osman* (СЛИ РСФСР 169, 173–174), ктат. ист. *qurt murza ojrat bej* (Ктат.А 70), турк. *gurt хап* (Турк.ЛИ 212–214, 591)] (СИГТЯ 1997, 642–643).

Из числа синонимичных ЛИ назовем здесь наиболее употребительное (каз., тат., баш., хак.) *qasqar*, чув. *кашкăр*, а также единичные – кирг. фольк. *serek* (М кн. 2, стх. 5311, 13793; слово представляет собой составной компонент в фигуральном именовании волка: *čapan kök serek*) и **мө:жек* (в хак. фамилии *Межекова*).

Решение спорного вопроса о том, является ли волк тотемом тюрков (аргументация «pro»[211] и «contra»[212] подробно изложена в литературе), по нашему мнению, должно находиться в компетенции специалистов-этнографов.

---

[210] В «Манасе» *qurt* используется и в первом своем значении: «Посмотришь: войска, словно *черви*, кишат (*курт кайнап*)» (М кн. 3, стх. 8470).

[211] См., например: *Потапов Л.П.* Волк в старинных народных поверьях и приметах узбеков // КСИЭ. XXX. М., 1958; *Липец Р.С.* Лицо волка благословенно... // СЭ. 1981. № 1; *Урманчеев Ф.* По следам Белого Волка // СТ. 1978. № 6; *Он же.* Золотая волчья голова на знамени // СТ. 1987. № 3. О значении названия 'волк' для тюрков VI в. см. Гум. 23–24; мифологическая роль волка как древнего тотема, легенды о происхождении тюрков от прародительницы-волчицы – там же, 23. Об использовании слова *bö:ri* как обозначения родового предка, как положительного эпитета богатыря см. ЭСТЯ 1978, 220–221.

[212] *Tryjarski E.* Wilki i wilczyce – między legendą a prahistorią // *Tryjarski E.* In confinibus Turcarum. Szkice Turcologiczne. Warszawa, 1995.

Нельзя упускать из виду явно двойственное отношение к волку со стороны тюрков-скотоводов: в фольклоре, например, следы бесспорного почитания волка переплетаются с мотивами реальной угрозы благосостоянию скотовода (опасности для домашнего скота) от этого страшного хищника. В казахском эпосе: «шесть сынов – это шесть волков» («Волк – традиционный в казахском фольклоре образ, воплощение силы, отваги и мощи» (Каз.РЭ 321, № 30). «Злым зверем» называет волка хакасский эпос (АА Хак.ГЭ стх. 2046). Волки и медведи в алтайском эпосе призваны помешать «славной серой кобылице» в деле спасения младенца-богатыря (МК Алт.ГЭ стх. 1485–1495, 1578–1582). Как видим, и отношение к медведю в эпосе тоже двойственное. И в том, и в другом случае, как представляется, в эпосе, как и в пратюркской АС, налицо борьба рационалистического начала с мифологизированным сознанием.

В средневековой истории монголов, написанной Саган-Сеценом (1662 г.), в уста матери Чингис-хана вложены такие слова: «...Вы зачем убили таким образом одного из них? *Словно волки*, кусающие свои ребра, Словно соколы, нападающие на тень свою, Словно рыбы, бьющие своими плавниками» (Поппе 1934, 432).

Залог благополучия тюркского народа в алтайском эпосе видится в том, чтобы, «длинный хвост свой вытянув, *Волк* к стадам не подходил» (МК Алт.ГЭ стх. 7279–7280). В афористическом наставлении юному Кёгюдей-Мергену Хозяйка Алтая предупреждает: «Подобным *волку* не будь – На *волка* самострел ставят, На свою силу надеясь, [в драку] не лезь – И под силачом земля скользкой бывает» (МК Алт.ГЭ стх. 2537–2540, также 2251–2254). Возможно, с запретом на упоминание этого «злого зверя» связаны замены слова *börü* в тувинском языке на иносказательные оценочные выражения или на эвфемизм: *kokaj* 'страшило', *kök čüve* 'серая вещь', *kokaj atak* 'страшный старик', *börzek* 'детеныш' (Насилов В.М. 1970, 75). Относительно запрета на употребление слова *börü* писал А.Инан (TD. 1958, Eylül, № 84, 606–608). В тюркском эпосе волка иносказательно называют «горной собакой» (АА Хак.ГЭ 613); в татарском именнике, например, наряду с *büre, qašqar* имеются сложносоставные ЛИ с компонентом-монголизмом *čan* (Сатт. 1998, 280).

При истолковании предложенной реконструкции личных имен с компонентами **bö:ri, *qurt, qasqar* мы не могли не считаться как с собранным фольклорным материалом, так и с наблюдениями ученых над типологически подобными мифологическими структурами у разных урало-алтайских народов. Все это вкупе позволяет при попытке системного осмысления поддержать тезис: пережитки почитания волка, распространенные у многих урало-алтайских народов, своими корнями уходят в мифологические представления этих народов (МНМ 2, 537, 540).

Как свидетельствует Л.П.Потапов, «миф о происхождении древних тюрков от сожительства юноши с волчицей нашел отражение в героическом эпосе алтайцев (воспитание мальчика волком)» (МНМ 2, 540)[213].

Предание в известном отношении уподобляет волку, например, легендарного Огуз-хана, образ которого, имея черты культурного героя, воплотил в себе связи верхнего и среднего миров: хотя и был он зачат матерью от лучей света, всем своим обликом он связан с миром земным – «внешность Огуз-хана отражает тотемистические представления древних тюрок: ноги его ... подобны ногам быка, поясница – пояснице *волка*, плечи подобны плечам соболя, а грудь – груди медведя» (МНМ 2, 240).

У тувинцев добрые духи ээрены по большей части представлялись в образе диких зверей, рыб, иногда – растений, деревьев; предположительно эти представления возводятся к тотемизму (МНМ 2, 540). В алтайском эпосе волки и во́роны представлены как «духи-хозяева Алтая» (МК Алт.ГЭ 463, прим. 66): «Страшные голоса раздались. Хозяева Алтая – *семь волков*, Рядом сев, завыли, Хозяева Алтая – *девять воронов* В небе заклекотали» (там же стх. 1895–1899); о «семи *волках*, властвовавших на земле», см.: (там же стх. 2153, 4749–4751). В тувинском эпосе семь волков (*чеди бöрү*) сопровождают злого персонажа Ханшу-*шулбу*: когда она легла спать, «Семь волков к ней в подмышки Залезли, оказывается» (Тув.ГС 273, стх. 4912–4914).

В мифологических текстах кетов присутствует «образ волка-сторожа», чьими усилиями удерживается земля в заданном режиме: «коксь оксь[214] стоял, к нему *волки* были привязаны. К *ушам волков* веревки привязаны, которыми земля стянута» (МПС Кет. 100 № 41, также 261, прим. 2); в другом мифологическом тексте речь идет о том, что «Солнце своих сторожей-*волков* выпустило» (там же 54, № 3). Примечательно, что уши волка (*börü qulaq*) фигурируют в зооморфном, метафорическом описании Манаса (см. выше): «уши волка» были у богатыря (М кн. 3, стх. 9119). В алтайском эпосе в «четырехухого синего *волка*» превратился темно-сивый конь Кöгюдей-Мергена (МК Алт.ГЭ стх. 4334–4336). Мотив превращения положительного персонажа в волка наблюдается в хакасском эпосе: обличье *Белого волка* приняла «благородная женщина Пис-Тумзух» (АА Хак.ГЭ стх. 2013–2014).

В киргизском эпосе сравнение богатыря с волком обычно: «Все бесстрашные богатыри Следом за ними [за калмаками] неслись; Как овец, на

---

[213] По С.Г.Кляшторному (МНМ 2, 537), «генеалогические мифы относятся к наиболее архаичному тотемистическому пласту древнетюркской мифологии. Наиболее древен миф о происхождении племени тюрк (ашина)... Согласно основной версии, предки тюрок... были истреблены воинами соседнего племени. В живых остался (искалеченный ими. – *Г.Б.*) 10-летний мальчик, которого выкормила волчица, ставшая затем его женой. ...Сыновья (десять. – *Г.Б.*) волчицы женятся на женщинах гаочана и основывают свои роды. ...Сохранившийся в поздней передаче генеалогический миф уйгурского племени эдизов повествует, что их родоначальниками были священные деревья (ср. почитание у хазар Тенгри-хана в виде высоких деревьев). Среди родоначальников древнетюркских племен встречаются также бык и олень».

[214] «Коксь оксь – жертвенное дерево (чаще – кедр). ... Символ шаманского чума и мирового дерева, соединяющего нижний и верхний миры; от него начинался подъем шамана в верхний мир» (МПС Кет. 315).

которых напали *волки* (*börü ǯoldu: köj ba:tyr*), Разгоняли их» (М кн. 3, стх. 5392–5395); «Схватившись, боролись мы, словно голодные *волки* (*ač börüdöj*), дрались» (там же стх. 8310–8311); «Если знаешь повадки [богатыря], Они те же, что у голодного сивогривого *волка* (*Ačyqqan kök ǯal börüdöj*)» (там же стх. 6900). При том, что в «Манасе» зафиксировано кирг. фольк. ЛИ *kök börü* (носитель его был родом из кыпчаков) (М кн. 2, стх. 2118), в эпосе постоянным эпитетом богатырей было выражение «сивогривый» (*kök ǯal* → «сивогривый храбрец»); считается, что этот эпитет восходит к «древнему отождествлению богатыря с волком, который как тотем почитался у тюркоязычных народов. В народной поэзии киргизов трансформировался в художественный образ» (М кн. 3, 494, прим. 21). О сорока чоро – сподвижниках Манаса – в эпосе говорится как о «сорока прославленных волках (*qyrq börü*)»: «"Волк" – поэтическое прозвище богатыря, восходящее к древней тюркской эпической традиции. Отождествление с волком означает, что богатырь храбр, ловок, неустрашим, силен» (М кн. 3, 494, прим. 26 к стх. 1606–1607).

Именно на эту древнюю тюркскую эпическую традицию опирается вторичная метафоризация личных имен с компонентами *bö:rü, qurt, qasqar* и др. Впрочем, имеются и другие толкования подобных личных имен, предложенные носителями того или иного тюркского языка, например: каз. *böri baj* 'зубастый, как волк' (Джан.ВИ 57); тат. *büre*, а также сложносоставные имена с этим компонентом давались младенцу мужского пола в случае, если при рождении он имел зуб или, наоборот (в порядке пожелания), если зубы у ребенка долго не прорезались (Сатт. 1998, 71).

Интересно заметить, что в качестве женских имен зафиксированы ЛИ с компонентом **qurt*: турк. *Гурт биби (бике)* (Турк.ЛИ 591), ктат. *Курт ваде, Курт мелек, Курт сальсе* (СЛИ РСФСР 173, 174).

Типологическое подобие тюркским личным именам с компонентами *böri, qurt, qasqar* можно усмотреть в именах (и комп. ЛИ): калм. *Чон* (< 'волк'), *Белтрик ~ Белтрг* (< 'волчонок') (СЛИ РСФСР 227, 234, 249), адыгейск. *Тыгъужъ* (*Тугуз*; < 'волк') (СЛИ 12), чечен., ингуш. *Борз* (< 'волк') (СЛИ РСФСР 324), русск. *ист. Волк* (Вес.Оном. 70), слав. ЛИ *Вук*, белорус. фам. *Волк-Леонович*, укр. фам. *Вовчок* (< 'волк'), нем. ЛИ *Wolf*.

QAPLAN ('леопард', 'лев')

Из числа упомянутых в Книге гаданий диких животных в пратюркской АС реконструированы личные имен с компонентами **qaban ~ qapan* 'кабан', **bars* 'тигр', 'барс', **arslan* 'лев', **tülki* 'лиса' и, кроме того, **qulan* 'дикий азиатский осел' (СИГТЯ 1997 640–644).

Дополнительно реконструируем также ЛИ **qaplan* 'большой тигроподобный зверь; леопард; лев'. См.:

кбал. *qaplan* (СЛИ РСФСР 104 – м.ЛИ); ног., ног. ист. *qaplan* (СЛИ РСФСР 120; Трепавл. 726 – м.ЛИ); тат. *qaplan* (Сатт. 1998, 131 – м.ЛИ, комп. м.ЛИ); кирг. *qablan ~ qabylan* (Кирг.ЛИ 163 – м.ЛИ); каз. *qabylan, qoblan, qoblandy* (Джан.ВИ 96).

В киргизском эпосе это ЛИ поддерживается традиционным употреблением апеллятива *qabylan* в качестве постоянного эпитета Манаса: «*кабылан Манас баатырдын кайраты* 'храбрость леопарда Манаса-богатыря'» (М кн. 3, стх. 5955–5958, 7419–7422, 8620–8621, 9307), наряду с *arstan* 'лев' (там же стх. 8545, 9098) и *kök ǯolbors* 'тигр' (там же стх. 250–251, 6400, 9125). Описание Манаса во гневе выполнено, можно сказать, «в зверином стиле» – с использованием слов *арстан* 'лев' (2 раза), *кабылан* 'леопард', *сур жолбарс* 'злобный тигр' (М кн. 3, стх. 5954–5965). «Звериный стиль» при изображении богатырей в «Манасе» является преобладающим.

KEJIK ('олень, лань')

В пратюркской АС реконструируем дополнительно ЛИ и комп. ЛИ **kejik* 'олень, лань'. См.:

турк. *kejik* (Турк.ЛИ 599 – ж.ЛИ *kejik*, также комп. ж.ЛИ *kejik bibi/bike/gül/gözel*, 607 – ж.ЛИ *oγul kejik*), башк. *kejek* (СЛИ РСФСР 75 – комп. ЛИ *kejek baj*); тат. *kiek* (Сатт. 1998, 136 – м.ЛИ *kiek*, комп. м.ЛИ *kejek baj, kejek xan*); каз. *kiik* (Джан.ВИ 89 – комп. м.ЛИ *kiik baj*).

Синонимичные ЛИ: каз. м.ЛИ *buγy baj* (Джан.ВИ 57), тув. м.ЛИ *anaj* (СЛИ РСФСР 179 – комп. ЛИ *anaj o:l*).

В киргизском языке зафиксировано слово *baγyš*, которое, по К.К.Юдахину, сохранилось только в названиях родов и в именах личных: *sary baγyš* 'желтый лось', *ǯoŋ baγyš* 'большой лось' – названия киргизских родов, *Aq baγyš* 'белый лось', *Qara baγyš* 'черный лось' – имена личные мужские (Киргизско-русский словарь. М., 1940, 63).

QOJON ('заяц'); TÜLKÜ ('лиса')

Из перечня диких животных в Книге гаданий ниже реконструируется дополнительно региональное ЛИ **qojon* 'заяц', см.:

кирг. *qojon* (Кирг.ЛИ 193 – м.ЛИ, комп. м.ЛИ *qojon ǯan, qojon aly*), алт. *qojon* (Мус.ЛТ 217 – ЛИ; СЛИ РСФСР 48 – в составе *qojončy, qojonoq*).

См. синонимичные ЛИ: турк. *Товшан* (Турк.ЛИ 614 – ж.ЛИ, комп. ж.ЛИ *Товшан гул*); тув. фольк. *Шээлей* (Тув.ГС 565 – комп. ЛИ *Бора-Шээлей* 'серый заяц').

В фольклорной образной системе 'заяц' используется при сравнениях: конь в скачке уши прижал, как *заяц*; богатырь же «в густом кустарнике, через который и *заяц* (*койон*) не пройдет, Рук и ног не поранил» (МК Алт.ГЭ стх. 1968–1969).

В кетских преданиях зайчиха и лиса выполняют роль посыльных, которых люди отправляют к шаманке (МПС Кет. 98–99, № 41). Известен китайский культ лисы (*Алимов И.А.* Китайский культ лисы и «Удивительная встреча в Западном Шу» Ли Сянь-миня // Петербургское востоковедение. Вып. 3. СПб., 1993. С. 228 и сл.). В салтово-маяцкой культуре С.А.Плетневой в 1967 г. отмечено повсеместное бытование талисманов из мелких костей лисы; исследователь связывает такие амулеты с онгоном лисы как покрови-

тельницы женщин и девушек (с. 172). Мотив лисы-помощницы, покровительствующей девушкам, имеется в осетинских народных сказках.

В хакасском эпосе встречается мотив превращения персонажа в лисицу: «Шесть раз благородная женщина туда-сюда прошлась, Семь раз повернулась, С шумом встряхнулась, Черной *лисой* (*хара тӱлгӱ*) обернулась» (АА Хак.ГЭ стх. 1751–1754, также с. 545, прим. 1754). В алтайском эпосе при описании осторожности богатыря, крадущегося сквозь заросли, использованы образы зайца (см. выше) и лисицы: «Даже мышь не услышала, Как он ночью прошел, *Лисичка* (*тӱлкӱ*) хитрая не заметила» (МК Алт.ГЭ стх. 1965–1967).

Типологическое подобие пратюркским ЛИ с компонентами **kejik* 'олень', *tülkü* 'лиса', *qojon* (~ *towšan*) 'заяц' можно усматривать в «звериных» именах ряда иносистемных языков, см. абазин. ж.ЛИ *Ажъа* (< 'заяц') (СЛИ РСФСР 305); калм. *Сарлык* (< 'як'), *Булган* (< 'соболь') (СЛИ РСФСР 227); нанайск. *Муйки* (< 'гадюка'), *Дябдя* (< 'уссурийский питон') (СЛИ РСФСР 260); финск. *Hiivi* (< 'лось'), *Kettunen* (< *kettu* 'лиса') (СЛИ РСФСР 274, 276); ненецк. *Тэтако* 'оленевод' («ребенок появился на свет во время массового отела» (там же 280); селькуп. *Тäбаӄ* (< 'белка'), *Сёпаӄ* (< 'бурундук') (там же 284); кет. *Емсь* (< 'белка-летяга'), *Сак* (<'белка'), *Асльгит* (< 'зверюшка') (СЛИ РСФСР 342, 344, 345), а также кет. имена со значениями 'олень', 'заяц', 'лисица' (СЛИ РСФСР 341); эским. *Кавиӈаӄ* 'лисичка' (там же 360); чукот. м.ЛИ *Рэӄокалгын* (< 'песец') (там же 351).

Названия домашних животных

Из числа личных имен, в которых отражены названия домашних животных, в первую очередь четырех видов скота (кирг. *tört tülük*), в пратюркской АС реконструированы имена с компонентами **buγra* 'верблюд-самец', **buqa* ~ *buγa* 'бык-производитель', **tekä* 'козел', 'дикий козел' (СИГТЯ 1997, 644–646, 647–648). В числе реконструированных – также имена, содержащие названия потомства лошади – компонент ЛИ **qulun* 'жеребенок', 'крупное животное в возрасте до двух лет' и ЛИ **taj* то же, комп. ЛИ **taj*, конкретное ЛИ **taj beg* (СИГТЯ 2001, 646–647).

Среди тюрков сохраняются отголоски «симпатической связи человека и животного»: в «Манасе», например, есть «эпизод встречи бездетного в степи с жеребой кобылицей, что предвещает скорое рождение сына» (М кн. 1, 516, прим. 53). В.А.Гордлевский рассматривал имя *taj* в числе других сохранившихся среди османцев «старых имен, говоривших о домусульманском, кочевом укладе жизни» (Гордл.ЛО Осм. 154). Более поздняя метафоризация значения: 'жеребенок', 'крупное животное в возрасте двух лет' → 'резвый', 'жизнерадостный'. Относится к числу имен-пожеланий. О полисемантичном элементе *taj* и его роли в центральноазиатской топонимии см. Молч.Топ.Ср.Аз.

Последующая работа в этом разделе велась по двум линиям: 1) по линии углубления материала – поиски фольклорных и других культурных контекстов, опорных для зоонаименований, задействованных в этих именах; 2) по

линии расширения материала за счет предлагаемых ниже новых, дополнительных реконструкций таких имен. Результаты проведенной работы таковы.

JYLQY ('лошадь')

Собранные нами дополнительные сведения позволяют реконструировать в пратюркской АС личное имя **jylqy* 'лошадь', а также именную модель ЛИ с **jylqy* в препозиции:

турк. *jylqy* (Турк.ЛИ 292 – комп. сложносоставного ЛИ *jylqy baj*); баш. *jylqy* (Мус.ЛТ 217); кбал. *ǯylqy* (Кбал.РС 793 – фамилия *ǯylqylary*, по-русски: *Джилкиевы*), кирг. *ǯylqy* (Кирг.ЛИ 151 – комп. сложносоставных ЛИ *ǯylqy baj, ǯylqyčy, ǯylqyčytyš, ǯylqyman*); як. *sylyy* (МНМ 2, 546 – комп. сложносоставного ЛИ *Хара сылгылах* 'владеющий черными лошадьми', имя одного из сыновей Улуу Тойона); тат. *elqy* (Сатт. 1998 – комп. сложносоставных ЛИ *elqy baj, elqy čura*).

Синонимичные личные имена: баш. *at* и *arγyn* (< 'помесь дикой и домашней лошади') (Мус.ЛТ 217); кбал. *tulpar* (СЛИ РСФСР 108) и кирг. *tulpar* (*bek*) (Кирг.ЛИ 355; < *миф.* 'крылатый конь', 'боевой конь; скакун').

У значительной части скотоводческих тюркских народов *jylqy* имеет (наряду с другими) значения собирательного названия «лошади» (як.) или родового – «лошадь» (кирг., ног., ккал., баш., уз. и др.) (ЭСТЯ 1989, 282).

Наличие в пратюркской АС имен с компонентом **jylqy* обусловлено особым почитанием лошади у тюрков. У якутов лошадь считается предком: культ лошади «находил выражение в мифическом представлении, что божества сотворили сначала коня, потом полуконя, затем человека. Лошадь считается вообще священным, чистым животным» (Як.Ф 296). У чувашей лошадь – любимое животное; «ей даже приписывают духов (*вите хуçи, вуçни*), любящих лошадь так же, как и люди. Духи кормят лошадей, ухаживают за ними, заплетают им гривы» (Чув.Ф 80). По поверьям якутов, размножению конного скота способствует особое божество плодородия – айыысыт лошади (Як.Ф 294).

В якутской мифологии глава злых духов Улуу тойон ('великий господин'), недоступный лицезрению смертных, по словам Н.А.Алексеева, может принять образ, например, большого черного жеребца и с ревом и шумом пробежать по земле (МНМ 2, 546).

Почитание лошади тюрками соотносится с их ритуальной практикой. Ритуальное назначение у якутов, по-видимому, имеют «кубки, увитые конскою гривою ["на весенних праздниках кумыс подавали в деревянных кубках с точеными ножками (подставками), обвязанными пучками конских волос"]» (Як.Ф 296). «Смертный конь» в древнем якутском погребальном обряде – набитая шкура коня, пожертвованного для обряда (мясо его делили и съедали); на это чучело лошади надевали, как на живого коня, седло, узду, оброть, чепрак (Як.Ф 208).

У чувашей «на больших "полевых жертвах" (*учӳк*), приносимых в старину Богу, любимым жертвенным животным является кобыла. И раньше на больших поминках (*пумилкке*) в честь покойника закалывали лошадь» (Чув.Ф 80).

У якутов шаман садится во время камлания на разостланную белую конскую шкуру, а в экстазе бубен служит ему ездовым животным – лошадью – для путешествий по Нижнему и Среднему миру или птицей для взлетов на Верхнее небо. «Добрые божества – обитатели Верхнего мира – откликаются на заклятие конем, а злых духов заклинают рогатым скотом» (Як.Ф 294, 296). В переведенной А.Н.Самойловичем и изданной им «Хивинской сатире на казак-киргизов» об обычае казахов приносить в жертву коня говорится так: «Арабский конь да верблюд – два жертвенных (у них) животных» (Самойлович 1911, 053).

Культ лошади, связанный с культом водной стихии и, в равной мере, с культом огня, изучался Б.Х.Кармышевой в Южном Таджикистане, населенном как таджиками, так и узбеками. Ею отмечены легенды о конях, в которых сохранились отголоски прежних мифов, и описаны конные игры культового назначения, происходившие в хаузах; эти игры рассматриваются как компонент обычая, связанного с ежегодной чисткой хаузов (Кармышева 1987, 231 и сл., особенно 240–242; см. также: *Беленицкий А.М.* Конь в культах и идеологических представлениях народов Средней Азии и евразийских степей в древности и раннем средневековье // КСИА. 154. М., 1978; *Он же.* Хуттальская лошадь в легенде и историческом предании // Сов. этнография. 1948. № 4).

Конь занимает важное место в свадебных ритуалах узбеков-кыпчаков. В случае если девушку выдавали замуж в другой род, молодежь оказывала активное сопротивление, в частности спутывала ноги лошадей приехавшего жениха и его дружек (концы спутываемых цепей запирались на замок). Уезжала невеста из родного дома в дом жениха на лошади; на ту же лошадь садился ее младший брат-подросток. При подъезде к дому жениха невесту на коне три раза обводили вокруг костра (ср. выше о связи культа коня и культа огня), т.е. проводился обряд очищения (ср. в статье *kün* 'солнце' элементы свадебного обряда чувашей: трижды по солнцу обносят ведро с угощением, трижды по солнцу поворачивают свадебный стол). У узбеков-кыпчаков одна из родственниц жениха подносила невесте чашку с кислым молоком, и она, еще не сойдя с коня, делала несколько глотков. Белое молоко символизировало светлую замужнюю жизнь (Шаниязов 318, 321–322). Ср. «чистое кропление» молоком на телеутской свадьбе.

Специфические черты скотоводческой обрядности, например у полукочевых узбеков-кыпчаков, продолжают бытовать, проявляясь в назначении срока свадьбы («Когда разжиреют наши овцы, кони и крупный рогатый скот»), в обычае платить калым исключительно скотом, одарять зятя ездовым конем, давать специальным певцам на свадьбе (*айтувчи*) в подарок скот, в ритуальном угощении вареной грудинкой и т.д. (Шаниязов 313, 319 прим. 74, 325, 326, 335).

Культ коня, ритуальная практика, связанная с этим культом, получили отражение в различных фольклорных контекстах тюркских народов. Так, в алтайском эпосе неоднократно подчеркивается связь с Верхним миром

«драгоценного коня» Карыш-Кулака: «на двух боках своих он несет солнцеподобное тавро и луноподобное тавро»; «Золотая шерсть драгоценного коня сверкает. Двумя одинаковыми ушами-ножницами [прядая], На небе бело-синие [облака; букв. 'синее и белое на небе'] Туда и сюда разгоняет» (МК Алт.ГЭ стх. 132–139). «Четырехухий, хлопковогривый, темно-сивый» драгоценный конь был и у Көгюдей-Мергена: «два уха небо бороздят, два уха землю бороздят (*эки кулак теңгери чийген, эки кулак јерди чийген*)» (МК Алт.ГЭ стх. 2343–2348). В русском фольклоре «конь бежит – земля дрожит», а в киргизском эпосе «камни от прикосновения его копыт Взлетают со свистом до небес» (М кн. 3, стх. 9990–9991). На богатырском коне «шестьдесят подпруг... не лопнут При спуске в подземную страну, Сорок подпруг на нем не порвутся При подъеме в верхний мир» (МК Алт.ГЭ стх. 2387–2390).

Фольклорное описание природы и природных явлений зачастую соотнесено с образом коня. Безлунная темная ночь – «ушей коня не увидишь» (МК Алт.ГЭ стх. 1975). Глубина выпавшего снега соизмеряется с ростом коня – «до брюха коня» (там же стх. 1394, 1500). Ср. BN 193б: во время зимнего перехода в горах, «проваливаясь по стремена или *по брюхо, лошадь* проходила 10–15 шагов...» (перевод М.А.Салье: БН 1958, 226). В якутском фольклоре летний пейзаж во многом построен на соотнесении высоты осоки, травы с ростом коня (Як.Ф 298).

В якутских сказках добрые персонажи ездят на конях, а злые – на быках (Як.Ф 296), и подобное «пересечение» разных видов животных при противопоставлении «добро–зло» можно наблюдать в фольклоре других тюркских народов; так, в алтайском эпосе богатыри ездят на конях, дочь злого подземного властелина Эрлик-бия пользуется для этих целей то черным быком, то черным верблюдом (МК Алт.ГЭ стх. 1626, 3795). См. также в якутском фольклоре противопоставление «белые бегуны – черные коровы»: белые бегуны (лошади) – это скот айыы (высших существ, олицетворяющих начала добра), черные коровы – скот абаасы (злобных божеств, нечистой силы) (Як.Ф 293–294). В туркменских заговорах рядом упоминаются *at* 'конь' и *qoy* 'баран' [*Самойлович А.* Туркменские заговоры // ЖС. 1912, год XXI. С. 122, 124 (отд. отт.)].

В средневековой истории монголов Саган-Сецена (плач Тогон-Темура по потерянному царству своему) вспоминается «мой Шанту Кейбун, где привязываются девяносто девять белоснежных кобылиц» (Поппе 1934, 435).

Конь в эпосе – это друг, советчик и помощник богатыря. В коне ценилась стать, стремительность, выносливость. «Хороший *конь*, как бурлящая река, С шумом бежит, Как яростный ветер, С гулом несется» (АА Хак.ГЭ стх. 2893–2896). Метафоризацию этих качеств можно видеть в русских поговорках: *ходит конь конём*; *как конь боевой*. По-видимому, этим же путем тюрк. *jylky* трансформировалось в личное имя. Вторичная метафоризация этого имени связана с тем, что названием лошади обозначен седьмой год животного цикла летосчисления; на этом основании тат. ЛИ *елкыбай*, например, толкуется как 'бай, родившийся в год лошади' (Сатт. 1998, 100).

BUγRA ('верблюд-самец')

Личные имена с этим компонентом, реконструированные в пратюркской АС (СИГТЯ 1997 644–645), при ближайшем рассмотрении также находят поддержку в фольклорных контекстах. В киргизском эпосе реконструированное конкретное ЛИ **buγra xan* в форме *Хан Буура* произносит отец Манаса Джакып как имя одного из своих предков (М кн. 2, стх. 11845). В якутском фольклоре фигурирует «недобрый гость – Буура-Дохсун, сын Грозного-Грома» (он свататься к дочке хозяина прибыл: Як.Ф 137).

В эпической образной системе различные наименования верблюдов (по породе, половозрастному, функциональному и другим признакам) занимают заметное место, будучи широкоупотребительными. Так, в центральной части алтайского эпоса определенную композиционную роль выполняет «четырехлетний черный *верблюд* (*буура*) с четырьмя клыками – Подарок Эрлик-бия, Любимой черной [дочери его] опора» (МК Алт.ГЭ стх. 3795–3797). Отрицательный персонаж Кара-Кула каан подстроил для убегающей от него серой кобылицы препятствие в виде «двух черных паршивых *верблюдов* (*эки түңей төөлөрим*)» (МК Алт.ГЭ стх. 1437–1440). Примеры из киргизского эпоса: «Всем, к кому поедет [гонец] – К молодым и старикам, К *нарам*, что способны тяжесть нести (*жүк көтөрчү нарына*)[215], Пусть обо всем, что затеваем, сообщит» (М кн. 3, стх. 583–586); комментатор сообщает: «Нар – одногорбый верблюд, отличающийся своей силой, выносливостью, и потому высоко ценившийся. Здесь под "нарами" имеются в виду главы родов, старейшины» (М кн. 3, прим. 12).

Широкое использование различных названий верблюда в функции сравнения в фольклорных текстах представляет интерес при уяснении того, как могла происходить вторичная метафоризация этих названий при включении их в тюркскую АС. См. примеры из киргизского эпоса: применительно к храбрецу Кошою неоднократно употребляется сравнение: «Величественный, словно *нар* (*нар буура дай*)» (М кн. 3, стх. 8259, 8988); см. еще: «Двигаюсь, словно старый долговязый *верблюд* (*карт буура дай*)» (там же 3, стх. 9071). Для образа Манаса, его коня Аккула часто используются сравнения с верблюдом: «Удалью переполнен [Манас], Глаза горят огнем, Ярость переполняет его, <...> Он словно тигр в осеннюю пору, Он – словно *верблюд* (*буура daj*) в зимнюю пору» (М кн. 3, стх. 5991–5992; 5995–5996; 9344–9346); «Огромный Кула, словно *Джелмаян*», т.е. мифический верблюд, отличающийся быстрым ходом, неутомимостью, силой (М кн. 3, стх. 9947, прим. к с. 500).

В киргизском эпосе «Манас» описывается игра «отвязывание верблюда», «один из видов традиционных игр, устраивавшихся на сходах и празднествах» (М кн. 3, 493, 496).

Из типологических схождений фольклорных контекстов тюрков и монголов отметим нижеследующее.

---

[215] Имеется в виду: «нести тяжесть правления».

При описании обрядов сватовства в халха-монгольских эпических произведениях как древних, так и современных, образ верблюда занимает особое место; так, например, «витязь, едущий свататъ невесту, в современных халха-монгольских былинах на вопрос о том, куда и зачем он едет, всегда отвечает, что он потерял *белую верблюдицу* и едет искать ее, а в свадебных обрядах агинских бурят *верблюд* еще недавно играл большую роль» (Поппе 1934, 431).

NAR ('одногорбый верблюд'); BOTA ('верблюжонок'); TORYM ('двухгодовалый верблюд')

Соответственно месту, отводимому верблюду в мифологических представлениях тюрков и в фольклорной образной системе, помимо *buγra*, различные наименования этого величественного животного укоренились в тюркской антропонимии. Реконструкции поддаются по крайней мере три ЛИ-регионализма – **nar* 'одногорбый верблюд', **bota* 'верблюжонок', **torym* 'двухгодовалый верблюд', см.:

турк. *nar* (Турк.ЛИ 361–363 – м.ЛИ, комп. сложносоставных ЛИ), каз. *nar* (Джан.ВИ 109 – комп. м.ЛИ), кирг. *nar* (Кирг.ЛИ 267–268 – м.ЛИ, комп. сложносоставных ЛИ), ккалп. *nar* (Кк.РС 775, СЛИ 153 – комп. ЛИ); аз. *ner* (Аз. ск. 134 – комп. ЛИ);

турк. *bota* (Турк.ЛИ 154 – м.ЛИ, комп. сложносоставного ЛИ), кбалк. *botaš* (СЛИ РСФСР 105), кирг. *boto* (Кирг.ЛИ 102 – м.ЛИ, комп. сложносоставного ЛИ), каз. *bota* (Джан.ВИ 56 – комп. м.ЛИ), уз. *bota* (Менаж. 42 – ЛИ); относительно кирг. *boto* и его символики см.: М кн. 3, 494, прим. 35;

турк. *torym* (Турк.ЛИ 483 – м.ЛИ), каз. *torym* (Джан.ВИ 187 – в составе ЛИ *torym bala*), тат. *torym* (Сатт. 1998, 239 – в составе ЛИ *torymtaj,* в составе ЛИ *torymčak*).

Кроме того, используются в составе личных имен-регионализмов возрастные наименования верблюдов: турк. *oγšuq* ('годовалый верблюд'), *buγurčy* ('трехгодовалый верблюд'); к названиям пород верблюдов восходят турк. ЛИ *iner, heštek* (Мух.ЛО Турк. 1, 38–39).

Метафоризация подобных ЛИ происходила через ступень того сравнения человека с верблюдом, которое нашло отражение в фольклорных контекстах: «величественный, словно верблюд» + 'сильный', 'выносливый' → пожелание, чтобы таким стал и нарекаемый ребенок мужского пола.

BUQA ~ BUγA ('бык-производитель')

Из названий крупного рогатого скота в пратюркской АС выступает в качестве компонента ЛИ слово со значением 'бык-производитель', реконструкция – в двух диалектных формах **buqa* ~ **buγa*; реконструируются также две именных модели ЛИ с постпозитивным и препозитивным использованием этого компонента (СИГТЯ 1997, 645–646). Историческое имя сибирского бека *Тай буга* (Трепавл. 737) находит поддержку в тув. м.ЛИ *toj buxa* (СЛИ РСФСР 183).

Синонимичное ЛИ – як. фольк. *oyus* (ЛИ Як. 164 – комп. ЛИ); типологическое подобие этому синониму представляет кет. ЛИ *икыс* (< 'бык': СЛИ РСФСР 342).

В одном из якутских олонхо, во всей совокупности которых «заметную роль играют ... древние, уже отчасти утраченные мифологические мотивы», отмечен важный для установления мифологемы предка-тотема «сюжет о чудесном быке-сыне родоначальника» (Олонхо 136). Н.П.Дыренкова засвидетельствовала (КРС Алт. 249), что «даже священник из алтайцев, перечисляя генеалогию своего *сӧӧк'а Кӓргіл*, указал на медного быка *jäс-пууа* как своего родоначальника».

В некоторых якутских мифах Улуу Тойона, главу злых духов верхнего мира видят в образе большого черного быка (МНМ 2, 564). В якутских сказках «добрые персонажи ездят на конях, а злые – на *быках*. ... Добрые божества – обитатели Верхнего мира – откликаются на заклятие конем, а злых духов заклинают *рогатым скотом*» (Як.Ф 296).

В традиционной башкирской этиологии боль в ушах исцеляется следующим заговором, который дети несколько раз повторяют после купания, прыгая на одной ноге – с тем чтобы избавиться от духа этой болезни (*татран* или *татыран*), попавшего в ухо вместе с водой: «У ситника (*ылҙсенең* букв. 'того, кто изготавливает сита') две дочери:| Сильная, как медведь, дочь,| Волосатая, как *бык*, дочь,| Татыран, переместись, татыран, беги!» (ДБ Башк. 75).

В ЛИ с компонентом *buya*, как и в других именах с компонентами из числа названий четырех видов скота, усматриваются «пережитки скотоводческих культов» (А Башк.Ш 67).

В алтайском эпосе есть мотив, рассказывающий, как утомлен был погоней грозный противник богатыря и как его жена (дочь властелина подземного мира Эрлик-бия) «до своей земли, до своего жилища *На черном быке* Вместе с конем его довезла» (МК Алт.ГЭ стх. 1625–1626), причем специфичность этого гужевого средства подчеркнута ритмически – неравносложностью строки. Там же (стх. 3333–3344) живописуется «девятилетний *черный бык*», верхом на котором ездила эта женщина, изображаемая как шаманка; у богатыря же есть «из шкур *девяноста быков* свитая плетка» (МК Алт.ГЭ стх. 5851–5852).

Негативизм в отношении к быку находит объяснение в фольклорном контексте, повествующем о том, как был наказан после смерти черный бык, переБодавший много людей: «На два рога его по пятьдесят пудов Чугуна, оказывается, навесили» (МК Алт.ГЭ стх. 7447–7449). Из нижеследующего контекста видно, насколько невысоко оценивается догадливость быка: «Трехлетняя телка и та хитрее девочки, *Бык* (*пуғи*) догадливее [чем она]» (АА Хак.ГЭ стх. 2968–2969).

В образах и словоупотреблении алтайского эпоса можно заметить такие противопоставления внутри группы «четырех видов [домашнего] скота»: конь и корова – защитники богатыря; верблюд и бык – на стороне его врага.

Двухчленное противопоставление «конь (для добрых персонажей) – бык (для злых персонажей)» имеется в якутских сказках. В чувашском фольклоре даже о корове, которая кормит нас своим молоком, говорится как о «недружелюбной скотине»; «о человеке, не знающем еще трудностей жизни, говорят в пословице: "Ему еще корова не наступила на ноги"» (Чув.Ф 81). Бык, корова и овца числятся в перечне животных, упоминаемых в Книге гаданий (Стебл. 1971, 222).

Для понимания вторичной метафоризации, происходившей при позднейшем использовании апеллятива *buγa* в качестве ЛИ, интерес представляет характерная фигура сравнения в эпосе «Манас»: борцы на состязаниях «напирали [друг на друга], как раскормленные *быки* (*кур бука дай*)» (М кн. 3, стх. 8429).

Вторичная метафоризация значения могла происходить двумя путями: 'бык' → 'здоровенный, сильный человек' (т.е. переход ЛИ в разряд именпожеланий) и 'Телец (астр.)' → 'рожденный под знаком Тельца, в год Тельца' при учете того, что второй год животного цикла летоисчисления носит имя 'телец' ('корова', 'бык').

QOČQAR ('баран-производитель')

Из числа названий четырех видов скота в тюркской антропонимии широко задействовано *qočqar* 'баран-производитель', на основании чего реконструируем ЛИ *qočqar*, компонент ЛИ **qočqar* и именную модель с препозицией *qočqar*: *«*qočqar* + имя (часто *baj*)». См.:

турк. *gočyar* (Турк.ЛИ 191 – м.ЛИ, также комп. ЛИ *gočyar baj* и т.п.); кбал. *qočqar* (Кбал.РС 794 – в составе фамилии *qočqarlary*), *qočxar* (СЛИ РСФСР 103 – м.ЛИ), уз. *qoqčqar* (в составе фамилии *Кучкартаев*), тат. *qučqar* (Сатт. 1998, 148 – м.ЛИ *qučqar*, также комп. ЛИ *qučqar baj/bäk*), кирг. *qočqor* (Кирг.ЛИ 200 – м.ЛИ *qočqor*, также комп. ЛИ *qočqor baj*); каз. *qošqar* (Джан.ВИ 96 – комп. ЛИ *qošqar baj*), тув. *qošqar* (СЛИ РСФСР 181 – комп. ЛИ *qošqar o:л*); башк. *qusqar* (СЛИ РСФСР 76 – м.ЛИ)

Синонимичное имя – турк. *goč* (Турк.ЛИ 189–193 – м.ЛИ, также компонент многочисленных сложносоставных ЛИ).

Этнограф Б.Х.Кармышева связывала м.ЛИ *Кочкар* с культом барана, опираясь на собственные наблюдения и на работу Б.А.Литвинского [Семантика древних верований и обрядов памирцев (I) // Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье: (История и культура). М., 1981. С. 108], где это имя было истолковано таким образом применительно к мазарам Кочкар-ата в Фергане; Б.Х.Кармышева особо подчеркивала, что «имя *Кочкар* давалось ребенку с целью уберечь его от беды, т.е. "даже название этого животного обладало сверхъестественной магической силой" (Снесарев Г.П.)» (Кармышева 1987, 234 и прим. 11 к с. 234).

При учете вышеизложенного в качестве результата вторичной метафоризации могут рассматриваться те толкования значения м.ЛИ *Кочкар*, которые предложены носителями языка, как, например: имя *Қошқарбай* да-

валось «в связи с желанием родителей иметь больше мальчиков» (Джан.ВИ 96). Ср. метафоризованные значения *qoč, qočyar*, приведенные в ЭСТЯ 2000, 88: 'добрый молодец, удалец', 'храбрый, сильный, крепкий', 'здоровый' и др.

QOJ ('овца')

Возможно также в пратюркской АС реконструировать в качестве компонента ЛИ общее название 'овца' **qoj*. См.:

кбал. *qoj* (Кбал.РС 794, 802 – в составе м.ЛИ *qojčy*, фамилий *qojčularу* и *qoj bajlary*), ног. *qoj* (СЛИ РСФСР 120 – в составе м.ЛИ *qojly baj*), кирг. *qoj* (Кирг.ЛИ 126 – в составе м.ЛИ *qojly, qojču*, составного ЛИ *qoj keldi*); тат. *quj* (Сатт. 1998, 146 – в составе ЛИ *qujčy baj*).

Словообразовательные аффиксы в составе ЛИ, производных от *qoj*, подчеркивают принадлежность соответствующего имени мужчине – *qojly* 'обладающий овцами', *qojču* 'овчар', 'овцевод' ('тот, кто разводит овец').

С культом барана у узбеков связано, видимо, ритуальное использование *сариқ қўй*[216] – желто-бурого барана – для выполнения обряда «кўчирма» (изгнания злого духа из тела больного): необходимо было зарезать барана или купить на базаре голову барана этой масти. В результате действий, произведенных узбекским шаманом («кушноч»), злые духи переселялись в шкуру, снятую с головы барана; шкуру выбрасывали далеко от селения, где ее съедали собаки. Злой дух таким образом переселялся в другое тело. На череп барана (после его очистки) наносилось множество черных кружков, череп вешали над головой больного: череп барана оберегал больного, а после его выздоровления оберегал дом и семью от сглаза и злых духов (Шаниязов 327–328). Можно думать, что имя с компонентом *qoj* также призвано было служить оберегом для нарекаемого (первичная метафоризация). Восьмой год двенадцатилетнего животного цикла назван 'годом овцы'. На этом основании, к примеру, тат. ЛИ *qujčy baj* истолковывается как имя, данное мальчику, родившемуся в год Овцы (Сатт. 1998, 146). Такое толкование возможно в условиях вторичной метафоризации *qoj*.

TEKÄ ('козел', 'дикий козел')

В пратюркской АС реконструированы компонент ЛИ **tekä* 'козел', 'дикий козел' и именная модель сложносоставного ЛИ *«имя + *tekä*» (СИГТЯ 1997, 647–648). В венгерских исторических источниках XVII в., как и в турецко-османском, *teke* являлся, прежде всего, названием племени *teke* (*teke-tatar*), а также названием человека по его принадлежности к этому племени; при корректной форме *teke* в ранних венгерских источниках встречается форма *tege, thege*, увековеченная в составе фамилии *Konkoly-Tege* (Kak.NPT 9–10). В турецком, по свидетельству Ж.Какук (Kak.NPT 9), *teke* как антропоним используется до наших дней.

Поскольку лексема *teke* использовалась для наименования племени, можно предположить, что это было связано с культом предка-тотема, ско-

[216] Ср. в алтайском м.ЛИ *sary teke* (< 'желто-бурый козел') (СЛИ РСФСР 50).

рее всего, с этим культом связан и обычай алтайцев вешать над зыбкой ребенка «связку костей горного козла, барана и птицы (*«шалтырак»*)» (Алт.ВО 28). [У древних народов «кость считалась олицетворением души животных и человека: при разделе туши кости не разрешалось ломать, их бросали в огонь для очищения от земной скверны и восхождения на небо...» (Мак. 136).] Туша жертвенного козла является объектом состязаний в такой конно-спортивной игре, как улоқ (игра с козлом или козлодрание), распространенной среди ряда в прошлом кочевых тюркских народов Средней Азии (киргизов, узбеков-кыпчаков, казахов, каракалпаков, туркмен, южных башкир) (Шаниязов 332–334; Кармышева 1987, 237 и сл.). Б.Х.Кармышева усматривает «явные следы ритуального значения» этой игры, в подтверждение ссылаясь на мнение С.П.Толстова, считавшего козлодрание одним из реликтов тех ритуальных состязаний двух фратрий, которые были характерны для периода разложения первобытного общества; «истоки же подобных состязаний восходят к древним ритуалам культа природы» (*Толстов С.П.* Древний Хорезм. М., 1948. С. 284; цит. по: Кармышева 1987, 236).

Помимо личных имен, включающих в себя наименования четырех видов скота, к рассмотрению привлечены также имена с компонентом – названием еще одного домашнего животного – собаки, которая, как известно, выполняет особо важную для скотовода-кочевника охранительную функцию.

IT ~ YT ('собака')

В пратюркской АС реконструируется компонент ЛИ в двух диалектных формах – **it ~ yt* – и две модели сложносоставных ЛИ с компонентом *it* – **«it + имя», *«it + отрицательная форма настоящего-будущего времени 3-го лица ед. числа» (СИГТЯ 1997, 648–649).

В тунгусо-маньчжурской, как и в кетской мифологиях, имеющих типологические подобия и типологические схождения с мифологией тюркской, собаке отведено заметное место. Из эвенкийского мифа о сотворении мира явствует, что вначале были только вода и два брата, из которых младший становится демиургом; в его работе по сотворению мира помощником была собака (МНМ 2, 533). В кетской мифологии есть сюжет о появлении на земле собаки: бог Есь хотел обучить людей «"правильному" ритуалу, при котором умерший через семь дней оживал бы, но его подвел собственный сын, и люди стали умирать; за это бог оставил сына на земле собакой» (МПС Кет. 40).

В тюркской ритуальной практике собака занимает видное место. Известно, что «собака играла центральную роль в магических обрядах» башкир, казанских татар, туркмен, чувашей, якутов, особенно – в переходной обрядности стадии младенчества и детства (в первую очередь, наречения ребенка именем), см. об этом (СИГТЯ 2001, 649; Благова 1998, 61, 63, там же литература вопроса; см. ниже в разделе III: «Переходная обрядность ранней стадии в ее отражении в пратюркской АС»). Связь собаки с ранней стадией переходной обрядности (младенчество) может быть показана на

следующих примерах: кбал. *itlik kölek* 'первая рубашка младенца', каз. *it köjlek* 'собачья рубашка'; кбал. *itlik čač* 'волосы первой стрижки младенца'. С собакой, по представлениям традиционной башкирской медицины, связаны причины заболевания, называемого *өсйән*, у детей. «Башкиры считают, что у ребенка, страдающего *өсйән*, кроме человеческой души есть две другие души – *собачьи* (*эт йәне*), которые находятся в его животе. Разными манипуляциями, заклинаниями знахари стараются изгнать вселившиеся души, которые беспокоят, заставляют плакать ребенка» (ДБ Башк. 76).

У узбеков-кыпчаков шаманское лечение посредством всех действ обряда «кўчирма» (изгнание злых духов из тела больного) завершалось «переселением злых духов» в собак. Собаки съедали шкуру с головы жертвенного желто-бурого барана (а в нее ранее переселились изгнанные шаманом злые духи от больного). Собака съедала жареные шарики из той муки, к которой прикасались лбами родственники больного, и «все, что имелось нечистого в их теле, якобы переходило в муку, затем в тесто, а через последнее – в тело собаки» (Шаниязов 328 и прим. 94 к с. 328).

Образ собаки представлен в свадебных обрядах, например, узбеков-кыпчаков. При входе в юрту, где гостям в свадебный вечер подавалось угощение от родственников невесты, жениха ожидали различные препятствия: женщины, закрыв дверь, не впускали его; при этом одна из женщин, сидевшая у двери, изображала *собаку* (*ит ирриlар*). Товарищи жениха (*киёв бошлар*) платили выкуп, после чего дверь открывалась (Шаниязов 319).

У кыпчаков Ферганской долины зафиксирована игра «ит тортув», названная так, видимо, потому, что играющие своими позами («находясь на четвереньках, опираясь о землю только на локоть и колени») (Шаниязов 332) имитировали собак.

В тюркских фольклорных контекстах ярко раскрывается охранительная функция собаки. В эпосе «Маадай-Кара» земли Алтая оберегаются двумя черными беркутами, сидящими посередине «семиколенного железного тополя», а от злого подземного властелина Эрлик-бия их охраняют две *черные собаки*, так как «по представлениям алтайцев, подземные духи, в том числе Эрлик, очень боятся *собак*» (МК Алт.ГЭ, прим. 15 к с. 461): «Под семиколенным железным тополем Две одинаковые *черные собаки* Теперь, оказывается, лежат. Двумя одинаковыми железными цепями Они гремят. Чтобы неизвестными путями алыпы не прошли, сторожат. <...> Черный путь Эрлик-бия Преградив, рычат, Клыкастыми зубами щелкают, Белки их глаз кровью налиты. Две черные собаки, Азар и Казар, Громко лая, лежат» (МК Алт.ГЭ стх. 102–107, 112–117). Сетуя, что «двери без охраны останутся», Ай-Каан восклицает: «Без *собаки* у дверей Каан как может жить?» (там же стх. 7086–7088). В жалобе богатыря на преклонный возраст не обходится без упоминания о собаках: «Я, Маадай-Кара, состарился, Стал уже слабым, Нет у меня *собаки*, которая бы лаяла, – *Две собаки* мои состарились» (там же стх. 334–337); об охранительной функции собак см. также: (МК Алт.ГЭ стх. 7086–7088). Обращается внимание даже на то, что по возвра-

щении «светлоликого народа» Маадай-Кары в «благодатный целебный Алтай, Гору мяса нарубили, <...> Исхудавшие *собаки*, сытыми став, Хвосты подняли» (МК Алт.ГЭ стх. 5429–5450).

В чувашском мифе о происхождении ржи собака «спасла рожь для человека... поэтому нельзя обижать собаку... Надо держать ее в доме» (Чув.Ф 99). Д.Месарош записал у чувашей «потешный миф» о том, как *упăте* (или «отец леса *вăрман ашшĕ*») боится собаки и как та отогнала его от своего хозяина (Чув.Ф 51–52). Вместе с тем «чувашская мать, чтобы успокоить плачущего ребенка, пугает его волком (*кашкăр, токмак*), совой (*тăмана*), собакой (*мömö* – на детском языке 'собака')» (Чув.Ф 54)[217].

It – название одиннадцатого года 12-летнего животного цикла. Слово это входит в состав сложного чувашского слова для обозначения дня недели – вторника – *ytlarni kun* (в записи Месароша: *ытлари-кун*). По чувашским суевериям «из всех дней этот единственный, который народное поверье считает несчастливым днем. Не то чтобы совершать жертвоприношение, в этот день не берутся даже за более или менее значительные или крупные работы. Сравните пословицу: "Во вторник и птицы гнезда не вьют" (*Ытлари-кун кайăк та йăва çавăрмас*)» (Чув.Ф 321)[218].

Представление о вторнике как о тяжелом дне, попытку увязать название этого дня с апеллятивом 'собака' отметил А.Н.Самойлович в азербайджанских диалектах и говорах (*Самойлович А.* Названия дней и азербайджанских турков // Яфетический сборник. 3 (1924). М.; Л., 1925. С. 68, 69). Говоря о диалектном именовании вторника «бенумма», А.Н.Самойлович добавил: «...в районе бывшей Елисаветпольской губернии название "бенумма" применяется к понедельнику в значении тяжелого дня» (с. 68); видимо, ко вторнику относится индивидуальное именование «дикого пастуха, который будто бы сам сочинил для себя названия дней недели... *ала канǯык доƣан гүні* 'день рождения пестрой суки'» (там же 68–69).

Компонент ЛИ **it ~ yt* реконструируется, как правило, в именах, так или иначе связанных с ранней стадией переходной обрядности (см. СИГТЯ 1997, 648–649).

Уяснению возможной вторичной метафоризации – через сравнение – служит фольклорный образ; в «Манасе» о силаче Джолое, из калмаков, говорится: «Похожа на черного *пса*, готового к прыжку, Каждая бровь на его лбу (*Комдонуп жаткан кара ит тей Мандайында кашы бар*)» (М кн. 3, стх. 6858–6859).

---

[217] Приведенный выше кетский миф о возникновении собаки может быть в известной мере использован при объяснении распространения тех переносных неодобрительных значений, которые свойственны слову 'собака' и производным от него словам в разносистемных языках. См. кбал. *it* 'подлец, негодяй', чув. *yt* 'приспешник, слуга', 'подлец', кбал. *itlik* 'подлость', кирг. *ittik* 'качества, свойственные собаке' и *ittik qyldy* 'он сделал пакость'; кбал. *itlen-* 'подличать', 'вести себя подло'; см. также употребление *it* в составе бранных выражений – АА Хак.ГЭ 533, прим. 6034. Типологическое подобие этому можно усмотреть в употреблении русск. *собака* в бранном значении, *собачиться* 'сильно ругаться между собой'.

[218] Пословица эта, по всей вероятности, калька с русского и освоена чувашами в связи с проникновением православия (ср. русск. *На Благовещенье птица гнезда не вьет* Даль I 362).

Привлечение дополнительных сведений позволяет реконструировать в пратюркской АС синонимичные ЛИ I **köbek ~ köpek*, ЛИ II **köpaj* 'собака'. См.: ЛИ I **köbek ~ köpek*.

турк. *köpek* (Турк.ЛИ 308 – м.ЛИ *köpek*, комп. ЛИ *köpek*); кбал. *köbek* (Кбал.РСл. 800 – комп. ЛИ *ax köbek*); ног. ист. *kobek* (Трепавл. 718 – ногайский посол *Байкобек*); алт. *köbök* (СЛИ РСФСР 48); тат. ист. *kebek* (Трепавл. 727 – золотоордынский бек *Кебек*); тат. *kübäk* (Сатт. 1998, 153); чув. *kipek* (СЛИ РСФСР 193).

ЛИ II **köpaj* 'собака':

кбал. *kopaj* (СЛИ РСФСР 106); кирг. *köböj* (Кирг.ЛИ 202); хак. *kebej* (СЛИ РСФСР 57).

Другие синонимичные ЛИ – ср.-кыпч., CCum. ЛИ *baraq* (Kak.NPT 4), кбал. *baraq* (Кбал.РС 800 – ЛИ); гаг. *tazy* (Кур.ГА 169 – прозв. ← 'борзая, гончая'); тат. *пиуаj* (← монг. *nokaj* 'собака': Сатт. 146); кирг. м.ЛИ и комп. ЛИ *küčük* (← кирг. *küčük* 'щенок') (Кирг.ЛИ 218), ктат. м.ЛИ *Кучук*, также комп. м.ЛИ *Кучук* (СЛИ РСФСР 169).

Типологическое подобие пратюркскому ЛИ (компоненту ЛИ) *it ~ yt* можно усмотреть в калм. ЛИ *Хасыр* (< 'охотничья собака'), *Кичик* (< 'щенок') (СЛИ РСФСР 227); по сведениям А.П.Дульзона, ЛИ со значением 'собака' имеется у кетов (СЛИ РСФСР 341).

ОТРАЖЕНИЕ В ТЮРКСКОЙ АС ОБРЯДА ИНИЦИАЦИИ. РОДСТВЕННЫЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

ОТРАЖЕНИЕ В ПРАТЮРКСКОЙ АС ПЕРЕХОДНОЙ ОБРЯДНОСТИ РАННЕЙ СТАДИИ

Под переходной обрядностью ранней стадии понимается совокупность обрядов, сопровождающих переход человека от одного состояния к другому в младенчестве, отрочестве, юности (см.: *Бернштам Т.А.* Молодость в символизме переходных обрядов восточных славян. СПб., 2000). Целесообразно применить разработанные в монографии приемы для изучения того, какое отражение в тюркской антропонимии нашли переходные обряды: а) младенчества: рождение – наречение имени, б) молодости: совершеннолетие (мужской и женский варианты) – брак (в том числе калым), в том виде, в каком они отражены в тюркской антропонимии.

Рождение ребенка – наречение имени

У тюркских народов существовало множество таких *ырым* (заклинание, колдовство, resp. обычаи и обряды, исполняемые в предзнаменование ожидаемых событий), которые связаны с рождением ребенка, с наречением имени, с пожеланием родителей иметь сына, а не дочь, со стремлением оградить ребенка от вредоносного воздействия злых духов и проч. (см.:

СЛИ РСФСР 126–127). В силу своей значимости для древнего тюрка подобные *ырымы* не могли не получить известного отражения в пратюркской АС.

Следует подчеркнуть, что тюркское этническое мышление и поведение ярко проявляются в обрядах при наречении личного имени. Личное имя для тюрков является жизненно важным (Олонхо 123, 131), и чем далее в глубь веков, тем более это заметно. «По древним народным представлениям имя обладает магической силой, якобы влияющей на всю судьбу человека, и поэтому выбору имени придавалось особое значение» (М кн. 1, 519, прим. 75)[219].

Вопросу о наречении имени у тюркских народов уже в 1911 г. была посвящена программная статья А.Н.Самойловича, где сформулирована задача «произвести весьма интересное в культурно-историческом отношении сравнительное исследование личных имен всего турецкого народа» (Самойлович 1911а 299; имеются в виду имена всех тюркских народов). Для осуществления такого исследования требовались не только полные алфавитные списки имен, мужских и женских, по отдельным народам, но также и подробные указания, в каких случаях, в какую историческую эпоху, кому и почему давалось или дается определенное имя. Дополнительно к этому необходимы не менее существенные сведения, через какое время после рождения нарекается имя и кем именно нарекается (родителями, родственниками или – в прежние времена – шаманом, муллой, должностным лицом, ханом). К сожалению, и к настоящему времени подобные сведения системно не собраны.

О древнем обряде наречения имени. При отсутствии необходимых системных сведений при освещении некоторых особенностей древнего обряда наречения имени у тюрков известную значимость приобретают фольклорные (эпические) свидетельства.

Предварительно несколько слов о рождении ребенка. Известно типологическое подобие в отношении к женщине (как «сосуду скудельному») в евразийском средневековье. В киргизском эпосе «Манас» читаем: старец Кошой дал благословение, чтобы Каныкей родила от Манаса ребенка – «"Пусть не девочка будет, а мальчик будет, Пусть не медведь будет, пусть лев будет!" Иноверцы и мусульмане – все вместе благословили [Каныкей], Даже земля издавала гул! (*ǯer düngüröp qalyany*)» (М кн. 3, стх. 8125–8126, см. также 8158–8160). «В Средней Азии и, в частности, у туркменов рождение сына считается счастьем и вызывает открытое ликование в виде пира (*toi*), рождение же девочки замалчивается, как неприятность...» (Самойлович 1911а, 298). Некоторые имена давались девочкам «с пожеланием, чтобы следующий ребенок был обязательно сыном», – к примеру кбал. *qyz*

[219] В восточной традиции было распространено представление, что имя человека, принадлежащее среднему, земному миру, со смертью человека уходит к богу. См. об этом в средневековом японском романе о Гэндзи: «Так, настала пора | С горестным миром расстаться. | *Имя свое* | *Вверив богу Тадасу*,| Отправляюсь в далекий путь...» (курсив наш. – *Г.Б.*).

tu:ma, тат. *qyz tumas* 'девочкой не родится', *qyz birmæs* 'девочку не даст' (СЛИ РСФСР 110, 126); турк. ж.ЛИ *ogul gerek* 'сын нужен' (Турк.ЛИ 28).

Зачастую тюрок получал настоящее имя одновременно с прозвищем-оберегом, см., например, у хакасов, которые «ребенка по имени обычно не звали» (АА Хак.ГЭ 545, прим. к стх. 2061–2066). В Центрально-Азиатском регионе – у таджиков долины Хур – М.С.Андреев отметил случай, когда в семье, где новорожденные умирали, последней родившейся у них девочке дали имя *Беном*, т.е. 'Без имени' (*Андреев М.С.* Таджики долины Хур. Сталинабад, 1953. С. 87). На Руси же, где имя давалось ребенку при крещении, существовала пословица-поверье: «Без имени ребенок – чертенок» (Даль IV)[220].

Иногда случалось, что «плохое» имя (прозвище-оберег), данное ребенку в раннем детстве, сохранялось за ним на долгие годы. К примеру, богач Кökötöй дал своему сыну, вечно сопливому в детстве, прозвище *Boq murun* (М кн. 3, стх. 24–31), так оно и осталось за ним на протяжении всей третьей книги эпоса «Манас», хотя парень давно уже возмужал, женился, пышно похоронил умершего отца и устроил столь же пышные поминки по истечении трех лет (М кн. 3).

Кökötöй в «Манасе» дает «плохое» имя сыну сам (М кн. 3, стх. 24–31). В алтайском эпосе племя-народ богатыря Маадай-Кара справляет пир в честь рождения его сына, появившегося на свет в отсутствие отца: «Но имя мальчику [еще] не дали, Возвращения отца ожидали» (МК Алт.ГЭ стх. 664–669). Однако обстоятельства складываются так, что не отцу приходится нарекать сына именем, а сказочной Хозяйке Алтая, и при том – через два года (МК Алт.ГЭ стх. 2183–2208).

У тувинцев в сравнительно недавнем прошлом имя давалось ребенку по прошествии нескольких недель, месяцев или даже лет после его рождения, а еще в XIX в. мальчик получал «мужское» имя в возрасте 10 или даже более лет; до этого его называли просто «мальчик», «сын» и т.д. (СЛИ 305).

Прозвищные «плохие» имена. Типологические подобия в имянаречении

В прошлом, например, у хакасов «каждый ребенок после рождения получал не только имя, но и прозвище. Ребенка по имени обычно не звали, опасаясь за его жизнь: считалось, что демоны могут найти его по имени и лишить жизни. А потому пользовались прозвищами» (АА Хак.ГЭ 545, прим. к стх. 2061–2066). Многие из таких прозвищ – «прозвищные имена», «имена-прозвища» – (СЛИ РСФСР 341, 350) были «плохими» (обидные слова в функции ЛИ для защиты ребенка от злых духов). Такова была реакция носителей языка на явную, живую семантическую связь ЛИ с соответствующим апеллятивом, к которому они восходят.

---

[220] О магической силе слова в эпосе «Манас» сказано: «На нёбе у нее печать – | Магическая сила у ее слов» (М кн. 3, стх. 7730–7731).

«Плохие» имена у хакасов и алтайцев призваны были отпугивать злых духов от детей, благодаря чему они, родившись даже в последний, самый неблагоприятный, год двенадцатилетнего цикла – год Свиньи, оставались бы живыми. В этом случае не принималась во внимание вовсе эстетическая значимость слова: «плохие» имена были самыми неблагозвучными, а иногда и совершенно неприличными, потому что существовало поверье о похищении всех детей, появившихся на свет в год Свиньи; из этих имен называются, например, Собачье Ухо, Навоз [< *пок*], Гниль [< *черезі*], Гной (СЛИ РСФСР 45–46). Персонаж тувинского эпоса носит прозвание Боктуг-Кириш (*кириш* 'тетива': Тув.ГС 564). В киргизском эпосе Кökötöй так объясняет данное им сыну «плохое» имя – в соответствии с народным обычаем не называть ребенка хорошим (настоящим) именем в охранительных целях (если детей долго не было или же если они умирали в раннем возрасте): «Не хотел я [хорошее] имя сыну давать, Думал: "Как там будет еще?" <...> У сына сопли вечно текли, Не мог просморкаться он <...> Бокмурун стало *прозвищем* его (*Мурдунан чыгып чимкирик, Бала койбой чимкирип* <...> *Бокмурун болуп атагы, Атын жаксы койбогон Атасынын чагаты*). В том, что хорошее имя не дали ему, Вина [моя] – его отца» (М кн. 3, стх. 24–31).

Личное имя с компонентом (прозвищем) *бок бурун* зафиксировано в туркменской исторической поэме XIX в. «Книга рассказов о битвах текинцев»: *Ванаш бок бурун* (Самойлович 1914, 0145).

В.В.Радлов приводит кирг. *боқ мурун* – апеллятив 'сопляк' и ЛИ одного из героев «Манаса» (Р IV 1645); там же – осм. (?) *бурун богу* 'сопля', см. еще ктат. *бурун боки то же* (Р IV 1821); по своей структуре *боқ мурун* однотипно с гидронимом *Таш-Бурун* (Трепавл. 738). С прозвищным именем *Boq murun* типологически можно сопоставить совр. русск. фамилию *Сопленков*.

Противник Манаса хан Шоордук был сыном *Кезека*: по К.К.Юдахину, кирг. *kezek ~ kesek* 'комочек сухой глины (употребляемый после отправления естественных надобностей)' (М кн. 2, стх. 7324); там же упоминается силач по имени *Кюльтюкан* (стх. 7357), по К.К.Юдахину, кирг. *күлтүк* «приспособление под детской колыбелью (жестяная банка, горшок или кусок войлока) для стока экскрементов».

В пратюркской АС реконструировано ЛИ **tezäk ~ tezek* 'навоз' и соответствующий комп. ЛИ (СИГТЯ 1997, 678). Как отмечает Г.Ф.Саттаров, у татар имя *Тозак, Тозаклы* давалось ребенку в случае, когда дети в семье умирали один за другим; для этих же целей служили синонимы, заимствованные из арабского, – *Ваккас, Дамил* (Сатт. 1998, 238); см. также алт. м.ЛИ *tezek* (СЛИ РСФСР 50). Дополнительно реконструируем в пратюркской АС комп. ЛИ *boq ~ poq* 'помет, навоз, фекалии'. См.:

ср.-уйг. *boq* (ДТС 112 – комп. ЛИ), тур. *bok* (Дж. ТГр. А 41 – комп. ЛИ), гаг. *bok* [ГРМС 604 – в составе фам. *boklukči* (< 'золотарь')]; кирг., кирг. *фольк. boq* (Кирг.ЛИ 18; М кн. 3, стх. 30 и далее – в составе ЛИ *boqčy, boq murun*); тув. фольк. *boq* (Тув.ГС 303, стх. 90 и сл. – в составе ЛИ *boqtuq*

kiriš); кум. *poq* (Сатыб.ЛОК 106 – комп. прозвища *poq mašyn*); шор. фольк. *poq* (Дыр.ШФ 176 – комп. ЛИ); хак. *poq* (СЛИ РСФСР 59 – в составе ЛИ *poq taŋ*); як. *boh* (Як.Ф 146 – в составе фам. Бехтюев).

Синонимичные ЛИ – турк. *čör* ('овечий помет': Турк.ЛИ 28); хак. *aryx* (СЛИ РСФСР 57, ХРС 349 – ЛИ, комп. ЛИ *aryx paj*, при хак. *aryx* 'кал, помёт'). См. также кирг. ЛИ *qul kötön* (Кирг.ЛИ 18, при кирг. *kötön* 'задний проход') и тел. *фольк.* ЛИ *ködön* (Кат.АУ 14); турк. *porsy* ('вонючий': Турк.ЛИ 28). См. также кирг. м.ЛИ *sasyq* ('вонючий': Кирг.ЛИ 313).

О типологических подобиях в имянаречении. Можно наблюдать типологически сходные явления в именовании ребенка при обращении к антропонимиям других алтайских языков – монгольских, тунгусо-маньчжурских, а также одного из палеоазиатских – и к соответствующим комментариям (СЛИ РСФСР).

У калмыков наречение новорожденных «плохими» именами (например, *Мекля* 'лягушка', *Эн биш* 'не этот', *Аркинчи* 'пьяница', *Му* 'плохой' *Мухара* 'плохой черный', *Мучиря* 'плохое лицо': СЛИ РСФСР 226, 227) также «связано с желанием родителей сохранить жизнь ребенку и ввести в заблуждение злых духов, чтобы ребенок не был ими замечен. Из суеверных же побуждений очень часто младенца-мальчика нарекали женским именем и наоборот» (СЛИ РСФСР 227).

У нанайцев схожий обычай ситуативно обусловлен: «Если ребенок серьезно заболел, ему сразу же меняли имя, стараясь назвать его каким-нибудь неприятным словом, чтобы злые духи не захотели с ним связываться» (СЛИ РСФСР 259), см. м.ЛИ *Ирбо* (усматривается связь с корнем *ірба* 'грязь', 'противный', 'брезговать'), ж.ЛИ Галокто 'противная' (СЛИ РСФСР 259, 260).

У чукчей «имя-прозвище давалось новорожденному на пятый день его жизни. Это делала мать или особо уважаемый родственник» (СЛИ РСФСР 350). У кетов «кроме личных имен, которые давались детям вскоре после рождения их родителями, широко распространены были еще и прозвищные имена, которые они получали обычно "со стороны" и в более позднем возрасте» (СЛИ РСФСР 341).

IT 'собака' в обрядах младенчества

В переходной обрядности ранней стадии у тюрков особое место отводилось собаке; по словам Ф.Ф.Илимбетова, «собака играла центральную роль в магических обрядах башкир, туркмен, чувашей, казанских татар, якутов» (ДВ Башк. 93). По-видимому, аналогичное положение можно было бы наблюдать и у некоторых народов Сибири. Так, у эвенков, которыми было принято, что «колыбель новорожденному должен делать чужой человек», существовал обычай, предписывавший: «В новую колыбель положи *щенка*, чтобы ребенок не болел» (*Павлова Е.Г.* Опыт классификации народных примет // Паремиологические исследования. М., 1984. С. 294). В свое время С.П.Толстов высказал «гипотезу о том, что культ собаки своим происхождением связан с культом волка» (цит. по: ДВ Башк. 93).

Образ собаки широко задействован в тюркской антропонимии. В пратюркской АС реконструированы комп. ЛИ **it ~ yt* (с междиалектным чередованием начального гласного, палатального и велярного) и две модели сложносоставных ЛИ – именная и глагольная, с препозицией *it* в обоих случаях (СИГТЯ 1997, 649–649).

По Радлову (*Радлов В.В.* Из Сибири. М., 1989. С. 176), если первые дети умирали сразу после рождения, у алтайцев мальчику давалось такое имя, как *it ködön* (< 'собачий зад'). У алтайцев и хакасов среди тех неблагозвучных имен, которые присваивались в охранительных целях детям, родившимся в год Свиньи, зафиксировано *ijt qulaq* 'Собачье Ухо' (Молч.ЛИ Алт. 193; СЛИ РСФСР 46). Среди северных чувашей в случае, если прежде у матери не оставался в живых ни один ребенок, рождающемуся сыну давали имя *Моçка* 'черная собака'; считалось, что с таким именем сын останется в живых (Чув.Ф 82–83). В подобных случаях мальчикам иногда давались имена *Зăхан* 'ворон' или *Курак* 'грач', чтобы они оставались в живых (Чув.Ф 87, 88).

Значение «собачьих имен» (*«переносн. знач. неодобр.»* – ЭСТЯ 1974, 385) связано с ролью собаки как покровителя новорожденных (ДВ Башк. 92–93) и обычаем древних тюрков отгонять от новорожденного злых духов, надевая на него через сорок дней после рождения *it köjlek* 'собачью рубашку' (ОТ Каз.А 102). См. кбал. *itlik kölek этн.* 'первая рубашка младенца', *itlik čač* 'волосы первой стрижки младенца' (Кбал.РС 307).

«По башкирским народным поверьям считается, что у больного ребенка дополнительно имеются две собачьих души, которые помещаются у него в животе» (ДБ Башк. 76).

Среднеуйгурское ЛИ *yt saman* 'собачья подстилка' (ДТС 221), по всей видимости, связано с древним обычаем класть «ребенка на место собаки. Если не тронула ребенка и собака, то считается, что злые духи тем более его не тронут» (ОНИ Башк. 53). См. тат. глагольные имена *et almas* 'собака не возьмет', *et tigmas* 'собака не тронет' (СЛИ РСФСР 127), турк. *it almaz* (Турк.ЛИ 28)[221]. У якутов «в семьях, где не выживают дети, новорожденного ребенка называли ... щенком (*ыт оуото*) или собачьей кличкой, причем собак одновременно называли детскими именами» (ЛИ Як. 156).

Образ собаки в мифологических представлениях, в обрядово-ритуальной практике и фольклорных контекстах тюркских народов освещен выше, в параграфе «Домашние животные».

В совокупности все эти сведения дают яркое представление о том, насколько своеобразно и неоднозначно место образа собаки в восстанавливаемой мифологической картине мира древнетюркского этноса, где взаимодействовали и единоборствовали мифологические воззрения и рационалистическое начало.

---

[221] В киргизском эпосе зафиксирован фольклорный гидроним – озеро *Ит-Ичпес* ('собака не будет пить') с тем же опорным словом *ит*, образованный по той же глагольной модели, что и ЛИ *it almas*: так в народе иногда именуется оз. Ала-кёл, расположенное в Балхашско-Алакольской долине (М кн. 3, 501).

Типологическое подобие тюркским ЛИ с комп. *it* ~ *yt* можно наблюдать в одном из монгольских языков – в калмыцком памятнике имеются ЛИ *Хасыр* 'охотничья собака', *Кичик* 'щенок' (СЛИ РСФСР 227); то же в палеоазиатском кетском: 'собака' (там же 341).

Купля-продажа и имянаречение

В числе охранительных имен, которые отводили бы внимание злых духов от ребенка, ему в старину давали имя «в терминах купли-продажи» с использованием различных производных от глагола *sat-* 'продавать', *satyb al-* 'покупать'. С помощью таких имен родители представляли своего ребенка то ли «купленным», то ли «предназначенным к продаже», стремясь показать злым духам, что ребенок им не так уж дорог. В пратюркской АС дополнительно реконструируем глагольные имена с комп. ЛИ **sat-* 'продавать' и аналитическим производным **satyb al-* 'покупать'. См.:

турк. *sat-*, *satyb al-* [Турк.ЛИ 611, 442 – комп. м. и ж.ЛИ *satlyq* (< *sat-yl-yq*[222]), ЛИ *satybaldy, satyl, satym*]; ног., ног. ист. *sat-* (СЛИ РСФСР 122 – ЛИ *satyr*; Трепавл. 716 – *saty*); кум. *sat-*, *satyb al-* [СИГТЯ 1997, 753 (библиография) – в составе фам. *Сатыбалов*]; уз. *såtib ål-* (Бегм. А Узб. 23); кирг. *sat-*, *satyb al-* (Кирг.ЛИ 314–315 – в составе ЛИ *satqyn, saty, satylyan, satyndy, satlyq, satyl, satym, satyb aldy*); тат. *sat-*, *satyb al-* (Сатт. 1998, 213–214 – ЛИ *sati, satim, satlyq, satyš, satybal,* в фам. *satybalow*); алт. *sat-* (СЛИ РСФСР 50 – ЛИ *satlaq* [< *sat-yl-aq*]); хак. *sat-* (СЛИ РСФСР 60 – ЛИ *sat, satyq, satyr*).

В качестве относительных синонимов возможно рассматривать кирг. фольк. ЛИ *tölög* (см. *tölöö* 'уплачивание, выплачивание, плата') (М кн. 2, стх. 5303), а также метафоризацию (по Г.Ф.Саттарову) словосочетания *ul* 'сын' + *tabyl-* 'быть найденным' → 'быть рожденным' (Отгл. А Тат. 43).

В тюркской антропонимии, как и во многих других иноязычных АС, существует ряд прозвищных имен, которыми зафиксированы характерные черты новорожденных, обстановка и время рождения и т.п. Например, тув. ж.ЛИ *Ораяк* [< *орай* + *ақ* 'поздно родившийся (о детенышах)'] (СЛИ РСФСР 185), чув. *Вăрăм Пăликкар* 'Поликарп Длинный' (там же 191), *Аксак Кель-Мухаммед* (*аксак* 'хромой': Трепавл. 716). Подобные прозвищные имена достаточно индивидуальны и, как правило, реконструкции не поддаются.

«Случайные» имена

В обычаях татар замечена еще одна особенность имянаречения: «если в семье новорожденные умирали один за другим, то обычай был такой: называть их именем того предмета, который первым бросится в глаза матери после появления ребенка на свет» (СЛИ РСФСР 127). Специалисты отме-

[222] В.В.Радлов, приводя тур. апеллятив *сатылык* 'продающийся', 'продажный' (т.е. подлежащий продаже), аз. *сатлыг то же* предполагал образование из *саты* + *лык* (Р IV 379); мы присоединяемся к мнению, устно высказанному Л.С.Левитской: *сатылык* < *сатыл* + *ык*; *сатлак* < *сатыл* + *ак*.

чают, что, к примеру, чукотские имена-прозвища обычно отражают помимо явлений природы, наблюдавшихся в момент рождения ребенка, и животного мира, также «вообще любые предметы окружающей действительности» (СЛИ РСФСР 351).

Рассмотрим названия двух из таких «любых предметов окружающей действительности», получивших отражение в тюркской АС, – 'ложка' и 'пуговица'.

В пратюркской АС реконструировано «подставное имя» (чтобы «обмануть злых духов» – ЛИ Як. 156) **qašuq* 'ложка'; отмечены также синонимичные ЛИ алт. *qalbaq, як. luoska* (< русск. *ложка*) (СИГТЯ 1997 678–679).

Представляется важным, что в якутском фольклоре отмечен культовый предмет – «гадальная ложка» (Як.Ф 295). Вполне возможно, что название ложки проникло в тюркскую АС вовсе не случайно, а благодаря символической функции этого предмета материальной культуры у тюркских народов.

TUγMA ~ TÜJME ('пуговица')

Дополнительно в пратюркской АС реконструируем ЛИ **tuγma ~ tüjme* 'пуговица' (с междиалектным чередованием инлаутного согласного, а также палатального и велярного оформления слова) и соответствующий постпозиционный комп. ЛИ в сложносоставном имени (например, кбал. *ǯüz tüjme, qyz tüjme*). См.:

ср.-уйг. *tuγma* (ДТС 93 – комп. ЛИ *belä tuγma*); кбал. *tüjme* (СЛИ РСФСР 111; Кбал.РС 798, 799 – ЛИ, комп. ЛИ в составе *ǯüz tüjme*); алт. *tüjmet* (?СЛИ РСФСР 51 – ЛИ); др.-уйг. *toγma* (ДТС 571, 424 – ЛИ *toγma*, комп. ЛИ *qara toγma*).

Ср. диалектные модуляции соответствующего апеллятива в татарских диалектах и говорах: тат. лит., сиб.диал. *төймә*, ср.диал. *төймә/тиймә*; мишар., нукр., перм. *тумә* (Рамазанова 99).

О месте слова *tuγma ~ tüjme* в тюркской лексике говорит факт его участия во фразеологизмах в качестве их опорного слова. См. уйг. *tügmidäk närsini tügidäk qylyp körsät-* 'делать из пуговицы верблюда' (Надж.УРСл. 337), кбал. *tüjmeni tüe eterge то же* (Кбалк.РС 701), ср. русск. *из мухи делать слона.*

Из многочисленных синонимов слова *tuγma ~ tüjme* назовем алт. *тарылга* 'большая пуговица, бляха', 'большая металлическая бляха на задней части одежды шамана, изображающая солнце и луну'; алт. *топчы* 'пуговица'; алт. *тана* 'перламутровая пуговица, которая привязывается к концу женской косы'; хак. *тана* 'крупная перламутровая пуговица'; хак. *марха* 'пуговица' (см. также *халтых мархазы* 'боковая пуговица на хакасской шубе'; *мархала(н)-* 'застегивать на пуговицы'). Из этих синонимов алт. *топчы* участвует во фразеологизме: *qandyj söstiŋ topčyzy?* 'Каких слов это пуговица?', т.е. 'в чем смысл сказанных слов?' (МК Алт. ГЭ, прим. 68 к стх. 2175), ср. русск. '*изюминка* сказанных слов'.

Весь этот синонимический ряд был призван обозначить немаловажный предмет материальной культуры у разных тюркских народов.

Исследователь татарских диалектов Д.Б.Рамазанова, рассматривая лексико-семантическую группу, которая связана с названиями одежды и украшений, как «показатель важнейших социально-исторических процессов, происходящих в ходе формирования народа», большое внимание уделила пуговице (тат.лит. *төймә*, ср.диал. *төймә/тиймә*, мишар., нукр., перм. *түмә*, сиб.диал. *төймә*) (Рамазанова 3, 99). По поверьям тюменских татар, «если на ребенка смотрело много людей, мама обмывала окно, дверные ручки и этой водой мочила лицо (ребенка). На его чепчик пришивали *зеленую [көк] пуговицу*. Нос мазали углем» (Рамазанова 99). В кузнецком говоре тат. языка зафиксировано определительное словосочетание *күз түмәсе* ‘бусинка с белым пятнышком’, пришиваемая к головному убору или детской одежде от сглаза (Рамазанова 217).

Обращение к различным фольклорным контекстам показывает, что и у других тюркских народов Сибири, например у хакасов, пуговица была необходимой и примечательной деталью национальной запашной одежды – «на шубе из овчины или на другой верхней одежде старинного покроя... одна из двух пуговиц, нижняя, пришивается почти под мышкой», другая – на воротнике (АА Хак.ГЭ 549–550).

Для того чтобы показать, как устал и измучен богатырь, преодолевший долгий и опасный путь, – даже одежда у него истрепалась в дороге, сказитель-хакас употреблял поэтическую формулу: «К подмышке пришитая *пуговица* у него (*мархазы*) Висит [на одной нитке], К вороту пришитая *пуговица* у него (*мархазы*) Повисла и болтается» (АА Хак.ГЭ 549 и стх. 3451–3454).

Нижеприводимые фрагменты из алтайского эпоса показывают роль пуговиц в снаряжении богатыря. Вот Хозяйка Алтая собирает юного Кögюдей-Мергена в поход: «С шестьюдесятью двумя [большими] пуговицами (*алтан эки тарылгалу*) Широкие штаны взяла, Мальчику-богатырю подала. <...> С сияющими, как семьдесят два солнца, Серебряными пуговицами (*күмүш тана бу топчылу*) Солнечную рубаху подала[223]. <...> С девяноста девятью пуговицами (*тоғзон тогус бу топчылу*) Кожаный панцирь подала» (МК Алт.ГЭ стх. 2285–2287, 2293–2295, 2315–2316). «Со ста пуговицами шубу надел (*јүс топчылу тонын кийди*)». – «Сто богатырей [в него] стреляли, Не могли пробить ее» (МК Алт.ГЭ стх. 4895–4897). Ср. кбалк. ж.ЛИ *ӟüz tüjtä* (< ‘сто пуговиц’).

Из приведенных фрагментов видна оборонительная функция пуговиц на одежде, на панцире богатыря. А в момент тяжелого боевого испытания «Из ста пуговиц кожаного панциря Девяносто девять пуговиц (*јүс топчылу көө куйактың Тогзон тогус бу топчызы*) Оторвались и разлетелись, Только одна пуговица (*јаңы топчы*) осталась Как знак того, что На шубе алтайца

[223] «Солнечная рубаха», штаны с 62-мя *тарылга* – большими металлическими бляхами, изображающими солнце и луну, представляют собой предметы ритуальной одежды шамана.

Под воротником одна-единственная пуговица должна быть» (МК Алт.ГЭ стх. 2475–2484). «От Кögюдей-Мергена будто бы идет обычай... пришивать к шубе только одно пуговицу (под воротником)», как констатируется в эпосе (МК Алт. 463, прим. 73). Пуговица прочно внедрилась в эпическую образную систему тюрков, см. еще: «Мою голову колотушкой не пробили, *Пуговицей* ты ее не пробьешь (*Топкок ойбон бу бажымды Топчы ла ойып болбазын*)» (МК Алт.ГЭ стх. 6868–6869).

В алтайском эпосе пуговица (*топчы*) также является предметом украшения женской одежды: «От света пуговиц на ее одежде (*кийген кийим топчызына*) В глазах человека зарябит, Красоте этой женщины-богатырки Все люди дивятся» (МК Алт.ГЭ стх. 189–192). У прелестной Алтын-Кюскю «сорок две пуговицы (*тöртöн эки топчылары*) На платье сверкают» (там же стх. 6868–6869).

У тобольских татар парадные, выходные женские платья (*сый гөйләк*) украшали не только серебряными пуговицами: «...пришивали серебряные монеты, вышивали красивыми нитками, расшивали позументом, пуговицы (*төймә*) пришивали серебряные, круглые» (Рамазанова 59).

Одежду алтайских богатырей, судя по эпическому контексту, украшают пуговицы двух видов – крупные (*тарылга*) и разные перламутровые пуговицы (*алтын тана бу топчы, кўмўш тана бу топчы*). Вот как облачается алтайский богатырь: «С шестьюдесятью двумя пуговицами (*алтан эки тарылгалу*) Широкие штаны взяв, натягивает, <...> С шестьюдесятью двумя яркими, как луна, Золотыми перламутровыми пуговицами (*алтын тана бу топчылу*) Горностаевую доху надел. С семьюдесятью двумя сияющими, как солнце, Серебряными перламутровыми пуговицами (*кўмўш тана бу топчылу*) Солнечную доху надел» (МК Алт.ГЭ стх. 245–259).

В хакасском эпосе распространенными женскими именами являются *Алтын-Тана* (< ‘золотистая перламутровая пуговица’) и *Чарых-Тана* (< ‘светлая перламутровая пуговица’) (АА Хак.ГЭ 554, 555). С понятием девичьей (женской) пуговицы связано кбал. ж. имя *qyz tüjmä* (Кбал.РС 798).

Типологических подобий тюркским ЛИ с компонентом ‘пуговица’ в иносистемных языках Сибири нам не привелось встретить.

Совершеннолетие (мужской и женский варианты) – брак

Совершеннолетие. Мужской вариант

В хакасском эпосе пуговица (*марха*) представлена как примета еще одной стадии переходной обрядности – совершеннолетия юноши: «по достижении совершеннолетия богатырь, как это было в обычае у хакасов, надевает парадную одежду – кип с пуговицами у воротника и подмышки», а это знак того, что он может жениться[224] (АА Хак.ГЭ 554). «Раз уж *пуговицу* к

[224] Роль одежды в определении этой мужской стадии переходной обрядности видна также из древнетюркской пословицы: *Ata tonu oyulya jarasa atasyn tilämäs* (МК III 87) ‘Когда одежда отца становится впору сыну, он более не нуждается в отце’ (цит. по: СИГТЯ 1997, 304).

вороту (*чаха марха*) пришил, [То] еду искать пригожую добрую [девушку], Раз уж *пуговицу* к подмышке (*колтук марха*) пришил, [То] еду присмотреть красивую добрую [девушку]» (там же стх. 7687–7690).

Таким образом, при обращении к народному творчеству, народным обычаям и поверьям «пуговица», как и «ложка», в пратюркской и современной антропонимических системах предстает совсем не как результат «случайного» именования, поскольку это, прежде всего, особо значимые предметы материальной культуры у тюрков со своей специфической символикой. При ближайшем рассмотрении в основе разбираемых выше личных имен с компонентами 'ложка', 'пуговица' обнаруживается глыба мифологических воззрений и поверий, ритуальных обрядов и других этнографических особенностей, связанных с этими словами и отраженных в фольклорных контекстах. В долгой жизни имен с компонентом *tuγma ~ tüjme*, например, явно сказалось и подпитывающее воздействие фольклорных контекстов, эпической памяти тюркских народов.

В качестве специфической стадии переходной обрядности в фольклорных контекстах – признание возмужалости эпического богатыря невзирая на его реальный возраст – можно рассматривать наречение «настоящего» (богатырского) имени «богатырю-мальчику», «богатырю двухлетке/ трехлетке» (см. в алтайском, хакасском, тувинском, казахском эпических произведениях) как обряд своего рода «посвящения в рыцари» тюркского эпоса.

Непременным условием в этом случае являлся такой важный для скотовода-кочевника фактор, как вручение юному богатырю собственного коня, под стать ему самому. См. в казахском эпосе «Козы-Корпеш и Баян-Сулу»: «"Держась за гриву, сам сумел сесть на коня". Это означает, что мальчик достиг ранней юности, т.е. таких лет, когда сам, без чьей-либо помощи, может сесть верхом на лошадь» (Каз.РЭ 319, прим. № 43). Причем в кличке коня должен был содержаться один из компонентов личного имени его владельца-богатыря. Мотив теснейшей связи эпического богатыря с его конем красной нитью проходит через героические сказания разных тюркских народов; кстати, встречается этот мотив и в русском фольклоре.

Приведем описания соответствующих обрядов в тюркских фольклорных контекстах. Обряд наречения богатырским, почетным именем ханского сына-малолетки («С неочистившимся пушком на голове, С неокрепшими мышцами голени»), собравшегося отправиться на большую войну (Тув.ГС 105, стх. 1138–1139), в тувинском сказании «Хунан-Кара» описан так: «[Хан] назавтра собрал Подданный люд. "Того, кто хорошее имя назовет, Выше плеч награжу! Тому же, кто плохое имя назовет, Голову сниму," – сказал и устроил *той* По случаю наречения [сына] *Взрослым* именем» (Тув.ГС 109–110, стх. 1240–1247). Народ поостерегся предлагать имя ввиду такой угрозы, и тогда выбор пал на старика со старухой. А те сказали так: «Дети, совершите обряд. <...> Коня нашего сына велите седлать. Велите [сыну] повесить На себя боевое оружие, Велите сесть Около [юрты] на большое *ширэ* – Сесть, зажав в руках Длинный повод коня. Это и будет

обряд» (Тув.ГС 113, стх. 1295–1311). Затем следует трехкратный обход старухою коня и мальчика и предложение: «Я бы, дети мои, коня назвала *Арзылаң-Кара* ['Львоподобный, огромный']». «Старик поднялся, Коня и самого [мальчика] Трижды кругом обошел, Внимательно осмотрел. "Я бы, дети мои, Назвал его *Хунан-Кара-могё* ['Грозный Трехлетка-силач'], Имеющий коня *Арзылаң-Кара*"» (Тув.ГС 113–115, 564, 568).

В тувинских героических сказаниях о «мужском» имени говорится как об «имени-опоре»; отец говорит сыну, богатырю-малолетке: «Если [суждено] тебе отправиться На битву-войну, Поедешь с *именем-опорой*, Поедешь с конем верховым, Поедешь с оружием боевым» (Тув.ГС 98–99, стх. 1011–1014). Имелось в виду богатырское имя, в состав которого входило и имя богатырского коня (оно определялось мастью коня) (Тув.ГС 550, 552, прим. к стх. 440–442, 821).

Хакасский эпос также свидетельствует, какое значение придавалось в старину у хакасов наречению почетного, мужского имени: «[Эту землю] под луною Я шесть раз объехал. [Эту] землю под солнцем Я семь раз объехал, Чтобы мне, трехлетнему, Мой отец Хан-Чичил-хан Велел поймать скакуна, *Мои мать и отец* собрались Дать [мне] *милое сердцу прозвище*» (АА Хак.ГЭ стх. 4302–4311; 537, прим. 38; 551, прим. к стх. 4306–4309). В хакасский эпический обряд наречения имени юному богатырю включалась важная деталь: старый мужчина (старая женщина), дающий имя, должен перед тем в присутствии собравшихся сполоснуть рот молоком (у хакасов оно почиталось как священный напиток) и лишь после этого произнести имя (АА Хак.ГЭ 541, прим. к стх. 894–897).

Богатырь при знакомстве представлял себя следующим образом: «Владение мое, где я живу, – У подножия хребта Ах-сын, Вода, которую я пью, – Это великая река Ах-талай, Зовут меня Кючюн Кюрелдея сын Богатырь Хулатай, Который ездит на девятисаженном Темно-саврасом коне. Пис-Тумзух-Плё-Харын Матерью моей была» (АА Хак.ГЭ стх. 2680–2689).

Почетное богатырское имя («милое сердцу прозвище»), достойное боевое снаряжение, могучий («девятисаженный») конь, друг и соратник эпического персонажа, – таковы атрибуты символики обряда «посвящения в рыцари» тюркских героических сказаний. Примечательно, что в эпосе народа с принципиально иным социально-бытовым укладом жизни, как, например, у эстонцев – мореходов и рыболовов, для описания обряда возмужания используется совсем другая символика, см.: «Из-под сени материнской вынесли *челнок* дитяти *В море* возраста мужского» (Калев.ЭНЭ 81).

Совершеннолетие. Женский вариант:

SAČ ~ ČAČ ('волосы на голове')

Когда девушка входит в возраст невесты, обрядность предписывает учитывать длину ее косичек, характер убранства волос (одним словом – «состояние волос на голове»: прическа, головной убор, накосные украшения). Какое значение придавалось, например, у татар убранству женских

волос, показано в разделе «Накосные украшения» исследования: Рамазанова 195–212.

В пратюркской АС дополнительно реконструируется комп. ж.ЛИ **sač ~ čač* 'волосы на голове' (с регрессивной ассимиляцией начального согласного по диалектам). См.:

турк. *sač* (Турк.ЛИ 444 – в м.ЛИ *sačly*); кбал. *čač* (СЛИ РСФСР 109, 110 – комп. ЛИ *altyn čač, qara čač*); кирг. *čač* (Кирг.ЛИ 436 – комп. ЛИ *žibek čač*); тат. *čәč* (Сатт. 213, 340, 377 – комп. м.ЛИ *sary čәč*, ж.ЛИ *altyn čәč, qara čәč*); алт. *čač* (СЛИ РСФСР 47 – комп. м.ЛИ *aq čač*); ног. *šaš* (СЛИ РСФСР 124 – комп. ЛИ *qara šaš*); каз. *šaš* (Джан.ВИ – комп. ЛИ *altyn šaš*).

Примечательно, что с волосами на голове (*čač*) связан еще и обряд раннего детства: первая стрижка младенца (балк. *itlik čač* 'волосы первой стрижки младенца').

Относительными синонимами апеллятива, к которому восходит компонент *sač ~ čač*, являются слова тат. *толым* 'коса женская' (см. то же тат.диал. *тылым, цапма* < *сапма*: Рамазанова 199), хак. *тулыҥ* (АА Хак.ГЭ стх. 6896); хак. *sürmes* 'мелкие косички'.

В хакасском эпосе о несовершеннолетней девочке Алтын-Аруг говорится: «Шестьдесят ее косичек (*алтон аныҥ сӱрмезі*) До спины не доросли, колышутся [около шеи], <...> Пятьдесят ее косичек (*иліг аныҥ сӱрмезі*) До плеч не доросли, колышутся» (АА Хак.ГЭ стх. 2506–2511); «Пятьдесят ее косичек по плечам вот-вот рассыплются» (там же стх. 3269–3270); в комментарии читаем: «Речь идет о том, что Алтын-Арыг из девочки очень скоро превратится в юную девушку и что у нее будут длинные косички, пока же ее волосы не доросли и до плеч» (АА Хак.ГЭ 549, прим. к 3269–3270).

В алтайском эпосе Алтын-Кӱскӱ, невеста Кӧгюдей-Мергена, имеет очень длинные косы и косички: «Девяносто косичек ее (*тогзон айры кежези*) До пяток спускаются, Семьдесят кос ее (*јетен айры тулуҥдары*) По земле Алтая волочатся» (МК Алт.ГЭ стх. 6894–6892), что воспринималось как свидетельство того, что она вполне созрела для замужества. Ср. уподобление и метафору в «Песни песней»: «Волосы твои, как стадо коз, сходящих с горы Галаадской».

В татарских диалектах представлены словосочетания *чәчтәңкә, толым тәңкә*, употребляемые в значении «*девичье* накосное украшение, состоящее из пары ажурных блях, выполненных техникой плоской скани и украшенных цветным стеклом или камнями, монетами; они подвешивались к низу косоплетки» (Рамазанова 198). Ср. у казахов *шашбау* «ленты, специально вплетаемые в косы, к ним прикреплялись серебряные монеты» (Каз.РЭ 350).

Замужество

Следующая женская стадия переходной обрядности связана с замужеством; первая примета ее – изменение убранства волос на голове девушки-невесты. В хакасском эпосе «шестьдесят косичек Пора-Нинчи (*алтон сӱрмезіи Пора Нинчиниҥ*) Дети расплетали, Две тугих косы ей (*азыр чахсы*

тулуңын) Женщины заплетали. Пятьдесят тугих косичек (*иліг чахсы сӱрмезін*) Дети из [этого] народа ей расплели, Волнистые [пряди укладывая], Пора Нинчи ей две косы (*ігір чахсы тулиин*) заплела. Шестьдесят косичек У Алып-Хыс-Хан расплели И две косы ей Пора-Нинчи заплела. [Обе они] стали благородными женщинами, С косами, ниспадающими на грудь, И прекрасная Хыс-Хан, и Пора-Нинчи снохами стали» (АА Хак.ГЭ стх. 4862–4881).

Таков был старинный свадебный обряд у хакасов: он «включает в себя обязательное расплетание мелких косичек невесты, а затем заплетание волос в две косы. Расплетание косичек у хакасов в одних местах поручалось детворе или подросткам, а в других – женщинам или невесткам жениха. Иногда косы невесте заплетали взрослые женщины – старшие невестки. <...> Две косы, заплетенные прядями сверху вниз (от себя) и свободно падающие на грудь, в старину носили только замужние женщины. Голова их всегда была повязана сложенным коронкой платком – ходить без платка замужней женщине не полагалось» (АА Хак.ГЭ 552, прим. 4862–4879)[225]. См. также строки из «Манаса» о «всех, кто в белых платках» (М кн. 3, стх. 1289) с пояснением: «У киргизов только замужние женщины носили белый платок (*жоолук*) или белый элечек – головной убор в виде навернутого на голову высокого тюрбана, прикрывающего голову до середины лба» (М кн. 3, 494, прим. 24).

В киргизском эпосе встретилось ЛИ *ketelik* (М кн. 3, стх. 2101) при кирг. *kete* 'женский головной убор', 'красивая одежда молодых женщин'; это ЛИ явным образом связано с обрядностью замужества.

Что же касается татарской женщины, то, по сведениям Д.Б.Рамазановой, она «шьет волосник (*сылавыч*) как узкий мешок, на голову мастерит нечто типа шапки, в старину ведь нельзя было показывать волосы. Волосы в волоснике, на нижнем конце сборы» (Рамазанова 200).

Еще одна примета замужества как женской стадии переходной обрядности – калым – запечатлена в отдельных тюркских именниках. Различные словосочетания с числительными высших разрядов, используемые в качестве ж.ЛИ, означают цену, которую хотел бы получить родитель в виде калыма за свою дочь. См., например, кбал. ж.ЛИ *міӈ сом* '1000 рублей' (СЛИ РСФСР 103), *ӱіz tümen* '1000000' (там же 109, Кбал.РС 798)[226]. Возможно, намек на сумму калыма содержат и киргизское ж.ЛИ *ӱіz bagül, miӈ sulu:* (Кирг.ЛИ 436, 444). Девочка, на которую возлагались надежды получить за нее богатый калым, могла снискать имя вроде турк. *gerek* ('нужная')

---

[225] Ср. у казахов *саукеле* «старинный головной убор невесты, который женщина носила после замужества <? т.е. после свадьбы> в течение года. Саукеле украшали золотом, серебром, драгоценными камнями, лентами и подвесками, которые спускались на плечи и спину...» (Каз.РЭ 348).

[226] В этом отношении заслуживают внимания наблюдения над казахскими ЛИ. Приводя в качестве м.ЛИ сочетания с числительными высших разрядов ('100', '1000') – *Жүзбай, Мыңбай*, Т.Джанузаков добавляет: «Но женские имена подобного рода не встречаются» (Джан.ВИ 4).

и как комп. ЛИ *gerek ǯemal, gerek tɔč* (Турк.ЛИ 590); с целью отвлечь от нее внимание злых духов давалось ЛИ *kempir* ('старуха') (там же 599).

ПРОЕКЦИЯ СОЦИУМА НА ЧЕЛОВЕКА В ТЮРКСКОЙ АС

Из наблюдений над отражением в тюркской АС отношений по родству

Представления о пратюркской терминологической системе родственных отношений дается в разделе «Отношения по родству и свойству» СИГТЯ 1997, 290–314. В разделе «Антропонимия» (там же 653–660) показано, какие термины родства отражены в пратюркской АС: в составе ЛИ реконструированы термины **ata* 'отец', **ba:ba* 'отец', 'дед (со стороны матери)', *apa* 'отец', 'старший брат' / 'мать', 'старшая родственница отца', **mama* 'бабушка', 'старший родственник', **oγul* 'сын', *qyz* 'девочка', 'дочь', **kenč ~ kenǯe* 'младший из детей в семье', **jegän ~ jigän* 'племянник (в отношении детей сестры)'.

Известная специфичность тюркской системы родства дает о себе знать в двух последних реконструированных нами ЛИ (комп. ЛИ) *kenǯe* ('младший из сыновей') и **jegän ~ jigän* ('племянник [по женской линии]') (СИГТЯ 1997, 657–660).

KENČ ~ KENǮE ('дитя', 'молодой' → 'младший из сыновей в семье')

В связи с филиацией значений апеллятива *kenǯe* ('молодой', 'дитя', 'ребенок' → 'самый младший из сыновей в семье') башкиры, казахи, узбеки, другие тюрк. народы имели специальный термин для младшего сына в семье, что, по Н.В.Бикбулатову (Бик.БСР 103–104), связано с обычаем минората (право наследования за младшим сыном); в силу этого «термин *кинйә* по своей социальной нагрузке близок к социально-бытовым титулам. Это, видимо, облегчило переход его в разряд антропонимов». По гипотезе Бикбулатова, *kinjä* у башкир могло служить одним из временных имен у детей и подростков, что способствовало закреплению его в качестве постоянного ЛИ в АС (там же 105).

JEGÄN ~ JIGÄN ('племянник' → 'племянник по женской линии')

Значения апеллятива *jegän ~ jigän* 'племянник и племянница – дети сестер, как старших, так и младших' (ЭСТЯ 1989, 166; Покр.: ИРЛТЯ 51), 'племянник, внук по женской линии' (Ккалп.ЖИ 140), 'потомство по женской линии' (Дан.Дж. Узб. 211) – в процессе превращения его в ЛИ (в древности – также при использовании в составе титула: *jegän čur* КЧ 21, 26: ДТС 252, что также является свидетельством особой важности этого понятия у тюрков) претерпели филиацию: → 'племянник по женской линии'.

Н.В.Бикбулатов раскрыл механизм антропонимизации *jegän ~ žyjan* как реликта экзогамного брака у башкир. Когда же с отмиранием экзогамии стали возможны браки также в пределах своего аила, термин *jegän* стал применяться к детям только тех дочерей и сестер, которые были выданы

замуж за пределы своей деревни (там же 105–106). Во всяком случае, ЛИ с этим компонентом рассматриваются как отражение древних обычаев наречения именем (А Башк. Ш 68).

В хакасском эпосе понятие 'племянник (в отношении детей сестры)' неразрывно связывается с понятием дядьев по матери (*тайы*), которые «почитались как очень близкие и важные родственники, в особенности родной брат матери. На него [дядю] возлагалась ответственность за судьбу племянников, и поэтому он имел над ними личную власть» (АА Хак.ГЭ 551, прим. к стх. 4453). Во всяком случае, когда дядя (*тайы*) в сердцах трижды ударил своего племянника Ханныг-Хылыса, благородного мужа, тот только громко рассмеялся: «Мой дядя (*тайым*) ударил, А другому человеку ударить не дано. Разве можно сердиться На то, что старший ударил?» (АА Хак.ГЭ стх. 7748–7755).

На особо уважительное отношение к дяде по материнской линии среди тувинцев (*даай*; имеются также особые термины *даай-энэ* 'бабушка по матери' и *куй* 'тетя – жена дяди по матери'; ср. *чээн* 'племянник, -ца') нам указала Л.С.Кара-оол (*Кара-оол Л.С.* Термины родства и свойства в тувинском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2004, 15, 16). Точно так же почитается дядя по материнской линии среди монголов (*нагац*) и калмыков (*нахц*), у которых к тому же отдельными терминами обозначаются племянник (-ца) по материнской линии (монг. *зее*, калм. *зе*) и племянник (-ца) по отцовской линии (монг., калм. *ач*) (устное сообщение Г.Ц.Пюрбеева). Эти сведения разнятся от распространенной трактовки тюрк. *taya*, противопоставляющей *taya* апеллятиву *aya* 'дядя со стороны отца' как «близкому родственнику в отличие от дяди по женской линии» (СИГТЯ 1997, 296). Вместе с тем приведенные сведения из хакасского эпоса, тувинской, монгольской и калмыцкой терминологии родства могут рассматриваться как подтверждающие важность взаимосвязанных понятий родства 'племянник по материнской линии', 'дядя по материнской линии' для пратюркского этноса.

Н.Б.Бурганова отметила, что среди казанских татар в прошлом существовала традиция празднования «джиенов»; такие праздники проводились группой населенных пунктов – *джиенных* округов одной конфедерации. О системе джиенной организации татар, опирающейся на кровнородственные связи между жителями деревень с характерным гнездовым размещением, см.: (Бург.Джиен. 20–23).

Об отражении института *джийан* в послесвадебных обрядах узбеков-кыпчаков см.: Шаниязов 323.

Как семантика апеллятива и ЛИ (комп. ЛИ) *jegän* ~ *jigän*, так и приведенные фольклорные и этнографические сведения свидетельствуют об уровне традиционно-патриархального самосознания тюрков, о такой национальной черте тюркских народов, как обостренное чувство родства, стремление держать в поле внимания родичей, которые по отцу принадлежат к другому племени и живут в этом другом племени.

Из наблюдений над отражением социума в ЛИ социального статуса

Представление о социальных отношениях в древнетюркском обществе дается в разделе «Социальные отношения» (СИГТЯ 1997, 314–325). В разделе «Антропонимия» (там же 660–672) показано, какие термины социальных отношений нашли отражение в пратюркской АС: в составе ЛИ реконструированы термины **eš* 'сотоварищ', **er* 'мужчина; муж', **alp* 'герой', **ynal ~ inäl* сословный титул, **tegin* 'принц', **beg* 'князь', **qayan* 'верховный правитель', 'главный хан', **qan* 'хан', 'правитель', **xan* 'хан', 'правитель', **baj* 'богатый; богач', **qul* 'раб', 'вассал', **taz* 'плешивый'.

Сведения по истории социальных терминов помогают понять, как в результате социальных перемен в картине мира трансформируется место того или иного понятия, обозначаемого соответствующим термином (т.е. как изменяется семантика термина).

EŠ ('сотоварищ', 'сподвижник')

Для слова *eš* значения 'товарищ, друг, приятель, сподвижник' считаются «более древними и первичными нерасчленимыми значениями» (СИГТЯ 1997, 314). По Л.В.Гребневу (см.: *Гребнев Л.В.* О значении древнетюркского термина *эш* // Уч. зап. Тувинского НИИ ЯЛИ. Вып. II. Кызыл, 1958. С. 244–245), в период первобытно-общинных отношений термин *эш* означал лиц, связанных узами родства в составе одной родоплеменной группы; впоследствии слово стало употребляться в значении 'сотоварищ', 'спутник', 'сподвижник вождя родоплеменной или территориальной группы'. См. также Батм.СДЕ 99–100. По К.Л.Задыхиной (ВК Ср.Аз. 162), узб. *eš* используется в целях обозначения половозрастного деления и служит у узбеков сел. Карабулак б. Чимкентского уезда обращением друг к другу среди девочек и девушек-сверстниц. В современных тюркских языках следы подобной семантики можно усмотреть в сохранившихся значениях 'сверстник', 'ровня'. Ср. тур. парное *eš dost* 'знакомые, друзья' (< 'люди одного ["своего"] круга').

Компонент *iš* (*eš*), один из самых распространенных в образовании ЛИ, например, в татарском и башкирском языках, обычно использовался в случаях, «когда у родителей до этого не было детей, чтобы этот ребенок в дальнейшем стал им товарищем, помощником... Этот обычай зафиксирован в шежере башкир рода карагай-кыпсак племени кыпсак... "Назвав их Ишбулду, Ишкильдэ [этих детей], родившихся от разных матерей, отдали человеку, у которого не было сыновей"...» (А Башк. Ш 68). Ср. узб. ЛИ *eš bo̧lsin* (Бегм. А Узб. 24).

Примечательно, что в перечне «Мужские имена» (в бахмалском говоре) тонкий наблюдатель-диалектолог Х.Д.Данияров (Дан.Дж.Узб. 212) фактически приводит небольшую подборку ЛИ по признаку разных возрастных классов: *eš baj, eš qul; ǯora baj; ǯolči, ǯoldaš baj* (ср. ВК Ср.Аз. 162).

QUL ('раб', 'вассал')

Для слова *qul* приводятся значения 'невольник, раб' (СИГТЯ 1997, 318); в ДТС 72 указано также перен. 'раб божий; человек'.

По Л.Н.Гумилеву, «основное содержание понятия "*qul*" – подчинение чужому» (Гум. 55): «факт подчинения иноплеменному государю без какого бы то ни было социального угнетения», «подчинение иноземцу, но отнюдь не лишение личной свободы» (там же 54). Кстати, одним из древних обычаев тюрков было «усыновление иноплеменников и принятие их в свое общество» (Олонхо 110).

Факт подчинения иноплеменному владетелю без социального угнетения для *qul* зафиксирован в среднеазиатско-тюркском памятнике XVII в. (Кон. РТ 76–77). Для лиц, обозначаемых термином *qul*, была доступна привилегированная служба: Радлов (Р II стб. 965–967) приводит для *qul* устаревшее значение 'янычар'; по М.С.Джикия (Дж.Т.Гр. А 26), «кули в Грузии были личными стражами царей и надсмотрщиками» – при заимствовании термин сохранил свою отнесенность к достаточно привилегированному слою общества. Вместе с тем рефлексирующий персонаж киргизского эпоса Алмамбет, изгой среди чужого рода-племени, памятуя о своем высоком царственном происхождении, говорит Манасу: «Для джигита, оторвавшегося от эля [рода, племени], лучше всего, видно, умереть. Каждый, кто опирается на свой калык [народ], что бы он ни сделал, его слово веско. Для несчастного же, кто покинул свой калык, лучше всего – поскорее умереть» (ВМЖ 90).

Впоследствии, когда «поздние тюрки включились в систему мусульманской культуры с характерной для нее работорговлей, ...термин *qul* стал применяться к проданным рабам, чего в раннее время не было» (Гум. 55).

В современном туркменском языке ЛИ с компонентом *guly* (*quly*) связаны с религией (Мух.ЛО Турк. 1 44).

В соответствии с изменениями значения апеллятива *qul* менялась и семантика комп. ЛИ *qul*.

Часто встречающийся в алтайском эпосе персонаж *Тастаракай* имеет имя, образованное от слова *тас* 'лысый' – в эпосе последнее означает 'раб', употребляется наряду со словом *qul* (МК Алт.ГЭ 464, прим. 83). В этом случае налицо превращение ЛИ, характеризующего физический недостаток нарекаемого, в ЛИ, предрекающее ему низкий социальный статус. Недаром этот персонаж предстает в холщовой одежде, в берестяной обуви, едущим на плохоньком коне («торбок») (МК Алт.ГЭ стх. 3478–3491); «в глазах представителей аристократической верхушки люди с коростами на икрах – простолюдины» (АА Хак.ГЭ 550, прим. 3896), как и люди с паршой, коростой на голове.

Благодаря своеобразному семантическому сдвигу возникает связь «подставного» («плохого») имени (см., например, «храбрец Тазбаймат» (М кн. 2, стх. 5336) с именами социального статуса.

Можно привести пару фольклорных контекстов, свидетельствующих, что уничижительное отношение к плешивым, лысым делало их объектом как грубых забав, так и народных примет. Так, в эпосе «Манас» рассказы-

вается о «состязаниях плешивых»: «"Бодаются, [выйдя] от двух племен, Двое плешивых мужей..." – имеется в виду комическое состязание, когда плешивые ударяются с разбега макушками, и тот, кто, не выдержав, бежит, остается побежденным» (М кн. 3, 493, прим. 34). В чувашском фольклоре существует примета: перед севом «надо выйти довольно рано, чтобы никого не встретить. Правда, если навстречу идет добрый человек, это не беда, а если встретит лысого, в тот год сев у него будет плохим» (Чув.Ф 61).

О ТИПОЛОГИЧЕСКИХ СХОЖДЕНИЯХ И ПОДОБИЯХ МЕЖДУ ТЮРКСКОЙ, УРАЛО-АЛТАЙСКОЙ И ДРУГИМИ АС

Самостоятельное значение представляет вопрос о типологических схождениях и подобиях тюркской антропонимической системы, с одной стороны, а с другой – тех подборок личных имен разносистемных языков, главным образом Сибири, которые представлены списками СЛИ РСФСР (далее сокращенно – региональные АС Сибири). Установить такие типологические схождения стало возможным благодаря тому, что названные совокупности разносистемных личных имен обладают одним общим для них свойством: исконные ЛИ в этих языках, как это явствует из наблюдений исследователей, «образуются от бытующих в языке нарицательных слов» (СЛИ РСФСР 280). В соответствии с этим типологические сопоставления велись нами по идеографическим группам.

В результате нами обнаружены следующие факты. Для той подгруппы пратюркских ЛИ, в которой отражены небесные объекты (солнце, месяц, звезды) и связанные с ними небесные явления (утренняя заря, ясное небо и др.), найдены типологические подобия кет. ЛИ *Анес* ('утро'), *Кынь* ('заря') (СЛИ РСФСР 341, 344, 345), чукот. *Тыӈа-гыргын* ('рассвет'), *Тыӈэскыӈэ* ('вершина рассвета'), *Эргыӈав* ('заря'), *Тиркытэгын* ('солнечный предел') (СЛИ РСФСР 351); ненецк. *Яля* ('солнце', 'свет'), эским. *Ний̆ук* (там же 280, 360); финск. *Päivälapsi* ('дитя Солнца') (там же 274); кет. ЛИ *Кыбле* ('лунный свет': там же 343), *Хылесь* ('ясное небо': МПС Кет. 22); финск. *Otava* ('Большая Медведица': там же 274). В калмыцкой антропонимии «небольшая группа личных имен связана с названиями планет, дней недели» (а дни недели содержат названия определенных планет) (там же 226).

В отличие от достаточно разветвленного мифолого-ассоциативного блока непогоды в пратюркской АС в языках Сибири находим отдельные типологически подобные ЛИ этой же идеографической группы. Здесь такие ЛИ, как правило, разрозненны и единичны: только в кетском наблюдаем три ЛИ *Берес* ('падающий снег'), *Хильгам* ('зимний мороз'), *Аккыт* ('громик') (СЛИ РСФСР 342, 344); см. единичные ненецк. *Хадко* (< *хад* 'пурга', 'вьюга'), эским. *Анўӄа* ('ветер': там же 280, 345).

В группе природных (ландшафтных) объектов типологически подобные тюркским ЛИ встретились в финском языке: фамилии *Vuori* ('гора'), *Kallio*

('скала'), ЛИ и фамилия *Kivi* ('камень'), комп. фамилий *Kivikoski* ('каменистый порог'), *Paasikivi* ('каменная плита'), см. также чукот. м.ЛИ *Выквын* ('камень') (СЛИ РСФСР 275, 276, 351). Ср. также кет. ж.ЛИ *Имтын* ('галька': СЛИ РСФСР 344) и фольклорный мотив превращения персонажа кетской мифологии в «каменную россыпь» (МПС Кет. 269, № 35); в хакасском эпосе имеется мотив рождения персонажа из гальки и песка (*sajdaŋ-xumpaŋ töre:n*) и превращения в гальку и песок после гибели.

Для тюркских ЛИ из подгруппы металлов типологическое подобие можно усмотреть только в компоненте финск. ЛИ *Kuitamies* ('золотой человек': СЛИ РСФСР 274).

В тюркской АС и в антропонимических подборках из селькупского, кетского, чукотского, а также из калмыцкого и финского языков чрезвычайно много типологических схождений по части «ботанических» личных имен, т.е. имен, восходящих к названиям деревьев, их компонентов, цветов, плодов, особенно ягод, трав и т.д. (этот перечень см. с. 695 и сл.). Прямые совпадения касаются 'тополя' (ног. *ист.*, алт. ЛИ *terek*, тат. *tirek*, ср. калм. ЛИ *Уласта*) и 'смородины' [кбал. *duγum*, алт. *boronot* ('смородина'), *qyzylyat* ('красная смородина'), ср. кет. *Ойе* ('смородина')].

Сопоставление тюркских орнитологических личных имен с именами той же идеографической группы в разносистемных языках Сибири показывает еще больше прямых совпадений, позволяет увидеть ряд схождений, касающихся самой подборки названий тех птиц, которые являются главными персонажами мифов о сотворении мира, о добывании огня для людей.

Это прежде всего 'птица' как родовое понятие, см. кет. м.ЛИ *Думит, Думгит, Думн* ('птица'), *Кака* ('пташка'), *Белегин* ('перелетная птица'), ж.ЛИ *Силдум* ('летняя птица', в списке А.П.Дульзона упоминается также ЛИ 'зимняя птица') (СЛИ РСФСР 341, 342, 345); чукот. ж.ЛИ *Пычық* ('пташка': там же 351). Имеются также схождения в антропонимическом использовании названий конкретных птиц, особенно водоплавающих, см. кет. м.ЛИ *Альтак* ('кряква'), *Бит* ('гагара'), *Тих* ('лебедь') (СЛИ РСФСР 342, 344); селькуп. *Чънънъ* (< *чънг* 'лебедь': там же 284); чукот. ж.ЛИ *Галган-ӈа* ('утка': там же 351).

Из хищных птиц, например, в кет. АС представлено м.ЛИ *Дирегит* ('орел') (в списке А.П.Дульзона – 'беркут': СЛИ РСФСР 342). Названия других видов птиц отражены в кет. м.ЛИ *Биилъ* ('ласточка'), ж.ЛИ *Олынг* ('кукушка': там же 344, 345); эским. м.ЛИ *Мытыӽпъуқ* ('ворон': там же 360); чукот. ж.ЛИ *Вэлвыӈэ* ('ворона': там же 351). В кетском и селькупском имеются ЛИ, восходящие к апеллятивам 'сова', а также 'глухарь' (кет.), 'рябчик' (селькуп.) (СЛИ РСФСР 341, 284). Особо отметим, что в уральских языках, а также в калмыцком (т.е. за пределами Сибири) подобные схождения не зафиксированы.

При учете всего вышесказанного отмеченные схождения в использовании названных апеллятивов орнитологической группы в качестве ЛИ разносистемных языков Сибири, по-видимому, могут свидетельствовать о

региона. Можно предположить, например, что в Сибирском регионе сложились разные версии мифов о сотворении мира и активной роли водоплавающих птиц в этом деле.

Наборы орнитологических апеллятивов в той и других антропонимиях могут разниться уже хотя бы по причине того, что в разных регионах водятся разные породы птиц [например, гагара – ЛИ с ее названием имеется в кетском языке, см. материалы А.П.Дульзона (СЛИ РСФСР 341)].

При типологическом сопоставлении используемых зоонимов в пратюркской АС и подборках ЛИ разносистемных языков России можно усмотреть прямые совпадения в них имен с концептами 'медведь' (а) и 'волк' (б). См.: а) финск. ЛИ *Kontio* ('медведь'), нанайск. ЛИ *Орокан* и эским. ЛИ *Нануҳақ* ('медвежонок'), чукот. ЛИ *Умқы* 'белый медведь' (СЛИ РСФСР 274, 260, 360, 351); б) калм. *Чон* ('волк'), *Белтрик* ~ *Белтрг* ('волчонок') (СЛИ РСФСР 227, 234, 249). Этот факт может свидетельствовать о схожести мифологических представлений о медведе и волке у соответствующих народов.

ЛИ с концептами промыслового зверя 'лиса', 'заяц' обнаруживают типологические схождения в пратюркской АС и в антропонимиях финской [*Kettunen* (< *kettu* 'лиса')], кетской (имена со значениями 'заяц', 'лиса'), эскимосской [*Кавиҳақ* ('лисичка')] (СЛИ РСФСР 276, 341, 360). Такое схождение в известной мере условно в отношении оленя: для тюрка он является промысловым зверем, для оленевода-ненца – домашним скотом. Ненецк. ЛИ *Тэтако* 'оленевод' толкуется как «ребенок появился на свет во время массового отела» (СЛИ РСФСР 280). Тюрк. ЛИ *kejik baj*, как нам представляется, вряд ли корректно пояснять как «богатый оленями».

Из числа домашних животных концепт 'собака' нашел отражение как в тюркской АС, так и в кетской антропонимии (сведения А.П.Дульзона: СЛИ РСФСР 341), см. также типологическое подобие этому в калмыцкой АС: *Хасыр* ('охотничья собака'), *Кичик* ('щенок') (там же 227).

Типологическое сходство с тюркскими представлениями о собаке можно усмотреть в тунгусо-маньчжурской и кетской мифологиях (собака -- помощник демиурга при сотворении мира, кетский сюжет о появлении на земле собаки).

Помимо этих типологически сходных зоонимов в тюркской АС и в антропонимиях разносистемных языков Сибири имеется большое число названий промысловых зверей (а) и домашних животных (б), разнящихся по регионам (перечни см. 4.1.1., 4.1.2). См., например: а) селькуп. 'белка' (ЛИ *Тӓбақ*), 'бурундук' (ЛИ *Сёпақ*); кет. 'белка-летяга' (ЛИ *Емсь*) и 'белка' (ЛИ *Сак*), но чукот. 'песец' (ЛИ *Рэқокалгын*), 'тюлень' (ЛИ *Мэмыл*) (СЛИ РСФСР 284, 344, 345, 351); б) из четырех видов домашнего скота, который разводится тюрками и названия которого соответственно отражены в их АС, находим только один зооним 'бык' в кетской АС (*Иқыс*: СЛИ РСФСР 342). В тюркской АС представлены зоонимы 'лошадь', 'верблюд', 'баран ~ овца', в ненецкой – 'олень' (*Тэтако* 'оленевод'). В данном случае различия определяются как природными ресурсами разных регионов, так и разными типами хозяйственной деятельности народов, которые их населяют.

Типологические схождения со всей очевидностью проявляются в ранних стадиях переходной обрядности почти у всех разноязычных народов Сибирского региона, в частности, при наречении ребенка именем. Для отпугивания злых духов от младенца его нарекали «плохим» именем (см. выше перечень тюркских плохих ЛИ): ср. нанайск. ЛИ *Ирбо* (< 'грязь', 'противный'), *Галокто* ('противная'), кет. ЛИ со значениями 'слюнявый', 'грязнуля' (сведения А.П.Дульзона) (СЛИ РСФСР 259, 260); также калм. ЛИ *Му* 'плохой', *Эн биш* 'не этот' (СЛИ РСФСР 226, 227).

СПЕЦИФИЧНОСТЬ ПРАТЮРКСКОЙ АС, ЕЕ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ. НЕРАВНОМЕРНОСТЬ ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ЯЗЫКОВОГО РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ЛИ

Впервые в тюркологии была предпринята попытка построить картину мира одного из тюркских народов – туркмен – А.Н.Самойловичем в конце 20-х годов. Об этом свидетельствует его рукописная работа «Люди и природа в глазах туркмен» (Черновые материалы к статье. Автограф, карандашом. Без даты[227]. 52 л., из них 1–47 полулисты: РНБ. Ф. 671. Д. 118). Работа эта сохранилась в проекте плана (*л.* 1) и подборке материала (*л.* 2–31 занимают туркменские загадки с отгадками, по одной на каждом листе; л. 32–52 – в основном словарные карточки, также другие выписки); долгие годы она оставалась за пределами внимания тюркологов.

Предпринятое нами этнолингвистическое исследование показало, что антропонимия (точнее – концепты, представляемые в составе личных имен) является важной компонентой среди тех языковых средств, которые используются для построения картины мира пратюркского этноса; этому особенно способствует сохранение живой семантической связи тюркского ЛИ с соответствующим апеллятивом, который продолжает жить (см. Толстой 1997, 397). Тюркскую антропонимию с полным правом можно признать значимым феноменом культуры общения, имеющим большое значение в социальной жизни, системе ценностных ориентаций, в трансмиссии культуры через поколения. В антропонимии, в обрядах и обычаях наречения имени ярко проявляются этнические стереотипы мышления и поведения. Пратюркские ЛИ в целостной системе рассмотрены в этнолингвистическом аспекте, открывающем путь к синтезу сведений из области мифологических воззрений, практики ритуальных обрядов и фольклорных данных, с одной стороны, лингвистических наблюдений – с другой.

Благодаря этому удалось показать, как в пратюркской АС отражены мифологические воззрения на космос и природные явления, на связи чело-

[227] Датировка – конец 20-х годов – предложена нами при учете того, что для л. 52 использована оборотная сторона следующего письма: «Проф. А.Н.Самойловичу. Решением Географ[ического] факультета при сем препровляет дипломную работу студента М.Ю.Пальвадре <?> – для ознакомления. Делопроизводитель <подпись нрзб.> 13.IV.28 г.»

века со всей живой природой – животными, птицами, растениями, с одной стороны, с родом человеческим – с другой.

Метафоризация, сопровождающая обращение апеллятивного слова в личное имя, зачастую бывает двух уровней. Метафоризация первого (древнего) уровня корнями уходит в мифологические представления и поверья древнего тюрка, в старинные обряды наречения имени; метафоризация второго (более нового) уровня сопряжена с процессами трансформации обратного восприятия, в ряде случаев – его опрощения.

Для изучения тенденций сохранения и развития пратюркской АС необходимым условием оказалось привлечение широкого круга синонимичных ЛИ (в том числе относительных синонимов, внутриязыковых и межъязыковых). Само существование ЛИ-синонимов обусловлено тенденцией активного вовлечения[228] в АС разных слов, выражающих то же определенное понятие. По нашему мнению, при реконструкции пратюркской АС необходимо учитывать и реконструируемые тенденции формирования и развития АС, даже в том случае, если впоследствии они оказывались забытыми, а конкретные имена, как, например *čečäk* 'цветок', оказывались вытесненными заимствованиями (*gül* 'роза', 'цветок'). Другой пример – различная конкретизация по регионам ЛИ-названия птицы ('птица' – 'голубь' – 'чайка' и т.п.) при том, что укоренение названия птицы в пратюркскую АС опирается на мифологические представления о птице как связующем звене между землей и небом. При учете синонимичных ЛИ в тюркской антропонимии выявлен – несравнимо с древнегерманской – больший круг ЛИ, в которых задействована ботаническая, орнитологическая, зоологическая лексика. Такие тюрк. ЛИ лексико-семантически связаны с соответствующими фольклорными контекстами, чем, видимо, и подпитывается жизнеспособность этих имен.

При наличии явной, живой семантической связи тюркского ЛИ с соответствующим апеллятивным словом, а также при существовании относительных синонимов-ЛИ в различных тюркских языках данные пратюркской АС можно не только привлекать при построении картины мира, но также определять при этом наиболее значимые понятия (концепты) в жизни древнетюркского этноса, в его материальной культуре и тем самым демонстрировать специфичность ценностных ориентаций, которые получили отражение в пратюркской АС.

Показать эту специфичность удобнее всего на типологических сопоставлениях тюркского материала с подборками ЛИ из разносистемных языков России (в основном – алтайских языков и некоторых иносистемных языков Сибири: СЛИ РСФСР), а также с результатами семантической интерпретации совокупности элементов древнегерманских двучленных имен (Т.В.Топорова: КЗЯ) (см. об этом ниже). Считаем необходимым подчерк-

[228] Проникновение ЛИ-синонимов в АС может свидетельствовать об особой важности соответствующего понятия для картины мира (или отдельного ее фрагмента).

нуть, что широкий фронт привлечения дополнительного языкового материала, мифологических, собственно этнографических, фольклорных контекстов в предлагаемой работе заставил нас с позиций этнолингвистики частично пересмотреть предварительные выводы о специфичности древнетюркской АС, которые были сделаны нами при сопоставительном обзоре семантических структур древнетюркской и древнегерманской антропонимий (СИГТЯ 1997, 717–723).

При опоре, с одной стороны, на наблюдения Е.И.Убрятовой над современными як. ЛИ, где обогащение происходит, например, за счет орнитологической лексики, используемой в словесном поэтическом творчестве, а с другой – на подобранные нами обширные соответствующие материалы, можно говорить о глубоко укорененной тенденции к лексико-семантическому взаимодействию между тюркской АС и фольклорными мотивами. В ряде случаев можно наблюдать подпитывающее воздействие фольклора на репертуар личных имен (см. совр. тюрк. ЛИ *manas, almambet, semetej, sejtek; tulpar*). Типологическое подобие этому можно усмотреть в нанайском языке, где процесс постоянного обновления состава ЛИ связывается с народными легендами и сказаниями (СЛИ РСФСР 258).

Ярким примером такого взаимодействия между тюркской АС и фольклорными мотивами, равно как и специфичности пратюркской АС может служить вычлененный нами в составе одной из тематических подгрупп «Верхнего мира» мифолого-ассоциативный блок непогоды (**bulut* ‘облако’, ‘туча’; **jyldyrym* ‘молния’; **tuman* ‘туман’; **jaymur* ~ *jamyyr* ‘дождь’; **qar* ‘снег’; **boran* ‘буря’, ‘буран’ и производные от них **jaymurčy* ‘вызыватель дождя’, *qarčy* ‘вызыватель снега’, *borančy* ‘вызыватель бури’); этот блок исследован в его лексико-семантических связях с соответствующими фольклорными мотивами.

Характерно, что, например, в древнегерманской антропонимии представлены два «показателя» непогоды – ‘снег’ и ‘лед’ (КЗЯ 92). Так же единичны они в кетской антропонимии – ‘падающий снег’ и ‘зимний мороз’, в ненецкой антропонимии – только ‘пурга, вьюга’. Найти фиксации личных имен с подобными компонентами в уральских (или хотя бы в финно-угорских) языках нам не удалось; в эстонском эпосе «Калевипоэг» встретился мотив «финского знахаря ветра» (однако этот «знахарь» имеет здесь совсем иные функции, нежели тюрк. *borančy, jaymurčy* или *qarčy*).

Объяснение столь разветвленному отражению разных видов непогоды и ее вызывателей в пратюркской антропонимии находим в кочевом скотоводческом укладе жизни тюркских народов. Благополучие древних тюрков в большой мере зависело от природных метеорологических условий, и при отгонном бесстойловом содержании скота непогода создавала для них массу затруднений в деле разведения, ухода и сохранения поголовья.

Таким образом, мифолого-ассоциативный блок «непогода» можно считать экономически и социально значимым компонентом выстраиваемой картины мира пратюркского этноса. Сам же факт и возможность такого

вычленения «мифологического пространства непогоды» ставит под сомнение категорическое утверждение о том, что «древнетюркские мифологические представления сохранились слабо»; здесь справедливо было бы добавить – «в своем первозданном виде». Поскольку в тюркской АС частично сохраняются особо устойчивые традиции мифологического мышления, были неизбежны процессы контаминации элементов архаики с новыми идеями, образами, но при всех трансформациях и изменениях древние мифологические конструкции как бы «просвечивают» сквозь них, сохраняя свой тип, хотя уже во многом отличный от древнего.

При реконструкции территориально-языкового размещения личных имен, относимых к блоку непогоды, мы опирались на обнаруженную связь между АС и фольклором тюркских народов. Мотивы непогоды в изобилии представлены в алтайском, хакасском, тувинском эпосе (юг Западной и Средней Сибири) и в якутских олонхо (северо-восток РФ), в киргизском эпосе «Манас» (Западный Тянь-Шань), а также отмечены в турецких волшебных сказках (Малая Азия) и, кроме того, у таджиков Ура-Тюбе (т.е. в пограничных районах Таджикистана и Узбекистана) (Благова 2003, 11–14; Стеблева 2002).

Распределение личных имен (и их компонентов) из блока непогоды по языкам не полностью совпадает с территориальным размещением фольклорных мотивов непогоды.

Так, ЛИ *jaγmur ~ jamγyr* ‘дождь’ зафиксировано в языках якутском, киргизском, туркменском, казахском, ист. ногайском, ср.-кыпчакском; *jaγyš* – в азербайджанском. ЛИ **jaγmurčy* – в ист. ногайском.

ЛИ *boran* ‘буря’, ‘буран’ наблюдается в языках ср.-уйгурском, чагатайском, ист. туркменском, киргизском фольк., узбекском, каракалпакском, казахском, ногайском, карачаево-балкарском, азербайджанском, караимском, ЛИ *borančy* – киргизский фольк., казахский, башкирский, татарский.

ЛИ *qar* – киргизский, узбекский, туркменский, ногайский, азербайджанский (*gar*); ср.-уйгурский (*qaγar*), ист. туркменский. ЛИ *qarlyq* – алтайский миф.; ЛИ *qarly* – татарский, ср.-кыпчакский, туркменский (*garly*). Фамилия *garču* – гагаузский.

Комп. ЛИ *bu:s* ‘лед’ – якутский миф.

ЛИ *tuman* – древнетюркский, ср.-уйгурский, ср.-кыпчакский, чагатайский, ист. туркменский, ист. турецкий, киргизский, узбекский, каракалпакский, казахский, башкирский, татарский.

Учет полученных данных позволяет говорить в целом о цепочной последовательности зон распространения фольклорных мотивов непогоды и личных имен из блока непогоды в направлении от Алтая и его предгорий к степям Туркестана, включая Западный Тянь-Шань (Киргизия), Узбекистан, Туркмению, далее к степям Казахстана, Южного Приуралья и Ногайским степям.

Разобщенные маргинальные островки, вычленяемые по одному или нескольким признакам, составляют Якутия на крайнем северо-востоке (ЛИ

sa:myr, комп. ЛИ *миф. bu:s*, мотивы непогоды в олонхо), Поволжье (тат. ЛИ *boran, borančy, toman*), Гагаузия на юго-западе (фам. *garču*), Азербайджан в Закавказье (ЛИ *jayyš, boran, gar*) и Малая Азия (тур. ЛИ *tuman*, мотивы непогоды в турецких волшебных сказках).

При трактовке полученных наблюдений в области тюркской АС небезынтересно учесть результаты исследований Н.И.Толстого по части географии славянских слов, прежде всего слов со значениями 'дождь', 'непогода' (Толстой 1997, 124–129). Изучая, как отразились на карте соотношения таких непроизводных слов и некоторых их производных образований, Н.И.Толстой пришел к выводу, что, например, «изоглосса *дажд* в общих чертах совпадает с изоглоссой *даждевњак*» (там же 137). Как видно из наших предварительных наблюдений, следы подобного совпадения изоглосс непроизводного слова и его деривата (в составе тюркской АС) наиболее явственно и весомо сохранились лишь для одной пары *boran* 'буря' – *borančy* 'вызыватель бури': производное личное имя представлено в киргизском фольк., казахском, башкирском, татарском языках. Что же касается двух других пар (*jamyur* 'дождь' – *jamyurčy*, *qar* 'снег' – *qarčy*), то возможные совпадения обнаружены единично: имя *jamyurčy* представлено в ногайском ист., фамилия *garčy* – в гагаузском.

В ландшафтной подгруппе «Среднего мира» отдельный («горно-каменный») мифолого-ассоциативный блок составляют ЛИ и комп. ЛИ *tay, qaja, taš*, тождественные апеллятивам 'гора', 'скала', 'камень', – каждый из них задействован также в мифологических и эпических контекстах. Характерно, что два из этих комп. ЛИ – *qaja* и *taš* – в ср.-уйг. памятнике представлены одной и той же моделью, в сочетании с атрибутом-эпитетом *ked* 'сильный', 'крепкий': *ked qaja* и *ked taš* (USp. 78_{18} и 126_{2}: ДТС 292). Ср. в другом ср.-уйг. памятнике составное ЛИ *ked boran* (МО II_{17}: ДТС 292).

Значим сам факт наличия ЛИ (комп. ЛИ) *tay, qaja, taš*, их смысловой близости, при том что другие ландшафтные названия (например, 'земля', 'плоскогорье', 'равнина', 'степь', 'пустыня') в тюркской АС не отражены.

Как нам представляется, *tay, qaja, taš* были, по-видимому, особо значимыми для пратюрков (как воспоминание о прародине?); на этом основании соответствующие концепты могут считаться одним из слагаемых картины мира пратюркского этноса.

Распределение личных имен (и их компонентов) из «горно-каменного» блока по языкам также не полностью совпадает с размещением соответствующих фольклорных мотивов. См.:

ЛИ с комп. 'гора' – ист. турк., тур., кбал., кум., ног., ист. ног., тат. Мотивы, связанные с горой, представлены в эпосе алтайском и киргизском.

ЛИ с комп. 'скала' – ср.-уйг., тур.осм., ктат., аз., кирг. фольк. Мотивы, связанные со скалой, представлены в эпосе алтайском и хакасском.

ЛИ с комп. 'камень' – ср.-уйг., ср.-кыпч., турк., тур., аз., гаг., каз., ккал., тат., башк., кирг., кирг. фольк., уз., уз.диал., уйг., алт., тел., шор. фольк.,

тув., як., чув. Мотивы, связанные с камнем, представлены в эпосе алтайском, хакасском, киргизском.

Другая тематическая подгруппа «Среднего мира», личные имена из которой связаны с названиями металлов, также может считаться особым мифолого-ассоциативным блоком («металлоблоком») пратюркской АС. В этот блок входит, с одной стороны, такой необходимый для жизнедеятельности человека металл, как железо, а с другой – два драгоценных металла, золото и серебро, с помощью которых осуществляется «спектральная оценка» нарекаемых («наиболее ценный» – «несколько менее ценный»).

Можно усмотреть типологические схождения тюркских языков с монгольскими и финским языками в отношении использования концепта 'золото' в их антропонимиях. Не удалось найти типологических схождений или подобий этому в антропонимиях других языков Сибири – тунгусо-маньчжурских, самодийских, палеоазиатских; возможно предположить, что ознакомление с металлами у этих народов шло через контакты с другими народами.

Что же касается древних тюрков, то новый этап познания окружающей природы – добыча и освоение жизненно необходимых металлов [выражаясь языком фольклора – «в златокаменном его Алтае», «среброкаменном его Алтае» (МК Алт.ГЭ стх. 632, 637)] – занимал особо важное место в их самосознании и мифологии: посредством металлов для человека нижний, подземный мир оказывался связанным с миром срединным, обиталищем рода человеческого. Поэтому новый этап познания природы был запечатлен концептами трех металлов в пратюркской АС. На основании всего вышеизложенного можно рассматривать три названных металла в качестве слагаемого картины мира пратюркского этноса.

Из состава «металлоблока» наиболее широкое распространение по тюркским языкам имеют личные имена с комп. 'железо'. Из фольклорно-мифологических мотивов отметим почитание в мифологии алтайцев Темиркана (одного из божеств Йер-су), мотив волшебной 'железной травы' (*тимĕр корăк*) в чувашском фольклоре.

Altyn и *kümüš* также, можно сказать, достаточно укоренились в тюркских антропонимиях (см.: СИГТЯ 1997, 636–638). Мотивы 'золото', 'серебро' задействованы в алтайском эпосе. Противопоставление концептов 'золото' – 'железо' наблюдается в сложносоставных именах двух персонажей тувинского эпоса: *aldyn möge* 'Золотой силач' – *demir möge* 'Железный силач' (Тув.ГС 564, 565). В киргизском эпосе *altyn* участвует в цветовом противопоставлении имен (*altyn kökül* 'Золотая челка' – *ker kökül* 'Черная челка') (М кн. 3, стх. 1358, 9193). Противопоставление компонентов ЛИ *altyn* – *kümüš* представлено в современных туркменских сложносоставных ЛИ.

ЛИ *temir* ~ *temür* и ЛИ с соответствующим компонентом присущи буквально всем тюркским языкам (в том числе и средневековым) и представлены на всех территориях их распространения (см.: СИГТЯ 1997, 635).

Столь же широкое распространение имеют ЛИ *altyn ~ altun* и ЛИ с соответствующим компонентом (см. СИГТЯ 1997, 636).

ЛИ и комп. ЛИ *kümüš* зафиксированы почти во всех тюркских языках Европы, Кавказа и Предкавказья, Средней Азии и Казахстана, Западного Тянь-Шаня; из языков Сибири – в хакасском.

Учет антропонимических данных и показаний эпических контекстов позволяет среди объектов деятельности человека показать пуговицу как особо значимый предмет материальной культуры тюрков и притом обладающий собственной специфической символикой (например, как одна из примет совершеннолетия юноши в переходной обрядности тюрков Алтая). Пуговица у тюрков предстает предметом многофункциональным, соответственно у слова *tuγma ~ tügme ~ tüjme* оказалось много относительных синонимов.

Если учитывать совокупность таких синонимов, участие *tügme ~ tüjme* в составе фразеологизмов (кбал., уйг.), с одной стороны, а с другой – принимать во внимание роль и функции пуговицы в эпических контекстах, а также в суевериях тюрков, для концепта 'пуговица' можно выстроить картину территориально-языкового и фольклорного распределения.

Языковой материал: уйг. *tügme* и кбал. *tüjme* по-разному представлены на весьма отдаленных друг от друга территориях Восточного Туркестана (апеллятив *tügme*, участие в составе уйг. фразеологизма *tügmidäk närsini tügidäk qylyp körsät-* 'делать из пуговицы верблюда') и Кавказа (апеллятив *tüjme*, участие в составе кбалк. фразеологизма *tüjmeni tüe eterge* 'делать из пуговицы верблюда', женские личные имена *tüjme* и *ǯüz tüjme*).

У сибирских татар – апеллятив *töjme*; пуговица, бусинка определенного цвета (зеленая или с белым пятнышком), будучи пришита к головному убору, детской одежде, служит оберегом от сглаза.

В алтайском концепт представлен тремя относительными синонимами – апеллятивами *topčy* 'пуговица', *tarylγa* 'большая пуговица', 'бляха', *tana* 'перламутровая пуговица, которая привязывается к концу женской косы'; алт. *topčy* используется в качестве стержневого слова во фразеологизме *qandaj söstiŋ topčyzy?* 'каких слов это пуговица?' [т.е. «в чем смысл (изюминка) сказанных слов?»]. Все три алтайских синонима широко задействованы в эпических контекстах МК Алт.ГЭ.

В хакасском концепт представлен двумя относительными синонимами – апеллятивами *marxa* 'пуговица', *tana* 'крупная перламутровая пуговица', из них последний представлен в хакасском эпосе в составе сложных ж.ЛИ *Altyn-Tana, Čaryx-Tana*. Оба синонима встречаются в хакасских эпических контекстах.

Совокупность антропонимических данных, фольклорных контекстов и этнографических сведений позволяет включить в картину мира пратюркского этноса все четыре вида домашнего скота, которые нашли отражение в пратюркской АС. Это конь (ЛИ и комп. ЛИ **jylqy* 'лошадь'), верблюд (ЛИ и комп. ЛИ **buγra* 'верблюд-производитель'), бык (**buqa ~ buγa*) и баран (*qočqar* 'баран-производитель', *qoj* 'овца'): именно эти животные составляли главный достаток кочевника-скотовода.

Территориально-языковое распределение соответствующих личных имен и отражение образов соответствующих животных в мифологических представлениях и фольклорных контекстах таковы.

jylqy как ЛИ представлено в туркменском, карачаево-балкарском, татарском, башкирском, киргизском, якутском. Культ коня отражен в мифологических представлениях, ритуальной практике и фольклорной образной системе: якутский фольклор и чувашские поверья, алтайские и хакасские героические сказания, киргизский «Манас», туркменские заговоры, легенды о конях и конные игры культового назначения у узбеков Южного Таджикистана, черты скотоводческой обрядности у узбеков-кыпчаков и казахов. Необходимо отметить также важную роль коня в стадии возмужания переходной обрядности тюрков (вручение юноше, юному богатырю собственного коня), что нашло отражение в тувинским и хакасском эпосе.

buγra как ЛИ исторически представлено в караханидско-уйгурском, средневеково-кыпчакском, ист. туркменском; из современных языков – в туркменском, кумыкском, казахском, каракалпакском, башкирском, киргизском фольк., алтайском миф., якутском фольк. Образ верблюда можно встретить в киргизском «Манасе», алтайском эпосе, якутском фольклоре (ср. гипотезу о южной локализации прародины якутов).

buqa ~ *buγa* как ЛИ исторически представлено в енисейской рунике, древнетюркском, средневеково-кыпчакском, чагатайском, ист. туркменском, у сибирских татар; из современных языков – в турецком, туркменском, гагаузском, казахском, татарском, башкирском, узбекском, киргизском, алтайском, хакасском, шорском, тувинском. Образ быка отражен в якутских олонхо и мифах, алтайском и хакасском эпосе, киргизском «Манасе», башкирской традиционной этиологии.

qočqar 'баран-производитель' как ЛИ зафиксировано в туркменском, карачаево-балкарском, казахском, татарском, башкирском, узбекском, киргизском, тувинском; *qoj* 'овца' – в карачаево-балкарском, ногайском, татарском, киргизском. Этнографические наблюдения над культом барана и соответствующей ритуальной практикой проводились у узбеков-кыпчаков, а также узбеков Южного Таджикистана.

Социальная значимость четырех видов домашнего скота для кочевников-скотоводов, с одной стороны, широкая распространенность ЛИ с названиями каждого из этих животных вместе с учетом соответствующих фольклорных контекстов и этнографических сведений – с другой, позволяют включить эти четыре вида скота в картину мира пратюркского этноса.

Из других домашних животных в картину мира следует включить собаку, которой присуща полифункциональность – ее хозяйственно-охранительное назначение переплетается с особой ролью в ранней стадии (т.е. во младенчестве) переходной обрядности тюрков («собака как покровитель новорожденных»), при наречении ребенка именем. Подобное включение поддерживается достаточно широкой укорененностью ЛИ *it* ~ *yt* 'собака' в

пратюркской АС. Исторически такое имя отмечено в средневековоуйгурском; из современных языков – в туркменском, каракалпакском, казахском фольк., татарском диалекте (Перм.), башкирском, киргизском, алтайском, якутском. В тюркской ритуальной практике собака занимала видное место: «...собака играла центральную роль в магических обрядах <ранней стадии переходной обрядности> башкир, туркмен, чувашей, казанских татар, якутов» (ДВ Башк. 93). У узбеков-кыпчаков шаманское лечение завершалось «переселением злых духов» в собак; образ собаки задействован в свадебных обрядах, а у кыпчаков Ферганы есть игра «ит тортув». Образ собаки неотъемлемой частью входит в систему художественных средств алтайского эпоса.

Показания пратюркской АС, в совокупности с этнографическими сведениями, позволяют существенно пополнить тот фрагмент картины мира пратюркского этноса, который связан с представлением кровнородственных отношений древнего этноса. Спецификацию родственных отношений обеспечивали не только возрастные оппозиции «старший брат – младший брат», «старшая сестра – младшая сестра» (см. об этом выше).

Как оказалось, к этому были подключены два антропонимизированных апеллятива *jegän ~ jigän* 'племянник по женской линии' и *kenǯä* 'младший из сыновей'. Тот факт, что первый из названных апеллятивов проник в пратюркскую АС, может свидетельствовать о важности для тюрков того социального института, который Н.Б.Бурганова в свое время назвала «системой джиенной организации татар». с одной стороны, об уровне традиционно-патриархального самосознания, о такой национальной черте, как обостренное чувство родства, – с другой.

Пратюркская АС сохранила в своем составе специальный термин – *kenǯä* – для обозначения младшего сына в семье. Этим подчеркивается важность древнего обычая минората, с которым этнографы связывают *kenǯä*.

Территориально-языковое распространение двух этих имен неравномерно.

ЛИ с комп. ЛИ *jegän* исторически представлено в орхонских надписях и вообще в древнетюркском, в караханидско-уйгурском, а также в венгерских источниках XIV–XVII вв. Из современных языков – в азербайджанском, туркменском, каракалпакском, казахском, башкирском, узбекском, киргизском, хакасском.

ЛИ с комп. ЛИ *kenč ~ kenǯä* исторически представлено в средневековоуйгурском; из современных языков – в турецком, гагаузском, туркменском, ногайском, каракалпакском, казахском, татарском, башкирском, узбекском, уйгурском, киргизском; в чувашском это заимствование из татарского.

Обзор типологических схождений и типологических подобий в тюркской АС и в подборках личных имен разносистемных языков Сибири дает возможность системно наметить общие черты семантической структуры этих АС. Ниже кратко суммируем эти общие черты, контрастивно исполь-

зуя при этом результаты проведенного нами рассмотрения семантических структур древнетюркских и древнегерманских сложносоставных ЛИ (СИГТЯ 1997, 702–723).

В пратюркской АС и региональных АС Сибири более подробно, чем в древнегерманской АС, представлены названия небесных тел – 'Солнце', 'Луна', 'звезда', а также названия конкретных звезд в языках Сибири. Из монгольских языков ЛИ с компонентами-названиями звезд зафиксированы в калмыцком. Точно так же более детализированно представлены там и здесь ландшафтные апеллятивы ('гора', 'скала', 'камень').

С учетом синонимичных ЛИ можно говорить о несопоставимо большем, по сравнению с древнегерманской АС, круге тех ЛИ тюркской АС и региональных АС Сибири, в которых используется ботаническая, орнитологическая, зоологическая лексика.

Некоторые из названий птиц в тюркской АС обнаруживают типологические совпадения с аналогичными названиями в региональных АС Сибири. Это родовое название 'птица', а также 'орел', 'лебедь', 'утка', 'ласточка', 'ворон' – их участие в образовании ЛИ поддерживается у соответствующих народов мифами об особой роли этих птиц в сотворении мира, о добывании ими огня для людей, а также фольклорными контекстами. Многие же ЛИ не совпадают по своим концептам в тюркской АС и в региональных АС Сибири, см., к примеру, разные наборы названий птиц: тюрк. ловчие птицы 'сокол', 'белый сокол', 'ястреб'; но кет. 'гагара', 'зимняя птица', 'летняя птица'; чукот. 'ворона' (СЛИ РСФСР 351).

Тюркские орнитологические ЛИ имеют лексико-семантические связи с соответствующими фольклорными контекстами, чем, по-видимому, и подпитывается жизнеспособность этих имен. В древнегерманской АС представлены имена с компонентами 'орел', 'ворон', 'лебедь'. Личные имена с такими компонентами во всех обследованных антропонимиях могут рассматриваться как своего рода типологическая универсалия.

Личные имена с компонентами-зоонимами 'медведь', 'волк', 'лев' также могут быть признаны евразийскими типологическими универсалиями, невзирая на неодинаковое распространение каждого из этих ЛИ в обследованных АС. Кочевники и скотоводы, с одной стороны, охотники и оленеводы – с другой, включили в свои АС в изобилии разные названия своих излюбленных животных.

В антропоцентрической сфере общей характерной чертой тюркской АС и региональных АС Сибири является отражение в них примет возрастного символизма переходной обрядности стадии младенчества: для того чтобы отпугнуть от ребенка злых духов, его нарекали «плохим» именем ('вонючий', 'слюнявый', 'сопливый' 'противный', 'грязнуля', 'плохой'), т.е. в АС на регулярных началах внедрялась негативная семантика. См. также тюркские прозвищные ЛИ с отрицательной семантикой 'худой (истощенный)', 'паршивый', 'шелудивый', 'плешивый'. В возрастном символизме переходной обрядности младенчества важную роль играет собака; соответственно в

тюркской АС и региональных АС Сибири имеются имена с концептом 'собака'.

Говоря о типологически общих чертах пратюркской АС и региональных АС Сибири, следует подчеркнуть, что опираются они на особую конкретность и детальность, известную «заземленность» семантических структур обследованных АС[229]. Неудивительно поэтому, что по большей части именно этими типологически общими чертами тюркская АС и региональные АС Сибири противопоставляются древнегерманской антропонимии.

Выявление типологически общих моментов в семантической структуре антропонимий урало-алтайских языков и разносистемных языков Сибирского региона открывает новые, вполне конкретные возможности для системной реконструкции мифологической картины мира коренного населения региона.

Для наших же целей не менее важно подчеркнуть специфичность пратюркской АС, ее семантической структуры. В числе уникальных черт назовем, прежде всего, мифолого-ассоциативный блок непогоды в пратюркской АС. В региональных АС Сибири встречаются ЛИ со значениями зимних непогод ('мороз', 'падающий снег', 'пурга', 'ветер'; в древнегерманской АС – только 'снег' и 'лед'). Ни в одном из языков Сибири, однако, ЛИ со значениями непогоды не составляют цельного блока с наличием едва ли не регулярных производных, образованных посредством аффикса деятеля *-čy*. Это специфическая черта пратюркской АС.

Другой характерной чертой пратюркской АС является достаточно репрезентативное отражение в ней металлов, по крайней мере трех – 'железо', 'золото', 'серебро'. Эта группа апеллятивов не представлена в региональных АС Сибири; концепт 'золото' зафиксирован из монгольских языков в калм. ЛИ (СЛИ РСФСР 232), из уральских – в финск. ЛИ, а также в древнегерманских ЛИ.

Весьма специфичны те тюркские ЛИ, в которых нашел отражение возрастной символизм стадий (младенчество – молодость) переходной обрядности тюрков. По свидетельству тюркских эпических контекстов, в обычаях тюрков, связанных со стадией возмужалости переходной обрядности, особую роль играет, с одной стороны, конь (его получает юноша, юный богатырь), с другой – пуговица (юноша получает одежду с пуговицами – у ворота и под мышкой). Соответственно зафиксированы тюрк. ЛИ с концептами 'конь', 'пуговица'. Интересно, что различия между тюркской АС и, например, кетской или эскимосской АС по части отражения в них обрядов возмужания опираются на различия в общественно-хозяйственных укладах соответствующих народов. Владение конем социально важно для тюрка-скотовода, с этим связан концепт 'конь' в тюркских именах. В жизни кетов и эскимосов большое значение имеет рыболовство; поэтому и орудие лова –

[229] Так, например, флора в тюркской АС и региональных АС Сибири представлена весьма богато и детально: деревья и кустарники; трава, осока и мох; цветы и разные плоды (яблоко; виноград на юге, морошка на Севере; смородина, красная смородина и черемуха; шишка и др.).

'лодка', 'байдара' – нашло свое отражение в их личных именах: кет. м.ЛИ *Асьлян* ('лодка'), эским. м.ЛИ *Аңйалык* ('имеющий байдару') (СЛИ РСФСР 342, 360).

Тюркскую АС отличает от других АС отражение в ней некогда важных реалий социально-экономической жизни тюркских народов: во-первых, обычая минората и соответственно комп. ЛИ – термин *kenžä* 'младший сын в семье'; во-вторых, реликтов экзогамного брака у тюркских народов и соответственно комп. ЛИ *jegän* ~ *jigän* 'племянник по женской линии' (точнее: 'племянник от сестры, вышедшей замуж в другой род').

Изучение подобных имен в соотнесении с мифологическими, фольклорными контекстами позволяет восстановить определенные фрагменты мифологической картины мира пратюркского этноса, питающей систему архаических ценностных ориентаций, которые в конечном счете проецируются и на поведение современных представителей этого этноса.

III

ХРОНОЛОГИЯ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ КОНТАКТЫ РАННИХ ТЮРКОВ

Тюркская языковая семья представляет собой благодарный материал для применения различных методик классификации и хронологизации языков. Во-первых, она достаточно велика (можно оперировать как отдельными идиомами, по крайней мере, 35 современными языками и диалектами и не меньше чем шестью хорошо записанными древними и средневековыми языками). Во-вторых, она относительно молода, и история тюркских народов по большей части хорошо задокументирована; таким образом, генетические классификации тюркских языков могут быть проинтерпретированы в терминах реальной истории. Основная трудность при классификации и хронологизации тюркских языков состоит в многочисленных контактах между языками в высокой степени сходными и часто сохраняющими взаимопонимание.

В связи с этим тюркологами предлагалось несколько классификаций тюркских языков. Самыми популярными из них, к настоящему времени, являются классификация Н.А.Баскакова (см. табл. 24, с. 767), которая направлена прежде всего на интерпретацию исторических источников, что не всегда хорошо соответствует собственно лингвистическим данным, и классификация, основанная на предложениях А.Н.Самойловича (см. табл. 25, с. 768), сейчас уже претерпевшая определенные изменения, которая опирается на фонетические и морфологические признаки; правда, мы не можем быть уверены в том, что эти выделяемые на поверхностном уровне признаки являются действительно наиболее релевантными для генетической классификации, но, несомненно, эта классификация соответствует определенной лингвистической реальности, отражая по крайней мере одну из географических группировок тюркских языков в течение их истории. Практически этой последней (с небольшими модификациями) классификацией мы и пользовались в предыдущем томе нашего издания, «Региональные реконструкции». Ниже предлагается опыт построения абсолютной хронологии распада тюркской семьи языков, основанной на лексико-статистических данных. Такие попытки предпринимались прежде, но до сих пор не проводилось обследования стословников по абсолютному большинству языков[230].

[230] Последняя по времени известная нам работа – *Дьячок М.Т.* Глоттохронология тюркских языков (предварительный анализ) // Наука. Университет. 2001. Материалы Второй научной конференции. Новосибирск, 2001. С. 14–16. В кратком сообщении автор не приводит самих стословных списков, собранных им для турецкого, узбекского, татарского, чувашского, саларского, тувинского, якутского, хакасского, казахского, киргизского, туркменского, азербайджанского, поэтому нам довольно трудно судить о методике сопоставления. Отметим выводы, сходные с нашими: раннее выделение булгарской, якутской и тувино-тофаларской ветвей; отсутствие специфической генетической близости якутского и тувино-тофаларской группы; принадлежность других сибирских языков в целом к «западной» группе. Остальные выводы автора имеют довольно смутный статус.

Таблица 24

Классификация тюркских языков по Н.А.Баскакову

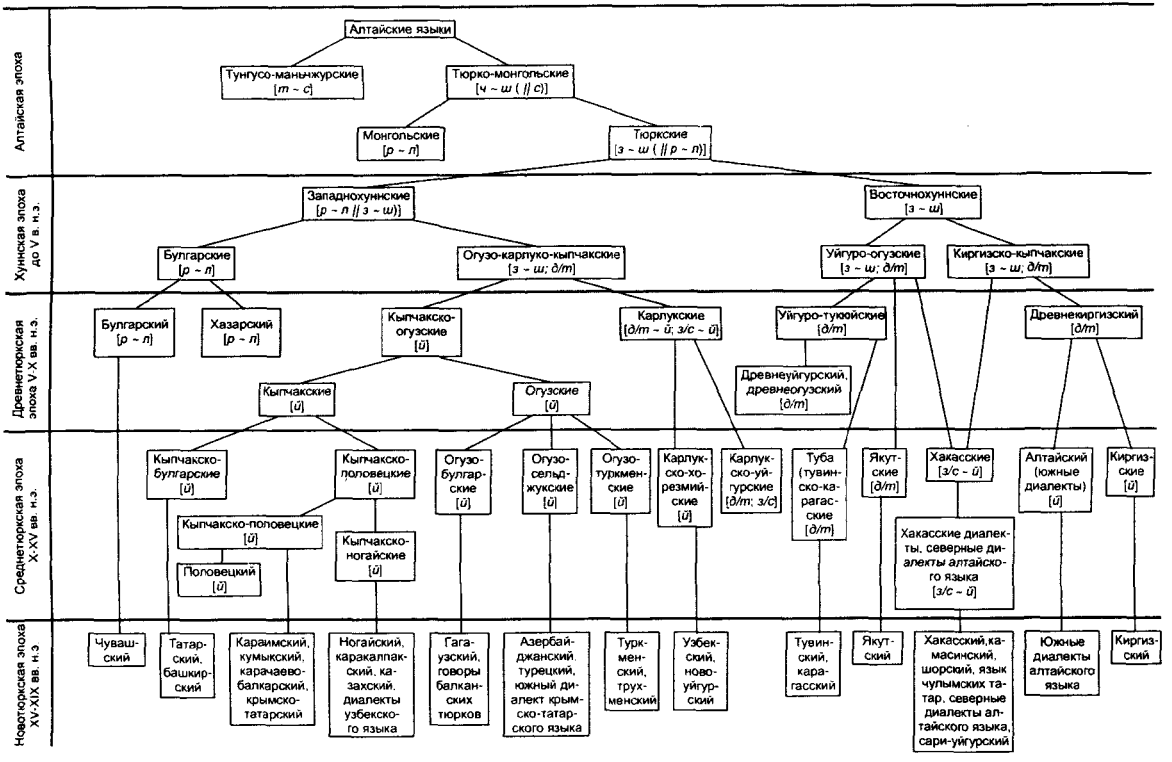

Таблица 25

Классификация тюркских языков по А.Н.Самойловичу

Тюркские													
Булгарские	Общетюркские												
	Северо-западная группа (кыпчакская)			Юго-западная группа (огузская)		Юго-восточная группа (карлукская)		Северо-восточная группа					
	домонгольско-кыпчакские	волжско-кыпчакские	ногайские (канглыйские)	западно-огузские	восточноогузские			Горноалтайские		Кыргызские	Саянские (топаские)	Якутские
								Южные диалекты	Северные диалекты			
Чувашский	Караимский, кумыкский, балкарский	Татарский, башкирский	Ногайский, казахский, каракалпакский, (киргизский)	Турецкий, гагаузский	Азербайджанский, туркменский, саларский	Узбекский	Новоуйгурский	Ойротский, телеутский, теленгитский, (киргизский)	Туба, лебединский, кумандинский	Хакасский, шорский, сарыг-югурский	Тувинский, тофаларский	Якутский, долганский

В наших списках представлены релевантным образом все языки, для которых к настоящему моменту реально собрать стословники по письменным источникам. Стословники собирались по уточненному списку значений Яхонтова–Старостина и обрабатывались по уточненной методике Старостина, с обнулением опознаваемых заимствований[231], в программе Starling.

Обследовались два набора стословников. В первом наборе предполагалось, что списки могут содержать для каждого языка неограниченное количество синонимов (или квазисинонимов – слов, могущих быть переводами одного и того же английского слова). Такая посылка позволяет, во-первых, избежать проблемы семантического совпадения-несовпадения разных переводов Сводешевских значений в одном и том же языке; во-вторых, позволяет обойти скользкие моменты выбора «наиболее употребительного» слова (поскольку употребительность может сильно различаться по жанрам текстов). Следует отметить, что такой метод, несмотря на явные преимущества, очевидным образом включает в подсчеты многочисленные «шумы». Полученное в результате древо содержит явные случаи вторичного сближения языков вследствие географических контактов (с. 770). Во втором наборе списков сохранены только такие «синонимы», различия которых в значении не могут быть прямо выражены английскими эквивалентами. Это, например, такие случаи, как «тонкий» (о плоских предметах) и «тонкий» (об объемных предметах), или по нескольку вхождений для «тот» и «этот» в случае, если представлена трех- или четырехуровневая система пространственного дейксиса. Результирующее генеалогическое древо (с. 771) содержит больше корреляций с изначально принятой у нас классификацией. Полученные расхождения нуждаются в анализе и объяснении[232].

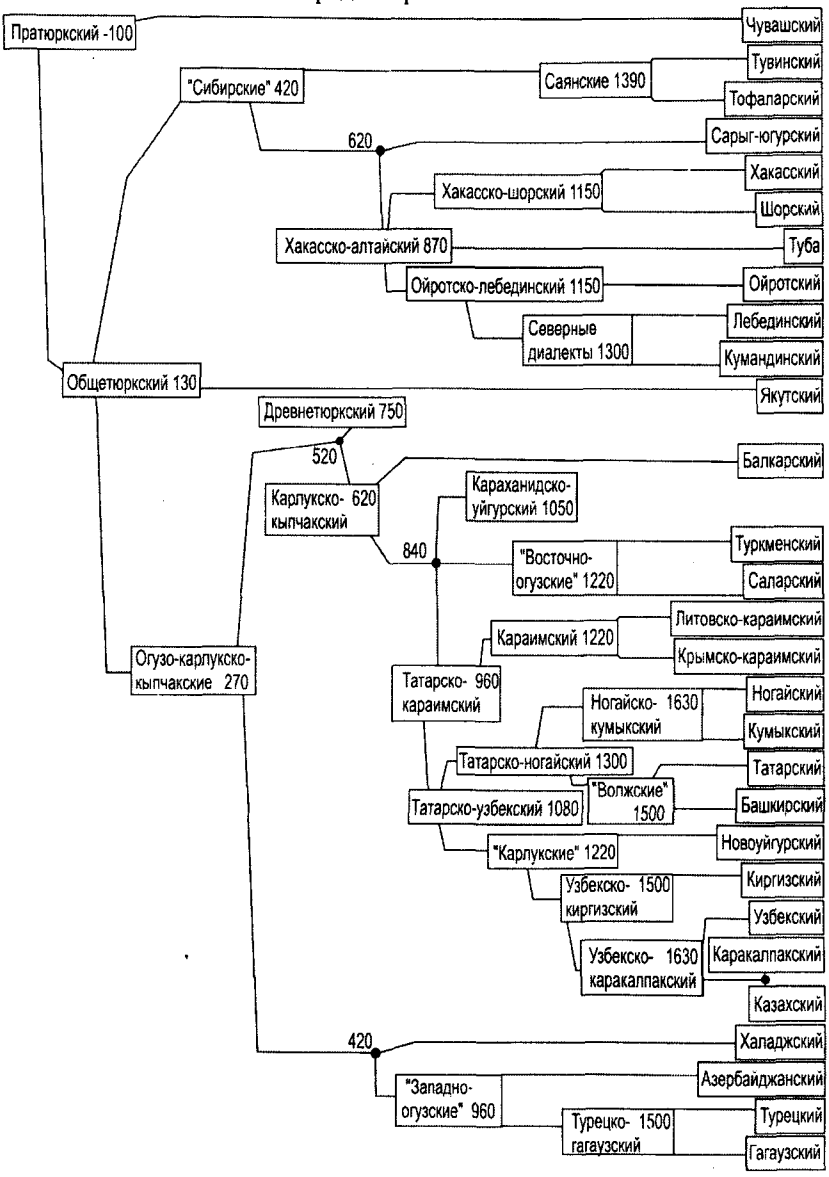
Еще один момент, который необходимо обсудить в связи с методом классификации языков по «общим инновациям», состоит в следующем. Ставя задачи в рамках сравнительно-исторического языкознания, лингвист вынужден исходить из «древесной» модели изменения языковых явлений: другие модели, вроде «волновой», исключены самой сущностью компаративистской процедуры. Однако в ситуации относительно недавнего разделения языковых идиомов, при сохранении взаимопонимания между носителями этих идиомов, довольно часто приходится сталкиваться с явлениями типа «волновых», когда какая-то инновация распространяется через границы идиомов. Интерпретация таких явлений в рамках сравнительно-исторического языкознания, очевидно, должна быть устроена следующим образом. Если в момент вхождения диалекта в некоторую группировку (обеспеченную общими политическими, экономическими или географическими границами) в нем возникает определенная инновация, общая для этой группировки, то при исследовании рефлексов этой инновации для нас исходным узлом генеалогического древа будет именно эта группировка; предположим,

---

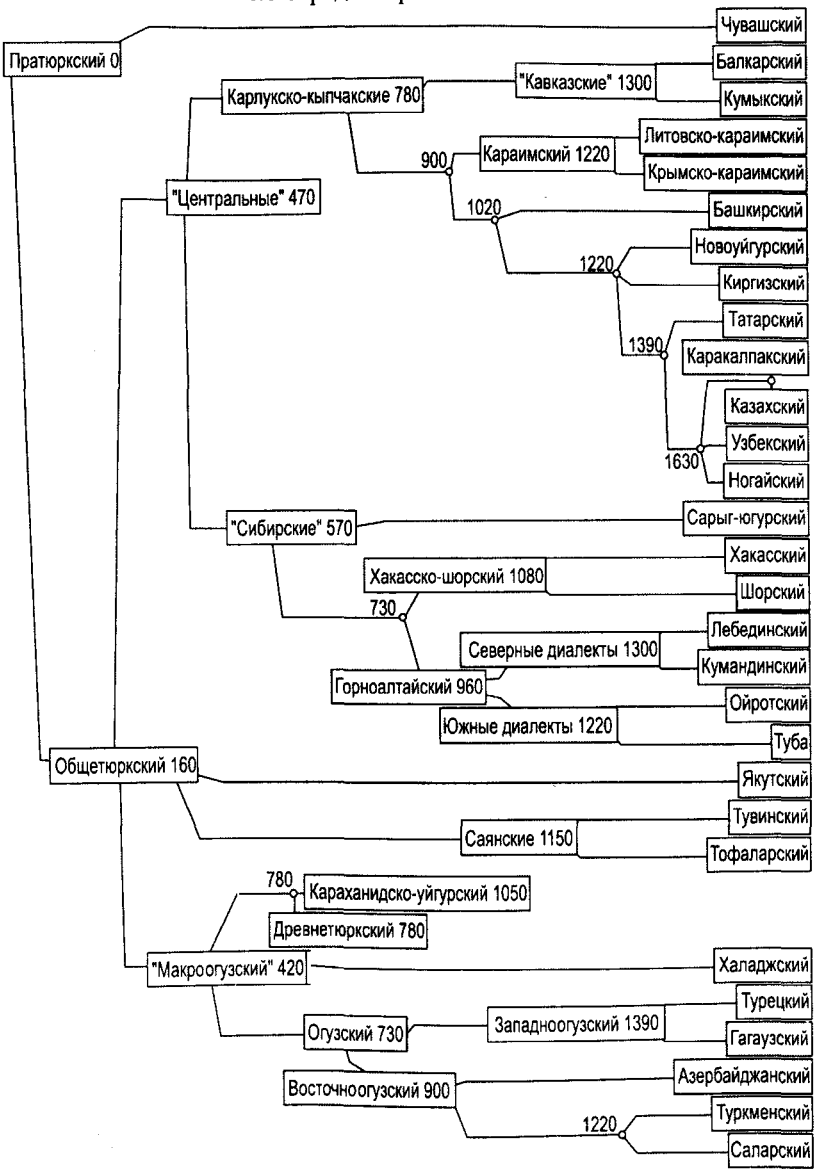
[231] О методике глоттохронологических подсчетов см. подробно *Бурлак С.А., Старостин С.А.* Введение в лингвистическую компаративистику. М., 2002. С. 82–85.

[232] Среди узлов древа имеются объединения, не соответствующие никаким ныне принятым группировкам языков; условные наименования таких объединений даются в кавычках.

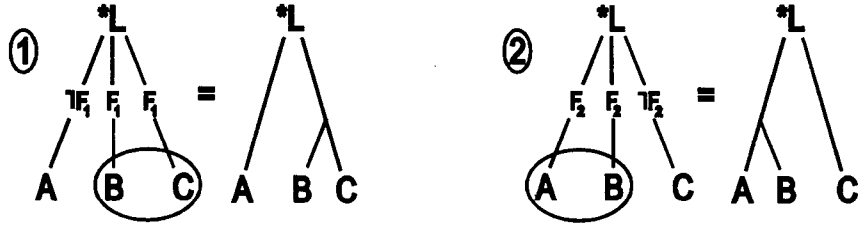
Глоттохронологическое древо тюркских языков по неотредактированным спискам

Глоттохронологическое древо тюркских языков по отредактированным спискам

однако, что в части диалектов этой группировки имеются следы архаического явления, общие с чертами диалектов другой группировки. В этом случае мы получаем другое, причем более старое древо с другими узлами, соответствующими другим, более старым группировкам диалектов. Таким образом, лингвогеографический подход в данной форме должен позволять получить относительную хронологию перегруппировок диалектов (или близкородственных языков).

Задачей компаративиста в этом случае является установление относительной хронологии различных генеалогических деревьев. Это, как и в других случаях, достигается установлением порядка действия правил перехода от реконструированного состояния к рефлексным состояниям. А именно, в тех случаях, когда рефлексное состояние может быть представлено как результат действия правила F_1 на результат действия правила F_2, порядок действия правил определяется как F_2, F_1. Тогда, если действие этих правил образует узлы на генеалогическом древе, генеалогическое древо, полученное F_2, должно считаться более архаичным и генетически первичным, а генеалогическое древо, полученное F_1, – вторичным. При этом, несомненно, оба полученных древа отражают определенную лингвистическую реальность. Подчеркнем также, что все узлы любого генеалогического древа отмечают не момент возникновения или период существования предполагаемой языковой единицы, но момент расхождения двух единиц-потомков. В дальнейшем мы будем называть изоглоссами правила, которые могут приводить к образованию узлов на генеалогических древах; те изоглоссы, которые релевантны для упорядочивания деревьев, мы будем называть связанными.

ПРАТЮРКСКАЯ ЭПОХА

Первый узел обоих наших генеалогических деревьев – это отделение чувашского от других языков, обычно определяемое как отделение булгарской группы. Это разделение с точки зрения процессов изменения языка выражено в фонетике следующими наиболее яркими изоглоссами: 1) озвончение пратюрк. **t-* > общетюрк. **d-* перед звонкими смычными, **r* и **r'* (следы такого озвончения обнаруживаются в огузских и саянских языках, но отсутствуют в дунайско-булгарских заимствованиях в венгерский); 2) развитие пратюрк. **l'*, **lč*, **r´* в булг. **l*, **č*, **r* в соответствии с общетюрк. **š*, **š*, **z;* 3) развитие в булг. **-δ-> j* в основах, содержащих *r,* и **-δ-> -r-* в других

контекстах (хронологически это правило, видимо, можно считать последним из трех, поскольку оно могло действовать после совпадения в булг. **r* и **r´*, ср. чув. *хujър* 'кора' < пратюрк. **Kar´-δyr*). В морфологии это следующие (не упорядоченные относительно друг друга) процессы: а) общетюркский и булгарский воспользовались двумя различными путями грамматикализации показателей множественного числа: булгарский использовал старое постпозитивное местоимение **sayin* 'все', общетюркский – один из старых суффиксов собирательных имен, **-lar* (отметим, что в обеих ветвях можно обнаружить следы старого показателя (парной?) множественности **-r*); б) в парадигме именного склонения общетюркский заменил старый аффикс генитива *-(i)ŋ* (с распределением после гласного и согласного конца основы) на аффикс *-(n)iŋ*, извлеченный из переинтерпретированных местоименных форм; булгарский, напротив, сначала сохранял *-(i)ŋ*, а позже развил *-(n)iŋ* для посессивно-именной парадигмы и существительных, основа которых содержит те же гласные, что и личные местоимения; в) общетюркский потерял причастие ожидаемого будущего на *-s*, сохранив это образование только для отрицательных форм неопределенного будущего; булгарский, напротив, сохранил это причастие. На обоих древах соответствующий узел датируется около -30–0 гг. до н.э. Мы связывали бы эту дату с миграцией части хунну из Западной Монголии на запад, через северный Синьцзян в Южный Казахстан, на Сыр-Дарью в 56 г. до н.э.

В связи с такой датировкой распада пратюркского языка встает проблема датировки иноязычных заимствований в пратюркский (т.е. таких, закономерные рефлексы которых мы находим и в булгарской группе, и в общетюркском). В качестве свидетельства контактов пратюркского с соседними языками можно привести ряд китайских заимствований в пратюркский до отделения булгарского и, возможно, несколько слов, которые могут интерпретироваться как заимствования из какого-то восточноиранского языка, по фонетическим развитиям напоминающего сакский.

Китайские заимствования в пратюркский

Обзор предполагаемых ранних китаизмов в тюркских языках можно найти в Шервашидзе 1989. Здесь мы рассматриваем только наиболее несомненные из них, причем заимствованные в пратюркский (т.е. наличествующие и в общетюркской, и в булгарской ветвях). Китайские параллели приводятся по базе китайских иероглифов, составленной С.А.Старостиным (проект «Tower of Babel», www. starling.rinet.ru).

Для датировки китаизмов в пратюркском мы воспользовались уточненной периодизацией китайского языка в Старостин 1989. По нашим датировкам распада пратюркского следовало бы ожидать заимствований из языка Западного Хань (III в. до н.э. – рубеж эры) или Восточного Хань (рубеж эры – начало III в.н.э.). Учитываются следующие фонетические развития. Восточное Хань уже дает возможность предполагать переход латералов во фрикативные перед краткими гласными (Старостин 1989, 468–469) и даже *l* > *d* в

инициали (Старостин 1989, 469). Окончательно переход *L* > *D* установлен для раннего постклассического древнекитайского (с III в.н.э.), и тогда же окончательно *r, rh* > *l, lh* (Старостин 1989, 476). Переход *pr-* > *p-* также окончательно проходит в раннем постклассическом древнекитайском. Сочетания типа *Tr-* дали ретрофлексные еще в Западном Хань. Терминаль *-r* уже в классическом древнекитайском дала *-n* (Старостин 1989, 711). *Lh* > *z'h* перед кратким в Восточном Хань (Старостин 1989, 468), *T* > *c'* перед кратким в Восточном Хань.

1. **alačи-k* 'хижина, шалаш, маленькая юрта': др.-уйг. *alačи*, крх.-тюрк. *alačи* (МК); кум. *alačyq*, башк. *alasəq*, ккалп. *ylašyq*, каз. *lašyq*, кирг. *alačyq*, алт. *alančyq*, хак. *alačyx*, шор. *alančyq*, тув., тоф. *alažy*, як. *alaha*; (?) чув. *las*[233]. См. СИГТЯ 1997, 497–498. Сопоставляют с поздн. др.-кит. *la-ƛia?* 'деревенский домик', состоящим из двух слов: а) 廬 совр. кит. lü 2, ср.-кит. lö, др.-кит. *r(h)a* 'hut, shelter; to lodge' Karlgren 0069; б) 舍 совр. кит. *she* 3, ср.-кит. *śæ*, др.-кит. **ƛia?-s* 'to rest, stop; lodging house' Karlgren 0048 a-b. Датировка: *r-* > *l-* в раннем постклассическом древнекитайском, при сохранении негубной финали, т.е. обязательно до позднего постклассического древнекитайского; латерал > фрикативный перед кратким гласным – начиная с Восточного Хань; общая дата – начало III в. н.э.

2. (?)**ąltun*, чув. *yltan* 'золото', см. СИГТЯ 1997, 402. Возможно, сложение **a:l* 'алый, красный' и **tun*, где вторая часть – предположительно китаизм: 銅 совр. кит. *tong* 2, ср.-кит. *duŋ*, др.-кит. *Łōŋ* 'медь, латунь, бронза' [Хань] Karlgren 1176 d. Датировка: L > D, начиная с Восточного Хань, т.е. начиная с рубежа эры.

3. **gümül'* 'серебро': рунич. *kümüš*, крх.-уйг. *kümüš*, IbnM *gümüš*. В современных языках это слово сохранилось повсеместно; в северо-восточной группе – хак. *kümüs*, тув. *xümüš*, як. *kümüs*, чув. *kəʷməʷl*, СИГТЯ 1997, 404–405. Предположительно из др.-кит. **kəmliĕw*: 1) 金 совр. кит. *jin* 1, ср.-кит. *kim*, др.-кит. *kəm* 'metal' Karlgren 0652 a-c; 2) 鐮 совр. кит. *liao* 2, ср.-кит. *liew*, др.-кит. *r(h)ĕw* 'bright silver' [Хань]. Датировка: *r, rh* >*l, lh* начиная с раннего постклассического древнекитайского, т.е. с начала III в., не позже ср.-кит.

4. **dęmür* 'железо': рунич., др.-уйг. *temür (temir)*, МК *temür*, тув. *demir*, як. *timir*, чув. *timər*. СИГТЯ 1997, 409–410. Из поздн. др.-кит. **diĕt-mwyt (=mwut)* 'железная вещь', диал. поздн. др.-кит. источник должен был звучать *diĕr-mwur*, ср.: 1) 鐵 совр. кит. tie 3, ср.-кит. *thiet*, др.-кит. *ƛhīt* 'железо'; 2) 物 совр. кит. *wu* 4, ср.-кит. *müt*, др.-кит. *mhət* 'variety; variety of objects, objects, things' Karlgren 0503 h-i. Датировка: *l* > *d* в инициали начиная с Восточного Хань, т.е. с рубежа эры; отражение терминали *-t* как *-r* – диалектное явление, плохо датированное «снизу», до VII в. н.э.

5. **bek* 'титул' начиная с рунич. Орх. (КТб 3, 6; Тон 40), др.-уйг. (ThS II 5) *beg*, як. *bi:*. Чув *pik-* компонент имен собственных, *pike* 'барышня' СИГТЯ 1997, 320. К постклассическому древнекитайскому *pĕk* Старостин 1989,

[233] Возможно, в чув. кыпч. заимствование – не вполне ясен вокализм.

688: 伯 совр. bo 2, ср.-кит. *pậik*, др.-кит. *prāk* 'быть старшим, старейшиной рода' Karlgren 0782i. Датировка: Западное Хань и Восточное Хань сохраняют инициаль *pra-*, таким образом, III век н.э.

6. **čerig* 'войско', булгар. *sarak*, чув. *s´ară*, як. *serii*. Связывают с ср.-кит. *ćèn*: 戰 совр. кит. *zhan* 4, ср.-кит. *c´èn*, др.-кит. *tar-s* 'драться, сражаться; дрожать, бояться' Karlgren 0147 r. Датировка: по развитию инициали в аффрикату Восточное Хань, т.е. рубеж эры – III в.н.э. Но конечный *r* > *n* в классическом древнекитайском (V в. до н.э. – III в.н.э.)[234]. Эволюция корня в Старостин 1989: доклассический древнекитайский *tarh* > классический древнекитайский *tanh* > Западное Хань *tanh* > Восточное Хань *tjanh, čanh*, постклассический древнекитайский *čèn*. Неясно.

7. **bitig* 'письмо', чув *pətü*, см. Федотов I 429. Обычно возводят к ср.-кит. *pit*: 筆 совр. кит. *bi* 3, ср.-кит. *pit*, др.-кит. *prət* 'кисть для письма, инструмент для письма' [позднее Чжоу], Karlgren 0502d. Датировка: переход *pr-* > *p-* окончательно проходит в раннем постклассическом древнекитайском, т.е. к началу III в., верхняя граница – среднекитайский (отпадение смычных терминалей, до VII в.)

8. Др.-уйг. *küin* 'свиток', дун.-булг. **küinig* > др.-болг. *книга*, венг. *könyv*. См., например, Фасмер II 262–263. К кит. 卷 , совр. *juan*, ср.-кит. *kwen*, др.-кит. *k^{w}ren?-s* 'reel, coil, volume' Karlgren 0226a. Датировка: аналогично предыдущему (по переходу *kr-* > *k-*), ранний постклассический древнекитайский, начало III в.

9. **bengü* 'вечный', с рун. *bengü*, МК *mengü*, в совр. языках повсеместно, включая як. и тув., из др.-уйг. заимств. п.-монг. *mönge*. Як. и тув. формы могут быть монголизмами. См. ЭСТЯ 1978, 113–114. Из кит. *man+ko:* а) 萬 совр. кит. *wan* 4, ср.-кит. *mwèn*, др.-кит. *mans (~rs)* 'be ten-thousand, myriad' Karlgren 0267 a-b; б) 古 совр. кит. *gu* 3, ср.-кит. *ko*, др.-кит. *kā?* 'быть старым, древним' Karlgren 0049 a-e. Датировка: переход *kā?* > *kō* тоже постклассический древнекитайский (Старостин1986, 687), начало III в.

10. **čyn*, с МК, тув. *šyn*, чув. *čăn* 'правда', см. Федотов II 402. К кит. 貞совр. *zhen* 1, ср.-кит. *ʈeŋ*, др.-кит. *treŋ* 'to test, try out, correct', 'chaste, pure'. Karlgren 0834. Датировка: если предположить, что ретрофлексный зубной в инициали мог адаптироваться при заимствовании как аффриката, то, возможно, Западное Хань, т.е. III в. до н.э. – рубеж эры.

11. **deng* 'равный' с рунич., тув. *teng*, чув. *tan*, см. Федотов II 170–171. К кит. 等, совр. *deng* 3, ср.-кит. *tʌŋ*, др.-кит. *təŋ?* 'rank, degree, grade, class' [позднее Чжоу] Karlgren 0961. Датировка по китайской фонетике не ограничена.

12. **dōn* 'одежда', с др.-уйг., тоф. *don*, тув. *ton*, чув. *tum*, см. ЭСТЯ 1980, 262–263. К кит. совр. *duan* 1, ср.-кит. *twan*, др.-кит. *tōr* 'black straight robe'. Датировка: форма типа др.-кит. *tōn*, т.е. с переходом терминали *-r* > *-n*, но до

[234] Соответственно, в высшей степени сомнительными следует считать все гипотетические ранние китаизмы в пратюркском с заменой *n* на *r*.

дифтонгизации медиали – позже ранне-древнекитайского (XI в. до н.э.) и не позже среднекитайского (VII в.).

13. **kög* 'мотив', с др.-уйг., тув. *xög*, тоф. *xög*, як. *küj*, чув. *kəvə*, см. СИГТЯ 1997, 614. К кит. 曲 совр. *qu* 1, ср.-кит. *khöuk*, др.-кит. *khok* 'be curved, bent', с Хань фиксируется значение 'музыкальное произведение, мелодия'; Karlgren 1213a. Датировка: верхняя граница, по-видимому, постклассическое древнекитайское *khok* Старостин 686 (т.е. до III в. включительно).

14. **syr* 'цвет, краска, лак' с МК, чув. *sără*, см. ЭСТЯ 2003. Принято возводить к кит. 漆 совр. *qi* 1, ср.-кит. *chjït*, др.-кит. *shit* 'lacquer tree, lacquer (Rhus vernicuflua)' Karlgren 0401 b. Фонетически такое происхождение кажется маловероятным, разве что в результате адаптации др.-кит. *sh-* > тюрк. *s-*, и тогда датировка имеет верхнюю границу: до постклассического древнекитайского, т.е. до III в. н.э. (при этом из гипотетического диалекта, где *-t* > *-r*, ср. выше). Другая возможность – заимствование из кит. 刷 совр. *shua* 1, ср.-кит. *ṣwet*, др.-кит. *srot* 'to rub, scrape [позднее Чжоу]' с последующим развитием 'to smear, paint > print' Karlgren 0298 a. Тогда датировка определяется снизу падением *-r-*: Западное Хань, III в. до н.э., но до ср.-кит. включительно (VII–X вв.).

15. **jinčü* 'жемчуг' с рунич., в совр. яз. – кроме Сибири, булг. **ǯinčü* > венг. *gyöngy*. К кит. а) 真 совр. *zhen*, ср.-кит. *ćin*, др.-кит. *tin* 'настоящий, подлинный' Karlgren 0375 a; б) 珠 совр. *zhu* 1, ср.-кит. *ćü*, др.-кит. *to* 'жемчуг' Karlgren 0128 e. Датировка: *T* > *c'* перед кратким в Восточном Хань, т. е. 0–III в. н.э.

Сам набор заимствованных слов очерчивает определенный круг культурного взаимодействия – ремесло, в частности металлообработка, война, письменность, искусство, предметы роскоши, философские понятия. Датировки по фонетическим особенностям заимствований в совокупности указывают на III в. н.э. Как объясняется расхождение этой датировки с глоттохронологической (рубеж эры)? Если принять, что последняя соответствует времени выпадения первого слова из стословного списка, то следует полагать, что после этого еще по крайней мере три века разделившиеся тюрки продолжали довольно активные контакты, и в их языках не проходило существенных фонетических изменений. В частности, из описанных выше связанных изоглосс для датировки первой материала нет, так же и для третьей, но для второй получаем нижнюю границу: не раньше IV в. н.э. (по слову **gümül* 'серебро'). Надо отметить, что соответствующую предполагаемой историческую ситуацию мы можем видеть в истории разделения гуннов на северных и южных: первое такое разделение и уход северных гуннов на запад произошли, как было сказано, в 56 г. до н.э., причем считается, что эта группа гуннов была уничтожена китайцами, а оставшиеся гунны оказались под властью Китая; второй раскол гуннов на северных и южных происходит в 48 г. н.э., с этого времени северные гунны постепенно смещаются в Западную Монголию и далее в Восточный Туркестан, в Джун-

гарию, а в 155 г. мигрируют в Восточный Казахстан и Семиречье, где живут до V в. н.э.[235] Вероятно, что первая группировка не была уничтожена физически, а только потеряла государственность, а затем вторая слилась с ней, принеся с собой культурные китайские заимствования.

Возможные восточноиранские заимствования в пратюркский

1. **dạ̄na* 'теленок': ср.-кыпч. (с XIV в.) *tana* 'теленок', чаг. *tana* 'двухлетний теленок'; в новых языках: тур. *dana* 'теленок', гаг. *dana* 'двухгодовалый теленок', аз. *dana* 'теленок', турк. *tāna* 'теленок' (без различия по полу); салар. *tana* 'телка'; кар. *tana* 'теленок', кум., балк. *tana* 'двухгодовалый теленок-бычок', тат. *tana* 'двухгодовалая телка', ног., ккалп. *tana* 'телка по второму году', каз. *tana* 'годовалый теленок-бычок', кирг. *tana* 'телка по второму году'; чув. *tyna* 'телка (перезимовавшая)', VEWT 460; Федотов II 267[236]; ЭСТЯ 8. Булгар. **tynag* > венг. *tinó* 'телка' Gomb. 130 (неясна глухость). Предполагается заимствование из иран. (авест. *daenu* 'самка животного', ср. санскр. *dhenu-* 'корова' (из «дойная»), хор. *dyn* 'женщина', язг. *δang* 'имеющая детей (о женщине, самке)' < **dainu-kā*, х.-сак. *dīnū* 'корова' Bailey 159, Расторгуева–Эдельман II 447). Наиболее правдоподобным в этом случае кажется заимствование из языка северного ираноязычного населения, близкого к сакскому, который, единственный из иранских языков, дает для слова значение 'корова', и где возникает первый гласный *i*, давший в пратюркском источник рефлексов *a* закрытого.

2. **dorak* 'сыр': см. ЭСТЯ VIII (в печати). Традиционно его напрасно объединяют с крх.-тюрк. *tar* 'пахта', як. *tar* 'замороженная простокваша', к которому также фонетически подходит чув. *tora(x)* 'простокваша' Федотов II 253, и монг. *tarag*, с SH *tarah* 'простокваша' (которое потом заимствовалось из монг. в тув. и маньчж.). Для этого последнего блюда восстанавливается название ПТ **tar-aq* 'вид простокваши', возможно, слово общее с монг., но возможно и заим. в монг. из древнетюркского. Основа *torak* не совпадает с **tar-aq* ни фонетически, ни семантически; фиксируется с AbûH и чаг., халадж. *tuorâq*, турк. *doraq*, тур.диал. *torak* и *dorak*; чув. *tora, tъwara*; дун.-булг. заим. в венг. *turó* 'творог'; значение везде 'род творога, сыра'. См. обсуждение этимологий в ЭСТЯ VIII; Doerf. III, № 1195; VEWT 490. Эта основа может быть заимствованием из ср.-иран. **tura-ka*, ср. ав. *tūiri-* 'створоженное молоко', имеющее ИЕ этимологию (см. Аб. III 319; из иранских форм ср. еще сак. (сомнительное) *ttūra* 'сыр' Bailey 132, см. еще 124 *tav-* 'киснуть', осет. *turae* 'жирный суп'. (Вторая тюркская основа, впрочем, также может быть иранизмом, ср. ав. *tāyuri-* 'род хлеба' Barth. 647, зороастр. пехлеви **tēr*, но семантическое сходство здесь значительно меньше, фикса-

[235] Датировки приводятся по: *Кляшторный С.Г.* Гуннская держава на востоке // История древнего мира: Упадок древних обществ. М., 1989; *Крюков М.В., Переломов Л.С., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н.* Древние китайцы в эпоху централизованных империй. М., 1983. Гл. 2: Древние китайцы и их соседи: Этнорасовая характеристика. С. 56–104.

[236] Но предлагаемой там параллели монг. *činoo* 'теленок' не существует: это 'волк'.

ция хуже.) Все иранские следы – северные восточноиранские. Заимствование должно было пройти до общетюркского озвончения.

Заметим, что оба этих заимствования относятся к области молочного животноводства и содержания крупного рогатого скота, что кажется довольно естественным для ранних тюрко-восточноиранских контактов (ср., например, основные семантические поля, в которые вошли иранские заимствования в финно-угорских языках).

3. (?)*dura* 'башня, укрепление; четырехгранная бревенчатая или каменная постройка': с крх.-уйг., общетюрк., в том числе сибирское (без чув., як., тув.). См. СИГТЯ 1997, 486. Заим. в монг. *tura* 'крепость, город', зап.-бур. *tura* 'изба'. Алтайской этимологии не обнаружено. В принципе возможно заимствование из языков северного ираноязычного населения: ср. сак. *ttaura* 'стена' Bailey 134 (от глагола *tau-* 'cover'), осет. *tyrg* 'сени, навес, балкон, двор' Аб. III 341. Для сакского можно было бы предполагать тюркизм, но осет. не может быть тюркизмом, ср. к тому же скр. *toraṇa* 'ворота'.

4. Возможно, к таким же древним заимствованиям следует относить зафиксированный в древнетюркском титул: орх.-тюрк., енис.-тюрк. *tarqan*, Pl. *tarqat*, др.-уйг. рунич. *tarqan*, Pl. *tarqat*, маних., будд. *tarqan* 'титул или должность; компонент имен собственных'; протобулг. ΤΑΡΚΑΝΟΣ 'титул'; крх.-тюрк. *tarxan* 'языческое название для эмира' МК; чаг. *tarxan* 'сословие, освобожденное от податей и имеющее ряд других привилегий; одно из племен Джагатаева улуса' (скорее, чаг. – обратное заимствование из монг.); более поздние тюрк. формы, скорее всего, также являются монголизмами, отражая в своей семантике либо позднее монг. сужение значения, либо ордынскую общественно-политическую реалию: турк. *tarxan* 'привилегированное сословие; перен. избалованный' = аз. диал. *tärxan* 'избалованный', башк. *tarxan* 'привилегированное сословие', кирг. *darkan* 'кузнец', ккалп. *darqan* 'свободный, привольный', як. *darxan* 'важный, почтенный'; чув. *torxan* 'имя собственное; привилегированное сословие; компонент ряда имен сверхъестественных существ' (последнее значение может восходить к пратюрк.). Федотов II 239–240; EDT 539; ЭСТЯ 1980, 151–153. По остроумной гипотезе Э.Пуллиблэнка, этот титул может отражаться в названии правителя гуннов *шаньюй* (др.-кит. чтение соответствующего кит. написания: **dān-ɣwaɣ*) – Pulleyblanc 1962, 91. Тюрк. > монг. *darkan*: ср.-монг. *darkan* 'звание, совмещенное с определенными привилегиями' SH 32, письм.-монг. *darkan* 'мастер, сословие, свободное от податей' Kow. 1676, халха *darxan* 'сословие; мастер; кузнец', бур. *darxa(n)* 'кузнец; умелец; лично свободный', калм. *darxn* 'кузнец; сословие' Ramst. KWb 78. Многочисленные гипотезы о происхождении слова см. в Doerfer II 879; ЭСТЯ 1980, 152–153. Наиболее правдоподобной нам кажется иранская этимология, выдвинутая В.И.Абаевым: согд. *trχ'n* [*tarxān*] Gharib 9644 'титул' (в частности, князь Девештич носил его, см. Фрейман 1962, 42–45), сак. *ttarkana-* 'титул' (кажется, впрочем, тюркский), осет. *tærxon* 'суд', скр. *tark-* 'решать, предполагать, судить' с индоевропейской этимологией (**tl̥k-*, WP I 744), см. Аб. III 276–277. Все

иранские следы относятся к восточной группе. В тюркские языки слово должно быть заимствовано достаточно рано, поскольку монг. заимствование из тюрк. еще отражает начальную звонкость (следствие общетюркского, но не тюрко-булгарского, озвончения *t- любого происхождения в позиции перед сочетанием -rk- – см. Дыбо 2003), впоследствии устраненную везде, кроме огузской и саянской групп (ср. киданьск. *dalaγan* Менгес ВЭ 155). Венг. *tarchan* 'olim judex' (Абаев, со ссылкой на Мункачи), судя по значению, заимствовано непосредственно из аланского. Возможно, др.-уйг. *terken* 'царица', крх.-уйг. *terken* 'обращение к правителю; царица', хорезм.-тюрк. *tärkän* 'царевна' (Хосров и Ширин) EDT 544 представляет адаптацию восточноиранского **tarkanaya-* или **tarkanī*: относительное прилагательное или женский род.

5. (??) *arǰu, aršu* MK, IM 'шакал, гиена', *arǰu-la-* 'стоять как шакалы' поздн. др.-уйг., MK (Cl. 200: «the *-j-* suggests a foreign (?) Sogdian origin») – вост.-иран.**aršu* 'медведь' > х.-сак. *arrä* Bailey 8, согд. *'šš̌h* Gharib 1770, ванеци *yirž*, пушту *yaž*, сарыкол. *yurx̌*, санглечи *xars*, шугн. *yūrš̌*. Изменение значения при заимствовании может объясняться табуизацией.

6. **kumlak* 'хмель'. Действительно общетюрк. и даже пратюрк. слово. С MK *qumlaq* (кыпчак.); ср.-кыпч., чаг. *qumlaq* 'растение, подмешиваемое в опьяняющий медовый напиток' Houtsma; Pav.C. 436. В новых языках: кыпч. кар. *кумлак, кумлах*, тат. *құлмақ*, сиб.-тат. *құмлақ* Тум. 3С 152, тат. диал., башк. *құмалақ*; ног. *қылмақ*[237], каз., кирг. *құлмақ*, галт. *қуманақ*, хак. *хумнах*, шор. *құбанақ*; чув. *хăмла*; см. VEWT 299, EDT 628, ЭСТЯ 2000, 138–139, Федотов II 326. Булгар. > венг. *komly* (см. Gomb.BTLU 97, Gomb. 100–101, MNyTESz II 537). Из чув. языка заимствовано мар. *umla, ə̑mə̑la* 'хмель' (см. Räs.ČLČ 235).

Предполагаемый иранский источник слова – аланский этимон осет. *хъытæллæг* 'хмель' – последнее этимологизируется в Аб. IV 261 как словосложение **hauma-aryaka* «арийская хаома». Этимология фонетически безупречна и семантически правдоподобна, названия хмеля в кавказских, тюркских, финно-угорских, славянских и германских языках объявляются аланизмами. Как правильно отмечает И.А.Шервашидзе, это единственный правдоподобный древний аланизм в тюркских языках. Заметим, что в других иранских языках рефлексы того же названия растения довольно твердо сохраняют значение 'хвойник, эфедра': **haumiá-* (для некоторых из приводимых лексем возможна и реконструкция **hauma-*) 'хвойник, эфедра': афг. *ūmə́*m. 'кузьмичёва трава, эфедра, хвойник (ephedra)' (Асл. 93), согд. (al-Bīrūnī) *ẖwm* 'Pflanzenname', перс. *houm* 'эфедра, хвойник (ephedra)' (ПРСл. II 734), талыш. *hγəme* 'хмель; плющ' (*Пирейко Л.А.* Талышско-русский словарь. М., 1976. С. 242), ср. авест. *haomya-* 'zum Haoma gehörig'; **haumă̆na-*

[237] Ног. *күпелек* 'хмель' может быть новым осетинским заимствованием, либо просто производным по *күпе* 'горшочек', ср. аз. *күпəчичəји* 'фуксия' (вьющееся декоративное растение; цветы по форме похожи на цветы хмеля, но крупнее; букв. 'горшочек-цветок').

'хвойник, эфедра': афг. *ūmăn* m. 'кузьмичёва трава, эфедра, хвойник (ephedra)' (Асл.: 92), мундж. *yūmana* 'хвойник', йидга *yūmenä* 'хвойник'; **haumăka-* 'хвойник, эфедра': вахан. *(y)imẏk* 'хвойник, эфедра', тадж.диал. *xůmá* 'хвойник, эфедра'; **haumāčī (+ak)* 'хвойник, эфедра': шугн. *amōǰák* 'эфедра, кузьмичёва трава, хвойник' (Карамшоев 1, 91[238]), рушан. *amōǰák* 'хвойник, эфедра', хуфск. *amōǰák* 'хвойник, эфедра' (см. Стебл.-Кам. НКР, Стебл.-Кам. Вах.) (см. Дыбо 1999). Хвойник, низкий кустарник семейства кипарисовых, не похож внешне на хмель, так что перенос семантики объясняется функционально: через переход на хмель для изготовления опьяняющих напитков. Но близкие к среднеазиатским виды хвойника распространены на Кавказе и в Северном Причерноморье (Деревья и кустарники СССР 250), поэтому непонятно, зачем бы аланам в столь традиционной и ритуализованной области деятельности переходить на другой вид растения с переносом названия; однако талышская форма, безусловно, поддерживает осетинскую этимологию[239]. Хронология аланских фонетических переходов также не противоречит предположению о заимствовании в тюрк.

Тюрк. слово имеет, в общем, почти удоволетворительную алтайскую этимологию: ПАлт. **k'iomolV* 'вид пахучего съедобного растения', монг. **kö meli* 'вид дикого лука/чеснока' Less. 487, халха *хөмөл* 'лук монгольский', ТМ **ximŋe-kte* 'черемуха' ССТМЯ I, 318, яп. **kamira* 'вид чеснока' (EDAL). Булгарская форма могла бы послужить источником и славянским, и германским (ср. коллекцию булгаризмов в германских языках, собранную В.А.Терентьевым – Терентьев СТ) формам, и осет. слово также может быть булгаризмом. Во всяком случае, это подрывает надежность «единственного аланизма» в общетюркском. Если же все-таки принимать иранское происхождение пратюркского слова (в этом случае гораздо лучше выглядит семантическая сторона: чеснок и черемуха еще сопоставимы как резко пахнущие съедобные растения – и ср. параллельное соотношение в индоевропейском (черемуха – черемша), – но чеснок и хмель не сходны ни внешне, ни функционально, во всяком случае, хмель используется совершенно не как пахучее растение), то с хронологической точки зрения следует предполагать заимствование из языка восточноиранских носителей археологических культур Саяно-Алтайского региона, который, возможно, был близок к аланскому[240].

---

[238] В Зарубин 1960, 89 значение этого слова представлено еще следующим образом: 'род кустарникового растения, зола которого употребляется при изготовлении жевательного табака (нас)'.

[239] Ср. также Стебл.-Кам. НКР 56–57, где автор пытается свести к тому же слову мундж. название льна *yūmaya* через переход 'эфедра' > *'конопля' (реально не представленное) > 'лен', считая изменение семантики в осет. типологической параллелью.

[240] Еще один возможный пратюркский иранизм – **bŭtnŭk* 'мята': чув. *pətnək*, тат. , башк. *bötnek* 'мята', казах. *bŭtnŭk* 'просвирник'. Федотов I 428. В принципе чув. форма может быть кыпчакизмом, и тогда иранизм поздний, но источник неясен. С иранской стороны имеем осет. *bit'na/bet'ina* 'мята' – по предположению в Аб. I 263 < груз. *p'it'na* 'мята', но, возможно, наоборот (грузинское слово не имеет картвельской этимологии), – памир. шугн., барт. *wiδn*, руш. *wuδn*, вах. *waδn*, мундж. *wāl̥ən*, пушту *wel̥əna*, перс. *pūdina*, сивенди *pīdīn*, курд. *pun*, афтари

Судя по полученным глоттохронологическим датировкам для иранского древа, заимствования из восточноиранских языков в пратюркский должны были проходить в период после распада сакской и аланской ветвей (лексико-статистическая датировка 660 г. до н.э.), уже из языков среднеиранского типа, но, возможно, до распада сакской и пуштунской ветвей (лексико-статистическая датировка 290 г. до н.э.).

Пратюркский и тохарский

Список предположительных тохаризмов в пратюркском, предлагаемый А.Рона-Ташем в ряде его работ, кажется содержащим ряд сомнительных предположений; мы предпочли бы здесь относительно скептическую точку зрения, предложенную в Reinhart 1990[241]. Кроме общепринятых поздних заимствований, о которых см. ниже, практически все эти предполагаемые заимствования имеют достаточно обоснованные алтайские этимологии – см. EDAL. Исключение составляет тюрк. **bēl'k* 'пять', которое, впрочем, вряд ли в такой реконструкции (учитывающей чувашское развитие, см. СИГТЯ 2002, 350) может быть сопоставлено с пратохарским **pänś* 'пять' Adams №2099. Очень предположительно к тохаризмам можно было бы относить пратюркское название яблока – поскольку оно явно заимствовано из какого-то индоевропейского, но не из иранского языка, сохраняющего различие между *r* и *l*: **alma*, крх.-уйг. *alma* (MK) ~ *alymla* (MK); чув. *ulma* (см. СИГТЯ 1997, 145) при ИЕ **amel-* 'плодовое дерево, его плод' (др.-греч. *ámpelo-s* f. 'виноградная лоза', герм. **amil-ōn-* f. 'какое-то плодовое дерево', галл. *amella* 'Gaisblatt' WP I 179, возможно, также хетт. *sham(a)lu*, лув. nom.-acc. sg. *šamluwanza* 'яблоко' Иванов–Гамкрелидзе 639–640), > скр. *āmra-* m. 'дерево манго', иран. **(a)marna-* 'яблоко' Стебл.-Кам. НКР 103–104, (> финно-угор. **omarna-* > фин. *omena*, морд. *umar* SKES 429–430), **amru-* 'груша' Стебл.-Кам. НКР 108. Предположительный источник тюркского слова должен был бы выглядеть как **amla* 'яблоко' – рефлекс и значение, в принципе, возможные для тохарского. К сожалению, тохарское название яблока не зафиксировано. Еще три фитонима, реконструируемых для пратюркского (имеющих закономерную чувашскую параллель) и подозрительных на индоевропейское (но не иранское, ср. кентумный рефлекс **-g'-*) происхождение – **ekel* 'желудь, шишка' (ср. ИЕ **aig'-il-* 'дерево (вид дуба); его плод' WP I 10), **elmen* 'ильм, осина, вяз' (ср. ИЕ **elem-* 'дерево (вяз)' WP I 151) и **ab(u)s-ak* 'осина, тополь' (ср. ИЕ **ap[u]s-* 'осина, тополь, ясень' WP I 50, сопоставление предложено в Rǫna-Tas TE) ограничены в распростра-

---

putunik (последнее может быть тюркизмом) и т.д. См. Стебл.-Кам. Вах. 386, Стебл.-Кам. НКР 121–122, где иранские формы считаются адаптацией бродячего слова. Но по крайней мере восточноиранские формы достаточно надежно возводятся к иран. глагольному корню **baud-* 'пахнуть' (авест. *baoδa-* Barth. 000, согд. *βwδ-* Gharib 2879, Mgst.EPsh 86 **baudyana-*); западно-иранские формы в принципе могут быть заимствованиями из вост.-иранского с оглушением. Тюрк. форма – если пратюркская – может быть восточным иранизмом.

[241] О более поздних тохаризмах в тюркских языках см. ниже.

нении – см. СИГТЯ 1997, 121, 126, 131 (что может быть обусловлено ограниченностью распространения соответствующих растений на нынешней тюркской территории – см. выше в разделе о ботанической терминологии и миграциях тюрок), и при этом не имеют твердых алтайских этимологий. Фонетически они вполне могли бы возводиться к общетохарским рефлексам соответствующих индоевропейских основ (распад общетохарского на языки А и В датируется глоттохронологически 20 г. до н.э.), но таковых рефлексов в тохарских памятниках не обнаружено.

Интересна коллекция потенциальных пратюркских заимствований в общетохарском, опубликованная А.Лубоцким и С.А.Старостиным (Lubotsky–Starostin; значительная доля этих этимологических предложений повторяет предложенные А.Рона-Ташем, но с обратным направлением заимствования): сюда входят следующие слова (не имеющие удоволетворительных индоевропейских этимологий): 1. тох. А *koṃ,* тох. В *kauṃ* 'солнце, день' < ПТох. **kaun(V)-*: ПТюрк. **gün(eĺ')/*gun´al´* (др.-уйг. *kün* 'солнце, день', турк. *gün* 'id.' и пр.) < ПАлт. **g̑iojn´u* 'рассвет, дневной свет' («Важно, что совмещение значений 'солнце' и 'день' довольно необычно для индоевропейских языков, что является сильным показанием в пользу заимствования». – *А.Л., С.С.*). 2. тох. А *āle,* тох. В *alyiye** 'кисть руки, ладонь' < ПТох. **āl'ye* : ПТюрк. **ājа* 'id.' (др.-уйг. *aja,* турк. *ája* и пр.) < **ālja* < ПАлт. **p'á l'ŋa* (ПМонг. **haliga(n),* ПТМ **palŋa* 'кисть руки', возможно, также ПКор. **pār* 'охапка'). Заимствование должно быть относительно старым, до пратюркской замены **ājа* < **ālja.* 3. тох. А *tor,* тох. В *taur* 'пыль' < ПТох. **taur* : ПТюрк. **tōr´* 'пыль' (др.-уйг. *toz,* турк. *tōz*) < ПАлт. **t'ór´e* 'почва, пыль' (письм.-монг. *toru* 'пыль в воздухе'; ПТМ **turV,* и пр.). Заимствование должно было произойти до перехода **r´* > *z.* 4. тох. В *ām* 'тишина', adv. 'тихо, спокойно' : ПТюрк. **am-* 'быть тихим, спокойным' (др.-тюрк. *amul, amyl* 'тихий, спокойный') < ПАлт. **ámV* (ПМонг. **amu-, *ami-* 'отдыхать', ПТМ **ām-* 'спать'). 5. тох. А *kanak,* В *kenek* < ПТох. **kenek* 'хлопковая ткань': ПТюрк. **köjŋe-lek, *köjŋek* 'рубашка' (крх. *köglek,* турк. *köjnek*) < ПАлт. **k'ĵúní* 'нить, ткань' (ПМонг. **kejeŋ* 'кромка ткани', ПКор. **kính* 'веревка, тесемка, кисточка', ПЯп. **kínu* 'шелк, ткань, платье'). 6. тох. В *olya* 'больше': ПТюрк. **ulug* 'большой, великий' (др.-уйг. *uluγ,* турк. *ulu* и пр.) < ПАлт. **ulu/o* (ПМонг. **olon* 'много', ПТМ **ule-* 'хороший', ПКор. **ōr* 'целиком, полностью'). 7. тох. А *tmāṃ,* тох. В *t(u)māne* 'десять тысяч, мириада' < ПТох. **t(ə)māne* : ПТюрк. **Tümeŋ* 'десять тысяч; очень много' (др.-уйг. *tümen,* турк. *tümen*) < ПАлт. **čĵumí* 'большое число' (ср. ПКор. **čymyn* 'тысяча'). 8. тох. В *pärs´eri** '(головная) вошь': ПТюрк. **bürče* 'блоха' (тат. *börčε,* кум. *bürče,* чув. *pъʷrẑ´a,* и пр.) < ПАлт. **bĵure* (письм.-монг. *bürge, büürge* 'вошь', ПКор. **pjəŋrok* 'блоха'). 9. тох. В *yase** 'стыд': ПТюрк. **jās* 'потеря, вред, стыд' (др.-уйг. *jas* 'потеря, вред', як. *sāt* 'стыд' и пр.) < ПАлт. **ẑĵāsu* 'потеря, вред'. 10. тох. В *kärk-* 'грабить, воровать': ПТюрк. **Kar-ak* 'разбойник' (др.-уйг. *qaraq-čy,* турк. *Gara* и пр.) < ПАлт. **kara* 'напротив; враг'. Три последних слова, будучи засвидетельствованы только в тохар-

ском В, могут относиться к другой категории тюркизмов в тохарском, о которой см. ниже. Отметим, что и здесь речь может идти о заимствовании, во-первых, до перехода *r´ > z* в тюркском, во-вторых, до распада пратохарского (так сказать, до 20 г. до н.э.).

Ассоциируемое со всеми этими датировками время и место существования и распада тюркского праязыка, как кажется, достаточно хорошо укладывается на широкую территорию между нынешним Ордосом и южным Саяно-Алтаем, в рамках археологической культуры Лоуфань, носители которой занимались отгонным скотоводством на большой территории и которая соседствует с юэчжи, обнаруживает обширные связи с Китаем и более скромные – с пазырыкской (этнически иранской) культурой – причем, скорее всего, они связаны с полученной на какой-то срок пазырыкской по происхождению правящей династией – см. Шульга 1999, см. также наст. изд., с. 392.

Пратюркский и самодийский

Что касается самодийских заимствований в пратюркском, последний по времени обзор с оценкой достоверности и возможного времени заимствования см. в Хелимский 2000, 301–312[242]. Мы можем заметить по этому поводу следующее: Е.А.Хелимский оценивает как надежные заимствования в пратюркский и общетюркский 7 этимологий (1. ПС **kəətyə* 'ель' > ПТ **kady* 'сосна', 2. ПС **ki, *kilɜ* 'соболь' > ПТ **kīl´* 'соболь', 3. ПС **tyteŋ* 'сибирский кедр' > ОТ **tȳt* 'лиственница', 4. ПС **koəjə* 'гора, водораздел' > ОТ **K(i)aja* 'скала, гора', 5. ПС **käsa* 'кора' > ОТ **kās* 'кора', 6. ПС **kacu* 'метель' > ОТ **kād* 'метель, непогода, буря', 7. ПС **talä-* 'воровать' > ПТ **tāla-* 'грабить'); глоттохронологическая датировка распада прасамодийского – 410 г. до н.э. (отпадение селькупского языка), распад остальных языков на северную и южную группы – 160 г. до н.э., что, в общем, согласуется с возможностью заимствования в пратюркский из прасамодийского (предпо-

[242] О невозможности заимствования в общетюркский из обско-угорских языков слова **degin* 'белка' см. СИГТЯ 1997, 165. ПТ **kundur* 'бобр' (СИГТЯ 1997, 162) не этимологизируется однозначно и в принципе может быть заимствован из – или с тем же успехом может быть источником – праугорского **kuntɜ* 'бобр' (MNyTESz II 127), не имеющего дальнейших финно-угорских параллелей. В настоящее время бобр слабо распространен к востоку от Урала (мелкими точечными ареалами в районе Обь-Иртышья и далее в верховьях Енисея и до оз. Байкал – Млекопитающие СССР 281, карта 140), редок он и южнее (Мурзаев 1966, 250: ныне отсутствует «почти по всей Внутренней Азии, кроме верховьев Урунгу и, возможно, некоторых притоков верхней части Черного Иртыша», т.е. в Джунгарии); но «столь ограниченный ареал нужно рассматривать как реликтовый» (там же), так что нельзя исключить того, что он был известен в горных (и тем самым лесных) регионах прародины тюрков. Если же принимать заимствование из праугорского, то, видимо, следует признать одиночный характер этого заимствования (возможно, происшедшего вследствие торговых отношений в рамках восточно-западных торговых путей). Распад венгерского с обско-угорским датируется глоттохронологически около 1000 г. до н.э., распад хантыйского и мансийского – 130 г.н.э.; можно думать о заимствовании в пратюркский праобско-угорской суффиксальной формы: **kuntɜ-l'* (в UEW 858 наоборот, заимствование бессуффиксальной формы в праугорский, но культурно и исторически это менее вероятно).

ложительная локализация применительно к I тыс. до н.э. – восточная часть Обь-Иртышья – Хелимский 2000, 17) или праюжносамодийского. Последующие разработки алтайского родства, впрочем, не подтверждают этих заимствований, поскольку все эти основы получили довольно убедительные алтайские этимологии (EDAL: 1. ПАлт. **ke(n)da* 'вид хвойного дерева': ПТ **Kạdy* 'сосна', ПТМ **kende-* 'туя'; 2. ПАлт. **k'jŭl'a* 'соболь, белка': ПТ **kīl'* 'соболь', ПМонг. **kulgana* 'мышь', ПТМ **xulu-kī* 'белка'; 3. ПАлт. **čā́kte* 'сосна, лиственница': ПТ **Tɨ̄t* 'лиственница', ПТМ **ǯagda* 'сосна'; 4. ПАлт. **kadV* 'скала, гора': ПТ **K(i)aja* (?) 'скала', ПМонг. **kada* 'скала', ПТМ **kada* 'скала'; 5. ПАлт. **k'jošə-* 'скрести, брить': ПТ **Kas* 'кора; обдирать', ПМонг. **kisu-* 'скрести, брить', ПТМ **xuši/*kuši* 'нож', ПЯп. **kusa/*kəsa-i* 'экзема'; 6. ПАлт. **k'ĕdo* 'ветер, туман': ПТ **Kad* 'ненастье, буря', ПМонг. **küdeŋ* 'туман', ПТМ **xedün* 'ветер', ПЯп. **kəti* 'восточный ветер'; 7. ПАлт. **t'ā́la-* 'грабить, похищать': ПТ **tāla-* 'грабить', ПМонг. **tala-* 'грабить', ПКор. **tar'ái-* 'соблазнять, заманивать', ПЯп. **tárá-s-* 'соблазнять, обманывать'). Вот, однако, те случаи, когда самодийское заимствование с формальной точки зрения представляется все же более вероятным, чем алтайская этимология: 4. ПС **koəjə* 'гора, водораздел' > ОТ **K(i)aja* 'скала, гора'. Самодийское слово имеет уральскую этимологию (хотя и необщепринятую: ПУ **kaδ'a* > венг. *hegy* 'верхушка, гора'), тюркское серьезно нарушает стандартную схему развития ПАлт. **d* > ПТ **d*, демонстрируя **j* вместо **d*. 5. ПС **käsa* 'кора' > ОТ **kās* 'кора'. Тюркское слово по семантике несколько выбивается из алтайской этимологии, самодийское имеет нормальную уральскую этимологию (ПФУ **ko(n')c'kз* 'кора'). Случаи 1. ПС **kaətyə* 'ель' > ПТ **kady* 'сосна' и 3. ПС **tyteŋ* 'сибирский кедр' > ОТ **tȳt* 'лиственница', кроме противоречащего гипотезе о заимствовании факта наличия алтайских этимологий у тюркских слов, хотя и парных, но фонетически и семантически вполне правильных, оба предполагают одну и ту же семантическую (и культурную) странность. А именно: при принятии гипотезы о самодийском заимствовании оказывается, что тюрки почему-то, осваивая ранее неизвестное им дерево (ср. Терентьев 1999, 180: «То, что в тюркских языках это слово стало значить "сосна", не должно смущать нас, ибо... пратюрки, обитая в степной зоне, не были хорошо осведомлены о породах хвойных деревьев»), заимствовали для него название совсем другого дерева. Что касается географии распространения обсуждаемых деревьев, см. выше соответствующий раздел настоящей книги; отметим, что кедр засвидетельствован на южных склонах Монгольского Алтая (это – крайняя южная граница его распространения, ср. Мурзаев 1966, 216), лиственница же распространена гораздо дальше на восток и юг, в частности, на Тянь-Шане и в Ордосе, т.е. гораздо ближе к предполагаемым местам обитания пратюрков – и скорее всего была им хорошо известна, как и сосна, и ель; в таких обстоятельствах заимствование названия кедра для обозначения лиственницы или ели для обозначения сосны маловероятно.

Что касается случая 2. ПС **ki, *kilə* 'соболь' > ПТ **kīl′* 'соболь', то самодийское слово не имеет хорошей уральской этимологии (ср. новую этимологию ПФУ **kaδ'wз* 'самка', обычно сопоставляемого с ПС **ki:* ПС **kejmä* 'самка' Janhunen 66, значительно более приемлемую фонетически и семантически – Aikio 2002). Согласно зоологическим данным, соболь обитает в Западной и Восточной Сибири, на Дальнем Востоке, но в Западную Сибирь ареал его распространения заходит довольно относительно (см. карту 75 в Млекопитающие СССР 137: небольшая территория севернее среднего течения Оби), в то время как бассейны Енисея и Лены захватывает полностью и даже заходит южнее их истоков. В общем, гораздо более вероятно заимствование в прасамодийский из пратюркского (с последующим общесамодийским переходом **-l* > **-j* на конце слога).

Таким образом, приходится отказаться от гипотезы о заимствовании из прасамодийского в пратюркский наименований основных «таежных реалий». Надо сказать, что в связи с этим гораздо более сомнительно выглядят и рассмотренные выше случаи 1. и 3. – при отсутствии массированного заимствования из прасамодийского в пратюркский культурной лексики маловероятно заимствование таких слов, как «кора» и «скала» (из которых первое даже входит в 100-словник Сводеша, по определению мало проницаемый).

Последнее по времени обсуждение предполагаемых заимствований из пратюркского в прасамодийский опубликовано, по-видимому, В.А.Терентьевым (Терентьев 1999, 182–194). Из рассмотренных им 80 этимологий, для которых он предполагает разную степень достоверности, следующие достоверны семантически и фонетически и в какой-то мере отвечают критерию культурной обусловленности[243]:

---

[243] По-видимому, нуждаются в комментарии следующие предполагаемые заимствования из пратюркского в самодийский. 1. По семантическим причинам сомнительна возможность заимствования нен. *to'* 'одеяло' из тюрк. **dōn* 'халат'; камас. *ton* 'шуба', как правильно указывает В.А.Терентьев, скорее всего, позднее заимствование из какого-то сибирско-тюркского языка. 2. ПТ **kap-* 'хватать' > ПС **kəpi-* 'вырывать' – но ср. Ур **kappV* (Szin. 35), общеностратический корень, так что гипотеза о заимствовании излишня. 3. ПТ ***kalbuk* > **kašuk* 'ложка' > ПС **kājwå* 'лопата, совок, весло' Janhunen 63 (нган., нен., камас.). Ср. нормальную уральскую этимологию самодийского слова: UEW 170–171. 4. ПТ **Kugu* 'лебедь' > ПС **kukə* (Janhunen 76–77) (нен. тундр., тавги); скорее следует предполагать заимствование из ТМ **kūku /*xūku* ССТМЯ I 426–427; II 336. 5. ПТ **ködeč* (VEWT 286) 'сосуд' не существует, соответствующие формы разделяются по трем разным этимологиям, среди которых имеется сиб.-тюрк.: хак. *ködes* 'глиняный горшок, чугунок', шор. *ködeš* id., сюг. *kodiš* 'очаг' (< **götič*), восходящие к **göteč*, которое может иметь алт. этимологию: ТМ **kota-* 'посуда, чашка, миска' ССТМЯ I 418. Соответственно, становится менее вероятным заимствование в ПС **kyttjä* > нган. *kita* 'черпак', эн. лесн. *kide* 'сосуд, похожий на корыто', нен. тундр. *хыдя* 'чашка, миска'; возможно, из ПТМ?. 6. **Küren* 'хорек, ласка' > сельк. *kury*, камас. *kürö* 'горностай'. Не оправдано предположение Терентьева о более раннем значении 'горностай' в тюркских языках, поскольку венг. заимствование из булг. – *göreny* – значит тоже 'хорек', а в пратюрк. восстанавливается другое слово для горностая, **iarз*, см. СИГТЯ 1997, 163; фонетически селькупская и камасинская форма плохо возводятся к ПС-состоянию, но раздельное заимствование из тюрк. невозможно. Из монг.? Почему не сравнить венг. непосредственно с самод.?

1. ПТ **jüŕ* 'сто' > ПС **jür* 'сто' Janhunen 50 (без селькуп.), ср. Хелимский 289; 2. ОТ **junt* 'лошадь' > ПС **juntå* 'лошадь' Janhunen 49; 3. ОТ **jama-* 'латать, штопать' > ПС **jemnə-* Janhunen 42 (без селькуп.); 4. огузо-карлукокыпч. **balmak* 'вид обуви' > ПС **päjmå* 'сапог, обувь' Janhunen 118; 5. ОТ **jasa-* 'строить, устраивать' > ПС **jese-* 'ставить чум' Терентьев 188 (нен.-селькуп.); 6. ПТ **(h)ẹkiŕ* 'близнецы' > ПС **jekə* 'близнец' Janhunen 34 (сев.-сам.-селькуп.); 7. ПТ **balyk* 'рыба' > ПС **pəjkɜ* 'юкола, балык, вобла' (только эн., нен.) Терентьев 182; 8. ПТ **(h)ẹ̄ke-* 'точить' > ПС **jikå-* 'точить, пилить' (только эн. тундр. *d'iyit'e'*, нен. тундр. *ихи-* 'потереть, втереть краску, точить' Терентьев 184, для нен. возможно заимствование из сев.-тунг. *hiki-* 'тереть, растирать' ССТМЯ II 323); 9. ПТ **kȳn* 'ножны' > ПС **ken* Janhunen 67 (общее, без селькуп.); 10. ПТ **kan* 'правитель' > ПС **kåŋ* то же Joki 192; Терентьев 185 (камас. *qoŋ*, койб. *kon*, караг. *kok*, сельк. *koŋ*, нен. лесн. *kāŋ, kāk*); 11. (?) ОТ **dāl* 'ветка, ива' > ПС **tåə̊j* 'ветвь, сук' Helimski 1997, 349 (матор., караг.); 12. ПТ **bat-* 'погружаться' > ПС **pət-* то же Janhunen 115; 13. ПТ **üŕ* 'жир' > ПС **jür* 'тж' Janhunen 50 (см. Helimski–Stachowski 1995, 42–43: «Предложенная этимология вызывает сомнения в основном с точки зрения "Woerter und Sachen"... Как бы то ни было, фонетических проблем сравнение практически не порождает»). Сюда же, как было указано выше, можно отнести и прасамодийское название соболя. Заметим еще раз, что соответствующие тюрко-самодийские отношения следует, таким образом, относить ко времени, отстоящему довольно далеко от распада пратюркского, т.е. ко времени до 410 г. до н.э. (до отпадения селькупского), так что следовало бы ожидать довольно архаичных фонетических явлений.

Пратюркский и праенисейский

Ниже мы ориентируемся на реконструкцию праенисейской фонетики, проделанную в Старостин 1982, и праенисейский лексикон, реконструированный в Старостин 1995, а также расширенный и учитывающий новейшую литературу вариант его, опубликованный в Internet по адресу www.starling.rinet.ru[244]. Распад праенисейского языка по этим данным датируется глоттохронологически рубежом нашей эры, когда выделяются две ветви – «кетская» и «коттская». От «кетской» отделяется в V в. н.э. пумпокольский язык, затем в XII в. н.э. распадаются кетский и югский языки. Коттская группа в VI в. н.э. распадается на коттский и аринский.

Довольно хорошо известен ряд заимствований между енисейскими и сибирско-тюркскими языками в исторические времена. Ниже предлагается список возможных заимствований в праенисейский и отдельные енисейские группы из пратюркского и, возможно, отдельных тюркских групп[245].

---

[244] По сравнению с печатным изданием, там, в частности, учитываются и обсуждаются этимологии из Werner 2002.

[245] Все предполагаемые тюркские слова – источники заимствования имеют алтайскую этимологию, см. EDAL.

Заимствования в праенисейский (не позднее рубежа эры): 1. ПЕн. **χɔtyr$_j$* 'сукно, войлок' (КС 1995, 305, кет., юг., котт.) < ПТ **kidir´* 'войлок' > ОТ **kidiz* СИГТЯ 1997, 392; 2. ПЕн. **ʔiʔn* 'игла' (КС 1995, 192: предложена также сино-кавказская этимология) < ПТ > ОТ **(j)igne, jigne* ЭСТЯ 1974, 367–369; СИГТЯ 1997, 106; заимствование предложено в Stachowski 1996, 96. 3. ПЕн. **ʔVʔrl* 'петь, песня' (КС 1995, 202) < ПТ > ОТ **yr* СИГТЯ 1997, 610; заимствование предложено в Stachowski 1997/2, 233; 4. ? ПЕн. **dam-* в **dam-χuχ* 'окно' (КС 1995, 219, второй компонент композита обозначает отверстие, этимология первого неясна) < ПТ > ОТ **dām* 'стена' СИГТЯ 1997, 529; 5. ПЕн. **KVlpV* 'ложка' (КС 1995, 243, коттско-аринско-пумпокольское: предложена также сино-кавказская этимология, небезупречная фонетически) < ПТ ***kalbuk* > ПТ **kal´uk* > ОТ **kašuk* (NB: фонетический облик слова более архаичен, чем можно предполагать для пратюркского языка периода первого распада, поскольку в булгарской группе мы также видим уже результат развития **lp > l´*, о самом развитии сочетания, восстанавливаемого на основании алтайских параллелей тюркского слова, см. Street 286–287); 6. ПЕн. **dəlï* 'ива' (КС 1995, 221) < ПТ > ОТ **dal* 'ива' СИГТЯ 1997, 125–126; 7. ПЕн. **χɔpVr* 'пена'(КС 1995, 304, кет., юг., котт.) < ПТ **köp-* > ПТ **köpük* 'пена', ОТ **köpür-* 'пениться' ЭСТЯ 1997, 108–111; 8. ? ПЕн. **bət* 'ленок' (КС 1995, 209–210, кет., юг., котт.) < ОТ **byn´yt* 'ленок' (VEWT 336; СИГТЯ 1997, 177: якутско-саянский, но с алтайскими параллелями). Ср. также селькуп. *moeten* id. (Хелимский КС 240): из тюрк.?

Заимствования, происшедшие не позднее VI в. н.э. (только в «коттской» ветви): 1. ПЕн. **KuPurKVn* 'лук (растение)' (КС 1995, 243, коттско-ассамско-аринское) < ОТ **gEmürgen* 'дикий лук или чеснок': др.-тюрк. *kövürgen* (МК), *kömürgen* (МК – огуз.), возможно, заимствование из тюркских языков Сибири (кыркызское?), ср. хак. *köbərgen*, галт. *köbürgen*, кирг. *köbürgön*. См. СИГТЯ 1997, 124; ЭСТЯ 1980, 100 (развитие **m > *b*, возможно, под влиянием **köpür-* 'пениться'); 2. ПЕн. **jus* 'сто' (КС 1995, 233, коттско-аринское, при наличии общеенисейской сотни, имеющей сино-кавказскую этимологию, **ʔalVs-(tamsV)*) < ОТ **jüz* < ПТ **jür´* 'сто'; тоже кыркызское? Возможно, впрочем, и раздельное заимствование.

Заимствования, происшедшие не позднее XII в. н.э. (только в кетско-югской подветви): 1. ПЕн. **pal´gV* 'ерш' (КС 1995, 245, кетско-югское) < ПТ **bālyk* 'рыба' ЭСТЯ 1978, 59–60; СИГТЯ 1997, 177; Федотов I 443; 2. ПЕн. **ʔïGV-* 'точить' (КС 1995, 195, кетско-югское, предложена сино-кавказская этимология) < ПТ **ę̄ke-* 'пилить, обтачивать' СИГТЯ 1997, 399, возможно, уже из тюркских языков Сибири, ср. хак. *ige-* и под.; 3. ПЕн. **ʔuʔǯ-* 'поясница' (КС 1995, 200, кетско-югское) < ПТ **ūča* ЭСТЯ 1974, 566–567, возможно, уже из тюркских языков Сибири, ср. хак. *uča*, тув. *uža* и пр.; 4. ПЕн. **siʔid* 'ремешок' (КС 1995, 274, кетско-югское) < ПТ **syd-* > хак. *syzym* 'лента на шаманской колотушке', чув. *šъras´* 'кайма, тесьма' EDT 799–800; ЭСТЯ 2003, 253.

Два потенциальных контактных тюрко-енисейских слова нуждаются в отдельном обсуждении. 1. ПЕн. **so?/G/χom* 'стрела с тупым наконечником' (КС 1995, 276, кетско-югское, пред ложена си но-кавказская эти мология). Соответствующая реалия – стрела на белку, *суом* – у кетов описывается следующим образом: «У стрелы на белку...наконечник был тупой, овальный, вырезанный вместе с древком... Иногда вместо деревянного наконечника насаживали роговой, такой же формы (стрелы тогда называли *кок суом, кок* 'рог').Тупые наконечники не портили шкурки. При охоте на белку кеты пользовались также стрелами для вспугивания зверька...Овальный деревянный наконечник у этих стрел был выдолблен изнутри. На поверхности его имелись сквозные отверстия. При полете стрелы воздух, попадая в отверстия, вызывал свист, который пугал и выгонял из гнезда спрятавшуюся белку» (*Алексеенко Е.А.* Кеты. Историко-этнографические очерки. Л., 1967. С. 54). Там же сообщается, что кетский лук славился еще в 18 в. на всем Енисейском Севере и являлся предметом обмена с другими народами. «Русские купцы ввозили кетские луки к ненцам, долганам и нганасанам» (Народы Сибири. М.; Л., 1956. С. 689). Похожий по форме металлический боевой наконечник с отверстиями мы видим на таблице XLIV в книге М.В.Горелика «Оружие Древнего Востока» (М., 1993. С. 304. № 97: Алтай, VI в. до н.э.); вообще считается, что такие наконечники распространяются с гуннами. При этом мы имеем ОТ **sokom/n* 'стрела, наконечник стрелы': др.-кыпч. *soqym* МК 'деревянный свистящий наконечник стрелы' («деревяшка с выдолбленной серединой; конической формы, имеет отверстия с трех сторон, надевается на конец древка стрелы; это свисток»), *baqyr soqym* МК, QB 'планета Марс' (букв. 'медный сокым'); ст.-кыпч. *sayan* 'острие стрелы' (АН, м.б., описка вместо *soqym*) Cl. EDT 811, хак. *soγan* 'стрела для лука', шор. *soγan* 'стрела для лука', галт. *soγon,* (лебед.) *soγono* 'стрела для лука' (Р IV 529: лебед. *soγon* 'железный наконечник стрелы'), *cokkoн* Р IV 523 (тел.) 'железный наконечник стрелы', тув., тоф. *soγun* 'стрела для лука' СИГТЯ 1997, 571; ЭСТЯ 2003, 277. Алтайской этимологии слово не имеет, вопреки EDAL, поскольку в середине слова восстанавливается глухой, и его нельзя сопоставить с ПАлт. **sįoga* 'лук, арбалет, стрела': ПМонг. **sayali* 'арбалет', ПТМ **sug-* 'копье, стрела; острога; вид ножа' ССТМЯ II 118; ПКор. **hoar* 'лук и стрела', ПЯп. **sa* 'стрела'. Но его можно легко (вслед за Дж.Клосоном) объяснить как отглагольное производное от *sok-* 'вставлять' (довольно удачно в силу нормального соотношения семантики 'наконечник стрелы' = 'втулка, вставка'). Фактическое тождество реалий, стоящих за кетским и древнетюркским словами, однако, побуждает видеть здесь либо заимствование в общетюркский из енисейского – во всяком случае, не по отдельности в сибирские языки, поскольку тогда плохо объяснимо развитие семантики и изменение конечного *m* в *n*, – либо в енисейский до XII в. из (обще)тюркского? Кыркызского? Еще более раннее из пратюркского? 2. ПЕн. **kūn´* 'росомаха' (КС 1995, 242, кетско-югско-пумпокольское, предложена сино-кавказская этимология; имеется еще одно ПЕн. на-

звание росомахи): ср. тюрк. формы: шор. *kunu*, тат. Сиб. *kunu*, хак. *kunu* 'росомаха', башк. *qono*, кар. *quna* 'куница' VEWT 300; СИГТЯ 1997, 162. Ср. еще маторско-тайгийско-карагасское *kun'e* 'горностай' Helimski 1997, 34. Все эти слова несомненно напоминают общеностратическое название куницы (ПИЕ **keun-*, ПКартв. **ḳwenr-* МССНЯ 346), но тюркское слово не может быть к нему параллелью, поскольку, скорее всего, таковою является ПАлт. **kur'en-* > ПТ **Kür'en* 'хорек, ласка, куница' (см. EDAL). При ближайшем рассмотрении оказывается, что тюркские формы можно разделить: сиб.-тат., шор. и хак. *kunu* 'росомаха' считать заимствованием из енисейских языков, а башк. *qono* и кар. *quna* 'куница', оба восходящие к **kuna*, считать заимствованием (по-видимому, вначале в половецкий) из хорошо известного др.-рус. *коуна* 'куница; денежная единица'. Проблему представляет самодийская форма: для енисейского (или сибирско-тюркского) заимствования у нее странное развитие значения, для уральской параллели к ностратической форме она слишком изолирована. Что касается заимствований названия росомахи, ср. ПТ **jēbke* 'росомаха': хак. *jekpe*, як. *siegen*, долг. *hiegen*, тув. *čekpe* VEWT 195 (имеет алтайскую этимологию: ПАлт. **zīpe* 'вид крупного хищника': ПМонг. **sibor* 'барс', ПТМ **sibigē* 'волк, медведь'), – заимствовано в аринское *джип'ка* 'куница', камас. *джапка* 'куница', маторско-тайгийско-карагасское *джибке* 'росомаха' (Паллас) – см. Хелимский КС 248, также со странным развитием значений. Современный ареал обитания росомахи полностью захватывает бассейны Енисея, Лены и более восточные и южные области; в Обь-Иртышье росомаха представлена гораздо хуже (Млекопитающие СССР 42–43, карта 79). Таким образом, географически легче всего представить себе заимствование в самодийские языки из енисейских либо тюркских; но, судя по варьированию значения, мы имеем дело с поздними взаимными заимствованиями в Саянском регионе – скорее, табуистического характера.

Заметим, что слова «рыба», «точить» и «ива» попали в списки праязыковых заимствований и в прасамодийский, и в праенисейский. Очевидно, заимствования между всеми тремя праязыками происходили на контактной территории, включающей енисейскую и самодийскую прародины. Датировать эти контакты было бы естественно начальным периодом продвижения тюрков на северо-запад, соответственно согласуя с другими датировками и локализациями, II–I веками до н.э. (заметим, что шаньюй Маодунь подчинил гуннской державе племена Саян, Алтая и Верхнего Енисея в 203–202 гг. до н.э. – Восточный Туркестан 1992, 118). В связи с этим можно предполагать, что современная глоттохронологическая датировка распада самодийского праязыка несколько заглублена, возможно, следует вернуться к традиционной датировке рубежом эры (см., например, Хелимский 1982, 45–46).

ОБЩЕТЮРКСКАЯ И ДРЕВНЕТЮРКСКАЯ ЭПОХИ

Второй уровень узлов на наших двух древах сильно различается. В первом случае (неотредактированные списки) это разделение на три ветви, ко-

торые можно определить как якутскую, сибирскую и остаток; разделение датируется 160 г. н.э. Во втором случае (отредактированные списки) так же датируется разделение на четыре ветви: якутскую, саянскую (тобаскую), огузскую в широком смысле (с включением древнетюркского) и остаток (условно можно назвать его центральной группой). Следует отметить, что ни одно из деревьев не показывает особого якуто-саянского единства, которое иногда предполагают на основании двух интересных, но явно не «связанных» фонетических черт: (а) развитие фрикативного интервокального *-δ- (аллофона **d*) во взрывной и (б) развитие *-rk > -rt* в ауслауте. Предположительно общее изменение **a > y* в якутском и тувинском в действительности представляет собой два разных процесса: в якутском *y* развивается из **ą* закрытого и из **a* открытого в позиции перед *-j*, а в саянской группе оно развивается из **a* открытого перед старыми лабиализованными гласными второго слога. Статус «сибирской группы», включающей саянскую, был не вполне ясен даже для тех тюркологов, которые ее предлагали; в лучшем случае можно видеть одну общую фонетическую изоглоссу для кыргызской и тобаской групп – сохранение конечных *-b* и *-g*, – но она очевидным образом не является связанной. В морфологии у них есть важная общая типологическая черта: большая часть бывших аналитических глагольных форм теперь являются агглютинативными, – но эти формы образованы в разных языках при помощи различающихся вспомогательных глаголов, что исключает общее прохождение процесса. Что касается дерева по отредактированным спискам, определенное количество общих инноваций, несомненно, связывает «центральные» языки и позволяет различить четыре ветви: якутский, саянские и огузские длительное время различали долгие и краткие гласные, «центральные» рано утеряли это противопоставление; в морфологии огузские языки сохранили старый именной показатель определенного аккузатива, в других языках заменившийся старым местоименным показателем; якутский, саянские и огузские языки сохранили перфектное причастие на *-myš*, остальные потеряли его и тем самым перестроили видовременную систему; большая часть этих процессов представляет собой «связанные» изоглоссы. Следует отметить, что близкая связь древнетюркского с огузской группой признается традиционно. Датировка этого узла может быть связана с какими-то сдвигами в результате второго передвижения гуннов на северо-запад (155 г. н. э.).

Что касается более поздних ветвлений, деревья сильно различаются, и большая часть этих различий может быть для «неотредактированного» древа связана с последующими территориальными контактами родственных языков. Видимо, так можно объяснять случай караханидско-тюркского, который на «неотредактированном» древе оказывается отделен от древнетюркского и связан с карлукско-кыпчакской группой; случай туркмено-саларского единства, отделенного от других огузских языков и связанного с кыпчакской группой; случаи ногайско-кумыкского и татарско-башкирского единств.

Третий уровень «отредактированного» древа датируется 470 г. н. э. (если искать исторических привязок, эта дата может быть соотнесена с миграцией рода Ашина на Южный Алтай около 460 г. и последующими политическими событиями). Этот уровень включает, во-первых, распад огузской «в широком смысле» группы на древнетюркский, халаджский и собственно огузский; во-вторых, распад «центральных» языков на сибирскую (фактически кыргызо-алтайскую) и карлуко-кыпчакскую группы. Затем около 730 г. н.э. практически одновременно огузская группа делится на западно- и восточноогузскую, а кыргызская группа расходится с горноалтайской (группировка происходит относительно традиционно); датировка сама по себе очень похожа на хронологические рамки становления уйгурского каганата и может отражать связанные с этим территориальные и политические сдвиги (в частности, затухание фукционирования Великого Шелкового пути; очень близка к этому времени первая фиксация кодифицированного древнетюркского литературного языка).

По-видимому, приблизительно к этой эпохе относится возникновение ряда китаизмов в древнетюркском, восходящих к среднекитайскому (см., например, Шервашидзе 1989); нуждаются в специальном анализе следующие ранние китаизмы, получившие распространение в новых тюркских языках. Происходило ли в этих случаях заимствование в общетюркский (например, зафиксировано ли оно в якутской и/или тобаской ветвях), в более мелкие ветви или же уже в древнетюркский литературный язык?

Среднекитайский и тюркский

1. **jaŋ* 'образ' (ЭСТЯ 1989, 121–122), фиксируется с др.-уйг., чув. нет, есть як. и тув. с семантикой 'характер', что может в данном случае указывать на монголизм. Все формы языков Сибири и кирг. также могут быть объяснены как монголизм[246] (с характерным развитием значения 'обычай, закон, характер'; более поздние монголизмы с *ǯ-* имеются также в кирг., каз., ккалп., башк.). Халадж. *yang* 'добрый обычай' из перс., о котором см. Doerf. 4, № 1903. Итак, рефлекс первичного китайского заимствования наблюдается только в литературных памятниках. Более распространено производное **jaŋ-lyg* 'подобный' (превращающееся в послелог «как»): памятники и языки Средней Азии (турк., узб., нуйг., сюг., ккалп., кирг.), которые, скорее всего, получили его через среднеазиатские литературные языки. Источник: кит.樣 совр. *yang* 4, ср.-кит. *jàŋ*, др.-кит. *laŋs* 'form, shape'. Соответствующее развитие инициали датируется примерно VII в. н.э. Тем самым, заимствование могло войти около VIII в. в литературный древнетюркский язык.

2. **jaŋ-gan* 'слон' (ЭСТЯ 1989, 60; СИГТЯ 1997, 156, фиксируется с др.-уйг. *jaŋa*, далее – в литературных памятниках; кроме того, имеются алт. *jän*

[246] Монгольский, скорее всего, заимствовал это слово из тюрк. (интерпретация начального *j-* как фрикативного).

(Верб. 64); сюг. *jaγan, jaŋan*, тув. *ǰan*]. Все сибирские формы могут быть монголизмами (письм.-монг. *ǰaγan*, из тюрк.). Источник: кит. 象 совр. *xiang* 4, ср.-кит. *zjaŋ*, др.-кит. *lhaŋʔ* (с «Шицзин») 'elephant, ivory'. Датировка по фонетике: изменение инициали *lh* в аффрикату указывает на Восточное Хань, т.е. заимствование произошло не ранее начала III в. н.э.; в памятниках и монгольском заимствовании отражена, видимо, возникшая уже в литературном языке контаминационная форма с аффиксоидом.

3. **čig* 'китайский фут, мера около 33 см': др.-уйг. *čigin tsunin* 'на футы и дюймы' U II, Suv. 136.8, *tört čig* 'четыре фута' (размер картины) Suv. 544.5; ср.-уйг. *čig* 'тюркский локоть, около 2/3 обычного локтя'[247] МК; новое заимствование – тар. *či* 'мера в 10 sun' < совр. кит. *ch'i* 'фут'. См. Cl. EDT 404. Чув. *чике* 'локоть (мера длины от локтя до конца среднего пальца)' Ашм. XV 195; Егоров 325 не имеет сюда отношения (вопреки Räs.VEWT 107ab), восходя к ПТ **čykan(ak)* 'локоть, предплечье' СИГТЯ 1997, 249. Источник: кит. 尺 совр. *chi* 3, ср.-кит. *ćhek*, др.-кит. *thiak* 'фут (= 22.5 см), мерить в футах' Karlgren 0794 a. Фонетическая датировка – среднекитайский, следует думать о заимствовании в древнетюркский литературный язык.

4. *kunčuj* 'принцесса': рунич. (орхонский и енисейский), др.-уйг., МК, в современных языках – только тув. *kunčug*, тоф. *huńšžuɣ* 'свекровь' (в паре с *beg* 'свекор', ср.: в руническом тюркском и гражданском древнеуйгурском *kunčuj* обычно употребляется как 'жена бега'). Clauson EDT 635; ЭСТЯ 2000, 150; Шервашидзе 1989, № 36. По предположению Дж.Клосона, первоначально слово применялось к дочерям китайского императора, посылаемым в жены варварским правителям; в древнеуйгурском употребляется и просто как 'супруга, замужняя женщина'. Кит. 1) 公 совр. *gong* 1, ср.-кит. *kuŋ*, др.-кит. *klōŋ* (с «Шицзин») 'clan head, Gong; palace, court' Karlgren 1173 a-f; 2) 主 совр. *zhu* 3, ср.-кит. *ćŭ*, др.-кит. *toʔ* 'person in charge, master' (ср. восточноханьское **ćwaʔ*), Karlgren 0129a. По фонетике форма среднекитайская. По-видимому, слово заимствовано в литературный древнетюркский (где ср.-кит. медиаль передана как дифтонг), а из языка тюркского или уйгурского каганата – в язык-предок тувинского и тофаларского (т.е. до 1150 г. – глоттохронологическая дата его распада), где оформилось стандартным аффиксоидом и получило дальнейшее семантическое развитие в рамках, по-видимому, обрядовой терминологии свойства (ср. в русской свадебной обрядовой терминологии «князь» и «княгиня» в значении «муж» и «жена»).

Среднеиранские заимствования, попадающие на обсуждаемую эпоху, связываются с восточноиранскими языками – в первую очередь это согдийский как язык народа, чрезвычайно активно занимавшегося на этих территориях торговлей и миссионерством. Зарождение торговой системы согдийцев датируют II в. до н.э., с конца IV до VII в. н.э. – время расцвета согдийской торговой империи, которая в это время была доминирующей силой в

[247] Метрическое значение мер типа фута – около 30 см; метрическое значение локтя в бассейне реки Хинчжоу – 45 см.

распространении китайских и индийских товаров на всю Центральную Азию. Интересно, что по данным историков, основной движущей силой Великого шелкового пути тогда были не просто согдийцы, а носители смешанной согдийско-тюркской культуры, часто выходцы из смешанных семей. К X в. согдийцы в основном вытесняются с торговых путей (см. рецензию М.Д.Бухарина на книгу: *Vaissiere E. de la.* Histoire des marchands sogdiens. Paris, 2002 // ВДИ, 2004. №2. С. 224–228).

Согдийский и тюркский

«Литературные» заимствования

1. **axšam* 'вечер': крх.-уйг. *axšam* MK, в новых языках – огуз., карлук., кар., кум., кбалк., каз., ккалп., кирг., т.е. «южномусульманская» зона, в тат. *ахшам* 'молитва, совершаемая после захода солнца', скорее из тюрки (см. ЭСТЯ 1974, 207; вопреки EDT 96, нет в сев.-вост. языках): источником считается незасвидетельствованное согд. **axšam*, восстанавливаемое на основании ср.-перс. *šām* 'вечер; ужин' < поздн.-ав. *xšafnya-*, ср. согд. *axšap* 'night' Gharib 2093 < ав. *a-xšapan* Bartholomae 548. Из тюрк. заимствовано монг. *asqun, asqan* KWb 16, причем у Рамстедта с пометой-нуликом, что значит, что письм.-монг. форма реально не засвидетельствована и восстановлена из калм. *asxəп*, скорее всего, новое заимствование из соседних кыпчакских языков.

2. Др.-уйг. *amšu* 'offerings' (to Buddha, TT VIII) EDT 164. Клосон предполагает заимствование из кит., но ср. согд. *āmsā* 'obedience, attention' Gharib 35, № 905. По-видимому, в конечном счете восходит к кит. *ān* 'знать, помнить', ср. *ān shú* 'быть хорошо информированным, знать, узнавать', но, учитывая значение тюрк. слова, следует предполагать заимствование через согдийское посредство (заимствовано из формы косв. падежа *āmsī*?).

3. *bayyš* 'подарок', в составе *bayyš-la-* 'дарить, наделять', с MK, KB, в этой фонетике в тур., аз., турк. *bayyš-la-*, гаг. *баашла-* 'дарить, посвящать'; тат., башк. *багыш-ла-* 'посвящать, предназначать', кум., балк. *багъышла-*, ног. *багысла-*, ккалп. *багышла-*, каз. *багышта-* 'дарить, посвящать' (ср. *бауыр* 'печень'), кирг. *багышта-*, узб. *bayiš-la-* 'id.', нуйг. *beyiš-la-* 'посвящать, предназначать', *beyiš* 'посвященное; мешочек с пшеницей нового урожая, хранящийся до следующего, якобы способствует получению обильных хлебов'; ср. также отдельные заимствования из новоперс. *бахш*. EDT 321–322; VEWT 56. В Сибири нет. В таком виде и значении – должно быть из согд. будд. *byš-* 'дарить, наделять' Gharib 2593, Расторгуева–Эдельман II 47, 56 (существительное в тюрк. – обратное словообразование?), ср. пехлеви *baxš-*, хот.-сак. *būṣṣ-* < ав. *baxš-* Bailey 300. По крайней мере в ногайской группе формы должны объясняться как литературное заимствование из тюрки (исконное *g* интервокальное должно было перейти в *w* или дать стяжение).

4. **tamu-g* 'ад': с др.-уйг. маних., будд. *tamu*, крх.-уйг. *tamu* MK, QB, форма *tamug* первый раз появляется в стихе QB: *iki ev jaratty bu xalqqa qamuy/ biri aty učmaq birinin tamuy* (с передачей морфологических форм) 'он создал

два жилища для всех этих народов, одного имя – рай, другого же – ад'; здесь синтаксически возможен винительный определенный падеж на *-g*, который к тому же рифмуется с предыдущей строкой. В Tfs уже Dat. *tamug-ka*, так же чаг.; ст.-осм. *ṭamu* может быть фонетически рефлексом *tamug*. В новых языках: **tamu*: алт., тел., шор. (Р), тув. *tamy*; **tamug*: тат. *tämug* (явное заимствование из тюрки), башк. *tamuq* (также из тюрки), каз. (Р) *tamyq* (из тюрки), узб., уйг. *tamuy*. Чув. *tamъk* < кыпч. < тюрки. Тур. *tamu*, турк. *tamu* могут равновероятно восходить к обеим формам. TMN II 568–569; Федотов II 169–170; VEWT 460; EDT 503. Чув. > мар. *тамык*. Др.-уйг. заимств. в монг. *tamu*. Тюрк. заим. из иран., скорее всего, согд. *tam* (имя с *i*-основой, в форме вин. пад. – *tmw*) Gharib № 9588 (ср. еще хорезм. *tam* < авест. *təmah*), производные прилагательные ('адский'): № 9591 *tamk̄*, № 9604 *tamik*, № 9605 *tamēnu*. По-видимому, источником **tamu* послужила форма вин. падежа, а **tamug* – одно из *k*-производных; приходится согласиться с предположением Клосона о заимствовании в разные тюркские диалекты разных форм. Кроме того, все сибирские формы могут быть монголизмами.

5. **uštmak* 'рай' (народная этимология перестраивает его как имя по глаголу **uč-* 'летать'): с МК *učmak*, QB, Tfs *uštmax, učmak*, позже только формы типа *učmak*. В новых языках: тур. *učmak* (по свидетельству Клосона, не представлено в османском XIX столетия, но введено младотурецкой реформой как якобы исконная замена арабизма *cəppa*), турк. *učmax* и *učmā*, кар. *učmag*, башк. диал. *oǯmaq*, каз. (Р), кирг. *učmak*, узб., уйг. *učmaq*. В Сибири отсутствует. См. ЭСТЯ 1974, 614; EDT 257; TMN II 12. Заимствовано из согд. *'wštm'x, uštmāx* Gharib № 2008 < авест. *vahištəm-ahūm*, букв. 'лучший мир', ср. ср.-перс. *wahišt*, перс. *bihišt* 'рай'.

6. Рунич., др.-уйг. ман., будд. *šymnu* 'злой дух' EDT 868 < согд. *šmnw*, хр. *šymnw* Gharib № 9293, < ав. *Angrō mainyū*, пехл. *Ahriman*.

7. Др.-уйг. ман. *b/pašyq* 'гимн' EDT 378 < согд. *p'šyk* Gharib № 6515.

8. Уйг. маних., будд. *ajun* 'жизнь, существование, мир; перерождение', МК 'мир' ('al-dunjā), = КБ, Tfs, IbnM, чаг. (Абушка), хорезм.-тюрк. (Кутб, Мухаббат-Намэ), позднее заменяется на араб. заимствование *dunjā*. Из согд. *āžūn* [*"žwn*] 'child, existence, life' Gharib № 431. По свидетельству Клосона, в пореформенный совр. турецкий *acun* 'вселенная, мир, космос' попало по ошибке, в качестве исконно тюркского слова ради замены арабизма *dunya* (EDT 28, VEWT 33).

9. Крх.-уйг. *erej* 'bliss, happiness' КБ: Клосон (EDT 200) связывает с рядом форм в тюркских средневековых памятниках и современных тюркских языках. Но только формы из КБ могут восходить к согд. *ryz/ž* 'хотеть, желать, требовать' Gharib № 8673, 8676, при неидеальном соотношении значений. Остальные связываемые с данной статьей EDT формы имеют, по-видимому, разное происхождение: МК, Tfs *erinč* 'счастье, удовольствие; поворот судьбы', как предполагал Рясянен (VEWT 47), может быть связано (будучи нормальным отглагольным именем) с монг. **eri-* 'искать, стремиться, хотеть, просить' (БАМРС 4, 437); встречающиеся в

ряде современных языков рефлексы **yrys* 'счастье, удача', скорее всего, связаны с тюрк. глагольным корнем **yr-*, см. ЭСТЯ 1974, 666–667, EDAL.

10. Др.-уйг. будд. *suburgan* 'могила', МК 'курган, языческое кладбище' EDT 792 из согд. **zmrɣ'n*. Из уйг. заимствовано в монг. халха *suvraga* 'надгробная пирамида', из монг. в тув. *suvurga, suurga* 'башня, шпиль'. Этимология принадлежит В.Хеннингу (Transactions of the Philological society. L., 1945. P. 157).

11. Др.-уйг. маних. *didim* 'венец', крх.-уйг. *didim* 'венок невесты' МК. В новых языках нет. Из др.-уйг. заим. в монг.: письм.-монг. *tidim*, халха *titem* 'корона; элемент графики: зубец с коронкой' БАМРС 3, 209. Из согд. *δυδm* < греч. *διάδημα*. EDT 456.

12. Др-уйг. будд. *miδik* 'мирянин' EDT 765 < согд. *myδ'kk* 'мирской' Gharib №5589.

13. Др.-уйг. будд. и маних., затем МК 777 *nom* 'закон, учение' из согд. *nwm* Gharib № 6138; согд. из сир. *nwm*, как манихейский термин. Ср. ср.-перс. *nāmag* 'книга, буква' (собственно иранское по происхождению) CPD 57. Из др.-уйг. заимствовано монг. *nom*: письм.-монг. *nom*, халха *nom* 'книга, учение', бур. *nom* 'книга; грамота', оттуда в тел. *nom* 'закон', тув. *nom* 'книга'.

14. Уйг. будд. *üjek* 'буква, иероглиф, слог', *üzik, üsik*, МК *üjük* 'буква, алфавит', куман. *ušuq* 'написание', ср.-кыпч. (Хоутсма) *üšük* 'перо'. Очевидно, < согд. *užāk* 'буква' ['wj'k] Gharib № 1893 (? < др.-кит. *dzjij*, см. EDT 24, VEWT 525). Уйг. (?) > монг.: письм.-монг. *üsüg, üjüg*, халха *üseg, üzeg* 'буква, литера', 'перо для писания'. Новые языки: галт. *üzük bičik* 'монгольское письмо', тув. *üjük* 'буква' – очевидно, из монг., возможно, оттуда же тур. диал. анат. *üzük* 'буква' EDT 24. Тат., башк. *ijek* 'слог', скорее всего, восходят к тюркам, т.е. языки унаследовали слово через литературную традицию.

15. Др.-уйг. будд. *kegde/kagda* 'бумага' EDT 710. Из согд. *k'ɣd'* [*kāɣdā*] Gharib № 4632. Неясным остается способ адаптации по ряду (долгие гласные в согд.!), но ср., возможно, согд. *k'ɣdy'k* [*kāɣdyāk/-dek*] 'бумажный' Gharib 4635. Ср. перс. *kāɣiδ*. Ср. койб. *kegde* 'плотная бумага' Р – возможно, из монг., ср. халха *хэгд* 'сафьян с золотыми узорами' БАМРС 4, 204 (через «пергамен»?).

16. Др.-уйг. гражд. *bun* в *bun sany* 'базовое число' (в астрономическом контексте) EDT 347 < согд. *bwn mrɣ* 'то же' Gharib № 2915 (само согд. выражение, видимо, основано на заимствовании из ср.-перс., ср. согд. *bwn* 'дыра, яма', ср.-перс. *bun* 'база, основание, дно' CPD 20, х.-сак. *buna* 'дно, глубина' Bailey 297).

17. Др.-уйг. ман. и будд. *čaxšapet* 'командир' EDT 412 < согд. *čyš'pδ*, = парф. *čyš'byδ* из скр. *śikṣāpada* Gharib № 3315.

18. **sandyyač*. крх.-уйг. *sanduwač*, *sondylač* (МК), *sanwač* (QB); ср.-уйг. *sanduwač* (IbnM, Rbɣ), *sandylač* (IbnM); хрзм.-т. *sanduwač, zandawač* (ХШ); чаг. *sandalač, sandulač* (Sangl.); кар. К.,Т., тат.диал. *sanduyač*, башк. *handuyas'*, каз. *sanduyaš*; алт. *sandyyaš*, тел. *sandyq*. Значения: 'соловей' – в большинстве источников; 'жаворонок' – алт.; 'какая-то маленькая птичка' – варианты с *-l-*

в крх.-уйг., ср.-уйг. и чаг. См. VEWT 401, 436; EDT 837; ЭСТЯ 2003, 190–192 и цитированную там литературу. Слово представляет собой старое заимствование из согдийского *znt'wč*, букв. 'певец', ср. согд. *znt'wčh mrγ'* 'певчая птица' Gharib № 11362 (*znt'wčh* 'певец') и целую серию синонимов, имеющих в своем составе *zand* 'песня' и сохранившихся в персидском: *zand-x'a:n, zand-va:f, zand-la:f* и т.п. – см. *Benveniste E.* Mots voyageurs en Asie Centrale // JA. CCXXXVI. 1948. Fasc. 2. P. 184. В ряде случаев оно подверглось народной этимологизации с попыткой выровнять морфемный состав слова по образцу тюркских производных имен. Возможно, тел. *sandyk* (обратное словообразование по отношению к расцененной как уменьшительное на *-γaš* форме *sandyγaš*) послужило источником заимствования эвенк. *сондоку:н* 'птичка' ССТМЯ II 110, но скорее эвенк. слово следует связывать с монг. формами: ср. халха *сонд* 'разные виды овсянок', письм.-монг. *sondi*, возможно, связанные с др.-уйг. Похоже, что это еще один пример действительно раннего согд. заимствования не только в «литературный» язык (возможно, в праязык «остаточных» тюркских языков; впрочем, вполне возможно, раздельного в разные диалекты).

19. Др.-уйг. мед. *myškyč* 'кошка' EDT 772. Эта древнеуйгурская форма (гапакс) вполне обоснованно считается заимствованием из согд. *mwškyšč* 'дикая кошка' (Gharib №5561: < **muša-kuštar*, т.е. 'мышеубийца').

20. Др.-уйг. маних., будд. *tarka, terke* 'горький' (*ačγg tarka emgek* 'жгучая острая боль') EDT 539 < согд. *tarγ* [*trγ*] Gharib 9643 'sharp, hard, fierce', ав. *tiγra* 'острый, горький', х.-сак. *ttira-* 'горький'. Неясна связь с согдийским заимствованием крх.-уйг. *tarka, talka* 'незрелый (плод)' МК, = перс. *talx* 'горький'.

21. ?? Др.-уйг. будд., христ., гражд., крх.-уйг. МК, QB, хор.-тюрк. (Огузкаган) *šük* 'ш-ш-ш' EDT 867. Сохраняется в нуйг. По Benveniste JA 236, с. 184, из согд. *šwk* 'молчаливый, безмолвный' Gharib № 9352.

«Хозяйственно-экономические» заимствования

22. ОТ **bōrč* 'долг' см. ЭСТЯ 1978, 196–197 (ср.-кыпч. - KW, At-tuhfa, ср.-уйг. – Бор.ЛТ, IbnM, ср.-огуз. - Мел.АФ) СИГТЯ 1997, 338. Чув.диал. *purъš* 'долг' (Ашм. IX 305) не обязательно свидетельствует о пратюрк. характере слова, ср. тат. *бурыч*, башк. *бурыс*, пересчетом с которых может быть чув. форма. Остальные встречаемости – во всех огуз., кыпч., карлук. языках. В Сибири нет. Из согд. *pwrc* < **partu-č* < **pṛti* 'loan' Gharib 8202, cf. авест. *pərəθa-* 'Strafe' Barth. 892. Как будто единственная возможность этимологизации тюркского слова.

23. Крх. *maraz* 'наемный работник' гапакс МК EDT 772, из согд. *marāz* Gharib № 5418 то же.

24. Др.-уйг. (будд.) *känd*, крх.-уйг. *känd* (МК, QB); ср.-кыпч. *kent* (KW 138), *känt* (Houts. 99, Abû H 45, Tel. 314); чаг. *kend* (Pav.C 489); ст.-осм. *kend* (TS VI 412); тур.диал. *kent* (Aks.Gaz. 447), турк. *kent*; кум. *gent*; ккалп. *känt*; каз.устар. *kent*; узб.диал., уйг. диал. *känt* (Абд.Хор.Ш. 55); см. ЭСТЯ 1997, 44; EDT 728a; Doerf. III, № 1705 (670); СИГТЯ 1997, 494. В Сибири не пред-

ставлено. Семантика: 'село, селение' – ср.-кыпч. (Houts., AbûH), чаг., тур., диал., турк., кум., ккалп., узб.диал.; 'город' – др.-уйг., крх.-уйг. (по объяснениям МК, 'деревня' у огузов и 'провинциальный город' у прочих тюрок; в восточных провинциях город называется *kän*), ср.-кыпч. (KW), ст.-осм. (TS).

Тюрк. слово из восточноиранского, представленного согдийским *knč* 'город' Gharib 4770 (ягноб. *kant*), х.-сак. *kanthā-* 'город' Bailey 51, осет. *kænt* 'здание' Аб. I, 579, пушту *kandai* 'квартал' (с уменьш. суфф.). Прочие иранские формы (ср.-перс. *kand* как часть топонимов, вост.-новоперс. *kand* 'деревня', белудж. *kant* топоним; также др.-инд. (Панини) *kanthā-*), видимо, должны считаться восточноиранскими заимствованиями, по культурно-историческим причинам, скорее всего, согдийскими. По-видимому, согдийское же происхождение должно быть принято для тюрк. слова (сакские заимствования в тюрк. языках устроены иначе, см. ниже).

25. Крх. *bečkït* 'порог, крытый вход', гапакс МК EDT 295, см. Doerf. II, № 722. По Benveniste JA 236, из согд. *ptšknp* [*patškanp*] Gharib № 7925, ср. другие формы: хорезм. *pičkaba* 'стена' Фрейман Хор. 104, арм. *patšgamb* 'покой, зал' из ср.-перс. *pdyšknb* 'комната'; из др.-ир. **patiškamba*, ср. авест. *fraskəmba* 'балка, прихожая' Bailey 413. Новоперс. *bačkam* (скорее всего, из тюрк.), *paškam* 'летний домик; вход, зал ожидания', последняя форма, видимо, сама из согд.

26. Крх. *borduz* 'огород' гапакс МК EDT 359. Видимо, из согд. *pārdez* 'сад' [*p'rdyz*] Gharib № 7103? Ср. ав. *pari-daeza,* перс. *pāliz* > Ar. *fāliz*; тадж. *полиз* 'бахча'. Нерегулярное отражение согд. *ā* долгого как *o* может быть обусловлено слегка более поздним заимствованием из местного варианта согдийского?

27. Др.-уйг. **bāγ* 'сад' (первоначально 'виноградник', *bag borluk* парное слово в буддийском покаянном тексте; отметим, что второе слово сочетания, собственно 'виноградник', произведено от *bor* 'вино'[248] с помощью суффикса Nominis loci, см. EDT 311, ДТС 77, итак, виноградник – чуждое явление для тюрок?), МК, QB, в новых языках – во всех потомках «общетюркского», кроме сибирских (VEWT 55); но, собственно говоря, для огузских возможно сепаратное заимствование из новоперсидского. В чув. полукалька из тат. *pax ulmi* 'садовое яблоко' (тат. *bag alma*). Впрочем, тат. *bag* имеет помету «книжное», так что, возможно, в северо-кыпч. заимствование пришло через литературный язык. Н.-перс., ср.-перс. или согд.? (пехлеви, согд. *bāγ* Horn 39; Gharib № 2447; Расторгуева–Эдельман II 52).

28. Крх. *baδič* 'подпорка для виноградной лозы' гапакс МК, EDT 300, ср. н.-перс. *wāyič*, тадж. *wo'iš* (эти формы определенно являются согдийским заимствованием, согд. слово должно быть производным, восходящим к ав. *vaetay-* 'лоза' Barth. 1314). Согд. форма у Гариб не зафиксирована, но она

[248] Это слово (не сохранившееся за пределами тюркских средневековых литературных языков) обычно также считают заимствованием из ср.-перс. (см. EDT 354) *bōr*, которое, однако, засвидетельствовано только в значении «рыжий» – см. CPD 19. Не является ли оно в действительности «булгарской» параллелью к общетюрк. **bōza* (ЭСТЯ 1978,173–175)?

была бы наиболее вероятным источником тюркского слова с фонетической точки зрения.

29. Крх. *kenbe* 'какое-то растение' гапакс МК (ганчакское), Cl. EDT 727: prob. Iranian. Ср. согд. *kynp'* **kenbā*, сак. *kumba* 'flax' Bailey 62 (< **kanaba*, бродячее слово, в основном для конопли, подробно см. Bailey 51–52, Стебл.-Кам. НКР 63–64). Тюрк. форма соответствует практически точно согдийской по фонетическому облику.

30. Крх. *zargunčmud* 'тип базилика' гапакс МК, EDT 989,< согд. *zrywnč* 'зеленый' + *mwrt'* 'myrtle' Gharib № 11402, 5535. См. Benveniste JA 236, 2, 184.

31. Крх. *čat* 'источник' гапакс МК EDT 401 из согд. *č't* 'источник' Gharib 124, ср. х.-сак. *tcāta* 'озеро, лужа' Bailey 138, осет. *cad* 'озеро', ср.-перс. (зор. пехл.) *čāh*, н.-перс. *čāh* 'источник' (тюрк. форма точно соответствует согдийской по форме и значению).

32. **čykyr*, **čykry* 'механизм, использующий колесо: водоподъемное устройство, блок, колодезный ворот, прялка и пр.': с МК (*čygry* 'мельничное колесо, водяное колесо'; *kök čygry* 'небесный свод' EDT 410). Во многих языках – новоперсидское заимствование того же корня (*čarx*). В данной фонетике слово должно быть из согд. *cy/xr* 'круг, колесо' Gharib 3180 (< авест. *čaxra-*, см. иран. формы в Аб. I, 288, Расторгуева–Эдельман II 248–250, что делает излишним предположение о заимствовании из индийского – Менгес ВЭ 182). Рефлексы согд. заимствования в новых языках: тур. *čykryk* 'мельничное колесо, водяное колесо', кар. К. *чыгъырыкъ* 'кольцо', тат. *чыгыр* 'блок, ворот, чигирь', ног. *шыгыр* 'катушка' , каз. *шығыр* 'ворот', ккалп. *шығыр* 'чигирь', *шығыршық* 'прибор для очистки семян хлопка', кирг. *чыгырык* 'ручная машина для очистки хлопка от семян; барашек; что-либо вращающееся в форме колеса', узб. *чиғир* 'чигирь', *чиғириқ* 'ворот, прокатный стан, машина для очистки хлопка', уйг. *чиғириқ* 'ворот'. TMN III 72; VEWT 108 (вопреки Рясянену, тел., галт. *чыйра-*, ног. *шыйра-*, каз. *шира-*, узб. *чийла-*, *чийра-* 'скручивать, ссучивать нитку', кирг. *чыйрак* 'скрученная нитка' – не к этому корню, ср. приведенные выше формы, см. EDAL, тюрк. **čyg-* 'to tie up'). В Сибири, таким образом, не отмечено.

Как видно из приведенного набора, согдийские заимствования в тюркских языках – это либо заимствования в древний литературный язык, откуда с литературной традицией они могли расходиться по другим языкам, либо местные заимствования в язык, распространенный в Восточном Туркестане и обозначаемый обычно как караханидско-тюркский, либо заимствования в «працентральный» язык (таким образом, до 479 г. н.э.; таковым может считаться «соловей»), либо в працентральный и праогузский (как находившиеся на тот период в непосредственном контакте с согдийской торговой империей; таковыми могут считаться «чигирь», возможно, «сад», «город», «долг», «рай», «ад», «подарок», «вечер»). Заимствованная лексика охватывает сферы земледельческой культуры, торгово-обменных отношений и религиозных понятий.

Среднеперсидский и тюркский

Среднеперсидский язык датируется как существовавший с IV в. до н.э. по VII–VIII вв. н.э.; реально представленные тексты, если не считать скудных данных монетных легенд II в. до н.э., хронологически коррелируют с периодом Сасанидского государства (224–661 гг. н.э.). Среднеперсидский являлся языком литургии восточной манихейской церкви, что во многом определяет характер заимствований.

«Литературные» заимствования (прежде всего из ср.-перс. в манихейский уйгурский):

1. Рунич. (с надписи Тоньюкука), уйг. ман. и будд. *betkeči* 'писец' EDT 304. В конечном счете из сир. *petga* 'табличка', из греч. πιθακιον. Слово не зафиксировано в ср.-перс. и согд., но по культурно-историческим соображениям скорее всего заимствовалось в тюрк. из ср.-перс.

2. Др.-уйг. ман., будд. *bekiz belgülüg* 'ясно манифестированный' EDT 330. Из ср.-перс. *pāk, pākizag* 'чистый' CPD 64, н.-перс. *pāk, pākizah* 'чистый, невинный' < ав. *pavaka-* 'rein, klar'. Не вполне ясна переднерядная адаптация в тюрк. при долгом *ā* в ср.-перс., возможно, влияние *-i-* второго слога? Тох. В *pākri* 'clear, obvious', А *pākär* 'id.' Adams (с неясной этимологией), возможно, также может быть ср.-перс. заимствованием.

3. Др.-уйг. ман., будд. *tarazug* 'весы' EDT 554, из ср.-перс. *tarāzūg* 'весы; созвездие Весов' CPD 82. Крх.-уйг. поздн. *tarazū* 'весы' Tfs, 'созвездие Весов' IbnM, куман., ср.-кыпч., ср.-турк. *tarazu* 'весы' из новоперс. *tarāzū*, в новых языках – огуз., карлук., кыпч. (ср. каз. *Tarazy,* кирг. *Taraza* 'созвездие Весов'), в Сибири не зафиксировано.

4. Уйг. будд., поздн. уйг. (XIV в., кит.-уйг. словарик) *najvašigi* 'добрый дух' EDT 775; скорее из тох. А *naiväsik*; но хор.-тюрк. (Огуз-Наме) *nevšigi* из ср.-перс. (оно же источник тох.формы) *nēw wāxšig*. См. еще Bailey Indoiranica.

5. **tan* 'тело': в этой фонетической форме – в др.-тюрк. с Ырк Битиг, MK, Tfs, средне-кыпч. В новых языках не встречается. EDT 510 («необычайно раннее иранское заимствование»). Новоперс. заимствование: хорезм.-тюрк. *ten*, тур., гаг., турк., кар. *ten*, тат., башк., ккалп., каз. *tän*, кирг. *ten*, узб. *tan [tän]*, уйг. *tän*. VEWT 473. Источником др.-тюрк. (заметим, что только руническая запись в Ырк Битиг гарантирует прочтение заднерядного *a*, а не *e*) считают ср.-перс. *tan*, ср. также согд. *tan-* в *tan-pār* 'тело' и прочих производных (Gharib 388); сак. *ttani* не может быть источником по значению ('кожа'). См. Аб. III 261, иначе Bailey 122.

Производное: **tene*: узб. *tana [tänä]*, уйг. *tenä*; чув. *tu/ona*. а) Ствол (дерева) – узб., уйг., чув.; б) стебель (растения) – уйг., чув.; в) тело, туловище, стан – узб., уйг.; г) лапка, ножка (птицы) – чув.; д) нога – чув. диал. Тюркские формы в основном могут быть новоперсидскими заимствованиями, ср. перс. تنه *tenä* а) корпус, туловище; б) ствол (дерева). См. СИГТЯ 1997, 118. Проблему представляет чув. форма, которая должна фонетически восходить к пра-

тюрк. *tanag*. Учитывая семантические расхождения, можно вопреки Федотов II 247 вернуться к этимологии Рясянена (VEWT 461), отделяющего чув. и связывающего его с каз. *taŋ*, тел. *taŋ* 'задняя часть, бедро животного'.

6. Крх.-уйг. *osparla-* 'передавать, доверять' (караханидские декреты), далее в средневековых памятниках: Тефсир *ospar-la-, yspar-la-, ysmar-la-*, IbnM *ysmarla-*, хорезм.-тюрк. *ysparla-*, ср.-кыпч. *ospurla-, ysmar-la-*, ст.-осм. *ysmarla-* EDT 241–242. В новых языках тур., крым.-тат. (Р) *ysmarla-*. Слово – юридический термин, явно распространялось через литературную традицию; источник – ср.-перс. *awspār-* (<**us-+par-*) (> н.-перс. *supār-dan* 'передавать, доверять') Horn № 97.

Торговое заимствование

1. **barčun*: др.-уйг. будд. *barčyn*, крх.-уйг. *barčyn* КБ, IbnM 'шелковая парча'; далее хорезм.-тюрк. *barčyn* (Нахдж ал-Фарадис), кыпч. словарь *barčyn* (Abû H.) то же, см. EDT 357–358 (с очевидно неверной тохарской этимологией); заимствовано (судя по времени и месту, а что касается венг. – и по фонетике, из дунайско-булгарского) в старослав. *брачина*, венг. *bársony*. В новых яз.: чув. *порзын* 'шелковая ткань', из чув. (позднего волжско-булгарского?) заим. в рус. *бурса́* 'персидская шелковая ткань' Фасмер I 208–209 и в поволжские финно-угорские языки: мар. *порсын, парсын*, удм. *буртчин* и др. (Федотов I 447); из ср.-перс. *abrēšom* [*'plyš(w)m*, маних. *'bryšwn*] 'шелк' CPD 4, перс. *abrēšum* < **abi-raiš-* 'прясть', см. Аб. I 132; Цаболов I 15–16; перс. заимствовано в том же значении 'шелк' во многие иранские языки. Новоперс. заимствовано в тур. *ibiršim*, ново-уйг. (Р: таранчи) *äbrišin* 'шелковый', ср. перс. *berišem*. Это слово формально может быть пратюркским заимствованием, связанным с ранними этапами действия Шелкового пути – действительно, уже при Сасанидах (с 224 г. н.э.) Персия получала в изобилии шелк-сырец, и в Сасанидской империи работали многочисленные мануфактуры по его обработке, и уже при Августе (27 г. до н.э. – 14 г. н.э.) шелк, по-видимому, через парфян попадал в Рим. Другая возможность – предполагать некоторый слой «базарных» заимствований в раннебулгарском (подвергающихся фонетической адаптации) из центральноазиатских тюркских языков.

Новоперсидский и ранний тюркский

Начало существования новоперсидского языка датируется IX в. н.э. Здесь мы рассматриваем такие новоперсидские по внешнему облику заимствования, которые фиксируются в памятниках древнетюркского периода, т.е. не позже караханидских. Можно видеть, что все эти заимствования либо носят узко-локальный характер, либо вошли в уже разделенные языки (соответственно, рефлексы в общем случае не позволяют восстановить закономерного прототипа, и форма, приводимая под звездочкой, носит чисто условный характер). Обращает на себя внимание сугубо хозяйственная тематика заимствований.

1. **akur* 'конюшня, стойло'. Крх.-уйг. *aqur* 'конюшня' (МК, КБ); EDT 89, IM *axyr* см. Räs.VEWT 10a, где это слово и его соответствия возводятся к

персидскому источнику; см. также Буд. I 19; P I 133, но ДТС 49 ⇐ ар.). СИГТЯ 1997, 527; чаг., осм., аз. *axur*, осм., кар. *axyr*, кум. *axur*, вост.-тюрк. *ayur*, таранчи *oqur* VEWT 10. Пехлеви *āxwarr* CPD 14, согд. *'xwyr = āxwēr ⇒ 'ywyr* Gharib 2130 'stable'; нперс. *āxur* 'хлев'. Скорее, слово заимствовано из новоперс., в уже разделенные языки «южномусульманской» зоны.

2. **čögen* 'клюшка': с МК *čögen* 'палка с загнутым кольцом, клюшка для поло', = ст.-осм. XIV в. EDT 416. В новых языках: тур. *čögen*. Из новоперс. *čawgān* 'то же'. VEWT 117. Имеется и неадаптированное заимствование из новоперс.: тур. *čevgân*, узб. *чавгон*.

3. МК *kirit* 'ключ' (гапакс). VEWT 271, EDT 738. В этой форме – кум. *kirit* 'ключ, замок', балк. *kirit*, ног. *кирт* 'замок', 'замок'. Более поздняя по первой фиксации форма – *kilit* Tfs, IM, Qutb. Эта форма встречается в новых языках (с некоторыми перестройками): тур., гаг. *kilit*, аз. *kilid* 'замок', турк. *килт* 'крючок, задвижка', кар. *kilit* 'замок, ключ', башк. *kelə* 'щеколда', каз. *kilt*, ккалп. *gilt* 'ключ', кирг. *kilit* 'ключ', узб. *kalit* 'ключ', нуйг. *kiltang* 'засов', сюг. *gilig* 'замок'. < нперс. *kilīd* < араб. *iqlīd* < греч. *κλειδιον*. На сибирские языки форма не распространяется [шор. *kiliš* 'ключ' из рус., тоф. *hülüpči* 'замок' < рус. *ключик* Рас. ФиЛ 192 (с перестройкой под распространенное монг. суффиксальное образование на *-bči*), як. *külüs* 'замок' из рус.]. Форму с *-r-* Дж.Клосон пытается объяснить из согдийского (что возможно фонетически, ср. использование в согд. графемы */r/* для передачи иноязычного *l* – Среднеир. 414), но согдийская форма не зафиксирована, арабизм в согдийском маловероятен; возможно, прав М.Рясянен, предполагающий контаминационное воздействие на новоперсидское заимствование отглагольного *kirit* 'вход'.

4. Крх.-уйг. *armut* (МК), ср.-кыпч. *armut* (Kav.), арм.-кыпч. *armut ~ armut'* (Tryj. I 74); тур., гаг., аз. *armud*, турк. *armyt*, сал. *armut ~ ārmut*; ктат., кар.К. *armut*, кум. *harmut*, ккалп. *almurt*, каз. *almūrt*; кирг. *almurut*; узб.обл. *olmurut*, уйг. *a(r)mut ~* уйг.Хот. *amut* (Мал.УНС 94) *~* уйг.диал. *armut ~ amrud ~ āmut* (Jarr. 26) 'груша'; в Сибири и в чувашском нет: из нперс. امرود *āmrūd* 'груша' Стебл.-Кам. НКР 104, 107 (ПИЕ **amel-* 'фруктовое дерево, его плод', подробно см. Гамкрелидзе–Иванов 639–643 и наст. изд., с. 781). «Усвоение слова происходило, вероятно, двумя путями (из двух источников?): первый (южные языки) – посредством закрепления формы с метатезой (**amrud* > *armut*), второй (языки среднеазиатские) – появлением для благозвучия плавного *l* перед *m* (**amrud* > *almur(u)t*)» – см. СИГТЯ 1997, 139.

5. Позднедревнеуйг. *tana* 'кориандровое зерно', крх.-уйг. *tana* id. МК, ср.-кыпч. *tana* 'жемчужина'. EDT 515. Из перс. *dāna*. Ср. ср.-перс. *dānag* 'семя, зерно' CPD 24.

6. *čekik* МК 'жаворонок', ст.-осм. XV–XVI вв. *čekik, čekük*, осм. (Red.) *čekik* 'жаворонок' EDT 415 (без этимологии) – ср. ср.-перс. *cakōk* [*ckwk*], новоперс. *cakōk* и *cakāwak* 'жаворонок' CPD 21, имеющее иранские параллели: хорезмийское *čkyk* 'маленькая птичка – род зяблика? синица?', *ckwnk*

'жаворонок', см. Расторгуева–Эдельман II 215. Очевидно, новоперсидское заимствование в разделенные языки.

7. *merdek* гапакс МК 'медвежонок, поросенок' EDT 772 (без этимологии) < новоперс. *mardak* 'уменьш. к «мужчина», тадж. 'самец'. Локальное заимствование.

8. Ср.-уйг. *baha* 'цена' (Юг., в составе *bahalyγ* 'ценный'), ср.-кыпч. *baha* (KW 47) ⇐ перс. بها (ср. пехл. *vahāk* тж. – Horn № 242); слово отмечено в кыпчакских, карлукских и огузских языках (см., напр., Räs.VEWT 55b). При этом есть горноалт. *bā*, тув. *bā*, хак. *pā* 'цена, штраф', як. *bā* 'упрек' – и, по-видимому, все они – обратные заимствования из монг. *bā* 'цена, штраф'. Чув. *паха* 'дорогой, драгоценный' Федотов I 392 – по фонетике очевидное заимствование из общетюрк., но не из тат. (тат. *бәя*), возможно, из башк. *баһа* 'ценность, драгоценность'; или непосредственно из новоперс.

Новоиндийские языки и ранний тюркский

Здесь мы также выбрали такие потенциальные новоиндийские заимствования, которые фиксируются в памятниках древнетюркского периода, т.е. не позже караханидских. Тематические области и географическое распространение лексем явно указывают, что мы имеем здесь дело с «базарными» заимствованиями, связанными с территориями, охваченными Шелковым путем. Наличие индийских колоний и факторий по Великому шелковому пути отмечается уже в большом объеме во II в. н.э. (Восточный Туркестан 1992, 78); правда, сохранившиеся письменные памятники с этих территорий – либо на санскрите, либо на северо-западном пракрите (нийя или гандхари; написаны письмом кхарошти). Начало же новоиндийского периода датируется X, самое раннее – IX в. н.э. (*Masica C.P.* The Indo-Aryan languages. Cambridge, 1991. P. 50–55, 472). Впрочем, эта датировка вряд ли может быть точной, поскольку ранний период новоиндийских языков очень плохо зафиксирован. Учитывая «базарную» специфику, можно ожидать, чтобы заимствования в тюркские языки происходили из разных новоиндийских диалектов, но, вероятно, более частыми должны быть заимствования северо-западного типа.

1. Крх.-уйг. *čit* 'вышитый шелк' EDT 402, см. TMN 3, 129, VEWT 103 [представлено в огузских (тур. *čit, -ti*, аз. *čit*, турк. *čit*, формы демонстрируют изначальную краткость гласного), кыпчакских, карлукских языках; в Сибири отсутствует: шор. форма *шыт* 'плотный (о материи)' – другое слово, восходящее к пратюрк. **čyt* 'плетенка', см. VEWT 112] Как источник заимствования называют перс. *čīt* 'ситец, бумажная набивная ткань', заимствованное из инд., в конечном счете из скр. *citra* 'пестрый' (ср. авест. *čithra*) (см. Аб. I 312, Цаболов I 241). Учитывая сугубо «торговый» характер заимствования, можно предположить, что ранние тюркские языки в Центральной Азии могли получить его и непосредственно из новоиндийских (как и нперс., судя по развитию сочетания *-tr-*), ср. хинди *čīt* 'ситец', панджаби *čīt* 'коленкор, миткаль' и под. Turner 261, что облегчает трактовку

краткости гласного (персидская долгота обычно хорошо сохраняется при заимствовании в огузском).

2. **murč* 'черный перец', как будто действительно обще- и даже пратюркское, с др.-уйг. *murč*, крх.-уйг. *murč* МК, позже с заменой *m-* > *b-* (поскольку в исконно тюркских словах начальное *m-* появляется в отдельных группах языков как позиционный вариант *b-*, распределенный в разных языках по разным правилам, непременно включающим, однако, наличие в последующей части слова носового согласного): чаг., ср.-кыпч., ст.-осм. *burč*, др.-булг. **burś*, при заимствовании закономерно давшее венг. *bors* (Gomb.BTLU), закономерно и чув. *pъръś* (заим. в мар. *purys*). В других новых языках – тур. *burč* 'омела' (возможно, не сюда, а к *bur-* 'вить, плести'), турк. *бурч*, кар. *бурч*, кум., балк. *бурч*, тат. *борыч*, башк. *boros*, ног., ккалп. *бурыш* 'перец' – также регулярные рефлексы этой праформы. Карлукские (узб. *murč*, уйг. *mu(r)č*), центральные (кирг. *мурч*, галт. *мырч*) и сибирские [куманд. *пырч, пурч*, хак. *мырс* (саг.)] могут сохранять старое *m-*. Как источник заимствования называют согд. *marc, maric* 'перец'; ср. Gharib 5416: *mr'ynck'* = *marēnčka* < санскр. *marīca* id. Mayr. II 321 (заимствование, из мон-кхмерских? Или ю.-драв. **milaku/cu* DEDR 4867, как полагает Стеблин-Каменский?), ср. еще тох. В *mrañco* Adams №2649, х.-сак. *miremṃjsya*. Реально форма, послужившая источником тюркской и других языков юго-востока Центральной Азии (тадж., дари *murč*, пушту *mərč*, *mrəč*, вершик. *marć*, *maruć*, кховар *mʌrč*, шина *mārući*), гораздо больше, чем на согдийскую, хотаносакскую, или тохарскую, похожа просто на новоиндийские и дардские формы: кашмири *marič*, *marč*, панджаби *marč*, *mirč*, западный пахари *mirč*, хинди *mirč* и пр. – Turner № 9875 (памир. формы типа ишкаш. *mərč*, скорее всего, из узб. или кирг. или же из тадж. – см. Стебл.-Кам. НКР 74). Учитывая сугубо «торговый» характер заимствования, мы бы предложили считать, что тюркские языки заимствовали его не из среднеиранских, а из новоиндийских, причем все-таки после распада общетюркского (ср. сохранение *m-* ближе к географическому началу торгового прохождения по тюркской территории и устранение его на остальной территории), а удивительная закономерность соответствий обусловлена народной этимологией, связавшей заимствованное *murč* 'черный перец' и собственное *burčak* 'горох, вика, чечевица', как 'горошек', ср. чув. *pърśь* 'горох', булг. **burśag* > венг. *borsy*, др.-уйг. *burčak*, турк. *burčak*, галт., шор. *мырчак* и др. – ЭСТЯ 1980, 275–276.

3. Крх.-уйг. *tarmaz, turmuz* 'огурец, корнишон' МК. Clauson 550: «Если не заимствование, связанное с *turma*, то, возможно, отрицательная форма аористного причастия от *tar-*, букв. 'не ветвящийся'». В действительности *tarmaz* явное заимствование, ср. перс. *tarbuz* 'арбуз, дыня' Стебл.-Кам. 79–80, в конечном счете из санскр. *trapusa, trapuṣa* 'огурец, колоквинт' к *tṛpra-* 'salzig, scharf' (Иран. **tṛfra-* с индоевропейской этимологией см. в Mayr. EWAIA I 665, 675). Тюркское слово по семантике ближе к санскр., чем к перс.; с другой стороны, для санскр. слова приводимые Тёрнером более поздние формы выглядят как пракрит. *taüsa-* n., маратхи *tavśe* n. 'Cucumis sativus'

Turner 5993, так что можно предположить «базарное» новоиндийское заимствование из каких-то северо-западных языков с рефлексацией сочетания *tr-* типа лахнда. Вариантность вокализма и назализация губного согласного позволяют обратить внимание еще на одно похожее индийское название бахчевого растения: скр. *tumba-* m. 'тыква Lagenaria vulgaris', с потомками в новоиндийских языках вроде хинди *tomṛā* m. 'сушеная тыква' Turner 5868 (может быть, контаминация двух заимствований?). В новых тюркских языках видим только кирг. *darbyz*, узб. *tarvuz*, уйг. *ta(r)vuz* 'арбуз', которые заимствованы либо из новоперс., либо из монг. 'арбуз' (халха *tarvas*, калм. *tarvas [tarvys]*), заимствованного из перс., см. СИГТЯ 1997, 138.

4. Крх. *bibli* 'длинный перец', гапакс МК, EDT 282, в конечном счете восходит к санскр. *pippalī* (в Атхарва-Веде 'ягода', позже 'длинный перец'). Заимствовано из новоинд. формы, сходной с западным пахари *pippli*, хинди *piplī* 'a kind of long pepper' Turner № 8205.

5. Крх.-уйг. *avjā* МК, ср.-уйг. *ajwā* (IbnM), ср.-кыпч. *hajwā* (AbûḤ, Kav.), чаг. *ajwa* (Sangl.); тур. *ajva*, гаг. *ajva* ~ *hajva*, аз. *hejva*; турк. *hajva*; ктат., кбалк. *ajva*, кум. *hajva*, тат., башк. *ajva*; хак., тув. *ajva*; чув. *ajva* 'айва', см. подробно СИГТЯ 1997, 137–138 (где специально отмечается: «Термин *ajva* в хакасский, тувинский и чувашский языки вошел явно из русского языка»), EDT 268. Вопреки Дж.Клосону, иранский источник для слова отсутствует. Скорее всего заимствование из новоинд. форм типа: лакхимпурский диалект Авадхи *ābiya* 'зеленое незрелое манго', ср. хинди *ambuā* 'мелкое манго', восходящих к пракрит. *aṁba-*, *aṁbaya-* 'манго – дерево, плод', санскр. *āmra* 'дерево манго' Turner № 1268.

6. *gešür* 'морковь' МК. По EDT 754, < нперс. *ǰazar* (новоперсидское слово само из арабского, судя по начальному согласному). Другие фиксации: IbnM, в современных языках – кар. *gešür, gesur*, ккалп. *gešir*, тат. *kišer*, башк. *kišer*, турк. *kešir*. Тюркские слова восходят в конечном счете к санскр. *gājara* > пракр. *gajjara-*, кашмири *gāzʷᵘrʷᵘ*, хинди *gājar*, синдхи *gājiro* 'морковная ботва', *gājara*, Pl. *gājarū̃* 'морковь', пандж. *gājjar*, см. Turner № 4140, Стебл.-Кам. НКР 70. Из индийского заимствовано, в частности, афг. *gāzə́ra*, ставшее источником арабского слова, заимствованного персидским. Видимо, и в тюркском также новоиндийское базарное заимствование, судя по разнобою в отношении звонкости-глухости, в разных языках заимствование находится на разной стадии адаптации, но единообразие формы по остальным параметрам указывает на единовременное заимствование из какого-то конкретного источника в один тюркский язык (тюркское койнэ караханидского периода?).

7. **sart* 'купец, торговец': др.-уйг. маних. *sart* (EDT 846), крх.-уйг. *sart* (МК, QB); чаг. *sart* 'горожанин-перс, не знающий тюркского языка' (Абуш.); ср.-кыпчак. *sart* 'горожанин, простонародье'; тур.диал. *sart* (DD III 1192), турк.диал. *sart* (ТДГДС 156). Räs.VEWT 405; Meng. TLP 172; Барт. II, ч.2, 527–529; СИГТЯ 2001, 336. Слово, конечно, не общетюркское. Заимствовано в конечном счете из санскр. *sārtha*, ср. согд. *sārt* Gharib 8726 'караван', парф. *sārt* то же. Видимо, действительно попало в тюрк. языки через средне-

иранское посредство (единовременно, судя по единообразному развитию значения, и не из средне- и новоиндийских источников, судя по рефлексу сочетания *-rt-*) – как бродячее слово на рынках Центральной Азии.

8. *kendük* 'сосуд в виде большого кувшина для хранения муки и пр.' МК – ганчакское. EDT 729: из ср.-перс. **kandūg*, нперс. *kandū* 'большой глиняный сосуд для хранения зерна', араб. *al-kandūǰ*. По-видимому, ганчакское слово действительно заимствовано из новоперс. и оформлено суффиксоидом. Остальные формы, приводимые в статье EDT, относятся к другой основе: *kündüg* 'кувшин' (IbnM), чаг. *kündüg* 'кувшин, бутыль для воды; в перс. – большой кувшин для хранения пищи' Sangl. Ср. некоторые иранские формы (Стебл.-Кам. Вах. 217): йидга *kuṇḍuk* 'деревянная миска' = кховар *kuṇḍ uk* 'чаша для молока'; ишк. *kьndók* 'глиняный чайник'. Сюда же явно относится тох. В *kuntiṣke* (n.[m.sg.]) 'little pot' (диминутив от неотмеченного в тох. В **kunti*, ср. тох. А *kunti* 'pot', Д.Адамс (Adams № 976), считает заимствованием из буддийского хотано-сакского *kuṇḍī*. Сюда же и согд. *kwnt'yk* 'jug' < скр. *kuṇḍi-ka* Gharib 5026. Итак, мы имеем здесь два локальных слова (возможно, судя по значению, контаминировавших между собой), оба, по-видимому, из индийских источников, ср. для первого скр. *kandu-* 'iron cooking pot', пракрит. *kaṁdu-* (но не более поздние источники, так как там исчезает носовой согласный, как в кашмири *kōda*) Turner 2726, для второго скр. *kuṇḍa-, -ī* 'bowl, waterpot', пали *kuṇḍi* и пр. (скорее, не более позднее, чем ср.-инд., ср. временные рамки пратохарского и согдийского) Turner 3264. Конкретным источником второго тюркского слова может быть и согдийский.

Межъязыковые контакты в раннесредневековом Синьцзяне

Наконец, мы обнаруживаем довольно любопытную группу заимствований, характеризующую географически узко территорию Синьцзяна и прилегающие, а именно, это тюркские слова, засвидетельствованные в средние века в Центральной Азии, гапаксы Махмуда Кашгарского или поздних древнеуйгурских памятников, не имеющие тюркской этимологии и рефлексов в живых тюркских языках. Такие слова вполне могут оказаться иранскими или тохарскими заимствованиями[249]. Действительно, среди них выделяются следующие категории.

Сакский[250] → тюркский

1. *abamu* др.-уйг. 'бесконечный' [Cl.12: «несомненно, заимствование (и.-е.?)»] – х.-сак. *avamā* 'неизмеримый' (< *pa-mā-* 'мерить' < **pati-mā-* Bailey 9, 213, с отрицанием *a-* , не из согд. (**ptm't*) и не из парф. (*pdm't*); из всех возможных среднеиранских источников только хотано-сакский теряет в превербе *-t-*.

[249] Кроме того, среди гапаксов Махмуда Кашгарского много специфических китаизмов, но мы их здесь не будем рассматривать.

[250] Г.Дерфер (TMN II 647) по поводу предположения о том, что слово **dōn* 'одежда, халат' является заимствованием из х.-сак. *thauna*, замечает, что других сакских заимствований в тюркских языках не обнаружено. Как видно из последующего, он почти прав: хотя такие заимствования были, они «не прижились».

2. *amary* 'несколько', др.-уйг. маних. и будд., крх.-уйг. (Тефсир) (Cl. 164: «происхождение неясно», упоминает о сравнении А. фон Габен со ср.-перс. *abārig* 'несколько, некоторое количество' (реально – 'другой' CPD 1), предполагая ср.-иран. **ahmara*, х.-сак. *ahumara* 'incalculable, some'). Очевидно, заим. из х.-сак. *a-hu-māra-* 'бесчисленный' Bailey 14.

3. *irvi* MK 'индийское лекарство' (Cl. 198: «несомненно, заимствование, но очевидный санскр. источник отсутствует») – х.-сак. *irhva* 'цитрон' < **aluifva* (к *alu-* 'горький') Bailey 34.

4. (?) *bat* MK 'загустевший сок давленого винограда, виноградное сусло' (Cl. 296: ?) – скорее всего, из х.-сак. *bāta-* 'молодое вино, сусло' < иран. **bātu-* 'вино' Bailey 276, Kent 199 (из всех иранских форм, означающих в основном 'вино', ближе всего к тюрк. значение сакской формы 'сусло').

5. *čo/uvy* MK 'титул, получаемый человеком на две ступени ниже хакана в хотанской иерархии, = тюрк. *yabgu*' (Cl. 394: «Хотанское слово м.б. исконно сакским или испорченным тюркским; возможно, это искаженное *yabgu*») – х.-сак. *ṣṣau*, Pl. *śśuvanä* 'официальный титул, противопоставленный *rrund-* 'царь', оппозиция примерно та же, что и между микенскими *basileus* 'правитель провинции' и *wanax* 'царь', < **xšāvan*, от **xšā-* 'владеть, править' Bailey 412; вокализм тюркской формы может указывать на х.-сак. косвенную основу как источник заимствования.

6. *čowač* MK 'царский зонт' (Cl. 395: «несомненно, заимств., но происхождение неясно») – х.-сак. *šāhauǰa* 'зонт' < **sāyača-* < **sk'ai-* 'тень' Bailey 398.

7. ? *čavǰu* MK 'дерево с красным стволом и ветвями и горькими красными ягодами, растет в горах' (Cl. 395: «возможно, заимств.») – х.-сак. *śauve-* 'род ююбы' (с уменьшительным суфф.?) < **śaup-* = скр. *kṣupaka-* 'куст' Bailey 405.

8. *čeg* MK 'хлопковая ткань полосатой расцветки' (Cl. 413: «возможно, заимств.») – х.-сак. *caiha* 'кусок ткани' (в сложении *thaura-caiha* 'тканая материя') < **čaixa-*, основа **kai-* 'покрывать' (Bailey 105, 150); ТМ формы: ороч. *čeke*, ульч. *čeke, čekeme*, нан. *čeke*, маньчж. *čeketu* 'бархат' (ССТМЯ II 419), – вряд ли могут быть алтайской параллелью к тюрк. форме, скорее производя впечатление бродячего слова.

9. *čür* MK 'удача, выгода', *čürle-* 'получить выгоду от кого-л.', *čürlet-* 'заставить кого-л. стащить у кого-л. еще его собственность', *čürlen-* 'извлечь выгоду за чей-л. счет' (Cl. 428: ?) – х.-сак. *śśuru, śuru* 'добро' (Acc.Sg. от *śārā, śirā* 'добро, благосостояние') Bailey 400–402; NB косвенную основу как источник заимствования.

10. *čer* MK 'al-waqt (время)' (в примере: «приходи в это время», т.е. «сейчас») (Cl. 427: ?) – х.-сак. *tcīra* 'раз', *draitcīra* 'triguptam (три раза)' < **skar-* 'резать' Bailey 140.

11. (?) *čurām* MK 'выстрел легкой, далеко летящей стрелой', *čurām oki* 'такая стрела' (Cl. 430: ?) – х.-сак. *cūḍāṃ* 'мера длины, стадия?', < **čuḍāna-* = Av. *čarətu* 'мера длины, стадия', < *čar-* 'обходить' Bailey 104. Ср. также Расторгуева–Эдельман II 230.

12. *kowuč, kowuz* MK 'симптомы одержимости демонами' (Cl. 581: «возможно, искаженное **kowguč* < *kow-*, букв. приблизительно 'преследование'») –

х.-сак. *kauce* 'помрачение, грех' (в буддийском тексте) < **sk'eud-* Pok. 951–953, Bailey 65.

13. *kasy* MK 'деревянный загон для овец' (Cl. 666: «возможно, заимств.») – х.-сак. *kàysū* 'хижина, шалаш'. Ср. перс. *kāz* 'хижина', согд. Gharib 187 *kāzāk, kāzē* 'домик, хижина' < **kaz-* 'устраивать, строить' Bailey 59 – с точки зрения фонетического облика х.-сак. форма представляет собой лучший источник для тюркского слова.

14. *kevel at* MK, QB 'породистая быстрая лошадь' (Cl. 689: «редко в крх.-уйг.). Ср. х.-сак. *kabä* 'лошадь (?)', во всех употреблениях – верховое животное, с такими эпитетами, как 'превосходный', 'скакун'. Bailey 52: к лат. *caballus, cabō, -ōnis,* ср. также рус. *кобыла. -la, -laka* – стандартный уменьшительный суф. в х.-сак. (см. Среднеиранские языки, 304).

15. *kestem* MK 'вечеринка с выпивкой, отличная от формального приема' (Cl. 749: «возможно, заимств.», ср. Тох.В *kästwer* 'ночью' – этимология тохарского слова, согласно Adams №946, неизвестна) – в качестве более вероятного источника ср. х.-сак. *khäṣṭa* 'пьяный', **khäṣṭam* букв. 'устроенный ради питья' (< *khays-* 'пить' <**xašta-* Bailey 72–73).

16. *suma* MK 'проростки пшеницы или ячменя, материал для солода' (Cl. 828: «возможно, кит. словосочетание, *-ma* м.б. < *mai* 'пшеница'») – х.-сак. *suma* 'мука', в примерах 'мука для закваски, дробленое зерно' Bailey 427, от х.-сак. *sau-/su-* 'дробить, тереть', ср. авест. *suδuš* 'зернотерка'.

17. (?) *tim* MK 'мех с вином' (Cl. 503: «возможно, из кит. *tien* 'магазин, гостиница'») – х.-сак. *ttanä* 'кожа', *ttiña* 'в коже' Bailey 122, 127 (< иран. **tani-*).

18. (Известное х.-сак. заимствование): *kemišge* 'вышитый кашгарский войлок' MK (Cl. 724: «произв. от *kemiš-* 'выбрасывать, оставлять', букв. 'что-л., положенное на землю'») – х.-сак. *kamaiśkä* 'род покрывала, в основном разноцветного' (произв. от *kam-* 'покрывать') Bailey 52.

19. (?) (Известное х.-сак. заимствование): *bečkem* MK 'вымпел из куска шелка или хвоста дикого быка' – х.-сак. *baicakama* 'ячий или конский хвост', вахан. *bičkam* id. (Cl. 295, Mgst. IIFL 2 516, Bailey 302, *baica* < **vaj-* 'плести', *kama* < **kahama* 'волосы', других иранских параллелей нет; ср. гипотезу о противоположном направлении заимствования в Стебл.-Кам. Вах. 96.

20. *zaranza* 'шафран' MK (Cl. 989: «несомненно заимств., ? согд.»). Но ср. Bailey 347 *ysaraṃjsa* 'шафран' < **zarančī,* ср. перс. *zarang, zirik* 'carthamus tinctorius, из которого добывают красную краску'. Из х.-сак. *ysar-* 'быть красноватым', х.-сак. слово фонетически точно соответствует тюркскому (*ys* = *[z]*). (Согдийские лексические параллели отсутствуют; ср. согд. *usparn* 'шафран' Gharib 10586.)

21. *sytyr* 'унция' поздн. др.-уйг. (> монг.). Вопреки Cl. 802, скорее из х.-сак. *sätīra* (Bailey 418), крорайн. *satera,* чем из согд. *st'yr,* Gharib 363 *stēr.* Ср. тохар. *satera* 'унция' «из будд. гибр. санскр. *satera-*, в конечном счете < греч. *statēr*» (Adams №3775).

22. (?) *küji* 'благовоние' поздн. др.-уйг. (> монг.). (Cl. 695: «несомненно, заимств., ? согд.»; ср. *küč* 'сезам' Cl. 693: крх.-уйг., хрзм.-тюрк.). Ср. позднее

х.-сак. *kujsa* 'сезам' (*js* = *[dz]*). Тюркское слово заимствовано в конечном счете из санскр. *kuñji* 'Kümmel', но скорее в х.-сак. фонетике.

23. (?) *tartar* 'дикий голубь, перепелка, водяная курочка' MK, AbûH, Bulg.; совр. кирг. *tartar* 'коростель'. (Cl. 536: «ономатопея») – ср. с такой же редупликацией х.-сак. *ttatara* 'куропатка' Bailey 122, ср. согд. *ttr'w*, перс. *taδarw*, мидийск. (греч.) *τεταρος* 'куропатка', пушту *tārū*, с и.-е. этимологией **teter-* Pok. 1079; х.-сак. форма ближе всего к тюркской.

24. *kebez* 'хлопковое семя' позднее др.-уйг., крх.-уйг. MK, сохраняется до сих пор в тюркских языках региона: ново-уйгурском с диалектами, сарыг-югурском, узбекском. См. ЭСТЯ 1997, 13; Cl. 692. По фонетическому облику форма лучше всего из возможных источников соответствует х.-сак. *kapāysa-* 'хлопок-сырец' Bailey 1966, 42. Ср. еще вах. *kəbós* 'вата, хлопок', шугн. *čipós*, язг. *ǩəbés* то же[251]; вершик. *γupás*, бурuш. *gupʌs*, тиб. *kupās* (Стебл.-Кам. Вах. 214). В регионе появляется явно как заимствование из новых индоарийских языков: ср. скр. *karpāsa,* пали *kappāsa,* кашм. *kapas,* непал. *kapās, kabās*, хинди *kapās,* в памирских языках – не позднее среднеиранской эпохи (Эдельман Геогр. 57–58), судя по палатализации начального *k-*, и, следовательно, из ср.-инд., см. Mgst. ESh 26. Ср. перс. *karbās,* тадж. *karbos,* очевидно, заимствованные иными путями.

25. *šatu* 'лестница': др.-уйг. ман., крх.-уйг. *šatu* (QB), чаг. *šatu* Sangl., др.-уйг. > относительно поздно зафиксированное монг. *šatu(n)* 'лестница' (Doerfer TMN 3, 317): письм.-монг. *šatu(n)* (L 754), ср.-монг. *šatu* (MA 407), халха *šat(an)*, бурят. *šata*, калм. *šatə*, ордос. *šatu*, шира-юйг. *šātə*, KWb 351, MGCD 710[252]. В новых тюркских языках представлены тув. *čada* (< бурят.), нуйг. *šaty/u*, которое может быть как унаследованным, так и монголизмом.

Как и предполагает EDT 867, слово, по-видимому, заимствовано из среднеиран. формы восточного типа **šatu* < **śritā* (**śr-* > **š* в х.-сак., согд., пушту, > *s-* в осет.; *-u* из винительного падежа? Ср. х.-сак., согд.). Следы источника заимствования в иранских языках: позднесак. *šakye* из **šatV-ka* Bailey 406, 511 как глосса к тюрк. *catta* [*čatu, šatu*]; в «Книге Замбасты» приставочное образование *būṣṣäta* f. < **abi-śritā*. Ср. пушту *ṣ̌əl* < *śritā* 'лестница', язг. *x̌ad* < *śritā*,

---

[251] Стебл.-Кам. НКР 53: «...памирские формы не могли быть заимствованы из тюркских языков (в которых представлены формы со вторым *a* кратким)». С первой частью высказывания мы не спорим, поскольку раннее заимствование обосновано памирской палатализацией, но тюрк. совершенно необязательно требует второго краткого гласного в форме-источнике, поскольку ее переднерядность может обеспечиваться внутритюркским сингармонизмом по переднему ряду гласной первого слога, восходящей к краткому *a*.

[252] Вопреки EDAL, монг. формы следует исключить из алтайской этимологии EDAL 2024: ПАлт. **sít'ò* 'лестница, решетчатая стена': монг. **sita*, ТМ **sitkī* 'стенка палатки' ССТМЯ II 99, кор. **satări* 'лестница' Nam 282, KED 870, яп. **sìtəmi* 'навес, жалюзи' JLTT 528, см. Ram. SKE 217. Монг. слово выпадает по двум причинам: 1) довольно натянуто выглядит предположение о заимствовании из монг. в древнеуйгурском манихейском тексте; 2) фонетически невозможна реконструкция **sita* для представленных монгольских форм, да и вообще реконструкция для них затруднительна: в реконструируемой праформе нужно иметь основания для *a*-перелома в первом слоге и одновременно для краткого *u* второго слога (достаточно хорошо засвидетельствованного формами из MA и ордосской); **situa* должно было бы дать **šoto* (ср. **činua* 'волк'), **sitayu* дало бы **šutuu* (ср. **sibayun* 'птица').

осет. *asinä* 'лестница' < **ā-śrin-*, *ses* 'стена' < **śraiša*, йидга *afsinyo* 'лестница' < **abi-śrinaka*. Bailey 300, Аб. I 76; III 113–114.

Два юго-восточных тюркских слова похожи на заимствования из каких-то восточноиранских языков, при этом не совпадающих ни с одним зафиксированным среднеиранским языком:

1. *üjme* 'тутовая ягода' МК (= н.-уйг. *üjme*) (Cl. 27: «*j* указывает на иранское заимств.») = сарыкол. *ыjma, üjma* Стебл.-Кам. НКР 90 < **aizma-*.

2. (?) *ulyan* 'съедобный корень пахучего растения' МК (Cl. 154: «возможно, заимств.») – язг. *lang* 'кориандр' Стебл.-Кам. НКР 75.

Тохарский → тюркский

1. *oxaq* МК 'сок раздавленных абрикосов, используемый как прохладительный напиток' (Cl. 83: «возможно, иранское заимств.») – очевидно, к тох. A, B *oko* 'плод' Adams №656 < ПИЕ **ōg-*;

2. *čanač* МК 'женоподобный трусливый человек', *čanačlik* 'женоподобие, изнеженность', *čanačla-* 'приписывать кому-л. женоподобие' (Cl. 425: ?) – ср. тох. A *śna-ṣi* adj. posess. 'femininus' Poucha 331, от *śäṁ* 'женщина', тох. B *śana* Adams №3440 < ПИЕ **gwen-*;

3. *jömerük kiši* МК 'человек с мутными, слезящимися глазами' (Cl. 424: ?) – тох. A, B *tseṃ* 'caerulius', A *tseṃ-yok* 'coloris caerulei', *tsem-yokāñ aśäṃ* 'caerulei oculi', по Адамсу 4140, ПИЕ; но скорее из среднекитайского *chieng* 'синий, голубой'). Интерпретация **čemjok* плюс сингармонизм и замещение фонетически недопустимого сочетания звуков с помощью частого суффикса.

Общеизвестные тохарские заимствования:

4. *lešp* 'сопли': др.-уйг. (медицинские тексты), МК (Cl. 764: < тох. A, B *leśp* тж. Адамс 3046: < пракр.);

5. *karšy* 'царский дворец': поздн. др-уйг., МК, QB, чаг., хорезм.-тюрк., но отсутствует в новых тюркских языках; тюрк. > монг. *xarši*. Cl. 664: тюрк. < тох. B *kercci* (Адамс 1046: < ИЕ **ghord/t-*).

6. (?) *ermeli* МК 'быстрая лошадь': Cl. 232: ср. тох. B *ramer*; Adams №2887: 'поспешно, быстро' < ПИЕ **drem-* 'бежать'.

7. *madar*: др.-уйг. 'чудовище' (нет по Cl.; тюрк. > монг. *madar*) < тох. B *mātar* 'чудовище' или х.-сак. *mādara-* (нет у Bailey). Adams №2483: «Тох. A *mātār* и тох. B *mātar*, оба в конечном счете из *makara-* (буддийский санскр.), м.б. через поср. хот. *mādara-*». О тюрк. заимствовании см. Róna-Tas TE, 503.

8. *nāg* МК 'крокодил; циклический знак': Cl. 776: из согд. *nāg/k* 'дракон', которое из санскр. *nāga* 'большая змея'. Ср. однако тох. B *nāk* 'змея как циклический знак', *nāge* 'дракон' (как дух воды) Adams №1781, 1787. Согдийцам не очень-то свойственно измерение времени по животному циклу (см. Фрейман 1962 о согдийском календаре), так что здесь более вероятен тохаризм.

Интересно, что контакты между синьцзянским тюркским, хотано-сакским и тохарским «работали» во все стороны, о чем свидетельствует наличие и других направлений заимствований.

Тюркский → сакский (мы приводим только предположительные заимствования, не отмеченные в Bailey[253])

1. (??) Х.-сак. *chā* 'мера длины' Bailey 107 (сравнивается с х.-сак. *cheį* 'ветка' < **chaša-*), в действительности (по примерам) = кит. *ṭṣī* 'foot' – Ср. монгор. *DZâ* 'промежуток между бол̣̀шим и средним пальцами', т.е. «большая пядь», эквивалент фута в китайской системе мер длины, из кит. (Сынин) *tsa*, кит. *zhǎ* 'пядь' SM 69, Ch-DWb II 1262, № 7477 (среднекитайских источников слова не обнаружено). Этимология может быть обоснована при обнаружении среднетюркского источника, промежуточного между заимствованием из китайского и х.-сак. формой. Либо направление заимствования обратное (из иран. в кит.)?

2. (??) Х.-сак. *kaṣa* 'пояс' Bailey 56 – Бейли относит к иранскому **kaša-*. Полная этимология этого иранского слова следующая: ав. (j) *kaša-* m. 'подмышка' Bartholomae 461; сев.-зап. гилян. *kəšə* 'объятие', лур. *бýнкаш, кашбýн* 'объятие' Жуковский II 133, талыш. *кəш* 'крыло, рука, рукав', *кəшə* 'грудь', *кəшəбын* 'подмышка', курд. курманджи *k'oš* f. 'перед человека от колен до поясницы' Бакаев, *koš* 'подол' Курдоев, сорани *koš* 'колени, пах', южн. ср.-перс. *kaš, kēš* 'бок, подмышка' Абрамян 169, зор. п. *dast-kaš* 'руки под мышками', н.-перс. *käš* 'пах, подмышка, грудь, лоно, объятия', тадж. *каш* 'подмышка'; вост. х.-сак. *kaṣa* 'пояс', вах. *kal* 'объятия', *kalbən* 'бок, пазуха, подмышка' Пахалина Вах. 210, Гр. – Стебл.-Кам. 366, Mgst.IFL II 525[254], согд. *'pkšy* 'бок', ягноб. *kapáš, kĕpaš* < **pəkaš* < **upa-kaša* 'пазуха' Андреев–Пещерева 270; пушту *kṣē* 'в' Mgst. EPsh 72, йидга-мунджи *avγuš* 'пазуха, объятия' Mgst. IFL II 144, санглечи-ишкашими *kašviš* 'подмышка' Mgst.IFL II 400 (< перс.), шугн. *bijŭў* 'подмышка' < **api-kaša* Зарубин 112, сарыкол. *buxčo* 'пазуха' Пахалина Сар. 29, бартанг. *bijāw, bixčaw* 'подмышка, пазуха' Соколова Барт. 89, 90. Но значение в хсак. выглядит изолированным среди прочих иранских значений, так что можно предложить тюркский источник для х.-сак. слова (как в ряде других случаев с названиями одежды в х.-сак.): тюрк. **kel-č* 'пояс': др.-уйг. *keš*, МК *keš* 'пояс', кирг. *kešene* 'кушак', чув. *kaźan* 'спина, позвоночник' VEWT 258; Cl. 752; Doerf. II 1697; ЭСТЯ 1997, 60–61. Тюрк. основа имеет приемлемую алтайскую этимологию: ПАлт. **k'él'e* 'пояс, талия': ТМ **xelgece* 'талия; промежуток' > эвенк. *eŋeńē*, эвен. *eŋьń* 'талия', *ēlgъ* 'промежуток', негид. *eŋeńē* 'талия', ульч. *xeŋgi* 'waist', орок. *xeŋgeje* 'подмышка' ССТМЯ II 446, 458; яп. **kə́sí*: др.-яп. *kosi*, ср.-яп. *kósí*, совр. *kòshi* JLTT 458. См. АПиПЯЯ 76, 289.

---

[253] Хорошо известен ряд тюркских заимствований в сакский; в основном это имена собственные, титулы и звания, названия одежды, кожаных изделий, пищи и под. Ср. также Hovdhaugen, 166, где утверждается, что тюркские слова в хотано-сакском являются не заимствованиями, а окказионализмами в связи с якобы слабым интересом к контакту с тюрками у саков; при этом в статье отсутствует ряд общеизвестных «бытовых» заимствований из тюркского в сакский, как *yaragaka* (< тюрк. *yargak* 'кожа'), *yaḍama* (< тюрк. *yalma* 'плащ') Bailey 258 и др.

[254] Моргенстьерне полагает, что ваханская форма заимствована из незафиксированного санглечского, как и перс. диал. *kalk* 'side under armpit'.

3. Х.-сак. *śīgä* 'мера, употребляемая в связи с измерением бычьих шкур' Bailey 398 («возможно на основе *sai-* 'резать'») – из ср.-кит. через тюрк. (Räs. VEWT 107 ошибочно связывает с **čakanak* 'предплечье') **čig* 'китайский фут, мера около 33 см': др.-уйг. *čigin tsunin* 'в измерении футами и дюймами' U II, Suv. 136.8, *tört čig* '4 фута' (длина картины) Suv. 544.5; *čig* 'тюркский локоть, около двух третей обычного локтя' МК; нуйг. *či* 'мера в 10 *sun*' < кит. *ch'i* 'фут' < ср.-кит. *ch'iek*. См. Cl. 404.

4. Х.-сак. *śimuṣai* 'ложка', как и н.-перс. *čamčah* 'деревянный черпак, ковш', Bailey 400 производит с помощью суфф. инструмента *-uṣaka*, но от неизвестной основы; ср. Doerf. III 1121 – где из тюрк. **čöm-če* 'ковш' (произв. от **čom-/*čöm-* 'нырять, черпать'), МК *čömče* (огуз.), тур. *čömče*, аз. *čömčä*, кар., балк. *čömüč*, кум. *čomuč*, тат. *čümeč*, башк. *sümes*, каз., ног., ккалп. *šömiš*, кирг. *čömüč*, узб. *čǫmič*, нуйг. *čömüč*, хак. *somnax* (< **čomčaq*), сюг. *čomyš* (Малов ЯЖУ). См. VEWT 115, Doerf. 3, 95–99, Cl. 422, Егоров 319. Ср. также *čam-čak/čam-čy-* 'большая ложка' (VEWT 98; < **čom-čak*?). Глагол **čom-/*čöm-* 'нырять, черпать' имеет алтайскую этимологию: ПАлт. **šŏmo-* 'id.', монг. **čomu* 'черпак' KWb 431, Lessing 197, ТМ **šom-* 'черпать' ССТМЯ II 406, 414, 429, кор. **sǎm-* 'глотать, проникать', ср.-кор. *sǎmski-, sǎmǎs-, sǎmǎčh-* Nam 287, 293, KED 874, 905, яп. ***səma-*** 'погружать, красить': др.-яп. *soma-*, ср.-яп. *sómá-*, совр. *sòme-* JLTT 755.

5. (?) Х.-сак. *tadrrvā* Bailey 102 'кросна, основа (?)' в следующем контексте: *tta būra pvaicai cū ttadrvā bāstadū paḍāṃysa padāya pvaica tsvā śā* 'these so many *pvaica*-coverings which we had drawn upon the looms(?), in the first way one *pvaica*-covering came' KT II 76, 3–4. Бейли производит х.-сак. слово из**tantra*, скр. *tantra* 'кросна, основа', но семантика здесь не слишком убедительна. Покрышка *pvaica* появляется неоднократно в сочетаниях типа: *yaragaka va pvaica* 'покрышка для *yargak*' (где *yaragaka* < тюрк. *yargak* 'шкура'), *śiyāṃ pvaicāṃ jsa jsā yaḍama* '*yalma* с белыми покрышками' (*yaḍama* < тюрк. *yalma* 'плащ') Bailey 258, ср. там же ряд контекстов с тюркскими заимствованиями. Можно предположить, что *ttadrvā* – это тюрк. *tatyrga* МК I 489 (гапакс – Cl. 460) 'белая дубленая кожа' (ар. *al-qaḍam* 'белый пергамен, кожаная скатерть'), по-видимому, к *tart-* 'растягивать', ср. другое образование из области кожевенной терминологии: *tartqa/y* 'скребок для обработки кожи' СИГТЯ 1997, 361. (К фонетическому облику х.-сак. слова: ср. х.-сак. *añahīḍipabhūtti* в соответствии с тюрк. *ayag-alpayut* Bailey JRAS 1939.)

6. Х.-сак. *ttila* 'нить, проволока' Bailey 129. Этимология, предложенная Бейли: **tēla* < **tarθrya*. Тюрк. формы (**tēl*: МК *tili* 'бич', тур. *tel*, аз. *tel*, турк. *til* 'проволока, струна', чув. *tal* 'прядь' VEWT 471, Cl. 491) Бейли считал иранизмами, ср. нперс., курд., осет. *tel*. Нперс. *tār* < **tarθra* (фонетически *tār* : *tēl* = груз. *bari* 'лопата' < иран. **barθra* : нперс. *bēl* < **barθrya*); ср. также герм.: англ. *thread*, нем. *Draht*. Тем не менее, прямые параллели х.-сак. форме отсутствуют (см. Аб. III, 288, об осет. форме: она не представляет рефлекса праиранского состояния и скорее является заимствованием, то же верно относительно курд. формы); таким образом, наоборот, тюрк. слово (будучи пра-

тюркским, ср. существование чувашской параллели) может быть источником х.-сак. и других иранских форм. Тюркское слово имеет алтайскую этимологию: ПАлт. **t'ĕ̈ŀù* 'тетива; растягивать', монг. **tele-* 'растягивать, распяливать (кожи, одежду)', письм.-монг. *tele-, teli-* (Lessing 797), халха *tele-*, бурят. *telŭr* 'носилки; пяло', калм. *tel-*, ордос. *tele-*, монгор. *terge-* (SM 418), см. KWb 390; ТМ **tel-*: эвенк. *telbe-* 'настораживать (самострел)', *telge-* 'свежевать, разделывать тушу', эвен. *telgъ-*, негид. *telge-*, ороч. *tegge-*, удэйск. *tegesi-*, ульч. *telǯeč-* 'свежевать, разделывать тушу', орок. *telde-* 'свежевать, разделывать тушу', *telbe* 'распорка', нанайск. *telgeč-* 'свежевать, разделывать тушу', см. ССТМЯ II 231; яп. **túrù* 'тетива': др.-яп. *turu*, ср.-яп. *tsúrù*, совр. *tsurú*, см. JLTT 557.

7. Х.-сак. *yola-* 'ложь, лживость', Бейли (Bailey 343) полагает, что тюрк. *yablaq* 'зло' и тох. В *yolo* 'плохой, злой' заимствованы из этого х.-сак. слова. Однако предлагаемая им иранская этимология не слишком убедительна (из **i-dab-ala-* < **vi-dab-ala-* с постулированием диалектного развития). Относительно тох. см. Adams №2808 (тох. слово исконно и заимствовано в сакский). В действительности как тюркское, так и тохарское слова семантически слишком далеки от сакского. Мы бы предположили другой источник для х.-сак. *yola-* 'ложь, лживость': тюрк. *yala* 'клевета, ложное обвинение', фиксируется с др.-уйг., см. MK, Cl. 918–919, VEWT 181, 183, ЭСТЯ 1989, 87, 91–92. Тюрк. > монг. *jala* (KWb 214). Эта тюркская основа, представленная во всех тюркских группах, кроме булгарской, также имеет алтайскую этимологию: ПАлт. **ǰ̌ela-* 'обманывать', монг. **ǰ̌ali-* 'обманывать', письм.-монг. *ǰ̌ali-* (Lessing 1031: *ǰ̌ali* 'trick, cunning'), халха *ǯali-*, бурят. *zal'xaj* 'распутный', калм. *zälə* 'хитрость, коварство', *zal'xä̆* 'хитрый', дагур. *ǰ̌elleg* 'хитрый' KWb 465, 470, MGCD 427 (монг. > маньчж. *ǰ̌ali* (см. Doerf. MT 138, Rozycki 120), ойрот. *jalaq*); ТМ **ǰ̌ele-*, эвенк. *ǰ̌elum*, эвен. *ǰ̌elъm*, негид. *ǰ̌elum* 'тайный', ульч. *ǰ̌ele(n)*, орок. *ǰ̌ele(n)*, нан. *ǰ̌elē*, маньчж. *ǰ̌ele* 'ложь, обман' ССТМЯ I, 284.

Тохарский → сакский

1. Интересно х.-сак. *puka* 'локоть' (Bailey 242: к иран. **pank-* 'протыкать' и греч. *πυγών* 'локоть' – в действительности последнее является производным от названия кулака, обозначая меру длины от локтевого сгиба до кисти руки, сжатой в кулак). Очевидным образом заимствовано из тох. А *poke*, В *pokai* 'предплечье, локоть' (= скр. *bahu-*, ав. *bazu-* < ПИЕ **bhāg'hu-*), см. Adams №2191.

2. Х.-сак. *kṛṅgga* 'петух' < тох. В *kranko* 'цыпленок' Adams №1129 (< ПИЕ **krek-* 'издавать громкие звуки') – Бейли (Bailey 64) считает х.-сак. слово исконным, но другие иранские формы (ав. *kahrka-*, зор. п. *kark*, нперс. *kark* 'петух', ванеци *čirag*, пушту *čirg*, язгулям. *k'arj*, вах. *kerk* 'курица', шугн. *čuṣ* 'петух', *čaṣ* 'курица') не содержат носового.

Сакский → тохарский

В словаре Адамса около 100 таких заимствований, часто индийских через сакский.

Тюркский → тохарский

В тох. В известен ряд тюркских (уйгурских) личных имен и титулов, например *ārslāṃ* 'Арслан' Adams №9, *ālp* Adams №375, *er* Adams №582, *el* Adams №600, *tārhkāṇe* Adams №1526. Приведем здесь нарицательные слова, которые можно интерпретировать как тюркские заимствования уже в тохарский В, после его отделения от тохарского А.

1. Тох. В *iprer, eprer*, А *eprer* 'небо, воздух, небосвод' Pouha 40, Adams №568 («Дальнейшие связи неизвестны. Определенно ... не из ПИЕ **per-* 'кончик'. Предположения о других связях – заимств. из ср.-иран. *abra-* 'облако' или родство с бретон. *ebr* 'небо' – сталкиваются с препятствиями фонологического (откуда конечное *-r*?), морфологического или же и того и другого характера»). Действительно, предполагаемый индоевропейский источник тох. В *iprer* – **ṇbh-ro-*, нулевая ступень от **nebh-* 'небо, облако': скр. *abhrá-*, ав. *avra-* 'облако', греч. *aphrys* 'пена', лат. *imber* 'дождь' Pokorny 316; но нормальный рефлекс **ṇ* в тохарском – **än* > А *än*, В *an* (Бурлак 123), и обе тохарские формы не могут быть возведены к этому ПИЕ корню; более того, соответствия гласных между формами тохарского А и В не позволяют реконструировать общую пратохарскую форму, так что одну из них следует считать заимствованной (это может быть литературное заимствование из А в В или употребление живой формы из В писцом, создающим текст на мертвом языке А). Таким образом, тохарские формы не имеют индоевропейской этимологии и не восходят к пратохарскому состоянию. Но в тюркском имеется **ebren* 'купол, небосвод, небо' > МК *evren* 'купол', QB *evren* 'небо, небосвод', совр. турецкий *evren* 'небосвод, мир' Cl. 13–14 (частично контаминировано, но, вопреки Клосону, не родственно тюрк. **ebren* 'змея, дракон', имеющему алтайскую этимологию – см. EDAL 1605), очевидно производное от **ebür-* 'вращаться', EDT 14; VEWT 34; ЭСТЯ 1974, 498–500, Егоров 20. Тохарские формы могут быть заимствованы из тюркского с заменой суффикса.

2. (?) Тох. В *kakwār* 'какая-то еда' Adams №743 («этимология неизвестна») = тюрк. *kagur-* 'жарить' с производными типа **kagur-ma, *kagur-dak* и под. – все названия видов жареной пищи – см. ЭСТЯ 1997, 175–177; Cl. 612.

3. Тох. В *kwaṣo* 'деревня' Adams №1217 («этимология неясна», предлагавшаяся связь с иначе изолированным прагерм. **hūsa-* 'дом' фонетически неточна). Ср. тюрк. **kol'* > **koš* 'хижина, поселение': крх.-тюрк. *qoš* 'семья' (Tfs), чаг. *qoš* 'лагерь, поселение' (Pav.C.), 'дом, жилище' (Sangl.), турк. *Goš* 'стоянка', тат. *quš* 'хижина', балк. *qoš* 'становище', кум. *qoš* 'шалаш', каз., ног., ккалп. *qos* 'палатка', кирг. *qoš* 'лагерь, стоянка', тув. *qoš* 'караван', чув. *хӳҗə* 'хижина', як. *xos* 'комната', см. VEWT 283; EDT 670; СИГТЯ 1997, 491–492; Федотов II 375–376; ЭСТЯ 2000, 90–94. Тюрк. > письм.-монг. *qos*, калм. *xoš* (KWb 189), письм.-монг. *qosi-lig* (Clark 1980, 42). Корень смешивается с **Kol'* 'пара, соединение', но, по-видимому, их следует различать. У слова есть ТМ параллель **kuli-, *kuli-ti-* 'огораживать' ССТМЯ I 428–429, восходящая, видимо, к ПАлт. **kul'o* 'огороженное место' EDAL 913. Гипотеза о за-

имствовании тюрк. слова из тох. *koṣkīye* 'хижина' (которое само заимствовано из иранского, см. Adams № 1101) обсуждается в Reinhart 1990, при ее принятии необъяснимо отсутствие *-k-* в тюркской форме.

4. (?) Тох. В *pale* 'обозначение какого-то домашнего слуги', пример: «Тогда Пурохита спросил его: "Скажи мне, *pala*, не будет ли принц ..."» (Adams №1972: «этимология неизвестна»). Решением проблемы может быть, если мы предположим развитие 'ребенок' > 'слуга', которое, по крайней мере, не является невозможным (ср. др.-рус. *чага* 'рабыня' < тюрк. *čaga* 'ребенок' Менгес ВЭ 170); тогда тохарская форма может быть либо заимствованием из тюрк. **bāla* 'ребенок, детеныш' (в др.-тюрк. зафиксировано только 'детеныш животного', но ср. алтайские соответствия: монг. **balčir* 'младенец', ТМ **baldi-* 'родить, родиться', яп. **bə̀rə̀pa(i)* 'ребенок' АПиПЯЯ 289), либо из скр. *bāla-* 'ребенок'.

5. (?) Тох. В *peṣke* 'топленое масло (как компонент лекарства)' (Adams №2180: «...возможно, заимств. из какого-л. ср.-иран. источника. Ср. совр. перс. *maske* 'fresh butter' (Menges, 1965:131, VW:637)»). Новоперсидское *maske* (заимствованное в чаг. *meske* – Pav.C. 499, ср. также Буд. I 231 – узб. *maska*), возможно, является восточноиранским заимствованием, производным от глагола **miš-* 'смешивать, сбивать', осет. *misyn*, ягноб. *müšin* 'пахта' (Аб. II 123; Bailey 290), скр. *mikṣ-*, индоиран. < ПИЕ **mik̑ṣ-* (Mayrhofer 373). Заимствование тохарской формы с *p-* из формы с *m-* кажется сомнительным. При этом ср. тюрк. **bil'či-* > **biši-* 'перемешивать, сбивать (молоко, масло)': турк. *pišek* 'мутовка', *pišek-le-* 'пахтать', тат. *peš-* 'пахтать' (Тум.Себер 180), башк. *beše-* 'сбивать; бить', *beškəӂ* 'мутовка', каз. *pis-* 'пахтать', ног. *piskek* 'мутовка', ккалп. *pis-; piskek* 'большая мутовка', кирг. *byš-/ biš-; biškek* 'мутовка для сбивания кумыса', узб. *piškak* 'мутовка для пахтания', чув. *pəӂer-* 'бить, ударять', як., долг. *bis-* 'мазать'. См. ЭСТЯ 1978, 309–310; Stachowski 61; Ашм. X 241–242. Возможная алт. этимология: ПАлт. **bilč'i-* 'смешивать, месить', монг. **bilča-* 'становиться плоским и мокрым; обмазывать' KWb 45, (?>) маньчж. *bilča-* 'месить тесто; клеить' ССТМЯ I, 83, кор. **pič-* 'перемешивать, заваривать', ср.-кор. **pič-*, совр. кор. *pit- [pič-]* Liu 417, KED 864; яп. **písípə* 'род бобового соуса; соленое мясо или рыба', др.-яп. *p(j)isip(w)o*, ср.-яп. *fïsífó* JLTT 409, см. EDAL 128. Источником заимствования в тох. В должно было быть производное на *-ke*. Сюда же может относиться и х.-сак. *biśī* 'пахта' [Bailey 290 возводит его к вышеприведенным иранским формам, но тогда *b-* и *-ś-* нуждаются в специальном объяснении. Начальное *b-* < **m-* в х.-сак. нерегулярно, другой пример такого развития – *bīysma* 'моча' (Bailey 287) < **miz-*, но здесь оно, по-видимому, диссимилятивное – ср. *mīysai* 'моча' (Bailey 332). Срединное *-ś-* Бейли объясняет из **-x́š-*, но нормальный рефлекс здесь *-ṣ-*, см. Среднеиранские языки 247, ср. х.-сак. *haṣ-* 'сообщать' < **-eĝ-s-* (Bailey 472)]. Итак, х.-сак. форма может быть заимствована или, по крайней мере, контаминирована с заимствованием из тюркского.

6. (??) Тох. В *miye* 'какой-то масличный плод?' = dimin. *miyaske* (Adams №2552: ?). Контекст, позволяющий судить о значении слова, следующий: *[wsə̄-*

re nek]cy[e]ne cwi miye paṣkārro 'они давали ему на ночь *miye* и *paṣkārro*'. *Paṣkārro* – предположительно 'льняное семя' (Adams №1978). Тогда можно предположить, что *miye* – также лекарственное растение, и хорошим сравнением для него может быть тюркское слово со значением 'солодка; лебеда' **byńan*: чаг. *bijan*, CCum. *bujan*, тур. *bojan, mejan*, аз. *bijan*, турк. *bujan*, тат.диал. *myja*, каз., ног. *myja*, ккалп. *bojan*, кирг. *myja*, узб. *mija*, нуйг. *buja*, чув. *măjan* Егоров 131. Тюрк. > калм. *bujà* 'солодка'. Это слово, видимо, восходит к ПАлт. *miṅa* 'вид травянистого растения' вместе с кор. **mìnàrí* 'сельдерей, петрушка'.

7. Тох. B *tsaipau* 'штукатурка' Adams №41150 («этимология неизвестна») – ср. тюрк. **čap-* 'штукатурить, обмазывать': крх.-уйг. *čap-* (МК), узб. *čapi-*, нуйг. *čap-li-*, кирг. *čap-ta-*, кум. *(aq) čap-* 'белить, штукатурить', тув. *šap-ta-* 'поливать водой и трамбовать (землю)', чув. *s˙op-* 'заворачивать пирог'. VEWT 99, EDT 394, Ашм. XII, 248 (восходит к ПАлт. **č'ăp'a* 'клей, глина' вместе с монг. **čabaɣ(u)* 'рыбий клей', ТМ **čapa* 'рыбья икра; белая глина' – см. EDAL). Источником тохарской B формы могло бы быть стандартное отглагольное производное **čapagu*.

Приведенные группы заимствований, происходивших во всех направлениях и в разнообразных семантических областях, явно демонстрируют ситуацию трехъязычных контактов, которые должны были происходить на уровне активного бытового общения, каковая ситуация может быть датирована VII–XI в. н.э.

СРЕДНЕТЮРКСКАЯ ЭПОХА

Этот период мы комментируем в самых общих чертах, так как по большей части основные моменты уже были освещены в предшествующей книге нашего издания, «Региональные реконструкции». Существенно, что ни одно из глоттохронологических деревьев не отражает узла, который можно было бы связывать с карлукской группой языков. Действительно, как мы пытались показать в первом разделе книги, основные фонетические и морфонологические изоглоссы, объединяющие карлукскую группу, оказываются вторичными. Наиболее вероятно существование на каком-то этапе карлукско-кыпчакской общности, связанной несколькими общими фонетическими и морфонологическими процессами. Впоследствии, после разделения языков, но при сохранении ситуации диалектной непрерывности, часть инноваций накрывала огузские языки вместе с кыпчакскими, но соответствующие процессы нельзя считать генетически тождественными.

Дальнейшее развитие карлукско-кыпчакского древа демонстрирует также некоторые любопытные корреляции с историческими фактами. Например, две подгруппы, первыми отделившиеся от остальных, это кавказские кыпчаки (780 г.) и караимы (900 г.), что довольно хорошо соответствует двум волнам проникновения кыпчаков в Восточную Европу. Распад караи-

мов на тракайско-галичскую ветвь, с одной стороны, и крымскую – с другой, датируется 1220 г., что поразительно точно совпадает с датой монгольского проникновения в южнорусские степи (1223 г.), когда половцы потерпели поражение и бежали частично на юг, а частично на восток (на будущую территорию Литовской Руси). По-видимому, с монгольским нашествием можно связывать и чуть более позднее разделение балкарского и кумыкского языков (1300 г.).

Позволим себе процитировать обсуждение дивергенции кыпчакских языков из предыдущего тома нашей Грамматики: «Распад пракыпчакской общности на западную и восточную ветви, очевидно, начался еще в домонгольскую эпоху и связан с проникновением половцев русских летописей, или куман западных авторов, в степи Юго-Восточной Европы. Оставшаяся в азиатских степях часть кыпчаков составила основу канглыйской подгруппы, а вторгшаяся в южнорусские степи часть – куманской. Однако на протяжении всей истории кыпчакоязычных племен центробежные дивергенции постоянно нивелировались центростремительными конвергентными явлениями. Конвергенция восточных и западных кыпчаков наиболее интенсивно развивалась в золотоордынскую эпоху, тогда в зоне контактов между двумя основными ветвями складывается смешанный язык ногайского типа с преобладанием западных элементов. Начало формирования отдельных языков внутри восточной и западной ветвей относится к постзолотоордынской эпохе, за точку отсчета, видимо, следует принять рубеж XIV–XV вв. Именно тогда начинается возрождение отдельных государственных образований – Крымского, Астраханского, Ногайского, Узбекского, Казахских жузов и других ханств. В составе этих ханств происходит окончательная перегруппировка прежних родоплеменных диалектов. При детальном анализе этно- и лингвогенеза каждого из отдельных современных кыпчакских языков выясняется чрезвычайно сложный и многокомпонентный состав влившихся в тот или иной народ этнических элементов, однако в силу исторических причин на западе преобладали одни языковые элементы, а на востоке – другие. В период возвышения Ногайского ханства, например, в предке ногайского языка исконные западные особенности основательно вытеснены восточными. Отпочковавшиеся от Ногайской орды еще до преобладания в языке восточных элементов предки казанских татар (кстати казахи до сих пор называют татар *noyaj*, т.е. ногайцами), а также балкарцев оказались в западнокыпчакском окружении, но сохранили некоторые черты восточных кыпчаков (в частности "джеканье"). Окончательное формирование татарского языка происходило после образования Казанского ханства в середине XV в. Башкирский язык, скорее всего огузский в своей основе, подвергался неоднократной кыпчакизации: в домонгольскую эпоху, в золотоордынский период и, наконец, в относительно позднее время со стороны татарского и казахского языков. Таким образом, окончательное формирование башкирского языка относится уже к эпохе Казанского ханства или даже к более позднему периоду. В уральской подгруппе кыпчакских языков про-

слеживаются черты как западных, так и восточных кыпчакских языков» (СИГТЯ 2002, 258–259).

Эта довольно запутанная картина действительно имеет мало общего с дивергентной, древесной концепцией развития тюркских языков. Но она также определенным образом коррелирует с полученным лингвостатистическим методом древом. Как мы можем видеть теперь, последние узлы нашего генеалогического древа действительно датируются весьма правдоподобно с исторической точки зрения, однако эти датировки совершенно очевидно связаны с историей литературных традиций, так что не исключено, что они характеризуют исключительно связи между словарями соответствующих литературных языков. А именно, отделение татарского языка от восточнокыпчакской группы (1390 г.) может быть связано со становлением так называемой хорезмийско-тюркской литературной традиции, которая географически связана с территорией Золотой орды, а, как известно, современный литературный татарский язык отчасти является наследником этой традиции. Отделение узбекского языка от языков ногайской подгруппы датируется 1630 г., что более или менее соответствует времени окончательного установления чагатайской литературной традиции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Просвещенный читатель, разумеется, уже заметил, что концепция и композиция настоящего тома в целом напоминают общий план книги Т.В.Гамкрелидзе и Вяч.Вс.Иванова «Индоевропейский язык и индоевропейцы» (Т. 1–2. Тбилиси, 1984). В самом деле, задавшись целью обобщить и обозреть все материалы, полученные в процессе работы над пятью предшествующими томами, а также за многолетнюю работу над Этимологическим словарем тюркских языков, в которой участвовала большая часть авторского коллектива Сравнительно-исторической грамматики, мы не могли выбрать иной схемы. Первая часть содержит историю пратюркского языка от начального периода (выделение из алтайской общности) и до конечного распада праязыка на отдельные диалектные зоны, дающие начало современным тюркским языкам. Работая над ней, мы неминуемо должны были внести ряд уточнений и дополнений в основу основ – фонетическую реконструкцию пратюркского состояния, фонетические соответствия между тюркскими языками. Обманчиво простая, на первый взгляд почти тривиальная, система фонетических соответствий при более пристальном рассмотрении обнаруживает ряд локальных, но вполне строгих распределений, в частности, морфонологического характера, позволяющих значительно уменьшить количество ссылок на «не-древесное» развитие и междиалектные заимствования, прежде чрезвычайно затемнявших общую картину тюркского языкового развития. Базовые соответствия между тюркскими языками, представленные в табличной форме, облегчают восприятие этой картины.

Реконструкция морфологической системы тюркских языков на новом этапе – это прежде всего реконструкция не только набора морфологических парадигм и составляющих их формантов, но не в меньшей степени реконструкция семантики праязыковых граммем. Но такая реконструкция потребовала обращения к современным грамматическим теориям, прежде всего разрабатывающимся в рамках функционального подхода, и к информации, накопленной к настоящему времени синтаксической и грамматической типологией языков мира. Мы не можем утверждать, что проблемы тюркской морфологической реконструкции разрешены в настоящем томе, но по крайней мере, как кажется, удалось наметить основные теоретические шаги к их разрешению и обрисовать основные тенденции в развитии тюркского языкового типа.

Вторая часть – анализ культурной лексики, дающий возможность нарисовать картину духовной и материальной жизни тюрков древнейшей поры, о которой не существует никаких письменных свидетельств. Как мы уже упоминали, тюркские языки не имеют достаточно подробной и достоверной письменной истории. Наиболее ранние достоверно тюркские надписи

народа, и представляют собой в основном надгробные перечисления военных побед погребенных вождей, правда, с бесспорными элементами поэтического творчества, заставляющими предполагать за надписями древнюю традиционную культуру. Между тем еще распад пратюркской общности датируется (методом глоттохронологии, т.е. также с привлечением этимологических данных) рубежом нашей эры. Таким образом, для длительного периода существования тюркских языков после разделения и для предшествующей эпохи данные практически отсутствуют. Эту лакуну призваны заполнить этимологические и историко-семасиологические исследования. Обработка археологических и исторических данных позволила выявить совершенно неожиданные возможности соотношения выделяющихся при семантической реконструкции дифференциальных признаков с дифференциальными признаками реалий, выделяемыми, например, в этнографических анкетах. Кажется, что учет этих возможностей значительно подкрепляет обычный способ работы с Woerter und Sachen. Полностью верифицированы данными лексической реконструкции представления о пратюркском этносе как народе скотоводов отгонного типа, с преобладающим значением коневодства, с двумя типами поселений – стационарными зимними и кочевыми летними. Природные условия, которые выявляются из анализа пратюркской лексики, показывают довольно широкий разброс, фактически от сухих степей Восточного Туркестана до предгорий Алтая, что хорошо ложится и в реконструируемые названия растений, которые, будучи проанализированы в свете данных палеобиологии, позволяют довольно точно установить первичную и вторичную прародины тюрков. Вспомогательное по своей роли земледелие, тем не менее, достаточно хорошо развито, имеет специализированные орудия труда. Хорошо развита ремесленная терминология. Лексика социальной организации показывает предгосударственное общество с наметившейся имущественной дифференциацией, с развитыми торговыми отношениями. Система родства указывает на структуру патрилокального и патрилинейного типа. Реконструкция лексики, связанной с верованиями и обрядами, а также метафорики в ландшафтной терминологии (что проливает свет на космогонические представления) указывает на род сибирского шаманизма с обычными атрибутами шамана – бубен, зеркальце, с наличием представлений о благословении и проклятии, грехе, ритуальном посте, с тотемистическими представлениями (ср. зооморфное, наряду с антропоморфным, представление о структуре земной поверхности). Специфические особенности мировосприятия выявлены на основании реконструкции представлений, связанных с числами, фрагментов ритуально-поэтической и поэтической речи, проекции наивной космологии на антропонимическую систему. В томе удалось проанализировать не все релевантные для реконструкции картины мира материалы; такая работа потребовала бы значительно боль-

реконструкции картины мира материалы; такая работа потребовала бы значительно большего объема исследований; предварительное представление о некоторых наиболее важных из пропущенных здесь областях можно получить на основании соответствующих разделов 4-го тома «Сравнительно-исторической грамматики» – «Лексика».

Что касается древних заимствований, которые могли бы как-то обрисовать контакты пратюркского этноса, то достаточно хорошо выявляются контакты с китайцами (позднедревнекитайский и среднекитайский язык); в определенной степени видны контакты с тохарами (причем массированное заимствование происходит скорее из пратюркского в новотохарский (В), – в связи с реалиями кочевой жизни, но не наоборот). Незначительны пратюркские заимствования из иранских языков: как удается показать, большая часть древних иранизмов имеет не пратюркский, а межтюркский характер, т.е. заимствование происходило уже раздельно в разделенные диалекты. Но, по-видимому, удалось продемонстрировать наличие в какой-то момент контактной географической области пратюрков, прасамодийцев и праенисейцев и уточнить географические и временные рамки этой области.

Результаты лексико-статистического анализа тюркских языков позволяют верифицировать хронологические рамки, в которых с ними происходили дивергентные процессы, получив независимым методом абсолютную хронологию дивергенции, которую можно сопоставлять с известными нам историческими датами; кроме того, зная относительную хронологию языковых контактов ранних тюрков, можно сопоставить абсолютную хронологию дивергенции тюркских языков с абсолютными же хронологиями, полученными тем же методом для языков-контактеров. Результаты, в общем, совпадают с теоретически мыслимыми, что позволяет более уверенно датировать основные события тюркской лингвистической истории.

То, что в качестве плана нашей работы взята была уже хорошо проработанная схема, послужившая для анализа индоевропейских языков, связано с еще одним важным моментом. Обычная проблема с исследованием в рамках направления Woerter und Sachen состоит в том, что реконструкция так называемой «картины мира» часто приводит исследователя на чересчур зыбкую почву. При реконструкции внешней оболочки праязыковых лексических единиц используются жесткие критерии различения между генетически обусловленными и типологически естественными признаками. При реконструкции семантики эти критерии значительно более смутны. Так что, если у нас получилась, например, «палеокультурная реконструкция» для праиндоевропейского (или пратюркского), вряд ли ее может абсолютно верифицировать обнаружившееся сходство с «картиной мира примитивных народов» типа австралийцев и бушменов, черноногих и дакота. Напротив, если в ней не обнаруживается никаких существенных особенностей, в высшей степени вероятно, что это – не реконструированная «картина мира»

индоевропейцев (пратюрков), а сконструированная (согласно представлениям исследователя) система типологически естественных архетипов. Поэтому очевидно, что такая работа должна быть значительно более продуктивна, если ведется на типологически организованном материале. В нашем случае в распоряжении исследователей оказалось по крайней мере два достаточно тщательно проработанных и, главное, полных лексикона праязыков, что дает возможность сопоставлять эти протолексиконы по семантическим областям, существенным для прародин и палеокультур предполагаемых носителей обоих праязыков. Поэтому мы надеемся, что наша работа является небесполезной не только для сравнительно-исторической тюркологии и истории тюркских языков, но и для сравнительно-исторического языкознания других языковых семей и для построения теории и типологии языковых изменений.

Настоящий том заключает издание «Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков». Конечно, результат этой работы оставляет множество вопросов, гораздо больше, чем решает, но по крайней мере мы можем надеяться, что главные из проблем будущего тюрколога-компаративиста здесь были эксплицитно поставлены. Как уже упоминалось в «Предисловии», мы надеемся в дальнейшем продолжить реконструкцию пратюркского лексикона, развить реконструкции отдельных тюркских групп (чему было положено начало в предыдущем томе, «Региональные реконструкции»), а также более углубленно заниматься разработкой «прото»периода тюркского языка – от праалтайского к пратюркскому.

Работа над сравнительно-исторической грамматикой тюркских языков остро поставила также ряд проблем из других областей тюркологии. Одна из важнейших здесь – историческое и теоретическое описание литературных (книжно-письменных) языков тюрков донациональной поры (с VIII по XVI–XVII вв.) – рунического, древнеуйгурского, караханидско-уйгурского, хорезмско-тюркского, чагатайского, языка тюрки – как звеньев единой цепи. Но непосредственная задача, стоящая сейчас перед нашим коллективом, – создание обобщающей работы, посвященной очередному подведению итогов в области тюркологии. Начинается заключительный этап работы над трехтомником «Тюркские языки и диалекты» – углубленное введение в изучение тюркских языков. Первый том, исторический, посвящен языкам письменных памятников. Второй том – кодификации различных направлений изучения современных тюркских языков с приложением сжатого формального описания тюркских языков и новой их классификации. Третий том – описанию по единой схеме диалектных систем всех современных тюркских языков. На подготовку этого издания понадобится еще несколько лет. На основании изданного трехтомника будет подготовлено новое учебное пособие по тюркскому языкознанию.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Стословные списки тюркских языков с этимологическим комментарием

1.1: all (весь): чув. *pəʷdəʷm*; як. *bütün*; тув. *büdün*; тоф. *bü"tün*; тур. *bütün*; гаг. *bütün*; аз. *bütün*; турк. *bütin*; узб. *butun*; нуйг. *pütün*; кар. *b'ut'un'*; кар.К. *bütün*; кум. *bütün*; балк. *bitew*; тат. *böten*; башк. *bötön*; ккалп. *pütin*; кирг. *büt*, алт. *büdün*. Производные от ПТ **büt-* 'кончать, завершать' VEWT 93; EDT 298–299, 306; ЭСТЯ 1978, 152–154.

1.2: all (весь): чув. *pur(ə)*; як. *bar*; тоф. *barša*; сюг. *barča*; др.-тюрк. *barča*; крх.-уйг. *barča*; турк. *bārysy*; узб. *barča*; нуйг. *barliq*; кар. *bary*; кар.К. *barča*; кум. *bary da*; балк. *barysy*; тат. *bar*; ног. *bari*; каз. *barlyq*; ккалп. *barlyq*; кирг. *bāry*; алт. *bar;* туба *barča*; леб. *parčan*; куманд. *parčyn*. Производные от ПТ **bār* 'есть, имеется' VEWT 62; EDT 353, 356–357; ЭСТЯ 1978, 61–63; СИГТЯ 1997, 326–327, 332–333; Федотов I 444–445.

1.3: all (весь): др.-тюрк. *qamaɣ*; крх.-уйг. *qamuɣ*. ПТ **kamug* 'все, вместе' EDT 627; ЭСТЯ 1997, 243–244. Формально отглагольное имя, ср. ПАлт. **kama* 'собирать, объединять' > монг. *qamu-* 'собирать' EDAL 639–640, KWb 177. Тув. *xamyq*, хак. *xamyx*, алт.леб. *qamyq* 'весь, много' по фонетике – моголизмы, ср. ср.-монг. *qamux* 'all', бур. *xamag* 'все'.

1.4: all (весь): др.-тюрк. *qop*, крх.-уйг. *qop*. ПТ **kop* 'весь' VEWT 281; EDT 579.

1.5: all (весь): башк. *totoš*. Производное от ПТ **tut-* 'держать, хватать' VEWT 502; EDT 451; Федотов II 268–269.

1.6: all (весь): алт. *ködür;* туба *ködörö*, леб. *ködörö;* куманд. *küdere*. Деепр. от *ködör-*, *ködür-* 'поднять, снять' < ПТ **göt-* 'подниматься' VEWT 294; EDT 706; ЭСТЯ 1980, 86–88.

1.7: all (весь): хак. *praj*. Деепр. от ПТ **bir-a-* 'объединять'. VEWT 76; EDT 353–354; ЭСТЯ 1978, 146–151; Федотов I 421–422.

1.8: all (весь): ног. *saw-laj*. ПТ **sag* 'здоровый, целый' EDT 803; ЭСТЯ 2003, 134.

1.9: all (весь): тур. *topu*; кар.К. *topy*. Форма принадлежности 3 л. от ПТ **top* 'весь, целиком; совокупность' VEWT 489; EDT 493.

1.10: all (весь): шор. *tügeze*, узб. *tugal*. Производные от ПТ **tüke-* 'кончаться, истощаться' VEWT 504; EDT 479, 484.

1.11: all (весь): др.-тюрк. *tüzü*, крх.-уйг. *tüzü*. Форма 3 л. от ПТ **düz* 'ровный' EDT 573; ЭСТЯ 1980, 309–312; VEWT 508; EDT 571, 572.

1.12: all (весь): галт. *bastyra*; леб. *pastyra*. Деепр. по каузативу ПТ **bas-* 'давить' EDT 370–371; VEWT 64; ЭСТЯ 1978, 74–77; СИГТЯ 1997, 393, 571; Федотов I 448.

1.13: all (весь): сал. *voɣanur*. «Эризованная» форма от причастия по глаголу **bōl-* 'становиться', **bōl-gan* + *-ur*, см. Тен.ССЯ 133.

1.14: all (весь): тув. *bügü*; каз. *bükil*. Заимствования из монг. *bükü, bükü-li* > халха *büx* 'весь, общий', *büxəl* 'весь, целый' БАМРС 1, 311.

1.15: all (весь): тув. *tödü*; тоф. *tödü*. Из монг. *tödü* > халха *töd* 'столько; сразу' БАМРС 3, 240 < ПМонг. **te-* 'основа указательного местоимения' KWb 393.

1.16: all (весь): галт. *ončo*; туба *ončo*; леб. *ončo*. Из монг. *onča*, халха *onc* 'особый, очень' БАМРС 2, 482 < ПМонг. **on-* 'другой' MGCD 529.

1.17: all (весь): туба *arxa* (*арха ньонунг* 'среди всего народа'). Ср. ойрот. *арка дьон* 'множество народа'. По мнению Н.А.Баскакова (ОРС), к ПТ **arka* 'спина; зад, север', галт. 'северный склон горы, поросший лесом', но скорее к монг. *arxag* 'большой, сильный, могучий' < **arqa-* 'иметься в большом количестве' KWb 14.

1.18: all (весь): сал. *ǰy-po*. Из кит. 皆 *jie* 1 +裒 *pou* 2 'все вместе'?

1.19: all (весь): хал. *hamay*; сал. *hämü*; узб. *xamma*; нуйг. *hämmä*; тат. *haman*. Из перс. *hama, hamme, hamay* 'вместе, все'.

2.1: ashes (пепел, зола): чув. *kəʷl*; як. *kül*; тув. *xül*; тоф. *xül*; хак. *kül*; шор. *kül*; сюг. *kül*; др.-тюрк. *kül*; крх.-уйг. *kül*; хал. *kil*; тур. *kül*; гаг. *kül*; аз. *kül*; турк. *kül*; сал. *kül*; узб. *kul*; нуйг. *kül*; кар. *kul'*; кар.К. *kül*; кум. *kül*; балк. *kül*; тат. *köl*; башк. *köl*; ног. *kül*; каз. *kül*; ккалп . *kül*; кирг. *kül*; галт. *kül*; туба *kül*; леб. *kül*; куманд. *kül*. ПТ **kül* 'пепел, зола' VEWT 307; EDT 715; ЭСТЯ 1997, 137–138; СИГТЯ 1997, 367–368.

2.2: ashes (пепел, зола): леб. *kok*. ПТ **Kok* 'пыль, пепел' EDT 609; VEWT 275, 276; ЭСТЯ 2000, 44; СИГТЯ 1997, 368.

2.3: ashes (пепел, зола): шор. *qabal*. Производное от глагола (ср. *qab-yl-* 'вспыхнуть') ПТ **Kap-yn-* 'загораться' ЭСТЯ 1997, 262.

2.4: ashes (пепел, зола): тоф. *xuǰmaq*. К ПТ **Kuj-* 'гарь, пригорать' ЭСТЯ 2000, 112.

2.5: ashes (пепел, зола): тув. *yjba*. Ср. ойр., шор. *ujma-* 'пачкать' VEWT 511, кирг. *ujpa-* 'спутать, взлохматить, измять', отыменной глагол, из монг. *ujim-* 'привести в беспорядок', KWb 461; предположительно образование от глагола, **ujma*, означало 'грязь, пыль', затем 'пепел'.

3.1: bark (кора): чув. *xobъ*; тур. *kabuk*; гаг. *kabuk*; аз. *GabyG*; турк. *Gābyq*; сал. *Goχ*; узб. *qobiq*; кар. *qabux*; кар.К *qabuq*; кум. *qabuq*; балк. *qabuq*; тат. *kabyk*; башк. *kabyk*; ног. *kabyk*; каз. *qabyq*; ккалп. *qabyq*; кирг. *kabyk*. ПТ **Kāpuk* 'кора, скорлупа' VEWT 234; ЭСТЯ 1997, 168; СИГТЯ 1997, 107; Федотов II 358.

3.2: bark (кора): тув. *čövüree*; тоф. *čö'prā*; ПТ **japyr-gak* 'лист'; VEWT 188; EDT 879–880; ЭСТЯ 1985, 130–132; СИГТЯ 1997, 111–112 (что касается переднего вокализма, ср. як. *sebirdex* 'лист растения'). Алт. *чобра, чобырга* 'кора лиственницы', хак. *собыра* 'сухая кора тополя', сравниваемые В.М.Рассадиным (Рас.ФиЛ 197, ср. еще ойр., тел. *čobyrǰa* 'кора лиственных деревьев' VEWT 113), не могут быть генетическими соответствиями к тув.

и тоф. (первый согласный восходит к **č-*, в тув. и тоф. ожидалось бы *š*) – заимствование?

3.3: bark (кора): нуйг. *qovzaq*, туба *kaaza* (< **kab-yz-ak*); хак. *xaxpas*; шор. *qaqpaš*; леб. *kagaš*; куманд. *kagys* (< **kab-gač*). ПТ **Kạb* 'кора; скорлупа; шелуха; отруби, мякина' с различными именными суффиксами. VEWT 217; EDT 583; ЭСТЯ 1997, 173–174, 178–179.

3.4: bark (кора): др.-уйг. *qas, qasuq*, крх.-уйг. *qas, qasuq* (МК) хал. *qåš* 1955. ПТ **Kās* 'кожа, скорлупа, кора'. EDT 665, 666; ЭСТЯ 5 328. Возможно, самодизм в пратюркском, см. Хелимский 2000, 301–312 (< ПСам. **käsa* 'кора').

3.5: bark (кора): кум. *qat*. ПТ **Kat* 'слой' VEWT 241; ЭСТЯ 1997, 335–336.

3.6: bark (кора): чув. *xujъr*; як. *xatyryk*; хак. *xastyryx*; сюг. *kazdyk*; др.-тюрк. *qadyz*; крх.-уйг. *qaz, qaδyz*; тат. *kajry*. ПТ **Kar΄, *Kar΄-dyr΄* 'кора; чешуя; перхоть' VEWT 218, 243; EDT 608, 665; ЭСТЯ 1997, 211–212, 328; Федотов II 352; СИГТЯ 1997, 107.

3.7: bark (кора): тув. *šaŋda*; Рас. ФиЛ 230: тоф. *šaŋda* 'слой коры березы под берестой', ср. тув., галт. *šaŋda* 'кора', шор. *šaŋda* 'гнилая кора березы', 'сухой, твердый' см. VEWT 442, < монг. **čiŋda* 'твердый, жесткий' KWb 441; БАМРС 4, 306.

3.8: bark (кора): тоф. *šylba*; Рас. ФиЛ 230: тув. *šylba* 'лыко', тоф. *šylba* 'кора березы'. По-видимому, из эвенк. *čalban* 'береза, береста', восходящего к ПТМ **čalban* ССТМЯ II 380–382. ТМ > дагур. *čālbān* (Тод. Даг. 180). Ср. тюрк. **čel-* 'пленка, кожица, подмездрина; шелуха' VEWT 103; EDT 418–419; СИГТЯ 1997, 392 (тюрк. *čelpek* > перс. *čalpak* TMN III 1111). Тюрк. основа вместе с тунгусо-маньчжурской восходит к ПАлт. **č΄ali* 'кожица, кора'.

3.9: bark (кора): узб. *pust*. Из перс. *pust* 'кора'.

4.1: belly (живот): чув. *xuгъm*; тув. *xuгun*; тоф. *xuгun*; хак. *xaгyn*; шор. *qarny*; (сюг. *qarən* 'пузырь из внутренностей барана'); др.-тюрк. *qaryn*; крх.-уйг. *qaryn*; хал. *qāryn*; тур. *karyn*; гаг. *karny*; аз. *Garyn*; турк. *Garyn*; сал. *karyn*; узб. *qorin*, кар. *karyn*; кум. *qaryn*; балк. *qaryn*; тат. *karyn*; башк. *qaryn*, ног. *karyn*, каз. *qaryn*; ккалп. *qaryn*; кирг. *karyn*; галт. *karyn*; леб. *qaryn*. ПТ **Kạryn* 'живот, утроба' VEWT 238; EDT 661; ЭСТЯ 1997, 321–322; СИГТЯ 1997, 277.

4.2: belly (живот): як. *is*; тув. *ižin*; тоф. *i'šti*; сюг. *hižigy*; башк. *es*; ног. *iš*, каз. *iš*; ккалп. *iš*; кирг. *ič*; галт. *ič*; туба *ič*; куманд. *ič*; леб. *ič*. ПТ **ič* 'внутренность': VEWT 168; EDT 17, 25; ЭСТЯ 1974, 388–391, 392–393.

4.3: belly (живот): шор. *qursaq*; сюг. *qorsqaq*; сал. *χusaχ*; узб. *qursaq*, нуйг. *qosaq*; кар. *kursax*; кар.К. *qursaq*; кум. *qursaq*; тат. *korsak*; башк. *korhak*; ног. *kursak*; каз., ккалп. *qursaq*, кир. *kursak*. ПТ **Kurg-sak* 'живот, желудок': EDT 657; VEWT 303; СИГТЯ 1997, 277; ЭСТЯ 2000, 164–166.

4.4: belly (живот): чув. *var*, сюг. *ezek*. ПТ **ōr΄* 'середина, внутренность, сущность': EDT 278; VEWT 376–377; ЭСТЯ 1974, 506–512; СИГТЯ 1997, 90, 117.

4.5: belly (живот): гаг. *šk'embä*. Из перс. *šikambah* 'живот, брюхо', ср. тур. *işkembe* 'рубец, потроха'.

5.1: big (большой): як. *ulaxan*; тув. *ulug*; тоф. *uluγ*, хак. *uluγ*; шор. *uluγ*; др.-тюрк. *uluγ*; крх.-уйг. *uluγ*; турк. *uly*; сал. *ully*; узб. *ulkan*; кум. *ullu*; балк. *ullu*; башк. *ölkän*; ног. *üjken, ully*; каз. *ülken*; ккалп. *ülken*; кирг. *ülkön*; леб. *ullu*. ПТ **ulug, *ülken* 'большой, великий; крупный' VEWT 513, 520; EDT 136; ЭСТЯ 1974, 593–594, 630 (явно сингармонические варианты единой основы).

5.2: big (большой): сюг. *bezyk*; др.-тюрк. *beδük*; крх.-уйг. *beδük*; хал. *bidik/büdük*; тур. *büjük*; гаг. *büjük'*; аз. *böjük*; кар. *büjük*; кар.К. *bijik*. ПТ **bedü-k* 'большой, крупный, высокий', от глагола **bedü-* 'расти' VEWT 67; EDT 299–301; ЭСТЯ 1978, 288–290.

5.3: big (большой): нуйг. *joγan*. ПТ **jogan* 'толстый' VEWT 205; EDT 904; ЭСТЯ 1989, 208–209.

5.4: big (большой): тур. *irı*; аз. *iri*. ПТ **ēŗig* 'грубый, крупный' EDT 221, 222; ЭСТЯ 1974, 371–372.

5.5: big (большой): чув. *тълъ*. ПТ **bạny-* ~ **bony-* 'большой', как скотоводческий термин – «взрослый, старый»: крх.-уйг. *man* 'трехлетняя овца' МК; чаг. *maŋ* 'трехлетняя овца' и т.п. Федотов I 349; ЭСТЯ 2003, 34–35.

5.6: big (большой): кар.К. *balaban*. ПТ **balaban* 'большой, толстый': тур. *balaban* 'огромный', гаг. *balaban* 'высокий, рослый', тат. диал. *balban* 'тучный' ЭСТЯ 1978, 49–50.

5.7: big (большой): чув. *ръгък*. ПТ **bạr'-suk* 'толстый, дюжий; коренастый человек': ср.-кыпч. *bazuq* (AH, CCum.), кар. *bazyq*, кум. *bazyq*, балк. *bazyq*, тат. *bazyq*, башк. *baδyq*. VEWT 66. Неверно в Федотов I 66.

5.8: big (большой): галт. *d'ān*; туба *d'aan*, куманд. *n'aan*, леб. *n'aan*; по-видимому, обратное заимствование из монг. **ǰaγan* 'слон', метаф. 'большой' БАМРС 2, 191 (монг. < др.-уйг. *jaγan* 'слон', которое из кит. 樣 совр. *yang* 4, ср.-кит. *jàŋ*) KWb 469.

5.9: big (большой): нуйг. *čoŋ*; кирг. *čoŋ*; см. VEWT 116, из кит. *čoŋ* 'большой, величественный', 崇 *chong*, ср.-кит. *ʒüŋ*, др.-кит. *ʒ́(h)ruŋ* 'складывать высоко' > 'уважать, почитать'.

5.10: big (большой): сал. *ǰa(:)tyχ*; из кит. (Тен.ССЯ 372) 甲 *jia* 2 + *deng* 2?

5.11: big (большой): узб. *katta*; из перс. *katta* 'огромный, великий'.

5.12: big (большой): тат. *zur*; башк. *zur*; из перс. *zūr* 'сильный'.

5.13: big (большой): як. *bödöŋ*; из монг. **bediγün, *büdüγün* 'толстый' KWb 66; MGCD 173. Вопреки Попов I 151, не может быть результативом на *-ŋ* к ПТ **bedü-* 'расти' по фонетическим причинам (ожидалось бы *bütüŋ*, ср. *atax* 'нога' < **adak*, *ütüö* 'хороший' < **ed-gü*, *utuj-* 'спать' < **ū-dy-*, *bitij-* 'танцевать' < **büdi-* и мн.др.). Як. *bedik* 'большой, неуклюжий' (во фразеологизмах) справедливо отнесено Г.В.Поповым (Попов I 156) к той же тюркской основе, но должно рассматриваться как заимствование из тюркского языка типа тувинского, ср. тув. *bedik* 'высокий', см. о таких заимствова-

ниях см.: *Попов Г.В.* Слова «неизвестного происхождения» якутского языка. Якутск, 1986.

5.14: big (большой): шор. *poyda*; из монг. **bogda* 'святой, божественный' > 'верховный' KWb 49.

6.1: bird (птица): тув. *ku'š*; тоф. *qu'š*; хак. *xus*; шор. *quš*; сюг. *Gus*; др.-тюрк. *quš*; крх.-уйг. *quš*; тур. *kuš*; гаг. *quš*; аз. *Guš*; турк. *Guš*; сал. *Guš*; узб. *quš*; нуйг. *quš*; кар. *quš*; кар.К. *quš*; кум. *quš*; тат. *koš*; башк. *qoš*; ног. *kus*; каз. *qus*; ккалп. *qus*; кирг. *kuš*; галт. *kuš*; туба *kuš*. леб. *quš*; куманд. *kuš*. ПТ **Kul* 'птица; утка (як.)' VEWT 305; EDT 670; ЭСТЯ 2000, 180–182; СИГТЯ 1997, 168.

6.2: bird (птица): чув. *kajък*. ПТ **gejik* 'дикое животное, преимущественно копытное; дичь' VEWT 247; EDT 755; ЭСТЯ 1997, 21–23; СИГТЯ 1997, 151–152; Федотов I 212–213.

6.3: bird (птица): як. *kötör*. Производное от ПТ **göt-* 'поднимать(ся), летать' VEWT 294; EDT 706; ЭСТЯ 1980, 86–88.

6.4: bird (птица): балк. *qanat-ly*. От ПТ **Kājnat* 'крыло' VEWT 230; EDT 635; ЭСТЯ 1997, 252–253; Федотов II 137; СИГТЯ 1997, 149–150.

6.5: bird (птица): балк. *čypčyq*. ПТ **čypčyk* 'воробей, мелкая птица' VEWT 109; СИГТЯ 1997, 176.

6.6: bird (птица): хал. *pärändä*; узб. *parranda*. Из перс. *parenda* 'птица'.

7.1: bite (кусать): як. *ytyr-*; тув. *yzyr-*; тоф. *y'syr-*; хак. *yzyr-*; шор. *yzyr-*; крх.-уйг. *ysyr-*; тур. *ysyr-*; кар.К. *ysyr-*. ПТ **ysyr-* 'кусать' VEWT 167; EDT 251; ЭСТЯ 1974, 671–672.

7.2: bite (кусать): сюг. *dysde-*; др.-тюрк. *tišlä-*; крх.-уйг. *tyšle-*; тур. *dišle-*; гаг. *dišle-*; аз. *dišlä-*; турк. *dīšle-*; сал. *cīšly-*; узб. *tišla-*; нуйг. *čišlä-*; кар. *tyšle-*; кар.К. *čišle-*; тат. *tešlä-*; башк. *tešlä-*; ног. *tisle-*; каз. *tiste-*; ккалп. *tisle-*; кирг. *tište-*; галт. *tište-*; туба *tište-*. леб. *tište-*. Продуктивные производные от ПТ **dīĺ* 'зуб' VEWT 481; EDT 557, 564–565; ЭСТЯ 1980, 242–244; СИГТЯ 1997, 228.

7.3: bite (кусать): сюг. *Gap-*; аз. *Gap-*; узб. *qop-*; кум. *xap-*; балк. *qab-*; ног. *kabu-*; каз. *qab-*. ПТ **Kap-* 'брать, хватать; кусать' VEWT 233; EDT 580; ЭСТЯ 1997, 264–265.

7.4: bite (кусать): кум. *čajna-*; башк. *säjnä-*; ккалп. *šajna-*. *ПТ **čAj-na-* 'жевать; кусать' VEWT 95, Рас. ФиЛ 168.

7.5: bite (кусать): гаг. *dala-*; балк. *tala-*; тат. *tala-*. ПТ **dāla-* 'кусать' ЭСТЯ 1980, 134–136, Ашм. XIV, 120. В VEWT 458 и в EDT 492 смешан с **tāla-* 'грабить'.

7.6: bite (кусать): чув. *s'yrt-*; ср. тюрк. *jyrt-* 'разрывать, рвать' (в том числе зубами), усилительное к **jīr- / *jȳr-* 'расщеплять вдоль; ломать, разрывать' VEWT 198; EDT 955; ЭСТЯ 1989, 203–204; Федотов II 157–158.

7.7: bite (кусать): сал. *qaǯa-*; из монг. *kaǯa- 'кусать' SM 117; MGCD 316, 350.

8: black (черный): чув. *xora*; як. *xara*; тув. *kara*; тоф. *qara*; хак. *xara*; шор.

qara; сюг. *Gara*; др.-тюрк. *qara*; крх.-уйг. *qara*; хал. *qara*; тур. *kara*; гаг. *qara*; аз. *Gara*; турк. *Gara*; сал. *Gara*; узб. *qora*; нуйг. *qara*; кар. *kara*; кар.К. *kara*; кум. *qara*; балк. *qara*; тат. *kara*; башк. *kara*; ног. *kara*; каз. *qara*; ккалп. *qara*; кирг. *kara*; галт. *kara*; туба *kara*. леб. *kara*; куманд. *kara*. ПТ **Kara* 'черный' VEWT 235; EDT 643–644; ЭСТЯ 1997, 286–289, 299–300; СИГТЯ 1997, 592–593; Федотов II 362.

9: blood (кровь): чув. *jon*; як. *xān*; тув. *xan*; тоф. *qan*; хак. *xan*; шор. *qan*; сюг. *qan*; др.-тюрк. *qan*; крх.-уйг. *qan*; хал. *qān*; тур. *kan*; гаг. *qan*; аз. *Gan*; турк. *Gān*; сал. *Ga(:)n*; узб. *qon*; нуйг. *qan*; кар. *kan*; кар.К. *qan*; кум. *qan*; балк. *qan*; тат. *kan*; башк. *kan*; ног. *kan*; каз. *qan*; ккалп. *qan*; кирг. *kan*; галт. *kan*; туба *kan*; леб. *kan*; куманд. *kan*. ПТ **Kiān* 'кровь' VEWT 230; EDT 629–630; ЭСТЯ 1997, 251; Федотов II 486.

10.1: bone (кость): чув. *šъʷmъʷ*; як. *uŋuox*; тув. *söök*; тоф. *sōk*; хак. *sö:k*; шор. *sōk*; сюг. *symyk*; др.-тюрк. *süŋük*; крх.-уйг. *süŋük*; хал. *simik*; аз. *sümük*; турк. *süŋk,süjek*; сал. *se(:)nix*; узб. *sujak*; нуйг. *söŋäk*; кар. *süv'ak*; кар.К. *süjek*; кум. *süjök*; балк. *süjek*; тат. *söjäk*; башк. *höjäk*; ног. *süjek*; каз. *süjek*; ккалп. *süjek*; кирг. *söök*; галт. *sōk*; туба *sōk*; леб. *sōk*; куманд. *sōk*. ПТ **siŋök* 'кость' VEWT 437; EDT 838–839; СИГТЯ 1997, 260–261; ЭСТЯ 2003, 357.

10.2: bone (кость): тоф. *hemirhek*, производное от ПТ **gemür-* 'грызть, глодать', ср. **gemür-ček* 'хрящ' VEWT 251; EDT 723; ЭСТЯ 1980, 18–19; СИГТЯ 1997, 262.

10.3: bone (кость): тур. *kemik*; гаг. *kemik'*; кар.К. *kemik*. ПТ **kemük* 'губчатая кость; хрящ' VEWT 251; EDT 722; ЭСТЯ 1997, 36–38; СИГТЯ 1997, 261–262.

10.4: bone (кость): узб. *ustuxon*; нуйг. *ustixan*. Из перс. *ostoχān* 'кость'.

11.1: breast (грудь [женская]): як. *emīj*; тув. *emig*; тоф. *emij*; хак. *imžäk*; шор. *emček*; сюг. *emyy*; др.-тюрк. *emig*; крх.-уйг. *emig*; гаг. *emzik*; аз. *ämčäk*; турк. *emžek*; сал. *emžix*; узб. *emčak*; нуйг. *ämčäk*; кар.К. *emček*; кум. *emček*; балк. *emček*; тат. *imčäk*; башк. *imsäk*; ног. *emšek*; каз. *emšek*; ккалп. *emšek*; кирг. *emček*; галт. *emček*; туба *emček*. леб. *emčeg*; куманд. *emčeg*. ПТ **em-ig, *em-ček* 'грудь, сосок' от **em-* 'сосать' VEWT 41–42; EDT 158–159; ЭСТЯ 1974, 271–272; СИГТЯ 1997, 273–274.

11.2: breast (грудь [женская]): хал. *mämäk*; тур. *meme*; гаг. *memä*; аз. *mämä*; кар.К. *mämä;* ног. *mämej*; ккалп. *mämmä*. ПТ **mēme (*bēme)* 'грудь, сосок; еда (детск.)' VEWT 333; ЭСТЯ 2003, 61–62 (ономатопоэтическое слово, имеющее, однако, алтайские параллели). Не исключено и заимств. из перс. языков: *mama*, курд. *memik*, пехл. *mamak*. Ср. ненормальный рефлекс гласного.

11.3: breast (грудь [женская]): чув. *kъkъr*; др.-тюрк. *kögüz*; турк. *gövüs*; сал. *göfrix*; узб. *kukrak*; кар. *kekrek*; кум. *kökürek*; балк. *kökürek*; тат. *kükräk*; башк. *kükräk*. ПТ **gökür´ (/*gögür´)*, **Kökrek* 'грудь; женская грудь' EDT 714; VEWT 288; ЭСТЯ 1980, 54–55, 5, 136–137; СИГТЯ 1997, 272–274.

11.4: breast (грудь [женская]): тоф. *töš*; шор. *töš*; аз. *döš*; кар. *töš*; кар.К.

töš, балк. *töš*. ПТ **dõĺ* 'грудь' VEWT 495; EDT 558; ЭСТЯ 1980, 286–287; СИГТЯ 1997, 271–272.

11.5: breast (грудь [женская]): чув. *čəǯə*. Заимствование из мар. *чызы* 'женская грудь, сосок' < урал. **s´ic´ä ~ *s´in´c´ä* UEW 480. См. VEWT 110; Räs.ČLČ 271; Федотов II 417.

11.6: breast (грудь [женская]): каз. *omyraw*. Заимствовано из монг. *omuruγu(n), omuruu* (Less. 611) 'ключица, грудина (лошади)', см. ЭСТЯ 1974, 453.

12.1: burn tr. (жечь): крх.-уйг. *jaq-*; хал. *ja:q-*; тур. *jak-*; гаг. *jak-*; аз. *jax-*; турк. *jaq-*; узб. *joq-*; нуйг. *jaq-*; кар.К. *jaq-*; кум. *jaq-*; балк. *ǯaq-*; башк. *jak-*; ног. *jak-*; каз. *žaq-*; ккалп. *žaq-*; кирг. *ǯak-*; ПТ **jak-* 'жечь' VEWT 180; EDT 897; ЭСТЯ 1989, 62, 81–82; Федотов II 146; СИГТЯ 1997, 362.

12.2: burn tr. (жечь): чув. *s´ondar-*; аз. *jandyr-*; узб. *jɔndir-*; кум. *jandyr-*; тат. *jandyr-*; башк. *jandyr-*; ног. *jandyr-*. ПТ **jan-* 'гореть, загораться', каузатив **jan-tyr-* 'жечь, зажигать; светить' VEWT 184; EDT 942, 947–948; ЭСТЯ 1989, 112; Федотов II 136; СИГТЯ 1997, 362.

12.3: burn tr. (жечь): др.-тюрк. *küjdür-*; крх.-уйг. *köjür-*; хал. *kiẹndär-*; сал. *köj-*; узб. *kujdir-*; нуйг. *köjdür-*; кар. *küvdür-*; кар.К. *küvdür-*; кум. *güjdür-*; балк. *küjder-*; тат. *köjder-*; кирг. *küjdür-*; галт. *küjdür-*; туба *küjdür-*; леб. *küjdür-*; ПТ **kön´-* 'гореть', каузатив 'жечь' VEWT 309; EDT 726, 730; ЭСТЯ 1997, 88–89, 133; СИГТЯ 1997, 362.

12.4: burn tr. (жечь): як. *uma-t-*; ПТ **uma-* 'гореть', изолят якутско-долганской подгруппы: як. *uma-t-* 'жечь', *umaj-* 'гореть', долг. *ubaj-* 'гореть' Stachowski 239 (слово имеет алтайские параллели).

12.5: burn tr. (жечь): тоф. *qy'pys-*; каузатив от *qy'p-* 'гореть', ПТ **Kạp-* 'загораться' ЭСТЯ 1997, 262.

12.6: burn tr. (жечь): сюг. *söγyl-* 'сжигать жертву, сжигать покойника'; ПТ **sögül-* 'жарить (мясо)' EDT 821, 823; ЭСТЯ 2003, 314.

12.7: burn tr. (жечь): як. *uottā-*; аз. *odla-*; продуктивные производные от ПТ **ōt* 'огонь' VEWT 366; EDT 34; ЭСТЯ 1974, 483–484; СИГТЯ 1997, 356, 361.

12.8: burn tr. (жечь): тув. *örtet-*; тоф. *ö'rte-*; хак. *örtä-*; шор. *örte-*; др.-тюрк. *örte-*; крх.-уйг. *örte-*; кар. *örte-*; кар.К. *örte-*; башк. *ürtä-*; ккалп. *örte-*; галт. *örtö-*; туба *örtö-*. ПТ **ört* 'пламя; степной пожар', отыменной глагол **ört-e-* 'жечь, гореть'. VEWT 375; EDT 201, 208–209; ЭСТЯ 1974, 550–551; СИГТЯ 1997, 357–358.

12.9: burn tr. (жечь): сал. *qala-*. Заимствование из монг. **kala-* 'нагревать(ся), жечь' KWb 162; VEWT 224; ЭСТЯ 1997, 228; СИГТЯ 1997, 364.

13: claw (nail) (коготь, ноготь): чув. *čərne*; як. *tyŋyraq*; тув. *dyrgak*; тоф. *dyrbaq*; хак. *tyrGax*; шор. *tyrbaq*; сюг. *tyrGaq*; др.-тюрк. *tyrŋaq*; крх.-уйг. *tyŋraq*; хал. *tyrnaq*; тур. *tyrnak*; гаг. *tyrnaq*; аз. *dyrnaG*; турк. *dyrnaq*; сал. *ǯyrna(:)χ*; узб. *tirnoq*; нуйг. *tirmaq*; кар. *tyrnax*; кар.К. *tyrnaq*; кум. *tyrnaq*;

балк. *tyrnaq*; тат. *tyrnak*; башк. *tyrnak*; ног. *tyrnak*; каз. *tyrnaq*; ккалп. *tyrnaq*; кирг. *tyrmak*; галт. *tyrgak*; туба *tyrmak*; леб. *tyrbaq*, куманд. *tyrbak*. ПТ **dyrŋa-k* 'ноготь, коготь', ср. ПТ **dyrŋa-* 'скрести, царапать'. VEWT 465, 479; EDT 551, 549–50; ЭСТЯ 1980, 345–349; СИГТЯ 1997, 258.

14: cloud (облако): чув. *pəʷləʷt*; як. *bylyt*; тув. *bulut*; тоф. *bulut*; хак. *pulut*; шор. *pulut*; сюг. *bylyt*; др.-тюрк. *bulyt*; крх.-уйг. *bulut*; хал. *bulyt*; тур. *bulut*; гаг. *bulut*; аз. *bulut*; турк. *bulut*; сал. *bu(:)lyt*; узб. *bulut*; нуйг. *bulut*; кар. *bulut*; кар.К. *bulut*; кум. *bulut*; балк. *bulut*; тат. *bolyt*; башк. *bolot*; ног. *bulyt*; каз. *bult*; ккалп. *bult*; кирг. *bulut*; галт. *bulut*; туба *bulut*; леб. *bulut*; куманд. *pulut*. ПТ **bulyt* 'облако' VEWT; EDT 333; ЭСТЯ 1978, 262–264; СИГТЯ 1997, 24.

15.1: cold (холодный): тув. *sook*; тоф. *sōq*; хак. *sōx*; шор. *sōq*; сюг. *soq*; др.-тюрк. *soɣuq*; крх.-уйг. *soɣuq*; хал. *sovuq*; тур. *soɣuk*; гаг. *suuq*; аз. *sojuG*; турк. *sovuq*; сал. *soχ*; ПТ **sogy-k*, производное от ПТ **sogy-* 'охлаждаться' VEWT 425; EDT 808, 806; ЭСТЯ 2003, 272; СИГТЯ 1997, 15.

15.2: cold (холодный): чув. *sivə*; узб. *sovuq*; нуйг. *soɣuq*; кар. *suvux*; кар.К. *suuq*; кум. *suwuq*; балк. *suuq*; тат. *suwyk*; башк. *hywyk*; ног. *suwyk*; каз. *suwyq*; ккалп. *suwyq*; кирг. *suuk*; галт. *sōk*; туба *soguk*; леб. *sook*; куманд. *sook*. ПТ **sąguk* 'холодный', отделяется по фонетическим причинам от предыдущего слова, хотя обычно в этимологической литературе рассматривается вместе с ним, см. с. 110 наст. изд., а также Федотов II 48.

15.3: cold (холодный): сюг. *toŋ*; ПТ **doŋ* 'холодный; мороз' VEWT 488; EDT 513, 515; ЭСТЯ 1980, 265–267; СИГТЯ 1997, 17.

15.4: cold (холодный): як. *tymnȳ*; др.-тюрк. *tumlyq*; крх.-уйг. *tumlyq*. Производные на *-llg, -lUk* от ПТ **dum* 'холодный; простуда' VEWT 498; EDT 503, 505, 506; ЭСТЯ 1980, 326; СИГТЯ 1997, 14–15.

15.5: cold (холодный): узб. *salqin*; кар.К. *salqym*; кум. *salqyn*; тат. *salkyn*; башк. *halqyn*; заимствование из монг. **salki(n)* 'ветер, ветреный' KWb 318; MGCD 591; VEWT 398, Щербак 1997, 209; СИГТЯ 1997, 16, 41; ЭСТЯ 2003, 182.

16: come (приходить): чув. *kil-*; як. *kel-*; тув. *kel-*; тоф. *kel-*; хак. *kil-*; шор. *kel-*; сюг. *gel-*; др.-тюрк. *kel-*; крх.-уйг. *kel-*; хал. *käl-*; тур. *gel-*; гаг. *gel-*; аз. *gäl-*; турк. *gel-*; сал. *gel-, gej-*; узб. *kel-*; нуйг. *käl-*; кар. *kel-*; кар.К. *kel-*; кум. *gel-*; балк. *kel-*; тат. *kil-*; башк. *kil-*; ног. *kel-*; каз. *kel-*; ккалп. *kel-*; кирг. *kel-*; галт. *kel-*; туба *kel-*; леб. *kel-*; куманд. *kel-*. ПТ **gẹl-* 'приходить' VEWT 248; EDT 715; ЭСТЯ 1980, 14–16, 31–32.

17: die (умирать): чув. *vil-*; як. *öl-*; тув. *öl-*; тоф. *öl-*; хак. *öl-*; шор. *öl-*; сюг. *jül-*; др.-тюрк. *öl-*; крх.-уйг. *öl-*; хал. *hil-/ḥẹl-*; тур. *öl-*; гаг. *öl-*; аз. *öl-*; турк. *öl-*; сал. *ül-*; узб. *ụl-*; нуйг. *öl-*; кар. *ol'-*; кар.К. *öl-*; кум. *öl-*; балк. *öl-*; тат. *ül-*; башк. *ül-*; ног. *öl-*; каз. *öl-*; ккалп. *öl-*; кирг. *öl-*; галт. *öl-*; туба *öl-*; леб. *öl-*; куманд. *öl-*. ПТ **öl-* 'умирать' VEWT 371; ЭСТЯ 1974, 525–527; EDT 125–126, 133–134, 151.

18.1: dog (собака): чув. *jydъ*; як. *yt*; тув. *y't*; тоф. *y't*; сюг. *yšt*; др.-тюрк.

yt; крх.-уйг. *yt*; хал. *it;* аз. *it*; турк. *it*; сал. *išt*; узб. *it*; нуйг. *išt*; кар. *it*; кум. *it*; балк. *it*; тат. *et*; башк. *et*; ног. *ijt*; каз. *it*; ккалп. *ijt*; кирг. *it*; галт. *ijt*; туба *ijt*. ПТ **yt/*it* 'собака' VEWT 174; TMN II 173–174; EDT 34; ЭСТЯ 1974, 385; СИГТЯ 1997, 188.

18.2: dog (собака): крх.-уйг. *köpek*; тур. *köpek*; таг. *köpek'*; аз. *köpek* (турк. *köpek*) 'кобель'; кар.К. *köpe*. ПТ **köpe-k* 'собака; охотничий пес' VEWT 291; ЭСТЯ 1997, 111–112; СИГТЯ 1997, 189.

18.3: dog (собака): тоф. *tükkü*. Производное от ПТ **tük* 'шерсть (животного)' VEWT 503; EDT 433; СИГТЯ 1997, 197–198. Ср. Рас. ФиЛ 235: крх.-уйг. *tükkü* МК 'возглас, которым подзывают щенка'.

18.4: dog (собака): хак. *adaj*; шор. *adaj*. ПТ **aty* 'внук, детеныш', ср. сюг. *a'tąj* 'детеныш, ребенок; жеребенок; малолетний'; VEWT 31; EDT 40; ЭСТЯ 1974, 79.

18.5: dog (собака): леб. *eger*; куманд. *eger*. ПТ **eker* 'порода собак': чув. *agar jytti* (> венг. *agár*, см. Gombocz 1912), шор. *eger*, чаг. *iger*, кум. *eger*, тат. сиб., башк. *igɛr*, галт. *eger* VEWT 38, 23.

19: drink (пить): чув. *əś-*; як. *is-*; тув. *iš-*; тоф. *iš-*; хак. *es-*; шор. *iš-*; сюг. *yš-*; др.-тюрк. *ič-*; крх.-уйг. *ič-*; хал. *ič-*; тур. *iç-*; таг. *iç-*; аз. *iç-*; турк. *iç-*; сал. *īč-*; узб. *ič-*; нуйг. *ič-*; кар. *ič-*; кар.К. *ič-*; кум. *ič-*; балк. *ič-*; тат. *eč-*; башк. *es-*; ног. *iš-*; каз. *iš-*; ккалп. *iš-*; кирг. *ič-*; галт. *ič-*; туба *ič-*; леб. *ič-*; куманд. *ič-*. ПТ **ič-* 'пить' VEWT 168; EDT 19; ЭСТЯ 1974, 391.

20.1: dry (сухой): як. *kurānax*; тув. *kurġag*; тоф. *quryay*; хак. *xuruy*; шор. *quruy*; др.-тюрк. *quruγ*; крх.-уйг. *quruγ*; хал. *qurruγ*; тур. *kuru*; таг. *quru*; аз. *Guru*; турк. *Güry*; сал. *Guru, Gury*; узб. *quruq*; нуйг. *quruq, quryaq*; кар. *quru*; кар.К. *quru*; кум. *quru*; балк. *quryaq*; тат. *kory*; башк. *koro*; ног. *kury, kurlaj*; каз. *quryaq*; ккалп. *quryaq*; кирг. *kurgak*; галт. *kuru*; туба *kurgak*. Производные от ПТ **Kūr(y)-* 'сохнуть' VEWT 302, 303; EDT 652–653, 646, 658; ЭСТЯ 2000, 154–155.

20.2: dry (сухой): чув. *tibə*; башк. *kipkän*. Производные от ПТ **kep(i)-* 'высыхать, пропадать' EDT 687; ЭСТЯ 1997, 45–46; Федотов II 233.

20.3: dry (сухой): сюг. *qaq*; леб. *qaq*. ПТ **kak* 'сухой, сушеный' VEWT 223; ЭСТЯ 1997, 218–220; EDT 608.

21: ear (ухо): чув. *хъʷlya*; як. *kulgāk*; тув. *kulak*; тоф. *qulaq*; хак. *xulax*; шор. *qulaq*; сюг. *qulaq*; др.-тюрк. *qulqaq*; крх.-уйг. *qulaq*; хал. *qulaq*; тур. *kulak*; таг. *qulaq*; аз. *GulaG*; турк. *Gulaq*; сал. *Gulaχ*; узб. *quloq*; нуйг. *qulaq*; кар. *qulax*; кар.К. *qulaq*; кум. *qulaq*; балк. *qulaq*; тат. *kolak*; башк. *kolak*; ног. *kulak*; каз. *qulaq*; ккалп. *qulaq*; кирг. *kulak*; галт. *kulak*; туба *kulak*; леб. *qulaq*; куманд. *kulak*. ПТ **Kul-gak* 'ухо' VEWT 298; EDT 620; СИГТЯ 1997, 204–205; ЭСТЯ 2000, 124–127.

22.1: earth (земля): чув. *śər;* як. *sir;* тув. *čer;* тоф. *čer;* хак. *čir;* шор. *čer;* сюг. *jer;* др.-тюрк. *jer;* крх.-уйг. *jer;* хал. *jer;* тур. *jer;* таг. *jer';* аз. *jer;* турк. *jer;* сал. *jer;* узб. *jer;* нуйг. *jär;* кар. *jer;* кар.К. *jer;* кум. *jer;* балк. *žer;* тат. *ǰir;* башк. *jer;* ног. *jer;* каз. *žer;* ккалп. *žer;* кирг. *žer;* галт. *d'er;* туба *d'er;* леб. *čer;*

куманд. *čer.* ПТ **jęr* '*земля*' VEWT 198; EDT 954; ЭСТЯ 1989, 191–192; СИГТЯ 1997, 53.

22.2: earth (земля, почва): чув. *tъʷpra*; тув. *dovurak*; тоф. *to'praq*; хак. *tobrax*; шор. *tobraq*; сюг. *durvaq*; др.-тюрк. *topraq*; крх.-уйг. *topraq*; хал. *turpaq*; тур. *toprak*; гаг. *topraq*; аз. *torpaG*; турк. *topraq*; сал. *to(:)ryχ*; узб. *tuproq*; нуйг. *topa*; кар. *toprax*; кар.К. *topraq*; кум. *topuraq*; балк. *topuraq*; тат. *tufrak*; башк. *tuprak*; ног. *topyrak*; каз. *topyraq*; ккалп. *topyraq*; кирг. *topurak*; галт. *tobrak*; туба *toburak*; леб. *torbok*. ПТ **topra-k* 'земля, почва', от **topra-* 'пересыхать, обращаться в пыль'; VEWT 489; EDT 443, 444; СИГТЯ 1997, 99.

22.3: earth (земля, почва): як. *buor*. ПТ **bōr* 'мел, плохая земля, глина' VEWT 80; ЭСТЯ 1978, 192–193; СИГТЯ 1997, 100, 376; Федотов I 444.

22.4: earth (земля, почва): туба *balgač*. ПТ **bạl-čyk, -gač* 'грязь, глина' EDT 333, 336; VEWT 60; СИГТЯ 1997, 374.

23.1: eat (есть): чув. *s'ĭ-*; як. *sie-*; тув. *čï-, čemne-*; тоф. *čī-, nemne-*; хак. *če-*; шор. *čī-*; сюг. *ji-*; др.-тюрк. *je-*; крх.-уйг. *je-*; хал. *jiē-*; тур. *je-*; гаг. *i-*; аз. *je-*; турк. *ij-*; сал. *jy-*; узб. *je-*; нуйг. *jä-*; кар.К. *jä-*; ног. *je-*; каз. *že-*; ккалп. *že-*; кирг. *ǰe-*; галт. *d'e-*; туба *d'e-*; леб. *če-*; куманд. *čij-*. ПТ *jē- 'есть' VEWT 194; EDT 869–70; ЭСТЯ 1974, 333–335.

23.2: eat (есть): як. *ahā-*; др.-тюрк. *aša-*; крх.-уйг. *aša-*; кар. *aša-*; кар.К. *aša-*; кум. *aša-*; балк. *aša-*; тат. *aša-*; башк. *aša-*; ног. *aša-*; туба *ažan-*; куманд. *aža-n-*. ПТ **(i)aĺ* 'еда, пища; каша', **(i)aĺ-a-* 'есть' VEWT 29–30; ЭСТЯ 1974, 210–212; EDT 253, 256.

23.3: eat (есть): туба *ič-*. ПТ **ič-* 'пить' VEWT 168; EDT 19; ЭСТЯ 1974, 391.

24.1: egg (яйцо): чув. *s'ъmarda*; як. *symȳt*; тув. *čuurga*; тоф. *n'umurha*; хак. *nymyrxa*; шор. *nybyrtqa*; сюг. *jumud*; др.-тюрк. *jumurtya*; крх.-уйг. *jumurta*; хал. *jumurqa*; тур. *jumurta*; гаг. *jymyrta*; аз. *jumurta*; турк. *jumurtGa*; сал. *jymū(r)dda*; кар. *jymyrtka*; кар.К. *jymyrta*; кум. *jymyrtqa*; балк. *ǰumurtxa*; тат. *jomyrka*; башк. *jomortka*; ног. *jumyrtka*; каз. *žumyrtqa*; кирг. *žumurtka*; галт. *d'ymyrtqa*; туба *n'umurtka*; леб. *n'urtqa*; куманд. *n'ymyrtka*. ПТ **jumurtka* 'яйцо' VEWT 211; EDT 938; ЭСТЯ 1989, 250–251; СИГТЯ 1997, 149.

24.2: egg (яйцо): сюг. *oja*. ПТ **uja* 'гнездо' VEWT 511; EDT 267; ЭСТЯ 1989, 239.

24.3: egg (яйцо): тат. *kükäj* (яйцо; яичники; мошонка). Ср. чув. *kokko* 'яйцо (детск.)' Ашм. 6, 265, удм. южн. *kukej* 'яйцо' – скорее из тат. Тат., возможно, заимствовано из удм. *gogi* 'пупок, пуповина', *gogo* 'Penis' (детск.) Paas. , коми *gögj-* 'пуп, пупок', общеперм. **gögə* 'пуп', ФУ **kuŋkį* id. Лыткин–Гуляев 79, при влиянии межъязыкового «лепетного слова» *кока* – см. Ахметьянов 2001, 127.

24.4: egg (яйцо): ккалп. *mäjek*. Ср. еще чув., тат., башк. *мая* 'яйцо-подклад', хив. *majäk* 'яйцо' (Р); все, по-видимому, из перс. *māja* 'основа; закваска' VEWT 322; Федотов I 345–346.

24.5: egg (яйцо): балк. *gakki*. Видимо, из бацб. *gagã* или из лезг. *k:ak:a* 'яйцо'.

24.6: egg (яйцо): узб. *tuxum*; нуйг. *tuxum*; из перс. *toχm* 'яйцо, семя'.

25.1: eye (глаз): чув. *kuś*; сюг. *köz*; др.-тюрк. *köz*; крх.-уйг. *köz*; хал. *kez*; тур. *göz*; гаг. *göz*; аз. *göz*; турк. *göz*; сал. *gö(:)z*; узб. *kuz*; нуйг. *köz*; кар. *k'oz*; кар.К. *köz*; кум. *göz*; балк. *köz*; тат. *küz*; башк. *küz*; ног. *köz*; каз. *köz*; ккалп. *köz*; кирг. *köz*; галт. *kös*; туба *kös*; леб. *kös*; куманд. *kös*. ПТ **göŕ* (= **gör-s*) 'глаз', **gör-* 'видеть' VEWT 292; TMN III 637f; EDT 756, 736; Федотов I 310, 314; ЭСТЯ 1980, 60–64 (**göŕ*), 77–79, 81–84 (**gör-*); СИГТЯ 1997, 209.

25.2: eye (глаз): як. *xarax*; тув. *karak*; тоф. *qaraq*; хак. *xarax*; шор. *qaraq*; сюг. *qaraq*; крх.-уйг. *qaraq;* туба *karak*. ПТ **Karak* 'зрачок; глаз' VEWT 235–236; TMN III 434–436; EDT 652; ЭСТЯ 1997, 295–296; СИГТЯ 1997, 210.

26.1: fat n. (жир): чув. *śu*; як. *sya*; тув. *čay*; тоф. *čay*; хак. *čay*; шор. *čay*; сюг. *jay*; др.-тюрк. *jay*; крх.-уйг. *jay*; хал. *jāy*; тур. *jay*; гаг. *jā*; аз. *jay*; турк. *jāy*; сал. *jay*; узб. *joy*; нуйг. *jay*; кар. *jaw*; кар.К. *jay*; кум. *jaw*; балк. *žau*; галт. *d'u*; туба *d'uu*; леб. *jyy*. ПТ **jāg* 'жир, масло; сало' VEWT 177; EDT 895; ЭСТЯ 1989, 58–59; СИГТЯ 1997, 453; Федотов II 127.

26.2: fat n. (жир): узб. *moj*; нуйг. *maj*; кар.К. *maj*; кум. *maj*; балк. *maj*; тат. *maj*; башк. *maj*; ног. *maj*; каз. *maj*; ккалп. *maj*; кирг. *maj*; леб. *maj*. ПТ **bań* 'жир, масло' VEWT 322; СИГТЯ 1997, 453–454.

26.3: fat n. (жир): тув. *üs*; тоф. *üs*; хак. *üs*; шор. *üs*; крх.-уйг. *üz*; галт. *üs*; туба *üs*; куманд. *üs*. ПТ **üŕ* 'жир' EDT 278–279; VEWT 523; Федотов II 491; СИГТЯ 1997, 454–455.

26.4: fat n. (жир): балк. *semiz*; туба *semiz*. ПТ **semiŕ* 'жирный; жир' EDT 830; VEWT 409; ЭСТЯ 2003, 227–230.

26.5: fat n. (жир): аз. *pij*. Из перс. *pī* 'жир, сало'.

27.1: feather (перо): чув. *tə^{w}k*; як. *tīl*; тоф. *tük*; др.-тюрк. *tü;* тур. *kuš-tüjü;* гаг. *tü:*; аз. *tük*; кум. *tük*; балк. *tük*; галт. *tük*; леб. *tük* 29. ПТ **tük* 'перо; шерсть (животного); волос' VEWT 503; EDT 433 (первоначально 'волосы на теле', в противоположность *sač* 'волосы на голове', *kyl* 'волос вообще' и *jüg* 'перо'); СИГТЯ 1997, 197–198; Stachowski 236.

27.2: feather (перо): тув. *čüg*; хак. *čüg*; шор. *čüg*; сюг. *jüg*; крх.-уйг. *jüg*. ПТ **jüg* 'перо' EDT 910; СИГТЯ 1997, 150. Рясянен (VEWT 211b) смешивает этот корень с **juŋ* 'шерсть', см. ниже.

27.3: feather (перо): хал. *jälāk*; тур. *jelek*; аз. *läläk*; турк. *jelek*; сал. *mimylüx*. ПТ (огуз.) **jēl-ek* 'перо' ЭСТЯ 1989, 179, производное от **jēl* 'грива' VEWT 181; TMN IV 188–189; EDT 916; ЭСТЯ 1989, 85–86; СИГТЯ 1997, 147, 566.

27.4: feather (перо): кар. *jun* 119; кар.К. *jun*; тат. *jon*; башк. *jön*; каз. *qus žüni*; кирг. *žün*; туба *ńun*. ПТ **juŋ* 'шерсть, пух' VEWT 211; EDT 941; ЭСТЯ 1989, 267–268; СИГТЯ 1997, 146.

27.5: feather (перо): кум. *qanat*. ПТ **Kājnat* 'крыло' VEWT 230; TMN III 518; EDT 635; ЭСТЯ 1997, 252–253; Федотов II 137; СИГТЯ 1997, 149–150.

27.6: feather (перо): ног. *kušyn, kušyna* (перо, пух). Вряд ли производное

от *kuš* 'птица', ПТ **Kuĺ* 'птица', ср. фонетический рефлекс **č* в интервокале и варьирование конца, указывающее скорее на иранское заимствование, ср. перс. *kuč* 'рыбья чешуйка' Гаффаров, Fazl'Ali.

27.7: feather (перо): узб. *par;* нуйг. *päj*; ккалп. *pär*. Из перс. *par* 'крыло, перо'.

27.8: feather (перо): узб. *pat*. Из тадж., перс. *pat* 'ворс, пух'.

27.9: feather (перо): як. *kuorsun*; тат. *kawryj*; башк. *qawyrsyn*; каз. *qawyrsyn*. Из монг. **gawr-su* 'маховое перо; трубчатый стебель' ЭСТЯ 1997, 177.

28.1: fire (огонь): чув. *vot*; як. *uot*; тув. *ot*; тоф. *ot*; хак. *ot*; шор. *ot*; сюг. *ot*; др.-тюрк. *ot*; крх.-уйг. *ot*; хал. *hūṭ*; тур. *ot*; аз. *od;* турк. *ōt*; сал. *oht*; узб. *ụt*; нуйг. *ot*; кар.К. *ot*; кум. *ot*; балк. *ot*; тат. *ut*; башк. *ut*; ног. *ot*; каз. *ot*; ккалп. *ot*; кирг. *ot*; галт. *ot*; туба *ot*; леб. *ot*; куманд. *ot*. ПТ **ōt* 'огонь' VEWT 366; EDT 34; ЭСТЯ 1974, 483–484; СИГТЯ 1997, 356, 361.

28.2: fire (огонь): тур. *ateš*; гаг. *at'eš*; кар. *ateš*. Из перс. *āteš* 'огонь'.

28.3: fire (огонь): як. *tölön* (= долг.). Из монг. **dölü*, бур. *dülen* (Stachowski 228).

29.1: fish (рыба): чув. *polь*; як. *balyk*; тув. *balyk*; тоф. *balyq*; хак. *palyx*; шор. *palyq*; др.-тюрк. *balyq*; крх.-уйг. *balyq*; тур. *balyk*; гаг. *balyq*; аз. *balyG*; турк. *bālyq*; сал. *baluχ*; узб. *baliq*; нуйг. *beliq*; кар. *balyx*; кар.К. *balyq*; кум. *balyq*; балк. *balyq*; тат. *balyk*; башк. *balyk*; ног. *balyk*; каз. *balyq*; ккалп. *balyq*; кирг. *balyk*; галт. *balyq*; туба *balyk*; леб. *palyq*; куманд. *palyk*. ПТ **bālyk* 'рыба' EDT 335; ЭСТЯ 1978, 59–60; СИГТЯ 1997, 177.

29.2: fish (рыба): кум. *čabaq*; балк. *čabaq*. ПТ **čapak* 'мелкая речная рыба' VEWT 99; СИГТЯ 1997, 177.

29.3: fish (рыба): хал. *māji*. Из перс. *māhī* 'рыба' Doerf.-Tez. 160.

29.4: fish (рыба): сюг. *jür*. Из кит. 魚 совр. *yu* 2 (ср.-кит. *ŋö*, др.-кит. *ŋha*) 'рыба' Тен. ССЮЯ 185 + 兒 *er* (словообразовательная «эризация», характерная для северных китайских диалектов).

30: fly v. (летать): чув. *vəʷśˑ*; як. *köt-* 177; тув. *u'šˑ*; тоф. *u'žˑ*; хак. *učux-*; шор. *učuq-*; сюг. *ušˑ*; др.-тюрк. *učˑ*; крх.-уйг. *učˑ*; хал. *učˑ, učγur-*; тур. *učˑ*; гаг. *učˑ*; аз. *učˑ*; турк. *učˑ*; сал. *ušˑ*; узб. *učˑ*; нуйг. *učˑ*; кар. *učˑ*; кар.К. *učˑ*; кум. *učˑ*; балк. *učˑ*; тат. *očˑ*; башк. *os-*; ног. *ušˑ*; каз. *ušˑ*; ккалп. *ušˑ*; кирг. *učˑ*; галт. *učˑ*; туба *učˑ*; леб. *ušˑ*; куманд. *učˑ*. ПТ **učˑ* 'летать' VEWT 509; EDT 19; ЭСТЯ 1974, 612–613.

31.1: foot (нога): чув. *ora*; як. *atax*; хак. *azax*; шор. *azaq*; сюг. *azaq*; др.-тюрк. *adaq*; крх.-уйг. *aδaq*; хал. *hada:q, hadaq*; тур. *ajak*; гаг. *ajaq*; аз. *ajaG*; турк. *ajaq*; сал. *aja(:)χ*; узб. *ojoq*; нуйг. *ajaq*; кар. *ajax*; кар.К. *ajaq*; кум. *ajaq*; балк. *ajaq*; тат. *ajak*; башк. *ajak*; ног. *ajak*; каз. *ajaq*; ккалп. *ajaq*; кирг. *ajak*. ПТ **adak* 'нога (ступня, foot)' VEWT 5; EDT 45; ЭСТЯ 1974, 103–105; СИГТЯ 1997, 288; Федотов II 283. NB: упомянутого в Баск. Туба 98 туба *ajak* 'нога', по-видимому, не существует: все указанные встречаемости в текстах – только со значением 'чашка'; в более современном источнике

(Тематический словарь северных диалектов алтайского языка / Отв. ред. Н.А.Дьайим. Горно-Алтайск, 2004) под значением 'нога' для туба приводится только *бут*.

31.2: foot (нога): тув. *but*; тоф. *but* 191; балк. *but*; кирг. *but*; галт. *but*; туба *but*; леб. *put*; куманд. *put*. ПТ **būt* 'нога (leg)' VEWT 90; EDT 297; ЭСТЯ 1978, 280–281; СИГТЯ 1997, 282.

32: full (полный): чув. *tolli*; як. *toloru*; тув. *dolu*; тоф. *dolu*; хак. *toldyra*; шор. *toldura*; сюг. *toly*; др.-тюрк. *tolu*; крх.-уйг. *tolu*; хал. *tūola*; тур. *dolu*; гаг. *dolu*; аз. *dolu*; турк. *dōly*; сал. *doli(:)*; узб. *tula*; нуйг. *tolγan*; кар. *tolu;* кар.К. *toly*; кум. *tolu*; балк. *tolu*; тат. *tuly*; башк. *tuly*; ног. *toly*; каз. *toly*; ккалп. *tolγan*; кирг. *toltura*; галт. *tolo*; туба *tolo*; леб. *toloj*; куманд. *tolu*. Производные от ПТ глагола **dōl-* 'наполняться' VEWT 486; EDT 491–492; ЭСТЯ 1980, 257–259; Федотов II 242–243.

33: give (давать): чув. *par-*; як. *bier-*; тув. *ber-*; тоф. *ber-*; хак. *pir-*; шор. *per-*; сюг. *ber-*; др.-тюрк. *ber-*; крх.-уйг. *ber-*; тур. *ver-*; гаг. *ver-*; аз. *ver-*; турк. *ber-*; сал. *be(r)-,ve(r)-*; хал. *vĭr-*;узб. *ber-*; нуйг. *bär-*; кар. *b'er-*; кар.К. *ver-*; кум. *ber-*; балк. *ber-*; тат. *bir-*; башк. *bir-*; ног. *ber-*; каз. *ber-*; ккалп. *ber-*; кирг. *ber-*; галт. *ber-*; туба *per-*; леб. *per-*; куманд. *per-*. ПТ **bēr-* 'давать' VEWT 70; ЭСТЯ 1978, 114–116; EDT 354–355.

34.1: good (хороший): як. *ütüö*; тув. *eki*; тоф. *e'kki* (< **etki*); др.-тюрк. *edgü*; крх.-уйг. *eδgü*; тур. *iji*; гаг. *iji*; кар. *egi*; балк. *igi, izgi*; ног. *ijgi*; кирг. *ijgi*. ПТ **ed, *ed-gü* 'добро; хороший' ЭСТЯ 1974, 245–247, 248–249, 329–330; VEWT 35–36; EDT 33, 51.

34.2: good (хороший): хак. *čaxsy*; шор. *čaqšy*; сюг. *jaxš(i)*; крх.-уйг. *jaxšy*; тур. *jaxšy*; аз. *jaxšy*; турк. *jaGšy*; сал. *jaxšy*;

узб. *jaxši*; нуйг. *jaxši*; кар. *jaxšy*; кар.К. *jaxšy*; кум. *jaxšy*; кбалк. *axšy*; тат. *jaxšy*; башк. *jakšy*; ног. *jaxšy*; каз. *žaqsy*; ккалп. *žaqsy*; кирг. *žakšy*; галт. *d'akšy*; туба *d'axšy*; леб. *čaxšy*; куманд. *čaxšy*. Производное от ПТ **jAk-* 'приближаться', **jAk-yš-* 'сближаться' VEWT 178, 180; EDT 896–899, 901, 904, 908–909; ЭСТЯ 1989, 63–64, 81, 84; TMN IV 179.

34.3: good (хороший): турк. *oγat*; леб. *uŋ*. ПТ **oŋ* 'правый; благоприятный' EDT 166–167, 168–169; VEWT 352; ЭСТЯ 1974, 456–460; TMN II 165–166.

34.4: good (хороший): турк. *Govy*. ПТ **Kob* 'довольный' (*kob kyldy* 'he was delighted' MK EDT 579).

34.5: good (хороший): тоф. *be'rt*. ПТ **berk* 'мощный, крепкий' EDT 361–362; ЭСТЯ 1978, 116–120.

34.6: good (хороший): чув. *avan*. Вопреки Федотов I 25, не может (по фонетическим причинам) быть связано с тюрк. *avyn-č* 'радость' и др.; по-видимому, произведено от ПТ **ebe* 'хороший', следы которого находим в крх.-уйг. *yemet/evet* 'да, ладно' MK EDT 935, тур. *evet* 'да, ладно', як. *ebēt* 'утвердительная модальная частица – ведь, же, уж', имеющего алтайскую параллель (ПА **ebo* 'достаточный, большой' EDAL 490–491).

34.7: good (хороший): чув. *lajъх*. Заимствование из араб. *lā'iq* 'приспособленный, подходящий', тур. *lajyk*, каз. *lajyq*, из тюрк. – мар. *лайык* то же. VEWT 314; Федотов I 327.

34.8: good (хороший): хал. *havul*. По-видимому, вопреки Doerf.-Tez. 127, не связано с ПТ **amyl* 'тихий, спокойный', а является заимствованием из перс. *hol, havul* 'ужасный; в высшей степени' из араб. hawul 'horrible; great'.

34.9: good (хороший): як. *üčügej*. Заимствовано из монг. *üǯü-ske-le-ŋ* 'прекрасный' и подвергнуто словообразовательной перестройке; VEWT 518. Ср. эвенк. *учик* 'случай' ССТМЯ 2, 296–297.

35.1: green (зеленый): шор. *čažyl;* сюг. *jahsyl*; др.-тюрк. *jašyl;* крх.-уйг. *jašyl*; тур. *ješil*; гаг. *ješil*; аз. *jašyl*; турк. *jašyl*; сал. *jāšil*; узб. *jašil*; нуйг. *ješil*; кар. *ješli;* кар.К. *ješil*; кум. *jašyl*; балк. *žašil;* тат. *jäšel*; башк. *jäšel*; ног. *jasyl*; каз. *žasyl*; ккалп. *žasyl*; кирг. *ǯašyl*; галт. *d'ažyl*; туба *d'ašyl*; леб. *jažyl*; куманд. *čažyl*. ПТ **jāl-yl* 'зеленый' (скорее всего, производное от **jāl* 'молодой, свежий'). ЭСТЯ 1989, 162; EDT 975, 976; Федотов II 134. NB: хал. *ja:šyl* значит 'темно-зеленый' (Doerf.-Tez. 205, перс. *sabz*) и формально не может быть включено в стословный список.

35.2: green (зеленый): як. *küöx*; тув. *kök*; тоф. *kök*; хак. *kök*; сюг. *kök*; турк. *gök*; хал. *kēk*; узб. *kuk*; нуйг. *kök*; балк. *kök*; каз. *kök*; ккалп. *kök*; кирг. *kök*; галт. *kök*; туба *kök* 181, леб. *kök*. ПТ **gök* 'макро-синий' (синий, зеленый, серый). VEWT 287; TMN III 640–642; EDT 708–709; ЭСТЯ 1980, 66–68; СИГТЯ 1997, 60, 604.

35.3: green (зеленый): чув. *simәs*. По-видимому, производное от названия медового напитка *sim, səm*, которое, возможно, связано с тюрк. **simü-/*sümü-* 'сосать'. VEWT 422; EDT 829; Федотов II 50; ЭСТЯ 2003, 352[255]. Следует предполагать развитие значения 'желтый' > 'желтый, зеленый' > 'зеленый', что косвенно подтверждается тем фактом, что чув. название желтого цвета (*sarъ*) является поздним (кыпчакским) заимствованием (см. ниже). Менее вероятно заимствование из горно-марийского *śimsy* 'синий, бирюзовый', которое, в принципе, можно было бы связывать с ПФУ **simV* 'черный, грязный, ржавый' > марийск. *šimə, šim, šemə, šem, šeme, šem, śimə* (Bereczky 62) 'черный, грязный', коми *sim* 'ржавчина; темный' UEW 759, но для горно-марийской формы имеются фонетические трудно-

[255] Этимологизация названия напитка представляет некоторую проблему. По мнению М.Рясянена, чув. слово послужило источником заимствования фин. *sima*. Согласно SKES IV 1029–1030, финское слово имеет прибалтофинские параллели, но не имеет более далекой финно-угорской этимологии. Возможность связи с булгарско-тюркским рассматривается как альтернативная к заимствованию из герм., а именно, др.-сев. *seimr* m. 'сотовый мед'. О последнем см. de Vries 8, 468–469: слово имеет германские параллели, а именно, исл. *seimur* id., норв. диал. *seima* 'слизь, клейкая жидкость', древне-верхне-нем. и др. *seim* 'мед, патока', бургунд. **saims* 'струйка крови'; для него предлагается не слишком фонетически убедительная индоевропейская параллель: греч. αἷμα '(текущая) кровь', которое, согласно Frisk I 39, может иметь и другую этимологию. Здесь мы условно принимаем собственно тюркское происхождение чув. слова, но не исключено, что это североевропейское бродячее слово.

сти, и, будучи диалектно изолированной, она сама, скорее всего, является чув. заимствованием.

35.4: green (зеленый): тув. *nogaan*; хак. *noγan*. Из монг. **nogoγan* 'зеленый', бур., халха *nogōn* KWb 278; MGCD 511; БАМРС 2, 408.

36.1: hair (волос, вообще): чув. *xələx* (конский); як. *kyl* (конский); тув. *xyl* 'волос как материал, щетина, струна'; тоф. *xyl* (конский); хак. *xyl* 'конский волос; шерсть'; шор. *qyl* 'волосы животного, шерсть, струна'; сюг. *qy/* 'волосы у детородных органов человека' – Малов 63; др.-тюрк. *qyl* ; крх.-уйг. *qyl*; хал. *qyl* 'волосы на теле, козья шерсть'); тур. *kyl* 'волос как материал, щетина, козья шерсть'; гаг. *kyl* 'волос животных'; аз. *Gyl* 'щетина, конский волос, грубая шерсть'; турк. *Gyl;* узб. *qil*; нуйг. *qil* (конский); кар.К. *qyl* (конский); кар. *kyl* 'шерсть'; кум. *qyl* 'жесткий волос, щетина, струна'; тат. *kyl* 'конский волос, щетина, струна'; башк. *qyl* 'конский волос, щетина'; ног. *kyl*; каз. *qyl* 'конский волос; шерстинка'; ккалп. *qyl*; кирг. *kyl*; галт. *kyl*; туба *kyl*; леб. *kyl* 'конский волос'; куманд. *kyl*. ПТ **Kyl(k)* 'волос' VEWT 262; TMN III 574–575; EDT 614; СИГТЯ 1997, 196; ЭСТЯ 2000, 204–205; Stachowski 168.

36.2: hair (волос с головы): чув. *s'üs'*; як. *as*; тоф. *čɛ'š;* хак. *sas*; шор. *šaš*; сюг. *sač*; др.-тюрк. *sač*; крх.-уйг. *sač*; хал. *sač*; тур. *sač*; гаг. *sač*; аз. *sač*; турк. *sač*; сал. *sa(:)č*; узб. *soč*; нуйг. *čač*; кар. *cac* (основные); кар.К. *sač*; [кум. *čač* 'коса']; балк. *čač* (женские); тат. *čäč*; башк. *säs*; ног. *šaš*; каз. *šaš*; ккалп. *šaš*; кирг. *čač*; галт. *čač*; туба *čač*; леб. *šaš*; куманд. *čač*. ПТ **s(i)ač* 'волосы на голове' VEWT 391; EDT 794; СИГТЯ 1997, 197; ЭСТЯ 2003, 216; Stachowski 38.

36.3: hair (волос с головы): як. *battax* 'волосы с головы; мех с головы животного'. Из **baš* 'голова' + **-lyk* Kaluzinsky II; вряд ли, вопреки Попов 1 130, из **baš* + **tūk* 'волос на теле'.

36.4: hair (волос на теле): як. *tū* (шерсть, волоски на теле и лице); тув. *dük* (основной волос); тоф. *tük* (волосы на теле, шерсть); хак. *tük* (волосы, шерсть, перья); др.-тюрк. *tü* 'волосы на теле'; крх.-уйг. *tü* 'волосы на теле'; хал. *tik*; тур. *tüj*; аз. *tük*; турк. *tüj*; узб. *tuk*; нуйг. *tük*; кар. *tük*; кум. *tük* (в т.ч. основные); балк. *tük* (основной); тат. *tök*; ног. *tük*; каз. *tük*; ккалп. *tük*; кирг. *tük*; галт. *tük*; леб. *tük*; куманд. *tük* 29. ПТ **tūk* 'волос на теле' (> 'шерсть', 'перо' и пр.) VEWT 503; EDT 433; СИГТЯ 1997, 197–198.

36.5: hair (волос на теле): башк. *jön*; ПТ **juŋ* 'шерсть, пух' VEWT 211; EDT 941; ЭСТЯ 1989, 267–268; СИГТЯ 1997, 146.

37.1: hand (рука): чув. *alъ*; як. *ilī*; сюг. *ylyγ*; др.-тюрк. *elig*; крх.-уйг. *elig*; хал. *āl;* тур. *el*; гаг. *jel'*; аз. *äl*; турк. *el*; сал. *el*. ПТ **elg* 'рука (hand)' VEWT 39; EDT 140–141; ЭСТЯ 1974, 260–261, Дыбо 1996 146–153; СИГТЯ 1997, 251.

37.2: hand (рука): тув. *xol*; тоф. *qol*; хак. *xol*; шор. *qol*; узб. *qul*; нуйг. *qol*; кар. *kol;* кар.К. *qol*; кум. *qol*; балк. *qol*; тат. *kul*; башк. *kul*; ног. *kol*; каз. *qol*; ккалп. *qol;* кирг. *kol*; галт. *kol*; туба *kol*; леб. *qol*; куманд. *kol*. ПТ **Kol* 'рука (arm)' VEWT 276; EDT 614–615; TMN III 556, Дыбо 1996 146–153; Федотов II 353; СИГТЯ 1997, 244–245; ЭСТЯ 2000, 37–43.

38.1: head (голова): чув. *poś*; як. *bas*; тув. *ba'š*; тоф. *ba'š*; хак. *pas*; шор. *paš*; сюг. *baš*; др.-тюрк. *baš*; крх.-уйг. *baš*; хал. *baš*; тур. *baš*; гаг. *baš*; аз. *baš*; турк. *baš*; сал. *ba(:)š*; узб. *baš*; нуйг. *baš*; кар. *baš*; кар.К. *baš*; кум. *baš*; балк. *baš*; тат. *baš*; башк. *baš*; ног. *bas*; каз. *bas*; ккалп. *bas*; кирг. *baš*; галт. *baš*; туба *baš*; леб. *paš*; куманд. *paš*. ПТ **balč* 'голова' VEWT 64; ЭСТЯ 1978, 85–88; TMN II 250–253; EDT 375–376; Федотов I 452; СИГТЯ 1997, 194.

38.2: head (голова): як. *töbö*. ПТ **tepö* 'вершина; макушка головы' VEWT 494, 505; TMN II 450–452; EDT 436; ЭСТЯ 1980, 197–199; СИГТЯ 1997, 201.

39.1: hear (слышать): чув. *ilt-*; як. *ihit-*; хак. *ist-*; др.-тюрк. *ešit-*; крх.-уйг. *ešit-*; хал. *išüt-*; тур. *išit-*; гаг. *išit-*; аз. *ešit-*; турк. *išit-*; сал. *išti-*; узб. *ešit-*; кар. *ešit-*; кар.К. *ešit-*; кум. *ešit-*; балк. *ešit-*; тат. *išet-*; башк. *išet-*; ног. *esit-*; каз. *est-*; ккалп. *esit-*; *кирг. ešit-* ['слушать, слышать' (южн.; сев. редко)]. ПТ **ẹlit-* 'слышать' VEWT 51; EDT 257–258; ЭСТЯ 1974, 318–319.

39.2: hear (слышать): тур. *duj-*; кар. *tuj-*. ПТ **duj-* 'чуять' VEWT 497; EDT 567; ЭСТЯ 1980, 290–291; Федотов II 241.

39.3: hear (слышать): хак. *ux-*, шор. *uq-*; кирг. *uk-*; галт. *uk-*; туба *uk-*; леб. *uk-*; куманд. *uk-*. ПТ **uk-* 'понимать' VEWT 511–512; EDT 77–78; ЭСТЯ 1974, 584–585.

39.4: hear (слышать): тув. *dyŋna-*; тоф. *dyŋna-*; ккалп. *tyŋla-*. ПТ **dyŋla-/ *diŋle-* 'слушать; размышлять', по-видимому, глагол произведен от имени **dyŋ* (др.-тюрк. *tyŋ*, турк. *diŋ* 'рассудок, ум'). VEWT 478; EDT 522; ЭСТЯ 1980, 236–237.

39.5: hear (слышать): сюг. *aŋna-* (слышать, слушать); нуйг. *aŋla-*. Как и сал. *aŋna-* 'слушать', производные от ПТ **āŋ* 'рассудок, ум', исходная семантика – 'понимать'. VEWT 20; TMN 2,130; EDT 165, 186; ЭСТЯ 1974, 153–154.

39.6: hear (слышать): шор. *este-* 'слышать', *estel-* 'слышаться'. Не к ПТ **ẹlit-* 'слышать' (*š* должно было сохраниться). Производное от **es* > *is* 'рассудок, память' EDT 252; VEWT 49, 50; ЭСТЯ 1974, 310; Федотов I 61.

40: heart (сердце): чув. *čəʷre*; як. *süreq*; тув. *čürek*; тоф. *čürek*; хак. *čüräk*; шор. *čürek*; сюг. *jörek*; др.-тюрк. *jürek*; крх.-уйг. *jürek*; хал. *jirek*; тур. *jürek*; гаг. *jürek'*; аз. *ürek*; турк. *jürek*; сал. *jirex*; узб. *jurak*; нуйг. *ǰüräk*; кар. *jürek*; кар.К. *jürek*; кум. *jürek*; балк. *žürek*; тат. *jöräk*; башк. *jörek*; ног. *jürek*; каз. *žürek*; ккалп. *žürek*; кирг. *žürök*; галт. *d'ürek*; туба *d'ürek*; леб. *jürek*; куманд. *čürek*. ПТ **jürek* 'сердце' VEWT 213; EDT 965; ЭСТЯ 1989, 270–271; Егоров 324; СИГТЯ 1997, 276. Чув. *č-* нерегулярно (контаминация с *čərə* 'живой'?).

41.1: horn (рог): чув. *mъjraga*; як. *muos*; тув. *myjys*; тоф. *mijis*; хак. *müːs*; шор. *müs*; сюг. *moŋys*; др.-тюрк. *müŋüz*; крх.-уйг. *müŋüz (MK)*; тур. *bojnuz*; гаг. *bujnus*; аз. *bujnuz*; турк. *bujnuz;* сал. *mo(:)ŋyz*; узб. *muŋiz*; нуйг. *müŋgüz*; кар. *müŋüz*; кар.К. *muŋguz*; кум. *müjüz*; балк. *müjüz*; тат. *mögez*; башк. *mögöz*; ног. *müjiz*; каз. *müjiz*; ккалп. *mujiz*; кирг. *müjüz*; галт. *müs*; туба

müŋüs; леб. *mūls*; куманд. *mūls*. ПТ **bujŋur´* (**büjŋür*) ‘рог’ VEWT 347; EDT 352; ЭСТЯ 1978, 243; СИГТЯ 1997, 148.

41.2: horn (рог): хал. *šax*; турк. *šax*. Из перс. *šāx* ‘рог’, см. Doerf.-Tez. 193.

42: I (я): чув. *ebə*; як. *min*; тув. *men*; тоф. *men*; хак. *min*; шор. *men*; сюг. *men*; др.-тюрк. *ben*; крх.-уйг. *men*; хал. *män*; тур. *ben*; гаг. *ben*; аз. *mən*; турк. *men*; сал. *me:(n)*; узб. *men*; нуйг. *mən*; кар. *men*; кар.К. *men*; кум. *men*; балк. *men*; тат. *min*; башк. *min*; ног. *men*; каз. *men*; ккалп. *men*; кирг. *men*; галт. *men*; туба *men*; леб. *men*; куманд. *men*. ПТ **bi*, **ben*, по-видимому, соотносившиеся друг с другом как прямая и косвенная основы; чередование гласных – нерегулярное; чув. слово восходит к прямой основе, слова остальных языков – к косвенной. EDT 346 (**bẹ-n*), 388 (**bir*); ЭСТЯ 1978, 129–130; VEWT 77, 333.

43: kill (убивать): чув. *və^{w}ler-*; як. *ölör-*; тув. *ölür-*; тоф. *ölür-*; хак. *öder-*; шор. *ödür-*; сюг. *jülyr-*; др.-тюрк. *ölür-*; крх.-уйг. *ölür-*; хал. *hilär-*; тур. *öldür-*; гаг. *öldür-*; аз. *öldür-*; турк. *öldür-*; сал. *üldyr-*; узб. *ụldir-*; нуйг. *öltür-*; кар. *ol'der-*; кар.К. *öltür-*; кум. *öltür-*; балк. *öltür-*; тат. *üter-*; башк. *ülter-*; ног. *öltir-*; каз. *öltir-*; ккалп. *öltir-*; кирг. *öltür-*; галт. *öltür-*; туба *öldür-*; леб. *öltör-*; куманд. *öltör-*. ПТ **öl-* ‘умирать’, каузатив **öl-tür-* ‘убивать’. VEWT 371; ЭСТЯ 1974, 525–527; TMN II 112, 162–163; EDT 125–126, 133–134, 151.

44.1: knee (колено): чув. *čərgus´s´i*; тув. *diskek*; тоф. *tiskek*; хак. *təzäk*; шор. *tize*; сюг. *diseg*; др.-тюрк. *tiz*; крх.-уйг. *tiz*; хал. *tīz*; тур. *diz*; гаг. *dis´*; аз. *diz*; турк. *dȳz*; сал. *tüzy,tizy*; узб. *tiz*; нуйг. *tiz*; кар. *tyz*; кар.К. *tiz*; кум. *tiz*; тат. *tez*; ног. *tiz*; каз. *tiz*; ккалп. *dize*; кирг. *tize*; галт. *tize*; леб. *tize*; куманд. *tize*. ПТ **dīr´* (**dūjr*) ‘колено’ VEWT 482; EDT 570; ЭСТЯ 1980, 336–337; СИГТЯ 1997, 284. О чув. композите см. также Федотов II 413.

44.2: knee (колено): як. *tobuk*; кум. *tobuq*; балк. *tobuq*; башк. *tubyk*. ПТ **topyk* ‘коленная чашечка; щиколотка’. VEWT 489; EDT 437–438; СИГТЯ 1997, 286.

45.1: know (знать): чув. *pəl-*; як. *bil-*; тув. *bil-*; тоф. *bil-*; хак. *pəl-*; шор. *pil-*; сюг. *byl-*; др.-тюрк. *bil-*; крх.-уйг. *bil-*; хал. *bil-*; тур. *bil-*; гаг. *bil-*; аз. *bil-*; турк. *bil-*; сал. *bil-*; узб. *bil-*; нуйг. *bil-*; кар. *bil-*; кар.К. *bil-*; кум. *bil-*; балк. *bil-*; тат. *bel-*; башк. *bel-*; ног. *bil-*; каз. *bil-*; ккалп. *bil-*; кирг. *bil-*; галт. *bil-*; туба *bil-*; леб. *bil-*; куманд. *pil-*. ПТ **bil-* ‘знать’ VEWT 75; EDT 330–331; ЭСТЯ 1978, 137–139.

45.2: know (знать): шор. *uŋna-*; леб. *uŋna-*; куманд. *uŋnu-*. ПТ **uk-* ‘понимать’, **uk* ‘разум’, **uk-la-* ‘понимать’ VEWT 511–512; EDT 77–78; ЭСТЯ 1974, 584–585.

45.3: know (знать): туба *tanу-*. ПТ **tạnu-* ‘узнавать’ VEWT 461; EDT 516.

46.1: leaf (лист): як. *sebirdex*; др.-тюрк. *japuryaq*; крх.-уйг. *japuryaq*; тур. *japrak*; гаг. *japraq*; аз. *jarpaG*; турк. *japraq*; сал. *järfyχ*; узб. *japroq*; нуйг. *jopurmaq*; кар. *japrax*; кар.К. *japraq*; кум. *japyraq*; балк. *čapyraq*; тат. *jafrak*; башк. *japrak*; ног. *japyrak*; каз. *žapyraq*; ккалп. *žapyraq*; кирг. *žalbyrak*; галт.

d'albyrak. ПТ **japur-gak* 'лист' VEWT 188; EDT 879–880; ЭСТЯ 1989, 130–132; СИГТЯ 1997, 111–112.

46.2: leaf (лист): тув. *bürü*; тоф. *bür*; хак. *pür*; шор. *pür*; галт. *bür*. ПТ **bür* 'почка; зерно' VEWT 92; EDT 354; СИГТЯ 1997, 114–115.

46.3: leaf (лист): галт. *kāk*; леб. *kavak*; куманд. *kabak*. От ПТ **Kạb-* 'кора; скорлупа; шелуха; отруби, мякина'. VEWT 217; EDT 583; ЭСТЯ 1997, 173–174, 178–179.

46.4: leaf (лист): чув. *s'ulz'a, s'ulža, s'ъvъls'*. От ПТ **jāĺ-yl* 'зеленый' (словообразовательно = башк. *jäšelsä* 'зелень, овощи'), см. выше. Федотов II 134.

46.5: leaf (лист): сюг. *lahpžyq*. Монгольское заимствование, ср. ширайюйгу *ŧabžəg* 'лист' < монг. **labči, *nabči* то же. KWb 272; MGCD 497.

46.6: leaf (лист): хал. *bälg*. Из иран., ср. татск. *vəlg*, курд. *bəlg* < *warka, перс. *barg* 'лист'.

47.1: lie (лежать): як. *syt-*; тув. *čy't-*; тоф. *čy't-*; хак. *čat-*; шор. *čat-*; сюг. *jat-*; др.-тюрк. *jat-*; крх.-уйг. *jat-*; тур. *jat-*; гаг. *jat-*; турк. *jat-*; сал. *jaht-*; узб. *jot-*; нуйг. *jat-*; кар. *jat-*; кар.К. *jat-*; кум. *jat-*; балк. *žat-*; тат. *jat-*; башк. *jat-*; ног. *jat-*; каз. *žat-*; ккалп. *žat-*; кирг. *žat-*; галт. *d'at-*; туба *d'at-*; леб. *jat-*; куманд. *jat-*. ПТ **jạt-* 'лежать' VEWT 192; EDT 884; ЭСТЯ 1989, 156–158.

47.2: lie (лежать): хал. *uzan-*; тур. *uzan-*; аз. *uzan-*; турк. *uzan-*; сал. *uzan-*; кар.К. *uzan-*. ПТ **ur'y-n, *ur'a-k* 'длинный', **ur'a-* 'вытягивать', **ur'a-n-* 'вытягиваться'. VEWT 518; EDT 281, 283, 288–289; ЭСТЯ 1974, 570–572.

47.3: lie (лежать): чув. *vyrt-*. По-видимому, образование с суфф. *-t-* от корня **or-* 'быть на месте, занимать место' > **or-un* 'место', **or-tu* 'середина' и под. (ср. чув. *vyrtъn* 'место'). EDT 203–204, 233; VEWT 364, 365; TMN II 141; ЭСТЯ 1974, 470–472, 474–479; СИГТЯ 1997, 495, 563, 569; Федотов I 137.

48.1: liver (печень): чув. *pə^{w}ver*, як. *byar*, тув. *baar*, тоф. *bār*, хак. *pār*, шор. *pār*, сюг. *bayyr*, др.-тюрк. *bayyr*, крх.-уйг. *bayyr*, аз. *bayyr*, турк. *baGyr*, сал. *bayyr*, нуйг. *beyir*, кар. *bawyr*, кар.К. *bayyr*, кум. *bawur*, балк. *bawur*, тат. *bawyr*, башк. *bawyr*, ног. *bawyr*, каз. *bawyr*, ккалп. *bawyr*, кирг. *boor*, галт. *būr*, туба *bagyr*, леб. *paar*, куманд. *paar*. ПТ **biagyr* 'печень' VEWT 55; EDT 317; ЭСТЯ 1978, 17–19, 22–23; СИГТЯ 1997, 278.

48.2: liver (печень): хал. *žiger*, тур. *kara-žiyer*, гаг. *žejir*, узб. *žigar*. Из перс. *jigar* 'печень' (в тур. противопоставляются *kara-žiyer* 'печень' и *ak-žiyer* 'селезенка'). Doerf.-Tez. 143.

49: long (длинный): чув. *vъ^{w}rъ^{w}m*, як. *uhun*, тув. *uzun*, тоф. *uzun*, хак. *uzun*, шор. *uzun*, сюг. *uzun*, др.-тюрк. *uzun*, крх.-уйг. *uzun*, хал. *uzūn*, тур. *uzun*, гаг. *uzun*, аз. *uzun*, турк. *uzȳn*, сал. *uzyn*, узб. *uzun*, нуйг. *uzun*, кар. *uzun*, кар.К. *uzun*, кум. *uzun*, балк. *uzun*, тат. *ozyn*, башк. *ozon*, ног. *uzyn*, каз. *uzyn, uzaq*, ккалп. *uzyn*, кирг. *uzun*, галт. *uzun*, туба *uzun*, леб. *uzun*, куманд. *uzun*. ПТ **ur'y-n, *ur'a-k* 'длинный', отглагольные производные от **ur'a-* 'вытягивать', см. выше.

50: louse (вошь): чув. *pyjdъ*; як. *byt*; тув. *by't*; тоф. *by't*; хак. *pət*; шор. *pit*; сюг. *byšt*; др.-тюрк. *bit*; крх.-уйг. *bit*; хал. *bit*; тур. *bit*; гаг. *bit'*; аз. *bit*; турк. *bit*; сал. *bišt*; узб. *bit*; нуйг. *pit*; кар. *bit*; кум. *bit*; балк. *bit*; тат. *bet*; башк. *bet*; ног. *bijt*; каз. *bit*; ккалп. *bijt*; кирг. *bit*; галт. *bijt*; туба *pijt*; леб. *pijt*; куманд. *püt*. ПТ **byjt* 'вошь' VEWT 76; EDT 296; ЭСТЯ 1978, 151–152; СИГТЯ 1997, 182.

51.1: man (мужчина): чув. *ar*; як. *er*; тув. *er*; тоф. *er*; хак. *ir*; шор. *er*; сюг. *jer, eren*; др.-тюрк. *er*; крх.-уйг. *er*; хал. *här*; тур. *er*; сал. *är*; узб. *er kišї*; нуйг. *är kišї*; кар. *er*; кар.К. *er*; кум. *er, eren*; балк. *er kišї*; тат. *ir*; башк. *ir*; ног. *er*; ккалп. *er adam*; кирг. *er*; галт. *er kižї*; туба *er*; леб. *er*; куманд. *ir*. ПТ **ēr* 'мужчина', **ēr-en* форма единичности VEWT 46; TMN II 178–179; EDT 192; ЭСТЯ 1974, 297–298, 290–291; СИГТЯ 1997, 303, 561.

51.2: man (мужчина): тур. *erkek*; гаг. *jerkek*; турк. *erkek*; сал. *erkex*; узб. *erkak*; нуйг. *erkek*; кар. *erkek*; кар.К. *erkek*; кум. *erkek*; ног. *erkek*; каз. *erkek*; ккалп. *erkek*; кирг. *erkek*. ПТ **ẹr-kek* 'муж; самец'. VEWT 46; TMN II 178–179; EDT 223–224; ЭСТЯ 1974, 321–322; СИГТЯ 1997, 303, 561. Обычно отождествляется с предыдущим, однако это отождествление представляет значительные фонетические трудности. Вслед за Г.Клосоном (EDT 223–224) мы предпочитаем выделять здесь разные корни.

51.3: man (мужчина): аз. *kišї*; узб. *kišї*; балк. *kiši*. ПТ **kíli* 'человек' VEWT 272; EDT 752–753; ЭСТЯ 1997, 78–79; СИГТЯ 1997, 325.

52.1: many (много): тув. *kö'p, xöj*; тоф. *kö'p*; хак. *köp*; шор. *köp*; сюг. *göhp*; турк. *köp*; сал. *köp*; узб. *kup*; нуйг. *köp*; кар. *köp*; кум. *köp*; балк. *köp*; тат. *küp*; башк. *küp*; ног. *köp*; каз. *köp*; ккалп. *köp*; кирг. *köp*; галт. *köp*; туба *köp*; леб. *köp*; куманд. *köp*. ПТ **köp* 'много'. VEWT 291; EDT 686–687; ЭСТЯ 1997, 107–108.

52.2: many (много): тур. *čok*; гаг. *čok*; аз. *čox*; кар.К. *čok*. ПТ **čok* 'очень' VEWT 113; EDT 405, 406.

52.3: many: як. *ügüs*; др.-тюрк. *üküš*; крх.-уйг. *üküš*. Производное (отглагольное имя на *-Iš*) от ПТ **ök-* 'накладывать, нагромождать' EDT 100, 118; ЭСТЯ 1974, 620–621.

52.4: many (много): др.-тюрк. *telim*; крх.-уйг. *telim*. ПТ **delim* 'много' VEWT 472; EDT 499–500. По-видимому, отглагольное имя от корня **deli-*, ПАлт. **ta'l[u]* 'быть вместе, быть похожим' EDAL 1351–1352.

52.5: many (много): узб. *anča*. По-видимому, образовано от ПТ **eŋ* 'очень' (VEWT 45; EDT 166; ЭСТЯ 1974, 365–366), как и чув. *ins'e* 'далеко'; возможно, в отличие от узб. *anča* 'давно', которое, скорее всего, является образованием от косвенной основы указательного местоимения (букв. 'тогда').

52.6: many (много): сал. *ātox*. Ср. еще *artyyy* 'остаток' Тен. ССЯ 293, 296; к ПТ **ār-t* 'задняя сторона' EDT 200–201; VEWT 26–27; ЭСТЯ 1974, 179–180.

52.7: many (много): сюг. *qalyn*. ПТ **Kalyŋ* 'толстый, густой; многочисленный' VEWT 226; ЭСТЯ 1997, 238–239; Федотов II 354–355.

52.8: many (много): чув. *čylaj*. Из рус. *целый*. Федотов II 428.

52.9: many (много): чув. *nomaj*. Федотов I 375 приводит еще турк. *номай* 'оптом', узб. *нумай* 'обильный'; ср. еще каз. *нубай* 'вдруг, сразу', которое в VEWT 354 возводится к рус. *новый*.

52: many (много): хал. *zijad*. Из перс. *ziyād* то же. Doerfer-Tezc. 232.

53.1: meat (мясо): чув. *üt*, як. *et*, тув. *e't*, тоф. *e't*, хак. *it*, шор. *et*, сюг. *jeht*, др.-тюрк. *et*, крх.-уйг. *et*, хал. *ät*, тур. *et*, гаг. *jet'*, аз. *ät*, турк. *et*, сал. *äht*, узб. *et*, кар. *et*, кар.К. *et*, кум. *et*, балк. *et*, тат. *it*, башк. *it*, ног. *et*, каз. *et*, ккалп. *et*, кирг. *et*, галт. *et*, туба *et*, леб. *et*, куманд. *et*. ПТ **et* 'мясо, тело' VEWT 52; EDT 33; ЭСТЯ 1974, 311–312; СИГТЯ 1997, 455.

53.2: meat (мясо): нуйг. *göš*. Из перс. *gōšt* 'мясо'.

54: moon (луна): чув. *ojъx*, як. *yj*, тув. *aj*, тоф. *aj*, хак. *aj*, шор. *aj*, сюг. *aj*, др.-тюрк. *aj*, крх.-уйг. *aj*, хал. *hāj*, тур. *aj*, гаг. *aj*, аз. *aj*, турк. *āj*, сал. *aj*, узб. *oj*, нуйг. *aj*, кар. *aj*, кар.К. *aj*, кум. *aj*, балк. *aj*, тат. *aj*, башк. *aj*, ног. *aj*, каз. *aj*, ккалп. *aj*, кирг. *aj*, галт. *aj*, туба *aj*, леб. *aj*, куманд. *aj*. ПТ **ān´(k)* 'луна; месяц' VEWT 10; TMN II 169; EDT 265; ЭСТЯ 1974, 98–99; Федотов II 271; СИГТЯ 1997, 55, 76–77.

55.1: mountain (гора): чув. *tu*, тув. *dag*, тоф. *daɣ*, хак. *taɣ*, шор. *taɣ*, сюг. *taɣ*, др.-тюрк. *taɣ*, крх.-уйг. *taɣ*, хал. *tāɣ*, тур. *daɣ*, аз. *daɣ*, турк. *dāG*, сал. *dāɣ*, узб. *toɣ*, нуйг. *taɣ*, кар. *taw*, кар.К. *daɣ*, кум. *taw*, балк. *tau*, тат. *taw*, башк. *tau*, ног. *taw*, каз. *taw*, ккалп. *taw*, кирг. *too*, галт. *tū*, туба *taw*, леб. *taɣ*. ПТ **dāg* 'гора' VEWT 454; TMN II 439–440; EDT 463; ЭСТЯ 1980, 117–118; СИГТЯ 1997, 94, 111.

55.2: mountain (гора): як. *xaja*. ПТ **K(i)aja* 'скала' VEWT 221; TMN III 565; EDT 674–675; ЭСТЯ 1997, 198–199; СИГТЯ 1997, 96. Возможно, самодизм в пратюркском, см. Хелимский 2000, 301–312 (< ПСам. **koəjə* 'гора, водораздел').

55.3: mountain (гора): гаг. *bajyr*. ПТ **bAjyr* 'холм' ЭСТЯ 1978, 37–38; VEWT 57 (вслед за ЭСТЯ мы отделяем это слово от **bāgyr* 'печень', метафорически 'середина склона' (ср. тат. *bawur* 'склон'), но не считаем заимствованием из монг. *bajir* 'место').

55.4: mountain (гора): туба *arga*. ПТ **arka* 'спина, задняя сторона' EDT 200–201, 215; VEWT 26–27; ЭСТЯ 1974, 174–175, 179–180, Дыбо 1996; СИГТЯ 1997, 267–268.

55.5: mountain (гора): галт. *kyr*, туба *kyr*, леб. *kyr*, куманд. *kyr*. ПТ **Kyr* 'отдельно стоящая гора; гребень горы; сопочная степь' EDT 641; VEWT 265; СИГТЯ 1997, 95–96; ЭСТЯ 2000, 225.

55.6: mountain (гора): кум. *töbe*. ПТ *terö 'вершина, макушка' VEWT 494, 505; TMN II 450–452; EDT 436; ЭСТЯ 1980, 197–199; СИГТЯ 1997, 201.

56.1: mouth (рот): тув. *aas*, тоф. *ās*, хак. *ās*, шор. *aqsy*, сюг. *aɣys*, др.-тюрк. *aɣyz*, крх.-уйг. *aɣyz*, хал. *aɣyz*, тур. *aɣyz*, гаг. *āz*, аз. *aɣyz*, турк. *aGyz*,

сал. *a(:)ɣyz*, узб. *oɣiz*, нуйг. *eɣiz*, кар. *aɣyz*, кар.К. *aɣyz*, кум. *awuz*, балк. *awuz*, тат. *awyz*, башк. *awyz*, ног. *awyz*, каз. *awyz*, ккалп. *awyz*, кирг. *ooz*, галт. *ōs*, туба *ās*, леб. *aɣys*, куманд. *aas*. ПТ **Agyr´* 'рот; устье (реки)' VEWT 8; EDT 98; ЭСТЯ 1974, 81–83; СИГТЯ 1997, 224–225. Видимо, старый дуалис (?) на *-(I)z* от корня со значением 'губа'?

56.2: mouth (рот): як. *aǰax*. ПТ **an´ak* 'сосуд, чашка; отверстие; устье (реки)' (конечно, фонетически не может быть связано с **Agyr´*, вопреки Попов I 62–63). VEWT 11; ЭСТЯ 1974, 105; TMN II 171–172; EDT 270; Stachowski 34.

56.3: mouth (рот): чув. *s´ъʷvar*. ПТ *jūr´ 'лицо' VEWT 213–214; ЭСТЯ 1989, 259–260; СИГТЯ 1997, 206 (обычно связывают с **Agyr´*, см. Федотов II 89, но в этом случае имеются неразрешимые фонетические трудности).

57.1: name (имя): чув. *jat*, як. *āt*, тув. *at*, тоф. *at*, хак. *at*, шор. *at*, сюг. *at*, др.-тюрк. *at*, крх.-уйг. *at*, хал. *āt*, тур. *at*, гаг. *at*, аз. *ad*, турк. *āt*, сал. *āt*, узб. *ot*, нуйг. *at*, кар. *at*, кар.К. *at*, кум. *at*, балк. *at*, тат. *at*, башк. *at*, ног. *at*, каз. *at*, ккалп. *at*, кирг. *at*, галт. *at*, туба *at*, леб. *at*, куманд. *at* 56. ПТ **āt* 'имя' VEWT 30–31; EDT 32–33; ЭСТЯ 1974, 198–199.

57.2: name (имя): каз. *esim*. Из араб. '*ism* то же.

58: neck (шея): чув. *mъǰ*, як. *mōǰ*, тув. *mojun*, тоф. *möen*, хак. *mojyn*, шор. *mojun*, сюг. *moen*, др.-тюрк. *bojun*, крх.-уйг. *bojyn*, хал. *būun*, тур. *bojun*, гаг. *bojnu*, аз. *bojun*, турк. *bojun*, сал. *bojny*, узб. *bujin*, нуйг. *bojun*, кар. *bojun*, кар.К. *bojun*, кум. *bojun*, балк. *bojun*, тат. *mujyn*, башк. *mujyn*, ног. *mojyn*, каз. *mojyn*, ккалп. *mojyn*, кирг. *mojun*, галт. *mojyn*, туба *mojyn*, леб. *mojyn*, куманд. *mojyn*. ПТ **bōjn* 'шея' VEWT 80; EDT 386; ЭСТЯ 1978, 180–182; СИГТЯ 1997, 233–234.

59: new (новый): чув. *s´ənə*, як. *saŋa*, тув. *čaa*, тоф. *n´ā*, хак. *nā*, шор. *nā*, сюг. *jaŋy*, др.-тюрк. *jaŋy*, крх.-уйг. *jaŋy*, хал. *jäŋgi*, тур. *jeni*, гаг. *jeni*, аз. *jeni*, турк. *tāze*, сал. *ja(:)ŋy*, узб. *jangy*, нуйг. *jeŋi*, кар. *jaŋgy*, кар.К. *jany*, кум. *jangy*, балк. *žangy*, тат. *jaŋa*, башк. *jaŋy*, ног. *jaŋy*, каз. *žaŋa*, ккалп. *žaŋa*, кирг. *žaŋy*, галт. *d'aŋy*, туба *n´aŋny*, леб. *jaa*, куманд. *jaa*. ПТ **jaŋy/*jeŋi* 'новый' VEWT 185; EDT 943–944; ЭСТЯ 1989, 124–125; СИГТЯ 1997, 85.

60.1: night (ночь): як. *tü:n*, тув. *dün*, тоф. *tün*, хак. *tün*, шор. *tün*, сюг. *tune*, др.-тюрк. *tün*, крх.-уйг. *tün*, узб. *tun*, нуйг. *tün*, кар.К. *tün*, балк. *tün*, тат. *tön*, башк. *tön*, ног. *tün*, каз. *tün*, ккалп. *tün*, кирг. *tün*, галт. *tün*, туба *tün*, леб. *tün*, куманд. *tün*. ПТ **tün* 'ночь; вчера' VEWT 505; EDT 513; ЭСТЯ 1980, 315–316; СИГТЯ 1997, 81; Stachowski 236. Вариант с долготой (ср. еще турк. *dün* 'вчера'в отличие от *tün* 'вечер'), по-видимому, следствие контаминации со сложным словом **te-gün* 'вчера' (*'тот день'), представленным в тур. диал. *dühün*, сюг. *tugyn*, тув., тоф. *dün*.

60.2: night (ночь): хал. *kïečä*, тур. *geǰe*, гаг. *geǰä*, аз. *geǰä*, турк. *gïǰe*, сал. *gäǰe*, узб. *keča*, нуйг. *keče*, кар. *kece*, кар.К. *geǰe*, кум. *geče*, балк. *keče*, ног. *keše*. ПТ **gĕč-e* 'поздно; ночь' VEWT 245; EDT 692–693, 694–695; ЭСТЯ 1980, 40–41, 50–51; СИГТЯ 1997, 82.

60.3: night (ночь): чув. *s'ər*. По-видимому, к ПТ **jyr-* 'левый, Север', ср. др.-тюрк. *jyr-yaru* (орхон.), *ir-, jir-* (др.-уйг.), см. VEWT 201; EDT 954, 959, 973; Федотов II 112.

60.4: night (ночь): хак. *xarā*. Ср. бур. *хараа* (в сочетаниях) 'темнота, ночь, сумерки' (вряд ли к тюрк. **kara* 'черный', словообразовательные сложности).

61.1: nose (нос): як. *murun*; хак. *purun*; шор. *purnu*; др.-тюрк. *burun*; крх.-уйг. *burun*; хал. *burun*; тур. *burun*; гаг. *burnu*; аз. *burun*; турк. *burun*; сал. *purny*; узб. *burun*; нуйг. *burun*; кар. *burun*; кар.К. *burun*; кум. *burun*; балк. *burun*; тат. *boryn*; башк. *moron*; ног. *buryn*; каз. *muryn*; ккалп. *muryn*; кирг. *murun*; леб. *murun*. ПТ **burun (*buryn)* 'нос' VEWT 90; EDT 366–367; ЭСТЯ 1978, 269–273; СИГТЯ 1997, 214–215. Ср. **bur-* 'пахнуть' (VEWT 89).

61.2: nose (нос): тув. *dumčuk*; галт. *tumčuk*; туба *tumčuk*, куманд. *tunčuk*, леб. *tunčuk*. ПТ **Dum-šuk* 'клюв, морда'. VEWT 499; TMN II 642; EDT 509–510; СИГТЯ 1997, 216.

61.3: nose (нос): тув. *xaaj*; тоф. *xāj*; сюг. *Gaŋyryq*. ПТ **K(i)aŋ-(yr)-* 'клюв, морда; носовая полость, небо' VEWT 232; СИГТЯ 1997, 215–216; ЭСТЯ 2000, 66.

61.4: nose (нос): башк. *tanau*; туба *tanaq*; леб. *tanaq*; куманд. *tanak*. ПТ **T(i)āna-* 'ноздря' VEWT 460; СИГТЯ 1997, 218. Не исключено, что это – монголизм, ср. монг. *tanaya* 'крылья носа' KWb 378.

61.5: nose (нос): чув. *sъʷmza*. Изолированное чув. слово, корень – ПТ **sum-*. VEWT 399; Федотов II 24 (но не к *tumšuk*!). Из ПАлт. **suma* 'нос, часть носа' EDAL 1317 (монг. **samsaya*; ТМ **soŋgi-*).

62: not (не): чув. *-mV*; як. *-mV*; тув. *-mV*; тоф. *-bA*; хак. *-mV*; шор. *-bA*; сюг. *-me-*; др.-тюрк. *-mA-*; крх.-уйг. *-ma-*; хал. *-mA*; тур. *-mA*; гаг. *-mä-*; аз. *-mA*; турк. *-mA*; сал. *-my*; узб. *-mV*; нуйг. *-mV*; кар. *-mim/-mem*; кар.К. *-mA*; кум. *-mA*; балк. *-mA*; тат. *-mV*; башк. *-ma*; ног. *-mA*; каз. *-mA*; ккалп. *-mA-*; кирг. *-mV*; галт. *-mA*; туба *-mV-*; леб. *-mV-*; куманд. *-mV-*. ПТ **-mV-* 'не', формант отрицательной формы глагола.

63: one (один): чув. *pərre*; як. *bīr*; тув. *bir(ee)*; тоф. *bir*; хак. *pər*; шор. *pir*; сюг. *byr*; др.-тюрк. *bir*, крх.-уйг. *bir*, хал. *bir*, тур. *bir*, гаг. *bir'*; аз. *bir*, турк. *bir*, сал. *byr*, узб. *bir*, нуйг. *bir*, кар. *bir/byr*, кар.К. *bir*, кум. *bir*, балк. *bir*, тат. *ber*, башк. *ber*, ног. *bir*, каз. *bir*, ккалп. *bir*, кирг. *bir*, галт. *bir*, туба *bir*, леб. *pir*, куманд. *pir*. ПТ **bir (*bīr)* 'один' VEWT 76; TMN II 383–384; EDT 353–354; ЭСТЯ 1978, 146–151; Федотов I 421–422; Попов I 134.

64.1: person (человек): як. *kihi*; тув. *kiži*; тоф. *kiši*; хак. *kəzə*; шор. *kiži*; сюг. *kysi*; др.-тюрк. *kiši*; крх.-уйг. *kiši*; тур. *kiši*; гаг. *kiši*; сал. *kīše*; узб. *kiši*; нуйг. *kiši*; кар. *kisi*; кар.К. *kiši*; кум. *giši*; тат. *keše*; башк. *keše*; ног. *kisi*; каз. *kisi*; ккалп. *kisi*; кирг. *kiši*; галт. *kiži*; туба *kiši*; леб. *kiži*; куманд. *kiži*. ПТ **kili* 'человек' VEWT 272; EDT 752–753; ЭСТЯ 1997, 78–79; СИГТЯ 1997, 325.

64.2: person (человек): чув. *s'yn*; др.-тюрк. *jalaŋuq*; крх.-уйг. *jalaŋuq*. К ПТ **jalaŋ-uk* 'человек' VEWT 182; EDT 930. Неверно в Федотов II 153.

64.3: person (человек): хал. *adäm*; гаг. *adam*; аз. *adam*; турк. *ādam*; кум. *adam*; балк. *adam*; ног. *adem*; каз. *adam*; ккалп. *adam*[256]. Заимствовано из араб. '*adam* через перс. *ādam* 'человек'.

65.1: rain (дождь): чув. *s'omъʷr*; як. *samȳr*; хак. *naŋmyr*; шор. *naybur*; сюг. *jaγmyr*; др.-тюрк. *jaγmur*; крх.-уйг. *jaγmur*; хал. *jaγyš*; тур. *jaγmur*; гаг. *jāmur*; аз. *jaγyš*; турк. *jaGyš*; сал. *jaγmur*; узб. *jomγir*; нуйг. *jamγur*; кар. *jaŋγur*; кар.К. *jaγmur*; кум. *jangur, jawun*; балк. *žawun, žangur*; тат. *jaŋgyr*; башк. *jamγyr*; ног. *jamgyr*; каз. *žaŋbyr, žawyn*; ккалп. *žawyn, žamγyr*; кирг. *žamgyr*; галт. *jāš*; туба *n'aŋmyr*; леб. *n'aŋmur*; куманд. *n'aŋmyr*. ПТ **jag-* 'идти о дожде': а) отглагольные существительные на *-In, -Iš*; б) древнее словосложение **jag-mur*, где вторая часть – из ПАлт. **mi̯ūri* 'вода', см. АПиПЯЯ 28–29. VEWT 177; EDT 896, 903–904, 908; ЭСТЯ 1989, 57; СИГТЯ 1997, 25; Федотов II 135.

65.2: rain: тув. *ča's* = тоф. *ča's* 'ненастье, затяжной дождь'. Фонетически невозможно возведение к **jag-yš*. Может быть, заимствовано из монг. *čas* 'снег', письм.-монг. *času(n)* (Less. 166) – с редкой передачей монгольского *č-* тувинским и тофаларским *č-*, а не *š-* – ср. Рас. МБЗ 55, 59.

65.3: rain: тоф. *ö'sken*. Ср. галт., каз., кирг. и др. *öksö-* 'плакать'VEWT 370. Возможно, с ПТ **üskür-* 'кашлять; брызгать' VEWT 376; ЭСТЯ 1974, 637–638.

66.1: red (красный): чув. *xərlə*; як. *kyhyl*; тув. *kyzyl*; тоф. *qyzyl*; хак. *xyzyl*; шор. *qyzyl*; сюг. *Gyzyl*; др.-тюрк. *qyzyl*; крх.-уйг. *qyzyl*; хал. *qyzyl*; тур. *kyzyl*; турк. *Gyzyl*; сал. *Gyzil*; узб. *qizil*; нуйг. *qizil*; кар. *kyzyl*; кум. *qyzyl*; балк. *qyzyl*; тат. *kyzyl*; башк. *kyzyl*; ног. *kyzyl*; каз. *qyzyl*; ккалп. *qyzyl*; кирг. *kyzyl*; галт. *kyzyl*; туба *kyzyl*; леб. *qyzyl*; куманд. *kyzyl*. ПТ **Kyr'-yl*, по-видимому, производное от глагола **Kȳr'-* 'быть красным, раскаленным' (неясно сокращение долгого гласного). VEWT 269; EDT 681, 683–684; TMN III 469; СИГТЯ 1997, 602–603; ЭСТЯ 2000, 187–189, 194–196.

66.2: red (красный): тур. *kyrmyzy*; гаг. *kyrmyzy*; аз. *Gyrmyzy*; турк. *Gyrmyzy*; кар. *kyrmyz*; кар.К. *qyrmyzy* ('багровый, пурпурный, красный'). Иранизм или арабизм, точный иранский источник неясен, см. VEWT 267.

67.1: road (дорога): чув. *s'ol*; як. *suol*; хак. *čol*; шор. *čol*; сюг. *jol*; др.-тюрк. *jol*; крх.-уйг. *jol*; хал. *juōl;* тур. *jol*; гаг. *jol*; аз. *jol*; турк. *jōl*; сал. *jo(:)l*; узб. *jul*; нуйг. *jol*; кар. *jol*; кар.К. *jol*; кум. *jol*; балк. *žol*; тат. *jul*; башк. *jul*; ног. *jol*; каз. *žol*; ккалп. *žol*; кирг. *žol*; галт. *d'ol*; туба *d'ol*; леб. *čol*; куманд. *čol*. ПТ **jōl* 'дорога' VEWT 205–206; EDT 917; ЭСТЯ 1989, 29, 217–218; СИГТЯ 1997, 531; Федотов II 131.

67.2: road (дорога): тув. *oruk*; тоф. *oruq*. ПТ **oruk* 'тропа' EDT 215; VEWT 364; СИГТЯ 1997, 531–532; ЭСТЯ 1989, 218 (но вряд ли от **or-* 'копать').

---

[256] NB: туба *adam* 'человек' Баск. Туба 97 – слово-призрак; в соответствующем месте текста *ада-м* 'мой отец'.

68.1: root (корень): чув. *тутър*, тоф. *tōru*, хак. *tamyr*, нуйг. *tomur*, кар. *tamar*, кар.К. *tamur*, кум. *tamur*, балк. *tamyr*, тат. *tamyr*, башк. *tamyr*, ног. *tamyr*, каз. *tamyr*, ккалп. *tamyr*, кирг. *tamyr*, галт. *tamyr*, туба *tamyr*. ПТ **dạmor* 'корень; жила' VEWT 460; EDT 508; ЭСТЯ 1980, 143–144; СИГТЯ 1997, 107–108, 264–265.

68.2: root (корень): як. *silis*, шор. *čyltys*, сюг. *jyltys*, др.-тюрк. *jyltyz*, крх.-уйг. *jyldyz*, узб. *ildiz*, нуйг. *jiltiz*. ПТ **jyldyr´* 'корень' VEWT 201; EDT 922; ЭСТЯ 1974, 350; СИГТЯ 1997, 109.

68.3: root (корень): тув. *dazył*, шор. *tazył*, галт. *tazył*, туба *tazył*, леб. *tazyl*. Изолированный сибирско-тюркский корень (ПТ **Tar´/syl* 'корень'?). Рас. ФиЛ 170. Не может ли он быть самодийским заимствованием? Ср. ПУр. **čačV ~ *čančV* 'расти, рождаться' UEW 52 > сев.-самод. **tənsə* (< самод. **tənsə ~ *cənsə*) > ненецк. *тэ́нз*, энецк. *tid'o, tiso*, нганасан. *tańsa* 'род, происхождение, тип'; источником тюркских форм могла бы быть какая-то незасвидетельствованная южносамодийская форма типа **tasV*.

68.4: root (корень): чув. *къʷк*; тув. *kök* (корни травы); крх.-уйг. *kök*; тур. *kök*; гаг. *kök*; аз. *kök*; турк. *kök*; кар.К. *kök* 67. ПТ **kök* 'корень' VEWT 287; EDT 708; TMN III 598; ЭСТЯ 1997, 91–92; СИГТЯ 1997, 109.

68.5: root (корень): тоф. *tös*. ПТ **tör´* 'корень; происхождение' VEWT 495; TMN II 612; EDT 571; СИГТЯ 1997, 109; Федотов II 264.

68.6: root (корень): сал. *sa(:)čaɣ*. ПТ **sačak* 'бахрома' VEWT 392; EDT 795, 796. Тюрк. > монг. *sačaɣ, čačaɣ*, калм. *cacəg* (KWb 423). Возможно, производное от **s(i)ač* 'волосы'.

68.7: root (корень): др.-тюрк. *tüp*, башк. *töp*, каз. *tüp*, куманд. *tüp*. ПТ **dūp* 'дно; корень' EDT 434–435; VEWT 505; ЭСТЯ 1980, 317–319; СИГТЯ 1997, 108–109.

68.8: root (корень): хал. *bix*. Из перс. *bīx* 'корень'. Doerf.-Tez. 93.

68.9: root : хак. *čilege*. Как и шор. *čelegi* 'щетина', заимствовано из монг. *ǯele-ɣe* 'привязь; лоза, усики ползучих растений'. Монг. слово само заимствовано из тюрк. **jelö* 'привязь' EDT 919; ЭСТЯ 1989, 21–22, но растительное значение возникает именно на монг. почве. См. Helimski 1997, 230.

68.10: root: сюг. *dajli*. Скорее всего, из монг. (шира-юйгу не зафиксировано) **daŋgi* 'корень; происхождение, поколение' KWb 82.

68.11: root: сюг. *sei* (съедобные коренья). Из кит. 菜 *cai* 4, ср.-кит. *chʌ̀j* 'зелень, салат', др.-кит. *shə̄ʔs* Karlgren 0942.

69.1: round (круглый): як. *tögürük*, тув. *tögerik*, тоф. *tōrej*, хак. *toɣylax*, шор. *toɣalaq*, сюг. *doGyr*, др.-тюрк. *tegirmi*, крх.-уйг. *tegirme*, аз. *däjirmi*, турк. *tegelek*, узб. *tuɣarak*, нуйг. *düglek*, кар. *tägere*, кар.К. *tögerek*, кум. *dögerek*, балк. *tögerek*, тат. *tügäräk*, башк. *tüŋäräk*, ног. *tögerek*, каз. *döngelek*, ккалп. *döŋgelek*, кирг. *tegerek*, галт. *togolok, tegerik*, леб. *toɣoloq*. ПТ **döger-ek/*dog-ar-ak* 'круглый' с нефонетическими заменами из-за экспрессивного характера слова. ЭСТЯ 1980, 176–179, 281–282.

69.2: round (круглый): чув. *čъmar*, тур. *juvarlak*, гаг. *juvarlak*, аз. *jumru*,

узб. *jumaloq*; кар.К. *jumalaq*; тат. *jomry*; башк. *jomoro*; каз. *žumyr*; ккалп. *žumalaq*; кирг. *žumuru*. ПТ **jum-ar-lak* 'круглый, шарообразный' VEWT 210; EDT 871, 873, 877, 936, 937–938; ЭСТЯ 1989, 246–247, 249–250; ЭСТЯ 1989, 237–238; Егоров 319–320.

69.3: round (круглый): чув. *s´avra*. Отглагольное производное от ПТ **čebir-* 'крутить, поворачивать', см. VEWT 102; EDT 398; Егоров 201–201; Федотов II 80.

69.4: round (круглый): гаг. *tombarlak*; узб. *dumaloq*, нуйг. *domulaq*; башк. *tumalaq*; ног. *tymalaq*; каз. *domalaq*; ккалп. *dumalaq*. ПТ **tom-ar-lak* 'круглый, выпуклый, распухший' VEWT 487; ЭСТЯ 1980, 261–262.

69.5: round (круглый): як. *bökünük*; производное от *bük-*, ПТ **bük-* 'сгибаться, кланяться' EDT 324; VEWT 91–92; ЭСТЯ 1978, 290–293.

69.6: round (круглый): тув. *borbak*. Видимо, связано с ПТ **bur(a)-* 'крутить, вертеть, поворачивать' VEWT 89; EDT 355; ЭСТЯ 1978, 264–267.

69.7: round (круглый): леб. *tulgu*. Производное от ПТ **dolga-* 'крутить, заворачивать' VEWT 486; EDT 497; ЭСТЯ 1980, 259–260; Федотов II 187–188.

69.8: round (круглый): тув. *tyryky*. Производное по глаголу *tyry-* 'плотно набивать', ср. ПТ **tyry-k* 'запор' VEWT 479.

69.9: round (круглый): сал. *külelüžüx*. Производное от *küle-n-* 'катиться' ЭСТЯ 1997, 139; Федотов I 272–273.

69.10: round (круглый): тоф. *mõsraq*, скорее всего, из бур. *мунса-гар* 'округлый' (производное от *мунса* 'колотушка').

69.11: round (круглый): сал. *kos*. См. Тен.ССЯ 389 (заимствовано из перс. *kos* 'литавры').

70.1: sand (песок): як. *kumax*; тув. *kum*; тоф. *xum*; хак. *xum*; шор. *qumaq*; сюг. *qom*; др.-тюрк. *qum*; крх.-уйг. *qum*; тур. *kum*; гаг. *kum*; аз. *Gum*; турк. *Gum*; турк. *Gum*; сал. *Gum*; узб. *qum*; нуйг. *qum*; кар. *kum*; кар.К. *qum*; кум. *xum*; балк. *qum*; тат. *kom*; башк. *kom*; ног. *kum*; каз. *qum*; ккалп. *qum*; кирг. *kum*; галт. *kumak*; туба *kubak*; леб. *qum, kuvak*; куманд. *kuvak*. ПТ **Kum, -ak* '*песок*' VEWT 299; EDT 625; СИГТЯ 1997, 102; ЭСТЯ 2000, 133–134.

70.2: sand (песок): чув. *хъʷjъʷr*; крх.-уйг. *qajyr*; кум. *qajyr*; ног. *kajyr*. ПТ **Kajyr* 'солончак; галька' VEWT 221–222; EDT 678; ЭСТЯ 1997, 206, 217; СИГТЯ 1997, 97.

70.3: sand (песок): турк. *čāge*. ПТ **čēke* 'песок, галька' VEWT 95; СИГТЯ 1997, 94 (изолированное туркмено-чагатайское слово).

70.4: sand (песок): балк. *jüzmez*. Производное от *jüz-* 'рвать, измельчать'? (см. EDT 279–280; VEWT 524; ЭСТЯ 1974, 621–622).

70.5: sand (песок): тув. *elezin*. Заимств. из монг. *elesü(n)* 'песок' (Less. 308).

70.6: sand (песок): хал. *rig*. Заимств. из перс. *rīg* 'песок, галька'. Doerf.-Tez. 181.

71.1: say (сказать): чув. *te-*; як. *die-*; тув. *de-*; тоф. *de-*; хак. *tə-*; сюг. *di-*; др.-тюрк. *te-*; крх.-уйг. *te-*; тур. *de-*; гаг. *de-*; аз. *de-*; турк. *dī-*; сал. *dij-*; узб. *de-*; нуйг. *dä-*; кум. *de-*; тат. *di-*; ног. *de-*; ккалп. *de-*; кирг. *te-*; туба *de-*; леб.

te-. ПТ **dē-* 'сказать' VEWT 467–468; EDT 433–434; ЭСТЯ 1980, 221–224.

71.2: say (сказать): хак. *ajt-*; шор. *ajt-*; сюг. *ajt-*; др.-тюрк. *ajy-*; крх.-уйг. *ajy-*; хал. *hāj-*; турк. *ajt-*; сал. *ɛjiš-*; узб. *ajt-*; нуйг. *ejt-*; кар. *ajt-*; кар.К. *ajt-*; кум. *ajt-*; балк. *ajt-*; тат. *äjt-*; башк. *äjt-*; ног. *ajt-*; каз. *ajt-*; ккалп. *ajt-*; кирг. *ajt-*; галт. *ajt-*; туба *ajt-*; леб. *ajt-*; куманд. *ajt-*. ПТ **ạj-* 'говорить, указывать', **ạj-yt-* (формально каузатив) 'приказывать' (до XI в.), 'говорить'. VEWT 10; ЭСТЯ 1974, 99–100, 111–112; Егоров 342; EDT 268–269.

71.3: say (сказать): тув. *čugaala-*; хак. *čōxta-*. Отыменные глаголы от ПТ **jom-ŋak, *jom-gak* 'рассказ; слово' (хак. *čōx*). ЭСТЯ 1989, 220–221; VEWT 206,119.

71.4: say (сказать): тув. *söglee-*; тур. *söjle-*; гаг. *söle-*; аз. *söjlä-*. ПТ **sögle-* 'говорить' (формально отыменной глагол) VEWT 429; Федотов II 54–55; ЭСТЯ 2003, 318.

71.5: say (сказать): чув. *kala-*. ПТ **kele-* 'говорить' VEWT 248; ЭСТЯ 1997, 32–33; EDT 716 (вряд ли заимствование, см. Clark 1977, 136–138).

71.6: say (сказать): як. *et-*. ПТ **öt-* 'петь; сказать, говорить, просить' VEWT 52; ЭСТЯ 1974, 556, 557–558; EDT 39, 62; Егоров 21.

72: see (видеть): чув. *kor-*; як. *kör-*; тув. *kör-*; тоф. *kör-*; хак. *kör-*; шор. *kör-*; сюг. *gör-*; др.-тюрк. *kör-*; крх.-уйг. *kör-*; хал. *kör-*; тур. *gör-*; гаг. *gör-*; аз. *gör-*; турк. *gör-*; сал. *gör-*; узб. *kụr-*; нуйг. *kör-*; кар. *kör-*; кар.К. *kör-*; кум. *gör-*; балк. *kör-*; тат. *kür-*; башк. *kür-*; ног. *kör-*; каз. *kör-*; ккалп. *kör-*; кирг. *kör-*; галт. *kör-*; туба *kör-*; леб. *kör-*; куманд. *kör-*. ПТ **gȫr-* 'видеть' VEWT 292; TMN III 637f; EDT 736; Федотов I 310; ЭСТЯ 1980, 77–79, 81–84; СИГТЯ 1997, 209.

73.1: seed (семя): чув. *vъʷrъʷ*; др.-тюрк. *uruγ*; крх.-уйг. *uruγ*; сал. *urlux*; узб. *uruγ*; нуйг. *uruq*; кум. *urluq*; балк. *urluq*; тат. *orlyk*; башк. *orlok*; ног. *urlyk*; каз. *uryq*; ккалп. *uryq*. ПТ **ur-ug, -luk* 'семя; род; ребенок' VEWT 516; TMN II 47; EDT 214–215; ЭСТЯ 1974, 604–606; СИГТЯ 1997, 115–116, 307, 323–324, Щербак 1997, 162.

73.2: seed (семя): др.-тюрк. *evin*; крх.-уйг. *evin*. Ср. леб. *evin* 'ядрышки, орешки'. ПТ **ebin* 'зерно, семя' VEWT 34; EDT 12, Мудрак Дис. 82.

73.3: seed (семя): як. *tuorax*; гаг. *tōmruq*. ПТ **Tobur-* 'шишка; бутон'. VEWT 482; СИГТЯ 1997, 115, 121.

73.4: seed: як. *burduk;* кар. *bürtük*; кар.К. *bürtük*; балк. *bürtük*. ПТ **bür* 'почка, бутон' + именной суф. *-dlk* (уменьшит.). VEWT 92; EDT 354; СИГТЯ 1997, 114–115.

73.5: seed: турк. *čigit*. ПТ **čikit / *čykyt* 'мелкие семена, напр. хлопковое семя' EDT 414; TMN II 88; СИГТЯ 1997, 116.

73.6: seed (семя): сал. *ašlyχ*. Производное от ПТ **aĺ* 'пища' (ср. аз. *aš* 'каша') VEWT 29–30; ЭСТЯ 1974, 210–212; TMN II 61–62; EDT 253, 256.

73.7: seed (семя): як. *sieme*. Из рус. *семя*.

73.8: seed: тоф. *oǯum*. Как и тат. *uǯym*, упоминаемое В.И. Рассадиным (ФиЛ 211), заимствовано из рус. *о́зимь*.

73.9: seed (семя): тув. *üre*; хак. *üräŋ*; шор. *üreŋ*; кирг. *ürön*; галт. *üren*. Из монг. **hüre* 'семя', письм.-монг. *üre(n)* (Less. 1011, KWb 459; MGCD 696).

73.10: seed (семя): хал. *toxm*; тур. *tohum*; аз. *toxum*. Из перс. *toχm* 'яйцо, семя' Doerf.-Tez. 208.

74.1: sit (сидеть): чув. *lar-*; як. *olor-*; тув. *olur-*; тоф. *olur-*; хак. *odyr-*; шор. *odur-*; др.-тюрк. *ol(d)ur-*; крх.-уйг. *olur-*; тур. *otur-*; гаг. *otur-*; аз. *otur-*; турк. *otur-*; сал. *o(:)ht(yr)-*; узб. *ụtir-*; нуйг. *oltur-*; кар. *otur-*; кар.К. *otur-*; кум. *oltur-*; балк. *oltur-*; тат. *utyr-*; башк. *ultyr-*; ног. *oltyr-*; каз. *otyr-*; ккалп. *otyr-*; кирг. *otur-*; галт. *otur-*; туба *otur-*; леб. *otur-*; куманд. *otur-*. ПТ **ol-ur-*, **ol(u)-tur-* 'сидеть, находиться' ЭСТЯ 1974, 489–492. EDT 125, 331–332; VEWT 79; TMN II 358. Формально каузатив (интенсив?) к **ol-* 'быть', если последний рассматривать как отдельный корень, а не как фонетический вариант «западноогузского» типа к **bol-*, что допускается его распространением.

74.2: sit (сидеть): сюг. *čoGe-*. ПТ **čök-* 'стоять на коленях, сидеть на корточках' VEWT 117; TMN III 120–122; EDT 413–414; Федотов II 90–91, Щербак 1997, 113.

74.3: sit (сидеть): туба *očo-*; леб. *očo-*. ПТ **ōču-* 'уменьшаться' EDT 32; VEWT 509, 356; ЭСТЯ 1974, 567–568; СИГТЯ 1997, 339–340.

75.1: skin (кожа): чув. *tir;* як. *tirī;* хак. *tā̈r;* шор. *tere*; сюг. *tery;* др.-тюрк. *teri;* крх.-уйг. *teri;* хал. *teri;* тур. *deri;* гаг. *deri;* аз. *däri;* турк. *deri;* сал. *tir;* узб. *teri;* нуйг. *terä*; кар. *tery*; кар.К. *tärī*; кум. *teri;* балк. *teri;* тат. *tire*; башк. *tire*; ног. *teri*; каз. *teri*; ккалп. *teri*; кирг. *teri*; галт. *tere*; туба *tere*; леб. *tere*; куманд. *tere*. ПТ **dẹri* 'кожа' VEWT 475; EDT 530; ЭСТЯ 1980, 207–208; СИГТЯ 1997, 383.

75.2: skin (кожа): тув. *ke'š*; тоф. *ke'š*. ПТ **keĺ* 'шкура' ЭСТЯ 60–61 (но не с *keš* 'колчан'; сюда же турк. *kešik* 'потертость между передними ногами верблюда').

75.3: skin (кожа): кум. *öng*. ПТ **öŋ/*oŋ* 'перед, внешняя сторона, цвет, лицо' EDT 167–168; VEWT 362, 372; ЭСТЯ 1974, 532–535.

76.1: sleep (спать): як. *utuj-*; тув. *udu-*; тоф. *udu-*; хак. *uzu-*; шор. *uzu-*; сюг. *uzu-*; др.-тюрк. *udy-*; крх.-уйг. *uδy-*; тур. *uju-*; гаг. *uju-*; турк. *ukla-*; сал. *uχla(:)-*; узб. *uxla-*; нуйг. *uxla-*; кар. *jukla-*; кар.К. *juxla-*; кум. *jux-la-*; балк. *žuqla-*; тат. *jokla-*; башк. *jokla-*; ног. *ujkla-*; каз. *ujyqta-*; ккалп. *ujqyla-*; кирг. *ukto-*; галт. *ujukta-*; туба *ujkta-*; леб. *ujkta-*; куманд. *ujukta-*. ПТ **ū-dy-*, **ū-dy-k-la-* 'спать' (вторая форма – отыменное производное от **ū-dy-k* 'сон'). VEWT 508; EDT 42–43, 46–47, 49; ЭСТЯ 1974, 579–581, 586–587.

76.2: sleep (спать): хал. *jat-*; аз. *jat-*; турк. *jat-*; узб. *jot-*. ПТ **jạt-* 'лежать' VEWT 192; EDT 884; ЭСТЯ 1989, 156–158.

76.3: sleep (спать): чув. *s'yvъr-*. Видимо, к ПТ **jabaĺ* 'спокойный, мягкий', ср. крх.-уйг. *jav-yl-* 'становиться мягким'. VEWT 175; ЭСТЯ 1989, 51–52; TMN IV 207–208.

77.1: small (маленький): чув. *pəǯək*; крх.-уйг. *biče*. ПТ **bič-e* 'маленький'; ср.еще сал. *biǯä* 'немного'; обычно рассматривают как монголизм, но

ср. наличие форм в чув. и у МК. Возможно, производное от ПТ глагола **byč-/*bič-* 'резать', исконнородственного монгольскому слову, см. EDT 292–293; VEWT 73; ЭСТЯ 1978, 158–160, EDAL 1099. Тув. *biče*, тоф. *biče*, скорее всего, монголизм (ср. отсутствие озвончения интервокального согласного в тув.), < монг. *biči-ken* 'маленький'.

77.2: small (маленький): хак. *kečižäk*, шор. *kičig*, сюг. *kyčiy*, др.-тюрк. *kičig*, крх.-уйг. *kičig*, тур. *küčük*, гаг. *küčük'*, аз. *kičik*, турк. *kič*, сал. *kiž*, узб. *kičik*, нуйг. *kičik*, кар. *kičke*, кар.К. *kičkenä*, кум. *giččï*, балк. *gitče*, тат. *kečkenä*, башк. *keskej*, ног. *kiškej*, каз. *kiškene*, ккалп. *kiškene*, кирг. *kičinekej*, галт. *kičü*, туба *kičü*, леб. *kičeeš*, куманд. *kičeči*. ПТ **kičük/-g* 'маленький' VEWT 269; EDT 696; ЭСТЯ 1997, 75–77.

77.3: small (маленький): др.-тюрк. *ušaq*, крх.-уйг. *ušaq*. ПТ **uĺa-k* 'мелкий' от глагола **uĺa-* 'быть мелким', каузатив 'дробить, измельчать' EDT 16, 262; ЭСТЯ 1974, 617–618.

77.4: small (маленький): хал. *balla* (Doerf. Khm 50); башк. *bäläkäj*. Производные от ПТ **bāla* 'ребенок' EDT 332, 334; VEWT 59, 60; ЭСТЯ 1978, 47–50, 53–54; СИГТЯ 1997, 71, 306–307, 312.

77.5: small (маленький): як. *kyra*. Производное от ПТ **Kyr-* 'ломать, резать', як. *kyryj-*. VEWT 265; EDT 643; TMN III 567; СИГТЯ 1997, 382; ЭСТЯ 2000, 227–229.

77.6: small (маленький): леб. *čabys*. ПТ **jAb-yz* 'плохой, слабый' VEWT 176; EDT 879, 881–882; ЭСТЯ 1989, 47–48, 51.

77.7: small (маленький): як. *aччygyj*. К ПТ **āŕ* 'мало', см. EDT 277; VEWT 32; ЭСТЯ 1974, 93–94. Фонетически объясняется как **as + -čyk* (ср. *aччyk* 'голодный'), ср. также як. глагол *аччаа-* 'уменьшаться, убавляться', (вряд ли, как в Попов I 100, из *as + -la-, -lyk*, что по обычным для якутского правилам сандхи дало бы **аста-, *астык*).

77.8: small (маленький): тоф. *čaraš*. ПТ *jAr- с различными суффиксами 'тонкий, тощий; бедный' EDT 967; VEWT 189, 190; ЭСТЯ 1989, 143; СИГТЯ 1997, 334–335.

78.1: smoke (дым): чув. *tə^{w}də^{w}m*, хак. *tüdün*, шор. *tüdün*, др.-тюрк. *tütün*, крх.-уйг. *tütün*, хал. *titin*, гаг. *tütün*, аз. *tüstü*, турк. *tüsse*, сал. *cücyn, tyssy*, узб. *tutun*, нуйг. *tütün*, кар. *tütsü*, кар.К. *tütün*, кум. *tütün*, балк. *tütün*, тат. *töten*, башк. *tötön*, ног. *tütin*, каз. *tütin*, ккалп. *töten*, кирг. *tütün*, туба *tütök*, леб. *tüdük*, куманд. *tüdin*. ПТ **tüt-ün, *tüt-süg* 'дым', от глагола **tüt-* 'дымить'. VEWT 507; EDT 452, 457–458, 461; TMN II 605; СИГТЯ 1997, 364–365.

78.2: smoke (дым): тув. *yš*, тоф. *yš*, хак. *ys*, сюг. *ys*, галт. *yš*, леб. *yš*, куманд. *yš*. ПТ **ȳl(č)* 'дым, копоть' VEWT 167, 170; EDT 254, 883; ЭСТЯ 1974, 379–382; СИГТЯ 1997, 370–371.

78.3: smoke (дым): нуйг. *is*. ПТ **yjs* 'запах'. ЭСТЯ 1974, 379; Егоров 76. Этот корень имеет сильную тенденцию смешиваться с предыдущим, но нуйг. форма фонетически вполне отделима.

78.4: smoke (дым): як. *buruo*. ПТ **bur-uk* 'пыль, клубы пыли, дым' VEWT 89; Stachowski 67; ЭСТЯ 1978, 268–271.

78.5: smoke (дым): тур. *duman*. ПТ **dum-* с различными суффиксами, 'холод' VEWT 498; EDT 503, 505, 506; ЭСТЯ 1980, 326; СИГТЯ 1997, 14–15. Собственно **duman* 'туман' см. ЭСТЯ 1980, 295–296; СИГТЯ 1997, 33, о невозможности иранизма см. TMN 2, 568.

79.1: stand (стоять): чув. *tъʷr-*; як. *tur-*; тув. *tur-*; тоф. *tur-*; хак. *tur-*; шор. *tur-*; сюг. *dur-*; др.-тюрк. *tur-*; крх.-уйг. *tur-*; хал. *tur-*; тур. *dur-*; гаг. *dur-*; аз. *dur-*; турк. *dur-*; сал. *dyr-*; узб. *tur-*; нуйг. *tur-*; кар. *tur-*; кар.К. *tur-*; кум. *tur-*; балк. *tur-*; тат. *tor-*; башк. *(bas´yp) tor-*; ног. *tur-*; каз. *tur-*; ккалп. *tur-*; кирг. *tur-*; галт. *tur-*; туба *tur-*; леб. *tur-*; куманд. *tur-*. ПТ **dur-* 'стоять, пребывать' VEWT 500; EDT 529–530; ЭСТЯ 1980, 296–301.

79.2: stand (стоять): аз. *dajan-*. Рефлексив к *daja-*, ПТ **daja-* 'подпирать, прислонять' VEWT 455; EDT 567; ЭСТЯ 1980, 125–127; Федотов II 259–260, т.е. букв. 'опираться'.

79.3: stand (стоять): узб. *tik turmoq*. ПТ **dik* 'вертикальный' EDT 475–476; ЭСТЯ 1980, 224–227; Федотов II 417–418.

79.4: stand (стоять): тат. *bas-*. ПТ **bas-* 'давить' EDT 370–371; VEWT 64; TMN II 245–246; ЭСТЯ 1978, 74–77; СИГТЯ 1997, 393, 571; Федотов I 448.

80.1: star (звезда): чув. *s´ъʷldъʷr*, як. *sulus*; тув. *syldys*; тоф. *syltys*; хак. *čyltys*; шор. *čyltys*; сюг. *juldys*; др.-тюрк. *jultuz/julduz*; крх.-уйг. *julduz*; хал. *julduz*; тур. *jyldyz*; гаг. *jyldyz*; аз. *ulduz*; турк. *jyldyz*; сал. *jyldus*; узб. *julduz*; нуйг. *jultuz*; кар. *jyldyz*; кар.К. *jyldyz*; кум. *julduz*; балк. *žulduz*; тат. *joldyz*; башк. *jondoz*; ног. *juldyz*; каз. *žuldyz*; ккалп. *žuldyz*; кирг. *žyldyz*; галт. *dyldys*; туба *d'yltys*; леб. *jyldys*; куманд. *čyltys*. ПТ **jul-dur´* 'звезда' VEWT 210; TMN III 260–261; EDT 922–923; ЭСТЯ 1989, 279–280; СИГТЯ 1997, 53.

80.2: star (звезда): туба *čagan*; леб. *čagan*. ПТ **č(i)ak-* 'высекать искры', **č(i)ak-yn* 'искра' VEWT 95; TMN III 80–81; СИГТЯ 1997, 373.

81: stone (камень): чув. *čol;* як. *tās*; тув. *daš*; тоф. *taš*; хак. *tas*; шор. *taš*; сюг. *das*; др.-тюрк. *taš*; крх.-уйг. *taš*; хал. *tāš*; тур. *taš*; гаг. *taš*; аз. *daš*; турк. *dāš*; сал. *daš*; узб. *toš*; нуйг. *taš*; кар. *taš*; кар.К. *taš*; кум. *taš*; балк. *taš*; тат. *taš*; башк. *taš*; ног. *tas*; каз. *tas*; ккалп. *tas*; кирг. *taš*; галт. *taš*; туба *taš*; леб. *taš*; куманд. *taš*. ПТ **diāĺ* 'камень' VEWT 466; TMN II 437–438; EDT 557; ЭСТЯ 1980, 167–168; Федотов II 421–422.

82: sun (солнце): чув. *xəʷvel*; як. *kün*; тув. *xün*; тоф. *xün*; хак. *kün*; шор. *kün, qujaš*; сюг. *kun*; др.-тюрк. *kün, küneš*; крх.-уйг. *kün*; хал. *kin*; тур. *güneš*; гаг. *gün*; аз. *gün*; турк. *gün*; сал. *gü:n*; узб. *qujoš*; нуйг. *kün, qujaš*; кар. *kuneš*; кар.К. *qujaš*; кум. *gün, güneš*; балк. *kün*; тат. *kojaš*; башк. *kojaš*; ног. *kün közi*; каз. *kün*; ккалп. *kün, qujaš*; кирг. *kün*; галт. *kün*; туба *kün*; леб. *küjäš*; куманд. *kün*. ПТ **gün(el)/ *gun´aĺ* 'солнце, день' (гармонические варианты?) VEWT 301, 309; EDT 679, 725, 734; ЭСТЯ 1980, 100–104, 6, 112–113; СИГТЯ 1997, 20–21, 64–65, 77–78; Федотов I 306–307.

83.1: swim (плавать): хак. *čüs-*; др.-тюрк. *jüz-*; крх.-уйг. *jüz-*; тур. *jüz-*; гаг. *üz-*; аз. *üz-*; турк. *jüz-*; узб. диал. *juz-*; нуйг. *üz-*; кар.К. *jüz-*; кум. *jüz-*; балк. *ǰüz-*; тат. *jöz-*; башк. *jöz-*; ног. *jüz-*; каз. *žüz-*; ккалп. *žüz-*; галт. *d'üz-*; туба *d'üs-*; леб. *jüs-*. ПТ **jür´-* 'плавать' VEWT 214; EDT 984; ЭСТЯ 1989, 261.

83.2: swim (плавать): тув. *ešti-*; тоф. *e'šť-*; куманд. *ežin-*. Рефлексив от ПТ **ēl-* 'копать, грести'. VEWT 51; EDT 255–256; ЭСТЯ 1974, 315–316.

83.3: swim (плавать): сал. *čom-*; кар. *com-*; кар.К. *čom-*. ПТ **čom-/*čöm-* 'погружаться, нырять; купаться; черпать', сюг. *šom-* 'течь'; VEWT 115; TMN III 95–99; EDT 422.

83.4: swim (плавать): кар.К. *jalda-*; ног. *jalda-*. Отыменной глагол от *jal* 'конская грива', ПТ **jāl* Дыбо 1996, 220–222; EDT 916; ЭСТЯ 1989, 85–86, 93–94 (for **jāl-da-*); СИГТЯ 1997, 146–147; первоначальная семантика глагола 'переплывать реку, ухватившись за конскую гриву'.

83.5: swim (плавать): узб. *suz-*; кирг. *süzü-*. ПТ **sür´-* 'цедить; ловить рыбу сетью; ходить в воде; плавать' EDT 861; ЭСТЯ 1989, 7, 261; VEWT 420; СИГТЯ 1997, 411; Федотов II 44–45.

83.6: swim (плавать): шор. *yq-*. ПТ **ȳk* 'направление по ветру, направление по течению' ЭСТЯ 1974, 651.

83.7: swim (плавать): як. *qarbā-*. ПТ **K(i)arba-* 'хватать (руками или зубами), сгребать' EDT 646; VEWT 243; ЭСТЯ 1997, 302–303. Вопреки Kał. MEJ 42, як. форма вряд ли заимствована из монг. *qarma-*.

83.8: swim (плавать): чув. *iš-*. Заимствовано из тат. *iš-* 'грести' (см. выше), в отличие от собственного рефлекса того же корня *al-t-* 'копать'. Федотов I 175.

83.9: swim (плавать): хал. *šinow vur-*. *Vur-* 'бить', первая часть – из перс. *šinā* 'плавание' Doerf.-Tez. 195.

83.10: swim (плавать): каз. *malt-*. Из монг. **malta-* 'копать, грести' KWb 255; MGCD 478.

84: tail (хвост): чув. *хüre*; як. *kuturuk*; тув. *kuduruk*; тоф. *quduruq*; хак. *xuzurux*; шор. *quzuruq*; сюг. *Guzuruq*; др.-тюрк. *qudruq*; крх.-уйг. *quδruq*; хал. *qurduq*; тур. *kujruk*; гаг. *kujruk*; аз. *GujruG*; турк. *Gujruq*; сал. *Guruχ*; узб. *qujruq*; нуйг. *qujruq*; кар. *kurjux*; кар.К. *qurjux*; кум. *qujruq*; балк. *qujruq*; тат. *kojryk*; башк. *kojrok*; ног. *kujryk*; каз. *qujryq*; ккалп. *qujryq*; кирг. *kujruk*; галт. *kujruk*; туба *kujruk*; леб. *qojruy*; куманд. *kojrug*. ПТ **Kudruk* 'хвост' VEWT 296b; EDT 604; СИГТЯ 1997, 145; ЭСТЯ 2000, 114–117.

85.1: that (тот): чув. *vъ^{w}-l;* як. *ol*; тув. *ol*; тоф. *ol*; хак. *ol*; шор. *ol*; сюг. *ol*; др.-тюрк. *o-l*; крх.-уйг. *ol*; хал. *o*; тур. *o*; гаг. *o*; аз. *o*; турк. *ol*; сал. *u*; узб. *u*; нуйг. *u*; кар. *ol*; кар.К. *o*; кум. *o, ol*; балк. *o-l*; ног. *ol-*; башк. *ul*; каз. *ol*; ккалп. *o-l*; галт. *ol*; кирг. *o-šo*; туба *ol*; леб. *ol*; куманд. *ol*. ПТ **ol* VEWT 360; ЭСТЯ 1974, 444–445, 456, 492–494; TMN II 93; EDT 123–124. Разнообразные основы указательных местоимений, восстанавливаемые для пратюркского, по-видимому, свидетельствуют о системе с разными степенями дальности и с противопоставлением дейктических и анафорических местоимений.

85.2: that (тот): чув. *leš*; як. *sol*; турк. *šo-l*; узб. *ụša*; нуйг. *šu*; кар.К. *šu*; кум. *šo*; тат. *šu-l*; башк. *šu-l*; ног. *so-l*; каз. *sol*; ккалп. *so-l*; кирг. *o-šo*. ПТ **(o)-ĺ* 'вот, это (дейктическая частица)' VEWT 366; EDT 254–255.

85.3: that (тот): тув. *dū*; тоф. *tē*; хак. *tigi*; шор. *tigi*; тур. *ö-teki*; гаг. *te-*; сал. *düyü*; тат. *tege*; башк. *tege*; кирг. *tigi*; галт. *tu*. ПТ **ti-(kü)* 'тот' VEWT 479, Räsänen 1957, 36; Котвич 1962, 142; Stachowski 129.

85.4: that (тот): чув. *un-*; тув. *yn-*; тоф. *yn-*; хак. *an-*; шор. *anzy*; сюг. *an-*; др.-тюрк. *an-*; крх.-уйг. *an-*; сал. *an-*; узб. *an-*; нуйг. *an-*; кар. *an-*; кар.К. *an-*; балк. *an-*; башк. *an-*; ног. *an-*; ккалп. *an-*; кирг. *an-*; галт. *an-*; туба *an-*; леб. *an-*; куманд. *an-*. ПТ **ạn-* 'тот' (основа косвенных падежей) VEWT 19; EDT 165; ЭСТЯ 1974, 147–150, 157.

85.5: that (тот): сюг. *gol*. ПТ **Kö* 'этот' Федотов I 300–302, Левитская 32–34.

86.1: this (этот): як. *bu*; тув. *bo*; тоф. *bo*; хак. *pu*; шор. *po*; сюг. *bu*; др.-тюрк. *bu*; крх.-уйг. *bu*; хал. *bu*; тур. *bu*; гаг. *bu*; аз. *bu*; турк. *bu*; сал. *bu, vu*; узб. *bu*; нуйг. *bu*; кар. *bu*; кар.К. *bu*; кум. *bu*; балк. *bu*; тат. *bu*; башк. *by-l*; ног. *bu*; каз. *bul*; ккалп. *bu-l*; кирг. *bu(l)*; галт. *bu*; туба *bo*; леб. *po*; куманд. *pu*. ПТ **bu* 'этот' VEWT 85; EDT 291–292; ЭСТЯ 1978, 225–228.

86.2: this (этот): чув. *ko*. ПТ **Kö* 'этот' Федотов I 300–302, Левитская 32–34. Ср. еще др.-тюрк. эмфатическую именную частицу *-oq*.

86.3: this (этот): чув. *s ́a-*; сюг. *šu*; гаг. *šu*; турк. *šu*; сал. *s ́u*; узб. *šu*; кар.К. *šol*; кум. *šu*; башк. *o-šo*; ног. *so-sy*; каз. *osy*; ккалп. *u-sy*; кирг. *šu*. ПТ **(o)-ĺ* 'вот, это (дейктическая частица)' VEWT 366; EDT 254–255.

86.4: this (этот): башк. *o-šo*; каз. *osy*; ккалп. *u-sy*. ПТ **o(l)* VEWT 360; ЭСТЯ 1974, 444–445, 456, 492–494; TMN II 93; EDT 123–124.

86.5: this: як. *iti*; гаг. *te-*. ПТ **ti-* 'тот' VEWT 479, Räsänen 1957, 36; Котвич 1962, 142; Stachowski 129.

87: thou (ты): чув. *ezə*; як. *en*; тув. *sen*; тоф. *sen*; хак. *sin*; шор. *sen*; сюг. *sen*; др.-тюрк. *sen*; крх.-уйг. *sen*; хал. *sen*; тур. *sen*; гаг. *sän*; аз. *sän*; турк. *sen*; сал. *se:(n)*; узб. *sen*; нуйг. *sän*; кар. *syn*; кар.К. *sen*; кум. *sen*; балк. *sen*; тат. *sin*; башк. *hin*; ног. *sen*; каз. *sen*; ккалп. *sen*; кирг. *sen*; галт. *sen*; туба *sen*; леб. *sen*; куманд. *sen*. ПТ **si* (прямая основа), **sen-* (косвенная основа) VEWT 409; EDT 831–832; Stachowski 45; ЭСТЯ 2003, 232.

88: tongue (язык): чув. *čəlγe*; як. *tyl*; тув. *dyl*; тоф. *dyl*; хак. *təl*; шор. *til*; сюг. *dyl*; др.-тюрк. *tyl*; крх.-уйг. *til*; хал. *til*; тур. *dil*; гаг. *dil'*; аз. *dil*; турк. *dil*; сал. *cil*; узб. *til*; нуйг. *til*; кар. *tyl/til*; кар.К. *til*; кум. *til*; балк. *til*; тат. *tel*; башк. *tel*; ног. *til*; каз. *til*; ккалп. *til*; кирг. *til*; галт. *til*; туба *til*; леб. *til*; куманд. *til*. ПТ **dyl/*dil* 'язык' VEWT 478; EDT 489–90; ЭСТЯ 1980, 228–229; СИГТЯ 1997, 227.

89.1: tooth (зуб): як. *tīs*; тув. *diš*; тоф. *diš*; хак. *təs*; шор. *tiš*; сюг. *dys*; др.-тюрк. *tyš/tiš*; крх.-уйг. *tiš*; хал. *tiš*; тур. *diš*; гаг. *diš*; аз. *diš*; турк. *dīš*; сал. *ciš*; узб. *tiš*; нуйг. *čiš*; кар. *tyš*; кар.К. *tiš*; кум. *tiš*; балк. *tiš*; тат. *teš*; башк. *teš*; ног. *tis*; каз. *tis*; ккалп. *tis*; кирг. *tiš*; галт. *tiš*; туба *tiš*; леб. *tiš*; куманд. *tiš*. ПТ **dīĺ*

'зуб' VEWT 481; EDT 557, 564–565; ЭСТЯ 1980, 242–244; СИГТЯ 1997, 228.

89.2: tooth (зуб): чув. *šъl.* ПТ **sīĺ/*syĺ* 'зуб; вертел, острый колышек' VEWT 424; TMN III 324; EDT 856–857; Федотов II 440.

90.1: tree (дерево): чув. *jyvъs'*; як. *mas*; тув. *ǰjaš*; тоф. *neš*; хак. *ayas*; шор. *ayaš*; крх.-уйг. *ayač*; хал. *haγač*; тур. *ağaç*; гаг. *āč*; аз. *ağaç*; турк. *aGač*; кар. *ağaç*; тат. *agač*; башк. *ayas*; каз. *ayaš*; ккалп. *ayaš*; кирг. *ǰygač*; галт. *agaš*; туба *aŋyš*; леб. *agaš*; куманд. *agaš*. ПТ **aŋ'gač* 'дерево' (с увеличительным суфф.?) VEWT 7; ЭСТЯ 1974, 71–73; TMN II 73f; EDT 79–80; СИГТЯ 1997, 104.

90.2: tree (дерево): сюг. *terek*; кар.К. *deräk*; кум. *terek*; балк. *terek*; ног. *terek*. ПТ *dęrek 'тополь' VEWT 475; EDT 543; ЭСТЯ 1980, 205–206; СИГТЯ 1997, 105, 134–135 (скорее, не из иран., так как гипотеза о заимствовании сталкивается с фонетическими и семантическими трудностями; возможно, восходит к ПАлт. **čärikV* 'лиственное дерево' EDAL 393).

90.3: tree (дерево): др.-тюрк. *sögüt*. ПТ **següt* 'ива' EDT 819; VEWT 429; СИГТЯ 1997, 126; ЭСТЯ 2003, 313.

90.4: tree (дерево): сал. *dāl*. ПТ **dal* 'ветка; ива' EDT 489; VEWT 457; ЭСТЯ 1980, 130–131; СИГТЯ 1997, 125–126.

90.5: tree (дерево): узб. *daraxt*; нуйг. *däräx*. Из перс. *daraxt* 'дерево'.

91: two (два): чув. *ikke*; як. *ikki*; тув. *ǰji*; тоф. *i'hi*; хак. *eke*; шор. *ijgi*; сюг. *šigy*; др.-тюрк. *eki*; крх.-уйг. *eki*; хал. *äkki*; тур. *iki*; гаг. *iki*; аз. *iki*; турк. *iki*; сал. *išky*; узб. *ikki*; нуйг. *ikki*; кар. *eky*; кар.К. *eki*; кум. *eki*; балк. *eki*; тат. *ike*; башк. *ike*; ног. *eki*; каз. *eki*; ккалп. *eki*; кирг. *eki*; галт. *eki*; туба *ikki*; леб. *ekki*; куманд. *eki*. ПТ **ęk(k)i* 'два' VEWT 39; EDT 100–101; ЭСТЯ 1974, 337–339.

92.1: walk (go) (идти, ходить): чув. *pyr-*; як. *bar-*; тув. *bar-*; тоф. *bar-*; хак. *par-*; шор. *par-*; сюг. *bar-*; др.-тюрк. *bar-*; крх.-уйг. *bar-*; хал. *var-*; гаг. *var-*; турк. *bar-*; сал. *var-*; узб. *bor-*; нуйг. *bar-*; кар. *bar-*; кар.К. *bar-*; кум. *bar-*; балк. *bar-*; тат. *bar-*; башк. *bar-*; ног. *bar-*; каз. *bar-*; ккалп. *bar-*; кирг. *bar-*; галт. *bar-*; туба *par-*; куманд. *par-*. ПТ **bar-* 'ходить, идти' VEWT 62; ЭСТЯ 1978, 64–65; EDT 354.

92.2: walk (go) (идти, ходить): тув. *čuru-*; тоф. *čoru-*; хак. *čör-*; шор. *čör-*; др.-тюрк. *jory-*, *jüri-*; тур. *jürü-*; аз. *jeri-*; турк. *jöre-*; сал. *jör-*; узб. *jur-*; нуйг. *žür-(jür-)*; кар. *jürü-*; кар.К. *jürü-*; кум. *jürü-*; тат. *jörü-*; ног. *jürü-*; каз. *žürü-*; ккалп. *žür-*; кирг. *ǰür(ü)-*; туба *d'or-*; леб. *čor-*. ПТ **jory- / *jüri-* 'ходить, двигаться' VEWT 207, 213; EDT 957–958; ЭСТЯ 1989, 229–231; TMN IV 217–218.

92.3: walk (go) (идти, ходить): чув. *ot-*; балк. *atla-*. ПТ **āt-* 'шагать' VEWT 31; ЭСТЯ 1974, 88–89, 322; Федотов II 293–294.

92.4: walk (go) (идти, ходить): як. *is-*. ПТ **ēĺ-* 'копать, грести'. VEWT 51; EDT 255–256; ЭСТЯ 1974, 315–316.

92.5: walk (go) (идти, ходить): нуйг. *maŋ-*; леб. *maŋda-*. ПТ **baŋ-* 'идти рысью, скакать' EDT 766, 767; VEWT 326; ЭСТЯ 2003, 31.

92.6: walk (go) (идти, ходить): тур. *git-*; гаг. *git-*; аз. *get-*; турк. *git-*; сал. *Gi(t)-*; узб. *ket-*. ПТ **gejt-* 'уходить' VEWT 258; EDT 701; ЭСТЯ 1980, 39–40, 49–50.

92.7: walk (go) (идти, ходить): чув. *kaj-*. ПТ **Kej-* 'уходить' (чув. изолят с алтайскими параллелями, возводится к ПАлт. **kēju* 'проходить мимо, переходить' EDAL 658). Иначе в Федотов I 211–212; ср. также гипотезу М.Рясянена о заимствовании из мар. луг. *кай-*, горн. *ке-* то же VEWT 221 (мар. из ФВ **käwe* 'gehen' UEW 654).

92.8: walk (go) (идти, ходить): туба *bas-*. ПТ **bas-* 'давить' EDT 370–371; VEWT 64; ЭСТЯ 1978, 74–77; СИГТЯ 1997, 393, 571; Федотов I 448.

93.1: warm (теплый): як. *sylaas*; тув. *čylyg*; тоф. *čylyγ*; хак. *čylyγ*; шор. *čylyγ*; сюг. *ilyγ*; др.-тюрк. *jylyγ*; крх.-уйг. *jylyγ*; тур. *ylyk*; гаг. *yly*; турк. *jyly*; узб. *iliq*; нуйг. *illiq*; кар. *ily*; кум. *jyly*; балк. *žyly*; тат. *žyly*; башк. *jyly*; ног. *jyly*; каз. *žyly*; ккалп. *žylly*; кирг. *žyluu*; галт. *d'ylu*; туба *d'ylu*; леб. *jylyg*; куманд. *čylyg*. ПТ **jyly-g* 'теплый' от глагола **jyly-* 'быть теплым'. VEWT 200; EDT 919, 925; ЭСТЯ 1989, 275–276; СИГТЯ 1997, 21.

93.2: warm (теплый): чув. *ъžъ*; як. *itii*; хал. *hissi*; аз. *isti*; сал. *ysy*; узб. *issiq*; нуйг. *issiq*; кар.К. *issi*; кум. *issi*. ПТ **ysyg / *isig* 'горячий' от глагола **ysy-/*isi-* 'быть горячим'. VEWT 173–174; TMN 2,182; EDT 246; ЭСТЯ 1974, 668–671; СИГТЯ 1997, 19–20.

93.3: warm (теплый): турк. *majyl*. ПТ **bAn´yl* 'перезрелый, мягкий' EDT 772.

94: water (вода): чув. *šyv*; як. *ū*; тув. *sug*; тоф. *suγ*; хак. *suγ*; шор. *suγ*; сюг. *su*; др.-тюрк. *sub*; крх.-уйг. *suv*; хал. *suw*; тур. *su*; гаг. *su*; аз. *su*; турк. *suv*; сал. *su*; узб. *suv*; нуйг. *su*; кар. *su*; кар.К. *su*; кум. *suw*; балк. *suw*; тат. *su*; башк. *hyw*; ног. *suw*; каз. *suw*; ккалп. *suw*; кирг. *suu*; галт. *sū*; туба *suu*; леб. *su*; куманд. *sug*. ПТ **syb* 'вода' VEWT 431; TMN III 281–282; EDT 783–784; СИГТЯ 1997, 88; ЭСТЯ 2003, 325.

95: we (мы): чув. *ebir*; як. *bihigi*; тув. *bis*; тоф. *bi's*; хак. *pəs*; шор. *pis*; сюг. *mys*; др.-тюрк. *biz*; крх.-уйг. *biz*; хал. *biz*; тур. *biz*; гаг. *biz*; аз. *biz*; турк. *biz*; сал. *piser*; узб. *biz*; нуйг. *biz*; кар. *biz*; кар.К. *biz*; кум. *biz*; балк. *biz*; тат. *bez*; башк. *bez*; ног. *biz*; каз. *biz*; ккалп. *biz*; кирг. *biz*; галт. *biz*; туба *bis*; леб. *pis*; куманд. *pis*. ПТ **bi-r´* (форма дуализа?) EDT 388; ЭСТЯ 1978, 129–130; VEWT 333.

96: what (что): нув. *mən* (метатеза < **ne-me*); як. *tuoq* (**suox* < **če-gu+ok?*); тув. *čü(ve)* (**če-gü*, **čegü-me*); тоф. *čü*; хак. *nimä*; шор. *nō*; сюг. *ni*; др.-тюрк. *ne*; крх.-уйг. *ne*; хал. *ne*; тур. *ne*; гаг. *ne*; аз. *nä*; турк. *nāme*; сал. *neγ*; узб. *nima*; нуйг. *nimä*; кар. *ne*; кар.К. *ne*; кум. *ne*; балк. *ne*; тат. *ni,närsä*; башк. *ni*; ног. *ne*; каз. *ne*; ккалп. *ne*; кирг. *emne*; галт. *ne*; туба *ne*; леб. *ju*; куманд. *čugy*. ПТ **nē-* 'что' (уникальный корень с начальным носовым; в части языков дает j-образные рефлексы) VEWT 352; EDT 774–775; Stachowski 230–231; ЭСТЯ 2003; Федотов I 356.

97.1: white (белый): тув. *ak*; тоф. *aq*; хак. *ax*; шор. *aq*; сюг. *aq*; тур. *ak*; аз.

aG; турк. *āq*; сал. *aχ*; узб. *oq*; нуйг. *aq*; кар. *ak*; кар.К. *aq*; кум. *aq*; балк. *aq*; тат. *ak*; башк. *ak*; ног. *ak*; каз. *aq*; ккалп. *aq*; кирг. *ak*; галт. *ak*; туба *ak*; леб. *ak*; куманд. *ak*. ПТ **āk* 'белый' VEWT 12; TMN II 84–85; ЭСТЯ 1974, 116–117; EDT 75; СИГТЯ 1997, 598–599.

97.2: white (белый): чув. *šorъ*. ПТ **siāryg* 'желтый' VEWT 403–404; EDT 848; СИГТЯ 1997, 601; Федотов 2 462–463; ЭСТЯ 2003, 206.

97.3: white (белый): як. *ürüŋ*, др.-тюрк. *ürüŋ*, крх.-уйг. *ürüŋ*, хал. *hürün*. ПТ **ürüŋ* 'белый' EDT 233–234; СИГТЯ 1997, 601; Stachowski 253.

97.4: white (белый): тур. *beyaz*, гаг. *bijaz*. Из араб. *ʔabyad-*, *biyad-* 'белый'.

98: who (кто): чув. *kam*; як. *kim*; тув. *kym*; тоф. *kem*; хак. *kem*; шор. *kem*; сюг. *kym*; др.-тюрк. *kim*; крх.-уйг. *kim*; хал. *kim*; тур. *kim*; гаг. *kim'*; аз. *kim*; турк. *kim*; сал. *käm*; узб. *kim*; нуйг. *kim*; кар. *kym*; кар.К. *kim*; кум. *kim*; балк. *kim*; тат. *kem*; башк. *kem*; ног. *kim*; каз. *kim*; ккалп. *kim*; кирг. *kim*; галт. *kem*; туба *kim*; леб. *kem*; куманд. *kem*. ПТ **kim, *kem* (возможно, первоначальное соотношение гласных – прямая и косвенная основа) 'кто' VEWT 271; EDT 720–721; ЭСТЯ 1997, 67–68, 191–192.

99.1: woman (женщина): чув. *xər-(arъm)*, тат. *xatyn-kyz*, башк. *qatyn-qyz*, ног. *xatyn-kyz*. ПТ **Kȳr΄* 'девушка' VEWT 269; TMN III 569–570; EDT 679–680; СИГТЯ 1997, 295, 318; ЭСТЯ 2000, 190–191.

99.2: woman (женщина): тоф. *qo'rhyn΄aq*, гаг. *kary*. ПТ **Kạry* 'старуха' EDT 644; TMN III 440; ЭСТЯ 1997, 311–312, 314–316; СИГТЯ 1997, 84–85, Рас. ФиЛ 221.

99.3: woman (женщина): шор. *tiži*; кар. *tiši*, балк. *tiš-yryw*, леб. *tiži*. ПТ **diĺi* 'самка' VEWT 482; EDT 560–561; ЭСТЯ 1980, 244–245; СИГТЯ 1997, 315.

99.4: woman (женщина): тоф. *e'pši kišї*, хак. *ipčə*, др.-тюрк. *evčї*, галт. *öj kišї*, леб. *epčї*, куманд. *ug eezi*. Сложения и производные от ПТ **eb* 'дом' (букв. 'домашний', 'домашний человек').

99.5: woman (женщина): крх.-уйг. *urayut*. ПТ **urag-* 'самка', ср. *uryačy* 'самка' в ряде языков. EDT 218; VEWT 515; ЭСТЯ 1974, 603; СИГТЯ 1997, 315. Ср. ТМ **orun* 'сноха' ССТМЯ II 24. Иногда связывают с гипотетическим глаголом **ur-* 'рождать' (ср. **ur-ug, *ur-luk* 'семя, род', **ury* 'сын').

99.6: woman (женщина): сюг. *šəǯdyŋ*. Букв. 'волосатая', ПТ **s(i)ač* 'волосы на голове' VEWT 391; EDT 794; СИГТЯ 1997, 197; ЭСТЯ 2003, 216.

99.7: woman (женщина): хал. *kiši*. ПТ **kiĺi* 'человек' VEWT 272; EDT 752–753; ЭСТЯ 1997, 78–79; СИГТЯ 1997, 325. Гипотезу о причинах развития значения см. в Doerf.-Tez. 153.

99.8: woman (женщина): тув. *kaday*, тур. *kadyn*, аз. *Gadyn*, сал. *Gatyn kiš*, узб. *xotin*, нуйг. *xatun, xotun*, кар.К. *qatyn*, кум. *qatyn*, тат. *xatyn-kyz*, башк. *qatyn-qyz*, ног. *xatyn-kyz*, каз. *qatyn*, кирг. *katyn*, туба *kaat*. Ср. рунич.-тюрк., др.-уйг. *xatun* 'госпожа', крх.-уйг. *qatun* МК, ИМ, *xatun* Тефс., чаг., хорезм.-тюрк. *xatun*, ср.-кыпч. *xatun, qatun*, ст.-осм. *xatun*. Считается заимствованием из согд., где *xwt'y* 'правитель, господин', *xwt'yn* 'его жена'. EDT 602.

99.9: woman (женщина): туба *emegen*. Из монг. *eme-gen* ‘женщина, жена’ KWb 121; MGCD 259.

99.10: woman (женщина): як. *d’axtar*. Собственно якутское образование от заимствованного глагола *дьахай-* ‘хозяйничать’ (из монг. *ǰasa-* то же) Kał. 4; Попов I 172.

99.11: woman (женщина): тув. *xereežen*. Из монг. (бур. *xereehen*, букв. крещеный’).

99.12: woman (женщина): турк. *ajal*, нуйг. *ajal*, каз. *äjel*, ккалп. *xajal*, кирг. *ajal*. Из араб. *ʔayal* то же.

100.1: yellow (желтый): тув. *saryg*, тоф. *saryy*, хак. *saryy*, шор. *saryy*, сюг. *saryy*, др.-тюрк. *saryy*, крх.-уйг. *saryy*, тур. *sarı*, гаг. *sarı*, аз. *sarı*, турк. *sarı*, сал. *sa(:)ry*, узб. *sariq*, нуйг. *seriq*, кар. *sary*, кар.К. *sary*, кум. *sarı*, балк. *sarı*, тат. *sary*, башк. *hary*, ног. *sary*, каз. *sary*, ккалп. *sary*, кирг. *sary*, галт. *sary*, туба *sary*, леб. *saruu*, куманд. *sary*. ПТ **siāryg* ‘желтый’ VEWT 403–404; EDT 848; СИГТЯ 1997, 601; Федотов II 462–463; ЭСТЯ 2003, 206.

100.2: yellow (желтый): хал. *čaqir*. ПТ **čakyr* ‘светло-серый, серовато-голубой’ VEWT 96; TMN II 77; EDT 409; Федотов II 387, Doerf.-Tez. 98.

100.3: yellow (желтый): як. *saharxaj*. Производное от глагола *sahar-* ‘желтеть’, связанного с ПТ **jāĺ-yl* ‘зеленый’. ЭСТЯ 1989, 162; EDT 975, 976; Федотов II 134.

100.4: yellow (желтый): чув. *sarъ*. Заимствование из тат. *sary*, в противоположность собственному *šorъ* ‘белый’.

101.1: far (далекий): тув. *uzak*, сюг. *ozaq*, тур. *uzak*, гаг. *uzak*, аз. *uzaG*, турк. *uzaq*, узб. *uzoq*, нуйг. *uzaq*, кар.К. *uzaq*, кум. *uzaq*, балк. *uzaq*, ног. *uzak*, каз. *uzaq*, ккалп. *uzaq*, леб. *uzaq*. ПТ **ur´y-n, *ur´a-k* ‘длинный’, ‘далекий’, отглагольные производные от **ur´a-* ‘вытягивать’, см. выше.

101.2: far (далекий): як. *yrāq*, тув. *yrak*, тоф. *yraq*, хак. *yrak*, шор. *yraq*, сюг. *jyraq*, др.-тюрк. *jyraq*, крх.-уйг. *yraq*, хал. *hyraq*, гаг. *jyrak*, аз. *iraG*, сал. *jyrax*, узб. *jiroq*, нуйг. *ǰiraq*, кар. *jyrax*, кум. *jyraq*, тат. *jyrak*, башк. *jyrak*, кирг. *yraak*, галт. *yrāk*, туба *yraak*, леб. *yraaq*, куманд. *yraak*. ПТ **yra-k* ‘далекий’, производное от глагола **yra-* ‘быть далеким’. EDT 198, 214; ЭСТЯ 1989, 286–287.

101.3: far (далекий): чув. *ajakri*. Производное от *ajъk, ajak* ‘бок’, ПТ **ejekü* ‘бок, верхнее ребро’. Федотов I 78.

101.4: far (далекий): чув. *katari*. Производное от *katar-* ‘отодвигать’, каузатива к *kajt-* ‘уходить’, ПТ **gejt-* ‘уходить’ VEWT 258; EDT 701; ЭСТЯ 1980, 39–40, 49–50; Федотов I 238–239.

101.5: far (далекий): чув. *ins´e*. Производное на **-ča* от ПТ **eŋ* ‘очень’ VEWT 45; EDT 166; ЭСТЯ 1974, 365–366. Ср. Федотов I 169.

101.6: far (далекий): турк. *daš*. ПТ **daĺ* ‘наружный, снаружи’ VEWT 466; EDT 556–557; TMN II 511; ЭСТЯ 1980, 164–167.

101.7: far (далекий): каз. *qašyq*, ккалп. *qašyq*. Производные от *qaš-*, ПТ **Kač-* ‘убегать’ VEWT 217; ЭСТЯ 1997, 340–342.

101.8: far (далекий): сюг. *alys*; турк. *alys*; узб. *alis*; башк. *alys*; ног. *alys*; каз. *alys*; ккалп. *alys*. Из монг. **alu-s* 'на другой стороне' Less. 33, KWb 8; ЭСТЯ 1974, 147.

102.1: heavy (тяжелый): чув. *jyvъr*; як. *yar*; тув. *aar*; тоф. *ār*; хак. *ār*; шор. *ār*; сюг. *aɣyr*; др.-тюрк. *aɣyr*; крх.-уйг. *aɣyr*; хал. *aɣyr*; тур. *aɣyr*; гаг. *ār*; аз. *aɣyr*; турк. *aGyr*; сал. *aɣyr*; узб. *oɣir*; нуйг. *eɣir*; кар. *awur*; кар.К. *aɣyr*; кум. *awur*; балк. *awur*; тат. *awyr*; башк. *awyr*; ног. *avyr*; каз. *awyr*; ккалп. *awyr*; кирг. *oor*; галт. *ūr*; туба *ūr*; леб. *aar*; куманд. *aar*. ПТ **iagyr* 'тяжелый' VEWT 8; EDT 88–89; ЭСТЯ 1974, 85–87; Егоров 82–83; СИГТЯ 1997, 338–339.

102.2: heavy (тяжелый): чув. *solъmlъ*; сюг. *salyɣ*; башк. *halmaq*; каз. *salmaqty*; ккалп. *salmaqly*; кирг. *salmaq*. Производные с различными суффиксами от глагола **sal-* 'класть, кидать, опускать' VEWT 397; EDT 824; Федотов II 57; ЭСТЯ 2003, 173.

103.1: near (близкий): хак. *čaɣyn*; шор. *čaɣyn*; сюг. *jahGyn*; крх.-уйг. *jaqyn*; тур. *jakyn*; гаг. *jakyn*; аз. *jaxyn*; турк. *jaqȳn*; сал. *jaχyn*; узб. *jaqin*; нуйг. *jeqin*; кар.К. *jaqyn*; тат. *jakyn*; башк. *jakyn*; каз. *žaqyn*; ккалп. *žaqyn*; кирг. *žaqyn*; леб. *čaɣyn*. ПТ **jak-yn*, производное от **jak-* 'приближаться' VEWT 178, 180; EDT 896–899, 901, 904, 908–909; ЭСТЯ 1989, 63–64, 81, 84; TMN IV 179.

103.2: near (близкий): чув. *s'yvъx*; як. *čugas*; тув. *čook*; тоф. *čōɣaš*; др.-тюрк. *jaɣuq*; крх.-уйг. *jaɣuq*; хал. *joɣuq*; кар. *juvux*; кум. *juwuq*; балк. *žuuq*; ног. *juwyk*; галт. *d'ūk*; туба *d'ūk*. ПТ **jągu-k*, производное от **jągu-* 'приближаться' ЭСТЯ 1989, 62–63; EDT 898, 901.

103.3: near (близкий): куманд. *kyjynda*. Производное от глагола *kyj-* 'резать наискосок; обходить', ПТ **kyj-*; VEWT 261; ЭСТЯ 2000, 197–200.

103.4: near (близкий): хал. *qolaj*; турк. *Golaj*. ПТ **kol-a-j* 'находящийся под рукой, удобный', производное от **kol-a-*, отыменного глагола от **kol* 'рука' ЭСТЯ 2000, 46–47.

103.5: near (близкий): балк. *qaršy*. К ПТ **Kar-* 'напротив' VEWT 235; ЭСТЯ 1997, 294–295, 326–327; Федотов II 365–366.

104: salt (соль): чув. *tъ^{w}var*; як. *tūs*; тув. *dus*; тоф. *tus*; хак. *tus*; шор. *tus*; сюг. *duz*; др.-тюрк. *tuz*; крх.-уйг. *tuz*; хал. *tūz*; тур. *tuz*; гаг. *tuz*; аз. *duz*; турк. *dūz*; сал. *duz*; узб. *tuz*; нуйг. *tuz*; кар. *tuz*; кар.К. *tuz*; кум. *tuz*; балк. *tuz*; тат. *toz*; башк. *toz*; ног. *tuz*; каз. *tuz*; ккалп. *duz*; кирг. *tuz*; галт. *tus*; туба *tus*; леб. *tus*; куманд. *tus*. ПТ **dūr'* 'соль' VEWT 502; EDT 571; ЭСТЯ 1980, 288–289.

105.1: short (короткий): тув. *kyska*; тоф. *qysqa*; хак. *xysxa*; шор. *qysqa*; сюг. *GysGa, qysGa*; др.-тюрк. *qysqa/qysɣa*; крх.-уйг. *qysqa*; хал. *qysqa*; тур. *kysa*; гаг. *kysa*; аз. *Gysa*; турк. *GysGa*; сал. *qysGa*; узб. *qisqa*; нуйг. *qisqa*; кар. *qysxa*; кар.К. *qysqa*; кум. *qysɣa*; балк. *qysxa*; тат. *kyska*; башк. *kyska*; ног. *kyska*; каз. *qysqa*; ккалп. *qysqa*; кирг. *kyska*; галт. *kyska*; туба *kyska*; леб. *kyska*; куманд. *kyska*. ПТ **kys-ka*, производное от **kys-* 'сдавливать' VEWT 267; EDT 665–667; ЭСТЯ 2000, 251–253.

105.2: short (короткий): як. *kylgas*. ПТ **Kyl-* 'быть тонким, коротким',

чув. *xəldərke* 'худой, хилый, тонкий', хак. *xylbys*, каз. *qylmyj-*, кирг. *qylmyj-*, галт. *qylbyq, qylbys* VEWT 263; Stachowski 168.

105.3: short (короткий): башк. *toqor*. ПТ **Tok* 'комолый; бритоголовый' VEWT 485, 486 (но не из монг., вопреки Рясянену); EDT 464.

105.4: short (короткий): каз. *šolaq*, ккалп. *šolaq*. ПТ **čol-* 'убывать, иссякать; быть калекой' EDT 419–420; VEWT 115; TMN III 89, Дыбо1996, 152, Щербак 1997, 113.

105.5: short (короткий): тув. *čoldak*. Из галт. рефлекса предыдущего слова, *čoltuq* 'низкорослый'.

105.6: short (короткий): чув. *kəske*. Заимствование из тат. *kyska* то же. Ср. Федотов I 283–284; собственным рефлексом является *xəzək* 'узкий' Федотов II 347.

106.1: snake (змея): чув. *s'əlen*; тув. *čylan*; тоф. *čulan*; хак. *čylan*; шор. *čylan*; сюг. *jilan*; др.-тюрк. *jylan*; крх.-уйг. *jylan*; хал. *jilan*; тур. *jylan*; гаг. *jylan*; аз. *jylan*; турк. *jylān*; сал. *jilyn*; узб. *ilon*; нуйг. *ilan*; кар. *jylan*; кар.К. *jylan*; кум. *jylan*; балк. *žylan*; тат. *jylan*; башк. *jylan*; ног. *jylan*; каз. *žylan*; ккалп. *žylan*; кирг. *žylan*; галт. *d'ylan*; туба *d'ylan*; леб. *čylan*; куманд. *čylan*. ПТ **jyl-an* 'змея', производное от **jȳl-* 'ползать' VEWT 200; EDT 930–931; ЭСТЯ 1989, 40–41, 277; СИГТЯ 1997, 180, Щербак 1997, 164.

106.2: snake (змея): як. *erien üön*. Первое слово – «пестрый», второе – «червяк». Возможно, из ПТ **söjlen* 'червяк', которое может относиться к группе слов, объединяемых обычно в одну этимологию, хотя фонетические соотношения между ними крайне нерегулярны, по-видимому, из-за «хтонического» характера именуемого животного. См. ЭСТЯ 2003, 279, sub СОГУЛЖАН 'червь'.

107.1: thin (тонкий): чув. *s'inz'e*; як. *sin'niges*; тув. *čiŋge*; тоф. *ninge*; хак. *niske*; шор. *čiške*; сюг. *s'ike*; др.-тюрк. *jinčkä*; крх.-уйг. *jinčke*; тур. *inǰe*; гаг. *inǰä*; аз. *inǰä*; турк. *ïnče*; сал. *läšgi*; узб. *ingichka*; нуйг. *inčikä*; кар. *inčke*; кар.К. *inǰä*; кум. *inče*; балк. *inčge*; тат. *nečkä*; башк. *neskä*; ног. *jiŋiske*; каз. *žiŋiške*; ккалп. *žiŋiške*; кирг. *ičke*; галт. *čičke*; туба *čiške*; леб. *čičke*; куманд. *čičke*. ПТ **jiŋč-ge* 'тонкий' (о цилиндрических предметах) VEWT 203; EDT 944–945; ЭСТЯ 1974, 364–365.

107.2: thin (тонкий): чув. *s'üye*; тув. *čuga*; тоф. *čuya*; хак. *čuya*; шор. *čuya*; сюг. *juGa*; др.-тюрк. *juvqa*; крх.-уйг. *juqa*; турк. *jūqa*; сал. *joχba*; узб. *jupqa*; нуйг. *jupqa*; кум. *juqqa*; балк. *žuqa*; тат. *juka*; башк. *joka*; ног. *juka*; каз. *žuqa*; ккалп. *žuqa*; кирг. *žuka*; галт. *d'uka*; куманд. *čogačač*. ПТ **jubka* 'тонкий' (о плоских предметах) VEWT 209; TMN IV 211–212; EDT 874; ЭСТЯ 1989, 241–242.

107.3: thin (тонкий): туба *kylbyš*. ПТ **Kyl-* 'быть тонким, коротким', чув. *xəldərke* 'худой, хилый, тонкий', хак. *xylbys*, каз. *qylmyj-*, кирг. *qylmyj-*, галт. *qylbyq, qylbys* VEWT 263; Stachowski 168.

107.4: thin (тонкий): як. *čarās*; по-видимому, заимствование из тюркско-

го языка типа тувинского, ср. тув. *čarγaš* 'облезлая шкура; плацента' к ПТ **jar-kak* 'кожа, пленка'

107.5: thin (тонкий): хал. *nazuk*; из перс. *nāzuk* 'тонкий'. Doerf.-Tez. 165.

108.1: wind (ветер): чув. *s'il*; хак. *čil*; сюг. *jel*; др.-тюрк. *jel*; крх.-уйг. *jel*; хал. *jel*; тур. *jel*; аз. *jel*; турк. *jel*; сал. *jel*; кар. *jel*; кар.К. *jel*; кум. *jel*; балк. *žel*; тат. *žil*; башк. *jel*; ног. *jel*; каз. *žel*; ккалп. *žel*; кирг. *ǰel*; леб. *jel*. ПТ **jel* 'ветер' VEWT 195; EDT 916–917; ЭСТЯ 1989, 174–175; СИГТЯ 1997, 40.

108.2: wind (ветер): як. *tyal*. ПТ **dabul* 'буря, сильный ветер' VEWT 476; СИГТЯ 1997, 46–47.

108.3: wind (ветер): тув. *xat*; тоф. *qat*. ПТ **Kad* 'холод, вихрь' EDT 593; ЭСТЯ 1997, 193–194; СИГТЯ 1997, 46. Сомнительно заимствование из ПСамод. **kacu* 'вихрь', вопреки Helimski 1995.

108.4: wind (ветер): туба *šaŋmy*. Производное от ПТ **čaŋ* 'утренняя заря; туман, мгла'. ДТС 139; СИГТЯ 1997, 35, 36.

108.5: wind (ветер): шор. *salγyn*; галт. *salkyn*; туба *salkyn*; леб. *salqyn*; куманд. *salkyn*. Заимствование из монг. *salki(n)* 'ветер' (Less. 665).

108.6: wind (ветер): узб. *šamol*; нуйг. *šamal*. Из араб. *šamāl* 'северный ветер', см. VEWT 441.

108.7: wind (ветер): таг. *lüzgär*. Из перс. *rūzgār* VEWT 390.

109.1: worm (червяк): чув. *xurt*; тув. *kurt*; тоф. *qu'rt*; хак. *xurt*; шор. *qurt*; др.-тюрк. *qurt*; крх.-уйг. *qurt*; хал. *Gurt*; тур. *kurt*; таг. *kurt*; аз. *Gurd*; турк. *Gürt*; сал. *qut*; узб. *qurt*; нуйг. *qurut*; кар. *qurt*; кар.К. *qurt*; кум. *xurt*; балк. *qurt*; тат. *kort*; башк. *qort*; ног. *kurt*; каз. *qurt*; ккалп. *qurt*; кирг. *kurt*; галт. *kurt*; туба *kurt*; леб. *qurt*. ПТ **Kürt* 'червяк, гад' VEWT 303–304; EDT 648; СИГТЯ 1997, 181; ЭСТЯ 2000, 167–168; Федотов II 367–368.

109.2: worm (червяк): як. *üöŋ*; сал. *soγulǰyγ*; узб. *čuvalčang*; тат. *suwalčan*; башк. *seläwsen*; галт. *čojloškon*; туба *čojloškon*; леб. шоошкын; куманд. *čočkan*. Группа слов, объединяемых обычно в одну этимологию, хотя фонетические соотношения между ними крайне нерегулярны, по-видимому, из-за «хтонического» характера именуемого животного. См. ЭСТЯ 2003, 279, sub СОГУЛЖАН 'червь'.

109.3: worm (червяк): чув. *ъman*; чувашский изолят, возводимый к ПТ **uman*, имеет алтайские параллели (ПАлт. **p'[o]jamV* 'змея', см. АПиПЯЯ 91, 278).

109.4: worm (червяк): сюг. *qurahGe*; заимств. из монг., ср. шира-юйгу *xoroxGui* < ПМонг. *qoroqai* (Less. 970).

110.1: year (год): як. *syl*; тув. *čyl*; тоф. *čyl*; хак. *čyl*; шор. *čyl*; сюг. *jil*; др.-тюрк. *jyl*; крх.-уйг. *jyl*; хал. *jil*; тур. *jyl*; таг. *jyl*; аз. *jyl*; турк. *jyl*; сал. *jel*; узб. *jil*; нуйг. *jil*; кар. *jyl*; кар.К. *jyl*; кум. *jyl*; балк. *žyl*; тат. *jyl*; башк. *jyl*; ног. *jyl*; каз. *žyl*; ккалп. *žyl*; кирг. *ǰyl*; галт. *d'yl*; туба *d'yl*; куманд. *jyl*. ПТ **jyl* 'год' VEWT 200; EDT 917; ЭСТЯ 1989, 275; СИГТЯ 1997, 70–71.

110.2: year (год): чув. *s'ul*; туба *d'aš*; леб. *čaš*. ПТ **jāĺ* 'возраст, год' EDT 975–976; ЭСТЯ 1989, 161–163; Федотов II 130; TMN IV 97; СИГТЯ 1997, 84.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Аб. – *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.; Л., 1958–1995. Т. I–V.

Абд. Хор.Ш. – *Абдуллаев Ф.А.* Ўзбек тилининг Хоразм шевалари. Тошкент, 1961.

Абр. – *Абрамзон С. М.* Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л., 1971.

Абрамян – *Абрамян Р.* Пехлевийско-персидско-армяно-русско-английский словарь. Ереван, 1965.

Абуш. (Abšk) – *Вельяминов-Зернов В.В.* Словарь джагатайско-турецкий. СПб., 1868.

Аврорин 2000 – *Аврорин В.А.* Грамматика маньчжурского письменного языка. СПб., 2000.

Аврорин–Лебедева – *Аврорин В.А., Лебедева Е.П.* Орочские тексты и словарь. Л., 1978.

Азим. – *Азимов П.А.* Туркменско-русский словарь. М., 1988.

Акиш. – *Акишев К.А.* К генезису традиционной культуры казахов // Культура кочевников на рубеже веков (XIX–XX, XX–XXI вв.): Проблема генезиса и трансформации. Алматы, 1995.

Алатырев 1967 – *Алатырев В.И.* Из пермской этимологии // Вопросы финно-угорского языкознания 4: 42–53, М., 1967.

Алексеенко 1967 – *Алексеенко Е.А.* Кеты. Л., 1967.

Алиев–Бориев – *Алиев А., Бориев К.* Русско-туркменский словарь. Ашхабад, 1929.

Ал.РФ – *Алексеев Н.А.* Ранние формы религии тюркских народов Сибири. Новосибирск, 1980.

Ал.ТР – *Алексеев Н.А.* Традиционные религиозные верования якутов в XIX – начале XX в. Новосибирск, 1975.

Ал.ТРС – *Алексеев Н.А.* Традиционные религиозные верования тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск, 1992.

Андреев 1961 – *Андреев И.А.* Причастие в чувашском языке. Чебоксары, 1961.

Андреев–Пещерева – *Андреев М.С., Пещерева Е.М.* Ягнобские тексты. М.; Л., 1957.

Ант. МИЛ – *Антонов Н.К.* Материалы по исторической лексике якутского языка. Якутск, 1971.

Ант. ОМК – *Антипина К.И.* Особенности материальной культуры и прикладного искусства южных киргизов. Фрунзе, 1962.

АПиПЯЯ – см. Старостин 1991.

Апп. – *Аппаев А.М.* Диалекты балкарского языка в их отношении к балкарскому литературному языку. Нальчик, 1960.

Апресян 1995 – *Апресян Ю.Д.* Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1995.

Аркадьев 2003 – *Аркадьев П.М.* Полисемия названий головы в славянских и германских языках в типологическом и историческом аспекте // Московский лингвистический журнал. М., 2002. Т. 6. № 1. С. 53–80.

Асам. НО – *Асамутдинова М.* Названия одежды и ее частей в узбекском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1969.

Асл. – *Асланов М.Г.* Афганско-русский словарь. М., 1966.

Афз. Парк. – *Афзалов Ш.* Ўзбек тилининг Паркент шеваси: Дис. ... канд. филол. наук. Тошкент, 1952.

Ахат. МДТЯ – *Ахатов Г.Х.* Мишарский диалект татарского языка. Уфа, 1980.

Ахмет. ОЛДК – *Ахметьянов Р.Г.* Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья. М., 1981.

Ахмет. ОЛМК – *Ахметьянов Р.Г.* Общая лексика материальной культуры народов Среднего Поволжья. М., 1989.

Ахмет. СИ – *Ахметьянов Р.Г.* Сравнительные исследования татарского и чувашского языков: Фонетика и лексика. М., 1978.

Ахметьянов 1979 – *Ахметьянов Р.Г.* Об отражении регулярного и исторического словообразования в татарско-русском словаре // Вопросы лексикологии и лексикографии татарского языка. Казань, 1976.

Ахметьянов 1989 – см. Ахмет. ОЛМК.

Ахметьянов 2001 – *Әхмәтьянов Р.Г.* Татар тәленең кыскача тарихи-этимологик сүзлеге. Казан, 2001.

Ашм. – *Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка. Казань; Чебоксары, 1928–1950. Вып. 1–17.

Ашмарин Мат. – *Ашмарин Н.И.* Материалы для исследования чувашского языка. Казань, 1898.

Аш.СЧЯ – см. Ашм.

АЭ – Алтайская этимология. Л., 1984.

Байжанов 1966 – *Байжанов Т.* Военная лексика в казахском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1966.

Бакаев – *Бакаев Ч.Х.* Курдско-русский словарь. М., 1957.

БАМРС – Большой академический монгольско-русский словарь: В 4 т. М., 2001–2003.

Баранов – *Баранов Х.К.* Арабско-русский словарь. М., 1957.

Барт. – *Бартольд В.В.* К истории орошения Туркестана // Бартольд В.В. Сочинения. М., 1965. Т. III.

Баск. 1952 – *Баскаков Н.А.* Каракалпакский язык. М., 1952. Т. II: Фонетика и морфология.

Баск.ДВ – *Баскаков Н.А.* Душа в древних верованиях тюрков Алтая: Термины, их значение, этимология // Советская этнография. 1973. №5.

Баск.–Инк.-Грекул – *Баскаков Н.А, Инкижекова-Грекул А.И.* Хакасский язык // Баскаков Н.А., Инкижекова-Грекул А.И. Хакасско-русский словарь. М., 1953.

Баск. Кум. – *Баскаков Н.А.* Диалект кумандинцев (Куманды-кижи): Грамматический очерк, тексты, переводы и словарь. М., 1972.

Баск. Леб. – *Баскаков Н.А.* Диалект лебединских татар-чалканцев (Куу-кижи): Грамматический очерк, тексты, переводы и словарь. М., 1975.

Баск. Туба – *Баскаков Н.А.* Диалект черневых татар (Туба-кижи): Грамматический очерк и словарь. М., 1966.

Баскаков 1940 – *Баскаков Н.А.* Ногайский язык и его диалекты. М.; Л., 1940.

Баскаков Алт. яз. – *Баскаков Н.А.* Алтайский язык. М., 1958.

Батманов 1959 – *Батманов И.А.* Язык енисейских памятников древнетюркской письменности. Фрунзе, 1959.

Башкорт – Башкортса-русса һүзлек. М., 1996. Т. I.

Баязитова 1984 – *Баязитова Ф.С.* Говоры татар-кряшен в сравнительном освещении. М., 1984.

Баял. – *Баялиева Т.Д.* Доисламские верования и их пережитки у киргизов. Фрунзе, 1972.

Бегалиев, Гаврилов (или БГ КазРСл.) – *Бегалиев Г., Гаврилов М.Ф.* Казахско-русский словарь. Алма-Ата, 1936.

Безер. – *Безертинов Р.* Тенгрианство – религия тюрков и монголов. Набережные Челны, 2000.

Бейбутова – *Бейбутова Р.А.* Стратификация киргизской военной лексики досоветского периода: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1988.

Бенвенист 1974 – *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М., 1974.

Бенин – *Бенин В.Л.* Очерки по культуре народов Башкортостана. Уфа, 1994.

Берг 1955 – *Берг Л.С.* Природа СССР. М., 1955.

Бигамбетов 1958 – *Бигамбетов М.* Қазақ тіліндегі шоуп атауларының кейбір мәселелері // Ученые записки Кзыл-Ордынского пединститута им. Н.В.Гоголя. Кзыл-Орда, 1958. Т. 4. С.155–171.

Бир. Фон. – *Бирюкович Р.М.* Звуковой строй чулымско-тюркского языка. М., 1979.

Бир.Чул. – см. Бир. Фон.

БК – памятник Бильге-кагану (см. ДТС XXII). Буквы E, W, N, S при цитируемых формах обозначают восточную, западную, северную и южную стороны стелы соответственно; следующие за ними цифры – номера строк.

Бор.Бад.– *Боровков А.К.* «Бада'и ʿал-луғат»: Словарь Ṭали ʿЙманиЕратского к сочинениям Алишера Навои. М., 1961.

Бор. ЛТ (или Tfs) – *Боровков А.К.* Лексика среднеазиатского тефсира XII–XIII веков. М., 1963.

Борһанова 1958 – *Борһанова Н.Б.* Үсемлек атамалары // ДС III. Казан, 1958.

Борһанова 1960 – *Борһанова Н.Б.* Үсемлек атамалары // ТТДС. Казан, 1960.

БРТС – Большой русско-турецкий словарь. М., 1998.

БРһ – Башкортса-русса һүзлек. М., 1996.

Буд. (или Будагов) – *Будагов Л.* Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. СПб., 1869. Т. I; СПб., 1871. Т. II.

Бурганова 1976 – *Бурганова Н.Б.* О татарских названиях растений // Вопросы лексикологии и лексикографии татарского языка. Казань, 1976.

Бурлак – *Бурлак С.А.* Историческая фонетика тохарских языков. М., 2000.

Бурлак, Старостин 2002 – *Бурлак С.А., Старостин С.А.* Введение в лингвистическую компаративистику. М., 2002.

Бутанаев 1981 – *Бутанаев В.Я.* Вооружение и военное дело хакасов в позднем средневековье // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1981. С. 188–198.

Бухарин 2002 – *Бухарин М.Д.* [Рецензия на книгу: *E. de la Vaissiere.* Histoire des marchands sogdiens. P., 2002] // Вестник древней истории. М., 12, 2004. С. 224–228.

Бhh – Башҡорт һөйләштәренең һүзлеге. Уфа, 1967. Т. I; Уфа, 1970. Т. II.

Вавилов 1959–1965 – *Вавилов Н.И.* Избранные труды. М.; Л., 1959–1965.

Вайн.ИЭТ – *Вайнштейн С.И.* Историческая этнография тувинцев: Проблемы кочевого хозяйства. М., 1972.

Валеев – *Валеев Д.Ж.* Нравственная культура башкирского народа: Прошлое и настоящее. Уфа, 1989.

Валихан. – *Валиханов Ч.Ч.* Следы шаманства у киргизов // Собр. соч.: В 5 т. Т. 1. Алма-Ата, 1961.

Валиханов 1961 – *Валиханов Ч.Ч.* Вооружения киргиз в древние времена и их военные доспехи. Собр. соч.: В 5 т. Т. 1. Алма-Ата, 1961.

Василевич (или Вас.ЭР) – *Василевич Г.М.* Эвенкийско-русский словарь. М., 1958.

Василевич 1969 – *Василевич Г.М.* Эвенки. Л., 1969.

Васильева Г.П. Переносное жилище туркмен // Приаралье в древности и средневековье. М., 1998.

Вел. Апшерон. (или Вел.) – *Велиев А.Г.* Говоры западных районов Апшеронского п-ова: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1952.

Верб. – *Вербицкий В.* Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка. Казань, 1884.

Веске – *Веске М.* Исследование о наречиях черемисского языка // Известия Императорского общества археологии, истории и этнографии. Т. VII. Казань, 1889.

Виноградов – *Виноградов В.* Киргизская народная музыка. Фрунзе, 1958.

ВИХЯ – Вопросы изучения хакасского языка и его диалектов. Абакан, 1954.

Вл. – *Владимирцов Б.Я.* Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия: Введение и фонетика. Л., 1929.

Владимирцов 1924 – *Владимирцов Б.Я.* Остатки причастия настоящего времени в монгольском языке // ДАН-В. 1924. № 2.

Вл.–Поп. 1924 – *Владимирцов Б.Я., Поппе Н.Н.* Из области вокализма монголо-турецкого праязыка // ДАН-В. 1924. Апрель–июнь.

Восточный Туркестан 1992 – Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье: Этнос, языки, религии. М., 1992.

Восточный Туркестан 1995 – Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье: Хозяйство, материальная культура. М., 1995.

Выготский, Лурия 1930 –*Выготский Л.С., Лурия А.Р.*. Этюды по истории поведения. М.; Л., 1930.

Вызго-Иванова – *Вызго-Иванова И.М.* Домра // Музыкальная энциклопедия / Отв.ред. Ю.В.Келдыш. Т. 2. М., 1974.

Вэньтун 1958 – *Мэн Вэньтун.* Чжоу Цинь шаошу миньцзу яньцзю (Исследование национальных меньшинств эпох Чжоу и Цинь). Шанхай, 1958.

Вят. – *Вяткина К.В.* Монголы МНР // Труды Института этнографии. Нов. сер. Т.10. М.; Л., 1969.

Габышева – *Габышева Л.Л.* Функции числительных в миропоэтическом тексте на материале олонхо // Язык–миф–культура народов Сибири. Якутск, 1988.

Габышева 2003 – *Габышева Л.Л.* Слово в контексте мифопоэтической картины мира (на материале языка и культуры якутов). М., 2003.

Гаджиева 1975 – *Гаджиева Н.З.* Проблемы тюркской ареальной лингвистики. М., 1975.

Гамкрелидзе–Иванов – *Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс.* Индоевропейский язык и индоевропейцы: Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Тбилиси, 1984. Кн. I–II.

Ганиев 1976 – *Ганиев Ф.А.* Суффиксальное образование глаголов в татарском языке. Казань, 1976.

Ганиев 2003 – *Ганиев Ф.А.* Способы действия глаголов в татарском языке. Казань, 2003.

Ган. (СС) – *Ганиев Ф.А.* Суффиксальное словообразование в современном татарском литературном языке. Казань, 1974.

Гараджаев 1978 – *Гараджаев Ч.* Военная лексика в туркменском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ашхабад, 1978.

Гар.БИС – *Гарипов Т.М.* – Башкирское именное словообразование. Уфа, 1959.

Гафф. – *Гаффаров М.А.* Персидско-русский словарь. Т. I. М., 1914; Т. II. М., 1927; переиздание: Т. I–II. М., 1974.

ГАЯ – Грамматика алтайского языка / Сост. членами алтайской миссии. Казань, 1869.

Герасимова, Величко 1982 – Палеография Европы за последние сто тысяч лет / Под ред. И.П.Герасимовой, А.А.Величко. М., 1982.

Гəһр.Нəс. – *Гəһрəманов Ч.* Нəсими «Диваны»нын лексикасы. Бакы, 1970.

Горелик 1993 – *Горелик М.В.* Оружие Древнего Востока. М., 1993.

Грач 1980 – *Грач А.Д.* Древние кочевники в центре Азии. М., 1980.

ГРМС – Гагаузско-русско-молдавский словарь. М., 1973.

Гр.–Ст.-К. – *Грюнберг А.Л., Стеблин-Каменский И.М.* Языки Восточного Гиндукуша: Ваханский язык. М., 1976.

Грум. – *Грумм-Гржимайло Г.Е.* Западная Монголия и Урянхайский край. СПб., 1881. Т. III. Вып. 2.

Грунин – *Грунин Т.И.* Документы на половецком языке XVI века: Судебные акты Каменец-подольской армянской общины. М., 1967.

Грунина 1991 – *Грунина Э.А.* Историческая грамматика турецкого языка. М.: Изд-во МГУ, 1991.

Грунина 1996 – *Грунина Э.А.* К истории тюркской темпоральной системы // Symbolae Turcologicae / Stokholm. Swedish research Institute in Istanbul. 1996.

Грунина 1999 – *Грунина Э.А.* Об одной архаичной форме глагольной системы турецкого языка // Вопросы тюркской филологии. Вып. IV. Материалы Дмитриевских чтений к 100-летию со дня рождения. М., 1999.

ГХЯ – Грамматика хакасского языка. М., 1976.

Дадабаев 1980 – *Дадабаев Х.* Военная лексика в староузбекском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1980.

Деревья и кустарники СССР 1966 – Деревья и кустарники СССР / Под ред. П.И.Лапина М., 1966.

Десницкая 1949 – *Десницкая А.В.* К вопросу о соотношении именных и глагольных основ в индоевропейских языках // Учен. зап. ЛГУ. Сер. филол. наук. Вып. 14. Л., 1949.

Джамалханов 1968 – *Джамалханов Х.* Из истории формирования и развития узбекской ботанической терминологии. Ташкент, 1968.

Джанг. Дманис. – *Джангидзе В.Т.* Дманисский говор казахского диалекта азербайджанского языка. Баку, 1965.

Джик. Туркмены – *Джикиев А.* Туркмены юго-восточного побережья Каспийского моря. Ашхабад, 1961.

Джураева 1975 – *Джураева Г.* Об омонимичных аффиксах в узбекском языке // СТ. 1975. № 1.

Джурт. – *Джуртубаев М.Ч.* Древние верования балкарцев и карачаевцев: (Краткий очерк). Нальчик, 1991.

Дмитриев 1940 – *Дмитриев Н.К.* Грамматика кумыкского языка. М.; Л., 1940.

Дмитриев 1948 – *Дмитриев Н.К.* Грамматика башкирского языка. М.; Л., 1948.

Дмитриев 1962 – *Дмитриев Н.К.* Строй тюркских языков. М., 1962.

Дмитриева 1979 – *Дмитриева Л.В.* Из этимологии названий растений в тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках // Исследования в области этимологии алтайских языков. Л., 1979.

Дмитриева 1979а – *Дмитриева Л.В.* Некоторые тюркские этимологии // Языки народов Сибири. Вып. 3. Кемерово, 1979.

Дмитриева 2001 – *Дмитриева Ю.* Чувашские народные названия дикорастущих растений. Debrecen, 2001.

Добродомов 1979 – *Добродомов И.Г.* Акцентологическая характеристика булгаризмов в славянских языках // СТ. 1979. № 5. С. 8–20.

ДС – Диалектологик сүзлек. Казан, 1948. Т. I; Казан, 1953. Т. II; Казан, 1958. Т. III.

ДСАз – Диалектологический словарь азербайджанского языка. Баку, 1964.

ДСБЯ – Диалектологический словарь башкирского языка. Уфа, 2002.

ДСТ – Диалектологический словарь татарского языка. Казань, 1969.

ДСЯЯз – Диалектологический словарь якутского языка. М., 1976.

ДТС – Древнетюркский словарь. Л., 1969.

Дульзон – *Дульзон А.П.* Чулымские татары и их язык. Томск, 1952.

Дульзон 1954 – см. Дульзон Терм.

Дульзон Терм. – *Дульзон А.П.* Термины родства и свойства в языках Нарымского края и Причулымья // Учен. зап. Томского гос. пед. института. 1954. Т. XI.

Дыбо УрЗ – *Дыбо А.В.* Заимствования из уральских языков в анатомической лексике алтайских языков // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. М., 1989.

Дыбо 1985 – *Дыбо А.В.* К праалтайской реконструкции названий частей тела // Теория и практика этимологических исследований. М., 1985.

Дыбо 1988, 1 – *Дыбо А.В.* Этимологический материал к реконструкции пратунгусоманьчжурских названий частей тела // Синхрония и диахрония в лингвистических исследованиях. М., 1988. Ч. I.

Дыбо 1988, 2 – *Дыбо А.В.* Применение лингвогеографического анализа в этимологии // Там же.

Дыбо *t, *d (или Дыбо 1991) – *Дыбо А.В.* Тюркские *t, *d // Славистика. Индоевропеистика. Ностратика. М., 1991.

Дыбо 1995 – *Дыбо А.В.* Пальцевые меры длины (пяди) в алтайских языках // Этноязыковая и этнокультурная история Восточной Европы. М., 1995.

Дыбо 1996 – *Дыбо А.В.* Семантическая реконструкция в алтайской этимологии. Семантические термины (плечевой пояс). М., 1996.

Дыбо 1999 – *Дыбо В.А.* Язык – этнос – археологическая культура: (Несколько мыслей по поводу индоевропейской проблемы. II) // Язык как транслятор культуры / Российская академия наук. Научный совет по истории мировой культуры. М., 1999. С. 50–100.

Дыбо 2003 – *Dybo A.V.* Turco-Tocharica and Turco-Sakica renewed // Proceedings of the 45th meeting of the Permanent International Altaistic Conference (Budapest, 2002). Budapest, 2003.

Дыр. (или Дыр.Шор.) – *Дыренкова Н.П.* Грамматика шорского языка. М.; Л., 1941.

Дыр. ГОЯ – *Дыренкова Н.П.* Грамматика ойротского языка. М.; Л., 1940.

Дыр.УТП – *Дыренкова Н.П.* Умай в культе турецких племен // Культура и письменность Востока. Баку, 1928. Т. 3.

Дыр.Хак. – *Дыренкова Н.П.* Грамматика хакасского языка: Фонетика и морфология. Абакан, 1948.

Дыр. ШФ – *Дыренкова Н.П.* Шорский фольклор. М.; Л., 1940.

Дьяк.ПОТув. – *Дьяконова В.П.* Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. Л., 1975.

Дьяч. – *Дьячковский Н.Д.* Звуковой строй якутского языка. Якутск, 1971. Ч. I: Вокализм.

Дьячковский II – *Дьячковский Н.Д.* Звуковой строй якутского языка. Якутск, 1977. Ч. II: Консонантизм.

Дьячок 2001 – *Дьячок М.Т.* Глоттохронология тюркских языков (предварительный анализ) // Наука. Университет. 2001: Материалы Второй научной конференции. Новосибирск, 2001.

Е (или Ен.) – Енисейские памятники – надписи орхоно-енисейским письмом (первая цифра – номер памятника, вторая – номер строки; см. ДТС XXII–XXVII).

Егоров 1957 – *Егоров В.Г.* Глагол // Материалы по грамматике современного чувашского языка. Чебоксары, 1957. Ч. 1: Морфология.

Егор. (или ЭСЧЯ) – *Егоров В.Г.* Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964.

Жарибметов 1976 – *Жарибметов А.* Тюркизмы в русских названиях растений. М., 1976.

Жарибметов 1980 – *Жарибметов А.* Тюркские лексические элементы в русской номенклатуре растений. Нукус, 1980.

Жирмун. – *Жирмунский В.М.* Сказание об Алпамыше и богатырская сказка. М.; Л., 1960.

Жуковская – *Жуковская Н.Л.* Категории и символика традиционной культуры монголов. М., 1988.

Жуковская 2002 – *Жуковская Н.Л.* Кочевники Монголии: Культура, традиции, символика. М., 2002.

Жуковский – *Жуковский В.А.* Материалы для изучения персидских наречий. СПб., 1888. Ч. I; Пг., 1922. Ч. II; Пг., 1922. Ч. III.

Жўр.ТКШ – *Жўраев Х.* Ўзбек тили турк – калтатой шевасининг фонетик ва лексик хусусиятлари. Тошкент, 1981.

Заднепровский 1997 – *Заднепровский Ю.А.* Пути миграции юэчжей по новым археологическим данным // Заднепровский Ю.А. Древние номады Центральной Азии: Сборник статей. СПб., 1997.

Зай.СК – *Зайончковский А.* К вопросу о структуре корня в тюркских языках // ВЯ. 1961. № 2.

Зарубин – *Зарубин И.И.* Шугнанские тексты и словарь. М.; Л., 1960.

Иванов, Названия металлов – *Иванов Вяч.Вс.* Проблемы истории металлов на Древнем Востоке в свете данных лингвистики // Историко-филологический журнал. 1976. №4 (75).

Иванов 1981 – *Иванов Вяч.Вс.* Славянский, балтийский и раннебалтийский глагол: Индоевропейские истоки. М., 1981.

Из. дар – Изысканный дар тюркскому языку: Грамматический трактат XIV в. на арабском языке. Ташкент, 1978.

Илл.-Св. 1963 (или Иллич-Свитыч, Дент.) – *Иллич-Свитыч В.М.* Алтайские дентальные: *t, d, δ* // ВЯ. 1963. № 6.

Илл.-Св. 1965 – *Иллич-Свитыч В.М.* Алтайские гуттуральные: **k, *k, *g* // Этимология 1964. М., 1965.

Илл.-Св. (МССНЯ) 1967 – *Иллич-Свитыч В.М.* Материалы к сравнительному словарю ностратических языков // Этимология 1965. М., 1967.

Илл.-Св. (ОСНЯ) I, II – *Иллич-Свитыч В.М.* Опыт сравнения ностратических языков. М., 1971. Т. I; М., 1976. Т. II.

ИМ – Монгольские глоссы в словаре Ибн Муханны, см. МА.

Инкиж. Саг. – *Инкижекова А.И.* Сагайский диалект хакасского языка: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1948.

ИРЛТЯ – Историческое развитие лексики тюркских языков. М., 1961.

Ис.Баш. – История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX в. / Отв. ред. Х.Ф.Усманов. Уфа, 1997.

Исанбет – *Исанбет Н.* Татарские народные пословицы. Казань, 1952. Т. 1; 1963. Т. 2; 1967. Т. 3 (на тат. яз.).

Исх.–Пальм. – *Исхаков Ф.Г., Пальмбах А.А.* Грамматика тувинского языка: Фонетика и морфология. М., 1961.

КА – *Курнешко-Таннагашева Н.Н., Апонькин Ф.Я.* Шорско-русский и русско-шорский словарь. Кемерово, 1993.

КазРСл. – Казахско-русский словарь / Под ред. Р.Г.Сыздыковой, К.Ш.Хусаина. Алматы, 2002.

Кайдаров – *Кайдаров А.* Краткий грамматический очерк уйгурского языка // Уйгурско-русский словарь. Алма-Ата, 1961.

Калиев 1991 – *Калиев Б.К.* Названия растений в казахском языке. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Алма-Ата, 1991.

Карамшоев – *Карамшоев Д.* Шугнанско-русский словарь. М., 1988. Т.1; М., 1991. Т. 2; М., 1999. Т. 3.

Карутц – *Карутц Р.* Среди казахов и туркмен на Мангышлаке. СПб., 1919.

Кацнельсон 1972 – *Кацнельсон С.Д.* Типология языка и речевое мышление. Л., 1972.

КБ (б., м.) – материал рукописи «Кутадгу Билиг» (большая надпись, малая надпись). См. CI.EDT.

КБРС – Карачаево-балкарско-русский словарь. Нальчик, 1985.

Квитка II – *Квитка К.* Этнографическое распространение пентатоники в Советском Союзе // Избр. труды: В 2 т. М., 1973. Т. II. С. 47–65.

Кенесбаев – *Кенесбаев С.* Қазақ тілінің фразеологиялық сөздігі. Алматы, 1977.

Киселев 1951 – *Киселев В.* Древняя история Южной Сибири. М., 1951.

ККРС – Каракалпакско-русский словарь / Под ред. Н.А.Баскакова. М., 1958.

Кляшторный – *Кляшторный С.Г.* Мифологические сюжеты в древнетюркских памятниках // Тюркологический сборник 1997. М., 1981.

Кляшторный 1989 – *Кляшторный С.Г.* Гуннская держава на востоке // История древнего мира. Упадок древних обществ. М., 1989.

Кляшторный–Савинов 1998 – *Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г.* Пазырыкская узда. К предыстории хуннско-юэчжийских войн // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург: Материалы Всероссийской научной

конференции, посвященной 70-летию со дня рождения А. Д.Грача. Декабрь 1998 г. СПб., 1998.

Ковалев 1999 – *Ковалев А.А.* О связях населения Саяно-Алтая и Ордоса в V–III веках до н.э. // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999.

Козин СС – *Козин С.А.* Сокровенное сказание. М.; Л., 1941.

Кононов 1969 – *Кононов А.Н.* Показатели собирательности – множественности в тюркских языках. М., 1969.

Кононов 1975 – *Кононов А.Н.* Актуальные тюркологические заметки // СТ. 1975. № 2.

Кон.ГЯТРП (или Кононов 1980) – *Кононов А.Н.* Грамматика языка тюркских рунических памятников VII–IX вв. Л., 1980.

Кон.Узб. (или Кононов 1960) – *Кононов А. Н.* Грамматика современного узбекского литературного языка. М.; Л., 1960.

Константинова 1964 – *Константинова О.А.* Эвенкийский язык: Фонетика, морфология. М.; Л., 1964.

Кормушин 1968 – *Кормушин И.В.* Категория каузатива в алтайских языках / Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1968.

Кормушин 1978 – *Кормушин И.В.* Каузативные формы глагола в алтайских языках // Очерки сравнительной морфологии алтайских языков. Л., 1978.

Кормушин 1984 – *Кормушин И.В.* Системы времен глагола в алтайских языках. М., 1984.

Кормушин 1988 – *Кормушин И.В.* Категория времени // СИГТЯ 1988. С. 368-423.

Кормушин 1991 – *Кормушин И.В.* Проблемы реконструкции пратюркского глагола: Темпоральная система, ее истоки и преобразования. М., 1991.

Кормушин 1997 – *Кормушин И.В.* Тюркские енисейские эпитафии: Тексты и исследования. М., 1997.

Котв. Иссл. – *Котвич В.Л.* Исследования по алтайским языкам. М., 1962.

Крюков и др. 1983 – *Крюков М.В., Переломов Л.С., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н.* Древние китайцы в эпоху централизованных империй. М., 1983.

КС – см. Старостин 1995.

КСТТ – *Тумашева Д.Г.* Көнбатыш Себер татарлары теле: Грамматик очерк һәм сүзлек. Казан, 1961.

КТ (КТм, КТб) – памятник в честь Кюль Тегина – малая и большая надписи (см. ДТС XXVII). Буквы E, W, N, S при цитируемых формах обозначают восточную, западную, северную и южную стороны стелы соответственно; следующие за ними цифры – номера строк.

КТГ – Кыргыз тилинин грамматикасы: Морфология. Фрунзе, 1964.

ҚТДС – Қазақ тілінің диалектологиялық сөздігі. Алматы, 1969.

ҚТТС – Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі. Алматы, 1959–1986. Т. 1–10.

Кубарев 1987 – *Кубарев В.Д.* Курганы Уландрыка. Новосибирск, 1987.

Кулиев 1987 – *Кулиев Э.С.* Фитонимы в азербайджанском языке. Баку, 1987.

Курбанов 2000 – *Курбанов К.* Кобыз в традициях Центральной Азии // Вестник каракалпакского отделения АН Республики Узбекистан. 2000. №6–7. С. 170–171.

Курдоев – *Курдоев К.К.* Курдско-русский словарь. М., 1960.

Куренов Ставр. – *Куренов С.* Особенности туркменского говора Северного Кавказа (Ставрополя). Ашхабад, 1959. I, II.

КЧ – памятник Кули-чуру (см. ДТС XXVII).

Кызласов – *Кызласов Л.Р.* История Тувы в средние века. М., 1969.

КЭСК – см. Лыткин–Гуляев.

Левитская 1976 (или Левитская ИМЧЯ) – *Левитская Л.С.* Историческая морфология чувашского языка. М., 1976.

Липин 1954 – *Липин Л.А.* Аккадский язык. М., 1964.

Лит.КСФ – *Литвинский Б.А.* Кангюйско-сарматский фарн // К историко-культурным связям племен Южной России и Средней Азии. Душанбе, 1968.

ЛОК – легенда об Огуз-кагане (XIV в.), см. ДТС XXVIII.

Лыткин–Гуляев – *Лыткин В.И., Гуляев Е.С.* Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970.

МА – *Поппе Н.Н.* Монгольский словарь Муккадимат ал-адаб. Ч. I–II // Труды Ин-та востоковедения АН СССР. М.; Л., 1938. Вып. XIV.

Мав. Араб. – *Мавыев Н.* Түркмен дилиниң арабачы диалекти. Ашгабат, 1987.

Мал. (или Мал. ПДП) – *Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности: Тексты и исследования. М.; Л., 1951.

Мал.ЕПТ – *Малов С.Е.* Енисейская письменность тюрков: Тексты и переводы. М.; Л., 1952.

Мал.Лобн. – *Малов С.Е.* Лобнорский язык: Тексты, переводы, словарь. Фрунзе, 1956.

Мал. ПМК (или ПМК) – *Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.; Л., 1959.

Мал. УНС – *Малов С.Е.* Уйгурские наречия Синьцзяна. М., 1961.

Мал. УЯ – *Малов С.Е.* Уйгурский язык: Хамийское наречие. М.; Л., 1954.

Мал.ШК – *Малов С.Е.* Шаманский камень «ядá» у тюрков Западного Китая // СЭ. 1947. № 1.

Мал. ЯЖУ – *Малов С.Е.* Язык желтых уйгуров: Словарь, грамматика. Алма-Ата, 1957.

Март-оол – *Март-оол, Сайзана.* Персоналии тувинских шаманов (Шаман Тойдук-хам) и проблема создания биографической базы данных сибирских шаманов //Seres Lectionum Studiorumque Instituti Asiae Interioris. Budapest, 2002. Vol. I.

Маслов 1973 – *Маслов Ю.С.* Универсальные семантические компоненты в содержании грамматической категории совершенного/несовершенного вида // Советское славяноведение. 1973. № 4.

Махмутов – *Махмутов Х.Ш.* Афористические жанры татарского фольклора: Дис. ... д-ра филол. наук. Казань, 1995.

Махмутова 1976 – *Махмутова Л.Т.* Некоторые наблюдения над лексикой мишарских говоров // Вопросы лексикологии и лексикографии татарского языка. Казань, 1976.

Мел. АФ (или АФ) – *Мелиоранский П.М.* Араб филолог о турецком языке. СПб., 1900.

Мельников 1969 – *Мельников Г.П.* Языковая стратификация и классификация языков // Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. М., 1969.

Мельников 1971 – *Мельников Г.П.* Алтайская гипотеза с позиций системной лингвистики // Проблема общности алтайских языков. Л., 1971.

Мельников 1978 – *Мельников Г.П.* Системология и языковые аспекты кибернетики. М., 1978.

Мельников 2003 – *Мельников Г.П.* Системная типология языков: Принципы, методы, модели. М., 2003.

Менг. ВЭ – *Менгес К.Г.* Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». Л., 1979.

Мещанинов 1948 – *Мещанинов И.И.* Глагол. М.; Л., 1948.

МИ – Материалы и исследования по балкарской диалектологии, лексике и фольклору. Нальчик, 1962.

Миняев 1991 – *Миняев С.С.* К хронологии и периодизации скифских памятников Ордоса // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири: Тезисы докладов к Всесоюзной научной конференции. Барнаул, 1991.

Мирж. ЮД – *Миржанова С.Ф.* Южный диалект башкирского языка. М., 1979.

МИФТЯ – см. Ряс.Мат.

Мифы народов мира – Мифы народов мира: Энциклопедия / Под ред. С.А.Токарева. М., 1980. Т. 1; М., 1982. Т 2.

МК – словарь Махмуда Кашгарского (см. ДТС XXVIII); римская и арабская цифры при цитатах из МК указывают на том и страницу тома турецкого перевода; две арабские цифры, разделенные дефисом, указывают на страницу и строку факсимиле.

Млекопитающие СССР – *Флинт В.Е., Чугунов Ю.Д., Смирин В.М.* Млекопитающие СССР. М., 1970.

Молч. ТСГА – *Молчанова О.Т.* Топонимический словарь Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1979.

Молчанова 1982 – *Молчанова О.Т.* Структурные типы топонимов Горного Алтая. Саратов, 1982.

Мохир (или Мох.) – *Мохир М.В.* Кумыкско-русский словарь // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1893. Вып. XVII.

МС – Мифологический словарь / Отв. ред. Е.М.Мелетинский. М., 1991.

Мудрак 1989 – *Мудрак О.А.* Специфические дробления консонантных рефлексов в чувашском // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. М., 1989. Ч. I.

Мудрак 1993 – *Мудрак О.А.* Исторические соответствия чувашских и тюркских гласных: Опыт реконструкции и интерпретации. М., 1993.

Мудрак 1994 – *Мудрак О.А.* Обособленный язык и проблема реконструкции праязыка. Дис. ... д-ра филол. наук. М., 1994.

Мудрак 2004 – *Мудрак О.А.* Развитие тюркского **а* в узбекском языке // Алтайские языки и восточная филология: К 83-летию Э.Р.Тенишева. М., 2005.

Мурз. 1966 – *Мурзаев Э.М.* Природа Синьцзяна и формирование пустынь Центральной Азии. М., 1966.

Мурз. 1984 – *Мурзаев Э.М.* Словарь народных географических терминов. М., 1984.

Мурз. 1996 – *Мурзаев Э.М.* Тюркские географические названия. М., 1996.

Мус. – *Мусаев К.М.* Лексика тюркских языков в сравнительном освещении. М., 1975.

Мус.ПБ – *Мусаев К.* Проблемы перевода библейских имен Бога // Перевод Библии: Лингвистические, историко-культурные и богословские аспекты: Материалы конференции. Москва, 28–29 ноября 1994 г. М., 1996.

Мухабб. – *Наджип Э.Н.* Хорезми. Мухаббат-наме. М., 1961.

МЧ – Памятник Моюн-чуру.

Надж. Совр. уйг. яз. – *Наджип Э.Н.* Современный уйгурский язык. М., 1960.

Надж. УРСл. – *Наджип Э.Н.* Уйгурско-русский словарь. М., 1968.

НАЛ– Навоий асарлари луғати. Тошкент, 1972.

Народы Сибири. М.; Л., 1956.

Нарт. Сарык – *Нартыев Н.* Түркмен дилиниң сарык диалекти: Дис. ... канд. филол. наук. Чәрҗев, 1959.

Насилов В.М. 1963 – *Насилов В.М.* Древнеуйгурский язык. М., 1963.

Насилов 1971 – *Насилов Д.М.* О способах выражения видовых значений в алтайских языках // Проблемы общности алтайских языков. Л., 1971.

Насилов 1976 – *Насилов Д.М.* Еще раз о виде: К истории вопроса // Turcologica. Л., 1976.

Насилов 1978а – *Насилов Д.М.* Формы выражения способов глагольного действия в алтайских языках // Очерки сравнительной морфологии алтайских языков. Л., 1978.

Насилов 1978б – *Насилов Д.М.* К проблеме тождества аффиксов в алтайских языках // Тюркологический сборник 1975. М., 1978.

Невская 1979 – *Невская Л.Г.* Дом в литовской загадке // Balcanica. Лингвистические исследования. М., 1979.

Недялков 1976 – *Недялков В.П.* Типология деагентивных рефлексивных конструкций // Проблемы синтаксической семантики. М., 1976.

Нейштадт 1963 – *Нейштадт Н.И.* Определитель растений. М., 1963.

Никитина, Кукушкина 2000 – *Никитина С.Е., Кукушкина Е.Ю.* Дом в

свадебных причитаниях и духовных стихах: Опыт тезаурусного описания. М., 2000.

Ник.КТС – *Никонов В.А.* Краткий топонимический словарь. М., 1966.

Номин.Матер. – *Номинханов Ц.-Д.* Материалы к изучению истории калмыцкого языка. М., 1975.

Онгин. – Онгинский памятник.

ОКС – Обычаи киргизов Семипалатинской области // Русский вестник. Т. 137. М., 1878.

ОРС – *Баскаков Н.А., Тощакова Т.М.* Ойротско-русский словарь. М., 1947.

ОСНЯ – *Иллич-Свитыч В.М.* Опыт сравнения ностратических языков. Т. I: Введение. Сравнительный словарь. *b – k.* М., 1971; Т. II: Сравнительный словарь. *l – ǯ.* М., 1976; Т. III: Сравнительный словарь. *p – q.* М., 1984.

Отар. НО – *Отаров И.М.* Названия одежды в карачаево-балкарском языке // Исследования по карачаево-балкарскому языку. Нальчик, 1977.

ОФУЯз. (I, II, III) – Основы финно-угорского языкознания. М., 1974–1976. Т. I–III.

Павл. – *Павловский А.* Несколько слов о демонологии якутов // ИВСОРГО. 1870. Т.1. Вып. 3.

Пахалина Вах. – *Пахалина Т.Н.* Ваханский язык. М., 1975.

Пахалина Сар. – *Пахалина Т.Н.* Сарыкольский язык.М., 1966.

Пек. – *Пекарский Э.К.* Словарь якутского языка. [Б.м.], 1959. Т. I–III (фототип).

Перельмутер 1995 – *Перельмутер И.А.* Залог древнегреческого глагола: Теория, генезис, история. СПб., 1995.

Покр. – *Покровская Л.А.* Термины родства в тюркских языках // ИРЛТЯ. М., 1961.

Поливанов 1968 – *Поливанов Е.Д.* Статьи по общему языкознанию. М., 1968.

Полосьмак 1994 – *Полосьмак Н.В.* «Стерегущие золото грифы» (акалахинские курганы). Новосибирск, 1994.

Полосьмак 1994а – *Полосьмак Н.В.* Пазырыкская культура // Древние культуры Бертекской долины. Новосибирск, 1994.

Полосьмак 1994б – *Полосьмак Н.В.* Погребение знатной пазырыкской женщины на плато Укок (предварительное сообщение) // Altaica. Вып. 4. Новосибирск, 1994.

Поп. ЧЯ – *Поппе Н.Н.* Чувашский язык и его отношение к монгольскому и тюркским языкам // ИРАН. 1924. Т. 18. № 12–18; 1925. Т. 19. № 1–5, № 9–11.

Попов Г.В. – Этимологический словарь якутского языка / Под ред. Г.В.Попова. Т. I. Новосибирск, 2003.

Потанин 1916 – *Потанин Г.Н.* Эрке. Культ сына Неба в Северной Азии. Томск, 1916.

Пот.АШ – *Потапов Л.П.* Алтайский шаманизм. Л., 1991.

Пот.УБ – *Потапов Л.П.* Умай – божество древних тюрков в свете этнографических данных // Тюркологический сборник 1972. М., 1973.

Поцелуевский 1975 – *Поцелуевский А.П.* Избранные труды / Подг. к печати Б.Ч.Чарыяров, С.Куренов, Е.А.Поцелуевский. Ашхабад, 1975.

Пюрбеев – *Пюрбеев Г.Ц.* Эпос «Джангар»: Культура и язык. Элиста, 1993.

Пюрб. ТС – *Пюрбеев Г.Ц.* Толковый словарь традиционного быта калмыков. Элиста, 1996.

Р – *Радлов В.В.* Опыт словаря тюркских наречий: В 4 т. СПб., 1899–1911.

Радж. Карнаб. – *Раджабов Н.* Карнабский говор узбекского языка: Дис. ... канд. филол. наук. Самарканд, 1958.

Рам. (или Рам. 1957) – *Рамстедт Г.* Введение в алтайское языкознание: Морфология. М., 1957.

Рамазанов 1964 – *Рамазанов Ш.А.* Татар теле буенча очерклар. Казан, 1964.

Рас. (или Рас. ФиЛ) – *Рассадин В.И.* Фонетика и лексика тофаларского языка. Улан-Удэ, 1971.

Рас. МБЗ – *Рассадин В.И.* Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках. М., 1980.

Рас. ПО – *Рассадин В.И.* Проблемы общности в тюркских языках Саяно-Алтайского региона // Тюркологический сборник–1977. М., 1981.

Расторгуева–Эдельман – *Расторгуева В.С., Эдельман Д.И.* Этимологический словарь иранских языков. М., 2000. Т. I.; М., 2003. Т. II.

Решетов 1961 – *Решетов В.В.* Основы фонетики, морфологии и синтаксиса узбекского языка. Ташкент, 1961.

Решетов 1966 – *Решетов В.В.* Узбекский язык // Языки народов СССР. М., 1966. Т. II: Тюркские языки.

Руденко 1953 – *Руденко С.И.* Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л., 1953.

Руденко 1960 – *Руденко С.И.* Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л., 1960.

Ряс. Мат. (или Рясянен ИФТЯ) – *Рясянен М.* Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1955.

Садоков – *Садоков Р.Л.* Музыкальная культура древнего Хорезма. М., 1970.

Салихов – *Салихов М.Ш.* Загадки и различные пословицы, бытующие в народе. Казань, 1887 (на тат. яз.).

Санжеев 1963 – *Санжеев Г.Д.* Сравнительная грамматика монгольских языков: Глагол. М., 1963.

Сарыч. – *Сарычев Г.А.* Путешествие по Северо-Восточной Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану с 1785 по 1793 г. СПб., 1802. Ч.1.

Сат – *Сат Ш.Ч.* Тувинский язык (краткий очерк) // Тувинско-русский словарь. М., 1955.

Свод – Свод этнографических понятий и терминов: Материальная культура. М., 1989.

Сев. АГ – *Севортян Э.В.* Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. М., 1962.

Сев. АИ – *Севортян Э.В.* Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. М., 1966.

Серг. (или Серг. ДСЧ) – *Сергеев Л.П.* Диалектологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1968.

Серебренников 1959 – *Серебренников Б.А.* [Заключ. слово] // Вопросы методов изучения истории тюркских языков. Ашхабад, 1959.

Серебренников 1960 – *Серебренников Б.А.* Категории времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп. М., 1960.

Серебренников 1963 – *Серебренников Б.А.* О причинах устойчивости аглютинативного строя // ВЯ. 1963. № 1.

Серебренников 1972 – *Серебренников Б.А.* К истории суффикса деноминативных глаголов *-la* в тюркских языках // СТ. 1972. № 5.

Серебренников 1974а – *Серебренников Б.А.* Вероятностные обоснования в компаративистике. М., 1974.

Серебренников 1974б – *Серебренников Б.А.* Из истории звуков и форм тюркских языков // СТ. 1974. № 6.

Серебренников 1975 – *Серебренников Б.А.* Исторические загадки глагольного аффикса *-styr-* в тюркских языках // СТ. 1975. № 3.

Серебренников–Гаджиева 1979 – *Серебренников Б.А., Гаджиева Н.З.* Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Баку, 1979.

СИГТЯ 1984 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Фонетика. М., 1984.

СИГТЯ 1988 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Морфология. М., 1988.

СИГТЯ 1997 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Лексика. М., 1997.

СИГТЯ 2002 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Региональные реконструкции. М., 2002.

Сичжу 1990 – *Пэн Сичжу.* Чжаньго Цинь чанчэн каоча ю яньцзю (Детальное описание и исследование длинных стен царства Цинь в эпоху Чжаньго). Сиань, 1990.

Скоб. – *Скобелев С.Г.* Подвески с изображением древнетюркской богини Умай // СА. М., 1990.

Сова 1971 – *Сова Л.З.* Функции суффикса *-isa-* в языке зулу // Africana, 8. Л., 1971.

Согд. II – Согдийские документы с горы Муг. М., 1962. Вып. II.

Согд. III – Согдийские документы с горы Муг. М., 1963. Вып. III.

Соколова Барт. – *Соколова В.С.* Бартангские тексты и словарь. М.; Л., 1957.

Среднеиранские языки – Основы иранского языкознания: Среднеиранские языки. М., 1981.

Срезневский – *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1893–1912. Т. I–III.

ССТМЯ – Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Л., 1975–1977. Т. I–II.

Старостин 1982 – *Старостин С.А.* Праенисейская реконструкция и внешние связи енисейских языков // Кетский сборник: Антропология. Этнография. Мифология. Лингвистика. Л., 1982. С. 144–237.

Старостин 1989 – *Старостин С.А.* Реконструкция древнекитайской фонологической системы. М., 1989.

Старостин 1991 – *Старостин С.А.* Алтайская проблема и происхождение японского языка. М., 1991.

Старостин 1995 – *Старостин С.А.* Сравнительный словарь енисейских языков // Кетский сборник. М., 1995. С. 176–315.

Стеблева – *Стеблева И.В.* Семантика газелей Бабура. М., 1982.

Стеб.ПТ – *Стеблева И.В.* Поэзия тюрков VI–VIII веков. М., 1965.

Стебл.-Кам. Вах. – *Стеблин-Каменский И.М.* Этимологический словарь ваханского языка. СПб., 1999.

Стебл.-Кам. НКР – *Стеблин-Каменский И.М.* Очерки по истории лексики памирских языков: Названия культурных растений. М., 1982.

Степанов 1989 – *Степанов Ю.С.* Индоевропейское предложение. М., 1989.

Суник 1962 – *Суник О.П.* Глагол в тунгусо-маньчжурских языках. М.; Л., 1962.

Сух. ИСК – *Сухарева О.А.* История среднеазиатского костюма. Самарканд, [б. г.] (2-я половина XIX – начало XX в.).

СФТЯ – см. Щербак 1970.

Тарж. – «Таржумон» – XIV аср ёзма обидаси. Тошкент, 1980.

Таскин 1968 – *Таскин В.С.* Материалы по истории сюнну. М., 1968. Вып. 1.

Татевосов 2004 – *Татевосов С.Г.* Вид и акциональность // Мишарский диалект татарского языка. М., 2004. С. 180–235.

ТатРС – Татарско-русский словарь. М., 1966.

Тат.ЭСТуЯ – *Татаринцев Б.И.* Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск, 2000. Т. I: А–Б.

ТВСЯ – Тюркизмы в восточнославянских языках. М., 1974.

ТДГДС – *Аразкулыев С., Атаниязов С., Бердиев Р., Сапарова Г.* Түркмен дилиниң гысгача диалектологик сөзлүги. Ашгабат, 1977.

Тен.Сал. – *Тенишев Э.Р.* Саларский язык // ЯМ ТЯ, 1997. С. 335–345.

Тен. ССЮЯ (или Тен. Сюг.) – *Тенишев Э.Р.* Строй сарыг-югурского языка. М., 1976.

Тен.ССЯ – *Тенишев Э.Р.* Строй саларского языка. М., 1976.

Тен.Ф.-кирг. (или Тенишев 1997) – *Тенишев Э.Р.* Фуюйских кыргызов язык // ЯМ ТЯ, 1997. С. 455–459.

Тен.Сюг. – *Тенишев Э.Р.* Сарыг-югурский язык // ЯМ ТЯ, 1997. С. 345–354.

Терентьев 1999 – *Терентьев В.А.* Древнейшие тюрко-самодийские языковые контакты // Aikakauskirja. JSOu. 88. Helsinki, 1999. С. 173–200.

Терентьев СТ – *Терентьев В.А.* Древнейшие тюркские заимствования в языках Европы // СТ. 1990. № 4. С. 69–74.

Тефс. – *Боровков А.К.* Лексика среднеазиатского тефсира XII–XIII веков. М., 1963.

ТМТЮС – Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири: Человек. Общество. Новосибирск, 1989.

Тодаева 1951 – *Тодаева Б.Х.* Грамматика современного монгольского языка: Фонетика и морфология. М., 1951.

Тод. Монгор. – *Тодаева Б.Х.* Монгорский язык. М., 1973.

Тод. ЯМВМ – *Тодаева Б.Х.* Язык монголов Внутренней Монголии: Материалы и словарь. М., 1981.

Ток. – *Токарев С.А.* Ранние формы религии и их развитие. М., 1964.

Тон. – памятник Тоньюкуку.

Топоров 1975–1980 – *Топоров В.Н.* Прусский язык: В 3 т. М., 1975–1980.

Топоров 1981 – *В.Н.Топоров.* Число и текст // Структура текста: Тезисы симпозиума. М., 1981.

Топоров 1982 – *В.Н.Топоров.* Числа // Мифы народов мира. М., 1982. Т. 2.

Тощ. – *Тощакова Е.М.* Традиционные черты народной культуры алтайцев (XIX – начало XX в.). Новосибирск, 1978.

Тронский 1967 – *Тронский И.М.* Общеиндоевропейское языковое состояние: Вопросы реконструкции. Л., 1967.

Тронский 2001 – Общеиндоевропейское праязыковое состояние: (Вопросы реконструкции). Категории именной флексии // Тронский И.М. Историческая грамматика латинского языка. М., 2001.

ТРС – Туркменско-русский словарь / Под ред. Н.А.Баскакова, Б.А.Каррыева, М.Я.Хамзаева. М., 1968.

Труб. – *Трубачёв О.В.* В поисках единства. М., 1992.

ТСКЯ (Толк. сл. каз. яз.) – ҚТТС. Алматы, 1982. Т. 6.

Тумашева – *Тумашева Д.Г.* Диалектологический словарь [Приложение к: *Тумашева Д.Г.* Диалекты сибирских татар в отношении к татарскому и другим тюркским языкам]: Дис. ... д-ра филол. наук. Казань, 1968.

Тум. СДСТ – *Тумашева Д.Г.* Словарь диалектов сибирских татар. Казань, 1992.

Тум. Себер (или Тум. ЗС) – *Тумашева Д.Г.* Көнбатыш Себер татарлары теле: Грамматик очерк һәм сүзлек. Казан, 1961.

ТурРС – Турецко-русский словарь. М., 1977.

Убр. Опыт – *Убрятова Е.И.* Опыт сравнительного изучения фонетических особенностей языка населения некоторых районов Якутской АССР. М., 1960.

УзРС – Узбекско-русский словарь / Под ред. А.К.Боровкова. М., 1959.

Упымарий – *Васильев В.М.* Черемисско-русский словарь. Казань, 1911.

УРСл. – Уйгурско-русский словарь / Под ред. Ш.Кибирова, Ю.Цунвазо. Алма-Ата, 1961.

Усман. – *Усманова М. С.* Обычаи, связанные с рождением ребенка у хакасов // Из истории шаманства. Томск, 1976.

ЎТИЛ – Ўзбек тилининг изоҳли луғати. М., 1981. Т. I–II.

ЎХШЛ – Ўзбек халқ шевалари луғати. Тошкент, 1971.

Фазылов – *Фазылов Э.И.* Фрагменты неизвестного старотюркского памятника. Ташкент, 1970.

Фазылов (I, II) – *Фазылов Э.И.* Староузбекский язык: Хорезмийские памятники XIV в. Ташкент, 1966. Т. I; 1971. Т. II.

Фасмер – *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М., 1964–1973.

Фед. 1992 – *Федотов М.Р.* Материалы к историко-этимологическому словарю чувашского языка. Чебоксары, 1992.

Федотов – *Федотов М.Р.* Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1996. Т. I–II.

Фед. Св. I – *Федотов М.Р.* Исторические связи чувашского языка с языками угро-финнов Поволжья и Перми. Чебоксары, 1965. Ч. I: Чувашско-марийские связи.

ФЗТ – Фарҳанги забони тоҷикӣ (аз асри X то ибтидои асри XX). М., 1962. I–II.

Фитрат – Фитрат. Ўзбек классик мусиқаси ваунинг тарихи. Ташкент, 1993.

Фрейман 1962 – *Фрейман А.А.* Описание, публикации и исследование документов с горы Муг. М., 1962.

Фрейман Хор. – *Фрейман А.А.* Хорезмийский язык. М.; Л., 1951.

ФТ – три документа из Турфанского оазиса – XIV в. (первая цифра – номер документа, вторая – номер страницы; см. ДТС XXX).

Хаб.КБИС – *Хабичев М.А.* Карачаево-балкарское именное словообразование: Опыт сравнительно-исторического изучения. Черкесск, 1971.

Хаб.НДЗР – *Хабичев М. А.* Некоторые итоги дешифровки западнотюркских рунических надписей // Анализ текстов по истории татарского литературного языка. Казань, 1987.

Хадж. Оч. – *Хаджилаев Х.-М.И.* Очерки карачаево-балкарской лексикологии. Черкесск, 1970.

Хайрут. ОЛ – *Хайрутдинова Т.Х.* Обрядовая лексика в говоре златоустинских татар // Исследования по татарскому языкознанию. Казань, 1984.

Харитонов 1954 – *Харитонов Л.Н.* Типы глагольной основы в якутском языке. М.; Л., 1954.

Х.Г. – *Хасан Гали.* Пословицы и поговорки. Казань, 1941.

Хелимский КС – *Хелимский Е.А.* Keto-Uralica // Кетский сборник: Антропология. Этнография. Мифология. Лингвистика. Л., 1982. С. 238–251.

Хелимский 1982 – *Хелимский Е.А.* Древнейшие венгерско-самодийские языковые параллели. М., 1982.

Хелимский 1986 – *Хелимский Е.А.* Происхождение древнетюркского чередования *r* ~ *z* и дилемма «ротацизма-зетацизма» // СТ. 1986. № 2.

Хелимский 2000 – *Хелимский Е. А.* Компаративистика, уралистика: Лекции и статьи. М., 2000.

Хелим.ВЯ – *Хелимский Е.А.* Решение дилемм пратюркской реконструкции и ностратика // ВЯ. 1986. № 5.

Хелим. 1986 – *Хелимский Е.А.* О двух фонетических законах в алтайских языках // Историко-культурные контакты народов алтайской языковой общ-

ности: Тез. докл. XXIX сессии постоянной международной алтаистической конф. (PIAC), Ташкент, сентябрь 1986. М., 1986. II: Лингвистика.

Холодович – *Холодович А. А.* Материалы по грамматике корейского языка XV века. М., 1986.

Холодович 1963 – *Холодович А.А.* О предельных и непредельных глаголах: По данным корейского и японского языков // Филология стран Востока. Л., 1963.

Хор.П. – *Фазылов Э.* Староузбекский язык. Хорезмийские памятники XIV в. Ташкент, 1966–1971. Т. I, II.

Хотинский 1977 – *Хотинский Н.А.* Голоцен Северной Азии. Опыт трансконтинентальной корреляции этапов развития растительности и климата: (К X конгрессу INQUA. Великобритания, 1977). М., 1977.

Худяков – *Худяков Ю.С.* Вооружения енисейских кыргызов VI–XII вв. Новосибирск, 1981.

Худяков 1981 – *Худяков Ю.С.* Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1981.

Худяков 1986 – *Худяков Ю.С.* Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1986.

ХШ – см. Qutb.

Цаболов – *Цаболов Р.Л.* Этимологический словарь курдского языка. М., 2001. Т.1.

Цивьян 1974 – *Цивьян Т.В.* К семантике дома в балканских загадках // Материалы Всесоюзного симпозиума по вторичным моделирующим системам, 1 (5). Тарту, 1974.

Цинциус АЭ – *Цинциус В.И.* Этимологии алтайских лексем с анлаутными придыхательными смычными губно-губным *п‘ и заднеязычным *к‘ // Алтайские этимологии. Л., 1984.

Цинциус Нег. – *Цинциус В.И.* Негидальский язык: Исследования и материалы. Л., 1982.

Цинциус 1949 – *Цинциус В.И.* Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков. Л., 1949.

Цинциус 1972 – *Цинциус В.И.* К этимологии алтайских терминов родства // Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков. Л., 1972.

Цинциус–Дмитриева 1984 – Алтайские этимологии / Отв.ред. В.И.Цинциус, Л.В.Дмитриева. Л., 1984.

Цуньжуй 1983 – *Сюн Цуньжуй.* Сянь Цинь сюнну цзи ци ю гуань дэ цзигэ вэньти (Сюнну в доциньское время, а также несколько вопросов, имеющих к этому отношение) // Шэхуй кесюэ цзяньфан, 1983.

Чанчиб. – *Чанчибаева Л.В.* О современных религиозных пережитках у алтайцев // Этнография народов Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978.

Чаохуань–Юэсянь 1990 – *Пу Чаохуань, Пан Юэсянь.* Юнчан Саньцзяочэн ю Хамадунь Шацзин вэньхуа ицунь (Памятники культуры Шацзин Саньцзяочэн и Хамадунь в уезде Юнчан) // Каогу сюэбао, 1990.

Чисп. СХЛ – *Чиспиякова Ф.Г.* Семантическая характеристика лексики

кондомского диалекта шорского языка // Диалектная лексика тюркских языков Сибири. Новосибирск, 1987.

Членова 1967 – *Членова Н.Л.* Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967.

ЧРС – Чувашско-русский словарь / Под ред. М.Я.Сироткина. М., 1961.

Чурганова 1972 – *Чурганова В.Г.* Очерк русской морфонологии. М., 1972.

Шавкунов 1990 – *Шавкунов Э.В.* Культура чжурчженей-удигэ XII–XIII в. М., 1990

Шайхулов 1986 – *Шайхулов А.Г.* К методике выявления мотивирующих признаков номинаций в семантических микросистемах фитонимов // Лексика тюрских языков в сравнительно-историческом аспекты: Материалы конференции. Казань, 1986.

Шайхулов 1988 – *Шайхулов А.Г.* Мотивирующие основы в названиях растений татарского и башкирского языков // Татарская лексика в семантико-грамматическом аспекте. Казань, 1988.

Шам. Ёмуд. – *Шамурадов К.* Западные говоры ёмудского диалекта туркменского языка: Дис. ... канд. филол. наук. Ашхабад, 1960.

Шамшатова 1966 – *Шамшатова А.* Лексика злаковых культур в казахском языке. Алма-Ата, 1966.

Шахан. – *Шаханова Н.Ж.* Языки культуры и проблема переводимости: Древнетюркский «qut», древнеиранский «farn» //Аль-Фараби: философско-политологический и духовно-познавательный журнал. 2003. № 1.

Шах. Каз. – *Шахманова Р.Г.* Казанищенский говор кумыкского языка: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1954.

Шервашидзе 1989 – *Шервашидзе И.Н.* Фрагмент общетюркской лексики: Заимствованный фонд // ВЯ. 1989. № 2.

Шипова – *Шипова Е.Н.* Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата, 1976.

Широбокова 2001 – *Широбокова Н.Н.* Историческое развитие якутского консонантизма. Новосибирск, 2001.

Шульга 1999 – *Шульга П.Н.* Этнокультурная ситуация в Горном Алтае и северо-западных предгорьях в VII–III вв. до н.э. // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999.

Щерб. – см. Щербак 1970.

Щербак – *Щербак А.М.* Названия домашних и диких животных в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков. М., 1961.

Щербак Ю.-Хор. – *Щербак А.М.* Основные особенности южнохорезмского говора в сравнительном освещении // Ўзбек диалектологиясидан материаллар. Тошкент, 1961. [Т.] II.

Щербак 1961 – *Щербак А.М.* Грамматический очерк языка тюркских текстов X–XIII вв. из Восточного Туркестана. М.; Л., 1961.

Щербак 1962 – *Щербак А.М.* Грамматика староузбекского языка. М.; Л., 1962.

Щербак 1970 (или СФТЯ) – *Щербак А.М.* Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970.

Щербак 1975 – *Щербак А.М.* К вопросу о происхождении глагола в тюркских языках // ВЯ. 1975. № 5.

Щербак 1977 (Имя) – *Щербак А.М.* Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: (Имя). Л., 1977.

Щербак 1981 (Глагол) – *Щербак А.М.* Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: (Глагол). Л., 1981.

ЭпосКБ – Карабек-батыр // Героический эпос (на каз. яз.). Алма-Ата, 1961. Т. 2.

ЭСАЯ – см. Altaic Dictionary.

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О.Н.Трубачева. М., 1975. Вып. 2.

ЭСТЯ I–VII – *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974–1980. Т. I–III; Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Ӂ», «Ж», «Й» / Авт. сл. статей Э.В.Севортян, Л.С.Левитская. М., 1989 [Т. IV]; Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «К», «Қ» / Авт. сл. статей Л.С.Левитская, А.В.Дыбо, В.И.Рассадин. М., 1997 [Т. V]; Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на букву «Қ» / Авт. сл. статей Л.С.Левитская, А.В.Дыбо, В.И.Рассадин. М., 2000 [Т. VI]; Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Л», «М», «Н», «П», «С» / Авт. сл. статей Л.С.Левитская, Г.Ф.Благова, А.В.Дыбо, Д.М.Насилов, Е.А.Поцелуевский. М., 2003 [VII].

ЭСТЯ VIII – подготовленные к печати материалы Этимологического словаря тюркских языков (рукопись находится в Институте языкознания РАН).

ЭСЧЯ – см. Егор.

Юг. – Ахмед Югнекский. Подарок истин, см. Мал.

Юдахин II (или Юдахин 1965) – *Юдахин К.К.* Киргизско-русский словарь. М., 1965.

Юдахин 1985 – *Юдахин К.К.* Киргизско-русский словарь. М., 1985.

Юнусалиев 1959 – *Юнусалиев Б.М.* Киргизская лексикология. Ч. 1: Развитие корневых слов. Фрунзе, 1959.

Юсупов БТЭ – *Юсупов Г.В.* Булгаро-татарская эпиграфика и топонимика как источник к вопросу об этногенезе казанских татар // Сб. «Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья». Казань, 1971.

Яковлев 1969 – *Яковлев Ю.А.* Пути развития и способы образования турецкой военной терминологии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1969.

ЯМ ТЯ 1997 – Языки мира: Тюркские языки. М., 1997.

ЯН СССР 1966 – Языки народов СССР. Т. II: Тюркские языки. М., 1966.

ЯФ – *Попов А.А.* Якутский фольклор. Л., 1936.

Яхонтова 1977 – *Яхонтова Н.С.* Монгольские языки // Языки мира:

Монгольские языки. Тунгусо-маньчжурские языки. Японский язык. Корейский язык. М., 1997.

Abšk – см. Абуш.

AbūH (или AH) – *Caferoğlu A.* Abû-Hayyân. Kitâb al-Idrâk li-lisân al Atrâk. Istanbul, 1931.

Adams – *Adams D.Q.* A dictionary of Tocharian. Amsterdam; Atlanta, 1999.

ad-Durra – *Zajączkowski A.* Chapitres choisis du Vocabulaire arab-kiptchak «ad-Durrat al-Mudia fi'l-lugat at Turkiya». I–II // RO. XXIX. Warszawa, 1965.

Aikio 2002 – *Aikio A.* New and Old Samoyed Etymologies. FUF 57: 9–57. 2002.

Aks. Gaz. – *Aksoy Ömer Asim.* Gaziantep ağzı. Istanbul, 1946. III: Sözlük ve kullanılmıyan kelimeler.

Altaic Dictionary (см. EDAL) – *Starostin S.A., Dybo A.V., Mudrak O.A.* An Etymological Dictionary of Altaic Languages. Leiden, 2003.

At. – *Atalay B.* Ekler ve kökler üzerine bir deneme. Istanbul, 1942.

Ateb. – Edib b. Mahmud Yükneki. Atebetü'l-Hakayık / Reşit Rahmeti Arat. Istanbul, 1959.

ATS – Arkadaş turkçe sözlük. Ankara, 2003.

At-tuhfa (Ettuh.) – Ettuhfet-üz-zekiyye fil-lûgat–it-türkiyye / Çevirien Besim Atalay. Istanbul, 1945.

Bailey – *Bailey H.W.* Dictionary of Khotan Saka. Cambridge etc., 1979.

Bailey Indoiranica – *Bailey H.W.* Indoiranica // BSOAS. XVIII. 1957.

Bailey JRAS 1939 – *Bailey H.W.* Turks in Khotanese Texts // JRAS. 1939. January. P. 85–91.

Barth. – см. Bartholomae.

Bartha 1997 – *O.Bartha Julia.* Nepi novenyismerei // Fogyo hold. Tanulmanyok a torok nepi kulturarol. Debrecen. 41–58, 1997.

Bartholomae – *Bartholomae Chr.* Altiranisches Wörterbuch. Strassburg, 1904; B., 1961.

Benveniste JA – *Benveniste E.* Mots voyageurs en Asie Central // JA. CCXXXVI. 1948. Fasc. 2.

Benveniste 1954 – *Benveniste E.* Problèmes sémantiques de la reconstruction // Word. 1954. V. 10. № 2–3.

Benzing – *Benzing J.* Einführung in das Studien der altaischen Philologie und Turkologie. Wiesbaden, 1953.

Benzing 1956 – *Benzing J.* Die tungussischen Sprachen: Versuch einer vergleichender Grammatik. Wiesbaden, 1956.

Benzing 1959 – *Benzing J.* Das Tschuwaschen / Fundamenta.

Bereczki – *Bereczki G.* Grundzüge der Tscheremissischen Sprachgeschichte. II. Szeged, 1992.

Brock. (или Brockelmann 1928) – *Brockelmann C.* Mitteltürkischer Wortschatz nach Mahmūd al-Kāšğarīs Dīvān lugāt at-Turk. Budapest; Leipzig, 1928.

Brock. OGM – *Brockelmann C.* Osttürkische Grammatik der islamischen Litteratursprachen Mittelasiens. Leiden, 1954.

Brugmann 1913 – *Brugmann K.* Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. Bd. II. Strassburg, 1913.

Bulġat. – *Zajączkowski A.* Słownik arabsko-kipczacki. Warszawa, 1954. II: Verba.

Bunker 1989 – *Bunker E.C.* Dangerous Scolarship: On Citing Unexcavated Artefacts from Inner Mongolia and North China // Orientations. 1989. P. 6.

Bunker 1992 – *Bunker E.C.* Significant Changes in Iconography and Technology among Ancient China's Northwestern Pastoral Neighbors from the Fourth to the First Century B.C. // Bulletin of the Asia Institute. New Series. Vol. 6. 1992.

Caf.EUS – *Caferoğlu A.* Eski Uygur Türkçesi sözlüğü // Türk Dil Kurumu Yayınları. 260. Istanbul, 1968.

Castrén – *Castrén M.A.* Versuch einer koibalischen und karagassischen Sprachlehre. SPb., 1857.

CCum – Codex Cumanicus / Ed. G.Kuun. Budapestini, 1880.

Ch-DWb – Chinesisch-Deutches Wörterbuch. I–II. B., 1985.

Ching-lung Chen. A Study of Turkic Weapons // Altaistic studies. Papers presented at the 25th Meeting of the Permanent International Altaistic Conference at Uppsala, June 7–11. 1982. Konferencer 12. P. 29–35.

Choi – *Han-Woo Choi.* On The Turkish Shamanic Word Bogu // Altaic Religious Beliefs and Practices (Proceeding of the 33rd Meeting of the Permanent International Altaistic Confreference), Budapest, June 24–29, 1990.

Chuast. – покаянная молитва манихейцев Chuastuanift (см. *Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности: Тексты и исследования. М.; Л., 1951. С. 108–130).

Cl. EDT (или EDT) – *Clauson G.* An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford, 1972.

Clark MEOT – *Clark L.V.* Mongol elements in old Turkic? // JSFOu. 1977. T. 75.

Clark TLM (или Clark 1980) – *Clark L.V.* Turkic loanwords in Mongol. I: The Treatment of non–Initial *s, z, š, č* // CAJ. 1980. Vol. 24. № 1–2.

Comrie B. Turkic languages and linguistic typology // Turkic languages. 1. Wiesbaden, 1997. P. 14–24

CPD – *MacKenzie D.N.* A Concise Pahlavi Dictionary. L., 1971.

Dankoff–Kelly – *Dankoff R., Kelly J.* Compendium of the Turkic dialects. I–III. Harward, 1982–1985.

Dauzat – *Dauzat A., Dubois J., Mittérand H.* Nouveau dictionnaire étymologique et historique. P., 1971.

DD – Türkiye'de halk ağzından söz derleme dergisi. Istanbul, 1939–1952. I–VI.

DEDR – *Burrow Th., Emeneau M.* A Dravidian etymological dictionary. Second ed. Oxford, 1984.

Delitsch Ass. – *Delitsch F.* Assyrisches Handwörterbuch. Leipzig, 1968.

Deny GT – *Deny J.* Grammaire de la langue turque (dialecte osmanli). P., 1921.

Deny Arm. – *Deny J.* L'armeno-coman et les «Ephemerides» de Kamieniec (1604–1613). Wiesbaden, 1957.

De Vries – *De Vries Y.* Altnordisches etymologisches Wörterbuch. Leiden, 1957–1961.

Dictionary – см. Altaic Dictionary.

Diz. (или DLD) – Divanü Lûgat–It-Türk Dizini. Ankara, 1972.

Doerf. (или TMN) – *Doerfer G.* Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. Wiesbaden, 1963. I; Wiesbaden, 1965. II; Wiesbaden, 1967. III.

Doerf. Chor. – *Doerfer G.* Das Chorasantürkische // TDAY-B (1977). Ankara, 1978.

Doerf. ITD – *Doerfer G.* Iran'daki Türk dilleri // TDAY-B (1969).

Doerf. Khal. – *Doerfer G.* Khalaj and its relation to the other Turkic languages // TDAY-B (1977).

Doerf. Khm. – *Doerfer G. with the collaboration of Wolfram Hesche, Hartwig Scheinhardt, Semih Tezcan.* Khalaj Materials / Publ. by Indiana University. Bloomington; The Hague, 1971.

Doerf. MT – *Doerfer G.* Mongolo-Tungusica. Wiesbaden, 1985.

Doerfer 1972 – *Doerfer G.* Der Imperativ im Chaladsch // FUF. Bd. 39. Hft. 3, 1972.

Doerf.–Tez. – *Doerfer G., Tezcan C.* Wörterbuch des Chaladsch: (Dialekt von Charrab). Budapest, 1980.

DS – Türkiye'de halk ağzından derleme sözlüğü. Ankara, 1963–1982. I–XII.

DSf – Диалектологическая картотека Турецкого лингвистического общества (Türk Dil Kurumu).

EB – *Róna-Tas A., Fodor S.* Epigraphica bulgarica: A volgai bolgár-török feliratok. Szeged, 1973.

Eck. – *Eckmann J.* Middle Turkic glosses of the Ryland's interlinear Koran Transcription. Budapest, 1976.

EDAL – см. Altaic Dictionary.

EDT – см. Cl. EDT.

El-Idr. – *Velvet Izbudak.* El-Idrâk haşiyesi. Istanbul, 1936.

Erg. Korkut – *Ergin M.* Dede Korkut kitabi. Ankara, 1963. II. İndeks-gramer.

Ettuh. (или At-tuhfa) – Ettuhfet-üz-zekiyye fil-lûgat–It-türkiyye / Çeviren Besim Atalay. Istanbul, 1945.

Farmer – *Farmer H.G.* Turkish Instruments of Music in the Seventeenth Century (as described in the Siyāhat-nāma of Ewliya Chelebi). Glasgow, 1937.

Fazl–I-Ali – *Fazl–I-Ali.* A Dictionary of the Persian and English languages. New Delhi, 1979.

Friedrich 1970 – *Friedrich P.* Proto-Indo-European. The arboreal system of a prehistoric people. Chicago; L., 1970.

Frisk – *Frisk H.J.* Griechisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1954.

Fund. (или Fundamenta I) – Philologiae turcicae fundamenta. Wiesbaden, 1959.

Gab. AG – *Gabain A. von.* Alttürkische Grammatik. 2 Aufl. Leipzig, 1950.

Gab.ImB – *Gabain A. von.* Inhalt und magische Bedeutung der alttürkischen Inschriften // Antropos. F. 4–5. 1948.

Gab. II – *Gabain A. von.* Alttürkische Grammatik. 3 Aufl. Wiesbaden, 1974.

Gardiner 1957 – *Gardiner A.* Egiptian Grammar. L., 1957.

Gharib – *Gharib B.* Sogdian Dictionary. Tehran, 1995.

Gomb. (или Gomb. MMT) – *Gombocz Z.* A magyar magánhangzók történetéből // MNy. T. VIII. № 3.

Gomb. BTLU – *Gombocz Z.* Die bulgarisch-türkische Lehnwörter in der ungarischen Sprache. Helsinki, 1912 (MSFOu. XXX).

Gomb. LAS – *Gombocz Z.* Zur Lautgeschichte der altaishen Sprachen // KSz. 1912. XIII, 1–2.

Grönbech Forst. – *Grönbech V.* Forstudier til tyrkisk lydhistorie. København, 1902. (Selbstanzeige. Schluss.) // KSz. 1903. IV.

Grønb. TS – *Grønbech K.* Der türkische Sprachbau. København, 1936.

Haenisch – *Haenisch E.* Wörtebuch zu Manghol-un Niuča Tobčaan (Yüan-ch'ao pi-shi), Geheime Geshichte der Mongolen. Leipzig, 1939.

Harami – Dāstan–I Ahmet Harami. Nākili Çankırı milletvekili Talât Onay. Istanbul, 1946.

Haskins 1992 – *Haskins J.F.* China and the Altai // Bulletin of the Asia Institute. New Series. Vol. 6. 1992. P. 1–9.

Hauenschild 1993 – *Hauenschild I.* Krimtatarische Pflanzennamen // UAJb NF 12: 148–178.

Hauenschild 1994 – *Hauenschild I.* Botanica im Divan lugat atturk // Journal of Turkology 2/1: 25–98.

Hauenschild 2000 – *Hauenschild I.* Der Mensch als Symbol und Metapher in tьrkischen Pflanzennamen // Veröffenlichungen der Societas Uralo-Altaica. B. 42. Wiesbaden, 2000.

Helimski 1997 – *Helimski E.* Die Matorische Sprache. Szeged 1997.

Helimski–Stachowski 1995 – *Helimski E., Stachowski M.* Turco-Samoiedica // Folia Orientalia 31, 1995. P. 39–52.

Hikar. – *Deny J., Tryjarski E.* «Histoire de Sage Hikar» dans la version arméno-kiptchak // RO. Warszawa, 1964. T. XXVII, 2.

Hop.Pen. – *Hoppal M., Pentikainen J.* Northern Religions and Shamanism. Budapest, Helsinki, 1992.

Horn – *Horn P.* Grundriss der neupersischen Etymologie. Strassburg, 1893.

Houa-yi yi-yu – *Lewicki M.* La langue mongole des transcriptions chinoises du XIV-e siècle. Le Houa-yi yi-yu de 1389. Wrocław,1949.

Houts. – *Houtsma M.Th.* Ein turkisch-arabisches Glossar. Leiden, 1894.

http://flora.huh.harvard.edu:8080/flora.

http://www.lifemapper.org.

Hovdhaugen – *Hovdhaugen E.* Turkish words in Khotanese texts. A linguistic analysis // Sprogvidenskab, 14. P.164–209.

IB = Irk Bitig – см. Мал.

Ibn M. (или IM, или Ibnü M) – Battal Aptullah. Ibnü-Mühenna lûgati. Istanbul, 1934.

Idr. – *Velet Izbudak.* El–Idrâk hasiyesi. Istanbul, 1936.

Janhunen – *Janhunen J.* Samojedischer Wortschatz. Gemeinsamojedishe Etymologien. Helsinki, 1977.

Jarr. – *Jarring G.* An Eastern Turki-English dialekt dictionary. Lund, 1964.

Jarr. UDQ – *Jarring G.* The Uzbek dialect of Qilich. Lund; Leipzig, 1937.

JLTT – *Martin S.E.* The Japanese Language Through Time. New Haven; L., 1987.

Johanson 1976 – *Johanson L.* Das tschuwaschische Aoristthema // Orientalia Suecana. 1976. V.

Joki LS (или Joki TLW) – *Joki A.J.* Die Lehnwörter des Sajan-Samojedischen. Helsinki, 1952 (MSFOu. 103).

Joki W. – *Joki A.J.* Wörterverzeichnis der Kyzyl-Sprache. Helsinki, 1953.

Kak. – *Kakuk S.* Sur la phonétique de la langue salar // AO (Budapest). 1962. T. XV, fasc. 1–3.

Kak. CW – *Kakuk Zs.* Cultural words from the Turkish occupation of Hungary // Studia Turco-Hungarica. Budapest, 1977. T. IV.

Kak. Voc. – *Kakuk S.* Un vocabulaire salar // AOH. 1962. T. XIV, fasc. 2.

Kał. – *Kałużyński S.* Mongolische Elemente in der jakutischen Sprache. Warszawa, 1961.

Kał. JW – *Kałużyński S.* Jakutische Wortforschungen // CAJ. 1962. Vol. 7. N 3.

Karlgren – *Karlgren B.* Analytic dictionary of Chinese and Sino-Japanese. P., 1923.

Kāšġ. – «Divanü lûgat–it-Türk» tercümesi / Çeviren Besim Atalay. Ankara, 1939–1941. I–III.

Kāšġ. D. – *Besim Atalay.* Divanü lûgat–It-Türk dizin: Endeks. Ankara, 1943.

KED – *Martin S.E., Yang Ha Lee, Sung-Un Chang.* A Korean-English Dictionary. New Haven; L., 1967.

Kent – *Kent R.G.* Old Persian Grammar: Texts, lexicon. New Hawen, 1950.

Korkmaz 2003 – *Korkmaz Z.* Türk Dilinin Grameri. Ankara, 2003.

Korkut – см. Erg. Korkut.

Kow. – *Kowalewski J.E.* Dictionnaire mongol-russe-français. Kasan, 1844–1849. I–III.

Kowalski 1949 – *Kowalski T.* De la nature causatif et du passif dans les langues turques // RO. T. XV, 1949.

KP – уйгурская версия о царевичах Kalyāṇaṃkara Pāpaṃkara, список X в. уйгурским письмом; см. ДТС XXXII.

Krogmann 1954, 1955 – *Krogmann W.* Das Buchenargument // Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der Indogermanischen Sprachen. 1954–1955. Bd. 72, 73.

Kuryłowicz 1964 – *Kuryłowicz J.* The Inflectional Categories of Indo-European. Heidelberg, 1964.

KW – *Grønbech K.* Komanisches Wörterbuch. København, 1942.

KWb – *Ramstedt G.J.* Kalmückisches Wörterbuch. Helsinki, 1935.

Lane 1967 – *Lane G.Sh.* The beech argument: A re-evaluation of the linguistic

evidence // Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der Indogermanischen Sprachen. 1967. Bd. 81.

Le Coq – *Le Coq A. von.* Sprichwörter und Leider aus der Gegend von Turfan. Leipzig; B., 1911.

Lehmann 1989 – *Lehmann W.* Earlier Stages of Proto-Indo-European // Indogermanica Europea. Graz, 1989.

Less. – *Lessing F.D.* Mongolian-English dictionary. Berkeley; Los Angeles, 1960.

Lig. VSOu – *Ligeti L.* Un vocabulaire sino-ouigour des Ming. Le «Kao-ch'ang-kouan yi-chou» du bureau des traducteurs // AOH. Budapest, 1966. T. XIX, fasc. 2–3.

Lingua mentalis – *Wierzbicka A.* Lingua mentalis. Frankfurt, 1970.

Liu – *Liu Cang Ton.* Icoe sacen. Seoul, 1964 (reprinted 1995).

Lokotsch – *Lokotsch K.* Etymologisches Wörterbuch der europäischen (germanischen, romanischen und slavishen) Wörter orientalischen Ursprungs. Heidelberg, 1927.

Lubotsky–Starostin – *Lubotsky A., Starostin S.* Turkic and Chinese Loan words in Tocharian // Language in time and space. FS W.Winter (Mouton–De Gruyter). B.; N.Y., 2003. P. 257–270.

Manich. (или Man.) – *Le Coq A. von.* Türkische Mänichaika. B., 1921–1922. I–III.

Masica C.P. The Indo-Aryan languages. Cambridge, 1991.

Mauss 1968 – *Mauss M.* La mythologie de chiffres // Oeuvres. P., 1968. T. 2.

Mayr. – *Mayrhofer M.* Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch der Altindischen. Heidelberg, 1953–1979.

Mayr.EWAIA – *Mayrhofer M.* Etymologisches Woerterbuch des Altindoarischen. Heidelberg, 1986. I; 1996. II.

Meng. Gl. – *Menges K.* Glossar zu den volkskundlichen Texten aus Ost-Turkestan. Meinz, 1955.

Meng. TLP (или Meng. 1968) – *Menges K.* The Turkic languages and peoples: An introduction to Turkic studies. Wiesbaden, 1968.

Menges 1965 – *Menges K.G.* Zu einigen ural-altaisch-toxarischen Wörtbeziehungen // Orbis 14 (1965). S. 126–137.

Meyer 1965 – *Meyer I.R.* Bemerkungen über Vokal und Schriftsystem des Runentürkischen // AO Havn. 1965.

MGCD – Menggu yuzu yuyen cidien. Qinghai, 1990.

Mgst.EPsh – *Morgenstierne G.* Etymological vocabulary of the Shughni group. Wiesbaden, 1974.

Mgst. IIFL – *Morgenstierne G.* Indo-Iranian frontier languages. Oslo, 1929. Vol. I; 1938. Vol. II; 1967. Vol. III, pt. 1; 1944. Pt. 2; 1956. Pt. 3; 1973. Vol. IV.

MNyTESz – A Magyar nyelv történeti-etimológiai szótára. Budapest, 1967–1976. I–III.

Ném. TMH – *Németh J.* Die türkisch-mongolische Hypothese // ZDMG. 1912. Bd. 66. H. 4.

Orkun IV (или Orkun) – *Orkun H.N.* Eski türk yazıları. Istanbul, 1941. IV.

Oruz. – *Oruzbaeva B.* Киргизско-алтайские параллели в поверьях и табу //

Altaic Religious Beliefs and Practices (Proceeding of the 33rd Meeting of the Permanent international altaistic conference). Budapest, June 24–29, 1990.

O.Ş.G. – *Orhan Şaik Gokyay.* Dedem Korkudun Kitabı. Istanbul, 1973.

Pav.C. – *Pavet de Courteille M.* Dictionnaire turc-oriental. P., 1820.

PhTF – см. Fund.

Pok. – *Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1959.

Poppe 1955 – *Poppe N.* Introduction to Mongolian comparative studies. Helsinki, 1955.

Poppe 1965 – *Poppe N.* Introduction to Altaic Linguistic. Wiesbaden, 1965.

Poppe 1973 – *Poppe N.* Über einige Verbalstammbildungssuffixe in den altaischen Sprachen // Orientalia Suecana. Vol. 21 (1972). Uppsala, 1973.

Pop. VGAS (или VGAS) – *Poppe N.* Vergleichende Grammatik der altaischen Sprachen. 1. Wiesbaden, 1960.

Poucha – *Poucha P.* Institutiones linguae tocharicae. Pt.1: Thesaurus linguae tocharicae, dialecti A. Praha, 1955.

Prits. – *Pritsak O.* Сё татарскы 'азыкъ // Orbis Scriptus – Festschrift für Dmitrij Tschiżewskij zum 70. Geburtstag. München, 1966 (отд. оттиск).

Prusek 1971 – *Prusek J.* Chinese Statelets and the Northern Barbarians in the Period 1400–300 B.C. Dordrecht, 1971.

Pulleyblanc 1962 – *Pulleyblanc E.G.* The consonantal system of Old Chinese // AM 9, pt.1–2, 1962–1963.

Qas. – Касыда на староузбекском (чагатайском) языке в уйгурском письме см.: *Radloff W.* Kudatku Bilig: Facsimile der Uigurischen Handschrift der K.K. Hofbibliothek in Wien. SPb., 1890.

QB – материал рукописи «Кутадгу Билиг».

QBH – Герагский список «Кутадгу Билиг».

QBN – Наманганский список «Кутадгу Билиг».

QBQ – Каирский список «Кутадгу Билиг».

Qutb – *Zajączkowski A.* Najstarsza wersja turecka Husräv u Širīn Qutba. Warszawa, 1961. T. III: Słownik.

Raby. (или Rabg.) – см. Мал.

Rach. (I, II) – *Rachmati G.R.* Zur Heilkunde der Uiguren. I // SPAW. 1930; II // SPAW. 1932.

Ram.ATMT – *Ramstedt G.* Alte türkische und mongolische Titel // JSFOu. 1951. T. 55.

Ram. KWb – *Ramstedt G.J.* Kalmückisches Wörterbuch. Helsinki, 1935.

Rams. 1912 – *Ramstedt G.J.* Zur Verbstammbildungslehre der mongolisch-türkischen Sprachen // JSFOu. 1912. T. 28.

Ram. SKE – *Ramstedt G.J.* Studies in Korean etymologie. Helsinki, 1949.

Ramst. Titel – см. Ram.ATMT.

Ram. Tsch. (1922–1923) – *Ramstedt G.J.* Zur Frage nach der Stellung des Tschuwassischen // JSFOu. 1922–1923. T. 28.

Räs.ČLČ – *Räsänen M.* Die tschuwassischen Lehnwörter im Tscheremissischen. Helsinki, 1920 (MSFOu. XLVIII).

Räs. Mater. (или Räs. 1949) – *Räsänen M.* Materialien zur Lautgeschichte der türkischen Sprachen. Helsinki, 1949.

Räs. Morph. (или Räs. 1957) – *Räsänen M.* Materialien zur Morphologie der türkischen Sprachen. Helsinki, 1957.

Räs. VEWT – *Räsänen M.* Versuch eines etymologisches Wörterbuchs der Türksprachen. Helsinki, 1969.

Rawson 1990 – *Rawson J., Bunker E.C.* Ancient Chinese and Ordos Bronzes. Hong Kong, 1990.

Red. – *Redhouse J.* A Turkish and English Lexicon. Constantinople, 1921.

Rédei–Róna-Tas 1982 – *Rédei Karoly, Róna-Tas András.* Proto-Permian and Votyak Loan-words in Chuvash // Studia Uralo-Altaica 17: 158–179.

Rédei UEW – *Rédei K.* Uralisches etymologisches Wörterbuch. Budapest, 1986–1989.

Reinhart 1990 – *Reinhart J.* Die tocharischen Entlehnungen im Altaischen und die Chronologie der tocharischen Lautgesetze // Tocharian and Indo-European studies. Supplementary series. Vol. 4. B., 1990.

Róna-Tas TE – *Róna-Tas A.* Tocharische Elemente in den altaische Sprachen? // Sprache, Geschichte und Kultur der altaischen Völker: Protokollband der XII. Tagung der Permanent International Altaistic Conference 1961 in Berlin. B., S. 499–504.

Róna-Tas 1970 – *Róna-Tas A.* Az altaji nyelvrokonság vizsgálatának alapjai (A nyelvrokonság elmélete és a csuvas-mongol nyelvviszony): Doktori ertekezés tézisei. Budapest, 1970.

Rozycki – *Rozycki W.* Mongol Elements in Manchu. Bloomington (Indiana), 1994.

San. (или Sangl.) – Sanglax. A Persian guide to the Turkish language by Muhammad Mahdī Xān: Facsimile text with an introduction and indices by sir G.Clauson. L., 1960.

Schrader–Nehring – *Schrader O., Nehring A.* Reallexikon der indogermanischen Altertumskunde. B.; Leipzig,1917–1928. I–II.

Schütz A.-K. – *Schütz E.* An Armeno-Kipchak Texts from Lvov (A.D. 1618) // AO (Budapest). 1962. T. XV, fasc. 1–3.

Schmalstig 1978 – *Schmalstig W.R.* The Middle Voice Revisited // Folia linguistica, 1978, 12, v. 3–4.

Seidensticker 1999 – *Seidensticker P.* Pflanzennamen: Uberlieferung – Forschungsprobleme – Studien. Stutgart, 1999.

Serebrennikov 1961 – *Serebrennikov B.A.* Zur Geschihte des Perfekts in den türkischen Sprachen // AOH. 1961, XII, 1–3.

SH – см. Haenisch.

Sherner 1977 – *Sherner B.* Arabische und neupersische Lehnworter im Tschuwaschischen. Wiesbaden, 1977.

ShS – словарь Шейха Сулеймана, цит. по Р.

SKES – *Toivonen Y., Itkonen E., Joki A.* Suomen kielen etymologinen sanakirja. Helsinki, 1955–1979. I–VII.

SM – см. Sm.–Most.

Sm.–Most. – *Smedt A. de, Mostaert A.* Le dialecte monguor parlé par les Mongols du Kansou occidental. Pei-p'ing, 1933. III partie: Dictionnaire monguor-français.

Sneath – *Sneath D.* The Obo Ceremony in Inner Mongolia: Cultural Meaning and Social Practice //Altaic Religious Beliefs and Practices (Proceeding of the 33rd Meeting of the Permanent International Altaistic Conference). Budapest, June 24–29, 1990.

Soden 1952 – *Soden W von.* Grundriss der Akkadischen Grammatik. Roma, 1952.

Stachowski 1993 – *Stachowski M.* Geschichte des Jakutischen Vokalismus. Kraków, 1993.

Stachowski 1996 – *Stachowski M.* Über einige altaische Lehnwörter in den Jenissei-Sprachen // Studia etymologica Cracoviensia, 1. Kraków, 1996. S. 92–115.

Stachowski 1997 – *Stachowski M.* Altaistische Anmerkungen zum «Vergleichenden Wörterbuch der Jenissei-Sprachen» // Studia etymologica Cracoviensia, 2. Kraków, 1997. S. 227–239.

Stachovski M. Einige Namen für «Dach» in den Türksprachen // Folia orientalia, 30, 1994.

Steingass – *Steingass F.* A comprehensive Persian-English dictionary. 2 impr. L., 1930.

Street – *Street J.* Proto-Altaic **-l(V)b-* ~ Turkic *š* // CAJ. 1980. Vol. 24. № 3–4.

Suv. – Suvarṇaprabhāsa. «Сутра Золотого Блеска» – см. Мал.

Szin. – *Szinnyei J.* Magyar nywlvhasonlítás. 7. Budapest, 1927.

Şey. – Şeyhi divanı. Tarama Sözlüğü ve nüsha farkları. Istanbul, 1941.

Tefs. – см. Tfs.

Tel. – *Telegdi S.* Eine türkische grammatik in arabischer Sprache aus dem XV. Jhu. // KCsA. Budapest; Leipzig, 1937. I. Erg-Bd. H. 3.

Tfs – см. *Боровков А.К.* Лексика среднеазиатского тефсира XII–XIII вв. М., 1961.

ThS – *Thomsen V.* Dr. A. Steins Manuscripts in Turkish «Runic» Script from Miran and Tun-huang. L., 1912.

TMN – см. Doerf.

Тоң. – памятник Тоньюкуку (см. Мал.).

Torma – *Torma J.* Magic and name-giving among the Bashkir //Altaic Religious Beliefs and Practices (Proceeding of the 33rd Meeting of the Permanent International Altaistic Conference), Budapest, June 24–29, 1990.

Trep. – *Трепавлов В.В.* Образ Неба и каганская власть у кочевников Центральной Азии // Altaic Religious Beliefs and Practices (Proceeding of the 33rd Meeting of the Permanent International Altaistic Conference). Budapest, June 24–29,1990.

Tryj. (или Tr.) – *Tryjarski E.* Dictionnaire Arméno-Kiptshak d'après trois manuscripts des collections viennoises. Warszawa, 1968. T.I, fasc. I (A–H); Warszawa, 1968. fasc. 2 (I–K); Warszawa, 1969. fasc. 3 (L–O).

Tryj. 1982 – *Tryjarski E.* Towards a better knowledge of Turkic military

Terminology // Altaistic Studies. Papers... 25th Meeting of the PIAC at Uppsala June 7–11. 1982. Stocholm (Sweden). P. 173–185.

TS – Türkçe Sözlük. Dördüncü baskı. Ankara, 1966; Gözden geçirilmiş beşinci baskı. Ankara, 1969.

TS (I, II, III, IV) – XIII yüzyıldan beri Türkiye Türkçesiyle yazılmış kitaplardan toplanan tanıklariyle tarama sözlüğü. Ankara, 1963–1969. I–IV.

TT – *Bang W., Gaben A. von.* Türkische Turfan-Texte. I // SPAW. 1929. XV; II // SPAW. 1929. XXII; III // SPAW. 1930. XIII; IV // SPAW. 1930, XXIV; V // SPAW. 1931. XIV; VI // SPAW. 1934. X.

TT VII – *Rachmati G.R.* Türkische Turfan-Texte. VII // APAW. 1936. № 12.

TT VIII – *Gabain A. von.* Türkische Turfan-Texte. VIII // ADAW. 1952. № 7.

TT IX – *Gabain A. von, Winter W.* Türkische Turfan-Texte. IX // ADAW. 1956. № 2.

TT X – *Gabain A. von.* Türkische Turfan-Texte. X // ADAW. 1958. № 1.

Turcica – Turcica. P., 1974. IV.

Turner – *Turner R.L.* A comparative dictionary of the Indo-Arian languages. L., 1962–1964. Fasc. I–IV.

UEW – см. Rédei UEW.

Uig. – *Müller F.W.K.* Uigurica. I–IV // APAW. 1908; 1910; 1922; 1931.

USp – *Radloff W.* Uigurische Sprachdenkmäler: Materialien nach dem Tode des Verfassers mit Ergänzungen von S. Malov herausgegeben. Leningrad, 1928.

Vám.ĆSpr. (или Vam.) – *Vámbéry H.* Ćagataische Sprachstudien enthalten grammatikalischen Umriss, Chrestomatie und Wörterbuch der Ćagataischen Sprachen. Leipzig, 1867.

VEWT – см. Räs. VEWT.

VGAS – см. Pop. VGAS.

Vovin 1997 – *Vovin A.* Japanese, Korean and Tungusic: Evidence for genetic relationship from verbal morphology. 40th meeting of PIAC, Provo, 1997.

Watkins 1969 – *Watkins C.* Geschichte der indogermanischen Verbalflexion. Heidelberg, 1969.

Werner 2002 – *Werner G.* Vergleichendes Wörterbuch der Jenissej-Sprachen. 1–3. Wiesbaden, 2002.

Wich. ČLP – *Wichmann Y.* Die tschuwassische Lehnwörter in den permischen Sprachen // MSFOu. 1903. T. 21.

Wissmann 1952 – *Wissmann W.* Der Name der Buche // Vortrage und Schriften der Deutschen Akademie der Wissenschaften, 50. B., 1952.

WP – *Walde A.* Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen / Hrsg. u. bearb. von J.Pokorny. I–III. B.; Leipzig, 1926–1932.

Yrk Bitig (или YB) – см. Мал.

Zaj. Bulġ. I – *Zajączkowski A.* Manuel arabe de la langue Kiptchak (époque de l'Etat Mamelouk). Warszawa, 1938.

Zaj. Bulġ. II – *Zajączkowski A.* Słownik arabsko-kipczacki. Warszawa, 1954. II: Verba.

Zaj. ad-Durr. – *Zajączkowski A.* Chapitre choisis du Vocabulaire arabe-

kiptchak «Ad-Durrat al-mudī'a fī-l-luġat at-turkīya» (II) // RO. Warszawa, 1965. Vol. XXIX, 2.

Zaj. St. – *Zajączkowski A.* Studija nad językiem staroosmańskim. I: (Kalila i Dimna). Kraków, 1934; II: (Koran). Kraków, 1937.

Zen. – *Zenker J.Th.* Dictionnaire Turc-Arabe-Persan. Leipzig, 1862–1867.

Zen. II – *Zenker J.Th.* Dictionnaire Turc-Arabe-Persan. Leipzig, 1876. T. 2.

Zieme 1992 – *Zieme P.* Stabreimtexte der Uiguren von Turfan und Dunhua'ñg. Baden, 1992.

Библиография к разделу «Антропонимическая система как проекция космологических и социальных представлений пратюрков»

АА Хак.ГЭ – Алтын-Арыг. Хакасский героический эпос / Запись и подготовка текста, статья, перевод и комментарий В.В.Майногашевой. М., 1988.

А Башк. Д – *Халикова Р.Х.* Антропонимы в башкирских документах XVIII в.// ОП. Уфа, 1973. 3.

А Башк. Ш – *Кусимова Т.Х.* Антропонимы в башкирских шежере//ОП. Уфа, 1973. 3.

Алт.ВО – *Каруновская Л.Э.* Из алтайских верований и обрядов, связанных с ребенком//Сб. Музея антропологии и этнографии [АН СССР]. VI. Л., 1927.

Арутюнова – *Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. М., 1998.

Батм.СДЕ – *Батманов И.А., Арагачи З.Б., Бабушкин Г.Ф.* Современная и древняя енисеика. Фрунзе, 1962.

Башк.ЛИ – *Кусимова Т.Х.* Башкирские личные имена в ревизских сказках 1859 г.//ОП. Саранск, 1976. 4.

Бегм.А Узб. – *Бегматов Э.* Антропонимика узбекского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1965.

Бик. БСР – *Бикбулатов Н.В.* Башкирская система родства. М., 1981.

Благова 1994 – *Благова Г.Ф.* «Бабур-наме»: Язык, прагматика текста, стиль. К истории чагатайского литературного языка. М., 1994.

Благова 1998а – *Благова Г.Ф.* Сравнительно-историческое изучение тюркской антропонимии в современной России: реальность и перспективы // RO. 1998. T. LI, z. 2.

Благова 1998б – *Благова Г.Ф.* К характеристике типов раннетюркских антропонимов // ВЯ. 1998. № 4.

Благова 1999 – *Благова Г.Ф.* «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика» и реконструкция пратюркской антропонимической системы // Электронные библиотеки и базы данных по истории Евразии в средние века. Вып. 7. М., 1999.

Благова 2000а – *Благова Г.Ф.* Пословица и жизнь: Личный фонд русских пословиц в историко-фольклористической ретроспективе. М., 2000.

Благова 2000б – *Благова Г.Ф.* Реконструкция пратюркской антропонимической системы в ареальном освещении // «У времени в плену»: Памяти С.С.Цельникера. М., 2000.

Благова 2003а – *Благова Г.Ф.* Мифолого-ассоциативный блок «непогоды» в тюркском эпосе: (Из наблюдений лингвиста) // Материалы конференции, посвященной вопросам тюркологии в рамках программы «Год Казахстана в России». СПб., 2003.

Благова 2003б – *Благова Г.Ф.* Тюркская антропонимия в аспекте этнолингвистики // Языки Евразии: этнокультурологический контекст / Материалы Всероссийской научно-теоретической конференции. 19–20 ноября 2003 г. Уфа, 2003.

БН 1857 – Бабер-намэ, или записки Султана Бабера / Изд. в подлинном тексте Н.И[льминским]. Казань, 1857.

БН 1958 – Бабур-наме: Записки Бабура. Ташкент, 1958.

Буд. I 2001 – *Будагов Р.А.* Язык и культура: Хрестоматия в трех частях. Ч. I: Теория и практика. М., 2001.

Бург.Джиен – *Бурганова Н.Б.* О системе народного праздника джиен у казанских татар//Исследования по исторической диалектологии татарского языка. Казань, 1982. 2.

Вес.Оном. – *Веселовский С.Б.* Ономастикон: Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974.

Винников И.Н. Легенда о призвании Мухаммеда в свете этнографии // Сергею Федоровичу Ольденбургу к 50-летию его научно-общественной деятельности. 1882–1932. Л., 1934.

ВК Ср.Аз. – *Задыхина К.Л.* Пережитки возрастных классов у народов Средней Азии//Родовое общество: Этнографические материалы и исследования. М., 1951.

ВМЖ – *Жирмунский В.М.* Тюркский героический эпос. Л., 1974.

Гаф.ИИ – *Гафуров А.* Имя и история: Об именах арабов, персов, таджиков и тюрков: Словарь. М., 1987.

Гафф. I – *Гаффаров А.* Персидско-русский словарь. Т. I. М., 1914.

Гордлевский 1968 – *Гордлевский В.А.* Избр. соч. Т. 4. М., 1968.

Гордл.ЛО Осм. – *Гордлевский В.А.* К личной ономастике у османцев // ДВ. М., 1913. Т. IV (отд. II).

ГРМС – Фамилии и прозвища//Гагаузско-русско-молдавский словарь. М., 1973. С. 604–611.

Даль – *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955.

Дан.Дж. Узб. – *Данияров Х.* Опыт изучения джекающих диалектов в сравнении с узбекским литературным языком. Ташкент, 1975.

ДБ Башк. – *Торма Й., Хисамитдинова Ф.Г.* Некоторые демоны болезней в традиционной башкирской этиологии // Türkologiya. Bakı, 1996. № 1–6.

ДВ Башк. – *Илимбетов Ф.Ф.* Личные имена как источник при изучении древних верований башкир//ОП. Уфа, 1973. 3.

Дж.ТГр.А – *Джикия М.С.* Тюркизмы в грузинском антропонимиконе: Дис. ... д-ра филол. наук. Тбилиси, 1995.

Джан.ВИ – *Джанузаков Т.* Ваше имя? Алма-Ата, 1989.

Дмитриев Н.К. 2001 – Николай Константинович Дмитриев: К 100-летию со дня рождения. М., 2001.

ДТС – Древнетюркский словарь. Л., 1969.

Дыр.Птица – *Дыренкова Н.* Птица в космогонических представлениях турецких племен Сибири // Культура и письменность Востока. Кн. IV. Баку, 1929.

Дыр.Умай – *Дыренкова Н.П.* Умай в культе турецких племен // Культура и письменность Востока. Кн. III. Баку, 1929.

Ефимова 1926 – *Ефимова А.* Материалы по телеутской свадьбе // Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР. Л., 1926. Вып. 1.

Жан., Ес. – *Жанұзақов Т., Есбаева К.* Қазақ есіндері: (Анықтама сөздік). Алматы, 1988.

И Алт.И – *Шатинова Н.И.* К истории алтайских имен // Этнография имен. М., 1971.

ИЭИ – Имя – Этнос – История. М., 1989.

Иванов, Топоров – *Иванов Вяч.Вс., Топоров В.Н.* Комментарий к описанию кетской мифологии // Кетский сборник. Мифология, этнография, тексты. М., 1969.

Каз.РЭ – Козы-Корпеш и Баян-Сулу. Кыз-Жибек. Казахский романтический эпос / Подг. текста М.Г.Гумаровой, С.А.Каскабасова; пер. С.А.Каскабасова, Н.С.Смирновой; коммент. С.А.Каскабасова, Н.С.Смирновой. М., 2003.

Калев.ЭНЭ – Калевипоэг: Эстонский народный эпос / Собр. и обраб. Фр.Крейцвальд; пер. с эст. Вл.Державин, А.Кочетков; предисл. Э.Нирка; примеч. Эд.Лаугасте. М., 1956.

Караулов и др. – *Караулов Ю.Н., Коробова М.М.* Индивидуальный ассоциативный словарь // ВЯ. 1993. № 5.

Кармышева 1987 – *Кармышева Б.Х.* К вопросу о культовом значении конных игр в Средней Азии // Прошлое Средней Азии: Археология, нумизматика и эпиграфика, этнография. Душанбе, 1987.

Кат.АУ – Алфавитный указатель собственных имен, встречающихся в первом томе Образцов народной литературы тюркских племен, собранных В.В.Радловым/Сост. Н.Ф.Катанов. СПб., 1888.

Кбал.РС – Карачаево-балкарские фамилии и собственные имена // Карачаево-балкарско-русский словарь. М., 1989.

КЗЯ – *Топорова Т.В.* Культура в зеркале языка: Древнегерманские двучленные имена собственные. М., 1996.

Кирг.ЛИ – Словарь киргизских личных имен: Практическое пособие [Мин-во юстиции КиргССР]. Фрунзе, 1979.

Кк.РС – Список мужских и женских имен//Каракалпакско-русский словарь. М., 1958. С. 772–779.

Ккалп.ЖИ – *Баскаков Н.А.* Элемент *gül* 'роза, цветок' в составе каракалпакских женских имен//Ономастика Средней Азии. М., 1978.

Кон.РТ – *Кононов А.Н.* Родословная туркмен. М.; Л., 1958.

КРБТ – Указатель собственных имен // Абду-с-Саттар казы: Книга рассказов о битвах текинцев. Туркменская историческая поэма XIX в. / Издал, перевел, примечаниями и введением снабдил А.Н.Самойлович. СПб., 1914 (Изд. ф-та вост. языков СПб. ун-та. № 34). С. 0144–0149.

Крейнович 1969 – Медвежий праздник у кетов // Кетский сборник: Мифология, этнография, тексты. М., 1969.

КРПС – Фамилии // Караимско-русско-польский словарь / Под ред. Н.А.Баскакова, А.Зайончковского, С.М.Шапшала. М., 1974. С. 674–680.

КС 1982 – Кетский сборник: Антропология. Этнография. Мифология. Лингвистика. Л., 1982.

КС 1995 – Кетский сборник: Лингвистика. М., 1995.

КСР Алт. – *Дыренкова Н.П.* Род, классификационная система родства и брачные нравы у алтайцев и телеут // Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР. Л., 1926. Вып. 1.

Ктат.А – *Данилова Л.В.* Некоторые материалы по крымскотатарской антропонимии // Türkologiya. Bakı, 1996. № 1–6.

Кур.ГА – [*Курогло С.С.*] Антропонимия // Курогло С.С., Дрон И.В. Современная гагаузская топонимия и антропонимия. Кишинев, 1989. С. 99–202.

Кызл.И Тув. – *Кызласов Л.П.* История Тувы в средние века. М., 1969.

ЛИ Башк. – *Кусимова Т.Х.* Из истории личных имен башкир//Личные имена в прошлом, настоящем, будущем. М., 1970.

ЛИ Як. – *Гриценко К.Ф.* Личные имена и прозвища у якутов//Антропонимика. М., 1970.

ЛОК – см. Сатыб.ЛОК.

М кн. 1 – Манас: Киргизский героический эпос. М., 1984. Кн. 1.

М кн. 3 – Манас: Киргизский героический эпос. Кн. 3 / Сост. и подг. текста Б.М.Юнусалиева, С.М.Мусаева; пер., коммент. А.С.Мирбадалевой, Н.В.Кидайш-Покровской. М., 1990.

Мак. – *Маковский М.М.* У истоков человеческого языка. М., 1995.

Махп.Уйг.ЮД – *Махпиров В.* Антропонимы уйгурских юридических документов // Исследования по уйгурскому языку. Алма-Ата, 1988.

Менаж. – *Менажиев Я., Азаматов Х., Абдураҳмонов Д., Бегматов Э.* Исмингизнинг маъноси нима? Тошкент, 1968. С. 33–99.

МК Алт.ГЭ – Маадай-Кара: Алтайский героический эпос / Запись текста, пер. на рус.яз. и прилож. С.С.Суразакова. М., 1973.

МНМ 1, 2 – Мифы народов мира: Энциклопедия. М., 1987. Т. 1: А–К. 1988. Т. 2: К–Я.

Молч. ЛИ Алт. – *Молчанова О.Т.* Мотивированные личные имена у алтайцев // Личные имена в прошлом, настоящем, будущем. М., 1970.

Молч.Топ.Ср.Аз. – *Молчанова О.Т.* Элемент *тай* в топонимии Средней Азии и смежных территорий//Ономастика Средней Азии. М., 1978.

МПС Кет. – Мифы, предания, сказки кетов. / Сост., предисл., коммент. и глоссарий Е.А.Алексеенко. М., 2001.

Мус.ЛТ – *Мусаев К.М.* Лексикология тюркских языков. М., 1984.

Мух.ЛО Турк. 1 – *Мухамедова З.Б.* К вопросу о личной ономастике у туркмен//Труды Ин-та языка и литературы [АН ТуркмССР]. Ашхабад, 1957. Вып. II.

Мух.ЛО Турк. 2 – *Мухамедова З.Б.* Личная ономастика у туркмен//Питання ономастики. Київ, 1965.

Надж.УРСл. – Мужские собственные имена. Женские собственные имена // Уйгурско-русский словарь / Сост. Э.Н.Наджип. М., 1968. С. 816–825.

Насилов 1970 – *Насилов В.М.* Ономастика охотничьего быта тувинцев, уйгуров и казахов // СТ. 1970. № 3.

Никитина – *Никитина С.Е.* Культурно-языковая картина мира в тезаурусном описании: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 1999.

Никитина, Кукушкина 2000 – *Никитина С.Е., Кукушкина Е.Ю.* Дом в свадебных причитаниях и духовных стихах: Опыт тезаурусного описания. М., 2000.

Олонхо – *Емельянов Н.В.* Сюжеты олонхо о родоначальниках племени. М., 1990.

ОНИ Башк. – *Кусимова Т.Х.* Некоторые обычаи наречения имен у башкир //ОП. Горький, 1971. 2.

ОП – Ономастика Поволжья. [1]. Ульяновск, 1969; 2. Горький, 1971; 3. Уфа, 1973; 4. Саранск, 1976.

ОРС – Список мужских и женских собственных имен//Ойротско-русский словарь / Сост. Н.А.Баскаков, Т.М.Тощакова М., 1947. С. 207–214.

Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: Западная группа, прикаспийские языки. М., 1982.

ОТ Каз.А – *Жанузаков Т.Ж.* Обычаи и традиции в казахской антропонимии//Этнография имен. М., 1971.

Отгл.А Тат. – *Саттаров Г.Ф.* Отглагольные антропонимы в татарском языке//ОП. Уфа, 1973. 3.

Петр.ЧДИ I – *Петров Л.П.* Этимология чувашских дохристианских имен. I // Исследования по этимологии и грамматике чувашского языка. Чебоксары, 1988 [НИИ ЯЛИЭ при Совмине Чув.АССР].

Петр.ЧДИ II – *Петров Л.П.* Этимология чувашских дохристианских имен. II //Там же.

Петр.ЧДИ III – *Петров Л.П.* Этимология чувашских дохристианских имен. III // Чувашский язык: история, этимология, фонетика. Чебоксары, 1991 [НИИ ЯЛИЭ при Совмине Чув.АССР].

Поппе 1934 – *Поппе Н.Н.* О древнемонгольской эпической литературе // Сергею Федоровичу Ольденбургу к 50-летию его научно-общественной деятельности. 1882–1932. Л., 1934.

Потапов – *Потапов Л.Н.* Умай – божество древних тюрков в свете этнографических данных / Тюркологический сборник 1972. М., 1973.

Р – *Радлов В.В.* Опыт словаря тюркских наречий: В 4 т. СПб., 1899–1911.

Рамазанова – *Рамазанова Д.Б.* Названия одежды и украшений в татарском языке. Казань, 2002.

Сад.ЛИ Аз. – *Садыхов З.А.* Личные имена в азербайджанском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Баку, 1975.

Самойлович 1911 – *Самойлович А.* Хивинская сатира на казак-киргизов // ЗВОРАО. Т. XX (1910). Вып. 1. СПб., 1911.

Самойлович 1911а – *Самойлович А.Н.* К вопросу о наречении имени у турецких племен // ЖС. СПб., 1911. Год XX (1911). Вып. 2.

Самойлович 1912 – *Самойлович А.Н.* Туркменские заговоры // ЖС. СПб., 1912. Год XXI. (отд. отт.).

Самойлович 1914 – *Абу-с-Саттар казы.* Книга рассказов о битвах текинцев. Туркменская историческая поэма XIX в. Изд., перевел, примечаниями и введением снабдил А.Н.Самойлович. СПб., 1914.

Сатт. – *Саттаров Г.Ф.* Татар исемнәре сүзлеге. Казан, 1981.

Сатт. 1998 – *Саттар-Мулюле Г.* Татар исемнәре ни сөйли? (Татар исемнәренең тулы анлатмалы сүзлеге). Казан, 1998.

Сатыб.ЛОК – *Сатыбалов А.А.* К вопросу о личной ономастике у кумыков // Сов. языкознание. Л., 1936. Т. 2.

СИГТЯ 1997 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Лексика. М., 1997; 2-е изд., доп. – М., 2001.

СЛИ – Сб. «Системы личных имен у народов мира». М., 1986.

СЛИ РСФСР – Справочник личных имен народов РСФСР. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1979.

СМС – *Кожевникова Н.А., Петрова З.Ю.* Словарь метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв. // ИАН ОЛЯ. 1994. № 4.

Стебл. 1971 – *Стеблева И.В.* К реконструкции древнетюркской религиозно-мифологической системы // Тюркологический сборник–971. М., 1972.

Стебл. 2002 – *Стеблева И.В.* Очерки турецкой мифологии: По материалам турецкой волшебной сказки. М., 2002.

Толстой 1997 – *Толстой Н.И.* Избранные труды. Т. 1: Славянская лексикология и семасиология. М., 1997.

Толстой, Толстая – *Толстой Н.И., Толстая С.М.* О словаре «Славянские древности» // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. / Под ред. Н.И.Толстого. Т. 1: А–Г. М., 1995.

Топоров – *Топоров В.Н.* О типологическом подобии мифологических структур у кетов и соседних с ними народов // Кетский сборник: Мифология, этнография, тексты. М., 1969.

Топорова – *Топорова Т.В.* Культура в зеркале языка: Древнегерманские двучленные имена собственные. М., 1996.

Трепавл. – Указатель имен // Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М., 2002.

Троцевич – *Троцевич А.Ф.* «Поединок Бога Грозы со Змеем» в корейской культуре // Петербургское востоковедение. Вып. 3. СПб., 1993.

Трощ. – *Трощанский В.Ф.* Опыт систематической программы для собирания сведений о дохристианских верованиях якутов // ЖС. 1911. Год XX. Вып. II.

Тув.ГС – Тувинские героические сказания / Сост., вступ. ст., подг. текста, подстрочный пер., коммент. и словари С.М.Орус-оол. Новосибирск, 1997.

Турк.ЛИ – Справочник туркменских личных имен / Отв.ред. Т.Тачмурадов, А.К.Курбанов. Ашхабад, 1989.

Фасмер – *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М., 1964–1973.

Хр.Чув. – Хрестоматия по культуре Чувашского края: Дореволюционный период / Сост. Н.И.Егоров, М.Г.Данилова. Чебоксары, 2001.

ХРС – Список мужских и женских имен // Хакасско-русский словарь. М., 1953. С. 348–356.

Чув.Ф – Сборник чувашского фольклора / Собирал и обрабатывал Д.Месарош / Пер. с венг. Ю.Дмитриевой. Чебоксары, 2000. Т. I: Памятники старой чувашской веры.

Шак.Башк.Ш – *Шакуров Р.З.* Ономастическое наследие в башкирских шежере // ОП. 3.

Шаниязов – *Шаниязов К.Ш.* К этнической истории узбекского народа. Ташкент, 1974.

ШН – Указатель личных имен // Мухаммед Салих. Шейбани-намэ / Джагатайский текст. Посмертн. изд. П.М.Мелиоранского. Под наблюдением и с предисл. А.Н.Самойловича. СПб., 1908 (Изд. ф-та вост. языков СПб. ун-та. № 27).

Щерб.ОН – *Щербак А.М.* Огуз-нāме. Муҳаббат-нāме: Памятники древнеуйгурской и староузбекской письменности. М., 1959.

Як.Ф – Якутский фольклор / Тексты и переводы А.А.Попова; вступ. ст. А.Н.Самойловича. Л., 1936.

Altaica VI – Altaica VI. M., 2003.

BN – The Bāber-nāma / Ed. By A.S.Beveridge. Leiden; London. 1905.

Kak.NPT – *Kakuk S.* Quelques catégories de noms de personne turcs //AOH. 1974. T. XXVIII. Fasc. 1.

Rás. – *Rásonyi L.* Der Frauenname bei den Türkvölkern // UAJb. 1964. Bd. XXXIV. H. 3–4.

Rás.NPI – *Rásonyi L.* Les noms de personnes imperatifs chez les peuples turques //AOH. 1962. T. XV. Fasc. 1–3.

Rás.NPT – *Rásonyi L.* Sur quelques catégories de noms de personnes en turc // ALH. 1953. T. III. Fasc. 3–4.

НАУЧНАЯ ПЕРИОДИКА

ВДИ – Вестник древней истории. М.

ВЯ – Вопросы языкознания. М. (Институт языкознания АН СССР).

ДАН – Доклады Академии наук СССР.

ДАН-В – Доклады Академии наук СССР. Серия В. М.; Л., 1922–1933.

ДВ – Древности восточные. Труды Восточной комиссии Имп. Московского археологического общества.

ЖС – Живая старина. СПб. (Отделение этнографии Имп. Русского географического общества).

ЗВО (или ЗВОРАО) – Записки Восточного отделения Имп. Русского археологического общества. СПб.

ИАН ОЛЯ – Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. М.

ИАН СССР – Известия Академии наук СССР. Л.; М.

ИВСОРГО – Известия Восточно-Сибирского отдела Имп. Русского географического общества. Иркутск.

ИРАН – Известия Российской академии наук.

СА – Советская археология. М. (Институт истории материальной культуры АН СССР).

СВ – Советское востоковедение. М. (Институт востоковедения АН СССР).

СТ – Советская тюркология. Баку (Академия наук СССР, Академия наук АзССР).

СЭ – Советская этнография. М. (Институт этнографии АН СССР).

ABAW – то же, что APAW.

ADAW – Abhandlungen der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Klasse für Sprachen, Literatur und Kunst. Berlin.

ALH – Acta Linguistica Hungarica. Budapest.

AO – Archiv orientální. Journal of the Chechoslovak oriental institute. Prague.

AO (Budapest) (или AOH, или AO Hung.) – Acta Orientalia Hungarica. Budapest.

AO Havn. – Acta Orientalia ediderunt Societate Orientales Danica – Norvegica Svecic (Le mondee oriental). Havniae.

APAW – Abhandlungen der preussischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse. Berlin.

BSOAS – Bulletin of Society of Oriental and African Studies. London.

CAJ – Central Asiatic Journal (International periodical for the language, literature, history and archeology of Central Asia). The Hague; Wiesbaden.

FUF – Finnisch-ugrische Forschungen. Helsinki.

JA – Journal asiatique. Paris.

JRAS – The Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britan and Ireland. London.

JSFOu – Journal de la Société Finno-ougrienne. Helsinki.

KCsA – Kőrősi Csoma Archivum. Budapest.

KSz – Keleti Szemle. Budapest.

MNy – Magiar Nyelv. Budapest.

MSFOu – Mémoires de la Société Finno-ougrienne. Helsinki.

OS – Orientalia Snecana. Stokholm.

RO – Rocznik orientalistyczny. Lwów, Kraków, Warszawa.

SPAW – Sitzungsberichte der Akademie der Wissenschaften zu Heidelberg. Heidelberg.

StO – Studia orientalia (или Studia orientalia fennica). Helsinki.

TDAY-B – Türk Dili ve Edebiyatı Araştırmaları. Istanbul.

UAJb – Ural-Altaische Jahrbücher. Wiesbaden.

WZdKM – Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. Wien.

ZDMG – Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. Leipzig.

ЯЗЫКИ И ДИАЛЕКТЫ

абак. – абаканский диалект хакасского языка
ав. – авестийский
аз. – азербайджанский
айск. – айский говор башкирского языка
акног. – акногайский диалект ногайского языка
акс. – аксуйский говор центрального диалекта уйгурского языка
алили – говор туркменского языка
алт. – алтайский
алт. Куманд. – кумандинский диалект алтайского языка
анатол. – анатолийский диалект турецкого языка
анаус. – анаусский говор туркменского языка
ар. – арабский
аргаяш. – аргаяшский говор восточного диалекта башкирского языка
арм.-кыпч. – язык армяно-кыпчакских памятников
асин. – асинский говор башкирского языка
астр.-ног. – язык астраханских ногайцев
афш. – афшарский
бак. – бакинский диалект азербайджанского языка
балк. – балкарский
бараб. – язык барабинских татар
башк. – башкирский
бельт. – бельтирский диалект хакасского языка
болг. – болгарский
буйнак. – буйнакский диалект кумыкского языка
булг. – булгарский
бургунд. – бургундский
бурз. – бурзянский говор башкирского языка
бух. – бухарский диалект узбекского языка
вах. – ваханский
гаг. – гагаузский
галт. – горноалтайский
глаз. – глазовский говор татарского языка
гольд. – гольдский (нанайский)
гор. – горный диалект марийского языка
даг. – дагурский
дем. – демский говор южного диалекта башкирского языка
джиз. – джизакский говор узбекского языка
дманис. – дманисский говор казахского диалекта азербайджанского языка
др.-тюрк. – древнетюркский
др.-уйг. (или ДУ) – древнеуйгурский
др.-яп. – древнеяпонский
дун.-булг. – дунайско-булгарский
ен. – енисейский
зор.п. – зорооастрийский пехлеви
и.-е. – индоевропейский
икан. – иканский говор узбекского языка
ик-сакм. – ик-сакмарский говор южного диалекта башкирского языка
иран. – иранский
ирт. – иртышский диалект сибирских татар
ишкаш. – ишкашимский
каз. – казахский
казан. – казанскотатарский
казмаш. – казмашский говор башкирского языка
кайт. – кайтакский диалект кумыкского языка
камас. – камасинский

кар. Г. (К.,Т.) – галицкий (крымский, тракайский) диалект караимского языка
караг. – карагасский
карач. – карачаевский
карш. – каршинский говор узбекского языка
кач. – качинский диалект хакасского языка
кашг. – кашгарский диалект уйгурского языка
кашк. – кашкайский
кбалк. – (или КБ) карачаево-балкарский
кирг. – киргизский
ккалп. – каракалпакский
ккирг. – каракиргизский
кмд. – кумандинский
койб. – койбальский диалект хакасского языка
конд. – кондомский диалект шорского языка
кор. – корейский
крх.-уйг. – караханидско-уйгурский
ктат. – крымскотатарский
кубаляк. – кубалякский говор башкирского языка
кум. – кумыкский
куман. – куманский
куманд. – кумандинский говор алтайского языка
курд. – курдский
куч. – кучарский говор уйгурского языка
кыз. – кызыльский диалект хакасского языка
кыпч. – кыпчакский
кырк. – кыркский говор узбекского языка
леб. – лебединский диалект алтайского языка
луг. – луговой диалект марийского языка
малк. – малкарский диалект карачаево-балкарского языка
манк. – манкентский диалект узбекского языка
маныш. – манышский говор туркменского языка
маньчж. (или ма.) – маньчжурский
мар. – марийский
миас. – миасский говор башкирского языка
миш. – мишарский диалект татарского языка
мияк. – миякский говор восточного диалекта башкирского языка
Мо – прамонгольский
мог. – могольский
монг. (или мо.) – монгольский
монгор. – монгорский
монч. – мончакский
морд. – мордовский
мрас. – мрасский диалект шорского языка
муг. – муганский говор азербайджанского языка
наманг. – наманганский говор узбекского языка
нан. – нанайский
нан. – нанайский
нахич. – нахичеванская группа говоров азербайджанского языка
негид. – негидальский
ниязбаш. – ниязбашский говор башкирского языка
ног. – ногайский
нострат. – ностратические
нуйг. (или н.-уйг.) – новоуйгурский
нух. – нухинский диалект азербайджанского языка
н.-чул. – нижнечулымский
ойр. – ойротский (см. алт.)
ордос. – ордосский
орок. – орокский
ороч. – орочский
орх. – орхонский

осет. – осетинский
осм. – османский
ОТ – общетюркский
ПА (или ПАлт.) – праалтайский
ПЕн. – праенисейский
письм.-монг. – письменно-монгольский
ПИЕ – праиндоевропейский
ПКор. – пракорейский
ПКыпч. – пракыпчакский
ПТ (или ПТюрк.) – пратюркский
ПЯп. – праяпонский
рум. – румынский
румел. – румелийский диалект турецкого языка
саг. – сагайский диалект хакасского языка
сал. – саларский
салыр. – салырский диалект туркменского языка
сальб. – сальбинский
сальют. – сальютский говор восточного диалекта башкирского языка
сальян. – сальянский диалект азербайджанского языка
самод. – самодийские языки
санскр. – санскритский
сарык. – сарыкский диалект туркменского языка
сельдж. – сельджукский
селькуп. – селькупский
сиб. – сибирскотатарский
сой. – сойонский (сойотский)
солон. – солонский
ср.-кыпч. – среднекыпчакский
ср.-монг. – среднемонгольский
ср.-огуз. – среднеогузский
ср.-перс. – среднеперсидский
ср.-чул. – среднечулымский
ср.-яп. – среднеяпонский
ставроп. – ставропольский говор туркменского языка
СТМ – прасеверно-тунгусо-маньчжурский
ст.-осм. – староосманский
ст.-слав. – старославянский
сюг. – сарыг-югурский
тагиб. – тагибский говор узбекского языка
тадж. – таджикский
таежн. – таежный говор тувинского языка
тал. – язык талассских рунических памятников
танып. – танынский говор башкирского языка
тар. – таранчи
тат. – татарский
ташк. – ташкентский говор узбекского языка
теке. – текинский диалект туркменского языка
теленг. – теленгитский диалект алтайского языка
телеут. – телеутский диалект алтайского языка
ТМ (или ПТМ) – пратунгусо-маньчжурский
тоб. – язык тобольских татар
тодж. – тоджинский диалект тувинского языка
тоф. – тофаларский
тох. – тохарский
тув. – тувинский
тунг.-маньчж. – тунгусо-маньчжурский
тур. – турецкий
турк. – туркменский
турф. – турфанский диалект уйгурского языка
тюм. – говор тюменских татар
тюрк. – тюркский
уд. – удэйский
удин. – удинский
удм. – удмуртский
узб. – узбекский
уйг. – уйгурский
уйг.-ур. – уйгуро-урянхайский
ульч. – ульчский

урал. – уральские
фин. – финский
ф.-кырг. – фуюйских кыргызов язык
хак. – хакасский
хал. – халаджский
халх. – халхасский
хам. – хамийский говор узбекского языка
хив. – хивинский диалект узбекского языка
хорас.-тюрк. – хорасано-тюркский
хорезм. – хорезмский говор узбекского языка
хотан. – хотанский диалект уйгурского языка
хрзм.-т. – хорезмско-тюркский
х.-сак. – хотано-сакский
чаг. – чагатайский
черн. – диалект черневых татар (туба)
чжурчж. – чжурчженьский
чув. – чувашский
чул. – чулымский
шахр. – шахрисябский говор узбекского языка
шем. – шемаханский диалект азербайджанского языка
шор. – шорский
эвен. – эвенский
эвенк. – эвенкийский
юрт. – язык юртовских татар
ЮТМ – южно-тунгусо-маньчжурский
ягноб. – ягнобский
як. (или якут.) – якутский
яп. – японский
ярк. – яркендский говор центрального диалекта уйгурского языка

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие ... 3
Введение ... 5

I. Очерк пратюркского языка-основы ... 9

Фонетика ... 9
Консонантизм ... 9
Реконструкция пратюркской системы согласных фонем ... 17
Противопоставление по ларингальным признакам ... 18
Реконструкция аффрикатного ряда ... 25
Реконструкция постпалатальных рядов ... 26
Реконструкция латерального ряда ... 26
Реконструкция дентальных сибилянтов ... 32
Реконструкция дрожащих ... 35
Реконструкция палатального носового ... 38
Реконструкция постпалатального носового ... 42
Реконструкция носовых в позиции конца слова ... 44
Реконструкция конечных сочетаний с велярным ... 48
Чувашская палатализация и пратюркская реконструкция ... 56
Ограничения на встречаемость консонантных фонем и фонетические импликации ... 62
Фонетическая характеристика раннепратюркской консонантной системы ... 66
Развитие пратюркской системы согласных фонем ... 67
Процессы, выделившие булгарскую группу ... 67
Вторичное озвончение начального дентального ... 68
Процессы развития вокально-консонантных комплексов со звонкими согласными ... 69
Распространение процессов внутри комплексов ... 116
Озвончение интервокальных и конечнослоговых глухих ... 118
*-*t*- (119), *-*k*- (124), *-*p* (137)
Оглушение конечного звонкого ... 144
Некоторые развития носовых согласных ... 148
Региональные развития общетюркской фонологической системы ... 150
Вокализм ... 152
Реконструкция пратюркской системы гласных фонем ... 157
Фонетическая система первого слога ... 158
*a (159), *e (162), *o (166), *ɥ (173), *u (179), *ь (184), *y (188), *i (191), *ę закрытый (194), *ẹ̊ огубленный (203), *ą закрытый (205), *ą̊ огубленный (208), пратюркские восходящие дифтонги (211)
Развитие пратюркской системы гласных фонем ... 224

Морфология 228
Имя 228
Число 228
Склонение 229
Посессивность 238
Аффиксы личного спряжения 238
Глагол 240
К реконструкции грамматических категорий глагола 240
Структура морфологических категорий тюркского глагола 240
Полифункциональность и специализация семантико-синтаксических функций глагольных форм 241
Семантико-грамматические различия функциональных форм глагола 244
К сложению временной системы глагола 247
К сложению системы личного спряжения 253
Глагольные формы вторичного слоя: производные образования, дополнительные функции. Адъективация. Финитизация 256
Аналитические формы глагола, выражающие категории способа действия и возможности / невозможности 260
К происхождению косвенных наклонений 261
Об истоках полифункционализма глагола 262
К представлениям о древнейших стадиях общетюркского праязыка: простейший синтаксис, происхождение частей речи, возникновение морфологии, зарождение грамматики 263
К реконструкции деривационных категорий глагола 268
К деривационной истории тюркского аффикса *-a* на фоне других алтайских языков 283
К деривационной истории тюркского аффикса *-i* на фоне других алтайских языков 301
К деривационной истории тюркского аффикса *-q-* на фоне других алтайских языков 313

II. Очерки по реконструкции картины мира пратюркского этноса по данным языка 326

Представления о небе, небесных телах и явлениях 326
Планеты Солнечной системы 334
Звезды 340
Созвездия 343
Другие небесные тела и явления 350
Климат 352
Атмосферные явления 352
Состояние погоды 353
Атмосферные осадки и смежные явления 359
Ветер и связанные с ним природные явления 366

Окружающая географическая среда 372
Растительный мир. Деревья и кустарники. Географическая локализация прародины тюрков по данным флористической лексики 387
Реконструкция «однозначных» названий растений и локализация тюркской прародины 390
Классификация семантических переходов в системе названий дикорастущих растений в тюркских языках....405
Реконструкция «неоднозначных» названий тюркских дикорастущих растений и описание пратюркского ландшафта....415
Деревья неплодовые....415
Деревья плодовые....427
Кустарники плодовые 429
Заключение....432
Хозяйственная деятельность. Земледелие....436
Типы поселений. Историческая эволюция 438
Материальный быт. Жилище....455
Материальный быт. Одежда 477
Война. Оружие....492
Социальная организация....519
Родство и свойство 536
Тюркские общие духовные понятия и ритуалы....562
Названия божеств и демонических существ....562
Божества 562
Духи 576
Мифические герои среднего мира....583
Демонические существа нижнего мира 586
Религиозная терминология и языческие обряды....591
Религиозные термины....591
Действия, характеризующие поклонение богам....600
Лексика, относящаяся к обрядам погребения....605
Лексика, относящаяся к магическим обрядам и кодовству....610
Символика чисел 629
Реконструкция фрагментов текста 637
Свидетельства о поэтической речи. Метрические схемы....639
Антропоморфная и зооморфная метафора в тюркских языках....648
Артефакты....649
Ландшафт....654
Антропонимическая система как проекция космологических и социальных представлений пратюрков....660
Пратюркская АС как проекция на человека мифологических представлений древних тюрков об окружающем мире....665
Верхний мир (космос)....665

Названия неба (Бога), небесных тел, атмосферных и метеорологических явлений 665
Средний мир в его связи с верхним миром 684
Неживая природа: названия природных объектов, металлов 684
Живая природа: названия растений, птиц 693
Живая природа: названия рыб и животных 711
Отражение в тюркской АС обряда инициации. Родственные и социальные отношения 733
Отражение в пратюркской АС переходной обрядности ранней стадии ...733
Проекция социума на человека в тюркской АС 747
О типологических схождениях и подобиях между тюркской, урало-алтайской и другими АС 751
Специфичность пратюркской АС, ее семантической структуры. Неравномерность территориально-языкового распределения ЛИ 754

III. Хронология тюркских языков и лингвистические контакты ранних тюрков 766

Пратюркская эпоха 772
Китайские заимствования в пратюркский 773
Возможные восточноиранские заимствования в пратюркский 777
Пратюркский и тохарский 781
Пратюркский и самодийский 783
Пратюркский и праенисейский 786
Общетюркская и древнетюркская эпохи 789
Среднекитайский и тюркский 791
Согдийский и тюркский 793
Среднеперсидский и тюркский 799
Новоперсидский и ранний тюркский 800
Новоиндийские языки и ранний тюркский 802
Межъязыковые контакты в раннесредневековом Синьцзяне 805
Среднетюркская эпоха 815

Заключение 818
Приложение 822
Принятые сокращения 860
Источники и литература 860
Научная периодика 899
Языки и диалекты 901

Научное издание

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ГРАММАТИКА ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка

Утверждено к печати
Ученым советом
Института языкознания РАН

Зав. редакцией *Е.Ю.Жолудь*

Редактор *М.Л.Береснева*
Художник *В.Ю.Яковлев*
Художественный редактор *Т.В.Болотина*

Изготовление оригинал-макета
А.В.Шеймович

Подписано к печати 26.01.2006
Формат 60×90¹/₁₆. Гарнитура Таймс
Печать офсетная
Усл. печ.л. 57,0. Усл. кр.-отт. 57,0. Уч.-изд. л. 62,3
Тираж 800 экз. (300 экз. – РГНФ). Тип. зак. 3135

Издательство "Наука"
117997, Москва, Профсоюзная ул. 90.

E-mail: secret@naukaran.ru
www.naukaran.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
В ГУП «Типография "Наука"»
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12